Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений
Общество «Мемориал»

ДОКУМЕНТЫ МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

1976—1982

Московская Хельсинкская Группа
Москва • 2006

УДК 329(470+571)
ББК 66.69(2Рос)+66.7(2Рос)
Д 63

Издание осуществлено при поддержке
программы Матра МИД Нидерландов и
Института изучения Восточной Европы
при Бременском университете
(Германия)

Автор вступительной статьи: *Л. М. Алексеева*
Составители: *Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин*
Авторы археографического предисловия: *Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин*
Подготовка текста и комментарии: *Д. И. Зубарев, Н. В. Костенко, Г. В. Кузовкин, А. А. Макаров*

Д 63 Документы Московской Хельсинкской группы / [Моск. Хельсинк. группа; о-во «Мемориал»; сост. Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин].– М. : Моск. Хельсинк. группа, 2006. — 592 с. : имен. указ. — ISBN 5-98440-30-8
I. Зубарев, Д. И., Кузовкин Г. В., сост.

Юбилейное издание, посвященное 30-летию Московской Хельсинкской группы, включает 228 документов, выпущенных МХГ с мая 1976 по сентябрь 1982 г. Комплекс документов одной из наиболее известных правозащитных ассоциаций советской эпохи – ценный источник по истории правозащитного, национальных и религиозных движений в СССР в этот период. Сборник снабжен комментариями и именным указателем.

Книга адресована историкам, социологам и правозащитникам, а также читателям, интересующимся истоками отечественного правозащитного движения.

© Московская Хельсинкская группа, о-во «Мемориал», 2006
© Алексеева Л. М., вступительная статья, 2001
© Зубарев Д. И., Кузовкин Г. В., составление и археографическое предисловие, 2006
© Зубарев Д. И., Костенко Н. В., Кузовкин Г. В., Макаров А. А., комментарии, 2006

ISBN 5-98440-30-8

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Алексеева. О документах Московской Хельсинкской группы . . . 5
Геннадий Кузовкин, Дмитрий Зубарев. От составителей 21

Документ № 1 24
Документ № 2 28
Документ № 3 33
Документ № 4 53
Документ № 5 57
Документ № 6 78
Документ № 7 82
Документ № 8 84
Документ № 9 86
Документ № 10 91
Документ № 11 97
Документ № 12 98
Документ № 13 101
Документ № 14 113
Документ № 15 122
Документ № 16 134
Документ № 17 159
Документ № 18 168
Документ № 19 170
Документ № 20 180
Документ № 22 189
Документ № 23 207
Документ № 24 224
Документ № 27 242
Документ № 28 244
Документ № 30 244
Документ № 31 247
Документ № 33 251
Документ № 34 252
Документ № 35 253
Документ № 36 254
Документ № 37 255
Документ № 38 257
Документ № 39 259
Документ № 40 260
Документ № 41 261
Документ № 42 262
Документ № 43 262
Документ № 45 264
Документ № 46 266
Документ № 47 268
Документ № 48 272
Документ № 49 273
Документ № 50 276
Документ № 51 278
Документ № 52 279
Документ № 53 280
Документ № 54 284
Документ № 55 285
Документ № 56 286
Документ № 57 290
Документ № 58 291
Документ № 59 292
Документ № 61 296
Документ № 62 298
Документ № 63 302
Документ № 65 304
Документ № 66 306
Документ № 67 309
Документ № 68 314
Документ № 69 316
Документ № 70 318
Документ № 71 321
Документ № 72 322
Документ № 74 324
Документ № 75 326
Документ № 76 328
Документ № 77 333
Документ № 78 334
Документ № 79 337
Документ № 80 339
Документ № 81 340
Документ № 82 341
Документ № 83 343
Документ № 84 344
Документ № 85 346
Документ № 86 350
Документ № 87 351
Документ № 88 369
Документ № 89 371
Документ № 90 373
Документ № 91 373
Документ № 92 375
Документ № 93 376
Документ № 94 378
Документ № 95 379
Документ № 96 381

Документ № 97 383
Документ № 98 386
Документ № 99 392
Документ № 99[а] 394
Документ № 100 400
Документ № 101 411
Документ № 102 413
Документ № 103 416
Документ № 104 417
Документ № 106 418
Документ № 107 419
Документ № 108 420
Документ № 109 422
Документ № 111 424
Документ № 112 426
Документ № 113 428
Документ № 114 429
Документ № 115 431
Документ № 116 433
Документ № 117 436
Документ № 118 438
Документ № 119 439
Документ № 120 441
Документ № 121 442
Документ № 122 444
Документ № 123 444
Документ № 124 446
Документ № 127 447
Документ № 128 449
Документ № 129 451
Документ № 130 452
Документ № 131 454
Документ № 132 457
Документ № 133 459
Документ № 134 461
Документ № 135 461
Документ № 136 462
Документ № 137 463
Документ № 138 464
Документ № 139 466
Документ № 140 467
Документ № 141 469
Документ № 142 470
Документ № 143 471
Документ № 144 473
Документ № 145 475
Документ № 146 477
Документ № 147 478
Документ № 148 480
Документ № 149 482
Документ № 150 487
Документ № 151 488
Документ № 152 492
Документ № 153 495
Документ № 154 496
Документ № 155 498
Документ № 156 501
Документ № 157 502
Документ № 158 503
Документ № 159 504
Документ № 160 506
Документ № 161 508
Документ № 162 509
Документ № 163 510
Документ № 164 511
Документ № 165 513
Документ № 166 514
Документ №167 515
Документ № 168 516
Документ № 169 517
Документ № 170 518
Документ № 171 521
Документ № 172 521
Документ № 173 523
Документ № 174 524
Документ № 175 526
Документ № 176 527
Документ № 177 528
Документ № 178 530
Документ № 179 532
Документ № 180 533
Документ № 181 534
Документ № 182 536
Документ № 183 538
Документ № 184 541
Документ № 185 542
Документ № 187 544
Документ № 188 546
Документ № 189 547
Документ № 190 548
Документ № 191 549
Документ № 192 550
Документ № 193 552
Документ № 194 553

Комментарии 556
Именной указатель 571
Список сокращений 590

Людмила Алексеева

О ДОКУМЕНТАХ МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР заявила о своем создании 12 мая 1976 г. В заявлении, переданном западным корреспондентам в Москве, (док. 1[1]), сообщались имена и адреса основателей Группы и ее руководителя профессора Юрия Орлова и разъяснялись цели Группы. Исходя из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, мы намеревались информировать правительства, подписавшие Заключительный акт в Хельсинки, и общественность этих стран о случаях прямых нарушений гуманитарных статей Заключительного акта в Советском Союзе.

Группа выразила надежду, что ее информация будет учитываться при официальных встречах, предусмотренных Заключительным актом в пункте «Дальнейшие шаги после Совещания». При этом прежде всего имелись в виду конференции, которые, согласно Заключительному акту, должны собираться раз в два года для проверки выполнения взаимных обязательств по Хельсинкским соглашениям, т.е. Белградская, Мадридская и соответствующие последующие конференции.

Группа назвала себя Группой *содействия* выполнению Хельсинкских соглашений, чтобы подчеркнуть свою лояльность по отношению к властям и волю ее членов к сотрудничеству с ними при добросовестном отношении с их стороны к выполнению подписанных в Хельсинки обязательств по правам человека.

Члены Группы призвали общественность других стран — участниц Совещания в Хельсинки создать аналогичные группы содействия, поскольку нарушения гуманитарных статей Заключительного акта властями возможны в каждой стране.

К Белградской конференции Группа успела подготовить свыше 60 документов (в т.ч. 26 нумерованных). К Мадридской конференции общее число документов Группы превысило 170 (138 — нумерованных). Всего за 6 с небольшим лет своего существования МХГ выпустила более 230 документов (в т.ч. 195 нумерованных).

Документы Группы составлялись на основании заявлений в Группу советских граждан (в заявлении об основании Группы высказывалось намерение действовать на основании письменных заявлений в Группу, но на практике учитывались и устные обращения).

Иногда мы получали информацию по цепочке — от знакомого к знакомому, и эта цепочка иной раз состояла из многих звеньев. Иногда, хоть и редко, доходили письма по почте, содержавшие соответствующие жалобы, иногда прорывались телефонные звонки из других городов — с сообщениями об арестах, обысках, помещениях в психбольницы, но телефоны почти у всех членов Группы были отключены. К нам приезжали с жалобами, подчас издалека, люди, которых мы назвали старым русским словом «ходоки». Некоторые из них сообщали о нарушениях их собственных прав или прав близких людей (например, права на эмиграцию), некоторые же появлялись как представители значительных групп населения, например пятидесятников, которых в СССР насчитывалось до полумиллиона, а некоторые — как представители целых народов (крымских татар, месхов). Ходоки принадлежали к разным социальным слоям, большинство из них — рабочие, мелкие служащие, иногда крестьяне.

Содержание документов МХГ определялось не пристрастиями ее членов, а тем, какой материал поступил, мы же выполняли лишь функции его регистраторов и конт-

[1] Здесь и далее в скобках приведены номера документов МХГ по сквозной нумерации настоящего сборника. — *Сост.*

ролеров истинности переданных сведений. Так, очень существенную часть документов Группы составляют сообщения о религиозных преследованиях, хотя почти все члены Группы неверующие. Но к нам обращались и баптисты, и пятидесятники, и Свидетели Иеговы, и адвентисты, и католики, и православные — и появлялись соответствующие документы.

Поясню, каким образом члены Группы проверяли поступающую в Группу информацию.

Самый простой случай, когда жалобщики подтверждали сообщаемые ими факты нарушения прав граждан со стороны властей официальными документами.

Так, документ № 5 (док. 9) о преследованиях религиозных семей, где приводятся случаи лишения баптистов родительских прав на том основании, что они воспитывают детей в своей вере, а не в духе коммунистической морали, как полагалось по советскому Кодексу о браке и семье, включает тексты судебных приговоров, резолюции коллективов предприятий, характеристики, выдаваемые детям в школе. Эти подлинные документы были переданы в Группу и послужили основой документа.

Второй пример — документ № 70 (док. 104), в котором сообщается об усилении и расширении репрессий против правозащитников и инакомыслящих, в том числе о судах над рабочими Н. Шаталовым (Краснодарский край), В. Коновалихиным (Калининградская обл.), Е. Бузинниковым (Гомельская обл., Белоруссия). В приложениях к документу № 70 приведены полные тексты вынесенных им приговоров.

Были случаи, когда мы основывали свои утверждения о нарушениях прав человека, цитируя тексты закрытых служебных инструкций. Так в документе № 3 (док. 7) об условиях содержания узников совести приводятся сведения о нормах питания в советских тюрьмах и лагерях и описывается принятая там система наказаний. Фрагменты текста неопубликованных инструкций были получены нами от бывших политзаключенных, которые собрали их из ответов тюремной и лагерной администрации на свои жалобы по поводу плохого питания или наказаний, в этих ответах имелись ссылки на инструкции или даже цитаты из них. Кроме того, в течение нескольких лет мы собирали свидетельства людей, отбывших срок в политических лагерях и тюрьмах, о режиме, питании, наказаниях в местах заключения, и этот массовый материал подтверждал истинность текстов инструкций, использованных нами в документе № 3.

Использованная в документе № 6 (док. 12) неопубликованная часть инструкции о правилах прописки политзаключенных, отбывших срок наказания, на основании которой осуществляется дискриминация в выборе места проживания внутри страны, была напечатана в «Хронике текущих событий» (№ 34), и истинность текста проверена тем, что места жительства *всех* политзаключенных после отбытия срока наказания определяются именно так, как положено по этой инструкции. Неполный список людей, которым место жительства определила эта инструкция, приведен в документе № 6.

Самыми трудными для нас случаями проверки истинности сведений были те, когда никаких документальных подтверждений не имелось — потому что нарушение прав человека было осуществлено фактически без фиксации в каких-либо официальных постановлениях (скажем, по телефонному звонку «сверху»), а это очень распространенное явление у нас в стране.

В таких случаях мы проверяли устные свидетельства на местах.

Так, рассказы обратившихся в Группу пятидесятников о религиозных преследованиях проверили по поручению Группы Лидия Воронина и Аркадий Полищук, совершившие поездки по общинам пятидесятников на Северном Кавказе и на Дальнем Востоке (см. документы №№ 11 и 23 (док. 24, 58)).

Я сама ездила в Литву для проверки сведений о религиозных преследованиях, поступивших от литовских католиков. Эти сведения легли потом в основу документа № 15 (док. 31) нашей Группы, написанного совместно с Литовской Группой.

Для примера расскажу, как проверялся материал документа № 15.

Нам сообщили, что в Вильнюсе исключены из старшего класса 7 мальчиков, и причина исключения — посещение церковной службы и визиты в дом известного католического деятеля Литвы Виктора Пяткуса (впоследствии он стал членом Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений).

В Советском Союзе среднее образование являлось обязательным, и всем было известно, как трудно добиться исключения из школы даже такого ученика, который фактически бросил школу, или такого, который презрел все нормы поведения в школе, а тут сразу семеро из одной школы, да к тому же на последнем году обучения.

Имея список исключенных, я отправилась на прием к министру просвещения Литовской ССР Л. Римкусу. Меня сопровождал Томас Венцлова, известный литовский диссидент, ставший впоследствии членом Литовской Хельсинкской группы.

Я сказала министру, что я — член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и меня интересуют причины исключения семерых учеников из вильнюсской школы.

Министр, видимо, не слушал передач зарубежных радиостанции, поэтому ничего не слыхал о нашей Группе и согласился дать объяснения. Они хулиганы, утверждал он. Но он не смог ответить на вопрос, какие именно проступки послужили причиной исключения каждого из семерых мальчиков. «Я знаю дело лишь в общих чертах», — сказал он.

«Наверное, мне смогут ответить руководители школы, — сказала я, и министр подтвердил это, подчеркнув, что в этом случае «все законно». Законно — это значит, что имеется протокол заседания педагогического совета школы, которому предоставлено право ходатайствовать об исключении перед работниками районного отдела народного образования. В протоколе должны быть описаны проступки, за которые намереваются исключить ученика, и приведены результаты голосования членов совета.

И мы отправились в школу, чтобы ознакомиться с этим документом.

Нас встретил заведующий учебной частью Добинас.

Прежде всего я попросила показать мне протокол заседания педсовета, но, по словам завуча, его в школе не было. «Секретарь взял его домой переписать», — утверждал он, хотя с момента исключения прошло более месяца. «А нельзя ли послать за протоколом кого-нибудь?» «Нет, мне известно, что там сейчас никого нет дома».

Завуч вызвал четверых учителей и воспитателей, и я попросила каждого из них объяснить мне причины исключения. Они давали путаные и противоречивые объяснения, из которых не представлялось возможным выяснить суть дела.

Тогда я встретилась с исключенными мальчиками и несколькими их одноклассниками, и они рассказали, что в течение прошлого учебного года этих семерых учеников несколько раз вызывали через завуча с уроков — то по требованию сотрудника КГБ старшего лейтенанта Вербицкаса, то по требованию капитана милиции Семенова. Те уводили их на допросы, где всех их спрашивали примерно об одном и том же: ходят ли они в костел и слушают ли передачи радиостанции «Ватикан», а также требовали, чтобы мальчики объяснили, зачем они навещают Викторaса Пяткуса. В милиции капитан Семенов кричал на ребят, уснащая свою речь нецензурными словами; в КГБ старший лейтенант Вербицкас был вежлив, но оба угрожали, что если мальчики не дадут компрометирующих показаний на Пяткуса, в институт им не поступить, а одного из них — Богушиса — даже пугали детской колонией.

Мальчики отказывались дать лжесвидетельства и заявили, что не перестанут посещать церковь.

Когда после летних каникул они появились в школе, им было объяснено, что они исключены, но ни они, ни их родители не могли добиться, чтобы им показали решение педагогического совета школы.

На основании всех этих бесед был составлен документ № 15, в котором было сказано: «Есть основания полагать, что исключение было произведено по указанию органов госбезопасности».

Однако не всегда у нас была возможность непосредственной проверки сообщаемых нам данных. Иногда Группа включала в свои документы сообщения граждан о нарушениях их прав только на основании их свидетельств (например, об устных отказах в ОВИРе, об избиениях в тюрьме и т.п.). Мы многократно обращались с просьбой к правительствам и общественности стран, подписавших Хельсинкские соглашения, добиваться создания международной комиссии для проверки всех сообщенных Группой фактов о нарушениях советскими властями обязательств по гуманитарным статьям Заключительного акта.

Расскажу, как Группа рассылала свои документы.

Сначала мы делали на пишущей машинке (других средств размножения своих материалов мы не имели) 35 экземпляров каждого документа и посылали их по почте заказными письмами с уведомлением о вручении: 1 экземпляр в канцелярию Л. И. Брежнева, а остальные — в соответствующие посольства в Москве. Так разослали мы шесть своих документов. Но получили только 6 уведомлений о вручении — из канцелярии Брежнева. Остальные конверты (34 x 6 = 204) не дошли по назначению. Тогда мы перестали пользоваться советской почтой для рассылки в посольства, а стали искать возможностей передать наши материалы через людей, имеющих доступ к послам государств, участвовавших в Хельсинкском совещании, и через западных корреспондентов в Москве.

Сотрудники Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе Конгресса США взяли на себя труд по переводу наших документов на английский язык и рассылке их правительствам стран — партнеров по Хельсинкским соглашениям, а также заинтересованным общественным организациям.

МХГ основали 11 участников правозащитного движения. Позже в нее вступили еще 11 человек.

Трое из основателей Группы были арестованы в преддверии Белградской конференции. Руководитель Группы Юрий Орлов и Александр Гинзбург были арестованы в феврале 1977 г., Анатолий Щаранский — в марте. Они были осуждены соответственно: на 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки; на 8 лет лагеря особого режима; и на 3 года тюрьмы и 10 лет лагеря строгого режима.

В мае 1978 г. была осуждена на 2 года ссылки Мальва Ланда, в июле сослали на 5 лет Владимира Слепака. В 1979 г., в преддверии Мадридской конференции, был арестован Виктор Некипелов. В 1980 — вновь Мальва Ланда (освободившаяся из ссылки по амнистии), Татьяна Осипова и Леонард Терновский, в 1981 — Феликс Серебров, Анатолий Марченко и Иван Ковалев.

Петр Григоренко был лишен советского гражданства в феврале 1978 г., когда он находился за границей, куда выехал для лечения. Шесть членов МХГ эмигрировали, кто добровольно, а кто вынужденно (Виталий Рубин, Михаил Бернштам, Людмила Алексеева, Юрий Мнюх, Сергей Поликанов, Юрий Ярым-Агаев).

После возбуждения уголовного дела против Софьи Каллистратовой, она и два других члена МХГ, оставшихся в СССР на свободе, Елена Боннэр и Наум Мейман, в сентябре 1982 приняли решение о самороспуске Группы. В августе 1984 (уже после самороспуска Группы) Елена Боннэр была приговорена к 5 годам ссылки.

* * *

Документы МХГ можно разделить тематически на несколько разделов, соответствующих обязательствам по гуманитарным статьям Заключительного акта:

I. О равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой;
II. Свобода выбора места проживания;
III. Свобода выезда из страны и право возвращения в нее;
IV. Свобода совести;
V. Право знать свои права и действовать в соответствии с ними;
VI. Политзаключенные;
VII. Контакты между людьми;
VIII. Право на справедливый суд;
IX. Социально-экономические права, подтвержденные Всеобщей декларацией прав человека и Международными пактами о правах, одобренными Советским Союзом.
X. Предложения МХГ Белградской и Мадридской конференциям, направленные на улучшение контроля за выполнением обязательств по гуманитарным статьям Заключительного акта.

Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой

МХГ недвусмысленно высказывалась за строгое соблюдение национального равноправия и права всех народов распоряжаться своей судьбой.

Для Советского Союза — многонационального государства — это являлось проблемой первостепенной важности. Она отражена в документах №№ 1, 10 (а также в заявлении «Об образовании Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений»), 18, 19, 24, 43, 82, 112, 142, 170, 184 (док. 2, 19, 21, 44, 45, 60, 78, 115, 146, 175, 204, 218).

Вслед за Московской Хельсинкской группой, как известно, возникли аналогичные группы на Украине, в Литве, Грузии и Армении, т. е. в республиках с наиболее развитыми национальными движениями. Соответствующие жалобы в основном поступали в эти группы. Так, документы Украинской Хельсинкской группы почти все посвящены проблеме неравенства Украины и украинцев в составе Советского Союза.

МХГ всемерно поддерживала своих коллег в других республиках. Заявления о создании этих групп были сделаны в Москве, на пресс-конференциях МХГ. Сообщая о создании Украинской Хельсинкской группы, члены МХГ писали:

«Мы обращаем внимание на то, что перед всеми, кто пытается на территории Украины собирать и передавать общественности информацию о нарушениях прав человека, тем более перед теми, кто хочет передавать эту информацию главам правительств, — поставлены исключительные преграды, противоречащие духу и букве Хельсинкских соглашений.

Несмотря на то, что Украина — формально полноправный член ООН, она не была приглашена на совещание в Хельсинки; в ее столице практически не представлены корреспонденты западной прессы; фактически нет и дипломатических представителей, способных принять информацию.

Бесполезно также посылать информацию о нарушениях гуманитарных статей Заключительного акта по почте: мы имеем доказательства, что письма такого содержания не доставляются адресатам.

Образование Украинской общественной группы содействия является в условиях Украины актом большого мужества.

В первый же день образования Группы был организован бандитский налет на квартиру Миколы Руденко и была ранена камнем член Группы Оксана Мешко. Мы обращаем внимание на опасность использования *уголовных методов* по отношению к такой Группе, образование и деятельность которой строго соответствуют духу и букве Заключительного акта и против которой трудно возбудить судебное преследование. Мы просим мировую общественность выступить в защиту Украинской группы и в дальнейшем не выпускать ее из своего поля зрения.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР будет помогать Украинской группе в передаче информации корреспондентам и представителям глав правительств, подписавших Заключительный акт» (док. 19).

Московская группа постоянно была внимательна к положению на Украине: в более чем 30 документах МХГ отмечены известные Группе случаи преследований на Украине, значительная часть этих материалов относится к участникам украинского национального движения: обращение «В защиту Валентина Мороза», документы №№ 3, 6, 12, 13, 17, 31, 47, 59, 61, 67, 78, 79, 82, 100, 102, 132, 157, 163 (док. 6, 7, 12, 26, 27, 42, 66, 81, 94, 95, 101, 111, 112, 115, 136, 138, 165, 191, 197).

В документах Московской Хельсинкской группы отмечены также все известные Группе случаи осуждения по политическим мотивам в Литве, и, конечно, факты преследования членов Литовской Хельсинкской группы: документы №№ 15, 56, 100, 111 (док. 31, 90, 136, 145). Из других республик, в том числе из Грузии и Армении, в Москву поступало гораздо меньше информации, и этим объясняется, что в документах МХГ относительно этих республик речь идет почти исключительно о преследованиях членов Грузинской и Армянской Хельсинкских групп: документы № 47, 78, 100, 103, 142 (док. 81, 111, 136, 139, 175).

О нарушениях равенства по национальному признаку речь идет в документе № 19 (док. 45) — о срыве семинара по еврейской культуре.

Согласно переписи населения 1979 г., в Советском Союзе насчитывалось более 2 млн. евреев. Еврейский народ находился в неравноправном положении по сравнению с другими национальными меньшинствами, в частности, было нарушено его право на развитие национальной культуры.

В СССР не было еврейских школ, не имелось ни одного национального театра или каких-либо других культурных центров. Существовали лишь одна газета (областная «Биробиджанер Штерн» — «Биробиджанская звезда») и один журнал («Советиш Геймланд» — «Советская родина») на идиш и ни одного печатного органа на иврите. Положение ухудшалось год от года в силу естественных причин: умирали люди, знавшие иврит и идиш, еврейскую литературу, историю, национальные традиции и обычаи, а изучению языка, истории и культуры своего народа как детьми, так и взрослыми, власти препятствовали самыми различными способами. Не существовало курсов изучения иврита и идиш, преподавание иврита частным образом преследовалось, не издавались книги по истории и культуре евреев, учебная и иная литература; литература на иврите, как и литература по еврейской истории и культуре, при обыске конфисковывалась. «Библия — не только священная книга двух религий, но и история, и эпос еврейского народа, стала библиографической редкостью и также нередко конфискуется при обысках... « (док. 45).

Документ № 112 (док. 146) указывает на дискриминацию евреев в области образования: в Московском университете была налажена система проваливания евреев на вступительных экзаменах.

Дискриминация крымских татар тоже проявлялась в области культуры и образования:

«Фактическая политика в отношении крымскотатарского народа направлена на постепенную ликвидацию его как исторически сложившейся национальной культуры и ассимиляцию.

Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо выселенных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения из Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован институт, занимавшийся исследованиями в области крымскотатарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари.

С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымскотатарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная).

Очевидно, власти рассчитывают на ассимиляцию крымских татар населением среднеазиатских республик. Но поскольку политика ассимиляции встречает сопротивление крымских татар, то она является нарушением «прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия...» (пункт VII, раздела 1-а)».

Документ № 10 (док. 22) констатировал:

«Крымские татары предпринимают мирные и основанные на законе усилия по сохранению своей нации и культуры. Только за это и именно за это они подвергаются преследованиям со стороны властей. Наиболее жестокие преследования обрушились на тех, кто пытается вернуться на свою историческую родину — в степную часть Крыма, к сельскохозяйственным работам в привычных условиях».

Борьба крымских татар за возвращение на историческую родину — в Крым — послужила темой нескольких документов МХГ, которые мы рассмотрим в следующем разделе.

Свобода выбора места проживания

Документы №№ 10, 24, 43 и 60[1] (док.22, 60, 78) посвящены борьбе крымских татар за возвращение в Крым. МХГ утверждает, что в данном случае имеет место грубое нарушение свободы выбора места проживания по национальному признаку:

«В степном Крыму, где постоянно ощущается нехватка рабочих рук и куда местные власти вынуждены приглашать переселенцев из Украины и России, крымские татары встречаются с чрезвычайными препятствиями при нотариальном оформлении покупки дома, в прописке и устройстве на работу... Купленные крымскотатарскими крестьянами дома власти разрушают бульдозерами, кормильцев семьи не принимают на работу, даже многодетные семьи выгоняют из домов, оставляя без крова; высылают, а наиболее упорных «возвращенцев» арестовывают и осуждают на ссылку или лишение свободы» (док. 22).

«За время, истекшее со времени издания Указа «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму [Указ Президиума Верховного Совета СССР от от 5 сентября 1967 г., реабилитировавший крымских татар, обвиненных в 1944 г. в «измене родине»] <…> смогли вернуться на родину и прописаться только 1409 семей (7–8 тысяч человек). Сколько же времени потребуется на возвращение в Крым всего народа, если уже сегодня его численность — свыше полумиллиона? 650 семей живет без прописки. Многие из них добиваются прописки уже по два-три года».

Над непрописанными висит постоянная угроза голода, так как без прописки на работу не берут. Власти, основываясь на том, что земля — государственная собственность, отбирают у крымских татар, которым удалось купить дом, приусадебные участки. Против крымских татар настраивают местных жителей, распуская слухи, что они действительно изменяли во время войны, хотя Указом от 5 сентября 1967 г. они реабилитированы. Власти не только не защищают их от хулиганов, воров и т. п., но натравливают на них, а при жалобах в милицию страдают жалобщики. (док. 60)

В документе № 43 (док. 78) приводится текст официального документа — ответа на запрос, сможет ли крымский татарин Мустафа Джемилев, после освобождения из лагеря (он отбыл несколько сроков за участие в борьбе крымскотатарского народа за возвращение в Крым) быть направленным в Крым, где проживали его родители:

[1] См. прим. к документу № 61 (док. 95). — *Сост.*

«Родители осужденного Джемилева Мустафы проживают на территории Белгородского района с грубейшим нарушением паспортного режима и без прописки. Как спецпереселенцам им прописка в Крыму ограничена. В связи с вышеизложенным направлять в Крым Джемилева М. нецелесообразно, так как ему в прописке будет отказано».

В аналогичном с крымскими татарами положении находились месхи, небольшая народность, проживавшая на юге Грузии и выселенная оттуда, как и татары из Крыма, в 1944 г. по обвинению в «измене». Месхам тоже было запрещено возвращаться в родные места и вообще селиться на территории Грузии. МХГ получила от руководителей движения месхов за возращение на родину подписные листы с более чем 1100 подписями глав семейств, составляющих 7, 5 тысяч месхов, с просьбой о содействии возвращению месхов если не в Месхетию, то хотя бы в Грузию, причем они выражали готовность перебраться в любой район, пусть небольшими группами и в разные села. Однако власти полностью игнорировали их просьбы и предложения. С 1967 г., когда месхи начали свою борьбу за возвращение на родину, никто из них не вернулся в родные края.

Однако советские власти нарушали право свободного выбора места проживания внутри страны не только по национальному признаку, но и в качестве кары за убеждения. Бывшие политзаключенные ограничивались в выборе места проживания. Им запрещалось жить в городах, районах и местностях, перечень которых был определен специальными решениями правительства, и включал Москву, Ленинград, столицы союзных республик и «режимные» города, т. е. почти все крупные города СССР и пограничные районы. Эти ограничения, введенные еще в сталинские времена, были подтверждены секретным пунктом 5 постановления Совета министров СССР от 28 августа 1974 г. В документе № 6 (док. 12) это расценивается как продление кары за убеждения после отбытия наказания, определенного судом. Для жителей больших городов (а они составляли существенную часть политзаключенных) этот запрет оборачивался не только стеснением выбора места проживания, но и насильственным разделением семьи.

Еще более, чем у крымских татар, месхов и бывших политзаключенных, была стеснена свобода выбора места проживания колхозников. Если трем перечисленным выше категориям советских граждан запрещалось селиться в определенных местах, то колхозники могли жить только в пределах своего колхоза. У колхозников не было паспортов[1], без которых они не могли получить прописку, а без прописки нельзя было жить нигде, так как это нарушение паспортного режима (который сам по себе является стеснением свободы выбора места проживания) каралось вплоть до лишения свободы сроком на 1 год. Положению колхозников посвящены документы №№ 9, 49 и 63 (док. 16, 83, 97).

«Отсутствие в «Примерном Уставе колхоза», являющимся обязательным для всех колхозов СССР, категорического подтверждения права колхозников на выход из колхоза дает возможность насильственного удержания колхозников вопреки их желанию в колхозе» — констатирует МХГ в документе № 63 (док. 97).

«Именно в таком положении насильственно прикрепленных к земле оказались пять семей колхозников-евреев в количестве 41 человека из поселка Ильинка Казанского сельсовета Таловского района Воронежской обл.... Они подали заявления о выходе из колхоза и потребовали, согласно Уставу, созыва общего собрания или собрания уполномоченных для рассмотрения вопроса об их выходе из колхоза... Собрание 86 голосами против 17 приняло решение «не отпускать подавших заявления из колхоза». Никому из подавших заявления о выходе не дали возможности выступить на собра-

[1] До сер. 1970-х — *Сост.*

нии. Районная прокуратура в ответ на жалобу ответила, что «нарушений колхозной демократии в решении этого вопроса не было», примерно таким же был ответ областной прокуратуры. Прокуратура РСФСР вернула жалобу обратно в областную прокуратуру» (там же).

Свобода выезда из страны и право возвращения в нее

Этой свободы лишены все советские граждане. На Западе широко известно о многочисленных препятствиях, чинимых евреям, желающим выехать в Израиль, и немцам, добивающимся выезда в ФРГ. В официальных заявлениях и евреи и немцы мотивируют просьбы о выезде желанием воссоединиться с родственниками. В Заключительном акте содержится обязательство благоприятно рассматривать просьбы о воссоединении семей, тем не менее отказы весьма многочисленны (см. документы №№ 4, 9, 12, 13, 20, 22, заявление «Главам правительств стран, подписавших Заключительный акт Хельсинкского совещания», 32, 49, 63, 71, 122, 149, 156, 171, 172, 173, 179, 180, 187, 189 (док. 8, 16, 26, 27, 52, 53, 61, 67, 83, 97, 105, 157, 182, 190, 205, 206, 207, 213, 214, 220, 222)). Это породило еврейское и немецкое движения за выезд.

Однако на Западе малоизвестно, что в СССР существует еще одно массовое движение за выезд — пятидесятников, добивающихся выезда из страны по религиозным причинам.

«Особенностью борьбы за выезд из СССР пятидесятников,— записано в документе № 23 (док. 58), посвященном этому движению,— является стремление подавать заявления на эмиграцию единым списком, единой группой, требование выпускать верующих не отдельными семьями,... а целыми группами и даже церквями, общинами, сложившимися на местах их расселения... такая прежде невиданная особенность имеет духовные, социальные, исторические и психологические причины...».

Официально подали просьбы о выезде более 30 тысяч пятидесятников и баптистов, но всего несколько семей получили разрешение уехать. Положению пятидесятников и баптистов и нарушениям гуманитарных статей Заключительного акта по отношению к ним со стороны советских властей посвящены документы №№ 11, 13, 20, 23 и 91 (док. 25, 27, 52, 58, 124).

Кроме этих массовых движений за выезд, в Советском Союзе имелись десятки, а может быть и сотни тысяч граждан разных национальностей, в том числе русских, желающих покинуть страну навсегда или временно. У таких людей даже не принимали заявлений с просьбой о выезде, мотивируя отказ, как и пятидесятникам, отсутствием вызова от родственников. Между тем право граждан на выезд из страны и право на возвращение были оговорены в Заключительном акте не только в пункте о благоприятном отношении к воссоединению семей, но и в пунктах о соблюдении прав свободно мигрирующей рабочей силы (ст. 6 «Экономические и социальные аспекты мигрирующей рабочей силы») и как соблюдение правительствами, подписавшими Заключительный акт, основных прав человека, зафиксированных в ВДПЧ и в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 12, пункт 2), ратифицированном Советским Союзом в марте 1976 года (пункт VII, раздел 1-а ЗА).

МХГ считала, что тяга к эмиграции из Советского Союза имеет социально-экономические и политические корни, даже в случаях воссоединения семей.

«Общая направленность потока воссоединения семей из СССР даже в малой степени не компенсируется обратным потоком в СССР... С полным основанием люди, вынужденные искать родственников в Израиле в надежде получить вызов, чтобы уехать из СССР, могут рассматриваться как беженцы» (док. 24).

Некоторые советские граждане, обращавшиеся в МХГ с жалобами на отказ в выезде, прямо объясняют свое желание уехать невозможностью добиться в условиях

СССР сносного жизненного уровня для себя и своей семьи (документы №№ 13, 14, 70, 71 (док. 27, 28, 104, 105)) или политическими преследованиями за убеждения (документы №№ 12, 13, 70, 71, 159 (док. 26, 27, 104, 105, 193)).

Исходя из общего положения с эмиграцией, МХГ заявляет:

«На Западе в последнее время появилась выраженная тенденция всякое увеличение числа евреев, получивших разрешение на выезд, расценивать как принципиальное улучшение эмиграционной политики СССР. Между тем при всей значительности и принципиальности вопроса о репатриации евреев этот вопрос ни в коей мере не исчерпывает всей проблемы свободы эмиграции.

Из чисто конъюнктурных соображений советские власти то приоткрывают, то закрывают клапан, выпуская то большее, то меньшее количество евреев, создавая впечатление выполнения своих международных обязательств в области эмиграции. Все остальное население страны лишено и этой узкой и произвольной «свободы эмиграции».

Пункт 3 ст. 12 Пакта о Гражданских и политических правах устанавливает, что право на эмиграцию не может быть объектом никаких ограничений кроме тех, которые предусмотрены законом. Но в нашей стране нет закона (по крайней мере опубликованного), устанавливающего основания для отказа в праве выезда из страны и в праве возвращения в нее, и закона, обуславливающего процедуру рассмотрения и разрешения эмиграционных дел. Вместо закона здесь царит произвол чиновников ОВИРа, а зачастую и высших государственных чиновников, отказывающих, как правило, в разрешении на выезд немотивированно и в устной форме...

Десятки тысяч евреев, немцев, русских, украинцев, литовцев, эстонцев и людей других национальностей и разных вероисповеданий годами добиваются разрешения на выезд из страны. Отсутствие закона, регулирующего право на эмиграцию, а также установившаяся тенденция рассматривать людей, желающих выехать из страны, как полупреступников, чуть ли не изменников, приводят к тому, что тысячи людей не только не получают разрешения на выезд, но и подвергаются преследованиям и притеснениям. Их вынуждают увольняться с работы, исключают из учебных заведений, а нередко и привлекают к уголовной ответственности по сфальсифицированным делам.

Для подлинного улучшения условий эмиграции необходимо принять и широко опубликовать закон об эмиграции. Этот закон должен соответствовать принятым на себя нашим государством международным обязательствам. Закон должен содержать в себе четко сформулированные причины, по которым может быть отказано в разрешении на выезд из страны, и детально разработанную процедуру рассмотрения эмиграционных дел и обжалования отказа на эмиграцию» (док. 124).

В 1981–1982 гг. МХГ выпустила два обзорных документа № 182, 192 (док. 216, 225) о репрессиях против желающих выехать из СССР.

Свобода совести

В документах МХГ сообщалось о преследованиях баптистов (документы №№ 5, 7, 23, 82, 99 (док. 9, 14, 58, 115, 135)), пятидесятников (документы №№ 11, 23 (док. 25, 58)), адвентистов (документы №№ 45, 70, 82, 95 (док. 79, 104, 115, 128)), католиков (документы №№ 15, 111 (док. 31, 145)), православных (документы №№ 78, 111, 115, 141 (док. 111, 145, 149, 174)). В обзорном документе № 100 (док. 136) сообщалось о преследованиях всех вероисповеданий. Материалы о религиозных преследованиях собирались также Советом родственников узников евангельских христиан-баптистов, Христианским комитетом защиты прав верующих в СССР, Католическим комитетом защиты прав верующих, адвентистской правозащитной группой и постоянно сообщались в информационном бюллетене правозащитников «Хронике текущих событий». МХГ

просила делегатов Мадридского совещания рассмотреть эти материалы наряду с соответствующими документами МХГ.

Наиболее преследуемыми были незарегистрированные общины баптистов, пятидесятников и адвентистов (среди них имелись такие, которым власти отказывали в регистрации, и такие, что отказывались от регистрации сами, поскольку правила, которые должны были соблюдать зарегистрированные общины, противоречили их представлениям о религиозном долге).

В 1930–1950-е годы лидерам церковных общин, проповедникам и даже рядовым членам грозил расстрел или длительные сроки заключения. В 1960-е годы сроки снизились, но аресты были чрезвычайно широко распространенной формой преследования верующих. С середины 1970-х годов власти стали реже прибегать к арестам, но донимали членов незарегистрированных (а иногда и регистрированных) общин непосильными штрафами. Их молитвенные собрания запрещались, а если они собирались вопреки запрету — их разгоняли, участников собрания подвергали избиениям, краткосрочным арестам, принудительным госпитализациям в психбольницы.

Власти выслеживали тайные типографии баптистского издательства «Христианин» и адвентистского издательства «Верный свидетель», печатавших религиозную литературу и правозащитные издания верующих. Печатники и перевозчики литературы осуждались «за занятия запрещенным промыслом» и за «клевету» на заключение в лагеря.

Наиболее непереносимой для верующих являлась угроза отобрания детей за воспитание их в своей вере (документ № 5 (док. 9)) и преследование школьников за религиозность.

«Детей оскорбляют учителя, а вслед за ними — и ученики. Нередко их бьют, бывают случаи рукоприкладства со стороны учителей. Их насильственно загоняют в октябрята, пионеры и комсомол, а за отказ вступить в эти атеистические организации годами снижают им оценки, в том числе и за дисциплину. В итоге дети верующих становятся жертвами систематической дискриминации в области образования... Уже со школьной скамьи за каждым таким ребенком следует письменная характеристика, как клеймо на всю жизнь, фиксирующая его нелояльность» (док. 58).

Нарушение свободы совести испытывали на себе не только дети баптистов и пятидесятников, о которых шла речь в документе № 23 (док. 58), но и дети католиков. Документ № 15 (док. 31) сообщал об исключении из последнего класса школы семерых вильнюсских школьников за посещение церкви. Многочисленные факты дискриминации верующих детей приводили «Хроника Литовской Католической Церкви» и Католический комитет защиты прав верующих.

Право знать свои права и действовать в соответствии с ними

С конца 1978 г. усилилось наступление на правозащитное движение повсюду, в том числе в Москве. Документ № 111 (док. 145), составленный в ноябре 1979 г., так и называется: «Резкое усиление преследований правозащитного движения в СССР». Судебные и внесудебные преследования велись против всех диссидентских течений. Персонально они были направлены, главным образом, против распространителей независимой информации и тех, кто являлся связующими звеньями между своими единомышленниками и правозащитниками. Очевидно было стремление властей пресечь поток информации из разных мест в Москву и из Москвы на Запад, а также прекратить взаимопомощь, прежде всего — помощь политзаключенным, ссыльным и их семьям.

Особо важную связующую роль играли независимые правозащитные ассоциации и группы, а также редколлегии самиздатских периодических изданий. На эти общественные ассоциации и приходился главный удар. В документах МХГ зафиксированы:

арест Татьяны Великановой, одного из ведущих деятелей «Хроники текущих событий», информационного бюллетеня правозащитного движения, выходившего в Москве более 10 лет несмотря на усилия властей прекратить его выпуск (документы №№ 104, 111, 138 (док. 140, 145, 171)); разгром Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, созданной при МХГ в январе 1977 г. (документы №№ 51, 96, 100, 123, 128, 129, 136, 144, 153, 154, 155, 162, 175, 176, 178) (док. 85, 129, 136, 158, 161, 162, 169, 177, 187, 188, 189, 196, 209, 210, 212); преследования Фонда помощи политзаключенным и их семьям (документы №№ 100, 104, 190 (док. 136, 140, 223)); арест основателей Христианского комитета защиты прав верующих в СССР священника Глеба Якунина и Виктора Капитанчука (документ №111 (док. 145)); преследование Инициативной группы защиты прав инвалидов (документ №134 (док. 167)); разгром редколлегии московского самиздатского журнала «Поиски», предоставившего свои страницы всем направлениям свободной мысли ради достижения взаимопонимания между ними (см. документы №№ 86, 92, 100, 114, 120, 145, 147 (док. 119, 125, 136, 148, 155, 178, 180)); преследование журнала «Евреи в СССР» (документы №№ 100, 128, 170 (док. 136, 161, 204)). В документах №№ 72, 151, 188 (док. 106, 184, 221) сообщалось о разгонах мирных демонстраций на Пушкинской площади в Москве в День прав человека.

В Ленинграде были разгромлены молодежные неофициальные группы (документы №№ 70, 100 (док. 104, 136)) и первый женский самиздатский журнал «Женщина и Россия». Постоянным обыскам и допросам подвергались члены неофициального женского клуба «Мария», одна из них — Наталья Лазарева — арестована.

Документ № 65 (док. 98) сообщал о пропагандистской кампании советской прессы против правозащитников; в разных газетах стали появляться статьи и письма читателей со злобной руганью и клеветой против правозащитников, но ни разу не попали на страницы газет письма в их защиту, хотя МХГ было известно о большом числе таких писем, направленных в газеты в ответ на их выпады. В документах №№ 31, 47, 59, 78, 83, 93, 100, 102, 132, 157, 163, 164 (док. 66, 81, 94, 111, 116, 126, 136, 138, 165, 191, 197, 198) содержится информация о положении украинских правозащитников. В документах №№ 100 и 102 (док. 136, 138) отмечается резкое усиление в последние два-три года использования уголовных методов преследования, принявших особенно широкий размах на Украине: фабрикация «дел» по обвинению правозащитников в сопротивлении органам власти, хулиганстве и других уголовных преступлениях вплоть до изнасилований, а также беспричинное грубое задержание и аресты на 15 суток, обыски по уголовным обвинениям, избиения на улицах и в общественных местах «неизвестными» людьми. Эти расправы применяются даже к женщинам. Документ № 102 приводит несколько соответствующих примеров и констатирует:

«Все, что происходит на Украине сегодня, нельзя расценить иначе как мафиозный разгул. Это уже не нарушение прав и законности, а разнузданное насилие, физический и психологический террор, ставящий под прямую угрозу жизнь преследуемых властями людей… Мы обращаемся к «Эмнести интернейшнл» и к Международной Лиге по правам человека с просьбой поднять вопрос в международном масштабе об объявлении всех случаев уголовных расправ в политических целях, подобных вышеописанным, — методами террора… Уголовное насилие как средство борьбы с идеей должно быть полностью исключено из практики государств-участников Хельсинкского совещания».

Еще одна тревожная особенность усиления репрессий была отмечена в документах МХГ — повторное осуждение заключенных к концу срока, определенного приговором (документы №№ 132, 136, 148, «Информация о Михаиле Кукобаке», 155, 166 (док. 165, 169, 181, 185, 189, 200)).

«За 1980 год нам известны семь случаев повторных арестов правозащитников, отбывающих наказание или недавно освободившихся после отбытия установленного срока лишения свободы и ссылки» (док. 169),

«В условиях лагеря и далекой ссылки властям гораздо проще сфабриковать любое политическое или «уголовное» дело». — объясняют эту тенденцию члены МХГ. — «Гораздо труднее организовать защиту <…> людей. Трудно, а иногда и невозможно получить и предать гласности обстоятельства возбуждения, расследования и рассмотрения этих дел. Практически люди, привлеченные во время отбывания наказания по «новым» делам, остаются без защиты... Чрезвычайно важно отметить, что во многих случаях повторных арестов реальной причиной являются не какие-либо новые «преступления», а лишь отсутствие раскаяния в свой прошлой деятельности» (док. 165).

Печальная необходимость вынудила членов МХГ многие свои документы посвящать преследованиям Хельсинкских групп, в том числе самой Московской Хельсинкской группы (см. документы №№ 16, 27, 28, 31, 32, 40, 41, 50, 52, 53, 56, 57, 59, 65, 75, 78, 79, 82, 84, 93, 96, 101–103, 113, 117, 124, 127, 129, 131, 133, 135, 137, 139, 153, 154, 160, 161, 176, 181, 183, 191, 194, 195 (док. 40, 63, 64, 66, 67, 75, 76, 84, 86, 87, 90, 91, 94, 98, 108, 111, 112, 115, 117, 126, 129, 137, 138, 139, 147, 152, 159, 160, 162, 164, 166, 168, 170, 172, 187, 188, 194, 195, 210, 215, 217, 224, 227, 228) — это свидетельства об обысках, допросах, увольнениях с работы, шантаже, необоснованных задержаниях, клевете в газетах, фабрикации уголовных «дел», избиениях «неизвестными» лицами, арестах и осуждениях членов хельсинкских групп. В документе № 135 (док. 168) отмечался новый зловещий симптом постоянных преследований: власти объявили Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений — враждебной группировкой. Эта формулировка содержалась в официальном «предостережении», сделанном члену Группы Юрию Ярым-Агаеву во время его задержания сотрудниками КГБ 30 мая 1980 г.

Особая опасность такой формулировки была связана с тем, что она последовала сразу же вслед за арестом одного из членов Группы — Татьяны Осиповой.

Аресты членов МХГ в 1977–1981 гг. (накануне и в период работы Белградского и Мадридского совещаний) явились вызывающим нарушением советскими властями Хельсинкского соглашения. Объявление всей группы в целом враждебной группировкой откровенно отражало отношение властей к самому соглашению, в тексте которого содержится призыв к частным лицам и ассоциациям всемерно содействовать его выполнению.

Политзаключенные

Этой традиционной теме правозащитников МХГ постоянно уделяла очень большое внимание.

Документ № 3 (док.7) — «Об условиях содержания узников совести» — представляет собой обстоятельный обзор, содержащий информацию о питании, описание тюремных камер и карцеров и системы наказаний политзаключенных. Кроме того, документ включает список политзаключенных, содержавшихся в то время (июнь 1976 г.) во Владимирской тюрьме и подвергнутых наказаниям после подписания Заключительного акта в Хельсинки. На основании информации, содержащейся в документе № 3, члены МХГ пришли к выводу, что

«Узники совести в СССР подвергаются физическим и моральным мучениям. Законодательством предусмотрены принудительный труд, систематическое ограничение в питании, дополнительные мучения в штрафном изоляторе и в карцере тюрьмы...»

Группа предлагала создать международную комиссию по расследованию заявленных нарушений, предлагая предоставить в распоряжение будущей комиссии необхо-

димую документацию. К документу № 3 прилагался список политзаключенных, готовых выступить в качестве свидетелей перед такой комиссией.

В последующих документах МХГ характеризовались разные стороны жизни политзаключенных: медобслуживание (документы №№ 17, 67) (док.42, 101), этапирование (документ № 62) (док.96), переписка (документы №№ 62, 68) (док.96, 102), нарушение права политзаключенных на творческую деятельность (документ № 61) (док.95), избиения в лагерях (документ № 62) (док.96), описание Чистопольской тюрьмы, в которую были переведены политзаключенные из Владимирской тюрьмы (документ № 108) (док.143).

Документ № 87 МХГ (док.120) представляет собой доклады самих политзаключенных: о труде заключенных (руководитель МХГ Юрий Орлов, тогда политзаключенный в лагере № 37 Пермской обл., Урал); «Взаимоотношения между администрацией и политзаключенными» (В. Марченко); «Об этапировании» (Ю. Орлов); «Пресечение информации» (П. Плуйрас (Плумпа)).

Документ № 17 (док. 42) содержит список тяжелобольных политзаключенных, которых, согласно советскому законодательству, можно освободить досрочно по состоянию здоровья, но которых продолжают держать в заключении.

Документы №№ 6 и 46 (док.12, 80) описывают продление наказания за убеждения после срока, определенного приговором — речь идет о стеснении выбора места проживания путем отказа в прописке и установления административного надзора. В этих документах, кроме того, сообщается о дискриминации бывших политзаключенных при устройстве на работу и в поисках жилья.

Значительное число документов МХГ посвящено отдельным политзаключенным, оказавшимся в особо тяжелом положении:

М. Джемилев (№№ 1, 43) (док. 2, 78), П. Винс (№ 62) (док. 96) и К. Подрабинек (№ 62, 168) (док. 96, 202), С. Глузман (№ 80) (док. 113), И. Огурцов (№№ 88, 100) (док. 121, 136), С. Ковалев (№97) (док. 130), В. Балахонов (№ 100) (док. 136), П. Айрикян (№ 148) (док. 181), А. Подрабинек (№№ 155, 193) (док. 189, 226), А. Болонкин (№ 166) (док. 200), А. Мурженко и Ю. Федоров (№ 169) (док. 203). Отдельный документ был посвящен положению женщин-политзаключенных (№ 158) (док. 192).

Начиная с 1974 г. политзаключенные в СССР стали отмечать 30 октября День политзаключенного. Московские правозащитники в этот день проводили пресс-конференцию, посвященную политзаключенным. С 1976 г. эти пресс-конференции стала ежегодно проводить МХГ (см. документы №№ 66, 146, 185) (док. 100, 179, 219).

МХГ призывала к амнистии политзаключенных (документы №№ 66, 106, 138) (док. 100, 141, 171) и к отмене статей Уголовного кодекса РСФСР (и их аналогов в кодексах остальных союзных республик) об «антисоветской агитации и пропаганде», о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» и части статьи 64, которая определяет бегство из СССР и отказ вернуться из-за границы как «измену родине», так как эти статьи практически использовались против реализации права на свободу убеждений, и той части статьи 64, которая определяет бегство из СССР и отказ вернуться из-за рубежа как «измену родине», поскольку это — запрет на свободный выбор страны проживания.

Контакты между людьми

Положению в СССР с соблюдением этого права МХГ посвятила два специальных документа №№ 2 и 30 (док. 4, 65) о нарушениях контактов между людьми в сфере почтовой и телефонной связи. Эта тема была затронута в Итоговом документе… к совещанию в Белграде (док. 54), ее аспект — международные научные контакты — в документе № 53 (док. 87).

Право на справедливый суд

Нарушениям прав советских граждан на гласный, беспристрастный и справедливый суд, на защиту, было посвящено множество документов МХГ, начиная с документа №1 (док. 2) и до предпоследнего (документ №194) (док. 227).

Социально-экономические права

МХГ — первая из правозащитных ассоциаций в СССР, обратившаяся к социально-экономическим проблемам. В дополнении к документу № 7 (док. 14) МХГ писала об арестах среди рабочих в связи с забастовкой в Рижском порту в мае 1976 г. В декабре 1976 г. МХГ издала документ № 13 (док. 27) «Требования эмиграции по политическим и экономическим причинам со стороны рабочих». Этот документ составлен по заявлениям рабочих в Группу с просьбой помочь им эмигрировать в любую капиталистическую страну, так как в СССР они не могут честным трудом прокормить свои семьи. В документе подчеркивалось бессилие советских профсоюзов как защитников интересов трудящихся. К этой теме МХГ возвращается в документе № 85 (док. 118), представляющем собой обзор «Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд»:

«Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть по сути образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшения условий труда... Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления трудовой дисциплины, воспитательной и идеологической работы... и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего».

С начала 1978 г. социально-экономическая тематика стала занимать весьма существенное место в документах МХГ. Документ № 36 (док. 71) являлся откликом на создание Свободного профсоюза. МХГ подчеркнула полную законность этой ассоциации. Документ № 37 (док. 72) посвящен социальному обеспечению по болезни. В нем указывается на зависимость пенсий от трудового стажа и на мизерность пенсий, особенно для тех, кто рано утратил трудоспособность. В документе № 85 (док. 118) отмечалось, что в стране существует никак не учитываемая безработица и отсутствует пособие по безработице; низкий уровень заработной платы основной массы населения; использование женского труда на тяжелых работах; существование разных форм принудительного и полупринудительного неоплачиваемого труда: сверхурочные работы для выполнения плана, «субботники», посылка горожан на работы в колхозы и т. п.; резкое ограничение выбора места работы из-за системы трудовых книжек и прописки.

В нескольких документах было зафиксировано существование дискриминации в области труда разных категорий граждан — инвалидов (№ 38) (док. 73), верующих (№ 23) (док. 58), бывших политзаключенных (№№ 6, 46) (док. 12, 80), добивающихся эмиграции (№ 47) (док. 81), членов независимых общественных ассоциаций (№№ 47, 75, 76, 77, 96) (док. 81, 108, 109, 110, 129).

В нескольких документах МХГ содержится информация о существовании принудительного труда в СССР в широких масштабах. Кроме системы принудительных работ для большинства трудящихся, о которых говорилось в документе № 85 (см. выше), существовала система принудительного труда в связи с наличием в советском законодательстве статьи о «тунеядстве» (документ № 47) (док. 81). В «тунеядстве» можно было обвинить каждого, кто живет на «нетрудовые доходы». В судебной практике вопрос о «нетрудовых доходах» по существу не исследовался и часто этот закон использовал-

ся против инакомыслящих (которых перед этим увольняли и не давали возможности трудоустроиться):

«20 марта 1978 г. осужден к 1 году лишения свободы член Грузинской Хельсинкской группы кандидат наук кибернетик Григорий Гольдштейн, который после подачи заявления на выезд в Израиль был уволен и жил на свои трудовые сбережения. Таких случаев известно очень много. Чтобы избежать осуждения за тунеядство, специалистам высокой квалификации после увольнения (например, в связи с желанием эмигрировать) приходится искать любую работу, пусть тяжелую и низкооплачиваемую.»

В документе № 63 (док. 97) поднимался вопрос о принудительном труде колхозников, лишенных возможности при желании выйти из колхоза.

Особое место среди документов МХГ занимает документ № 87 (док. 120), составленный политзаключенными Уральских лагерей.

Руководитель МХГ Ю. Орлов в предисловии к этому документу дал оценку численности заключенных всех категорий в Советском Союзе на основании опросов заключенных и собственных наблюдений. Орлов полагал, что заключенные всех категорий в СССР составляют около 5 млн. человек, т.е. 2% населения страны. Все они включены в принудительный труд. Эти люди и их семьи «... не менее ощутимая часть трудящихся, чем безработные и их семьи на Западе», — заключает Ю. Орлов. В первом разделе документа № 87 описаны условия труда заключенных на примере уральских политлагерей. Авторы документа просят профсоюзы и другие рабочие организации Запада обратить внимание на то, что в СССР многомиллионная армия заключенных по условиям труда и его оплате, по жизненным условиям является пролетариатом в самом первобытном смысле этого слова. Положение заключенных, занятых принудительным трудом, профессор Орлов приравнивал к положению крепостных рабочих давно прошедшей эпохи. В документах о колхозниках такое же сравнение приводили члены МХГ.

Документы №№ 70, 76, 77, 82, 94 и 98 (док. 104, 109, 110, 115, 127, 131) сообщали о преследованиях и судах над рабочими — участниками движения за социальные права и правозащитного движения.

Предложения к Белградской и Мадридской конференциям

МХГ возлагала большие надежды на то, что инициированный ею общественный контроль за соблюдением гуманитарных статей Хельсинкского соглашения получит широкую поддержку на Совещаниях по безопасности и сотрудничеству в Европе. К этим Совещаниям были напрямую обращены документы, заявления и специальные обзорные доклады Группы: За три месяца до Белграда (док. 50), Итоговый документ… (док. 54), обращения к главам правительств… (док. 59, 62), документы №№ 35, 138 (док. 70, 171). Группа следила за ходом этих конференций и успела посвятить итогам Белградского совещания документ № 39 (док. 74).

* * *

Особо необходимо отметить немногочисленные документы МХГ, выпущенные совместно с иностранными правозащитными ассоциациями или направленные в их поддержку. Это заявление в поддержку «Хартии-77» (док. 48), телеграмма польским диссидентам (док. 92), совместные заявления с Американской Хельсинкской группой (док. 133) и с польскими правозащитниками (док. 144). Хотя постоянные контакты наладить не удалось, это были важные прецеденты международного сотрудничества в области защиты прав человека.

1980 (Вашингтон), 2001 (Москва)

Геннадий Кузовкин, Дмитрий Зубарев

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Публикуемый сборник представляет собой научно-популярное издание и рассчитан прежде всего на читателей, интересующихся истоками отечественного правозащитного движения.

В основу издания положена документальная серия: «Сборник документов Общественной группы содействия выполнению хельсинкских соглашений», вып. 1–8, (далее Сборники), вышедшая в Нью-Йорке в издательстве «Хроника-пресс» в 1977–1984 гг. под редакцией зарубежного представителя МХГ Людмилы Алексеевой. В Сборники входили материалы *всех* Хельсинкских групп и близких к ним правозащитных структур, в настоящее издание включены только те из них, которые были выпущены *Московской* Хельсинкской группой — самостоятельно или совместно с другими правозащитными ассоциациями.

Издание дополнено не вошедшими в Сборники документами МХГ. Прежде всего в него включены документы, помещенные в малотиражном служебном бюллетене «Материалы Самиздата» (МС), выпускавшемся Архивом Самиздата (АС) радиостанции «Свобода» в Мюнхене. Тексты документов, опубликованных и в МС, и в Сборниках, сверялись, разночтения указываются в подстрочных примечаниях. Отдельные документы воспроизведены по текстам, вошедшим в правозащитный бюллетень «Хроника защиты прав в СССР» (Нью-Йорк, «Хроника-пресс») и в сборник документов хельсинкских групп, выпущенный Комиссией по безопасности и сотрудничеству в Европе Конгресса США (в обратном переводе с английского).

Ряд документов МХГ, отсутствующих в указанных изданиях, хранится в Архиве НИПЦ «Мемориал». Прежде всего это документы фонда № 166 («Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР») — часть архива Группы, уцелевшая от обысков и переданная в «Мемориал» друзьями члена МХГ Ю. Ярым-Агаева. По этому источнику устранен ряд дефектов текста (пропуски, неисправности в воспроизведении имен и дат) предыдущих публикаций. Сведения о существовании еще одной части архива Группы — архива Ивана Ковалева и секретаря МХГ Татьяны Осиповой — были получены сотрудником «Мемориала» А. Макаровым в ходе интервью с И. Ковалевым в 2005 году. Чемодан с документами был передан И. Ковалевым незадолго до своего ареста на хранение А.В. Ростоцкой. В 2005 году Ростоцкая передала чемодан с бумагами в архив «Мемориала», где из них был сформирован фонд 141. Фонд содержит ряд подготовительных материалов к документам, а также оригиналы писем, адресованных в МХГ (приложения к документам №№24, 46, 47, 71) и неопубликованное приложение к документу №87. В процессе работы привлекались также фонды № 101 (Издательство «Хроника-пресс») и № 102 («Ленинградская коллекция»), в которых имеются тематические подборки документов МХГ.

Составители стремились ввести в научный оборот по возможности наиболее полный комплекс документов, отражающий деятельность правозащитной ассоциации. Однако ввиду ограниченного объема издания значительная часть приложений к документам МХГ нами опущена, ссылки на их публикации или места архивного хранения указаны в примечаниях.

В сборник включено 228 документов МХГ. Известно о существовании по крайней мере еще 10 нумерованных документов Группы за 1978-1981 гг., которые публикаторами не обнаружены. Их поиск в архиве ФСБ (преемника учреждения, которое систематически конфисковывало материалы Группы) не проводился, хотя мы считаем его безусловно необходимым в дальнейшем.

Сборник охватывает период с мая 1976 г. по сентябрь 1982 г. и в целом построен по хронологическому принципу. Исключения составляют случаи, когда собственные номера у более поздних документов меньше, чем у более ранних, — тогда они располагаются в порядке авторской нумерации, независимо от датировки.

Каждый документ снабжен заголовком (заголовки, данные составителями, помещены в квадратные скобки), имеет свой порядковый номер (поскольку ряд документов МХГ не имел собственного номера, составители произвели сквозную нумерацию, поместив эти номера над заголовками документов) и дату. Если документ не был датирован его авторами, дата устанавливалась по соседним документам, по дополнительным источникам или по содержанию. Если точную дату определить не удалось, указываются возможные крайние даты. Установленные составителями даты заключены в квадратные скобки и при необходимости обоснованы в примечаниях.

Тексты публикуемых документов переданы в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением языковых особенностей в цитатах. В подстрочных примечаниях оговаривается неудовлетворительное состояние документа (пропуски отдельных слов или части текста). Явные искажения в написании имен собственных (лиц и географических названий) исправлены или оговорены в подстрочных примечаниях. Географические названия сверены по изданию «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. На 1 января 1983 года» (М., 1983).

Способы воспроизведения текстов документов и подлинность указываются только тогда, когда текст воспроизводится по архивному источнику.

Научно-справочный аппарат сборника включает предисловие, примечания двух видов: подстрочные и затекстовые (комментарии), список сокращений и именной указатель. Подстрочные примечания, данные авторами документов, пометами не сопровождаются, примечания, принадлежащие первому публикатору документов Л. Алексеевой, снабжены пометой «*Ред.*», примечания составителей данного сборника — пометой «*Сост.*».

* * *

Сборник 2001 г. вошел в научный оборот, он поступил в центральные библиотеки России и в Библиотеку Конгресса США. Московская Хельсинкская группа разместила его текст в Интернете (http://www.mhg.ru/history/13DFED0). Последнее важно, ибо тираж обоих изданий (2001 и 2006) не превысит 1000 экз.

Во втором издании сборника мы стремились устранить погрешности, практически неизбежные в книгах, выход которых приурочен к юбилеям. Структура книги не претерпела существенных изменений, и мы сочли возможным сохранить основной текст предисловия издания 2001 г., добавив сообщение об архивной находке А.А. Макарова и список благодарностей.

Благодарим за помощь в подготовке книги: архивариуса Института изучения Восточной Европы при Бременском университете Габриэля Суперфина, библиографа Наталию Ларичеву, руководителя программы НИПЦ «Мемориал» «История инакомыслия в СССР» Александра Даниэля.

1

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

12 мая 1976 года в Москве образована Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Группа поставила своей целью содействовать соблюдению гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Имеются в виду следующие статьи Заключительного акта:

1. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Пункт VII «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений».

2. Сотрудничество в гуманитарных и других областях. 1) — Контакты между людьми (в частности, пункт b, воссоединение семей). 2) — Информация. 3) — Сотрудничество и обмен в области культуры. 4) — Сотрудничество и обмен в области образования.

Своей первоначальной целью Группа содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный акт 1 августа 1975 года, а также информирование общественности о случаях прямых нарушений указанных статей. С этой целью Группа содействия:

1) принимает непосредственно от советских граждан *письменные* жалобы, касающиеся их лично и имеющие отношение к нарушению указанных статей, и в краткой форме переадресовывает их всем главам правительств, подписавшим Акт, а также общественности; подписанный автором оригинал Группа оставляет у себя;

2) собирает с помощью общественности любую другую информацию о нарушениях указанных статей, обрабатывает ее и с указанием своей оценки достоверности адресует ее соответствующим главам правительств и общественности.

В некоторых случаях, когда Группа будет сталкиваться с конкретной информацией об особенных проявлениях антигуманности, например,

— изъятие детей у религиозных родителей, желающих воспитывать детей в своей вере;

— принудительное психиатрическое лечение с целью изменения мыслей, совести, религии, убеждений;

— наиболее драматические случаи разделения семей;

— случаи проявления особой антигуманности по отношению к узникам совести,—

Группа намерена обращаться к главам правительств и к общественности с просьбами образовать международные комиссии для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь важной и ответственной информации.

Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном акте пунктом «Дальнейшие шаги после Совещания».

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовывать собственные национальные Группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинкских соглашений правительствами своих стран.

Мы надеемся, что в будущем будет образован также и соответствующий Межнациональный комитет содействия.

Члены Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Людмила Алексеева — Москва, Рижский проезд, д. 3, кв. 186
Михаил Бернштам — Москва, наб. Горького, 4/22, корп. Б, кв. 192
Елена Боннэр — Москва, ул. Чкалова, 48-б, кв. 68
Александр Гинзбург — Таруса, Лесной пер., 5
Петр Григоренко — Москва, Комсомольский пр., 14, кв. 96
д-р Александр Корчак — Московская обл., Подольский р-н, Академгородок, Академическая, 7-а, кв. 30
Мальва Ланда — Московская обл., Красногорск, Чайковского, 11, кв. 37
Анатолий Марченко — Иркутская обл., Чунский р-н, Чуна, ул. Чапаева, 18
проф. Юрий Орлов — руководитель Группы — Москва, Профсоюзная, 102, корп. 7, кв. 1
проф. Виталий Рубин — Москва, Телеграфный пер., 7, кв. 13
Анатолий Щаранский — Московская обл., Истра, Кооперативная ул., 8, кв. 4.
12 мая 1976 г., г. Москва

2

Документ № 1

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА[1]

В апреле 1976 года в Омске состоялся суд, приговоривший 33-летнего крымского татарина Мустафу Джемилева, ранее проведшего восемь лет в лагерях, еще к двум с половиной годам лагеря строгого режима.

Джемилев обвинялся по статье 190.1 Уголовного кодекса РСФСР[I] — «заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй». Непосредственно в вину Джемилеву ставились его высказывания о национальной политике СССР — именно, о положении крымско-татарского народа, депортированного с исторической родины в 1944 году и до сих пор не имеющего возможности вернуться на родину из-за противодействия властей.

Обвинение Джемилева строилось на показаниях двух свидетелей, причем показания второго из них были косвенными — пересказом слов первого и главного свидетеля — солагерника Мустафы — Владимира Дворянского. Но сам первый и главный свидетель — Дворянский — от своих показаний, данных в ходе предварительного следствия, на суде полностью и целиком отказался, заявив, что показания следствию он дал в результате незаконных методов ведения следствия — шантажа, нажима, угрозы уничтожения.

Тем самым обвинение на суде не подтвердилось. Тем не менее Джемилев не был оправдан. Суд объявил истиной данные предварительного следствия, несмотря на заявление Дворянского о незаконных методах ведения следствия. Более того, судья во время процесса повторял со ссылкой на органы следствия аналогичные угрозы Дворянскому, и суд вынес частное определение о привлечении Дворянского к суду как лжесвидетеля — за разоблачение следственного беззакония.

По состоянию здоровья Джемилева после восьми лет заключения и только что оконченной десятимесячной голодовки тюремные врачи не гарантируют, что Джемилев доживет до конца срока.

[1] См. о нем также документ № 43 (док. 78) и в документе № 100 (док. 136). — *Сост.*

* * *

Изучив многочисленные материалы — документы, стенограммы, заявления родных Джемилева, его друзей, письма крымских татар, личные свидетельства и другие источники,— Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР ОТМЕЧАЕТ:

а) Инкриминирование Мустафе Джемилеву распространения его взглядов по каким бы то ни было вопросам и осуждение его за высказывание этих взглядов противоречит пункту VII части А первого раздела Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то есть пункту «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», и пункту 19 Всеобщей декларации прав человека[11], гласящему о свободе распространения информации,— тем более что Всеобщая декларация прав человека заявлена как основа действий государств-участников Хельсинкского совещания (раздел 1, часть А, пункт VII Заключительного акта).

б) Осуждение Мустафы Джемилева за высказывание взглядов о ненормальном положении крымско-татарского народа, то есть осуждение за борьбу за права крымских татар,— противоречит пункту VIII части А первого раздела Заключительного акта — пункту «Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой»: «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой в условиях полной свободы, определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие... государства-участники... напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа» (пункт VIII части А первого раздела Заключительного акта).

Осуждение Мустафы Джемилева за борьбу за национальные права крымско-татарского народа есть как раз прямое нарушение указанного принципа.

СУММИРУЯ отмеченное выше, Группа содействия считает, что осуждение Джемилева — независимо от наличия или отсутствия его высказываний по национальному вопросу — противоречит духу и букве Заключительного акта Хельсинкского Совещания.

в) Мустафа Джемилев осужден в обход и в нарушение всех норм советского права, по которому никто не может быть осужден без вины и состава преступления. Дело Джемилева является полной фальсификацией, так как обвинение построено на вынужденных лжесвидетельских показаниях, которые разоблачены на суде самим свидетелем. Тем самым процесс Джемилева — не только не правовой акт, не только акт беззакония, но и — заведомо приготовленная расправа.

г) Состояние здоровья Джемилева столь тяжело, что проведенная под видом осуждения расправа является актом физического уничтожения.

д) Тем самым процесс и осуждение Джемилева беззаконным путем за национальную борьбу являются частью кампании преследования и нарушения прав крымско-татарского народа.

* * *

Такая квалификация дела Джемилева приводит Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР к двум итоговым выводам по этому вопросу:

1. Осуждение Джемилева полностью и абсолютно противоречит духу и букве гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

2. Необходимо вмешательство международной общественности и правительственных органов подписавших Заключительный акт государств, так как произошедшее

нарушение даже советских законов не позволяет распространить на дело Джемилева статью Заключительного акта о невмешательстве во внутренние дела, ибо данная статья разъяснена в Заключительном акте как уважение законов и порядков суверенных государств, но не уважение беззакония, прикрывающегося фальсификациями.

Ю. Орлов, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург

18 мая 1976 г.

3

ПРОТЕСТ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ
Инициативной группы защиты прав человека в СССР[III]

В 1975 году во Владимирской тюрьме[1] будет введен *всеобщий принудительный труд*. Узники совести, пытаясь сопротивляться этому унизительному, а в тюремных условиях губительному для здоровья и жизни человека нововведению, — ОТКАЗЫВАЮТСЯ РАБОТАТЬ.

Их жестоко наказывают. Наказывают голодом и холодом. Наказывают карцером.

ОНИ НЕПРЕКЛОННЫ.

Наказания превращаются в изнурительные пытки.

ОНИ НЕПРЕКЛОННЫ.

Гастрит, холецистит, язвенная болезнь. Вспышки туберкулеза. Пеллагра. Ревматические атаки.

ОНИ НЕПРЕКЛОННЫ.

Они объявляют ГОЛОДОВКИ.

Всему миру известно имя — Владимир Буковский[2].

За акт мужества — категорический отказ от принудительного труда — Владимира Буковского, страдающего тяжелыми хроническими болезнями, подвергали и продолжают подвергать пыткам.

Июль 1975 г. 15 суток карцера: голод — *менее 1000 калорий в сутки!* — в сочетании с холодом, вынужденной бессонницей, одиночеством.

29 июля — 29 августа 1975 г. «Режим пониженного питания». Завтрак — 60 граммов соленой кильки. Обед — немного пустых щей из протухшей кислой капусты или пустого супа. Ужин — немного жидкой каши на воде. Хлеб — черный, сырой, кислый, тяжелый — 450 грамм в сутки. Жир — 3-4 грамма в сутки. *Общее количество калорий в сутки — менее 1300.*

28 августа 1975 г. — 28 марта 1976 года. «Строгий режим». *1700–1800 калорий в сутки.* Та же килька. Те же щи. Тот же хлеб. Но чуть больше жиров и 10 граммов сахара в сутки. Стоимость питания при этом режиме по одним данным — 19 копеек в сутки, по другим — 25 копеек.

В этот же период, с 30 октября 1975 года дополнительное наказание — 15 суток *карцера* — за «хулиганские действия в поддержку симулянта». Буковскому и его четырем сокамерникам пришлось стучать и шуметь, чтобы вызвать врача к сокамернику (Гунар Роде), у которого начался заворот кишок. Буковского продержали в карцере *на*

---

[1] Об условиях содержания во Владимирской тюрьме см. документ № 3 (док.7), приложение №2, см. «Камерное содержание. Тюрьма». — *Сост.*

[2] Подробнее о В. Буковском см. также «Обращение в защиту Владимира Буковского» (док. 33) и «Заявление по поводу интервью в «Литературной газете»» (док. 34). — *Сост.*

три дня меньше срока: в очень тяжелом состоянии перевели в больницу. Две или три недели в больнице, и — снова «строгий режим».

28 января 1976 года Буковский переведен на «общий режим»: *1900–2000 калорий.*

20 февраля 1976 г. Буковского снова переводят на «строгий режим» с «режимом пониженного питания» в течение первого месяца и водворяют в одиночную камеру — за отказ участвовать в принудительном труде.

20 февраля Владимир Буковский — начал голодовку, которую держит до сих пор.

(Сведения о голодовке В. Буковского получены от сотрудницы Главного управления медицинской службы МВД СССР З. Калынчец матерью Владимира Буковского 17 мая 1976 г. Они подтверждены зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями Чудинцевым в личной беседе с Н.И. Буковской, а также сотрудником отдела административных органов ЦК КПСС Альбертом Ивановым в разговоре по телефону с Н.И. Буковской.)

Более полугода от самого Буковского нет никаких известий.

Получает ли он посылаемые ему письма, в частности письма матери,— неизвестно.

На все вопросы и жалобы, адресованные начальнику тюрьмы, в Управление исправительно-трудовыми учреждениями, областное и всей страны, в Министерство внутренних дел, в Прокуратуру области, РСФСР, СССР, в ЦК КПСС и 25-му съезду КПСС, приходят ответы, звучащие как издевательство.

Второй месяц голодовки на исходе.

«Ваши жалобы, поступившие в Прокуратуру РСФСР из ЦК КПСС и с личного приема в Прокуратуре РСФСР, проверены.

Нарушений исправительно-трудового законодательства в отношении Вашего сына со стороны администрации учреждения, где он отбывает наказание, не установлено.

За систематические злостные нарушения режима содержания осужденных он систематически привлекался к дисциплинарной ответственности.

Жалоб на состояние здоровья Ваш сын не предъявляет. 19 февраля он был обследован компетентной медицинской комиссией и признан здоровым и не нуждающимся в лечении.

Право Вашего сына на переписку администрацией учреждения не нарушается. ...»

Прокуратура РСФСР, начальник отдела по надзору за местами лишения свободы, ст. советник юстиции В.Я. Болысов — 28 апреля 1976 г.

Третий месяц голодовки на исходе.

19 мая начальник Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями по режиму Чудинцев[1] разъясняет Н.И. Буковской, что Владимир Буковский — «законно подвергается наказаниям»: он «отказывается работать», в то время как — «все должны работать» на любом режиме и в любых условиях. «Комиссия, врачи обследовали Буковского» — он «вполне здоров, работоспособен» и, следовательно, — «обязан работать».

Мы *заявляем протест* против принудительного труда во Владимирской тюрьме.

Мы *заявляем протест* против наказания узников Владимирской тюрьмы голодом и холодом.

Мы со всей ответственностью называем эти наказания — ПЫТКАМИ.

Мы *предлагаем* срочно создать НЕЗАВИСИМУЮ КОМПЕТЕНТНУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ КОМИССИЮ для обследования условий, в которых находятся узники совести во Владимирской тюрьме и в первую очередь Владимир Буковский.

---

[1] Вероятно, ошибочно назван начальником, см. первое упоминание Чудинцева в этом документе. — *Сост.*

Рассчитывая на создание такой комиссии, мы требуем, чтобы советская администрация дала этой комиссии возможность выполнить свою задачу.

Мы *настаиваем* на объективном пересмотре «дела» Буковского на уровне НЕЗАВИСИМЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Мы *продолжаем требовать* освобождения Владимира Буковского.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:
Татьяна Ходорович, Татьяна Великанова[1]
Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
М. Ланда, А. Гинзбург, М. Бернштам
С. Ходорович, И. Якир, Л. Кардасевич, В. Тимачев, И. Жолковская, И. Каплун, В. Борисов.
22 мая 1976 г., г. Москва
Публикуется по АС № 2548.

4

Документ № 2

ИНФОРМАЦИЯ О НАРУШЕНИЯХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

1. Согласно Заключительному акту Европейского Совещания по безопасности и сотрудничеству (пункт «Контакты между людьми»), «Государства-участники... ставят своей целью облегчать более свободное передвижение и контакты между людьми... и содействовать решению вопросов гуманитарного характера, возникающих в данной области».

В условиях СССР «свободное передвижение» советских граждан в другие страны мира и обратно *невозможно*, если иметь в виду сколько-нибудь *свободное* передвижение.

Поэтому почтовая и телефонная связь играют исключительно важную роль в установлении более прямых контактов между людьми и в обмене гуманитарной информацией. Однако и эта связь чрезвычайно затрудняется, если каким-либо официальным органам не нравится характер взаимной информации.

2. 31 августа 1972 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление о дополнении к статье 74 Устава связи СССР, в котором говорится: «Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку». На практике это дополнение применяется таким образом, что после нескольких разговоров по телефону с иностранными абонентами, во время которых передается любая информация, *не совпадающая с официально одобренной* (например, сведения об узниках совести, о преследовании инакомыслящих, тексты заявлений в защиту преследуемых, информация из-за границы о реакции западной общественности на те или иные политические события в СССР),— телефон отключается даже без предупреждения.

Обычно телефон отключается на полгода, а затем включается с предупреждением не использовать его впредь для разговоров с заграницей, но нередки случаи, когда телефон отключается навсегда, и его номер передается другому абоненту. Ниже при-

[1] О ней см. в документе № 111 (док. 145) и документ № 140 (док. 173). — *Сост.*

водится список известных нам отключенных телефонов (из списка исключены номера, которые в конце концов снова включены властями):

а) Лица, у которых были отключены телефоны *после* подписания Заключительного акта Европейского Совещания:

1) Валентин Турчин, тел. 129-25-30, Москва, декабрь 1975. Доктор Турчин — председатель советской группы «Международной Амнистии»[IV].

2) Юрий Орлов, тел. 129-51-60, Москва, ноябрь 1975, Проф. Орлов — член «Международной Амнистии».

3) Вадим Борисов, тел. 452-85-00, Москва, август 1975. Борисов — автор известной статьи в сборнике «Из-под глыб»[V], не одобренной властями.

4) Абрам Юцис, тел. 3-70-74, Одесса, август 1975.

5) Владимир Райз, тел. 75-90-21, Вильнюс, февраль 1976.

6) Татьяна Ходорович, тел. 280-91-02, Москва. Татьяна Ходорович — известная общественная деятельница. После включения ее телефона (на короткое время) он был отключен снова в дни выезда Леонида Плюща из СССР[VI]. В эти же дни был отключен телефон у Татьяны Плющ-Житниковой.

7) Борис Фридман, тел. 37-39-58, Минск.

8) Лев Овсищер, тел. 22-81-63, Минск.

9) Владимир Кислик[1], тел. 56-55-56, Киев.

10) Марк Нашпиц, 1-62, Тупик, Читинская область.

11) Владимир Войнович, писатель, тел. 151-28-53.

б) Лица, телефоны которых были отключены до подписания Заключительного акта, но не были включены после его подписания и не включены до сих пор:

1) Нина Ивановна Буковская, 463-12-59, Москва. Телефон отключен 30 июля 1975 г. Мать известного узника совести Владимира Буковского.

2) Владимир Слепак[2] — 229-57-82, Москва.

3) Владимир Престин — 162-79 -22.

4) Павел Абрамович — 461-81-38.

5) Юлий Кошаровский — 264-93-75.

6) Ида Нудель[3] — 172-43-64.

7) Александр Лернер — 137-53-96.

8) Изабелла Новикова — 301-11-39.

9) Иосиф Бейлин — 161-42-83.

10) Марк Новиков — 164-19-83.

11) Виталий Рубин — 223-54-72, 294-97-59.

12) Виктор Браиловский[4] — 433-92-28.

13) Виктор Елистратов — 162-39-00.

14) Владимир Шахновский — 482-92-32.

15) Евгений Барас — 241-46-02.

16) Феликс Кандель — 151-96-85.

17) Евгений Якир — 129-26-30.

18) Григорий Розенштейн — 129-12-73.

19) Николай Шепелев[5] — 461-88-76.

---

[1] О нем см. документ № 172 (док. 206). — *Сост.*

[2] О нем см. документы №№ 54, 57 (док. 88, 91). — *Сост.*

[3] О ней см. документы №№ 54, 57 (док. 88, 91). — *Сост.*

[4] О нем см. документы №№ 156, 170 (док. 190, 204). — *Сост.*

[5] Вероятно, ошибка, скорее всего, имеется в виду отказник Михаил Шепелев. — *Сост.*

20) Аркадий Полищук — 287-47-11.
21) Лидия Воронина[VII] — 295-57-77.
22) Илья Эссас — 187-85-57.
23) Наум Коган — 479-80-62.
24) Иосиф Блих — 10-98-98, Ленинград.
25) Григорий Роман — 14-73-66, Ленинград.
26) Григорий Иоффе — 19-52-21, Ленинград.
27) Екатерина Давидович — 32-71-14, Минск.
28) Григорий Хесс — 24-27-40, Минск.
29) Анна Иоффе — 22-14-29, Минск.
30) Кушнер[1] — 37-18-73.
31) Исай Гольдштейн — 22-71-19, Тбилиси.
32) Ида Штерн — 2-88-13, Винница.

Оба списка не являются полными. В тех редких случаях, когда власти не хотят по каким-либо причинам отключать телефон (например, телефон академика Сахарова[2]) или же когда абоненты пользуются телефонами государственных телефонных отделений, нежелательные для властей разговоры заглушаются или прерываются. Нами зафиксированы многочисленные случаи, когда обоим абонентам, ожидающим разговора друг с другом, сообщается, что «разговор не состоится, так как второй абонент не явился» или «телефон абонента не отвечает».

3. Под не меньшим контролем, чем телефонная связь, находится почтовая связь с заграницей. В этом случае, правда, намеренное пресечение связи доказать сложнее, так как представители почтового ведомства всегда ссылаются на то, что письма не доставляются не по их вине. Опыт тех, кто пытается в судебном порядке получить компенсацию за многочисленные письма, не полученные ими и не дошедшие до них (например, Исай и Григорий[3] Гольдштейны в Тбилиси, Марк Абрамович в Кишиневе, Ида Нудель в Москве), показывает, что каждый раз безрезультатное расследование затягивается на годы. Тем не менее, в ряде случаев пресечение почтовой связи было более чем очевидным. Например (еще до подписания Заключительного акта), в апреле 1975 г. во время 22-дневной голодовки Владимира Слепака в Москве на его имя, по сообщениям американских еврейских организаций, было послано около 4-х тысяч телеграмм. Он, однако, не получил ни одной. Ида Нудель не получила ни одной из многочисленных телеграмм, посланных ей из-за границы в день рождения 27 апреля 1976 г., т.е. уже после подписания Заключительного акта.

Доктор Валентин Турчин, председатель группы «Международной Амнистии», сообщает: «Через несколько месяцев после принятия группы в организацию «Международная Амнистия», в начале 1975 г., полностью перестали пропускать материалы и письма, посылаемые из Лондона. До конца 1975 г. я поддерживал связь с Лондоном по телефону. 11 декабря был отключен телефон. Сначала было сказано, что на шесть месяцев. Если судить по примеру Орлова, то, вероятно, телефон не будет включен и через шесть месяцев. Таким образом, связь с Лондоном полностью перекрыта. Невозможно даже сказать, сколько материалов было отправлено за это время из Лондона и задержано властями. Возможно, видя, что материал не доходит, генеральный секретариат МА прекратил посылку материалов.

---

[1] Имя и город пропущены в документе. — *Сост.*
[2] О нем см. документ № 121 (док. 156). — *Сост.*
[3] О нем см. в также документе № 47 (док. 81). — *Сост.*

Наши письма, посылаемые за границу в защиту узников совести *иностранных государств,* тоже, вероятно, не доходят до адресатов, так как перехватываются по дороге. Из нескольких десятков писем, посланных членами группы за границу, значительная часть (около половины) была послана с уведомлением о вручении. И только один раз было получено уведомление (письмо Виктора Соколова министру внутренних дел[1] Испании Перальта).

Но и помимо «Амнистии» личные письма часто задерживаются властями. Чаще пропускаются открытки. Регулярно приходят только научные журналы. Остальные журналы и книги, как правило, пропадают. Директор Американской федерации ученых Джереми Стоун послал мне в ноябре 1975 г. свою книгу о проблеме разоружения. Книга пропала. В местном отделении связи меня заверили, что она к ним не поступала. С другой стороны, словарь, посланный тем же Стоуном, благополучно был доставлен мне на квартиру. Власти, следовательно, ведут отбор по вполне очевидным признакам. Но книги и журналы, пользующиеся спросом на внутреннем рынке, очень часто тоже пропадают. Наши американские друзья подписали моего сына на журнал «Нейшнл Джиографик» на 1975 г. За это время пришел только один номер. Журнал, очевидно, прельстил цензоров прекрасными фотографиями. Шведский математик Ларс Элден послал мне летом 1975 г. исторический роман о шведских викингах (варягах) в России. Книга не дошла».

4. Все эти сообщаемые нами факты говорят о продолжающихся нарушениях гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — как в пункте «Контакты между людьми», так и, по существу, в пункте «Информация».

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский, Людмила Алексеева
27 мая 1976 г.

5

ОБРАЩЕНИЕ к правительствам и парламентам стран, подписавших Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе

В СССР начала работу негосударственная Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, в которую вошли *общественные деятели,* известные своими выступлениями в защиту прав человека.

Группа поставила своей целью сбор, исследование и передачу соответствующим правительствам информации о нарушении гуманитарных статей Заключительного акта Европейского совещания 1975 года.

Мы надеемся, что наша работа будет содействовать выполнению моральных обязательств, принятых по этим статьям советским правительством. Мы призываем общественность других стран последовать нашему примеру, так как не исходим из предположения, что нарушения Хельсинкских соглашений возможны только в Советском Союзе.

[1] Правильно — сотруднику Генерального директората безопасности Испании. — *Сост.*

К сожалению, десять месяцев, прошедших после Хельсинкского совещания, со всей очевидностью показали, сколь необходима такая работа, во всяком случае в СССР.

Нельзя сказать, что ситуация внутри страны за это время ухудшилась, это было бы неверно. Например, за это время, по-видимому, не выносилось новых судебных решений об изъятии детей у религиозных родителей — баптистов, адвентистов, пятидесятников и др. Несколько уменьшилось количество судебных психиатрических репрессий. Как ни малы эти сдвиги, в наших интересах объективно фиксировать их.

Но необходимо со всей силой подчеркнуть, что даже эти малые сдвиги возникли только в результате самоотверженной работы по информированию мировой общественности о наиболее вопиющих нарушениях прав человека в СССР.

В связи с этим я должен указать, что продолжающееся преследование свободной информации является фундаментальным нарушением духа и буквы Заключительного акта Европейского Совещания.

В частности, это касается теперь деятельности самой Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Совершенно открытая и позитивная по существу своей деятельности Группа содействия была официально объявлена властями «нелегальной организацией» — хотя это звучит безумно, а также «провокационной и антиконституционной». Огромное количество агентов КГБ почти демонстративно следует за каждым шагом — моим и некоторых других членов Группы, вероятно, ожидая приказа об аресте. Можно подумать, что для государства нет большей опасности, чем общественное содействие выполнению Хельсинкских соглашений.

Но такой подход, в основу которого положены эгоистические сиюминутные интересы власти, не является — в более глубоком плане — сколько-нибудь конструктивным.

Мирная борьба за соблюдение основных прав личности, за смягчение нравов, против жестокости, за духовную терпимость и за свободное движение информации закладывает фундамент доверия и миролюбия более прочный и долговременный, чем это могут сделать одни лишь политические усилия. Проблемы безопасности в сегодняшнем мире неотделимы от гуманитарных. В этом очевидный смысл гуманитарных статей Заключительного акта, и по самому существу дела в их выполнении заинтересованы *все* народы и *все* правительства.

Если же сбор и передача информации о нарушениях этих статей квалифицируется как государственное преступление, то это подрывает самую основу Соглашения, лишает его реального содержания и внутренней логики.

Поэтому я обращаюсь к правительствам и парламентам всех стран, участвовавших в Европейском Совещании, включая СССР.

Я прошу предпринять шаги, которые защитили бы право Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений заниматься объявленной ею разумной и полезной деятельностью.

Я прошу оградить ее членов от преследований.

Руководитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
профессор *Юрий Орлов*
27 мая 1976 г.

6

В ЗАЩИТУ ВАЛЕНТИНА МОРОЗА[1]

Обращение
к главам государств, подписавших Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству народов Европы

В «Эмнести Интернэйшнл»
Национальным ассоциациям психиатров
Инициативному комитету против злоупотреблений психиатрией
в политических целях[VIII]
Пэн-клубу

Нам стало известно, что украинский писатель и журналист Валентин Мороз после 6 лет пребывания в тюрьме направлен на психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского.

Эксперты этого института снискали печальную известность тем, что признали в свое время душевнобольными П. Г. Григоренко, В. Файнберга, Л. Плюща и других психически здоровых инакомыслящих. Мы опасаемся, что эта участь ждет и В. Мороза.

Мы обращаемся к вам с просьбой образовать международную комиссию психиатров для объективного выяснения психического состояния В. Мороза.

Обследование в Институте имени Сербского должно закончиться к 10 июня. По-видимому, сразу после этого состоится решение экспертной комиссии Института о В. Морозе. В связи с этим создание международной экспертной комиссии не терпит отлагательства.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Ю. Орлов, В. Рубин, Л. Алексеева
[до 10 июня 1976 г.[2]]

7

Документ № 3

ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ УЗНИКОВ СОВЕСТИ[3]

Узники совести в СССР подвергаются физическим и моральным мучениям. Законодательно предусмотрены принудительный труд, систематические ограничения в питании, дополнительные мучения в штрафном изоляторе лагеря и в карцере тюрьмы. Нормы питания, определяемые внутренними неопубликованными приказами Министерства внутренних дел СССР и утвержденные Советом Министров СССР, в настоящее время даже ниже, чем те, которые существовали до 1969–70 годов и названы А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛаг» (VII часть) и А. Т. Марченко[4] в книге «Мои

[1] По сообщению, поступившему в июне, В. Мороз признан психически здоровым и направлен в лагерь для продолжения отбывания срока наказания. — *Ред.*

[2] Датировано по содержанию. — *Сост.*

[3] О нарушениях прав политзаключенных см. также документы №№ 61, 67, 68, 87 (док. 95, 101, 102, 120). — *Сост.*

[4] Об А. Марченко см. также «Анатолию Марченко угрожает внесудебная расправа» (док. 21), документы №№ 160, 183 (док. 194, 217).

показания». Нормы в тюрьме на «режиме пониженного питания» и в карцере, а также в лагере во внутрилагерной тюрьме и штрафном изоляторе — обеспечивают подлинную пытку голодом. Положение усугубляется тем, что продукты, которыми снабжают узников, отличаются крайне низким качеством, иногда вообще несъедобны. Недостаточное питание, голод сочетаются с тяжелым принудительным трудом, а также в ряде случаев с очень неблагоприятными жилищными условиями: холодные, сырые, вонючие камеры без дневного света и воздуха. В карцере и штрафном изоляторе законодательство предусматривает отсутствие матраца и каких-либо иных постельных принадлежностей, внутренними приказами запрещено пользование верхней одеждой — узник страдает от холода; нары или топчан, на деревянных досках которых можно лежать,— разрешены только в ночное время, в остальное время суток в карцере — каменные сырые стены, каменный сырой грязный пол — не на чем даже сидеть, не к чему прислониться.

Сейчас вопрос о пытке голодом, о пытках в штрафном изоляторе и в карцере стоит особенно остро: все большее число узников совести подвергается наказаниям, последние становятся все более тяжкими — более продолжительными.

Так, находящийся во Владимирской тюрьме видный борец за человеческие и гражданские права в СССР Владимир Буковский в июле и ноябре 1975 г. водворялся в карцер каждый раз на 15 суток; весь август месяц его держали на так называемом «пониженном питании», до конца января 1976 г. — «строгий режим»; с 18 февраля — снова месяц «пониженного питания» и затем «строгий режим» до конца августа 1976 г.

В той же Владимирской тюрьме известный деятель украинской культуры Александр Сергиенко в мае и октябре 1975 г. и в марте 1976 г. подвергался наказанию карцером, последние 2 раза — по 15 суток; месяц (июнь 1975 г.) он находился на «пониженном питании» и до декабря — на «строгом режиме».

Применению этих пыток не помешало и то, что оба они тяжело больны: у Буковского — холецистит, язва двенадцатиперстной кишки, ревматизм и ревмокардит; у Сергиенко — туберкулез легких, около года назад он перенес плеврит, частые бронхиты[1].

Буковского и Сергиенко наказывают за то, что они отказываются участвовать в принудительном труде; карцер в октябре, ноябре и марте — за протесты против жестокого обращения с другими заключенными, в том числе за жалобы в официальные инстанции.

По имеющимся у нас сведениям, не менее 30 политзаключенных Владимирской тюрьмы за последние 9–10 месяцев были подвергнуты аналогичным наказаниям. В марте–мае 1976 г. в карцере находились не менее 8 политзаключенных, некоторые по 25–45 суток — наказания за связь между камерами, за попытки передать на волю информацию о положении в тюрьме.

* * *

В последний год советское правительство впервые за свою историю связало себя двумя международными соглашениями, запрещающими применение пыток и жестокого, бесчеловечного обращения.

Международный пакт о гражданских и политических правах[IX], обязательства по которому, согласно пункту VII части А раздела 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, должно выполнять советское правительство, гласит:

---

[1] Окончание фразы, отсутствующее в зарубежных изданиях документа, восстановлено по машинописной копии из архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.2, л.20). — *Сост.*

«Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию» (статья 7, часть III Международного пакта о гражданских и политических правах).

Кроме того, сам Заключительный акт Хельсинкского Совещания предусматривает «осуществление гражданских, политических... и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности...» (пункт VII, часть А, раздел 1).

* * *

Приведенная информация, основывающаяся на большом количестве документов и материалов (см. приложение 1), свидетельствует, по мнению Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, о грубых нарушениях советской администрацией положений пункта VII части А раздела 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Поскольку Группа не считает применение пыток и жестокого, бесчеловечного обращения с политзаключенными формой «осуществления... государством-участником прав, присущих его суверенитету» (пункт VI, часть А, раздел 1), постольку она не распространяет на пытки и жестокое, бесчеловечное обращение, обусловленное этим суверенитетом, «невмешательство во внутренние дела» государств-участников Хельсинкского Совещания (пункт VI, часть А, раздел 1).

На этом основании Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает необходимым создание Международной комиссии по расследованию заявленных нарушений, в первую очередь — пыток голодом, пыток карцером узников совести в СССР.

Группа готова представить комиссии все имеющиеся в распоряжении Группы документы и материалы.

К настоящему заявлению прилагается список свидетелей, включающий людей, испытавших на себе пытки голодом, пытки штрафным изолятором и карцером.

Прилагаются также конкретные сведения о питании и некоторых условиях содержания, а также список 31 политзаключенного Владимирской тюрьмы, подвергшегося пыткам голодом и карцером после подписания Хельсинкского соглашения.

Группа считает, что деятельность комиссии должна продолжаться до прекращения пыток и бесчеловечного обращения с узниками в исправительно-трудовых учреждениях — тюрьмах и лагерях СССР.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Людмила Алексеева, Анатолий Щаранский
17 июня 1976 г., Москва

Приложение 1

Документы и материалы, на которых основывается приведенная в Заявлении информация

1. Исправительно-трудовое законодательство СССР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР.
2. «Хроника текущих событий — Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается»[X] (до № 39, март 1976 г.)
3. Анатолий Марченко «Мои показания», 1967 г.

4. Александр Солженицын «Архипелаг ГУЛаг», часть VII, 1976 г.

5. Неопубликованные секретные приказы, инструкции МВД СССР[1].

6. Устные свидетельства родственников узников совести, находящихся во Владимирской тюрьме, Мордовских лагерях строгого и особого режима, Уральских лагерях строгого режима.

7. Письменные заявления, жалобы родственников узников совести в советско-партийные органы: Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями СССР (ГУИТУ), МВД СССР, прокуратуры РСФСР и СССР, ЦК КПСС, XXV съезду КПСС и др. Официальные ответы на эти заявления и жалобы. Письменные заявления родственников узников совести, адресованные международной общественности, «Международной Амнистии» и др., а также западным коммунистическим партиям.

8. Письменные заявления, открытые и неоткрытые письма политзаключенных, в том числе узников совести, находящихся во Владимирской тюрьме, Мордовских лагерях строгого и особого режима, Уральских лагерях строгого режима[XI].

Заявления и жалобы, адресованные в советско-партийные органы: областные прокуратуры, прокуратуры РСФСР и СССР, Верховный Совет СССР, ЦК КПСС, XXV съезду КПСС и др. Ответы на некоторые жалобы[2].

9. Приговоры лиц, осужденных по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде»[3 XII].

Приложение 2

Условия заключения. Питание. Содержание в карцерах[4]

«...Индивидуализация наказания при его назначении предполагает выбор такого вида и такого размера наказания, которые обеспечили бы *кару* осужденного, а также... цели его исправления и перевоспитания. Различные виды лишения свободы неодинаковы по степени тяжести. Так, степень *кары* больше при осуждении к лишению свободы с отбыванием наказания в тюрьме, чем при осуждении к этому же наказа-

---

[1] Выдержки из этих приказов получены из неофициальных источников.

[2] Внутренние приказы МВД СССР категорически запрещают передачу какой-либо информации о положении в исправительно-трудовых учреждениях. Администрация жестоко наказывает за попытки передачи информации в обход официально существующей для писем цензуры.

Копии жалоб в официальные советские инстанции и копии ответов на жалобы то и дело изымаются у политзаключенных на постоянно проводящихся обысках.

Таким образом, передача материалов и документов из мест лишения свободы представляет чрезвычайные трудности и связана с очень большим риском.

[3] Советская администрация прячет эти приговоры не только от широкой общественности, но даже от близких родственников осужденных [См. пункт 1 примечания к документу «Система заложников». — *Сост.*].

[4] Сведения о питании и других условиях содержания политзаключенных в СССР приведены в отчете «Международной Амнистии» за 1975 г. «Узники совести в СССР. Обращение и условия». Эти сведения соответствуют действительному положению. Имеются отдельные неточности и ошибки. Некоторые из них отмечаются в нижеследующем тексте. В последнем делается акцент на планомерном ограничении питания и планомерном, регулируемом законодательством и внутренними приказами причинении других страданий; разграничиваются ограничения и страдания, регулируемые законодательством (Исправительно-трудовое законодательство — ИТЗ и Исправительно-трудовой кодекс — ИТК), и таковые же, определяемые внутренними секретными приказами, роль которых все более увеличивается. Характеризуется фактическое положение. [последняя фраза восстановлена по машинописной копии из Архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.2, л.24). — *Сост.*]

нию с отбыванием в исправительно-трудовой колонии. Также большую степень *кары* выражает лишение свободы, отбываемое в колонии особого режима, нежели в колонии строгого режима; в колонии строгого режима, чем в колонии усиленного режима; в колонии усиленного режима, чем в колонии общего режима.

...Дифференциация наказания предполагает деление (классификацию) всех осужденных к лишению свободы на... группы, нуждающиеся в сравнительно одинаковом *карательном* и воспитательном воздействии...» Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства, ст. 13.

Обвиняемые в «антисоветской агитации и пропаганде» — то есть узники совести, осужденные невинно в нарушение ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (право на свободу убеждений) и ст. 125 Конституции СССР, а также обвиняемые в «измене родине»[1]— нередко в нарушение ст. <...>[2] Всеобщей декларации прав человека и в нарушение ст. 17 и ст. 125 Конституции,— официально квалифицируемые как «особо опасные государственные преступники», направляются для отбывания наказания в «колонии» (лагеря) строгого режима, в тюрьму, а также — осужденные повторно — в лагеря особого режима.

«Индивидуализация наказания» политзаключенных выражается также в том, что их содержание, дополнительные наказания, перемещения, предоставление им медицинской помощи и т.д. — регулируются Комитетом госбезопасности (постоянные уполномоченные КГБ при исправительно-трудовых учреждениях, более высокие инстанции КГБ).

«1. Режим отбывания наказания — одно из основных средств исправления и перевоспитания осужденного. В режиме отражается суть наказания и присущая ему *кара*...

Неотвратимость наказания за малейшее нарушение этих требований...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 19.

«В зависимости от поведения и *отношения к труду* условия содержания осужденных могут изменяться как в пределах одного исправительно-трудового учреждения, так и путем перевода в другие исправительно-трудовые учреждения...» — Комментарий к основам ИТЗ, ст. 22.

Политзаключенные, не идущие на компромиссы с администрацией, с Госбезопасностью, сохраняющие свое человеческое достоинство,— то и дело подвергаются наказаниям «за нарушение режима», нередки случаи перевода из лагеря в тюрьму.

Питание. Исправительно-трудовое законодательство СССР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (и союзных республик) скрупулезно регулирует право приобретения заключенным — за его собственный счет — продуктов питания и предметов первой необходимости, а также право получения помощи — посылок, передач, бандеролей — извне. Предусматривается также лишение даже этих мизерных прав — в виде наказания, меры «взыскания».

Приобретать продукты питания и предметы первой необходимости разрешено только на деньги, заработанные в исправительно-трудовом учреждении — ИТУ; в лагере строгого режима — на сумму до 5 рублей в месяц, в лагере особого режима — до 4 руб., в тюрьме на общем режиме — до 3 руб., в тюрьме на строгом режиме — до 2 рублей в месяц[3].

---

[1] Ст. 64 УК РСФСР и ее аналоги в уголовных кодексах союзных республик. См. преамбулу документа № 6 (док. 12).

[2] Пропуск в документе, предположительно ст.13 ч.2 Всеобщей декларации прав человека. — Сост.

[3] На 1 рубль можно купить 5 кг дешевого белого хлеба, или 1 кг наиболее дешевых конфет, или 600 г подсолнечного масла, или 300 г сливочного масла, или 300–350 г более-менее полноценного сыра... Продукты в лагерном или тюремном ларьке обычно очень низкого качества, нередко лежалые, начавшие портиться.

Одна из «мер взыскания» — лишение права пользоваться ларьком на месяц (см. Основы ИТЗ, ст. 34)[1].

«...Перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, на покупку которых осужденные к лишению свободы могут расходовать деньги, определяется *Правилами внутреннего распорядка* исправительно-трудовых учреждений»,— Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 23.

Правила внутреннего распорядка — ПВР — определяются неопубликованными секретными приказами и инструкциями Министерства внутренних дел СССР, в частности, объемистым приказом № 020, изданным в 1972 г.

В перечне продуктов отсутствуют сахар, мед, мясные изделия, молоко, сгущенное молоко, шоколад и ряд других питательных продуктов.

Нередко в продаже отсутствуют даже разрешенные в перечне продукты, например, лук, чеснок, свежие овощи (фрукты запрещены), подсолнечное масло.

Продукты обычно очень низкого качества, нередко залежавшиеся, начавшие портиться.

Посылки (передачи) и бандероли регламентируются ИТЗ и ИТК:

«...В тюрьмах получение посылок и передач не разрешается»,— Основы ИТЗ, ст. 25.

«Право на получение посылок или передач у осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях, наступает не ранее чем по отбытии ими половины срока наказания».

«Лишаются права на получение посылок или передач осужденные, переведенные в порядке дисциплинарного взыскания в помещения камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режима и в одиночную камеру колонии особого режима...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

Вес посылки или передачи, согласно ИТЗ и ИТК, не более 5 кг. Количество посылок определяется, согласно ИТЗ, исправительно-трудовыми кодексами союзных республик.

ИТК РСФСР разрешает: в исправительно-трудовой колонии (лагере) строгого и особого режима — не более одной посылки или передачи в год (см. ИТК РСФСР, ст. 64)[2].

Одна из «мер воздействия» — лишение права на посылку (см. Комментарий к основам ИТЗ, ст. 34)[3].

Отсутствует в Основах ИТЗ и ИТК, но официально существует перечень разрешенных продуктов.

Разрешены: хлеб, хлебо-булочные изделия, сельдь, консервы рыбные, мясо-растительные, сало-бобовые, овощные, фруктовые, жиры, сыр, конфеты, повидло, лук репчатый, чеснок.

Не пропускаются в посылках (или в передачах): сахар, мед, шоколад, мясные изделия, фрукты и др.[4]

Разрешены 2 бандероли в год весом до 1 кг каждая. В Комментарии к Основам ИТЗ приводится перечень предметов и продуктов, которые разрешено посылать в бандеролях: «сухие кондитерские изделия, за исключением шоколада и изделий из него».

---

[1] Многие политзаключенные лишены права пользоваться ларьком по нескольку месяцев в году.

[2] В отчете «Международной Амнистии» за 1975 г. на стр. 62 указаны три посылки в год. Три посылки разрешены только в лагере общего режима.

[3] Политзаключенных нередко лишают права на посылку.

[4] До 1969 г. [в этом году Верховный Совет СССР утвердил Основы ИТЗ. — *Сост.*] разрешалось больше посылок, в тюрьме — до 2-х посылок в год. Ассортимент не ограничивался, например, можно было посылать мёд. Ограничения ассортимента в последние годы становятся все более жесткими.

«Сухие кондитерские изделия, поступившие в бандеролях в адрес лиц, содержащихся в помещениях камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режима, в одиночных камерах колоний особого режима, а равно на строгом режиме в тюрьмах, выдаются адресатам только после отбытия ими взыскания»,— Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

«...бандероли не вручаются только осужденным, водворенным в штрафной, дисциплинарный изолятор или в карцер, до отбытия ими взыскания» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

Нормы питания охарактеризованы в Исправительно-трудовом законодательстве СССР и Исправительно-трудовом кодексе РСФСР только в самых общих чертах.

«Осужденные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма. Нормы питания дифференцируются в зависимости от... характера выполняемой осужденными работы и их *отношения к труду.* Лица, водворенные в штрафной или дисциплинарный изолятор, в карцер, в помещения камерного типа, а также в одиночную камеру в колонии особого режима, получают питание по *пониженным нормам*»,— Основы ИТЗ, ст. 36.

«7. ...за питание и одежду из заработка осужденных производится удержание их стоимости...

8. Норма о взыскании с осужденных, злостно уклоняющихся от работы, стоимости питания и одежды из средств, имеющихся на их лицевых счетах, направлена против тунеядцев... Такие удержания осуществляются не в качестве меры взыскания и поэтому не только не исключают, но и предполагают применение к лицам, злостно уклоняющимся от работы, мер взыскания. Под злостным уклонением от работы следует понимать отказ осужденных от работы или систематическое невыполнение производственных норм и установленных заданий...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 36[1].

«Нормы питания и материально-бытового обеспечения лиц, лишенных свободы, устанавливаются Советом Министров СССР»,— Основы ИТЗ, ст. 36.

Конкретно нормы питания определяются внутренними, неопубликованными секретными приказами МВД СССР.

Эти нормы отнюдь не обеспечивают «нормальную жизнедеятельность организма»; нормы «помещения камерного типа» (ПКТ — внутрилагерная тюрьма), применяемого в тюрьме «режима пониженного питания», а также карцера и штрафного изолятора (ШИЗО) нельзя квалифицировать иначе, чем пытку голодом.

«По норме 9-а довольствовать выполняющих нормы выработки осужденных, переведенных в ПКТ или водворенных в ШИЗО с выводом на работу.

По нормам 9-б довольствовать злостно отказывающихся от работы или умышленно не выполняющих норм выработки осужденных, переведенных в ПКТ. Осужденных, водворенных в ШИЗО без вывода на работу или с выводом на работу, но злостно отказывающихся от работы или умышленно не выполняющих норм, довольствовать горячей пищей через день. В день лишения горячей пищи им выдается 450 г хлеба, соль и кипяток» — из приказа МВД СССР № 025 (?)[2].

Ниже приводятся некоторые нормы питания и ориентировочные данные о калорийности и содержании белков в выдаваемых по этим нормам продуктах. (Расчеты

[1] Из суммы, начисленной за работу, 50% вычитается в пользу государства (МВД); из оставшейся суммы вычитается стоимость положенных по нормам питания продуктов (вместе с накладными расходами). Обычно эта сумма составляет 13–15 рублей в месяц. Заключенный обязан ходить в одежде специального образца, с него вычитается стоимость выдаваемой ему одежды.

[2] Так в тексте документа. — *Сост.*

сделаны для продуктов удовлетворительного, соответствующего государственным стандартам качества.)

Норма № 1 — «общая» норма в лагере строгого режима:

хлеб ржаной	650 г
мука пшеничная	10 г
крупы разные	110 г
макароны	20[1]г
мясо	50 г
рыба	85 г
жиры	10 г
масло растит.	15 г
сахар	20 г
картофель	450 г
капуста и др. овощи	200 г
томат-паста	5 г

Общая калорийность около 2500, содержание белковой массы около 65 г.

Норма 9-а — помещение камерного типа — ПКТ в лагере строгого режима и одиночная камера в лагере особого режима:

хлеб ржаной	600 г
мука пшеничная	10 г
крупы разные	80 г
макароны	10 г
мясо	30 г
рыба	75 г
жиры	00 г
масло растит.	15 г
сахар	10 г
картофель	350 г
капуста и др.	200 г
томат-паста	5 г

Общая калорийность около 2100, содержание белковой массы около 55 г.

Норма 9-б — «режим пониженного питания», а также рацион дня с горячим питанием в штрафном изоляторе — ШИЗО и в карцере.

хлеб ржаной	450 г[2]
мука пшеничная	10 г
крупы разные	50 г
рыба	60 г
мясо	00 г

[1] 10 г — в машинописной копии из Архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.2, л.27). — *Сост.*

[2] В отчете «Международной Амнистии» за 1975 г., стр. 56, приведены нормы одного дня ШИЗО, почему-то названные «особым режимом», но указано, что питание по такой норме дается только через день, а через день — только хлеб, 450 г.

жир (или растит. масло)	6 г
картофель	250 г
капуста	200 г
томат-паста	5 г

Общая калорийность около 1400, содержание белковой массы — 38 г.

Норма 9-б в ШИЗО и в карцере в день без горячей пищи:

хлеб ржаной	450 г

Общая калорийность около 900, содержание белковой массы — 22,5 г.

Средняя общая калорийность в ШИЗО и в карцере — 1150, среднее содержание белковой массы — 30 г.

В тюрьме при «общем режиме» продукты, предусмотренные нормой, содержат около 2000 калорий и около 51 г белковой массы; при «строгом режиме» — около 1750 калорий и около 49 г белковой массы; при «режиме пониженного питания» — около 1400 калорий и около 38 г белковой массы.

Во Владимирской тюрьме при всех режимах полагается 450 г ржаного хлеба, что соответствует, если хлеб удовлетворительного качества,— 900 калориям и 22,5 г белковой массы[1].

Весной 1975 г. политзаключенным, которые начали работать, выдавали дополнительно 100 г хлеба в день и 100 г мыла в месяц[2].

Рацион «пониженного питания» (Владимирская тюрьма):

450 г черного хлеба, недопеченного, сырого, кислого, тяжелого и, кроме того:

завтрак — 60 г кильки или тюльки, нередко совершенно гнилой, несъедобной;

обед — около половины литра постных жидких щей или постного жидкого супа (в щах, кроме гнилой вонючей капусты, плавает несколько кусочков картошки, часто черной; в супе столько же картошки и немного крупы, перловой или овсяной);

ужин — около стакана жидкой каши (овес, перловая крупа или пшено, сваренные на воде).

Общее количество жира (или растительного, масла?) по одним данным — 3–4 г в сутки, по другим — 5-6 г в сутки (жир кладется в пищу).

Многие политзаключенные утверждают, что голод при «режиме пониженного питания», учитывая его продолжительность — один месяц,— не менее мучителен, чем в карцере или в ШИЗО, если находиться там 10–15 суток.

Согласно Исправительно-трудовому законодательству продолжительность содержания в помещении камерного типа — ПКТ, в одиночной камере в лагере особого режима, а также на «строгом режиме» в тюрьме — от 2-х до 6-ти месяцев[3].

«Режим пониженного питания» ИТЗ не предусмотрен. Однако этот режим неизменно назначается на первый месяц «строгого режима» во Владимирской тюрьме. Очевидно, это предусмотрено внутренними приказами МВД СССР.

---

[1] В отчете «Международной Амнистии», стр. 57, ошибочно сказано, что на «строгом режиме» в тюрьме выдается 400 г хлеба; несколько занижена, по-видимому, формально вычисляемая калорийность продуктов, полагающихся на «строгом режиме» в тюрьме.

[2] В отчете «Международной Амнистии», стр. 59, указывается, что они получали также «некоторое количество мёда». Это ошибка. Мёд заключенным не дают (а также не разрешают получать в посылках, передачах, бандеролях).

[3] Там же, стр. 57, ошибочно указано — до 2-х месяцев.

ИТЗ (и ИТК) ограничивает срок содержания в ШИЗО и в карцере 15-ю сутками. Однако в последние годы, особенно в последние месяцы, нередки случаи, когда в карцере или в ШИЗО непрерывно или с очень небольшими промежутками держат значительно большие сроки, до 40–50 суток[1]. Это, по имеющимся у нас сведениям, не противоречит действующим секретным приказам. Содержание в этих камерах пыток ограничивается только так называемыми медицинскими показаниями: политзаключенному не дают умереть...

Таким образом, существующие нормы питания обеспечивают систематически недостаточное и периодически — в течение длительных сроков — катастрофически недостаточное питание.

Калорийность ниже минимально необходимой:

в лагере при общем питании (норма № 1) — на 20–30%[2]

во внутрилагерной тюрьме — ПКТ (норма 9-а) — на 35–45%[17]

в штрафном изоляторе — ШИЗО — на 40–60%[17]

в тюрьме при «общем режиме» — на 10%[17]

в тюрьме при «строгом режиме» — на 20%[17]

в тюрьме при «пониженном питании» — на 35–40%[3]

Карцер — пытка, не поддающаяся никаким расчетам.

---

[1] В Уральском лагере № 35 (учреждение ВС-389-35) политзаключенного И. Вальдмана держали в ШИЗО с 18 августа по 8 октября 1975 г. — 38 суток; в критическом состоянии вынесли из ШИЗО в больницу (не додержав двое суток в ШИЗО). 15 октября его взяли на этап во Владимирскую тюрьму. В том же лагере политзаключенного А. Альтмана в сентябре 1975 г. держали в ШИЗО 25 суток; затем поместили на 3 месяца в ПКТ. Р. Зограбян за три месяца — октябрь–декабрь 1975 г. — находился в ШИЗО 45 суток, затем его поместили в ПКТ. Вальдман и Альтман подвергались перечисленным (и еще нескольким) наказаниям — за отказ от участия в принудительном труде. Зограбян — за то, что отказался работать токарем, требуя, чтобы ему разрешили работать слесарем (у него специальность слесаря; выстоять 8 часов у токарного станка он не может, т. к. у него больная спина).

А. Болонкин (Мордовия, учреждение ЖХ-385-19) в октябре 1975 г. был водворен в ШИЗО на 15 суток (фактически пробыл 7 суток, т. к. начал оправляться кровью), в декабре — 12 суток, в феврале 1976 г. — 15 суток; последний раз — за попытку передать на волю поздравление Нобелевскому лауреату А. Сахарову.

Во Владимирской тюрьме В. Балахонова держали в карцере в ноябре 1975 г. 22 суток (за то, что он требовал перевода в другую камеру по состоянию здоровья: в камере, где он находился, нет канализации, а у него постоянный понос); в апреле 1976 г. — 15 суток.

Я. Сусленский в мае 1975 г. — 15 суток (в карцере перенес тяжелый сердечный приступ), в январе–феврале 1976 г., с небольшим перерывом, 12 и 15 суток, каждое водворение в карцер — за «недопустимые выражения в жалобах» (в марте 1976 г., вскоре после выхода из карцера,— церебрально-сосудистый криз).

В. Абанькин в мае 1975 г. — 8 суток, в ноябре — 15 суток (начали сильно опухать ноги), а марте–мае 1976 г. — 45 суток, причем 30 суток — без вывода из карцера.

Г. Давыдов в марте–апреле 1976 г. — 30 суток подряд.

Последние наказания Абанькина, Давыдова и ряда других — за межкамерную связь и попытки передачи информации о положении в тюрьме на волю.

[2] Энергетические затраты мужчины, занятого физическим трудом, приняты равными 3100–3900 калорий (данные Технического отчета Всемирной организации здоровья 1973 г. По некоторым отечественным данным, энергетические затраты работающего мужчины составляют 4000–4500 калорий). Согласно Исправительно-трудовому законодательству, заключенный работает 8 часов в сутки, 6 дней в неделю; кроме того, администрация имеет право привлекать его к работе по благоустройству лагеря. Отпусков не полагается.

[3] Энергетические затраты мужчины в состоянии покоя в нормальной обстановке приняты равными 2200 калорий.

Количество белков ниже минимально необходимого[1]:
в лагере при общем питании (норма 1) — на 0–7%
во внутрилагерной тюрьме — ПКТ (норма 9-а) — на 15–20%
в штрафном изоляторе — ШИЗО — на 55–60%
в тюрьме при «общем режиме» — на 20–25%
в тюрьме при «строгом режиме» — на 25–30%
в тюрьме при «пониженном питании» — на 40–45%.

Фактически заключенные получают еще меньше питательных веществ, чем указано в приведенных выше нормах, так как продукты, которыми снабжаются лагеря и тюрьмы, отличаются крайне низким качеством, иногда вообще несъедобны[2].

Так, черный (ржаной) хлеб обычно недопеченный, сырой, кислый, тяжелый; он значительно отличается от хлеба, поступающего в вольную продажу. Рыба (в тюрьме — килька, тюлька, очень соленая; в лагере — соленая треска или другая соленая рыба) — нередко совершенно испорченная, гнилая. Мясо — самого низкого качества, мясные отходы. Квашеная капуста, употребляемая для приготовления щей или борща, которые входят в рацион несколько раз в неделю,— вонючая, полусгнившая или совершенно гнилая. Картофель большую часть года — сушеный, с давно просроченным сроком хранения. И т. д.

Все рационы не содержат или почти не содержат витаминов. В тюрьме нет ни малейшей возможности восполнить этот недостаток.

Следует также иметь в виду, что условия, в которых живут и работают заключенные, в частности политзаключенные,— далеко не удовлетворительные. Особенно это относится к условиям камерного режима в лагере (внутрилагерная тюрьма — ПКТ, лагерь особого режима) и в тюрьме. Штрафной изолятор и, тем более, карцер — рассчитаны на причинение жестоких страданий.

Камерное содержание. Тюрьма

«2. Лица, отбывающие наказание в тюрьмах, содержатся в камерах. Двери камер всегда закрыты на замок...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21.

«1. Особенности режима в тюрьмах обусловливаются в первую очередь составом осужденных...

---

[1] Потребность в белках, согласно международным стандартам, принята равной 1 г на килограмм веса, т. е. 65–70 г (при условии, что человек получает достаточное количество калорий).

[2] Политзаключенные протестуют против недоброкачественной пищи, пишут заявления, жалобы в надзорные инстанции. Положение не меняется.

За жалобы о гнилой рыбе в августе 1975 г. политзаключенные Владимирской тюрьмы Ю. Вудка, Г. Роде и А. Чекалин были водворены в карцер на 7 суток.

В заявлении, адресованном матерью В. Буковского в Прокуратуру СССР, содержалась, в частности, жалоба на крайне недостаточные нормы питания при «пониженном питании» и «строгом режиме», на которых содержится во Владимирской тюрьме В. Буковский. Официальный ответ поступил из прокуратуры Владимирской области:

«Сообщаю, что Ваша жалоба, поступившая из Прокуратуры СССР, проверена... Положенные по нормам питания продукты в котел закладываются полностью, качество приготовления пищи контролируется врачами...» — 4 июня 1976 г., ст. помощник прокурора области, ст. советник юстиции — П. И. Образцов.

В заявлениях, адресованных 25-му съезду КПСС (февраль 1976 г.), политзаключенные Владимирской тюрьмы требовали увеличить нормы питания, улучшить его качество; требовали прекратить использование голода в качестве воздействия на политзаключенных, на их убеждения. В поддержку своих требований они в дни съезда держали голодовки.

...Режим в тюрьмах отличается от режима в исправительно-трудовых колониях более строгой изоляцией и охраной осужденных. Это находит выражение как в больших ограничениях связи осужденных с внешним миром, так и в ограничениях общения осужденных между собой...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21.

«3. Поскольку осужденные, отбывающие наказание в тюрьме, постоянно находятся в закрытых помещениях, правилами режима для них предусмотрена ежедневная прогулка на воздухе...

Продолжительность прогулки дифференцируется: для осужденных, содержащихся на общем режиме,— 1 час, на строгом режиме — 30 мин.

...Продолжительность прогулки может быть увеличена в порядке поощрения осужденного. *Лица, водворенные в карцер, на прогулку в течение всего времени отбывания взыскания не выводятся*»,— Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21[1].

Режим во внутрилагерной тюрьме — ПКТ и в одиночной камере в лагере особого режима — согласно ИТЗ — аналогичен таковому в тюрьме на строгом режиме. В ИТК РСФСР указывается, что на каждого заключенного в тюрьме полагается не менее 2,5 м^2 площади (в лагере — не менее 2,0 м^2); во Владимирской тюрьме даже эта мизерная норма иногда не соблюдается.

В камерах Владимирской тюрьмы холодно, сыро, мрачно. Окна загорожены железными жалюзи[2] — не проникает дневной свет и в значительной степени свежий воздух. Камера освещается электрической лампочкой 60–100 ватт; поскольку политзаключенные обычно много читают, освещение явно недостаточное, устают и портятся глаза.

Пол камеры — каменный, цементный; политзаключенные неоднократно обращались с заявлениями — покрыть пол досками, как это предусмотрено во внутреннем приказе № 020. Доски не настилают.

Камеры 3-го, 4-го и многие камеры 1-го корпуса оборудованы канализацией и водопроводом (в камере — унитаз и водопроводный кран, то есть по существу камера представляет собой совмещенный санузел); канализация нередко засаривается, в камере — вонь.

В камерах 2-го и некоторых камерах 1-го корпуса унитаза и водопроводного крана нет; в камере стоит «параша» (бачок для отправления естественных надобностей); два раза в сутки выводят на «оправку». Многие камеры 2-го корпуса являются камерами тюремной больницы (2-й корпус — больничный), и их антисанитарное состояние переносится особенно тяжело. От долгого пребывания в камерах без канализации нередко развивается геморрой.

Прогулочные дворики — каменные колодцы: каждый дворик, площадью немногим более камеры — 5–6 м х 3–4 м, отгорожен высокой кирпичной стеной, сверху — железная решетка (в камере заключенный вообще не видит неба, на прогулке — небо в клетку; зелени, растительности — не видит никогда). На территорию двориков обычно не попадает солнечный свет.

---

[1] Мать политзаключенного А. Сергиенко ходатайствовала о предоставлении ее *туберкулезному* сыну *дополнительной прогулки*.

В медицинском управлении МВД СССР ей ответили, что «неправомочны менять режим туберкулезным больным», в частности, удлинять время прогулки; неправомочны также воспрепятствовать пагубным для здоровья наказаниям, в частности, водворению в карцер.

В Прокуратуре РСФСР отказали в ходатайстве, ссылаясь на «правительственные установки» в вопросах режима. Ей было заявлено, что А. Сергиенко «ведет себя плохо»: в 1975 г. — отказался от работы; за один год написал 84 жалобы в высшие инстанции в резких выражениях, критикуя порядки учреждения ОД-1-ст-2 (Владимирской тюрьмы).

[2] В «Архипелаге ГУЛаг» А. Солженицына и в «Моих показаниях» Анатолия Марченко описали только «намордники» на окнах. Жалюзи появились уже после ... [так в тексте документа, возможно, после 1969 г. — *Сост.*] года.

Карцер

«...В ... штрафных изоляторах осужденным запрещаются свидания, отправка писем, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение... *Не выдаются постельные принадлежности и не предоставляются прогулки...*

...Водворение в карцер лиц, содержащихся в тюрьмах, представляет собой специальный дисциплинарный арест, аналогичный водворению в штрафной изолятор. Срок нахождения в карцере... *до 15 суток. Условия нахождения в карцере более суровые, нежели в штрафном изоляторе.*

На осужденных, содержащихся в карцерах, полностью распространяется режим, установленный для штрафных изоляторов. Кроме того, в карцерах введено одиночное содержание...» — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 34.

Очевидно, последние внутренние приказы МВД, как уже отмечалось выше, не согласуются с Исправительно-трудовым законодательством и допускают содержание в карцере значительно более 15 суток. Внутренние приказы предусматривают не только отсутствие матраца и каких-либо иных постельных принадлежностей, но также и отсутствие верхней одежды. Перед водворением в карцер переодевают в специальную одежду: заношенные грязные хлопчатобумажные брюки и куртка. Согласно приказам, температура должна быть не ниже 16–18° Цельсия. Фактически она в ряде случаев гораздо ниже.

Карцер № 4-1 (4-й корпус Владимирской тюрьмы).

Цементные стены и цементный пол. Стены покрыты цементной «шубой» — острыми выступами, буграми. Пол — грязный, сырой (аналогично — в других карцерах).

В глубине метровой стены слепое окно, часть стекла разбита, и окно заклеено обрывками газет. В других карцерах оконная ниша загорожена частой решеткой, даже палец в нее не просунешь. В некоторых окна вообще забиты, заложены кирпичом. Сидеть практически не на чем. Имеется специально оборудованный выступ стены: вертикальный полуцилиндр радиусом около 20–25 см, высотой около 50 см, сверху покрытый доской (по размеру поперечника выступа), окованный по краям железом. Сидеть на таком сооружении невозможно: быстро перенапрягаются и начинают болеть мышцы ног и спины, в спину вонзаются острые бугры цементной «шубы». (Примерно аналогичные выступы, на которых также невозможно сидеть, имеются и в других карцерах.)

На ночь втаскивается топчан — невысокий деревянный ящик, перевернутый вверх дном (иногда дно пересечено железными полосами). Можно лечь на голые доски и железо. Но холод не дает спать. Часто невозможно даже лежать. Пронзительный холод заставляет все время двигаться[1].

Площадь карцера № 4-1 около 3-х м^2 (площадь других карцеров обычно меньше — 2,5–2,2 м^2).

Полутемно. Электрическая лампочка в нише стены загорожена железным щитком с дырочками.

Имеется унитаз — открытый слив без сифона. Сильная вонь. (Нестерпимая вонь — бич многих карцеров. В некоторых оборудована вентиляция, которая втягивает вонь

[1] В мае 1975 г. Я. Сусленскому после тяжелого сердечного приступа (упал, потеряв сознание, около 5 часов лежал на грязном мокром цементном полу) разрешили не выносить из камеры топчан. Чрезвычайным случаем является и выдача в карцер бушлата. В ноябре 1975 г. несколько заключенных (в том числе В. Абанькин), находившиеся в карцерах в почти не отапливаемом здании — ледяной холод, после нескольких дней настойчивых требований получили наконец разрешение пользоваться в карцере бушлатом.

из канализации. Надзиратели иногда включают эту вентиляцию, чтобы досадить или наказать узника. В ряде карцеров канализации нет, стоит «параша».)

Политзаключенных подвергают «специальному дисциплинарному аресту» — *пытке* карцером — за жалобы, в которых администрация усматривает «клеветнические» или «недопустимые» выражения, за невыполнение нормы выработки (весной 1975 г.), за отказ от работы[1], за межкамерную связь, за попытки передачи информации за стены тюрьмы, за отказ «добровольно отдать религиозную литературу» (Библию), за отказ «добровольно» сбрить усы и т.д. и т.п.

Каждый случай водворения в карцер вызывает поток заявлений, жалоб политзаключенных. В ноябре 1975 г. политзаключенные Владимирской тюрьмы держали 5-дневную голодовку — протест против учащающихся наказаний карцером.

Прокуратуры РСФСР, СССР, а также ЦК КПСС не усматривают в охарактеризованных выше мучениях и пытках никаких нарушений законности.

Приложение 3

Политзаключенные Владимирской тюрьмы, подвергавшиеся наказаниям — «режиму пониженного питания», «строгому режиму» и пытке карцером — после подписания Хельсинкского соглашения[2]

Абанькин	пониж. п. — сентябрь 1975, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 г. — 8, ноябрь — 15, март-май 76 — 45 суток.
Антонюк[3]	пониж. п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Афанасьев	пониж. п. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Балахонов	пониж. п. — август 75, сентябрь — строгий реж.; карцер: ноябрь 75 — 22, апрель 76 — 15 суток.
Бондарь[4]	пониж. п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Буковский	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — строгий реж.; пониж. п. — февраль-март 76, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15, ноябрь — 15 (фактически пробыл 12 суток: тяжело больного взяли из карцера в больницу).
Вальдман	пониж. п. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Вудка	пониж. п. — июнь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; пониж. п. — январь 76, след. 1,5 мес. — строгий реж. (потом этап в лагерь); карцер: август 75 — 7 суток.

[1] За невыполнение нормы выработки были водворены в карцер в мае 1975 г. А. Сергиенко, Ю. Вудка. За отказ от участия в принудительном труде были водворены в карцер летом 1975 г. В. Буковский, И. Мешенер, Ю. Гродецкий, М. Макаренко и др. После карцера все они были помещены на «пониженное питание» (один месяц) и «строгий режим» — от 4-х до 6-ти месяцев. В. Буковский, Г. Давыдов и др. были затем помещены на «пониженное питание» и «строгий режим» повторно, на 6 месяцев.

[2] В октябре 1975 г. больной туберкулезом А. Сергиенко был помещен на 15 суток в карцер за заявление, в котором сообщал об избиениях заключенных надзирателями с явного или подразумеваемого одобрения администрации тюрьмы.

В ноябре 1975 г. В. Буковский и трое его сокамерников (В. Абанькин, А. Сафронов, Б. Шакиров) были водворены в карцер «за хулиганские действия» в поддержку «симулянта»: им пришлось стучать и шуметь, чтобы вызвать врача к сокамернику Г. Роде, у которого начинался заворот кишок (кровавая рвота, сильные схватки в животе; несколько лет назад у Роде была операция в связи с заворотом кишок).

[3] О нем см. в документе № 87 (док. 120). — *Сост.*

[4] О нем см. документ № 46 (док. 80). — *Сост.*

Гродецкий	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15, сентябрь — 10 суток.
Гайдук	пониж. п. — февраль 76, след. 3 мес. — строгий реж.
Давыдов	пониж. п. — июнь 75, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — январь 76, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: март-апрель 76 — 30 суток подряд.
Здоровый	пониж. п. — январь 75, след. 5 мес. — строгий реж.
Макаренко	пониж. п. — июль 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: летом 75 — 23, февраль 76–10 суток.
Мешенер	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15 суток (в феврале 76 — освобожд.).
Любарский	карцер: февраль 76 — 12 суток.
Пашнин	пониж. п. — август, след 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — декабрь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: февраль 76 — 10 суток
Педан	пониж. п. — август, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — февраль-март 76, след. 5 мес. — строгий реж.
Попадюк	пониж. п. — июль 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Приходько	пониж п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Ракецкий[1]	пониж. п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Роде	пониж. п. — май 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: август 75 — 7 суток.
Романенко	карцер: январь или февраль 76 — 15 суток.
Сафронов	пониж. п. — сентябрь 75, затем 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 — 8, сентябрь — 10, ноябрь — 10, апрель 76 — 15 суток.
Сергиенко	пониж. п. — июнь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 — 8, октябрь — 15, март 76 — 15 суток.
Суперфин	пониж п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.; карцер: январь 76 — 6 суток.
Сусленский	карцер: май 75 — 15, январь-февраль 76 — 12, февраль-март — 15 суток.
Турик	пониж. п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Федоренко	карцер: февраль 76 — 15 (фактически пробыл 12 суток: взяли из карцера в очень тяжелом состоянии).
Хнох	пониж. п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
Чекалин	пониж. п. — май 75, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.: карцер: август 75 — 7 суток
Шакиров	пониж. п. — сентябрь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июнь 75 — 15, ноябрь — 10, апрель-май 76 — 25 суток подряд[2].

[1] Так в тексте, правильно — Рокецкий — *Сост.*

[2] Абанькин, Афанасьев, Буковский, Вудка, Гродецкий, Давыдов, Здоровый, Макаренко, Мешенер, Педан, Сафронов, Сергиенко, Пашнин, Чекалин, Шакиров помещены на «пониженное питание» и «строгий режим» за отказ участвовать в принудительном труде. Антонюк, Балахонов, Бондарь, Вальдман, Гайдук, Пашнин (первый раз), Попадюк, Приходько, Рокецкий, Роде, Суперфин, Турик, Хнох помещены на «пониженное питание» и «строгий режим» в связи с их переводом — прибытием во Владимирскую тюрьму из лагерей строгого режима (см. ст. 15 ИТЗ СССР); перевод названных лиц в тюрьму — наказание (интегральная «мера взыскания») за отказ от участия в принудительном труде в лагере — выход на статус политзаключенного. [О статусе политзаключенного см. документ № 66 (док. 100). — Сост.] (Перед отправкой в тюрьму в лагере они подвергались водворению в ПКТ, в ШИЗО, а также ряду других наказаний. Период этапа также нередко является чрезвычайно тяжким; питание на этапе: тюремный хлеб и селедка, вода часто дается всего два раза в сутки.)

По-видимому, нам известны не все случаи наказаний во Владимирской тюрьме, и перечень является неполным.

Приложение 4

Список свидетелей[1]

1 — фамилия, имя, отчество; 2 — год рождения; 3 — год ареста[2]; 4 — срок лишения свободы; 5 — срок ссылки; 6 — статья — ст.…[3]; 7 — где находится в настоящее время: (ВТ) — Влад. тюрьма; (35), (36), (37) — Уральские лагеря строгого режима; (3-5), (3-4), (17), (19) — Мордовские лагеря строгого режима; (1, 0) — Мордовия, лагерь особого режима[4]; освобожден…

1	2	3	4	5	6	7
Абанькин Витольд Андреевич	46	66	12	—	ст. 64	(ВТ)
Айрикян Паруйр Аршарович[5]	49	(69-73) 73[6]	7	3	ст. 70	(17)
Альтман Анатолий Адольфович	41	70	10	—	ст. 64	(35)
Антонюк Зиновий Павлович	33	72	7	3	ст. 70	(ВТ)
Ассельбаум[7] Вилис	23	52	25	—	ст. 58	(35)
Бабич Сергей						освобожден в январе 75 г., адрес: Житомирская обл.

[1] Нам известно, что названные в списке лица подвергались и подвергаются (кроме тех, кто уже освобожден по окончании срока) жестокому, бесчеловечному обращению, в том числе находились в ПКТ, ШИЗО, иногда также на «режиме пониженного питания» и в карцере. Мы полагаем, что названные лица способны дать честные, правдивые показания. Мы не спрашивали их согласия дать эти показания. Мы еще раз напоминаем о необходимости оградить их от возможных репрессий в случае, если они будут выступать в качестве свидетелей и дадут честные, правдивые показания (это не относится к лицам, уже эмигрировавшим за границу).

[2] Если арест повторный (человек ранее уже отбыл наказание примерно по аналогичному обвинению), после даты ареста ставится знак*; в некоторых случаях перед годом последнего ареста указываются в скобках годы предыдущего заключения.

[3] Ст. 70 — «антисоветская агитация и пропаганда»; ст. 64 — «измена родине»; ст. 58 — «контрреволюционная деятельность» [Точнее — «Контрреволюционные преступления» — Сост.] — старый Уголовный кодекс, действовавший до 1958 г.

[4] Лаг. № 35 — Пермская обл., Чусовской р-н, ст. Всесвятское, учр. ВС-389-35;
Лаг. № 36 — Пермская обл., Чусовской р-н, ст. Кучино, учр. ВС-389-36;
Лаг. № 37 — Пермская обл., Чусовской р-н, пос. Половинка, учр. ВС-389-37;
Лаг. № 3-4 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Барашево, учр. ЖХ-385/3-4;
Лаг. №3-5 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Барашево, учр. ЖХ-385/3-5;
Лаг. № 17 — Мордовская АССР, ст. Потъма, пос. Озерный, учр. ЖХ-385/17.
Лаг. № 19 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Лесной, учр. ЖХ-385/19.
Лаг. №1 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Сосновка, учр. ЖХ-385/1.

[5] О нем см. документ № 148 (док. 181). — *Сост*.

[6] 1974 (здесь и далее в этом документе данные о годе ареста, сроке лишения свободы и годе рождения уточнены или восстановлены по материалам Архива НИПЦ «Мемориал»). — *Сост*.

[7] Ниже встречается написание: Ассельбаумс, в учетной карточке заключенного Дубравлага — Аселбаумс Теодор-Вилис. — *Сост*.

Балахонов Владимир	35	73	12	—	ст. 64	(ВТ)
Федорович						
Болонкин Александр	32[2]	72	4	—	ст. 70	(19)
Александрович[1]						
Бондарь Николай Васильевич	39	70	7	—	ст. 70	(ВТ)
Будулак-Шарыгин Николай	26	68	10	—	ст. 64	(ВТ)
Александрович						
Бутман Гилель Израилевич	47[3]	70	10	—	ст. 64	(35)
Буковский Владимир	42	71	7	5	ст. 70	(ВТ)
Константинович						
Вальдман Иоганн Эрнестович	48	68	8	—	ст. 64	(ВТ)
Вудка Юрий Вениаминович	47	69	7	—	ст. 70	(36)
Гайдук Роман Васильевич	37	74	5	2	ст. 70	(ВТ)
Гель Иван Андреевич	38[4]	72*	10	5	ст. 70	(1, 0)
Гладко Георгий Владимирович	42	62	13	—	ст. 64	освобожд. в июне 75 г., под надзором, адрес: Ростовская обл., г. Аксай, Транспортная, д.13-а
Глузман Семен[5]	46	72	7	5	ст. 70	(35)
Горбаль Микола Андреевич[6]	41	71[7]	5	2	ст. 70	в ссылке: Томская обл., с. Парабель, СУ-6 (вагончик 16)
Гринькив Димитро Димитрович	48	73	7	3	ст. 70	(36)
Гродецкий Юрий Леонидович	38	72	4	—	ст. 64	(ВТ)
Давыдов Георгий Валентинович	41	72	5	2	ст. 70	(ВТ)
Демидив Дмитрий Ильич	48	73	5	—	ст. 70	(35)
Залмансон Израиль Иосифович	49	70	8	—	ст. 64	(37)
Захарченко Василий	38[8]	72[9]	5	—	ст. 70	(35)
Здоровый Анатолий Кузьмич	38	72	7	—	ст. 70	(ВТ)
Зограбян Размик	50	74	7	—	ст. 70	(35)
Калинец Игорь	38[10]	72	6	3	ст. 70	(35)

[1] О нем см. также документ № 166 (док. 200). — *Сост.*
[2] 1933. — *Сост.*
[3] 1932. — *Сост.*
[4] 1937. — *Сост.*
[5] О нем см. также документ № 80 (док. 113) и в документе № 89 (док. 122). — *Сост.*
[6] О нем см. также дополнение к документу № 102 (док.138). — *Сост.*
[7] 1971. — *Сост.*
[8] 1936. — *Сост.*
[9] 1973. — *Сост.*
[10] 1939. — *Сост.*

Кандыба Иван Алексеевич[1]	30	61	15	—	ст. 70, 64	освобожден в январе 76 г., под надзором, адрес: Львовская обл., р-н Пустомыты, Шевченко, 176
Караванский Святослав	20	(44-61)	10	4	ст. 70	(1, 0)
Иосифович		65				
Ковалев Сергей Адамович	32[2]	74	7	3	ст. 70	(36)
Кузнецов Эдуард Самойлович	38[3]	70	15	—	ст. 64	(1, 0)
Лисовой Василий Семенович	37	72	7	3	ст. 70	(3-5)
Лукьяненко Лев Григорьевич[4]	29[5]	61	15	—	ст. 70, 64	освобожден в январе 76 г., под надзором, адрес: г. Чернигов, Рокоссовского 41-6, кв. 41
Любарский Кронид Аркадьевич	34	72	5	—	ст. 70	(ВТ)
Макаренко Михаил Янович	31	69	8	—	ст. 70	(ВТ)
Марченко Валерий	48[6]	73	5	3	ст. 70	(35)
Вениаминович						
Маркосян Размик[7]	49	74	7	3	ст. 70	(19?)
Матвиюк Кузьма Иванович[8]	40[9]	73	4	—	ст. 70	(19)
Мешенер Иосиф	35	70	5	—	ст. 70	освобожден в феврале 76 г., уехал в Израиль
Мороз Валентин Яковлевич	39[10]	(65-69) 70	9	5	ст. 70	из ВТ переведен в...
Мотрюк Николай Николаевич	48[11]	73	5	—	ст. 70	(35)
Мурженко Алексей	...[13]	70[*]	14	—	ст. 64	(1,0)
Григорьевич[12]						
Навасардян Ашот Цолакович	50	74[*]	7	2	ст. 70	(36)
Осадчий Михаил Григорьевич	...[14]	(65-68) 72	7	3	ст. 70	(1, 0)

[1] О нем см. также дополнение к документу № 163 (док.197). — *Сост.*
[2] 1930. — *Сост.*
[3] 1939. — *Сост.*
[4] О нем см. также документы №№ 31, 59 (док. 66, 94). — *Сост.*
[5] 1927. — *Сост.*
[6] 1947. — *Сост.*
[7] О нем см. документ № 142 (док. 175). — *Сост.*
[8] О нем см. документ № 46 (док. 80). — *Сост.*
[9] 1941. — *Сост.*
[10] 1936. — *Сост.*
[11] 1949. — *Сост.*
[12] О нем см. документ № 169 (док. 203). — *Сост.*
[13] Так в тексте, 1942. — *Сост.*
[14] Так в тексте, 1936. — *Сост.*

Осипов Владимир Николаевич	38	(63-70)[1] 74	8	—	ст. 70	(19)
Павленков Владлен	28[2]	69	7	—	ст. 70	(ВТ)
Константинович						
Пашнин Евгений Иванович	37	68	8	2	ст. 70?	(ВТ) (ранее имел уголовную судимость)
Пенсон Борис	47[3]	70	10	—	ст. 64	(3-5)
Пидгородецкий Василий	26[4]	53	28	–	ст. 58	(35)
Владимирович						
Попадюк Зорислав	53	73	7	5	ст. 70	(ВТ)
Владимирович						
Попович Оксана Зеноновна	27[5]	(...–...)[6]74	8	5	ст. 70	(3–4)
Приходько Григорий Андреевич	37	73	5	—	ст. 70	(ВТ)
Пришляк Евгений С.	12[7]	52	25	—	ст. 58	(35)
Пронюк Евгений	44[8]	72	7	5	ст. 70	(35)
Ребрик Богдан Васильевич	38	(67-70) 74	7	3	ст. 70	(1, 0)
Роде Гунар Оскарович	34	62	15	—	ст. 70, 64	(ВТ)
Рокецкий Владимир Юлианович	47	72	5	—	ст. 70	(ВТ)
Романюк Василий	...[9]	(...–...)[10] 72	7	—	ст. 70	(1, 0)
Сапеляк Степан	50[11]	73	5	—	ст. 70	(36)
Саранчук Петр Степанович	26	(...–...)[12] 70	8	—	ст. 70	(1, 0)
Сартаков Петр Кириллович	17[13]	...[14]	...[15]	—[16]	ст. 70	(17)
Сафронов Алексей Витальевич	52[17]	72?[18]	12	—	ст. 64	(ВТ)
Сверстюк Евгений	40[19]	72	7	5	ст. 70	(36)
Александрович						
Светличный Иван Алексеевич	29	72	7	5	ст. 70	(35)

[1] 1961–1968. — *Сост.*
[2] 1929. — *Сост.*
[3] 1946. — *Сост.*
[4] 1925. — *Сост.*
[5] 1926. — *Сост.*
[6] Так в тексте, первый срок отбывала в 1945–1955. — *Сост.*
[7] 1913. — *Сост.*
[8] 1936. — *Сост.*
[9] Так в тексте, 1925. — *Сост.*
[10] Так в тексте, первый срок отбывал в 1944–1953. — *Сост.*
[11] 1952. — *Сост.*
[12] Так в тексте, первый срок отбывал в 1946–1956. — *Сост.*
[13] 1921. — *Сост.*
[14] Так в тексте, 1972. — *Сост.*
[15] Так в тексте, 7. — *Сост.*
[16] Так в тексте, 5. — *Сост.*
[17] 1951. — *Сост.*
[18] 1970. — *Сост.*
[19] 1928. — *Сост.*

Сергиенко Александр Федорович	32	72	7	3	ст. 70	(ВТ)
Солдатов Сергей Иванович	33	75	6	—	ст. 70	(17)
Сорока Степан Клементьевич	32	52	25	—	ст. 58	(35)
Строкатова Нина Антоновна	26	71	4	—	ст. 70	освобождена в декабре 75 г., под надзором, адрес: Калужская обл., г. Таруса, Луначарского 5
Стус Василий	38	72	5	3	ст. 70	(17)
Суперфин Габриэль	43	73	5	2	ст. 70	(ВТ)
Сусленский Яков Михайлович	29	70	7	—	ст. 70	(ВТ)
Турик Андрей Маркович	27	…[1]	25	–	ст. 58	(ВТ)
Федоренко Василий Петрович	28	74*	15	—	ст. 70, 64	(ВТ)
Федоров Юрий Павлович[2]	…[3]	70	15	—	ст. 64	(1, 0)
Хейфец Михаил Рувимович	…[4]	74	4	2	ст. 70	(17)
Хнох Лейб	…[5]	70	10?[6]	—	ст. 64	(ВТ)
Чекалин Александр Николаевич	38	71	5	—	ст. 70	Освобожден в мае 76 г. из ВТ, под надзором, адрес: Лисичанск, Карла Маркса 136, кв. 5.
Черновол Вячеслав Максимович	38	(… - …)[7] 72	7	5	ст. 70	(3-5)
Черноглаз Давид Исарович	40[8]	70	5	—	ст. 70	Освобожден в июне 75 г. из ВТ, выехал в Израиль
Шабатура Стефания	37[9]	72	5	2	ст. 70	(3-4)
Михайловна						
Шахвердян Баграт Левонович	40	73	5	2	ст. 70	(35)
Шинкарук Трофим Ефимович	31[10]	49[11]	25	—	ст. 58	(1, 0)
Шовковый Василий[12]	49[13]	73	5	—	ст. 70	(35)
Шумук Данило Лаврентьевич	14	(44–56, 57-67) 72	10	5	ст. 70	(1, 0)

[1] Так в тексте, 1957. — *Сост.*
[2] О нем см. документ № 169 (док.203). — *Сост.*
[3] Так в тексте, 1943. — *Сост.*
[4] Так в тексте, 1934. — *Сост.*
[5] Так в тексте, 1944. — *Сост.*
[6] Первоначально приговорен к 13 годам, кассационной инстанцией срок снижен до 10 л. — *Сост.*
[7] Так в тексте, первый срок отбывал в 1967–1969. — *Сост.*
[8] 1939. — *Сост.*
[9] 1938. — *Сост.*
[10] 1929. — *Сост.*
[11] 1945. — *Сост.*
[12] Так в тексте, правильно — Иван Васильевич. — *Сост.*
[13] 1950. — *Сост.*

Шухевич Юрий Романович	33	(48-68) 72	10	?[1]	ст. 70	(ВТ)
Ягман Лев	40	70	5	—	ст. 70	Освобожден в июне 75 г., выехал в Израиль

Приложения составлены
А. Гинзбургом, М. Ланда
17 июня 1976 г.

8

Документ № 4

О РАЗДЕЛЕННЫХ СЕМЬЯХ

В СССР наблюдается не единичное, а массовое нарушение подписанного в Хельсинки Заключительного акта. Известны сотни еврейских семей, воссоединению которых советские власти препятствуют в течение многих лет. Количество таких семей не уменьшается, а растет, причем после подписания Заключительного акта (август 1975 г.) не наблюдается никакого изменения к лучшему.

Мы приводим сегодня три случая таких нарушений.

1. *Ефим Давидович (1924–1976 гг.).*

Е. Давидович, герой войны, полковник в отставке, обратился впервые с просьбой о разрешении на выезд в Израиль в июне 1973 г. Уже в то время он был тяжело больным человеком, перенесшим два инфаркта. Несмотря на то, что Давидович никогда не имел допуска и не служил в секретных частях, в разрешении на выезд ему было отказано под предлогом его знакомства с военными тайнами.

Состояние здоровья Давидовича все больше ухудшалось в результате систематической травли, связанной с его стремлением выехать в Израиль. В середине мая 1975 г. он был лишен звания полковника в отставке, пенсии и медицинского обслуживания. 1 марта 1976 г. Давидович перенес пятый инфаркт. Зная, что дело идет о жизни и смерти Давидовича, его друзья обратились 5 марта 1976 г. с телеграммой к Брежневу, прося проявить гуманность и немедленно позволить Давидовичу выехать в Израиль. Ответа на эту телеграмму не последовало.

15 марта Л. Овсищер, И. Нудель и А. Лернер были в связи с этим на приеме у начальника Всесоюзного ОВИРа В. Обидина. 21 марта кандидат медицинских наук С. Липавский специально с целью осмотра Давидовича выехал в Минск. Осмотрев Давидовича, Липавский направил срочные телеграммы в МВД СССР и ЦК КПСС. В этих телеграммах он указывал на серьезность положения Давидовича и на то, что благоприятного исхода его болезни можно ожидать только в случае радикального изменения условий его жизни. 25 марта ОВИР СССР вновь отказал Давидовичу в разрешении на выезд, мотивируя это тем, что, по их сведениям, Давидович чувствует себя прекрасно. 24 апреля Давидович скончался от сердечного приступа.

Случай Давидовича является злостным нарушением двух положений Заключительного акта. Здесь было нарушено положение, согласно которому подача заявления на

[1] Так в тексте, 5. — *Сост.*

выезд не должна приводить к изменению прав и обязанностей лица, подавшего просьбу (разжалование Давидовича было результатом подачи заявления). Кроме того, в Заключительном акте специально оговорено, что ходатайствам, поступающим от больных, будет уделяться особое внимание и они будут рассматриваться в срочном порядке.

2. *Борис Левитас (1954 г. рожд.).*

С сентября 1973 г. Б. Левитас разделен со всей семьей — отцом, матерью, братом и сестрой, проживающими в Израиле. Когда в 1974 г. Левитас заявил о своем желании воссоединиться со своей семьей, он был «за антипатриотический поступок» исключен из Политехнического института в Киеве, где был студентом третьего курса. В разрешении на выезд Левитасу отказали, мотивируя это тем, что его выезд «нецелесообразен».

После исключения Левитаса из института его стали вызывать в военкомат для призыва в армию. Если Левитас будет призван, то при существующей ситуации это лишит его возможности воссоединения со своей семьей по крайней мере еще на 7–10 лет (2–3 года службы в армии и 5–7 лет «карантина» из-за знакомства с «секретами» во время службы). Левитаса лишили прописки как в Киеве, где он учился, так и во Львове, где жила его семья до выезда в Израиль. У него отобран паспорт. Поскольку в СССР нельзя устроиться на работу без документов, он лишен средств к существованию. Само проживание без прописки ставит Левитаса в положение вне закона.

В случае Левитаса нарушено положение Заключительного акта, согласно которому подача заявления о выезде не будет приводить к изменению прав и обязанностей лица, подавшего такую просьбу. Кроме того, в Заключительном акте государства-участники берут на себя обязательства «в позитивном и гуманном духе рассматривать просьбы лиц, которые желают воссоединиться с членами своей семьи».

3. *Мария Слепак (1926 г. рожд.).*

М. Слепак (девичья фамилия Рашковская) впервые подала заявление на выезд в Израиль 13 апреля 1970 г. вместе с матерью Бертой Рашковской, мужем Владимиром Слепаком и сыновьями Александром и Леонидом. Всей семье было отказано ввиду «секретного характера» бывшей работы Владимира Слепака.

В марте 1971 г. в канун XXIV съезда КПСС власти дали разрешение на выезд матери Марии Слепак, но ни Марии, ни ее совершеннолетнему сыну Александру не было разрешено поехать с 70-летней больной женщиной.

В 1975 г. Александр Слепак женился и стал ходатайствовать о выезде вместе с женой к бабушке в Израиль. Однако ему было отказано под тем предлогом, что бабушка — дальняя родственница.

Наконец, в январе 1976 г. Мария Слепак в полном соответствии с требованиями советского закона развелась с Владимиром Слепаком и подала заявление на выезд к матери в Израиль вместе со своим несовершеннолетним сыном Леонидом. Мария Слепак указывала на тяжелое состояние здоровья ее матери (два инфаркта, гипертония III степени, диабет, сердечная астма, желудочно-каменная болезнь).

Однако и на этот раз Марии отказали. При этом руководство Московского ОВИРа сослалось... на Хельсинкскую декларацию: Хельсинкские соглашения предусматривают объединение семей, а не разделение, а мы считаем вас и Вл. Слепака одной семьей. У советского суда свои правила, а у нас — свои.

Надо добавить, что, отказывая Слепакам в выезде, советские власти в течение этих шести лет подвергают всех их, даже детей, различным репрессиям (аресты, увольнение с работы, шантаж, угрозы, отключение телефона, полное прекращение почтовой связи).

Людмила Алексеева, Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский
17 июня 1976 г.

СПИСОК РАЗДЕЛЕННЫХ СЕМЕЙ, ДОБИВАЮЩИХСЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ

(этот список включает наиболее драматические случаи разделения ближайших родственников и далеко не полон)

Фамилия, имя главы семьи	**Адрес**	**Степень родства**	**Страна прожив.**
Слепак Мария	Москва, ул. Горького 15-77	мать, сестра	Израиль
Илья Глезер	Москва[1]	Мать	Израиль
Стелла Гольдберг	Москва, Б. Черкизовская 8-7-72	Муж	Израиль
Марк Нашпиц	Узник совести	Мать	Израиль
Владимир Престин	Москва, Уральская 6-4-11	Сестра	Израиль
Леонид Цыпин	Москва, ул. Клочкова 6-32	Жена	Израиль
Виктор Файермарк	Москва, Черняховского 4-а-30	Дочь	США
Борис Цитленок	Узник совести	все родст-венники	Израиль
Ида Нудель	Москва, ул. Юных Ленинцев 79-6-28	Сестра	Израиль
Александр Лернер	Москва, ул. Дм. Ульянова 4-2-322	дочь, внуки	Израиль
Марк Львовский	Москва, Астраханский пер. 19-2-1	мать, брат жены	Израиль
Марк Новиков	Москва, 3-я Прядильная, 5-14	жена, сын	Израиль
Вениамин Левич	Москва, Ленинский пр. 11-5	два сына	Израиль
Лев Гендин	Москва, ул. Малышева 19-19	Жена	Израиль
Марк Азбель	Москва, Вешняковская 4-3	Сын	Израиль
Владимир Шахновский	Москва, пр-д Черепановых 70-76	Брат	Израиль
Борис Фишкин	Москва, 3-я Лесная 24-2	Сын	США
Анатолий Щаранский	Моск. обл. Истра, Кооперативная 8-4	Жена	Израиль
Александр Гриншпун	Москва, Бирюлевская ул. 52-3-582	родители жены	Израиль
Элия (Илья) Эссас	Москва, Ярославское ш. 6-2-37	Родители	Израиль
Яков Рахленко	Москва, Карманицкий пер. 5-33	Сестра	Израиль
Лев Улановский	Москва, Обручева 3-1-64	Отец	Израиль
Владимир Лазарис	Москва, Теплый Стан, 2-й микрорайон, кор. 21, кв. 73	жена, ребенок	Израиль
Эстер Смородинская	Москва, Ленинградское ш. 13-251	мать, сестра	Израиль

[1] Находился в ссылке. — *Сост.*

Лидия Воронина	Москва, ул. Маши Порывaевой 38-45	Муж	Израиль
Абрам Геллих	Москва, Чусовская 11-6-63	Сын	Израиль
Виктор Елистратов	Москва, Б. Черкизовская 1-250	сестра жены	Израиль
Григорий Вигдаров[1]	Москва, Малахитовая ул. 10-165	родители	Израиль
Майор Горбатов	Москва, Талдомская ул. 15-79	отец	Израиль
Виктор Браиловский	Москва, пр-т Вернадского 99-1-128	брат	Израиль
Аркадий Май	Москва, Ленинградское ш. 112/1-3-709	мать, брат жены	Израиль
Иосиф Асс	Москва, Ярославское ш. 111-1-92	родители	Израиль
Михаил Кремень	Москва, ул. Молостовых 11-2-64	родители, сестра	Израиль
Вениамин Файн	Моск. обл., Черноголовка 1-34-28	ребенок	Израиль
Наум Коган	Москва, ул. Тихомирова 9-3- 37	сын	Израиль
Лев Блитштейн	Москва, Астраханский пер. 19-2-2	жена, сын, дочь	США
Вениамин Богомольный	Москва, Кусковская ул., 10а	родители	Израиль
Гилель Бутман	Узник совести	жена	Израиль
Лазарь Либерман	Ленинград, Таллинская 68-30	сын, внуки	Израиль
Феликс Аранович	Ленинград, ул. Пестеля 13/15-16	мать, брат	США
Георгий Сокирянский	Ленинград, Восстания 15-57	отец	Израиль
Александр Богуславский	Ленинград, Бухарестская 86-1-121	брат	Израиль
Мирра Гейсберг	Ленинград, пр-т Мориса Тореза, 102-1-32	муж	Израиль
Александр Фельдман	Узник совести	брат	Израиль
Владимир Кислик	Киев, Русановский б-р, 1б-122	жена, ребенок	Израиль
Борис Левитас	Киев, ул. Героев Триполья 10-16	родители, сестра	Израиль
Леонид Мультах	Киев, Печорский Спуск 8-77	родители	Израиль
Зинаида Шамрай	Киев, ул. Парижской Коммуны 13-19	муж	США
Шмуэль Бронфман	Одесса, пер. Митракова 2-18	родители	Израиль
Евгений Ленчик	Одесса, ул. Инколлегии, 26-3	родители	Израиль
Лев Ройтбурд	Узник совести	родители жены	Израиль

[1]Так в тексте, правильно — Вигдоров — *Сост.*

Леонид Никулин	Одесса, ул. Горького 21-13	родители жены	Израиль
Давид Скульский	Одесса, Чичерина 80-14	мать	Израиль
Александр Магнер	Одесса, ул. Космонавтов 58-59	родители жены	Израиль
Анатолий Барский	Одесса, Чичерина 49-31	отец	Израиль
Исаак Полтинников	Новосибирск, ул. Толстого 234-18	дочь	Израиль
Александр Ромм	Харьков, ул. Шекспира 8-68	родители	Израиль
Борис Пенсон	Узник совести	мать	Израиль
Израиль Залмансон	Узник совести	сестра	Израиль
Вульф Залмансон	Узник совести	сестра	Израиль
Мария Фишкина	Рига, Советская 36-14	дочь	Израиль
Даниил Форкаш	Пермь, Луначарского 80-51	родители, брат	Израиль
Симха Агарунов	Дербент, Красноармейская 2 б	сестра жены	Израиль
Давид Кадашев	Дербент, ул. Маркса 4	брат	Израиль
Азиз Манаширов	Дербент, Новопесчаная 39-44	родители	Израиль
Марк Абрамович	Кишинев, Чернышевского 66	родители	Израиль
Жанна Даскол	Кишинев, пр. Кантемира 91-4	родители	Израиль
Юрий Шехтман	Кишинев, Христо Ботева 21-81	родители	Израиль
Леонид Якубович	Кишинев, пр. Кантемира 91-4	родители	Израиль
Александр Сильницкий	Узник совести	родители, брат	Израиль
Яков Потиевский	Ростов-на-Дону, Социалистическая ул. 208-4	сестра	Израиль
Юрий Вудка	Узник совести	жена	Израиль
Давид Кофманский	Черновцы, ул. Ленина 185-5	родители	Израиль
Матус Рабинович	Красноярск, ул. Королева 5-68	дочь	Израиль
Абрам Бальшем	Ташкент, 128 Ц-13, д. 99, кв. 35	дочь	США
Михаил Окунь	Минск, Каховская ул. 27-36	сестра	Израиль
Михаил Штерн	Узник совести	два сына	Израиль

9

Документ № 5

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНЫХ СЕМЕЙ

1

Идеологическая политика в СССР предполагает *глобальный* охват детей и молодежи так называемым коммунистическим воспитанием.

Указанный идеологический принцип поддерживается соответствующими статьями Кодекса о семье и браке[1]. Статья 52 этого Кодекса требует от родителей *«воспиты-*

[1] Правильно — Кодекс о браке и семье. — *Сост.*

вать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма[1]». Статья 59 («лишение родительских прав») устанавливает, что «по заявлению государственных или общественных организаций одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора» «родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они», например, «оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, *антиобщественным* поведением...». Статья 64 разрешает суду принять решение об «отобрании ребенка без лишения родителей родительских прав». Практикуется также лишение родительских прав без отобрания ребенка.

Выделенные нами формулировки служат «законным» обоснованием для решений об изъятии детей у религиозных родителей. В подавляющем большинстве случаев эта мера используется против «сектантов» — баптистов, пятидесятников[2], адвентистов[3] и др. Такая практика была широко распространена в 1964–1974 гг. После подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) число постановлений о лишении родительских прав за воспитание детей в религиозном духе сократилось, вероятно, в связи с проникновением разоблачительной информации на Запад и реакцией мирового общественного мнения.

2

Однако известно судебное решение об отобрании детей от 23 октября 1975 г.

Народный суд поселка Старая Выжевка Волынской обл. (Украина) постановил отобрать у баптистки Марии Супрунович ее трех детей и передать их отцу — вероятно, атеисту.

Очевидно, суд руководствовался статьей Кодекса УССР, соответствующей статье 64 Кодекса РСФСР, постановив первоначально отобрать у Супрунович детей без лишения ее родительских прав.

Супрунович направила телеграмму Брежневу, Косыгину и Подгорному (копия — прокурору Волынской области) с протестом против решения суда. Дело было передано в Комиссию по делам несовершеннолетних Старовыжевского Совета районных депутатов, которая вынесла решение оштрафовать М. Супрунович, ходатайствовать перед судом о лишении ее материнских прав, а детей отдать в интернат.

После этого Мария Супрунович направила вторую телеграмму тем же адресатам, в которой сообщала, что в ответ на бесчеловечное решение она отказывается от гражданства и требует или оставить ей детей, или разрешить выехать с ними к родственникам в Канаду. В противном случае, писала Супрунович, она обратится за помощью в международные организации.

Это возымело действие. Ответная телеграмма гласила: «На Ваши жалобы и телеграммы в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС, Комитет Советских женщин, редакции журнала «Советская женщина» сообщаю, что решение Народного суда Старовыжевского района от 23 октября 1975 г. о передаче на воспитание отцу детей *исполняться не будет,* дети будут проживать с Вами. Первый зам. прокурора области старший советник юстиции П. Г. Думало».

Однако *решение суда не отменено.* Это значит, что над детьми висит приговор об изъятии их у воспитывающей их матери.

---

[1] Перечень этических норм, включенный в Программу КПСС, принятую в 1961 г. — *Сост.*

[2] См. документы №№11, 23 (док. 25, 58) и «Отчет о поездке в общины пятидесятников станицы Старо-Титаровская Краснодарского края и гор. Находки» (док. 41). — *Сост.*

[3] См. документы №№ 45, 95 (док. 79, 128). — *Сост.*

3

Остаются неотмененными и решения о лишении родительских прав и об отобрании детей, принятые до 1 августа 1975 г. В настоящее время существуют семьи, вынужденные *скрывать своих детей* от исполнительных органов, и семьи, над которыми висит угроза немедленного изъятия детей, как только они будут застигнуты за исполнением религиозных обрядов.

Приведем наиболее типичные примеры.

1. Пятидесятники Николай и Нина Муравлевы, имеющие 7 детей, лишены родительских прав в 1974 г. Дети не отобраны, решение не отменено. Их адрес: Саратов, ул. Диева, д. 114.

2. Адвентистка Мария Власюк, мать двоих детей. В апреле 1975 г. суд постановил отобрать у нее дочь без лишения родительских прав.

Адрес Власюк: с. Илятка Старосинявского р-на Хмельницкой обл. (УССР).

Старосинявский отдел народного образования отправил в нарсуд исковое заявление, в котором требовал отнять у Власюк и дочь, и сына. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Хмельницкого областного суда от 27 мая 1975 г. гласило:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1975 года мая 27 дня судебная коллегия по гражданским делам Хмельницкого областного суда в составе:

Председательствующего МАТРЕВИЧА И.С.

членов суда: КАНАЦКОЙ Е.А., ТАРАСЮКА В.Т.

с участием прокурора РОМАНОВСКОЙ А.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании в гор. Хмельницком гражданское дело по кассац. жалобе ВЛАСЮК Марии Ивановны на решение народного суда Старосинявского района от 16 апреля 1975 г. по иску Старосинявского районного отдела народного образования к ВЛАСЮК Марии Ивановне о лишении родительских прав.

Заслушав докладчика, объяснения ответчицы, заключение прокурора, полагавшей решение суда оставить без изменения, изучив материалы дела, кассационную жалобу, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

В марте 1975 г. Старосинявский районный отдел народного образования предъявил иск к Власюк Марии Ивановне о лишении ее родительских прав в отношении детей Светланы и Виктора, ссылаясь на то, что ответчица, являясь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, не пускает Светлану в школу, изнуряет ее физически постами и религиозными обрядами, оказывает на нее вредное влияние, поэтому пребывание детей на воспитании матери опасно для них.

Старосинявский районный народный суд решением от 16 апреля 1975 г. отобрал у Власюк Марии Ивановны дочь Власюк Светлану Владимировну 12 октября 1965 г. рождения без лишения родительских прав и передал ее на попечение органов опеки.

В кассационной жалобе Власюк М. И. считает решение суда неправильным, просит его отменить и дочь оставить ей на воспитание, поскольку она воспитывает ее правильно, как велит ей ее религиозное убеждение, и лишать ее права воспитывать своего ребенка, как она считает нужным, никто не имеет права, поскольку это является ущемлением ее прав, как гражданина.

Кассационная жалоба удовлетворению не подлежит.

В соответствии со статьей 61, 64 Кодекса о браке и семье УССР родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться

об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно-полезной деятельности, обязаны направить несовершеннолетних детей на обучение в школу в соответствии с законом о всеобщем обязательном обучении.

Как установлено при рассмотрении дела, ответчица по субботам дочь Светлану в школу не пускала, запрещала ей принимать участие в общественной жизни класса и школы. Ответчица привлекала Светлану к отправлению различных религиозных обрядов, внушала ей антинаучные, извращенные представления о жизни и окружающей ее среде. Как усматривается из характеристики Власюк Светланы Владимировны, выданной школой, секта, членом которой является ответчица, влияет на психику ребенка, девочка молчалива, замкнута, запугана, отказывается говорить, часто задумывается, всегда взволнована. Из справки райпедиатра видно, что на Власюк Светлану пагубно влияют ее мать и бабушка. Девочка упорно и бездумно повторяет внушенные ей религиозные догматы, у нее обнаруживается раздвоенность взглядов на события и окружающую ее среду. Девочка замкнута, раздражительна, подавленна. Из постановления комиссии по делам несовершеннолетних от 14 ноября 1973 г. видно, что дочь ответчицы часто пропускает занятия в школе и ответчица не намерена отправлять ее в школу в субботние дни и в дальнейшем. Из акта от 8 февраля 1975 г., составленного председателем и депутатами сельского Совета, следует, что Власюк Светлане дома не созданы надлежащие условия для занятий, готовит уроки, она в кухне, стоя у высокой тумбочки[1]. При рассмотрении дела также установлено, что ответчица лишает дочь, в силу религиозных убеждений, животных продуктов, в результате чего девочка истощена, кроме этого у нее синдром повышенной раздражительности, она нуждается в стационарном лечении, что подтверждается справкой райпедиатра от 11 января 1975 г. и его объяснениями в судебном заседании. Из заключения представителя органов опеки в судебном заседании усматривается, что оставлять Власюк Светлану на воспитании у матери опасно для нее, в интересах Светланы ее следует отобрать у матери и передать ее на попечение органов опеки и попечительства.

При таких конкретных обстоятельствах суд правильно пришел к выводу, что Власюк Светлану в ее интересах следует отобрать у ответчицы без лишения последней родительских прав. Что же касается сына Виктора, то оснований к отобранию его у матери, ответчицы по делу, нет, так как материалами дела не установлено, что пребывание его на воспитании матери опасно для него, поэтому суд правильно отказал в этой части в иске.

Решение суда отвечает материалам дела, ст. 76 Кодекса о браке и семье УССР, и оснований к его отмене Судебная коллегия не находит.

Руководствуясь ст.ст. 310–311 ГПК УССР, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Кассационную жалобу Власюк Марии Ивановны оставить без удовлетворения, а решение Старосинявского районного народного суда от 16 апреля 1975 г. — без изменения.

Председательствующий (подпись)

Члены суда (2 подписи)

Копия верна

Народный судья (подпись)

Секретарь (подпись)».

[1] Между тем, в табеле успеваемости Светланы за 1974/1975 гг. по всем предметам (кроме пения) — отличные и хорошие отметки.

Жители села Илятка представили о случившемся на их глазах следующие показания.

«15 июля с. г. в селе Илятка Старосинявского р-на Хмельницкой обл. органами милиции был учинен жестокий произвол над жительницей этого села Власюк Марией Ивановной и ее десятилетней девочкой Светой.

А было это так. 15 июля в 18.00 к Власюк М. И. на мотоцикле приехал местный участковый старший лейтенант милиции Кузмич Степан Александрович. Через некоторое время на ГАЗике (бобике) подъехал начальник милиции.

Их приезд собрал к дому Власюк М. И. односельчан, на которых начальник с руганью обрушился, предлагая им разойтись. Ст. л-т[1] Кузмич же успокаивал собравшихся обманом, говоря, что здесь ничего особого нет, это просто приехали из района, чтобы убедиться, дома ли Света.

Действительная же причина приезда офицеров милиции была совсем другая. Им надо было обманом, хитростью и силой отобрать девочку от ее родной матери, лишить мать ее родной дочери и тем самым выполнить противозаконное, антигуманное, бесчеловечное решение Хмельницкого областного суда от 27.4.75 г., по которому дочь Светлана должна была быть передана на попечение органам опеки и попечительства, потому что мать ее, Власюк М. И., будучи верующей, воспитывает и дочь в таком же духе.

Когда было вынесено такое жестокое решение, мать, естественно, вывезла Свету из села Илятки, боясь лишиться дочери. Ст. л-т Кузмич несколько раз приезжал к ней и требовал дочь. Его визиты оканчивались обмороком матери. Она ему отвечала: «Дочь я вам не отдам». Он тогда стал говорить: «Ты, мол, ее в жертву принесла. Ты только покажи мне ее, чтобы я убедился, что она живая». Этот ложный слух быстро разнесся по селу. Власюк М.И. говорит: «Я могу вам ее показать, если только вы дадите мне расписку, что вы не заберете у меня дочь». Он такую расписку дал. Вот ее содержание:

«РАСПИСКА

Дана Кузмичем Степаном Александровичем в том, что Старосинявский отдел милиции не будет изымать ребенка Власюк Светлану от родителей до вступления решения суда в законную силу. Расписка дана в присутствии ст. л-та милиции Константинова В.К.

Ст. л-т (роспись)

Ст. л-т (роспись)

14.7.75 г.»

(Оригинал расписки у Власюк М.И.)

Как видите, расписка была дана только для того, чтобы обмануть мать, тогда как последняя доверилась представителям власти и привезла дочь домой, чтобы рассеять ложный слух о том, что она, мать, якобы принесла свою родную дочь в жертву.

Что же было дальше? Начальник милиции, пользуясь своей властью, разгонял собравшийся народ. Но люди не уходили. Марию Ивановну Власюк он требовал зайти в комнату[2], но Света ухватилась за нее и стала кричать: «Я маму не отпущу!» Тогда начальник милиции куда-то отлучился и вскоре вернулся еще более озлобленный. Продолжал кричать на людей и оскорблять их всякими словами, а на Марию: «Виновата твоя суббота. Ты раньше была человек, а теперь ты не человек! Заберем и все!»

Собравшиеся стали стыдить его, говоря: «Так немцы во время войны забирали у нас детей». После этого он опять ушел, но вскоре вернулся с неким Мельником, который вместо «здравствуйте» стал тоже кричать: «Что за сборище! Всех на список!» И давай всех расталкивать и кричать: «По домам. Жнева![3]» (А какие жнева вечером?)

---

[1] Здесь и далее в тексте документа — старший лейтенант. — *Сост.*

[2] Так в тексте. — *Сост.*

[3] Жатва (укр.). — *Сост.*

Потом Мельник и другие с ним лица подошли к Свете. Она кинулась убегать. Мельник погнался за ней. Она стала кричать. Власюк М.И., видя эту погоню, не выдержала. От сердечного приступа она без сознания упала на землю. Мельник, видя это, стал убегать, именно убегать к машине, а за ним и его помощники и сам нач. милиции, которые быстро уехали.

К Власюк же Марии срочно пригласили местного врача Васильчук Надежду И., которая привела ее в чувство. Последним уехал ст. л-т Кузмич С. А.

После всего происшедшего к соседке Власюк пришла второй секретарь райкома партии и спрашивает у нее:

«Ну что, она еще не пришла в себя?» Соседка ей ответила, что там есть врач, но ей еще плохо.

Из вопроса второго секретаря следует думать, что она встретилась с ушедшими «борцами» за «счастье» девочки, которые сказали ей, что «мать упала в обморок, а ты пойди и поинтересуйся, пришла ли она в себя».

Какая жестокость в наш двадцатый век и в нашей самой демократической и свободолюбивой стране!

Неужели ст. л-т Кузмич С. А., начальник милиции, Хмельницкий обл. суд, Верховный суд УССР, которые все единодушно пустили в ход ложь, хитрость и силу, чтобы отнять девочку у религиозной матери (она исповедует религию адвентистов седьмого дня), не знают таких законов всесоюзного и международного значения, как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», «Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования»[XIII], по которым за всеми гражданами признается полное право веровать и отправлять совершенно свободно свой религиозный культ и воспитывать своих детей в том же духе! Кому-то и как-то надо было позаботиться, чтобы они узнали об этих гуманных законах, чтобы сами соблюдали их и стояли на страже соблюдения их другими.

Свидетелями этого произвола были очень многие. Вот часть из них.

1. Рывнюк Екатерина А.
2. Сивопляг Надежда А.
3. Курть Галина А.
4. Саменко[1] Татьяна И.
5. Король Галина А.
6. Мазур Зоя С.
7. Вовчик Зинаида И.
8. Муляр Анна И.[2]
9. Ревнюк Марфа К.
10. Пазюк Федора Р.
11. Васильчук Акулина С.
12. Герасимчук Алексей Д.
13. Герасимчук Мария С.
14. Герасимчук Николай А.
15. Васильчук А. Ф.
16. Рывнюк Евг. В.
17. Томчук Феодосия Н.
18. Онуфриева Надежда И.
19. Васильчук Надежда И.

---

[1] Встречается написание «Семенко». — *Сост.*

[2] Встречается написание «Анна В.». — *Сост.*

Настоящим просим и требуем дать возможность Власюк М. И. и ее детям жить спокойно, свободно, как равным гражданам нашей страны. Сама она была и есть примерная и трудолюбивая жительница села. За образцовую жизнь и труд ранее была избираема в депутаты местного Совета. Светочка в школе является примерной девочкой и в учебе и в поведении. Кому они мешают?!

24.7.75 г. Свидетели села Илятка.

4

Многочисленные свидетельства говорят о сильнейшем административном и ином давлении, которому подвергаются родители, воспитывающие своих детей в религиозном духе, и сами дети.

Совет родственников ЕХБ[XIV] обращается к мировой общественности:

«Просим молиться и ходатайствовать о пресечении замыслов и решений отнять детей у верующих родителей и лишить их родительских прав за христианское воспитание:

Петренко Андрея Игнатьевича, город Коростень Житомирской обл. ул. Сергея Лазо, д. № 8, дети: Валя 14 лет, Юля 11 лет, Люда — 10 лет.

Назарук Александр и мать Нина, проживают в городе Здобулнов, подвержены угрозе лишения родительских прав за христианское воспитание детей. Состоялось решение общего собрания Здобулновской больницы в стоматологической поликлинике, где работает Назарук. Имеют 11 детей.

Животягина Екатерина[1] *Степановна,* проживающая в г. Шепетовке Хмельницкой обл. Гижицкого № 11. Подвергается избиениям от родной сестры и брата, угрозам властей отнять детей, попыткам поместить ее в психиатрическую больницу. Вынуждена ночью оставить дом и уехать с детьми. Просит права жить дома без преследований.

Баптист *Хайло Владимир Павлович* и его жена Мария Емельяновна, имеющие 11 детей, обращаются 13 января 1976 г. с открытым письмом к «главам 35 стран, которые в Хельсинки подписали документ о правах человека». В этом обращении он, в частности, пишет: «Уже несколько лет назад меня предупредили органы КГБ, что детям моим будет закрыта дорога учиться и работать». Семья Хайло просит вызова с тем, чтобы «покинуть СССР, отдать гражданство и принять гражданство любой капиталистической страны».

Баптист *Петренко А. И.* и его жена Наталья, имеющие трех детей, обращаются к Л.И. Брежневу и Подгорному 6 мая 1976 г. «с просьбой защитить детей наших от замыслов и решений административной комиссии Исполкома горсовета г. Коростень[2], педагогического коллектива школы № 8, цехового собрания рабочих локомотивного депо — лишить родительских прав по той лишь причине, что дети наши не пожелали стать пионерами». «Неужели в нашей гуманной стране существуют такие зверские законы — отнимать детей от родителей, что воспитываются в христианской семье?»

«...решение административной комиссии: в трехмесячный срок, если не изменю своих убеждений, *изолировать*» (детей). На цеховом собрании, где работает Петренко, мастер предложил «вынести... решение: если не переменю своих убеждений, лишить меня родительских прав».

В отдельном письме Наталья Петренко пишет 14 марта 1976 г.:

«В школе № 40 директор школы Лях П. М. на детей при родителях говорит всякую нелепость и ложь, дает повод бить и смеяться над нашими детьми. Преподаватель

---

[1] Ниже приведено иное написание имени: «Казимира». — *Сост.*

[2] Житомирской области. — *Сост.*

географии обзывает сына врагом народа и скотиной...» Адрес Петренко Андрея Игнатьевича: г. Коростень Житомирской обл. ул. Сергея Лазо, д. 8.

«Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР» № 33 стр. 51 приводит письмо баптистки Животягиной Казимиры, проживающей в г. Шепетовке, ул. Гижицкого 11 и имеющей двух детей.

Учительница школы, она объявила, что она верующая, в августе 1975 г. После этого администрация и ее собственные родственники решили отправить ее в психиатрическую больницу и лишить прав материнства. «Кто дал право лишать меня материнства лишь за то, что я последовала за Христом? В результате всего с 4 на 5 мая (1976 г.) я была вынуждена оставить свой дом и вместе с детьми уехать. На следующий день, как мне было сообщено, к моему дому явились представители детской комнаты милиции и долгое время дежурили. Цель их мне неизвестна, но явно не с добрыми намерениями. В настоящее время дети оторваны от школы».

Баптистка *Лебедева Надежда,* проживающая в Киеве, Брест Литовский пр., д. 7, кв. 54, 4 детей, обращается к Председателю Совета Министров Косыгину и др. 28 июля 1976 г. с письмом, в котором, в частности, пишет: «Мои дети полностью лишены прав получить высшее и среднее образование. Детям *выдавались характеристики о их убеждениях*».

Адвентисты сообщают, что под серьезной угрозой изъятия детей находятся: *Бездушная* Нина Тимофеевна (село Бочковцы Хотинского р-на Черновицкой обл.), *Неверова* Полина Трофимовна (г. Кривой Рог пос. Зеленый город, ул. Шлюзовая, 87), *Моисеева* Ева Васильевна (аул Кошехабль Адыгейской автономной области, Рыбацкий пер., 1), *Дмитренко* Ольга Григорьевна (г. Краматорск, ул. Артема, 51), *Гатеко* Лидия Григорьевна (село Банилов, Подгорный Сторотенецкого р-на Черновицкой обл.), *Шендрик* Василий Васильевич (г. Черкассы, пос. Русская Поляна, ул. Гайдара, 5), *Диденко* Петр Павлович (г. Винница, Первый пр., Хмельницкое шоссе, 10), *Стоцкий* Ф. (г. Ельск Гомельской обл. ул. Свердлова, 16), *Величко* Валентина Михайловна (пос. Ирдынь Черкасской обл., ул. Шевченко, 13), *Гоп* Роман Петрович (седо Тельман Луговского р-на Джамбульской обл. Казахстан), *Брежнева* Мария (с. Белый Пикет Кеминского р-на Киргизской ССР), *Ратушная* Полина Карповна (г. Джамбул), *Штарк* Роза Давидовна (с. Мерка Джамбульской обл.) и др.

В. В. Шендрик пишет в Прокуратуру СССР: «8 апреля 1976 г. в комбинате, где я работаю столяром, состоялось собрание... На этом собрании меня обвинили в том, что я воспитываю детей в религиозном духе. Кандидат философских наук тов. Черновский в своем выступлении... назвал меня врагом народа... Это его высказывание развило зло и враждебное отношение ко мне всего собрания. Так, одна работница крикнула: «Отобрать детей, чтоб не калечил их, не дать их ему, чтобы он не забивал им сознание религиозным туманом!» Другая прямо-таки морально распутная женщина ругала меня нецензурными словами и кричала: «Пулю в лоб ему, и разговоров меньше!»... Через голосование вынесли окончательное решение, требующее изменения моих религиозных взглядов и убеждений, в противном случае меня лишат родительских прав».

Из г. Джамбул (Казахстан) сообщили: «В 20-ой школе нашего города учится 11-летняя девочка Гомер Эмма Давыдовна, проживающая по ул. Добролюбова, 45.

Учительница, классный руководитель Милена Юноковна перед всем классом постоянно дискриминировала, высмеивала Гомер Эмму, а под конец угрожающе сказала: «Мы напишем на тебя акты в райисполком, и там тебя будут судить».

Слово не разошлось с делом. И вот на следующий день, 20.1.76 г., за подписью секретаря исполкома Асмановой Р. принесли Гомер Эмме, ученице 5-го класса, извещение, по которому она должна была явиться в исполком Заводского районного со-

вета депутатов трудящихся на суд административной комиссии. И все это только за то, что Эмма разделяет чисто религиозные взгляды и убеждения своей мамы и по субботним дням не бывает на занятиях в школе».

Прилагаем фотокопию этого удивительного и совершенно незаконного документа[1].

По свидетельству адвентистов, директор школы в пос. Чон-Арык (г. Фрунзе Киргизской ССР) Манин Сергей Давидович сказал 15-летней дочери адвентистки *Луценко* Ирины: «Таких как ты я двоих расстрелял, а тебя отправлю в спецшколу. Это — детская колония».

Другие формы репрессий, от которых косвенно страдают и дети: арест кормильцев семьи за религиозные убеждения, снос дома, в котором живет семья, если в этом доме проводились молитвенные собрания, систематические штрафы.

Верующие адвентисты из села Беловодское Киргизской ССР сообщают: «Бахарева Мария Яковлевна, мать пятерых детей. На протяжении уже нескольких лет постоянно подвергается угрозам и административному вмешательству за то, что она верующая и дети ее не посещают школу по субботам по религиозным убеждениям. Будучи больна и находясь в материальной нужде, она должна была платить наложенный комиссией штраф за свои чисто религиозные убеждения. Платить было нечем. Тогда комиссия пришла на дом, чтобы взять некоторые домашние вещи и, оценив их, возместить наложенный штраф. Но, не найдя ничего ценного (Бахарева — бедная), члены комиссии недовольные ушли».

Об этом же случае сообщает (с просьбой вмешаться и защитить Бахареву) в своем письме к Председателю Совета Министров Киргизской ССР А. Хмара, коммунист, занимающийся идеологической работой с верующими в г. Ленинграде, случайно оказавшийся в с. Беловодское.

* * *

Репрессии против религиозных семей, в том числе отбирание детей, являются частью общей продуманной политики, проводящейся в течение десятилетий. Акции по отобранию детей находятся в полном противоречии с подписанным советским правительством Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в частности с пунктом VII статьи 1-а Заключительного акта, согласно которому «государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести».

Следует подчеркнуть, кроме того, что, проявляя исключительную заботу о разделенных семьях (ст. «Сотрудничество в гуманитарных и других областях», пункт 1-b), Заключительный акт по своему духу исходит из очевидного предположения о недопустимости насильственного разделения семей внутри одной и той же страны по идеологическим мотивам.

Члены Группы содействия:
Александр Гинзбург, Юрий Орлов
17 июня 1976 г.

[1] Не публикуется, в АС № 2618 эта фраза снята и заявленный документ не приложен — *Сост.*

10

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СОВЕЩАНИЯ[1] ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР

1 августа 1975 г. — 1 августа 1976 г.

1. Общая оценка

В данном обзоре не рассматриваются внешнеполитические проблемы, так как это выходит за рамки деятельности Группы содействия. Напоминаем, однако, что существует глубокая связь между борьбой за права человека и усилиями по созданию действительно устойчивых гарантий безопасности.

Пункты Заключительного акта, относящиеся к правам человека, были сформулированы значительно слабее, чем соответствующие статьи других международных конвенций, например, Всеобщей декларации прав человека. Обязательства этого рода в Заключительном акте касались преимущественно не обеспечения гражданских и человеческих прав личности, а улучшения государственного регулирования в сфере государственно полезных контактов между странами (это автоматически ставило в более выгодное положение правительства стран с узаконенной монополией на основные права личности). Тем не менее, статья VII раздела 1 и некоторые другие относятся строго к правам человека.

Анализ соответствующих аспектов внутренней политики убеждает, что *советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека*.

По-прежнему в тюрьмах и лагерях томятся многие сотни политических заключенных — людей, осужденных лишь за политические, этические или религиозные убеждения или за попытки независимого информирования общественности. Режим их содержания в некоторых аспектах сильно ужесточился за этот год.

Не осуждена и не прекращена практика психиатрических репрессий[2].

Не произошло никаких изменений к лучшему как в вопросе свободной эмиграции[3], так и в более частном вопросе воссоединения семей. Число отказников, известных нам, за этот год даже возросло.

Преследуются все формы независимой информации. Преследуются любые попытки создания ассоциаций, независимых от руководства КПСС.

Однако в этой общей картине, не изменяющейся на протяжении многих лет, прослеживаются поучительные детали, связанные непосредственно с Европейским Совещанием.

Совместные действия ряда внутренних и международных факторов заставили советские власти сильнее маневрировать и в то же время активнее реагировать на обвинения в нарушении прав человека в СССР. Перечислим некоторые из этих факторов.

---

[1] Очевидно, авторы имели в виду влияние Заключительного акта совещания… — *Сост.*

[2] См. также «Обращение к Верховному Совету СССР и Конгрессу США» от 1 октября 1976 г. (док. 13), документ № 89 (док. 122). — *Сост.*

[3] См. также документы №№ 4 (док. 8), 9 (док. 6), 11–14 (док. 25-28), 20 (док. 52), 23 (док. 58), 32 (док. 67), 49 (док. 83), 52, 53 (док. 86, 87), 63 (док. 97), 71 (док. 105), 91 (док. 124), 122 (док.157), 149 (док. 182), 156 (док. 190), 170, 171 (док. 204, 205), 173 (док. 207), 179 (док. 213), 182 (док. 216), 187 (док. 220), 189 (док. 222), 192 (док. 225). — *Сост.*

1. В отличие от прежних деклараций, содержащих обязательства по правам человека, в Заключительном акте эти обязательства советское правительство дало «в обмен» на важные политические уступки со стороны западных правительств[1]. Это обусловило хотя и очень робкие, но все же беспрецедентные для западных лидеров последних десятилетий попытки настаивать на выполнении этих обязательств.

2. Информация, настойчиво направляемая мировой общественности участниками движения за гражданские права в СССР, о преследованиях за убеждения, о нарушениях человеческих прав, об истинном характере советской демократии вообще, по-видимому, стала доходить до сознания широких кругов западного общества и даже оказала влияние на тактику некоторых западных компартий.

3. В том же направлении подействовали такие разнородные факторы, как подготовка к проведению XXV съезда КПСС, прекращение Соединенными Штатами войны во Вьетнаме, война в Анголе, начатая после Европейского Совещания, большие неудачи в сельском хозяйстве СССР, приведшие к массовой закупке зерна за границей, и др.

Все это вместе взятое заставило советские власти, обеспокоенные падением их престижа на Западе, в конце 1975 — начале 1976 г. сделать уступки в отношении отдельных лиц, преследуемых за убеждения и широко известных за рубежом (более подробно смотри об этом в следующем разделе), и до некоторой степени приостановить очевидное наступление на движение за права человека в СССР, которое было начато до Европейского Совещания, приостановлено на время Совещания и развернулось сразу после Совещания. Сейчас репрессии, иногда даже более жестокие, чем прежде, продолжаются преимущественно в тех случаях, когда почему-либо не поступает своевременная информация о них.

Далекая экстраполяция на основе опыта последнего года, по-видимому, показывает, что:

— если бы движение за гражданские права в СССР смогло существенно расширить свою работу по информированию населения внутри страны и по информированию Запада,

— если бы одновременно западная общественность отказалась от существующего неравноправного толкования принципа невмешательства и оперативно поддерживала движение за права человека в СССР,

то:

— советские власти вынуждены были бы умерить репрессивную политику, и это способствовало бы осуществлению демократических прав явочным порядком.

Малая вероятность такого развития не должна сдерживать усилия, так как именно наши усилия и увеличивают ее.

2. Развитие официальной реакции на Европейское Совещание

До подписания Заключительного акта советским правительством официальная печать энергично осуждала требование свободного обмена людьми и идеями как «вмешательство во внутренние дела».

Сразу после подписания и опубликования Заключительного акта советские власти полностью игнорировали его гуманитарные статьи и даже провели определенную «демонстрацию твердости», в какой-то мере пытаясь опереться на свое толкование принципа «невмешательства во внутренние дела», подчеркиваемого в Заключительном акте.

[1] Признание послевоенных границ в Европе. — *Сост.*

Состоялись суды, вынесшие жестокие приговоры за общественную деятельность Владимиру Осипову, редактору самиздатского журнала «Вече»[XV]; Сергею Ковалеву, члену Инициативной группы защиты прав человека в СССР, члену «Международной Амнистии»; Сергею Солдатову, Калью Мятику, Мати Кийренду, Артему Юскевичу — участникам демократического движения в Эстонии[XVI] и др.

Все эти общественные деятели были арестованы за несколько месяцев до Европейского Совещания и судимы после него. Так же поступили с Андреем Твердохлебовым[1], Мустафой Джемилевым, на которого, как известно, начали новое дело накануне выхода из лагеря; Вячеславом Игруновым; активистами еврейского эмиграционного движения Львом Ройтбурдом (Одесса), Яковом Винаровым (Киев), Анатолием Малкиным (Москва). Власти явно стремились нанести как можно более сильный удар движению за права человека до начала Совещания.

Судебные процессы начались вскоре после Совещания и носили характер едва прикрытых расправ. Это был и удар по движению за права человека, и акт устрашения сочувствующих ему, и разведка состояния западного общественного мнения после Совещания. В случае вялой реакции Запада «демонстрация твердости» окончательно закрепляла бы советское толкование гуманитарных статей Заключительного акта и уже ставшее привычным неравноправное толкование принципа невмешательства во внутренние дела.

Однако в течение 1975 г. по крайней мере часть западной общественности, по-видимому, постепенно освобождалась от иллюзий относительно советской системы. Дискуссии на правительственных уровнях по гуманитарным проблемам в связи с Европейским Совещанием привлекли большее внимание общественности, чем рассчитывали советские власти. В этом смысле момент Совещания оказался не вполне благоприятным для советского правительства. Жестокие репрессии сразу после Совещания, в частности, продолжение лечения в спецпсихбольнице[XVII] Леонида Плюща, вызвали на Западе реакцию, вынудившую власти сделать единичные демонстративные уступки. В сущности, они использовали часть заблаговременно арестованных инакомыслящих, чтобы «выпустить пар из котла».

Вячеслав Игрунов был приговорен (за распространение литературы) к «лечению» в психиатрической больнице обычного типа, хотя экспертная комиссия института Сербского[XVIII] квалифицировала его (до Европейского Совещания) как «особо опасного» и рекомендовала спецпсихбольницу.

Михаил Нарица — писатель, ранее сидевший и в лагере, и в спецпсихбольнице, снова арестованный в ноябре 1975 г. по обвинению в антисоветской пропаганде и направленный на психиатрическую экспертизу, был освобожден.

Пока не приводятся в исполнение уже вынесенные ранее решения об изъятии детей у верующих родителей (см. документ № 5).

Был разрешен выезд нескольким известным активистам еврейского движения, в течение длительного времени получавшим отказы.

Позднее Андрею Твердохлебову был вынесен полностью незаконный, но с точки зрения властей «мягкий» приговор — 5 лет ссылки.

Валентин Мороз, направленный на психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского, был предусмотрительно признан здоровым.

Еще раз подчеркиваем, что все эти люди невиновны даже с точки зрения советского законодательства и их преследование потребовало злонамеренного толкования законов.

---

[1] О нем см. документ № 46 (док. 80). — *Сост.*

Аресты, психиатрические и другие репрессии в течение всего этого периода продолжались, захватывая инакомыслящих, по тем или иным причинам плохо известных общественности. Мы обращаем внимание на очевидность учета властями этого обстоятельства.

Приведем список инакомыслящих, репрессированных после подписания советским правительством Заключительного акта (мы уверены, что это лишь небольшая часть подвергшихся репрессиям за это время):

1. Александр Аваков, студент Свердловского университета (ст. 70 УК РСФСР).

2. Анатолий Уваров, научный сотрудник Сибирского отделения АН СССР — направлен в институт им. Сербского за демонстрацию около шведского посольства.

3. Юрий Царев, рабочий из Ленинграда (ст. 190.1 УК РСФСР).

4. Валерий Тимохин — ст. 70 УК РСФСР, помещен в Сычевскую спецпсихбольницу. (Арестован до, помещен в больницу после Хельсинки.)

5. Александр Сильницкий (Краснодар) — осужден за отказ от службы в армии, куда был призван после подачи заявления о выезде в Израиль.

6. Андрей Матько — ст. 70 УК РСФСР, помещен в спецпсихбольницу (арестован до, помещен в больницу после Хельсинки).

7. Павел Башкиров (Якутск) — сотрудник музея, арестован по ст. 190.1 УК РСФСР.

8. Александр Аргентов — 14 июля помещен в психиатрическую больницу № 14 г. Москвы. Это последний известный нам случай применения по политическим мотивам Инструкции о принудительной госпитализации в психиатрической больнице[XIX].

Группа располагает многочисленными материалами об отправке жалобщиков в психиатрические больницы из приемных советских инстанций.

3. Маневрирование властей в вопросах эмиграции

Примерно по той же схеме происходит маневрирование властей в вопросах эмиграции.

В первые месяцы после Совещания в Хельсинки официальные инстанции, занимающиеся вопросами выезда из СССР, просто игнорировали гуманитарные статьи Заключительного акта. Ссылавшиеся на эту Декларацию слышали в ответ, что к выезду в Израиль она отношения не имеет, поскольку Израиль ее не подписывал, или что поскольку данная фамилия в Декларации не упоминается, то и незачем на нее ссылаться[1]. Однако впоследствии, по мере роста внимания Запада к проблеме прав человека в СССР, этот подход был изменен. 16 февраля 1976 г. зам. начальника Административного отдела ЦК КПСС[2] при встрече с евреями, добивающимися выезда в Израиль, заявил, что советские власти намерены выполнять и выполняют свои международные обязательства, однако не нанося ущерба государству. Он подчеркнул, что при решении вопроса о воссоединении семей, равно как и других вопросов, связанных с правами человека, советские органы исходят из того, что «интересы государства выше прав человека».

Наконец, в июне начальник Всесоюзного ОВИРа Владимир Обидин объяснил, что советские компетентные органы при выдаче разрешений на выезд из СССР будут строго руководствоваться Заключительным актом Хельсинкского совещания и давать визы только для воссоединения семей, а семьей, согласно Кодексу о браке и семье, они считают только супругов и их не состоящих в браке детей. Отказы из-за «недостаточ-

---

[1] Так в тексте. — *Сост.*

[2] Имеется в виду А.И. Иванов, зав. сектором Отдела административных органов ЦК КПСС. — *Сост.*

ной степени родства» становятся теперь столь же обычным явлением, как отказы «по секретности». Таким образом, Заключительный акт Хельсинкского совещания стал опорой для ... ограничения эмиграции. Нет нужды разъяснять лицемерность такого толкования Хельсинкской Декларации, гуманитарные статьи которой направлены на либерализацию эмиграционной политики, что подтверждается и обязательством участников Хельсинкского совещания действовать в соответствии с целями и принципами Декларации прав человека и Пактом о гражданских и политических правах, в которых прямо утверждается право каждого человека покинуть любую страну, включая свою собственную. К тому же, действия советских властей непоследовательны даже при их своеобразном толковании вопроса о воссоединении семей, так как имеются случаи отказа на выезд к членам семьи, признаваемым таковыми советским Кодексом о браке и семье (см. документ № 4[1]).

Необходимо подчеркнуть, что такое недопустимое истолкование Заключительного акта, к которому теперь прибегают власти, делает невозможным выезд из страны советских граждан, желающих эмигрировать не ради воссоединения семей, а по религиозным, политическим, национальным, профессиональным и другим мотивам. Число таких людей, по нашим сведениям, непрерывно растет.

В целом эмиграционная политика за последний год не изменилась к лучшему. Разрешение на отъезд нескольких известных отказников (в основном перед XXV съездом КПСС) прикрывает возрастание общего числа отказников.

Широко разрекламированные изменения в процедуре подачи заявлений о выезде, незначительные сами по себе, к тому же практически не соблюдаются.

Вопреки положениям Хельсинкской декларации возбуждение ходатайств о выезде по-прежнему ведет к изменению статуса ходатая и членов его семьи (увольнение с работы, исключение из института, призыв в армию и т.п.). Именно в течение последнего года неоднократно использовался как средство борьбы с эмиграцией призыв в армию молодых людей после подачи заявления на выезд. Это привело к осуждению А. Малкина, Я. Винарова, А. Сильницкого. Эта угроза висит над многими желающими эмигрировать из СССР молодыми мужчинами.

В течение последнего года заметно участились кампании в центральной и особенно местной печати против людей, выразивших желание покинуть Советский Союз.

Положение Хельсинкского Заключительного акта об особо срочном рассмотрении и удовлетворении ходатайств о воссоединении семей от больных и старых людей полностью игнорируется властями.

4. Борьба властей против распространения разоблачительной информации

Советские власти усматривают чрезвычайную для себя опасность в распространении разоблачительной информации. Они справедливо полагают, что отсутствие независимой информации создает существенные трудности движению за гражданские права внутри СССР и лишает его поддержки мировой общественности.

Власти всегда жестоко боролись против независимой информации, но, возможно, именно с конца 1975 г. они особенно остро почувствовали ее реальную силу, ее влияние на мировое общественное мнение. Поэтому, полностью игнорируя обязательства по развитию информационного обмена, подписанные в Хельсинки, и в соответствии со своим обычным отношением к обязательствам такого рода, советские власти предприняли ряд мер для затруднения информационных обменов.

[1] Док. 8, в тексте документа ошибочно указано — №5. — *Сост.*

Была прервана почтовая и телефонная связь многих людей, продолжающих обмениваться разоблачительной информацией друг с другом и с Западом. Но особенно тяжело отразилось это на политических заключенных и ссыльных.

Резко участились запрещения и без того редких свиданий политзаключенных с родственниками. Усилилось запугивание лиц, приезжающих на свидание. Во время свиданий пресекается любая попытка политзаключенного сообщить что-либо об условиях его жизни или даже рассказать о своих болезнях. Политзаключенный Владимирской тюрьмы Яков Сусленский, здоровье которого настолько подорвано непрерывными карцерами, что в июне 1976 г. на свидании с женой он не смог выйти сам — его вывели под руки, пытался рассказать жене о своем здоровье, но контролер, присутствовавший при их встрече, запрещал ему это, грозя прервать свидание.

Предпринято наступление на права политзаключенных на переписку. Письма к ним и от них не передаются под самыми разными предлогами: якобы в письме употреблены «недопустимые выражения» или в нем содержится «скрытый смысл». Часто письма бесследно исчезают по дороге к адресату.

Чрезвычайно ужесточилась цензура переписки. Уже упоминавшемуся политзаключенному Владимирской тюрьмы Якову Сусленскому было возвращено его письмо к жене, чтобы он исключил из текста жалобы на состояние здоровья. Некоторые политзаключенные в знак протеста отказались писать письма (Кронид Любарский, Владимирская тюрьма). Все это привело к перерывам в почтовой связи с узниками совести. Так, мать Владимира Буковского (Владимирская тюрьма) восьмой месяц не имеет от него писем и не может выяснить, получает ли он ее письма. Мария Гель, жена Ивана Геля (Мордовский лагерь № 1), 3 месяца не получала писем от мужа. В апреле-мае не пришли письма от Вячеслава Черновола (Мордовский лагерь № 3) и т. д.

За последний год участились и стали еще более опустошительными обыски во всех политлагерях и во Владимирской тюрьме. В лагере № 1 (Мордовия) досмотр личных вещей стал проводиться дважды в неделю (раньше — от случая к случаю). Изымаются рукописи, стихотворения, рисунки, выписки из материалов судебного дела и копии жалоб в официальные инстанции — ради того, «чтобы они не были опубликованы на Западе». Политзаключенному Паруйру Айрикяну, у которого изъяли копию письма в Президиум Верховного Совета СССР, начальник по режиму Кривов заявил, что если это письмо появится в западной печати, то против Айрикяна заведут новое дело. За передачу информации «на волю» получили карцер политзаключенные Владимирской тюрьмы Георгий Давыдов, Витольд Абанькин. За передачу информации на волю угрожали новым сроком и Семену Глузману (Пермский лагерь № 35). Официальные предупреждения КГБ[xx] были сделаны Василию Стусу, Вячеславу Черноволу и Борису Пенсону (мордовский лагерь).

Еще раз обращаем внимание на то, что перекрытие каналов гуманитарной информации является грубым нарушением буквы и духа Заключительного акта.

5. Несоответствие между законами страны и подписанными конвенциями

Одним из источников скептицизма относительно будущего прав человека в СССР является отсутствие каких-либо тенденций к приведению советского законодательства в формальное соответствие с международными конвенциями по правам человека, на которые, в частности, ссылается Заключительный акт.

Правда, нравы в принципе могут в конце концов оказаться лучше формальных законов страны, но при существующей жестокой практике властей, сильно влияющей на нравы, на это надеяться трудно.

Некоторые несоответствия между советскими законами и международными конвенциями носят принципиальный характер, отражая узловые моменты в структуре власти в СССР.

Так, статья 126 Конституции требует, чтобы КПСС составляла «руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных»[1]. Это противоречит конвенциям № 87, 98 и 111[XXI] о праве на ассоциации, ратифицированным Советским Союзом. Согласно указанной статье Конституции, ни рабочие, ни крестьяне, ни, скажем, научные работники не имеют права образовывать какие-либо профессиональные организации (не говоря уже о политических) для защиты своих интересов вне государственных профсоюзов, руководимых коммунистической партией. Поэтому ни одна категория трудящихся не имеет независимых от руководящей партии представителей, формулирующих интересы этой категории, а люди, лишаемые работы по идеологическим мотивам, не могут рассчитывать на поддержку своих товарищей по профессии.

Другой пример — статья 52 Кодекса о браке и семье РСФСР (и соответствующие статьи в кодексах союзных республик). Эта статья обязывает родителей «воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителей коммунизма». Статьи 59–64 регламентируют порядок лишения родителей родительских прав и отобрания ребенка, в частности, в связи с невыполнением указанной выше обязанности, что находится в вопиющем противоречии и с текстом Заключительного акта, и с Всеобщей декларацией прав человека.

Противоречат Заключительному акту (в части, касающейся прав человека) и другим конвенциям статьи 70 и 190.1 УК РСФСР (и соответствующие статьи в кодексах республик).

6. Деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Основываясь на опыте прошлого, советские инакомыслящие вначале скептически отнеслись к возможным результатам Европейского Совещания, не без основания опасаясь, что власти имеют в виду использовать его для самоукрепления. Первые месяцы после Совещания, казалось, подтвердили эти опасения. Но со временем обнаружилось, что все чаще люди, испытывающие давление по идеологическим, политическим, национальным и другим сходным мотивам, стали ссылаться в своих жалобах, направляемых властям, на гуманитарные статьи Заключительного акта. Разумеется, власти в лучшем случае игнорировали ссылки такого рода. Но протесты мирового общественного мнения со ссылками на Заключительный акт показали, что он может служить правовой опорой в этой борьбе. Исходя из этого, 11 участников движения за права человека в СССР 12 мая 1976 г. создали Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В течение последующих двух месяцев Группа передала общественности и главам правительств, подписавших Заключительный акт, пять информационных документов о нарушении его гуманитарных статей:

1. О преследовании Мустафы Джемилева (18 мая 1976 г.).
2. О нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи (27 мая 1976 г.).
3. Об условиях содержания узников совести (17 июня 1976 г.)
4. О разделенных семьях, добивающихся воссоединения (17 июня 1976 г.).

---

[1] Имеется в виду Конституция СССР 1936 г., в 1977 г. была принята новая Конституция, в которой положение о руководящей роли КПСС, критикуемое авторами документа, было усилено и перенесено в первую главу основного закона, формулирующую основы государственного строя. — *Сост.*

5. О репрессиях против религиозных семей (17 июня 1976 г.). Кроме того, от имени Группы содействия было передано несколько обращений с просьбами образовать международные комиссии (по поводу информации № 1 и № 3, а также по поводу помещения Валентина Мороза в институт им. Сербского на психиатрическую экспертизу).

К сожалению, нам неизвестны отклики на наши обращения по поводу информации о Джемилеве и об условиях содержания узников совести. Валентин Мороз, как известно, не был направлен в спецпсихбольницу, и в этом решающую роль сыграли усилия мировой общественности.

Основной трудностью в работе Группы является не только получение информации (мы сознаем, что нам становится известной лишь незначительная часть нарушений гуманитарных статей Заключительного акта), но и передача документов главам правительств. На документы, отправленные послам соответствующих правительств в Москве заказными письмами с уведомлениями о вручении, мы не получили уведомлений о вручении.

Л. Алексеева, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ланда, А. Марченко, Ю. Орлов, В. Слепак, А. Щаранский
22 июля 1976 г., г. Москва

11

[СООБЩЕНИЕ О ПИСЬМАХ ГРАЖДАН СССР, ПОСТУПАЮЩИХ В МХГ]

Правительственным и общественным организациям, следящим за выполнением решений Хельсинкского совещания

С тех пор как в мае 1976 года в Москве была создана Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, к нам в группу поступают письма от советских граждан, которые в течение длительного времени безуспешно добиваются реализации своих гражданских прав.

За два месяца своего существования Группа опубликовала ряд документов о различных аспектах выполнения Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкской декларации и разослала их главам правительств, подписавшим эту Декларацию.

Однако мы видим свою задачу не только в том, чтобы освещать эту политику, но и в том, чтобы привлечь внимание международного общественного мнения к конкретным людям, страдающим из-за невыполнения советскими властями определенных пунктов Хельсинкского совещания. Их судьбы по разным причинам не известны или недостаточно известны мировой общественности.

Убедившись в достоверности фактов, сообщенных авторами этих писем, мы направляем Вам копии некоторых из них и просим Вас придти на помощь этим людям,

С уважением,
члены Группы содействия:
Людмила Алексеева, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский
[после 29 июля 1976 г.][1]

[1] Датируется по содержанию. — *Сост.*

В Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
от Шмуля Израилевича Бронфмана,
1944 года рождения, проживающего по адресу:
Одесса, пер. Митракова, дом 2, кв. 18

Я обращаюсь к вам после того, как все мои попытки добиться от советских властей разрешения на воссоединение нашей семьи окончились безрезультатно, несмотря на трагические обстоятельства, требующие от советского правительства в соответствии с Хельсинкской декларацией особо гуманного подхода.

Мой отец-раввин и мать уехали в Израиль еще в 1970 году. В 1971 году в Израиль уехали два моих брата и две сестры. Я же, моя жена, наши дети (дочки шести лет и одиннадцати месяцев) и старые родители жены не можем с 1971 года получить разрешение на выезд на том основании, что до 1970 года я работал на закрытом предприятии.

Три года тому назад 20 июля 1973 года комиссия Одесского ОВИРа (в составе председателя — зам. начальника УВД Одесской области полковника Осоло, членов комиссии ОВИРа полковника Сердюка и двух ответственных сотрудников КГБ Касьяна и Пономаренко, зам. прокурора Одесской области Вухтиярова[1]) сообщила мне, что срок моей секретности кончается 1 июля 1976 года. Однако теперь мне говорят, что эти сроки уже устарели и надо ждать еще неопределенное время.

Все эти годы мы живем в тяжелых условиях. Отец жены болен параличом горла. Вся наша семья — 6 человек — живет в одной комнате площадью 15 кв. м без удобств. Меня, инженера, еще в 1973 году принудительно послали работать рабочим на завод металлоизделий. Но самое большое несчастье обрушилось на нашу семью недавно: врачи обнаружили, что моя жена Рая Бронфман смертельно больна — острый лейкоз. Сейчас ее состояние ухудшается буквально с каждым днем. Мои друзья обратились к начальнику Всесоюзного ОВИРа Обидину и представителю ЦК[2] Альберту Иванову с призывом срочно пересмотреть и удовлетворить ходатайство нашей семьи о воссоединении, учитывая обязательства Советского Союза, данные в Хельсинки, об особо гуманном и благожелательном рассмотрении заявлении о воссоединении семей от тяжело больных людей. Однако 29 июля с.г. А. Иванов заявил: «Советские люди родились в СССР и пусть умирают в СССР» — и отказался пересмотреть заявление.

Прошу Вас оказать мне и моей семье помощь в срочном воссоединении нашей семьи в Израиле.

Адрес нашей семьи в Израиле: Иерусалим, Гиват-Мордехай, ул. Маи 3/48 Иава Хайт

Ш. Бронфман

В Общественную группу по контролю над выполнением решений
Заключительного акта Хельсинкского соглашений[3]
от Ирины Макклеллан[4]

В мае 1974 года я вышла замуж за американского гражданина Вудфорда Макклеллана. В том же месяце подала документы на гостевую визу для выезда с мужем в Соединенные Штаты Америки, а в августе 1974 года получила отказ. В московском

[1] Так в тексте, правильно — Бухтияров — *Сост.*

[2] См. прим. к документу «Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР» (док. 10). — *Сост.*

[3] Так в тексте, имеется в виду МХГ. — *Сост.*

[4] См. также документ № 20 (док. 52), приложение 4. — *Сост.*

ОВИРе, где находились мои документы, со мною беседовали двое сотрудников КГБ, пытавшихся объяснить мне причину отказа. Причина отказа, по их мнению, заключалась в том, что я знаю государственные секреты. В беседе с ними я пыталась выяснить, где и какого рода секреты имеются в виду. Но безуспешно. В заключение они сказали, что необходим год, чтобы моя голова выветрилась. Но моему мужу будет разрешено меня навещать в любое время. Здесь я хотела бы заметить, что до нашего брака В. Макклеллан приезжал 4 раза в Советский Союз за время нашего двухлетнего знакомства. Кроме того, как специалист по русской истории XIX века он и до нашего знакомства неоднократно бывал здесь, и никаких препятствий по поводу получения визы ему не чинилось. Теперь же, когда у него русская жена и, кажется, связи его с этой страной углубились, реакция советских властей стала прямо противоположной. Вот уже в течение двух лет мы не видели друг друга; на вопрос Госдепартамента США, почему же мужу не разрешается увидеться с женой, советское посольство в Вашингтоне дает такой ответ: «Въезд г-на Макклеллана в Советский Союз нежелателен».

Итак, в августе мой муж, закончив свою работу в Москве (в 1974 году с января по август он находился в СССР по обмену профессоров по линии Академии наук), покинул СССР. И мы начали борьбу за воссоединение. В августе 1974 года, еще находясь в Москве, мой муж написал серию писем советским властям, как-то: т. Брежневу, в Верховный Совет СССР, в газету «Правда», но ответа не получил. Кроме того, мы были тогда же на приеме у начальника ОВИРа Фадеева С., пытаясь выяснить причины отказа. На вопрос моего мужа, как же действуют в нашей стране конституция и Декларация прав человека, начальник ОВИРа авторитетно заявил, что здесь в ОВИРе нет никаких конституций и деклараций, здесь действуют инструкции. Далее он сказал, что имеет полное право вообще не объяснять причину отказа.

С тех пор я писала много писем советским властям, но ни на одно не получила ответа. Я подавала документы на приглашение мужа в СССР — безрезультатно. В течение целого года с момента первого отказа всевозможные начальники ОВИРов настаивали на том, что я все же знаю секреты государственной важности. Спустя год, они приняли новую формулировку — моей поездке к мужу мешает моя информированность.

В марте 1975 года я была на приеме у зам. начальника ОВИРа Золотухина, и он сказал, что по гостевой визе меня никогда не выпустят, а вот если я за два дня принесу все документы на постоянное жительство, тогда все будет в порядке, т. е. они дадут визу. Я все это сделала, уволилась с работы, а вскоре, т. е. через три недели, получила очередной отказ, теперь уже без каких-либо объяснений. В ноябре 1975 года я писала в комиссию по подготовке XXV съезда КПСС, но мое письмо было направлено в Министерство внутренних дел, т. е. его даже не рассматривали и соответственно не дали никакого ответа.

Сегодня, т.е. 9 мая 1976 года, я снова была во Всесоюзном ОВИРе, Московский ОВИР уже почти год не занимается моими делами и постоянно отправляет меня туда. Начальник ОВИРа Обидин снова объявил мне отказ, не объяснив причину отказа, и единственное, что он выразил более или менее конкретно, что в декабре с.г., если я подам заявление на пересмотр, они снова пересмотрят, но гарантий, естественно, он никаких не дает.

В заключение я хочу сказать, что с января 1973 года, соответственно и в момент регистрации нашего брака, я работала в школе преподавателем английского языка.

Прошу Группу оказать помощь и содействие в воссоединении нашей семьи.

С благодарностью и уважением.
9 июля 1976 года

В Группу содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР
от Перцевой Алины Анатольевны
(Москва, Ходынская ул., д. 4, кв. 14, 259-42-23)

Я вынуждена обратиться к Вам, так как наше желание воссоединиться с моим отцом, Зверевым Анатолием Ивановичем, невозможно осуществить из-за отсутствия письменного заявления от матери мужа. К сожалению, она отказывается вообще что-либо писать.

Мой отец в 1940 году был призван в армию, в 1942 году попал в плен. Долгое время считался без вести пропавшим. В 1959 году разыскал нас, и с того времени я с ним переписываюсь.

В настоящее время отец — гражданин США, работает в «Вестинхауз электрик корпорейшн». Его адрес:

914 Hillerest rd., Hanover Md. 21076 USA.

В 1974 году я подала заявление на гостевую визу. В январе 1975 года мне было отказано в визе. Зам. начальника ОВИРа Золотухин на вопрос о причине отказа и когда можно возобновить просьбу о визе, предупредил, что просьба эта бесполезна, так как причина в отце. Куратор ОВИРа генерал Сорочкин на тот же вопрос ответил, что отец — «невозвращенец», что я — «морально ответственна за дела своего отца» и что я «лишена права выезда за пределы СССР».

Я не потеряла надежду увидеть своего отца. Сорочкин не ответил на вопрос, кто меня лишил права выезда, государственных секретов не знаю, не работаю семь лет и считаю себя вправе выехать к отцу.

В 1975 году 13 июня я отправила все документы, за исключением заявления от матери мужа, в Президиум Верховного Совета для получения выездной визы на постоянное жительство к отцу в США.

Вместе со мной выезжает мой муж — Перцев Леонид Л., 1939 года рождения, наши дети: Кирилл — 7 лет, Марфа — 3 года.

По Хельсинкскому соглашению мы имеем право воссоединиться с отцом, с другой стороны, мы этого сделать не можем из-за отсутствия заявления матери мужа.

5 июля 1976 года

В Группу содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР
от Ахтерова П. А.

Прошу Вашего содействия в создании мне условий для завершения научной работы.

С такой же просьбой я обращался в ЦК КПСС в январе 1976 года. В ответ на мое письмо пришел человек по поручению горисполкома, ознакомленный с содержанием моего письма. Он спросил:

— Вы веруете в Бога?

— Да.

— Значит, мы с вами враги.

— Враги идейные. Не будем же из-за этого драться.

— Нет. Но материалы вашей научной работы отправьте в Харьков (он назвал адрес). — Там ими будут заниматься специалисты.

— А я?

— А у вас же нет такой возможности.

С дискриминацией в области религии я столкнулся с тех пор, как уверовал в Бога.

Я христианин веры евангельской[1]. Представители власти и администрация стали обращаться со мной хуже, чем с негром в США. Всячески ущемляли, снизили оклад. Сотрудники КГБ принуждали отречься от Бога, угрожали тюрьмой. А в случае отречения от Бога обещали повышение в должности.

Когда я женился, то сотрудники КГБ разогнали гостей, а меня и некоторых других продержали всю ночь в КГБ, заставляя отречься от Бога. Это было в г. Коммунарске.

Я — инженер-металлург — работал тогда старшим фабрикатором на металлургическом заводе. В 1961 году я уехал на заработки в Якутию. После моего возвращения сотрудники КГБ сказали, что я имею право работать только в шахте, в забое.

Меня не приняли ни в одном предприятии города, и я пошел работать в шахту забойщиком. Но и после этого меня не оставили в покос. Все чаше вызывали в КГБ. А затем арестовали на шахте, когда я пришел оформить расчет.

В течение двух месяцев до суда предлагали свободу, если я отрекусь от Бога.

Суд был вопиющим беззаконием. Меня обвиняли в том, что я якобы вышел из профсоюза по религиозным убеждениям, что я не слушаю радио, не читаю газеты, не смотрю кино. Якобы нигде не работал, вредил здоровью, клеветал на советскую действительность. А общественный обвинитель Трубицын утверждал, что мы, верующие, приносим в жертву людей и похоронили живую тещу Петраша (одного из подсудимых). На самом деле она умерла в больнице. Меня осудили на 5 лет.

Во время отбытия наказания я подал ряд рационализаторских предложений. Только одно из них дает 25 тысяч рублей ежегодной экономии. Мне неоднократно предлагали свободу, если я отрекусь от Бога.

После заключения мне удавалось устроиться рабочим обычно там, где не знали, что я верующий. Попытки устроиться по специальности были безуспешными. Один из сотрудников КГБ в г. Старобельске сказал мне, что у нас в СССР специалист — руководитель является воспитателем, а верующим мы не позволим воспитывать людей. В Ворошиловграде мне удалось устроиться чистильщиком литья. Когда администрация цеха узнала, что я верующий, мне устроили встречу с сотрудниками КГБ в кабинете начальника цеха. Состоялась 4-часовая беседа, На следующий день начальник участка предложил мне написать заявление об увольнении.

В настоящее время я работаю кочегаром в г. Славянске. Принявший меня на работу начальник котельной Ткаченко говорил, что ни за что не принял бы меня, если бы знал, что я верующий. А многие начальники в Северодонецке, Старобельске, Коммунарске, Счастье так и поступали.

После таких мытарств я очень сомневаюсь в удовлетворении моей просьбы.

Из Академии наук СССР я получил положительный отзыв о моей работе. Но для завершения ее мне предлагают повторить опыты в вакууме. Я же не имею такой возможности.

Если в СССР практически невозможно верующему человеку работать в научном учреждении и Вы не сможете в этом помочь мне, то прошу Вашего содействия моему выезду с семьей из СССР за границу.

Мой адрес: 343212 Донецкая обл., г. Славянск, ул. Крымская, 17, Ахтерову П. А.

Состав моей семьи:

Ахтеров Павел Алексеевич, 1930 г.р., 18 ноября, русский;

Ахтерова Раиса Алексеевна, 1935 г. р., 9 октября, русская;

Ахтерова Людмила Павловна, 1956 г. р., 20 октября, русская;

Ахтерова Татьяна Павловна, 1958 г. р., 23 июля, русская;

Ахтерова Ирина Павловна, 1959 г. р., 12 сентября, русская;

---

[1] Т. е. пятидесятник, см. о них в документе № 11 (док. 25) и др. — *Сост.*

Ахтеров Филипп Павлович, 1961 г. р., 27 марта, русский;
Ахтеров Виктор Павлович, 1967 г. р., 20 февраля, русский;
Ахтерова Элеонора Павловна, 1973 г. р., 4 марта, русская.

С уважением.
15 июля 1976 г.

12

Документ № 6

О ПОЛОЖЕНИИ БЫВШИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР

Большинство политзаключенных, находящихся ныне в лагерях и тюрьмах СССР, обвиняются по статьям 64, 70 и 190.1 УК РСФСР (или соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик), т.е. за «измену родине», «антисоветскую агитацию и пропаганду» или «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Деяния по ст.ст. 64 и 70 входят в разряд «особо опасных государственных преступлений».

Как «измена родине» квалифицируется, например, попытка ухода через советскую границу, невозвращение из капиталистической страны, деятельность (в том числе и мирная), связанная с желанием национального государственного самоопределения нерусских наций, входящих в состав Советского Союза. Под «антисоветской агитацией и пропагандой» имеется в виду высказывание или распространение независимых мнений и информации, хранение соответствующей литературы и документов.

Статья 64 предполагает лишение свободы сроком до 15 лет или даже расстрел, статья 70 — лишение свободы до 7 лет плюс до пяти лет ссылки, статья 190.1 — лишение свободы до трех лет.

Однако фактически наказание по этим статьям не ограничивается длительным сроком заключения. Жесткие дискриминационные меры, не обусловленные законодательно, а основанные на негласных (т. е. нигде не опубликованных) инструкциях, тянутся в течение многих лет, а иногда и десятилетий *после отбытия наказания,* назначенного судом. Среди этих дискриминационных мер — запрещение жить в городах, районах и местностях, перечень которых определен специальными решениями правительства. Перечень этот включает Москву и Ленинград, столицы союзных республик и «режимные» города (т. е. почти все крупные города СССР) и пограничные районы. Это представляет собой *прямое нарушение права выбора места проживания,* а для многих освободившихся оборачивается и запретом совместного проживания с семьей, т. е. *насильственным разделением семьи.*

Эти ограничения были введены еще в сталинские времена и не изменились до сих пор. Более того, в 1966 г. они дополнены постановлением о введении так называемого административного надзора за теми, кто в местах лишения свободы «не встал на путь исправления»[XXII]. По отношению к политическим заключенным это значит только одно: что человек не изменил своих убеждений.

Запрет на свободный выбор места проживания после освобождения для политического заключенного является *продлением кары за убеждения.* Многих политзаключенных даже незадолго до истечения срока наказания склоняют просить помилования, т. е. признать преступными те деяния, за которые они были осуждены, и выразить раскаяние. Если политзаключенный соглашается на это, его освобождают как помило-

ванного, и это меняет его статус на свободе: он может сам выбирать себе место проживания, его не ставят под административный надзор и, как правило, ему не чинятся препятствия при устройстве на работу.

В постановлении Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. «О некоторых правилах прописки граждан» (опубликовано в издании «Социалистическая законность» 1974 г., № 12, стр. 70), казалось, наметился некоторый сдвиг к смягчению стеснений бывших политзаключенных в выборе места проживания: раздел «з» пункта 1 этого постановления гласит, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, должны возвращаться «на жилую площадь, занимаемую членами их семей или родственниками, с которыми они проживали до осуждения». Конечно, это не решает проблему. Но для некоторой части освобождающихся выполнение этого пункта постановления обеспечило бы желательное место проживания. Именно так обстояло дело у Ивана Кандыбы («измена родине», срок 15 лет) и у Надежды Светличной («антисоветская агитация и пропаганда», срок — 4 года лагерей строгого режима). Кандыба был арестован в 1961 г. во Львове и мечтал вернуться туда же: там живет его 75-летний отец и другие близкие родственники. Надежда Светличная хотела вернуться в Киев, где она жила до ареста с семьей брата и со своим малолетним сыном. Оба они вышли из лагерей в 1976 г., т. е. после вступления в силу постановления Совета Министров «О некоторых правилах прописки граждан». Но им не удалось поселиться там, где они хотели.

Дело в том, что кроме опубликованных четырех пунктов указанного постановления имеются неопубликованные пункты 5–10 («секретный закон»!). И пункт 5 содержит перечень лиц, для которых ограничения права проживания сохранены в прежнем объеме. Цитируем этот перечень полностью:

«...лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, и лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы и ссылки за особо опасные государственные преступления[1], бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, массовые беспорядки, нарушения правил о валютных операциях, хищения государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, разбой при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй»[2].

В пункте 6 перечисляются категории лиц, к которым не применяются эти ограничения и которым разрешается после отбытия наказания поселиться «по месту жительства их семей и родственников, с которыми они проживали до осуждения». Среди них — освобожденные по помилованию, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, а также женщины, имеющие несовершеннолетних детей.

Иван Кандыба, прочитавший еще в лагере опубликованную часть постановления, был уверен, что он будет жить в родном городе вместе с отцом — он ведь не мог знать о секретном пункте 5! Но именно согласно этому пункту его принудили поселиться в 20 км от Львова в поселке Пустомыты.

«Прибыл я в Пустомыты, где никогда не был, абсолютно никого из знакомых, не говоря уже о близких тебе людях,— пишет Кандыба своему московскому знакомому. — ...Чувствую себя здесь очень одиноким, морально подавленным, все для меня здесь чужое, и я всем чужой. Я здесь какое-то инородное тело».

---

[1] Т. е. осужденные по ст. ст. 64 и 70. [точнее, по ст.ст.64–73 УК РСФСР. — *Сост.*]

[2] Т. е. осужденные по ст. 190.1.

Три недели он искал жилье. Наконец, он снял комнатушку в старом домике за 25 рублей в месяц. На другой же день после того, как Кандыба нашел жилье, он был поставлен на полгода под административный надзор.

«На меня наложили ограничения,— пишет он. –

1. Запрещено выезжать за пределы поселка Пустомыты, даже в ближайшее село, не говоря уже о Львове. Тем самым лишили меня права посещать моего одинокого 75-летнего отца, пользоваться речкой, озером, ходить в лес, не говоря уже о том, чтобы поехать на море, в горы и т. д. Тем самым лишили права посещать театр (ибо в Пустомытах нет), санаторно-курортного лечения и т. п. Одним словом, вынужден ограничиваться только одними Пустомытами, т. е. фактически находиться в ссылке.

2. Запрещено с 9 вечера до 7 утра выходить из дома, это равносильно домашнему аресту.

3. Запрещено посещать питейные заведения. Но я же не употребляю спиртных напитков, непьющий и не пьяница, о чем они хорошо знают. Это насмешка или издевательство — уж не знаю, как это назвать.

4. Обязали каждую среду ходить в милицию отмечаться. И это пока на 6 месяцев, а там могут продлить еще на 6 месяцев и т. д., вплоть до погашения срока судимости, которое у меня кончается через 8 лет».

Далее Иван Кандыба описывает свои мытарства с устройством на работу:

«Как юрист по профессии обратился в органы юстиции, но там мне отказали с такой мотивировкой: из-за отсутствия вакантных мест... Полтора месяца хождений, нервотрепки и, наконец, 18 мая меня приняли учеником по ремонту сложнобытовой техники (электробритвы, утюги, стиральные машины, холодильники). Срок обучения — 3 месяца. Первый месяц платят 60 рублей, второй — 45, а третий — 30 рублей, а остальное уже вынужден дорабатывать. Особенно тяжело мне дается дело с электрикой, которой не понимаю и боюсь ее. А поэтому не знаю, какой получится с меня мастер. Все это меня угнетает, оно меня не интересует. Таким образом, вынужден жить там, где сказали, и работать там, куда направили...

Получается так,— заключает Иван Кандыба,— что приговор исчерпан — меру наказания отбыл, выпустили из заключения, но воли не имею. Там жил в зоне радиусом 200 метров, здесь ограничен в передвижении маленьким поселком. Там с 10 вечера до 6 утра не имел права выходить из барака в зону, здесь с 9 вечера до 7 утра не имею права выходить из дома. Там в любое время могли войти в барак, здесь в любое время имеют право зайти в квартиру. Там заставляли работать, здесь тоже. Там следили за каждым шагом, здесь тоже. Оттуда не имел права поехать к родственникам, отсюда тоже. Там унижали личное достоинство, здесь тоже и т. п. Выходит, что не вышел на волю, а переведен из зоны строгого режима опять в зону, тоже с режимом».

Надежда Светличная, казалось бы, могла быть уверена, что ей разрешат жить в Киеве с ее родными, даже если бы она могла ознакомиться с секретной частью правительственного постановления: ведь у нее малолетний ребенок и, следовательно, она попадает в категорию лиц, которым пункт 6 разрешает селиться со своей семьей, где бы эта семья ни проживала. Тем не менее, Н. Светличная, освободившаяся в мае, до сих пор не получила права поселиться в Киеве. Ее вынуждают уехать в село, откуда она родом и где не жила с ранней юности.

Мы привели только два примера грубого нарушения права выбора места жительства и насильственного разделения семей бывших политзаключенных. Но это судьба почти всех отбывших наказание по «политическим» статьям и не просивших помилования.

Приводим далеко не полный перечень таких людей: Нина Строката[1], Левко Лукьяненко, Иван Верник, Александр Чекалин, Александр Романов, Виталий Калиниченко,

[1] Встречается также написание «Строкатова». — *Сост.*

Георгий Давиденко, Леонид Бородин, Николай Иванов, Вячеслав Родионов, Георгий Гладко, Валерий Румянцев, Валерий Граур, братья Горыни, Тарас Мельничук, Екатерина Зарицкая, Дарья Гусяк, Вячеслав Репников, Иван Чердынцев, Александр Петров-Агатов и др.

Полтора года назад Анатолий Марченко получил 4 года ссылки «за нарушение правил надзора». Недавно по этому же обвинению арестован в Луге Ленинградской области вышедший полтора года назад из заключения Юрий Федоров (ст. 70 УК РСФСР) — и это не единственный случай.

Еще раз подчеркиваем, что все ограничения выбора места жительства и административный надзор за политзаключенными являются грубым нарушением гуманитарных статей подписанного советским правительством Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
1 августа 1976 г.

13

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР И КОНГРЕССУ США

Советские борцы за гражданские права информировали мировую общественность о многочисленных психиатрических репрессиях против инакомыслия в СССР.

29 сентября 1976 г. советская «Литературная газета» в статье «Ты критикуешь? В сумасшедший дом!» (автор И. Андронов[1]) опубликовала важную информацию об аналогичных репрессиях в США. О практике психиатрических репрессий во многих странах сообщали несколько месяцев назад и другие советские газеты. Если эти сообщения имеют под собой почву, то можно сделать вывод, что проблема психиатрических репрессий является сегодня *международной* и не может не влиять отрицательно на отношения между гражданами различных государств.

В каких бы государствах и ради каких бы целей ни применялись психиатрические репрессии против людей за их убеждения, это вопиющие акты бесчеловечности, напоминающие методы фашизма. Особенно опасно, если это становится нормальной практикой во внутренней политике сверхдержавы, оказывающей решающее влияние на остальной мир.

Хельсинкская декларация в части, касающейся прав человека, запрещает подобную практику. Но такие запреты эффективны, только когда они контролируются. Бесконтрольное нарушение запретов только закрепляет порочную практику.

В официальных заявлениях ответственных советских работников публично отрицалось применение психиатрических репрессий в политических целях в Советском Союзе. Возможно, то же самое имеет место в США. Поэтому мы обращаемся одновременно к Верховному Совету СССР и конгрессу США с предложением: *создать постоянную смешанную советско-американскую комиссию для проверки на месте как уже*

[1] Иона Ионович Андронов (р.1934) — известный советский журналист-международник, специализировался на контрпропаганде, подозревался в связях с КГБ. — *Сост.*

имеющейся, так и возможной в дальнейшем информации относительно психиатрических репрессий в обеих странах[1].

Мы полагаем, что в такую комиссию должны войти не только психиатры, юристы и представители общественности, но и переводчики — поровну от обеих стран, с тем чтобы переводчики обязательно присутствовали при всех обследованиях на территории данной страны.

Очевидно, советская сторона в этой комиссии уже сейчас располагала бы той информацией, которую дала «Литературная газета». Мы надеемся, что, кроме того, борцы за гражданские права в США приложат усилия для предоставления комиссии более подробной информации в дальнейшем. Американская сторона уже сейчас имела бы ту информацию, которая постоянно поступает от инакомыслящих СССР, и, кроме того, мы готовы предоставить дополнительную информацию, включая, например, такую, которая никем не публиковалась из-за невозможности ее проверки своими силами.

Члены Группы:
Людмила Алексеева, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
1 октября 1976 г.

14

Документ № 7

НОВЫЕ АРЕСТЫ ПО ОБВИНЕНИЮ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИЛИ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Общие замечания

По имеющимся у нас (всегда неполным) сведениям, количество арестованных по политическим и религиозным статьям за последние три месяца уже превысило количество арестованных в период *одиннадцати* месяцев (1 августа 1975 г. — 1 июля 1976 г.), следовавших непосредственно за подписанием Заключительного акта.

Активизацию репрессий в СССР мы объясняем надеждами властей на то, что предвыборная борьба в ФРГ и особенно в США отвлекает внимание западного общества от нарушений человеческих и гражданских прав в СССР.

Произведенные аресты, обыски, допросы, а также психиатрические репрессии (см. документ № 8) являются вопиющим нарушением «свободы личности исповедовать единично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести», как и «других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности» (Заключительный акт, раздел 1а, пункт VII) .

2. Аресты среди баптистов

«Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР» № 35 и № 36 сообщает о новой волне арестов и других репрессий против баптистов. Эта волна безусловно была не столь сильной в первой половине 1976 года. В целом картина хорошо укладывается в ту схему, которая была описана в докладе Группы содействия от 22 июля 1976 г. («Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...»).

Приведем список арестованных и осужденных баптистов, имеющийся на сегодня, заведомо не полный.

[1] Такая комиссия создана не была. Напоминание об этом предложении содержится в документе №8 (док. 15). — *Сост.*

1. Барин Екатерина, г. Здолбунов Ровенской области, осуждена на 2,5 года за частное преподавание религии детям (3 августа 1976 г.).

2. Серебренников Петр, 76 лет, село Ивановка, Азербайджанская ССР, осужден на 5 лет с конфискацией имущества (21 июля 1976 г.).

3. Серебренников Иван, там же, арестован 20 июля 1976 г.

4. Леонтьева Мария, 64 года, там же, арестована 21 июля 1976 г.

5. Ермолова Анастасия, там же, арестована 20 июля 1976 г. *Эта женщина — мать семерых детей.*

6. Штеффен Иван, пресвитер из г. Исык Казахской ССР, арестован 13 июля 1976 г.

3. Дело № 62

Как уже сообщалось, в сентябре 1976 г. произведен ряд обысков в Ленинграде и Москве, арестованы два художника — Олег Волков и Юлий Рыбаков,— обвиняемые в написании лозунгов на стенах города Ленинграда[XXIII]. В частности, лозунги в защиту Андрея Твердохлебова (в дни суда над ним), лозунги с требованием освобождения политзаключенных Советского Союза. К уголовной ответственности по этому делу привлекаются также Юлия Вознесенская (Окулова) и Наталья Лесниченко (Гум).

Мы обращаем внимание на то, что через 60 лет после прихода к власти коммунистической партии и через 40 лет после опубликования нынешней Конституции граждане СССР не имеют нормальной возможности осуществления своих «прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности» (Заключительный акт, I а, VII).

Свобода слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций формально обеспечивается ст. 125 Конституции СССР, которая требует даже, чтобы государство предоставляло для этого «типографии, запасы бумаги, *общественные здания, улицы,* средства связи» и др.

Вместо этого государство в течение уже 60-ти лет предоставляет тем, кто понимает эти свободы не по-государственному, нечто совсем другое.

4. Судебный процесс над Павлом Башкировым

7–8 октября 1976 г. прошел судебный процесс над П. Башкировым (Якутск), который обвиняется, в частности, в том, что он вез своему другу Андрею Твердохлебову в ссылку литературу, не прошедшую цензуру («антисоветская литература»).

Мы обращаем внимание на то, что Башкиров был даже лишен права выбора защитника. Он осужден на полтора года лишения свободы.

5

В Казахстане в июле 1976 года арестована немка Лиля Фурман[1] — за отказ от советского подданства и активные действия, выражающиеся в разговорах, письменных заявлениях, ходатайствах и т.п., связанные с движением советских немцев за выезд из СССР.

6

6-го октября 1976 г. в Тарту арестован бывший политзаключенный Март Никлус[2], отбывший срок заключения с 1957 г. по 1967 г. по обвинению в «антисоветской агита-

---

[1] О суде над ней см. в документе № 22 (док. 53). — *Сост.*

[2] (р.1934), биолог, правозащитник, автор и распространитель самиздата. В 1958–1966 (далее в тексте документа ошибка, неточно описано обвинение: Никлус был приговорен по статьям 58-4 («помощь международной буржуазии») и 58-10 УК РСФСР) и 1981–1988 — политзаключенный, с 1982 — член УХГ. — *Сост.*

ции и пропаганде». Никлус — ученый-орнитолог — после освобождения не имел возможности работать по специальности.

Таким образом, с учетом той информации, которая давалась нами ранее, общее количество арестованных по политическим, религиозным или национальным мотивам после 1-го августа 1975 г. составляет к сегодняшнему дню не *менее* 17 человек (из них 13 за последние 3,5 месяца) плюс 6 человек, помещенных в специальные или обычные психиатрические больницы.

Члены Группы:

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Ал. Корчак, Ан. Щаранский, В. Слепак.

12 октября 1976 г.

Дополнение

В начале августа 1976 года в Риге в Верховном суде Латвийской ССР осуждены по обвинению в «клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй», четверо рабочих Рижского порта, арестованные в мае после «забастовки рыбного дня» в Рижском порту[XXIV]. (Весной в нашей стране в связи с недостатком мяса были введены «рыбные дни» на предприятиях общественного питания — в столовых, ресторанах и т. п. — от 1 до 6 дней в неделю мясо исключалось из меню, что, естественно, вызвало недовольство.)

К 3-летнему заключению приговорены:

Фролов Сергей Иванович, 1946 г. р., отец двух детей — пяти и трех лет, адрес семьи: Рижский р-н, п/о Царникава, ул. Линю, 23;

Варна Янис Кристапович, 1949 г. р., дети двух и четырех лет живут по адресу: Саулкрасты, пр. Межа, 8.

К 2-м годам заключения приговорены:

Ларченков Михаил Степанович, 1939 г. р., его 13-летний ребенок живет в Риге, ул. Элвирас, 16, кв. 2;

Гольдберг Андрес Петрович, 1936 г. р., отец троих детей — 15, 12 и 8 лет, г. Цесис, ул. Ригас, 18, кв. 3 — приговорен к 1,5 годам заключения.

Сейчас все они содержатся вместе с уголовниками в лагерях общего режима в Латвии.

Публикуя подробные данные, мы надеемся, что судьба этих четырех рабочих привлечет к себе внимание не только правительств, подписавших Хельсинкские соглашения, но и общественности этих стран, в частности профсоюзов Европы, США и Канады.

Члены Группы:

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов

30 октября 1976 г.[1]

15

Документ № 8

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПСИХИАТРИЕЙ

Недавно Группа содействия обратилась к Верховному Совету СССР и к конгрессу США с предложением о создании смешанной комиссии для выявления случаев зло-

[1] Датирован по АС №2742. — *Сост.*

употребления психиатрией[1]. В данном документе Группа сообщает об известных ей фактах психиатрических репрессий, имеющих место в последнее время.

Петр Старчик, композитор и исполнитель песен, 15 сентября 1976 г. с помощью милиции помещен в психиатрическую больницу г. Москвы, откуда через несколько дней переведен в психиатрическую больницу на станции Столбовая, более 50 км от Москвы. Посещать Старчика разрешено *только* жене. События, связанные с госпитализацией Петра Старчика, уже освещались в мировой печати. Недавно стало известно, что Старчику уже вводится галоперидол в значительных дозах.

О том, что госпитализация Старчика — политическая репрессия, свидетельствует, кроме приведенных ранее фактов, запись в журнале приема Петра Старчика:

«С.О. (социально опасен). Стационировался в ПБ (психиатрическая больница) в Казани на принудительное лечение по ст. 70. Выписан из ПБ № 15 в 1975 году. В последнее время сочиняет песни антисоветского содержания, собирает у себя на квартире 40–50 человек. При осмотре ориентирован. Грубых нарушений сознания нет. Контакт формальный. Подозрителен. На вопросы отвечает односложно. Не отрицает сочинения песен, «у меня свое мировоззрение». Без критики»[2].

П. Старчик проживает с женой и двумя малолетними детьми по адресу: Москва, Теплый Стан, корпус 98, квартира 111.

Эдуард Федотов, был церковнослужителем в Пскове. Приехал в Москву, когда узнал о преследовании православных (в частности, А. Аргентова, который был насильно госпитализирован в психиатрическую больницу г. Москвы № 14; выпущен из больницы в августе 1976 г.). В Москве Федотов был взят милицией и направлен в психиатрическую больницу г. Москвы № 14. Находится там в настоящее время[3].

Известны случаи помещения в психиатрические больницы лиц, обращающихся с жалобами в советские инстанции.

Гайдар Надежда Ивановна 7 мая 1976 г. пришла с жалобой в Прокуратуру СССР, непосредственно оттуда с помощью милиции водворена в психиатрическую больницу.

Гайдар была 6 мая на приеме у зав. приемной ЦК КПСС Филатова В. И.[4], тот направил ее к зав. приемной Прокуратуры СССР Цибульникову[5]. Явившаяся повторно в назначенное Цибульниковым время Гайдар была схвачена милиционерами, привезена в 108 отделение милиции г. Москвы, затем отвезена в психиатрическую больницу № 13, где ей сразу начали делать уколы аминазина. Заведующая 2-м отделением больницы № 13, где содержали Гайдар, Федорова Л. И. заявила по поводу госпитализации Н. Гайдар:

«Никакого диагноза мы ей ставить не будем, записали, что у нее нервное истощение на почве поисков справедливости. Чтобы не жаловалась больше, немного подержим здесь, потом — через спецприемник — в Киев. Там тоже немного подержат».

В ответ на слова пришедшего осведомиться о Н. Гайдар ее знакомого В. А. Клебанова[6] о том, что двое детей остались без матери и без присмотра, врач Федорова сказала: «Зато следующий раз подумает, прежде чем идти жаловаться».

Из Москвы Н. Гайдар была переведена в психиатрическую больницу г. Киева, откуда освобождена через два месяца.

Адрес Н. И. Гайдар: Киев 125, бульвар Перова, дом 20, кв. 115.

---

[1] См. «Обращение к Верховному Совету СССР и Конгрессу США» от 1 октября 1976 г. (док. 13) — *Сост.*

[2] Освобожден в ноябре 1976 г. — *Сост.*

[3] Освобожден в ноябре 1976 г. — *Сост.*

[4] Так в тексте, правильно — В.А. Филатов — *Сост.*

[5] Так в тексте, правильно — Н.В. Цыбульник — *Сост.*

[6] О нем см. также в документе № 76 (док. 109). — *Сост.*

Страхова Алиса Захаровна, явившаяся в конце ноября 1975 г. в Прокуратуру СССР, по указанию зав. приемной Прокуратуры была схвачена и отправлена в милицию, где ей предложили в 24 часа покинуть Москву. По возвращении Страховой на место жительства была сделана попытка поместить ее в психиатрическую больницу.

Страхова обращалась в Прокуратуру по поводу необоснованного увольнения.

Ее адрес: г. Кировск Ворошилов градской области, ул. Советская, д. 68.

Эдуард Маслов в конце октября 1975 г. был приглашен в Ожерельевский райком партии в связи с его жалобами о необоснованном увольнении. (Маслов — инженер, преподаватель техникума — был уволен после того, как вскрыл злоупотребления в техникуме, где он работал.) В райкоме он был схвачен и помещен в психиатрическую больницу, в которой его продержали 20 дней с диагнозом: истощение нервной системы от переживаний в связи с увольнением.

Э. Маслов проживал с семьей в г. Ожерелье Московской области, ул. Студенческая, дом № 5. В настоящее время он уехал в Казахстан в поисках работы.

Имеются статистические данные:

Примерно 12 человек в день *милиция* направляет дежурным психиатрам только из приемной Верховного Совета СССР; кроме того, еще 2–3 человека из тех, кто пытался пройти в посольство; кроме того, неопределенное число из других мест присутствия, а также — прямо с улицы. Из них примерно половина — госпитализируется.

Добавим, что около 7% населения страны состоит на психиатрическом учете. Все они время от времени нуждаются в госпитализации. Однако только 10% этих людей обеспечивается госпитализацией.

Члены Группы:
Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Ал. Корчак, Ан. Щаранский, В. Слепак
12 октября 1976 г.

16

Документ № 9

[О СУДЬБЕ ЕВРЕЕВ СЕЛА ИЛЬИНКА[1]]

В предыдущих документах Группы мы неоднократно сообщали о различного рода нарушениях властями своих обязательств в вопросах воссоединения семей и свободы эмиграции. Такие нарушения (как, впрочем, и многие другие) носят гораздо более откровенный и грубый характер в малоизвестных или совсем неизвестных населенных пунктах. В частности это можно видеть на примере села Ильинки Казанского сельсовета Таловского района Воронежской области.

Лишь случайно нам стало известно о существовании этого еврейского села в самом центре сельской России. На протяжении веков его жителям удавалось каким-то чудом сохранять еврейский уклад жизни и религию.

В июне 1976 г. трое москвичей: Владимир Слепак, Анатолий Щаранский (члены Группы) и Саня Липавский попытались посетить это село и побеседовать с его жителями. Однако оказалось, что попасть туда совсем не просто. Москвичи были задержаны в 3 км от села и после 2-х дней бесед с руководителями колхоза, сельсовета и район-

[1] См. также документы №№ 49, 63 (док. 83, 97). — *Сост.*

ной милиции и обыска были высланы из района. Председатель сельсовета В. Лебедев заявил им, что «в селе очень напряженная и нездоровая обстановка, и сельсовет не позволит никому вмешиваться в дела села». О какой же напряженности говорил В. Лебедев?

В 1974 году нескольким семьям из Ильинки удалось уехать в Израиль. Однако затем местные власти заявили, что не будут впредь позволять выпускать никого из жителей Ильинки в Израиль, так как не считают их евреями. С тех пор около 90 семей ожидают вызовы, без которых нельзя возбудить ходатайство о выезде из СССР. Все эти вызовы, посланные из Израиля, находятся ... в столе у председателя колхоза Виктора Тарасова, который время от времени демонстрирует их колхозникам и говорит: «И не надейтесь их получить, вам в Израиле делать нечего!»

Все же некоторым семьям удалось получить вызовы через родственников, проживающих в других местах СССР (иногда за 1000 км!). Однако и это не легко, ведь Ильинка буквально изолирована властями от внешнего мира. Например, вот как попали вызовы семье 82-летнего Григория Ефимовича Варнавского, около 2-х лет пытающегося уехать к своей сестре в Израиль, и еще четырем семьям крестьян. Зять Варнавского, проживающий в г. Тольятти, сумел получить эти вызовы по почте на свое имя и повез в Ильинку. Его задержала милиция, но ему удалось сбежать. К тому времени, когда его через час поймали и обыскали, он уже успел передать вызовы кому-то из села, а те — адресатам.

Но и в том случае, когда вызов на руках, подать документы часто невозможно, т. к. председатель колхоза попросту не выдает требуемых ОВИРом справок (положение колхозников в этом отношении особо уязвимо — ведь у них нет паспортов[XXV], и они не могут сами переехать в другое место или выйти из колхоза). Из-за этого в течение длительного времени не может подать документы на выезд в Израиль к своей матери Дебора Яковлевна Матвеева с мужем и 7 детьми.

На примере судьбы евреев Ильинки мы еще раз сталкиваемся с грубым нарушением советскими властями таких принципов Заключительного акта совещания в Хельсинки, как воссоединение семей, свобода коммуникаций и контактов, уважение к правам национальных меньшинств.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов,
Александр Корчак, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак
12 октября 1976 г.

17

[СООБЩЕНИЕ О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЕТЫРЕХ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ]

Доводим до сведения глав правительств, подписавших Хельсинкское соглашение, и мировой общественности, что четыре члена Группы (из одиннадцати) в настоящее время подвергаются репрессиям: к Анатолию Марченко, отбывающему 4-годичную ссылку, добавились Владимир Слепак и Анатолий Щаранский, арестованные в приемной Президиума Верховного Совета СССР вместе с другими еврейскими активистами[1].

Кроме того, член Группы Александр Гинзбург подвергается почти ежедневным приводам в милицию только за то, что, не будучи прописанным в Москве, он приезжает

[1] Слепак, Щаранский и другие евреи-отказники были освобождены 9 ноября 1976 г. — *Сост.*

сюда, так как здесь живет его семья и здесь он работает. Гинзбург не нарушает паспортного режима и правил прописки. Предвзятое отношение к нему органов милиции объясняется только тем, что он является распорядителем Солженицынского фонда помощи политзаключенным Советского Союза и активным членом Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашении в СССР.

Члены Группы:
Ю. Орлов, Л. Алексеева, М. Ланда, А. Корчак, Е. Боннэр (Сахарова), П. Григоренко
30 октября 1976 г.

18

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БУКОВСКОГО И КОРВАЛАНА

Мы поддерживаем предложение Датского комитета прав человека имени Сахарова[XXVI] об одновременном освобождении Владимира Буковского советскими властями и Луиса Корвалана — чилийскими. Было бы хорошо, чтобы правительства обеих стран проявили в данном случае благоразумие и добрую волю. Одновременное освобождение этих двух политзаключенных было бы чрезвычайно ценным шагом на пути к освобождению узников совести во всем мире[1].

От Инициативной группы:
Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович

От Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
30 октября 1976 г.

19

ОБ ОБРАЗОВАНИИ УКРАИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ[XXVII]

9 ноября 1976 г. образована Украинская группа содействия во главе с известным поэтом и общественным деятелем Миколой Руденко.

Мы обращаем внимание на то, что перед всеми, кто пытается на территории Украины собирать и передавать общественности информацию о нарушениях прав человека, тем более перед теми, кто хочет передавать эту информацию главам правительств, — поставлены исключительные преграды, противоречащие духу и букве Хельсинкских соглашений.

Несмотря на то, что Украина — формально полноправный член ООН, она не была приглашена на совещание в Хельсинки; в ее столице практически не представлены корреспонденты западной прессы; фактически нет и дипломатических представителей, способных принять информацию.

[1] Обмен состоялся 18 декабря 1976 г. в Швейцарии. — *Сост.*

Бесполезно также посылать информацию о нарушениях гуманитарных статей Заключительного акта по почте: мы имеем доказательства, что письма такого содержания не доставляются адресатам.

Образование Украинской общественной группы содействия является в условиях Украины актом большого мужества.

В первый же день образования Группы был организован бандитский налет на квартиру Миколы Руденко, и была ранена камнем член Группы Оксана Мешко. Мы обращаем внимание на опасность использования уголовных методов по отношению к такой Группе, образование и деятельность которой строго соответствуют духу и букве Заключительного акта и против которой трудно возбудить судебное преследование. Мы просим мировую общественность выступить в защиту Украинской группы и в дальнейшем не выпускать ее из своего поля зрения.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР будет помогать Украинской группе в передаче информации корреспондентам и представителям глав правительств, подписавших Заключительный акт.

Мы надеемся, что эти правительства будут открыто и официально принимать информацию о нарушениях гуманитарных статей Заключительного акта от Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Л. Алексеева, М. Ланда, Ю. Орлов, А. Гинзбург, А. Щаранский, В. Слепак
12 ноября 1976 г.

СООБЩЕНИЕ

В ответ на призыв Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР создавать национальные группы 9 ноября 1976 года в Киеве образована Украинская группа содействия в составе: Олесь Бердник, Петр Григоренко, Левко Лукьяненко, Оксана Мешко, Микола Руденко (руководитель группы), Нина Строкатова и другие.

По просьбе украинских единомышленников представителем Группы в Москве согласился быть П. Григоренко.

В ночь на 10 ноября на квартире руководителя Группы украинского поэта Миколы Руденко неизвестными лицами был устроен погром.

Хулиганы забросали окна градом камней. Находившаяся на квартире Руденко член Группы узник бериевских лагерей Оксана Мешко была ранена камнем. Вызванная к месту происшествия милиция отказалась составить акт.

Петр Григоренко, Микола Руденко
11 ноября 1976 г.

20

[ОБРАЩЕНИЕ К КОММУНИСТАМ ЗАПАДА В ПОДДЕРЖКУ ОСВОБОЖДЕНИЯ БУКОВСКОГО И КОРВАЛАНА]

Коммунистическим партиям Франции, Италии, Великобритании и Испании

Мы обращаемся к вам в связи с заявлением правительства Чили о готовности освободить Луиса Корвалана при условии освобождения правительством СССР Владимира Буковского.

Мы осуждаем заключение в тюрьму как Корвалана, так и Буковского. Политические заключенные во всех странах должны быть освобождены. Пока это не так, всякая акция, приводящая к освобождению хотя бы одного или двух узников совести, является оправданной и гуманной.

Правительство Чили проявило готовность к такой акции. Теперь освобождение Л. Корвалана зависит только от правительства СССР. Коммунисты в Советском Союзе и во всем мире много раз выступали с требованием освободить Луиса Корвалана. Однако правительство СССР до сих пор никак не реагировало на предложение правительства Чили. Неужели оно не использует эту возможность?

Мы полагаем, что коммунисты Запада, неоднократно заявлявшие о своем интересе к проблеме прав человека, могут оказать решающее влияние в деле одновременного освобождения Луиса Корвалана и Владимира Буковского.

От советской группы «Международной Амнистии»:
В. Турчин, В. Альбрехт, В. Войнович, В. Корнилов

От Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Юрий Орлов, А. Щаранский, Л. Алексеева, В. Слепак, Е. Боннэр
[после 16 ноября 1976][1]

21

АНАТОЛИЮ МАРЧЕНКО УГРОЖАЕТ ВНЕСУДЕБНАЯ РАСПРАВА

Главам правительств государств, подписавших Хельсинкские соглашения
Профсоюзам США, Канады, стран Европы, Пэн-клубу

Судьбу члена нашей Группы Анатолия Марченко без преувеличения можно назвать трагической. Восемь лет лагерей и тюрем — двухлетнее пребывание на свободе — снова лагеря, на этот раз три года — и через четыре года — четырехлетняя ссылка, до конца которой сейчас остался еще год и десять месяцев.

Не подумайте, что Марченко — грабитель, разбойник, насильник. Нет, это трудолюбивый человек, безупречный семьянин и талантливый писатель. Вот это последнее обстоятельство и является причиной преследований, которым он подвергается со стороны КГБ.

Перу Марченко принадлежит книга «Мои показания» — одно из первых публичных свидетельств о советских политических тюрьмах и лагерях послесталинского времени. Год назад вышел его очерк «От Тарусы до Чуны», где он описал свой последний арест и дорогу в ссылку, а 28 октября стало известно, что в девятом номере «Континента» появится статья о разрядке «Третье не дано», написанная двумя авторами[XXVIII], и один из них — Марченко.

Возможно, именно это вызвало гнев коменданта отделения милиции Корзуна, курирующего Марченко в ссылке. 30 октября он вызвал его к себе и без всякого видимого повода обрушил на него поток оскорблений и угроз. «Таких, как ты, вешать надо,— кричал Корзун. — Тебе ссылка не наказание, для тебя нужно другое, ты здесь не задержишься. Пиши, кому хочешь и куда хочешь, не поможет. Если тебя прибьет кто-нибудь на улице, я тому спасибо скажу».

[1] Датировано по заявлению правительства Чили от 16 ноября 1976 о согласии на обмен. — *Сост.*

Можно было бы расценить эту сцену как проявление самодурства Корзуна. Но у Марченко есть доказательства, что она была заранее отрепетирована. Корзун провоцировал его на какое-нибудь противодействие, которое можно будет расценить как «сопротивление властям», чтобы затеять новое судебное преследование. Ведь Марченко и прежде не судили открыто за книгу — каждый раз его естественные, совершенно укладывающиеся в рамки закона поступки толковали как нарушение закона, а на последнем процессе были использованы лжесвидетельства двух милиционеров.

Вызывает тревогу и фраза Корзуна о возможности избиения на улице. Это стало довольно распространенным способом неявной расправы.

Мы заявляем, что у Марченко нет врагов среди жителей поселка, где он отбывает ссылку. Если он будет избит на улице,— это избиение наверняка будет совершено подставными лицами.

Мы просим вмешательства общественности, чтобы оградить Анатолия Марченко от нового судебного процесса или внесудебной расправы.

Члены Группы:
Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрии Орлов
2 ноября 1976 г.

22

Документ № 10

О ГРУБЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ

Преследование крымских татар за попытки поселиться в Крыму[1]

(Документ составили члены Группы содействия, Александр Лавут[2] и члены Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяна Великанова и Татьяна Ходорович)

Отношение советских властей к проблеме крымских татар находится в вопиющем противоречии с недвусмысленными обязательствами, подписанными в Хельсинки:

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области» (пункт VII раздела 1а).

Фактическая политика в отношении крымско-татарского народа направлена на постепенную ликвидацию его как исторически сложившейся национальной культуры и ассимиляцию.

Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо выселенных со своей земли в 1944 г.[XXIX], проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения в Крымской Автономной ССР их было несколько сотен. Нет ни одного журнала. В 1944 г.

[1] См. также документы №№ 24, 43 (док. 60, 78), 60 (не обнаружен) и в документе № 100 (док. 136). — *Сост.*

[2] О нем см. документы №№ 130, 152 (док. 163, 186). — *Сост.*

был ликвидирован институт, занимавшийся исследованиями в области крымско-татарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымско-татарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная).

Очевидно, власти рассчитывают на ассимиляцию крымских татар населением среднеазиатских республик. Но поскольку политика ассимиляции встречает сопротивление крымских татар, то она является нарушением «прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия...» (пункт VII раздела 1а).

Крымские татары предпринимают мирные и основанные на законе усилия по сохранению своей нации и культуры. Только за это и именно за это они подвергаются преследованиям со стороны властей. Наиболее жестокие преследования обрушились на тех, кто пытается вернуться на свою историческую родину — в степную часть Крыма, к сельскохозяйственным работам в привычных условиях. Купленные крымскотатарскими крестьянами дома власти разрушают бульдозерами, кормильцев семьи не принимают на работу, даже многодетные семьи выгоняют из домов, оставляя без крова; высылают, а наиболее упорных «возвращенцев» арестовывают и осуждают на ссылку или лишение свободы. Это значит, что крымские татары, подобно некоторым другим национальным и религиозным меньшинствам и инакомыслящим, поставлены в особые условия по отношению к советским законам. Ведь режим прописки на территории Крыма не запрещает переселение по национальному признаку, т.е. нет формального запрета на поселение в Крыму крымским татарам, полностью реабилитированным в 1967 г. Но фактически они поставлены здесь вне закона. В степном Крыму, где постоянно ощущается нехватка рабочих рук и куда местные власти вынуждены приглашать переселенцев из России и Украины, крымские татары встречаются с чрезвычайными препятствиями при нотариальном оформлении покупки дома, в прописке и устройстве на работу.

За 9 лет после издания Указа о реабилитации[xxx] лишь 5 тысяч крымских татар (менее 1% народа) смогли узаконить свое проживание в Крыму. Большинство из них пережили длительный период всяческих преследований и дискриминации. В настоящее время около 2 тысяч крымских татар, в том числе многодетные семьи, живут в Крыму под постоянной угрозой выселения и судов «за нарушение паспортных правил», т.е. за отсутствие прописки, в которой власти им незаконно отказывают.

Недавние акты преследования крымских татар, пытающихся поселиться в Крыму

В течение лета и осени 1976 г. из Крыма постоянно поступают сообщения о незаконных препятствиях, чинимых властями возвращению крымских татар из мест бывшей ссылки. Перечисляем известные нам факты (в скобках проставлены номера соответствующих документов, направленных в разные инстанции крымскими татарами[1]).

Выселения

1. В ночь на 12 мая милиция и дружинники пытались выселить из дома семью Шавер Чакаловой, имеющую четырех детей. При этом были избиты члены семьи, пришедшие на помощь выселяемым. Операция по выселению сорвалась из-за вмеша-

[1] Список источников не публикуется, список воспроизведен в АС № 2830, сами документы — в АС № 2831 (а-о). — *Сост.*

тельства соседей. Осенью Чакаловой предъявили обвинение в нарушении паспортных правил.

Суд над Чакаловой назначен на 10 ноября. Ей грозит, по меньшей мере, насильственное выселение всей семьи (1, 3).

2. 13 мая была вывезена из своего дома в с. Горлинка Белогорского района Крымской области в степь семья Р. Юнусовой и М. Сеитвелиева с больным ребенком. Дом Сеитвелиевых разрушен. По сведениям конца октября, семья живет в палатке. В июле Сеитвелиевы пытались восстановить дом, но он был снова разрушен (1, 7).

3. 18 июня вывезена из дома в степь семья ветерана войны, участника обороны Севастополя В. Файзуллаева (2, 9).

4. 18 июня из с. Подгорное вывезена в степь семья Дервиша Асанова. Эта акция сопровождалась побоями членов семьи и ограблением (2).

5. 19 июля в с. Воинка был введен отряд милиции, выселивший семью М. Акмоллаева. Несколько крымских татар — соседей были арестованы на 15 суток за попытку помощи выселяемой семье (2, 3, 7).

6. 9 августа ночью была выселена семья М. Абилева (с. Богатое) и Э. Аметова (с. Курское). При выселении жестоко обращались с детьми, поломали вещи, украли деньги (3).

7. 25 августа из с. Золотое Поле выселен Я. Кенжаметов с женой и ребенком. Дом снесен трактором (3).

8. 4 мая вывезен из своего дома Р. Зенабаддинов[1] (1).

9. 11 мая уничтожен дом, купленный Э. Аметовым в с. Мелехове (1).

10. 13 мая дружинники выселили семью Мемета Сеитвели, состоящую из пяти человек. Семья была вынуждена провести ночь на улице. Маленькая дочь Мемета простудилась, и утром ее пришлось положить в больницу (1).

Зачастую попытки насильственного выселения терпят неудачу благодаря протестам соседей — не только крымских татар, но и русских, и украинцев.

Аресты и суды

По заведомо неполным данным, летом 1976 г. были осуждены десять человек по статье «нарушение паспортных правил» (не считая выселенных).

1. 9 июня Ленур Бекиров — два года принудительных работ по направлению МВД (так называемая химия[XXXI]). Его жена Гульнара Бекирова и дочь Шефика Бекирова — два года условно.

2. 13 мая Муса Мамут[2] — 2 года лагерей общего режима. Его жена З. Абдуллаева — 2 года условно. У них трое детей. В приговоре Мамута прямо указано, что он осужден за то, что приехал в Крым и купил там дом.

3. 9 июня Энвер Решитов[3], отец четырехмесячного ребенка,— полтора года лишения свободы.

4. 1 сентября — Шевкет Арнаутов — два года лагерей строгого режима.

5. 25 августа — Абибулла Халилов — года условно.

6. 2 сентября — Ридван Усеинов — 2 года принудительных работ по направлению МВД. По тому же делу Р. Шабанов и А. Ягъяев получили два года высылки.

7. 17 октября Э. Аметов — 2 года высылки. До осуждения Энвер Аметов имел предупреждение от КГБ за разговор с иностранным корреспондентом, что также является грубым нарушением Хельсинкской декларации.

---

[1] Встречаются написания «Зенабалдинов» и «Зинабадинов». — *Сост.*

[2] О его самосожжении в 1978 см. в документе №100 (док. 136). — *Сост.*

[3] Так в тексте, правильно — Решатов — *Сост.*

Активист крымско-татарского движения Мурат Военный в октябре был приговорен к двум годам высылки.

Александр Лавут, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович, Юрий Орлов, Людмила Алексеева, Мальва Ланда
10 ноября 1976 г.

23

[ОБРАЩЕНИЕ К ГЛАВАМ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТРАН-УЧАСТНИЦ ХЕЛЬСИНКСКОГО СОГЛАШЕНИЯ О СУДЬБЕ В.И. ЗОСИМОВА[XXXII]]

Главам правительств стран-участниц Хельсинкского соглашения

Истек ровно месяц, как советское правительство добилось из Ирана выдачи политического эмигранта из СССР Зосимова Валентина Ивановича.

Мотивировка этого противоправного и антигуманного акта — воздушное пиратство — явно несостоятельна.

В. И. Зосимов воспользовался самолетом, не применив при этом насилия, не захватив никаких ценностей и не использовав самолет для шантажа и вымогательства, что неоднократно делали воздушные пираты. Его единственной целью было — использование самолета для реализации своего законного права покинуть свою страну.

Это международное право, узаконенное в СССР ратифицированными Президиумом Верховного Совета Пактами о правах, советским правительством грубо нарушается, что и вынуждает отдельных граждан нашей страны искать способы нелегального преодоления границы СССР. В. И. Зосимов сделал это с помощью самолета, на котором он летал в порядке выполнения своих служебных обязанностей. Действия его, неправомерные с точки зрения обычного несения службы, оправданы грубым нарушением советскими властями общепризнанных международных законов, в том числе Заключительного акта Хельсинкского совещания. Его поступок наглядно продемонстрировал перед всем миром наличие таких нарушений, и потому он может особенно жестоко поплатиться — не столько за нарушение закона, сколько за разоблачение действий правительства, которые оно скрывает.

Исторический опыт доказывает, что правовая политика СССР зачастую исходит из соображений мести и назидания для других. Во всех таких случаях она несправедлива, жестока и беспощадна. Не исключено, что Зосимову придется ответить и за Беленко. А это может стоить ему жизни, хотя по закону смертная казнь за угон самолета и не предусмотрена.

Мы просим Вас обратиться к советскому правительству и настаивать на том, чтобы оно ввиду исключительных условий, вынудивших В. И. Зосимова незаконно использовать самолет, благожелательно рассмотрело этот вопрос и амнистировало его, одновременно разрешив ему выезд из страны.

Андрей Сахаров — Директор и почетный вице-президент Международной лиги прав человека[XXXIII], лауреат Нобелевской премии Мира

Микола Руденко — Руководитель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Юрий Орлов — Руководитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Елена Боннэр — Член Группы содействия
Петр Григоренко — Член Группы содействия
26 ноября 1976 г.

24

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДОКУМЕНТАМ №№ 11–14 О ГРУБОМ НАРУШЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ВЫЕЗД ИЗ СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

Документы № № 11–14 относятся к общей проблеме права на выбор страны проживания и права на выезд из данной страны (с возможностью возврата в нее).

Эти права оговорены в Заключительном акте в трех аспектах: 1) содействие правительств, подписавших Заключительный акт, *воссоединению семей;* 2) соблюдение всеми правительствами прав свободно *мигрирующей рабочей силы* (ст. 6 «Экономические и социальные аспекты мигрирующей рабочей силы»); 3) соблюдение правительствами, подписавшими Заключительный акт, основных прав человека, зафиксированных, в частности, во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном Советским Союзом в марте 1976 года (пункт VII, раздел 1-а Заключительного акта). Как Всеобщая декларация (статья 15 §2), так и Международный пакт (статья 12 пункт 2) гарантируют гражданам право выбора страны проживания, свободный выезд и свободное возвращение в страну проживания.

Советское правительство самым грубым образом нарушает это права своих граждан во всех аспектах. И после подписания Заключительного акта СССР окружен подобием берлинской стены, растянутой на тысячи километров.

Между тем, все больше советских людей публично заявляют о своем желании навсегда или на время покинуть пределы Советского Союза. Очень часто они получают отказы. Во многих случаях на них обрушиваются репрессии: увольнения с работы, помещения в психбольницы, аресты по спровоцированным делам и т. д.

Мы можем судить об этом по растущему числу заявлений непосредственно Группе содействия или через нее — главам правительств, подписавшим Заключительный акт. Мы знаем, однако, что подавляющая часть заявлений — о желании эмигрировать, об отказе от гражданства, о необходимости выехать на время — не достигает Группы, и очень большое число желающих эмигрировать Группе просто неизвестны.

Мотивы, по которым разные люди начинают борьбу за право на выезд из страны, различны.

Формально наибольшая часть желающих эмигрировать из СССР указывает на существование родственников за границей и опирается на право воссоединения семей. Так поступают не только евреи и немцы, но и жители Прибалтики, Армении и других республик, а также и русские.

Общая направленность потока воссоединения семей *из СССР* даже в малой степени не компенсируется обратным потоком *в СССР,* что указывает на истинные — *социальные* — корни этого процесса. С полным основанием люди, вынужденные искать родственников в Израиле в надежде получить вызов, чтобы уехать из СССР, могут рассматриваться как *беженцы.*

В документах 11–14 не рассматривается важная проблема воссоединения семей, с которой связаны многие реальные трагедии и многие вопиющие нарушения советским правительством Заключительного акта. Эти документы основаны целиком на за-

явлениях и обращениях людей, желающих эмигрировать из страны по религиозным, политическим, экономическим, национальным (см., например, документ № 9), профессиональным и другим мотивам.

Советское правительство настойчиво сводит все содержание гуманитарных статей Заключительного акта к одному — единственному пункту — воссоединению семей (отрицая свои нарушения и в этой области). Оно хотело бы навязать эту свою позицию другим государствам так же, как оно навязывает ее своим гражданам. Однако столь ограниченное толкование Заключительного акта перечеркнуло бы пункт VII раздела 1-а — тот единственный пункт, в котором Советский Союз пошел на существенный компромисс, а также пункт о мигрирующей рабочей силе.

Проблемы эмиграции из СССР тесно связаны со всем комплексом нарушений прав человека в СССР.

В приложении[1] к документу № 11 «О праве на эмиграцию по религиозным мотивам» представлены сотни драматических заявлений членов *религиозной* общины пятидесятников, бесконечное терпение которых кончилось, которые не хотят более переносить репрессии, лишения и дискриминацию. Теперь они добиваются осуществления своего бесспорного права на эмиграцию. Большинство пятидесятников — русские, простые рабочие и служащие.

Документ № 12 «Об украинских беженцах» основан на обращениях десятков украинцев — политзаключенных и членов их семей, ищущих политического убежища в других странах. Положение этих людей трагично, и мы хотим привлечь к их судьбе внимание мировой общественности.

Документ № 13 «Требования эмиграции по экономическим и политическим мотивам со стороны рабочих» составлен на основании нескольких заявлений от рабочих, желающих выехать из СССР — и по экономическим причинам (невозможность прокормить семью), и по политическим мотивам. Напомним, что советские рабочие лишены права организованно бороться за повышение своего жизненного уровня ввиду отсутствия в СССР независимого от государства профсоюзного движения.

В документе № 14 поднят принципиально важный вопрос о праве на эмиграцию по *истинным* мотивам.

Первым привлек внимание к этому вопросу Анатолий Марченко, отказавшийся следовать по пути, навязываемому советскими властями большинству эмигрантов-нееврее в (Андрей Амальрик, Наталья Горбаневская и многие другие) — эмигрировать в Израиль по вызову «родственников», и настаивавший на своем праве на выезд в качестве политэмигранта. Эта попытка закончилась трагически. А. Марченко был арестован и получил четыре года ссылки по сфабрикованному обвинению в нарушении правил надзора.

Сейчас борьбу за право свободного выезда ведет пятидесятилетняя ленинградка Эмилия Ильина, объявившая голодовку и требующая разрешить ей эмигрировать в Канаду без «выкупа» и без вызова от «родственников»[2].

Непосредственно к документам №№ 11–14 примыкает заявление тбилисцев Григория и Исая Гольдштейнов и Елизаветы Быковой[3], требующих удовлетворения их *права на отказ от советского гражданства.*

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Александр Корчак, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский, Елена Боннэр, Анатолий Марченко, Петр Григоренко
2 декабря 1976 г.

---

[1] Приложение не публикуется. — *Сост.*

[2] Эмигрировала из СССР 25 февраля 1977 г. — *Сост.*

[3] См. АС № 2897-2898 — *Сост.*

25

Документ № 11

О ПРАВЕ НА ЭМИГРАЦИЮ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

Мы передаем общественности и главам правительств 35 стран, подписавшим Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, сборник документов «Выходи из нее, народ Мой»[1] о положении христиан-пятидесятников, приведшем их к решению покинуть страну.

Сборник состоит из заявлений, жалоб, открытых писем, судебных решений, автобиографий и т. п., касающихся судеб многих сотен людей. Большинство документов сборника относится к самому последнему времени (лето — осень 1976 года), но почти все приводимые в них факты преследований пятидесятников, которые трудно назвать иначе как *преступлениями против человечности,* произошли до 1 августа 1975 года — даты подписания Хельсинкских соглашений. Эти факты дают убедительную картину того, почему эти терпеливые верующие люди приняли решение покинуть страну — даже если сегодня уровень репрессий ниже уровня 60-х годов.

Сборник преследует одну основную цель, соответствующую пункту VII раздела 1 Заключительного акта совещания в Хельсинки и Всеобщей декларации прав человека, ст. 13 и 14, где, в частности, сказано, что «каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную...», «каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем» — способствовать эмиграции *по религиозным мотивам людей, желающих эмигрировать.* В сборник не включены имеющиеся в распоряжении Группы документы о преследованиях, в том числе и судебных, других пятидесятников — *не* выражающих в настоящее время желания уехать из страны.

Судьба пресвитера общины пятидесятников г. Малоярославца Федотова, в данное время отбывающего трехлетний срок заключения в лагере, многочисленные сообщения о штрафах за участие в молитвенных собраниях (например, М.В. Чинаров из Малоярославца, 1890 года рождения, получающий пенсию 45 руб. в месяц, оштрафован в октябре 1975 года на 50 рублей. Семья Пыжовых в Обнинске — на 200 рублей в ноябре 1975 года и т. п.), свидетельствуют о том, что и после подписания Заключительного акта советское правительство игнорирует обязательство «признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести».

О том же свидетельствует и дискриминационное в отношении верующих, поныне действующее и ни на йоту не изменившееся после 1 августа 1975 года, советское законодательство о религиозных культах, о браке и семье, о народном образовании, о всеобщей воинской повинности, о частных промыслах, статьи 142 и 227 Уголовного кодекса РСФСР[XXXIV] (и соответствующие статьи УК союзных республик). Этот постоянно висящий над верующими дамоклов меч узаконенного преследования лишает их надежды на благополучное будущее в этой стране и приводит к решению эмигрировать.

Движение пятидесятников за выезд из страны выделяется из аналогичных ситуаций своей массовостью — о желании уехать заявляют не отдельные люди или семьи, а целые религиозные общины, создающие специальные инициативные органы своего движения — *советы эмиграции.*

---

[1] Составитель сборника — А. Гинзбург, экземпляр хранится в архиве Keston college (Великобритания). — *Сост.*

Группа обращает внимание правительств, которые пожелают самостоятельно разобраться в приводимых в сборнике фактах, на помещенные в конце сборника доверенности, выданные общиной г. Находка нескольким своим членам, которые уже выехали из страны по вызовам, присланным родственниками из Израиля (Е. Бресенден и Н. Плотников) и Канады (Б. Богрин). Эти свидетели могут быть вызваны любым из заинтересованных правительств.

В сборнике поднята еще одна существенная для этой категории желающих эмигрировать проблема — деньги на осуществление права на выезд. Ведь речь идет о многодетных (пять-семь и более детей — таково большинство семей, представленных в сборнике) и малообеспеченных именно в связи с преследованиями за религиозные убеждения людях, которые к тому же добровольно берут на себя заботу о самых нуждающихся: о семьях узников, о стариках (что также запрещено советским законодательством о религиозных культах). Нужно или помочь им, или побудить правительство СССР к отмене денежных сборов за отказ от гражданства и визу с тех, кому это не под силу. Такая возможность законодательством предусмотрена, но на практике применяется крайне редко — в тех случаях, когда в этом заинтересовано государство.

Группа содействия напоминает, что религиозные диссиденты, бежавшие от государственных преследований, внесли немалый вклад в развитие таких государств-участников совещания в Хельсинки, как США и Канада.

Л. Алексеева, Е. Боннэр, А. Гинзбург, М. Ланда, Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак
2 декабря 1976 года.

26

Документ № 12

ОБ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦАХ

В 1976 году 26 советских политических заключенных заявили об отказе от советского гражданства, среди них 19 украинцев.

В Группу содействия сообщили о своем намерении покинуть Советский Союз 19 политзаключенных-украинцев и члены их семей. Разумеется, этот список не исчерпывает всех желающих эмигрировать из Украины бывших и нынешних узников совести, а также людей из близкого окружения.

Украинцы составляли и составляют весьма существенную часть контингента узников совести, непропорционально большую по сравнению с долей этого народа в населении СССР. Так, в самом страшном политлагере — Мордовском лагере № 1 особого режима — из 20 находящихся там сейчас политзаключенных 13 украинцев. В женском политическом лагере[1] украинки составляют 25%. Атмосфера, в которой живут семьи украинских узников совести и в которую попадают они сами по отбытии наказания, может сравниться с обстановкой 30-х годов. Они находятся под неусыпным контролем КГБ и местных властей. На каждом шагу их повседневной жизни им чинят всевозможные препятствия, причем дискриминация распространяется не только на жен и детей, но даже на довольно отдаленных родственников, а также на друзей. Поэтому

[1] Имеется в виду отделение Мордовских политических лагерей (ЖХ-385/3-4) в пос.Барашево (Мордовская АССР). — *Сост.*

к ним не решаются ходить в гости, им боятся помочь в устройстве их дел, их притесняют по месту работы. Их письма просматриваются, их разговоры подслушиваются. Получение посылки из-за границы или денежного перевода из Москвы может оказаться достаточным поводом для вызова в органы КГБ, где «беседой» могут довести до сердечного приступа, как было летом этого года с братом жены политзаключенного Ивана Геля. А если беседы не помогают, не исключено, что в окно полетят камни (так случилось с Раисой Мороз и с матерью находящегося во Владимирской тюрьме Леся[1] Сергиенко).

Украинские политзаключенные — вышедшие на свободу и еще не вышедшие — понимают, что если они не изменятся в желательном для властей направлении, то семьи их обречены на вечное пребывание в изгоях, а сами они в скором времени вновь окажутся на долгое время за колючей проволокой.

(Многие нынешние политзаключенные-украинцы отбывают второй, а то и третий срок. Святослав Караванский получил по трем приговорам в общей сложности 30 лет, Николай Курчик — 33 года, Трофим Шинкарук — 35 лет, священник Василий Романюк — 20 лет, Иван Гель — 16[2] лет плюс 5 лет ссылки, Данило Шумук — 25 лет, Валентин Мороз — 13 лет плюс 5 лет ссылки и т. д.) Именно поэтому они решили покинуть родину.

Естественное направление потока украинских беженцев — Соединенные Штаты и Канада, где живет много их соотечественников и где почти все желающие покинуть Украину имеют родственников. Однако за последние годы известны лишь 4 украинские семьи, получившие разрешение переселиться к родственникам в США. Возможность выезда в Канаду тоже практически отсутствует.

Прилагаем список семей украинских политзаключенных, сообщивших в Группу о своем желании уехать за пределы Советского Союза. Просим помочь им получить у советских властей разрешение на выезд. Если окажется легче получение разрешения на выезд к родственникам, просим, учитывая трагичность положения украинских политзаключенных и их семей, помочь им разыскать в США и Канаде их родственников и передать им просьбу прислать вызовы.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов,
Елена Боннэр, Петр Григоренко, Анатолий Щаранский
2 декабря 1976 года.

Список известных Группе политзаключенных,отказавшихся от советского гражданства

Уральский лагерь № 35

1.Ассельбаумс Т.И.
2. Грабанс Иварс
3. Шахвердян Баграт
4. Зограбян Размик
5. Кивило Харальд
6. Вальдман Иоганн[3]
7. Глузман Семен
8. Огурцов Игорь[4]

---

[1] Александр. — *Сост.*
[2] Правильно — 13 лет. — *Сост.*
[3] Иоханнес. — *Сост.*
[4] О нем см. документ № 88 (док. 121). — *Сост.*

9. Пидгородецкий Василий
10. Басараб Дмитрий
11. Калинец Игорь
12. Горбаль Микола
13. Демидив Дмитрий
14. Мотрюк Николай
15. Шовковый Иван
16. Пронюк Евгений
17. Сорока Степан
18. Верхоляк Дмитрий
19. Мамчур Степан
20. Савчин Алексей
21. Верник Иван (уральский лагерь № 36)
22. Шумук Данило (мордовский лагерь № 1)
23. Мороз Валентин (мордовский лагерь № 1)
24. Шинкарук Трофим (мордовский лагерь № 1)
25. Черновол Вячеслав (мордовский лагерь № 3)

Список украинских семей, сообщивших в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР о своем желании выехать в Соединенные Штаты или Канаду

Гель Иван Андреевич, 1937 года рождения, находится в Мордовском политическом лагере № 1 особого режима; его жена Гель Мария Иосифовна, 1936 г. р., Львов 4, ул. Гастелло 7, кв. 17; его дочь Гель Оксана Ивановна, 1964 г. р., адрес тот же.

Светличная Надия Алексеевна, 1936 г. р.; ее сын Ярема Иванович Светличный, 1970 г. р. Их адрес: Киев, Уманская ул., д. 35 кв. 20.

Черновол Вячеслав Максимович, 1938 г. р., политзаключенный. Адрес родителей: Черкасская обл., Звенигородский р-н, с. Вильховец, Валентине Черновол.

Гурный Роман Андреевич, 1936 г. р., Львовская область, Бусский р-н, с. Куткир.

Кандыба Иван Алексеевич, 1930 г. р., Львовская обл., пос. Пустомыты, ул. Шевченко, 176.

Горынь Богдан Николаевич, 1936 г. р., Львов, ул. О. Кульчицкой, 15, кв. 94; его жена Горынь Оксана Ивановна, 1939 года рождения, адрес тот же.

Светличный Иван Алексеевич, 1929 г. р., политзаключенный; его жена Светличная Леонида Павловна, 1924 г. р., Киев, Уманская ул., 35, кв. 20.

Романюк Василий Емельянович, 1925 г. р., политзаключенный лагеря особого режима № 1; его жена Антонюк Мария Марковна, 1924 г. р., Ивано-Франковская обл., Косов, пер. Кобылянской, 3; его сын Романюк Тарас Васильевич, 1959 года рождения, адрес тот же.

Шабатура Стефания Михайловна, 1938 г. р., политзаключенная; ее мать Шабатура Анна Михайловна, Львов, ул. Кутузова. 116, кв. 2.

Калинец Игорь Миронович, 1939 г. р., политзаключенный; его жена Стасив-Калинец Ирина Онуфриевна, 1940 г. р., политзаключенная; их дочь Калинец Звенислава Игоревна, 1963 г. р., Львов, ул. Кутузова, 117, кв. 12.

Караванский Святослав Иосифович, 1920 г. р., политзаключенный; его жена Строкатова Нина Антоновна, 1926 г. р., Таруса, Калужской обл., ул. Луначарского, 39.

Сергиенко Александр Федорович, 1932 г. р., политзаключенный; его мать Мешко Оксана Яковлевна[1], 1905 г. р., Киев, Верболозна ул., д. 16.

[1] О ней см. документ № 157 (док. 191). — *Сост.*

Шумук Данило Лаврентьевич, 1914 г. р., политзаключенный; Мордовская АССР, ст. Потьма, п/о Сосновка, учр. ЖХ-385/1.

Мороз Валентин Яковлевич, [1936] г. р., политзаключенный; его жена Мороз Раиса Васильевна, Ивано-Франковская обл., Набережная, д. 14, кв. 1; его сын Мороз Валентин Валентинович, [1962] г. р., адрес тот же.

Барладяну Василий Владимирович, 1942 г. р., Одесса, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 10, кв. 1; его жена Барладяну Валентина Сергеевна, 1948 г. р., адрес тот же; его дочь Барладяну Валерия Васильевна, 1971 г. р., адрес тот же.

Тымчук Леонид Николаевич, 1935 г. р., Одесса, Индустриальная ул., д. 44, кв. 5.

Смогитель Вадим Владимирович, 1939 г. р., Киев, ул. Франко, д. 26, кв. 12.

27

Документ № 13

ТРЕБОВАНИЯ ЭМИГРАЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ СО СТОРОНЫ РАБОЧИХ

(Л. М. Серый[1], В. А. Иванов, И. М. Сивак, В. М. Павлов)

В настоящей подборке объединены дела четырех семей, желающих эмигрировать из СССР и обратившихся за помощью в Группу содействия. Эти люди живут в разных местах, а объединяет их то, что все они — рабочие, представители того класса, который согласно официальной советской идеологии является в СССР «правящим». Кроме того, они не принадлежат к национальным меньшинствам; причины, побуждающие их требовать разрешения на выезд из страны,— экономического и политического характера.

С этой подборкой документов мы обращаемся не только к правительствам стран, подписавшим Хельсинкское соглашение, но также к профессиональным союзам рабочих и к социалистическим и коммунистическим партиям в странах Запада.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
2 декабря 1976 г.

1. *Леонид Михайлович Серый,* украинец, 1936 года рождения, живет с женой и шестью детьми в Одессе, по ул. Фрунзе 199, кв. 128. В своем обращении к правительствам западных стран и международным гуманитарным организациям Л. Серый подробно описывает материальное положение своей семьи, приводит много цифр. Полный текст обращения приведен в приложении 1[2]. Леонид Серый, в частности, пишет:

«...Я работаю токарем на судоремонтных мастерских Ильичевского морского рыбного порта... Жена не работает, потому что дети маленькие... После всех покупок и распределений у нас остается на питание 15–20 руб. на человека в месяц. И нам постоянно приходится голодать, а слабые к тому же и болеют. Мы постоянно голодаем, особенно во второй половине месяца... Врачи говорят, что наши организмы крайне

[1] О нем см. в документе № 100 (док. 136). — *Сост.*

[2] В сборнике издательства «Хроника-пресс» (вып.2) в приложении 1 было напечатано другое открытое письмо Серого, адресованное Генеральному секретарю ЦК КПСС. В настоящем издании письмо Серого публикуется по АС №2755. — *Сост.*

ослаблены, истощены. Поэтому простуживаемся. Нехватка витаминов и жиров у нас и поэтому низкий гемоглобин и потеря сознания, и поздний рахит у детей. Это все — результат плохого питания. А будут, говорят, хорошо питаться, и все будут здоровы... Но несмотря на все тяготы и лишения, я все же стараюсь работать лучше, авось мне удастся умилостивить свое начальство, и оно даст мне заработать так, чтобы я смог прокормить свою немаленькую семью. Норму я выполняю на 140–150%, больше чем на 140% работать не дают. Не пью, не курю, прогулов не делаю...

Что значит бумажная, мучительная, унизительная и бесполезная переписка, можно понять, только живя в Советском Союзе. Здесь рекламируют внимание к письмам трудящихся, а на самом деле у трудящихся ни о чем не спрашивают, даже не обращают внимания на жалобы, протесты, требования. А если сильно упрямый попадется клиент, то ему могут сказать: «У вас нездоровые мысли, и мы можем вас подлечить». Так говорили в Москве, в ЦК КПСС. А в Киеве у здания ЦК подогнали спец. машину, чтобы увезти мою жену, приехавшую с жалобой. Но благодаря посторонним людям, рабочим-штукатурам, которые ремонтировали здание напротив, ее не смогли взять, а дети в это время кинулись врассыпную... Видя все это и ощущая на себе, мы уверились в том, что у нас человек труда не имеет права на протесты; профсоюзы наши также не имеют прав и не пытаются их иметь. На все письма наши — одни запугивания и насмешки...

Помогите нам, не дайте умереть от недоедания постоянного... А нашим руководителям пускай будет стыдно, что их рабочий не в состоянии прокормить свою семью, а кормить народ обещаниями и лозунгами стыдно. Помогите, пожалуйста, нам уехать. Хотелось бы в Америку или Канаду. В Канаде тоже есть украинцы, и нам легче было бы с языком. Мы тоже украинцы. Будем ждать, если не помрем! Надеемся!»

Прося оказать содействие Леониду Серому в его попытке эмигрировать, мы также обращаемся к профессиональным и благотворительным организациям с просьбой оказать семье Серого материальную помощь. В СССР нет возможности создания благотворительных обществ, а люди, которые занимаются этим полулегально, рискуют попасть под суд. Что касается профсоюзов, то в письме Л. Серого о них сказано достаточно ясно.

2. *Валентин Анатольевич Иванов,* русский, 1930 года рождения, рабочий-электрик, проживает по адресу: Калужская обл., Боровский р-н, пос. Ермолино, ул. Островского, 75.

В заявлении, направленном в Президиум Верховного Совета СССР 3 августа 1976 г., он пишет:

«На основании Закона о гражданстве СССР, а также статьи 14 Всеобщей декларации прав человека и Заключительного акта Хельсинкского совещания я прошу разрешить мне выезд из СССР.

Я русский рабочий 46 лет. Тридцать лет работаю на производстве, из них 22 года на электромонтажах. В архивах КГБ хранятся три папки документов, которые утверждают, что я знающий электрик, добросовестно отношусь к работе, практически не пью спиртного и не курю.

Перечислю некоторые из причин, побудивших меня в 1959 году пойти на риск нелегального перехода границы, в 1964 и 1966 гг. просить выезда из страны и ныне вновь обратиться в Президиум с этой просьбой.

1. Низкий уровень заработной платы. Я могу сказать с полной ответственностью, что лучшие свои годы проработал за кусок хлеба.

2. Полная беззащитность рабочего от произвола администрации из-за отсутствия свободных профсоюзов. Так, например, в сентябре 1974 г. меня заставили отрабо-

тать в субботу и воскресенье 20 часов и не заплатили за это ничего. Профсоюз, куда я обратился с жалобой, принял сторону администрации. Таких примеров можно привести десятки.

3. Отсутствие независимого и объективного суда. Только потому судья Алиев в г. Баку осенью 1966 г. вынес мне обвинительный приговор якобы за попытку нелегального перехода границы. Дело готовил Азербайджанский КГБ, и Алиев старался как мог, не стесняя себя процессуальными нормами.

4. Жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение в трудовых лагерях. Я могу говорить об этом со знанием дела, так как много суток провел в ледяных одиночках лагеря № 8 Омского УМЗ. Там кроме обычного физического воздействия голодом и холодом мне еще по трое суток не давали пить по распоряжению майора Полякова.

5. Постоянная и все усиливающаяся тенденция КГБ использовать психиатрию для усиления своих следственных и карательных возможностей. Так, осенью 1966 г. капитан Таланов, следователь Азербайджанского КГБ, направил меня в психбольницу на том основании, что я не признаю себя виновным. По крайней мере, так он мне заявил перед отправкой. Когда же, вернувшись через 20 дней из больницы, я вновь отказался признать себя виновным, Таланов стал угрожать мне новым помещением в больницу.

Осенью 1972 г. в Омске подполковник Удовыдченко отдал распоряжение поместить меня в психбольницу, а главный врач этой больницы, никогда не видевший меня в глаза, заочно дал команду поместить меня в отделение, где содержатся буйные тяжелобольные. К счастью, дежурившая в этот вечер врач что-то заподозрила и своею властью отменила эту убийственную команду. Через 7 дней я был признан здоровым...

Практика показала, что власти игнорируют подобные заявления, поэтому я направляю копию этого заявления в посольство США с просьбой опубликовать его в свободной прессе, чтобы довести его таким образом до сведения нашего правительства и обратить внимание западной общественности, прежде всего западных рабочих, на положение русского рабочего, который пытается отстаивать свои экономические интересы и человеческое достоинство».

21 сентября 1976 г. В.А. Иванов вышел в Москве на площадь Революции с плакатом: «Советским властям. Требую выезда. Я прошел ад ваших лагерей и «душегубок». Что еще? Русский рабочий Иванов В.А.». Через десять минут Иванов был задержан милицией и провел сутки в отделении милиции, после чего был доставлен по месту жительства.

9 ноября Валентин Иванов обратился с письмом к Председателю Американской федерации труда г-ну Дж. Мини, в котором он пишет:

«Уважаемый г-н Мини.

Я русский рабочий, электрик высшей квалификации с 30-летним стажем, обращаюсь к Вам как к руководителю американских профсоюзов.

С 1949 г. я подвергаюсь преследованию со стороны КГБ у себя на родине. Вначале за то, что отказался читать доклад Сталина, а позже за то, что пытался отстаивать право трудового человека в России.

Несколько раз я обращался к советским властям с просьбой о выезде из страны, и каждый раз ответом были репрессии. Сейчас положение стало критическим, и я решил обратиться к Вам с просьбой помочь мне получить вызов от американского профсоюза электриков. Я прошу помочь мне выехать из России и тем самым избежать новых репрессий...».

3. *Иван Михайлович Сивак,* украинец, 1926 года рождения, живет с женой и тремя сыновьями в поселке Диброва Долинского района Ивано-Франковской области.

Вскоре после рождения И. М. Сивака его отец очутился в Канаде, где и жил до своей смерти в 1965 г. В 1970 году И. М. Сивак запросил разрешения на выезд в Канаду. Ему отказали, так как у него не было вызова, и предложили подать заявление на выезд в Израиль. Он согласился, но разрешения не получил, зато через некоторое время был отправлен в Ивано-Франковскую психиатрическую больницу. В письме на имя Л. И. Брежнева Иван Сивак пишет:

«Я уже тридцать лет живу в Советском Союзе, не живу, а существую. За эти тридцать лет мало что изменилось в жизни рабочего. Я живу в нищете и нужде. Зарплаты еле-еле на пропитание хватает. Кроме того, везде в Советском Союзе нет правды, нет свободы. Во всех сферах жизни ограничения. Везде и всюду человек чувствует себя невольником...

Прошло уже более года, как в столице Финляндии Хельсинки торжественно был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе руководителями европейских стран и США и лично Вами. Можно без преувеличения сказать, что правительство Советского Союза не только не соблюдает условий, изложенных в этом документе, но... игнорирует, не считается с мнением своих граждан. Хочу напомнить, что Декларация о правах человека тоже подписана правительством Советского Союза[1]. А на факте в Советском Союзе человек лишен даже [права] быть хозяином своей судьбы...

Я еще раз прошу Вас лично, Леонид Ильич, дайте мне разрешение на выезд с семьей в Израиль».

В письме, направленном в Группу содействия, И.М. Сивак просит «помочь эмигрировать в Израиль или в любую страну свободного мира».

4. *Владимир Максимович Павлов,* русский, 1929 года рождения, водитель автобуса, живет с женой и сыном в городе Майкопе, ул. Школьная, 5. Впервые он заявил о своем желании эмигрировать из СССР в 1966 г. В 1971 г. он был осужден на три года лишения свободы по статье 190.1 УК РСФСР. Приговор по делу Павлова относится к числу документов, с предельной ясностью и выпуклостью отражающих характер эпохи; такие документы становятся образцами для изучения и входят в хрестоматии. Поэтому в Приложении 2 мы приводим полный текст приговора. Для того, чтобы понять, что такое статья 190.1 и как она применяется на практике, не надо обращаться к специалистам, рыться в толстых книгах, расспрашивать очевидцев. Достаточно прочитать этот официальный документ, на котором стоит печать Министерства юстиции РСФСР и который умещается на неполных четырех страничках машинописи. И все станет ясно. Из приговора видно, что не только высказывание своих взглядов и мнений вменяется в вину В.М. Павлову, но и то, что «выражал удовлетворение в случае совершения каких-либо поступков или преступлений лицами, состоящими в рядах КПСС».

Из приговора видно, что кроме осуждения в 1971 г. по статье 190.1 В.М. Павлов был раньше, в 1949 г., осужден на два года лишения свободы по ст. 74 тогдашнего УК РСФСР, то есть за хулиганство. Вот что рассказывает он по этому поводу. В 1949 году молодым человеком он работал шофером на Урале. Перед их общежитием стояла статуя Сталина с вытянутой вперед рукой. Однажды ночью кто-то повесил на вытянутую руку Сталина старый драный башмак. Органы госбезопасности сочли необходимым как-то отреагировать на это. Арестовали Павлова, о котором уже было известно, что он способен на неортодоксальные высказывания. В течение шести месяцев, которые В. М. Павлов провел в предварительном заключении, никаких улик на него обнаружено не было. Очевидно, случай с башмаком к тому времени уже отошел в прошлое,

[1] Так в тексте, ВДПЧ не предусматривала подписания или ратификации, при ее утверждении в ООН СССР воздержался. — *Сост.*

и политического дела было решено не устраивать. Следователь сказал Павлову: «Ты понимаешь, что мы не можем просто выпустить тебя. Извиниться что ли перед тобой прикажешь? Вот у нас есть заявление, что ты устроил драку в общежитии. Выбирай; или ты признаешь свою вину и получаешь года три за хулиганство, или будем делать политическое дело». Драка в общежитии действительно имела место, хотя Павлов отнюдь не был ее зачинщиком, а просто защищался. Однако в этой ситуации он счел за благо «признаться», чтобы избежать гораздо более сурового наказания.

Хотя В. М. Павлов был осужден по ст. 190.1 в 1971 году и вышел из заключения в 1974 г., это дело надо рассматривать как самое современное, отражающее ситуацию в данный момент, через год после подписания Хельсинкского соглашения. Ибо В. М. Павлов обращался в Верховный суд РСФСР с протестом и просьбой о пересмотре дела и получил отказ, в котором черным по белому сказано, что «юридическая квалификация состава преступления, совершенного Вами, определена судом по ст. 190.1 УК РСФСР правильно». Этот документ (Приложение 3) подписан председателем Верховного суда РСФСР А.К. Орловым 10-го мая 1976 г. Тем самым Верховный Суд РСФСР еще раз приглашает районные, городские, областные и прочие суды по всей стране сажать людей за решетку по аналогичным обвинениям.

Подборку документов составил *Валентин Турчин*

Приложение 1: Обращение Л.М. Серого.
Приложение 2: Приговор областного суда Адыгейской автономной области по делу В.М. Павлова.
Приложение 3: Определение Верховного суда РСФСР по делу В.М. Павлова.

Приложение 1

К правительствам США, Англии, Канады, Австралии, ФРГ и Франции
Международный комитет по правам человека, г.Женева
Международный Красный Крест

от многодетной рабочей семьи Советской Украины,
гр. Серого Леонида Михайловича,
проживающего в г. Одессе 270005, ул. Фрунзе, 199, кв. 128

ОБРАЩЕНИЕ

Уважаемые леди и джентльмены, папы и мамы, братья и сестры демократических стран Запада, помогите нам выехать из СССР, мы не можем здесь жить и работать из-за низкого нашего прожиточного минимума и преследования со стороны администрации.

У меня семья состоит из 8 человек. Я, Серый Леонид Михайлович, 39 лет, жена, Серая Валентина Леонидовна, 31 год, и 6 маленьких детей. Старшему сыну Эдику — 13 лет, дочь Виктория — 11 лет, дочь Лариса — 8 лет, дочь Рита — 5 лет, дочь Оксана — 3 года, маленькому сыночку Владиславу 1 год и 5 месяцев. Я работаю токарем на[1] судоремонтных мастерских Ильичевского морского рыбного порта. Заработок мой в среднем 180 рублей чистыми в месяц. Получаем доплату на 3-х. детей маленьких 36 рублей в месяц, по новому закону (оно по 12 рублей на ребенка до 8-летнего возрас-

[1] Так в тексте. — *Сост.*

та, как исполнилось 8 лет ребенку — значит 12 рублей уже не платят). И получаю 12 руб. по социальному обеспечению на маленького сыночка до 5-летнего возраста. Жена не работает, потому что дети маленькие.

Трое детей учатся в 1-ю и 2-ю смену, и трое маленьких детей находятся дома. Итого, наш семейный доход на месяц 200–236 рублей на 8 человек. За квартиру с газовой плитой и водопроводом без горячей воды платим 20–23 руб. в месяц (горячая вода, как и холодная, стоит 60 коп. с человека в месяц). После уплаты за квартиру нам остается 170–200 рублей; это и на питание, и на одежду, и на обувь, и на общественный транспорт, и на книги, тетради, ручки, школьную одежду и т. д. — все из этих денег. А их очень мало. После всех покупок и распределений у нас остается на питание 15–20 руб. на человека в месяц. И нам постоянно приходится голодать, а слабые к тому же и болеют. Мы постоянно голодаем, особенно во второй половине месяца, то есть на аванс 60 руб., до расчета за месяц — 80–120 руб. Аванс дают 19-го числа, расчет за месяц 7-го числа. И так каждый месяц и из года в год.

Врачи говорят, что наши организмы крайне ослаблены, истощены. Поэтому простуживаемся. Нехватка витаминов и жиров у нас, и поэтому низкий гемоглобин, и потеря сознания, и поздний рахит у детей. Это все — результат плохого питания. А будете, говорят, хорошо питаться — и все вы будете здоровы.

А заработать больше администрация не дает, постоянно снижает расценки и повышает требования к рабочим, и в результате заработная плата топчется на месте или растет крайне медленно и не успевает за все растущими базарными ценами на продукты.

Но несмотря на все тяготы и лишения, я все же стараюсь работать лучше, авось мне удастся умилостивить свое начальство, и оно даст мне заработать так, чтобы я смог прокормить свою немаленькую семью. Норму я выполняю на 140–150%, больше чем на 140% работать не дают. Не пью, не курю, прогулов не делаю. И я в состоянии выработать больше 140%. Моя рабочая квалификация и мой опыт работы, мое умение позволяют повысить разряд (у меня сейчас 4-й разряд токаря)», я сдал практический экзамен на 5-й разряд с оценкой «хорошо», но к теоретическому экзамену меня не допустили, отказали под тем предлогом, что на производстве нет токарных работ по судоремонту 5-го и 6-го разряда. Более того, администрация не дает возможности заработать больше по тому разряду, который у меня есть. И чтобы я не вышел из рамок установленной кем-то свыше зарплаты, мне не дают сразу наряды, чтобы легче было бы обмануть меня при расчете. И если в конце месяца оказывается, что я сделал работу на большую сумму, чем хотели бы мне дать, то в наряде вытирают ими же написанную сумму, время за работу и ставят такую сумму, которая бы не превышала установленные нормы зарплаты. То есть подгоняют сумму. И выплачивают ту сумму, которая им нравится, а не ту, что я действительно заработал. Я не подписывал наряды, так как был не согласен с общей суммой, указанной в нарядах. Жаловался в высшие органы; но мои письма, не читая там, отправлялись назад, тому, на кого я жаловался. А жаловались мы (я и моя жена) и в газету «Знамя коммунизма»[1], и в областной профсоюз пищевой промышленности т. Котовскому, и в центральные органы; обращались к Терешковой[2], в тележурнал «Человек и закон», к Афанасьеву[3] и во многие другие адре-

[1] Выпускалась в Одессе. — *Сост.*

[2] Валентина Владимировна Терешкова (р.1934) — первая советская женщина-космонавт, много лет возглавляла Комитет советских женщин, единственную официальную женскую организацию в стране. — *Сост.*

[3] Вероятно, имеется в виду В.Г. Афанасьев — главный редактор газеты «Правда» — печатного органа ЦК КПСС. — *Сост.*

са. Я был неудовлетворен таким положением, начал протестовать, высказывать недовольство вслух, писать жалобы, отказывался ходить на политзанятия. Я считаю, что на работе надо работать, а не заниматься демагогией, лозунгами, призывами и заседаниями, и говорю это прямо в лицо начальству, в результате меня преследуют, называют антисоветчиком.

Я, чтобы вырваться из нищеты, стал просить дать мне возможность поработать за границей, в порту Дакар[1], по ремонту советских судов. Мне отказали. Боятся, что я расскажу о своей жизни за границей. И еще я просил устроить мою жену уборщицей там, где я работаю. Я бы ей помог убрать цеха после работы. И в этом мне тоже отказали. Обращался по месту жительства, в райком партии и в райисполком к Ивановой, чтобы помогли устроить жену убирать подъезды в нашем или ближних домах (зарплата 60 руб. в месяц). В этом отказали тоже. Посмеялись и оскорбили. А места на эту работу были свободны. А наш управдом, он же депутат райисполкома, т. Антонюк (бездушный и безжалостный человек), знал наше трудное материальное положение, но принял на работу женщин, нравившихся ему; некоторые из них работали уже на других местах. (То есть они уже числились работающими в других учреждениях. Не удивляйтесь, некоторые работают на нескольких работах сразу, то есть числятся и получают деньги. Трудно сказать, какая от их работы польза: ведь сутки имеют всего 24 часа — когда же они успевают делать и домашнюю работу? А ведь дома нужно и постирать, и в магазине постоять в очереди, и приготовить еду и многое другое.)

Оказывали нам помощь — 30 рублей в год. Но такая помощь, как капля в море нашей семьи. И в результате у нас нет хотя бы прожиточного минимума, установленного на 24-м съезде КПСС — по 50 рублей на человека. А у нас 8 человек, значит моя минимальная зарплата должна быть 400 руб. в месяц, не меньше. Хотя и на эти гроши люди также очень плохо живут, а у нас и тех нет. А государственная торговля не всегда обеспечивает товарами, а некоторые продукты просто отсутствуют в магазинах (например, картофель, капуста, свекла, морковь, лук, чеснок и др.). И нам, чтобы сварить хотя бы два раза в месяц борщ, просто невозможно. А на базаре у людей — очень дорого; например, картофель сейчас стоит 80 коп. килограмм, лук — 3 руб. килограмм, чеснок — 7 рублей, морковь — 2 руб., свекла — 2 руб. Молоко у нас взять очень трудно. Молоко в целлофановом кулечке стоит 27 коп. литр; разливное же молоко настолько обезжиренное и непитательное, что его почти невозможно назвать молоком. Дней 10 в месяц мы берем разливное молоко по 4–5 литров в день, а остальное время — по одному литру, для самого маленького. Самая дешевая колбаса стоит 2 руб. 20 коп., а колбаса из отходов — 1 руб. 60 коп; ее мы берем 1–2 раза в месяц, иногда три раза, но это очень редко (в дни получки денег). Масло берем на месяц 1 кг, оно стоит 3 руб. 50 коп. Мясо в магазине бывает очень редко, да мы за свою жизнь если и взяли раза 4–5, не больше. Так что хоть оно есть, хоть нет, нас не беспокоит, оно стоит в магазине 2 руб. килограмм, на базаре — 3 руб. 50 коп. — 4 руб. кг. Ягоды, фрукты, овощи, арбузы, дыни — так же проходят мимо нас. Яблоки летом стоят 50-60 коп. килограмм, а зимой до 4-х рублей. Мед, творог, сало, яйца также никогда не берем. Мед на базаре стоит 7 рублей килограмм, а в магазинах, если бы и вздумали взять, — его нет. Хлеб продают в магазинах по 2 кг на руки, сахара — 1 кг, не больше, крупы — 2 кг. Цена на хлеб — одна буханка (один килограмм) — 28 коп., 26, 20, 16 коп. Вермишель раньше стоила 32 коп. и 52 коп. килограмм; сейчас в продаже есть вермишель только по 52 коп. кг, хотя качество ее такое же, как было по 32 коп.; в руки дают не более 1 кг. Цены на сахар 94 коп. кг, 84 коп. и 78 коп. килограмм. Мы берем на месяц 15–18 кг (для этого приходится помногу раз стоять в очереди, так как его дают по 1 кг в руки).

[1] Город в Африке, столица республики Сенегал. — *Сост.*

Одежду носим почти всю с чужого плеча. А в магазинах она дорогая и на взрослых, и на детей. Но приходится и покупать. Чтобы купить мне пальто зимнее, надо заплатить 100–120 руб., простой костюм — 78 руб., осеннее пальто — также 100 руб., брюки от 15 до 27 руб., рубашка от 7 до 15 руб., майка — 1 руб. 50 коп., трусы простые — 1 руб., обувь — 10–40 рублей. На жену все примерно так же; простые женские сапоги 35 руб., а в основном на прилавках магазина стоят сапоги ценой 60–70 руб. Обувь для маленьких детей стоит 3–6 руб., большим детям — 8–15 руб. (а если чуть дешевле стоят, то их хватает для носки детям на короткое время). Арабские джинсы — 17 руб., венгерские — 21 руб. (это же государственная спекуляция). Простые байковые платьичка детские — 4–5 руб., детское пальто зимнее — 22–35 руб.

У нас рекламируют бесплатное обучение в школе, но так много там требуют, что нам учение в школе также обходится в копеечку. То — купите тапочки, то — замените их на чешки[1]; спортивный костюм, купальный костюм, ленты... Да и так очень много нужно для школы: учебники, школьная форма, парадная форма, галстуки, форма пионерская, тетради, дневники, карандаши, ручки, пеналы, пластилин, конструкторы, циркули, резинки; да еще — сдайте деньги на подарки, на марки в фонд мира, на газеты... Мы бы рады были бы их всем обеспечить, но мы, купив только самое необходимое, лишаем себя даже куска хлеба. А приходится покупать часто и много, так как у нас три школьника.

Дети в школу, а я на работу идем, не завтракая. Ужинать тоже не хватает на всех. На общественный транспорт у меня уходит 3–4 руб. в месяц. Лекарство также — не бесплатное (бесплатно только депутатам или персональным пенсионерам или им подобным).

Мы получили квартиру, 5 комнат площадью 60 кв. метров; получили ее после длительной волокиты и проволочек, через Президиум Верхов. Совета СССР, в 1974 г. Потратили много здоровья, сил, даже много денег — на поездку в Москву, пока получили эту квартиру. И то дали нам последний, 9-й этаж, где часто ломается лифт, летом жарко и не доходит вода, а зимой холодно и отопительная система заливает потолки, и квартира стоит в плесени и сырости. Ни мебели, ни холодильника у нас нет (стулья подорожали, 1 стул стоит 6–11 руб.). Не хватает одеял. Все, что есть сейчас, постепенно изнашивается от времени, а купить с каждым днем все труднее.

Что значит бумажная, мучительная, унизительная и бесполезная переписка, можно понять только живя в Советском Союзе. Здесь рекламируют внимание к письмам трудящихся, а на самом деле у трудящихся ни о чем не спрашивают, даже не обращают внимания на жалобы, протесты, требования. А если сильно упрямый попадется клиент, то ему могут сказать: «У вас нездоровые мысли, и мы можем вас подлечить». Как говорили в Москве, в ЦК КПСС. А в Киеве, у здания ЦК, подгоняли спец. машину, чтобы увезти мою жену, приехавшую с жалобой[2]. Но благодаря посторонним людям, рабочим-штукатурам, которые ремонтировали здание напротив, ее не смогли взять, а дети в это время кинулись врассыпную.

Все письма и жалобы, как я уже говорил, отправляют к тем лицам, на которых жалуешься. И потом уже держись. Так было и с нами, когда мы добивались квартиры и зарплаты, и сейчас, когда я добиваюсь зарплаты. Кругом непонимание наших нужд и одни насмешки: «Что у вас света не было, что много детей наплодили». Как о скотине говорят. А некоторые говорят еще и так: «Кто не работает, тот не ест». У меня не

[1] Род спортивной обуви, первоначально импортировавшийся в СССР из Чехословакии. — *Сост.*

[2] Назойливых «жалобщиков» иногда насильственно выдворяли из приемных советских правительственных и партийных учреждений, зачастую под предлогом сомнений в их психическом здоровье. — *Сост.*

работает жена и шесть маленьких детей. Значит кушать и одеваться они не должны. Не поэтому ли люди стараются не иметь много детей, а некоторые бросают их в туалетах, в парках или где придется. А между тем, семья Ульянова (отца Ленина) тоже была многодетной[1], и там работал тоже один отец, но в те «жестокие» времена они могли прокормить свою семью, няню, прислугу и дворовых, иметь не один дом и дать высшее образование детям, и то они были недовольны.

А мы живем в «счастливое» время строительства коммунизма и не можем прокормить на свой заработок чуть-чуть большую семью.

О культурной жизни уже и речи нет. Ни газет, ни журналов не выписываем, в театры, кино не ходим. В музыкальную или еще какую-либо школу детей отдать не можем — эти школы платные. На море и то не ходим купаться, потому что море дает аппетит, а у нас он и без моря волчий.

Конечно, живут у нас так не все. Но мы не относимся к привилегированной касте. Мы простая рабочая семья. А у нас рабочий не имеет права требовать повышения зарплаты. Мы имеем право на труд, но обязаны безропотно подчиняться, молчать и получать за свой труд копейки ничтожные, без расчета даже на семью. А ведь раньше, как говорят старики, давали землю крестьянам по количеству едоков в семье.

За последние 5 лет часто стала у нас практиковаться — для выполнения плана — работа в выходные дни, хотя она не оплачивается. За эту работу дают отгулы, тогда, когда это выгодно администрации. Я уж не говорю о субботниках и о воскресниках и о работе «за того парня, что погиб на войне» (есть и такой призыв), а их у нас погибло 20 млн человек. В том числе и мой отец. (Их надо поминать, делать панихиду, а не работать за них.) Это мы обязаны отрабатывать, видите ли, в порядке гражданского долга. Людей, критикующих такие работы за «мертвые души», — судят. Людей, защищающих право рабочих на забастовку и всякие протесты, — сажают в психбольницы. Людей, поддерживающих высказывания А. И. Солженицына, А. Д. Сахарова, — ловят на улицах и судят как будто за хулиганство. Я сам свидетель такого безобразия.

Видя все это и ощущая на себе, мы уверились в том, что у нас человек труда не имеет права на протесты; профсоюзы наши также не имею прав и не пытаются их иметь. На все письма наши — одни запугивания и насмешки. Мы решили написать письмо 25-му съезду КПСС с просьбой — отпустить нас за границу в *любую* капиталистическую страну. И еще написали им, что денег у нас нет и все расходы по переезду пусть возьмут на себя.

А к вам, уважаемые джентльмены, также очень большая просьба: помогите нам в выезде и как можно быстрее. *Пока мы совсем не погибли*.

Мы все здоровы, но крайне истощены. Мы надеемся, что вы примете нас в свой мир.

Помогите нам, не дайте умереть здесь от недоедания постоянного. Равнодушие это ведь тоже преступление перед Богом.

А нашим руководителям пускай будет стыдно, что их рабочий не в состоянии прокормить свою семью, а кормить народ обещаниями и лозунгами стыдно. Помогите, пожалуйста, нам уехать.

Хотелось бы в Америку или в Канаду. В Канаде тоже есть украинцы, и нам легче было бы с языком. Мы тоже украинцы.

Будем ждать, если не помрем! Надеемся!

Серый Леонид
Сентябрь 1976 г.

---

[1] У отца Ленина (директора народных училищ Симбирской губернии), так же, как и у автора письма, было шестеро детей. — *Сост.*

Приложение 2

Дело № 2–37

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Судебная коллегия областного суда Адыгейской автономной области в составе:
председательствующего Купцова Б.М.
и народных заседателей Богдановой К.А. и Гуртенко Н.Г.
при секретаре Кивадовой Л.П.
с участием прокурора Ермакова А.С. и общ. обв. Слиткова Н.М.
рассмотрела в открытом судебном заседании в гор. Майкопе 3 сентября 1971 года дело по обвинению

Павлова Владимира Максимовича, 13 апреля 1929 года рождения, уроженца города Майкопа, русского, беспартийного, с образованием 6 классов, женатого, имеющего двоих детей в возрасте 13 и 15 лет, судимого в 1949 году по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, наказание отбывшего (судимость погашена), работавшего шофером Майкопского пассажирского автопредприятия, проживавшего в гор. Майкопе, по ул. Школьной, 5, преданного суду по ст. 190.1 УК РСФСР.

Проверив материалы предварительного следствия, Судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Павлов на протяжении ряда лет систематически распространял как в устной, так и в письменной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Преступление им совершено в период 1968–1971 годов в городе Майкопе при следующих обстоятельствах.

Работая шофером Майкопского пассажирского, автопредприятия, Павлов среди своего окружения распространял заведомо ложные измышления и, истолковывая события международной жизни, а также используя различные местные неполадки, пытался скомпрометировать мероприятия, проводимые партией и правительством, опорочить существующий государственный строй.

Несмотря на неоднократно проводившиеся с ним администрацией и руководителями общественных организаций предприятия беседы воспитательного характера, а также официальные предостережения и примененную в отношении него профилактику органами государственной безопасности, подсудимый Павлов не изменил своего поведения.

В 1968 году во время событий в Чехословакии подсудимый в беседе со свидетелем Сотниковым высказывал клеветнические измышления по поводу ввода войск государств социалистического содружества в эту страну в целях предотвращения возможной в тех условиях реставрации капитализма.

Впоследствии в беседах с этим же свидетелем, неоднократно касаясь каких-либо недостатков, высказывал измышления о неспособности коммунистической партии устранить эти недостатки.

Неоднократно пытался скомпрометировать проводившиеся мероприятия по стимулированию передовиков производства, систематически их третировал, выражал удовлетворение в случае совершения каких-либо поступков или преступлений лицами, состоявшими в рядах КПСС.

В 1970 году подсудимый Павлов одобрительно отзывался о совершенном бандитском налете и угоне самолета в Турцию[xxxv], высказывая сожаление лишь в том, что не оказался в числе совершивших это преступление лиц.

На протяжении 1970 года неоднократно в беседах со своими сослуживцами высказывал измышления против членов коммунистической партии, считая их своими идейными врагами. Аналогичное высказывание подсудимый допустил в отношении свидетеля Чернова в связи с его избранием в партийное бюро и членов местного комитета профсоюза.

Этому же свидетелю заявил, что в Соединенных Штатах Америки якобы еще слишком гуманно обходятся с коммунисткой Анджелой Девис[XXXVI].

В 1970–71 гг. подсудимый Павлов вел дневниковые записи, предназначенные для переписки со своими детьми школьного возраста, в которых излагал свои измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Эти записи впоследствии передал для прочтения директору автопредприятия Скаляхе.

В мае 1971 года подсудимый Павлов передал свидетелю Хунагову еженедельник «За рубежом» с учиненной им надписью, направленной на опорочение советской демократии.

В июне 1971 года подсудимый Павлов обратился с письменным заявлением в Облсовпроф, в котором указал, что считает неправомочным товарищеский суд предприятия судить его — Павлова, поскольку во главе суда стоит коммунист, а также по «политическим соображениям».

Допрошенный по существу предъявленного обвинения подсудимый Павлов, не отрицая отдельных эпизодов обвинения, в частности указанных выше высказываний по поводу событий в Чехословакии, угона советского самолета в Турцию, ведения дневника, содержащего указанные выше измышления, виновным себя не признал.

При этом он пояснил, что он свои действия, явившиеся следствием неправильного к нему отношения по месту работы, не считал преступными, хотя и сознает, что отдельные его высказывания бывали чрезмерно резкими.

Судебная коллегия находит, что виновность подсудимого Павлова в совершенном преступлении, правильно квалифицированном по ст. 190.1 УК РСФСР, материалами дела доказана и подтверждена доказательствами, проверенными в ходе судебного следствия.

Так, свидетель Сотников подтвердил суду, что подсудимый Павлов высказывал ему измышления по поводу событий в Чехословакии, обвиняя страны социалистического лагеря в посягательстве на ее свободу, допуская злобные сравнения выступления контрреволюционных, антисоциалистических сил с прогрессивными движениями в годы революции в нашей стране.

Этот же свидетель показал, что Павлов допускал измышления в отношении коммунистической партии, которая якобы неспособна устранить имеющиеся в стране недостатки.

Свидетель Хунагов показал, что примерно в мае 1971 года Павлов высказывал ему измышления против советской демократии и передал еженедельник «За рубежом» с надписью аналогичного содержания. Кроме того, как показал свидетель Хунагов, подсудимый в беседе с ним одобрял действия немецких оккупантов, расправлявшихся с коммунистами, высказывал удовлетворение тем, что допустивший аварию шофер Афанасьев оказался коммунистом.

Последнее обстоятельство подтверждено и свидетелем Клинковым, который также пояснил, что в 1971 году в беседе с ним Павлов высказывал угрозы тем, что придет время, когда он сможет расправиться с коммунистами.

Свидетель Бескровный пояснил суду, что ему, как депутату областного Совета депутатов трудящихся, неоднократно жаловались работники предприятия на нездоровые высказывания Павлова, который и ему лично высказывал ненависть, как передовику производства.

Свидетели Игнатьев и Павлов показали суду, что подсудимый высказывал им, как участникам Великой Отечественной войны, оскорбительные суждения, высмеивал их стремление честно выполнить воинский и гражданский долг.

Свидетели Бутырин и Чернов показали о приведенных выше высказываниях подсудимого в связи с угоном советского самолета в Турцию, а свидетель Чернов кроме того — и о высказываниях подсудимого против коммунистки Анджелы Девис.

Наконец, предъявленное обвинение нашло подтверждение и в приобщенных к делу вещественных доказательствах — дневниковых записях с измышлениями Павлова, порочащими государственный и общественный строй, в его обращении в Облсовпроф, в учиненной надписи на приобщенном к делу номере еженедельника «За рубежом».

Систематическое распространение таких измышлений, несмотря на неоднократные предупреждения о их недопустимости, приводят Судебную коллегию к выводу об умышленных действиях подсудимого.

Исходя из изложенного, принимая во внимание характер содеянного и личность виновного, руководствуясь ст. ст. 301-303 УПК РСФСР, Судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА

Павлова Владимира Максимовича признать виновным по статье 190.1 УК РСФСР и определить ему наказание в виде лишения свободы на 3 (три) года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима и зачетом содержания под стражей с 20 июля 1971 года.

Меру пресечения Павлову В.М. оставить прежнюю — содержание под стражей.

Вещественные доказательства — тетради с дневниковыми записями — хранить при деле.

Приговор может быть обжалован в течение 7 суток со дня его провозглашения, а осужденным — в тот же срок со дня получения копии приговора в Верховный суд РСФСР.

Председательствующий — Купцов

Народные заседатели — Богданова и Гуртенко

Приложение 3

Копия

РСФСР
ВЕРХОВНЫЙ СУД
Адрес: Москва, К-12,
ул. Куйбышева, д. 7/3
10 мая 1976 г.
№ 31-пс 76

гр. Павлову В.М.
г. Майкоп, ул. Школьная, д.5

Верховным судом РСФСР в связи с Вашим заявлением от 15 февраля 1976 года, поступившим из Министерства юстиции СССР, проверено в порядке надзора уголовное дело, по которому Вы были осуждены 3 сентября 1971 года по ст. 190.1 УК РСФСР.

Обоснованность приговора областного суда Адыгейской автономной области, постановленного в отношении Вас, подтверждается материалами дела, в том числе Вашими объяснениями при расследовании дела в суде. Юридическая квалификация состава преступления, совершенного Вами, определена судом пост. 190.1 УК РСФСР правильно.

В связи с отсутствием оснований для принесения протеста на отмену приговора Ваша просьба о пересмотре дела оставлена без удовлетворения.

П.п. председатель Верховного суда РСФСР

А. К. Орлов

28

Документ № 14

БОРЬБА ЭМИЛИИ ИЛЬИНОЙ ЗА ПРАВО СВОБОДНОГО ВЫЕЗДА ИЗ СССР

Эмилия Ильина, русская, борется за право свободного выезда из СССР без какого-либо вызова из-за границы в соответствии с гарантиями, зафиксированными во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах и Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

После десятидневной голодовки (с привлечением внимания Группы содействия) Ильиной удалось добиться того, что ОВИР обещал ей разрешение на выезд в Канаду без вызова.

Но это был обман, типичный для тактики властей в вопросе выезда. Когда Ильина подала документы на выезд в Канаду, ей сообщили, что на самом деле могут оформить выезд лишь в Израиль — без вызова.

Это тот путь, по которому прошел, в частности, украинец Сивак (см. документ № 13). После того, как он сдал документы на выезд в Израиль без вызова (испытав тем временем психиатрические репрессии), от него потребовали вызов из Израиля. Сивак — рабочий, отец которого умер в Канаде, не дождавшись сына.

Понимая тактику властей, Эмилия Ильина заявляет, что она никогда не согласится на отъезд по «вызову» и «за выкуп» (плата за лишение гражданства).

Прилагаем отчет Владимира Слепака о его поездке в Ленинград по делу Ильиной 16 ноября 1976 г.

Продолжение этого дела таково. Обнаружив обман, Ильина продолжила голодовку. Через 22 дня голодовки она ее *временно* прекратила и решила набирать силы для продолжения своей борьбы.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский
2 декабря 1976 г.

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ЛЕНИНГРАД ПО ДЕЛУ ЭМИЛИИ ИЛЬИНОЙ

15 ноября по поручению Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений член Группы Владимир Слепак и Аркадий Полищук предприняли поездку в Ленинград для выяснения положения и возможностей оказания помощи *Ильиной* Эмилии Павловне, которая в знак протеста против препятствий чинимых ей в ее стремлении эмигрировать из СССР, 7 ноября с. г. объявила бессрочную голодовку.

16 ноября В. Слепак и А. Полищук встретились с Эмилией Ильиной, которая рассказала им о своем положении.

После того, как Ильина направила Председателю ПВС СССР Н. Подгорному заявление с просьбой выдать ей и ее семье выездные визы, Э. Ильину посетила председатель горкома КПСС Лебедева, которая в основном расспрашивала Ильину о ее бытовых условиях. 5 октября Ильина была приглашена к работнику Ленинградского горкома КПСС А. Шиповой (подробности о разговоре с Шиповой изложены в заявлении Ильиной первому секретарю обкома КПСС Г. Романову, которое прилагается).

После этого Э. Ильину несколько раз приглашали в органы ГБ на «беседы». Э. Ильина рассказала, что однажды ее вызвали, когда она была больна радикулитом. Так

как она была не в состоянии придти, ее посетила женщина, которая назвалась врачом, но отказалась представиться. Она выписала бюллетень, не подписав его и неправильно оформив. Затем эта женщина настояла на том, чтобы Ильина поехала с ней на консультацию к профессору. Профессор и врач задавали ей при осмотре также и вопросы, не имеющие отношения к заболеванию. Однако необходимая медицинская помощь ей была оказана.

В ОВИРе, куда Э. Ильина обратилась по рекомендации сотрудников КГБ, у нее спросили о наличии у нее вызова из Израиля. Э. Ильина заявила, что она не еврейка, не собирается ехать в Израиль и не нуждается в каком-либо вызове, так как *на основании Пакта о гражданских и политических правах и Хельсинкского соглашения, где имеется ссылка на Всеобщую декларацию прав человека, она имеет право не только выехать из СССР, но и, если она этого пожелает, и возвратиться обратно в СССР.* После отказа выдать ей анкеты для оформления выездных виз Э. Ильина 7 ноября начала голодовку протеста против беззакония властей и против произвола.

Э. Ильина сообщила Слепаку и Полищуку, что она голодает уже 10-й день, не прекращая при этом ходить на работу, и что 16 ноября (день встречи с ней Слепака и Полищука) она вновь приглашена в ОВИР.

Э. Ильина не возражала против предложения Слепака и Полищука сопровождать ее во время посещения ОВИРа. В ОВИРе Э. Ильиной были выданы анкеты, и ей было сказано, что у нее примут все необходимые для оформления выездной визы документы без вызова.

В тот же день Э. Ильина направила Председателю ПВС СССР Н. Подгорному телеграмму о том, что она прекращает голодовку, но в случае новых препятствий она возобновит ее.

Обо всем, что произошло с Э. Ильиной, В. Слепак рассказал корреспонденту Агентства Юнайтед пресс интернейшнл в Ленинграде Э.Швелису, который обещал 17 ноября подробно проинтервьюировать Э. Ильину.

В. Слепак, А. Полищук
17 ноября 1976 г.

Приложения:
1. Личные впечатления В. Слепака от встречи с Ильиной.
2. Биография Ильиной.
3. Генеральному секретарю ООН — от Э. Ильиной.
4. Первому секретарю Ленинградского обкома КПСС — от Ильиной.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ВСТРЕЧИ С Э. ИЛЬИНОЙ И ОТ ПОСЕЩЕНИЯ ЕЕ КВАРТИРЫ

Встретившись с Эмилией Ильиной в Ленинграде 16 ноября, я был поражен цельностью ее натуры. Правдивая, честная, лишенная каких-либо комплексов, она, глядя в глаза собеседнику, открыто говорит все, что думает. Прожив свои 50 лет в тяжелых условиях, она лишена какого-либо страха перед властями, верит в идеалы *Добра* и *Справедливости,* без малейших колебаний изобличает фальшь и несправедливость, с которыми сталкивается.

Живет она с двумя дочерьми-студентками и грудным внуком в одной комнате 28 м (достаточная по советским нормам) в квартире, где проживают 10 семей (более 30 человек), с общей кухней, туалетом, очень длинным коридором, где дети катаются на велосипедах.

Комната обставлена старой дешевой мебелью.
Одна из дочерей спит на раскладушке.

В. Слепак
17 ноября 1976 г.

БИОГРАФИЯ ИЛЬИНОЙ ЭМИЛИИ ПАВЛОВНЫ

Родилась в 1926 г. в г. Ижевске в семье рабочего, мать — крестьянка.

Отец умер в 1930 г.

7 классов школы окончила в 1941 г.

В 1944 г. окончила Сарапульский техникум кооперативной торговли и была направлена работать в г. Залещики бухгалтером Райпотребсоюза.

В 1950 г. окончила вечернюю школу рабочей молодежи и поступила в Одесский электротехнический институт связи.

Институт окончила в 1955 г. По направлению института 2 года работала в Кемеровской области в комбинате «Кузбасс» инженером междугородной телефонной станции.

С 1961 года работает инженером-проектировщиком.

Имеет двух детей:

дочь Елена Викторовна, 1954 г. рождения, студентка Ленинградского университета,

дочь Юлия Викторовна, 1956 г. рождения, студентка Горного института.

Копия: Господину Генеральному секретарю
Организации Объединенных Наций
Копия: Генеральному секретарю т. Брежневу
Копия: Конгрессу Соединенных Штатов Америки,
американскому народу
Копия: В Международный комитет защиты прав человека

Господин Генеральный секретарь, я обращаюсь к Вам, но я одновременно обращаюсь и ко всем руководителям государств, подписавшим Заключительный акт Хельсинкского совещания.

Вы заботитесь о судьбах целых народов, я прошу Вас принять участие в судьбе моей семьи. Я прошу Вас оказать мне и моей семье помощь в получении визы на выезд из СССР.

Я, инженер с дипломом и двадцатилетним стажем, при прожиточном минимуме в 150 рублей[1] получаю за месяц работы 124 руб. Этих денег едва хватает на самое скудное пропитание, покупать одежду и обувь не на что, не говоря уже о мебели, ремонте жилища, отдыхе и лечении на курорте.

Живу я в большой коммунальной квартире, 10 семей, 30 человек соседей. В кухне, коридоре, санузле постоянно находятся люди.

Моя семья состоит из трех человек (я и 2 дочери-студентки), занимает одну комнату. Надо ли говорить, что отдыха при таких условиях нет никогда. Занимаемая моей семьей комната имеет площадь 28,5 м, по нашим законам у нас излишки площади, и мы ни на какие улучшения жилищных условий претендовать не имеем права.

Зимой заболела моя дочь, поставили диагноз: туберкулез легких. Положили в туберкулезную больницу. В квартире, чтобы уберечь соседей от заражения, была сделана дезинфекция. 2 месяца дочь лежала в палате, где содержатся больные с открытой

[1] В документе № 37 (док. 72) со ссылкой на данные Научно-исследовательского института труда приведен размер прожиточного минимума, равный 50 руб. — *Сост.*

формой туберкулеза, два месяца ее лечили от туберкулеза, потом этот диагноз поставили под сомнение и определили воспаление легких. В течение двух месяцев 6 раз делали рентген, от 7-й рентгеноскопии дочь отказалась и была выписана больная, с повышенной температурой, на работу.

Сейчас дочь больна, срочно нуждается в госпитализации, но ее ни в одну больницу, кроме туберкулезных, не принимают: на истории болезни стоит гриф «туберкулез».

Ради всего святого окажите мне помощь, я нахожусь на грани отчаяния.

2 августа 1976 г.
Ильина

Копия: Первому секретарю Ленинградского обкома
партии Г.В. Романову
Копия: Конгрессу США, американскому народу
от Ильиной Эмилии Павловны,
беспартийной, рождения 1926 г.,
проживающей в Ленинграде по ул. Чайковского, 36, кв. 17.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обстоятельства вынудили меня обратиться к властям с просьбой о выдаче мне визы на выезд из СССР.

Это мое заявление переслали в Ленинградский горком партии.

По поводу моего заявления ко мне домой приходила работник горкома партии Лебедева.

Я ответила на все ее вопросы, большинство из которых к делу о визе никакого касательства не имели, но задавались они в корректной форме, и не ответить было бы невежливо.

5 октября с. г. меня, беспартийную, вызывает в горком партии Александра Терентьевна (прошу прощения, может быть, Тихоновна) Шипова.

Приученная всей нашей жизнью к уважению партийных органов и к дисциплине, я пошла по этому вызову, хотя правильнее было бы от этой чести отказаться.

Какое невежество, какая серость вызывать к себе в кабинет человека не подчиненного, вызывать только для того, чтобы оскорбить!

А. Т. Шипова заявила мне: «Квартиру вы не получите, мы ее вам не нарисуем!»

Ничего не скажешь, вежливое и корректное замечание и по форме, и по содержанию, особенно для стен такого высокого учреждения!

Я нигде в своем заявлении не упоминала, что прошу квартиру. Я предполагала, что мне ее предложат вместо визы, но я не успела сказать, что откажусь от квартиры.

Я спросила, для чего все же меня вызвали, и А.Т. Шипова ответила, что она вызвала меня, чтобы посмотреть лицо изменника Родины. Вызвала, чтобы посмотреть лицо!

А когда вашим сотрудникам хочется посмотреть балет, что, они вызывают в Смольный Кировский театр?

Меня назвали изменником Родины. За что? Желание работающего человека (не безработного) жить в нормальных человеческих условиях — измена Родине?

Это что, новый лозунг научного коммунизма? Тогда напишите его на всех ленинградских проспектах. Я — не изменник Родины.

Изменники Родины те, кто, используя власть, захватили привилегии и пользуются ими. Тут уж измена не только Родине, но и трем революциям, и двум войнам: Гражданской и Отечественной, измена идеалам, за которые погибло столько лучших людей.

Больше половины ленинградцев, больше миллиона человек только в Ленинграде живут в мерзости коммунальных квартир, в нетерпимой обнаженности всего самого интимного, бранятся, дерутся, звереют, калечат и убивают друг друга и, безусловно, страдают.

А Вы и сотрудники Вашего аппарата живете в роскошных квартирах.

Ленинградцы стоят в очередях за костями, чтобы сварить суп. Что это, признак высокого благосостояния?

Вы, руководители партии и правительства, внушаете постоянно народу притчу о ленинской осьмушке хлеба[XXXVII]. Почему же сами вы о ней забыли? Для нас вы везде написали: жить по-ленински. Почему же вы сами живете не по-ленински?

Вы, когда садитесь утром, в обед, за ужином к красиво сервированному столу, который ломится от всяческих дефицитных деликатесов, приходит ли вам в голову, что, захватывая жирный и большой кусок, пользуясь властью, Вы поступаете *Безнравственно?*

Вот когда Вы это поймете, вы станете цивилизованными людьми. Вот тогда только можно будет говорить о строительстве коммунизма.

Покуда есть в Ленинграде коммуналка, первый секретарь обкома коммунистической партии должен жить в ней и уйти из коммуналки последним, как капитан с тонущего корабля, а Вы, капитан, прыгнули в спасательную шлюпку первым! Если что-то недоступно другим членам нашего общества, не пользуйтесь этим и Вы, коммунист-ленинец!

Помните о ленинской осьмушке хлеба.

А. Т. Шипова говорит с апломбом специалиста: «В больницах кормят хорошо!» Очевидно, и Вы так думаете?

Уверяю Вас, Вы ошибаетесь.

Хорошо кормят больных в Свердловской больнице, где лечат иностранцев, где лечат Вас, Вашу семью, Ваших сотрудников и их семьи. Там на питание больного тратится 5 рублей в сутки, а может быть, и больше. В общедоступных ленинградских больницах, таких, как имени 25 октября, завода «Большевик», туберкулезной больнице на ул. Звездной, на питание больного тратится рубль в сутки, где чуть больше, а в больнице завода «Большевик» — 80 копеек.

Из этих копеек повар должен сэкономить для себя и своей семьи «кусочек» мяса и масла? А зам. повара? А зав. столовой? А официантки видят все, как им не дашь? Что же остается больному? В больнице завода «Большевик» даже мужчины, не получающие из дома передач, отодвигают тарелку с больничным супом, суп пахнет помоями (невозможно есть), тухлая рыба жарится вместе с чешуей и потрохами. Не лучше кормят и в туберкулезной больнице на ул. Звездной.

Знаете ли Вы, Георгий[1] Васильевич, все это? Неужели не знаете? Это известно всем.

В самом начале допроса А. Т. Шипова пригрозила мне лечением в психбольнице. «Нормальный советский человек до такого не додумается»,— сказала она.

Я больной человек, двадцать лет меня мучает стоматит, у меня больной желудок, печень, у меня хронический радикулит. Но психически больной я не была никогда, здорова в этом смысле я и сейчас.

3 года назад при обмене жилплощади у меня потребовали справки из туберкулезного и психоневрологического диспансеров. Такие справки мне были выданы, а в них за подписями удостоверялось, что я и моя семья здоровы. 10 лет я была до нором. Это у нас почетно, не позорно. От больных психически, насколько я понимаю, кровь для переливания другим людям не берут.

В ОВИРе мне сказали, что визу я не получу (сотрудник ОВИРа Писковицкая), никто мне ее не даст, то же почти, что не нарисует. Начальник областного УВД — будто бы не

[1] Так в тексте, правильно — Григорий. — *Сост.*

имеет на это права. А. Т. Шипова уверила меня, что партийные органы этим тоже не занимаются.

Л.И. Брежнев подписал Заключительный акт Хельсинкского соглашения. Вы, руководитель самой крупной в Союзе партийной организации, Вы должны знать, кто же уполномочен у нас давать визы.

И Вы должны понимать, что я имею право просить. Я свободный человек, не крепостная, я имею право выехать из СССР и вернуться назад — так записано в Заключительном акте Хельсинкского совещания.

Позвольте мне воспользоваться своим правом, только этого я и прошу, и в этом нет ничего противозаконного.

7 ноября я начинаю голодовку протеста против беззакония властей и против бесправия.

8 октября 1976 г.
Ильина

29

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 ноября с. г. Прокуратура г. Москвы (следователь Тихонов) устроила обыск в квартире и на даче К. М. Симеса и Д. И. Каминской. В постановлении на обыск было сказано, что он проводится «по подозрению в хранении антисоветской литературы». Среди изъятого — зарубежные издания известных русских и советских поэтов (Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой), личные записки, записные книжки с телефонами, пишущие машинки, фотоаппараты.

Константин Михайлович Симес — известный советский юрист-международник. Его жена Дина Исаковна Каминская — адвокат, среди подзащитных которой в разное время были такие известные борцы за гражданские права в СССР, как Юрий Галансков, Владимир Буковский, Илья Габай, Анатолий Марченко, Павел Литвинов. После нескольких резких судебных выступлений (ее защитительные речи были опубликованы в сборниках «Пушкинская площадь», «Процесс четырех», «Полдень. Красная Площадь», «Дело Джемилева и Габая»[XXXVIII]) была лишена возможности участвовать в качестве адвоката по политическим делам. Она не была допущена, в частности, к процессам С. Ковалева и А. Твердохлебова, хотя на этом настаивали и обвиняемые, и их родственники. Но и в этом положении Д.И. Каминская не отказывала в юридической помощи людям, преследуемым по политическим мотивам. Буквально за несколько дней до обыска 16 ноября она приняла на себя защиту участника демонстрации за право на выезд в Израиль Бориса Чернобыльского[1], ложно обвиненного в «злостном хулиганстве».

Группа содействия обращает внимание глав правительств стран-участниц совещания в Хельсинки и общественности этих стран на тот факт, что обыск и изъятие у К.М. Симеса и Д.И. Каминской книг, записей и орудий труда — нарушение одновременно нескольких статей Всеобщей декларации прав человека, а именно: статей 12, 19 и 27. Но в случае преследования *адвоката* — в отношении других граждан страны — нарушается и статья 7 Декларации — о праве на защиту.

[1] О нем см. документ № 189 (док. 222). — *Сост.*

Группа содействия призывает общественность стран-участниц Хельсинкского совещания, и в частности международные организации юристов, выступить в защиту К. М. Симеса и Д. И. Каминской[XXXIX].

Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский
2 декабря 1976 г.

30

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Органы КГБ, не имея законных оснований для вмешательства в деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, прибегают к противоправным методам воздействия на ее членов, а именно: к шантажу и запугиванию. Так, сотрудники КГБ на днях предупредили *сына* Мальвы Ланда, что, если *она* не прекратит свою «деятельность» в Группе,— *его* могут уволить с работы.

Алексеева, Боннэр, Гинзбург, Григоренко, Корчак, Орлов, Слепак, Щаранский
2 декабря 1976 г.

СИСТЕМА ЗАЛОЖНИКОВ
(Заявление Мальвы Ланда)

За мою «деятельность» в Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений — моему сыну угрожают увольнением с работы.

29-го ноября 1976 года два сотрудника КГБ провели «беседу» с моим сыном, Алексеем Алексеевичем Германовым, 1941 года рождения, работающим преподавателем физкультуры на кафедре физического воспитания Московского государственного университета. Они осведомились, знает ли он — какой преступной деятельностью занимается его мать, читал ли.... (что именно — не ясно). Оказалось, что он не в курсе дела, знает лишь, что его мать подвергалась ряду обысков, на которых изымалась литература... Ему разъяснили, что его мать, Мальва Ноевна Ланда, участвует в деятельности *нелегальной* Группы (Хельсинки), которая не верит в выполнение Хельсинкских соглашений (в СССР), а также хочет, чтобы Буковского, никому неизвестного *уголовника,* обменяли на Луиса Корвалана, всем известного...; руководителем этой группы является бывший член-корреспондент Армянской Академии наук Юрий Орлов, который нигде не работает и *неизвестно, на что живет;* один из членов этой группы — уже уехал за границу (!). Сотрудники КГБ отметили, что образованная при конгрессе США официальная группа (комитет) контроля за выполнением Хельсинкских соглашений[1] — не вызывает у них претензий. Они также осведомили А. Германова, что его мать получает подарки из-за границы (следовательно, деятельность ее не бескорыстна), посылает

[1] Имеется в виду Комиссия Конгресса США по безопасности и сотрудничеству в Европе, основанная в июне 1976. — *Сост.*

в тюрьму заключенным деньги (а ведь эти заключенные совершили очень тяжкие преступления!); она посылает на свои деньги...

А. Германову сказали, что пока у него на работе не знают, кто его мать и *какой деятельностью* она занимается, однако если узнают об этом (к тому же она может быть арестована...), то, вероятно, руководители кафедры (и университета) не захотят держать его на работе... (Кстати, о том, что он должен явиться на эту «беседу», А. Германова предупредил зав. кафедрой; беседа проводилась в его кабинете — М. Л.)

Сотрудники КГБ предложили моему сыну А. Германову — оказать на меня «педагогическое воздействие», убедить в необходимости прекратить «деятельность», в первую очередь — деятельность в Хельсинкской группе. Они выразили мнение, что задача эта нелегкая и, может быть, придется сделать несколько попыток. Через неделю, 6 декабря (на следующий день после 40-летия Сталинской Конституции Советского Союза — М. Л.), они намерены выяснить, насколько моему сыну удался этот «педагогический эксперимент».

Я хочу обратить внимание всех, небезразличных к нарушению человеческих и гражданских прав и свобод, что жертвами советского коммунистического режима оказываются не только люди, *обнаруживающие* свой *образ мыслей,* люди, передающие *правдивую информацию.* Гонениям подвергаются и те, кто всего лишь причастен к этим людям в качестве их родственников и друзей. (Например, дискриминации в отношении работы подвергаются жены многих политзаключенных — узников совести; им часто не дают работать по специальности, допускают лишь к низко оплачиваемым тяжелым работам...)

Из моего сына пытаются сделать *заложника* — с целью принудить меня поступать так, как угодно госбезопасности СССР.

Я заявляю, что так же, как и до этого «предупреждения», буду прилагать усилия для разоблачения противоправных действий советской власти, для защиты и помощи ее жертвам. Я буду заниматься этим и как член Группы, организованной и руководимой Юрием Федоровичем Орловым, которого я глубоко уважаю и люблю; я подчеркиваю, что деятельность Группы не противоречит советским законам и гражданским правам, формально признаваемым советским государством.

Я требовала и буду требовать — прекратить истязания, освободить политзаключенных СССР. Освободить Владимира Буковского! Я была бы счастлива, если бы этого человека — лучшего из лучших, достойнейшего из достойнейших — освободили даже в обмен на освобождение Л. Корвалана...

Позор тому «государственному и общественному строю», который защищает себя от честных людей, не желающих мириться со злом, от людей, которые никогда не прибегали и не призывали к насилию. Позор государству, для которого «особой опасностью» являются честность, талант, независимая мысль. Позор государству, прибегающему для самозащиты ко лжи, террору и системе *заложников.*

Член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
Мальва Ланда
30 ноября 1976 г.

Примечание

1. Когда моему сыну предъявлялись указанные выше претензии — в то время я об этом еще не знала, – я работала над статьей, в которой на конкретном материале показываю, что советская пресса, в частности «Литературная газета» от 27 октября и 3 ноября 1976 г., беззастенчиво оговаривает Владимира Буковского, приписывает ему обвинения в деяниях, отсутствующих даже в его приговорах (обвинения, имеющиеся в

приговорах, в свою очередь также являются абсурдными и необоснованными); я показываю, что «Литературная газета», ее корреспонденты и первый заместитель министра [юстиции] СССР Сухарев (которому «Литературная газета» предоставила свою страницу) — совершают преступление, предусмотренное статьей 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР: распространяют не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство Владимира Буковского и других диссидентов, в том числе диссидентов, находящихся в настоящее время в тюрьмах и концлагерях. Я обращаю внимание на то, что текст приговора Владимира Буковского, приговоры вообще всех осужденных диссидентов, не публикуются в советской прессе, держатся в секрете даже от родственников осужденных; власти делают все от них зависящее, чтобы эти приговоры не стали известны на Западе... Мне кажется, что и без того анализа, который я попыталась осуществить в своей статье,— сам стиль советской прессы в тех случаях, когда она касается Владимира Буковского, других диссидентов, инакомыслия и т.д.,— говорит сам за себя.

2. Я посылала письма и деньги во Владимирскую тюрьму и концлагеря лицам, которые осуждены исключительно по политическим мотивам: за *образ мыслей* (исключительно!!), за *образ мыслей и передачу правдивой информации,* а также лицам, осужденным за *попытку уйти (или убежать) из Страны Советов,* нередко в обвинение входит и их *образ мыслей* (!).

В тех случаях, когда мне удавалось добыть более или менее подробную информацию (разумеется, правдивую) о них и о той «деятельности», за которую они осуждены, а также когда удавалось добыть подлинный *текст приговора,*— я пыталась предать эти материалы гласности. Я хочу отметить, что условия, в которых содержатся в советских «исправительно-трудовых учреждениях» не только политзаключенные, не совершившие никаких преступлений, но также и преступники,— вопиют к милосердию...!

М. Ланда
30 ноября 1976 г.

6-го декабря Алексей Германов явился в назначенное время (14.00) в Управление КГБ на Дзержинской 16. Беседовали с ним (в одном из кабинетов этого учреждения) те же двое, что и 29-го ноября.

Да, он сообщил своей матери содержание «беседы» 29-го ноября, однако он в этом деле не разбирается и сделать ничего не может. Это вообще не его дело.

Сотрудники КГБ пытались выяснить:

– Как реагировала М.Н. Ланда на сделанное ее сыном сообщение?...

– Как поступил бы А.А. Германов, если бы он, например, увидел, что студенты распространяют антисоветские листовки (??!).

(А. А. Германов такого не видел...)

– Как относится к тому, что делает М.Н. Ланда, жена А.А. Германова: она ведь несколько раз приезжала в гости к М.Н. Ланда...?

(Алексей Германов пояснил, что его жена приезжала кататься на лыжах.)

Сотрудники КГБ в процессе беседы снова напомнили А.А. Германову, что его мать занимается антисоветской, преступной деятельностью. Заявили, что, по-видимому, им придется встречаться с А.А. Германовым еще. Последний сказал, что ему не хотелось бы (!). Однако они спросили и записали его телефон. Затем отпустили — заниматься физкультурой со студентами. «Беседа» заняла минут 20-30.

М. Ланда
7 декабря 1976 г.

31

Документ № 15

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ СЕМЕРЫХ УЧЕНИКОВ ИЗ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ИМЕНИ ВЕНУОЛИСА (ВИЛЬНЮС)

С начала 1976–1977 учебного года не были допущены к занятиям семь учеников-старшеклассников средней школы имени Венуолиса (Вильнюс): Витаутас Богушис, Витаутас[1] Бидлаускас, Альгирдас Масюленис, Юлюс Саснаускас, Кястутис Субачюс, Регимантас Паленис и Дайнюс Шяпутис[2]. Их родителям и им самим объяснили, что они исключены из школы по решению педсовета, состоявшегося 17 июня 1976 г., но никто из них не получил возможности ознакомиться с протоколом этого педсовета, и даже оказалось невозможным выяснить мотивировки исключения.

Зав. учебной частью школы Добинас и учителя давали путаные и противоречивые объяснения по этому поводу родителям учеников и члену Группы содействия Людмиле Алексеевой, направленной Группой в Вильнюс для получения информации по данному делу. Министр просвещения Литовской ССР А. Римкус заявил Л. Алексеевой и литовскому активисту борьбы за права человека Томасу Венцлове, что все эти мальчики исключены за поведение, недостойное советского школьника, но не смог пояснить, какие именно дурные поступки совершил каждый из них.

Есть основания полагать, что исключение было произведено по указанию органов госбезопасности.

В течение прошлого года этих учеников вызывали в милицию и в КГБ, где им задавали примерно одни и те же вопросы: ходят ли они в костел и слушают ли передачи радиостанции «Ватикан», а также требовали, чтобы мальчики объяснили, зачем они навещают Викториаса Пяткуса[3] (Пяткус — известный общественный и католический деятель Литвы, 14 лет провел в лагерях и тюрьмах по политическим статьям. Ныне является одним из членов-учредителей Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений[XL]).

От мальчиков добивались, чтобы они «признались», что Пяткус угощает их вином и сигаретами, дает деньги на «машинописную литературу», и даже сообщали им, что Пяткус — гомосексуалист.

В милиции капитан Семенов[4] кричал на ребят, уснащал свою речь нецензурными словами; в КГБ старший лейтенант Вербицкас был вежлив, но оба они угрожали, что, если мальчики не подтвердят поклепа на Пяткуса, в институт им не поступить, а Богушиса даже пугали детской колонией. Именно отказ мальчиков дать лжесвидетельства является истинной причиной их исключения из школы.

Преследования не прекращаются. В середине ноября возили в районное отделение милиции Юлюса Саснаускаса, которого там избил инспектор уголовного розыска майор Мацюлевич. Не оставляют в покое и остальных.

Все это является очевидным нарушением элементарных человеческих прав, тем более вопиющим, что речь идет о почти детях.

Людмила Алексеева, Томас Венцлова (от Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений)

8 декабря 1976 года

---

[1] В оригинале имя пропущено. — *Сост.*

[2] Точнее, из школы был исключен только Богушис, из солидарности с ним из школы ушел Саснаускас. Бидлаускас, Субачюс, а также не названный в документе Андрюс Тучкус были переведены в другие средние школы Вильнюса. Остальных не отчислили. — *Сост.*

[3] О нем см. в документе № 56 (док. 90). — *Сост.*

[4] Семенов-Чекин. — *Сост.*

32

10 ДЕКАБРЯ — В ДЕНЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА — ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ СССР ДЕРЖАТ ГОЛОДОВКУ — ПРОТЕСТ ПРОТИВ НЕСОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР

Такая традиция существует уже несколько лет. Ее поддерживают политзаключенные, узники совести концлагерей Урала (Пермская область), Мордовии, а также Владимирской тюрьмы.

10 декабря 1976 года в голодовке участвовало не менее 50 человек. В их числе женщины-политзаключенные — Ирина Стасив-Калинец, Ирина Сеник, Стефания Шабатура, Оксана Попович; политзаключенные лагеря особого режима — Василий Романюк, Данило Шумук, Эдуард Кузнецов, Юрий Федоров, Иван Гель, Святослав Караванский; политзаключенные лагерей строгого режима Мордовии — Владимир Осипов, Вячеслав Черновол, Сергей Солдатов, Паруйр Айрикян; политзаключенные лагерей строгого режима Урала — Семен Глузман, Игорь Огурцов, Валерий Марченко, Игорь Калинец, Иван Светличный; политзаключенные Владимирской тюрьмы — Габриэль Суперфин, Баграт Шахвердян, Владимир Буковский, Витольд Абанькин, Владимир Балахонов, Роман Гайдук, Михаил Макаренко.

Мы, передающие информацию и находящиеся на свободе, также заявляем протест против несоблюдения прав человека в СССР.

Мы напоминаем, что год назад за осуществление одного из основных прав человека — права на свободу убеждений — осужден к длительному сроку лишения свободы Сергей Ковалев, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Вместе со многими десятками других узников совести он подвергается сейчас жестокому бесчеловечному обращению в одном из советских концлагерей. В этот день он также держит голодовку протеста.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:
Татьяна Ходорович, Татьяна Великанова

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Александр Гинзбург, Людмила Алексеева, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Петр Григоренко, Александр Корчак, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак

Нина Строкатова (Караванская), Виктор Некипелов, Галина Салова (Любарская), Валерия Исакова (Давыдова), Нина Буковская, Владимир Борисов, Сергей Ходорович, Ирина Каплун, Людмила Кардасевич, Лариса Богораз, Нина Лисовская, Микола Руденко, Александр Лавут, Томас Венцлова, Эйтан Финкельштейн, Левко Лукьяненко, Иван Кандыба, Виктор Тимачев, Ирина Якир

10–13 декабря 1976 г.

Публикуется по машинописной копии из Архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.2, л.115).

33

[ОБРАЩЕНИЕ В ЗАЩИТУ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО]

Датскому комитету Сахаровских чтений[XLI]
«Международной Амнистии»
Международной лиге прав человека
Всем, поддержавшим предложение
об одновременном освобождении
Луиса Корвалана и Владимира Буковского

Мы полагаем, что Владимиру Буковскому должна быть предоставлена возможность узнать о предложении Датского комитета и высказать свою точку зрения по этому поводу.

Владимир Буковский в настоящее время полностью изолирован от внешнего мира. Интервалы между его свиданиями с матерью — 7–8 месяцев; последнее свидание он имел 18 августа 1976 г.; следующее свидание полагалось бы ему в феврале 1977 года, но уже известно, что он лишен этого свидания.

На свиданиях, продолжающихся не более двух часов, обязательно присутствует представитель администрации — контролер, который прерывает разговор, если, по его мнению, он ведется на неразрешенные темы, упоминаются неразрешенные имена (например, имена политзаключенных!) и так далее.

С ноября 1975 года за стены Владимирской тюрьмы не вышло ни одного письма Владимира Буковского.

Мы настаиваем на праве Буковского получить в ближайшее время неконтролируемое свидание с матерью. Мы также настаиваем на том, чтобы представители независимой прессы, Датского комитета или «Международной Амнистии» получили возможность встретиться с Владимиром Буковским.

Мы обращаем внимание на то, что в советской прессе публикуются инсинуации и прямая клевета в адрес Владимира Буковского; в частности, его многократно называют «уголовным преступником», «получающим денежные подачки» и т.д.

Нам достоверно известно, что Владимир Буковский осужден исключительно по политическим мотивам: ему инкриминируется передача информации (не секретной) и высказывание своих мнений (интерпретированных судом как «антисоветские»).

В советской прессе никогда не публиковались ни протоколы судебного заседания по «делу Буковского», ни текст его приговора.

Мы требуем срочной публикации полного текста этих документов. Это не только вскроет абсурдность предъявленных Буковскому обвинений, но и полностью изобличит тех, кто пытается представить его уголовным преступником.

Члены группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский

Члены Инициативной группы защиты прав человека в СССР:
Татьяна Ходорович, Татьяна Великанова

12 декабря 1976 г.

34

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ИНТЕРВЬЮ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

В «Литературной газете» за 27 октября 1976 г. (№ 43) опубликованы ответы первого заместителя министра юстиции СССР [А.Я. Сухарева] на вопросы специального корреспондента В. Александрова.

Это обширное интервью наполнено утверждениями, мягко выражаясь, не соответствующими действительности, и заслуживает серьезного опровержения почти по всем пунктам.

Однако, не оставляя намерения подвергнуть углубленной критике интервью Сухарева в целом, в настоящее время мы считаем необходимым со всей решительностью опровергнуть прямую клевету на Владимира Буковского, клевету, исходящую из уст высокопоставленного официального должностного лица органов советской юстиции.

Клевета — это «распространение *заведомо ложных*, позорящих другое лицо, измышлений» (ст. 100 УК РСФСР).

Именно в этом преступлении мы обвиняем А. Я. Сухарева.

Владимир Буковский, который почти шесть лет томился в заключении, в том числе 3,5 года в невыносимых условиях Владимирской тюрьмы,— широко известен мировой прогрессивной общественности как мужественный, непреклонный борец за права человека в СССР, узник совести, подвергавшийся репрессиям на протяжении 13 лет только за попытки искать, находить и распространять информацию, а также, не прибегая к подпольной деятельности, открыто выражать свои идеи и убеждения.

Все люди, личное знающие *Буковского*, независимо от того, разделяют ли они (полностью или частично) его убеждения или ищут и находят иные пути усовершенствования общества, убеждены в его честности, полном бескорыстии, нетерпимости ко всякому насилию и всякой несправедливости.

Чудовищный приговор суда, по которому Буковский отбывал наказание до вчерашнего дня (7 лет заключения и 5 лет ссылки), не только несправедлив, но и незаконен, так как постановлен с нарушением действующих процессуальных законов (достаточно указать на незаконное отклонение ходатайств о вызове и допросе всех свидетелей его защиты).

Однако мы сейчас оставляем в стороне вопрос о незаконности приговора и опровергаем клевету на Буковского, не критикуя приговора суда, а исходя из приговора.

В соответствии со ст. 54 Основ уголовного судопроизводства Союза СССР и ст. 358 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, «вступивший в законную силу приговор, определение и постановление суда *обязательны* для всех государственных и общественных учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан».

Обязателен приговор и для А. Я. Сухарева.

Тем не менее, Сухарев (не частное лицо, а первый заместитель министра юстиции СССР!) публично вменяет в вину Буковскому действия и обстоятельства, не установленные судом и не упомянутые в приговоре.

А. Я. Сухарев не может не знать приговора, не может не знать, какие именно действия Буковского и какие обстоятельства дела судом признаны доказанными. Именно это дает нам основания утверждать, что Сухарев, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты», допускает заведомую ложь, т. е. клевету.

Эта сознательная ложь, т. е. клевета, рассчитана на то, что тщательная засекреченность всех материалов дела Буковского (не опубликован даже приговор) помешает читателям «Литературной газеты» составить истинное представление о личности Буковского.

Располагая некоторыми сведениями о содержании приговора, мы заявляем следующее.

1. Во всем, что говорит Сухарев о Буковском, бесспорно соответствует действительности только то, что *Буковский* родился в 1942 г. и окончил среднюю школу.

Утверждение, что Буковский «нигде постоянно не работал»,— уже неверно. Не говоря уже о литературных трудах и самообразовании, Буковский занимался, как у нас принято выражаться, «общественно полезным трудом», работая разнорабочим в Музее им. Пушкина и других местах, что можно установить документально. Перерывы же в его работе вызывались арестами, помещениями в психиатрические больницы, а также трудностями в устройстве на работу после пребывания в психиатрических больницах и тюрьмах.

2. Сухарев утверждает, что в 1963 г. *Буковский* был признан виновным (судом) и *осужден* «за систематическое размножение и распространение антисоветской литературы, призывающей к организационной деятельности против существующего у нас строя».

Однако Сухарев не может не знать, что в 1963 г. Буковский не был осужден.

Он действительно в 1963 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности, но при этом:

а) какие-либо призывы к свержению существующего строя ему не вменялись;

б) он не был *осужден*, т.е. обвинительный приговор в отношении него вынесен не был, так как судом Буковский был признан психически больным и невменяемым. (В соответствии со ст. 11 Основ уголовного законодательства СССР и ст. 11 УК РСФСР, невменяемость исключает состав преступления.)

По определению суда Буковский был направлен в психиатрическую больницу специального типа (т.е. в тюремную больницу), где и содержался до 25 февраля 1965 г.

После освобождения он дважды принудительно (но уже без постановления суда) помещался в психиатрические больницы общего типа, где последний раз находился до августа 1966 г.

Кстати, нельзя не отметить, что то обстоятельство, что Буковский был 22 декабря 1966 г. арестован и в сентябре 1967 г. осужден по ст. 190.1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, а в январе 1972 г. был осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР — к 7 годам заключения и 5 годам ссылки (в обоих случаях признан вменяемым), доказывает, что Буковский психически здоров, а принудительное помещение его в психиатрические больницы в 1963–1966 годах являлось политической репрессией.

3. Сухарев утверждает, что в январе 1972 г. судом было неопровержимо установлено, что Буковский «призывал к свержению советского государственного строя».

Это *заведомая* ложь. Дело не в том, что все люди, лично знакомые с Буковским, знают, что он не только ни в какой форме не призывал никого к свержению советского государственного строя, но и цели такой перед собой никогда не ставил. Это могут подтвердить десятки свидетелей.

Дело в том, что *Сухарев* не мог сомневаться или заблуждаться по этому вопросу. Он знает (не может не знать!), что Буковскому по приговору *не вменены* призывы к свержению советского государственного строя, Это судом не установлено. Суд в этом не признал виновным Буковского. Да и не мог признать, так как такого обвинения Буковскому *предъявлено не было.*

4. Сухарев утверждает также, что в суде «было доказано, что его (Буковского) деятельность направлялась из-за рубежа пресловутым НТС[XLII]», что «эту организацию Буковский снабжал клеветническими материалами, получая от нее денежные подачки».

Это заведомая ложь. Опять-таки, дело не в том, что десятки свидетелей (не вызванных и не допрошенных ни в следствии, ни в суде) могут подтвердить исключительное бескорыстие Буковского, который ни одной копейки «подачек» ни от НТС, ни от кого-либо другого не получал.

Сухарев не мог заблуждаться и по этому вопросу, так как он знает (обязан знать!) приговор, которым был осужден Буковский.

В приговоре суда отсутствует какое-либо упоминание о связях с НТС и о получении Буковским каких-либо денежных сумм от кого-либо.

* * *

Не имея в своем распоряжении текста приговора, который не был опубликован и *не был выдан матери* Буковского,— мы лишены возможности опубликовать дословный текст приговора.

Хотя на так называемый «открытый» процесс Буковского мы, как и другие друзья Буковского, допущены не были, в суде все же была мать Буковского, со слов которой нам известно, что приговором суда Буковский признан виновным в том, что он:

а) изыскивал возможности для получения из-за границы портативной типографской аппаратуры;

б) передал члену Фламандского комитета солидарности с Восточной Европой[XLIII] выпуски «Хроники текущих событий», которые суд признал антисоветскими. (Отметим при этом, что «Хроники», фигурирующие по многим политическим делам, никогда ни одним судом не квалифицировались как документы, призывающие к свержению строя.);

в) передавал иностранным корреспондентам материалы о помещении в СССР в психиатрические больницы здоровых людей и о методах «лечения» в психиатрических больницах специального типа (эти материалы суд признал клеветническими);

г) разговаривал в кафе с двумя военнослужащими и высказывал при этом свои убеждения. Суд признал этот разговор антисоветским.

Никаких иных действий Буковскому по приговору не вменено. Если мы, не имея текста приговора, излагаем его неточно, то мы готовы признать любое уточнение немедленно после опубликования приговора в советской печати.

* * *

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что интервью Сухарева опубликовано в «Литературной газете» в то время, когда Буковский находился в условиях строжайшей изоляции во Владимирской тюрьме, а написанное им опровержение, как нам стало известно, не было выпущено тюремной цензурой за пределы каменных стен тюрьмы.

Теперь, когда в результате многолетней борьбы матери Владимира Буковского Нины Ивановны Буковской за освобождение сына, борьбы, горячо поддержанной всеми друзьями Буковского в нашей стране и мировой прогрессивной общественностью, Буковский получил свободу, он сам сможет защитить свою честь и достоинство от клеветы А. Я. Сухарева, распространенной «Литературной газетой».

Тем не менее, мы считаем своим долгом довести до сведения международной общественности свое мнение и заявить, что мы считаем необходимым:

а) опубликование в советской печати не только текста приговора 1972 года, но и всех материалов дела по трем судебным делам Буковского;

б) судебное рассмотрение дела о клевете (в отношении «Литературной газеты» и Сухарева А. Я.) по заявлению *Буковского* в советском суде, независимо от того, в какой стране мира будет находиться Буковский в случае его обращения в суд;

в) помещение на страницах «Литературной газеты» опровержения клеветнических измышлений в отношении Буковского, содержащихся в опубликованном интервью А. Я. Сухарева.

От Инициативной группы защиты прав человека в СССР:

Т. Великанова, Т. Ходорович

От Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Л. Алексеева, А. Гинзбург, П. Григоренко, Ю. Орлов, М. Ланда, В. Слепак, А. Щаранский
17 декабря 1976 г.

35

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УКРАИНСКОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Театрализованная попытка компрометации ее членов

Мы считаем необходимым известить правительства стран, подписавших Заключительный акт совещания в Хельсинки, и мировую общественность о развертывании репрессий против Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений и обратить внимание на неприличные, аморальные и просто уголовные приемы, используемые против членов Группы.

Обыски и допросы были очевидным образом инсценированы так, чтобы сфабриковать материалы для «разоблачительных» статей (или судебных процессов?).

Сотрудники органов безопасности, постоянно терроризирующие членов Группы, знали заранее, что никаких компрометирующих материалов (кроме, конечно, документов Группы о нарушениях гуманитарных статей Заключительного акта, которые компрометируют, но не Группу, а официальные органы) не сыщется в домах высокопорядочных интеллигентных людей, составивших Украинскую группу. И убогое воображение провинциальных сыщиков пошло по пути уголовщины: *«компрометирующие материалы» обыскивающие принесли с собой.*

Обыски у членов Украинской группы Олеся Бердника (Киев), Ивана Кандыбы (Львовская область), Левко Лукьяненко (Чернигов), Миколы Руденко (Киев) и Олексы Тихого (Донбасс) были проведены в ночь под Рождество, с очевидным расчетом на снижение мобильности западного общественного мнения в дни праздничных каникул.

Глава Украинской группы содействия известный писатель Микола Руденко накануне получил телеграфный вызов от родственников в город Коммунарск (Ворошиловградская область). Его жена Раиса осталась одна в загородном доме. Ночью раздался звонок в дверь: откройте, вам телеграмма. В отпертую дверь вломились пятеро: обыск! Раиса пыталась возражать, что нельзя проводить обыск ночью и без хозяина дома, но «гости» уже перетряхивали вещи. Они ушли через 13 часов, унося свою добычу: личные записи Руденко, его письма к друзьям и родным, материалы Группы содействия и... 40 американских долларов[1]!

Как выглядит «иностранная валюта» Раиса увидела впервые в жизни, когда один из пришельцев «нашел» купюры в ее доме.

Сразу после обыска Раису Руденко увезли на допрос, сопровождавшийся грубыми угрозами. Ни в этот, ни на следующий день она не могла известить о случившемся своего мужа: города Коммунарска не достигали ни телеграммы, ни телефонные звонки. В Коммунарске Миколу Руденко держали на многочасовом допросе, а Раиса получила (видимо, в качестве рождественского подарка) письмо: «Руденко, мы тебя убьем!»

У члена Группы почтенного писателя Олеся Бердника изъяли материалы Группы, записные книжки и ... порнографические открытки!

---

[1] Не разрешенные властями операции с иностранной валютой являлись по советскому законодательству уголовным преступлением. — *Сост.*

Однако для комплекта к «продажности» Руденко (американские доллары) и «развратности» Бердника органам безопасности с их неважным вкусом и традиционным отсутствием чувства меры не хватало чего-нибудь зловещего, И у члена Группы Олексы Тихого была «найдена» немецкая винтовка старого образца (видимо, припасенная перед отправкой на обыск из театрального реквизита).

Но ведь оружие, порнография и иностранная валюта — это еще не полный перечень того, что должно храниться у «наймитов империализма». Можно предположить, что если волна обысков докатится до Москвы (что вполне реально, так как обыски на Украине проводились по распоряжению Московской прокуратуры), то у членов Московской Хельсинкской группы «найдут» склад наркотиков, «шпионские» радиопередатчики, обрезы, яды и финские ножи, а у руководителя Группы профессора Орлова по меньшей мере многоствольный миномет и расчлененные трупы под полом.

В знак протеста против изъятия информационных материалов о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкских соглашений на Украине и против уголовных методов проведения обысков Раиса Руденко и члены Украинской группы содействия Олесь Бердник, Микола Матусевич и Мирослав Маринович объявили голодовку.

Репрессии против Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений показывают абсолютное пренебрежение советского правительства к обязательствам, взятым им на себя в Хельсинки.

Главы правительств и мировая общественность, украинцы США, Канады и Европы должны проникнуться пониманием исключительных трудностей, с которыми сталкивается общественный контроль за соблюдением Хельсинкских соглашений на Украине, и приложить максимальные усилия для поддержки и защиты Украинской группы содействия выполнению этих соглашений — в противном случае Группа будет ликвидирована, а ее члены подвергнуты жестоким репрессиям.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
27 декабря 1976 г.[1]

36

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РЕПРЕССИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Рождественские каникулы на Западе, когда мобильность общественного мнения естественным образом ослабляется, обычно используются советскими властями для проведения таких репрессивных акций против инакомыслящих, которые должны вызвать особенно сильное возмущение на Западе. Так, именно в рождественские каникулы 1970 года были вынесены смертные приговоры по «самолетному процессу»[2], в 1974 году — осужден на 8 лет заключения врач Штерн и арестован биолог Сергей Ковалев, пользующийся исключительным моральным авторитетом, один из заявителей возобновления издания «Хроники».

[1] Дата приведена по машинописной копии, хранящейся в архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.102, оп.1, д.52). — *Сост.*

[2] См. документ № 169 (док. 203). — *Сост.*

21 декабря этого года в Ленинграде была *арестована* Юлия Вознесенская, мать двух детей.

Начиная с лета этого года Юлию многократно допрашивали как «соучастницу» по делу ленинградских художников Волкова и Рыбакова, обвиняемых в написании на стенах зданий лозунгов («Свободу политическим заключенным!» и др.). Она отказалась участвовать в следствии. 21 декабря ее вызвали в очередной раз и, предъявив обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), взяли под стражу.

В знак протеста Юлия объявила голодовку.

Суд над Юлией Вознесенской состоится накануне нового года — 29 декабря.

25 декабря заключен в Ленинградскую *психиатрическую больницу* № 3 известный участник движения за права человека в СССР Владимир Борисов, проведший в Ленинградской спецпсихбольнице на Арсенальной вместе с Виктором Файнбергом в общей сложности восемь лет.

С началом Рождества власти начали наступление на Украинскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

По санкции помощника прокурора г. Москвы Нестерова в ночь под Рождество были проведены *обыски* у руководителя Группы Миколы Руденко и у членов Группы Олеся Бердника (Киев), Ивана Кандыбы (Львовская область), Олексы Тихого (Донбасс), Левко Лукьяненко (Чернигов).

При обысках были изъяты информационные материалы Группы, личные письма и записи, записные книжки и т. д.

При обысках был применен чисто уголовный прием: обыскивающие подкидывали компрометирующий реквизит: Миколе Руденко — 40 американских долларов, Олесю Берднику — порнографические открытки, Олексе Тихому — немецкую винтовку.

Микола Руденко и его жена Раиса подверглись многочасовым допросам. Им в почтовый ящик было брошено письмо: «Руденко, мы тебя убьем!»

21 декабря был произведен обыск у члена Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Владимира Слепака (Москва). Обыск продолжался 18 часов. Изъято 220 наименований, в том числе все материалы Группы (хотя Группа посылает свои документы в адрес Л. И. Брежнева, подписавшего Заключительный акт Хельсинкского совещания). Начиная с этого дня Слепак находится под домашним арестом. У него отключен телефон. 24 декабря он подвергся многочасовому допросу.

Член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Анатолий Щаранский (Москва) 24 декабря подвергся приводу в милицию, где его продержали до вечера без объяснения причин задержания.

Поскольку уже в течение многих лет рождественские каникулы на Западе используются советскими властями для усиления преследований инакомыслящих, мы их ждали заранее. Мы надеялись, однако, что гуманитарные обязательства, взятые Советским Союзом в Хельсинки, сделают этот год более благополучным, но масштабы репрессий оказались даже значительнее, чем в предыдущие годы, а каникулы еще только начались.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
[до 29 декабря 1976]

37

ЗАЯВЛЕНИЕ
Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

В связи с массовыми обысками среди членов Общественных групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР с применением подлогов, дезинформации и клеветы — Группа содействия заявляет.

1. Внутреннее экономическое и политическое положение в Советском Союзе требует постепенного, но обязательного проведения демократических реформ.

Вместо этого власти развертывают очередное наступление на те общественные круги, которые пытаются наладить независимую информацию и контроль над деятельностью официальных органов.

Это находится в вопиющем противоречии и с Конституцией СССР, и с международными обязательствами, уже взятыми на себя советским правительством в отношении гражданских, политических, экономических, социальных, национальных и культурных прав человека, зафиксированных как в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, так и в Международных пактах, формально уже действующих на территории СССР.

Учитывая интересы государства и самой власти, мы видим только две возможных причины такой линии поведения.

ЭТО — ОЧЕВИДНОЕ НЕПОНИМАНИЕ ОБСТАНОВКИ ИЛИ КУРС НА ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ.

2. Мы обвиняем Телеграфное Агентство Советского Союза — ТАСС — В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С КГБ.

3. Мы считаем необходимым указать, что клеветническая кампания, развязываемая средствами государственной дезинформации, имеет целью дискредитировать членов Группы содействия и тем самым *воспрепятствовать использованию разоблачительной информации о нарушениях Заключительного акта Европейского совещания советским правительством* в период подготовки и проведения совещания в Белграде.

Л. Алексеева, Е. Боннэр, П. Григоренко, А. Гинзбург, А. Корчак, М. Ланда,
Ю. Орлов, В. Слепак, А. Щаранский
5 января 1977 г.

38

СООБЩЕНИЕ

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР неоднократно указывала на факты использования принудительного психиатрического лечения как метода подавления гражданских свобод, как способа быстрой бессудной расправы со всяким свободомыслием, со взглядами, не соответствующими официальным.

Благодаря самоотверженной борьбе общественности несколько узников совести освобождено из специальных и обычных психиатрических больниц, при этом некоторые из них были вынуждены покинуть пределы СССР. Эти факты, особенно освобождение из страшной Днепропетровской СПБ Леонида Плюща, пробудили надежды на возможность полного прекращения злоупотреблений психиатрией.

Однако события последних трех месяцев развеяли эти надежды. Если учитывать только те случаи, которые стали известны нам, то за это время семь человек были

подвергнуты насильственному заключению в психиатрические лечебницы без каких бы то ни было законных оснований.

Нарушена даже действующая инструкция Министерства здравоохранения СССР от 26 августа 1971 года № 06-14-43, которая, хотя и не гарантирует прав самого стационируемого и его родственников или опекунов, но устанавливает минимальные требования, по которым принудительное помещение в психиатрические больницы может иметь место только при наличии явной опасности психически больного для окружающих или для самого себя. Так по инструкции.

А вот как было мотивировано принудительное заключение в «психиатрички» упомянутых выше советских граждан.

1. Петр Старчик (Москва) — за исполнение у себя на квартире, для друзей, песен различных поэтов и своих собственных;

2. Александр Аргентов (Москва) — за повышенную религиозность;

3. Эдуард Федотов (Москва) — за повышенную религиозность;

4. Иосиф Тереля (Винница) — взят с работы без мотивировки, а в направлении на стационирование записано: «социально опасен, верит в бога»;

5. Михаил Кукобака (Бобруйск) — за то, что дал рабочим (товарищам по работе) читать Всеобщую декларацию прав человека;

6. Копысов — взят в Приемной Верховного Совета СССР за подачу жалоб;

7. Владимир Борисов (Ленинград) — взят без мотивировки; шел по улице, неожиданно на него набросились милиционеры, заломили руки, втолкнули в машину, доставили в милицию, а затем отвезли в городскую психиатрическую больницу № 3; жене и матери Борисова до сих пор не говорят, по чьему распоряжению и по какой причине его госпитализировали.

Совершенно очевидно, что никто из этих лиц в момент задержания никакой опасности не представлял и задерживался без оснований. И неудивительно, что под напором общественного мнения их приходилось освобождать одного за другим. Но при этом каждому из задержанных и их близким были нанесены тяжелые психические травмы. Последний из приведенного списка — В. Борисов — и сейчас находится в изоляции, под угрозой опасного для здоровья «лечения».

Считая эти действия органов принуждения и психиатров актом бесчеловечным, грубо нарушающим добровольно принятые Советским Союзом международные обязательства, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает необходимым образовать в своих рамках *Рабочую комиссию*[XLIV] со следующими задачами.

1. Выявление случаев насильственного стационирования в психиатрические лечебницы за свободомыслие, гласное общественное расследование всех таких случаев (ближайшая задача — расследование насильственного стационирования Владимира Борисова).

2. Оформление материалов для направления их главам правительств, подписавших Хельсинкские соглашения, и советским властям для возбуждения уголовного преследования против конкретных виновников преступного использования психиатрии.

3. Информирование советской и мировой общественности о результатах деятельности комиссии.

Состав комиссии:

I. Члены: Вячеслав Бахмин[1], Ирина Каплун, Александр Подрабинек[2], Феликс Серебров[3].

---

[1] О нем см. документ № 144 (док. 177). — *Сост.*

[2] О нем см. документы №№ 51, 136, 155, 193 (док. 85, 169, 189, 226). — *Сост.*

[3] О нем см. документы №№ 154, 176 (док. 188, 210). — *Сост.*

II. Члены-консультанты: по вопросам психиатрии — врач-психиатр; по правовым вопросам — Каллистратова Софья Васильевна.

Представитель Хельсинкской группы — Григоренко Петр Григорьевич.

III. Комиссия приглашает принять участие в ее работе заграничных членов-корреспондентов: профессора Гарри Лоубера, психиатра Марину Войханскую[1], Виктора Файнберга, Леонида Плюща, Владимира Буковского, Наталью Горбаневскую.

Почтовый адрес комиссии:
117334 Москва,
Воробьевское шоссе, дом 5, кв. 37
Каплун Ирине
тел. 137-69-32
[после 5 января 1977][2]

39

ЗАЯВЛЕНИЕ ЮРИЯ ОРЛОВА

Характер одновременных действий ТАСС и КГБ показывает, *что перспектива использования разоблачительной информации на предстоящем совещании в Белграде,* а также факт налаженной *помощи политзаключенным,* из которых 200 человек тяжело больны — приводят официальные органы в состояние *растерянности.*

Чтобы расправиться с Общественными группами содействия и с общественным Русским фондом[XLV], они готовы сегодня *вернуться к сталинским методам.*

Однако это говорит о *потере чувства реальности.*

Ю. Орлов
1 января 1977 г.

Сообщение

На допросе Ю. Орлова следователь Тихонов заявил, что не только Файнберг и Плющ[3], но и Петр Григоренко — психически больные люди.

Он был нервен и тут же попросил не передавать его слова корреспондентам.

Ю. Орлов
7 января 1977 г.

---

[1] О ней см. в документе «Главам правительств стран, подписавших Заключительный акт Хельсинкского совещания» от 21 ноября 1977 г. (док. 61) — *Сост.*

[2] Датировано по: Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР : Новейший период.- Вильнюс; М.: Весть, 1992.- С.253. — *Сост.*

[3] Эти правозащитники, подвергавшиеся в СССР психиатрическим преследованиям, к январю 1977 г. находились в эмиграции. — *Сост.*

40

Документ № 16

ЗАЯВЛЕНИЕ
членов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР по поводу обысков, проведенных 4–5 января 1977 г. у членов Группы, допросов и других репрессий

1. После серии обысков[1] у членов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений 4 января были проведены обыски у членов Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Людмилы Алексеевой, Александра Гинзбурга и Юрия Орлова, а также у матери А. Гинзбурга — Л.И. Гинзбург и ночью с 4 на 5 января у Лидии Ворониной, незадолго до этого совершившей по поручению Группы поездку по общинам пятидесятников.

Задолго до окончания обысков в сообщении ТАСС для заграницы было заявление, что Ю. Орлов, А. Гинзбург и Л. Алексеева являются агентами НТС, работающими по указанию из Парижа.

Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что работа ТАСС по дезинформации общественности производится в прямом контакте с КГБ. В данном случае маловероятно, чтобы КГБ–ТАСС надеялись на доверчивость мировой общественности, которая только что видела своими глазами обмен политических заключенных Буковского и Корвалана и одновременно читала в советской печати, что никакого обмена не было. Принцип Геббельса — чем дальше от правды, тем больше поверят — в этом случае не сработал.

Цель последней акции ТАСС–КГБ была другой: недвусмысленно показать неприемлемость для советских властей деятельности Группы содействия, *отпугнуть* от этой Группы официальные круги на Западе и объявить членов Группы заведомыми государственными преступниками, бросить тень на предоставляемые Группой информационные материалы.

Это и есть подготовка советского правительства к совещанию в Белграде.

Преследования против членов Группы позволяют предположить, что перспектива использования разоблачительной информации групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР привела советские власти буквально в состояние истерики. Ничем иным нельзя объяснить возврат к методам сталинских времен, прежде всего подбрасывание компрометирующего реквизита, как это было на обысках у членов Украинской группы содействия (Миколе Руденко были подброшены 40 американских долларов, О. Берднику — порнографические открытки, О. Тихому — старая немецкая винтовка) и повторилось в Москве (1 000 марок и 100 долларов были подброшены в квартиру А. Гинзбурга). Обыски проходили с вопиющими процессуальными нарушениями. Значительная часть материалов была забрана без внесения в протокол (у Л. Алексеевой) и весь материал — без должного описания, что лишает возможности идентифицировать документы и создает почву для фальсификации изъятых материалов.

2. Мы надеемся, что в данном случае советское правительство плохо рассчитало все возможные последствия своих шагов.

Если даже Запад *предаст* Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, собирающую информацию о противогуманных нарушениях

[1] См. документ «Рождественские репрессии против Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (док. 35). — *Сост.*

этих соглашений в СССР, то психологической реакцией на это будет усиление общего недоверия к СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Внутри Советского Союза ликвидация Группы содействия уже не сможет остановить быстро нарастающий процесс развития демократического правосознания. Этот процесс имеет глубокие экономические и политические корни, и мы можем констатировать, что, пытаясь сегодня применить замшелые сталинские методы провокаций и устрашения, власти *потеряли чувство реальности.*

К документу прилагаются описания обысков и копии протоколов обысков.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Мальва Ланда, Юрий Орлов
7 января 1977 года

Обыск на квартире Ю. Орлова 4 января 1977 года

Когда пришли с обыском, я и жена были еще не одеты, и они в течение 10–15 минут выломали входную дверь. Впрочем, до взлома двери они не сообщили, зачем пришли. Было 4 сотрудника то ли КГБ, то ли прокуратуры во главе со старшим следователем Тихоновым Александром Ивановичем; кроме того, два понятых и два милиционера.

В постановлении на обыск, подписанном Тихоновым, говорилось: «Для изъятия книг, статей и др. материалов, содержащих заведомо ложные измышления против советского общества и государственного строя».

Вскоре к нам пришел Александр Подрабинек, ставший на следующий день членом Рабочей комиссии Группы содействия, поставившей своей целью расследовать злоупотребления психиатрией в политических целях[1]. *Подрабинек* — фельдшер скорой помощи. Он был обыскан и задержан на все время обыска, но больше никого в квартиру уже не пускали.

Я, жена Ирина и Саша Подрабинек бдительно следили, чтобы никто не смог подложить мне компрометирующих материалов — как это было сделано на Украине. Вероятно, это нервировало Тихонова, он делал чрезвычайно много ошибок и описок в протоколе обыска (протокол приложен, часть описок нами исправлена при перепечатке).

Обыск делали все четверо, фамилии троих (вопреки правилам Уголовно-процессуального кодекса) остались нам не известны.

Обстановка обыска была напряженной, так что в середине дня Тихонов вызвал милицию для увода и задержания Ирины, которая «мешала работать». Милиция приехала, но следователь счел более благоразумным сохранить статус-кво.

Некоторые нарушения были записаны мною и Подрабинеком в протоколе (см.), другие отмечу здесь.

Относительно какой-то чепухи, которую реквизировал Тихонов, я спросил, зачем она ему нужна. Он ответил: «Но ведь и вам она не нужна».

Хотя и в гораздо меньшей степени, чем у Александра Гинзбурга и Людмилы Алексеевой, обыск все же напоминал *грабеж.*

Были изъяты не запрещенные даже в СССР «Неизданные письма» Цветаевой и другие художественные книги, «Стадии экономического роста» Ростоу и т.д. «Петербург» Андрея Белого, изданный в СССР, Тихонов перекладывал из рук в руки минут 15, может быть, он презентует редкие книги, изымаемые на обысках, начальству?

---

[1] Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях (см. прим. XLIV). — *Сост.*

Американские журналы явно были изъяты для собственного чтения: Тихонов знает английский. Конечно, были изъяты пишущая машинка и магнитофонные ленты (с псалмами).

Были изъяты опросные листы с 1100 подписями, собранными среди месхов Азербайджана, желающих восстановить свою грузинскую национальность (7000 человек с учетом семей); ликвидированы, таким образом, результаты огромной работы по опросу людей.[1]

Отобрано около 200 страниц со сведениями о преследованиях детей религиозных родителей, собранными на территории Украины и Средней Азии.

И т. д.

Была сделана попытка не описывать все документы в протоколе, а только отмечать номера пакетов. Это получилось с пакетом № 1 (в который были помещены извлечения из иностранных газет), но в дальнейшем удалось *заставить* Тихонова хотя бы в общих чертах дать описание содержимого пакетов №№ 2–5. (Полное нарушение УПК было сделано на обыске у Алексеевой, где содержимое пакетов не описывалось вовсе.)

Ю. Орлов
7 января 1977 года

Обыск в доме Александра Гинзбурга 4 января 1977 года, г. Москва

В 8 час. 45 мин. утра 4 января 1977 года на квартиру Ирины Жолковской[2], жены Александра Гинзбурга, явились представители прокуратуры и КГБ, всего 7 человек. Обманным путем заставили Жолковскую открыть дверь. Гинзбурга дома не было, он и его друг Ю. В. Мнюх приехали через полчаса после начала обыска. И. С. Жолковской (а затем и А. И. Гинзбургу) было предъявлено постановление на обыск, подписанное ст. следователем прокуратуры Тихоновым А. И. Подписать его они отказались. Затем И. С. Жолковской (а через полчаса и А. И. Гинзбургу) было предложено выдать материалы, содержащие заведомо ложные сведения, порочащие советский общественный и государственный строй. Оба они отказались это сделать. Руководил обыском ст. следователь прокуратуры Боровик. Присутствовали понятые Натанзон А. М. и Гришин С. Д.[3] Четыре остальных обыскивающих нигде не зафиксированы.

В первые 10 минут следователь Боровик сам начал обыск с туалета, настойчиво *требуя,* чтобы Жолковская находилась рядом. Повернувшись к Жолковской и понятому спиной, он открыл дверцу шкафа в уборной, порылся там (где именно, со спины видно не было) и извлек конверт со сложенными иностранными деньгами (какими именно и в каком количестве, он не показал). Затем он, для порядка пару минут порывшись в шкафу туалета, заглянул в ванную, а затем с конвертом в руках, не заходя ни на кухню, ни в другую комнату, вернулся в большую комнату, где его ждали остальные обыскивающие.

Это было до приезда Гинзбурга домой. После этого Боровик уже нигде ничего сам непосредственно не искал, он просматривал бумаги и книги и писал протокол. И Жолковскую после этого эпизода немедленно оставили в покое и не просили ее присутствовать, даже когда вскрывали письменный стол и шкафы. Так в первые десять минут обыска была подложена иностранная валюта (130 долларов и 1 400 немецких ма-

---

[1] См. документ № 18 «О положении месхов» (док. 44). — *Сост.*

[2] О ней см. «Заявление для прессы» от 9–10 июля 1979 г. (док. 132) — *Сост.*

[3] Так в тексте, правильно — С.Л. Гришин — *Сост.*

рок). В дальнейшем в протоколе было записано, что она лежала в тайнике рядом с почтовым конвертом из Америки, подписанным В. Туркиной. Большой конверт из-под книжной бандероли из Америки от друга семьи Гинзбургов Вероники Туркиной, живущей ныне в Нью-Йорке, действительно там был. Никакого отношения этот почтовый конверт к подложенному не имел и не мог иметь. Однако в протоколе их записали под одним номером.

В протоколе обыска у Гинзбурга были изъяты номера журналов «Континент», «Вестник РСХД» (в том числе и отдельные перепечатки из этих журналов), «Посев», номера газеты «Русская мысль''[1],»Хроника текущих событий», «Хроника защиты прав в СССР», «Архив «Хроники»»[XLVI], документы Комитета прав человека[XLVII], «Эмнести Интернейшнл», документы группы «Хельсинки», сочинения Солженицына, Сахарова, Амальрика, Турчина, Орлова, Подъяпольского, Набокова, Конквиста, книги по русской истории, вырезки из советских и иностранных газет (в т.ч. статья из «Известий» — «Колодец с гнилой водой»[2]), религиозная литература, «Бюллетень совета родственников христиан-баптистов», «Братский листок», «Вестник спасения»[XLVIII], квитанции на почтовые переводы, бандероли и посылки и записи, с этим связанные, письма заключенных и их родственников (пришедшие по почте), а также просто личная переписка Гинзбургов, фотографии, записные книжки (в т.ч. и чистые машинописные переводы интервью Дж. Картера), картотека, содержащая сведения о советских политзаключенных.

Кроме того, во время обыска были изъяты *все* деньги, находящиеся в доме. Из них около 300 [рублей] лежали в отдельной коробке и принадлежали лично семье Гинзбурга (недавно полученная зарплата его и его жены), о чем Жолковская сообщила одному из обыскивающих.

Остальные деньги (всего было изъято около 5 тысяч советских рублей) были предназначены для помощи политзаключенным и их семьям.

Уйдя из дома, обыскивающие оставили в доме (где двое маленьких детей) 38 копеек. Были изъяты сертификаты на сумму около 150 рублей, а также *все* извещения из Внешпосылторгбанка на получение и выдачу переводов из-за границы, а также таможенные лицензии о содержании полученных из-за границы посылок. Все это находилось в письменном столе Гинзбурга в папках. Изъяты также облигации (108 штук), 2 сберегательные книжки на имя Гинзбурга, книжки на имя Солженицына, его жены Натальи и его тещи Е. Ф. Светловой, генеральная доверенность, заверенная в Московской нотариальной конторе от семьи Солженицына на ведение их дел в СССР и свидетельство на право наследства (от тещи Солженицына — Гинзбургу). Все эти документы официально оформлены советскими учреждениями.

Также были отобраны два японских приемника (один — новый «Satellite–2100» прямо с чеком из магазина «Березка»), 3 японских магнитофона и детали к ним, много кассет и портативная пишущая машинка.

Изъяты 4 детские дощечки для рисования, названные в протоколе «клише». Обыск продолжался 19 часов — с 8 час. 45 мин. утра 4 января до 3 час. 40 мин. утра 5 января. Во время обыска в дом не пускали никого, в том числе друзей Гинзбурга, приносивших еду маленьким детям. В конце концов обыскивающие разрешили ставить еду под дверь, а затем кто-нибудь из них, когда друзья уходили, приносил это в квартиру. У жены Гинзбурга во время обыска был тяжелый приступ — «гипертонический криз, осложненный спазмами сосудов мозга», и ночью к ней вызывали скорую помощь. В конце обыска Гинзбург собственноручно записал в протоколе следующее:

---

[1] Издания русской эмиграции, запрещенные в СССР. — *Сост.*

[2] Клеветническая статья об А. Гинзбурге, напечатанная в июне 1976 г.

«Я протестую против изъятия материалов о нарушении прав человека в СССР как якобы клеветнических.

Я протестую против изъятия денег, денежных и почтовых документов и материальных ценностей, ибо они по своей природе не могут быть ни клеветническими, ни порочащими что-либо. В правовом государстве это называется грабежом.

Я протестую против провокационной затеи с иностранной валютой, которой никогда в этом доме не было.

Я возражаю против недобросовестной и безграмотной описи изъятого, что увеличивает возможность провокаций в дальнейшем.

Я возражаю против того, что в протокол не внесены фамилии четырех лиц, непосредственно проводивших обыск.

Эти грабители были в основном вежливы».

Подписывать протокол ни Гинзбург, ни Жолковская, ни Мнюх не стали.

Обыск у Л. Алексеевой[1]

Утром 4 января муж[2] ждал своего приятеля, который должен был зайти, как они договорились накануне по телефону, в 8.30. Поэтому, когда раздался звонок в дверь, мы открыли, не спрашивая, кто там. Немедленно в квартиру вслед за визитером ворвались семеро. Потом он рассказывал, что когда подошел к двери, в коридоре никого не было. Видимо, узнав по нашему прослушиваемому телефону о предстоящем визите, советник юстиции Смирнов и его помощники прятались в помещении для мусоропровода, чтобы появиться в доме неожиданно.

Смирнов предъявил мне постановление об обыске, свои документы и — после некоторого сопротивления — документы своих помощников. В постановлении значилось, что обыск должен быть произведен по распоряжению старшего советника юстиции помощника прокурора г. Москвы Нестерова по делу № 46012/18–76[XLIX] и вызван этот обыск тем, что у меня дома могут быть обнаружены материалы и документы, содержащие «заведомо ложные, порочащие советский общественный и государственный строй» измышления. Мне предложили отдать добровольно все такие документы и материалы, но я заявила, что таких у меня нет. Начался обыск.

Обыскивающие оказались хорошо знакомыми с тем, где что у меня находится: без колебаний один из них подошел к бюро и открыл как раз тот ящик, где хранились документы Группы содействия, другой — к шкафчику, где у меня сложен Сам- и Тамиздат[L], а третий — к секретеру с моими бумагами. Письменный стол, где находятся бумаги мужа, они обошли.

Изымаемые документы складывались на стол, стоящий посреди комнаты. Он оказался сразу заваленным грудой бумаг. Советник Смирнов, пристроившись сбоку за этим столом, начал писать протокол обыска.

Были изъяты все произведения Самиздата и «нехороший» Тамиздат, скажем, седьмой номер «Континента» (до сих пор горюю — и не я одна). Все документы Группы содействия забирали, не просматривая,— они все порочат! Взяли письма политзаключенных и их родственников — ну, тут можно понять: самое существование политзаключенных действительно порочит советский общественный и государственный строй. Только можно ли это исправить изъятием их писем?

---

[1] Машинописная копия протокола обыска у Алексеевой хранится в архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.3, л.73–81). — *Сост.*

[2] Николай Николаевич Вильямс (р.1926), математик, узник сталинских лагерей (1945-1950); участник петиционной кампании вокруг «процесса четырех» (1968). — *Сост.*

Это четвертый обыск в моей жизни, и я по опыту знаю, что препирательства относительно того, что такая-то книга или машинописный текст не содержат ничего «порочащего», совершенно бессмысленны — у нас на этот счет разные представления. Потом разберемся, говорят обыскивающие, и вернем то, что взяли напрасно (на самом деле ничего никогда не возвращают). Но когда среди изымаемых материалов я увидела чистые бланки Группы содействия, я не выдержала обыкновения не связываться с ними понапрасну. Что же может быть порочащего советский общественный и государственный строй в незаполненных бланках?! — Все равно забрали, записав в протокол под номерами 41 и 78, никак не пытаясь объяснить своих очевидно нелепых действий.

Сначала я пыталась следить, как заполняется протокол. Полагается описывать изъятые документы таким образом, чтобы их легко было идентифицировать. Для этого опись должна содержать первые и последние фразы каждой страницы текста, Смирнов с самого начала не стал соблюдать этого правила. Он записывал так: «Машинописный текст, озаглавленный «Дорогие друзья!», на 4 листах» (№ 31) или «Машинописный текст, озаглавленный «Об образовании общественной группы…», на 14 листах 7 экземпляров» (№ 95) и т. д.

Я указала Смирнову на то, что протокол заполняется с нарушением процессуальных норм, но он не изменил приемов описания. Я начала писать свои замечания по протоколу, но тут пошло такое, что уже невозможно оказалось относиться к происходящему как к обыску,— он перешел в грабеж. Записав 169 названий в протокол, Смирнов собрал оставшиеся бумаги в груду и стал запихивать их в большой конверт, не только не просматривая, но и не описывая. Он объяснил мне, что этот конверт он намерен заклеить в моем присутствии и забрать, не описывая. Я заявила категорический протест против такого вопиющего нарушения правил обыска и требовала описать каждый документ. Смирнов молча продолжал наполнять конверт. Тогда я заявила, что в знак протеста удаляюсь из обыскиваемого помещения, и попросила своих близких покинуть комнату вместе со мной. Все, кто присутствовали на обыске — мой муж, моя мать и двое моих друзей, Лидия Воронина и член Группы содействия Анатолий Щаранский (они пришли около 11 утра, их впустили в дом, и они оставались до конца обыска), ушли на кухню, где мы пробыли до ухода обыскивающих. Они оставались в доме еще более часа. За 50 минут до конца обыска ушла одна из понятых. Куда-то уходили и вновь возвращались помощники Смирнова, они вызвали по телефону каких-то людей, и в комнату прошли двое с огромными портфелями. Таким образом, унести что-то из дома без моего ведома и внести в дом можно было все, что угодно.

Когда незваные гости удалились, мы вернулись в комнату и на столе среди обрывков бумаг и груды газет нашли протокол обыска. Я прилагаю копию этого протокола к своему отчету.

Был восьмой час вечера. А. Щаранский позвонил в бюро «Ассошиэйтед пресс», и мы узнали, что два часа назад агентство получило сообщение ТАСС о том, что обыски у руководителя Группы содействия Ю. Ф. Орлова, у Гинзбурга и у меня доказали нашу причастность к НТС, за спиной которого стоят иностранные разведки.

Если бы даже такие материалы были в моем доме, непостижимо, как узнали об этом сотрудники ТАСС и даже сами обыскивающие: ведь я и все присутствующие видели, что они забирали бумаги, не только не читая, но даже не просматривая их. Они отказывались это делать, даже когда я просила их об этом. И вдруг еще до окончания обыска все уже известно и все уже «неопровержимо доказано».

На следующий день на пресс-конференции иностранные корреспонденты задавали вопрос: «Какие материалы НТС были найдены?»

У меня нашли один номер журнала «Посев» за 1972 год. Если этого достаточно, чтобы считать меня агентом НТС, то почему бы не отметить моей тесной связи с ЦК КПСС — мой дом завален номерами газеты «Правда», получаемой нами ежедневно на протяжении многих лет.

6 января я получила повестку на допрос к следователю прокуратуры Бурцеву. Допрос окончился очень быстро, так как я отказалась отвечать на вопросы следователя, во-первых, потому, что дело № 46012/18–76 явно является делом Группы содействия (ни Смирнов, ни следователь вообще не объяснили мне, что это за дело, хотя я на этом настаивала, но постановление об обыске у Орлова и А. Гинзбурга проводились по делу с таким же номером, и у всех нас изъяли *все* документы Группы), а я, будучи ее членом, не могу быть свидетелем по этому делу, и во-вторых, потому, что протокол обыска, произведенного с такими вопиющими процессуальными нарушениями, не может дать представления об изъятых материалах, более того — оставляет широкую возможность для подлогов и фальсификаций.

Меня вызывали еще дважды. Но ни разу следователь не упомянул об НТС и моих «связях» с этой организацией, хотя ставил он вопросы, как сам он мне объяснил, по материалам обыска.

Людмила Алексеева
12 января 1977 года

Обыск у Л. Ворониной[1]

4 января 1977 года в 7 часов вечера, когда я находилась на кухне в квартире Л. М. Алексеевой, куда мы вышли из комнаты, в которой производился обыск без соблюдения законов УПК РСФСР и потому похожий на грабеж, зашел неизвестный мужчина в штатском и предъявил мне постановление на обыск в моей квартире по адресу: Москва, ул. М. Порываевой, д. 38, кв. 45-г. Постановление на обыск, имеющий целью изъятие материалов и документов, «содержащих заведомо ложные, клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй», было подписано Тихоновым. Люди в штатском в количестве восьми человек посадили меня в машину и запретили сопровождать меня А. Щаранскому, личные письма которого находились у меня в квартире. Почти целый час меня везли от ул. Удальцова на ул. М. Порываевой, хотя ехать на такси ко мне 15 минут. Перед началом обыска, когда еще не прибыли понятые, Пантюхин (так представился один из этих людей) предложил мне добровольно отдать материалы, указанные в постановлении на обыск. На мой вопрос о том, какие именно конкретно книги и документы он имеет в виду, так как я не понимаю, что значит «материалы, порочащие...» и пр., Пантюхин четко и ясно ответил: «Произведения Солженицына, Сахарова и документы Группы «Хельсинки». — «Все?» — спросила я. «Да,» — подтвердил Пантюхин. «Я не считаю,— возразила я,— что именно произведения Солженицына, Сахарова и документы Группы «Хельсинки» являются материалами того характера, которые означены в постановлении на обыск; и вообще я заявляю, что у меня нет никаких клеветнических материалов, а читать все, что я хочу и что мне интересно, и писать все, о чем считаю нужным, имею право, как и каждый советский и не советский человек. И поэтому сам факт обыска с целью изъятия каких угодно книг, газет, писем, документов и пр. считаю незаконным на основа-

[1] Машинописная копия протокола обыска у Ворониной хранится в архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.3, л.82–87). — *Сост.*

нии подписанных Советским Союзом соответствующих статей Хельсинкских соглашений». Пантюхин предложил дождаться понятых, а тем временем стал рассматривать корешки книг на полках. Коржавина «Времена»[1] отложил сразу.

Когда пришли понятые и я попросила их показать документы, Пантюхин сказал, что удовлетворение такого моего требования не предусмотрено процедурой обыска.

Пантюхин предупредил меня, что за время обыска никто не имеет права входить и выходить из квартиры, и приказал следить за этим милиционеру у входной двери. Дважды это правило нарушалось, когда пришел и был впущен и выпущен знакомый соседки и когда пришел, но однако не был выпущен В. Слепак (он был с чемоданом, который очень хотелось обыскать — и обыскали-таки!).

В процессе самого обыска допускались неоднократно нарушения УПК РСФСР, которые также нивелируют его законность.

1. Изымаемые документы описывались Пантюхиным в протоколе так, что их нельзя потом идентифицировать.

2. Изымались материалы, которые не относятся к тем, что указаны в постановлении на обыск:

а) художественная литература (Булгаков, Коржавин, Цветаева);

б) газеты («Наша страна», «Русская мысль», «Трибуна»[2]);

в) обращения граждан в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР;

г) фотоальбом с материалами Института философии АН СССР по проблемам обучения слепоглухонемых;

д) личные письма моих друзей и близких ко мне, а также к хранившему у меня свой личный архив А. Щаранскому, в основном письма его жены[3] из Израиля, присланные по почте и уже прошедшие цензуру, в количестве 438 штук,

3. Изъятие личных писем проводилось без внесения в протокол, причем, когда понятые пересчитывали их (что должно проходить обязательно в моем присутствии), один из обыскивающих дом мужчин предложил мне пройти на кухню, где я должна была свидетельствовать ощупывание им апельсинов в холодильнике.

4. Обыск велся в ночное время (с 8 вечера до 1 часу ночи), хотя ни убийств, ни следов крови и прочих признаков необходимости экстренного обыска не было.

Самое сильное впечатление от этого так называемого обыска состояло в том, что те, кто проводил его, были в высшей степени деловиты и уверенно направлялись именно к тем полкам, где могла лежать «клевета». Ориентация их среди довольно большого количества книг, рукописей и пр. поражала. Первая мысль, которая приходила в голову по этому поводу: они здесь не в первый и не во второй раз.

Учитывая все эти обстоятельства, я категорически отказалась подписать протокол обыска.

Л. Воронина
9 января 1977 года

Заявление об обыске на квартире Людмилы Алексеевой 4 января 1977 г.

4 января 1977 года, придя в 10 часов 45 минут к Людмиле Алексеевой, мы попали на обыск в ее квартире, проводившийся под руководством следователя Московской

[1] Сборник стихов, выпущенный в Германии. — *Сост.*

[2] Эмигрантская периодика. — *Сост.*

[3] Наталья Штиглиц (Авиталь Щаранская). — *Сост.*

городской прокуратуры Смирнова. Поскольку мы были задержаны в квартире Л. М. Алексеевой до конца обыска (до 19 часов), то невольно стали свидетелями грубых нарушений процедуры обыска со стороны представителей власти и даже явно противозаконных действий. Наиболее вопиющим нарушением закона, предусматривающего порядок проведения обыска, было решение Смирнова не заносить значительную часть изымаемых документов (около 200) в протокол обыска, а просто запечатать их в конверт и унести. Это было сделано, несмотря на неоднократные требования Л. М. Алексеевой указать в протоколе, какие именно документы изымаются. Такое демонстративное нежелание Смирнова проводить обыск в соответствии с законом вызывает тревогу, так как это указывает на желание властей фальсифицировать результаты обыска. Протестуя против фактического грабежа (как еще можно назвать изъятие силой чужих вещей людьми без каких-либо объяснений и указаний на то, что именно изымается), Людмила Алексеева, ее муж Николай Вильямс и мы — Анатолий Щаранский и Лидия Воронина — отказались быть свидетелями этого обыска и покинули комнату, В течение того времени, когда мы сидели на кухне, а в комнате неизвестно что делалось, те, кто производил обыск, неоднократно звонили по телефону и вызывали каких-то людей. В квартиру несколько раз входили и выходили неизвестные люди с толстыми портфелями. Понятая была отпущена за 50 минут до окончания обыска, хотя, как это и требуется законом, ее подпись стояла на протоколе обыска, подтверждая, что она присутствовала до конца обыска.

Член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
А. Щаранский,
Лидия Воронина
9 января 1977 г.

Протокол обыска [у Юрия Орлова]

г. Москва 4 января

Старший следователь прокуратуры г. Москвы советник юстиции Тихонов в присутствии понятых:

1) Николаева Николая Васильевича, проживающего г. Москва, Набережная М. Горького, д. 36, кв. 76 и

2) Голикова Сергея Владимировича, проживающего г. Москва, Б. Дорогомиловская ул., д, 27, кв. 49 — на основании своего постановления от 3 января 1977 года, руководствуясь статьями 169–171 УПК РСФСР, произвел обыск в квартире 1, корпус 7 дома 102 по Профсоюзной улице г. Москвы, о чем в соответствии статье 176 УПК РСФСР составил настоящий протокол. Ввиду того, что проживающий в указанной квартире гражданин Орлов Юрий Федорович отказался, несмотря на неоднократные требования, открыть входную дверь, она была выломана в присутствии указанных понятых слесарем ЖЭК № 20 Черемушкинского района г. Москвы Бебчик М. А. После этого гражданину Орлову Ю. Ф. и понятым Николаеву Н. В. и Голикову С. В. в соответствии со статьей 169 УПК РСФСР было разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий.

Орлову Ю. Ф. в соответствии со статьей 170 УПК РСФСР было предъявлено требование о выдаче материалов, документов и книг, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, на что Орлов ответил, что подобных вещей и предметов, материалов у него нет. Ввиду того что Орлов отказался выполнить указанное требование, в квартире был произведен обыск.

В результате произведенного обыска было обнаружено и изъято:

1. Книга: Нина Буковская. «Письма матери», издание «Хроника». Нью-Йорк, 1976 г.
2. Книга «Альманах Самиздата» (неподцензурная мысль в СССР), № 2, 1975 г.
3. Книга «Вольное слово. Самиздат. Избранное. Выпуск 19. Пытки заключенных в тюрьмах Грузии», «Посев», 1975 г.[1]
4. Книга В.В. Ростоу «Стадии экономического роста».
5. Книга Lionel Kochan «Russia in Revolution».
6. Книга Г. Подъяпольского «Золотой век».
7. Книга Роже Гароди «Крутой поворот социализма».
8. Книга «All the president's men».[2]
9. Книга Isaak Dentsehez[3]. «Russia, China, and the west 1953-1966».
10. Книга E. H. Carr «The bolshevik revolution 1917–1923».
11. Книга Andrei Amalrik, «Nose! Nose? Nose? and other plays»[4].
12. Два экземпляра книги «Правовая защита». В. А. Шелков. Правовая защита свободы совести от диктатуры госатеизма.» Издание «Верный свидетель»[LI].
13. Книга, отпечатанная на пишущей машинке, «Жалобы — протест».
14. Машинописный текст на 22 листах «Две реакции на обращение».
15. Книга «Обращение» (проект с изменениями и дополнениями, предложенными Всесоюзной Церковью верных и свободных АСД[LII]).
16. Книга «Единый идеал». Издание «Верный свидетель».
17. Марина Цветаева. «Лебединый стан. Перекоп».
18. Марина Цветаева. «Неизданные письма».
19. Книга. Василий Гроссман. «Все течет...», издательство «Посев».
20. Книга В. Максимова «Карантин», издательство «Посев».
21. Книга Виктора Франкла[5] «Избранные статьи».
22. Книга Евгения Замятина «Сочинения», том 1.
23. Книга «Вестник русского студенческого христианского движения», № 107.
24. Книга «Христианство, атеизм и современность», издательство «Ymca– Press».
25. Книга Andrei Amalrik. «Involuntary jonrney to Siberia»[6].
26. Книга К. Буржуадемова[7] «Очерки растущей идеологии», издательство «Эхо», 1974 г.
27. Книга «Литературные дела КГБ», издательство «Хроника», Нью-Йорк, 1976 г.
28. Книга Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»
29. Книга «Вестник русского студенческого христианского движения», № 117.
30. Книга «Детство в тюрьме. Мемуары Петра Якира».
31. Книга Николая Бердяева «Русская идея».
32. Книга Джорджа Орвелла «Памяти Каталонии».
33. Книга Шломо Авинеди[8] «Сионизм как национально-освободительное движение».
34. Книга Евгения Замятина «Лица».
35. Книга Лидии Чуковской «Открытое слово».

---

[1] Составитель З. Гамсахурдиа. — *Сост.*
[2] Роман Р. П. Уоррена «Вся королевская рать».— *Сост.*
[3] Правильно: I. DEUTSCHER — *Сост.*
[4] Правильно: «Nose! Nose? No-se! and other plays». — *Сост.*
[5] Так в тексте, правильно — В.С. Франк —*Сост.*
[6] Книга А. Амальрика «Нежеланное путешествие в Сибирь». — *Сост.*
[7] Псевдоним В. Сокирко, о нем см. в документе № 92 (док. 125). — *Сост.*
[8] Правильно — Шломо Авинери, в помещенном далее протоколе обыска Ю. Мнюха в п.53 написание вновь искажено: Аломо Азинер. — *Сост.*

36. Книга»The trial of the four»[LIII].
37. Книга Яков Шер. «Куда идти».
38. Книга Осип Черный. «Книга судеб».
39. Книга «Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымско-татарского народа» (1 июля — 5 августа 1969 г.)
40. Книга: Андрей Амальрик. «Статьи и письма. 1967–1970 гг.»
41. Сборник статей «Из-под глыб».
42. Книга: Гюзель Амальрик. «Воспоминания о моем детстве».
43. Книга «Политический дневник. 1964–1970 гг.»[LIV]
44. Сборник «Хроника защиты прав в СССР», выпуск 2, апрель–май, издательство «Хроника», Нью-Йорк, 1973.
45. Аналогичный сборник, выпуск 10.
46. Аналогичный сборник, выпуск 13.
47. Аналогичный сборник, выпуск 16.
48. Аналогичный сборник, выпуск 16.
49. «Хроника текущих событий», №№ 28, 29, 30, 31.
50. «Хроника текущих событий» № 35.
51. Журнал «Тайм», май, 5, 1975.
52. Журнал «Тайм», февраль, 16, 1976 г.
53. Журнал «Тайм», октябрь, 18, 1976 г.
54. Журнал «Ньюсуик», январь, 7, 1974 г.
55. Журнал «Ньюсуик», февраль, 25, 1974 г.
56. Журнал «Ньюсуик», сентябрь, 8, 1976 г.
57. Журнал «Ньюсуик», сентябрь, 15, 1975 г.
58. Журнал «Ньюсуик», сентябрь, 22, 1975 г.
59. Журнал «Ньюсуик», ноябрь, 24, 1975 г.
60. Журнал «Ньюсуик», декабрь, 1, 1975 г.
61. Журнал «Ньюсуик «, январь, 12, 1976 г.
62. Журнал «Ньюсуик», октябрь, 11, 1976 г.
63. Журнал «Index», №1, 1973 г.
64. Журнал «L'Express», 25–31, 1965 г.
65. Журнал «The Economist», 21–27 июня 1975 г.
66. Журнал «Europa», vol. 1, № 1.
67. Машинописный текст «О нарушении профессиональных и личных прав ученых» на 6 листах, заканчивающийся словами: «... для научных исследовании».
68. Машинописный текст на 40 листах, начинающийся словами: «Андрей Амальрик, Восток — Запад. Диалог, ведущийся в Суздале», заканчивающийся: «Занавес, Июль–Август–Сентябрь 1963 г. Москва».
69. Машинописный текст на 24 листах, начинающийся словами: «Этот очерк предназначен для западного читателя...», заканчивающийся: «...космические корабли и дробит кувалдой водородные ядра. Лариса Богораз.»
70. Машинописный текст на 33 листах, начинающийся словами: «Андрей Амальрик. Воззрения госпожи Линды», заканчивающийся: «...Салютуют под барабанную дробь. Занавес. 1975 год. Магадан — Абрамцево».
71. Машинописный текст на 25 листах, начинающийся словами: «Андрей Амальрик. Художники в Москве», заканчивающийся: «...а из своих современников — Дюбюффе»,
72. Машинописный текст на 112 листах, начинающийся со слов: «Андрей Амальрик. Норманны и Киевская Русь», заканчивающийся: «...как и вообще с его теорией норманнской колонизации».

73. Машинописный текст на 5 листах, начинающийся словами: «Л. Терновский. Отпущенное слово», заканчивающийся: «Обнимаю тебя. Январь–апрель 76, Твой Л. Т.»

74. «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР», №№ 35, 36, 37, г. Москва, 1976 г.

75. Тетрадь в зеленой обложке на 8 листах, начинающаяся словами: «Отобрал 10 наиболее мягких из моих виршей».

76. Лист бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами: «А. Д. Сахаров...».

77. Два листа бумаги с рукописным текстом, начинающимся со слов: «Александров Дима. 2577143», заканчивающимся: «38 Андрей Твердохлебов. 2976369».

78. Тетрадь в зеленой обложке с рукописным текстом, начинающимся словами: «Пластика о Хр...»[1], заканчивающимся: «Гриша К-8».

79. Записная книжка в зеленой обложке.

80. Записная книжка в коричневой обложке.

81. Записная книжка в черной обложке.

82. Записная книжка без обложки.

83. Две фотографии неизвестных мужчин.

84. Различные визитные карточки (26 штук).

85. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «Об образовании Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений», заканчивающийся: «Эйтан Финкельштейн. Вильнюс, ул. Леное, 21, дом 10, квартира 10».

86. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», заканчивающийся: «Юрий Орлов. 30 октября 1976 г.».

87. Машинописный текст на 2-х листах, начинающийся словами: «To all scientists of the world», заканчивающийся рукописными словами «Н. Мейман». К тексту подколот лист с фамилиями: «Andrei Sakharov...» и т.д.

88. Восемь листов рукописного текста, скрепленного скрепкой, начинающегося словами: «Отчет о поездке в Ленинград по делу Эмилии Ильиной», заканчивающегося: «...здорова в этом смысле и сейчас».

89. Рукописный текст на 9 листах, начинающийся словами: «Буд[ущее]. Европы с точки зр[ения]. *буд*[ущего]. *Рос*[сии]...», заканчивающийся: «(подменил, правда, инф. дезинформацией)».

90. Рукописный текст на 4 листах, начинающийся словами: «1. Введение. Имеет ли отношение к реальности...», заканчивающийся: «7. Интел[лигенция]. и власть».

91. Машинописный текст на 7 листах, начинающийся со слов: «Требование эмиграции по экономическим и политическим причинам со стороны рабочих», заканчивающийся: «Приложение 3. Определение Верховного суда РСФСР по делу В. М. Павлова».

92. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «10 декабря — Международный день прав человека», заканчивающийся: «Руководитель Общественной группы... Ю. Ф. Орлов».

93. Рукописный текст на одном листе, начинающийся словами: «3-11-76. Юрий...», заканчивающийся: «...пошлю Вам в Москве огромный привет. Альфред.»

94. 3 экземпляра машинописного текста, начинающегося словами: «Микола Руденко. К людям доброй воли», заканчивающегося: «...фото автора: «Камни вместо хлеба». Кирпичи, собранные в моей квартире после ночного погрома 10 ноября 1976 г. (М. Руденко)». К каждому экземпляру подколота фотокарточка.

[1] Так в тексте. — *Сост.*

95. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «10 декабря — Международный день прав человека», заканчивающийся рукописной подписью: «Ю. Орлов. 10 декабря 1976 г.».

96. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: «1. Если Запад хочет сохранить мир...», заканчивающийся: «Она в самой структуре современного тоталитаризма».

97. 5 скрепленных листов рукописного и машинописного текста, начинающегося со слов: «16 апреля 1975 года в приемной ЦК КПСС...», заканчивающегося: «О детях: «Зато след[ующий]. раз подумают, прежде чем идти жаловаться».

98. Машинописный текст на 4 листах, начинающийся словами: «В апреле 1976 года в Омске состоялся суд...», заканчивающийся: «А. Гинзбург. 18 мая 1976 года, г. Москва».

99. Машинописный текст на 12 листах, начинающийся словами: «Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека...», заканчивающийся: «...информации № 1 и № 3, а также по поводу помещения Валентина Мороза.»

100. Машинописный текст на 12 листах, начинающийся словами: «Репрессии против религиозных семей», заканчивающийся: «Ю. Орлов. А. Гинзбург, 17 июня 1976».

101. Бумажная обложка, на ней рукописная надпись: «Дубли». В обложке 117 машинописных листов, первый лист начинается со слов: «Об образовании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», 1 группа документов в количестве 7 экз., начинающихся со слов: «Об образовании Общественной группы содействия выполнению...», 7 экземпляров в обложке белого листа бумаги с надписью «Об образовании». В белом листе с надписью «№ 9» — 3 экземпляра «Документа № 9». В белом листе с надписью «Оценочн[ый]. доклад» 5 экземпляров текста «Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...». В белом листе с надписью «№ 3 без прилож[ений].» 8 экземпляров «Документа № 3. Об условиях содержания узников совести».

102. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: «В Советскую группу содействия...», заканчивающийся: «С уважением В. Ф. Турчин. 31 июля 1976 г.».

103. Машинописный текст на 3 листах, начинающийся словами: «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Информация», заканчивающийся: «Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский, Людмила Алексеева».

104. Машинописный текст на 6 листах, начинающийся словами: «Документ № 4. О разделенных семьях», заканчивающийся: «Михаил Штерн. Узник совести. Два сына. Израиль».

105. 9 скрепленных листов с машинописным и рукописным текстом, начинается со слов: «Докл. № 11», заканчивается: «26. Османов Навруз. Демитрадзе Навруз. 5».

106. Рукописный текст на 4 листах, начинающийся словами: «Репрессии против религиозных семей после 2 августа 1975 года», заканчивающийся: «...и издевательства со стороны учительницы».

107. Рукописный текст на 2 листах, начинающийся словами: «Начну прежде всего с главной проблемы современного мира...», заканчивающийся: «...Лицедеи западного мира недооценивают».

108. Рукописный текст на одном листе, начинающийся словами: «Спец[иальное]. сообщ[ение]. о Бернштаме. 12 ноября. Орлов», заканчивающийся: «Турчин. 24/X–76. № 8».

109. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «Специальное сообщение...»

110. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: «Доводим до сведения глав государств...», заканчивающийся: «30/X–76. П. Григоренко».

111. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: «Документ № 9», заканчивается: «...уважение к правам национальных меньшинств».

112. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: «Обращение к Верховному Совету СССР и конгрессу США».

113. 4 экземпляра машинописного текста, начинающегося словами: «Украина. Микола Руденко», заканчивающегося: «Николай Вильямс», каждый на одном листе.

114. 2 экземпляра машинописного текста, каждый на одном листе, начинается: «25. Эдуард Федотов, Москва, помещен в психбольницу общего типа «, заканчивается: « 32. ...».

115. Рукописный текст на одном листе, начинается словами: «Требование всеобщей политической амнистии в СССР», заканчивается: «7. Заочная. 23. Т. Семенова. 21. Е. Костерина. Л. Воронина 20».

116. Машинописный текст с подписями, начинается со слов: «Мы обращаемся к правительству СССР», заканчивается: «И. Коган».

117. 2 экземпляра машинописного текста, каждый на одном листе, с рукописными подписями, начинается: «К советскому правительству», заканчивается: неразборчиво (один лист), второй лист: «Подрабинек А.».

118. Информационно-аналитический бюллетень о правонарушениях в городе Тбилиси за первую декаду октября 1975 г.

119. Машинописный текст на 38 листах, начинается: «Судьба нищих сибаритов», заканчивается: «Конец первой части».[287]

120. Машинописный текст в коричневой папке на 156 листах, с приложением на 36 листах, начинается словами: «Содержание. Предисловие. Вдали от Крымских гор», заканчивается: «14. Белорусские тетради...»

121. Машинописный текст на 234 листах, начинается: «По снегу», заканчивается: «Грузовик, тяжело кряхтя, взбирался на перевал горного хребта».

122. Машинописный текст в синей обложке на 343 листах, начинается словами: «Степан Холостенко. Одно мгновение (роман)», заканчивается: «И воскресенье... 28 сент. 1971 г.»

123. Машинописный текст на 141 листе, начинается словами: «Микола Руденко. Экономические монологи», заканчивается: «Кто нам дороже — они или Маркс?»

124. Книга»Livre blanc sur l'internement psychiatrique»[1].

125. 5 экземпляров «Бюллетень — Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР», №№ 23, 25, 29, 30, 31.

126. Ученическая тетрадь в синей обложке, на обложке рукописная запись: «Отнятие детей», в тетради списки с фамилиями и адресами.

127. Аналогичная тетрадь, на обложке рукописная надпись: «Штраф», в тетради рукописные записи.

128. Аналогичная тетрадь, на обложке рукописная надпись: «Репрессии»; в тетради рукописные записи фамилий, адресов.

129. Машинописный текст на 7 листах, начинается словами: «Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документ № 6. О положении бывших политзаключенных в СССР», заканчивается: «Анатолий Щаранский. 1 августа 1976 г.»

130. Машинописный текст на 4 листах, начинается словами: «Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документ № 3», заканчивается: «Москва июня 1976 г. Анатолий Щаранский».

---

[1] Правильно: «Livre blanc sur l'internement psychiatrique de dissidents sains d'esprit en URSS» — «Белая книга о психиатрическом интернировании психически здоровых диссидентов в СССР». — *Сост.*

131. «Временная инструкция о порядке наблюдения психически больных, представляющих общественную опасность, и больных наркоманией» на 6 листах.

132. Приказ Генерального Прокурора СССР № 54 от 9 ноября 1972 г.[1]

133. Различные материалы на 163 листах, помещенные в бумажный пакет, опечатанный круглым штампом с подписями понятых (пакет № 1).

134. Различные материалы на 210 листах, помещены в бумажный пакет, опечатанный круглым штампом с подписями понятых (в пакете № 2 материалы С. Холостенко, список непрописанных крымских татар, интервью А. Солженицына, материалы о месхах, переселенных в 1944 году в Среднюю Азию, подписные листы — примерно с 1100 подписями месхов, которые хотят, чтобы их считали грузинами, сборник стихов Андрея Амальрика «Шествие времен года», лист с телефонами, начало статьи о Логуше). — Пакет № 2.

135. Различные материалы на 186 листах, помещенные в бумажный пакет № 3. Пакет опечатан тем же штампом с подписями понятых. В пакете материалы: о преследовании православных, пятидесятников, симпозиума «Еврейская культура в СССР»[2] (Москва, 21–23 декабря 1976 г.), о психиатрическом преследовании Кукобаки[3], Терели, письмо Войновича министру связи СССР Талызину, документы и переписка Якира с Московским международным почтамтом, материалы (аналогичные) Иванова В.А., статьи и письма А. Амальрика, заявления с просьбами содействовать в выездах из СССР, список политзаключенных, нуждающихся в освобождении по состоянию здоровья, письмо президенту США Дж. Картеру от Ильиной Э. П., список репрессированных по политическим и религиозным мотивам с момента подписания Хельсинкских соглашений, рукопись Юрия Федоровича Орлова «Будущее Европы с точки зрения будущего России» — черновики на 11 листах, документы по делу В. М. Павлова, два обращения об объявлении всеобщей политической амнистии.

136. Различные материалы на 155 листах о якобы имеющих место преследованиях религиозных семей в СССР (помещены в бумажный пакет № 4, пакет опечатан круглым штампом и заверен подписями понятых).

137. 2 экземпляра статьи машинописного текста «Филетические биоритмы и позитивный отбор человека и домашних животных».

138. 21 лист (конверты, открытки, адреса, телефоны от различных лиц).

139. Тетрадь в белой обложке 1945-1975 гг., на обложке запись карандашом «Башкир[ская]. АССР».

140. Различные материалы на 152 листах: подборка материалов Группы содействия..., различные предварительные материалы об «отбирании детей», точнее, «попытке», подборка материалов об И. Геле и других заключенных, материалы о якобы употреблении психиатрии в политических целях, письмо М. Руденко. Материалы помещены в пакет № 5, пакет опечатан штампом, заверен подписями.

141. Пишущая машинка марки «Kontinental», № 246873.

В начале обыска в квартиру вошел гражданин Подрабинек А.П., 1953 года рождения, уроженец города Москвы, проживающий в г. Электростали, проспект Мира, дом 6, квартира 47, у которого в результате обыска изъято:

1. Две записные книжки в красной обложке.

2. Конверт с рукописной надписью «М[ария]. Г[авриловна]. П[одъяпольская].», в конверте открытка: Таллин, Ратушная площадь, письмо на 2 листах, начинающее-

---

[1] Текст приказа см. в приложениях к документу № 24 (док. 60). — *Сост.*

[2] Точнее — «Еврейская культура в СССР — состояние, перспективы», см. документ №19 (док. 45). — *Сост.*

[3] См. о нем в документах №№ 70, 76, 98 (док. 104, 109, 131). — *Сост.*

ся словами: «26 декабря 1976 года. Дорогие Мария Гавриловна, Наташка и все, все друзья!»

3. Большой конверт, в нем 5 писем:

а) начинается: «Саша!», кончается: «Крепко обнимаю и жму руку. Т.П.»

б) начинается: «Саша, милый,— здравствуй!», кончается: «... и все — хорошо. Т.П.»

в) начинается: «Саша! Считаю, что твоя авантюра провалилась», кончается: «Будь здоров».

г) начинается: «5 ноября. Саша — привет», кончается: «Будь здоров! Т. П.»

д) начинается: «Дорогие Софья Васильевна...», кончается: «Храни вас Бог. Ваш П.»

Кроме того, у Орлова Ю.Ф. было изъято 8 магнитофонных кассет.

Обыск начат в 11 часов, окончен в 19 часов 20 минут. В процессе обыска от понятых заявлений не поступило.

После прочтения протокола были сделаны следующие исправления, изменения и уточнения:

1. В пункт 113 3-го экземпляра аналогичного машинописного текста, 4-й экземпляр имеет рукописные записи чернилами и карандашом, начинается: «Юрий Вудка», кончается: «Р. Медведев».

2. В пункте 134 следует читать не «начало статьи о Логуше», а «начало записи о Логуше».

После прочтения настоящего протокола гражданин Орлов Ю.Ф. заявил:

1. Обыски у членов общественных групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений являются вопиющим нарушением этих соглашений. Квалификация материалов групп окончательных и предварительных, как *заведомо* антисоветских, есть нарушение Заключительного акта, Международных пактов о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах и других, *действующих* на территории СССР. Борьба официальных советских органов против контроля за выполнением своих собственных международных обязательств бесперспективна, рано или поздно обязательства по правам человека придется выполнять.

2. Если бы советские инакомыслящие так же неряшливо составляли свои информационные документы, как был вначале составлен протокол обыска, они все были бы уже обвинены в заведомо ложных измышлениях: в протоколе были мною замечены многочисленные ошибки.

3. Понятой Николаев, забыв, что он на этом обыске не сотрудник КГБ, сделал замечания моей жене.

4. Понятой Голиков на вопрос, знает ли он, что понятые обязаны присутствовать *во всех* комнатах, где производится обыск, отрицательно помотал головой. В средней комнате в течение получаса обыск производился *без понятых,* пока я не вызвал туда Голикова.

5. Подозреваю, что изъятие художественной литературы (М. Цветаева, Замятин и другие) сделано не без корыстных целей — не у этого именно следователя, но, вероятно, у других лиц.

6. Удивлен изъятием *официальной* инструкции по психиатрии.

4 января 1977 г.
Ю. Орлов

Советником юстиции Тихоновым был допущен, на мой взгляд, ряд процессуальных нарушений.

1. Перед обыском мне не было предложено добровольно выдать имеющие отношение к делу материалы.

2. Я был принудительно задержан в квартире Ю.Ф. Орлова до 21 часа.

3. Изъятые у меня записные книжки и личные письма никоим образом не представляют материал, порочащий советский государственный и общественный строй.

Я протестую против незаконного обыска профессора Ю. Орлова, так как это не соответствует, в частности, принципам, провозглашенным Хельсинкским совещанием.

4 января 1977 г.

Подпись — *Подрабинек*

Протокол прочитан, записан верно.

Старший следователь –	*подпись неразборчива*
Понятые –	*подписи неразборчивы*
Подписи Ю. Орлова и А. Подрабинека –	*– от подписи отказались*
Старший следователь –	*подпись неразборчива*
Копию протокола получил –	*Орлов*
От подписи отказались:	
Старший следователь –	*подпись неразборчива*
Понятые:	*подписи неразборчивы*.

Производство обыска
санкционирую
Пом. прокурора г. Москвы
советник юстиции Тихонов
7 февраля 1977 г.

Постановление о производстве обыска [у Юрия Мнюха]

7 февраля 1977 г.

Старший следователь прокуратуры Москвы Пантюхин рассмотрел материалы дела о — № 46012/18–76 и принимая во внимание, что по данным предварительного следствия имеются достаточные основания полагать, что в квартире гр. Мнюх Ю.В. находятся материалы, документы, литература и т.п., содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, руководствуясь ст. 168 УПК РСФСР

постановил

произвести обыск на квартире Мнюх Юрия Владимировича по адресу: ул. Новаторов, 38 корпус 1, кв. 6 для отыскания и изъятия указанных материалов.

Ст. следователь – *Пантюхин*

* * *

Протокол обыска

Москва 7 февраля 1977 г.

Следователь прокуратуры г. Москвы Морозов с участием понятых:

1. Владимирова Александра Иннокентьевича, проживающего г. Москва, 1-й Дмитровский пр., д. 6 корп. 2. кв. 64.

2. Круглова Андрея Евгеньевича, проживающего г. Москва, ул. Фадеева, д. 10, кв. 59

в присутствии Панфиловой Нинель Александровны, проживающей по адресу: г. Москва, ул. Новаторов, д. 38, корп. 1, кв. 6

С соблюдением требований ст.ст. 169–111, 176, 177 УПК РСФСР произвел обыск в квартире гр. Мнюх Юрия Владимировича по адресу: г. Москва, ул. Новаторов, корп. 1 кв. 6 с целью отыскания и изъятая материалов, документов, литературы и т.п., содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советское государство и общественный строй.

Вышеперечисленным лицам разъяснены их права при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных действий.

Понятым кроме разъяснены — на основании ст. 186 УПК...

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 7 февраля 1977 года, после чего гр. Панфиловой Н. А. было предложено выдать имеющиеся у нее в квартире материалы, документы, литературу и т. п., содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Она отказалась это сделать.

В связи с этим был произведен обыск в квартире по адресу...

При обыске обнаружено и изъято:

1. Лист машинописного текста от 7 января 1977 года «Не допустить ликвидации солженицынского фонда», подпись — Юрий Мнюх.

2. 9 листов с машинописным текстом, переложенным копировальной бумагой (8 листов): «Обращение к национальной объединенной партии»[LVI].

3. Два листа машинописного текста, начинается словами: «Из книги «Враг не достигнет цели».

4. Книга Андрея Амальрика «Статьи и письма 1961–1970 гг.», издательство [Фонда им.Герцена] Амстердам, 1971 год.

5. Тетрадь 7 листов, на обложке надпись: «Пущинская информация».

6. Записная книжка в светом переплете.

7. Рукописный текст, начинается словами: «До подачи...» на 7 листах, там же — машинописный текст на 4 листах.

8. Машинописный текст, начинается словами: «Сан-Франциско — Калифорния, 7 октября», на 51 листе.

9. Машинописный текст, начинается словами: «Плейбой 1976 г., ноябрь, т. 23», на 45 листах.

10. Машинописный текст на иностранном языке начинается словами: <…>[1] на 3 листах.

11. Телефонная книжка в вишневом переплете.

12. Квитанции в приеме телеграмм — 12 шт.

13. Листки с записями — 50 штук.

14. Машинописный текст, начинается словами: «Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Комитет «Свобода Петру Старчику»[LVII] на 3 листах.

15. Рукописный текст, начинается словами: «Страдает один член — страдают все члены», на 8 листах,

16. Рукописный текст, начинается словами: «Отдайте десятину», на 7 листах.

17. Рукописный текст, начинается словами: «В декабре 1973...» на одном листе.

18. Тетрадь для записи слов на 20 листах.

19. Рукописный текст, начинается словами: «Его святости Святейшему Пимену...», на 1 листе.

20. Рукописный текст, начинается словами: «Вовка, я пишу перед отлетом...», на 1 листе.

[1] Неразборчиво. — *Ред.*

21. Рукописный текст, начинается словами: «Дорогая Мальва Ноевна [Ланда]», на 2 листах.

22. Квитанция 015037 на 1 листе.

23. Книга «Самосознание», сборник статей, издательство «Хроника», Нью-Йорк, 1976 г.

24. Конверт с открыткой.

25. Рукописный текст, начинается словами: «2 часа допрос...» на 2 листах.

26. Рукописный текст, начинается словами: «1947 г.р.», на 1 листе.

27. Книга «Хроника текущих событий», выпуск 35, 31 марта 1975 г.

28. Рукописный текст, начинается словами: «Презид. Верховн. ради...» на 4 листах.

29. Рукописный текст, начинается словами: «Юра [Мнюх], Неля [Панфилова]! Был у нас с 17.30 до 20.00», на 1 листе.

30. Записная книжка в красном переплете.

31. Записная книжка в коричневом переплете.

32. Двухмесячный билет № 520841.

33. Желтая тетрадь с листами рукописного текста на 42-х листах.

34. Машинописный текст, начинается словами: «Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному», подписано 24 января 1977 года — К. Любарский — на 2 листах в 4 экземплярах.

35. Машинописный текст, начинается словами: «Теперь, когда прошло уже более года...». Подписано — Илья Левин, на 3 листах, 2 экземпляра.

36. Квитанции в приеме телеграмм — 11 шт.

37. Квитанции в приеме письма — 3 шт.

38. Машинописный текст, начинается словами: «7 января 1977 года — «Не допустить ликвидации Солженицынского фонда», 2 экз., подписано — Юрий Мнюх — 2 листа.

39. Машинописный текст, начинается словами: «А. Подрабинек, «Отчет о поездке в Сибирь», на 6 листах.

40. Машинописный текст, начинается словами: «В прокуратуру РСФСР от гр-на Подрабинека А. П.», на 1 листе.

41. Машинописный текст, начинается словами: «Презид. Верховн. Ради Радянського Союзу», на 2-х листах, в 3 экз.

42. Машинописный текст, начинается словами: «Приложение к Документу № 17 Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» на 8 листах, 2 экз.

43. Рукописный текст, начинается словами: «10 декабря — день прав человека» на 1 листе.

44. Конверты письма — 10 штук.

45. Машинописный текст, начинается словами: «Последнее слово», заканчивается: «30 декабря 1976 г., Ленинград», на 2-х листах.

46. Машинописный текст, начинается словами: «В измене не повинен...», подписан 7 января 1977 года — Татьяна Ходорович, Виктор Некипелов»,— на 9 листах.

48. Полиэтиленовый мешок с тетрадями, на которых имеется рукописный текст, всего на 224 листах.

49. Две фотографии.

50. Записная книжка с красным переплетом.

51. Записная книжка в сером переплете.

52. Машинописный текст, переплетенный «Ученое безумие и наука библии», на 205 страницах.

53. Брошюра Аломо Азинера[1] «Сионизм как национально-освободительное движение».

---

[1] См. прим. к протоколу обыска Ю. Орлова. — *Сост.*

54. Машинописный текст, начинается словами: «Теперь, когда прошло уже более года...», подписано — Илья Левин — на 3-х листах.

55. Машинописный текст, начинается словами: «Владимир Борисов — жертва психиатрических репрессий», на 2 листах.

56. Брошюра «Сила духа» № 5, на 36 страницах.

57. Приговор именем РСФСР: Дело по обвинению Городецкого Ю. Л. и др., на 7 листах.

58. Машинописный текст, начинается словами: «Жалоба Генеральному прокурору СССР от И. Д. Левина», на 8 листах.

59. Сообщение прокуратуры г. Ленинграда гр-ну Левину И. Д. на 1 листе.

60. Машинописный текст, начинается словами: «Документ № 17», подписан 14 января 1977 г. — Людмила Алексеева и др. на 4 листах.

61. Материалы и заявления Бабича на 12 листах.

62. Машинописный текст, начинается словами: «Декларацию подписали...», на 2 листах.

63. Машинописный текст на иностранном языке, начинается словами: «Dear mister Editor», на 3 листах.

64. Машинописный текст, начинается словами: «Заявление для печати», на 2 листах.

65. Машинописный текст, начинается словами: «Курнель Александр Брунович», на 6 листах,

66. Рукописный текст, начинается словами: «Мой сын Александр Сергиенко», подписано 14 января 1977 года — Мешко Оксана — на 3 листах.

67. Машинописный текст, начинается словами: «Представителю Группы содействия выполнения Хельсинкского соглашения Орлову Юрию Федоровичу», на 29 листах, 3 экземпляра.

68. Машинописный текст, начинается словами: «Группа содействия», заканчивается: «Горченко Сергей, 31 января 1977 года».

69. Протокол обыска от 21 января 1977 г. ст. Елизаветинская, на 1 листе.

70. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Маслова И.Т., на 6 листах.

71. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Трофимец Г.В., на 7 листах.

72. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Сыч, на 10 листах.

73. Повестка — 2 штуки.

74. Протокол описи имущества от 21 января 1977 г. у гр. Сыч, на 1 листе.

75. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у гр. Михель П.А., на 7 листах,

76. Рукописный текст, начинается словами: «Ко всем служащим...», заканчивается: «Комитет защиты прав человека Армении[LVIII]. Э. Б. Арутюнян[1]», на 2 листах.

77. Машинописный текст, начинается словами: «Заявление...», подписи: «Л. Алексеева ище (! так в тексте), 6 подписей на 1 листе.

78. Машинописный текст: «Заявление для прессы», подписано — Ирина Каплун — на 1 листе, 2 экземпляра.

78. Машинописный текст (черновики, наброски), на 18 листах.

79. Машинописный текст: «Хроника текущих событий», выпуск № 42 от 8 октября 1976 г., на 84 листах.

80. Машинописный текст, начинается словами: «В Президиум Верховного Совета СССР», заканчивается: «...из достоверных сообщений... М. Ланда»., на 6 листах.

81. Копии заявлений на 26 листах.

82. Рукописный текст.

83. Конверт с листами рукописного и машинописного текста, на 54 листах.

---

[1] О нем см. документ № 103 (док. 139). — *Сост.*

84. Машинописный текст, начинается словами: «Женева, 7-го октября 1976 года. Уважаемая Мальва Ноевна [Ланда]...», заканчивается: «537 west, 12-th Street, New York», на 4 листах.

85. Машинописный текст, начинается словами: «Документ № 17», заканчивается: «...В дальнейшем мы постараемся уточнить и дополнить его», на 5 листах.

86. 4 металлических коробки с кинопленками.

87. Деньги в советских купюрах:

а) 100 рублей — 1 купюра;

б) 50 рублей — 3 купюры;

в) 25 рублей — 122 купюры;

г) 10 рублей — 6 купюр. Всего на сумму три тысячи триста шестьдесят рублей.

88. Сертификаты:

а) 10 рублей — 1 штука;

б) 1 копейка — 8 штук;

в) 2 копейки — 21 штука;

г) 5 копеек — 48 штук;

д) 10 копеек — 37 штук;

е) 25 копеек — 9 штук;

ж) 50 копеек — 10 штук.

89. Кассеты с магнитофонной пленкой — 18 штук.

90. Машинка пишущая «Москва» с латинским шрифтом, заводской № 15930,

91. Машинка пишущая «Эрика», заводской №4594691 с футляром.

92. Копировальная бумага черная — 1 пачка.

Во время обыска в квартиру 6 дом 38 корпус 1 по ул. Новаторов пришла гр-ка Мальва Ноевна Ланда, проживающая в г. Красногорске, по ул. Чайковского, дом

У гражданки Ланда М.Н. в результате личного обыска было изъято:

1. Квитанции о приеме телеграмм в количестве 6 штук.

2. 6 листов с рукописным текстом.

Заявлений и замечаний со стороны понятых не поступило.

Со стороны присутствующей Панфиловой Нинель Александровны поступило следующее заявление:

Я, Панфилова Н.А., выражаю свой протест против изъятия при обыске у нас на квартире личных денег около 3 тыс. рублей, магнитофонных лент с английскими уроками, пишущей машинки «Москва» с латинским шрифтом, кинолент с научным мультфильмом моего мужа Ю.В. Мнюха, взятые как клеветнические и порочащие советский строй, а также формой протокола.

В протоколе обыска записан один человек, в то время как обыск вели не менее 4 человек. Протокол обыска составлен недопустимо, т. к. изъятые документы невозможно идентифицировать.

Понятые фактически помогали обыскивать и поддерживали их беззаконные действия. Ланда М.Н., присутствовавшая в квартире во время обыска, не имела возможности сделать в протоколе свои замечания. Я отказалась присутствовать при обыске, и обыск фактически шел без меня.

Недопустимым грабежом считаю изъятие личных денег моих и мужа, а также хранившихся у нас денег Мальвы Ноевны.

Панфилова

7 февраля 1977 года

Обыск закончен в 22 часа 35 минут. По окончании обыска изъятые документы и другие материалы упакованы в мешки, которые затем опечатаны печатью следователя за № 3582.

Протокол зачитан вслух, записан верно.

(Две неразборчивых подписи)

Следователь – *подпись*

41

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ОБЩИНЫ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ СТАНИЦЫ СТАРО-ТИТАРОВСКАЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И ГОР. НАХОДКИ (5–23 декабря 1976 года)

Летом 1976 г. в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обратились представители общины пятидесятников гор. Находки с просьбой привлечь внимание мировой общественности к остро вставшей для них в настоящее время проблеме необходимости эмиграции из Советского Союза по религиозным мотивам, с одной стороны, и отсутствия реальных возможностей ее решения, с другой. Для советских властей подобное обоснование требования эмиграции, будучи абсолютно законным, тем не менее оказалось, мягко говоря, непонятным и, уж конечно, недостаточным для положительного ответа на конкретные ходатайства. Учитывая уже известные факты о реальной сложности обстановки, в которой живут и работают пятидесятники (правовые нарушения, репрессии, угрозы, натравливание местного населения на верующих и пр.; большое количество людей, желающих эмигрировать, люди, чьи судьбы сложились в этой стране очень трагически; отдаленность от центра городов, в которых существуют эти общины, трудность связи и получения информации), члены Группы содействия решили более подробно и основательно изучить этот вопрос.

По поручению Группы содействия я посетила две общины (в Старо-Титаровке и Находке), которые являются одними из наиболее репрезентативных в плане желания их членов выехать из Советского Союза.

Старо-Титаровская община объединяет около 100 человек, которые приехали сюда из Находки и других городов в конце 60-х годов вместе и вслед за Николаем Петровичем Горетым, бывшим пресвитером Находкинской общины, отбывшим тогда после заключения срок ссылки. Число взрослых членов общины пятидесятников в Находке — около 300 человек.

Я встретилась с представителями почти каждой семьи в Старо-Титаровке, беседовала более чем с 40 пятидесятниками в Находке, посетила их собрания, на которых слушала их и выступала сама, отвечая на многочисленные вопросы. Это были люди самого разного возраста: школьники, юноши и девушки, отцы семейств и их жены, глубокие старики и старушки. Все очень охотно и подробно рассказывали мне о своей жизни, о своих непрекращающихся бедах и страданиях, о самых главных проблемах для них сегодня. К сожалению, почти все материалы (записи этих бесед и рассказы самих пятидесятников) погибли во время недавних обысков у членов Группы содействия, и поэтому этот отчет будет скорее похож на описание впечатлений и общей картины жизни пятидесятников в Советском Союзе, чем на документ с конкретными фактами и цифрами.

Н. П. Горетой, его брат А. П. Горетой, их сыновья, дочери и родственники помогли восстановить мне живую картину условий, в которых формировалась община в Находке и в которых протекала ее жизнь. Без этого знания нельзя понять обстановки

вокруг пятидесятников в настоящее время и причин, побудивших их эмигрировать. Община в Находке (крайняя восточная точка Советского Союза) возникла в результате постоянных, непрекращающихся в течение существования советской власти репрессий и гонений, которые вынуждали пятидесятников постоянно переезжать из города в город. Так, спасая себя и своих детей (семьи большие, по 7–10 детей) от лагерей, пятидесятники прошли всю территорию Советского Союза от Черного моря (Одессы, где возникла первая община — в 1918 году) до Японского (Находка, 1957 год). Они жили в Средней Азии (Алма-Ата, Фрунзе, Баку), Сибири (Красноярский край. Мариинск, Анжерка, Абаканский край, Черногорск), в Барнауле, Кемеровской области. Во всех этих городах и сейчас существуют многочисленные общины пятидесятников, стремящихся покинуть Советский Союз. Общая численность их достигает 5 тысяч человек. На протяжении почти 60 лет эти люди постоянно убегали от преследований, кочуя из города в город по Советскому Союзу. Теперь эта же причина лежит в основе их желания покинуть страну совсем: «Дальше бежать некуда,— говорит В. Ф. Петрушев[1], член Совета по эмиграции находкинской общины,— океан».

Спектр притеснений со стороны властей на пятидесятников был очень широк и разнообразен как в прошлом, так и в настоящем. Единственное, что изменилось со времени первых лет советской власти, так это расстрел на месте без суда и следствия как «вредного элемента» для светлого будущего. Почти в каждой семье пятидесятников есть кто-нибудь таким образом обезвреженный, поэтому те, которым сейчас 30–35, не знают своих дедов.

Когда перестали стрелять, судили «за веру» и давали по 25 лет по 58 статье. Некоторых освобождали после смерти Сталина, но большинство так и оставалось в заключении до окончания срока. Потом стали судить по 70, 190 и специальной религиозной 227 статьям, давая разные сроки заключения и ссылки (вплоть до 5 лет).

Грубая официальная антирелигиозная пропаганда («баптисты» — обобщенное название для всех сектантов в СССР — шпионы американского империализма, платные агенты, диверсанты и т. п.) хорошо усваивалась нерелигиозным местным населением, окружающим пятидесятников, попадая в очень «подготовленное» для таких определений сознание. Простой русский человек не мог понять, почему у него, у которого всего двое детей и жена работающая, денег не хватает на жизнь, а у соседа-пятидесятника 10 детей, жена, родители старые и все сыты. И сразу понимал, когда ему в кино показывали пятидесятников, молящихся на пустынном берегу моря (куда они прятались, чтобы провести собрание, запрещенное властями), которые «ждут ковчег из Америки с долларами».

Систематические антирелигиозные кампании (специально организованные лекции, кинофильмы, беседы и пр.) для создания враждебного отношения к верующим проводятся и сейчас не только в общественных центрах (клубах, кинотеатрах), но и по месту работы пятидесятников, осложняя одновременно тем самым и без того очень шаткое их положение на работе. Очень трудно устроиться на новую работу, потеряв старую, так как везде администрация ограничивает прием на работу «баптистов». И это несмотря на то, что фактически руководство строек (в основном все пятидесятники универсальные строительные рабочие) очень заинтересовано в их труде из-за высокой дисциплины (отсутствие прогулов, что удивительно в условиях хронического пьянства остальных рабочих) и высокого качества производимой работы.

Например, жена Н. П. Горетого, когда ее муж находился в лагере, оставшись с 6-ю детьми, долгое время не могла найти работы. Но наконец устроилась в детскую больницу санитаркой. После некоторого времени главный врач этой больницы сказала

[1] Так в тексте, правильно — Патрушев — *Сост.*

ей: «Я бы с удовольствием перевела Вас на кухню, там очень нужны такие честные и умелые люди, но не могу, так как Вы баптистка, и люди знают, что Вы можете отравить молоко». Это говорилось женщине, которая вырастила 10 детей в невероятно сложных условиях и сейчас имеет 17 внуков.

Репрессии распространяются не только на взрослых членов общин пятидесятников, но и на их детей. Создание нездоровой атмосферы вокруг верующих школьников начинается сразу с первого класса, когда дети отказываются по религиозным соображениям быть октябрятами, а потом пионерами и комсомольцами. Несправедливое занижение оценок, общешкольные собрания-судилища, драки, нередко спровоцированные самими учителями, необъективные и во многих случаях ложные характеристики по окончании школы приводят к тому, что дети пятидесятников нередко отказываются ходить в школу, часто заканчивают только 8 классов, хотя учатся очень хорошо. Если они и кончают 10 классов, то в высшие учебные заведения путь им закрыт из-за плохих характеристик, в которых часто можно прочитать: «...придерживается антисоветских взглядов».

Известны многие случаи насильственного отбирания детей у родителей и помещения их в интернаты. Дети Воевых (1961, Находка) несколько раз убегали из интерната, но их вылавливали с собаками и отправляли обратно. Известен также случай, когда власти решили отобрать еще не родившегося ребенка по достижении им 9-месячного возраста.

Матери, у которых по 10–12 детей, по советским законам, имеют право на ряд преимуществ (ордена матери-героини, материальные дотации, право на бесплатные завтраки для школьников, внеочередное предоставление жилой площади и др.), которых матери-пятидесятницы фактически лишены.

Одна из самых сложных трудностей в жизни юношей-пятидесятников это армия, служить в которой, точнее носить оружие и принимать военную присягу (т.е. в случае войны стрелять в людей), они отказываются по религиозным соображениям. Особенно сильные репрессии обрушились на молодых людей из семей пятидесятников в 60-е годы. В Находке за семь лет (1960–67 гг.) были осуждены 11 молодых людей на сроки от 3 до 5 лет лагерей.

Иногда, даже когда юноши соглашаются служить в строительных батальонах, их судили Военным трибуналом за отказ от принятия присяги, что является явным нарушением закона, так как трибунал вообще имеет право судить только лиц, принявших присягу.

Таковы основные моменты, характеризующие повседневную жизнь пятидесятнических общин Старо-Титаровки и Находки. Но самые главные сложности отношений вообще всех религиозных сект в СССР и властей вытекают из правового статуса сект. Каждая религиозная секта в СССР должна быть «разрешена», т.е. пройти так называемую регистрацию, суть которой по сути дела состоит в подчинении религиозной секты партийной регламентации. Положение о регистрации запрещает религиозное воспитание детей, молодежные и женские собрания, проповедническую, миссионерскую и благотворительную деятельность, обязывает строго соблюдать все государственные законы, в том числе закон о воинской повинности, запрещает совершение ряда важнейших религиозных обрядов. Василий Федорович Патрушев, член Совета по эмиграции в Находке, говорил мне в связи с этим:

«У нас здесь нет выбора: или мы становимся преступниками перед государством, отказываясь подчиниться требованиям Положения о регистрации и соблюдая все заповеди Христа, или мы становимся преступниками перед Богом, подчиняясь требованиям государства. Для нас, верующих, живущих по совести, высшим законом является закон Божий, и мы не можем быть преступниками перед Богом».

В настоящее время из общего числа пятидесятников в СССР (официальной статистики не существует, по словам самих пятидесятников, их около 200 тысяч в СССР) около половины объединяют зарегистрированные секты, в основном в Одессе, Киеве, Ровно и ряде деревень в Западной Украине. Несмотря на активную агитацию через официальных пресвитеров церкви, которые в большинстве случаев являются проводниками внутригосударственной политики по отношению к верующим, пятидесятники в Средней Азии, Сибири, Приморье принципиально не хотели и не хотят сейчас регистрировать свои секты по вышеизложенным соображениям. В результате — штрафы за каждое нелегальное, с точки зрения властей, собрание (50–80 рублей), конфискация домов, где проводились собрания, обыски с конфискацией Библии и сборников псалмов, угрозы и запугивания при так называемых беседах, проводимых специальными уполномоченными КГБ по религиозным вопросам с наиболее авторитетными членами общин,— повседневные явления. В 1971 г. в Черногорске (Абаканская обл.) власти разогнали брандспойтами молящихся людей и бульдозером снесли дом, в котором они собрались, что вынудило членов этой общины обратиться за помощью в американское посольство.

«Если в Программе партии записано, что коммунизм и религия несовместимы и цель этой страны — построение коммунизма,— говорил Б. Перчаткин, 30-летний член Совета по эмиграции в Находке,— то, естественно, нам не на что надеяться, в никакое улучшение нашего положения, даже если нам теперь пообещают его, мы не верим, принимая во внимание весь многолетний опыт наших дедов, отцов и наш собственный. Единственный выход для нас — эмиграция».

Таким образом, к эмиграции толкнуло пятидесятников в СССР не какое-то отдельное событие последних лет, а вся жизнь на протяжении всего существования советской власти. Однако отсутствие социально-политических условий нормальной религиозной жизни для понимания мотивов эмиграции пятидесятников недостаточно. Чтобы верно оценить всю глубину и жизненную значимость их стремления выехать из СССР, нельзя не учитывать особенностей их религиозной психологии и религиозного сознания. Стремление оставить Советский Союз продиктовано в данном случае не только репрессиями (не в правилах искренне верующих бежать от трудностей, которые испытывают и закаляют веру), но именно религиозными соображениями о необходимости «выхода из грешной земли».

Власти еще не выработали какой-либо определенной точки зрения на проблему эмиграции пятидесятников из СССР по религиозным соображениям. Можно наблюдать даже некоторый спад репрессий в Находке: люди получили возможность открыто собираться, за чем не следует ни обычный штраф, ни вызов на беседу в КГБ. Может быть, власти полагают, что это поможет отвлечь внимание пятидесятников от эмиграции и даже изменить настроения членов общин. Я могу только констатировать, что власти согласились бы отпустить десяток-два наиболее активных семей из Старо-Титаровки и Находки по вызовам от родственников в Израиле в плане воссоединения семей, но массовая эмиграция целых общин пятидесятников крайне нежелательна для них.

Во время моего пребывания в Старо-Титаровке был вызван в сельсовет Н. П. Горетой и еще один рядовой член общины с целью выяснения причин моего приезда. На этой беседе уполномоченный КГБ по религиозным вопросам заверял Николая Петровича, что его с семьей сразу же отпустят из Советского Союза, как только он подаст документы, и подчеркивал, что «не надо за всех и от имени всех».

Еще один интересный случай. Вслед за мной в Находку приехали из Новосибирска два официальных служителя пятидесятнической церкви в СССР, которые, имея целью провести точку зрения властей на проблему эмиграции, пытались расколоть изнутри

находкинскую общину и отлучить тех, кто активно желает эмигрировать и находится в контакте с членами группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР: «... мы должны ждать помощи от Бога, а не от каких-то левых сил»,— заверял он членов общины на собрании.

Все вышесказанное явно свидетельствует о том, что власти очень боятся только что возникшего массового и организованного стремления членов пятидесятнических общин эмигрировать как еще одного социального явления, указывающего на несоблюдение прав человека в СССР, и можно не сомневаться в том, что в недалеком будущем перейдут к открытому наступлению на них, и в особенности на тех членов общин, которые пытаются с помощью Группы содействия информировать мировую общественность о создавшейся ситуации.

Л. Воронина
12 января 1977 года

42

Документ № 17

ОБ УЗНИКАХ СОВЕСТИ, НУЖДАЮЩИХСЯ В СРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ

Чрезвычайно тяжелые условия содержания в советских тюрьмах и лагерях разрушают здоровье заключенных, вызывают обострение имевшихся до ареста и развитие новых болезней[1]. Почти все, перенесшие заключение, страдают язвой желудка, болезнями печени, почек, воспалением кишок (парапрактит), сердечно-сосудистыми и другими заболеваниями.

Наиболее ужасны условия жизни в тюрьмах и в лагерях особого режима, где заключенные постоянно находятся на камерном содержании,— в тесных, сырых, плохо вентилируемых и плохо освещенных камерах, почти без свежего воздуха и дневного света, что еще более усугубляет разрушительное действие скудного недоброкачественного питания. Губительное действие на здоровье оказывает также изнурительный принудительный труд, вредные виды работ, которые нередко вынуждены выполнять заключенные, часто в неподходящих помещениях, без соблюдения техники безопасности и охраны труда.

Очень сильно разрушают здоровье дополнительные наказания, которым подвергается каждый не «вставший на путь исправления» узник совести: перевод в «помещение камерного типа» (ПКТ) внутрилагерной тюрьмы; «строгий режим» и «режим пониженного питания» в тюрьме; наказание карцером (или штрафным изолятором — ШИЗО), представляющим собой комплексную пытку голодом, холодом, отсутствием сна и т. д.

Заключенные практически лишены возможности нормальной сексуальной жизни: в лагере строгого и особого режима разрешается не более одного личного свидания в год (срок свидания 1–3 суток, по усмотрению начальства), только с близкими родственниками; с незарегистрированной женой свидание обычно не дается; «право» на свидание может быть отнято в качестве наказания. В тюрьме личные свидания не положены.

[1] Об условиях содержания в советских тюрьмах и лагерях особого и строгого режима см. документы №№ 3, 87 (док. 7, 120). — *Сост.*

Медицинская помощь ограничена режимными условиями исправительно-трудовых учреждений и условиями дополнительных наказаний (как правило, даже тяжело больные не освобождаются от наказания вплоть до карцера). Медицинские работники названных учреждений являются сотрудниками МВД и согласуют свою деятельность прежде всего с установками и задачами карательно-»исправительных» органов — МВД и КГБ.

Например, в 1975–76 годах неоднократно водворяли в карцер на длительные сроки узника совести Якова Сусленского, страдающего нарушениями сердечно-сосудистой деятельности; даже после тяжелого сердечного приступа его не перевели из карцера; в марте 1976 г. у него после выхода из карцера был церебрально-сосудистый криз. Водворяют в карцер и парализованного заключенного Платошина (?)[1] — вносят туда на носилках!

Врач Медуправления МВД СССР весной 1976 г. разъяснил матери политзаключенного Владимирской тюрьмы А. Сергиенко, больного туберкулезом, что изменить, облегчить режим содержания — не во власти врачей; если Сергиенко «нарушил порядок» и его сажают в карцер,— это врачей не касается, они — «только лечат»; в дела администрации врачи не вмешиваются. Александра Сергиенко с мая 1975 по апрель 1976 года четыре раза водворяли в карцер, где он провел в общей сложности около 50 суток (наказывали за то, что Сергиенко писал жалобы о нарушениях законности, произволе и издевательствах над другими заключенными). Кроме того, за отказ от принудительного труда во Владимирской тюрьме Сергиенко в течение месяца находился на «режиме пониженного питания» и около полугода — на «строгом режиме», также сопряженном с сокращением нормы питания и длительности прогулки (на «общем режиме» прогулка — 1 час в сутки, на «строгом» — 1/2 часа в сутки; из карцера на прогулку не выводят).

Зачастую больные узники совести оказываются лишенными медицинской помощи, даже если они в ней остро нуждаются. Заболев, они далеко не всегда получают освобождение от работы и лишь в редких случаях попадают в больницу (имеется в виду лагерная или тюремная больница; режим — камерный, санитарные условия — плохие, однако питание гораздо лучше обычного). В санчасти и в больнице часто отсутствуют многие необходимые лекарства, даже такие, которые имеются «на воле» в каждой аптеке, не говоря уже о дефицитных лекарствах. Попытки родственников и друзей передать нужные лекарства в подавляющем большинстве случаев оказываются безрезультатными: и администрация, и врачи отказываются их принимать.

Многие узники совести обращались к советскому правительству, к руководителям КПСС с просьбами и требованиями — допустить в советские исправительно-трудовые учреждения представителей Международного Красного Креста, которые *ни разу* не посетили советские лагеря и тюрьмы (хотя даже в гитлеровские лагеря им был доступ)[2].

Рассматривая обмен политзаключенных Буковского и Корвалана, произведенный правительствами Чили и СССР, как первый шаг к освобождению всех политзаключенных — узников совести, мы полагаем, что из гуманных соображений в первую очередь должны быть освобождены тяжело больные.

Эта мера не противоречит советским законам. Статья 100 Исправительно-трудового кодекса РСФСР и соответствующие статьи кодексов союзных республик предусматривают, что осужденный, заболевший психической или иной тяжелой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания в виде лишения свободы, мо-

[1] Так в тексте, сведений о заключенном Платошине не обнаружено. — *Сост.*

[2] Вероятно, имеются в виду лагеря для военнопленных. — *Сост.*

жет быть освобожден до окончания срока, назначенного приговором суда. Статья 362 УПК РСФСР определяете порядок такого освобождения: медицинская комиссия дает заключение о состоянии здоровья осужденного, администрация по рекомендации этой комиссии передает дело в местный суд, и суд выносит решение о досрочном освобождении. Эту процедуру заключенные называют актированием или комиссовкой.

Однако практически актируют лишь тех, дни жизни которых уже сочтены.

Так, матери упоминавшегося уже в этом документе Александра Сергиенко, обратившейся в Медуправление МВД СССР с просьбой об актировании сына, разъяснили, что актируют только «носилочных» больных (т.е. таких, которые уже не в состоянии передвигаться самостоятельно), да и то с трудностями.

Это соответствует и нашим сведениям. Например, политзаключенного Михаила Дяка, заболевшего лимфогранулематозом, не освобождали в течение трех лет после установления диагноза; от Дяка добивались, чтобы он признал деяния, за которые его лишили свободы, преступными и просил помилования; отказ актировать Дяка обосновывали также тем, что он — «не встал на путь исправления». Лишь тогда, когда Михаил Дяк был уже в крайне тяжелом состоянии и опасались, что он вот-вот умрет, его все-таки комиссовали. Через год после этого он умер...

В приложении к этому документу мы даем список политзаключенных, которые, как нам известно, тяжело больны (и должны были бы быть актированы согласно статье 100 Исправительно-трудового кодекса РСФСР). К сожалению, наш список далеко не полон, и не всегда в нем указаны все недуги, мучающие каждого из них. Это объясняется не только трудностями сбора такой информации (тюремная и лагерная цензура часто не пропускает писем, в которых содержатся жалобы на состояние здоровья. Зачастую больные не знают диагноза болезни, которой они страдают: в одних случаях диагноз просто не поставлен, не проведено необходимое обследование и т. п., в других случаях — диагноз не сообщен больному). Обширный материал, собранный нами, погиб во время пожара на квартире М. Ланда и был изъят на обысках у Ю. Орлова, А. Гинзбурга, Л. Алексеевой. Мы включили в список сведения, которые нам удалось сохранить или восстановить. В дальнейшем мы постараемся уточнить и дополнить его.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Анатолий Щаранский
14 января 1977 г.

Приложение

Владимирская тюрьма, особый режим

Василий Федоренко (1928 г. рожд., в заключении около 10–12 лет[1], последний арест — осенью 1974 г., срок окончания наказания — 1987[2] г.) — крайнее истощение, явления паралича. В. Федоренко более года держит голодовку, настаивая на незаконности своего осуждения и требуя освобождения.

Трофим Шинкарук (1931[3] г. рождения, в заключении 27 лет, срок окончания наказания — 1984 г.) — здоровье сильно подорвано, подробности неизвестны.

Юрий Шухевич (1933 г. рожд., в заключении 25 лет, последний арест — 1972 г., срок окончания наказания — 1987 г.) — язвенная болезнь — язва желудка, тяжелая форма.

[1] 13 лет 10 мес. (здесь и далее в этом документе данные о годе ареста, сроке лишения свободы и годе рождения уточнены по материалам Архива НИПЦ «Мемориал»). — *Сост.*
[2] 1989. — *Сост.*
[3] 1929. — *Сост.*

Владимирская тюрьма, строгий режим

Зиновий Антонюк (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984[1] г.) — хроническое заболевание почек, цирроз печени.

Владимир Балахонов (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1985 г.) — тяжелое хроническое желудочно-кишечное заболевание.

Николай Будулак-Шарыгин (в заключении с 1968 г., срок окончания наказания — 1978 г.; в конце 1976 г. переведен из Владимирской тюрьмы, где отбыл три года, обратно в лагерь) — гипертоническая болезнь, сердечная недостаточность. Имел инвалидность, последняя снята осенью 1975 г. за то, что обратился с заявлением,— просил разрешения быть обследованным английскими врачами (Шарыгин 20 лет прожил в Англии, считает себя гражданином Великобритании),

Георгий Давыдов (1941 г. рожд., в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1979 г.) — врожденный порок сердца, бронхиальная астма (?).

Габриэль Суперфин (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1979[2] г.) — парапрактит (геморрой?), гастрит, колит (летом 1976 г. в условиях «строгого режима» и режима «пониженного питания» было недержание кала), заболевание печени (началось летом 1976 г., сильные боли), цистит (начался в 1974–75 гг. в уральском лагере), хронический аппендицит, хронический тонзиллит, ревмокардит (?).

Лейб Хнох (в заключении с 1970 г., срок окончания наказания — 1980 г.) — тяжелый геморрой с частыми и сильными кровотечениями.

Баграт Шахвердян (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1978[3] г.) — грыжа, ...

Лагерь особого режима (Мордовская АССР, учреждение ЖХ-385/1)

Иван Гель (в заключении 8 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1984[4]г.) — органическое заболевание сердечно-сосудистой системы, постоянные мучительные головные боли (по мнению лагерного врача, на почве недостаточною питания клеток головного мозга). Несмотря на крайне тяжелое состояние, не освобождали от работы. С мая по сентябрь 1976 г. около 3,5 месяцев держал голодовку, в числе требований которой — доброкачественная пища, добросовестное и квалифицированное медицинское обследование, допустить в лагерь представителей Международного Красного Креста.

Святослав Караванский (в заключении 28 лет, последний арест в 1965 г., срок окончания наказания — 1979 г.) — гипертоническая болезнь, нарушение сердечной деятельности, головные боли. Последний год освобожден от обязанности работать по состоянию здоровья (заключенные этого лагеря работают в крайне тяжелых и вредных условиях).

Эдуард Кузнецов (в заключении более 12 лет[5], последний арест в 1970 г., срок окончания наказания — 1985 г.) — язвенная болезнь — язва желудка, недавно перенес сильное обострение.

Валентин Мороз (в заключении 11 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — болезнь печени, общее сильное истощение. До апреля 1976 г. находился во Владимирской тюрьме: с июля по ноябрь 1976 г. держал голодовку, требуя перевода из тюрьмы в лагерь или хотя бы из одиночной камеры; в январе 1976 г. его 15 суток держали в карцере.

---

[1] 1982. — *Сост.*

[2] 1980. — *Сост.*

[3] 1980. — *Сост.*

[4] 1988. — *Сост.*

[5] 13 лет 7 мес. — *Сост.*

Алексей Мурженко (1942 г. рожд., в заключении 12 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — экзема, паховые грыжи (одна недавно оперирована), хронический гастрит, сильная стенокардия. Нуждается в клиническом обследовании.

Михаил Осадчий (в заключении 7 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1985?[1])— известно, что здоровье сильно подорвано, но конкретные сведения утрачены.

Юрий Федоров (в заключении 9 лет[2], последний арест в 1970 г., срок окончания наказания — 1985 г.) — хронический нефрит, хронический холецистит, очаговый туберкулезный процесс в легких, артрит коленного сустава.

Женский политлагерь строгого режима (Мордовская АССР, учреждение ЖХ-385/3-4)

Оксана Попович (в заключении не менее 10 лет[3], последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1981[4] г.) — инвалид, передвигается на костылях.

Ирина Стасив-Калинец (1940 г. рождения, в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — тяжелое недиагностированное заболевание почек, астеническое состояние, сильное общее истощение, гипотония, частые изнурительные маточные кровотечения.

Ирина Сеник (в заключении 15 лет[5], последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — тяжелое повреждение позвоночника, полученное во время первого «исправительного» срока; инвалид, нуждается в разгрузочно-коррегирующем корсете (начальство не дает разрешения на получение корсета); гипертоническая болезнь. Весной 1976 г. в состоянии, близком к гипертоническому кризу, была отправлена в карцер на 15 суток, освобождена из карцера на 4-е сутки в связи с гипертоническим кризом, отправлена обратно в лагерь.

Стефания Шабатура (в заключении с 1972 г., 12 января окончился 5-летний срок заключения в лагере, осталось 3 года ссылки, этапирована в ссылку в Красноярский край). До ареста была практически здорова, сейчас — тяжелое не диагностированное желудочное заболевание: сильные боли в области поджелудочной железы, желудка и в области поясницы, слабость, истощение. Нуждается в клиническом обследовании. Большую часть времени заключения в лагере Шабатуру держали во внутрилагерной тюрьме, часто на карцерной норме питания, а также в карцере. Медицинскую помощь не оказывали или оказывали нарочито недобросовестно; протестуя против этого, С. Шабатура заявила об отказе от медицинской помощи на время пребывания в лагере.

Все женщины-заключенные страдают длительными изнурительными маточными кровотечениями.

Лагеря строгого режима в Мордовской АССР (учреждение ЖХ-385)

Паруйр Айрикян (1949 г. рожд., в заключении 8 лет[6], последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1980[7] г.) — тяжелый хронический холецистит (или цирроз печени?), экзема, постоянные сильные головные боли.

---

[1] 1982. — *Сост.*

[2] 11 лет 7 мес. — *Сост.*

[3] 12 лет 3 мес. — *Сост.*

[4] 1987. — *Сост.*

[5] 14 лет 3 мес. — *Сост.*

[6] 6 лет 10 мес. — *Сост.*

[7] 1988. — *Сост.*

Василий Лисовой (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984[1] г.) — хронический гепатит, хронический колит, хронический гайморит, нейродермит, врожденный порок сердца, ревматизм.

[Размик] Маркосян (1950[2] г. рожд., в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — язвенная болезнь — язва желудка, неоднократно по этому поводу госпитализировался в лагерную больницу.

Владимир Осипов (в заключении 9 лет, последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1982 г.) — известно, что здоровье сильно подорвано, но конкретные сведения утеряны.

Петр Сартаков (1917[3] г. рожд.) — гипертоническая болезнь 2-й степени, холецистит, гиперацидный гастрит, язвенная болезнь — язва двенадцатиперстной кишки.

Сергей Солдатов (в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1980 г.) — больные почки (дома лечился травами, в лагере состояние резко ухудшилось, появились сильные отеки), гипертоническая болезнь, стенокардия, боли в позвоночнике (после операции удаления опухоли на спине. Операция произведена уже после ареста, в следственной тюрьме, по-видимому, неудачно). Солдатов нуждается в стационарном обследовании.

Людовицас[4] Симутис (1935 г. рожд., в заключении с 1954 г., срок окончания наказания — 1979 г.) — туберкулез позвоночника, несколько лет провел в гипсовом панцире («кроватке»). Еще в 1958 г. медкомиссия ставила вопрос об его актировании. Недавно с Симутиса сняли инвалидность (?!).

Василий Стус (в заключении с 1972 г., по отбытии 5-летнего срока лишения свободы в лагере, в январе 1977 г., этапирован в ссылку; срок окончания наказания — 1979[5] г.) — язвенная болезнь желудка в очень тяжелой форме, с частыми рвотами, кровотечениями; в конце концов в конце 1975 г. была сделана операция — состояние после резекции желудка вплоть до настоящего времени очень тяжелое. Гипертоническая болезнь. Несмотря на крайне тяжелое состояние, подвергался наказаниям, в том числе летом 1976 года дважды водворялся в карцер на длительные сроки.

Юрий Храмцов (в заключении с 1953 г. По словам Ю. Храмцова, он был американским шпионом). Ранение головы и ноги (хромает). Инвалид 2-й группы. Общее тяжелое состояние здоровья. Несмотря на это, принуждают работать; когда не может работать,– водворяют (тащат) в карцер; в 1976 г. не менее двух раз был в карцере.

Вячеслав Черновол (в заключении около 7 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — гипертоническая болезнь, тяжелые головные боли, артрозоартрит плечевого сустава (рука нуждается в покое, но Черновол вынужден работать на швейной машине), хронический фарингит.

Лагеря строгого режима на Урале, Пермская область (учреждение ВС-389)

Дмитрий Басараб (в заключении с 1953 г., срок окончания наказания — 1978 г.) — гипертоническая болезнь 3-й степени, атеросклероз, кардиосклероз, аневризма миокарда, дважды перенес инфаркт, ишемическая болезнь сердца. Имеет 2-ю группу инвалидности.

[Георге] Гимпу — инвалид 2-й группы. Гиперацидный гастрит, возможно, новообразование рака желудка (?), нулевая кислотность. В разрешении получить из дому желудочный сок — начальник лагеря отказал. Нуждается в обследовании.

---

[1] 1982. — *Сост.*

[2] 1949. — *Сост.*

[3] 1921. — *Сост.*

[4] В учетной карточке заключенного Дубравлага — Людвигас. — *Сост.*

[5] 1980. — *Сост.*

Степан Сапеляк (1950[1] г. рожд., в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1978 или 1980?[2]) — юношеская тяжелая гипертония, сильные головные боли, крайнее истощение. Летом 1976 г. этапирован из лагеря № 36 во Владимирскую тюрьму, однако сведения о том, что он во Владимире, отсутствуют.

С весны 1975 г. и вплоть до лета 1976 г. подвергался жестоким преследованиям и наказаниям, с лета 1976 г. до отправки из лагеря большую часть времени его держали в карцере и в ПКТ (от Сапеляка требовали дачи ложных показаний, отречения от убеждений и т. п.).

Сергей Ковалев (в заключении с конца 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — тяжелая форма геморроя с сильными кровотечениями, выпадение слизистой; недавно появились полипы прямой кишки. Срочно нуждается в клиническом обследовании и операции. В марте 1976 г. Ковалев находился в карцере 17 суток подряд, в мае–июне — 10 суток. Протестуя против противозаконных наказаний и антигуманного обращения, держал в карцере голодовки. В карцере имели место сильные кровотечения, выпадение слизистой... Работает во вредном цеху, изнурительная работа.

Валерий Марченко (1947 г. рожд., в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1982[3] г.) — тяжелая форма хронического нефрита, сильное истощение (дистрофия). Марченко работает на пошиве мешков, за невыполнение нормы выработки подвергается наказаниям (часто лишают ларька и др.).

Иосиф Менделевич (1947 г. рожд., в заключении с 1970 г., срок окончания наказания — 1983[4] г.) — гипертоническая болезнь, стенокардия. (За все время заключения ни разу не подвергался медицинскому обследованию.)

Василий Пидгородецкий (в заключении с 1951 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — имел инвалидность; осенью 1974 г. лишен инвалидности — за «отрицательное влияние на окружающих». Очень больное сердце. Несмотря на это, периодически подвергается наказаниям, в том числе — карцером.

Размик Зограбян (1950 г. рожд., в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — больной позвоночник, нарушение сердечной деятельности, истощение. За отказ работать токарем (он настаивал на том, чтобы ему дали возможность работать слесарем) в октябре-декабре 1975 г. Зограбяна держали в карцере в общей сложности 45 суток; с января по май 1976 г. — 5 месяцев в ПКТ, часть времени на карцерной норме питания или даже только на фунте хлеба и воде. В июне ему наконец разрешили работать слесарем. У него были частые обмороки.

Евгений Пронюк (1942[5] г. рождения, в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — туберкулез, активно прогрессирует, кровохарканье. В конце 1976 г. около 4-х месяцев находился в лагерной больнице, состояние не улучшилось. Выделяются ли палочки Коха, нам не известно. Еще до ареста состоял на учете в туберкулезном диспансере; активный процесс в легких был приостановлен операцией (вырезана часть легкого); сейчас процесс активизировался, перешел на другое легкое.

Александр Сергиенко (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1982 г.) — туберкулез легких, в настоящее время, возможно, диссеминированный. Состоял на учете в туберкулезном диспансере с 1951 г. Сергиенко с декабря 1973 г. по декабрь 1976 г. находился во Владимирской тюрьме; в декабре этапирован, очевидно, обратно в лагерь, в котором находился до Владимира.

---

[1] 1952. — *Сост.*

[2] 1981. — *Сост.*

[3] 1981. — *Сост.*

[4] 1982. — *Сост.*

[5] 1936. — *Сост.*

Иван Светличный (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — церебральная гипертония, ангиоспазмы, периодические церебрально-сосудистые кризы. Постоянные очень сильные головные боли, часто резкие выпадения памяти, невозможность сосредоточить внимание. Инвалид третьей группы — нет пальцев на правой руке. Несмотря на все это,— не освобожден от работы. С лета-осени 1976 г. его принуждают к тяжелой работе на прессе, в цеху, где шум и грохот...

Осужденные по политическим мотивам по сфальсифицированным обвинениям, находящиеся в различных уголовных лагерях

Владимир Архангельский (в заключении с лета 1975 г., срок лишения свободы — 2,5 года) — больные почки, язвенная болезнь желудка, 7 января 1977 г. — резекция желудка. Во время этапа был избит (уголовниками), отбили легкие, после этого перенес воспаление легких.

Мустафа Джемилев (отбыл в заключении в общей сложности [6] лет, срок окончания последнего наказания — начало 1978 г.) — постепенная атрофия печени и почек, дистрофия, малокровие, выпадение зубов, нарушение движения челюстных суставов — критическое состояние в результате длительной (более 10 месяцев...[1]) голодовки, которую Джемилев держал в 1975–76 гг.

Александр Фельдман (в заключении с осени 1973 г., срок окончания — апрель 1977 г.) — хронический холецистит, небинокулярное зрение (видит только одним глазом), инвалидность 3-й группы. После ранения головы — заключенный-уголовник ударил Фельдмана лопатой по голове в марте 1976 г. — сильные головные боли. Фельдман многократно подвергался наказаниям ПКТ и карцером, не раз его жестоко избивали заключенные-уголовники.

Михаил Штерн (в заключении с 1974 г., срок лишения свободы — 8 лет. Штерну 60 или 59 лет[2]) — хроническое заболевание почек, обострившееся в лагере, постоянные сердечно-сосудистые недомогания.

Политические ссыльные

Владимир Гандзюк (около 50 лет[3], около 12[4] лет отбыл в заключении, с января 1976 г. после длительного мучительного этапа находится в ссылке в Томской обл.). Туберкулез позвоночника и суставов, деформирующий остеохондроз. Инвалид.

Павел Кампов (около 50 лет[5], отбыл 6 лет в политлагере строгого режима, в ссылку этапирован в июне 1976 г., срок — 2[6] года) — туберкулез легких, атрофия зрительных нервов — угрожает слепота!!, сердечная недостаточность. Не может работать и не имеет средств к существованию). Кампов — математик, кандидат ф.-м. наук, до ареста работал преподавателем — по специальности работать не дают из «политических соображений».

Микола Горбаль (отбыл в заключении 5 лет; в ноябре 1975 г. этапирован в ссылку, после 2 месяцев мучительного этапа — в ссылке, первое время без всяких средств к существованию, без жилья) — туберкулез легких.

Александр Болонкин (отбыл в заключении 4 года, предстоят 2 года ссылки; в ссылке находится с осени 1976 г.) — геморрой в тяжелой форме, с сильными кровотечениями. Нуждается в операции.

---

[1] Точнее — без малого 10 мес.: 19 июня 1975–15 апреля 1976. — *Сост.*

[2] 58. — *Сост.*

[3] 1934. — *Сост.*

[4] 15. — *Сост.*

[5] 1929. — *Сост.*

[6] 3. — *Сост.*

Анатолий Марченко (отбыл в заключении 11 лет; в ссылке с весны 1975 г., срок окончания наказания — 1978 г.). Полиневрит с явлениями кратковременного паралича. Хронический двусторонний отит внутреннего уха (после перенесенного в заключении менингита); после освобождения необходимого лечения не получал, т.к. находился под надзором милиции. Глухота становится все более полной, хронический тяжелый гастрит.

43

ПО ПОВОДУ ВЗРЫВОВ В МОСКОВСКОМ МЕТРО[LIX]

(Заявление для печати)

Небезызвестный <...>[1] Виктор Луи сообщил, что, по мнению некоторых официальных лиц (т.е., очевидно, служащих КГБ), недавний взрыв в московском метрополитене — дело рук «диссидентской группы» типа террористической группы «Баадер — Майнхоф»[LX]. Это заявление оживленно обсуждалось в мировой печати и радио.

Мы, представители различных диссидентских групп в Советском Союзе, считаем необходимым обратить внимание мировой общественности, что употребление Виктором Луи термина «диссидентская группа» в применении к реальным или вымышленным террористам есть сознательная провокация КГБ, которая имеет целью скомпрометировать термин «диссидент» и поставить знак равенства между диссидентами и террористами.

Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением.

Мы обращаемся к работникам средств информации во всем мире с призывом употреблять термин «диссиденты» только в этом смысле и не расширять его включением лиц, применяющих насилие. Для нас, участников борьбы за права человека в СССР и странах Восточной Европы, это не просто вопрос терминологии. Для нас это отнюдь не академический вопрос. Репрессивные органы СССР идут на любую ложь и провокацию, чтобы создать предлог для расправы с диссидентами. Они приписывают В. Буковскому создание вымышленных ими самими «штурмовых отрядов»; они лгут, что Московская группа «Хельсинки» действует по инструкциям заграничной эмигрантской организации НТС; они подбрасывают диссидентам иностранную валюту, порнографию и даже оружие, чтобы потом «обнаружить» это при обыске. В этих действиях они опираются на богатый опыт. Не так еще далеко ушли времена, когда миллионы ни в чем не повинных людей обвинялись в шпионаже, терроризме, вредительстве — и исчезали навсегда. Их называли «врагами народа», газеты поливали их грязью, а запуганные и одурманенные люди кричали на митингах: «Смерть врагам народа!».

Каковы бы ни были подлинные причины взрыва в Москве, провокаторы из КГБ и послушные им средства будут стараться использовать их, чтобы опорочить дисси-

[1] Два слова из характеристики упомянутого лица опущены составителем. — Л. Алексеева. В АС №2861: «Небезызвестный агент КГБ». — *Сост.*

дентов и натравить на них сбитого с толку и дезинформированного советского человека. Ибо КГБ больше боится диссидентов, чем террористов. Десятки или сотни агентов КГБ, вместо того чтобы участвовать в розыске реальных преступников, ведут круглосуточную слежку за диссидентами, деятельность которых абсолютно открыта и легальна. (В момент, когда составляется это заявление, автомашины, набитые молодыми, здоровыми, хорошо тренированными людьми, день и ночь дежурят вокруг квартиры руководителя Московской группы «Хельсинки» проф. Юрия Орлова.)

Мы просим опубликовать полный текст нашего заявления. Мы просим помнить, что каждый журналист или комментатор, который не проводит четкого различия между диссидентами и террористами, помогает тем, кто старается возродить сталинские методы расправы с инакомыслящими.

Московская группа «Хельсинки»:
Ю. Орлов, А. Гинзбург, Л. Алексеева, М. Ланда
Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях:
П. Григоренко
Христианский комитет защиты прав верующих:
о. Глеб Якунин[1]*, В. Капитанчук, о. Варсонофий* [Хайбулин]
Группа «Международной Амнистии»:
В. Турчин, В. Войнович, В. Корнилов, священник С. Желудков
Украинская группа «Хельсинки»:
Микола Руденко
Инициативная группа защиты прав человека:
Т. Великанова
Еврейское движение за выезд в Израиль:
М. Азбель, В. Браиловский, Н. Мейман, В. Слепак, Л. Овсищер
Инициативная группа защиты прав человека в Грузии:
М. Костава

Примечание:
Мы не успели связаться с рядом национальных и религиозных групп, которые, мы уверены, подписались бы под этим заявлением. Кроме того, многие другие диссиденты, полный список которых мы не имеем возможности привести, выражали готовность подписать это заявление.
14 января 1977 г.

44

Документ № 18

О ПОЛОЖЕНИИ МЕСХОВ

Месхи — древнее грузинское племя, издавна жившее в Месхетии (южная часть Грузии на границе с Турцией). Месхи приняли мусульманство и частично отуречились в результате турецких завоеваний.

[1] О нем см. в документе № 111 (док. 145) и документ № 140 (док. 173). — *Сост.*

В настоящее время часть месхов считает себя грузинами, часть турками, а большинство затрудняется ответить на этот вопрос.

В 1944 г. месхский народ был депортирован из Месхетии в Среднюю Азию. Это была акция, аналогичная депортации крымских татар. После 1956 г. большей части месхов разрешили переселиться на Кавказ — в Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкарию. Однако *им не позволяют вернуться в Месхетию или даже в какую-либо другую часть Грузии.*

Формально советские граждане не ограничены законом в праве выбора места жительства ни по национальному, ни по религиозному признаку. Фактически имеет место как национальный, так и религиозный апартеид, который применяется по отношению к месхам так же, как по отношению к крымским татарам, немцам, части корейцев, западных украинцев и литовцев, по отношению к членам многих религиозных сект, бывшим политзаключенным и др.

Приказ Генерального Прокурора СССР № 54 от 9 ноября 1972 г. гарантирует права месхов и других национальных групп этого района на равенство перед законом. Однако этот приказ (очевидно, по указанию более высоких, т.е. партийных, инстанций) не выполняется. Он настолько не соответствует реальной политике, что был отобран у Ю. Орлова на обыске 4 января 1977 г. (см. документ № 16, Приложение — Протокол обыска у Ю. Ф. Орлова, пункт 132).

Группе содействия был передан ряд документов, подтверждающих, что месхи не удовлетворены своим положением депортированных и активно добиваются возвращения на историческую родину,

При этом месхи-грузины и месхи-турки идут разными путями. Первые собирают — при содействии Инициативной группы защиты прав человека в Грузии[LXI] — *подписи глав семейств* под просьбами и обращениями к властям, в которых они настаивают на своей идущей из древности принадлежности к грузинской национальности.

Группа содействия получила подписные листы с более чем 1100 подписями глав семейств, представляющих около 7500 человек. Эти подписные листы были отобраны на обыске у Ю. Ф. Орлова (см. указанный выше протокол обыска, пункт № 134), так же как и обращения в Группу содействия месхов-грузин и членов Инициативной группы защиты прав человека в Грузии с просьбами о содействии возвращению месхов, если не в Месхетию, то хотя бы в Грузию, причем они готовы перебраться в любой район, пусть небольшими группами и в разные села. Это более чем скромные, лояльные и законные требования.

Месхи-турки не обращались в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, но предоставили ей в порядке информации резолюции своих VI и VIII съездов (последний происходил летом 1976 г.). Эти резолюции тоже были отобраны на обыске у Ю. Ф. Орлова. Месхи-турки требуют возвращения в Месхетию, соглашаясь растянуть репатриацию на несколько лет. Однако власти полностью игнорируют их просьбы и предложения. Известно, что по этой причине месхи-турки обращались за поддержкой к турецкому правительству, но безрезультатно.

Отчаявшись, многие из них теперь требуют переселения в Турцию. Настроенные более экстремистски говорят даже, что если проблема репатриации не будет разрешена, то они станут выступать за отторжение Месхетии в пользу Турции. (Ю.Ф. Орлов разъяснил им, что такое требование противоречит Заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанному Турецкой республикой.)

Мы утверждаем, что и по отношению к месхам-грузинам, и по отношению к месхам-туркам советское правительство грубо нарушает свои обязательства в отношении национальных меньшинств, сформулированные в Заключительном акте:

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам,— на равенство перед законом...»

Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский
14 января 1977 г.

45

Документ № 19

О СРЫВЕ СОВЕТСКИМИ ВЛАСТЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА ПО ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

«Национальные меньшинства или региональные культуры. Государства-участники, признавая вклад, который национальные меньшинства или региональные культуры могут вносить в сотрудничество между ними в различных областях образования, намерены в случае, когда на их территории имеются такие меньшинства или культуры, способствовать этому вкладу с учетом законных интересов их членов».

Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, раздел 4.

Согласно последней переписи населения, в Советском Союзе насчитывается более 2 миллионов евреев. Еврейский народ находится в неравноправном по сравнению с другими национальными меньшинствами положении, в частности нарушено его право на развитие своей национальной культуры.

В СССР нет еврейских школ, не имеется ни одного национального театра или каких-либо других культурных центров. Существует лишь одна газета (областная «Биробиджанер Штерн» — «Биробиджанская звезда») и один журнал («Советиш Геймланд» — «Советская Родина») на идиш и ни одного печатного органа на иврите. Положение ухудшается год от года в силу естественных причин: умирают люди, знавшие иврит и идиш, еврейскую литературу, историю, национальные традиции и обычаи, а изучению родного языка, истории и культуры своего народа как детьми, так и взрослыми власти препятствуют самыми разнообразными способами. Не существует курсов по изучению иврита и идиш, преподавание иврита частным образом преследуется[1], не издаются книги по истории и культуре евреев, учебная и иная литература; литература на иврите, как и литература по еврейской истории и культуре при обысках конфискуется; Библия — не только священная книга двух религий, но и история, и эпос еврейского народа — стала библиографический редкостью и также нередко конфискуется при обысках.

Искусственный характер стагнации еврейской культуры в Советском Союзе особенно очевиден при сравнении с ее нынешним расцветом на Западе.

В условиях гибели культуры целого народа Инициативная группа во главе с профессором Файном поставила своей целью провести в Москве международный симпозиум по еврейской культуре — чисто культурное, просветительское и научное меро-

[1] Иврит — древнееврейский язык, в Израиле является государственным. — *Сост.*

приятие. Был создан организационный комитет симпозиума, который разослал приглашения ряду известных ученых и культурных деятелей за границей и соответствующим советским официальным организациям. Открытие симпозиума назначалось на 21 декабря. Он был рассчитан на три дня. Его повестка включала 55 докладов, из них 14 должны были сделать гости из-за рубежа.

Несмотря на то, что подготовка к симпозиуму велась совершенно открыто, власти отнеслись к нему как к «опасному», «провокационному» мероприятию. На оргкомитет и предполагаемых участников симпозиума обрушилась лавина запретов и прямых репрессий.

1. Всем иностранным ученым, приглашенным на симпозиум, было отказано во въездных визах. Даже туристы, которые были заподозрены в интересе к нему, получили отказы. По крайней мере, трое граждан США (адвокаты Фредерик Стант и Чарльз Хофхеймер и врач Ларри Гольдман из Норфолка, штат Виргиния), сообщивших о своем интересе к симпозиуму официальным советским лицам, были высланы из СССР.

2. Члены оргкомитета и связанные с ними лица подверглись обыскам и многочасовым допросам. При обысках конфисковывалась вся литература на иврите и идиш, вплоть до словарей, тексты докладов на симпозиуме и подготовительные материалы.

3. У 19 евреев, имевших хоть какое-либо отношение к симпозиуму, были выключены телефоны.

4. 21 декабря в Москве были арестованы члены оргкомитета и большинство докладчиков. Впоследствии в течение трех дней все они находились либо под домашним арестом, либо на допросах в Московской городской прокуратуре, обычно следовавшими за обысками.

5. В Риге, Кишиневе, Таллине, Тбилиси, Минске, Ленинграде, Виннице и Одессе были задержаны лица, пытавшиеся отправиться в Москву на симпозиум. Некоторые из них подверглись длительным допросам (например, П. Рейтберг в Кишиневе провел на допросах 10 дней). В Вильнюсе начали уголовное дело против члена оргкомитета профессора Н. Саланского.

Все эти репрессии были рассчитаны не только на срыв симпозиума, но и запугивание его возможных участников. Несмотря на это, 21 декабря на квартире у Григория Розенштейна собрались 60 человек и заслушали 7 докладов, которые удалось уберечь от конфискации. Таким образом, широко задуманный симпозиум свелся к чисто символическому однодневному семинару, но и его власти хотели сорвать: время от времени в квартиру пытались ворваться сотрудники КГБ.

Срывом симпозиума по еврейской культуре власти нарушили Конституцию СССР и советские законы. Все их действия находятся в явном противоречии с духом и буквой Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (см. ст.ст. VII–VIII раздела «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях», ст.ст. 1d, 2–4 раздела «О сотрудничестве в гуманитарных и других областях».

Людмила Алексеева, Мальва Ланда, Александр Корчак, Наум Мейман, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский, Петр Григоренко, Елена Боннэр
10 января 1977 г.[1]

[1] Так в тексте (предыдущий документ датирован 14 января). — *Сост.*

Приложение

1. Состав оргкомитета симпозиума:

Москва — Павел Абрамович, Марк Азбель, Иосиф Асс, Иосиф Бегун, Виктор Браиловский, Леонид Вольвовский (зам. председателя), Феликс Кандель, Владимир Лазарис, Евгений Либерман, Аркадий Май, Владимир Престин, Вениамин Файн (председатель), Илья Эссас;

Ленинград — Абезгауз, Александр Богуславский;

Киев — Владимир Кислик, Александр Мизрухин;

Тбилиси — Исай Гольдштейн, Григорий Гольдштейн;

Рига — Валерий Каминский, Аркадий Цинобер, Шапиро, Френкель;

Вильнюс — Наум Саланский, Владимир Дрот,

Таллин — Бенор Гурфель;

Минск — Илья Гольдин;

Кишинев — Петр Рейтберг;

Винница — Магер, Дыхович.

2. Были подвергнуты обыску в связи с симпозиумом с целью изъятия материалов по еврейской истории и культуре квартиры Вениамина Файна (4 раза), Владимира Престина (2 раза), Павла Абрамовича (2 раза), Леонида Вольвовского (2 раза), Иосифа Бегуна, Виктора Браиловского, Владимира Лазариса, Ильи Эссаса, Евгения Либермана, Феликса Канделя, Михаила Членова, Галины Менджерицкой, Натана Полоцкого, Лили Виленской, Л. Лубянской[1], Владимира Слепака (все — Москва); Петра Рейтберга (Кишинев), Исайя Гольдштейна и Григория Гольдштейна (Тбилиси), Александра Мизрухина (Киев), Наума Саланского (Вильнюс).

3. На допросы в прокуратуры Москвы, Ленинграда, Таллина, Кишинева, Вильнюса, Тбилиси, Риги, Минска вызывались члены оргкомитета, а также Михаил Членов (3 раза), Галина Менджерицкая (4 раза), Владимир Слепак, Григорий Розенштейн (все — Москва), Елизавета Быкова (Тбилиси), Владимир Райз (Вильнюс). Петр Рейтберг (Кишинев) допрашивался в течение 10 дней, Илья Гольдин (Минск) и Бенор Гурфель (Таллин) — 4 дня. В Вильнюсе против профессора Саланского возбуждено уголовное дело по ст. 199.1 литовского УК о распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй[2].

4. В день начала симпозиума в Москве были задержаны сотрудниками КГБ и милиции все члены оргкомитета, а также Александр Лернер, Вениамин Левич, Григорий Розенштейн, Владимир Шахновский, Михаил Членов, Борис Чернобыльский, Владимир Слепак. В дальнейшем до 24 декабря все члены оргкомитета, а также Александр Лернер, Владимир Слепак, Юлий Кошаровский, Михаил Членов, Владимир Шахновский находились под домашним арестом.

5. Все члены оргкомитета из других городов не были допущены в Москву. Исай и Григорий Гольдштейны, приехавшие в Москву заранее, были арестованы и отвезены в Тбилиси, где у них на квартирах были проведены обыски, Александр Смелянский (Киев) сумел приехать в Москву и принять участие в однодневном семинаре, за что был уволен с работы.

6. Были даны письменные предупреждения КГБ в связи с симпозиумом Владимиру Престину и Риве Фельдман. Устные предупреждения получили, помимо членов оргкомитета, Валерий Фаерман, Михаил Членов, Александр Лернер, Анатолий Щаранский.

---

[1] Так в тексте, правильно — Лубенская — *Сост.*

[2] Аналог ст. 190.1 УК РСФСР. — *Сост.*

7. Были отключены телефоны у Аркадия Мая, Наума Меймана, Иосифа Бегуна, Галины Менджерицкой, Льва Улановского, Ривы Фельдман, Игоря Туфельда, у соседей Слепака, у матери Файна, у Леонида Вольвовского, Ильи Эссаса, Михаила Членова, Евгения Либермана, Александра Липавского, Лили Виленской, Владимира Лазариса, Я. Рахленко (последние 5 через неделю были включены).

46

ОБРАЩЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ В ХЕЛЬСИНКИ И К ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЭТИХ СТРАН

3 февраля органами КГБ арестован член Группы содействия, распорядитель Солженицынского Фонда помощи политзаключенным в СССР Александр Гинзбург.

Сотрудники КГБ охотятся за руководителем Группы Юрием Орловым, покинувшим Москву. Его дом осажден агентами КГБ. Они круглосуточно стоят на лестнице, под окнами; по несколько машин следуют по пятам за женой Орлова и его друзьями.

Валюта, подброшенная во время обыска в квартиру Гинзбурга, организация грязной, клеветнической статьи А. Петрова (Агатова) в «Литературной газете» — эти факты говорят за то, что против Гинзбурга затеяно уголовное дело.

Бог весть, какое обвинение готовится против Орлова.

Но к каким бы уловкам ни прибегали власти, это будет наказание за милосердие (Солженицынский Фонд) и справедливость — за призыв к соблюдению прав человека в СССР, к реальной разрядке напряженности.

Мы призываем и правительства, и общественность государств, подписавших Заключительный Акт совещания в Хельсинки, предотвратить расправу. От того, удастся ли это, будет зависеть общественный и нравственный климат в Советском Союзе (а значит, и во всем мире) на ближайшее время и, может быть, на годы вперед.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Л. Алексеева, Е. Боннэр, П. Григоренко, М. Ланда, В. Слепак, А. Щаранский, А. Корчак, Ю. Мнюх
Члены Инициативной группы защиты прав человека в СССР:
Т. Великанова, Т. Ходорович
4 февраля 1977 г.
Публикуется по АС № 3051.

47

[ЗАЯВЛЕНИЕ]

Тотальное наступление советских властей на Хельсинкские группы, начатое рождественскими обысками на Украине и в Киеве и клеветнической кампанией в прессе, продолжается.

Вслед за арестом члена Московской группы «Хельсинки» Александра Гинзбурга последовал арест руководителя Украинской группы Миколы Руденко — писателя, ин-

валида войны. Аресту предшествовал обыск в доме Руденко, когда его жену и присутствовавшего в доме члена Украинской группы «Хельсинки» Олеся Бердника заставили раздеться донага (якобы для личного обыска). Возбуждено дело против члена Украинской группы Олексы Тихого, которому во время обыска 25 декабря подложили винтовку, 5 января проведены обыски у членов Украинской группы «Хельсинки» Оксаны Мешко (Киев) и Нины Строкатовой (Таруса). 7 января — у члена Московской группы Юрия Мнюха. За домом Юрия Орлова, которого нет в Москве, ведется круглосуточная слежка. Машины КГБ стоят под окнами, агенты — на лестнице.

Жену Орлова 7 февраля вызвали на допрос, где требовали, чтобы она сообщила его нынешнее местопребывание.

Нет сомнений, что все эти меры рассчитаны на парализацию деятельности Групп содействия.

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛИХОРАДОЧНО ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ В БЕЛГРАДЕ.

7 февраля 1977 г.

48

В ПОДДЕРЖКУ «ХАРТИИ-77»[LXII]

Гуманизация общества стала самой важной и неотложной задачей в социалистических странах. Этот неизбежный, но трудный процесс тормозится инерцией произвола и безответственности сверху и страха снизу. Поэтому как нельзя больше ко времени пришлась публикация прекрасно аргументированной «Хартии-77».

Хартия не затрагивает политических и социальных основ государства. Все требования и предложения Хартии содержатся в конституции, и речь идет лишь о том, чтобы эти статьи конституции действительно проводились в жизнь. Реализация таких элементарных прав, как право на независимый от администрации суд, свобода передвижения, свобода убеждений и их выражения, свобода защищать свои профессиональные интересы укрепляет государство, а не расшатывает его (если только не отождествлять государство с отдельной группой лиц).

«Хартия-77» полностью соответствует духу и букве Всеобщей декларации прав человека ООН, Пактов о правах человека и Заключительного акта совещания в Хельсинки, поэтому нападки властей на «Хартию-77» и преследования подписавших ее лиц являются по сути саморазоблачением самих властей.

Мы считаем «Хартию-77» выдающимся гуманитарным документом, выражаем полное согласие с ней и солидаризируемся с ее авторами и всеми ее подписавшими.

Профессор Мейман, С. Каллистратова, П. Григоренко, И. Каплун, Евг. Грицяк, Вяч. Бахмин, Ида Нудель, Марк Морозов, Аркадий Май, Ф. Кандель, Римма Якир, Сергей Генкин, Л. Алексеева, А. Лавут, М. Ланда, И. Якир, Петр Винс[1]*, Дина Бейлина, Борис Чернобыльский, Аркадий Полищук, Валерий Румянцев, Эрнст Аксельрод, Евг. Якир, Вал. Машкова, А. Щаранский, Т. Великанова, Л. Богораз, В. Турчин, Ю. Мнюх, Иосиф Бейлин, Владимир Корнилов, Ю. Закс, Л. Регельсон, Юрий Гельфанд, Лев Улановский, Вал. Волисская, Кронид Любарский, Олег Воробьев, Валентина Серая, профессор Яков Альперт, академик Андрей Сахаров, Елена Боннэр, Ефрем Янкелевич, Татьяна Семенова, Лев Гендин,*

[1] О нем см. документы №№ 62, 84 (док. 96, 117). — *Сост.*

Александр Лернер, Исай и Григорий Гольдштейны, священник Сергей Желудков, Владимир Слепак, Нина Строкатова, Т. Баева, Леонид Серый, Валерия Исакова, Илья Левин, Татьяна Осипова, Сергей Левин, Людмила Кардасевич, З. Григоренко, Галина Салова, Вс.[1] Родионов, профессор Марк Азбель
12 февраля 1977 г.
Публикуется по АС № 2966.

49

ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СТРАН–УЧАСТНИЦ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

До совещания в Белграде по проверке выполнения Хельсинкских соглашений осталось полгода. С августа 1975 года накопилось немало обвинений в несоблюдении соглашений, касающихся гуманитарных вопросов. Советская пресса систематически сообщает о нарушении прав человека в странах Запада. Нам самим хорошо известны факты попрания прав человека и гражданских свобод в нашей стране. Наша «Группа Хельсинки» информирует о них мировую общественность и правительства стран-участниц Хельсинкских соглашений. Но советское правительство отрицает достоверность нашей информации, обвиняя нас в клевете. По нашему мнению, на совещании в Белграде недостаточно было бы выступить лишь с обвинениями и разоблачениями, как недостаточно и бездоказательное их опровержение. Необходима предварительная проверка каждого случая нарушения, в какой бы стране он ни произошел. Без этого совещание в Белграде может превратиться в пустую перебранку и обмен взаимными обвинениями.

Мы предлагаем создать заблаговременно международную комиссию по проверке нарушений Хельсинкских соглашений в гуманитарной области. В комиссию должны войти представители правительств стран-участниц, а также представители независимых общественных групп. Комиссии должны быть гарантированы все возможности проверить факты на местах и получить необходимую информацию,

Без конкретной проверки Хельсинкские соглашения могут стать для Советского Союза таким же формальным, ни к чему не обязывающим документом, как Декларация прав человека и другие соглашения ООН.

СССР был не только равноправным членом ООН, но и членом Совета Безопасности в 40-е и 50-е годы, когда тюрьмы и лагеря в СССР были буквально переполнены невинными жертвами, когда «политическим преступником» мог быть объявлен любой гражданин страны, даже ребенок, когда депортировались в Сибирь и в Среднюю Азию целые народы, когда страну сотрясали одна за другой антисемитские погромные кампании («борьба с космополитами» и «дело врачей»). Решая на заседаниях в Совете Безопасности судьбы мира, правительство СССР в своей внутренней политике прибегало к таким методам, как прямое убийство, шантаж и заложничество. США, Великобритания, Франция и другие правовые государства заседали тогда с Советским Союзом за одним столом и не сделали ни одной попытки проверить сигналы бедствия, доходившие до них из СССР.

Выполнение международных соглашений не есть внутреннее дело той или иной страны. Это дело нуждается в действенном международном контроле.

[1] Так в тексте, правильно — В. — *Сост.*

Доклад международной контрольной комиссии в Белграде был бы объективным критерием выполнения Хельсинкских соглашений в гуманитарной области и обеспечил бы деловой, а не пропагандистский подход к важнейшей международной проблеме нашего времени — правам человека.

20 февраля 1977 г.

50

ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО БЕЛГРАДА

1. Общая оценка

Развитие событий с августа 1976 года, когда Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений опубликовала обзор «Год после Хельсинки»[1], показало всю справедливость тогдашнего взгляда на проблему прав человека в СССР. В частности, подтвердилась высказанная тогда оценка: «Советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека», а также сформулированный нами в августе 1976 года вывод, что Заключительный акт Европейского совещания воспринимается все большим числом людей как юридическая основа в борьбе за права человека.

С тех пор, опираясь на положения Заключительного акта, участники движения за права человека — как в СССР, так и в других странах Восточной Европы — активно выступают, требуя соблюдения подписанных в Хельсинки соглашений. В Польше правозащитники, по-видимому, с успехом отстаивают права рабочих, протестовавших против повышения цен на продукты питания. В ГДР со ссылкой на положения Заключительного акта прозвучал протест против лишения гражданства певца и поэта В. Бирмана. В Чехословакии на той же юридической основе борцы за права человека сформулировали чрезвычайно ценный документ — «Хартия-77»; причем, несмотря на репрессии, последовавшие за этим со стороны властей, число подписавших «Хартию-77» продолжает расти. В Румынии 8 человек выступили с заявлением о нарушении прав человека в их стране. С протестом против нарушения гражданских свобод, оговоренных в Заключительном акте совещания, выступил известный югославский писатель и общественный деятель М. Джилас. Число примеров, свидетельствующих о том, что общественность стран Восточной Европы все серьезнее относится к обязательствам, взятым на себя правительствами стран-участниц совещания, растет с каждым днем.

В СССР также продолжает расти активность отдельных лиц и групп населения, опирающихся в борьбе за гражданские нрава на Заключительный акт Хельсинкского совещания. Увеличивается поток писем от граждан СССР в различные советские органы, в общественные группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, а также письма в международные организации о положении заключенных, о психиатрических преследованиях, о нарушениях в вопросах свободы совести, свободы вероисповедания, свободы обмена информацией, о нарушениях права на эмиграцию.

Все больше и больше узников совести заявляют, что вопиющим нарушением Хельсинкских соглашений является прежде всего их осуждение, а также бесчеловечные, жестокие условия содержания в местах лишения свободы (в частности, наказания голо-

[1] «Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР» (док. 10). — *Сост.*

дом и холодом, принудительный труд, непреодолимые преграды в переписке, конфискация жалоб и заявлений и т.д. и т.п.). Приходят также письма и заявления от политических ссыльных и от бывших узников совести, подвергающихся грубой дискриминации в выборе места жительства, возможности передвижения, в выборе работы.

Резко возросла активность еврейского эмиграционного движения, усилились попытки добиться возрождения еврейской национальной культуры в СССР, ширится движение немцев, добивающихся права выехать в ФРГ.

Увеличилось также число людей, требующих осуществления своего права на эмиграцию по религиозным, социально-экономическим и другим причинам. Принципиально новым явлением можно считать попытки эмиграции не по индивидуальным вызовам, а большими группами (как, например, недавнее заявление о выезде от более чем 500 пятидесятников).

Группа содействия передала на суд мировой общественности и государств, подписавших Заключительный акт совещания в Хельсинки, ряд документов, информирующих о многочисленных фактах нарушений основных прав человека в СССР. События последних месяцев снова показали, что советское правительство крайне нетерпимо относится к любой информации, не контролируемой официальными советскими органами, о реальном положении в области прав человека.

2. Борьба властей против распространения нежелательной информации

С конца 1976 года советские власти начали новое наступление против тех, кто открыто занимается сбором сведений и информированием мировой общественности о нарушениях прав человека в СССР.

Прокуратура СССР сделала официальное предупреждение лауреату Нобелевской премии мира академику А.Д. Сахарову. Вскоре последовал арест органами государственной безопасности четырех членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений: арестованы А.И. Гинзбург, представитель общественного фонда помощи политзаключенным в СССР; Ю.Ф. Орлов, основатель и руководитель московской Группы, физик, член-корреспондент Армянской Академии наук; писатель М. Руденко, руководитель украинской Группы содействия; педагог О. Тихий, член той же Группы. До и после арестов были проведены обыски у ряда членов Групп, причем в некоторых случаях подбрасывали криминальные предметы и «обнаруживали» их в квартирах обыскиваемых.

Аресты и обыски проходят под аккомпанемент беспардонной кампании диффамации борцов за права человека в СССР, в частности в газетах «Правда», «Литературная газета», «Голос Родины», в сообщениях ТАСС для Запада, а также в специальных лекциях и беседах.

Нет сомнения, что клевета, распространяемая средствами массовой информации, преследует одну цель — подготовить общественное мнение внутри страны к политическим процессам против правозащитников в Советском Союзе. Всем им, судя по пропагандистским статьям, будут предъявлены обвинения в клевете на СССР или в банальных уголовных преступлениях, вроде незаконных валютных операций и хранения оружия (принесенных на обыск самими сотрудниками КГБ). Реальная же причина ареста четырех членов групп содействия и угроз другим правозащитникам в СССР, например, предупреждения, сделанного председателю советского отделения «Международной Амнистии» В.Ф. Турчину, — это стремление властей запугать всех борцов за гражданские права внутри страны и прервать нарастающий с каждым днем поток информации о нарушениях соглашении, подписанных в Хельсинки.

По-видимому, давление со стороны советских властей и репрессии против правозащитников будут возрастать. Но необходимо иметь в виду и иной аспект нынешней кампании репрессий в СССР: советское правительство намерено отчетливо продемон-

стрировать всему миру свое безразличие к тем голосам критики его действий, которые раздаются на Западе, показать твердость и отбить у представителей мировой общественности охоту откликаться на призывы о поддержке, раздающиеся в СССР. Однако подобные действия несовместимы с климатом доверия, к созданию которого, казалось бы, стремятся страны-участницы совещания в Хельсинки.

Мы убеждены, что есть только один курс, способный реально установить доверие к советскому правительству: *прекратить планомерное и безжалостное подавление гражданских свобод и элементарных прав человека в СССР.* Ничто другое — ни репрессии против членов групп, ни увертки на дипломатическом фронте, ни массированная кампания диффамации диссидентов — не поможет советским властям утаить правду о нарушениях Всеобщей декларации прав человека ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Заключительного акта Европейского совещания.

В современном мире нельзя рассчитывать, что факты бесконечного подавления элементарных свобод в СССР не станут достоянием мировой общественности.

3. Дальнейшая деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Со своей стороны, члены московской Группы, несмотря на репрессии, будут по-прежнему информировать мировую общественность о всех нарушениях международных обязательств о правах человека, взятых на себя правительством СССР. Плодотворность инициативы Ю.Ф. Орлова в создании московской Группы содействия подтверждена многими фактами, в частности, возникновением аналогичных групп на Украине, в Литве, в Грузии. В ответ на давление со стороны властей и арест двух ведущих ее сотрудников Группа объявляет о кооптации двух новых членов: кандидата физико-математических наук Ю.В. Мнюха; профессора, доктора физико-математических наук Н.Н. Меймана. Член Группы Л.М. Алексеева в связи с ее отъездом из СССР будет выполнять обязанности представителя Группы за границей. Таким образом, несмотря на репрессии последних месяцев. Группа продолжает работать.

Группа считает, что одной из причин репрессий против ее членов является страх советского руководства перед объединением, на основе третьего раздела Хельсинкского соглашения, людей внутри СССР и стран Восточной Европы, заинтересованных в соблюдении обязательств, взятых на себя в области прав человека правительствами этих стран.

Стремление расколоть наметившееся в Советском Союзе единство борцов за права человека сквозит во всех пропагандистских выступлениях средств массовой информации по данному вопросу. Страх перед усилившимся движением за права человека в СССР становится еще сильнее потому, что борьба за права человека начинает получать некоторую поддержку от ряда коммунистических партий Западной Европы. Правительство СССР пошло на очевидный риск — потерю доверия у единомышленников по идеологии и партнеров по Хельсинкскому совещанию, лишь бы сохранить за собой возможность преследовать советских граждан за любые попытки отстоять культурные и социальные ценности, неугодные властям.

В связи с опасностью, которая нависла сейчас над арестованными членами Групп, а также в связи с кампанией клеветы, проводимой органами массовой информации, Группа содействия предложила находящимся за рубежом Людмиле Алексеевой, Андрею Амальрику, Владимиру Буковскому, Льву Квачевскому, Леониду Плющу, Валерию Чалидзе разъяснить истинные цели и характер работы Группы во время личных встреч как с официальными представителями стран, подписавших Заключительный акт, так и с представителями западной общественности и политических партий.

Сейчас, когда выявились глубокие разногласия между руководителями стран Запада и Востока в вопросе о том, какими критериями руководствоваться при оценке

выполнения пунктов о правах человека (как это видно, например, из письма президента Картера академику Сахарову и заявления посла СССР в США Добрынина в связи с этим), обсуждение и установление таких критериев представителями независимого общественного мнения стран Запада и Востока было бы особенно важным и могло бы сыграть большую роль при подготовке и проведении совещания в Белграде.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
27 февраля 1977 г.
Публикуется по АС № 2903.

51

ЗАЯВЛЕНИЕ

Арестован Анатолий Шаранский, как и Гинзбург, методом бандитского нападения.

Без предъявления документов, дающих право на арест, восемь упитанных, натренированных «молодцов» набрасываются на человека, заведомо безоружного и не намеренного сопротивляться или бежать, вывертывают ему руки, вталкивают в машину и стремительно отъезжает. Тем самым демонстрируется, что «взят» опасный преступник, а близкие пусть поволнуются, раздумывая, что это — арест или похищение человека бандитами-террористами.

За что же арестован А.Шаранский?

Мы, его друзья по совместной работе в группе, твердо знаем, что никаких уголовных преступлений он не совершал. Следовательно, предъявят ему стандартное диссидентское обвинение — «антисоветская пропаганда» или «клеветнические измышления». В действительности же его арестовали, как и А.Гинзбурга и Ю.Орлова, М. Руденко и О.Тихого, за участие в работе группы, т.е. за то, что помогал выяснению правды о выполнении Советским Союзом Хельсинкских договоренностей.

Но почему арестовали его, а не кого-то из нас?

Шаранский прекрасно знает английский язык и может точно передать сущность заявлений группы людям, не владеющим русским языком или плохо знающим его. Лишить группу языка — вот истинная цель этого ареста.

Мы решительно протестуем против незаконных попыток задушить группу путем арестов членов группы. Мы призываем советскую и международную общественность поддержать наш протест.

Каждый гражданин страны, подписавшей Заключительный акт, вправе проверить, как выполняются постановления этого акта, и высказать свои суждения по этому поводу. Начав уголовное преследование членов группы, советское правительство пытается путем запугивания лишить этого права всех своих граждан.

Это — грубое нарушение добровольно принятых на себя международных обязательств, поэтому правительства и народы стран-участниц Хельсинкского совещания не только вправе, но и обязаны указать на эти нарушения и потребовать их прекращения.

Мы требуем освобождения Анатолия Щаранского и ранее арестованных Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколы Руденко, Олексы Тихого.

Елена Боннэр, Петр Григоренко, Мальва Ланда, Юрий Мнюх, Владимир Слепак
16 марта 1977 г.
Публикуется по АС № 2908.

52

Документ № 20

О НАРУШЕНИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЭМИГРАЦИЮ

– Каждый человек имеет право покидать любую страну,
включая свою собственную.
Пакт[1]*, ст. 12. 2*

Всю обозримую историю человечества свобода передвижения внутри и вне страны считалась основным признаком, отличающим свободного человека от Раба или Крепостного. Естественное право свободы передвижения укоренилось в сознании человечества и не ассоциируется с политикой или идеологией. Такая свобода является не просто одним из прав человека, но предпосылкой любых других прав, без которых они становятся иллюзорными.

* * *

В настоящее время имеется довольно большое количество граждан различной национальности, желающих покинуть СССР. Мотивы эмиграции: национальные (например, немецкая эмиграция[2]), религиозные, социальные (бесправное положение, преследования со стороны властей, например, дискриминация бывших политзаключенных), политические, экономические и т.д.; нередко их трудно дифференцировать, имеет место комплекс мотивов. Например, настойчиво ходатайствуют о разрешении выехать из страны сотни семей (тысяча человек) христиан-пятидесятников, баптистов и других вероисповеданий, не желающих, чтобы их религиозная жизнь подвергалась диктату и контролю государства; за приверженность своей вере они подвергаются различным преследованиям, социальной и экономической дискриминации. Примерно то же можно сказать о многих немцах, желающих сохранить свою национальность, свой язык и до сих пор подвергающихся дискриминации только за то, что они — немцы... А в недавнем прошлом — тяжким гонениям. Желание эмигрировать выразили многие тысячи немцев,

В ряде случаев ходатайства об эмиграции сопровождаются заявлениями об отказе от гражданства. Группе содействия известно о сотнях таких заявлений, в частности от лиц немецкой национальности, а также от настоящих и бывших политзаключенных. Такие заявления, как правило, вообще остаются без ответа (некоторые узники получили ответ, что вопрос будет рассматриваться по отбытии срока наказания).

Нередко ходатайство об эмиграции (а также заявление об отказе от советского гражданства) влечет за собой серию различных преследований: неприятности по службе, увольнение с работы; всевозможные угрозы, исходящие от формальных органов советской власти — районные, сельские и городские советы и т.д.,— от тех или иных инстанций КПСС, КГБ, МВД, прокуратуры...; бандитские налеты, избиения и другие чисто уголовные акции; аресты и осуждения по надуманным и сфальсифицированным обвинениям. Каждый, заявляющий о своем желании покинуть страну, добивающийся законными средствами реализации своего желания — подвергает себя риску...

Орган, непосредственно ведающий вопросами эмиграции — ОВИР, обычно отказывается даже принимать ходатайства о выезде при отсутствии вызова от родственников. Обычно требуется вызов от родственников из Израиля или, для лиц немецкой

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах. — *Сост.*

[2] См. документы № № 22, 122, 179 (док. 53, 157, 213) и в документе № 100 (док. 136). — *Сост.*

национальности, от родственников из ФРГ. Власти при этом присваивают себе право решать, устраивают их эти родственники или нет.

Так, например, отказываются принимать и рассматривать заявления от не имеющих приглашений (вызовов) из-за границы родственников лиц, желающих эмигрировать по религиозным мотивам. В феврале и марте 1977 г. в Верховный Совет СССР посланы заявления от 200 семей (вместе с детьми около 1000 человек) евангелистов-христиан-пятидесятников и баптистов, проживающих на Северном Кавказе, в Закавказье, на Украине, на Дальнем Востоке и в других районах Советского Союза (см. Заявление от Общества христиан веры евангельской пятидесятников и заявление старшего епископа христиан-пятидесятников Н. П. Горетого от 23 марта 1977 г. — приложения №№ 1 и 2).

В декабре 1976 г. в ОВИРе г. Риги даже бланки анкет, необходимых для оформления ходатайства о выезде из СССР на постоянное жительство в другую страну, отказались выдать В. П. Сулимову. Сулимов заявил, что он желает выехать в США. Сулимов приехал в Москву, чтобы обратиться в посольство США; однако до посольства он не добрался, так как был схвачен сотрудниками КГБ; последние передали его в милицию, где он был подвергнут обыску и затем — выдворен из Москвы (в Ригу).

Не принимают и отказываются рассматривать ходатайства об эмиграции семьи Андреевых (г. Ленинград), настаивающих на своем праве выехать из страны без вызова. Андреевы ссылаются на Пакт о гражданских и политических правах. Они требуют также отмены 500 рублей — огромной государственной пошлины за отказ от советского гражданства. Этот налог, или правильнее сказать выкуп, также противоречит Пакту о гражданских правах, В поддержку своих требований Н. Н. Андреева и ее муж Ю.Д. Андреев держали в январе — феврале 1977 г. длительную голодовку (около 40 суток).

В январе 1977 г. в Президиум Верховного Совета СССР направили заявления об эмиграции москвичи — В. Г. Баранов и его жена Г. Е. Баранова:

«Прошу рассмотреть вопрос о моем выезде из пределов Советского Союза по политическим и нравственным мотивам.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе... Международный Пакт о гражданских и политических правах — эти документы дают мне право выбора страны проживания.

По личным соображениям я считаю нужным это право реализовать.

Если для решения поставленного вопроса Верховный Совет сочтет нужным лишить меня и мою семью советского гражданства, я выражаю свое согласие...».

Примерно аналогичное заявление направили в ОВИР г. Ленинграда скульптор Полетаева Нэлли Павловна, 1946 г.р., и художница Слутковская Ольга Сергеевна, 1953 г.р.

Не получают разрешения покинуть страну многие граждане даже при наличии у них вызова (приглашения приехать на постоянное жительство) от родственников из-за границы.

Так, например, с 1974 г. добивается разрешения бывший политзаключенный, украинец Евгений Грицяк. (Заявление Е. Грицяка от 18 февраля 1977 г. в приложении № 3.)

Александр Малахазян (г. Ереван) в заявлении от 1 сентября 1976 г., адресованном в Комиссию ООН по правам человека, сообщает, что желание эмигрировать из страны он заявил еще в 1972 г., однако до 1974 г. власти отказывались официально принимать его заявление; в июне 1974 г. он отправил в Президиум Верховного Совета СССР заявление о выходе из гражданства СССР и государственную пошлину за выход из советского гражданства (500 рублей); в августе 1975 г. пришел ответ: Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о выходе из гражданства СССР (!). «С тех пор,— пишет А. Малахазян,— власти противозаконно отказываются выдать раз-

решение на эмиграцию... власти принялись воздействовать на меня и моих родных репрессиями и запугиванием: три раза меня изолировали в психиатрических заведениях... систематически вызывали моего отца в КГБ в связи с моими письмами, которые попадали к ним в руки из редакций газет и из ЦК КПСС...».

Власти в ряде случаев препятствуют даже выезду с целью воссоединения семьи.

Так, с 1974 г. не может уехать к мужу москвичка Ирина Макклеллан (Заявление Макклеллан от 31 декабря 1976 г. — см. приложение 4).

Мария Павловна Котович, 1938 г.р., не может уехать к своим престарелым родителям в Канаду. В заявлении в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР она сообщает, что ее отец во время войны был угнан на работу в Германию, по окончании войны уехал в Канаду; мать, получив приглашение и разрешение, уехала из СССР в 1967 г. и живет сейчас вместе с отцом в Канаде. Отец Марии Котович, начиная с 1969 г., присылает ей вызовы-приглашения на постоянное жительство. «Я все это сдала в местный паспортный стол и все время получаю отказы. Ничего не объясняют, только говорят — Вам отказали. 5 марта 1976 г. сдала приглашение и снова отказали. Я уже сдала 5 приглашений... Я работаю портнихой, муж — кочегаром в пекарне...» — Мария Котович, село Лешнев Бродовского района Львовской области.

Препятствия, чинимые эмиграции, иллюстрируются также случаем с семьей Метке (Латвия). Власти дали разрешение на выезд в ФРГ, к сестре. Затем нашелся предлог, на основании которого разрешение отменили: об аннулировании разрешения Метке было сообщено в последний момент; семья оказалась на улице, без жилья, без средств к существованию. (см. Заявление Метке от 30 марта 1977 г. в Приложении № 5)

Обстоятельства, связанные с немецкой эмиграцией, рассматриваются в документе № 22.

* * *

Статья VII раздела 1 Заключительного акта об «Уважении прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений» содержит, в частности, ясное и недвусмысленное обязательство всех стран, ратифицировавших Международные Пакты о правах человека, неукоснительно выполнять их так, как эти права сформулированы в этих Пактах.

Советский Союз ратифицировал Пакт о гражданских и политических правах, статья 12.2 — приведена в качестве эпиграфа к настоящему документу. Любое нарушение этой статьи является также и нарушением Заключительного акта Хельсинкского Совещания.

Мальва Ланда, Елена Боннэр, Наум Мейман, Владимир Слепак
Март — Апрель 1977 г.

Приложение 1

Комитету по правам человека при ООН
от общества христиан веры евангельской пятидесятников,
желающих эмигрировать из СССР

Поскольку советское правительство через органы КГБ угрожает судом за наше желание эмигрировать из СССР, а эмигрируем мы по причинам долголетних преследований за веру, то мы обращаемся к Комитету по правам человека при ООН и просим:

1. защитить нас от произвола советских властей, нарушающих Устав ООН и все нормы международного права, и

2. так как мы желаем выехать обществом, а не раздельно, о чем мы и упоминаем в своих просьбах к советскому правительству, то просим правовой комитет оказать нам содействие для именно коллективного выезда, так как именно такое наше желание, чтобы выезд всего нашего общества рассматривался как выезд одной семьи. Впервые списки были поданы нами в Верховный Совет 21 февраля 1977 года в количестве 520 человек, а вторые списки были посланы в Верховный Совет СССР 21 марта 1977 года в количестве 484 человек;

3. но поскольку советское правительство выдумало свои законы, которые беззаконно игнорируют статьи 13 из Всеобщей декларации прав человека и 12 из Пакта о гражданских и политических правах, а значит и самое Хельсинкское соглашение, которое целиком и полностью опирается на Всеобщую декларацию и на Пакт, разрешая выезд из страны только тем лицам, у кого есть ближайшие родственники за рубежом, чем и упраздняют указанные статьи. Мы просим Комитет по правам человека разобраться в нарушении советским правительством указанных статей и заставить их подчиниться ими же подписанным международным законам. Дело в том, что родственники у нас за границей не у многих, да и то не ближайшие, а мы хотим пользоваться правом выезда из страны наравне со всеми гражданами мира. Упомянутые же ограничения, созданные властями СССР для выездов из страны, фактически закрепощают всех остальных людей в СССР, словно бы не государство для человека, а человек для государства. Но Всеобщая декларация прав человека и Пакты о правах осуждают содержание людей в рабстве или в подневольном состоянии (ст. 4), и мы думаем, что если это запрещено всем членам ООН, то и советскому правительству тоже. Далее:

4. так как советское правительство через органы КГБ тормозит наш выезд еще и потому, что нет у нас вызовов, то мы просим Комитет по правам человека вывести наше общество из этого затруднения. Пусть пригласят нас зарубежные общества, организации, синдикаты, союзы США, Канады, Австралии, Аргентины, Англии, Италии, ФРГ, Испании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Греции, Португалии, Франции, Израиля, Филиппин, Японии, Индии, Индонезии и все другие некоммунистические страны, даже целиком мусульманские, как Турция, Египет, Саудовская Аравия. Заявляем, что мы мирные люди и добросовестные труженики, согласные трудиться даже не по специальности, а на любой самой грубой работе, и от нас везде будет только польза. Много выстрадавшие, мы постараемся отблагодарить любую страну, любое государство, согласившееся оказать нам содействие и помощь. Но так как кроме приглашения нужны и средства для переезда, то мы просим все правовые международные организации и инстанции, общества, синдикаты и союзы, Международный Красный Крест и Всемирный Совет Церквей: позаимствуйте нам средства и мы возвратим Вам с любыми процентами, когда выедем и станем работать на новых местах жительства. Помогите же нам, и Бог поможет Вам, удвоив и утроив свои благословения.

От имени всей тысячи человек заявление подписали:

епископ — *Горетой Николай П.*

дьякон — *Боборыкин Николай Г.*

дьякон — *Бабиченко Станислав Т.*

регент — *Бибиков Владимир Д.*

член церкви — *Горетой Енох Н.*

член церкви — *Сиденко Федор А.*

К данному заявлению прилагаются списки всех верующих, желающих эмигрировать[1].

[2] Не публикуются. — *Сост.*

Приложение 2

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ
от старшего епископа христиан-пятидесятников Н. П. Горетого

21 февраля 1977 г., мы, христиане-пятидесятники, совместно с присоединившимися к нам христианами-баптистами, всего 525 человек, подали наши заявления в Президиум Верховного Совета СССР на имя председателя Подгорного. В настоящее время некоторых из нас вызывают на допросы вместо положительного ответа на законную просьбу о выезде из СССР. Запугивают отнятием детей и преданием суду за якобы клевету на советскую действительность, а также применением других мер репрессий в случае, если мы не откажемся от выезда.

21 марта сего же года *еще одна большая группа* пятидесятников Дальнего Востока, г. Находка, всего 484 человека, следуя примеру своих братьев, отослала в Президиум Верховного Совета СССР аналогичное заявление о выезде из советского государства. От имени пятидесятников и баптистов, желающих эмигрировать из СССР, заявляю, что мы свободные люди, а не пленники и рабы. Мы обращаемся к президенту Картеру как к брату во Христе помочь верующим воспользоваться правом выезда на основании подписанных и советскими властями Пактов и Всеобщей декларации прав человека. С такой же просьбой мы обращаемся и ко всем международным инстанциям по правам человека, а также к Комиссии по правам человека в ООН.

Мы покидаем страну, в которой все права и свободы лишь на бумаге. Мы не хотим, чтобы дети наши страдали так же, как страдали, а во многих случаях и гибли, их матери и отцы.

Старший епископ христиан-пятидесятников *Николай Горетой*
23 марта 1977 г.

Приложение 3

Комитету содействия выполнению Хельсинкского соглашения[1]

Я, бывший политзаключенный, Евгений Грицяк, украинец, прошу обратить Ваше внимание на такой случаи нарушения Хельсинкского соглашения.

В конце 1973 года я получил вызов на выезд в Израиль. В 1974 г. подал заявление. В 1975 г. получил отказ.

В середине мая 1976 года в беседе с начальником Снятынского райотдела КГБ капитаном Велебоенко[2] подтвердил свое намерение выехать из СССР. Примерно через полмесяца после моей беседы с Велебоенко в газете «Прикарпатская правда» появилась статья, порочащая мои взаимоотношения с Авраамом Шифриным[LXIII], благодаря которому я получил вызов. Потом, с 1 января 1977 года, я был лишен работы, а с 10 февраля 1977 года на собрании парткома колхоза «1 Мая» Снятынского района была распространена новая, порочащая меня и Шифрина версия.

Выступивший на этом собрании секретарь парткома В. Малэйкий заявил присутствующим, что моя дружба с Шифриным основана на якобы совершенном нами убийстве одного из конвоиров, которые сопровождали нас на работу во время нашего совместного пребывания в заключении.

---

[1] Так в тексте. Имеется в виду МХГ. — *Сост.*
[2] В АС №2938 — Белебоенко. — *Сост.*

Это нелепое заявление секретаря парткома настораживает меня, и я воспринимаю его как подготовку общественного мнения к моему аресту.

Е. Грицяк
18 февраля 1977 г.

О себе сообщаю следующее: 1926 г.р., во время немецкой оккупации, когда мне было 16–17 лет, участвовал в Украинской молодежной националистической организации[1]. После ухода немцев я был мобилизован в Советскую Армию. Участвовал в боях в составе 4-го Украинского фронта. Был ранен и награжден. В 1949 г. все еще продолжал службу в армии. 30 сентября 1949 г. был арестован армейской контрразведкой за участие в вышеупомянутой организации и осужден к 25 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества и последующим поражением в правах на 5 лет. Приговор был вынесен взамен смертной казни.

27 августа 1956 г. комиссия Президиума Верховного Совета СССР рассмотрела мое дело, снизила срок наказания до фактически отбытого со снятием судимости. Я был освобожден. 28 января 1959 г. был арестован вследствие возобновления действия моего прежнего приговора Президиумом Верховного Совета СССР[LXIV]. В 1964 г. мое дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. В результате этого пересмотра мне был снижен срок до 10 лет, и я опять был освобожден со снятием судимости.

Заключение отбывал в следующих местах: Караганда, Норильск, Владимир, Тайшет, Иркутск, Инта и Сосновка Мордовской АССР.

В 1953 г. был одним из инициаторов и руководителей забастовки заключенных города Норильска[LXV].

Женат. Жена — преподаватель украинского языка в средней школе, а 10-летняя дочь учится в 4-м классе.

Мой адрес: 285310, село Устье, Снятынского района, Ивано-Франковской области.

Приложение 4

Президенту Соединенных Штатов Америки
г-ну Дж. Картеру

от Ирины Макклеллан
Москва, ул. Чернышевского, 7, кв. 150. Тел. 227-35-09

Копия: В Американскую Комиссию по контролю
над выполнением Хельсинкских соглашений[2]
Копия: В Советскую Комиссию по контролю
над выполнением Хельсинкских соглашений[3]

Уважаемый господин Президент!

Разрешите поздравить Вас со вступлением на этот высокий пост[4], одновременно поздравляю Вас с Новым Годом, желаю больших успехов в работе, здоровья и счастья.

---

[1] Имеется в виду молодежная секция ОУН. — *Сост.*

[2] Имеется в виду Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе. — *Сост.*

[3] Здесь и в Приложении 5 имеется в виду МХГ. — *Сост.*

[4] К моменту написания письма Картер, избранный Президентом США, еще не вступил в эту должность. — *Сост.*

В мае 1974 года я вышла замуж за американского гражданина, профессора русской истории Вудфорда Макклеллана. В том же месяце я подала заявление на визу для выезда в США, и вот уже почти три года получаю отказы. В течение первого года меня обвиняли в знании секретов, которых я не знаю. Последние полтора года власти в лице ОВИР вообще отказывались давать какие-либо объяснения. И вот 29 декабря 1976 года тов. Обидин (начальник Всесоюзного ОВИРа) заявил мне, чтобы в течение 1977 года я не ходила в ОВИР и не приносила заявлений на пересмотр, так как на весь следующий год принято отрицательное решение. В отношении 1978 года ничего определенного сказано не было.

Наш брак зарегистрирован в Центральном московском ЗАГСе в соответствии, казалось бы, с советскими законами. Что происходит теперь, мне совершенно непонятно. Более того, все мои письма (около 30) на имя т.т. Брежнева, Подгорного, Щелокова[1] остались без ответа. И лишь в редких случаях мне сообщали по телефону, что эти письма переданы ОВИРу, и, кроме этой организации, никто не будет решать вопрос о моем выезде.

Мое обращение к Вам вызвано крайней безнадежностью положения. Мы не виделись с мужем уже два с половиной года. Ему постоянно отказывают в визе на въезд в СССР. Здесь, когда я работала в школе учителем английского языка, а моя дочь училась в этой же школе, мы подвергались всяческим репрессиям со стороны дирекции и учителей школы. Теперь, когда моя дочь больна язвой, советские власти не отдают лекарство, которое муж выслал из США. Мы живем в коммунальной квартире, и соседи совершенно определенно выполняют работу по слежке за нами, возложенную на них органами КГБ, терроризируют нас, оскорбляют по поводу брака с американцем. Время от времени я подвергаюсь преследованиям на улицах города. Жизнь моя совершенно ненормальна.

Я прошу Вас обратить внимание на мой случай как яркое подтверждение злостного, чудовищного нарушения советскими властями Хельсинкских соглашений, Декларации прав человека, Конституции.

Прошу Вас помочь в воссоединении моей семьи, дать людям право на нормальную жизнь.

С уважением,

И. Макклеллан

31 декабря 1976 г.

Приложение 5

В Советскую Комиссию по контролю
над выполнением Хельсинкских соглашений
от гр. Метке Павла Павловича,
ранее проживавшего в г. Лимбажи Латвийской ССР

Состав всей семьи:

1. Я, Метке Павел Павлович, род. 29.11.1936 г.
2. Жена, Метке Надежда Ивановна, род. 10.10.1937 г.
3. Сын, Метке Павел Павлович, род. 16.9.1966 г.
4. Сын, Метке Виктор Павлович, род. 10.7.1969 г.
5. Дочь, Метке Ольга Павловна, род. 12.7.1974 г.
6. Мать, Метке Ида Вениаминовна, род. 15.7.1906 г.

[1] Н. А. Щелоков (1910-1983), министр внутренних дел СССР (1966-1982). — *Сост.*

Моя национальность — немец. Мои родственники в большинстве проживают за границей: в ФРГ, Канаде, Бразилии. До и во время войны проживали в Житомирской области, Емильченском районе. В 1943 году был вывезен в Германию, где 24 февраля 1944 года в г. Лицманштадт[1], область Ширац, принял германское гражданство. Я по профессии художник-оформитель. Специального образования не имею (художник-практик), моя жена также профессионального образования не имеет.

Получив 12 сентября 1976 г. вызов из ФРГ от Паулины Конрад как от сестры, мы воспользовались им и 26 октября 1976 года со всеми сопутствующими документами сдали в паспортный стол по месту жительства в г. Лимбажи.

Поскольку мать жены была против выезда ее дочери, моей жены, и взять у нее согласие на выезд не представлялось возможным, мы решили указать ее в анкетах как умершую, а также не указывать ее сестры. 10 января 1977 г. мне объявили, что нам разрешен выезд в ФРГ. Кроме устного пояснения мне дали справку для сдачи военного билета в военкомат, который я сдал 11 января 1977 г. Того же числа мы с женой уволились с работы и сдали свои трудовые книжки по месту работы. 25 января 1977 г. продали свой дом, были проданы также все домашние вещи, вся мебель, вся кухонная утварь. 26 января 1977 г. были уплачены деньги в Госбанк за три паспорта, 813 рублей. Дети не стали посещать школу. 29 января 1977 г. выписались в паспортном столе г. Лимбажи. 30 января 1977 г. я с семьей оставил свой дом и отбыл к матери жены в Джамбульскую область, с. Мерке, проститься с ней и с родственниками. Все наши лишние деньги мы подарили родственникам жены, матери и сестре жены, всего 3500 рублей, оставив себе средства лишь на выезд.

8 февраля 1977 г. мы вернулись в г. Ригу и сразу же пришли в ОВИР. Из состоявшейся беседы с представителями МВД нам стало ясно, что мать жены и ее сестра выразили протест в отношении нашего выезда еще задолго до того, как нами был продан дом и как нам выписаться, хотя об этой своей акции не обмолвились ни словом, когда мы были у них.

Сотрудники МВД нам заявили в беседе, что якобы искали нас еще 17 января 1977 г., чтобы пригласить в ОВИР для объяснения, но как можно «искать» того, кто весь на виду?

Мы не покидали свой дом до 30 января 1977 г. Ясно в таком случае, что вопрос о нашем выезде был уже предрешен, хотя мы пребывали в полном неведении о грозящем нам крахе и спокойно занимались распродажей своего имущества и дома. Мы делаем из этого вывод, что отказ в выезде был затянут нам преднамеренно[2]. Когда 21 марта 1977 г. на приеме у зам. министра Латвийской ССР я спросил, почему нам заранее не объявили отказ, когда еще не были проданы дом и имущество, он ответил: «Не пытайтесь нас обвинять, мы сами знаем, когда Вам объявлять, и не вам указывать нам».

Причиной отказа послужило то, что: первое — разоблачено, что Паулина Конрад не является моей родной сестрой, и второе, что мать жены указали в анкетах как умершую.

Несмотря на это, я и моя семья имели право на основании подписанных соглашений свободно выехать в другую страну, не прибегая к ненужным осложнениям, которые ведут за собой пагубные последствия, в которых мы оказались. Документ, подтверждающий, что нами во время войны принято германское подданство, найден нашими родственниками в Германии.

Теперь я, моя жена, мои трое малых детей, двое из которых не посещают школу, и моя семидесятилетняя мать, которая не получает ни рубля пенсии, остались совер-

---

[1] Ныне Лодзь (Польша). — *Сост.*

[2] Так в тексте. — *Сост.*

шенно разоренными, не имеем ни крова над головой, ни прописки, ни работы, ни средств к существованию. Те деньги, которые были оставлены на выезд, на исходе, и мы вынуждены обращаться за материальной помощью в посольство ФРГ.

Мы обращались к руководству МВД Латвийской ССР 21 марта о пересмотре дела о нашем выезде и дважды получили отказ. Для нас обратного пути нет, и мы полны решимости добиваться выезда в ФРГ, просим Вашего содействия.

Метке

30 марта 1977 г.

Приложение 6

Московской группе содействия
выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

от Скляренко Владимира Михайловича,
откольника-баптиста, поддерживающего Совет Церквей ЕХБ[LXVI]*,*
проживающего по адресу:
СССР, Краснодарский край, г. Майкоп,
пос. Краснооктябрьский, ул. Ленина, 13

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу сообщить Белградской конференции, что сегодня у меня в Москве отобрали документы, которые я вез вашей Группе, чтобы вы передали их на Белградскую конференцию. Но квитанции и уведомления наших писем, в которых мы посылали наши заявления в МВД СССР, МИД СССР, в Президиум Верховного Совета СССР и наших писем за границу нашим братьям во Христе, они оставили у меня, из которых можно понять, как мы добиваемся выезда за границу, поэтому, если вы их переправите на Белградскую конференцию, они откроют многим глаза на то, как в Советском Союзе выполняют Всеобщую декларацию прав человека и положения Заключительного акта Хельсинкского соглашения. Мы отказались всей нашей семьей от гражданства СССР 29 января 1974 г. Второй раз сдали все наши паспорта в Президиум Верховного Совета СССР 9 марта 1975 г., что подтверждается почтовой квитанцией московского главпочтамта № 51-а и уведомлением № 51-а, и описью ценного письма от 9 марта 1975 г. После долгих наших хлопот наконец-то 16 декабря 1976 г. в ОВИРе г. Майкопа нам сказали, что УВД и МВД — не возражают против нашего выезда за границу и согласны нас отпустить, если у нас будет приглашение из-за рубежа от близких или знакомых. 23 февраля 1977 г. мы получили письмо из Канады от брата Михаила Лапка, который пообещал прислать нам вызов. Но 28 февраля 1977 г. «брат» Каляндра, пресвитер г. Ставрополя, имел со мной беседу, в которой он добивался от меня слова, чтобы я больше не писал писем за границу. Они вызов обещали прислать к 25 марта 1977 г., но, поскольку его до сих пор нет и по другим причинам, мы поняли, что власти нам не отдали их вызова. Поэтому, собрав все наши заявления, я привез их сегодня, т.е. 12 апреля 1977 г., в Москву, но при выходе из поезда меня задержали, потом в каком-то отделении милиции, кажется, в № 46, некоторые лица в штатском забрали у меня все документы, поэтому еще раз прошу вас оставшиеся квитанции переправьте на Белградскую конференцию и походатайствуйте перед представителями конференции, чтобы они помогли выехать нам за границу.

Скляренко

12 апреля 1977 г.

53

Документ № 22[1]

К ПРОБЛЕМЕ ЭМИГРАЦИИ НЕМЦЕВ ИЗ СССР В ФРГ

Многие проживающие в СССР немцы хотят уехать в ФРГ. Власти, грубо нарушая гарантированные советскими законами права, а также права, декларированные в ратифицированных Советским Союзом Пактах,— препятствуют эмиграции. Выехать удается далеко не всем желающим, и тысячи людей годами не могут добиться разрешения на выезд. Участники эмиграционного движения подвергаются различным административным и судебным преследованиям.

По имеющимся сведениям, в настоящее время только в ОВИРе Киргизской ССР лежит около 10 тысяч неудовлетворенных заявлений-просьб о разрешении выехать из СССР в ФРГ. (К этим заявлениям приложены требуемые ОВИРом документы, в том числе вызовы от родственников из ФРГ.) Бывают случаи, когда в ОВИРе даже отказываются принимать такие заявления. Мотивировки отказов в разрешении на выезд — если они вообще даются — абсурдны: одному отказывают потому, что приславший вызов родственник является недостаточно близким; у другого родственник близкий, но другие его родственники, близкие или дальние, остаются в СССР и т.д. и т.п.

В мае-июне 1976 года несколько сотен немцев, проживающих на территории Киргизии и Казахстана и уже давно безрезультатно ходатайствующих о разрешении выехать из СССР,— совершили решительную и рискованную в условиях нашей страны акцию: отказались от советского гражданства и сдали свои паспорта (!), одновременно оплатили государственную пошлину за отказ от советского гражданства (500 рублей за каждого человека старше 16 лет). Заявления об отказе от гражданства и последующем выезде из СССР на постоянное место жительства в ФРГ, а также документы об оплате государственной пошлины и о сдаче паспортов (в МВД) направлены в Президиум Верховного Совета республики.

Осуществляя эту акцию, немцы опирались на советские законы, в частности, на Постановление Совета Министров СССР (от 2 сентября 1970 г., вступившее в силу 1 января 1971 г.):

Любому лицу, не связанному с государственной и военной тайной, секретной документацией и оборонной промышленностью, гарантируется выход из гражданства с последующим выездом за пределы СССР.

Вот как описывается реакция властей на эту акцию.

...Мы все отдали свои паспорта в МВД, но нам все-таки не разрешают покинуть пределы СССР. Положение наше после сдачи паспортов еще более осложнилось... пенсионерам не выплачивают пенсию, всех привлекают к административному взысканию — денежный штраф (через горсоветы, сельсоветы) ... Кроме этого официальные представители органов власти заявляют, что против каждого сдавшего паспорт будет возбуждено уголовное дело. ...В Алма-Атинской области гражданам, сдавшим паспорта, не выплачивают зарплату, создают невыносимые моральные условия...

Притащены на «беседы» к председателю г. Иссык — в присутствии начальника КГБ и его заместителя, зам. прокурора Энбекшиказахского района и других — Артур Клинк, 1905 года рождения, Виктор Клинк (сын А. Клинка). Их оскорбляли, угрожали, настаивая, чтобы они взяли назад свои паспорта. После бесплодных бесед Клинк А. и Клинк

[1] Документ № 21 не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. — *Сост.*

В. были осуждены в мае 1976 г. на 15 суток (заключения) — за то, что они якобы высказали недовольство по поводу советских эмиграционных законов. За это же получил 15 суток (заключения) Веймар Яков...

Процитирован фрагмент «Обращения», написанного в конце 1976 года; под «Обращением» более 300 подписей.

В «Обращении» рассказывается о гонениях и преследованиях, которым подвергались в течение последних десятилетий и подвергаются сейчас немцы в СССР. Сообщается, в частности, что в августе 1976 активисты немецкого эмиграционного движения Виктор Клинк и Артур Клинк снова были арестованы: Виктор, инвалид 2-й группы, осужден на 6 месяцев лишения свободы в лагере строгого режима; Артур, 69 лет,— на 3 месяца лишения свободы. (Ранее, в 1973 г., Виктор Клинк был осужден на 2 года лишения свободы по статье 170.1 УК Казахской ССР — «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».)

В сентябре 1976 г. (3-5 сентября) в г. Алма-Ата Казахской ССР состоялся суд над активистами немецкого эмиграционного движения Лилей Фурман и Генрихом Реймером. Инкриминировались заявления-обращения в Комитет защиты прав человека при ООН и к правительству ФРГ с просьбой оказать содействие в выезде из СССР. (В этих заявлениях, перехваченных КГБ, есть слова, что в СССР к немцам относятся как к гражданам второго сорта и т.п. На основании этих заявлений было возбуждено уголовное дело по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».)

Председательствующий на суде, издеваясь над десятками находившихся в зале суда немцев, говорил: «Езжайте, кто вас держит»...

В этот же день начальник ОВИРа г. Алма-Ата полковник Шарапов на глазах у посетителей рвал заявления (об эмиграции) на 4 части и складывал их на край стола...

Из названного выше «Обращения»

В заключительной части «Обращения» говорится:

Все эти суды преследуют конкретную цель — не дать возможности желающим гражданам немецкой национальности выехать в ФРГ... Мы убеждены, что только Ваше вмешательство... мы еще раз просим Вас направлять адвокатов для защиты наших товарищей и нас, так как мы не уверены, что нас не постигнет та же участь... мы обращаемся к Вам с просьбой поставить вопрос перед ООН, а также перед государствами, подписавшими Заключительный акт Хельсинкского Совещания...

* * *

Отдельные лица, из тех, кто долго и безуспешно пытается реализовать — законными путями! — свое право на эмиграцию, добираются иногда до Москвы, во Всесоюзный ОВИР (при МВД СССР), в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС. Здесь они также не получают ни доброжелательного приема, ни, тем более, положительного решения своего вопроса.

Попытки обратиться за участием и помощью в посольство ФРГ в Москве оканчиваются неудачей...

Так, например, долго и безуспешно добиваются разрешения на выезд проживающие в Киргизской ССР Елизавета Гейдебрехт, 1946 года рождения, Роман Церр, 1942 года рождения, Федор Михель, 1932 года рождения, Петр Гирш, 1929 года рождения, Г. Изаак, 1942 года рождения. В феврале 1977 года после очередных безрезультатных ходатайств в высокие советско-партийные органы они обратились с заявлениями также в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Аналогичные заявления в Группу содействия поступили в феврале 1977 г. от прожива-

ющих в Литве и много лет ходатайствующих о выезде в ФРГ Сучкова Вальдемара Косто, 1932 года рождения, и Гасюнене Сина С. Адольфо, 1941 года рождения. (К настоящему документу прилагаются эти заявления или краткое их переложение.)

* * *

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание на то, что описанное в настоящем документе положение с эмиграцией — препятствия, чинимые лицам, ходатайствующим о выезде из СССР в ФРГ, а также запугивание, административные и судебные преследования этих лиц — является явным и недопустимым нарушением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, а также нарушением ратифицированного Советским Союзом (и вступившего в полную юридическую силу на территории СССР с марта 1976 года) Пакта о гражданских и политических правах. Одновременно нарушаются и формально существующие в СССР законы об эмиграции.

Группа содействия считает желательным создание независимой компетентной международной комиссии для проверки заявленных нарушений, а также рассмотрение этого вопроса на встрече в Белграде, посвященной выполнению странами — участницами Хельсинкских соглашений взятых на себя обязательств.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Мальва Ланда, Юрий Мнюх, Петр Григоренко, Елена Боннэр, Владимир Слепак
26 марта 1977 г.

Приложения[1]
1. «Обращение», подписанное более 300 немцами Киргизии и Казахстана, конец 1976 г. (фрагменты).
2. Краткое переложение адресованных в Группу содействия заявлений В. Сучкова и С. Гасюнене; заявление Э. Путинса.
3. Копии заявлений (в Группу содействия) от семей Церр, Михель, Гирш, Изаак, Гейдебрехт.
4. Список лиц, сдавших свои паспорта. (Недавно стало известно, что арестовано несколько немцев, сдавших свои паспорта: Абрам Шульц, Яков Петерс, Иван Тойрер…)

54

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ К СОВЕЩАНИЮ В БЕЛГРАДЕ[2]

Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР была создана в мае 1976 г. по инициативе и под руководством профессора Юрия Орлова. В заявлении об образовании Группы говорилось: «Группа поставила своей целью содействовать соблюдению гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе… Своей первоочередной целью Группа

[1] Приложения здесь не приводятся, см. Архив НИПЦ «Мемориал», ф.166, оп.1, д.3, л.248-261. — *Ред.*
[2] Об итогах Белградского совещания см. документ № 39 (док. 74). — *Сост.*

содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный акт 1 июля 1975 г., а также информирование общественности о случаях прямых нарушений указанных статей… Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном акте пунктом «Дальнейшие шаги после Совещания».

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовать собственные национальные Группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинкских соглашений правительствами своих стран».

За время своего существования Группа содействия выпустила 22 документа и более 40 отдельных сообщений, в числе которых — оценка итогов первого года существования Хельсинкского соглашения («Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» — 22 июля 1976 г.). Все эти материалы были переданы корреспондентам западных информационных агентств и посланы правительствам ряда стран-участниц Хельсинкского соглашения. Мы надеемся, что материалы Группы содействия будут изучены и обсуждены на Белградском совещании. Настоящий документ не является систематическим обзором материалов Группы содействия; он представляет собой опирающуюся на материалы Группы оценку результатов двухлетнего существования Хельсинкского соглашения и его дальнейших перспектив.

Нашей целью было ответить на следующие три вопроса:

Выполняет ли СССР гуманитарные статьи Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе? Каково влияние Хельсинкского соглашения на проблему прав человека в СССР и странах Восточной Европы? Каковы перспективы Белградского совещания?

I. Выполняет ли советское правительство обязательства по правам человека, предусмотренные Заключительным актом?

В разделе Заключительного акта, озаглавленном «Вопросы, относящиеся к безопасности в Европе», в его части «1-а. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» мы находим подраздел VII, в котором государства-участники обязуются уважать права человека и основные свободы. В этом разделе, в частности, говорится:

«Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между ними, как и между всеми государствами».

Тем самым уважение основных прав человека включено в число основных обязательств, принимаемых государствами-участниками с целью обеспечения сотрудничества и безопасности в Европе. Последний абзац подраздела 1а — VII не оставляет сомнений в том, что права человека и основные свободы в Заключительном акте понимаются в том объеме, в котором они зафиксированы в общеизвестных основополагающих документах: Всеобщей декларации прав человека ООН и Международных пактах о правах человека.

В разделе «Сотрудничество в гуманитарных и других областях» Заключительный акт содержит ряд обязательств, связанных с контактами между людьми и обменом информацией, которые также имеют отношение к правам человека и которые при добросовестном их выполнении необходимо включают в себя соблюдение прав человека.

Общеизвестно, что в момент подписания Заключительного акта 1-го августа 1975 г. нарушение основных прав человека в СССР было не отдельными случаями, выпадающими из нормы, а именно нормой, закрепленной в неписанной традиции и писанных государственных установлениях. Достаточно указать на три наиболее ярких факта:

1. *В Советском Союзе нет свободы выезда из страны.* Даже для туристической поездки за границу человек должен предоставить характеристику с места работы, которые выдаются под строгим контролем партийно-государственных органов и далеко не всегда. Граждане СССР являются пленниками своего правительства.

2. В Советском Союзе нет свободы выбора местожительства (система «прописки»).

3. В Советском Союзе нет свободы обмена информацией, в частности, свободы печати. Это видно хотя бы из того, что в стране нет и не может быть ни одного печатного издания, независимого от партийно-государственных органов.

Разумеется, было бы наивно ожидать и нереалистично требовать, чтобы это положение изменилось на другой день после подписания Заключительного акта. Но можно и нужно было ожидать, что положение начнет улучшаться, хотя бы постепенно и медленно. Советское правительство могло бы обнаружить хотя бы *намерение* к улучшению положения в области прав человека.

Однако этого не произошло. Итог первого года Хельсинкского соглашения был подведен в документе Группы содействия следующим образом:

«Советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека.

По-прежнему в тюрьмах и лагерях томятся многие сотни политических заключенных — людей, осужденных лишь за политические, этические или религиозные убеждения или за попытки независимого информирования общественности. Режим их содержания… ужесточился за этот год.

Не осуждена и не прекращена практика психиатрических репрессий.

Не произошло никаких изменений к лучшему как в вопросе свободной эмиграции, так и в более частном вопросе воссоединения семей. Число отказников, известных нам, за этот год даже возросло. Преследуются все формы независимой информации».

С еще большим основанием мы можем сказать это и к концу второго года Хельсинкского соглашения. Материалы Группы содействия указывают на многочисленные нарушения прав человека, из которых мы, в первую очередь, хотим обратить внимание на следующие.

1. *Отказ в праве на эмиграцию и воссоединение семей* (см. документы №№ 11–14). Отметим в особенности препятствия, чинимые большой группе пятидесятников и баптистов (более тысячи человек), подавших коллективные заявления о желании эмигрировать (документ № 20). Факт массового требования свободы эмиграции со стороны пятидесятников свидетельствует одновременно о нарушении другого основного права личности — свободы вероисповедания и вероучения, ибо пятидесятники убедительно обосновывают свое требование описанием грубых нарушений этого права (об этом также см. «Отчет о поездке в общины пятидесятников» от 12 января 1977 г.).

Отметим, кроме того, борьбу за право эмиграции советских немцев (документ № 22) и евреев. Что касается воссоединения семей, можно указать на документ № 4, который содержит список разделенных семей, добивающихся воссоединения (этот список включает наиболее драматические случаи разделения ближайших родственников, и он далеко не полон). Между тем, все больше советских людей публично заявляют о своем желании навсегда или на время покинуть пределы Советского Союза. Очень часто они получают отказы. Во многих случаях на них обрушиваются репрессии: увольнения с работы, помещение в психбольницы, аресты по фальсифицированным делам и т. д.

Мы можем судить об этом по растущему числу заявлений непосредственно Группе содействия или через нее — главам правительств, подписавших Заключительный акт. Мы знаем, однако, что подавляющая часть заявлений: о желании эмигрировать, об отказе от гражданства, о необходимости выехать на время — не достигает Группы и очень большое число желающих эмигрировать Группе просто неизвестно.

Советское правительство настойчиво сводит все содержание гуманитарных статей Заключительного акта к одному — к единственному пункту — воссоединению семей (отрицая свои нарушения и в этой области). Оно хотело бы навязать эту свою позицию другим государствам так же, как оно навязывает ее своим гражданам. В июне 1976 г. начальник Всесоюзного ОВИРа Владимир Обидин объяснил, что советские компетентные органы при выдаче разрешений на выезд из СССР будут «строго руководствоваться» Заключительным актом Хельсинкского совещания и давать визы только для воссоединения семей, а семьей, согласно Кодексу о браке и семье, они считают только супругов и их не состоящих в браке детей. Отказы из-за «недостаточной степени родства» становятся теперь столь же обычным явлением, как отказы «по секретности». Таким образом, Заключительный акт Хельсинкского совещания власти пытаются использовать для... ограничения эмиграции.

2. *Национальная дискриминация.* Заключительный акт Хельсинкского совещания говорит:

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области».

Между тем, крымские татары в СССР много лет ведут безрезультатную борьбу за право жить в родном Крыму, из которого они, в результате чудовищного акта геноцида, были выселены в 1944 году (см. документ № 10, содержащий обильно документированное описание дискриминации крымских татар). В похожем положении находятся месхи (см. документ № 18). Общеизвестны факты о дискриминации евреев.

3. *Нарушение права на свободный обмен информацией и идеями,* в том числе с зарубежными странами-участницами Хельсинкского соглашения.

По-прежнему отключаются телефоны у лиц, ведущих нежелательные с точки зрения КГБ разговоры, в особенности, с заграницей (документ № 2 перечисляет 43 фамилии). Отметим, что это свидетельствует о непрерывном и массовом подслушивании телефонных разговоров. Почтовые и телеграфные отправления тщательно цензурируются при пересечении границы и многие задерживаются. По-прежнему в Москве купить иностранную некоммунистическую газету можно лишь случайно и с большим трудом, а такие информационные журналы, как «Тайм» или «Ньюсуик» и вовсе невозможно. Режим обмена информацией с политзаключенными не только не смягчился после августа 1975 г., но, напротив, ужесточился до крайности. Письма заключенных родственникам и обратно задерживаются под самыми абсурдными предлогами; например, цензор может усмотреть в письме «скрытый смысл», не потрудившись объяснить, в чем он состоит. Даже состояние здоровья заключенного относится к числу запрещенных для разглашения сведений.

Советская пропаганда и средства массовой информации по-прежнему рассматривают идеи, приходящие с Запада, как опасную заразу, и внушают советскому человеку, что его долг — препятствовать проникновению этой заразы. В этом можно убедиться, просмотрев любую статью на эту тему, вышедшую в Советском Союзе. Например, массовая молодежная газета «Комсомольская правда» в статье «С ног на голову» от 5 мая 1977 г. утверждает, что «буржуазные средства массовой информации»

добиваются для себя права вести «психологическую войну» на территории социалистических стран и вмешиваться в их внутренние дела. «Именно такую цель,— пишет далее газета,— преследуют раздающиеся на Западе призывы к идеологическому разоружению, назойливые требования открыть границы социалистического мира навстречу так называемому «свободному потоку информации». Но что же принесет к нашим берегам «свободный поток»? Бюллетень НАТО «Нувель атлантик» вносит в этот вопрос полную ясность: «Свободный поток информации — это создание условий для проникновения в социалистические страны западных идей».

Таким образом, «Комсомольская правда» призывает не к тому, чтобы бороться с западными идеями с помощью идей же (что, как и всякую борьбу идей, можно было бы только приветствовать), а к тому, чтобы физически пресечь проникновение западных идей, перекрыв свободный поток информации, который у «Комсомольской правды» фигурирует в кавычках, как нечто заведомо несуществующее и не имеющее шансов на существование. «Комсомольская правда», как и все советские газеты, выступает не со своим собственным мнением, а лишь выражает установку, принятую высшими партийно-правительственными органами. Причина враждебной установки к потоку свободной информации высказана газетой с полной ясностью: он создает условия для проникновения западных идей. Как совместить эту установку с обязательством «содействовать более полному взаимному доступу всех к достижениям-произведениям, опыту, исполнительскому искусству — в различных областях культуры их стран», взятым правительствами стран-участниц Хельсинкского соглашения (Заключительный акт, подраздел «Доступ»)? Или, по мнению советских идеологов, понятие «западные идеи» не входит в понятие «западная культура»?

Практика советских органов власти в отношении обмена идеями полностью соответствует теории, излагаемой в пропаганде. Типичным ее образчиком могут служить меры, принятые ими в отношении Международного симпозиума по еврейской культуре, Этот симпозиум должен был открыться 21 декабря 1976 г. в Москве и продолжаться три дня. В повестке дня симпозиума было 55 докладов, из них 14 должны были сделать зарубежные гости. В ответ на это власти приняли следующие меры (см. документ № 19):

1) Всем иностранным ученым, приглашенным на симпозиум, было отказано во въездных визах. Даже туристы, которые были заподозрены в интересе к нему, получили отказы. По крайней мере трое граждан США, сообщившие о своем интересе к симпозиуму советским официальным лицам, были высланы из СССР.

2) Члены оргкомитета и связанные с ними лица подверглись обыскам и многочасовым допросам. При обысках конфисковывалась вся литература на иврите и идиш, вплоть до словарей, тексты докладов на симпозиуме и подготовительные материалы.

3) У 19 человек были выключены телефоны.

4) 21 декабря были арестованы члены оргкомитета и большинство докладчиков. В течение следующих трех дней они находились либо под домашним арестом, либо на допросах.

5) В Риге, Кишиневе, Таллине, Ленинграде и других городах были задержаны лица, пытавшиеся отправиться в Москву на симпозиум.

4. *Репрессии против членов Группы «Хельсинки».* Ярчайшим свидетельством нарушения Хельсинкского соглашения являются репрессии, обрушившиеся на Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в Москве, на Украине и в Грузии[365]. В феврале-апреле 1977 г. были арестованы:

Три члена Московской группы: Юрий Орлов (руководитель), Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский.

Четыре члена Украинской группы: Микола Руденко (руководитель), Олекса Тихий, Мирослав Маринович, Микола Матусевич.

Три члена Грузинской группы: Звиад Гамсахурдиа (руководитель), Мераб Костава, Виктор Рцхиладзе; последний был вскоре отпущен с подпиской о невыезде, по состоянию здоровья, но подвергнут многочасовым допросам.

Арестованы или заключены в психбольницу также некоторые близкие к Группам содействия Хельсинки люди (В. Барладяну, И. Тереля). Оставшиеся на свободе члены Групп и контактирующие с ними лица находятся под сильнейшим давлением и под угрозой ареста.

Хотя обвинения, предъявленные арестованным, до сих пор неизвестны, не может быть никакого сомнения, что аресты направлены против деятельности Хельсинкских групп и имеют целью разгромить эти группы. Еще в мае 1976 г. немедленно после образования первой Группы «Хельсинки» во главе с Ю. Орловым власти попытались прекратить деятельность Группы. 27 мая Ю. Орлов сделал следующее заявление:

«...Я должен указать, что продолжающееся преследование свободной информации является фундаментальным нарушением духа и буквы Заключительного акта Европейского совещания.

В частности, это касается теперь деятельности самой Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Совершенно открытая и позитивная по существу своей деятельности Группа содействия была официально объявлена властями «нелегальной организацией» — хотя это звучит безумно, а также «провокационной и антиконституционной». Огромное количество агентов КГБ почти демонстративно следует за каждым шагом — моим и некоторых других членов Группы, вероятно, ожидая приказа об аресте. Можно подумать, что для государства нет большей опасности, чем общественное содействие выполнению Хельсинкских соглашений.

...Мирная борьба за соблюдение основных прав личности, за смягчение нравов, против жестокости, за духовную терпимость и за свободное движение информации закладывает фундамент доверия и миролюбия более прочный и долговременный, чем это могут сделать одни лишь политические усилия. Проблемы безопасности в сегодняшнем мире неотделимы от гуманитарных. В этом очевидный смысл гуманитарных статей Заключительного акта, и по самому существу дела в их выполнении заинтересованы *все* народы и *все* правительства.

Если же сбор и передача информации о нарушениях этих статей квалифицируется как государственное преступление, то это подрывает самую основу Соглашения, лишает его реального содержания и внутренней логики.

Поэтому я обращаюсь к правительствам и парламентам всех стран, участвовавших в Европейском совещании, включая СССР.

Я прошу предпринять шаги, которые защитили бы право Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений заниматься объявленной ею разумной и полезной деятельностью. Я прошу оградить ее членов от преследований.»

Разгром Группы «Хельсинки» накануне Белградского совещания нельзя расценить иначе, как демонстративный отказ властей и впредь выполнять свои обязательства по правам человека и решимость жестоко карать тех своих граждан, которые будут сообщать информацию об этих нарушениях.

II. Влияние Хельсинкского соглашения на проблему прав человека в СССР и странах Восточной Европы

Как следует из предыдущего раздела, подписание советским правительством Заключительного акта не оказало прямого влияния на положение с правами человека в СССР — в том смысле, что правительство не обнаружило намерения улучшить это положение, как того можно было ожидать на основании текста Заключительного акта.

Однако подписание Хельсинкского соглашения оказало определенное косвенное влияние на проблему прав человека в СССР и странах Восточной Европы.

Во-первых, подписание Хельсинкского соглашения правительствами указанных стран дало основание гражданам этих стран требовать соблюдения основных прав человека и рассчитывать на поддержку западной общественности и государственных деятелей, ибо теперь положение в сфере прав человека было связано с безопасностью тридцати пяти стран Европы и Северной Америки и признанием нерушимости государственных границ в Европе. В ответ правительства СССР и некоторых других стран Восточной Европы усилили репрессии против борцов за права человека.

Во-вторых, грубое и очевидное нарушение Советским Союзом взятых на себя обязательств в области прав человека вызвало возмущение у многих людей в странах Запада и раскрыло им глаза на тяжелое положение с правами человека в странах, которые все называют социалистическими, и на отсутствие всякого прогресса в этой области.

III. Перспективы Белградского совещания

Историческое значение Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состоит в том, что соблюдение прав человека было впервые провозглашено необходимым элементом межгосударственных отношений, направленных на поддержание мира и развитие сотрудничества между народами.

Эта мысль лежит в основе Хельсинкского соглашения, и независимо от того, сколь удачно она реализована и какой к настоящему времени произвела эффект, она, как мы полагаем, никогда больше не сойдет с политической сцены, и это представляет собой крупный шаг человечества на пути достижения как индивидуальных свобод, так и коллективной безопасности.

Обращаясь к той реализации этой мысли, о которой мир узнал 1 августа 1975 г., мы прежде всего отмечаем *неформальность* обязательств, взятых на себя правительствами стран-участниц в области прав человека. Эти обязательства имеют вид заявлений об определенных намерениях и не включают никаких согласованных критериев того, что считать выполнением этих намерении. Такая форма договора предполагает наличие *доброй воли* к его выполнению. События истекших двух лет показали с полной очевидностью отсутствие у правительства СССР этой доброй воли. Белградское совещание может признать или не признать этот факт, а если признает, то может либо продолжить попытки реализации основной идеи Хельсинкского соглашения, либо отказаться от них. Таким образом, есть три логические возможности, и в заключение нашего отчета мы хотим их прокомментировать.

1. Несомненно, что советские представители на Белградском совещании будут доказывать, что СССР выполняет гуманитарные статьи Заключительного акта и что если права человека где-то и нарушаются, то только в странах Запада. Советские представители будут отрицать достоверность данных Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений или просто игнорировать их. С другой стороны, они, вероятно, будут приводить различные цифры, свидетельствующие о большом (и, быть может, возрастающем) числе туристических поездок, культурных обменов, переводимых в Советском Союзе иностранных книг и т.п. Все эти цифры, разумеется, никакого отношения к правам человека не имеют, ибо относятся к мероприятиям, которые проводятся по инициативе и под строжайшим контролем государственных органов. Эти цифры свидетельствуют не о правах человека, а о правах государства — правах, в наличии которых никто не сомневается.

Однако, вследствие отсутствия формальных критериев соблюдения гуманитарных обязательств Заключительного акта, западные представители могут сделать вид, что

они «почти удовлетворены» положением дел и выразить надежду, что «отдельные случаи» нарушения гуманитарных обязательств будут в ближайшем будущем исправлены. Мы считаем, что перед лицом очевидных фактов эта позиция была бы чистым лицемерием и нанесла бы непоправимый вред как правам человека, так и европейской безопасности, поощрив неприкрытое нарушение взятых на себя в Хельсинки обязательств и превратив Хельсинкское соглашение в предмет насмешек.

2. Признав полное и откровенное нарушение Советским Союзом гуманитарных статей Заключительного акта, страны Запада могут сделать вывод, что идея связывания прав человека с межгосударственными отношениями потерпела провал. Этот вывод допускает два логических продолжения, которые оба приводят к весьма печальным последствиям. Первый: страны Запада могут разорвать Хельсинкское соглашение, как невыполняемое противоположной стороной. Это вызвало бы обострение международной напряженности, увеличение военных расходов и отдаление перспектив прочного мира и подлинного сотрудничества между народами. Второй: страны Запада могут пойти на отступление в вопросе о правах человека, исключив соответствующие пункты из Хельсинкского соглашения формально или игнорируя их фактически, но сохранив в силе остальные статьи соглашения, в частности, гарантирующие неприкосновенность границ. Это было бы огромным ударом по правам человека не только в СССР и странах Восточной Европы, но и в развивающихся странах. Что же касается политических проблем, то иллюзорные «безопасность и сотрудничество», достигнутые таким способом, вряд ли дадут более благоприятные результаты, чем прямой разрыв Хельсинкского соглашения.

3. Мы полагаем, что вывод о провале «Хельсинкской идеи» преждевременен, и надеемся на осуществление третьей логической возможности. Она состоит в том, что страны Запада констатируют нарушение Советским Союзом гуманитарных обязательств и сделают отсюда вывод, что единственная возможность сохранить Хельсинкское соглашение — это договориться о более или менее формальных критериях соблюдения обязательств по правам человека. Советское правительство может не признавать факты своего нарушения взятых обязательств, но оно не может не признать, что при наличии двух противоположных точек зрения на одни и те же факты единственный способ выйти из тупика — это установить согласованные критерии для оценки фактов. Если советское правительство откажется от согласования конкретных проверяемых критериев выполнения обязательств по правам человека, то это будет равносильно разрыву им Хельсинкских соглашений.

Каковы бы ни были критерии выполнения международного соглашения, ясно одно: нельзя заключать в тюрьму людей за то, что они следят за выполнением этого соглашения. Мы считаем, что в качестве предварительного условия для ведения любых обсуждений западные представители должны потребовать немедленного освобождения арестованных членов групп «Хельсинки». Пока эти люди находятся в заключении, обсуждение критериев выполнения Хельсинкских соглашений было бы оскорбительным фарсом, издевательством над здравым смыслом.

Споры о выполнении гуманитарных обязательств концентрируются в основном вокруг двух понятий: «интересы государства» и «вмешательство во внутренние дела». Следовательно, должно быть четко установлено и согласовано, какие именно ограничения индивидуальных свобод допустимы в интересах государства и какие именно акции других стран в связи с проблемой прав человека являются вмешательством во внутренние дела. В практике нынешнего времени советские власти рассматривают любой не инициированный ими обмен информацией как противоречащий интересам государства. Отказ советского правительства установить проверяемые критерии нарушения интересов государства в сфере прав человека будет означать, что имеет ме-

сто глубокое, неразрешимое противоречие между соблюдением прав человека и интересами советского государства и что существующая практика будет продолжаться. В этом случае советское правительство не должно было подписывать Хельсинкское соглашение. Точно так же, если любая критика одной страны другими за нарушение прав человека и требование предоставить соответствующую информацию рассматриваются как вмешательство во внутренние дела, то такая страна не может быть участником Хельсинкского соглашения.

В качестве конкретных аспектов этой проблемы мы хотим указать на следующие.

В списке государственных интересов настойчиво требует международной кодификации понятие государственной тайны, и в особенности необходим перечень сведений, которые *не могут* являться государственной тайной. Соображения по этому поводу были высказаны Юрием Орловым в предложении о международной конференции по рассекречиванию информации, которое мы приводим в качестве приложения.

В международном аспекте из всех прав человека особое положение занимает право на эмиграцию, ибо лицо, желающее эмигрировать из страны, принадлежит в большей степени к человечеству в целом, чем к гражданам этой страны, поэтому человечество в целом и несет за него основную ответственность, Мы считаем необходимым, чтобы каждое государство обязалось либо немедленно выпустить из страны лицо, желающее эмигрировать, либо дать в письменной форме конкретный ответ о причинах задержки и о сроке, в течение которого это лицо будет задерживаться. Копии этих ответов должны направляться в международные организации.

Не существует никаких оснований, по которым распространение информации о судебных процессах и об условиях содержания заключенных можно было бы считать противоречащим государственным интересам, а требование такой информации другим государством — вмешательством во внутренние дела. Участники Хельсинкского соглашения должны дать гарантии свободного допуска иностранных представителей на все суды и во все места заключения.

Мы привели эти три аспекта лишь в качестве примера, отнюдь не претендуя на полное освещение проблемы. Кроме соглашений и обязательств со стороны государств-участников, наличие проверяемых критериев выполнения Заключительного акта предполагает учреждение международных органов для сбора и обработки соответствующей информации. Учитывая ограниченность возможностей, которыми располагают граждане СССР и стран Восточной Европы, представители этих органов должны иметь возможность посещать эти страны и принимать заявления от отдельных граждан.

* * *

Нарушение Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкского соглашения создает трудную ситуацию в отношениях между странами, участвующими в этом соглашении. От того, какой выход будет найден из этой ситуации, зависит, быть может, будущее Европы и всего мира. Но игнорировать факт нарушения Хельсинкских соглашений было бы наихудшей из всех возможностей.

После ареста Александра Гинзбурга 3 февраля 1977 г. руководитель Группы «Хельсинки» Юрий Орлов выступил с заявлением, в котором, в частности, было сказано:

«Таким образом, советское правительство попросту отбросило свои недавние международные обязательства по правам человека.

Существуют ли гарантии, что оно в нужный момент не отбросит любые другие обязательства?

Я обращаюсь с этим вопросом к правительствам Запада.

Я обращаюсь также к советскому правительству».

Ответ советского правительства на этот вопрос известен: оно бросило Юрия Орлова за решетку.

Каков будет ответ представителей стран Запада, когда они соберутся на совещание в Белграде?

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Петр Григоренко, Мальва Ланда, Наум Мейман, Юрий Мнюх, Владимир Слепак
Члены Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях:
Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Александр Подрабинек, Феликс Серебров
Председатель группы «Международной Амнистии» *Валентин Турчин*
[между 23 апреля и 11 мая 1977 г.][1]

Приложение

Предложения о Международной конференции по рассекречиванию информации

Я предлагаю западным правительствам разработать — в общих чертах — в период подготовки к Белграду проект *международной конференции по рассекречиванию информации.*

Это было бы хорошим развитием Хельсинкских соглашений, причем в одном из ключевых направлении.

Целью конференции должно быть заключение международного соглашения *о допустимом уровне засекречивания информации.* Одновременно следовало бы договориться о следующей конференции, имея в виду поэтапное сокращение объема информации, допускаемой к засекречиванию.

Я думаю, что *на первом* этапе следовало бы запретить засекречивание следующей информации:

1) о стихийных бедствиях;
2) об эпидемиях и распространенности заболеваний;
3) о статистике преступности;
4) об условиях материальной жизни людей — обеспеченность продуктами питания, одеждой, жилищами и т.д.;
5) об уровне и характере нарушений международных обязательств по правам человека.

Учитывая опыт преследований свободной информации в Советском Союзе, следовало бы оговорить при этом право лиц на публикацию информации в дискуссионном порядке, без уголовного преследования за ошибки в информации, относящиеся к согласованному перечню свободной (незасекречиваемой) информации. Должно быть оговорено, что наказанием для недобросовестного источника информации служит потеря доверия к нему.

Я думаю даже, что этот последний принцип, в применении к пункту 5), мог бы быть зафиксирован уже в Белграде.

Это предложение является развитием идеи проф. Наума Меймана о необходимости международного соглашения, определяющего допустимый уровень засекречивания научной информации.

Руководитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
Юрий Орлов
8 февраля 1977 г.

[1] Дата приведена по АС №2904. — *Сост.*

55

НОВЫЕ АРЕСТЫ ЧЛЕНОВ ГРУПП СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

Инсинуированные обвинения в шпионаже

23 апреля в Киеве арестованы Микола Матусевич и Мирослав Маринович, молодые члены Украинской группы содействия. В тот же день были обыски на квартирах их родственников в разных городах и селах. Украины. Одновременно в Киеве были проведены обыски у Михайлины Коцюбинской, Евгена Обертаса, Антоненко-Давидовича и других. У 76-летнего Антоненко-Давидовича, писателя, бывшего узника сталинских тюрем и лагерей, обыск продолжался 17 часов. Все, подвергнутые обыскам, подверглись также и допросам. По характеру последних можно предположить, что арестованные обвиняются в так называемой «антисоветской агитации и пропаганде».

20 апреля в Литве арестован Балис Гаяускас. Большую часть своей жизни — 25 лет — он отбыл в заключении за участие в национально-освободительном движении в Литве. Последние три года находился на свободе, принимал участие в правозащитном движении, подвергался обыскам и допросам. И в заключении, и после освобождения Балис Гаяускас проявил себя как честный, отзывчивый и справедливый человек. 20 апреля он был вызван из Каунаса в Вильнюс на допрос; обратно не вернулся. Ему предъявлено обвинение

Ранее, с февраля по апрель, были арестованы семь участников Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В Москве: Юрий Орлов, руководитель Группы; Александр Гинзбург, активный участник Группы, распорядитель основанного Солженицыным Общественного Фонда помощи политзаключенным в СССР; Анатолий Щаранский, активный участник Группы, активный деятель еврейского движения за право на эмиграцию (подвергавшийся за это различным преследованиям, в том числе многократным краткосрочным — 15 суток — арестам). На Украине: Микола Руденко (Киев), руководитель Украинской группы, инвалид войны; Олекса Тихий (Донецкая область), бывший политзаключенный. В Грузии (Тбилиси): Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава; третий член Грузинской группы, Рцхиладзе, был арестован и через несколько дней освобожден, с него взята подписка о невыезде.

До и после арестов — обыски и допросы широкого круга лиц. На нескольких обысках подброшены порочащие материалы, в частности, иностранная валюта (Гинзбургу, Руденко), хранение которой, по законам СССР, — тяжкое уголовное преступление. Помимо литературы, машинописных и рукописных текстов, личных писем, почтовых квитанций, магнитофонных записей, фото- и кинопленок и т.д., изъяты материальные ценности: кроме обычно изымаемых пишущих машинок, изъяты радиоприемники, магнитолы, магнитофоны, фотоаппараты, шерстяная (мохеровая) пряжа и др. Изъяты деньги (советские денежные знаки); семье Александра Гинзбурга оставлено 30 копеек, семье Юрия Мнюха — 26 рублей, жене Юрия Орлова на обыске, проведенном через месяц после его ареста, оставлено 100 рублей. На обыске в особняке Звиада Гамсахурдиа изъята коллекция оружия, оставшаяся от отца, известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа.

На многочисленных допросах, проведенных в последние месяцы на Украине, допрашиваемым заявляли, что Тихий и Руденко занимались шпионажем, что члены Украинской группы связаны с москвичами — участниками борьбы за права человека (в частности, назывался академик Сахаров), которые, в свою очередь, связаны с зарубежными антисоветскими организациями и разведывательными центрами.

* * *

Обыски и допросы не прекращаются. В г.Тарусе (Калужская область) подверглись обыскам и допросам бывшие политзаключенные Нина Строкатова и Кронид Любарский. В Москве недавно вызывались на допросы известные участники правозащитного движения — Валентин Турчин, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович (15 апреля — обыск, 25 — допрос).

Многим лишенным работы по политическим мотивам и вынужденно не работающим угрожают уголовными преследованиями за так называемый «паразитический образ жизни», или «тунеядство». В 20-х числах апреля вызван в московское отделение милиции и предупрежден об уголовной ответственности за «тунеядство» и участник Группы Юрий Мнюх (кандидат физико-математических наук, написана докторская диссертация, опубликовано около 50 научных работ). Предупреждение сделано и жене Юрия Орлова. Около 2-х месяцев назад арестован по обвинению в тунеядстве активный участник еврейского эмиграционного движения Иосиф Бегун (кандидат наук); в первых числах мая состоится суд[1] ...

То один, то другой участник правозащитного движения получает официальное предостережение — от органов советской власти и от органов госбезопасности. Недавно такое предостережение сделано Юрию Гастеву (специалист по математической логике) в райисполкоме; если он не прекратит «враждебную деятельность», то... Неоднократно, очевидно с этой же целью, вызывали в райисполком Татьяну Ходорович, последний раз 28 апреля. 27 апреля в КГБ Вадиму Борисову (историк) было объявлено, что если он не прекратит «антиобщественную деятельность», трое его малолетних детей останутся в течение 5 лет без отца. «Антиобщественная деятельность» В. Борисова — его статьи, опубликованные за границей, и подписанные им заявления, в том числе в защиту арестованных А.Гинзбурга, Ю.Орлова, А.Щаранского, которые, по словам офицеров КГБ, «наносят вред» советскому государству.

27–28 апреля член Литовской группы Эйтан Финкельштейн и его жена были вызваны в КГБ, где их предупредили, что если они не прекратят свою деятельность, то будут арестованы по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». (Жена Эйтана даже не член Группы.)

* * *

В последние месяцы советские органы пропаганды ведут широкую кампанию опорочивания участников борьбы за права человека в СССР в нашей стране и за рубежом — лекции и беседы, публикации в советской прессе и в издающихся в СССР газетах для эмигрантов, сообщения ТАСС для Запада.

Аресту Александра Гинзбурга и Юрия Орлова предшествовала, в частности, опубликованная в «Литературной газете» (2 февраля) подлая статья бывшего политзаключенного А.Петрова-Агатова, где наряду с серией сплетен, изображающих Гинзбурга и Орлова аморальными, корыстолюбивыми, нечестными и т.д., пишется, что Гинзбург занимался обменом иностранной валюты на советскую (по законам СССР это тяжкое преступление).

Об арестах Гинзбурга, Орлова и Щаранского в советской прессе и по советскому радио не сообщалось; в сообщениях ТАСС для Запада Гинзбургу приписываются «валютные операции», «скупка икон» и т.д.; Орлов назван «клеветником».

За 10 дней до ареста Анатолия Щаранского в «Известиях» (4 марта) появилась статья — заведомо ложный донос С.Липавского, бывшего деятеля еврейского эмиграционного движения: Щаранский и ряд других лиц обвиняются в подрывной деятельности и в шпионаже. Щаранский, по терминологии «Известий», «был введен» в состав

[1] Суд состоялся 1 июня 1977 г. — *Сост.*

«возглявляемой небезвестным Ю.Орловым так называемой «группы по наблюдению за выполнением хельсинкских соглашений»».

22 апреля ТАСС сделано сообщение для заграницы, повторявшее опубликованный «Известиями» донос С.Липавского: «Щаранский получил задание... организовать сбор информации о советских учреждениях и предприятиях, работающих для обороны. Вопрос о помощи агентам ЦРУ в получении засекреченной информации научно-технического военного характера и политического характера всегда стоял и стоит на повестке дня той группы, членом которой был Щаранский».

Инсинуированные обвинения, заявленные советскими органами массовой информации, соответствуют, в частности, статье 64 УК РСФСР («измена родине»), предусматривающей лишение свободы сроком до 15 лет и даже расстрел.

Арестованные члены Групп содействия находятся в следственных тюрьмах КГБ — в Москве (Орлов, Шаранский), в Калуге (Гинзбург), в Донецке (Руденко, Тихий и, по-видимому, Матусевич и Маринович), в Тбилиси (Гамсахурдиа, Костава). В полной изоляции. Следственные органы до сих пор не сообщают родным, по каким статьям Уголовного кодекса или в каких преступлениях они обвиняются.

* * *

Образовавшаяся в Москве в мае 1976 года по инициативе ее будущих участников Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, руководимая Юрием Орловым, ставит своей целью и осуществляет сбор и открытую передачу информации о выполнении (невыполнении) *гуманитарных* статей Заключительного акта совещания в Хельсинки. В поле зрения Группы находились и находятся: проблема преследований за убеждения, в том числе за религиозные убеждения, за веру; проблема жестокого, бесчеловечного содержания осужденных в «исправительно-трудовых учреждениях», в первую очередь условия, в которых находятся узники совести; проблема незаконных препятствий, чинимых эмиграции, и другие гражданские проблемы, проблемы человечности и милосердия. Аналогичные цели поставили перед собой образованные по инициативе их участников летом-осенью 1976 г. Группы содействия на Украине, в Грузии, в Литве.

Эти проблемы официально не объявлены секретными, и передача соответствующей информации не есть разглашение государственной тайны или какое-либо иное преступление.

Однако Анатолию Щаранскому (и «группе, членом которой он был») — согласно советской пропаганде — вменяется также сбор и передача «агентам ЦРУ» и т.п. некой секретной информации «научно-технического военного характера».

Абсурдность этого обвинения прослеживается, в частности, в случае Щаранского. Четыре года его, несмотря на просьбы и требования, не выпускали из СССР, мотивируя это тем, что как бывший студент физико-технического института он обладает какими-то тайнами. В то же время, вынужденно оставаясь в стране, он — если поверить этим обвинениям — собирает новые секреты и именно последние (а вовсе не студенческие тайны) передает, не выезжая за рубежи, непосредственно ЦРУ.

Шпионаж, валютные операции, хранение оружия и т.д., и т.п., а также клевета, а также аморальное поведение, низменные инстинкты и недостойные мотивы. С помощью этого набора охранители советского государственного и общественного строя пытаются дискредитировать переданную и передаваемую информацию о нарушениях, о несоблюдении прав человека в СССР. Используя инсинуированные обвинения и террор, они намерены искоренить саму идею прав человека в нашей стране и ее носителей.

Мальва Ланда, Владимир Слепак, Наум Мейман
1 мая 1977 г.
Публикуется по АС № 3057.

56

ЗАЯВЛЕНИЕ

Под аккомпанемент речей в Белграде КГБ начал расправу с ранее арестованными членами Хельсинкских групп. Идет суд над руководителем Украинской группы Миколой Руденко и членом группы Олексой Тихим. Одновременно, для рассредоточения внимания, судят в Одессе Василия Барладяну «за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Назначены также кассационные суды по провокационным обвинениям члена Хельсинкской группы Мальвы Ланда в поджоге своей квартиры и участника еврейского движения за выезд в Израиль Иосифа Бегуна по обвинению в тунеядстве.

Процессы Руденко-Тихого-Барладяну ведутся в полной тайне. Киевлянина Руденко на следствие увезли за 800 км от Киева — в Донецк, а суд над ним и Тихим начали в рабочем поселке Дружковке, почти за сотню километров от Донецка. Суд происходит в красном уголке[1] закрытого предприятия. Помещение заполнено одними агентами КГБ. В зал не допустили не только друзей, но и ближайших родных, в том числе и 80-летнюю мать Тихого, которая с большим трудом добралась до Дружковки. Не были впущены в зал и рабочие с предприятия, на котором работал О.Тихий, которые на свои средства приехали на процесс. Столь же закрыто ведется и процесс над В.Барладяну. Что делается за закрытыми дверями судов, которые в приговоре будут лицемерно названы «открытыми», мы не знаем. Но понятно каждому, что там творится вопиющая несправедливость.

Советские люди, граждане мира! — вот вам яркий пример того, как расширяется «социалистическая демократия» под эгидой КГБ.

Эта преступная организация ничему не научилась и ничего не поняла из своего кровавого прошлого. Как стало нам известно из письма бывшего заключенного Федорова Ю.И., органы КГБ (об этом прямо заявил полковник Евгений Михайлович Саушкин) пытаются организовать против А. Гинзбурга и Ю. Орлова провокацию по типу «шахтинского дела», «Промпартии», «СДЦ» («Социал-демократического центра»)[LXVIII] с «легальным» и «нелегальными» центрами! Эти «центры» КГБ надеется создать посулами и угрозами из числа лиц, отбывавших заключения в лагерях и тюрьмах. Это все предпринимается для того, чтобы расправиться с выдающимися участниками правозащитного движения в СССР, оклеветать и облить грязью оппозицию в нашей стране. Этой же цели служит и пущенная на Запад через таких иностранных корреспондентов, как Крафт, «утка» КГБ о том, что оппозиционное движение в нашей стране развалилось, что Хельсинкская группа прекратила свою деятельность[2].

Заявляем перед всем миром, что утверждения эти ни на чем не основаны. В Московскую группу уже вошла выдающийся советский адвокат С.В. Каллистратова, в Украинскую — Петр Винс, сын известного религиозного деятеля, и Ольга Гейко — жена арестованного члена группы Миколы Матусевича. Группы живут, обновляются, и лучшее доказательство тому — документы групп и непрекращающийся поток заявлений в группу от советских трудящихся о нарушении Советским Союзом Хельсинкских соглашений.

---

[1] Комната политико-воспитательной работы, заменяла клуб на небольших предприятиях и организациях. — *Сост.*

[2] Статья Дж.Крафта была напечатана в «Washington Post» 2 июня 1977 г. — *Сост.*

Орлов, Гинзбург, Тихий, Матусевич, Маринович, Руденко, Гамсахурдиа, Костава делали благородное дело — и оно будет продолжено!

Петр Григоренко, Наум Мейман, Мальва Ланда, Елена Боннэр, Владимир Слепак
29 июня 1977 г.
Публикуется по АС № 3063.

57

ПРОЦЕСС РУДЕНКО — ТИХОГО

За попытку быть гражданином — 10 лет тюрьмы, 10 лет мучений

Олексу Тихого судили за то, что его имя стоит под меморандумом Украинской группы, заявляющим о намерении защищать права человека. Именно это в стране победившего социализма называется антисоветской — антигосударственной — деятельностью, особо опасным государственным преступлением.

Миколе Руденко кроме его правозащитной деятельности в качестве руководителя Украинской группы инкриминируется также его исследование «Экономические монологи», критикующее марксистскую теорию прибавочной стоимости.

Руденко и Тихий приговорены к максимальному наказанию по статье «антисоветская агитация и пропаганда»:

Руденко — 7 лет лишения свободы в ИТК (исправительно-трудовая колония — лагерь) строгого режима плюс 5 лет ссылки (в Сибирь). Годы в ИТК — это фактически смертный приговор: инвалид войны (тяжелое повреждение позвоночника), почти шестидесятилетний Руденко вряд ли вынесет те условия, на которые его обрекают.

Тихий, ранее уже отбывавший длительное заключение по аналогичному обвинению,— осужден на 10 лет лишения свободы в ИТК особого режима плюс 5 лет ссылки. Для 50-летнего человека, здоровье которого подорвано предыдущими наказаниями, этот приговор означает пожизненное заключение.

Возможности властей неограничены: могли бы обвинить и осудить и на открытом суде. Однако предпочли особо тайный, особо закрытый процесс.

Подследственные содержались в тюрьме Донецка, вдалеке (около 1000 км) от Киева, где жил до ареста Руденко и где совершались инкриминируемые действия.

О том, что следствие окончилось и можно наконец пригласить адвоката,— не знали даже ближайшие родственники. Обвиняемые остались абсолютно изолированными от внешнего мира.

О начале суда не сообщили. Жену М. Руденко и мать О. Тихого вызвали в суд — в качестве свидетелей — на 28 июня, хотя суд начался 23 июня. Это одно из многих грубых нарушений формальных законов, допущенных на данном процессе. Жена Руденко и мать Тихого присутствовали только на окончании суда; они прослушали речь обвинителя, последнее слово подсудимых, приговор.

Суд проводился в еще большем отдалении от мест, где жили подсудимые: в небольшом городе Дружковке, в 100 км от Донецка, в помещении красного уголка (клуба) завода, куда не пропускают посторонних. Зал судебного заседания — около 70 мест — был заполнен людьми особого сорта. Не пустили приехавших в Дружковку рабочих с завода, где работал до ареста Тихий. Не допустили друзей подсудимых, приехавших из Киева. Приехавшие на суд из Москвы П. Старчик и К. Подрабинек были задержаны милицией. Старчика держали в КПЗ (камера предварительного заключения) более

суток, угрожали поместить в психиатрическую больницу. К. Подрабинек находился в КПЗ трое суток. Охранители порядка грозились, что при новой Конституции всех приберут к рукам. В Киеве и Москве с 20-х чисел усилилась слежка за многими известными «органам» инакомыслящими, агенты КГБ ходят буквально по пятам.

***

Осуждены М. Руденко и О. Тихий. Два других члена Украинской группы — М. Маринович и М. Матусевич — в тюрьме, в ожидании того, что в Советском Союзе называется судом. Остальные члены этой Группы — под угрозой. Два члена аналогичной Группы в Грузии — З. Гамсахурдиа и М. Костава — в тюрьме, в ожидании суда. Остальные — под угрозой ареста. Под угрозой члены Литовской группы.

С членами Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР намереваются, по-видимому, расправиться по-разному. В распоряжении карательных органов есть целый арсенал обвинений — от сравнительно мягких до чрезвычайно жестоких. Определение той или иной меры наказания вызвано соображениями, весьма далекими от законности. Так, М. Ланда, обвиненная в причинении ущерба государству (хотя происшедший у нее в комнате пожар причинил ущерб прежде всего ей самой), приговорена к двум годам ссылки. Арестованного в феврале Ю. Орлова обвиняют в клевете на государственный и общественный строй, что предполагает до трех лет лишения свободы. В то же время арестованного в марте А. Щаранского обвиняют в «измене родине»: 10–15 лет лишения свободы или расстрел... Какие обвинения предъявляют арестованному в феврале А. Гинзбургу — до сих пор неизвестно. В советских газетах и журналах ему инкриминируются самые невероятные и тяжко наказуемые преступления. «Журналист» (июнь 1977) называет его «платным агентом фашистско-эмигрантской организации Народно-трудовой союз».

Обвинения и наказания варьируются. Но цель одна: вытравить из сознания людей саму идею свободы убеждений, идею прав человека. Вытравить и с помощью судебных, и с помощью пропагандистских органов.

Повторяем и напоминаем: созданная в мае 1976 г. по инициативе Ю. Орлова и других ее участников Группа заявила о своем намерении содействовать соблюдению в СССР прав человека, формально признанных СССР в подписанных им Хельсинкских соглашениях, в ратифицированных им Международных пактах и декларациях. На протяжении 9 месяцев, до ареста Ю. Орлова и после его ареста, Группа подготовила документы, раскрывающие вопиющие нарушения человеческих прав в различных областях жизни советского государства.

1) Подавление права на свободу убеждений, обмен информацией и идеями. В числе мер подавления — уголовные преследования, включающие обвинения в клевете на государственный строй, в антигосударственной пропаганде, а также в несовершенных уголовных преступлениях (хулиганство, кража и т. д.).

2) Подавление права на свободу вероисповедания. В числе мер подавления кроме указанных выше особо отмечается лишение родительских прав, отобрание детей.

3) Подавление права на свободу передвижения, лишение права на эмиграцию.

4) Бесчеловечные и жестокие условия содержания в исправительно-трудовых учреждениях — тюрьмах и лагерях (колониях), в частности условия, в которых находятся узники совести. Использование принудительного, рабского труда, использование голода и других физических и моральных страданий.

5) Преследования бывших политзаключенных: ограничения мест жительства, дискриминация в отношении работы — фактический запрет на профессии, административный надзор милиции и др.

В каждом документе Группа настаивает на необходимости независимых международных комиссий по расследованию заявленных ею нарушений.

Власти никогда не допускали и не допускают таких расследований.

Документы адресованы, в частности, всем главам правительств, подписавших Хельсинкские соглашения, и с помощью западных корреспондентов и западных органов информации преданы широкой гласности.

***

30 июня[1] в Дружковке произнесен приговор двум участникам Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Суд над Миколой Руденко и Олексой Тихим — грозное предупреждение остальным.

Сделано также предупреждение: осужден может быть каждый, сочувствующий тем, кто открыто выступает в защиту прав человека. Пример — проведенный одновременно с судом в Дружковке суд в Одессе над Василием Барладяну: обвинение в клевете на государственный строй, три года лишения свободы — за чтение и распространение материалов Хельсинкской группы.

Суд в Дружковке и суд в Одессе — откровенно политические процессы, беззастенчивая демонстрация перед всем миром советского понимания прав человека. Демонстративный отказ СССР выполнять принятые на себя международные обязательства. Демонстративное пренебрежение к общественному мнению цивилизованного мира.

В то же время — вопреки желанию руководителей государства — это разоблачение их страха перед ростом правосознания и правозащитной инициативы граждан.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Петр Григоренко, Мальва Ланда, Владимир Слепак, Наум Мейман, Елена Боннэр

Члены Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Л. Лукьяненко, О. Мешко, О. Гейко, Н. Строкатова[2], П. Винс, О. Бердник, И. Кандыба
30 июня — 2 июля 1977 г.

Заявление Группы «Хельсинки» поддерживаем:
Л. Серый, А. Лавут, А. Сахаров, Ю. Гримм[3], Г. Якунин, В. Капитанчук, В. Некипелов, Н. Комарова, З. Григоренко, А. Подрабинек, А. Ястраускас, Т. Великанова, Л. Полуэктова, В. Машкова, К. Любарский, Г. Салова, И. Данилюк, В. Бахмин, И. Жолковская, И. Валитова-Орлова, В. Турчин, Ю. Гастев

58

Документ № 23

[К ПРОБЛЕМЕ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ]

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений считает необходимым вновь привлечь внимание государств, чьи подписи стоят под Хельсинкскими решениями, к проблеме эмиграции из СССР по религиозным мотивам.

---

[1] Правильно — 1 июля. — *Сост.*

[2] В АС №3054 подпись Н.Строкатовой (Строкатой) помещена в списке поддержавших документ. — *Сост.*

[3] О нем см. документы № 147 (док. 180). — *Сост.*

С тех пор как пятидесятники и баптисты обратились с просьбой о помощи в деле эмиграции к советскому правительству, к главам 35 государств — участников Совещания в Хельсинки и в Группу содействия, их положение нисколько не изменилось. Мотивы, толкнувшие эти многодетные семьи с низким доходом на тернистый путь борьбы за выезд из СССР, остаются прежними. По-прежнему советские власти преследуют их по единственной причине — за их религиозные убеждения.

Сейчас, когда совещание в Белграде намерено подвести итоги двухлетнему периоду выполнения Хельсинкских соглашений странами-подписантами, мы направляем участникам Совещания отчет Аркадия Полищука Группе содействия. Он недвусмысленно говорит о трагической судьбе пятидесятников и баптистов и о роли советских властей в этой судьбе.

П. Григоренко, Е. Боннэр, Н. Мейман, В. Слепак
[После 28 июля 1977 г.][1]

В Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Наиболее общие особенности положения пятидесятников в СССР уже отмечены в документе № 11 «О праве на эмиграцию по религиозным мотивам» (опубликован Группой содействия 2 декабря 1976 г.) и в отчете Лидии Ворониной о поездке в две общины пятидесятников по поручению Группы. Изложенные в названных документах факты и проблемы не были открыто проверены на местах какой-либо советской или международной комиссией. Между тем, с тех пор движение пятидесятников, а также присоединившихся к ним баптистов за эмиграцию приобрело небывалый для СССР размах.

В течение 1977 года по поручению Группы содействия я поддерживал тесные контакты с представителями целого ряда общин, решивших покинуть Советский Союз. По ряду причин этот отчет далек от полноты и не документирован.

26 июля 1977 года пятидесятники и баптисты отправили Заявление пятое председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежневу. «Если дух Хельсинки не обман, не жалкий клочок бумаги,— говорится там,— тогда пусть выйдет Ваше высокое указание всем исполнительным органам и инстанциям более не мучить нас, а отпустить с миром, убрав все барьеры и все препятствия для нашего исхода из страны». Количество верующих, желающих эмигрировать из СССР из-за невозможности и смертельной опасности свободно исповедовать свою религию, возрастает с каждым днем. Если в Заявлении четвертом (конец мая) говорилось про 1800 человек, то в пятом уже названо 3500. Особенностью борьбы за выезд из СССР пятидесятников, а также баптистов пока что является стремление подавать заявления на эмиграцию единым списком, единой группой, требование выпускать верующих не отдельными семьями (как это практикуется властями, когда речь идет о евреях, немцах, армянах и других категориях эмигрантов), а целыми группами и даже церквями, общинами, сложившимися на местах их расселения. Здесь следует лишь отметить, что такая, прежде невиданная, особенность имеет духовные, социальные, исторические и психологические причины. Немало заявлений шло в мае — июле, конечно, и помимо этого списка — из Находки, Магадана, Владивостока, Батуми, с Украины, из Киргизии, Литвы; в июле возросло количество баптистов из Латвии и Эстонии, открыто заявивших о своем желании эмигрировать.

Со 2 по 22 июня по поручению Группы содействия я находился в Краснодарском крае, где встречался и беседовал со многими десятками пятидесятников, а также с

[1] Датирован по приложению. — *Сост.*

баптистами. Поражает твердая решимость этих людей. Решимость эта продиктована не только высоким религиозным чувством, но и шестидесятилетним опытом репрессий, оскорблений и клеветы. Если еще в 60-х годах каждый пятидесятник или баптист опасался попасть в ИТК, то сегодня, когда количество верующих в лагерях сократилось, нимало не убавились другие формы гонений. Я не знаю ни одной семьи пятидесятников, в которой дети не испытали бы на себе всякого рода притеснений. Об этом со слезами рассказывали мне десятки многодетных матерей и отцов из Краснодарского края (станицы Старо-Титаровская, Ленинградская, Холмская, поселок Карьер, г. Кропоткин), из Батуми, Сухуми, Кабардино-Балкарии, Ровно, Находки, Риги, г. Валга (Эстония). Детей оскорбляют учителя, а вслед за ними — и ученики. Нередко их бьют, бывают случаи рукоприкладства со стороны учителей. Их насильственно загоняют в октябрята, пионеры и комсомол, а за отказ вступить в эти атеистические организации годами снижают им оценки, в том числе и за дисциплину. В итоге дети верующих становятся жертвами систематической дискриминации в области образования. И это при том, что они нередко более прилежны и любознательны, чем их соученики. Уже со школьной скамьи за каждым таким ребенком следует письменная характеристика, как клеймо на всю жизнь, фиксирующая его нелояльность. Из сотен детских и юношеских судеб, с которыми мне довелось познакомиться, я могу назвать лишь Клавдию Павлович из Вильнюса, которой удалось поступить в местный университет. (Однако я не знаю ни одного из тех, кто, уверовав уже будучи образованным человеком, остался бы инженером, учителем и т.д.,— всем им пришлось «переквалифицироваться» в рабочих, и при этом низкооплачиваемых.)

Л. Воронина в своем отчете (12 января 1977 г.) писала о некотором спаде репрессий в Находке». Действительно, некоторые факты свидетельствуют о неуклюжем стремлении властей приспособиться к новым условиям, возникшим в связи с тем, что судьба Находки стала известна за рубежом. Однако события 1977 года показывают, что репрессивный аппарат лишь более широко стал использовать методы «маскировки», применяя провокации там, где прежде использовались лишь карательные меры. Сотрудники КГБ и связанных с ними учреждений проводят неэффективную «примирительную» работу, суля пресечь дискриминацию. В Приморском крае начал действовать Комитет по защите прав верующих, в который вошли краевой уполномоченный по делам религиозных культов, учителя школ и какие-то лица, отказывающиеся назвать себя. Пока что эти «защитники» верующих обходят их дома в Находке и других городах Приморья, уговаривают их отказаться от эмиграции, а их детей — отречься от родителей; одним сулят всяческую помощь, квартиры, образование, хорошую работу (все то, чего их систематически лишают), а другим — угрожают. Комитетчики читают верующим письма от эмигрировавших пятидесятников (Э. Кончак — из ФРГ, Н. Плотников — из США), описывающие ужасы капиталистического рая и преследования, на которые обречены там верующие. Неизвестно, каким образом «общественность» заполучила не адресованные ей письма. Недоверчивые пятидесятники считают этот «комитет» детищем Комитета госбезопасности. Эти же письма распространяются и в других районах страны — в Западной Украине, Белоруссии, Литве и т. д.

Л. Воронина упоминала о приезде после нее в Находку двух служителей-пятидесятников, связанных с властями. С тех пор те же посланцы КГБ побывали во многих общинах страны, с Библией в руках уговаривая верующих отказаться от эмиграции. Примечательно, что в некоторых общинах верующие вообще отказываются их слушать, например, в Ровенской области. Один из «братьев», которым власти поручили проведение этой кампании «изнутри», признался, что ему было выдано на разъезды по стране, а также его напарнику из Лупка — по 600 рублей.

Наконец, сейчас проводится интенсивная подготовка к созданию «союза автономных (?) пятидесятников». Как известно, не менее половины пятидесятников (по их собственному мнению, полмиллиона человек) отказались регистрироваться, так как считают репрессивным существующее законодательство о религиозных культах. Теперь, чтобы все-таки поставить их под свой контроль, власти сколачивают союз «автономников» и наметили провести их «съезд» не позднее октября. Однако и здесь у них имеются немалые трудности: от участников «съезда» требуют заклеймить эмиграцию, но далеко не все согласны на это. И такое — даже среди тех, кого угрозами и нажимом вынудили к сотрудничеству с властями.

Новым является и сам факт получения долгожданных вызовов. В мае из США их получили 40 семей в Находке, один пришел в Батуми, 9 — в Черногорск (Красноярский край). Капитан Дроздова и лейтенант Смоленцев (ОВИР Находки и Владивостока) говорят пятидесятникам: «Эти вызовы присланы от ЦРУ»; «Что вы ссылаетесь на Декларацию прав человека? Она нелегально ввозится в СССР для подрыва внутренних устоев советского государства. Никаких прав на эмиграцию этот документ не дает». Такое понимание прав граждан закономерно сопровождается постоянным произволом властей, и поэтому старый арсенал репрессий остается их главным аргументом. Правда, КГБ теперь яснее понимает, что удушить можно не только лагерями и психушками, но и штрафами и административными притеснениями. Здесь следует подчеркнуть, что репрессии против верующих покоятся на законах. И эти законы находятся в вопиющем противоречии с подписанными[1] советским правительством Хельсинкскими соглашениями, Декларацией прав человека, Пактом о гражданских и политических правах.

Приведу лишь некоторые разновидности «законных» притеснений верующих, типичных для 1977 г.

1. *Штрафы.* Самая распространенная форма. Направленные против низкооплачиваемой категории граждан (массовая дискриминация верующих в области труда), эти штрафы бьют по самым большим семьям в СССР, где 8–10 детей — обычное явление. Таким образом обрекают на голод и нищету стариков и младенцев. Иноземцево (Ставропольский край), ул. Первомайская 11 — П. В. Сяков. В течение года оштрафован четыре раза по 50 руб. Из них — три раза за отказ регистрировать общину. Г. Ровно, ул. Кржижановского 58, кв. 1 — Гуцман. 14 января — 50 руб., 3 июня — 50 руб. При этом — разгон молитвенного собрания, обыски без ордера, изъято Евангелие дореволюционного издания. Г. Винница, ул. Южная 78 — Бондарчук А. В. Постановление 102 административной комиссии Старогородского райисполкома Винницы обвиняет ее в нарушении Указа Президиума Верховного Совета УССР от 26 марта 1966 г.[2] На этом основании Бондарчук оштрафована 24 марта 1977 г. на 50 руб., так как, как сказано в постановлении властей, «она собрала в своем доме и провела тайное собрание 35 верующих христиан». 9 июня 1977 г. в городе Бердичеве были оштрафованы все, кто присутствовал на молитвенном собрании, в том числе Иван Боцян (50 руб.), Василий Мельник (50 руб.) и т.д. В Латвии, Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии, на Украине апрель, май и июнь ознаменовались традиционными штрафами и переписью собравшихся на молитву при налетах милиции и дружинников.

2. *Разгоны.* В мае в Донецкой области (г. Артемовск) милиция пыталась разогнать и арестовать участников похорон. Верующих спасла только плохая организация «операции»: милиция не сумела своевременно пригнать грузовики на кладбище. В мае же под Киевом была разогнана свадьба в молитвенном доме.

---

[1] См. прим. II

[2] Т.е. по ст. 138 УК УССР (аналог ст.142 УК РСФСР) «Нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви».

3. В гор. Горловка Донецкой области власти грозят отобрать 14-летнюю дочь у Ольги Сидорчук. Эта жесточайшая форма преследования остается в арсенале властей. Дети Василия Ковальчука из Кривого Рога отняты у родителей и содержатся в детском доме.

4. Более двух лет находится в психбольнице (Черняховск, Калининградская область) инженер Михаил Степанович Зверев из поселка Энергетик г.Железноводск Ставропольского края. Психически совершенно здоров. Работал до дня ареста. Посажен за свои религиозные рукописи, содержащие также критику правительства за нарушение собственных законов и притеснение верующих. Баптистка Анна Васильевна Черткова, 1927 г.р., также находится в спецпсихбольнице за свои убеждения (Ташкент 700064, Калининский район, Чухурсай 64 (ПБ, 9 отделение). Желает эмигрировать из СССР.

5. 23 июня осужден народным судом Глубокского района Черновицкой области на 2,5 года лагерей 18-летний Загарий Кирияк, сын пресвитера пятидесятников. Семья подала заявление на эмиграцию из СССР 15 мая. Судья Игнатенко игнорировал этот факт вообще и отправил юношу в лагерь «за отказ от службы в армии по религиозным мотивам». Примечательно, что Константин Пицул из того же района за год до этого случая не отказался от службы в армии, но и он через пять месяцев службы был приговорен к 3 годам лагеря (Астраханская обл., г. Камызяк, п/я УД 249/7А). В мае 1977 года 160 пятидесятников Ровенской области отказались от призыва в армию. Сами пятидесятники объясняют такое уникальное по масштабу сопротивление властям не только религиозными причинами и желанием эмигрировать, но в значительной степени и тем, что стали широко известны многочисленные факты жестокого обращения в армии с верующими. Армейская служба часто оказывается ничуть не легче пребывания в лагере. Несколько украинских пятидесятников погибло в армии от побоев и пыток. Не менее уникальной была и реакция властей на этот массовый отказ: никто из молодых людей пока что не отдан под суд.

6. По сведениям Совета Церквей ЕХБ, на 15 мая 1977 года в лагерях находилось 53 баптиста, членов этой отказывающейся от регистрации христианской Церкви[1]. Угроза уголовного преследования нависла сейчас над проповедником Николаем Куницей (г. Дубно Ровенской обл. Украины), над баптистом Григорием Петренко (Рига), над активистом борьбы за эмиграцию пятидесятников Борисом Перчаткиным (Находка). За последнее время кагебисты неоднократно принуждали его сослуживцев давать письменные показания о том, что Б. Перчаткин якобы ведет антисоветскую агитацию. В его квартиру неоднократно вторгались «неизвестные», угрожая расправиться с ним, с детьми, с женой. Даже столь привычные для пятидесятников «хвосты» (которых мне довелось видеть и в Краснодарском крае) ведут себя с Б. Перчаткиным подчеркнуто нагло: в пустынных местах целятся в него [из оружия], а по ночам ломятся в квартиру.

Даже в день «выборов» в местные Советы, 19 мая 1977 г., давление на пятидесятников не ослабло. Я видел, как в станице Старо-Титаровская их заставляли «голосовать», хотя они заранее заявили, что голосовать не будут, т. к. намерены покинуть СССР. Ни один из них не пришел на «избирательный» участок, и тогда члены избирательной комиссии объездили на автобусе, с «избирательной» урной, все дома пятидесятников, действуя лестью, бранью, угрозами, просьбами и даже матом. Однако эта избирательная кампания завершилась полным провалом.

Документ № 11 и приложение к нему характеризуют положение пятидесятников в СССР в основном на базе фактов, имевших место до подписания Хельсинкских соглашений. Аналитический отчет Л. Ворониной фиксирует ситуацию, сложившуюся к концу 1976 года. И сегодня, накануне Белградской встречи в верхах, я имею основания кон-

[1] О многолетних преследованиях рязанской общины ЕХБ см. документ № 99 (док. 135). — *Сост.*

статировать: Хельсинкские соглашения за два года, минувших со дня их подписания, не изменили трагической судьбы пятидесятников и баптистов.

Аркадий Полищук[LXIX]

28 июля 1977 года

59

ГЛАВАМ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТРАН-УЧАСТНИЦ СОВЕЩАНИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ И НОВЫЙ ЭТАП ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

1. Как возникла Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР?

Подписанный 1 августа 1975 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе был воспринят народами Европы с чувством облегчения, с надеждами на жизнь в мире и дружбе, при уважении прав человека.

Известно, что в Советском Союзе десятилетиями грубо попирались человеческие права. И вот советские люди читали подписанные их государственными руководителями и торжественно принятые перед всем миром обязательства блюсти права своих граждан на свободу мысли, совести и религии, на свободу убеждений и свободное выражение их, на свободу мирных собраний и ассоциаций, на свободу передвижения и выбора места жительства, на свободу покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться к себе домой.

Мы знали, что аналогичные обязательства Советское правительство берет на себя не первый раз. Задолго до Хельсинкского совещания СССР принял Всеобщую декларацию прав человека[1] и ратифицировал десять международных конвенций (список — в приложении 1[2]) и два международных пакта: 1) об экономических, социальных и культурных правах и 2) о гражданских и политических правах. Однако ни один из этих международных правовых документов в стране не действовал, и народ почти ничего не знал о них.

Опасаясь, как бы такая же судьба — забвение — не постигла и постановления Заключительного акта, группа советских граждан решила в самодеятельном порядке содействовать проведению в жизнь обязательств, взятых на себя Советским правительством. Такими граждански активными людьми оказались известный ученый-физик, член-корреспондент АН Армянской ССР Юрий Орлов и его друзья. Обсуждая этот вопрос, они решили создать Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Казалось бы, правительство, твердо решившее соблюдать подписанные им обязательства, должно только приветствовать инициативу граждан, решивших содействовать этому делу. Однако с первого дня существования Группы содействия советские органы не только чинят препятствия ее деятельности, но со злобным упорством преследуют членов Группы и их добровольных помощников, клевещут на них и оскорбляют их, не утруждая себя доказательствами. Эта травля началась не в результате дея-

---

[1] См. прим. II

[2] Приложения, заявленные в тексте, не публикуются (приложения 2, 5, 6 воспроизведены в АС № 3031, 3011, 3032 соответственно, приложения 1, 3, 4 — в АС № 3058) — *Сост.*

тельности Группы, как бы ее ни квалифицировать, а до начала ее деятельности. Уже на другой день после ее создания — 15 мая 1976 года — ТАСС опубликовало за рубежом «Заявление» по ее адресу, отличавшееся вызывающе-злобным тоном и содержавшее прямую клевету. Так, озаглавлено оно было «Предупреждение провокатору», а в его тексте содержалось утверждение, что известный советский физик-теоретик Юрий Федорович Орлов «посвятил себя антисоветской деятельности», «сколачивает антисоветскую группу», «стремится сыскать популярность среди противников разрядки, сторонников международной напряженности и врагов Советского Союза». Как сказано выше, доказательств не требовалось — и хотя по закону только суд может решить вопрос о виновности человека или группы людей, КГБ с помощью ТАСС *еще до начала деятельности Группы содействия обозвал ее антиконституционной и антисоветской*. Тогда же — то есть *до начала деятельности Группы* — Юрий Орлов был предупрежден, что если Группа не прекратит своей деятельности, то он, Орлов, будет привлечен к уголовной ответственности.

Указав, что такое предупреждение не основано на законе, Юрий Орлов отказался учитывать его в своих действиях. Остальные члены Группы, каждый по своей инициативе, опротестовали заявление ТАСС и предупреждение Ю. Орлову как полностью беззаконные.

Пример группы Орлова вдохновил правозащитников национальных республик. В Киеве под руководством писателя и философа М. Руденко образовалась активная Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В Тбилиси под руководством журналиста и писателя Звиада Гамсахурдиа была организована Грузинская группа. Писатель Томас Венцлова создал в Вильнюсе Литовскую группу. В последнее время стало известно о создании Армянской группы. Сведений о ее работе мы пока не имеем.

2. Чем занимались и занимаются Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

О деятельности группы Орлова и национальных групп содействия можно судить по документам, направленным ими главам стран-участниц и в печать. Таких документов свыше тридцати. В них перечислены конкретные факты нарушений в Советском Союзе Хельсинкских соглашений с указанием лиц, пострадавших от этих нарушений, лиц, виновных в этих нарушениях, с указанием мест, где происходили события, со ссылками на советские законы и международные правовые соглашения. Каждый, кто ознакомится с этими документами[1], может убедиться, что никаких шпионских, антисоветских, клеветнических сведений в них нет. В них содержатся только факты, очень кропотливо проверенные членами Групп. Именно в проверке прежде всего заключалась деятельность членов Групп, ибо сбор материалов оказался, в общем, делом менее сложным, чем мы предполагали. Нарушение прав человека стало столь бытовым явлением, в народе накопилось столько горечи и боли от страданий из-за бюрократического произвола, что факты сами рвались наружу. Тем не менее мы старались каждый факт проверять досконально, хотя мы, разумеется, не имеем никакого аппарата и хотя нашим добровольным помощникам чинят самые бессовестные препятствия, преследуя их на каждом шагу. Обыски, допросы, аресты, изъятия с самого начала работы Хельсинкской группы сыплются и на членов Комиссии по проверке использования психиатрии в политических целях, и на членов Христианского комите-

[1] Тем, кто не располагает всеми этими документами, следует обратиться к представителю нашей Группы за рубежом Людмиле Алексеевой.

та, и на деятелей Фонда помощи политзаключенным, и на деятелей Московской группы Эмнести Интернешнл[1].

Группа Орлова явилась катализатором для вскрытия недочетов в выполнении постановлений Заключительного акта. Своей деятельностью она подает пример общественной активности — и, несмотря на все преследования, круг ее помощников спонтанно расширяется.

Мы никогда не возражали против проверки сообщаемых нами сведений. Больше того, мы просим — который раз! — назначить авторитетную международную комиссию для этого. Мы не отказались бы участвовать и в комиссии, назначенной для проверки наших документов Советским правительством. Но Советское правительство не предприняло ни одной попытки расследовать сообщаемые нами факты. Ни один из посланных нами документов советскими властями не рассматривался и не опровергался. Зато составители этих документов неукоснительно подвергаются преследованиям различной степени, причем официальные лица пытаются представить дело так, что репрессии-де применяются не за участие в деятельности Группы, а за другие действия — иногда спровоцированные, а чаще просто вымышленные.

Ниже будут приведены некоторые примеры таких противозаконно вымышленных обвинений. Некоторое, хотя и не исчерпывающее, предоставление о препятствиях, чинимых органами КГБ гражданам, пытающимся помогать жертвам нарушений прав человека, дает приложение 2 — отчет Фонда помощи политзаключенным в СССР.

3. Как расплачиваются правозащитники в СССР за свою гуманную деятельность

Трое из членов Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР — Юрий Орлов, Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский — уже более полугода под арестом, причем еще до окончания (и даже до начала) следствия против них ведется самая разнузданная клеветническая кампания в печати. Ответить на нее в советской же печати невозможно, хотя у нас есть все данные для опровержения клеветы.

Петр Григоренко, в свое время незаконно помещенный в психиатрическую тюрьму и просидевший в ней более 5 лет, был вдвойне незаконно лишен еще и пенсии. Ибо если он здоров, то его нельзя было помещать в психиатричку, а если его признали больным, то больных по закону нельзя лишать пенсии. КГБ подвергает его шельмованию в печати и на закрытых собраниях, препятствует его переписке. и телефонным переговорам с сыном (зато неукоснительно пересылает ему оскорбительные письма — см. приложение 4[2]). Сейчас соответствующими «органами» применяется еще и такая тактика: некоторых молодых людей, помогающих ему и его жене — двум больным старикам — в бытовом отношении, приглашают на «собеседования» и пытаются понудить их прекратить посещения этого дома.

Длительно время подвергается низкопробной клевете и Елена Боннэр.

---

[1] Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии..., Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, Русский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям, советская секция «Международной Амнистии» (см. прим. прим. XLIV, LXXIV, XLV, IV). — *Сост.*

[2] Само письмо представляет собой просто бред. Но конверт стоит внимательно изучить. Тщательно обнюхивающая каждую зарубежную строчку, цензура сочла возможным (и, вероятно, желательным) доставить письмо с таким адресом по назначению. Отсюда ясно, кто его автор. [По факсимильному воспроизведению конверта в АС № 3058, С.28: Отправитель: «Бывшие заключенные Еврейского сталинских и гитлеровского немецких лагерей (USA)»; Адресат: «Секретным осведомителям иностранных разведок (шпионам шпионкам). Врагам народа Русского и страны Российской. Комсомольский проспект, д.14/1, 96, Григоренко, А.Д. Сахаров, С.В. Каллистратова» . — *Сост.*]

Мальву Ланда по сфальсифицированному обвинению (ее обвинили в «нанесении крупного ущерба государству», хотя бытовой пожар, происшедший в ее комнате, нанес ущерб прежде всего ей) выслали на 2 года в отдаленные районы Забайкалья.

Еще раньше в далекую ссылку (ст. Чуна Иркутской области) загнали Анатолия Марченко, продолжая и там мстить ему и его семье за его членство в Хельсинкской группе непрекращающимися обысками и слежкой.

Владимир Слепак и Наум Мейман изгнаны с работы, причем Слепака, кроме того, еще травят в печати.

Людмилу Алексееву угрозами ареста и шантажом вынудили к эмиграции.

В Грузинской группе арестовано двое: Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава.

В Украинской арестовано четверо: Микола Руденко, Олекса Тихий, Мирослав Маринович и Микола Матусевич. Первые двое уже осуждены на сроки, которые фактически предопределяют для этих старых и больных людей смерть в тюрьме.

О процессе Руденко-Тихого мы будем говорить особо: он этого заслуживает. Пока же скажем о тех преследованиях, которым подвергаются даже не члены Группы, а люди, либо ищущие у них защиты, либо помогающие им в проверке фактов и в помощи преследуемым.

Выехавшая из Ташкента в Москву крымская татарка Зера Джемилева[1] на второй день пути (11 июля 1977 г.) была задержана и обыскана по всем правилам тюремного обыска — якобы по подозрению в хищении денег у соседки по купе. Денег у нее никаких не нашли, да и не искали: «соседка» была сотрудницей КГБ, и у Джемилевой изъяли единственный «документ» — частную записку, адресованную академику Сахарову. Обыск не протоколировали, изъятие, естественно, в отсутствующий протокол не занесли, в *оскорбительном обыске*, произведенном «по подозрению в краже», перед Джемилевой, разумеется, не извинились (ну хотя бы так: «Простите, пожалуйста, вы не вор»). Не объяснили также, на каком основании изъяли частное письмо, не имевшее отношение к поводу для обыска.

И это еще не худший случай: могли и деньги подбросить, а не сделали этого.

(Впрочем, цели они не достигли: материалы, которые крымские татары хотели нам доставить, 11 июля были уже в Москве. Люди кое-чему научились.)

Обыскивают почти всех, кто навещает в Тарусе ссыльных Кронида Любарского и Нину Строкатову. Обыскивают Ларису Богораз, когда она едет к мужу, члену Хельсинкской группы Анатолию Марченко, отбывающему ссылку в Иркутской области. В марте 1977 г. в Новосибирском аэропорту обыскали Александра Подрабинека, не предъявив ордера на обыск и не выдвинув никаких мотивировок. Систематически обыскивают и допрашивают Оксану Мешко — человека предельно трагической судьбы. (В годы сталинского террора она отсидела 10 лет в лагере, оторванная от малолетнего сына, а теперь брошен за решетку, ее выросший сын, посвятивший себя родной украинской культуре и умирающий в тюрьме от туберкулеза. Ни мать, ни сын никаких преступлений не совершали.) На последнем обыске 72-летняя больная женщина дважды теряла сознание. И ничего: приведут в себя и продолжают искать.

Чего они ищут? Ведь мы ничего не скрываем, мы действуем открыто. Предоставьте нам гласность, свободу бороться против нарушений прав человека в нашей стране — и отпадет необходимость обращаться к помощи иностранных корреспондентов, мы у себя дома предадим наши материалы гласности.

Но КГБ ищет собранные нами материалы именно для того, чтобы *не допустить предания их гласности*. На проверку истинности оглашаемых нами нарушений прав человека не выделяют ни людей, ни средств. На то, чтобы *отыскать, изъять и скрыть* мате-

[1] Жена Решата Джемилева. — *Сост.*

риалы об этих нарушениях, сил и средств не жалеют. Чтобы обыскать беззащитную женщину, посылают с нею из Ташкента за тысячи километров по меньшей мере трех человек: «соседка» и двое обыскивающих. А, может, и понятые из той же организации?

Не являются ли приводимые выше факты убедительным доказательством того, что Советское правительство добивается отнюдь не выполнения гуманитарной части Заключительного акта, а лишь того, чтобы никто не знал о ее невыполнении?

Главная цель значительно участившихся за последние годы обысков, допросов, задержаний, фальсифицированных дел, направленных против членов Хельсинкской группы и связанных с ними людей, — нащупать, где находятся собранные ими материалы о нарушении прав человека и перехватить их раньше, чем они уйдут из СССР. И нередко это удается: ведь на слежку не жалеют ни денег, ни техники. Так были захвачены, например, материалы, собранные Александром Подрабинеком: рукопись его книги «Карательная медицина», картотека более чем на 200 узников спецпсихбольниц и другие документы. Это — результат большой многомесячной работы Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, работы, усложненной почти полной закрытостью всех данных о так называемых «спецпсихбольницах». Материал собирали по крупицам, многократно перепроверяли, добытое тщательно хранили, место хранения часто меняли. И все-таки от плотной слежки не удалось уйти.

Но духом в таких случаях люди, посвятившие себя этому делу, не падают. Тут же начинают восстанавливать утраченное, и хотя инструментом теперь является память, восстановить обычно удается. Так, восстановлена и уже попала на Запад книга «Карательная медицина».

Опыт свидетельствует, что прекратить утечку сведений о нарушениях прав человека в СССР КГБ не способен. Ему иногда удается задержать на некоторое время передачу тех или иных сведений, но прекратить — нет! Поэтому в последнее время все чаще предпринимаются попытки скомпрометировать участников правозащитного движения и создать им тяжелые жизненные условия.

Вот некоторые из самых свежих фактов.

23 июня 1977 года вызвали в милицию, взяли под стражу и доставили в суд Юрия Гримма. Тут же его осудили на 10 суток ареста за «мелкое хулиганство», которого он не совершал. Адвокат, свидетельство которого по этому делу прилагается в приложении 3, доказал незаконность ареста. Все же приговор вступил в силу — и Гримм отсидел 10 суток.

Почему?

Причин целых три: 1) Гримм на прицеле у КГБ как человек, подавший заявление на выезд (за это он снят о работы и вынужден работать грузчиком); 2) Гримм часто посещает престарелых Григоренко и проявляет о них заботу; 3) и самое главное: Гримм по условиям работы имел возможность поехать на день на процесс Руденко и Тихого. Десять суток ареста лишили его такой возможности.

Таким же простым способом изолировали приехавших на этот суд из Москвы Петра Старчика и Кирилла Подрабинека. Первого, продержав в камере предварительного заключения полтора суток, принудительно отправили в Москву, предупредив, что при попытке возвратиться он попадет в психиатричку. Второго просто продержали в КПЗ четверо суток и выпустили только после того, как суд закончился.

Только что, 22 августа 1977 года, внезапно, совершенно незаконно в кабинете следователя арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму Феликса Сереброва, члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Он находился под следствием по пустяковому, не имеющего никакого отношения

к Группе делу, изобретенному специально для ущемления одного из активных правозащитников. Но так или иначе мерой пресечения для него была избрана подписка о невыезде. Он своей подписки не нарушил и из Москвы не выезжал. Однако мера пресечения внезапно была изменена, и Феликса Сереброва прямо из кабинета следователя забрали в тюрьму. По-видимому, сфальсифицировано более серьезное обвинение.

24 августа 1977 г. в Вильнюсе арестованы: член Литовской группы «Хельсинки» Викторас Пяткус и участник правозащитного движения Антанас Терляцкас.

Репрессии обрушиваются не только на тех, кто помогает членам Группы, но и на тех, кто обращается к ней за помощью. Так, в милиции, а затем в психиатричке оказался баптист Александр Волощук, который, формально обменяв свою площадь в гор. Горьком, приехал с семьей (жена и трое детей — 11, 9 и 7 лет) в гор. Харцызск Донецкой области и не получил там законной площади, ибо властям не захотелось прописывать баптиста. Приехав с семьей в Москву, в Приемную Президиума Верховного Совета, чтобы обжаловать беззаконие, он был отделен от семьи и направлен в психиатричку.

Органы КГБ применяют широкий спектр «мер»: от анонимных писем и обысков в поездах до забрасывания квартир камнями, лишения возможности зарабатывать на жизнь, бессудных арестов и т.п. Но наиболее тяжкие и беззаконные средства применяют они против членов Групп содействия соблюдению Хельсинкских решений.

В этом смысле особенно показателен процесс Руденко-Тихого.

4. Не было суда — была расправа

Уж на что мы люди привычные, но даже для нашего времени и места действия характер и обстоятельства проведения. процесса Руденко-Тихого превышали все нормы беззакония.

Чем же отличался этот процесс?

Во-первых, полнейшей, абсолютной *закрытостью*, рассчитанной на то, чтобы ни в стране, ни за рубежом никто ничего о ходе судебных заседаний узнать не смог. Для этого к обычной закрытости добавляют еще закрытость, обусловленную расстоянием. Руденко — жителя Киева — везут за 1000 километров в Донецкую область, где живет Тихий. Мотив: у Олексы Тихого при обыске нашли старую немецкую винтовку. Была ли она у него до прихода обыскивающих, неизвестно, но следствию заблагорассудилось предположить, что поскольку Руденко знаком с Тихим, он мог из Киева участвовать в схоронении[1] винтовки в Донецкой области. Итак, Руденко везут за тысячу километров в Донецк, о винтовке тут же забывают и начинают следствие по ст. 62 УК УССР. По закону полагается по этой статье судить по месту жительства — в Киеве. Но не везти же обратно! Дело остается в Донецке.

Все же и Донецк — недостаточно далеко и недостаточно закрыто. Суд переносится в рабочий поселок Дружковку, где никто из подсудимых не живет. Поселок маленький, местная милиция знает в лицо всех своих жителей и поэтому может безошибочно вылавливать приезжих. «Зал суда» — красный уголок конторы «Смешторга» (примерно, 70 мест) — как обычно на политических процессах, заполняется специальной публикой. Но и здесь — некое «новаторство»: привезены не только подсудимые, состав суда, свидетели, привезена и публика — *все присутствовавшие на суде жили в гостинице и питались в ресторане*. Местных жителей, которые в последние дни поняли, что в Красном уголке происходит что-то важное, и стали пытаться проникнуть в зал, милиция и приезжие охранники оттесняли, а слишком настойчивых забирали (говорят, что че-

[1] Так в тексте. — *Сост.*

ловек семь местной молодежи попали в милицию за слишком настойчивое желание попасть на суд).

Вторая характерная особенность этого процесса — открытое, циничное *лишение обвиняемых прав на защиту*.

Согласно УПК РСФСР, «защитник приглашается обвиняемым или его законными представителями, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого».

Руденко и Тихому не дали возможности пригласить адвоката по своему выбору, не дали такой возможности и их законным представителям — жене Руденко и матери Тихого. Следствие велось, как уже сказано, в Донецке, и следователи *скрыли* от Раисы Руденко, живущей в Киеве, и от матери Тихого (она живет в Донецкой области, но ей 83 года, и до Донецка она может добраться только попутным транспортом) сроки окончания следствия. Это было сделано, чтобы помешать пригласить адвокатов, которые сообщили бы родным о том, на какое число назначен суд. В результате Раиса Руденко узнала о начале суда лишь на пятый день после того, как он начался, а попасть на суд смогла лишь на седьмой день.

Не спрашивая согласия подсудимых, им просто назначили «защитников» — членов Донецкой коллегии адвокатов Алексевнина и Корецкого.

Олекса Тихий в самом начале судебного заседания заявил, что он отказывается от назначенного ему защитника и будет вести свою защиту сам. Ст. 50 УПК РСФСР и соответствующая статья УПК УССР вполне определенно указывают, что подсудимый имеет на это право и его отказ от «услуг» адвоката для судьи обязателен. Однако в нарушение закона судья предоставил слово для защитительной речи не О. Тихому, который добивался права защищать себя сам, а адвокату Корецкому, который, по существу, присоединился к обвинению, как и адвокат Алексевнин.

Оба подсудимых виновными себя не признали и решительно протестовали против суда над мыслью и словом. Оба казенных адвоката вину своих подзащитных полностью признали и ходатайствовали перед судом лишь о снисхождении, которого подсудимые не просили. Это, пожалуй, первый случай после трагически известных процессов 30-х годов, когда адвокаты выступают в роли помощников прокуроров. Но если в 30-х годах они шли на сделку с совестью под страхом сталинской расправы, то их современные коллеги Корецкий и Алексевнин движимы лишь лакейским стремлением заслужить милость властей предержащих. Пусть их фамилии будут широко известны и покрыты позором в глазах всех честных людей!

Третье обстоятельство — упорное *замалчивание существа предъявляемых обвинений* (впрочем, это не очень ново: еще в 1968 году пятерых, демонстрировавших на Красной площади, судили не за демонстрацию в защиту оккупированной Чехословакии, а за... помеху городскому транспорту).

М. Руденко и О. Тихого судили по ст. 62 УК УССР, то есть по обвинению в антисоветской пропаганде. А конкретно? В составлении и распространении меморандумов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Что же в них антисоветского? Все! А конкретно? А конкретизировать суд не хочет. Суд дотошно выясняет, где писали, кто писал, кто переписывал на машинке, на какой именно, где хранили, кто читал. А *что написано в инкриминируемом документе* — об этом говорить запрещается. Властью судьи этот вопрос всякий раз снимался. Подсудимые требуют: «Давайте разберем каждый меморандум: будем читать и опровергать или подтверждать каждый изложенный в нем факт». Судья приказывает подсудимым замолчать и кричит на них каждый раз, когда они пытаются заговаривать о содержании составленных ими документов. Защитить их некому: адвокаты заранее перешли на позицию помощников прокурора — раз следствие признало документ антисоветским, следовательно он антисоветский, и доказывать на суде нечего.

По существу, судебного процесса, в котором предполагаются стороны — обвинение и защита, — просто не было. Не было и судьи, который обязан занимать нейтральную позицию, поддерживать спокойную деловую обстановку, добиваться выяснения запутанных вопросов. Прокурор и судья (пусть знают и его фамилию — Э. Зинченко) выступали здесь как единый субъект. Причем судья нужен был, главным образом, чтобы запрещать подсудимым то, что неудобно или невыгодно прокурору.

Следует сказать еще об одной детали обвинительного заключения. М. Руденко, в числе прочих, было предъявлено обвинение в «клевете на марксизм», содержащейся якобы в «его философском труде «Экономические монологи», где автор подвергает критике марксову теорию прибавочной стоимости.

Такое обвинение вообще юридическая бессмыслица. Клевета есть заведомая ложь, и обвинение в клевете может относиться только к изложению фактов, а не к трактовке научных теорий. Нельзя, например, представить себе, чтобы сторонники и противники эйнштейновой теории относительности вели между собой спор через суд, предъявляя друг другу обвинения в клевете на физику. С критикой Руденко теории прибавочной стоимости можно соглашаться или не соглашаться, можно ее научно опровергать. Но — судить?!

Нечто подобное инкриминировалось и О. Тихому. Несколько лет назад он написал историческую работу, о которой знали даже не все его друзья, а из тех, кто знал, не все читали (видимо, сам он считал ее недостаточно доработанной). В свое время КГБ без ведома О. Тихого направил этот труд на рецензию заведующему кафедрой теории литературы Донецкого университета Илье Исаковичу Стебуну. Узнав об этом, Тихий попросил Стебуна дать ему прочесть рецензию. Рецензию Стебун не дал, но предложил обсудить работу Тихого на кафедре. О. Тихий согласился — и это спровоцированное КГБ обсуждение Стебун в качестве «свидетеля» изобразил теперь на суде как доказательство распространения О. Тихим антисоветской пропаганды.

Таких свидетелей суд признает и приветствует. А вот когда М. Руденко попросил вызвать в качестве свидетеля участкового врача Ивана Ковтуненко[1], суд отклонил его ходатайство на том основании, что свидетель находится на излечении по поводу... психического заболевания.

Дело в том, что летом 1976 года И. Ковтуненко, мучимый совестью, пришел к Руденко и сказал, что КГБ взяло с него обязательство доносить на своего пациента. Он попросил Руденко предать этот факт гласности и написал соответствующее заявление.

Вскоре И. Ковтуненко арестовали и попытались создать дело о его взяточничестве. Дело, впрочем, сорвалось, но Руденко написал открытое письмо, в котором заявил, что арест врача — расправа за отказ сотрудничать с КГБ. Теперь это письмо предъявили Руденко как клеветнический документ. Тогда-то Руденко и попросил вызвать самого И. Ковтуненко, и оказалось, что если всесильный КГБ не всегда может сделать из честного человека доносчика и «взяточника», то уж сделать здорового человека заключенным психиатрички может несомненно.

Так и не пришлось Миколе Руденко и Олексе Тихому стать подсудимыми на судебном процессе. Они стали жертвами полицейской расправы, загнавшей в смертный круг талантливого писателя и замечательного педагога.

Это действительно *смертный круг*. Ибо оба они *фактически приговорены не к заключению, а к смерти*.

Миколе Руденко — 56 лет. У него — тяжелейшее ранение в пояснично-крестцовой области с повреждением позвоночника, полученное при защите Родины в блокадном

[1] Так в тексте, правильно — Михаил — *Сост*.

Ленинграде. Без постоянного специального ухода в домашних условиях он долго не выдержит.

Микола Руденко приговорен к максимальному сроку по 1-й части ст. 62-й — 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Почему к максимальному? Допустим, что суд верит в то, что Руденко совершил преступление. По закону наказание назначается с учетом личности подсудимого. Что еще надо учитывать, если не поведение при защите Родины? С преступлением борются не жестокостью, а неотвратимостью наказания, гласит столь далекая от практики умная и человеческая советская правовая теория. Почему же не назначить минимальный срок (шесть месяцев) инвалиду, стоящему на грани смерти или полной неподвижности? Разве такой срок не гарантирует неотвратимости наказания?

Но это не подходит. Смертный приговор Руденко вынесен не судом и до всякого суда. Суду оставалось только найти форму умерщвления. Повешение не годится, расстрел тоже, гарротой[1] у нас не пользуются… Зато можно убить с помощью ран, полученных в бою, — нужно только поставить в соответствующие условия.

Олекса Тихий моложе: ему всего 50 лет, и болен он не так тяжело, как Руденко, — пожалуй, за семь лет может и не умереть. Выход находят: его судят по второй части как рецидивиста — и дают 10 лет еще более тяжкого, особого режима. Правда, по закону судить его как рецидивиста нельзя: первое осуждение погашено сроком давности, но что такое закон, когда требуется выполнить внесудебный приговор: живым на свободу не выпускать! В общем, и о Тихом позаботились: десять лет лагерей особого режима плюс пять лет ссылки вполне обеспечивают немолодому и больному человеку пожизненное заключение.

Почему такая жестокость, такой произвол?

Потому что совершался не суд, а расправа, месть.

Для суда требуется, как минимум, чтобы судья, прокурор, следователи не были лично заинтересованы в деле. Формально существует даже процедура отвода, и в статье 59 УПК РСФСР в качестве основания для отвода упоминается: «Если имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что судья лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле».

Но в наших условиях нет судьи, который лично, прямо или косвенно, не был бы заинтересован в вынесении приговора по политическому делу, ибо приговор *продиктован ему заранее*. Уж не говоря о том, что судья, прокурор и следователи принадлежат к правящей политической партии, решения которой для них превыше всех законов, даже беспартийный судья, если таковой найдется, не вынесет в наших условиях приговор, противоречащий партийной директиве или негласным указаниям КГБ — если, конечно, он не пойдет на то, чтобы перейти в категорию грузчиков или даже подсудимых. Так можно ли считать его незаинтересованным — «прямо или косвенно» — в деле?

Но кто и где примет такой отвод?

В процессе Руденко-Тихого особенно явственно сказалась жажда нашей государственной и партийной «элиты» расправиться с морально противостоящими ей людьми, разоблачающими ее беззакония. Особенно открыто выражалось это в отношении Руденко:

«Ты был в партии, в партийной элите и смеешь выступать не по ее директивам! Так вот же тебе, получай! Смерть!»

Поэтому такой срочной, такой неотложной является защита М. Руденко и О. Тихого. Им мстят, их хотят физически уничтожить!

---

[1] Орудие казни, использовавшееся в Испании. — *Сост.*

5. Подготовка к массовым репрессиям

О чем свидетельствует суд над Руденко и Тихим, аресты и преследования других членов Хельсинкских групп, кампании клевета в печати и прочее?

О двойном процессе: 1) нарастании оппозиционных настроений внутри Советского Союза и 2) нарастании страха у властей перед этими настроениями и все укрепляющейся тенденцией перейти поэтому к испытанным сталинским методам расправы.

Есть ли оппозиция в Советском Союзе?

Да, есть. Но, пожалуй, только потенциальная. Чтобы стать политической оппозицией, нужна политическая программа и политическая организация. Такой в Советском Союзе нет. И когда о нас, членах Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений, говорят: «Они не представляют собой оппозицию», — говорят правду. Мы не только не имеем политической организации, но и не хотим ее иметь. И когда о нас кричат: «Вы никого не представляете!» — мы тоже не будем возражать: мы и не беремся представлять кого-то. Мы представляем самих себя и считаем, что это, во всяком случае, самое честное представительство.

Но когда о нас, как и о других диссидентах, утверждают, что мы — одиночки, отщепенцы, говорят заведомую неправду. Мы не «представители», но и не отщепенцы. Нам не от чего отщепляться: мы — не частички единого древа, а деревья в лесу. Мы растем из одной почвы и, питаясь ее соками, каждый растим свой ствол и свою крону. Нам понятны и дороги нужды леса и окружающих нас деревьев, мы участвуем в их общей жизни, но остаемся при этом сами собой. И уж никак нельзя назвать одиночками людей, отдающих свое время, силы, душу борьбе за человеческие права своих сограждан, помощи им в их неотложных нуждах — от жилья и куска хлеба до возможности работать в родной культуре или действовать согласно своим религиозным убеждениям. Непосредственное общение с людьми самых разных социальных слоев, национальностей, взглядов дает нам возможность видеть, знать, чувствовать не аплодирующую, а живую и животворящую Родину. И мы не можем не видеть, что оппозиция в стране есть, но в силу особых условий советской жизни она не выступает как политическое движение. Это — оппозиция моральная, не имеющая своей организации и материальных средств. Ей же противостоит мощная и богатая государственная система с ее судами, тюрьмами, лагерями и психиатрическими больницами. И все же государственная власть боится этой оппозиции. Ибо за небольшой группой «ни с кем не связанных» диссидентов власти провидят контуры той оппозиции, которую они сами создают своей жестокой и бесчеловечной политикой.

Не Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений создала движение советских немцев за эмиграцию. Но несколько миллионов издавна живущих в России немцев не могут смириться с тем, что их изгнали с их национальной территории, лишили национальных школ, национальной печати, национальной культуры. Они никогда не смирятся с унижением их национального достоинства, с тем, что их принуждают к насильственной ассимиляции.

В аналогичном положении находятся миллион крымских татар и полмиллиона кавказских турок.

Эти народы уже сегодня борются за свои права, справедливо ссылаясь на Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. И если их требования не будут удовлетворены, гнев их может только нарастать.

А евреи! Безнадежна попытка объяснить стремление русских евреев эмигрировать происками Израиля или ЦРУ. Те, кто хочет жить в еврейском государстве, будут продолжать добиваться свободы эмиграции, а те, кто эмигрировать не хочет, — права на свободное, равноправное существование в СССР. И культивирование зоологи-

ческого антисемитизма (под маской борьбы с сионизмом) вряд ли будет способствовать снижению оппозиционности.

На Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и других союзных республиках все усиливается русификаторская политика властей — и соответственно все растет недовольство этой политикой.

Жестокие и неразумные преследования за веру вызывают все возрастающее негодование верующих[1].

Узда, все крепче накидываемая государством на литературу и искусство, не может не вызывать негодования мыслящих и чувствующих писателей и художников, читателей и зрителей. Наша культура по этой причине уже лишилась многих выдающихся талантов. Впереди — либо растущая эмиграция талантов, либо открытое негодование людей искусства.

Хроническое техническое и технологическое отставание СССР от Запада, постоянные неурядицы в планировании и организации производства питают пока скрытую, но все нарастающую оппозицию в рядах технической интеллигенции и ученых.

И, наконец, бытовые неурядицы (нехватка товаров, изнуряющие очереди, транспортные беспорядки, бюрократические нелепости) вызывают недовольство всего населения. Граждане начинают понимать, что главная причина всех бед — несменяемость властей и бесправие народа.

Лечить болезни власти не умеют и не хотят. Они хотят, чтобы их не видели посторонние и на них не смели жаловаться советские граждане. А от этого власти знают одно средство — репрессии. Вот почему в последнее время они так участились — от мелких до крупных, вот почему они так целенаправленно применяются особенно к. членам Групп содействия и помогающим им людям, потому что они «выносят сор из избы».

В свете последних событий следует напомнить события сорокалетней давности. Пик сталинских репрессий последовал как раз за принятием «самой демократической в мире» сталинской Конституции. А ведь она и впрямь была демократичней этой, которая сейчас всеми радужными красками расписывается в нашей печати. Правда, и та Конституция ни одной минуты не выполнялась, но хоть было на что ссылаться. Сейчас и ссылаться не на что будет: декларируемые «свободы» обставлены таким частоколом оговорок, что от них вообще ничего не осталось. Тем удобнее, прикрываясь «социалистической» фразеологией, развернуть репрессивную кампанию. При этом советская пропаганда чрезвычайно заинтересована в том, чтобы западное общественное мнение реагировало на это как можно глуше. В этой пропаганде используется и сравнительно недавнее освобождение Л. Плюща и В. Буковского, и невероятно жестокий приговор Руденко и Тихому. Схема пропаганды приблизительно такова: «Вот вы, западные деятели, шумели насчет прав человека — и советское правительство стало непреклонно. Шумели бы поменьше, и приговор Руденко и Тихому был бы мягче. Вот насчет Плюща и Буковского были переговоры с помощью «тихой дипломатии», мы их и освободили».

Это — расчетливая ложь. Если бы не широкая международная кампания в защиту Буковского и Плюща, ни на какие «тихие» переговоры относительно них советское правительство не пошло бы. Пусть живет и здравствует «тихая дипломатия», если с помощью ее освобожден хотя бы один страдалец, но без гласности она не сможет освободить ни одного. Мы счастливы, что спасены Буковский и Плющ, но у нас в руках список более чем 250 тяжело больных политических заключенных, нуждающихся

[1] Недавно мы получили письмо от 1800 пятидесятников и баптистов. Не успело оно дойти до нас, как количество подписей увеличилось до 2500. В письме они требуют выпустить их из страны, в которой, «кроме оскорблений и клеветы, гонений и тюрем, мы ничего доброго не видим».

в немедленном освобождении (в том числе сын многострадальной Оксаны Мешко — Александр Сергиенко). И у нас есть сведения о тех, кого продолжают держать в психиатрических тюрьмах, и о тех, кого совсем недавно «тихо» в них загнали. А кроме тех, о ком мы знаем, есть многие-многие другие...

Никакой «тихой дипломатии» с этим не справиться. Гласность разбудила борьбу за права человека. Гласность и только гласность поможет разоблачить античеловеческий облик советских лагерей, тюрем, спецпсихбольниц, сделать позорной службу в учреждениях, преследующих мысль и слово.

Сейчас вся репрессивная и пропагандистская система нацелена на подготовку нового этапа широкой «чистки» в стране. Постепенно, тихо идет в ход все: от запугиваний до провокаций.

На 1 сентября 1977 г. в Верховном Суде УССР назначено слушание дела по кассационной жалобе М. Руденко и О. Тихого[1]. Все попытки родственников осужденных и доверенных лиц пригласить московских адвокатов пока тщетны: под разными предлогами они отказываются принять дело. Один из адвокатов (опасаясь за него, мы не назовем его фамилию) сказал прямо, что ширмой для беззакония быть не хочет, а осуществлять в суде действенную защиту Руденко и Тихого — не может.

Поступили сведения о том, что в апреле 1977 г. майор Эстонского КГБ Молох[2] (какая подходящая фамилия!) пытался завербовать таллинского инженера Эрика Удама для создания фиктивной (провокаторской) «диссидентской» организации. Была поставлена задача заинтересовать иностранных корреспондентов в Москве и через них выйти на ЦРУ. Для первоначальных расходов обещали выделить крупные средства (порядка сотен тысяч рублей). Эрик Удам отказался — и сделка не состоялась (письмо Удама — в приложении 5). Но молохи от своих планов так легко не отказываются. Мы знаем, что с помощью таких же созданных в ГПУ «организаций» вершились в 20-х и 30-х годах провокационные «дела», стоившие жизни многим ни в чем не повинным людям.

Еще показательнее сведения, полученные из Калуги. Ссыльный Юрий Федоров рассказывает в письме другу (см. приложение 6), как его самолетом доставили в Москву и оттуда на машине — в Калугу. В Калуге следователь Евгений Саушкин предложил Федорову выступить в роли руководителя нелегального «центра» борьбы с режимом, причем в качестве руководителя легального «центра» (связанного, разумеется, с нелегальным) назвали А. Гинзбурга. Федоров отказался — и его отправили обратно, посоветовав «подумать». И можно быть уверенным, что от попыток поставить зловещие спектакли по слегка модернизированным сценариям «Процесса промпартии», или «Союзного бюро РСДРП», или «СВУ»[3] и пр. КГБ не откажется.

Надо неустанно разоблачать эти провокационные замыслы. И делать это надо не «тихо», а громко, во весь голос, чтобы не дать нанести удар по правозащитному движению.

Цель властей ясна: продолжать не выполнять Хельсинкские соглашения, но прекратить поток сообщений об их невыполнении. Если удастся скомпрометировать и разгромить Хельсинкские группы, думают они, этот поток иссякнет. Пусть не надеются! Накал такой, что замена нынешним членам Групп найдется. Правда, работать им будет еще труднее. Но зато международной общественности станет ясно, что Хельсинкские соглашения для наших властей — пустая бумажка.

---

[1] Слушание дела состоялось 15 сентября. — *Сост.*

[2] Правильно — А. Молок. — *Сост.*

[3] Показательный политический процесс на Украине в 1930 г. См. также прим. LXVIII. — *Сост.*

Несомненно одно: если СССР собирается выполнять Хельсинкские соглашения, то советские власти не должны преследовать людей, указывающих на нарушения прав человека. Наоборот, они должны ставить преграды нарушителям этих прав. Если Советский Союз намеревается выполнять Хельсинкские соглашения, то прежде всего должны быть освобождены люди, арестованные за то, что они предавали гласности нарушения этих соглашений.

Мы имеем в виду всех арестованных членов Хельсинкских групп. Мы требуем свободы для Миколы Руденко, Олексы Тихого, Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Анатолия Щаранского, Мирослава Мариновича, Миколы Матусевича, Звиада Гамсахурдиа, Мераба Костава, Феликса Сереброва, Викторaса Пяткуса и Антанаса Терляцкаса.

Члены Московской и Украинской Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Петр Григоренко, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Владимир Слепак, Олесь Бердник, Иван Кандыба, Левко Лукьяненко, Оксана Мешко, Нина Строкатова
Публикуется по АС № 3058.

60

Документ № 24

Участникам Белградской встречи по безопасности и сотрудничеству в Европе

ДИСКРИМИНАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Нами уже ставился вопрос о невыполнении Советским Союзом Хельсинкских соглашений в части недопущения дискриминации по национальному признаку. Этому вопросу был посвящен и наш документ № 10, опубликованный в ноябре 1976 г. В нем было рассказано о дискриминации крымских татар. К сожалению, мы вынуждены обратиться к этому вопросу еще раз, так как он приобрел особую остроту.

Будучи лишенным национальной территории, крымско-татарский народ поставлен на грань прекращения своего существования как нации. Если для других, ранее депортировавшихся, народов отменены законы, запрещавшие им возвращаться на родину, то для крымских татар эти законы оставлены в силе. Если такие народы, как евреи и немцы, могут противодействовать дискриминации эмиграцией на свою прародину, то у крымских татар нет и такой возможности. Их родина — Крым — входит в состав Советского Союза.

Учитывая сказанное, мы просим глав правительств, подписавших Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, с особым вниманием изучить настоящий документ и принять соответствующее решение.

1. Немного истории

Известно, что незадолго до окончания войны советское правительство депортировало ряд малых наций со своей родины в малообжитые районы, где для них был установлен особо жестокий режим спецпоселений[LXX]. В числе этих народов были и крымские татары В результате зверского обращения с людьми в период депортации и в первый год спецпоселения погибла почти половина крымских татар (46,2%). Впоследствии, на XX съезде КПСС, депортация и режим спецпоселений были названы геноцидом[LXXI].

О выселении из Крыма и последствиях этой акции сами крымские татары в одном из последних своих писем в ЦК КПСС (март 1977 г.) рассказывают следующим образом: «Среди высланных оказались все, вплоть до семей погибших бойцов, партизан и подпольщиков. Лишенные кормильцев, эти семьи в первые же годы ссылки в основном погибли. По окончании войны после демобилизации под комендантским надзором оказались также солдаты и офицеры, сражавшиеся в рядах Советской Армии против фашистских захватчиков, Герои Советского Союза и многие честные коммунисты и беспартийные, до последнего дня принимавшие участие в освобождении оккупированных территорий, в том числе и Крыма».

Выселение было проведено повсеместно только по национальной принадлежности, без оглашения населению решения правительства.

Действия военных властей в отношении крымско-татарского народа 18 мая 1944 г. преподносились как «необходимые меры» против самого «отъявленного врага». По всему пути следования железнодорожных составов из крытых красных вагонов, забитых детьми, женщинами, стариками, больными, на всех станциях их встречала унизительными выкриками и забрасывала камнями специально подготовленная, организованная толпа.

Такой же «прием» ожидал крымских татар по месту прибытия — их по заранее составленному распределению отправляли в самые отдаленные точки отстающих хозяйств, при этом не считаясь даже с тем, насколько пригоден ссыльный к тяжелому физическому труду.

С этим актом выселения крымско-татарский народ лишился:

— родного края, в котором предки нынешних крымских татар, осваивая землю, с первых веков нашей эры сформировались как народность, назвав край на родном языке «Крым»-ом, а себя впоследствии крымскими татарами;

— памятников материальной культуры, созданных руками талантливых представителей народа в течение многих веков.

У крымско-татарского народа ликвидированы:

— начальные и средние школы обучения на родном языке — гарантия существования и сохранения крымско-татарского языка;

— высшие и средние учебные заведения, специальные и профессиональные, технические училища с преподаванием на родном языке — кузницы национальных кадров;

— национальные театры, ансамбли и студии;

— газеты, издательства, радиовещание и другие национальные органы и учреждения (союзы писателей, журналистов, художников и т. д.);

— научно-исследовательские институты и учреждения по изучению крымско-татарского языка, литературы, искусства и народного творчества.

У крымско-татарского народа уничтожены:

— кладбища и могилы предков с надгробными камнями и надписями;

памятники и мавзолеи исторических личностей народа.

У крымско-татарского народа отняты:

— национальные музеи и библиотеки с десятками тысяч книжных томов на родном языке;

клубы, читальни, молитвенные дома — мечети и медресе.

У крымско-татарского народа фальсифицирована история формирования его как народности и переименованы названия:

— городов и сел, улиц и кварталов, географические названия местностей и т.п.;

— переделаны и присвоены народные легенды и другие виды народного творчества, созданные веками предками татар.

В результате таких мер, подорвавших корни национального существования и развития народа, на глазах всего советского народа и мировой общественности запятнана честь всего крымско-татарского народа.

После XX съезда, особенно с момента опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г., крымские татары начали петиционную кампанию за восстановление своего национального равноправия. Названный Указ облегчал жизнь народа в местах его высылки, так как снимал с учета спецпоселения и освобождал из-под административного надзора, но не снимал с него обвинения в измене и ничего не давал ему как нации: снятие указанных ограничений не влекло за собой возвращения конфискованного при выселении имущества и не давало права возвращения в места, откуда они были выселены. Такой Указ, естественно, не мог удовлетворить народ. Ему нужна была родина, т.е. территория, язык, культура. Поэтому петиционная кампания приобретала все более массовый характер. Письма в ЦК и правительство подписывают сначала десятки и сотни, затем — тысячи и десятки тысяч человек. Одно из писем с требованием отменить все дискриминационные законодательные акты и возвратить народ в Крым подписали 126 тысяч человек. Всего за шестидесятые годы было собрано более 3 миллионов подписей. Иными словами, каждый взрослый подписался 6–7 раз.

Под напором этой мощной волны народного протеста, принимавшего все более организованный характер, правительство вынуждено маневрировать. Трижды представители Политбюро встречаются с представителями крымско-татарского народа, обещают им рассмотреть и решить положительно их вопрос. А тем временем репрессии против организаторов петиционной кампании усиливаются.

Переломный момент наступил после третьей встречи крымско-татарских представителей с представителями Политбюро[LXXII]. Результатом этой встречи явился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» от 5 сентября 1967 г. Более лицемерного документа, чем этот Указ, трудно придумать.

С одной стороны, снимаются огульные обвинения с народа, что может быть понято, как уравнение крымских татар в правах с другими народами и нациями.

С другой стороны, вопреки действительной воле крымских татар, выраженной в петициях, утверждается, что они укоренились в местах, куда их депортировали. Это является неуклюжей попыткой замаскировать тот факт, что запрет на возвращение в места, откуда крымские татары выселены, объявленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г., остается в силе.

И, наконец, этим Указом предпринята попытка исключить крымских татар из числа наций. В этом Указе они названы «гражданами татарской национальности, проживавшими в Крыму». Нет больше крымских татар, бывших полновластных хозяев Крыма, покоренных Россией, а есть граждане татарской национальности, проживавшие в Крыму наряду со многими другими нациями. Значит, твоя прародина, крымский татарин, не Крым, а Татарская АССР. Нельзя даже вообразить более грубую историческую фальсификацию. Нация, самостоятельно развивавшаяся в течение многих веков, создавшая собственную богатую культуру, имеет с казанскими и волжскими татарами только то общее, что и в ее названии есть слово «татары». И вот эта нация объявлена несуществующей, и появляется какая-то никогда не существовавшая татарская национальность. Чего только не придумаешь, чтобы оправдать изгнание с родины целого народа.

Но подавляющее большинство простых крымских татар не заметило этого лицемерия. Людям было радостно, что они уже не «преступники», что они могут смело смотреть в глаза людям труда всех наций. И они думали, что они могут теперь свободно

вернуться на родину. Сразу после Указа и в течение последних двух лет в Крым прибыло свыше 20 тысяч крымско-татарских семей (около 100 тысяч человек), но их встретили милиция, войска. Их частично снова депортировали в те места, где они «укоренились», т.е. туда, где они находились в ссылке, а остальных просто выбросили из Крыма, и они осели на подступах к нему. Наступили отрезвление и разочарование, упадок сил. Все эти годы продолжались репрессии, и к 1970 году массовое движение было подавлено. Наиболее активные участники петиционной кампании оказались в тюрьмах и лагерях: свыше 300 крымских татар было осуждено за участие в национальном движении на различные сроки заключения. И это несмотря на то, что движение имело лояльный, мирный характер.

2. Советские законы и международное право

То, что совершено с крымскими татарами, как и с 13 другими малыми народами в 1943–44 гг., высшим органом правящей партии — XX съездом КПСС — названо геноцидом.

Советский Союз ратифицировал Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Она вступила для СССР в силу еще 1 августа 1954 г. Однако никто за преступление геноцида в 1943–44 гг. наказан не был. Если отсутствие таких наказаний может быть объяснено тем, что Конвенция вступила в силу после совершения преступления, то ничем нельзя оправдать того, что советские законы, на основе которых осуществлялся геноцид, сохраняют силу до сих пор. (Соответствующие указы и постановления см. в Приложении 1.)

Депортация крымских татар осуществлена на основе постановления Государственного комитета обороны от 8 мая 1944 г. Это постановление не отменялось. Наоборот, произошло его узаконение. Президиум Верховного Совета РСФСР принял 25 июня 1946 г. Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 апреля 1956 г. снимает крымских татар и некоторые другие народности с учета спецпоселения и освобождает из-под административного надзора органов МВД, но вместе с тем оставляет в силе предыдущие геноцидные законы и даже специально оговаривает, что нельзя ни конфискованное имущество получить, ни возвратиться в места, из которых выселен.

Наконец, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» от 5 сентября 1967 г. окончательно закрепляет совершенный геноцид, отнимая у крымских татар право считать себя нацией. Под прикрытием красивых слов о снятии огульных обвинений и предоставлении прав всех граждан СССР Указ лишает народ его исконной территории (запрет возвращаться в Крым не отменен, и именно этим руководствуются местные власти в Крыму, когда решается вопрос о прописке крымских татар), языка и культуры, оставляет его в рассеянии по многим советским республикам, явно рассчитывая на то, что ассимиляция довершит уничтожение нации, начатое депортацией 18 мая 1944 г.

Таким образом, Советский Союз, вопреки принятой им Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него, продолжает геноцид в отношении крымских татар, опираясь на ранее изданные законы, обеспечивающие ему осуществление геноцида.

Советские законы и практика в отношении крымских татар находятся также в противоречии с вступившей в силу для СССР еще 4 января 1969 г. Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Указанные советские законы находятся и в противоречии с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В разделе VIII «Деклара-

ции принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях», сказано:

«Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

Крымские татары были насильственно удалены со своей территории и подверглись геноциду. Кто, кроме них, имел право решать их судьбу, после того как геноцид был осужден правящей партией?! Несмотря на это, судьба их по-прежнему решается на основе произвола, допущенного в конце войны. Применяемые к ним советские законы находятся в полном противоречии с принятыми СССР международными обязательствами. А между тем, советское правительство, подписывая Заключительный акт, обязалось:

«При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, они будут сообразовываться со своими юридическими обязательствами по международному праву; они будут, кроме того, учитывать должным образом и выполнять положения Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»[1].

И если советское правительство желает выполнять добровольно принятые на себя обязательства, оно обязано помочь всем желающим крымским татарам вернуться в места, откуда они выселены 18 мая 1944 г., а затем предоставить им возможность «в условиях полной свободы определять, как и когда они пожелают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

3. Умерщвление нации продолжается

«Геноцид — убийство рода, племени». Так БСЭ расшифровывает это слово.

Депортация из Крыма в малообжитые местности, в непривычные климатические условия стоила крымско-татарскому народу жизни половины сынов и дочерей. Расселение на большой территории — Урал, Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Киргизия — среди инонационального населения, лишение школ на родном языке, национальной культуры, периодической печати и других средств массовой информации ставят крымских татар в условия национальной деградации, потери чувства общности со своими братьями по языку и культуре, утраты сознания принадлежности к своей нации. Нация умирает.

Но это не естественная, а насильственная смерть. Нация — это люди. А им от рождения присуще национальное чувство... «Нет человека, который не испытал бы неискоренимого чувства любви, привязанности к земле своих дедов и предков, к родной культуре, к своему языку, к своим традициям». Но пока это живет в людях, живет и нация.

Слова в кавычках принадлежат Л. И. Брежневу. Следовательно, мы можем считать, что наше правительство понимает недопустимость преследования за такие чувства. Но эти чувства поднимают на борьбу против условий, в которых народ может погибнуть как нация. Искусственно рассеянные крымские татары после Указа 1967 г. массами хлынули со всех мест их ссылки в Крым. Будучи выброшенными оттуда, осели на подступах к нему — в Херсонской и Запорожской областях, на Кубани и на побережье

[1] Цитата из раздела X «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях». — *Сост.*

Кавказа. В результате рассеяние нации возросло. Но с другой стороны, создалась как бы исходная позиция для переселения в Крым.

Наиболее смелые, упорные, предприимчивые из крымских татар, не страшась никаких трудностей, начали проникать в Крым. Власти, опираясь на неотмененные геноцидные законы и основанные на них инструкции и устные указания, повели решительную борьбу против такого «беспорядка». Если смотреть на обстановку в Крыму с точки зрения количества арестов и осуждений, то дело изменилось к лучшему. Сейчас в заключении только Мустафа Джемилев. Да отбывают принудительные работы и высылку несколько десятков человек, о которых говорит Энвер Аметов в своем заявлении для печати (приложение 2). Но зато неизмеримо усилились внесудебные репрессии, обрушиваемые на всех пытающихся поселиться в Крыму. Только человек невероятной выдержки и выносливости может перенести все удары властей, закрепиться и жить на земле предков.

За время, истекшее со времени издания Указа «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», т. е. за 10 лет, смогли вернуться на родину и прописаться только 1409 семей (7–8 тысяч человек). Сколько же лет потребуется на возвращение в Крым всего народа, если уже сегодня его численность — свыше полумиллиона? 650 семей живет без прописки. Многие из них добиваются прописки уже по два-три года. Так, с 1974 г. живут без прописки: в селе Пушкино — семья Халич (семь детей), а в селе Восточное — семья Аблякимовых (5 детей). Диляра Халич, как непрописанная, не получает все это время государственного пособия по многодетности. Обеим семьям, в качестве наказания за жалобы и протесты, отрезали электричество. Детей Халич в течение года не включали в списки учеников школы, которую они тем не менее посещали. Но в следующий класс их не перевели.

Положение непрописанных семей ужасно. Они, во-первых, живут в условиях непрерывно висящего над ними произвола. В чем это проявляется? Все непрописанные купили дома (иным путем получить жилье крымские татары не могут. Государственные и кооперативные жилища не для них). Но дом, который куплен с соблюдением всех формальностей, за который уплачена полная стоимость, их собственностью не является, так как нотариус не оформляет куплю-продажу без прописки покупателя. А прописывать — его не прописывают. И все время, пока он не прописан, над ним висит непрерывная угроза выселения. Каждую ночь и днем он ждет, что явится банда пьяных громил во главе с представителем милиции или властей и из дома будут выброшены дети и старики, больные и калеки, вещи изломают и разобьют, все ценное и деньги украдут.

И это не единичный случай, а система. Вот только случаи сентября 1977 г. И только те, что стали нам известны.

Село Садовое, Нижнегорский район. Мустафаев Нури вывезен из купленного дома в открытое поле в районе Джанкоя вместе с женой, двумя малолетними детьми — 3 лет и 1,5 года.

Село Семисотка Ленинского района. Выселены из купленных домов три семьи: Ш. Бекирова, А. Караева и С. Ходжиаметова. Два дома опломбированы, в третий вселили местного пьяницу и хулигана.

Село Рунное Сакского района. Выселены из купленого дома две пенсионерки — Нурие и Кериме Куртсеитовы — и их брат, инвалид Отечественной войны Халилов Рустем. Письмо Куртсеитовых и Халиловых об обстоятельствах выселения приводится в Приложении 2.

Село Молочное Сакского района. Выселена Зера Мустафаева с десятилетней дочерью (см. приложение 2).

Село Митяево, Сакский район. Участник Отечественной войны Аметов Сеитмемет с семьей выброшен из купленого дома и вывезен в лесополосу.

Село Трудовое, Сакский район. Выброшена из купленого дома семья Ганиева Амета.

В селе Лесновка Сакского района Меметов Сейдамет приобрел дом. В связи с этим на него заведено уголовное дело «за нарушение паспортного режима» (грозит до года заключения в лагере). Дело о нарушении паспортного режима возбуждено и против Нуретдина Усеинова (село Батальное Ленинского района).

Усиление репрессий в Сакском районе связывают с прибытием в район нового председателя райисполкома; в первый же день по прибытии он заявил: «У меня в районе не будет ни одного крымского татарина». Это еще одно доказательство полного произвола по отношению к крымским татарам. У такого администратора крымский татарин всегда будет виноват. А осадить его некому. Коль он не боится так говорить, значит, получил на то благоволение начальства.

В Приложении 2 приведены письма тех, кого выселили. Эти письма проясняют общую картину выселения, но надо иметь в виду, что бывали случаи и хуже. Такие выселения незаконны. Но законы не для крымских татар. Когда они жалуются прокурору, тот говорит: «Это незаконно. Жалуйтесь». Но жалобы попадают к таким, как председатель Сакского райисполкома, и на них не отвечают. Не было случая, чтобы кого-нибудь наказали за хулиганское выселение или хотя бы удовлетворили иск за испорченное и украденное. Так и живут непрописанные в постоянном страхе.

Во-вторых, над непрописанными висит постоянная угроза голода. Их, как непрописанных, на работу не берут. Крымские татары — добросовестные труженики. Это отмечают и узбекские правители, которые приложили и прилагают немало усилий, чтобы удержать их в Узбекистане. Они владеют, как правило, несколькими специальностями и согласны идти на любую работу, но их при общей нехватке рабочей силы в Крыму на работу нигде не берут. Крымско-татарские семьи преимущественно многодетны. Редко где меньше трех детей, а чаще всего 4–5 и даже 6–7 детей. Их надо накормить. Как? Прежде всего — с огорода, который положен при доме. Но этот источник ненадежен. Власти, основываясь на том, что земля государственная, отбирают приусадебные участки у крымских татар. Говорят: «Ты купил дом. Вот в доме и живи, а земля в Советском Союзе не продается». Еще один источник существования — сбор на полях послеуборочных потерь: колосков, кукурузных початков, картофеля... Такая послеуборочная уборка (местное название «чамбаловка») на Руси всегда поощрялась, к этому приучали детей. Не так теперь. Убранные поля стремятся запахать немедленно, чтобы закрыть послеуборочные потери землей. А если заметят, что крымские татары торопятся собрать впереди пашущих, то их задерживают и штрафуют на суммы, во много превосходящие стоимость того, что может быть собрано. Таким образом, и этот источник малонадежен.

Не перекрыт пока такой источник существования, как сбор дикоростов: цветов, лечебных трав, шиповника, кизила, орехов лесных и т.д. Крымские татары широко пользуются этим источником. Не дозволен им только один источник: производительный труд на предприятиях, в колхозах, в совхозах. Дикость: по стране идет набор рабочей силы в Крым, в самой области на каждом шагу объявления — «требуются»... «требуются»... требуются рабочие всех специальностей, инженеры, экономисты... А мимо идут те, кто требуется. Идут мимо потому, что их не берут. Не берут по той причине, что они крымские татары.

Так обстоит дело с живущими в Крыму, но не прописанными. Еще больше трудностей у тех, кто только прибывает в Крым. Им прежде всего надо купить дом. Это нелегко. Власти ведут работу среди населения, чтобы крымским татарам дома не продавали. При этом широко практикуется запугивание: «Продашь крымскому татарину дом — отберем» или «не выпишем». Одновременно разжигается ненависть против крымских татар, распространяются всякие клеветнические измышления о них. До сих пор, не-

смотря на Указ, власти говорят народу, что крымские татары изменили во время войны. Дело уже доходит до того, что вывешиваются объявления такого типа: «Продается дом в Белогорске. Узнать после 5 часов по ул. Нижнегорская 2, кв. 5. Дом будет продаваться только русским».

Естественно, что при таких условиях приобрести дом нелегко. Но если это удалось, радоваться рано. Власти примут все меры, чтобы принудить владельца дома расторгнуть договор купли-продажи. Идут даже на то, что покупают этот дом сами, ссылаясь на преимущественное право колхоза или совхоза покупать строения, находящиеся на его территории. При этом купля производится по государственной, т. е. заниженной, оценке, и тут же сносят этот дом. И здесь дикость: по области пустуют сотни домов, построенных для колхозников, которых должны навербовать и привезти в Крым. Навербовали и привезли, многие не вынесли крымских условий и уехали. И вот годами стоят пустые дома. В селе Крымский Кумыс Белогорского района, например, заколочено более 50 домов. А рядом ходят люди, которые готовы платить за эти дома и трудиться на любом месте, на любой работе.

Но вот дом куплен, и его владелец вместе с семьей попадает в категорию непрописанных жителей Крыма. Когда-то он теперь пропишется, пройдя все муки, которые проходят все непрописанные. Но до этого ему еще нужно получить свои домашние вещи из Средней Азии. Это тоже проблема. В Средней Азии строжайшее указание: «Крымским татарам контейнера не давать». А как его отличишь, крымского татарина? Поэтому не дают контейнеров в Крым. Ну, а если контейнер в Крым все же прибыл, то вывезти его невозможно. Контейнеровоз крымскому татарину не дадут.

Но вот вы, крымский татарин, прописались в Крыму. Не думайте, что пришел конец всем вашим бедам. Во-первых, вы подвергнетесь дискриминации на работе. Один только пример. Бешевин Нариман, лауреат Государственной премии по строительству. В Средней Азии, в г. Алмалыке, был начальником строительного управления. Переехав в Крым, даже мастером устроиться не может.

Во-вторых, вам придется столкнуться с враждебностью определенной части населения. Против крымских татар настраивают, распуская клеветнические слухи, коммунистов и комсомольцев, а также обывателей. Хулиганов буквально поощряют на хулиганские поступки против крымских татар. Ни один крымский татарин не рискнет жаловаться на хулигана, ибо в результате дело будет возбуждено против крымского татарина. Памятен случай, когда двое пьяных хулиганов украли у крымского татарина трех овец. Он с двумя соседями нагнал воров и доставил их в милицию. Результат: все трое крымских татар были осуждены на несколько лет лагеря за «нанесение телесных повреждений» (ворам). Версия о нападении крымских татар на мирных жителей родилась в милиции на четвертый день после того, как воры были доставлены туда. Никаких свидетелей на суде не было. Свидетельствовали только двое «потерпевших» против троих крымских татар. И суд поверил «потерпевшим».

Вот и живут бывшие хозяева Крыма, не имея возможности опровергнуть клевету, не смея дать отпор хулигану, не имея правовой защиты, постоянно опасаясь провокаций.

Единственный способ их защиты — национальная солидарность. Это особенно ярко проявляется по отношению к незаконным выселениям и сносу домов. Крымские татары из близлежащих сел, узнав о подготовке к выселению или сносу, бегут к этому дому и грудью защищают его. Именно эта солидарность вынудила власти на выселение в ночное время. Банды громил ночью врываются в дома, связывают руки выселяемым и затыкают рты, чтобы они криком не привлекли внимания соседей. В таких случаях соседи узнают о выселении только утром. Крымские татары, имеющие автомашины, едут по Крыму разыскивать выселенных. Найдя, возвращают их в дом, если

власти не успели его снести. Если снесли, тут же раскидывают палатку. В общем, власти ведут настоящую войну против народа.

Особо жестоко власти расправляются с активистами, организаторами отпора произволу. В настоящее время вызывает тревогу угроза, нависшая над одним из давних активистов крымско-татарского движения — Энвером Аметовым.

В 1976 году власти снесли купленный им дом. Пришлось покупать другой. Но, пока он ездил на свое прежнее место жительства — в Херсонскую область,— его жену с маленьким ребенком вывезли в степь. Вернувшись в Крым, Аметов нашел жену с ребенком и снова вселился в купленный им дом. Но вскоре, в октябре 1976 г., его судили по ст. 196 (нарушение паспортного режима) и приговорили к двум годам высылки. Этот приговор Аметов не исполнил. Во-первых, потому, что считал его незаконным (косвенно незаконность этого приговора была подтверждена и самим судом — копию приговора вопреки закону Аметову на руки не дали). Во-вторых, он считал, что не может оставить без защиты и помощи жену с двумя детьми (трех лет и одного года), тем более что предыдущий опыт (выселение жены из дома) дает достаточные основания для беспокойства. Теперь ему грозят новым судом. А это не высылкой грозит, а куда более серьезным наказанием. Особенно, если учесть, что Энвер Аметов постоянно подвергается слежке и угрозам со стороны КГБ. Ему ставят в вину его открытую и законную борьбу против дискриминации и бесправия крымских татар. За открытые смелые выступления против произвола, такие, как его заявление для печати от 10 октября 1977 г. (см. приложение 2). Квалифицированный рабочий — тракторист и строитель — уже почти два года без работы, хотя даже в том селе, где он живет, требуются трактористы. Но, как крымский татарин, он дискриминирован и в труде; за то, что он не согласен с этим, ему грозит тюрьма.

Признать такое положение нормальным невозможно. Крымские татары должны быть возвращены в Крым. То ли под руководством государственных органов, то ли с помощью самодеятельной организации населения, то ли обратив на это дело всю систему оргнабора рабочей силы, то ли отдав все в руки самих желающих возвратиться в Крым, то ли еще каким-либо способом — но возвращение народа на землю предков должно быть осуществлено. Советский Союз должен выполнять принятые на себя международные обязательства. Его внутреннее дело — принимать или не принимать на себя те или иные обязательства. Но выполнение уже принятых на себя обязательств — не только его дело. Не только ЮАР не может изгонять с их территории намибийцев, но и Советский Союз не имеет права делать этого по отношению к крымским татарам или каким-либо другим нациям СССР. Мы надеемся, что участники Белградской встречи по безопасности и сотрудничеству в Европе напомнят Советскому

Союзу об этом его международном долге.

Приложения:

Приложение 1. Указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, относящиеся к депортации крымских татар в 1943 — 44 гг.

Приложение 2.[1] Письма крымских татар, освещающие творимый в отношении их произвол:

а) Энвер Аметов. Заявление для печати 10 октября 1977 г.

б) К. Куртсеитова, Н. Куртсеитова, Р. Халилов. Заявление о чудовищной расправе с нами на родной земле 23 сентября 1977 г.

в) Айше Сеитмуратова. Обращение к участникам Белградской встречи.

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС №4096. — *Сост.*

г) З. Мустафаева. Заявление Генеральному Прокурору СССР Руденко, конец сентября 1977 г.
д) М. Аблякимов. Заявление в ЦК КПСС Брежневу, лето 1977 г.
е) Диляра Халич. Заявление в Верховный Совет СССР, лето 1977 г.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
П. Григоренко, С. Каллистратова, М. Ланда, В. Слепак, Н. Мейман, Т. Осипова
В составлении настоящего документа участвовал *А. Лавут*
4 ноября 1977 г.

Присоединяюсь к документу Хельсинкской группы о дискриминации крымских татар. Решение поставленных в этом документе проблем является настоятельной необходимостью. Отсрочка в их решении непрерывно и ежедневно множит человеческие трагедии, беззаконие и произвол и покрывает позором нашу страну.
А. Сахаров
4 ноября 1977 г.

Приложение 1

УКАЗЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕПОРТАЦИЕЙ МАЛЫХ НАРОДОВ СССР В 1943–44 гг.

Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с Советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству. По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики постановляет:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
И. Власов
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
И. Бахмуров[1]
Москва, Кремль, 25 июня 1946 г.

[1] Так в тексте, правильно — П. Бахмуров — *Сост.*

Указ
Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года
О снятии ограничения по спецпереселению с крымских татар, балкарцев, турок граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны

1. Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпереселении крымских татар, балкарцев, турок граждан СССР, курдов и хемшилов, высланных в 1943–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, в дальнейшем не вызывается необходимостью,

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД лиц, указанных выше.

2. Установить, что снятие ограничения с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР
К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР
Н. Пегов

Указ
Президиума Верховного Совета СССР о гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму

После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживавших в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма. Эти огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, должны быть сняты, тем более что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержавшей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму.

2. Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов депутатов трудящихся, работают на ответственных постах в советских, хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия.

В целях дальнейшего развития районов с татарским населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие гражданам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе
Москва, Кремль, 5 сентября 1967 г.

Постановление
Президиума Верховного Совета СССР
О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и их семьи пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе
Москва, Кремль, 5 сентября 1967 г.

Указ
Президиума Верховного Совета СССР
о снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренных в прошлом для отдельных категорий граждан

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренные Указами Президиума Верховного Совета СССР:

от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей;

от 22 сентября 1956 года в отношении бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных, принятых в советское гражданство; греческих, турецких и иранских подданных — лиц без гражданства.

2. Поручить Министерству юстиции СССР совместно с Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР представить положение о признании утратившими силу законодательных актов, предусматривающих ограничение в выборе места жительства для лиц отдельных национальностей, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР[1].

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе
Москва, Кремль, 3 ноября 1972 г.

№ 3521-8
Приказ
Генерального Прокурора СССР

г. Москва 9 ноября 1972 г.
№ 54

Объявляя не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года «О снятии ограничений в выборе места жительства, пре-

[1] В «Хронике текущих событий» (№ 34) публикация этого Указа включала еще один пункт со ссылками на действующее законодательство о трудоустройстве, паспортном режиме и порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства. — *Сост.*

дусмотренных для отдельных категорий граждан», предлагаю обеспечить надзор за его исполнением.

И.о. Генерального Прокурора СССР,
Государственный советник юстиции 1 класса
М. Маляров
Не подлежит опубликованию

61

ГЛАВАМ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТРАН, ПОДПИСАВШИХ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ ХЕЛЬСИНКСКОГО СОВЕЩАНИЯ[1]

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обеспокоена судьбой 12-летнего Михаила Войханского, вот уже два года разлученного со своей матерью Мариной Войханской, которая в 1975 г. эмигрировала из СССР в Англию. Матери Миши не было разрешено взять с собой сына, так как отец ребенка, ее бывший муж Евгений Войханский, задержал сына в Ленинграде на время, пока мать не устроится за границей на работу. Эта причина, как выяснилось впоследствии, была только предлогом. Несмотря на то что Марина Войханская выполнила все условия бывшего мужа, отец до сих пор не отпускает сына. Ребенок постоянно живет с бабушкой, матерью Войханской. Ни единого дня сын не жил с отцом. К сыну отец не приходит и месяцами его не видит, но, создавая видимость забот о нем, заходит в школу к учителям. Свидетели готовы подтвердить его слова о том, что сына он не любит, судьба Миши ему совершенно безразлична. Отношение отца к сыну достаточно ясно характеризуется его письмом, написанным М. Войханской. В письме, в частности, говорится: «Мы растили Мишу втроем (имеются в виду мать, отец и Мишина бабушка со стороны матери). Теперь самое лучшее для него (выделено автором письма), чтобы ты растила его одна. Но мне нужно какое-то время, чтобы убедиться в том, что ты это можешь. Можешь... заменить ему всех. Даже если растишь сына вдвоем, от чего-то приходится отказываться. Я хочу отдать Мишу тебе. Хотя бы из эгоистических соображений. Я совсем не представляю, что мне делать и как организовать уход за ним, если он останется со мной. И самое главное — в кои-то веки дорвался до активной жизни, а с Мишей от всего этого придется отказаться».

Чем же вызвано упорное нежелание отца разрешить ребенку жить с горячо любимой матерью? Сам он объяснил это решение тем, что не хочет рисковать своим положением (он работает на режимном предприятии). Заместитель начальника ОВИРа на просьбу Мишиной бабушки отпустить ее с внуком в Англию заявил ей прямо, что если Войханский отпустит сына даже в гости к матери, у которой ребенок может захотеть остаться, то ему придется за это ответить. А секретарь парторганизации учреждения, где работает отец Миши, сказал бабушке: «*Мы* никогда не отпустим ребенка».

Так становится очевидным, что именно советские власти и только они несут ответственность за создавшуюся ситуацию. Ссылки на отца являются ложью, призванной скрыть истинного виновника трагедии. Трагедии матери, трагедии ребенка, мечтающего о встрече с матерью. А теперь власти готовят суд, в итоге которого ребенок может быть *насильно* забран в детский дом.

[1] В «Хронике текущих событий» (№47) аннотирован как документ №25 МХГ, в других источниках документ с таким номером не обнаружен. — *Сост.*

Советские власти мстят мужественной женщине, удерживая ее маленького сына в качестве *заложника*. Марина Войханская, врач-психиатр — активная участница движения за права человека в СССР. Еще находясь в СССР, она протестовала против психиатрических преследований инакомыслящих, а на Западе посвятила все силы помощи жертвам психиатрических репрессий. Собранные ею материалы наряду с другими свидетельствами убедили съезд психиатров в Гонолулу принять бескомпромиссное решение, осуждающее использование психиатрии в политических целях. Войханская является также зарубежным представителем Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Обращения Миши Войханского к советским властям, Брежневу остались без ответа, и 12-летний ребенок обратился за помощью к друзьям матери:

«Я умоляю вас помочь мне уехать к маме! Она уехала в апреле 1975 г., взяв с моего отца твердое обещание, что он отпустит меня в августе 1975 г., но он нас обманул и обманывает до сих пор. По-моему, он очень плохой человек. Я его ненавижу!

Помогите мне уехать! Я очень люблю мамочку! Какая же это справедливость, если сыну не дают жить с мамой!

Михаил Войханский»

Таков крик души ребенка!

Зная все подробности Мишиной судьбы, мы со всей ответственностью заявляем: насильное разлучение ребенка с матерью, длящаяся годы трагедия — нарушение не только Хельсинкских соглашений, но и всех принципов гуманности в угоду недостойным политическим соображениям.

Мы призываем представителей государств — участников Белградского совещания заступиться за ребенка и помочь воссоединению семьи Войханских. Это дело — не внутреннее дело СССР, ибо нарушение прав человека, права ребенка быть с матерью не может быть внутренним делом одной страны.

Григоренко, Мейман, Некипелов, Осипова, Слепак

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях: *И. Каплун, А. Подрабинек*[1]

21 ноября[2] 1977 г.

62

БЕЛГРАДСКОМУ СОВЕЩАНИЮ[3] ПО ПРОВЕРКЕ ВЫПОЛНЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ В ХЕЛЬСИНКИ[4]

Мы с напряженным вниманием следим за ходом Совещания в Белграде. Чрезвычайно важна начавшаяся на Совещании дискуссия по гуманитарным статьям Заклю-

[1] В АС №3185 среди подписавших документ членов Рабочей комиссии указан дополнительно В.Бахмин. — *Сост.*

[2] Дата исправлена в соответствии с АС №3185 (в сборнике издательства «Хроника-пресс» (вып.4) — 21 октября). — *Сост.*

[3] Об итогах Белградского совещания см. документ № 39 (док. 74). — *Сост.*

[4] Машинописная копия, хранящаяся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.4, л.44), оформлена как документ №26 (как документ № 26 этот текст аннотирован и в «Хронике текущих событий» (№48)). Публикаций данного текста в таком оформлении не обнаружено. — *Сост.*

чительного акта конференции в Хельсинки. События в Белграде оживленно обсуждаются в мировой прессе и получают самые противоположные оценки. Это связано, по-видимому, с необычным характером исходного документа — Заключительного акта Хельсинки.

Признание незыблемости послевоенных границ и ряд других положений акта несомненно являются существенной уступкой Запада советской стороне. С другой стороны, гуманитарные статьи акта — в особенности статья VII первого раздела — предоставляют Западу определенные возможности добиваться большей открытости социалистических обществ и соблюдения в них прав человека, что является необходимым условием обеспечения прочного мира, основанного на взаимопонимании и доверии. Подтверждение в Заключительном акте всеобщего значения прав человека и основных свобод как существенного фактора мира, справедливости и благополучия имеет принципиальное значение.

Возможности, заложенные в гуманитарных статьях акта, после конференции в Хельсинки получили, по нашему мнению, дополнительное подкрепление.

Один из появившихся за это время факторов — решительная и заслуживающая всяческой поддержки позиция нового президента США Д. Картера, провозгласившего вопрос о правах человека во всем мире моральной основой политики США. Второй фактор — развитие движения за права человека в странах Восточной Европы, появление в Чехословакии, Польше, СССР новых форм этого движения. Третий фактор — сдвиги в общественном мнении в самих западных странах. Мы высоко оцениваем поддержку прав человека парламентами западных стран, профсоюзами, научными и культурными организациями.

В большой степени уже на Белградской конференции должно определиться, сумели ли политические руководители Запада использовать эти уникальные возможности. Поэтому так велико ее значение.

В этом документе мы излагаем свою точку зрения по вопросам, имеющим, по нашему мнению, отношение к Белградской конференции.

Мы особо подчеркиваем то обстоятельство, что статья VII первого раздела Заключительного акта содержит прямую ссылку на Всеобщую декларацию прав человека и Международные пакты о правах. Тем самым на Белградское совещание возлагается не только право, но и обязанность рассмотреть нарушения прав человека в полном объеме, предусмотрен ном этими документами, вне зависимости от того, что некоторые положения не повторены в других разделах акта. Мы подчеркиваем далее, что отрицать право Белградской конференции рассматривать нарушения прав человека в странах, подписавших Заключительный акт, под предлогом «принципа невмешательства во внутренние дела других стран» было бы равносильно отрицанию международного характера всего Заключительного акта в целом.

Удовлетворены ли мы позицией западных стран в Белграде, какой она выявилась к настоящему моменту? К сожалению, лишь с определенными оговорками. Достаточно последовательно выступали США и некоторые малые европейские страны (в частности, Нидерланды, Дания, Норвегия, Швеция, Бельгия и др.). Крупные же западные державы до сих пор не заняли сколько-нибудь последовательной позиции, тормозя тем самым усилия стран, настаивающих на полном соблюдении гуманитарных статей Заключительного акта.

Мы считаем очень важным, чтобы дискуссия на Белградском совещании по правам человека не ограничилась одними общими формулировками и более или менее случайно попавшими в поле зрения западных делегаций нарушениями прав человека, иногда очень важными, а иногда и второстепенными. Необходима принципиальная оценка положения в целом, с использованием всего доступного делегациям мас-

сива информации, в частности 24[1] документов, составленных Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Необходимо предусмотреть широкие меры для исправления как недостатков общего характера, так и *всех* существенных конкретных нарушений.

Дискуссия не должна принимать характера взаимных обидных упреков и демагогии, но позиция западных делегаций по всем существенным вопросам должна быть абсолютно твердой и решительной. Советский Союз может пойти на угрозу срыва Совещания в Белграде под предлогом вмешательства в его внутренние дела, в завуалированной форме эта угроза уже используется. Мы думаем, что в действительности он вряд ли пойдет на такой срыв, так как при этом весьма сильно затрагиваются его собственные интересы. Но если срыв Совещания все же будет иметь место, он был бы, конечно, большим несчастьем, длительной, но все же временной задержкой на исторически неизбежном пути разрядки. Но гораздо большим несчастьем, катастрофой с трудно поправимыми последствиями для всего будущего человечества были бы, по нашему глубокому убеждению, капитуляция и нерешительность перед лицом шантажа этой и аналогичными угрозами.

По нашему мнению, три группы проблем прав человека должны явиться предметом рассмотрения Совещания в Белграде.

I. Это, во-первых, затрагивающие широкие группы населения проблемы, имеющие для этих групп жизненно важное значение. Сюда относятся:

1) Нарушения свободы религии, свободы церкви от государственного контроля, свободы религиозной проповеди. Известны преследования тех религиозных групп, которые отказываются мириться с такими нарушениями. Дискриминация верующих в области образования и труда, судебные и психиатрические репрессии, отбирание детей у родителей — таковы наиболее известные формы религиозных преследований.

2) Нарушение права на свободный выбор страны проживания. О нарушениях в СССР этого права, имеющего решающее значение для освобождения граждан от произвола государства и для установления взаимопонимания между народами, есть обширный документальный материал. Отметим лишь некоторые аспекты.

Советские органы в вопросе об эмиграции заведомо недобросовестно ограничивают содержанием пункта о соединении семейств из «3-й корзины» более общий вопрос о праве на свободный выбор страны проживания, предусмотренный Всеобщей декларацией прав человека ООН и Пактами о гражданских и политических правах, ратифицированных СССР и тем самым предусмотренных статьей VII первого раздела Заключительного акта. Например, заявления о выезде из СССР рассматриваются лишь при наличии вызова от родственников, что полностью противоречит упомянутым документам. Более того, ОВИР (Виза-Департмент) присвоил себе право определять степень родства, необходимую для действительности вызова. В некоторых случаях работники ОВИРа пользуются термином «отказ по Хельсинки», подразумевая под этим недостаточно близкую, по мнению этих работников, степень родства с лицом, пославшим вызов.

Эта практика создает непреодолимые трудности для очень многих, желающих эмигрировать. При этом официально они не числятся таковыми, поскольку их желание никак не отражено в каких-либо документах. Необоснованные отказы при наличии вызо-

[1] В АС №3183 указано, что на момент издания обращения было выпущено 23 документа, это свидетельствует о том, что первоначальная версия документа была подготовлена до 4 ноября 1977 г. (дата документа №24). — *Сост.*

вов, злоупотребления так называемой секретностью, постоянные случаи недоставки вызовов почтой, особенно в провинции, случаи преследования желающих эмигрировать — другие аспекты той же проблемы.

3) Всеобщая декларация прав человека, Международные пакты о правах предусматривают запрещение принудительного труда. Массовое применение принудительного труда в местах заключения СССР является нарушением этих соглашений и тем самым, согласно статье VII первого раздела акта, требует рассмотрения на Белградском совещании. Принудительный труд заключенных и так называемых «условно освобожденных с обязательным привлечением к труду» особенно широко применяется в отдаленных районах Севера и Востока, в условиях тяжелого климата и произвола администрации.

4) Нарушения прав человека в области национальных проблем. Право народа крымских татар жить в Крыму, которое вот уже более 30 лет с такими жестокостями и беззаконием попирается властями,— один из примеров.

Дискриминация евреев в области образования и труда — другой широко известный пример.

II. Вторая группа нарушений Заключительного акта относится к тем статьям 3 раздела, которые имеют целью облегчение контактов между людьми и расширение обмена информацией.

1) Нет никакого улучшения в предусмотренном актом расширении и облегчении туристских и иных зарубежных поездок. Несомненно, в частности, что духу Хельсинки противоречит настойчивое стремление властей ограничить иностранных туристов в СССР и советских за рубежом от контактов с населением, например, разрешить проживание иностранцев только в гостиницах, а не в семьях, что искусственно крайне ограничивает возможный объем туризма и его значимость для познания жизни и стремлений населения.

2) Чрезвычайно затруднены родственные контакты с лицами, эмигрировавшими в другие страны. Это очень серьезное нарушение Заключительного акта.

3) Хельсинкский акт предусматривает расширение и облегчение обмена периодическими печатными изданиями, информационными изданиями, кино и телевизионными фильмами, записанной на пленку информацией, расширение обмена радио информацией. Положение в этой области остается совершенно неудовлетворительным.

III. Третья группа проблем связана с политическими репрессиями, представляющими собой особо опасное нарушение прав человека, нарушение статьи VII Заключительного акта. Политические заключенные СССР — это узники совести, не применяющие насилия, репрессированные за ненасильственные действия, обусловленные их убеждениями.

1) В последнее время особое внимание мирового общественного мнения привлекли репрессии против 13 членов советской Группы содействия выполнению решений Хельсинкской конференции: в Москве, на Украине, в Грузии и Литве — Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Ланда, Сереброва, Тихого, Руденко, Мариновича, Матусевича, Гамсахурдии, Коставы, Пайлодзе, Пяткуса, Гаяускуса[1]. Над Ланда, Серебровым, Руденко, Тихим состоялся суд, и им вынесены совершенно несправедливые, по нашему глубокому убеждению, приговоры.

Особенно суровые приговоры вынесены Руденко — 12 лет заключения и Тихому — 15 лет заключения. Остальные ждут суда, находясь в полной изоляции от мира в след-

[1] Серебров стал членом МХГ позже, Костава был необъявленным членом Грузинской Хельсинкской группы, Гаяускас подал заявление о вступлении в ЛХГ в 1979 г., но оно не было предано огласке. — *Сост.*

ственных тюрьмах. Репрессии против членов Хельсинкской группы — прямой вызов западным странам, подписавшим Заключительный акт, проверка их твердости в защите провозглашенных принципов. Дело чести для этих стран — добиться освобождения всех арестованных и осужденных. Очень важно, чтобы никто из них не был оставлен на расправу властям, чтобы не удалось явное желание властей и здесь провести разделение на более и менее защищенных. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что репрессии против членов Группы «Хельсинки» — лишь малая часть политических репрессий в СССР. Сама Хельсинкская группа в значительной мере была создана для защиты политических заключенных. Не исключено, что репрессии против Хельсинкской группы были задуманы властями как отвлекающий маневр, ставящий западные страны в трудное положение, при котором вновь возникшая проблема парализует усилия по более старым и привычным. Этой опасности необходимо избегнуть.

2) Многие политзаключенные СССР и стран Восточной Европы и политические узники психбольниц широко известны международным организациям, борющимся за права человека, в частности «Эмнести Интернейшнл». Вероятно, целесообразно, если бы Белградское совещание запросило от этой авторитетной международной организации официальный доклад о политических репрессиях в странах, подписавших Заключительный акт, с поименным списком всех политзаключенных и узников спецбольниц, описанием их дел и положения в местах заключения.

3) Нарушением VII статьи 1 раздела Заключительного акта являются репрессии за защиту прав людей и распространение информации о нарушениях этих прав: среди находящихся в лагерях и тюрьмах с тяжелейшими, недостойными нашего времени условиями, среди находящихся в ссылке — выдающиеся участники движения за права человека в СССР: Сергей Ковалев, Семен Глузман, Анатолий Марченко, Мальва Ланда, Андрей Твердохлебов, десятки других, не менее достойных глубочайшего уважения людей.

4) Нарушением акта являются репрессии за религиозную деятельность; среди находящихся в заключении — Георгий Винс, Василий Романюк и многие другие.

5) Нарушением акта являются репрессии за разнообразные критические высказывания, а также за ненасильственную защиту национальных интересов своих народов. Это самые многочисленные наряду с религиозной категории политзаключенных и узников психбольниц.

6) Существенные нарушения прав человека имеют место в отношении лиц, репрессированных за их попытку осуществить свое законное право покинуть страну; среди них — участники так называемого «Ленинградского самолетного дела», осужденные на длительные сроки заключения по неправомерному обвинению в измене родине (Альтман, Бутман, братья Залмансон, Дымшиц, Менделевич, Мурженко, Федоров, Хнох). Это же обвинение у многих других, в том числе у Федоренко и Зосимова. Очень многие, желавшие покинуть страну, помещены в психбольницы.

7) За изготовление подарка-сувенира народу США в заключении Петр Рубан.

8) Мы призываем Белградское совещание отдельно высказаться в защиту тех политзаключенных, положение которых является особенно тяжким. Среди них — Микола Руденко, инвалид 2-й мировой войны, Мераб Костава и Звиад Гамсахурдиа, которым угрожает психиатрическая тюрьма, многие тяжело больные заключенные — назовем Сергиенко, Гинзбурга, Шумука, Шахвердяна. Тяжело болен узник психбольницы Плахотнюк, осужденный за распространение «Украинского вестника»[LXXIII].

Мы просим Белградскую конференцию со всей серьезностью рассмотреть поднятые в настоящем обращении вопросы, число которых мы по возможности ограничили.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Петр Григоренко, Наум Мейман, Татьяна Осипова,
Виктор Некипелов, Владимир Слепак

Полностью согласны с текстом обращения:
Андрей Сахаров, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Владимир Борисов
Члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР[LXXIV]:
свящ. Глеб Якунин, иеродиакон Варсонофий Хайбулин, Виктор Капитанчук
Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях:
Вячеслав Бахмин, Александр Подрабинек
Представители свободных адвентистов:
Ростислав Галецкий, В. А. Шелков
21 ноября 1977 г.

63

Документ № 27

КОНФЕРЕНЦИЯ В БЕЛГРАДЕ

О досудебном содержании Орлова, Гинзбуга и Щаранского

Следователи КГБ в Москве и Калуге сообщили (в устной форме) родственникам арестованных известных правозащитников и членов Московской Хельсинкской Группы, Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского, что постановлением Верховного Совета срок их ареста был продлен еще на шесть месяцев сверх 9-месячного срока, предусмотренного законом.

Александр Гинзбург в ожидании суда находится под арестом 10 месяцев и 20 дней; Юрий Орлов — 10 месяцев; Анатолий Щаранский — 9 месяцев и 10 дней.

Естественно, эти постановления не опубликовывались и даже не были зачитаны родственникам. Как мы знаем, вынесение таких «частных определений» о продлении срока содержания под стражей является теперь частью советской правовой процедуры. Мы должны отметить, что эти постановления о продлении срока содержания под стражей Орлова, Гинзбурга и Щаранского являются беззаконными, антиконституционными и негуманными. Статья 34 «Основ Уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик» (утвержденных сессией Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 года) устанавливает, что «Содержание под стражей во время следствия по делу не может превышать 2 месяцев. В случае, если дело сложное, этот срок может быть продлен до 3 месяцев с санкции прокурора автономной республики, края, области, автономной области, национального округа; военного прокурора военного округа или военного флота; и прокурора Союзной республики или главного военного прокурора на 6 месяцев со дня задержания».

Дальнейшее увеличение срока содержания под стражей может быть определено только в исключительных случаях Генеральным Прокурором СССР на срок не более 3 месяцев.

Более того, если в течение 9 месяцев с момента задержания, дело не передано в суд, арестованный должен быть немедленно освобожден.

Истечение срока, установленного законом для содержания под стражей в качестве меры пресечения, в статье 18 «Положений о досудебном содержании под стражей» прямо установлено как основание для немедленного освобождения.

Никаких других оснований для продления срока содержания под стражей не установлено ни Советской Конституцией, ни другими законами СССР. Таким образом, постановления Президиума Верховного Суда РСФСР, противоречащие советскому законодательству, являются недействительными. Более того, эти постановления являются

неконституционными, так как они противоречат статье 34 Конституции, которая гарантирует всем гражданам равные права перед законом.

Если бы все советские граждане были равны перед законом, содержание под стражей арестованного более 9 месяцев в период следствия было бы запрещено. Увеличение этого срока (9 месяцев), установленного законом, еще на шесть месяцев для Орлова, Гинзбурга и Щаранского является грубым нарушением прав человека.

Никто не может игнорировать моральный аспект этого дела, потому что такое длительное содержание под стражей в «изоляторе временного содержания» КГБ (в тюрьме) является негуманным актом. Орлов, Гинзбург и Щаранский живут в полной изоляции от внешнего мира.

Статьи 12 и 13 вышеупомянутых «Положений о досудебном содержании под стражей» разрешают «встречи с родственниками и другими лицами» и «переписку с родственниками и другими гражданами». Но Щаранскому, Орлову и Гинзбургу, в течении всех месяцев изоляции, ни разу не было разрешено увидеть своих матерей и жен даже на пять минут и ни разу им не было дано разрешение написать либо получить письмо.

Эти люди, уже заточенные в каменных стенах более 9 месяцев, могли общаться только со следователями, прокурорами и тюремными охранниками. Им было полностью отказано в праве на защиту, провозглашенном статьей 158 Советской Конституции и Статьями 13 и 22 «Основ уголовного производства в СССР и союзных республиках».

Страшно подумать, что они не имели ни одной встречи с адвокатом в течении 9–10 месяцев тюремного заключения; ни одному юристу не было позволено защищать их. Даже Щаранский, который обвиняется в шпионаже[1] по статье 64 УК РСФСР, по которой предусмотрено наказание в виде смертной казни, не имеет адвоката.

В этом заявлении мы не ставим вопроса о законности самого ареста и содержания под стражей Орлова, Щаранского и Гинзбурга — их арест всего лишь попытка советских властей пресечь инакомыслие и является репрессивной мерой против участником ненасильственной борьбы за права человека на свободу мысли и слова. Незаконное продление срока содержания под стражей на срок, превышающий установленный 9-месячный срок, превращает «меру пресечения» в меру наказания, установленную без суда, проведенную Президиумом Верховного Суда РСФСР, действовашего как карательный орган.

Правительство, особенно правительство, которое называет себя социалистическим, не должно так грубо нарушать свои же законы и насмехаться над правами граждан — даже над правами настоящих преступников — убийц и террористов — которыми вышеупомянутые граждане однозначно не являются.

Мы призываем участников Белградской Конференции выступить за немедленное освобождение Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского.

Софья Калистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
25 декабря 1977 г.

Публикуется в обратном переводе с ангийского языка по изданию:
US Congress. 99-th. Second session. Commission on security and cooperation in Europe. Documents of the Helsinki monitoring groups in the USSR and Lithuania (1976–1986). Vol.1.– Washington: G.P.O., 1986. – P.135–136.

[1] Точнее в «измене родине в форме шпионажа». — *Сост.*

64

Документ № 28

[О ГОЛОДОВКЕ ПЕТРА ВИНСА]

В канун Нового года идет двадцать третий день голодовки Петра Винса в Дарницкой тюрьме Киева. Петр Винс, 22 лет, член Украинской группы «Хельсинки» — сын духовного руководителя баптистов СССР Георгия Винса, находящегося в заключении.

8 декабря Петр Винс был снят в Дарнице с поезда Киев — Москва и избит, а 9 декабря приговорен к 15 суткам заключения. Мы знаем Петра Винса как чрезвычайно деликатного, спокойного, владеющего собой человека. Мы уверены, что он является жертвой заранее подготовленной провокации.

Арест Винса 8 декабря, видимо, не случаен, т.к. 10 декабря в Москве была демонстрация в честь Международного дня прав человека. В Москве 10 декабря многие диссиденты находились под домашним арестом.

С первого дня заключения Петр Винс в знак протеста объявил голодовку. По истечении 15 суток Винса не выпустили, и срок заключения был продлен еще на 15 суток «за отказ выходить на работу».

Петр Винс находится в тяжелом и опасном положении, т. к. не получает искусственного кормления.

Мы требуем немедленного освобождения Петра Винса — речь идет о спасении его здоровья, а возможно, и о спасении жизни совсем еще молодого, благородного и мужественного человека.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Владимир Слепак
31 декабря 1977 г.

65

Документ № 30[1]

О НАРУШЕНИЯХ ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В мае 1976 г. Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР уже сообщала мировой общественности о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи (документ № 2).

Положение в этой области за последующий период еще более осложнилось, что заставляет нас вновь вернуться к данному вопросу.

Власти СССР продолжают нарушать международные обязательства и внутренние законы в области контактов между людьми и свободного обмена информацией. В настоящем документе мы (как и в документе № 2) коснемся лишь небольшого круга вопросов из этой области, а именно — почтово-телеграфно-телефонной связи между людьми.

Значительная часть почтово-телефонных отправлений, присылаемых в СССР и отсылаемых гражданами СССР за границу, не доходит до адресатов. Как показывает практика, в первую очередь «исчезают» самые информативные отправления (пись-

[1] Текст документа №29 от 12 января 1978 «О В.П. Хайло» не обнаружен (сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№48, С.171)). О В.П. Хайло см. в документе №5 (док. 9). — *Сост.*

ма), что дает основание считать, что какая-то часть этих писем перлюстрируется, что является грубым нарушением ст. 56 Конституции СССР (см. приложение 2).

Это в первую очередь касается корреспонденции инакомыслящих: правозащитников, евреев и немцев — отказников, представителей «неофициальных религиозных групп» и т.п.

Примеров этому можно привести множество. Так, например, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР рассылала копии своих документов в посольства стран — участниц Хельсинкского совещания[1]: ни одно уведомление о вручении не было получено. Братья Исай и Григорий Гольдштейны из Тбилиси подали в суд на почтовую службу, т.к. почта отказалась им выплатить, в соответствии с Международной почтовой конвенцией[2], компенсацию за десятки недоставленных писем. В иске им было отказано без объяснения причин.

Пашнин Евгений с мая 1977 г. не может добиться рассмотрения в Воркутинском городском суде Коми АССР дела о взыскании 108 рублей за недоставленные адресатам и якобы утерянные 8 писем в Израиль и 1 письмо в США.

Во время голодовки семьи Владимира Слепака (апрель–май 1975 г.) только из США им было выслано около 5 тысяч телеграмм. Получили... одну. Более 300 писем, посланных Нийоле Садунайте из Англии, вернулось к отправителям. Из более чем 1000 писем Галине Саловой и нескольких сотен писем Крониду Любарскому, посланных организацией «Эмнести Интернейшнл», не было доставлено ни одно.

То же самое происходит с бандеролями и посылками, присылаемыми родными и знакомыми из Израиля, США, Англии и других стран. Особо следует отметить факты недоставки приглашений (вызовов) из Израиля.

Многие ждут получения вызова по году и более, хотя родные им сообщают, что высылали вызовы несколько раз. Помимо недоставления корреспонденции бывают случаи, когда в телеграфном отделении отказываются принимать телеграммы. Так, например, один из верующих христиан-пятидесятников города Находки Приморского края сообщил, что 20 декабря 1977 г. в почтамте им была подана телеграмма президенту Картеру следующего содержания:

«Поздравляем Вас с Рождеством Христовым. Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках Благоволение... Желаем здоровья и успеха в Ваших усилиях в защите Прав Человека. Просим Вас и весь американский народ совершить молитву в День Рождества за тех, кто не имеет свободы вероисповедания.

Церковь христиан-пятидесятников города Находка».

21 декабря Перчаткина вызвали в почтамт, и человек, представившийся как работник почтамта, вернул ему деньги и заявил, что телеграмма не может быть принята, так как порочит советский государственный строй.

Практика выключения телефонов началась в мае 1972 г., накануне первого визита президента Никсона в СССР. В то время было выключено 12 телефонов у активистов борьбы за право евреев репатриироваться в Израиль. В ответ на запросы владельцы выключенных телефонов получали «уклончивые» устные ответы типа: «повреждение кабеля», «неисправность линии» и т.п. 31 августа того же года, пытаясь придать вид законности фактам выключения телефонов, Совет министров СССР издал постановление о дополнении ст. 74 Устава связи СССР абзацем, запрещающим «использование телефонной связи... в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку» (см. приложение 3). Это постановление находится в явном

[1] В СССР корреспонденция в иностранные посольства и из них приравнивается к международной и проходит через Международный почтамт в Москве.

[2] Вероятно, имеется в виду Всемирная почтовая конвенция 1964 г. — *Сост.*

противоречии со ст. 56 Конституции СССР (см. приложение 2), ибо как можно определить, используется ли телефон «в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку», обеспечивая тайну телефонных переговоров? Более того, это дополнение к ст. 74 Устава связи СССР является прямым и официальным признанием факта подслушивания телефонных разговоров в Советском Союзе. При этом в законе не установлено, какой орган власти имеет право решать вопрос о том, противоречит ли тот или иной разговор «государственным интересам». Выключение телефонов производится соответствующим узлом связи, явно неправомочным решать подобные вопросы. После дополнения ст. 74 Устава связи СССР буквально началась «охота» на телефоны. Стоило лишь 1–2 раза поговорить с кем-либо из-за рубежа и упомянуть о нарушении прав или незаконных действиях советских органов, как телефон отключался. Отключался он и в тех случаях, когда кто-либо из другого города сообщал о произволе местных властей и даже если разговоры происходили внутри города. В последнее время дошло до того, что стали выключать не «за разговоры», а исходя из того, кому он принадлежит или кто туда звонит. Не гнушаются и выключением общих телефонов в коммунальных квартирах. При запросах дается стереотипное устное (по телефону) объяснение: «Телефон выключен в соответствии с п. 74 Устава связи СССР» (список выключенных телефонов приведен в приложении.) Добиться какого-либо письменного объяснения или обжаловать эти действия — невозможно. Так, например, Ирина Жолковская-Гинзбург отправила 10 писем в различные организации: районный телефонный узел, городской телефонный узел, Министерство связи СССР, Президиум Верховного Совета СССР. Все ее письма, судя по уведомлениям о вручении, доставлены адресатам, но ни на одно из них она не получила ответа. Все попытки владельцев выключенных телефонов добиться судебного разрешения спора с узлами связи оказываются тщетными, т.к. суды даже не принимают эти дела к рассмотрению.

В тех случаях, когда активиста правозащитного, эмиграционного или религиозного движения вызывают на переговорный пункт, обычно или уведомление приносится после назначенного времени разговора, или, если человек приходит вовремя, разговора, как правило, не дают. При этом ему говорят, что вызова нет, а вызывающему говорят, что вызываемый не явился. Если все же разговор состоится, то после первых же «крамольных» фраз разговор прерывается или включается заглушающий сигнал. Все приведенное показывает, насколько советские власти сопротивляются обмену информацией с Западом, насколько они стараются, нарушая международные соглашения и свои собственные законы, сохранить разваливающиеся остатки железного занавеса.

Кроме того, советские власти всякими незаконными, но доступными госаппарату средствами стараются затруднить получение группами содействия выполнению Хельсинкских соглашений, отделением «Эмнести Интернейшнл»[1] и активистами движения евреев за репатриацию в Израиль информации о нарушениях прав человека местными властями на периферии.

Мы обращаемся к участникам Белградского совещания с просьбой не допустить, чтобы практика удушения свободного обмена информацией восторжествовала в Советском Союзе, как бы горячо ни убеждала советская делегация в Белграде, что это — «внутреннее дело» Советского Союза, не допускающее вмешательства извне.

Приложения:

1. Список выключенных телефонов[2].

---

[1] Имеется в виду советская секция «Международной Амнистии» (см. прим. IV). — *Сост.*

[2] Не публикуется, воспроизведен в АС №3238. — *Сост.*

2. Статья 56 Конституции СССР.
3. Постановление Совета Министров СССР от 31 августа 1972 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
2 февраля 1978 г.

Приложение 2

КОНСТИТУЦИЯ СССР

Статья 56. Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом.

Приложение 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Совета Министров СССР
96. О дополнении статьи 74 Устава Связи Союза ССР

Совет Министров Союза ССР постановляет:

Дополнить статью 74 Устава Связи Союза ССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 27 мая 1971 г. №316 (СП СССР, 1971, 110, ст. 83), после первого абзаца абзацем следующего содержания:

«Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку».

Председатель Совета Министров СССР
А. Косыгин
Зам. управляющего делами Совета Министров СССР
К. Селиванов
Москва, Кремль
31 августа 1972 г. № 655

66

Документ № 31
[ОБ АРЕСТЕ Л. ЛУКЬЯНЕНКО]

Репрессии против членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР продолжаются. Как уже сообщалось Украинской группой «Хельсинки», 12 декабря 1977 г. в г. Чернигове арестован член Украинской группы Левко Лукьяненко. Это уже пятый член Украинской группы «Хельсинки», подвергнутый аресту, причем Микола Руденко и Олекса Тихий уже осуждены к непомерно жестокому наказанию, а Матусевич и Маринович много месяцев находятся в заключении без суда. Напомним, что помимо Украинской преследованиям подвергались и члены других созданных в СССР групп «Хельсинки»: А. Гинзбург, Ю. Орлов, А. Щаранский и М. Ланда — Москва; З. Гамсахурдиа, М. Костава, В. Пайлодзе, В. Рцхиладзе — Грузия; В. Пяткус и Б. Гаяускас — Литва[1]. Краткосрочным арестам подвергались П. Винс (Украина)

[1] См. прим. к «Белградскому совещанию по проверке выполнения соглашения в Хельсинки» (док. 62) — *Сост.*

и Г. Гольдштейн (Грузия). Обыски, вызовы на допросы, лишение возможности работать по специальности — уже не в счет.

Эти преследования с несомненностью свидетельствуют, о запланированном властями удушении и уничтожении созданных в СССР групп «Хельсинки». Каждый из их членов живет под постоянной угрозой репрессий.

Трагическая судьба Левко Лукьяненко вызывает особую тревогу. Лукьяненко 50 лет. Из них — 15 лет тюрем и лагерей.

После отбытия полностью 15 лет заключения Лукьяненко в 1975 г. был поселен в г. Чернигове. Неполных 2 года его «свободной» жизни под гласным адмнадзором милиции сопровождались обысками, допросами, перлюстрацией личной переписки.

15 лет лагерей не сделали его равнодушным к людям, не отучили его любить свою страну.

В ноябре 1976 г. Лукьяненко вступил в Украинскую группу «Хельсинки». И вот — новый арест.

Как всегда в случаях политических репрессий, власти не дают информации о том, какие обвинения предъявлены арестованному. Но известно: Лукьяненко не только не совершал, но никогда не призывал к совершению насильственных действий и противозаконных поступков. Поэтому очевидно, что арест Лукьяненко вызван его деятельностью в Украинской группе «Хельсинки».

Мы вместе с членами Украинской группы содействия глубоко обеспокоены судьбой Лукьяненко и присоединяемся к их заявлению, считая, что совещание в Белграде не выполнит своего назначения, если члены общественных Групп содействия будут оставаться в тюрьмах или лагерях. Одновременно мы хотим подчеркнуть, что судьба Лукьяненко, новый его арест являются типичной расправой над людьми, уже отбывшими срок по политической статье. После освобождения такие люди практически навсегда лишены возможности заниматься общественной деятельностью, свободно общаться с людьми, не говоря о том, что они находятся под гласным надзором.

Сохранение верности своему мировоззрению у таких людей влечет новые суды над «повторниками»[1], и они рассматриваются как рецидивисты и осуждаются особенно жестоко. Недавнее осуждение Олексы Тихого — типичный пример такого осуждения.

Призывая к защите адвоката Левко Лукьяненко, мы еще раз одновременно призываем к защите всех ранее арестованных членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Виктор Некипелов, Наум Мейман,
Татьяна Осипова, Владимир Слепак
2 февраля 1978 г.

Приложение

Белградскому Совещанию по оценке выполнения Хельсинкских соглашений

12 декабря 1977 г. в Чернигове на Украине органами КГБ арестован адвокат и журналист Левко Лукьяненко. Начиная с руководителя Группы Миколы Руденко, за тюремную решетку брошен пятый по счету член Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

«Дело № 39», по которому арестовали Левко Лукьяненко, начато еще 10 февраля 1977[2] г., когда был арестован М. Руденко. Материалы «дела» — деятельность Украин-

[1] См. документ № 132 (док. 165). — *Сост.*

[2] М. Руденко был арестован 5 февраля 1977 г. — *Сост.*

ской группы «Хельсинки», ее документы о нарушениях прав человека на Украине. В судебном приговоре Руденко и Тихого выражена официальная точка зрения властей на всю Группу в целом. Первые четыре документа охарактеризованы судом как «антисоветские», и таким образом каждый член Группы поставлен под угрозу заключения.

После ареста Руденко, Тихого, а затем Мариновича и Матусевича Группа выпустила еще ряд документов (последний — Меморандум № 18 — о дискриминации украинцев в праве на эмиграцию), ответственность за создание которых, возможно, будет возложена на Л. Лукьяненко. Не исключено, что органы КГБ используют для обвинения Лукьяненко и другие предлоги, в частности его заявление в Верховный Совет о выезде из СССР или даже сфабрикованные показания о его «антисоветских» высказываниях (о таких попытках КГБ он как раз сообщает в своем заявлении).

Только неполных два года провел Л. Лукьяненко «на свободе» (под надзором милиции), после того как отбыл 15 лет тюрьмы и лагерей — всего лишь за мысли и юридические рассуждения о праве Украины на самоопределение, праве, гарантированном советской Конституцией.

Повторное обвинение в «особо опасном государственном преступлении» грозит ему таким же жестоким приговором, какой уже вынесен Олексе Тихому,— 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

Спасти Лукьяненко от этой участи могут только немедленные, задолго до суда, действия в его защиту, в первую очередь — со стороны правительств и общественности стран, подписавших соглашения, за полное и честное выполнение которых он боролся.

Члены Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
О. Бердник, И. Кандыба, В. Калиниченко, О. Мешко, В. Стрельцов (Стрильцив), Н. Строкатова
Поддерживаем обращение Украинской группы «Хельсинки» в защиту Лукьяненко:
А. Лавут, Т. Великанова[1]
18 декабря 1977 г.

67

Документ № 32

[О НАРУШЕНИИ ПРАВ НА СВОБОДУ ВЫБОРА СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ И СВОБОДУ ПОЕЗДОК В ДРУГИЕ СТРАНЫ]

Одним из часто нарушаемых в СССР прав человека является право на свободу выбора страны проживания и свободу поездок в другие страны. При этом власти СССР не считают обязательным сообщать, по какой причине тому или другому лицу отказано в выезде или поездке. Как пример нарушения свободы поездок мы приведем случай доктора Веры Ливчак, единственная дочь которой с 1971 года проживает в Израиле. Отказ в поездке в эту страну объясняется отсутствием дипломатических

[1] В АС №3207 в список поддержавших включены также: Н.Мейман, А. Подрабинек, свящ. Г. Якунин, В. Капитанчук, пресвитер Н. Горетой, Н. Федорова (Бузырева). — *Сост.*

отношений. Доктор Ливчак подала вторично документы на поездку не в Израиль, а в Австрию, где проживает ее родственница. В этом случае отказ был мотивирован дальностью родства. В третий раз В. Ливчак подала документы, чтобы получить разрешение на приезд дочери в Москву. Последовавший отказ просто не был мотивирован, а 74-летняя женщина лишается даже надежды на встречу с дочерью, если не уедет из страны совсем, чего она по личным соображениям делать не хочет.

У немцев, желающих выехать из СССР, часто не принимают документы к рассмотрению, считая, что вызовы, предъявляемые ими, не от достаточно близких родственников; но часто отказы бывают и тогда, когда вызовы приходят от родителей или родных братьев и сестер.

Наиболее частой причиной отказа является так называемая секретность. Причем никакими положениями сроки секретности не оговорены, так же как не существует перечней реально секретных работ и учреждений. Сошлемся на письмо академика А. Сахарова о докторе Ю. Гольфанде и докторе Н. Меймане, адресованное Американской федерации ученых.

Как приложение к данному документу мы даем письмо бывших студентов и преподавателей Московского физико-технического института о том, что ряд выпускников его получили разрешение и выехали из страны, тогда как другие по соображениям «секретности» получили отказ. Настоящее письмо и списки лиц, выехавших и получивших отказ, также приложенные к настоящему документу[1], интересны еще и тем, что среди лиц, получивших отказ, значится Анатолий Щаранский. Он добивался разрешения на выезд с 1973 года, а в настоящее время находится в следственном изоляторе КГБ, обвиняемый в государственной измене. Рядом в списке значатся два его соученика — И. Шерман и Л. Коган, оба получившие разрешение на выезд в 1974 году.

Внимательное прочтение списков дает ясное представление о том, что слово «секретность» часто решает судьбу того или иного лица или его семьи абсолютно вне реального обладания секретностью, т.е. государственной или военной тайной.

P.S. Считаем необходимым, чтобы настоящий документ Группы стал известен господам адвокатам Анатолия Щаранского, как имеющий значение для его защиты.

Члены Группы:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Остова, Владимир Слепак
Документ составила *Е. Боннэр*
2 февраля 1978 года

Приложение

Профессорам, преподавателям, выпускникам и студентам всех университетов

Дорогие коллеги!

С 16 марта 1977 г. в следственной тюрьме КГБ в Лефортове, Москва, находится наш коллега 29-летний ученый Анатолий Щаранский. Ему предъявлено самое серьезное из всех возможных обвинений — обвинение в измене Родине, караемое в соответствии с советскими законами (ст. 64-»а» Уголовного кодекса РСФСР) 10–15 годами лагерей или смертной казнью! Такой приговор ожидает человека потому, что он мужественно отстаивал естественное право на эмиграцию — право выбора места жительства и работы.

[1] Не публикуются, воспроизведены в АС №3258. — *Сост.*

Анатолий Щаранский в 1972 г. окончил Московский физико-технический институт (МФТИ), защитив дипломную работу, посвященную математическому программированию шахматных партий. Его научная работа была, естественно, совершенно открытой. В 1973 г. ему было отказано в разрешении на выезд из СССР под предлогом того, что он якобы располагал «секретной информацией». При этом подразумевалось, что источниками этой информации являлись учебные курсы, прослушиваемые студентами МФТИ. Нам, преподавателям и выпускникам МФТИ, хорошо известна система образования в этом институте, и мы авторитетно заявляем, что информация, полученная Анатолием Щаранским за время обучения, не содержит никакой государственной или военной тайны. Это видно хотя бы из того, что соученики Щаранского (Игорь Шерман, Лев Коган), прослушавшие те же курсы, что и он, получили разрешение на выезд еще в 1973 г. и давно являются гражданами других государств.

После получения отказа в выезде А. Щаранский всеми легальными методами боролся за возможность переехать в Израиль, где с 1974 г. его ждет жена. Четыре творческих года молодого ученого были пожертвованы борьбе за элементарные человеческие права. Следует подчеркнуть, что А. Щаранский никогда не предпринимал никаких действий, угрожавших советскому государственному или общественному строю. Несмотря на угрозы и преследования, он систематически раскрывал перед мировой общественностью факты нарушения прав человека в СССР. Именно за это, а не за какие-то вымышленные действия по сбору секретной информации невинному человеку грозит сейчас долголетнее заключение или смертная казнь.

Попробуйте представить себе ситуацию, когда американский или английский ученый, захотевший переехать жить и работать в другую страну, где к тому же живет его жена, рискует попасть в концентрационный лагерь или быть казненным. Именно это произошло с молодым математиком Анатолием Щаранским.

Каждому настоящему ученому дороги справедливость и права человека. Мы, выпускники и преподаватели МФТИ, призываем вас использовать свои возможности и влияние, чтобы не допустить повторения в наши дни кошмарного дела Дрейфуса. Мы верим в солидарность ученых и рассчитываем на ваши активные действия в защиту Анатолия Щаранского.

Бывшие студенты и преподаватели МФТИ:
Ю. Ярым-Агаев, Л. Улановский, А. Лернер, М. Хаит, В. Файн, Э. Финкельштейн, И. Гурвич, Е. Цырлин, В. Эйдус, В. Бахмин, В. Герцберг, Е. Паргаманик

68

Документ № 33

В ЗАЩИТУ ЗИНОВЬЕВА

Александр Зиновьев — доктор наук, профессор философии по разделу математической логики, член Финской Академии наук, автор многих известных научных трудов.

В сентябре 1976 г. в Швейцарии была издана его художественно-философская книга «Зияющие высоты», получившая широкую известность за рубежом и уже переведенная на ряд европейских языков. Книга эта удостоена в декабре 1977 г. литературной премии в Швейцарии.

Вскоре после выхода этой книги, 19[1] января 1977 г., Александр Зиновьев был уволен с работы старшего научного сотрудника Института философии Академии наук СССР,

[1] В «Хронике текущих событий» (№44, С.99) — 20 января. — *Сост.*

а затем лишен всех своих ученых степеней и званий (решение ученого совета Института, утвержденное ВАКом).

Участник Великой Отечественной войны, бывший военный летчик лишен боевых орденов и медалей, о чем ему не выдан, но зачитан соответствующий указ.

У А. Зиновьева незаконно отключен телефон, корреспонденция его перехватывается. Всякая возможность контактов с зарубежными учеными исключена. На родственников и друзей Зиновьева оказывается систематическое давление с целью изолировать его от близких людей. Милиция и райсовет вызывают его для объяснений, «как уклоняющегося от трудовой деятельности».

Комитет государственной безопасности четырежды вызывал Зиновьева на допросы (в том числе один раз — с насильственным приводом).

Александр Зиновьев получил приглашение от Мюнхенского университета прочесть курс математической логики. 16 мая 1977 г. Зиновьев подал в ОВИР заявление с просьбой разрешить ему выезд в Федеративную Республику Германии для прочтения курса лекций. Через восемь месяцев, 25 января 1978 г., он получил устный немотивированный отказ.

Таким образом:

1. Александра Зиновьева преследуют, лишают работы и средств к существованию не за какие-либо действия, а за мысль. За независимую, нерегламентированную, не подчиненную диктату мысль, за свой собственный философский взгляд на вещи и явления.

2. Александру Зиновьеву не разрешают поездку за границу для научной работы, нарушая этим соглашение о научных контактах, хотя, работая в области философии и математической логики, он не владеет никакими государственными тайнами.

Имя А. Зиновьева широко известно на Западе. Его трагическая судьба не может не волновать людей доброй воли. Но мы должны отметить, что нарушения прав человека, допущенные по отношению к Зиновьеву, типичны для СССР и подобным преследованиям подвергаются многие.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, В. Слепак
Февраль 1978 г.

69

Документ № 34

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ДОЛГОВРЕМЕННОГО НЕЗАКОННОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССОРА ЮРИЯ ОРЛОВА В ТЮРЬМЕ

6-го февраля следователь КГБ Трофимов сообщил Ирине Валитовой-Орловой, жене инициатора создания Группы «Хельсинки» в СССР Юрия Орлова, что 29 декабря 1977 г. обвинение ее мужа переквалифицировано со ст. 190.1, предусматривающей лишение свободы до трех лет, на ст. 70, об антисоветской пропаганде, по которой возможно заключение до 7 лет с последующей ссылкой до 5 лет.

Со всей ответственностью мы заявляем, что никаких советских законов профессор Орлов не нарушал, а его арест 10 февраля 1977 г. и дальнейшее преследование объясняется чисто политическими мотивами, а именно созданием и руководством деятельностью Группы Содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Деятельность этой группы имеет открытый публичный характер и ее неоднократно про-

возглашенной целью является содействие выполнению гуманитарных статей Соглашения в Хельсинки. Эта деятельность в полной мере продолжается и после ареста ее руководителя Юрия Орлова и ее активных членов Александра Гинзбурга, Анатолия Щаранского и ссылки Мальвы Ланды, а также эмиграции Людмилы Алексеевой, а также тесно сотрудничавших с Группой Валентина Турчина и Татьяны Ходорович.

Законы и цивилизованные нормы нарушены не Юрием Орловым, а следственными органами КГБ, держащими Юрия Орлова в строгом тюремном заключении в течение года без свидания и переписки с родными и без юридической помощи.

Мы обращаем внимание международной общественности, что вое это происходит через 60 лет после революции, провозгласившей своей целью создание справедливого социального строя и после принятия в 1977 г. «самой демократичной», по уверению советских средств массовой пропаганды, «конституции в мире». Характерно саморазоблачающее бездушие и равнодушие к человеческим судьбам, проявленное следственными властями: жене Орлова сообщили о кардинальном изменении характера обвинения лишь через 40 дней.

Нам неизвестны принципы, по которым КГБ раскладывает свой зловещий пасьянс, подвергая аресту одних правозащитников и заставляя эмигрировать других. Мы констатируем лишь, что его очевидная цель, а именно разгром движения правозащитников, не достигнута.

Об ужесточении преследования правозащитников свидетельствуют также следующие факты:

7 февраля Андрей Твердохлебов, лишь 21 января возвратившийся после 5-летней тюрьмы из ссылки, был под вымышленным предлогом помещен на 10 суток в тюрьму. При этом с ним крайне грубо, с применением насилия обращались в отделении милиции. С утра 6 февраля Андрей Твердохлебов держит голодовку.

Члену Грузинской группы «Хельсинки» Григорию Гольдштейну официально сообщили, что против него возбуждено дело по обвинению в тунеядстве и что процесс будет проведен, даже если ему удастся в ближайшее время устроится на работу.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Владимир Слепак
9 февраля 1978 г.

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.4, л.107–108)

70

Документ № 35

ЗАЯВЛЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ В БЕЛГРАДЕ

В связи с вето, о котором заранее заявил глава советской делегации на Совещании в Белграде, на упоминание в итоговом документе Совещания вопроса о правах человека и об оценке выполнения соглашений в Хельсинки странами-участницами мы считаем необходимым сделать следующее заявление:

1. В Хельсинки западные страны пошли на такие существенные уступки, как признание незыблемости послевоенных границ и жизненно необходимое Советскому Союзу сотрудничество в технологии и экономике. Единственные уступки с советской стороны заключались во включении в Соглашение гуманитарных статей и ссыл-

ки на периодический созыв совещаний по проверке выполнения соглашений в Хельсинки.

2. Основным объектом проверки выполнения соглашений в Хельсинки являются именно гуманитарные разделы этого Соглашения. Это следует из того, что незыблемости границ ничто не угрожает. Вопросы экономического и технического сотрудничества непрерывно рассматриваются на различного рода двусторонних и многосторонних переговорах, а вопросы сокращения вооружений в Европе рассматриваются на посвященных этому вопросу переговорах в Вене.

3. Вето, которым угрожает советская делегация, лишает смысла и содержания как гуманитарные разделы Соглашения, так и совещания по проверке выполнения Соглашения. Такое вето является фактическим отказом от Соглашения в Хельсинки.

4. Мы напоминаем наше предупреждение, содержавшееся в обращении к Белградскому Совещанию (документ № 26[1]), о том, что срыв Совещания Советским Союзом под предлогом вмешательства в его внутренние дела был бы, конечно, большим несчастьем, длительной, но все же временной задержкой на исторически неизбежном пути разрядки. Но гораздо большим несчастьем, катастрофой с труднопоправимыми последствиями для всего будущего человечества была бы капитуляция перед угрозой срыва Совещания.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
[между 7 и 23 февраля 1978 г.][2]

71

Документ № 36

[О СОЗДАНИИ В МОСКВЕ СВОБОДНОГО ПРОФСОЮЗА]

Группа содействия никогда не ставила и не ставит своей задачей непосредственное участие в деятельности различных ассоциаций или групп населения (религиозные общины пятидесятников, евангельские христиане-баптисты, адвентисты и др.; немцы, евреи, борющиеся за право выезда, крымские татары, ведущие борьбу за возвращение в Крым; политические заключенные, добивающиеся достойного обращения, медицинского обслуживания, нормального питания и бытовых условий и пр.). Задачей Группы является освещение фактов нарушения прав граждан или их отдельных групп и содействие выполнению этих прав в соответствии с Заключительным актом.

Недавно в Москве были проведены пресс-конференции, на которых группа рабочих и инженерно-технических работников из различных городов сообщила, что они будут совместно добиваться осуществления своих прав в области техники безопасности производства, условий труда, справедливой оплаты и распределения жилой площади, защиты от незаконных увольнений, особенно после критических выступлений. Группа объявила о создании свободного профсоюза[3].

---

[1] Очевидно, имеется в виду документ «Белградскому совещанию по проверке выполнения соглашения в Хельсинки» (док. 62). — *Сост.*

[2] Датировано по содержанию. — *Сост.*

[3] О свободном профсоюзе, основанном В. Клебановым, см. документ №76 (док. 109). — *Сост.*

Мы заинтересованно следим за этой деятельностью и ожидаем сообщений о целях и задачах ассоциации. Мы надеемся, что создание свободного профсоюза будет иметь значение в развитии правосознания в нашей стране. В этой связи Группа содействия считает необходимым напомнить советской и мировой общественности, что создание его является правомерным и основано на законе.

Статья 225 раздела XV Кодекса законов о труде («Юридическая литература», Москва, 1972) гласит:

В соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР рабочим и служащим обеспечивается право объединения в профессиональные союзы. Профессиональные союзы действуют в соответствии с принимаемыми ими уставами и не подлежат регистрации в государственных органах. Государственные органы, предприятия, учреждения, организации обязаны всемерно содействовать профессиональным союзам в их деятельности. (Текст статьи приведен полностью.)

Связи Группы содействия со вновь организованным профсоюзом могут основываться на тех же принципах, как и с другими организациями. При этом мы полагаем, что цели и задачи этой ассоциации будут исходить из Всеобщей декларации прав человека и из Пактов о правах, на которые опирается Заключительный акт Совещания в Хельсинки.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
16 февраля 1978 г.

72

Документ № 37[1]

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В ст. 22 Всеобщей декларации прав человека говорится, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение».

В ст. 9 Пакта об экономических, социальных и культурных правах устанавливается «право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование».

Ст. 43 Конституции СССР широко декларирует право граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности и потери кормильца.

В настоящем документе мы, не давая полного анализа системы социального обеспечения в СССР, останавливаемся лишь на двух вопросах, наиболее актуальных: праве на пенсию в зависимости от трудового стажа и размерах пенсий.

1. Основным видом социального обеспечения по старости и инвалидности являются пенсии по социальному страхованию. Рабочие и служащие не платят страховых взносов, считается, что пенсии выплачиваются за счет государства. Однако в действительности средства социального страхования образуются из определенного процента от фонда заработной платы, вносимого предприятиями и учреждениями. В статье профессора-экономиста Л. Бляхмана (журнал «Молодой коммунист» № 6 за 1968 г.) приведен такой расчет: из каждого рубля созданной работником стоимости 55 коп.

[1] В публикации АС №3255 — № 38. — *Сост.*

выплачиваются ему в виде заработной платы, а 45 коп. поступают в общественные фонды потребления.

Вот часть этих фондов «общественного потребления» и составляет средства социального страхования, из которых и выплачиваются пенсии по старости и инвалидности (кроме инвалидности вследствие трудового увечья)[2].

При такой системе социального страхования многочисленные категории трудящихся вовсе не имеют права на пенсионное обеспечение.

а) В стаж работы, дающий право на пенсию, не засчитываются годы труда в местах лишения свободы (т.е. труд заключенных).

При установленных законом длительных сроках лишения свободы десятки, если не сотни, тысяч людей, освободившихся из мест заключения[3] не получают пенсий «из-за отсутствия достаточного трудового стажа», хотя они долгие годы трудились в тяжелых условиях заключения.

б) Не имеют права на пенсию кустари, которые трудятся всю жизнь и создают материальные ценности, но не причисляются к категории рабочих и служащих.

в) Не назначаются пенсии бывшим колхозникам, которые прекратили работу в колхозе до издания закона о пенсиях для колхозников (1964 г.) и стали престарелыми или инвалидами, не «заработав» трудового стажа в качестве рабочих и служащих.

д) Не получают пенсий многие люди, не имеющие по тем или иным причинам возможности подтвердить строго официальным (установленным законом) способом наличие у них необходимого стажа работы.

е) Наконец, не получают пенсии престарелые или инвалиды, которые по тем или иным причинам не имеют требуемого законом стажа работы. Установленные законом случаи назначения так называемых пропорциональных пенсий (при неполном стаже) по старости требуют ряда условий (например, наступления пенсионного возраста в момент работы по найму и т.д.). Размеры этих «неполных» пенсий, как правило, ничтожны.

Строгая секретность статистики лишает нас возможности определить количество людей, не получающих пенсии по социальному страхованию, но не подлежит сомнению, что эта проблема актуальна не для единиц, а для значительной массы граждан СССР.

2. По данным Научно-исследовательского института труда, прожиточный минимум в СССР составляет 50 рублей на человека в месяц (это подтверждается Постановлением Совета Министров от 25 сентября 1974 г. о назначении пособий детям в малообеспеченных семьях, где совокупный доход на члена семьи не превышает 50 рублей. Кстати, это пособие составляет 12 руб. в месяц на одного ребенка и выплачивается только до восьмилетнего возраста).

Нет сомнения, что этот «прожиточный» минимум — это минимум на грани *нищеты*.

Однако установленный законом размер минимальных пенсий стоит за гранью и этого уровня нищеты.

Минимальный размер пенсий по старости — 45 руб. в месяц, это полная пенсия, пропорциональная, т. е. при неполном стаже — значительно ниже.

Минимальный размер пенсии для инвалидов второй группы — 45 руб. в месяц, а третьей группы — 21 руб. в месяц (при инвалидности, наступившей вследствие трудового увечья или профзаболевания, пенсии несколько выше).

Минимальные размеры пенсий нетрудоспособным членам семьи, потерявшей кормильца, составляют: 23 руб. в месяц на одного члена семьи; 45 руб. в месяц на двух членов семьи и 70 руб. в месяц на 3-х *и более* членов семьи.

---

[2] В АС №3255 абзац дан в иной редакции. — *Сост.*

[3] Косвенные данные говорят, что заключенных не менее 1 % (одного процента) от всего населения.

Если умерший кормилец семьи не имел полного трудового стажа, то минимальная пенсия на одного члена семьи составляет 5 руб. в месяц; на двух членов семьи — 11 руб. в месяц; на 3-х и более членов семьи — 17 руб. в месяц.

Принятый в 1964 году закон о пенсиях для колхозников устанавливает при наличии определенного стажа работы в колхозе минимальные пенсии в размерах от 16 руб. до 35 руб. в месяц (в зависимости от степени утраты трудоспособности и других условий).

3. Республиканскими законодательствами для отдельных групп нетрудоспособных граждан, не имеющих права на пенсию по социальному страхованию, предусмотрена выплата ежемесячных пособий. Условия выплаты этих пособий резко ограничивают контингент лиц, получающих эти пособия, а размеры самих пособий (от 8 до 16 руб. в месяц) — ничтожны.

4. Нельзя не упомянуть и еще об одном виде «социального обеспечения», установленного законом: пособиях для матерей-одиночек (т. е. для женщин, не состоящих в замужестве, при неустановленном судебным порядком отцовстве, дающем право на получение алиментов).

Государственные пособия одиноким матерям выплачиваются в следующих размерах: на одного ребенка — 5 руб. в месяц (стоимость 15-ти литров молока!), на двух детей — 7 руб. 50 коп. в месяц, на трех и более детей — 10 руб. в месяц.

* * *

Краткий и далеко не полный обзор некоторых актуальных вопросов социального обеспечения в СССР свидетельствует о наличии в СССР значительных групп нетрудоспособных граждан, которые не получают никаких пенсий и пособий, и еще более многочисленных групп престарелых, нетрудоспособных и детей, получающих пособия, не обеспечивающие даже минимального — по советским нормам — жизненного уровня.

Поскольку экономические права, в том числе и право на удовлетворительный жизненный уровень инвалидов, престарелых и их нетрудоспособных членов семей (в том числе детей), являются неотъемлемой частью гражданских прав человека, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает своей обязанностью обратить внимание государств, подписавших Хельсинкские соглашения, на массовые, санкционированные действующим законодательством нарушения прав нетрудоспособных советских граждан.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Владимир Слепак
9 марта 1978 г.[1]

73

Документ № 38[2]

О ПОЛОЖЕНИИ ИНВАЛИДОВ

Настоящим обращением Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание советского правительства и международной обществен-

[1] В АС № 3255 под документом отсутствуют подписи и приведена иная дата: 23 февраля 1977 г. — *Сост.*
[2] В АС №3224 — № 37. Вместо названия указаны адресаты: Президиум Верховного Совета СССР, Комитет защиты прав человека при ООН, ЮНЕСКО, председатель Совета Всемирных организаций по делам инвалидов Норман Эктон. — *Сост.*

ности на необходимость создания в СССР свободной и независимой ассоциации инвалидов[1] труда, детства, случая и общего заболевания, имеющих тяжелые поражения двигательных функций, может быть, такого же типа, как существующие в СССР Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых.

Неоднократные попытки группы активистов (из среды этих инвалидов) получить разрешение на создание своей общественной ассоциации натолкнулись на категорическое запрещение директивных органов. Считается, что вся забота об этих инвалидах должна осуществляться Министерством социального обеспечения.

Фактически же эти инвалиды находятся в бедственном и унизительном положении людей беспомощных, постоянно нуждающихся в помощи, без надежды получить эту помощь по самым существенным вопросам. Их жизнь — замкнутый круг разобщенной, одиночной, постоянной борьбы за существование далеко за пределами уровня бедности.

Чиновники Министерства социального обеспечения или не понимают и не хотят понять всей сложности проблемы возвращения инвалидов к полноценной жизни, или не могут решить эту проблему и сами становятся непреодолимым барьером к ее решению.

Поэтому инвалиды перечисленных выше категорий в СССР фактически лишены права на достойную работу, образование, отдых, хорошее питание, лечение (слишком дороги для инвалидов-пенсионеров лекарства), нормальную личную жизнь, физическую подготовку и спорт (в частности участие в международных инвалидных Олимпийских играх).

Самые тяжелые категории инвалидов — с поражением двигательных функций — вообще фактически лишены права на самостоятельное передвижение, в отличие от положения в других развитых в техническом отношении стран, где выпускаются целые серии «механических помощников» и приспособлений, позволяющих инвалиду с известной долей самостоятельности передвигаться и дома, и на улице, различные варианты управления инвалидным мото- и автотранспортом.

У нас протезирование, ортопедия, разработка механических приспособлений находятся на чрезвычайно низком уровне по сравнению с мировыми стандартами.

Особенно значительна проблема транспорта. Мотоколяски убоги и ненадежны. Не разрабатываются новые модели с учетом особенностей разных форм инвалидности. Цены на автомашины для инвалидов спекулятивно завышены и, как правило, недоступны (льготная стоимость отменена). Эксплуатация и ремонт мотоколясок и автомашин труднодоступны и дороги. Запасные части часто в дефиците. Бензин слишком дорог для людей, пенсии которых ничтожно малы. Общественный транспорт по своей конструкции недоступен для пользования большинству инвалидов.

При новом строительстве жилищ не учитываются нужды инвалидов с поражением двигательных функций, не переоборудуются существующие жилища и не строятся специально приспособленные для таких инвалидов квартиры и дома (напр., инвалид в коляске не может въехать в туалет, в ванную комнату, не может подняться по ступеням до лифта и т.д.).

Все было бы иначе при существовании свободной общественной ассоциации инвалидов с поражением двигательных функций, входящей в международную инвалидную организацию. Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых с налаженной системой образования, со своими разветвленными специальными производственными предприятиями — не только дают заработок инвалидам, но и спо-

[1] Ассоциация была основана в мае 1978 г.; см. документ № 77 (док. 110). — *Сост.*

собствуют их активному участию в жизни, помогают сохранять чувство собственного достоинства. В то же время, как известно, ВОС и ВОГ делают труд слепых и глухонемых экономически полезным и выгодным для государства.

Создание ассоциации инвалидов с поражением двигательных функций, ассоциации, которая позволила бы инвалидам объединить усилия одиноких, беспомощных людей, помогла бы возвратить к жизни сотни и сотни тысяч инвалидов, влачащих горькое существование,— это проблема огромного морально-нравственного значения.

Связи такой ассоциации с международными организациями инвалидов дали бы возможность в рамках культурного и технического обмена (устройство выставок протезов, технических приспособлений и спортивного оборудования для инвалидов, участие в разработке международных пактов об обязательных нормах мероприятий по реабилитации и возвращению инвалидов к активной жизни и т. д.) приблизить жизнь наших инвалидов к уровню жизни полноценных людей.

Отказ в разрешении на создание такой ассоциации противоречит Декларации прав человека и Конституции СССР.

Одновременно мы призываем инвалидов не мириться со своим унижающим человеческое достоинство положением, не дожидаясь помощи со стороны, организовывать свои инициативные инвалидные группы взаимопомощи, которые в будущем станут костяком свободной общественной инвалидной ассоциации.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
9 марта 1978 г.[1]

74

Документ № 39

О СОВЕЩАНИИ В БЕЛГРАДЕ

Белградское совещание закончилось. Итоговый документ не отразил пятимесячных прений по различным аспектам выполнения Хельсинкского акта и в частности по выполнению его гуманитарных аспектов. Итоговый документ вообще не содержит упоминаний о правах человека и является шагом назад по сравнению с самим актом, утверждавшим неразрывную связь между соблюдением прав человека, безопасностью и сотрудничеством.

Все статьи любого международного договора являются обязательными для его участников. Поэтому утверждение СССР, что обсуждение вопроса о выполнении Советским Союзом гуманитарных статей акта в Хельсинки является вмешательством во внутренние дела СССР, противоречит содержанию Заключительного акта и подтверждает нарушение СССР принятых на себя обязательств. Демонстративным доказательством этих нарушений является арест 18 членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В Белграде происходили многомесячные прения по вопросу о правах человека. В ответ на обвинения западных стран в невыполнении гуманитарных статей Соглашения делегация СССР пыталась противопоставить вопросу о правах человека вопрос

[1] В АС № 3224 под документом отсутствуют подписи и приведена иная дата: 23 февраля 1977 г. — *Сост.*

о социально-экономических правах. В действительности права личности тесно и непосредственно связаны с социально-экономическими правами, и нельзя противопоставлять одни другим. Без гарантии прав личности невозможно успешно защищать социально-экономические права. Это доказывается реальным положением дел в СССР, где социально-экономические права обеспечены намного хуже, чем в любой развитой демократической стране: зарплата ниже, например, чем пособие по безработице в ФРГ, а положение с пенсиями (см. документ № 37) для целых категорий граждан просто постыдное. В СССР существует и скрытая безработица, отягощенная трудностями переселения внутри страны, отсутствием официальной статистики, а также пособий по безработице.

Мы усматриваем потенциальную опасность итогового документа и в том, что условия Совещания в Мадриде[LXXV] в 1980 году будут, в частности, определяться настоящим итоговым документом, не содержащим упоминания о правах человека.

Обстановка, сложившаяся после Белградского совещания, делает еще более необходимой и актуальной деятельность Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Легальность и законность этой деятельности следует из подписи СССР под Заключительным актом и ратификации Советским Союзом всех международных пактов, перечисленных в разделе VII Заключительного акта.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Владимир Слепак
14 марта 1978 г.

75

Документ № 40

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ АНАТОЛИЯ ЩАРАНСКОГО

15 марта исполняется год содержания Анатолия Щаранского в строгом заключении, без свиданий и переписки с родными. Советским законом допускается заключение до суда сроком не более 9-и месяцев. Наша ссылка на закон вовсе не означает, что мы в какой-либо мере одобряем этот закон и его практику. Девятимесячное жестокое заключение тоже не имеет оправдания и фактически является презумпцией виновности обвиняемого. Решительным контрастом с таким длительным следственным заключением является молниеносная, как мы знаем по опыту, быстрота судопроизводства.

Как и арестованные за месяц до него его друзья по Группе «Хельсинки» Юрий Орлов и Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский был арестован после публикации клеветнической статьи в советской прессе. Анатолий Щаранский обвиняется по статье 64 УК РСФСР в измене Родине, статье, предусматривающей наказание вплоть до смертной казни. Мы категорически отрицаем как лицемерное и клеветническое обвинение Анатолия Щаранского в какой-либо шпионской деятельности. Щаранский вызывал особое раздражение властей, являясь одновременно одной из ведущих фигур еврейского движения за репатриацию и движения правозащитников. Его арест и обвинение объясняются чисто политическими причинами.

Обвинение Анатолия Щаранского в измене Родине будит воспоминания о «деле Дрейфуса», обвиненного в государственной измене во Франции в конце 19 века, и «деле врачей» в последние месяцы правления Сталина. Широкие демократические

круги во всех странах прекрасно понимают, что Анатолия Щаранского обвиняют за его общественную деятельность.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
15 марта 1978 г.

76

Документ № 41

О ЛИШЕНИИ П. Г. ГРИГОРЕНКО СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля (за подписью Председателя Президиума Верховного Совета Брежнева и Секретаря Георгадзе) Петр Григорьевич Григоренко лишен советского гражданства. В ноябре 1977 года Григоренко получил разрешение на шестимесячную поездку в США для лечения и в гости к сыну. Такое разрешение соответствует духу и букве Хельсинкского акта.

У себя в стране и за рубежом Григоренко широко известен как мужественный и стойкий человек, отдавший силы и здоровье борьбе за соблюдение прав человека в СССР, выступавший против культа личности, против политики невозвращения крымских татар в Крым, против использования психиатрии в репрессивных целях. За свою стойкость и мужество Григоренко тяжело и несправедливо заплатил годами несвободы и ужаса пребывания в психиатрических тюрьмах. У Григоренко за плечами тяжелый жизненный путь труженика и доблестного солдата, защищавшего СССР в двух войнах, дослужившегося до звания генерал-майора, награжденного пятью орденами и несколькими боевыми медалями. Все лично знавшие Григоренко всегда подпадали под обаяние его личности, его деятельной доброты и отзывчивости, его широты и его терпимости. Вся общественная деятельность Григоренко была легальной и гласной, основывалась на законах и Конституции СССР. Последние годы Григоренко активно работал в Московской и Украинской группах содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, членом которых он являлся со дня их основания.

В указе Верховного Совета СССР сказано, что Григоренко лишен гражданства за систематические действия, наносящие ущерб престижу СССР, но никакой общественной деятельностью во время пребывания в США Григоренко не занимался. Значит, так оценивает Верховный Совет всю жизнь и всю деятельность Григоренко в СССР.

Направляя этот документ главам государств и правительствам стран, подписавших Хельсинкское соглашение, Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений просит их употребить свое влияние на то, чтобы Григоренко была предоставлена возможность вернуться в СССР и перед открытым судом доказать, что вся его общественная деятельность была направлена на защиту престижа своей страны и своего народа, на защиту прав человека и тех международных соглашений и пактов, которые подписаны руководителями СССР и ратифицированы советским правительством. Если Григоренко не будет предоставлена возможность вернуться в СССР, то тем самым будет нарушено не только его право на свободный выбор страны проживания, но и его право на защиту.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
15 марта 1978 г.

77

Документ № 42

О ЛИШЕНИИ М. РОСТРОПОВИЧА И Г. ВИШНЕВСКОЙ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР по следующим причинам протестует против лишения Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской советского гражданства и лишения их возможности вернуться на Родину.

1. Лишение гражданства Ростроповича и Вишневской противоречит международным обязательствам советского правительства, а именно — Пакту о гражданских и политических правах, Всеобщей декларации прав человека и Соглашению в Хельсинки.

2. Самый выдающийся виолончелист нашего времени Мстислав Ростропович и известная певица Галина Вишневская своей артистической деятельностью завоевали симпатии и уважение миллионов людей во всем мире, а восхищение перед талантом артиста и благодарность слушателей распространяются и на его родину и увеличивают ее престиж. Никакое правительство не имеет права отождествлять свой престиж с престижем управляемой им страны.

Елена Боннэр, Наум Мейман, Мальва Ланда, Софья Каллистратова, Владимир Слепак, Татьяна Осипова[1]
18 марта 1978 г.

78

Документ № 43

ДИСКРИМИНАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР. МУСТАФА ДЖЕМИЛЕВ

Мустафа Джемилев был грудным ребенком, когда в 1944 г. по бесчеловечному приказу Сталина сотни тысяч крымских татар (в основном стариков, женщин и детей) были изгнаны с земли своих предков и депортированы в «зоны спецпереселенцев» на Урал и в Узбекистан.

Преследования, которым подвергаются крымские татары, борющиеся за возвращение в Крым, общеизвестны. О трагической судьбе крымско-татарского народа мы неоднократно писали, обращаясь и к советскому правительству, и к главам государств, подписавшим Хельсинкское соглашение, и к мировой общественности (см. документы №№ 10, 24).

Джемилев, активный борец за право крымского народа вернуться на родину, был неоднократно судим и провел в общей сложности более 8 лет в местах заключения. Ему вменялась в вину клевета на советский государственный и общественный строй. Утверждалось, что он в целях опорочить советский строй требует разрешения якобы «надуманного крымско-татарского вопроса» и говорит, что для крымских татар в СССР существуют правовые ограничения. Осуждение Джемилева на последнем процессе было совершено по сфальсифицированному обвинению и явилось нарушением обя-

[1] В АС №3442 в список подписавших добавлен В. Некипелов. — *Сост.*

зательств Советского Союза, касающихся прав человека, и гуманитарных статей Заключительного акта, о чем группа «Хельсинки» заявляла в своем документе № 1.

22 декабря 1977 г. Джемилев был освобожден из заключения по отбытии срока и, несмотря на то, что приговор не устанавливал ссылки или высылки, был насильственно поселен в г. Ташкенте в квартире своего брата[1]. Над ним установлен административный надзор. Просьба Джемилева о переезде в Крым, где проживают в настоящее время его родители и сестры (выехавшие в Крым в 1977 г.), отвергнута.

Власти продолжают преследовать Мустафу Джемилева и, возможно, готовят новый арест. В январе был спровоцирован случай нарушения им правил надзора. В марте милиция предупредила Джемилева, что он может быть привлечен к суду за «тунеядство»[2]. От него требуют немедленно устраиваться на работу, хотя его здоровье подорвано многолетним заключением и многомесячной голодовкой протеста против сфальсифицированного обвинения.

В нашем распоряжении имеется текст официального документа, направленного в лагерь, где содержался Джемилев, в ответ на запрос о возможности направления Джемилева в Крым после освобождения из заключения.

Приводим этот текст полностью.

Исх. № 22
от 28.10.1977 г.

692710, Приморский край,
Хасанский р-н,
учреждение УП 267-26
Начальнику учреждения

на В/1 30/26-5210-А от 3/Х-77 г.

Родители осужденного Джемилева Мустафы проживают на территории Белогорского района с грубейшим нарушением паспортного режима и без прописки. Как спецпереселенцам им прописка в Крыму ограничена. В связи с вышеизложенным направлять в Крым Джемилева М. нецелесообразно, так как ему в прописке будет отказано.

Председатель наблюдательной комиссии
при исполкоме Белогорского райсовета народных депутатов
Подполковник Цапенко /подпись/

Таким образом, представитель власти Крымской области в официальном документе подтвердил существование правовых ограничений для крымских татар по их национальному признаку.

Факты дискриминации по национальному признаку признавались судебными приговорами «клеветой на советский строй», когда об этих фактах говорили и писали Джемилев и другие участники национального движения крымских татар.

Приведенный выше документ показывает, что наряду с Конституцией и Указом от 5 сентября 1967 г. о реабилитации крымских татар существуют *секретные* «инструкции», по которым крымские татары *ограничены* в правах и до настоящего времени являются «спецпереселенцами».

Это подтвердил также сотрудник отдела профилактики УВД г. Ташкента лейтенант Аташкулов Б., осуществляющий надзор над Мустафой Джемилевым. В беседе с М. Дже-

[1] Асан Джемилев. — *Сост.*

[2] Об использовании этого обвинения в политических целях см. документ № 46 (док. 80). — *Сост.*

милевым и членом группы «Хельсинки» Т. Осиповой, происходившей 24 марта 1978 г. в его кабинете, он сказал, что Джемилеву запрещено проживать в Крыму «как спецпереселенцу».

Личная трагическая судьба Джемилева не может не взволновать всех людей доброй воли.

Мы еще раз обращаем внимание общественности и правительств стран — участниц Хельсинкского соглашения, что преследования Мустафы Джемилева неразрывно связаны с фактом дискриминации полумиллионного крымско-татарского народа, незаконно лишенного возможности жить на своей родине.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
6 апреля 1978 г.

79

Документ № 45[1]

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ АДВЕНТИСТОВ

Вопреки заявленной в Заключительном акте Хельсинкского соглашения решимости государств-участников «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», и «в этих рамках... признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести»,— преследования верующих в Советском Союзе не только не прекращены, но за последнее время усилились. Об этом свидетельствуют проведенные в обстановке полного произвола аресты, обыски и другие репрессивные меры против членов Всесоюзной Церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня.

14 марта в Ташкенте арестован 83-летний председатель Церкви адвентистов В. А. Шелков[2], вся религиозная деятельность которого прошла в условиях постоянных репрессий. Он 23 года провел в тюрьмах, ссылках, лагерях: с 1931 по 1934 гг. по постановлению тройки ОГПУ (без суда) — ссылка с принудработами на север Урала; в 1945 г. — арест и приговор к расстрелу, замененный 10-ю годами лагерей строгого режима. С 1963[3] года под угрозой нового ареста вынужден был перейти на нелегальное положение. Он возглавлял также издательство «Верный свидетель», активно преследуемое властями, написал ряд книг и статей, отстаивающих свободу совести и вероисповедания.

В доме дочери Шелкова (Ташкент, Союзная, дом 56), где он был арестован, провели обыск, продолжавшийся 4 суток. Предоставленные в распоряжение Группы фотоснимки и показания очевидцев, а также личные впечатления члена группы «Хельсинки» Татьяны Осиповой, посетившей дом после обыска, рисуют картину полного разгрома жилища: взламывали полы, стены, потолки, разваливали дымоходы, вспарывали матрацы, подушки, обивку кресел, вещи сваливались кучей как попало, под полами и во дворе рыли огромные ямы до 2-х метров глубиной, поднимали асфальт во дворе, об-

[1] Документ №44 не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. — *Сост.*
[2] О суде над ним см. в документе № 95 (док. 128). — *Сост.*
[3] Точнее, с 1969. — *Сост.*

следовали даже туалетные ямы. Материальный ущерб, причиненный обыском, не возмещен. Изымались религиозная литература, магнитофонные ленты с религиозными проповедями и псалмами, жалобы, протесты, заявления, правозащитная литература, магнитофонные записи передач западных радиостанций, трудовые сбережения. Во время обыска кто-то позвонил у калитки. На звонок выскочили шесть человек и, когда пришедший попытался скрыться, открыли по нему стрельбу из пистолетов.

Кроме В. А. Шелкова арестован хозяин дома Лепшин Илья Сергеевич, тяжело больной человек.

Аналогичный обыск прошел 14–15 марта в доме Маслова Сергея Ивановича (Ташкент, ул. Электротехническая, дом 8), куда ворвались, взломав входную дверь. Арестованы сам Маслов, инвалид Отечественной войны, и находившийся в доме Спалинь Арнольд Альбертович. Арестованы также Кривоберец Елена Герлампиевна, пришедшая во время обыска, и Бедарев Виктор Геннадьевич.

29 марта 1978 г. в г. Ташкенте производились обыски у следующих лиц:

1. Карбовской Ф.И. (Ленинский район, ул. Кзыл-Арбатская, Тупик 2, дом 7).
2. Фурлет Софьи Прокопьевны (ул. Кзыл-Арбатская, Тупик 2, дом 6).
3. Подосинниковой Марии Павловны (ул. Археологическая, дом 2).
4. Якубиной Валентины Петровны (ул. Винокор, дом 26).
5. Онищенко Александры Семеновны (ул. Достоевского, дом 15).

17 марта 1978 г. проведены обыски в домах адвентистов г. Риги: по ул. Пастендес в доме 1 кв. 3 и кв. 5 у Бошевого Петра Семеновича и его дочери Бошевой Лоиды Петровны; у Нагрецкайте Эйты Казе[1] (ул. Квелес, дом 8); у Даргужис Э. П. (ул. Сеяс, дом 59). На требование Бошевых предъявить документы, удостоверяющие личность обыскивающих, угрожали надеть наручники и посадить на 15 суток в КПЗ, неоднократно угрожали огнестрельным оружием, оскорбляли хозяев квартиры. У Нагрецкайте, согласно протоколу обыска, изымали не только религиозную литературу, деньги, но и «простыни ф-ки «Волна» в широкую полоску сиреневого цвета, ... пододеяльник б/у ... полотенца китайские — 2 шт. ... шампунь женьшеневую[2] — 10 шт., туалетное мыло — 2 шт.».

В «Открытом письме»[3] родственники Шелкова выражают опасение за его жизнь. Основания для этого дают как угрозы работников КГБ во время обыска: «Теперь ты, дед, за все рассчитаешься», так и методы допросов, которые применяют к верующим. Представление о них дает рассказ Долготера Якова Николаевича[4] (1959 г. рождения, проживает: село Угодное, Одесская обл., Белгород-Днестровский р-н). Долготер был задержан 29 января 1978 г. в г. Пятигорске. На допросе он отказался давать показания, касающиеся его религиозных убеждений и изъятой у него религиозной литературы. Тогда следователи — капитан Мальцев Владимир Николаевич и другой, не назвавший своей фамилии,— стали избивать задержанного. Избивали попеременно — то один, то другой. Били по голове, лицу, шее, каждый раз заботливо поднимая воротник, чтобы не оставить следов насилия, били поддых, в области почек, требуя: «Говори, где взял, кто дал, а то мы покажем тебе, что такое советская власть!» Душили шарфом за шею, одновременно избивая. Становились друг против друга и избивали, кидая с одной стороны в другую, как мяч, заставляли многократно приседать, угрожали электростулом. Приводили в чувство, обливая холодной водой, после чего «допрос» продолжался. В избиении участвовали и другие сотрудники милиции, например, сержант МВД

[1] Протокол обыска воспроизведен в АС №3312. — *Сост.*

[2] Так в тексте. — *Сост.*

[3] Текст воспроизведен в АС №3312. — *Сост.*

[4] О суде над ним см. в документе № 95 (док. 128). — *Сост.*

Соловьев Александр. Не добившись никаких показаний, отпустили Яшу, потребовав от него собственноручного заявления, что его никто не подвергал избиению и издевательствам, от чего он категорически отказался.

Кроме вышеописанных уголовных методов по отношению к адвентистам применяются и административные меры.

14 февраля 1978 г. Михель Нина Федоровна (пос. Энем Краснодарского края, ул. Щорса, дом 5) оштрафована на 30 рублей за религиозное воспитание своих детей, которые из-за веры не посещают занятия в субботние дни. Это не влияет на успеваемость, так как дети узнают пропущенные уроки и выполняют их. При участии директора школы Ягумова З.М., учительницы Мотягиной, классного руководителя Хотко З.В. и других учителей в школе создана нетерпимая обстановка: в присутствии всего класса, а то и школы (на школьной линейке) Мишу и Нину Михель высмеивают и оскорбляют, их запугивают помещением в интернат, а мать — лишением родительских прав.

Под угрозой лишения родительских прав оказалась недавно приехавшая в тот же поселок Энем Подъячая Дина Алексеевна, уже оштрафованная на 30 руб. Из-за существующей в школе обстановки родителям приходится ежедневно встречать и провожать детей в школу.

Лишение родительских прав постоянно грозит и активному деятелю ВЦ ВСАСД Ростиславу Галецкому, находящемуся на нелегальном положении и вынужденному видеться со своими детьми тайком.

Изложенные выше факты говорят о нарушении Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкского соглашения в области права на свободу совести и религиозных убеждений, Нарушена и статья 5 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию».

Группа выражает тревогу за судьбу арестованных адвентистов, особенно В.А. Шелкова, заключение которого ставит под угрозу его жизнь.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
10–16 апреля 1978 г.

80

Документ № 46

ЛИШЕНИЕ ПРАВА НА ТРУД И ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ

Дискриминация — по политическим (идеологическим) мотивам — в отношении труда, а также нередко в отношении места жительства и жилища становится в нашей стране все более распространенной, все более «привычной» и обычной.

Такой дискриминации подвергаются, в частности, освободившиеся по отбытии срока наказания узники совести. Это положение освещалось в документах, изданных Группой в июле–августе 1976 и в декабре–январе 1977 г., на примерах Ивана Кандыбы, Надии Светличной, Кронида Любарского, Александра Гинзбурга и некоторых других.

Дискриминация, порой лишающая человека и средств существования, и крова, продолжается. В данном документе мы охарактеризуем это на примерах Николая Бондаря, Кузьмы Матвиюка, Андрея Твердохлебова. В приложении приводятся также но-

вые сведения о продолжающейся дискриминации Надии Светличной, Ивана Кандыбы, а также Левко Лукьяненко — вплоть до нового ареста в декабре 1977 г. Приводятся также материалы о положении Павла Кампова, Романа Семенюка, Льва Сергеева. Весьма показательным является и случай Иосифа Бегуна, уже отбывшего наказание за так называемый «паразитический образ жизни» и лишенного сейчас и жилья, и работы. В тяжелом, безвыходном положении находится Мустафа Джемилев (см. документ № 43).

Николай Бондарь, до ареста рабочий в г. Черкассы (УССР), был осужден за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (вышел на демонстрацию 7 ноября с плакатом, критикующим КПСС), отбывал наказание с 7 ноября 1970 г. по 7 ноября 1977 г., т.е. 7 лет, в мордовских и пермских лагерях строгого режима, последние годы — во Владимирской тюрьме. В заключении у него резко ухудшилось зрение, началась прогрессирующая близорукость, сильные боли в глазах. Он обратился письменно в Институт им. Гельмгольца (Москва), и ему обещали оказать помощь после освобождения, когда он сможет туда явиться. Однако перед освобождением Бондарь был этапирован в Винницкую область (УССР), и сразу после освобождения над ним был установлен административный надзор, что, в частности, лишило его права передвижения. Он получает право на передвижение только в пределах Черкасской (а ранее — Винницкой) области — для поисков работы и жилья (каждую неделю он обязан являться на пункт, где находится под надзором, и получать новое разрешение). В течение нескольких месяцев он не мог найти ни жилья (комнатушку или угол в комнате, или койку в общежитии), ни работы, хотя согласен взяться за любую. Основным препятствием является его «политическое» прошлое (что усматривается из его паспорта). В тех случаях, когда кто-либо выражает согласие сдать ему жилье, Бондарю отказывают в прописке (проживание без прописки — уголовно наказуемое преступление, без прописки ни одно предприятие не может принять человека на работу). На предприятиях, нуждающихся в рабочих и имеющих общежития, Бондарю отказывают в общежитии и соответственно в работе, мотивируя это его «прошлым». Бондаря не пускают даже в гостиницу, на койку: «не положено», так как он нигде не «прописан». Усталому, продрогшему после дня поисков жилья и работы, ему приходится проводить ночь на вокзале… (В приложении — фрагмент из писем Н. Бондаря.)

Кузьма Матвиюк, проживающий в Умани (УССР), летом 1972 г. был арестован и осужден на 4 года лишения свободы за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (обыском у него было обнаружено несколько самиздатских произведений). Перед освобождением из лагеря, летом 1976 г., Матвиюк был этапирован в г. Александрия (Кировоградская обл. УССР), где над ним был установлен административный надзор. Матвиюк имеет высшее техническое образование и настаивает на том, чтобы ему дали возможность работать по специальности. Ему в этом отказывают. Только через 6 месяцев после освобождения Матвиюк получил временную работу. В г. Александрия он, его жена и двое детей ютились в сыром и темном подвале, поэтому в августе 1977 г., после того как с него был снят надзор и он получил право передвигаться, К. Матвиюк перешел на работу на опытную станцию в Ровенской обл., где был принят на должность старшего научного сотрудника. Однако через некоторое время, после того как он не проявил «сговорчивости», требуемой от него КГБ, Матвиюк был уволен. В марте с. г. он обращался — безрезультатно — в Президиум Верховного Совета УССР и в Прокуратуру УССР (в приложении — некоторые подробности).

Андрей Твердохлебов, научный работник, физик, за открытые правозащитные заявления и статьи отбыл 5 лет ссылки (один год он находился в тюрьме, под следствием) по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В январе 1978 г. он вернулся

в Москву, где жил и работал до ареста, где живут его родные (дочь, мать, отчим, сестра, которые согласны, чтобы он жил вместе с ними). Его уже неоднократно подвергали приводу в милицию — за «незаконное» проживание (нахождение) в Москве, штрафовали родственников, у которых он находился в момент визита милиции. 10 суток А. Твердохлебова держали в заключении (в милиции), в условиях близких к карцерным, произвольно обвинив его в «неподчинении властям» (милиции).

Отсутствие прописки, а также отсутствие официальной работы (каковую невозможно получить без прописки) грозит новыми уголовными преследованиями: за нарушение паспортного режима и за «паразитический образ жизни» («тунеядство»).

6 апреля Твердохлебов, приехавший в Киев к суду над Петром Винсом, был задержан милицией и насильно отправлен в Москву.

(Петр Винс на суде, проведенном за закрытыми дверями, в здании оцепленном милицией, приговорен к году лишения свободы — за «паразитический образ жизни». Перед тем как его арестовать, власти намеренно не давали ему возможности работать, дабы затем иметь «законное право — осудить...)

Дискриминация, которой подвергаются Николай Бондарь, Кузьма Матвиюк, Андрей Твердохлебов и многие другие,— является нарушением статей 2, 13 (п. 1), 23 и 25 Всеобщей декларации прав человека, статей 2 (часть 2), 26 Пакта о гражданских и политических правах и соответственно раздела VII Заключительного акта Хельсинкского совещания.

Эта дискриминация также противоречит декларируемым советской Конституцией «праву на труд» и «праву на жилище».

Боннэр, Каллистратова, Ланда, Некипелов, Мейман, Осипова, Слепак
20 апреля 1978 г.

Приложения[1]
1. Н. Бондарь (фрагменты писем), 2. К. Матвиюк, 3.Л. Лукьяненко (заявление),
4. И. Кандыба, 5. Р. Семенюк, 6. П. Кампов, 7. Л. Сергеев (заявление),
8. М. Ланда, 9. Н. Строкатова, 10. Н. Светличная.

81

Документ № 47

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О ТРУДЕ

В начале шестидесятых годов власти начали вводить специальные законы о борьбе с так называемым тунеядством.

В настоящее время уголовные кодексы всех союзных республик содержат статьи о преследовании не работающих по найму лиц (ст. 209 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Эти законы находятся в прямом противоречии с международными соглашениями, запрещающими принудительный труд.

Обвиняемым по этим статьям по буквальному тексту закона инкриминируется «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни».

[1] Не публикуются, воспроизведены в АС №3331. — *Сост.*

Такая формулировка закона дает возможность самого широкого и произвольного толкования понятия «тунеядства».

В неопубликованном постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 г. (с изменениями от 30 мая 1977 г.) разъясняется: «... под паразитическим образом жизни, предусмотренным ст. 209 УК РСФСР, следует понимать проживание совершеннолетнего трудоспособного лица в течение длительного времени (более 4-х месяцев подряд или в общей сложности в течение года) на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда, продолжаемого после официального предостережения о недопустимости такого образа жизни».

В судебной практике вопрос о «нетрудовых доходах» по существу не исследуется. Достаточно того обстоятельства, что человек не работает по найму и не зарегистрирован в финансовых органах, как занимающийся разрешенным промыслом (кустарь, преподаватель-репетитор и т.д.).

Упомянутое выше постановление Президиума Верховного Совета РСФСР обязывает местные советы (райисполкомы) обеспечивать трудоустройство лиц, «не занятых общественно полезным трудом», с учетом их специальности. Однако практически научным работникам, инженерам, писателям и другим лицам высокой квалификации работа по специальности не предоставляется.

Полная засекреченность судебной статистики лишает нас возможности определить, какое количество дел о тунеядстве рассматривается в судах. Однако мы подчеркиваем, что само существование законов о принудительном труде под страхом уголовной ответственности — недопустимо.

Многочисленные примеры использования законов о принудительном труде в борьбе с инакомыслящими и лицами, добивающимися осуществления своего права на эмиграцию, заставляют нас посвятить документ именно этому вопросу.

Первыми жертвами законов о «тунеядстве» еще в начале шестидесятых годов были выдающийся современный поэт Иосиф Бродский и известный историк и публицист Андрей Амальрик (оба в настоящее время живут на Западе), отбывавшие ссылку в Сибири[1] по приговору суда.

Эта практика продолжается и после подписания Соглашения в Хельсинки. Чаще всего такому преследованию подвергаются желающие эмигрировать.

Значительное число инакомыслящих и лиц, подавших заявления на выезд из СССР,— увольняют с работы. Попытки вновь устроиться на работу по специальности, как правило, не увенчиваются успехом.

В результате систематических преследований со стороны административных властей люди высокой квалификации ищут любую работу на любых условиях. Находящийся ныне в США физик Юрий Мнюх долгое время работал лифтером (при этом в конторе дома во избежание «неприятностей» работа была оформлена на имя его жены). Несколько лет лифтером работал и недавно уехавший в Израиль инженер Иосиф Бейлин. Кислик Владимир — кандидат физико-математических наук — в Харькове работает переплетчиком. Уже много лет после отбытия ссылки не может устроиться на работу по специальности и работает плотником и разнорабочим высококвалифицированный лингвист, автор научных трудов Константин Бабицкий. Количество таких примеров можно значительно увеличить.

Однако не всем удается устроиться на работу или получить регистрацию на право давать частные уроки (репетирование школьников).

---

[1] В Сибири (в Томской области) отбывал ссылку Амальрик, Бродский отбывал ссылку в Архангельской области (Север Европейской России). — *Сост.*

Летом 1977 г. был арестован и затем осужден к двум годам ссылки преподаватель иврита Иосиф Бегун[1]. Преподавание иврита суд не счел «общественно полезным трудом», так как власти отказываются регистрировать эту работу в финансовых органах, тем самым фактически накладывая запрет на преподавание иврита в СССР. Срок ссылки Бегуну был сокращен по амнистии в связи с 60-летием Октябрьской революции, и недавно Бегун возвратился в Москву, но ему отказывают в прописке, хотя он москвич и жена его живет в Москве.

Сейчас ожидает суда привлеченный за «тунеядство» другой преподаватель — Павел Абрамович.

Петр Винс, 22-х лет, преследуется властями за его деятельность в Украинской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений и за то, что он добивается эмиграции в Канаду вместе со своим отцом (как известно, его отец, пастор Георгий Винс, находится в заключении в лагере). Летом 1977 г. Винс был уволен и смог устроиться только грузчиком. С этой работы он был вынужден уволиться по состоянию здоровья (он перенес ранее тяжелую операцию желудка). 8 декабря 1977 г. Петя Винс был задержан в Киеве в связи с его попыткой поехать на демонстрацию 10 декабря в Москву[LXXVI], избит и на другой день осужден на 15 суток ареста под предлогом мелкого хулиганства. Потом ему незаконно продлили арест еще на 15 дней. Винс объявил голодовку и голодал 25 дней (см. документ № 28). В феврале 1978 года Винс был вновь арестован и 6 апреля осужден на год лагерей за тунеядство. Друзья и даже сестры Винса не были допущены в зал суда.

20 марта 1978 г. в Тбилиси осужден к одному году лишения свободы член Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, кандидат наук Григорий Гольдштейн, обвиненный в «паразитическом образе жизни» только потому, что он после отказа в разрешении на выезд в Израиль не может найти работу по специальности и живет на свои трудовые сбережения (Гольдштейн одинокий, имеет 17 лет трудового стажа, работал на высокооплачиваемых — по советским стандартам — должностях). То обстоятельство, что Гольдштейн продолжает самостоятельно свою научную работу и бесплатно занимался со школьниками математикой и физикой,— суд не счел общественно полезным трудом. Характерно, что, признавая Гольдштейна тунеядцем, живущим на нетрудовые доходы, суд не располагал ровно никакими доказательствами «нетрудовых доходов». Более того, суд отказал Гольдштейну в истребовании и исследовании документов о его доходах.

В настоящее время угроза осуждения за «паразитический образ жизни» нависла и над братом Григория Гольдштейна — Исаем Гольдштейном, также членом Грузинской группы «Хельсинки».

Московский математик Юрий Гастев не может устроиться на работу по специальности, и уже в течение нескольких месяцев его преследуют административные органы (милиция), угрожая привлечением к уголовной ответственности за тунеядство. Под этой же угрозой находится юрист Всеволод Кувакин, с ноября 1977 г. безуспешно добивающийся трудоустройства по специальности.

Подавший заявление о выезде в Израиль преподаватель, кандидат физико-математических наук Геннадий Хасин был лишен возможности работать в школе. В райфинотделе ему отказано в регистрации, дающей право на частные уроки математики и физики (репетиторство). Теперь перед ним тоже стоит выбор: идти на неквалифицированную работу (если удастся ее найти!) или подвергнуться преследованиям за «паразитический образ жизни».

---

[1] Летом был суд, арестовали Бегуна 3 марта 1977 г. — *Сост.*

Предупреждение по тунеядству было сделано ташкентскими органами милиции недавно освободившемуся из лагеря Мустафе Джемилеву (см. документы №№ 1, 43), здоровье которого подорвано многолетним заключением и девятимесячной голодовкой. В оформлении инвалидности ему отказано, так как он прописан в Ташкенте. В Самарканде преследуется за тунеядство другая активистка крымско-татарского национального движения Айше Сеитмуратова.

В конце марта в Киеве предупреждение по тунеядству получила Любовь Мурженко (жена политзаключенного «самолетчика» А. Мурженко), несмотря на ее письменное заявление, что она устроится на работу в мае, когда ее мать уйдет на пенсию и сможет присматривать за часто болеющей дочерью Мурженко.

Под следствием за «паразитический образ жизни» находится один из основателей «свободного профсоюза» Валентин Поплавский. Выписан из Москвы и также находится под следствием по такому же обвинению баптистский проповедник Николай Саффран (сейчас он направлен на экспертизу в Институт судебной психиатрии им. Сербского).

Люди творческого труда — писатели, поэты, художники, философы — в нашей стране считаются людьми, занятыми общественно полезным трудом, лишь в том случае, если они состоят членами соответствующих официальных союзов.

Недавно представители административных органов являлись домой к таким известным писателям, как Георгий Владимов — вышедший из Союза советских писателей, Владимир Войнович и Владимир Корнилов — исключенные из того же Союза, Александр Зиновьев, лишенный всех званий и уволенный с работы философ,— и требовали отчета о средствах существования. Даже к Льву Копелеву пришел милицейский чин, интересуясь, почему он «не работает» (Копелев давно достиг пенсионного возраста).

Что же этим людям, составляющим гордость русской литературы и публицистики,— идти в лифтеры или грузчики? Или ожидать предостережения «о прекращении паразитического образа жизни» и скорого суда за тунеядство?

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
22 апреля 1978 г.

Приложение

Международной организации труда
Федерации американских ученых
Директору Федерации Дж. Стоуну
Мировой общественности

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЗАЩИТУ ГРИГОРИЯ ГОЛЬДШТЕЙНА

Против члена Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Григория Гольдштейна возбуждено уголовное дело по обвинению в так называемом тунеядстве. Несколькими неделями ранее по аналогичному обвинению арестован член Украинской группы Петр Винс. Продолжающиеся репрессии против членов Хельсинкских групп должны привлечь самое пристальное внимание.

Григорий Гольдштейн, 1931 года рождения, кандидат технических наук, автор многих изобретений и опубликованных научных работ, имеет 17 лет трудового стажа. В 1971 г. вместе с братом он подал заявление на выезд в Израиль и был вынужден оставить работу. Однако им было отказано в разрешении на выезд якобы по мотивам

секретности, и отказ до сих пор остается в силе, несмотря на то, что работа в области метеорологии, к которой Гольдштейн имел отношение 7 лет назад, нигде в мире не считается секретной. Гольдштейн обвиняется по ст. 234 Уголовного кодекса Грузинской ССР, в которой инкриминируется «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени паразитического образа жизни». Указ Президиума Верховного Совета республики разъясняет, что это — «проживание более 4 месяцев на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда». Эта статья Кодекса противоречит международным соглашениям, запрещающим принудительный труд, и открывает широкие возможности злоупотреблений и расправ с любыми не угодными властям лицами. Именно так и произошло в деле Григория Гольдштейна (и происходило со многими). Гольдштейну не разрешают вести преподавательскую работу, но предлагают такие места работы, которые создадут новые препятствия к его отъезду по причине секретности. Отказ от этих предложений рассматривается властями как уклонение от общественно полезного труда. При этом власти игнорируют тот факт, что Гольдштейн не имеет никаких незаконных, нетрудовых источников дохода. Власти не допускают, по-видимому, даже возможности того, что бессемейный человек за 17 лет пребывания на высокооплачиваемой, по советским стандартам, работе может накопить сбережения, чтобы прожить одному в течение нескольких лет.

Я призываю Международную организацию труда, коллег Гольдштейна — ученых во всем мире, Федерацию американских ученых, представителей мировой общественности выступить против сфальсифицированного обвинения, в защиту Григория Гольдштейна от преследований. Я призываю выступить против статьи Уголовного кодекса, идущей вразрез со всеми международными положениями о труде, делающей труд в нашей стране фактически принудительным. Я призываю выступить в защиту всех тех, кто неправомерно преследуется по этой статье.

Андрей Сахаров
8 марта 1978 г., Москва

82

Документ № 48

ДЕСЯТЬ ЛЕТ «ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»

Движение за права человека в СССР сформировалось более десяти лет назад под влиянием и в непосредственной связи с важнейшими внутренними и внешними событиями того времени. Одним из важнейших факторов в формировании этого движения стало основание информационного издания «Хроника текущих событий». Первый номер вышел 30 апреля 1968 года. На титульном листе его, так же как во всех последующих номерах, так же как и теперь,— текст статьи 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Десять лет существования «Хроники текущих событий» — это десять лет борьбы за гласность, с нетерпимостью и несправедливостью нашего общества, борьбы за его открытость, демократизацию и общую гуманизацию. Все эти годы и по сей день публи-

кации «Хроники» являются наиболее объективным, полным и точным отражением фактов нарушения прав человека в СССР. Они широко используются как в СССР, так и за рубежом при защите прав человека. В частности, «Эмнести Интернейшнл» регулярно публикует «Хронику текущих событий» на английском и других языках[1] и широко использует ее материалы в своей деятельности по защите политических заключенных.

Все эти годы «Хроника» героически противостоит репрессиям и провокациям властей, неся тяжелейшие потери: преследуются редакторы, издатели, те, кто собирает материалы для «Хроники», те, кто ее распространяет, и ее читатели. Одни из них сегодня в лагерях, другие были вынуждены эмигрировать, третьи продолжают свой ответственный, самоотверженный труд. И невозможно переоценить благородное воспитывающее значение «Хроники текущих событий» для всех участников правозащитного движения и бесчисленных читателей в СССР и за рубежом.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
27 апреля 1978 г.

83

Документ № 49

О НАРУШЕНИИ ПРАВА КОЛХОЗНИКОВ НА ЭМИГРАЦИЮ И НА ВЫХОД ИЗ КОЛХОЗА

В документах нашей Группы не раз затрагивался вопрос о незаконных препятствиях, выдвигаемых советскими властями перед теми, кто хочет эмигрировать или воссоединиться со своими родными вне СССР. Но в них речь шла в первую очередь о людях, живущих в городах и поселках городского типа. В данном документе мы решили осветить положение крестьян, желающих эмигрировать из СССР.

Поселок Ильинка Казанского сельсовета Таловского района Воронежской области почти полностью заселен верующими крестьянами-евреями. В поселке около 130 дворов. Так как иудейская религия запрещает какое-либо ограничение рождаемости, то семьи в поселке в основном многодетные, в среднем в семье 6-7 детей. Подавляющее большинство жителей в поселке желает эмигрировать в Израиль.

Из поселка в период 1974–1976 гг. эмигрировало 12–14 семей. В 1975–1977 гг. власти не пропускали в поселок вызовы из Израиля, приходившие по почте. По неофициальным сведениям (один из работников Таловского райкома партии проговорился в разговоре с жителем Ильинки), в середине 1976 г. в Таловском райкоме КПСС хранилось 109 вызовов из Израиля, посланных жителям Ильинки и изъятых на почте. Вызовы стали высылаться на адреса родственников и знакомых, живущих в других местах. Тогда было выдвинуто новое препятствие: председатель колхоза «Россия», куда входит Ильинка, Виктор Демьянович Тарасов и председатель Казанского сельсовета Василий Владимирович Лебедев отказались выдавать жителям Ильинки, желающим подать документы на выезд, справки о месте проживания, составе семьи и месте работы подавающих. Без этих справок Воронежский ОВИР не принимал и не принимает документов на выезд. К концу 1976 г. вызовы имели жители около 50-и дворов. Ак-

[1] Полностью переиздана только на англ. яз. — *Сост.*

тивно добивались приема документов в ОВИР, а, следовательно, и справок из колхоза и сельсовета 14 семей. Три семьи: Самуила Мордофеевича Матвеева (8 чел.), Якова Исаевича Матвеева (8 чел.) и Диворы Яковлевны Матвеевой (9 чел.) отправили документы (без справок) по почте в Верховный Совет СССР, откуда они были переслены в Воронежский ОВИР. В Воронежском ОВИРе представителям этих семей было предложено забрать свои документы обратно, а после их отказа заявили, что, пока в ОВИР не будут донесены недостающие справки, ходатайства о выезде рассматриваться не будут.

Пять семей — три, указанные выше, а также семьи Фиры Исаковны Матвеевой (6 чел.) и Еина Михайловича Пискарева (10 чел.) — начали борьбу за получение справок. Представители этих семей прошли несколько раз пять иерархических лестниц: советскую — от сельсовета до Верховного Совета СССР; партийную — от парторганизации колхоза до ЦК КПСС; юридическую — от районного прокурора до Генерального Прокурора СССР; сельскохозяйственную — от правления колхоза до Министерства сельского хозяйства; внутренних дел — от районного управления внутренних дел до Министерства внутренних дел. Так, например, семья Якова Исаевича Матвеева только за 1977 г. направила в различные инстанции 55 заявлений и жалоб. Результатом этих хождений и переписки был устный ответ: «Мы не вправе приказывать председателю колхоза» или отказ дать какой-либо ответ.

Доведенные до отчаяния, они в апреле 1977 г. перестали работать в колхозе, перестали посылать детей в школу, подали заявление о выходе из колхоза и потребовали созыва общего собрания (или собрания уполномоченных) для утверждения их выхода из колхоза. В Ильинку вскоре прибыла специальная комиссия представителей отдела народного образования, райкома партии и районного совета. Комиссия приняла решение, что если родители не перестанут удерживать детей от посещения школы, то их лишат родительских прав и дети будут отправлены в детские дома. Под угрозой потери детей они были вынуждены вновь послать детей в школу. В 1977–1978 гг. в Ильинке были призваны все мужчины призывного возраста.

Общее собрание в колхозе не собиралось до декабря 1977 г., хотя по уставу колхоза оно должно собираться не реже одного раза в три месяца. На все жалобы местное начальство отвечало: «Люди заняты на полевых работах»; и лишь вмешательство Министерства сельского хозяйства, куда эти семьи обратились, утаив, для какой цели они требуют созыва собрания, дало результаты. 21 декабря состоялось собрание уполномоченных. Собрание было тщательно подготовлено правлением колхоза и районными властями и прошло, как хорошо отрепетированный спектакль. Ни одному из тех, кто желал выйти из колхоза, выступить не дали. В результате 86-ю голосами против 17-и было принято решение: НЕ ОТПУСКАТЬ ПОДАВШИХ ЗАЯВЛЕНИЕ ИЗ КОЛХОЗА (!!!). На жалобу, посланную в районную прокуратуру, был получен ответ (см. приложение 2), что «нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было», «оснований для опротестования решения собрания не нахожу». Примерно такой же ответ был получен из областной прокуратуры (см. приложение 3), где сказано: «Оснований для вмешательства органов прокуратуры не усматривается». Жалобы, направленные в Прокуратуру СССР и Прокуратуру РСФСР, были отправлены «для рассмотрения» в областную прокуратуру. Круг замкнулся.

Теперь новый председатель колхоза Алексей Григорьевич Кувалдин (прежний — В. Д. Тарасов — получил повышение, стал начальником районного сельхозуправления) и новый председатель сельсовета заявляют жителям Ильинки: «Будете жить и работать здесь до самой смерти, никуда мы вас не отпустим».

И люди, не работавшие год, съев все свои запасы и распродав все, что возможно, находясь на грани голода, видимо, скоро вынуждены будут вернуться к работе в колхозе.

Итак, крепостное право восторжествовало. Крестьяне приписаны к земле и не могут уехать из своей деревни!

Но самым вопиющим фактом является то, что все это не противоречит «Примерному уставу колхоза», являющемуся основой уставов всех колхозов СССР, где о выходе из колхоза сказано лишь (см. приложение 1):

«Заявление о выходе из колхоза должно быть рассмотрено правлением и общим собранием членов колхоза не позднее чем в трехдневный срок со дня подачи заявления» — и ни слова о свободном выходе из колхоза!

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
30 апреля 1978 г.

Приложение 1

СП СССР, 1969, № 26, ст. 150.

ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ КОЛХОЗА

(извлечение)

Ст. 7. Заявление колхозника о выходе из колхоза должно быть рассмотрено правлением и общим собранием членов колхоза не позднее чем в трехмесячный срок со дня подачи заявления.

С бывшим колхозником правление колхоза производит расчет по окончании хозяйственного года не позднее, чем через месяц после утверждения годового отчета колхоза.

Ст. 47. Общее собрание созывается правлением колхоза не менее 4 раз в год...

Приложение 2

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Таловского района
Воронежской области
397450, Таловая,
ул. Советская 103
2.02.78 г. №133

пос. Ильинка
Казанского сельсовета
Матвееву Самуилу Мордофеевичу
и другим

На Вашу жалобу по вопросу выхода из колхоза «Россия» сообщаю следующее.

Ваша жалоба тщательно проверена.

21 декабря состоялось собрание уполномоченных колхоза «Россия», на котором решался вопрос о выходе Вас и других членов колхоза, проживающих в пос. Ильинка, из колхоза. Из 119 человек уполномоченных на собрании присутствовало 103 человека.

Собрание уполномоченных решило не отпускать Вас и других членов колхоза «Россия», за это решение голосовало 86 человек, против — 17. При проверке было установлено, что нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было: голосование происходило свободно, без всякого нажима и давления, подсчет голосов велся правильно.

Оснований для опротестования решения собрания уполномоченных не нахожу.

Прокурор района
юрист 1 класса И. П. Захаров (подпись)

* * *

[Приложение 3]

Копия
ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
06.03.78 № 5-19-27

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я. И., Матвеевой Д.
и другим

Ваша жалоба на отказ общего собрания уполномоченных в выходе из колхоза прокуратурой проверена.

В соответствии с решением собрания уполномоченных колхоза «Россия» от 21.12.77 в выходе из колхоза вам отказано. Порядок ведения собрания и подсчет голосов при вынесении решения не был нарушен.

Решение собрания уполномоченных вы можете обжаловать в исполком районного совета народных депутатов.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса А. А. Романов (подпись)

* * *

копия

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
06.03.78 № 5-27

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я. И.
Пискаревой Ф. И. и другим

Сообщаем, что по Вашей жалобе, поступившей из прокуратуры РСФСР, на отказ собрания в выходе из колхоза прокуратурой уже проводилась проверка.

Повторно сообщаем, что оснований для вмешательства органов прокуратуры не усматривается.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса А. А. Романов (подпись)

84

Документ № 50[1]

СУД НАД ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ ОРЛОВЫМ[2]

С 15 по 18 мая в Москве судили основателя движения групп «Хельсинки» в Советском Союзе, известного физика, члена-корреспондента Армянской АН профессора

[1] В АС №3271 — №49. — *Сост.*

[2] См. также документ № 53 (док. 87). — *Сост.*

Юрия Орлова. Фиктивный характер суда очевиден из того, что властям понадобилось 15 месяцев предварительного заключения Юрия Орлова в условиях строгой изоляции для подготовки процесса и лишь 3 дня для рассмотрения материалов следствия в 58 томах. Всего несколько часов потребовалось суду, чтобы обсудить и составить приговор, которым Ю.Ф. Орлову назначено максимальное по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР наказание: 7 лет заключения в лагерях строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

Формально открытый суд фактически проходил при закрытых дверях. В зал заседания помимо специально подобранных людей были допущены лишь жена и два сына Орлова. Каждый раз они подвергались унизительным обыскам — жену Орлова, например, в поисках ее заметок о ходе судебного заседания раздели догола в присутствии мужчин. Сына Орлова несколько раз сильно ударили по голове. Друзья Орлова, в том числе академик Сахаров, не допускались в зал суда. В дни суда в Москве прошел ряд обысков и два ареста: Александра Подрабинека и Иосифа Бегуна. На 15 суток арестованы Нокин, Леонтьев, Коротич.

В ходе судебного процесса прокурор и суд тщательно избегали упоминания о том, что документы, инкриминируемые Ю. Ф. Орлову, являются документами Московской Хельсинкской группы.

Суд устанавливал лишь факт участия Орлова в составлении документов и пресекал все попытки Орлова и его адвоката исследовать документы по существу их содержания, т.е. суд заранее считал все документы «клеветническими».

Более того, в нарушение конституционных принципов гласности, устности и непосредственности документы не оглашались в судебном заседании, а Орлову и его защитнику суд запрещал не только излагать содержание того или иного документа, но и даже произносить их полное наименование.

Все ходатайства Орлова и его адвоката, направленные на защиту Орлова (вызов свидетелей защиты, приобщение документов и др.), были судом отклонены.

Показания Орлова судом настойчиво и неоднократно прерывались, вопросы адвоката судьей снимались.

Опасаясь репрессий в отношении адвоката Шальмана, Ю. Ф. Орлов в конце судебного следствия выразил ему благодарность за правовую и моральную помощь и отказался от участия защитника в прениях сторон, заявив, что защитительную речь он будет произносить сам.

Однако защитительная речь Орлова прерывалась многочисленными окриками судьи и враждебными выкриками из зала суда, заполненного, как указано выше, специально подобранными людьми.

Прерывалось судьей и последнее слово, и Орлов сказал: «Как вам не стыдно прерывать меня, это ведь мое последнее слово». Однако и после этого он был лишен возможности беспрепятственно говорить. Ни защитительной речи, ни последнего слова Ю. Ф. Орлову сказать не дали.

После того, как суд удовлетворил отказ Орлова от дальнейшего участия адвоката в процессе, адвокат Шальман был грубо, с применением насилия вытолкан из зала заседания и заперт в отдельной комнате. В зал судебного заседания он был допущен вновь лишь после того, как ему удалось связаться по телефону с руководством Московской коллегии адвокатов.

По окончании каждого судебного заседания все происходившее в зале суда подробно нами фиксировалось со слов Ирины Орловой. Поэтому мы имеем основание утверждать, что процесс Орлова был не объективным и справедливым рассмотрением дела, а расправой за свободную мысль и свободное слово.

Значение процесса Юрия Орлова, как и ранее проходивших политических процессов, а также ожидаемых в близком будущем процессов его друзей по Московской груп-

пе «Хельсинки» Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского выходит далеко за пределы СССР. Эти процессы имеют непосредственное отношение не только к вопросу прав человека, но и к вопросу разрядки международных отношений.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский акт, общественные организации этих стран и частных лиц, в первую очередь ученых и писателей, работников искусства, общественных деятелей, выступить в защиту Юрия Орлова, в защиту Хельсинкского движения и тем самым в защиту самого Хельсинкского акта, утверждающего неразрывную связь проблем безопасности и прав человека.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, В. Слепак

Член Грузинской группы «Хельсинки»
И. Гольдштейн

Заявление Группы «Хельсинки» о суде над профессором Ю.Ф. Орловым полностью поддерживаем:
А. Сахаров, И. Нудель, С. Поликанов, А. Лавут, А. Поликанова, И. Ковалев, Ю. Ярым-Агаев, В. Бахмин[1]*, В. Корнилов, Л. Копелев*
18 мая 1978 г.

85

Документ № 51

АРЕСТОВАН АЛЕКСАНДР ПОДРАБИНЕК

14 мая 1978 г. — накануне начала суда над Юрием Орловым — арестован Александр Подрабинек, известный поборник прав человека в СССР, автор выходящей в ближайшем будущем на Западе книги «Карательная медицина».

Александр Подрабинек — активный член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — в течение двух последних лет проводил большую работу по защите психически здоровых людей, помещаемых в психиатрические больницы за инакомыслие, за правозащитную и религиозную деятельность. Одновременно с этим А. Подрабинек защищал интересы психически больных, насильственно помещаемых в психиатрические больницы только за инакомыслие или религиозную веру, в случаях, когда эти больные не представляют опасности для окружающих.

Тщательно документированный материал о случаях злоупотреблений психиатрией в политических целях, собранный Подрабинеком, не только вошел в его книгу «Карательная медицина» (черновой вариант этой рукописи был изъят КГБ при обыске у Подрабинека в марте 1977 г.), но и фигурировал в материалах Всемирного конгресса психиатров в Гонолулу.[2]

[1] В АС №3271 подпись Бахмина отсутствует. — *Сост.*

[2] О нем см. документы №№ 62, 155, 168, 193 (док. 96, 189, 202, 226). — *Сост.*

Как известно, КГБ настойчиво добивался принудительной эмиграции Подрабинека путем шантажа, используя в качестве заложника его брата Кирилла Подрабинека[LXXVII], который после отказа Александра выехать из СССР был необоснованно арестован и в марте осужден к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев.

Александр, подвергаясь непрестанной слежке и преследованиям, продолжал свою правозащитную деятельность. Теперь он арестован и помещен в тюрьму.

Следствие ведется следователем Московской областной прокуратуры Гуженковым В.М. по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР, т. е. по обвинению в распространении заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Как и все политические заключенные в СССР, Подрабинек лишен на время предварительного заключения права на переписку, на свидание с родственниками и друзьями, а также с адвокатом.

Подрабинек не занимался противозаконной, тайной деятельностью. Он действовал в рамках Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах и советских законов.

Все знающие Подрабинека не сомневаются в его правдивости, честности, бескорыстии.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский акт, общественные организации этих стран, а также Всемирную Организацию Психиатров выступить в защиту Александра Подрабинека, против продолжающегося преследования правозащитного движения в СССР.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак
22 мая 1978 г.

86

Документ № 52

АРЕСТ ВЛАДИМИРА СЛЕПАКА. ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОТИВ МАРИИ СЛЕПАК И ИДЫ НУДЕЛЬ

1 июня был арестован Владимир Слепак и задержана Мария Слепак. Им было предъявлено обвинение в злостном хулиганстве по ст.206.2 УК РСФСР, предусматривающей наказание от одного года до пяти лет. Мария Слепак после приступа стенокардии и панкреатита была отпущена 3 июня домой с подпиской о невыезде. Владимир Слепак был помещен в Бутырскую тюрьму.

Что же совершили Слепаки и почему им грозит такое жестокое наказание? В мае этого года исполнилось 8 лет как под предлогом пресловутой «секретности», которой якобы владеет Владимир Слепак, им отказывают в разрешении на выезд в Израиль, где проживает их старший сын и родители Марии. Младшему сыну, которому в момент подачи заявления было 10 лет, теперь предстоит призыв в армию. Мария Слепак уже длительное время безуспешно хлопочет о выездной визе для себя и для младшего сына.

1 июня Владимир и Мария Слепак вышли на балкон своей расположенной на восьмом этаже квартиры с двумя плакатами. Владимир держал плакат: «Отпустите нас к нашему сыну в Израиль». Мария держала плакат: «Визу моему сыну». Это была молчаливая, мирная, не нарушавшая общественный порядок демонстрация.

Злостное хулиганство и нарушение общественного порядка имели место со стороны представителей власти. Достаточно сказать, что на Слепаков с девятого этажа лили кипяток и они получили ожоги. (Позднее ТАСС в сообщении для заграницы клеветнически обвинило Слепаков в том, что это они лили кипяток на собравшуюся внизу толпу.) Через полчаса люди в штатском без ордера взломали дверь квартиры и увезли Слепаков.

Владимир Слепак является двадцатым арестованным членом Групп Хельсинки в СССР.

За аналогичную демонстрацию на балконе своей квартиры обвинение по той же статье 206.2 предъявлено Иде Нудель, другой ведущей активистке движения евреев за репатриацию в Израиль. Ида Нудель особенно известна своей самоотверженной помощью узникам совести. Она уже более шести лет добивается разрешения на выезд в Израиль, где проживают все ее родные.

И в случае Слепаков, и в случае Иды Нудель имел место выраженный в предельно умеренной форме публичный протест против произвольных решений ОВИР, препятствующих воссоединению семей в противоречии с Заключительным актом соглашений в Хельсинки. То, что такие мирные демонстрации влекут за собой уголовное преследование, противоречит также Пакту о гражданских и политических правах, ратифицированному Советским Союзом.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
5 июня 1978 г.

Настоящий документ имеет приложения[1]: материалы по делу Иды Нудель. Материалами по делу Владимира Слепака Группа не располагает, так как с 1 июня он находится в полной изоляции и не имеет контактов ни с родными, ни с адвокатом. Группа также не располагает материалами по делу Марии Слепак, так как в настоящее время она находится в больнице в связи с резким обострением язвенной болезни и открытой язвой желудка. Однако мы имеем основания предполагать, что следствие и дознание в деле Владимира и Марии Слепаков будут происходить таким же образом.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
15 июля 1978 г.

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.101, оп.2, д. «МХГ»).

87

Документ № 53

[СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ В ЗАЩИТУ Ю. ОРЛОВА]

В дополнение к документу Группы № 50 о суде над Юрием Орловым, опубликованному в день вынесения приговора 18 мая 1978 г., Группа публикует подборку доку-

[1] Не разысканы, в архивном источнике отсутствуют. — *Сост.*

ментов — свидетельских показаний, которые дают представление о том, что ряд инкриминируемых Орлову как клеветнических выступлений таковыми не являются. В подборку входят[1]:

1. Заявление проф. Меймана о затруднениях при публикациях научных работ.

2. Письмо группы ученых, подписанное Юрием Орловым вместе с другими (так как суд квалифицировал его как клеветническое, не зачитывая и не разбирая его содержание по существу).

3. Справка о численном соотношении советских Нобелевских лауреатов в области науки к общему числу их (в научных же областях) во всем мире.

4. Письмо Натальи Федоровой — жены политического заключенного лагеря особого режима Юрия Павловича Федорова (лагерь № 1, Мордовия, Сосновка, учреждение ЖХ-385/1-6).

5. Заявление Мальвы Ланда по поводу показаний свидетелей (Сухачева, Шелия, Емельянова, Анисимов, Довганич, Любарская, Блохина) на суде над Юрием Орловым.

6. Сообщение о заявлении политического заключенного ученого-биолога Сергея Ковалева (Пермская обл., лагерь № 37) в связи с проявленным им желанием выступить в качестве свидетеля на суде над Юрием Орловым.

7. Некоторые сообщения о положении в лагерях уже после ареста Юрия Орлова.

Кроме того, мы просим использовать документ № 49 о положении с выездом колхозников села Ильинка, т.к. документ № 9, опубликованный, когда Орлов был на свободе, суд квалифицировал как клеветнический.

Группа будет продолжать сбор документов, доказывающих, что судебное следствие не имело целью выявление истины; жестокий приговор, вынесенный Юрию Орлову, есть результат заранее спланированной расправы с ним за его общественную правозащитную деятельность.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
15 июня 1978 г.

Приложение 1

ЗАЯВЛЕНИЕ

Летом 1976 года я имел разговор с директором Института физических проблем Академии наук СССР академиком П.Л. Капицей в связи с полученным мной отказом в выездной визе в Израиль, так как этот отказ был вызван моей работой в Институте физических проблем в 1948–54 годах.

Во время этого разговора Петр Леонидович Капица подтвердил, что ученым-отказникам практически невозможно публиковать свои работы в советских научных журналах. Он сказал мне, что в качестве редактора «Журнала теоретической и экспериментальной физики» сам пытался опубликовать работу проф. Марка Азбеля. Это не удалось, даже несмотря на высокое положение академика Капицы. Дело в том, что для публикации научной работы требуется представление специального акта «экспертной комиссии». П.Л. Капице не удалось, несмотря на все его попытки, получить такой акт от «экспертной комиссии» Института физических проблем.

Прошу мое настоящее заявление считать свидетельским показанием в суде над Юрием Орловым, т.к. в числе (эпизодов) документов, инкриминируемых ему, фигури-

[1] Публикуются лишь первые два документа подборки, остальные воспроизведены в АС №№3345, 3384. — *Сост.*

рует письмо группы ученых, которое подписал в числе других и Ю. Орлов, которое охарактеризовано следствием и судом как клеветническое. В первом разделе этого письма «Профессиональные права ученых» § 1 говорит именно о нарушении права ученых на публикации.

проф. Н. Мейман
7 июня 1978 г., Москва

Приложение 2

Президенту Академии наук СССР
Александрову А.П.

Председателю Государственного комитета
по науке и технике при Совете Министров СССР
академику Кириллину В.А.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Наука стала одним из определяющих факторов современности. Невозможно отделить науку от людей, создающих науку, поэтому систематические нарушения основных гражданских и профессиональных прав ученых приносят вред, далеко выходящий за пределы узких цеховых интересов самих ученых.

В прошлом, в своих крайних и наиболее уродливых проявлениях, нарушения прав ученых неоднократно перерастало в непосредственную борьбу с наукой. В Советском Союзе долгое время с подозрением относились к теории относительности и квантовой механике, боролись с кибернетикой, яростно преследовали генетику и современную биологию.

В настоящее время продолжается нарушение прав ученых, хотя и не в такой крайней форме. Этот круг вопросов имеет непосредственное отношение к Вам, и Вы своим авторитетом могли бы в большой мере содействовать нормализации обстановки. Мы считаем своим долгом обратить Ваше внимание на наиболее существенные, как это представляется нам, нарушения профессиональных и гражданских прав ученых.

Профессиональные права ученых

1. Право на публикацию своих трудов

Ни одна научная работа не может быть опубликована без соответствующего акта т. н. «экспертной комиссии», удостоверяющего отсутствие в работе секретных сведений. Эти комиссии рассматривают лишь работы сотрудников учреждений, при которых они функционируют. В результате широкая категория лиц, находящихся вне рамок учреждений с такими комиссиями, полностью лишена возможности публиковать свои научные результаты. Эти крайне неудобные и унизительные правила были введены в особый период истории Советского Союза начала 50-х годов. К сожалению, в отличие от многих узаконений того времени, они действуют во всей силе и поныне.

2. Научные собрания и лекции

Ученые, находящиеся вне рамок определенных организаций и не получившие специального разрешения, лишены возможности выступать с публичными научными лекциями и докладами или проводить научные дискуссии. Ученые, не работающие в специализированных научных учреждениях, лишены возможности участия в научных конференциях, поскольку представленные доклады требуют такого же оформления, что и другие публикации, а самое присутствие на конференции — как правило, официального разрешения.

3. Миграция ученых и научные контакты

Участие в международных научных конференциях и поездки ученых за рубеж регламентируются неопубликованными правилами. Необходимой предпосылкой для выезда является ходатайство специализированного научного учреждения. В результате этого значительная часть ученых не имеет никаких возможностей для реализации личных контактов с зарубежными коллегами, контактов, столь необходимых для развития современной науки. Ученые, получающие приглашения от зарубежных научных учреждений, не могут по своему собственному усмотрению принять их. Не могут они по собственному решению и заключать контракты на временную работу в зарубежных научных учреждениях.

Гражданские права ученых

1. О праве ученых иметь и выражать свои убеждения[1]

От ученых нельзя требовать автоматического согласия с любой официальной трактовкой различного рода вопросов и проблем. От ученых нельзя требовать обязательной приверженности официальной идеологии. Ученые должны обладать правом выражения своих мнений и убеждений. В противном случае ученые обращаются в более или менее запрограммированных роботов.

На ученых должны распространяться свободы совести и религии, декларированные во многих международных обязательствах, ратифицированных Советским Союзом. Как во всяком чисто светском государстве, религиозные и идеологические взгляды и убеждения не должны, как это ныне практикуется, быть причиной отстранения от профессиональной деятельности и преподавания.

2. Право выбора страны проживания

Всеобщая декларация прав человека устанавливает равное право «каждого человека свободно покидать любую страну, включая свою собственную...». Однако ученые, заявившие о таком желании, как правило, попадают в крайне тяжелое и дискриминируемое положение. Под предлогом «наличия у них секретных сведений» им годами отказывают в праве выезда. Между тем: а) при привлечении ученых к работе, классифицируемой как секретная, не практикуется предварительное, обусловленное конкретным сроком, добровольное согласие ученых на ограничение их гражданских прав; б) вообще не существует установленных и гласных сроков действия секретности; в) неизвестные лица в отсутствие заинтересованной стороны устанавливают наличие т. н. секретности. Об этом факте сообщается без какой-либо конкретизации, бездоказательно и устно. При этом отсутствует реальная возможность оспаривать или обжаловать безосновательные утверждения о якобы существующей «секретности». Все это полностью исключает какой-либо контроль со стороны компетентных и заинтересованных научных учреждений и открывает широкие возможности для произвола.

---

[1] В АС №2644 текст этого раздела дан в иной редакции: «Научное творчество не совместимо с автоматическим следованием официальным доктринам. На ученых должны распространяться свободы убеждения и совести, декларированные во многих обязательствах, ратифицированных Советским Союзам. Как во всяком чисто светском государстве, религиозные и идеологические взгляды и убеждения ученых не должны быть причиной отстранения от профессиональной деятельности и преподавания. Те ученые, которые, повинуясь долгу совести, принимают на себя бремя общественной активности, в условиях нашей страны часто оказываются в особенно трудном, а иногда и трагическом положении. Мы обращаем внимание на судьбу ученых, пострадавших за свою гуманитарную и информационную общественную деятельность. Это биолог Сергей Ковалев, психиатр Семен Глузман, астрофизик Кронид Любарский, математик Александр Болонкин, физик Андрей Твердохлебов, философ Василий Лисовой, историк Габриэль Суперфин и др. «. — *Сост.*

3. О репрессиях в отношении ученых

Все ученые, уволенные по указанию властей, подвергаются остракизму, лишены возможности получить работу по специальности в другом месте и вынуждены искать неквалифицированную работу. Последнее затруднено указанием не принимать лиц с высшим образованием в качестве рабочих. Часто практикуется принудительное трудоустройство под угрозой преследования за «тунеядство» на неквалифицированную, плохо оплачиваемую работу. Каждый уволенный ученый живет под постоянной угрозой преследования за «тунеядство», а многие реально являются жертвами такого преследования и различного рода угроз со стороны милиции. Указ о тунеядстве несомненно противоречит многим международным обязательствам Советского Союза[1].

Беспрецедентным в истории науки является лишение ученых, осужденных по политическим статьям, неотчуждаемых по самой сути и смыслу ученых степеней и званий.

Решение поставленных проблем не терпит отсрочки, и мы ожидаем Вашего ответа в возможно более короткий срок.

С уважением:

А. Сахаров, В. Левич, Н. Мейман, А. Лернер, Ю. Орлов, В. Турчин, В. Браиловский, М. Азбель и др.[2]

88

Документ № 54

[О ПРОТИВОЗАКОННОСТИ ПРИГОВОРОВ В.СЛЕПАКУ, И. НУДЕЛЬ, Ю. ОРЛОВУ]

21 июня Владимир Слепак и Ида Нудель осуждены фактически закрытыми судами в двух разных концах Москвы по заведомо неверному вздорному обвинению в злостном хулиганстве к пяти и четырем годам ссылки. Жертвы выбраны не случайно. И тот и другая принадлежат к числу ведущих участников еврейского движения за репатриацию в Израиль. Владимир Слепак является также активным членом Московской Хельсинкской группы, а Ида Нудель известна своей самоотверженной помощью узникам совести. Владимир Слепак добивается разрешения на эмиграцию с семидесятого года, Ида Нудель — с семьдесят первого. Теперь к этим горьким годам прибавляются годы ссылки. Так власти надеются покончить с теми, кто добивается осуществления своего законного права на эмиграцию.

18 мая таким же закрытым судом был осужден к семи годам лагерей и пяти годам ссылки ученый профессор Юрий Орлов. Мы не принимаем отвратительную расправу над профессором Орловым как эталон для сравнений — большее злодеяние не оправдывает меньшего, и цивилизованный мир не признает такого понятия, как мера беззакония.

Все эти три приговора вызывающе беззаконны и находятся в вопиющем противоречии с Заключительным актом договора в Хельсинки. Мы обращаем внимание правительств всех тридцати пяти стран, подписавших Соглашения в Хельсинки, что эти

[1] Последняя фраза абзаца в АС №2644 начинается иначе: «Все вышеуказанное несомненно...». — *Сост.*

[2] Всего письмо подписали 24 человека. — *Сост.*

три приговора явно нацелены на фактическую элиминацию гуманитарных статей Соглашения.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
26 июня 1978 г.

89

Документ № 55

Международному Олимпийскому комитету (МОК)
Президенту МОК лорду М. Килланену

Господин президент, господа!

В СССР происходят события, которые вы не можете игнорировать. Арестовывают и судят людей (членов Хельсинкских групп и других правозащитников), деятельность которых преследовала чисто гуманные цели. Страна — хозяйка Олимпиады–80 — демонстрирует пренебрежение к общечеловеческим гуманитарным нормам, а также к собственным международным обязательствам.

Уже сейчас известно, что атмосфера московской Олимпиады будет существенно отличаться от предыдущих игр. Число гостей Олимпиады ограничено заранее согласованной с МОК цифрой, и так как свободный въезд на территорию СССР запрещен, то столь характерного для других Олимпиад массового, стихийного наплыва туристов и любителей спорта из разных стран Советский Союз, по-видимому, не допустит. Культурная программа Олимпиады-80 ограничена советскими национальными достижениями, т. е. будет контролироваться советскими органами цензуры. Передвижение иностранных гостей по стране предусмотрено по жестко ограниченным «коридорам» под эгидой «Интуриста». Такова специфика «закрытого общества». Но как совместить все это с идеей международного доверия, провозглашаемого Олимпийской хартией?

Ваше согласие провести 22-ю Олимпиаду на советских условиях, ваше «олимпийское спокойствие» в отношении происходящего в СССР перечеркивает прекрасные слова Олимпийской Хартии.

«Спорт — вне политики» — таков мудрый принцип олимпизма. И точно так же вне политики, выше политики фундаментальные вопросы гуманности, неотделимые от основных целей олимпийского движения. Сегодня ваше молчание означает прямую поддержку совершенно определенной политики.

СССР придает предстоящим Олимпийским играм огромное пропагандистское значение. Советские власти, очевидно, хотят сделать Москву-80 городом официальных улыбок; «очистка» Москвы от инакомыслящих уже началась, и следует ожидать расширения этой кампании. Мы просим вас не допустить этого. Ни одна семья не должна оплакивать Олимпиаду.

Мы, так же как и вы, придаем большое значение всемирной Олимпиаде в нашей стране, как важному событию, которое могло бы способствовать дружбе и взаимопониманию между народами нашей планеты, способствовать международному доверию и безопасности; но эту высокую роль Олимпиада может сыграть только при неукоснительном следовании олимпийским принципам.

Мы призываем вас бескомпромиссно добиваться, чтобы контакты между людьми, культурный обмен, доступ в страну и т.п. реализовались на XXII Олимпиаде в той же мере, что и на предыдущих.

В древности во время Олимпийских игр прекращались войны. Сегодня в СССР ведется война против гуманности и милосердия. Мы призываем вас потребовать «прекращения огня» в качестве обязательного условия проведения в СССР Олимпийских игр, потребовать прекращения преследований за ненасильственные действия в защиту прав человека, за религиозную деятельность, за попытки добиться осуществления права на свободный выбор страны проживания и места проживания в пределах страны. Мы призываем вас потребовать, чтобы страна — хозяйка Олимпийских игр — освободила Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Анатолия Щаранского, Владимира Слепака, Льва Лукьяненко, Викторaса Пяткуса, Александра Подрабинека и всех других членов Хельсинкских групп; Сергея Ковалева, Игоря Огурцова, Георгия Винса, Владимира Шелкова, Василия Романюка, Иду Нудель, Иосифа Бегуна, всех осужденных за попытку покинуть страну. Мы призываем вас требовать освобождения всех УЗНИКОВ СОВЕСТИ.

Мы просим вас довести это письмо до сведения национальных Олимпийских комитетов и спортивных обществ разных стран, чтобы каждый участник предстоящей Олимпиады мог высказать свое отношение к поставленным вопросам.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова

Присоединяемся к письму Московской Хельсинкской группы:
Борис Альтшуллер, Татьяна Великанова, Андрей Сахаров, Лариса Богораз, Георгий Владимов
26 июня 1978 г.

90

Документ № 56

ПО ПОВОДУ ПРИГОВОРОВ ГИНЗБУРГУ, ЩАРАНСКОМУ, ПЯТКУСУ[1]

Следующие один за другим жестокие приговоры членам Хельсинкских групп — не только личная трагедия осужденных, это также трагедия движения за права человека в СССР. На днях прозвучали новые жестокие приговоры: Анатолию Щаранскому — 13 лет лишения свободы: 3 года тюрьмы и 10 лет лагеря строгого режима; Викторасу Пяткусу — 10 лет лишения свободы (3 года тюрьмы и 7 лет лагеря особого режима) и 5 лет ссылки; Александру Гинзбургу — 8 лет лишения свободы в лагере особого режима.

Происходившие с 10 по 14 июля судебные процессы — над Анатолием Щаранским в Москве, над Викторасом Пяткусом в Вильнюсе, над Александром Гинзбургом в Калуге — были направлены не только на жестокое насильственное подавление правозащитного движения, в частности движения за выполнение в СССР гуманитарных обязательств, принятых правительством в Хельсинки. Они направлены также на моральную дискредитацию этого движения и его участников. Каждый из этих процессов имел кроме того свою особую цель:

— процесс Щаранского — создание истерии шпиономании вокруг борьбы за право выбора страны проживания, запугивание участников, в особенности евреев, крайними мерами наказания;

— процесс Викторaса Пяткуса — дискредитация мирного национально-освободительного движения в Прибалтийских странах и запугивание всего населения этих стран;

[1] Название дано по «Хронике текущих событий» №51. — *Сост.*

— процесс Гинзбурга — опорочивание самой идеи помощи тем, кого преследует государство, помощи политзаключенным и их семьям; угроза лицам, осуществляющим и получающим эту помощь.

Так, *Анатолию Щаранскому*, одному из наиболее авторитетных борцов за право евреев на выезд в Израиль, вообще за право на эмиграцию, независимо от национальности, вероисповедания и т.д., наряду с обвинением в так называемой «антисоветской агитации и пропаганде», предъявлено необоснованное и нелепое в данном случае обвинение в шпионаже и измене родине, создающее особо напряженную атмосферу враждебности и подозрительности. С этой же целью процесс Щаранского связывается — советской прессой, радио и телевидением — с процессом обвиняемого в шпионаже и приговоренного к расстрелу Филатова[1], не имеющего никакого отношения ни к Щаранскому, ни к правозащитному движению.

Суровость статьи Уголовного кодекса, по которой обвиняется Щаранский, парадоксально сочетается с нелепостью и необоснованностью конкретно предъявленных ему обвинений, с вообще непротивозаконным характером инкриминируемых ему эпизодов и, наконец, с тем непропорционально большим вниманием, которое уделено на суде обсуждению вопросов на уровне бытовой сплетни (например, обсуждение значимости с точки зрения иудаистской религии обряда бракосочетания Щаранского). Главные инкриминируемые Щаранскому эпизоды его «шпионской» деятельности — составление и передача за кордоны страны списков «отказников», лиц, длительно добивающихся и не получающих разрешения на выезд из страны, а также некая таинственная анкета, с которой Щаранский познакомился уже после ареста. Обвинение Щаранского целиком базируется на показаниях провокаторов Липавского и Цыпина. Именно их лжесвидетельства суд счел более убедительными, чем неоднократные публичные ответственные заявления президента Картера об отсутствии какой-либо связи Щаранского с ЦРУ. В обвинительной речи прокурор не смог привести никаких доказательств приписываемых Щаранскому преступлений. Непрерывно упоминаемые на суде встречи Щаранского с иностранными корреспондентами, американскими сенаторами и конгрессменами, общественными деятелями являлись абсолютно легальными, и попытки использовать их для обвинения полностью противоречат букве и духу Заключительного акта Хельсинки.

Процесс Щаранского является современной версией процесса Дрейфуса, с той разницей, что у Дрейфуса были реальные возможности защиты, полностью отсутствующие у Щаранского.

Уголовный процесс Анатолия Щаранского — это прежде всего удар по движению за право на выезд из страны, в особенности по еврейскому эмиграционному движению; в то же время это еще одна попытка опорочить еврейский народ в целом.

Викторасу Пяткусу, известному участнику молодежной литовской католической организации, отбывшему за это 16[2] лет заключения, пользующемуся неоспоримым моральным авторитетом, наряду с обвинением в «антисоветской агитации и пропаганде», а заодно и в создании «антисоветской организации» предъявлено обвинение в гомосексуализме и в растлении малолетних. Единственным свидетелем двух последних обвинений оказался доставленный на суд под стражей солдат, показавший, что еще в 1973 году В. Пяткусу удалось якобы соблазнить и растлить его. Имея в виду ту чрезвычайную слежку, которой подвергался В. Пяткус с момента своего освобождения, совершенно очевидно, что, если бы этот эпизод действительно имел место, В. Пяткус еще 5 лет назад был бы осужден по чисто уголовному обвинению.

---

[1] Смертная казнь Анатолию Филатову была заменена 15 годами лишения свободы. — *Сост.*

[2] Точнее, 14 лет. — *Сост.*

Явно выступающая цель этого процесса — дискредитация мирного национально-освободительного движения в Литве, Латвии и Эстонии. По-видимому, именно для создания соответствующего резонанса и атмосферы непосредственно угрожающих репрессий всем, кто участвует и сочувствует этому движению, на суд вызваны, в частности, в качестве свидетелей — хотя по существу многие из них вообще ничего не показали — представители всех названных республик.

На процессе *Александра Гинзбурга*, бывшего узника совести (за попытки реализовать право на свободу слова и печати — 7 лет пробыл в заключении: в лагере строгого режима и в тюрьме), известного и пользующегося большим моральным авторитетом деятеля правозащитного движения в СССР, распорядителя основанного писателем, лауреатом Нобелевской премии А. И. Солженицыным Фонда помощи политзаключенным в СССР, широко осуществлявшего эту помощь в течение нескольких последних лет перед арестом, формально обвиняемого по статье «антисоветская агитация и пропаганда»,— основное внимание суда было уделено его моральной дискредитации и заодно опорочиванию других диссидентов, в особенности бывших политзаключенных — узников совести. С этой целью основным свидетелем на этом суде был сделан Градобоев, неоднократно осуждавшийся за различные уголовные преступления: кражу, подделку документов, порнографию (около 12 лет отбыл в заключении). Моральные суждения Градобоева, алкоголика Иванова и местного (г. Таруса) опустившегося и запуганного художника Хвощова в течение нескольких часов выслушивались судом; прокурор и судья интересовались, заходили ли в дом к Гинзбургу женщины, сколько постелей было в комнате и т.п. Заведомо ложные, легко опровергаемые наличными документами показания некоего Левашова о том, что Гинзбург «не работал», использованы в приговоре. С той же целью — очернить Александра Гинзбурга — председатель суда (Сидорков) сделал клеветническое заявление присутствовавшим возле суда западным корреспондентам: по его словам, А. Гинзбург получил наказание меньше максимального по данной статье (ст. 70 ч. 2 УК РСФСР), потому что дал показания на А. Щаранского и Ю. Орлова. Следует, однако, отметить, что содействие следствию в приговоре не отмечено (хотя таковое обязательно отмечается, когда имеет место). В приговоре указано, что при определении наказания учтено то, что на иждивении А. Гинзбурга — двое малолетних детей. Действительная причина относительного смягчения приговора Александра Гинзбурга, могущего, однако, оказаться для него смертельным, так как он сильно болен, объясняется, по всей вероятности, очень большим вниманием к этому процессу общественности Запада.

Важно также отметить, что свидетели, дававшие на предварительном следствии по делу Щаранского и Гинзбурга не желательные следствию показания, на суд не приглашены и не допущены. Не вызваны в суд и те, кто заявил о своем желании свидетельствовать на суде в их защиту. Так, на суд А. Гинзбурга не вызваны академик Андрей Сахаров, хорошо его знающий, член-корреспондент АН СССР С. М. Поликанов, известный писатель Георгий Владимов, известный деятель правозащитного движения, узник совести Сергей Ковалев, близко знающая Гинзбурга, бывшая его подельница Вера Лашкова и многие другие, настаивавшие на своем праве свидетельствовать об Александре Гинзбурге, как о человеке, и о правдивости инкриминируемых ему документов, в частности документов Московской группы «Хельсинки».

Важно отметить и особую обстановку, созданную властями в зале судебного заседания и возле суда. В зале — специально ангажированная (вход по специальным пропускам!), враждебно настроенная «публика», которой разрешались (по-видимому, даже поощрялись) открытые враждебные выпады в отношении подсудимого. Возле суда — сотни сотрудников госбезопасности и милиции, охраняющие здание и его окрестности от приехавших на суд друзей подсудимых. Эти охранники, в форме, с повязками

дружинников и просто в гражданской одежде, неоднократно и нередко весьма выразительно подчеркивали свое издевательское отношение к подсудимым и к тем, кто, сочувствуя им, пришел к зданию. Никто из друзей и сочувствующих не был допущен на так называемые «открытые» судебные заседания, даже во время чтения приговора. Осуществлялись также акты дополнительного садизма: в зал суда над Анатолием Щаранским ни разу не была допущена его 70-летняя мать; в начале второго дня суда удалена из зала жена Александра Гинзбурга: ее, как и мать Щаранского, не пустили даже на чтение приговора. Госбезопасность и привлеченный ею «народ» нарочито глумились над женой подсудимого-осужденного. Хохотом, улюлюканьем и угрозами сопровождались попытки друзей приветствовать увозимых в закрытых тюремных машинах («воронках») подсудимых-осужденных.

* * *

На Белградской конференции с предельной ясностью выявилось, что Советский Союз считает обязательным выполнение только выгодных для него статей Заключительного акта Соглашения в Хельсинки и открыто нарушает гуманитарные статьи Хельсинкского соглашения.

Теперь, спустя несколько месяцев после Белграда, преследование участников всех форм правозащитного движения в СССР достигло своего трагического кульминационного пункта.

Мы призываем правительства и глав всех стран — участниц Соглашения в Хельсинки решительно потребовать выполнения Советским Союзом добровольно принятых на себя в Хельсинки обязательств.

Мы благодарим всех, кто выступал и выступает в защиту Анатолия Щаранского, Александра Гинзбурга, Викторaса Пяткуса, Юрия Орлова и других уже осужденных или находящихся еще под арестом в ожидании суда правозащитников. И просим не ослаблять усилий в их защиту.

Московская группа «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов

От Литовской группы «Хельсинки»:
Она Лукаускайте-Пошкене, о. Каролис Гаруцкас, Эйтан Финкельштейн

От Грузинской группы «Хельсинки»:
Исайя Гольдштейн

От Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях:
Леонард Терновский

От Христианского комитета защиты прав верующих:
о. Глеб Якунин

От Инициативной группы защиты прав человека в СССР:
Татьяна Великанова

От советской группы «Эмнести Интернейшнл»:
Георгий Владимов

15 июля 1978 г.

91

Документ № 57

[О КАССАЦИОННЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ ПО ДЕЛАМ Ю. ОРЛОВА И В. СЛЕПАКА]

Кассационные суды членов Московской группы «Хельсинки» Юрия Орлова и Владимира Слепака подтвердили вынесенные им противозаконные приговоры.

18 июля Верховный суд РСФСР рассматривал кассационную жалобу Юрия Орлова — основателя и руководителя Московской группы «Хельсинки», обвиняемого в «антисоветской агитации и пропаганде». Интересы Орлова никто не представлял; сам он не был допущен на суд, зачитывались фрагменты его жалобы. Орлов указывает на допущенные на его суде серьезные нарушения законности: отказано почти во всех заявленных им ходатайствах, в частности, в вызове в суд названных им свидетелей; инкриминируемые ему документы квалифицировались — без анализа их содержания — как «антисоветские клеветнические»; судья неоднократно отводил его вопросы свидетелям, грубо прерывал его и его адвоката, лишая возможности высказаться. Расследование велось явно тенденциозно.

Верховный суд подтвердил вынесенный Юрию Орлову приговор: 7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки.

20 июля Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу Владимира Слепака — известного участника еврейского эмиграционного движения, активного члена Московской группы «Хельсинки», обвиняемого в «злостном хулиганстве». В качестве такового суд квалифицировал то, что Слепак, стоя на балконе своей квартиры, держал плакат — требование разрешить ему и его семье выезд в Израиль.

Где и когда подобные действия рассматривались как преступление?!

Московский городской суд подтвердил вынесенный Владимиру Слепаку приговор: 5 лет ссылки. (Владимир Слепак находится в тюрьме и будет этапирован под стражей к месту ссылки.)

Ида Нудель, известный участник еврейского эмиграционного движения, много помогавшая многим неправедно гонимым евреям и неевреям, осужденная за те же действия, что и Слепак, вообще не пожелала участвовать в таком фарсе, как советский кассационный суд. (Сейчас она, страдающая тяжелой язвенной болезнью желудка, находится на этапе, на пути в ссылку.)

Решения кассационных судов — еще одно подтверждение того, что вопиющие противозаконные и противоправные приговоры Юрию Орлову, Владимиру Слепаку, Иде Нудель определены высшими советскими инстанциями.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, С. Поликанов
20 июля 1978 г.

92

КОМИТЕТУ САМООБОРОНЫ ПОЛЬШИ[1] [LXXVIII]

Ваша телеграмма академику Сахарову[LXXIX], о которой мы узнали по радио, с выражением солидарности с жертвами недавних политических процессов, прошедших в

[1] В АС №3454 — документ №58. — *Сост.*

нашей стране, вызвала чувство глубокой благодарности у всех близких и друзей так жестоко и трагически осужденных. Она явилась еще одним подтверждением того, что общественные движения в СССР, Польше, Чехословакии, ГДР и других странах Восточной Европы являются частями единого движения за соблюдение международных обязательств, взятых на себя правительствами наших стран, за права человека и за мир.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов
26 июля 1978 г.

93

Документ № 58

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ[1]

Более десяти лет тому назад многие советские граждане с изумлением и надеждой узнали о Чехословацкой весне.

Куцые сообщения советских газет не позволяли поначалу понять происходящее. Можно было только догадываться, что события в этой маленькой стране с высокой культурой — не по нутру советскому руководству. Позже стало ясно, что в Чехословакии действительно началась перестройка человеческих отношений на новой, либеральной основе. Бесспорно было одно: жить так, как жили раньше, граждане этой страны больше не желают, идут активные и не стесняемые властями поиски новых форм самоорганизации общества. Происходит духовное возрождение нации, 20 лет подвергавшейся советизации.

Появилась надежда, что либерализация Чехословакии вызовет к жизни аналогичные процессы и в других странах советского блока, либерализацию и в нашей стране.

Вторгшиеся в Чехословакию 21 августа 1968 года советские войска, советские танки подавили и возрождающуюся свободу этой страны, и нашу свободу под аккомпанемент громких заявлений о «братской помощи», «интернациональном долге» и т. п.

Семь человек в нашей стране отважились открыто, выйдя на Красную площадь, заявить свой протест: Руки прочь от Чехословакии! Ваша свобода — наша свобода! На горсточку демонстрантов бросили мощь госбезопасности и милиции. Красная площадь была моментально очищена от не соответствующих советскому строю лозунгов и людей. Потом были суровые суды: годы ссылки, лагеря, психиатрические больницы специального типа.

...Москва силой оружия отменила либерализацию ЧССР. Казалось, что все и все безнадежно зажато, подавлено. Но сопротивление не прекращалось. «Хартия–77» показывает, что народ Чехословакии не сломлен, не утратил воли к сопротивлению, воли отстаивать свои права и свободы. Один из тысячи поставил свою подпись под Хартией. Это огромный процент в условиях режима, карающего малейший идеологический нонконформизм.

Мы желаем правозащитному движению в Чехословакии выдержать испытания и приобрести еще большую поддержку внутри страны и за ее пределами.

Либеральное движение в Чехословакии и в Советском Союзе имеет много общего. Оно не является политическим в узком смысле этого слова. Оно не оформлено орга-

[1] См. также документ № 107 (док. 142). — *Сост.*

низационно, не имеет программы. Оно не отражает интересов какого-либо определенного слоя общества и, по существу, выражает интересы каждого, кто осознает необходимость основных прав и свобод для достойной жизни человека и нации.

Репрессивный характер советского режима не изменился после подписания Хельсинкских соглашений. Правозащитное движение, нашедшее опору в гуманитарной части этих Соглашений,— подавляется, искореняется особенно жестоко и вызывающе демонстративно. Упорное стремление скрыть правду и дискредитировать это движение, не брезгуя самыми грязными методами, отражает моральный уровень защитников советского «порядка» и их страх перед распространением либеральных умонастроений.

За вашу и нашу свободу!

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов

Присоединяемся:
Вячеслав Бахмин, Юрий Ярым-Агаев, Леонард Терновский, Татьяна Великанова, Ирина Жолковская, Наталия Бузырева-Федорова, Александра Поликанова, Юрий Гастев, Александр Лавут, Решат Джемилев, Мустафа Джемилев, Раиса Лерт[1]*, Петр Егидес, Юрий Гримм, Татьяна Лавут, Юлия Закс, Ольга Иофе, Ирина Орлова, Валерий Прохоров, Августа Романова, Вера Сереброва, Сергей Ходорович, Надежда Шатуновская, Вадим Щеглов, о. Глеб Якунин, Виктор Капитанчук, Людмила Агапова, Борис Альтшуллер, Александр Иванченко, Михаил Кукобака, Дмитрий Михеев, Григорий Токаюк, Нина Строкатова*
16 августа 1978 г.

94

Документ № 59

ПРОЦЕСС ЧЛЕНА УКРАИНСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ» ЛЕВКО ЛУКЬЯНЕНКО

Процесс Левко Лукьяненко принципиально аналогичен процессам Ю. Орлова, А. Гинзбурга, В. Пяткуса, А. Щаранского, суды над которыми окончились за несколько дней до начала суда над Л. Лукьяненко (они охарактеризованы в документе № 56 Московской группы «Хельсинки» от 15 июля с.г.), а также процессам ранее осужденных членов Украинской группы «Хельсинки» М. Руденко, О. Тихого, М. Матусевича, М. Мариновича, П. Винса, процессу осужденного в апреле с. г. участника правозащитного движения литовца Балиса Гаяускаса и других правозащитников.

Суд над Левко Лукьяненко, обвиненным в «антисоветской агитации и пропаганде», проходил с 18 по 22 июля[2] в г. Городня (Украина). Ему инкриминируются написанные им статьи и открытые письма, а также документы Украинской группы «Хельсинки», декларативно определяемые как «клеветнические антисоветские» и «клеветнические

[1] О ней см. в документе № 74 (док. 107). — *Сост.*
[2] Точнее, 20 июля. — *Сост.*

буржуазно-националистические»; при этом указывается, что Лукьяненко высылал их в газеты и журналы (имеются в виду официально издающиеся в СССР!), а также — «в разные адреса» «своим единомышленникам» (т. е. друзьям и знакомым, с которыми переписывался Лукьяненко); в обвинении говорится, что эти материалы «попали на Запад» и там «используются нашими врагами» в целях «империалистической пропаганды», «для распространения клеветы» о том, что в СССР «нет свободы слова и печати», «ущемляются права граждан», «нет равенства прав верующих и неверующих», «не выполняются Хельсинкские соглашения»; говорится также, что инкриминируемые материалы «порочат государственный и общественный строй СССР», КПСС, органы советской власти, советское правосудие и используются «в провокационных целях против СССР», «для подрыва престижа Советского государства», «для подрыва национального единства» и т.д. и т.п. Лукьяненко вменяется в вину и то, что он «стал членом так называемой Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений».

(Следует отметить, что в обвинениях Ю. Орлова, А. Гинзбурга, А. Щаранского, суды над которыми проходили в Москве или сравнительно недалеко от Москвы, Группа «Хельсинки» вообще не называется; документы Группы инкриминируются, не будучи названы таковыми; суд делает вид, что Группы вообще не существует.)

Вот примерный перечень инкриминируемых Л. Лукьяненко материалов.

Документы Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: Декларация Группы, восемь меморандумов Группы, «Манифест правозащитного движения», «Обращение к Белградскому совещанию».

Тексты, автором которых является Л. Лукьяненко: «Год свободы», «Открытое письмо профессору Киевского университета Рубану» (было направлено в «Литературную газету»), «Проблемы инакомыслия», заявление в Президиум Верховного Совета СССР — с просьбой разрешить уехать из СССР, письмо Совету Министров СССР, «Открытое письмо Экзарху Филарету», «Письмо завзятым атеистам», статья «Остановить неправый суд» («Зупініть кривосуддя»).

Л. Лукьяненко инкриминируются также устные высказывания в частных разговорах, определяемые судом как клеветнические антисоветские. Для дачи показаний о высказываниях Лукьяненко и о его «поведении» в суд были вызваны его бывшие сослуживцы, 5 или 6 человек. (Л. Лукьяненко, юрист по образованию, работавший до первого ареста в 1961 году по специальности, после освобождения в 1976 г. вынужден был работать электриком при больнице с почти минимальным окладом — около 60 руб. в месяц.) Эти сослуживцы-свидетели показали на суде, что Лукьяненко отказался подписать Стокгольмское воззвание; некоторые свидетели путали и называли воззвание «Хельсинкским». (Сбор подписей под Стокгольмским воззванием проводился по указанию руководящих органов СССР.) Они показали также, что Лукьяненко не принимал участия «в общественной жизни» (в том, что эти свидетели и те, кто их допрашивает, понимают под общественной жизнью), не ходил на демонстрации.

Прокурор в обвинительной речи также коснулся «демонстраций»: по его словам, Лукьяненко «клеветал», будто на праздничные демонстрации людей заставляют идти в обязательном порядке.

...Допрошенная в качестве свидетеля жена Левко Лукьяненко сказала, обращаясь к судье и прокурору, что Хельсинкский акт — это провокация для таких наивных людей в СССР, как ее муж.

Прокурор читал обвинительную речь около часа. Его речь была похожа на политическую лекцию. Он потребовал приговорить Л. Лукьяненко к максимальному по данной статье наказанию: 10 лет лишения свободы в лагере особого режима и 5 лет ссылки (ст. 62 ч. 2 УК УССР = ст. 70 ч. 2 УК РСФСР).

* * *

На процессе Левко Лукьяненко, как и на процессах других правозащитников, были многочисленные нарушения законности. В частности, была нарушена гласность судопроизводства; были проведены противозаконные мероприятия для затруднения и предотвращения прибытия желающих к месту суда.

Так, дата начала и место суда не были сообщены. Некий свидетель из Львова, получивший почти накануне суда повестку явиться в суд 19-го (оказалось, что это не первый, а второй день суда), позвонил об этом в Москву одному известному правозащитнику, а тот, в свою очередь, сообщил западным корреспондентам. Родственники Лукьяненко узнали о том, что начинается суд, из сообщений зарубежного радио; они смогли добраться до места суда с опозданием на несколько часов.

Городок Городня, в котором проходил суд, находится в 50 км от Чернигова и в 200 км от Киева. Л. Лукьяненко жил до ареста в Чернигове (без права выезда оттуда). Большая часть вызванных в суд свидетелей — из Чернигова и из Киева.

Автобусы, ехавшие в дни суда в Городню, милиция останавливала, далеко не доезжая до этого городка, пассажиров высаживали, и тем, кто ехал к суду (или подозревался в этом), не имея на то «оправдательных» документов,— ехать дальше не разрешали.

Вернули с полпути ехавшую из Киева 70-летнюю Оксану Мешко, члена-основателя Украинской группы «Хельсинки».

Возле здания суда дежурило множество сотрудников госбезопасности.

В зал суда впустили только жену и родителей Лукьяненко. Остальная публика являлась специально ангажированной.

Левко Лукьяненко в самом начале заявил, что считает этот суд незаконным. Он также заявил протест против того, что суд проводится в Городне, и против того, что его друзья и товарищи по Группе «Хельсинки» не имеют возможности присутствовать на суде.

Он заявил, что не желает присутствовать на таком суде, и настаивал, чтобы его увели из зала суда. Его оставили. Он объявил голодовку.

Инкриминируемые Л. Лукьяненко материалы в суде не зачитывались. Не было ни анализа текста, ни доказательства наличия клеветы.

Настойчивые просьбы Л. Лукьяненко — зачитать тот или иной документ — не были удовлетворены. В частности, он неоднократно просил, чтобы ему дали возможность зачитать свою статью «Остановить неправый суд», по факту распространения которой допрашивались многие свидетели.

Л. Лукьяненко не имел адвоката. Защитительную речь он произносил сам в течение 3–4 часов. Судья то и дело прерывал его, запрещал зачитывать какие бы то ни было тексты, мотивируя это тем, что суду они и так известны.

Суд признал Левко Лукьяненко особо опасным государственным преступником — рецидивистом и приговорил к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (лагере) особого режима и 5 годам ссылки.

* * *

Левко Лукьяненко 50 лет. Пятнадцать лет, с 1961 г. по 1976 г., он провел в заключении; не менее половины этого срока — во Владимирской тюрьме и во внутрилагерных тюрьмах...; в 1961 году он, осужденный к высшей мере, три месяца находился в камере смертников. Его здоровье сильно подорвано; он страдает язвенной болезнью желудка, холециститом и другими болезнями.

Новый приговор — условия, в которых ему предстоит отбывать срок лишения свободы,— может оказаться для него смертельным.

15 лет жена Л. Лукьяненко ждала своего мужа. Менее 2-х лет им довелось быть вместе, пользуясь весьма урезанной свободой, под постоянным гласным надзором милиции и негласным надзором госбезопасности. В течение предстоящего 10-летнего срока мучений и лишений Л. Лукьяненко и его жена смогут иметь личное свидание не более одного раза в год — если и это единственное свидание не будет отнято в качестве дополнительного наказания.

Подвергавшийся после освобождения в 1976 г. постоянным преследованиям, лишенный возможности нормально жить, общаться с людьми, передвигаться, лишенный возможности заниматься тем, к чему он считает себя призванным, Левко Лукьяненко, всей душой преданный своей родине Украине,— ходатайствовал о разрешении уехать, покинуть родину. Власти не дали ему разрешения на эмиграцию, как не дают его многим другим украинцам, бывшим политзаключенным, узникам совести.

Левко Лукьяненко хорошо знают его бывшие соузники. О нем отзываются с восхищением, как о человеке, который достойно прошел через тягчайшие испытания. У него сохранился высокий интеллект, живой пытливый ум, чувство юмора, чувство справедливости, доброта, отзывчивость и расположение к людям.

У тех, кому довелось знать Левко Лукьяненко, он пользуется большим моральным авторитетом.

В 1961 году «особо опасное государственное преступление» Л. Лукьяненко и нескольких его друзей состояло в том, что они, основываясь на Конституции, хотели добиваться — мирными законными способами –самоопределения Украины. За это их обвинили и в «измене родине», и в «антисоветской агитации и пропаганде».

Сейчас «особо опасное государственное преступление», «рецидив» Левко Лукьяненко заключается в том, что он — основываясь на подписанных правительством СССР международных соглашениях и пактах — написал или подписал литературные произведения, документы, содержащие не конформные правящей идеологии мнения и информацию.

Блюстители социалистического порядка квалифицируют эти произведения как «клеветнические», «клеветнические антисоветские» именно потому, что они идеологически не конформны, потому, что в них сообщается о фактах и явлениях, о которых, по неписанным советским канонам,— положено молчать. Под «антисоветской клеветой» на советском языке подразумевается именно правда о советской действительности, об укорененных в режиме пренебрежении к человеческой личности, бесчеловечности и жестокости.

* * *

Процесс Левко Лукьяненко, характер предъявленного ему обвинения, назначенное ему суровое наказание и те нечеловеческие жестокие условия, в которых ему предстоит отбывать это наказание,— все это находится в вопиющем противоречии с международными правовыми нормами, а также с гуманитарной частью Хельсинкских соглашений.

Мы требуем предать гласности все материалы состоявшегося в июле с.г. суда над Л. Лукьяненко — обвинительное заключение, приговор, протоколы судебных заседаний; эти материалы должны быть доступны каждому, кого они интересуют. Того же мы требуем в отношении материалов судов над другими правозащитниками. Мы требуем также предать гласности материалы суда над Л. Лукьяненко в 1961 году

Мы требуем пересмотра процесса Л. Лукьяненко и процессов других правозащитников — в условиях полной гласности и на основе международно признанных прав человека.

Мы убеждены в полной незаконности осуждения Левко Лукьяненко и требуем его освобождения.

Мы надеемся на поддержку наших требований международной общественностью; надеемся на поддержку независимых юристов, «Международной Амнистии», писателей, ученых, спортсменов, независимых профсоюзов, всех людей доброй воли.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов
20 августа 1978 г.

95

Документ № 61[1]

О НАРУШЕНИИ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В тюрьмах и лагерях Советского Союза находится в настоящее время немало ученых и творческих работников. Среди них физик Юрий Орлов, биолог Сергей Ковалев, философ Евгений Пронюк, поэт Микола Руденко и другие.

Не говоря здесь о противоправности лишения свободы этих людей, репрессированных за открытое высказывание своих убеждений, неотделимое от свободы научного и художественного творчества, и за различные аспекты правозащитной деятельности, мы обращаем внимание на недопустимость условий, в которых они находятся.

Недостаточное и неполноценное питание, обеспечивающее лишь биологическую выживаемость (см. документ № 3), ведет к ослаблению памяти и снижению творческой потенции. Способствует этому и тяжелый принудительный труд.

Все записи, рисунки, художественные поделки заключенных подвергаются досмотрам, часто в отсутствие владельца, почти всегда они безвозвратно отбираются. Заключенным запрещено иметь принадлежности для рисования — краски, кисти, даже цветные карандаши. Возмущение у мировой общественности вызвало изъятие в 1976 году у талантливой украинской художницы Стефании Шабатуры (Мордовский лагерь ЖХ-385/3-4) свыше 150 рисунков. Тем не менее факты творческой дискриминации продолжаются. В феврале-марте 1978 г. у художника Юлия Рыбакова были отобраны и сожжены на его глазах рисунки (в основном это были портреты родных). У известного украинского писателя Миколы Руденко в мае изъяты написанные им стихи. Это заставило тяжело больного человека пойти на отчаянный при его состоянии здоровья шаг — объявить голодовку протеста. С января по март 1977 г. в Ленинградской тюрьме «Кресты» четырежды изымалась рукопись книги стихов Юлии Вознесенской (как у нее, так и у тех, кто пытался передать книгу на волю). У Паруйра Айрикяна регулярно изымаются рукописи его песен, стихов, прозы. Неоднократно изымались записи и стихи у филолога, поэта, переводчика Василя Стуса. В последний год заключения (1977) у него изъято около 300 собственных стихотворений и переводов из Гете, Бодлера, Рильке.

Тотальные изъятия личных записей и творческих работ производятся перед этапами. Администрация Лефортова перед отправкой в Пермь изъяла у Ю. Ф. Орлова научные статьи, которые он написал в тюрьме. В 19 Мордовском лагере перед этапирова-

[1] Текст документа №60 от 2 сентября 1978 «Дискриминация крымских татар продолжается» не обнаружен (сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№51, С.193)). — *Сост.*

нием был тщательно обыскан В. Лисовой (акцией руководил работник КГБ Чепкасов), у него отобрали многолетний труд — макет «Философского словаря» на украинском языке, Лисовой — кандидат философских наук, работал до ареста в Институте философии АН УССР. У В. Абанькина перед этапированием из Владимирской тюрьмы изъяты 5 тетрадей с сочиненными им научно-фантастическими рассказами. Администрацией тюрьмы рассказы охарактеризованы как «тенденциозные» и «антисоветские».

Особенно тяжелым является положение научных работников. Если поэт или писатель все-таки может творить (хотя бы мысленно), у него лишь отнимаются плоды его труда, то для ученого пресекается сама возможность творческой деятельности.

Администрация политических лагерей Перми и Мордовии пресекает подобные контакты между заключенными даже одного лагеря, одного отряда, организацию внутрилагерных научных и творческих семинаров и дискуссий.

Жесткий режим переписки (2 письма в месяц для лагеря строгого режима, одно — для особого, одно письмо в 2 месяца — для строгого режима во Владимирской тюрьме) лишает заключенных возможности обмена научной информацией даже через близких родственников. Да такие письма могут быть попросту изъяты. По этой же причине практически невозможна переписка с научно-исследовательскими учреждениями, редакциями, коллегами по науке и культуре даже в пределах СССР. Ученый не может опубликовать своих трудов ни в одном отечественном издании и уж тем более за рубежом.

Лагерные и тюремные библиотеки убоги, заключенные не могут пользоваться межбиблиотечным абонементом. Мы не знаем, в какой еще стране заключенным нельзя посылать книги и журналы, это ограничение — одно из самых нелепых и жестоких. Советские узники могут приобретать литературу лишь через магазины «Книга — почтой», которые, как правило, нужных изданий не имеют и заказов не выполняют.

В лагере в личных вещах разрешается хранить не более 5 книг, остальное сдается на склад. Очень трудно подписаться на научные и литературные журналы, особенно на национальных языках. Так, во Владимирской тюрьме отказывают в выписке украинской периодики (даже таких изданий, как «Перець» и «Друг читача»). Совершенно невозможно подписаться на зарубежные научные журналы по специальности. Посылаемые из-за границы книги, как правило, не доходят. Нам известен лишь один случай «либерализма». В мае 1977 г. администрация 36 Пермского лагеря дала на несколько минут в руки С. Ковалеву присланную на его имя из ФРГ книгу (материалы научного симпозиума). На вопрос Ковалева, получит ли он эту книгу, начальник лагеря Журавков ответил, что это не полагается, да и неизвестно, что в этой книге. Позднее Ковалеву объявили, что книга послана на перевод, дабы решить вопрос о возможности ее выдачи. В марте 1978 г. книга еще не была выдана владельцу.

Подобные жесткие и ничем не оправданные ограничения приводят к тому, что ученый, лишенный возможности получать научную информацию, не говоря уже о собственном творчестве, за долгие годы заключения безнадежно отстает от современного уровня науки и в итоге профессионально дисквалифицируется.

Таким образом, условия заключения в лагерях и тюрьмах Советского Союза причиняют дополнительные моральные страдания работникам науки и искусства и ведут к существенному обеднению как отечественной, так и мировой науки и культуры. Они нарушают статью 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на: a) участие в культурной жизни; b) пользование результатами научного прогресса и их практического применения; c) пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными и художественными трудами, автором которых он является...» и т.д.

Обращаем внимание на то, что изложенные в этой статье права ничем не могут быть ограничены.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов
5 сентября 1978 г.

Приложение

Список ученых и творческих работников — политзаключенных

Последовательно указаны статья УК и срок заключения

1. Руденко Николай Данилович, писатель — ст. 70; 7 стр., 5 ссылки
2. Волков Олег Николаевич, художник — «дело о лозунгах», 7 стр.
3. Шабатура Стефания Михайловна, художница — 70; 5 стр., 3 ссылки
4. Рубан Петр Васильевич, резчик по дереву — угол. ст.; 6 стр., 3 ссылки
5. Окулова (Вознесенская) Юлия Николаевна, поэтесса — 190.1; 2 общ.
6. Рыбаков Юлий Андреевич, художник — «дело о лозунгах», 6 усил.
7. Калинец Игорь Миронович, поэт — 70; 6 стр., 3 ссылки
8. Стасив-Калинец Ирина Онуфриевна, поэтесса — 70; 6 стр., 3 ссылки
9. Осадчий Михаил Григорьевич, писатель — 70 ч. 2; 7 особ., 3 ссылки
10. Караванскнй Святослав Иосифович, поэт, филолог — 64, 70; 30 особ.
11. Сверстюк Евгений Александрович, филолог, литературный критик — 70; 7 стр., 5 ссылки
12. Светличный Иван Алексеевич, литературовед — 70; 7 стр., 5 ссылки
13. Суперфин Габриэль Гаврилович, литературовед — 70; 5 стр. 2 ссылки
14. Марченко Валерий Вениаминович, журналист, переводчик — 70; 6 стр., 2 ссылки
15. Барладяну Василий Владимирович, искусствовед — 190.1; 3 общ.
16. Мороз Валентин Яковлевич, историк — 70 ч. 2; 9 особ., 5 ссылки
17. Казачков Михаил Петрович, физик — 64, 88; 15 стр.
18. Пэнсон Борис Соломонович, художник — 64; 10 стр.
19. Осипов Владимир Николаевич, журналист — 70 ч. 2; 8 стр.
20. Болонкин Александр Александрович, кибернетик, доктор технических наук — 70, угол.; 3 стр.
21. Гольдштейн Григорий Абрамович, метеоролог, кандидат технических наук — 209; 1 общ.
22. Ковалев Сергей Адамович, биолог, кандидат биологических наук — 70; 7 стр., 3 ссылки
23. Пронюк Евгений Васильевич, философ, кандидат философских наук — 70; 7 стр., 5 ссылки
24. Орлов Юрий Федорович, физик, профессор, член-корреспондент АН Армянской ССР — 70; 7 стр., 5 ссылки.
25 Лисовой Василий Семенович, философ, канд. философ, наук — 70; 7 стр., 5 ссылки
26. Костава Мераб, музыковед — 70; 3 стр., 3 ссылки

96

Документ № 62

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Под угрозой жизнь Кирилла Подрабинека и Петра Винса

Условия содержания политзаключенных были охарактеризованы в документах №№ 3 и 17, изданных в июне 1976 и январе 1977. Они освещались также в ряде других пра-

возащитных документов, в частности, в обращениях Инициативной группы защиты прав человека в СССР в период 1969-1976 гг., в издающейся с 1968 г. «Хронике текущих событий» с девизом «Движение в защиту прав человека в СССР продолжается» и др. Эти условия были и посейчас остаются бесчеловечными и жестокими. Новые инструкции и приказы направлены на еще большее ужесточение; в частности, это относится к положению о наказаниях заключенных (см. приложение 3). Все более жестокой становится и практика обращения с теми, кто репрессирован по политическим мотивам, каковы бы ни были формально предъявленные им обвинения.

В настоящем документе мы обращаем внимание на особо жестокие, разрушающие здоровье и угрожающие самой жизни «меры воздействия», применяемые к Кириллу Подрабинеку и Петру Винсу.

В приложениях приводятся также эпизоды избиения политзаключенных офицерами в лагере особого режима; указываются некоторые специфические особенности этого лагеря — каторжной тюрьмы для «особо опасных государственных преступников», «рецидивистов», где отбывают наказание около 15 узников совести, в том числе осужденные в 1977–78 гг. Олекса Тихий (член-основатель Украинской группы «Хельсинки») и Балис Гаяускас; 1 сентября сюда привезли Александра Гинзбурга и должны привезти члена-основателя Украинской группы «Хельсинки» Левко Лукьяненко.

Мы сообщаем также о чрезвычайно тяжелых условиях и бесчеловечном обращении с заключенными во время этапирования. В приложениях дается описание отдельных эпизодов этапов В. Слепака, Ю. Орлова, Б. Ребрика и других.

Мы напоминаем, что продолжается блокирование официально разрешенной переписки многих узников совести. Такому блокированию подвергается, в частности, переписка Сергея Ковалева (см. приложение 4).

* * *

Кирилл Подрабинек

Арестованный в канун 1978 г. и осужденный — по надуманному и сфальсифицированному обвинению в хранении оружия — к 2,5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (лагере) общего режима 25-летний К. Подрабинек в апреле с.г. был этапирован из тюрьмы (г. Электросталь Московской области) к месту отбывания наказания; с 12 мая находится в уголовном лагере в г. Тобольске — ИТК-16 или «учреждение 34/16»Д» — в 2000 км от Москвы. (Обычно осужденных по аналогичным обвинениям направляют в «учреждения», расположенные значительно ближе к их прежнему месту жительства.)

Напоминаем, что Кирилл Подрабинек был репрессирован как з а л о ж н и к — с целью шантажа его 24-летнего брата Александра Подрабинека, который активно участвовал в деятельности неофициальной Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и составил изданную на Западе книгу «Карательная медицина»; материалы комиссии и книги разоблачают злоупотребления психиатрией в СССР. Власти «предлагали» Ал. Подрабинеку эмигрировать вместе с родственниками; в случае отказа Александра — угрожали арестом его брата Кирилла... Кирилл Подрабинек является автором циркулирующего в самиздате (и недавно опубликованного за рубежом) очерка «Несчастные» — об условиях прохождения воинской службы в Советской армии, написанного на основании личного опыта. Однако на суде Кириллу ни этот очерк, ни другие его произведения не инкриминировались.

О чрезвычайно жестоком, угрожающем его жизни обращении, которому подвергается К. Подрабинек в лагере — почти непрерывное содержание в ШИЗО (карцере), и о переводе его из лагеря в тюрьму (!) пишет в своем заявлении в Московскую группу «Хельсинки» отец Кирилла Пинхос Подрабинек:

«...26 августа с.г. я приехал к нему на свидание. Начальник ИТК-16 майор Хвостов разрешил мне лишь 5-минутную встречу с Кириллом, т. к. он в это время отбывал наказание в ШИЗО. Из беседы с Хвостовым, а затем с сыном в присутствии Хвостова я узнал следующее:

Кирилл прибыл в ИТК-16 12 мая. Вскоре он отказался по состоянию здоровья (заболевание сердца) от предложенной ему непосильной работы. За это был помещен в ШИЗО на 15 суток. Объявил голодовку; через 12 дней было начато принудительное кормление через зонд (всего Кирилл держал голодовку более 3-х недель). За голодовку был наказан еще 15 сутками ШИЗО.

Выпущенный в зону, пошел на предоставленную ему посильную работу. В отсутствие уехавшего в отпуск Хвостова замещающий его начальник по режиму Глухих вновь посадил Кирилла в ШИЗО. Основание — поступающие на него анонимные заявления (очевидно, о высказываемых им взглядах).

23 июля по представлению администрации ИТК-16 сына судил Тобольский горнарсуд. Судья Коновалов, прокурор Солгиреев, один из заседателей — Исаков. Показаниями служили анонимные письма, зачитанные капитаном Новоселовым. В защитнике Кириллу было отказано. По определению суда за то, что он «злостно нарушает установленный в колонии режим, отрицательно воздействует на других осужденных», приговорен к переводу на тюремный режим общего типа на весь оставшийся срок заключения.

К моменту моего свидания с Кириллом он находился в ШИЗО уже 50-е сутки, а в общей сложности — три месяца, из менее чем четырех месяцев пребывания в ИТК-16. Ему предстоит отбывать там до перевода в тюрьму, который неизвестно когда состоится.

Кирилл землисто-бледный, истощен, крайне слаб. Его медленно убивают голодом и удушьем. Призываю вас приложить возможные усилия, чтобы вырвать его из тяжелого положения.

4 сентября 1978 г.

П. Подрабинек»

Напоминаем, что ШИЗО — штрафной изолятор в лагере (точнее, во внутрилагерной тюрьме) аналогичен карцеру в стационарной тюрьме. Подробное описание карцера и ШИЗО приведено в документе Группы № 3. Здесь заключенного подвергают пытке голодом и другим физическим мучениям, к каковым относятся холод и невозможность мало-мальски нормального сна, вынужденное нахождение на ногах большую часть суток и др. (заключенного помещают в карцер в легкой хлопчатобумажной одежде, лишают всех постельных принадлежностей, включая матрац и одеяло; для спанья ему предоставляются только голые нары — доски, окованные железом, пользоваться которыми можно только ночью, не более 8 часов в сутки; в карцере обычно холодно и сыро; уснуть в таких условиях почти невозможно). Заключенный лишен также свежего воздуха и света; на прогулку из ШИЗО или карцера не выводят. В карцере запрещено курить. Не положено ни читать, ни писать (перед водворением в карцер переодевают, обыскивают с заглядыванием во все щели тела, изымают все запрещенные предметы, в том числе письменные принадлежности, включая огрызок карандаша, и т.п.).

Первое с момента ареста письмо от Кирилла Подрабинека было получено в июне. Из этого письма удалось узнать о его местонахождении (адрес), а также о том, что он уже наказан лишением очередного личного свидания с родственниками; иносказательно сообщалось и о другом наказании: «писать буду редко» — значило, что он подвергнут наказанию, включающему запрет писать (и отправлять) письма. Больше, вплоть до настоящего времени, от Кирилла писем не приходило.

Начальник лагеря майор Хвостов разъяснил отцу К. Подрабинека, что Кирилла наказывали и наказывают — «за отказ работать и призыв к тому же других заключенных». Кирилл во время их длившейся несколько минут встречи сообщил отцу, что он отказывался только от непосильной для него работы, а не от работы вообще. (При невыполнении нормы на непосильной работе Кирилла все равно подвергали бы тем же наказаниям.)

К. Подрабинек страдает инфекционным миокардитом; есть подозрения на миокардит ревматический. С этим заболеванием он в 1976–77 гг. в течение 3–4 месяцев находился на стационарном лечении в больнице г. Электросталь Московской области. В начале 1978 г., когда он уже находился в тюрьме под следствием и держал голодовку (протест против ареста его как заложника), его направили в городскую больницу (г. Электросталь) с диагнозом: прединфарктное состояние. Здесь снова был подтвержден диагноз — миокардит. Соответствующие документы родственники передали в суд.

«Боже, до чего изменился, как худ, бледен, слаб. Арестантские шмотки висят на нем мешком. Череп из каких-то бугров. Нос длиннющий. Бросаюсь к нему, мы обнимаемся, я тычусь губами в его щеки, шею, под руками его бледное изможденное тело, огромные ребра...»,— рассказывает отец Кирилла Подрабинека.

Петр Винс

Арестованный в феврале с.г. и осужденный — по надуманному и сфальсифицированному обвинению в «паразитическом образе жизни» или «тунеядстве» — к одному году лишения свободы в лагере общего режима член Украинской группы «Хельсинки» 22-летний Петр Винс с 13 мая находится в лагере возле ст. Рафаловка Ровенской области, «учреждение ОР-318/76».

В течение первого месяца пребывания в этом лагере П. Винс трижды был избит сотрудниками лагеря — офицерами МВД.

Первый раз при выдаче ему лагерной одежды («формы») П. Винса избил ногами, повалив на землю, прапорщик Фурлет. Второй раз, 10 июня, старший лейтенант жестоко избил Петра за то, что тот отказался вскапывать так называемый предзонник — запретную зону, входящую в систему ограждения лагеря. Избитого водворили в ШИЗО, где держали с 10 по 18 июня. Он держал голодовку протеста. В ШИЗО Петр Винс был избит надзирателями.

Протестуя против издевательства над П. Винсом и в знак солидарности с ним держал голодовку также находящийся в этом лагере Василий Барладяну, арестованный в начале 1977 года (г. Одесса) и осужденный — по надуманному обвинению в распространении «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — к 2,5 годам лишения свободы в лагере общего режима. Администрация лагеря препятствует общению П. Винса и В. Барладяну, настраивает против Барладяну других заключенных, наказывает его.

Во второй половине июня, узнав (окольными путями) об избиениях Петра Винса, его родственники направили телеграммы-заявления в целый ряд официальных советских инстанций (Прокуратура СССР, МВД и т. д.).

В первое время пребывания в лагере П. Винс должен был работать в карьере каменоломни, с очень большой, непосильной нормой выработки; работать здесь приходится в воде (вода из карьера почти не откачивается), нет условий для сушки одежды. Затем П. Винса по состоянию здоровья перевели на другую работу (в мастерские).

У П. Винса еще в детстве была вырезана часть кишечника (перенес несколько операций Гиршпрунга); он страдает частыми и тяжелыми желудочно-кишечными заболеваниями. По состоянию здоровья был освобожден от службы в армии. (Однако след-

ствие и суд отказались рассматривать и даже приобщить к делу документы о здоровье П. Винса. Если бы эти документы были приняты во внимание, одно это освободило бы его — официально — от обвинения в «тунеядстве».) Зимой 1977–1978 г., во время 30-суточного заключения в условиях, близких к карцерным, у 22-летнего П. Винса появились боли и спазмы в сердце. (Он был арестован тогда на 15 суток по сфальсифицированному обвинению в хулиганстве. Держал голодовку протеста, за что арест был продлен еще на 15 суток.). В июне с.г. во время пребывания П. Винса в ШИЗО состояние сердца значительно ухудшилось.

Родные П. Винса, которые в конце июня имели с ним кратковременное свидание, говорят, что он сильно поседел.

* * *

Арест и осуждение Петра Винса и Кирилла Подрабинека — в ряду огромного числа нарушений прав человека и Хельсинкских соглашений в СССР.

Жестокое обращение с ними в «исправительно-трудовых учреждениях» разрушает здоровье и угрожает самой жизни этих достойных молодых людей.

Мы призываем международные правозащитные организации, «Международную Амнистию», международные религиозные организации, независимых юристов, всех людей доброй воли — не прекращать усилия в защиту Кирилла Подрабинека и Петра Винса. Срок заключения Винса должен окончиться в феврале 1979 г. Подрабинеку предстоит еще почти два года тюрьмы. Состояние здоровья и бесчеловечные условия, в которых они отбывают наказание, заставляют опасаться, что они не выдержат назначенные им сроки.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, В. Некипелов, Н. Мейман, Т. Осипова
9 сентября 1978 г.

Приложения (составила М. Ланда)[1]:
1. Этапы Вл. Слепака, Игоря и Ирины Калинцев, Вячеслава Черновола, Иды Нудель, Габриэля Суперфина, Григория Гольдштейна, Юрия Орлова.
Избиения офицерами и конвоирами в этапе и в лагере (особого режима) Богдана Ребрика и др.
Заявление группы политзаключенных лагеря особого режима.
2. Особый режим.
3. Ужесточение режима.
4. Блокирование переписки политзаключенных. Сергей Ковалев.

97

Документ № 63

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПРИКРЕПЛЕНИЕ К ЗЕМЛЕ И ЗАПРЕТ ЭМИГРАЦИИ КОЛХОЗНИКОВ — ЕВРЕЕВ ПОСЕЛКА ИЛЬИНКА

Отсутствие в Примерном уставе колхоза, являющемся обязательным для всех колхозов СССР, категорического подтверждения права колхозников на выход из колхоза

[1] Упоминаемые в документе приложения не публикуются — *Ред.*, приложение №1 см. АС №2815.

(см. приложение 1)[1] дает возможность насильственного удержания колхозников вопреки их желанию в колхозе. Это несомненно является формой принудительного труда не осужденных по суду граждан СССР и притом чрезвычайно одиозной формой принудительного труда, так как неизбежно ассоциируется с крепостным правом. Как и любая форма принудительного труда, насильственное удержание в колхозе противоречит Конвенции 29 Международной организации труда о запрете принудительного труда, ратифицированной СССР.

Именно в таком положении насильственно прикрепленных к земле оказались пять семей колхозников-евреев в количестве 41 человека из поселка Ильинка Казанского сельсовета Таловского района Воронежской области. Поселок Ильинка, примерно из 130 дворов, почти сплошь заселен верующими крестьянами-евреями с многодетными семьями и входит в состав колхоза «Россия». Большая часть жителей поселка желает эмигрировать в Израиль, но власти всячески препятствуют этому.

В 1974–76 гг. из поселка эмигрировало 12 семей. Затем власти перестали пропускать вызовы из Израиля. Бывший председатель колхоза В. Д. Тарасов, нынешний председатель А. Г. Кувалдин и председатель Казанского сельсовета В.В. Лебедев противозаконно отказались выдать 14-ти семьям справки о месте проживания, составе семьи и месте работы. Без этих справок ОВИР не принимает заявления и документы на выезд.

После чрезвычайно трудных и безуспешных хлопот по получению справок, вплоть до ЦК КПСС, Генерального Прокурора СССР, Министерства внутренних дел и Министерства сельского хозяйства, пять семей (см. список в Приложении 2) в апреле 1977 г. перестали выходить на работу в колхозе. Они подали заявления о выходе из колхоза и потребовали, согласно уставу, созыва общего собрания или собрания уполномоченных для рассмотрения вопроса об их выходе из колхоза. Вопреки Уставу, по которому такие собрания должны происходить не реже одного раза в три месяца, собрание уполномоченных состоялось лишь 21 декабря 1977 г. Собрание 86-ю голосами против 17-ти приняло решение «не отпускать подавших заявление из колхоза». Никому из подавших заявление о выходе не дали даже возможности выступить на собрании. Районная прокуратура в ответ на жалобу ответила, что «нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было» (см. приложение 3), примерно таким же был ответ областной прокуратуры. Прокуратура РСФСР вернула жалобу обратно в областную прокуратуру.

Московская группа «Хельсинки» составила по поводу беззаконий в Ильинке документы №№ 9, 49. Документ № 9 фигурировал на процессе проф. Ю. Ф. Орлова в качестве доказательства инкриминировавшегося Орлову обвинения в антисоветской клевете. На суде документ № 9, как и все остальные инкриминировавшиеся Ю. Ф. Орлову документы, не зачитывался, но бывший председатель колхоза В. Д. Тарасов лжесвидетельствовал на суде, что в поселке Ильинка нет желающих эмигрировать в Израиль. Мы отмечаем, что дополнительные легко проверяемые факты, изложенные в документе № 49, полностью подтверждают истинность содержания документа № 9 и доказывают ложность показаний В. Д. Тарасова.

Жители поселка Ильинка считают себя потомками московских евреев, высланных в царствование Петра Великого из столицы на тогдашние окраины государства. Они чрезвычайно ценят свою принадлежность к еврейскому народу и иудаизму. Одной из основных причин их желания эмигрировать в Израиль является невозможность в условиях их жизни сохранить свою веру и даже такой минимум еврейской культуры, как

[1] Упоминаемые в документе приложения не публикуются. — *Сост.*

простую грамотность на иврите. Последний сведущий в еврейской религии житель Ильинки, заменявший раввина, был сослан и погиб вскоре после войны.

Весьма характерны следующие факты:

1. В Ильинку была направлена в 1977 г. специальная комиссия с экспертом по национально-религиозным вопросам для проверки утверждения жителей Ильинки о том, что они — евреи. Комиссия признала жителей Ильинки евреями.

2. В случае утери или пропажи свидетельства о рождении паспорт выдается лишь при согласии указать в графе «национальность» — «русский».

3. Старое название колхоза «Еврейский крестьянин» после войны исчезло, и теперь Ильинка входит в колхоз «Россия».

По отношению к жителям поселка Ильинка нарушены:

1) Конституция СССР;
2) Всеобщая декларация прав человека ООН;
3) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах;
4) Конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации;
5) Заключительный акт Совещания в Хельсинки.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
18 сентября 1978 г.

98

Документ № 65[1]

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР[2]

Власти ведут усиленную и все более расширяющуюся кампанию дискредитации правозащитного движения в нашей стране, используя в этих целях ложь и клевету.

Формально открытые суды над правозащитниками — Руденко, Тихим, Гаяускасом, Винсом, Орловым, Гинзбургом, Щаранским, Пяткусом, Слепаком, Лукьяненко, Подрабинеком и другими — проводились закрыто, и ни об одном из них не появилось отчетов в официальной прессе. Но в то же время официальная пропаганда — ТАСС, пресса, радио, телевидение, партийные пропагандисты, офицеры КГБ и даже судьи — распространяют ложные измышления о правозащитниках и правозащитном движении в целом. Искажаются — в сторону усугубления и добавления обвинений и еще большего опорочивания осужденных — даже приговоры отнюдь не объективных судов.

Эта кампания особенно интенсифицировалась с середины нынешнего года. По имеющимся у нас, по-видимому — далеко неполным, данным в ней участвовали: «Прав-

[1] Текст документа №64 от 25 сентября 1978 «Преследования верных и свободных адвентистов» не обнаружен (сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№51, С.193–194)). — *Сост.*

[2] В АС №3410 и в издании US. Congress. 99-th. Second session. Commission on security and cooperation in Europe. Documents of the Helsinki monitoring groups in the USSR and Lithuania (1976–1986). Vol.1.- Washington: G.P.O., 1986.- P.253–254. опубликован как документ №64. — *Сост.*

да», «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Неделя», журналы «Огонек» и «Новый мир», «Знамя» (газета Калужской области), «Литературная Украина» (и еще не менее 7 газет, издающихся в Киевской области), «Ленинская молодежь» (газета Львовской области), «Ленинский прапор» (Пустомытский район Львовской обл.), «Ленинское знамя» (Тенькинский район Магаданской обл.), горьковская газета, литовские газеты: «Голос Родины» и «Вести с Украины» (издающиеся в СССР газеты для эмигрантов, не поступающие в широкую продажу в нашей стране).

Повторяя вымыслы официозов и ложь, распространяемую следственными органами, добавляя новую клевету, брань и угрозы террористическими актами, один за другим следуют анонимные «меморандумы», идет поток анонимных писем, преимущественно порнографического содержания, и телефонных звонков.

В конце сентября в эту кампанию своими открытыми письмами включился известный в СССР и на Западе историк и «диссидент» Рой Медведев[LXXX].

В наших руках имеются десятки писем и заявлений, индивидуальных и коллективных, разоблачающих и опровергающих эту клевету. Советская пресса такие документы не публикует. Нам известно также о десятках заявлений, направленных в прокуратуру и в суды, в частности от политзаключенных, с просьбами дать им возможность выступить на суде в качестве свидетелей — с опровержением обвинений, которые, очевидно, будут выдвинуты против правозащитников, с показаниями об их человеческих достоинствах (такое заявление было направлено, в числе многих других, известным правозащитником, узником совести Сергеем Ковалевым). Ни одно из этих заявлений не было удовлетворено.

Примеры, характеризующие кампанию опорочивания правозащитного движения в СССР, недавно осужденных правозащитников, а также других узников совести, отбывающих или уже отбывших наказание, и близких к ним лиц приведены в приложении к настоящему документу.

Мы сочли необходимым вскрыть сущность этой клеветнической кампании прежде всего потому, что большинство лиц, против которых она направлена, находятся в заключении в полной изоляции.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
18 октября 1978 г.

Приложения[1]:
1. «Голос Родины» № 37 (сентябрь 1978 г.), «Разговор начистоту».
2. «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др., 15 июля 1978 г., «По заслугам».
3. Судья Сидорков (суд над Александром Гинзбургом) — иностранным корреспондентам.
4. Анонимные «меморандумы» (за подписью «Всероссийское межидеологическое объединение»).
5. Рой Медведев «Открытое письмо Р. Б. Лерт», 23 сентября 1978 г. (два различных текста).
6. «Литературная Украина», 15 августа 1978 г., «Заокеанская пташка из оуновского гнезда».
7. «Ленинское знамя» (Тенькинский р-н Магаданской обл.), июль 1978 г., «Друзья и враги Василя Стуса», А. Супряга.
8. «Голос Родины» № 37, «Разговор начистоту» (другие примеры из цитированной выше статьи).

[1] Не публикуются, их текст воспроизведен в АС № 3410. — *Сост.*

99

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пять лет назад, в 1973 году, СССР ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, вступивший в силу в 1976 году.

В официальном докладе СССР в Комитете ООН по правам человека от 24-го октября 1978 года о претворении в жизнь этого Пакта в СССР указывается, что ратификация Пакта и его вступление в силу не сопровождались какими-либо изменениями или дополнениями в советском законодательстве (см. «Правда», 25 октября 1978). Этот факт приводится как доказательство высокого уровня советского законодательства.

Никем не опровергнутые документы Московской группы «Хельсинки», публикации журнала «Хроника текущих событий» доказывают систематическое нарушение советскими властями ряда основных статей Пакта, а отсутствие изменений в советском законодательстве в связи с ратификацией Пакта говорит лишь о пренебрежении к реальному претворению Пакта в жизнь.

Деятельность Группы «Хельсинки» направлена на предание гласности фактов нарушений гражданских, политических и социальных прав, гарантированных Пактами и Соглашением в Хельсинки, которые становятся известны Группе.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
25 октября 1978 г.

100

Документ № 66

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СССР[1]

С 1974 года по инициативе политзаключенных 30 октября отмечается День политзаключенного СССР. Политзаключенные заявляют о том, что они — есть. В заявлениях и обращениях в Верховный Совет СССР (и другие высшие советско-партийные органы) требуют признания наличия в стране политзаключенных, утверждения и соблюдения Статуса политзаключенных. В поддержку своих требований десятки политзаключенных Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы держат в этот день голодовки.

30 октября 1974 г. в Москве (на квартире лауреата Нобелевской премии Мира академика Андрея Сахарова[2]) группой правозащитников была проведена первая посвященная Дню политзаключенного СССР пресс-конференция. Западным корреспондентам были переданы заявления, открытые письма и другие документы, составленные самими политзаключенными,— материалы, попавшие на волю вопреки жестоким мерам администрации, пресекающим информацию.

Особо интересный документ, переданный на первой пресс-конференции,— текст заочного «интервью», в котором 11 политзаключенных Уральского лагеря № 35 поста-

[1] См. также документы №№ 146, 185 (док. 179, 219). — *Сост.*

[2] Точнее, будущего лауреата, Нобелевская премия мира была присуждена А. Сахарову в 1975 г. — *Сост.*

вили и содержательно ответили на ряд вопросов о том, почему и как они оказались «осужденными», о своем отношении к происшедшему с ними, о взаимоотношениях между политзаключенными лагеря, об администрации и представителях КГБ в лагере и др.

Участники этого «интервью» Владимир Балахонов и Семен Глузман находятся в заключении и сейчас. Многократно подвергались жестоким наказаниям. Балахонов провел три года во Владимирской тюрьме. Глузман сейчас находится во внутрилагерной тюрьме (ПКТ). Здоровье их подорвано. Летом у 30-летнего Глузмана было нарушение мозгового кровообращения... Двое других участников «Интервью» — Шахвердян и Светличный. Баграт Шахвердян после 5-летнего заключения и Иван Светличный после 7-летнего заключения, оба с сильно подорванным здоровьем, весной с.г. этапированы в ссылку. (И. Светличный болен гипертонической болезнью, страдает нарушениями мозгового кровообращения, незадолго до отправки в ссылку заболел сывороточным гепатитом.)

Один из организаторов и участников первой пресс-конференции 30 октября Сергей Ковалев менее чем через два месяца после этого был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде»; пункты его обвинения включают и подписанное им в День политзаключенного обращение Инициативной группы защиты прав человека в СССР, и переданные на пресс-конференции материалы, в частности, названное выше «Интервью». Сергей Ковалев с тех пор сам является политзаключенным (отбывает 7-летний срок лишения свободы, после которого ему предстоят 3 года ссылки), находится в Уральских политлагерях, подвергался и подвергается здесь жестокому бесчеловечному обращению и издевательствам, аналогичным тем, о которых рассказывается в инкриминируемых ему материалах...; с мая с.г. С. Ковалев помещен на 6 месяцев в ПКТ; уже более года от него нет ни одного письма.

В 1975–76 годах среди участников пресс-конференций в День политзаключенного были Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак. Сейчас они сами являются политзаключенными. Единственная причина осуждения каждого из них — участие в борьбе за права человека в нашей стране.

В числе инкриминируемых Гинзбургу, Орлову и Щаранскому «преступных» деяний — составленные Группой «Хельсинки» документы об условиях содержания политзаключенных.

Предполагая вероятность таких обвинений, многие политзаключенные Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы направили в суды и в прокуратуру заявления, где выражают желание свидетельствовать об истинном положении. Один из направивших такое заявление — Сергей Ковалев. Никто из этих людей в суд вызван не был.

В День политзаключенного в 1975 г. западным корреспондентам была передана копия проекта Статуса политзаключенных, поддержанного более чем 70 политзаключенными Урала, Мордовии и Владимирской тюрьмы. Нам известно, что этот проект был направлен также политзаключенными Владимирской тюрьмы в Верховный Совет СССР («Хроника-Пресс», Нью-Йорк, 1975 г.).

Основные положения — требования Статуса политзаключенных:

— Отмена принудительного труда.

— Не должны использоваться как средства наказания или «перевоспитания» ограничения питания, одежды, спальных принадлежностей и т. д. Недопустимы наказания-пытки голодом, холодом, отсутствием сна и намеренное причинение других физических и моральных страданий.

— Медицинская помощь (или, наоборот, лишение таковой) не должна использоваться как средство поощрения или наказания...

Поддерживая положения Статуса, мы считаем, что они должны распространяться не только на политзаключенных, но обязательно на всех заключенных.

В то же время мы обращаем внимание на особые условия, в которых находятся именно политзаключенные. Чтобы «перевоспитать» узника совести, принудить его изменить самому себе, отказаться от своих духовных ценностей используется не только весь арсенал «мер воздействия», предусмотренных Исправительно-трудовым законодательством (дополнительные ограничения питания, пытка карцером, лишение свидания, изменение лагерного режима на тюремный и др.), но и многие не предусмотренные этим законодательством средства (неоказание медицинской помощи, конфискация корреспонденции, преследования родственников и др.).

Особое внимание мы обращаем также на то, что преследования политзаключенных не прекращаются после отбытия ими срока наказания: дискриминация в отношении выбора места жительства и работы, гласный надзор милиции.

* * *

Мы особо подчеркиваем: большая часть политзаключенных СССР — узники совести, не совершившие вообще никаких преступлений.

Возможности привлечения к уголовной ответственности за реализацию права на свободу убеждений (статья 19 Всеобщей декларации прав человека) безусловно способствует существование таких противоправных статей Уголовного кодекса, как «антисоветская агитация и пропаганда» (ст.70 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК союзных республик), «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190.1 УК РСФСР); широкие возможности привлечения к уголовной ответственности и сурового осуждения — за реализацию прав на свободу убеждений и выбор страны проживания — представляет часть статьи «измена родине» (ст. 64 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК союзных республик).

Реализация международных обязательств, зафиксированных Хельсинкским актом, требует отмены ст. ст. 70, 190.1 и той части ст. 64, которая дает возможность преследования за убеждения и попытку покинуть страну.

Все осужденные по ст. ст. 70 и 190.1 (или соответствующим им статьям УК союзных республик), а также по указанной части ст. 64 — должны быть освобождены.

До сих пор в СССР в лагерях и тюрьмах находятся лица, осужденные на сроки до 25 лет до введения нового законодательства, определяющего максимальный срок лишения свободы 15-ю годами. Как шаг гуманности — необходима амнистия этих лиц.

Без освобождения политзаключенных — узников совести — все гарантии прав человека, выраженные в Пактах о правах и в Хельсинкском акте, будут оставаться только словесной декларацией.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
Присоединяемся:
А. Сахаров, Н. Строкатова (Караванская), А. Лавут, Т. Великанова, о. Г. Якунин, В. Капитанчук, Л. Бойцова (Ковалева). И. Валитова (Орлова), И. Жолковская (Гинзбург). Н. Бузырева (Федорова), Г. Владимов, Л. Терновский, Ю. Ярым-Агаев, В. Бахмин, А. Хлгатян[1]
30 октября 1978 г.

[1] Член Армянской Хельсинкской группы. — *Сост.*

Приложения[1]:
1. Список (неполный) лиц, репрессированных по политическим мотивам.
2. Основные положения Статуса политзаключенных (и сравнение с существующим положением).

101

Документ № 67

О МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает необходимым информировать государства, подписавшие Заключительный акт Соглашений, организации «Международная Амнистия», «Красный Крест», медицинские организации, мировую общественность о состоянии медицинского обслуживания в лагерях и тюрьмах Советского Союза.

Заключенные получают питание, почти полностью лишенное белков, витаминов; тяжелый труд, частые наказания — приводят к тому, что среди з/к практически нет здоровых людей. Это делает проблему медицинского обслуживания особенно важной.

Определяющим фактором является то, что медицинское обслуживание в лагерях и тюрьмах относится не к ведомству Министерства здравоохранения, а к ведомству Министерства внутренних дел и подчиняется его инструкциям и секретным приказам. Это делает медицину составной частью карательной системы, а врача — или пособником этой системы, или пассивной фигурой, подчиненной лагерной администрации, это же приводит к постоянному, планомерному ухудшению медицинского обслуживания, ставшего в последние полтора-два года катастрофическим.

Особенно тяжелое положение во Владимирской тюрьме (Угодин — начальник тюрьмы, полковник С.С. Казаков — начальник медслужбы УВД Владоблисполкома, майор Заливина — инспектор медслужбы УВД, Елена Николаевна Бутова — начальник санчасти тюрьмы, Зинаида Семеновна Замовская — корпусной врач, Титова — корпусной врач, Сухачева — корпусной врач, В.Л. Рогов — психиатр при тюрьме).

До 1977 г. врачи обладали значительными правами: в карцер могли отправить только с разрешения врача, они могли своей волей освободить заключенного из карцера, госпитализировать, назначать диетпитание. С 1977 г. отправка в карцер происходит без санкции врача. Освободить из карцера по состоянию здоровья может только начальник учреждения. В ноябре 1977 г. в карцере № 5 находился з/к Дудин Николай, который мучился от удушья и, моля о помощи, захлебывался кровью, которая шла горлом. Все стены и пол карцера были в крови. Вместо помощи ему только периодически бросали тряпку — вытирать кровь. Находившийся в соседнем карцере Ю. Бондарь стал стучать ногами в дверь карцера, требуя немедленно кого-либо из врачей. Проходивший фельдшер сказал: «Не лезьте не в свое дело». Осматривавшая затем Дудина врач сказала, что она не вправе, к сожалению, освободить Дудина из карцера, хотя он в этом остро нуждается, и посоветовала досидеть оставшиеся несколько суток. Но вместо этого к концу истекших 15 суток Дудину в карцер прислали новое постановление и сказали: «Продолжение следует. Это тебе 15 суток за крики и стуки в дверь». (Иного способа вызова надзирателя не существует — звонка нет.).

[1] Приложения здесь не приводятся. — *Ред.*

ПЗК Здоровый не был освобожден из карцера несмотря на то, что он потерял сознание и при падении расшиб себе голову.

Егор Давыдов[1], больной ревмокардитом и радикулитом, находился в камере с температурой воздуха +11°. Он обратился к корпусному врачу Замовской с просьбой разрешить ему пользоваться дополнительной парой нижнего белья. Та обещала переговорить с начальством. «Причем тут начальство,— удивился Давыдов. — Вы врач, вам и решать». «Это режимный вопрос,» — ответила Замовская. Через несколько дней Давыдову ответили, что по соображениям режима ему в просьбе отказано. Тогда же подтвердили запрет пользоваться меховыми рукавицами и противорадикулитным поясом.

Раньше достаточно было решения врача дать голодающему в карцер топчан для круглосуточного пользования (топчан в карцере выдается только на ночь). Теперь врач только пишет соответствующий рапорт, а решение принимает начальник. В. Федоренко за время голодовки получил 15 суток карцера за попытку отправить письмо, минуя тюремную цензуру, затем этот срок был продлен еще на 15 суток. Топчан Федоренко выдали лишь на 22 день пребывания в карцере. Почти все время, проведенное в карцере, его принудительно кормили только раз в пять дней. Лишь в конце карцерного срока стали кормить через день. (Искусственное питание, которым принудительно кормят голодающих, не соответствует установленным нормам: в жидкую манку часто не добавляют положенных сахара, мяса, яиц, масло заменяют другими жирами.)

Бондаренко, инвалид II группы, получил 15 суток карцера за карикатуру на начальника санчасти Бутову, отказывающую ему в лечении. Бондаренко настолько истощен, что не в силах был вносить в карцер на ночь топчан и спал на цементном полу (конец срока у Бондаренко в 1991 году). В июне 1978 г. отказано в помещении в больницу больному радикулитом Приходько Г.А.

В апреле 1977 г. при участии представителей администрации тюрьмы был избит Омар Асханов. Он и другие заключенные потребовали «снять побои» (т.е. зафиксировать их следы медицинским актом). Медсестра корпуса отказалась это сделать: «Разрешит начальник — снимем». Только после дружного стука в двери нескольких камер Угодин распорядился вызвать врача. Начальник медсанчасти Бутова «сняла побои», но медицинской помощи не оказала, сказав, что ничего страшного нет. Между тем Асханов был покрыт кровоподтеками и харкал кровью (Асханов — туберкулезный больной, в феврале его *по распоряжению оперчасти* сняли с диетпитания).

С осени 1977 г. перестали выдавать так называемое профилактическое питание язвенникам (два весенних и два осенних месяца диетическое питание по норме 5б): в рацион включается молоко — 500 г., масло — 30 г., мясо, сахар — 40 г., белый хлеб — 400 г (кстати, продукты, по приказу *министра* внутренних дел,— второсортные), рисовые и манные каши. Теперь же «язвенное питание» дают при обострении язвенной болезни и только в случае госпитализации осужденного. Продолжают получать диетпитание лица, состоящие на туберкулезном учете. Их только соединяют в камеры, специально отведенные для этих больных (по устройству ничем не отличаются от обычных). Окна камер закрыты щитами (вновь введены с декабря 1977 г.), в некоторых корпусах это сплошные металлические пластины 5 мм толщиной, воздух может проходить только через боковые щели, шириной около 10 см. Туберкулезных больных водворяют в карцер на общих основаниях (психически больных — тоже), могут переводить на строгий режим: с пониженным питанием, с сокращением прогулки до 30 минут,— в том числе и содержащихся в тюремной больнице.

Существует еще одна норма питания, отличающаяся от язвенной количеством молока в день (250 г.), так называемая «слабая». Раньше эту норму получить было до-

[1] Полное имя — Георгий — *Сост.*

вольно просто, сейчас — практически невозможно: ее могут получать с 1978 г. лишь 3% осужденных.

Общее состояние камер Владимирской тюрьмы, как правило, антисанитарное, т.к. часто засоряется канализация, в камерах вонь. В камерах 2 корпуса — лагерной больницы — нет унитазов и водопроводных кранов.

Согласно инструкции № 125 (от 1 октября 1975 г.) о медучреждениях МВД, о медобслуживании в ИТУ, заключенные, находящиеся в медучреждении МВД и нарушающие режим, могут подвергаться всем мерам воздействия, предусмотренным ИТК РСФСР (ст. 53) вплоть до карцера, ШИЗО и ПКТ.

Во Владимирской тюрьме лечение осужденного на время водворения его в карцер прерывается (хотя это и противоречит соответствующим актам), если он получал диетпитание или был в больнице, диетпитание не восстанавливается и в больницу он не возвращается (кроме больных туберкулезом). В карцере после туберкулезных больных дезинфекция не делается, часто даже не выносится параша.

Жалобы заключенных на медобслуживание отправляются администрацией исключительно в соответствующие подразделения МВД и в прокуратуру. Перед отправкой жалобы и заявления рассматриваются медперсоналом (для составления справок, сопровождающих жалобы).

На очень низком уровне находится медицинское обслуживание и в лагерях. Врачи, которые по их же словам «прежде всего работники МВД», никак не реагируют на то, что условия в лагерях — нормы питания (особенно в ШИЗО и ПКТ), тяжелый труд, часто непосильный для физически ослабленных людей, бытовые условия (зимой в бараках температура доходит до 8°) — прямо направлены на подрыв здоровья заключенных. Медицинское обслуживание является одним из средств давления на з/к с целью его «перевоспитания». Нередки случаи, когда тяжело больным не дают освобождения, ставят на тяжелую работу, выполнять которую они не в силах, отказывают в госпитализации.

Иван Светличный, работавший в 35 лагере пожарным, после перевода в 36-й без медицинского осмотра и знакомства с медицинской картой лишен инвалидности (у него в результате несчастного случая с детства не хватает пальцев на обеих руках). Он поставлен на тяжелую работу, где ему приходится таскать ящики, бревна, выполнять другую непосильную для него работу. За невыполнение нормы — наказывают. У Светличного кроме того больное сердце, но ему отказывают в лечении. Несколько политзаключенных потребовали восстановить Светличному инвалидность и перевести на легкую работу.

Больной циррозом печени Сартаков П.К. был наказан за то, что во время приступа не мог встать перед представителем администрации. Его ставят на непосильную работу, а за отказ от нее поместили на 6 месяцев в ПКТ. И Светличный, и Сартаков — «не вставшие на путь исправления».

В. Лапенис полтора месяца находился в больнице, ему дали 3-ю группу инвалидности. 17 февраля начальник лагеря заявил Лапенису, что комиссия признала его трудоспособным, и назначил кочегаром. Лапенис отказался от работы, как непосильной, и был наказан 7 сутками ШИЗО и лишением ларька на месяц. Лапенису 72 года, у него радикулит, больное сердце, низкое давление.

У Е. Пронюка туберкулез легких. До ареста часть легкого была вырезана, и это остановило туберкулезный процесс, но в лагере состояние здоровья резко ухудшилось, открылась каверна во втором легком. Родственники Пронюка подавали просьбу о помиловании по состоянию здоровья, но им отказали, сославшись на «отрицательную характеристику из исправительно-трудового учреждения».

Здоровье Барладяну, подорванное голодовкой, во время которой он был до потери сознания избит надзирателями, ухудшилось, но лечения он не получал. Его жалобы

по этому поводу Генеральному Прокурору СССР администрация лагеря не отправила. Только после протестов родственников Барладяну направили в областную больницу МВД. Там ему поставили диагноз: гипертония 1 степени с отеками и кровоизлияниями в мозг. В медицинском заключении сказано, что работы в каменоломне (которыми занимаются з/к лагеря) ему противопоказаны. Администрация лагеря пыталась скрыть это заключение от Барладяну и снова поставить его на работу в карьер. Когда это не удалось, Барладяну перевели в цех сколачивать ящики. Лечения он по-прежнему не получает. (В лагере вши. В карцере, где работают заключенные, практически нет откачки воды, при этом выдается одна пара сапог в год.)

Нередки случаи, когда диагноз ставится не по медицинским, а по оперативным соображениям. Так, например, Ю. Литвин, отбывавший в ИТУ-25 3-летний срок, попросил представить его к «условному освобождению с обязательным привлечением к труду», но его оставили в лагере на основании медицинского заключения врача Фроловой: «Литвин не может быть направлен на стройки, так как имеет трудоустройство и болен». Через две недели Фролова отказала Литвину в диетпитании (у него язва), написав, что он «абсолютно здоров». Из-за диагноза Фроловой, объявившей его симулянтом, он оказался при смерти (прободение язвы, случившееся в ШИЗО, куда его поместили за «симуляцию» и где его продержали, тем не менее, все назначенные 10 суток). В письме в обком Коми АССР Литвин описал обстоятельства смерти 29-летнего заключенного, умершего от сердечного приступа без какой-либо медицинской помощи.

Система лагерных наказаний — ШИЗО (хлеб и вода, горячее — через день), ПКТ (пониженное питание на срок до 6 месяцев) — губительна для заключенных, многие из которых страдают желудочными заболеваниями. На вопрос з/к: «Когда прекратится преднамеренное разрушение здоровья заключенных?» — сотрудник КГБ Борода ответил: «Не надо было попадать в ПКТ».

Айрикян, Черновол, Осипов длительное время находились в сыром и холодном помещении лагерной тюрьмы, где по распоряжению администрации они были лишены теплого белья и спали на холодных досках. В результате утренняя температура в течение нескольких месяцев держалась у них около 37,2°, а вечерняя поднималась до 38–40°. (У Черновола хронический тонзиллит, язвы во рту, у Осипова — туберкулез.) Все трое побывали в больнице на обследовании, но лечения им не назначили — выдали заключение «здоров». После выхода из ПКТ по-прежнему температурили, но лагерная санчасть не оказывала им помощи. В таком состоянии Черновол был взят на этап в ссылку, Осипов переведен в цех с вредными условиями труда. В мае 1978 г. Таратухин, находясь в ПКТ, объявил «сухую» голодовку. На 6-е сутки у него вместо мочи пошла кровь, голодовку он снял. Врач у Таратухина не был ни разу.

На 15 суток в ШИЗО была отправлена Надежда Усоева за отказ от принудительного труда по религиозным мотивам. В это время она еще была больна после предыдущей отсидки.

Даже тяжело больным нелегко бывает добиться помещения в больницу. (В каждой зоне имеется своя санчасть, кроме того по Мордовским лагерям больница в поселке Барашево, в Пермских лагерях — на ст. Всесвятская.) Очень редки случаи помещения политзаключенных в центральные тюремные больницы. Например, Ковалев, добиваясь помещения в Ленинградскую больницу для операции, голодал больше месяца. В декабре 1977 г., также добиваясь отправки в больницу, длительную голодовку держал Иван Гель. Николаю Будулак-Шарыгину, страдающему тяжелой гипертонией, долго не давал освобождения от работы и направления в больницу начальник санчасти Сексясов. Наконец, Будулак-Шарыгин был отправлен в больницу в очень тяжелом состоянии. Нередко больных не госпитализируют по прямому запрету администрации. В июне 1977 г. врачи хотели отправить в больницу Нийоле Садунайте, но администра-

ция 3 лагеря отказалась это сделать. Абанькин дважды терял сознание от болей в желудке, но не был госпитализирован, т.к. у него в деле есть красная полоса — склонность к побегу.

Михаил Слободян в 1977 г. был отправлен в больницу в крайне тяжелом состоянии. Накануне его, больного, начальник лагеря майор Федоров заставил таскать бревна на лесопилке, не дав возможности обратиться в санчасть. У Слободяна кровоточащая язва желудка. Весной 1978 г. здоровье Слободяна вновь резко ухудшилось, но лечения он не получает, не госпитализируется, за невыполнение нормы выработки наказывается. Основной мотив — Слободян, бывший работник МВД, «не встал на путь исправления». В середине марта в лагере была проведена массовая голодовка с требованием госпитализировать Слободяна.

В лагерной санчасти, как правило, нет нужных лекарств, а присылать медикаменты запрещено инструкцией (иногда разрешается в виде исключения). Бывают случаи, когда больным по оперативным соображениям не выдают лекарств, имеющихся в санчасти (например, Светличному). По свидетельству ПЗК 1 Мордовского лагеря (особый режим), «в лагерной аптеке годами нет ничего, кроме аспирина». И это в лагере с самыми тяжелыми условиями содержания. За последние три года в лагере умерло 6 заключенных моложе 50 лет. Обстоятельства смерти Пехарева особенно трагичны. Его иногда отправляли в больницу, но всякий раз возвращали, не проведя серьезного обследования. Однажды во время работы он не смог стоять и выполз во дворик. Заключенные потребовали, чтобы ему была оказана помощь, но фельдшер Надюшкин сказал, что Пехарев притворяется. Только когда тот уже позеленел, ему был сделан укол. На смерть Пехарева з/к — 20 человек — ответили голодовкой, требуя устранения причин высокой смертности.

В 35 лагере умерли Строгонов[1] и Межалс.

И в Перми, и в Мордовии больница находится далеко от лагерей, специальный медицинский транспорт отсутствует, больных перевозят в воронке. Сильная тряска при перевозке причиняет больным невыносимые страдания, приводя порой к трагическому концу. Дорогу лагерь — больница заключенные пермских лагерей называют «дорогой смерти».

Несмотря на госпитализацию, многие больные не получают необходимого лечения, так как в больнице, как и в лагере, часто нет нужных лекарств (например, больной пиелонефритом Федоров не получал в больнице ничего кроме витамина С). Из-за плохой стерилизации инструментов В. Пидгородецкий после операции грыжи был выписан с гноящейся незаживающей раной, Светличный и Исмагилов заболели сывороточным гепатитом. Больные подвергаются наказаниям ШИЗО и ПКТ на общих основаниях.

14 марта 1977 г. в ожидании операции желудка скончался. А. Плейш[2]. Присутствовавшие в одной камере при его мучениях два туберкулезных больных Д. Демидив и А. Сергиенко отказались от дальнейшего пребывания в этой ужасной лечебной камере. Несмотря на то, что у них нашли активную форму туберкулеза, их привезли в лагерь и поместили в ШИЗО на 15 суток. На заявления Сверстюка в областную медицинскую инстанцию УВД о преступности содержания таких больных в карцере последовал ответ начальника ВС-389 Микова о том, что они наказаны обоснованно.

Черновол и Осипов в наказание за участие в «белградской» голодовке 4 октября были отправлены из больницы обратно в зону. В наказание за участие в «белградской» голодовке А. Сергиенко был лишен диетпитания и лечения фтивазидом.

---

[1] Так в тексте, правильно — Строганов — *Сост.*

[2] Так в тексте, здесь и в документе № 87 (док. 120), правильно — П.В. Плейшс — *Сост.*

Политзаключенные постоянно обращаются в различные официальные инстанции как с индивидуальными, так и с коллективными жалобами и протестами по поводу медицинского обслуживания в лагерях, голодовками протеста добиваясь лечения своих товарищей. С. Глузман, убедившись в том, что медицинское обслуживание входит в карательную систему МВД, отказался от звания врача. Одно из требований статуса политзаключенных — улучшение медицинского обслуживания.

Группа заявляет, что в лагерях и тюрьмах постоянно и преднамеренно нарушается ст. 1 ИТК: «Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Мы призываем добиваться инспекции тюрем и лагерей представителями Международного Красного Креста. Мы призываем сделать все возможное, чтобы остановить преднамеренное разрушение здоровья заключенных.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
28 октября 1978 г.[1]

102

Документ № 68

ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В ОБЛАСТИ ПЕРЕПИСКИ[2]

Группа считает необходимым обратить внимание общественности на совершенно бесправное положение заключенных в области переписки.

ИТК РСФСР позволяет заключенным, находящимся на строгом режиме, отправлять лишь два письма в месяц, на особом режиме — одно письмо, на усиленном — три и лишь на общем режиме — без ограничений. Однако даже этих суровых, на наш взгляд, ограничений оказывается недостаточно. В статье 22 ИТК говорится, что корреспонденция заключенного подвергается цензуре. Однако содержание заключенного регламентируется не только ИТК, но и многочисленными приказами МВД (большей частью секретными). Один из таких приказов — № 040/56 — вводит «Инструкцию по цензуре». Согласно этой инструкции, письма проглаживаются утюгом, обрабатываются химическими реактивами, просматриваются под марками. Параграф 29 этой инструкции (см. приложение 1[3]) определяет возможные причины конфискации исходящей и входящей корреспонденции (ИТК о возможности конфискации дипломатично умалчивает). Данная инструкция практически оставляет вопрос конфискации на усмотрение лагерной администрации (ведь любое письмо можно объявить, например, «подозрительным по содержанию»). Но даже такие широкие полномочия оказываются порой не достаточными для лагерной администрации. Известно, например, и такое «нововведение» — конфискация «тенденциозных» писем. (Так записано в акте конфискации письма Э. Саркисяна в марте 1978 г.) В некоторых, достаточно многочисленных, впрочем, случаях администрация и вовсе не затрудняет себя объяснением причин конфискации. Так, например, в 1977 году администрация мордовских лагерей прямо

[1] В «Хронике текущих событий» №51 документ датирован 30 октября 1978 г. — *Сост.*

[2] Название дано по «Хронике текущих событий» № 51. — *Сост.*

[3] Упоминаемые в документе приложения не публикуются. — *Сост.*

заявила участникам проходившей тогда «стодневной кампании за статус ПЗК», что все их заявления будут изыматься. В мае 1977 года из Владимирской тюрьмы не пропускали никаких жалоб, кроме направленных в Прокуратуру. Осенью 1977 г. не были отправлены в прокуратуру (!) УССР и СССР жалобы на отсутствие медицинской помощи от тяжело больного В. Барладяну.

«Причины» конфискации иногда бывают и совершенно абсурдными. Скажем, письмо З. Антонюка в 1976 году было конфисковано потому, что содержало выдержки из Геродота на украинском языке. (Вначале ему сказали, что письмо отправлено.) 1 ноября 1977 года Р. Руденко написала в своем заявлении, адресованном правительствам стран-участниц Белградского совещания, что письмо ее мужа к ней не было пропущено лишь потому, что было написано по-украински.

Практически во всех случаях недопустимо превышаются сроки цензуры (три дня) писем, написанных не по-русски. Делается это, как правило, под предлогом отсутствия переводчика. Так, письма А. Здорового из Владимирской тюрьмы шли к родным по два-три месяца. В марте 1978 года И. Грабанс указал в своем заявлении, направленном в адрес ПВС СССР, что его письма в Латвию идут по 50–60 суток.

Кроме перечисленных в инструкции, используется иногда и такой мотив, как «недозволенные вложения» — такими вложениями оказываются, например, чистые конверты (в перечень предметов, запрещенных к хранению, они не входят).

В случае конфискации письма, отправляемого заключенным, ему должны предъявить акт конфискации с указанием ее причин. Однако этого не всегда можно добиться. Если же конфискуется входящее письмо, то это вовсе не означает, что заключенный узнает хотя бы о том, что на его имя приходило письмо. Закон обязывает администрацию лишь отвечать на запросы корреспондентов заключенного о судьбе посланных ими писем. Не исключена даже такая возможность, что отправителю придет уведомление о вручении, а заключенному письмо вручено не будет. Такой случай в 1975 году стал одной из причин голодовки В.В. Петрова в Пермском лагере № 35. Петрову не вручили даже акта конфискации. Следует отметить, что на уведомлении о вручении расписывается не заключенный, а сотрудник администрации якобы «по доверенности».

Некоторые места в корреспонденции заключенных вырываются цензором. Разумеется, никакие законы или нормативные акты таких «вольностей» не предусматривают. Однажды Г. Суперфину удалось разобрать вымаранное место в письме матери. Это оказался номер почтового отделения, откуда она отправила предыдущее письмо.

И, наконец, еще одно мощное средство «почтовой блокады» — «пропажи по вине почты». Чаще всего «пропадают» письма, направленные за границу или приходящие оттуда. У нас нет никаких сомнений, что истинными цензорами, осуществляющими контроль за перепиской того или иного заключенного, причем отнюдь не руководствуясь при этом буквой закона, являются оперативные работники КГБ. К тому есть и прямые подтверждения. Так, например, 26 апреля 1978 года оперуполномоченный Скальнинского ОКГБ М.И. Чепкасов сообщил з/к Э. Саркисяну, что письма, адресованные им, а также заключенными С. Глузманом, С. Ковалевым и М. Казачковым за границу, впредь не будут «ими» пропускаться, каково бы ни было их содержание. Блокируется переписка А. Щаранского, находящегося во Владимирской тюрьме. Он получил за время нахождения в тюрьме 10 из 22 писем, посланных матерью, и лишь одно из 10 — от брата.

Правила легко обходятся, когда этого требуют «оперативные соображения». В начале ноября 1977 года 9 заключенных Мордовского лагеря особого режима получили из Днепропетровской тюрьмы письма от С. Шинкевича, переведенного туда из этого лагеря. Письма содержали оскорбления политзаключенных и призывы к уголовникам сплотиться и расправиться с политическими. Вскоре Шинкевич по пересмотру дела

был признан невиновным в совершении особо опасного государственного преступления. Уместно будет процитировать по этому поводу ст. 30 ИТК РСФСР: «Переписка между содержащимися в местах лишения свободы осужденными, не являющимися родственниками, запрещается».

Нам известны многие примеры протестов заключенных против незаконной «почтовой блокады».

В августе 1977 года по этой причине голодали И. Стасив-Калинец, Н. Садунайте, П. Айрикян; в мае 1978 года держал голодовку С. Глузман.

В 1978 году вынуждены были отказаться от права переписки З. Антонюк, Н. Бондарь, С. Караванский, С. Ковалев, К. Мятик.

Елена Боннэр, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Софья Каллистратова
30 октября 1978 года

103

Документ № 69

30 ЛЕТ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОБРАЩЕНИЕ

Всеобщая декларация прав человека, принятая Объединенными Нациями 30 лет назад, стала важнейшим этапом в формировании гуманитарных принципов современного общества. Незадолго до ее принятия окончилась вторая мировая война и был уничтожен гитлеровский нацизм, совершивший величайшие преступления против человечества. Смерть Сталина положила конец его не менее преступной диктатуре.

Но и сейчас во многих странах мира, в том числе в СССР, провозглашаемые Декларацией принципы еще далеки от своего осуществления.

В СССР нарушаются многие важные статьи Всеобщей декларации прав человека:

ст. 19 — свобода убеждений и свобода получать и распространять информацию;

ст. 13 — право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны;

ст. 18 — свобода религии;

ст.ст. 10, 11 — гласность и справедливость суда;

ст. 5 — запрещение жестоких и унижающих достоинство человека наказаний;

ст. 20 — свобода ассоциаций;

ст.ст. 23, 26 — в противоречие с духом этих статей не обеспечено отсутствие национальной и идеологической дискриминации в труде и образовании. Не обеспечена свобода профсоюзов;

ст. 15 — право на сохранение гражданства и его изменение;

ст. 12 — тайна корреспонденции и неприкосновенность жилища.

В разной степени нарушаются и некоторые другие статьи.

Серьезным нарушением является то, что, вопреки призыву Генеральной Ассамблеи ООН «сделать все возможное для распространения, оглашения и разъяснения Всеобщей декларации прав человека, особенно в школах и других учебных заведениях», в СССР текст декларации не известен широким слоям населения.

В 60–70-х годах в СССР сформировалось движение за права человека, опирающееся на принципы Всеобщей декларации прав человека. Письма и заявления в за-

щиту отдельных людей, статьи, литературные произведения и исторические труды, письма и дневники из лагерей и тюрем, подробные записи судебных процессов, деятельность Инициативной группы защиты прав человека в СССР, Комитета прав человека, регулярное издание «Хроники текущих событий», документы групп «Хельсинки», Комитета прав верующих, Рабочей комиссии по психиатрии[1] и др. — все это раскрыло перед советской и мировой общественностью множество фактов нарушения основных прав и явилось важным вкладом в формирование общемировой идеологии защиты прав человека, способной объединить на гуманистической основе многих людей на земном шаре, вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, социального положения и гражданства.

Мы убеждены, что ответственность за соблюдение прав человека лежит не только на государстве, но и на гражданах.

Выражая свою приверженность Декларации прав человека, стремясь к гуманизации общества и защите прав человека так, как они сформулированы в Пактах о правах и Хельсинкском акте, мы считаем необходимым:

Освободить всех узников совести;

Отменить ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК союзных республик), дающие возможность преследования за убеждения, за обмен информацией и идеями;

Отменить часть ст. 64 УК РСФСР (и соответствующих статей УК союзных республик), дающую возможность преследовать за попытки осуществления права выбора страны проживания, за убеждения, за обмен информацией;

Отменить все препятствия в осуществлении права на свободный выбор страны проживания (права покидать свою страну и возвращаться в нее) и выбора места проживания внутри страны;

Прекратить преследования верующих всех церквей, обеспечить подлинное отделение церкви от государства;

Кардинально изменить режим в тюрьмах и спецпсихбольницах, гуманизировав исправительно-трудовое законодательство;

Ликвидировать принудительный труд в местах заключения, в ссылке и при условно-досрочном освобождении; отменить ст. 209 УК РСФСР[2] (и соответствующие статьи УК союзных республик);

Прекратить психиатрические репрессии по политическим мотивам;

Прекратить дискриминацию в образовании и труде по национальности, убеждениям, вероисповеданию, после отбытия наказания по суду и в связи с преследованиями родственников;

Обеспечить гарантии свободы профсоюзов и других ассоциаций;

Прекратить нарушения внутреннего и международного обмена информацией — нарушения почтовой, телефонной, телеграфной связи;

Отменить все решения о лишении гражданства по политическим мотивам.

Настоящим документом мы обращаемся к правительствам СССР и 34 стран, совместно подписавших Хельсинкский акт, а также ко всем Объединенным Нациям, 30 лет назад провозгласившим Всеобщую декларацию прав человека «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства».

Обращение открыто для подписей в течение года в нашей стране и вне ее для всех, кто вместе с нами стремится к реальному воплощению в жизнь Всеобщей деклара-

---

[1] Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. — *Сост.*

[2] См. документ № 47 (док. 81). — *Сост.*

ции прав человека, полагая, что это гарантирует не только личную свободу и жизнь, но и мирное существование на Земле.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяемся:
Татьяна Великанова, Андрей Сахаров, Раиса Лерт, Александр Лавут, Леонард Терновский, Евгений Николаев, Мария Петренко-Подъяпольская, Вера Ливчак, Ирина Каплун, Георгий Владимов, Лев Копелев, Лидия Чуковская, Владимир Корнилов, Нина Строкатова (Караванская)

Сбор подписей продолжается[1].
8 декабря 1978 года

104

Документ № 70[2]

[О ФАКТАХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ]

В связи с 30-летием провозглашения Всеобщей декларации прав человека ООН Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР с тревогой отмечает, что этот юбилейный год в СССР проходит в атмосфере усиливающихся и расширяющихся репрессий против правозащитников и инакомыслящих.

Всему миру уже известны позорные судебные процессы Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Пяткуса, Подрабинека, Гаяускаса, Коставы, Лукьяненко, прошедшие в этом году.

Обыски, аресты, суды идут в Москве, Ленинграде и других городах. Не имея возможности [сообщить] полную информацию, считаем необходимым отметить лишь те конкретные случаи, о которых некоторые (часто не полные) сведения находятся в нашем распоряжении.

1. В Ленинграде в октябре 1978 г. начались обыски, допросы, аресты среди группы молодежи, именующей себя «левой оппозицией». Впервые эта группа проявила себя еще весной 1976 г., когда в связи с распространением листовок в день открытия XXV съезда КПСС был арестован студент 2 курса ЛГУ 17-летний Резников Андрей, которому было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР (через несколько месяцев дело было прекращено и Резников был освобожден). Другие члены группы были исключены из институтов.

В 1978 г. группа устраивала литературные встречи, обсуждение плакатов и картин, наладила выпуск своего самиздатовского журнала «Перспектива»[LXXXI] (вышло 2 номера).

На 14–15 октября группа наметила проведение конференции с участием оппозиционно настроенной молодежи Ленинграда, Москвы, Горького, Тарту, Таллина и других городов.

Однако 12 октября работниками КГБ были произведены обыски у активистов группы: Цуркова Аркадия (20 лет, студент 2 курса педагогического института им. Герцена), Резникова Андрея (20 лет) и его жены Федоровой Ирины (18 лет).

---

[1] К 25 января 1979 г. документ поддержали более 300 человек. — *Сост.*

[2] См. приложение — документ № 78 (док. 111). — *Сост.*

В последующие дни обыски были проведены и у всех других членов группы. При обысках изъяты самиздатовская литература и др. материалы.

Всех членов группы вызывали на допросы в качестве «свидетелей».

При этом следователи КГБ Кузнецов, Кармацкий, Цыганков, Лепетунин, Блинов отказывались сообщить свидетелям, по какому именно делу их допрашивают.

14 октября на вокзалах сотрудниками КГБ были задержаны для допросов приехавшие на конференцию москвич Андрей Бесов (30 лет) и горьковчанин Виктор Павленков (18 лет). После допроса А. Бесов был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу в Ленинграде, а затем переведен в 7-ю психиатрическую больницу г. Москвы. В. Павленков же был арестован за якобы совершенное им мелкое хулиганство.

2. После двух обысков 1 ноября 1978 г. в Москве органами КГБ был арестован Марк Морозов[1]. Стало известно, что ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР. 6 декабря в его квартире был произведен третий обыск. По словам некоторых из допрошенных по делу Морозова свидетелей, ему, в частности, вменяется распространение листовок в защиту Ю.Ф. Орлова, А. Гинзбурга, А. Щаранского.

3. 1 июля 1978 г. в г. Гомеле (Белорусская ССР) в обстановке безгласности и без участия защиты осужден к 3-м годам лишения свободы в лагерях строгого режима рабочий-монтажник г. Светлогорска 40-летний Бузинников Евгений Иванович[2]. Бузинников в настоящее время находится в лагере по адресу: 623960, Свердловская область, ст. Азанка, п/я И-299/2-1-4.

Его судили за «распространение ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй СССР» (ст. 186.1 УК БССР, аналогичная ст. 190.1 УК РСФСР).

По имеющимся у нас сведениям, Бузинникову вменено:

а) слушание зарубежных радиопередач (при обыске был изъят радиоприемник и записи программ радиовещания);

б) намерение распространить рукопись М. Руденко «Экономические монологи» (при обыске была изъята тетрадь с переписанным рукой Бузинникова предисловием П. Григоренко к этой рукописи);

в) написание частных писем А. Д. Сахарову и В. А. Некипелову, т.е. действия, заведомо не преступные.

Нельзя не отметить, что при обыске у Бузинникова был изъят и приобщен к делу переписанный его рукой текст Всеобщей декларации прав человека ООН.

4. 30 августа 1978 г. Калининградским областным судом осужден рабочий (шофер, радиомеханик) города Советска Коновалихин Вадим Иванович (35-ти лет) по ст. 190.1 УК РСФСР к ссылке. (Адрес Коновалихина: 169060, Коми АССР, Усть-Вымский р-н, г. Микунь, до востребования.)

До суда Коновалихин дважды арестовывался (с 28 марта по 29 марта, с 25 мая по 20 июля).

По приговору Коновалихина признали виновным в том, что он, «находясь под влиянием прослушиваемых антисоветских зарубежных передач, систематически в 1977–78 годах изготовлял и умышленно распространял в письменной и печатной форме на специально приобретенной им пишущей машинке марки «Москва» клеветнические заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, направляя их в партийные, советские административные органы и в профсоюзные организации СССР, а также в международные организации, официальным и частным лицам иностранных государств».

Коновалихин в суде не признавал себя виновным и заявил, что согласно Декларации прав человека, Международным пактам о правах человека. Хельсинкскому со-

[1] О нем см. в документе № 76 (док. 109). — *Сост.*

[2] О нем см. в документе № 76 (док. 109). — *Сост.*

глашению и Конституции СССР он имеет право на основные права и свободы человека, включая свободу слова, совести, мнений, убеждения, передвижения и т.д.

Никаких доказательств того, что сведения, излагавшиеся в письмах и заявлениях Коновалихина, являются заведомо ложными, клеветническими, в приговоре не приведено.

5. 2 августа 1978 г. в том же городе Советске арестован Костерин Ромэн — художник. Костерин неоднократно разоблачал злоупотребления служебным положением местных властей, в том числе и первого секретаря горкома партии Петушкова.

Обвинение ему предъявлено по ст. 190.1 УК РСФСР.

Как нам стало известно, поводом ареста Костерина послужили его протесты против ареста Коновалихина.

По имеющимся у нас сведениям, суд над Костериным уже состоялся, но информации о приговоре мы еще не имеем.

Угроза преследования нависла и над женой Костерина Инессой Костериной, учительницей средней школы, которая уже подвергалась увольнению в 1974 г., когда ее муж пытался оформить разрешение на выезд в США по вызову родственников.[1]

6. 10 августа 1978 г. Ставропольским краевым судом осужден по ст. 190.1 УК РСФСР техник Шаталов Николай Петрович (49-ти лет), арестованный 10 августа 1977 и освобожденный до суда 16 марта 1978 г.

Суд назначил Шаталову наказание — 1 год и 6 месяцев лишения свободы в лагере строгого режима. В зале суда Шаталов взят под стражу.

Согласно приговору, Шаталов, решив отказаться от гражданства СССР и добиваясь выезда в США, в разговорах с председателем сельсовета Леденовым, с участковым инспектором Ковалевым высказывал заведомо ложные измышления о том, что трудящиеся в СССР притесняются и не имеют никаких прав и свобод. Приговор расценил как распространение заведомо ложных измышлений письма Шаталова в Верховный Суд РСФСР и Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с жалобами на произвол и бесправие, на притеснения по отношению к себе и своей семье.

В приговоре записано, что Шаталов виновным себя не признал и пояснил суду, что действительно писал и отправил ряд писем в различные государственные органы, но в этих письмах он описал действительное положение дел.

И далее: «Уличается подсудимый и собственными показаниями суду о том, что действительно он написал и отправил по почте несколько писем в разные государственные органы и в этих письмах он писал только правду».

7. 28 сентября в г. Ессентуки органами КГБ арестована верующая, член Всесоюзной Церкви верных и свободных Адвентистов Седьмого Дня Запорожец Валентина (51 год).

По полученным нами сведениям, Запорожец обвиняется по ст. 190.1 УК РСФСР.

Известно, что до ареста — 13 августа 1978г. — в доме Запорожец в отсутствие ее и кого-либо из членов ее семьи был произведен обыск со взломом дверей.

При обыске изъята религиозная литература, наличные деньги, сберегательные книжки, магнитофон, ленты с магнитофонными записями, пишущая машинка и личные документы. Преследованиям подвергаются и дети Запорожец.

13 сентября был арестован якобы за мелкое хулиганство ее верующий сын Геннадий (25 лет), который находился под стражей 18 дней.

Дочери Запорожец Лилии (33 года) постоянно угрожают отобранием 3-х маленьких детей.

Младшую дочь Запорожец Ирину (19 лет) неоднократно вызывали для допросов, приезжая за ней на автомобиле в разное время суток.

---

[1] Адрес Костериных: 238700 г. Советск, Калининградская область, ул. Гагарина, 23 кв. 4, Костерина Инесса Прокофьевна; дочь Яна, ученица 6-го класса.

8. 19 октября 1978 г. в г. Бобруйске (Белорусская ССР) органами КГБ арестован рабочий-грузчик Кукобака Михаил (41 год).

До ареста 30 и 31 августа 1978 г. были произведены обыски в домах у знакомых Кукобаки рабочих, где была изъята самиздатовская литература, статьи самого Кукобаки и др. Кроме того, изъяты тексты Всеобщей декларации прав человека, Ведомости Верховного Совета СССР, где напечатан текст Заключительного акта Хельсинкского соглашения.

С 1 сентября 1978 г. Кукобака подвергался открытой непрерывной слежке.

Напомним, что ранее, в 1970 году, Кукобака был арестован по ст. 70 УК РСФСР, около года находился в предварительном заключении, а затем был признан невменяемым и около 3-х лет содержался по определению суда в Сычевской спецпсихбольнице.

Московская группа «Хельсинки», сообщая об известных нам случаях продолжающихся преследований по политическим мотивам, протестует против нарушений Всеобщей декларации прав человека ООН, 30-летие провозглашения которой мы в эти дни отмечаем.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
8 декабря 1978 г.

105

Документ № 71

[К ЗАЯВЛЕНИЯМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, ДОБИВАЮЩИХСЯ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫЕЗД ИЗ СССР]

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР предает гласности поступившие в Группу заявления — индивидуальные и коллективные — советских граждан, добивающихся, некоторые уже много лет, разрешения на выезд из СССР[1]. Часть этих заявлений — копии адресованных в официальные инстанции, куда эти люди безуспешно обращались.

За намерение эмигрировать авторы заявлений подвергались различным репрессиям: увольнению с работы, помещению в психиатрические больницы и даже уголовному преследованию.

Группа призывает правительства и общественность стран, подписавших Хельсинкское соглашение, обратить самое серьезное внимание на продолжающиеся нарушения советским правительством права каждого человека «покидать любую страну, включая свою собственную».

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
8 декабря 1978 г.

---

[1] Приложенные к документу заявления П. Боровика, В. Баумана, Л. Валендо, Л. Дроздовой, В. Горелкина, В. Давыдова, Т. Дымко, А. Зейбель, А. Зинченко, В. Коновалихина, М. Котович, Т. Лось, А. Магидовича [о нем см. документ № 187 (док. 220)], А. Миллера, Е. Неймотина, Е. Николаева, Э. Ряммельд, Н. Руднева, Л. Сергеева, Л. Счастливой, Г. Токаюка, Л. Хубелашвили, Шаталовых, А. Шмиловича; группы бывших политзаключенных; группы желающих выехать в ФРГ; группы пятидесятников и баптистов не публикуются (см. Архив НИПЦ «Мемориал», ф.141). — *Сост.*

106

Документ № 72

30-ЛЕТИЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В дни 30-летия Декларации прав человека власти в СССР провели кампанию поддержки этого важного документа. В Москве состоялось официальное «собрание общественности». В центральных газетах «Правда» и «Известия» появились статьи, в которых «мнимым» правам на Западе противопоставлялись «реальные» права в нашей стране, обеспеченные политикой КПСС.

10 декабря по сложившейся традиции на Пушкинской площади Москвы собираются те, кто желает выразить свою солидарность с основными принципами Декларации прав человека и почтить память жертв жестоких нарушений этих прав. Люди собираются в 7 часов вечера без лозунгов и транспарантов, не произнося никаких речей, лишь 5 минут молча стоят они, обнажив головы.

Власти мобилизовали огромные силы для того, чтобы не допустить этой мирной молчаливой демонстрации. Девизом воскресной операции милиции и КГБ можно считать: «Из двух зол выбирай меньшее» (слова, сказанные Т. Великановой задержавшим ее сотрудникам КГБ). Большее зло — мирная демонстрация на площади Пушкина. Меньшее — грубое нарушение властями советских и международных законов и попрание основных принципов Декларации прав человека.

Задача, стоявшая перед административными органами, состояла в том, чтобы не допустить демонстрацию любыми способами. Поэтому люди, особо подозреваемые в намерении пойти на Пушкинскую площадь, задерживались, как только выходили из своего дома, сотрудниками милиции и КГБ и без всяких объяснений помещались в опорные пункты милиции, комнаты домоуправления и т.п. Там их держали до 9 часов вечера и потом отпускали домой. Г. Владимову, вышедшему утром из дома, было сказано, что если он попытается подойти к своей машине, автобусной остановке либо станции метро, то будет немедленно задержан. Т. Великанова, вышедшая вечером из дома, была задержана сотрудниками КГБ и доставлена в опорный пункт, где провела более 3-х часов под присмотром майора Кряжина[1]. При выходе из дома были задержаны В. Бахмин и А. Хромова. Задержавшие язвительно заметили, что надо было быть осторожнее и из дома не выходить. Несколько часов провели под охраной КГБ «не вовремя» вышедшие из своих домов П. Егидес, Т. Самсонова, Ю. Гастев, П. и С. Старчики, В. Елистратов. Некоторых постигла еще более печальная участь: П. Подрабинек, приехавший по делам в Москву, был насильно доставлен в г. Электросталь, а М. Кремень при задержании был избит.

Посты милиции и КГБ в большом количестве были расставлены в центре Москвы. На площади Маяковского были задержаны Ю. Гримм и А. Лифшиц, у метро Краснопресненская — Л. Агапова и В. Баранов.

Прямо на подходе к Пушкинской площади были задержаны: В. Кувакин, В. Самойлов, О. Свободин, Л. Терновский, И. Гривнина[2]; в подземном переходе — Ю. Денисов.

Однако, несмотря на столь мощные превентивные меры, на Пушкинской площади собралось несколько десятков человек. Передняя часть площади была предусмотрительно обнесена забором, и в воскресный вечер велись ремонтные работы. Пришедшие собрались на свободном пространстве и в 7 часов вечера, сняв шапки, стояли молча в течение 5 минут — в этом и состояла демонстрация.

---

[1] Встречаются написания: «Княжин», «Кряжев». — *Сост.*

[2] О ней см. документ № 175 (док. 209). — *Сост.*

На демонстрантов набросились наводнявшие площадь милиционеры и чекисты. В основном, это были люди в штатском, не предъявлявшие никаких документов. Во время демонстрации были схвачены В. Некипелов, Ф. Серебров, В. Сорокин и еще несколько человек. Сереброву разбили в кровь лицо.

Присутствовавшие попробовали вступиться за задержанных, но сами были схвачены и отправлены в 108 отделение милиции или опорный пункт на улице Чкалова. Многих задержали сразу же после окончания демонстрации, когда они уже направлялись домой. Некоторые отправились в милицию сами, чтобы выяснить судьбу задержанных, — их ждала та же участь.

Вот неполный перечень задержанных на Пушкинской площади: Ф. Серебров, В. Сорокин, С. Сорокина, В. Некипелов, Матти Вильяк, Н. Комарова, Ю. Россомахин, Т. Осипова, А. Лавут, С. Ходорович, А. Найденович, А. Арманд[1], Д. Леонтьев, А. Романова, Е. Николаев, Е. Алексеева, Н. Аптекарь, Л. Аптекарь, А. Липская, Б. Чернобыльский, И. Федорова, А. Резников, Я. Шмаевич, С. Ермолаев, М. Подъяпольская, И. Ковалев, О. Курганская.

В отделении милиции задержанные столкнулись с грубым обращением, в большинстве случаев работники милиции отказывались предъявлять документы, поэтому нам известны лишь некоторые участники этой операции: начальники 108 и 129 отделений милиции, начальник районного управления полковник Зубков, майоры КГБ Кряжин и Нестеренко.

В этот день аналогичные превентивные меры были приняты в отношении некоторых киевлян. В четыре часа дня были задержаны более чем на 5 часов Г. Токаюк, О. Матусевич, Л. Хейна, Я. Бородовский, П. Стокотельный, В. Малинкович, М. Горбаль, В. Дубровец.

Киевские милиционеры и чекисты решили придать своим налетам псевдозаконные формы. Большинству задержанных были предъявлены формальные обвинения: О. Матусевич — в контрабанде наркотиков, Л. Хейне — в нарушении правил прописки, В. Дубровцу — в спекуляции книгами, В. Малинковичу — в незаконной врачебной деятельности.

Огромное число сотрудников милиции и КГБ, непосредственное участие в операции крупных милицейских чинов, широкий географический охват (Москва, Подмосковье, Киев) не оставляют никаких сомнений в том, что происшедшее нельзя отнести к произволу местных властей. Достаточно очевидно, что данная операция была санкционирована на высоком уровне, возможно, на том самом уровне, где было дано указание провести собрания и напечатать статьи в честь 30-летия Декларации прав человека, на том самом уровне, где была ратифицирована сама Декларация[2].

Власти пошли на явное нарушение законов своего же государства, что очередной раз подрывает веру в эти законы. Безусловно, описанные действия властей оказали самое развращающее влияние на сотрудников милиции, призванных охранять закон и порядок и бывших в данном случае инициаторами их нарушений.

Советские власти пошли на явное нарушение международных соглашений, в частности Декларации прав человека, а именно таких ее статей, как ст. 3, провозглашающая личную неприкосновенность, ст. 9, запрещающая произвольный арест или задержание, ст. 11, исключающая необоснованные превентивные действия, ст. 20, провозглашающая право на свободу мирных собраний, ст. 30, запрещающая какому-либо государству

[1] Так в тексте, правильно — Е.Д. Арманд — *Сост*

[2] См. прим. II.

или группе лиц заниматься какой-либо деятельностью либо совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в Декларации.

Нарушения указанных статей уже не раз имели место в нашем государстве. Настораживает тот факт, что масштабы этих нарушений не уменьшаются. Важно, что в данном случае демонстранты, казалось бы, не имели противоречий с властями по принципиальным вопросам — и те, и другие одобряли Декларацию прав человека. Происшедшие события указывают на то, что противоречия существуют и что советские руководители до сих пор не хотят признать такие понятия, как права и свободы каждого отдельного человека.

* * *

К данному документу прилагаются[1] статьи из газет «Правда» и «Известия», отражающие официальную кампанию советских властей, и письменные свидетельства непосредственных участников событий 10 декабря.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
13 января 1979 г.[2]

107

Документ № 74[3]

[О ЗАЯВЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ]

Как мы узнали из радиопередачи «Голос Америки», 23 января 1979 г. представитель госдепартамента по делам печати Хагер[4] Картер мотивировал решение о направлении в Москву в феврале с.г. американской делегации ученых во главе с советником президента Картера по науке доктором Прессом для обсуждения вопросов о контактах в области науки и техники.

При этом Хагер Картер заявил представителям печати, что решение о направлении делегации (визит которой был отложен летом 1978 г.) вызвано тем, что положение с правами человека в СССР существенно улучшилось: увеличилось количество евреев, получивших разрешение на эмиграцию; «затихли» судебные репрессии в отношении инакомыслящих.

Хагеру Картеру, по-видимому, неведомо, что сотни евреев-отказников продолжают безуспешно добиваться разрешения на выезд; продолжают отбывать наказание десятки людей, «виновных» лишь в том, что они настойчиво добивались права на эмиграцию (Ида Нудель, супруги Слепак, Бегун, Нашпиц, Цитленок и др.), не говоря уже о том, что право свободно покидать свою страну и возвращаться в нее предусмотрено не только для евреев. Хагер Картер «забыл», что все необоснованно осужденные в 1978 г. правозащитники (как и сотни ранее осужденных) отбывают жестокие нака-

[1] Приложения не публикуются, их тексты воспроизведены в АС №4102. — *Сост.*
[2] В «Хронике текущих событий» №52 и АС №4102 датирован 14 января 1979 г. — *Сост.*
[3] Документ №73 не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. — *Сост.*
[4] Правильно — Ходдинг Картер. — *Сост.*

зания и ни один из узников совести не освобожден, а условия содержания в лагерях значительно ухудшились.

Хагер Картер, очевидно, не знает, что во второй половине 1978 г. арестованы, осуждены или ожидают суда десятки инакомыслящих во многих городах СССР. Отнюдь не свидетельствует об «улучшении» положения с правами человека и разгон мирной демонстрации 10 декабря 1978 г. в Москве.

Но вот новые факты, свидетельствующие о том, насколько «утихли» репрессии: 25 января в Москве и Подмосковье одновременно произведено шесть обысков у членов редколлегии самиздатского журнала «Поиски»[LXXXII] и у лиц, общающихся с членами редколлегии. При обысках изъяты не только машинописные экземпляры журнала «Поиски», но и различные документы и материалы, включая личные литературные и научные архивы обыскиваемых. Изъяты также и личные пишущие машинки и книги зарубежных издательств.

Обыски произведены: у Раисы Лерт, Виктора Сокирко, Юрия Гримма, Валерия Абрамкина[1], Виктора Сорокина, Глеба Павловского.

Член редколлегии Петр Егидес был подвергнут личному обыску в квартире Юрия Гримма — без ордера и санкции прокурора на обыск.

Из портфеля и карманов Егидеса насильственно изъяты черновые рукописи его статей и личная записная книжка. При обыске у Лерт изъяты архив и личные документы (в том числе пенсионная книжка), принадлежащие Мальве Ланда.

Гримм, Сокирко и Абрамкин после окончания обыска в их квартирах были увезены в прокуратуру г. Москвы, где их подвергли допросам.

Судя по характеру задаваемых им вопросов, можно полагать, что власти затевают новое «дело»: о журнале «Поиски».

Это открытое издание, созданное группой лиц, является дискуссионным литературно-публицистическим и теоретическим журналом (всего вышло 4 номера, а готовый 5-й полностью конфискован).

Особо надо отметить цинизм и жестокость, сопровождавшие обыск у члена редколлегии Лерт.

Раиса Борисовна Лерт — член Союза журналистов, профессиональный литератор (журналист, редактор, автор многочисленных статей), сейчас ей 72 года. Несмотря на серьезные хронические заболевания, она продолжает литературную работу, активно участвует в правозащитном движении.

К моменту обыска Раиса Борисовна была тяжело больна (двусторонняя пневмония) и находилась в постели. Это не остановило следователя прокуратуры и участвовавших в обыске, но не назвавших себя и не упомянутых в протоколе обыска двух лиц «в штатском». 5 часов продолжался обыск, не прервавшийся и во время визита медсестры, сделавшей Раисе Борисовне инъекцию антибиотиков. (Медсестре лица «в штатском» сообщили, что идет обыск, и спросили ее о том, кто направил ее к Лерт и в каком лечебном учреждении она работает.)

После визита медсестры обыскивающие, уже заведомо зная, что Лерт тяжело больна, вынудили ее *подняться с постели* для того, чтобы подвергнуть осмотру постельные принадлежности.

Раиса Лерт, Петр Егидес, Виктор Сокирко, Юрий Гримм, Валерий Абрамкин, Глеб Павловский, Виктор Сорокин не преступники, они открыто и свободно высказывали свои мысли и мнения по социальным, идеологическим, экономическим вопросам, по вопросам культуры и т.д. Тем не менее над ними нависла грозная опасность «уголовной» расправы. Они нуждаются в общественной защите.

---

[1] О нем см. документы №№ 86, 145 (док. 119, 178) и в документе № 114 (док. 148). — *Сост.*

Явно конъюнктурное и не отражающее действительности заявление представителя госдепартамента по делам печати Х. Картера может лишь ввести в заблуждение общественное мнение и ослабить борьбу за права человека.

Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
25 января 1979 г.

108

Документ № 75

О СПЕЦСУДАХ

Законы могут быть хорошими и плохими, можно и нужно критиковать законы, добиваясь их улучшения.

Но непреложно одно: каждое государство, претендующее на статут правового государства, требуя от граждан исполнения действующих законов, должно само выполнять свои собственные законы.

К числу грубых нарушений гражданских прав человека в нашей стране относится деятельность целой системы судов, существование которых находится в противоречии с существующей Конституцией СССР и законодательством о судоустройстве СССР.

В ст. 102 Конституции СССР 1936 года было установлено, что правосудие осуществляется не только общими судами, но и «специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР».

За все время действия старой Конституции не было опубликовано ни одного закона (или постановления) о порядке создания и деятельности этих спецсудов.

Однако они существовали и действовали в нарушение принципа равенства граждан перед законом и судом.

В ст. 151 новой Конституции, принятой 7 октября 1977 года, приводится исчерпывающий перечень судебных учреждений СССР, из которого специальные суды исключены: существование спецсудов несовместимо ни с Основами законодательства о судоустройстве СССР (1958 г.), ни с Положением о Верховном Суде СССР (1957 г.), ни с действующими республиканскими процессуальными кодексами.

И тем не менее спецсуды, имеющие не названия, а только номера (например, в Москве спецсуд № 12 по адресу Даниловский вал 13-а), действуют, рассматривают большое количество дел и выносят приговоры и решения не только по уголовным делам, но и по гражданским, в том числе по трудовым, жилищным, семейным и т.д.

Как уже указано выше, никакого опубликованного законодательства об этих судах нет. «Правосудие», творимое в этих судах, строго засекречено.

Кто, когда, где и в каком порядке избирает или назначает спецсудей? («Все суды в СССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей» — ст. 152 Конституции СССР.) В действующем положении о выборах народных судей ответа на эти вопросы нет, так как спецсуды в этом положении не упоминаются. Рассмотрим известные нам «особенности» рассмотрения дел в спецсудах в сравнении с действующими процессуальными нормами РСФСР.

1. УПК и ГПК определяют территориальную подсудность народным судам.

Районному (городскому) народному суду подсудны все дела, кроме дел, подсудных вышестоящим судам и военным трибуналам. (Ст. 35 УПК РСФСР.)

Дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе деятельности которого совершено преступление... (Выдержка из ст. 41 УПК.)

Гражданские дела, подведомственные судебным органам, рассматриваются районными (городскими) народными судами. (Ст. 113 ГПК РСФСР.)

Иск предъявляется в суде по месту жительства ответчика. Иск к юридическому лицу предъявляется по месту нахождения органа или имущества юридического лица. (Ст. 117 ГПК РСФСР.)

Существует секретный список предприятий, учреждений и даже отдельных населенных пунктов, по которому из общей подсудности изъяты все уголовные и гражданские дела лиц, работающих в этих учреждениях и предприятиях и проживающих в этих населенных пунктах. Если в этот список попадают такие ведущие институты Академии наук СССР, как Институт химической физики и Физический институт им. Лебедева, то можно предполагать, что в него может попасть любое советское учреждение и предприятие. Дела эти рассматриваются только в спецсудах.

Можно сослаться на следующий пример. Научный сотрудник Института химической физики АН СССР Ярым-Агаев был переведен из одной лаборатории в другую. Считая свой перевод неправильным, Ярым-Агаев в соответствии со ст.ст. 113 и 117 ГПК РСФСР и ст. 201 КЗОТ РСФСР обратился с иском о восстановлении в должности в районный суд Октябрьского р-на г. Москвы.

Однако его дело не было принято к рассмотрению народного суда и было направлено в спецсуд № 12. Жалоба на незаконный отказ в приеме искового заявления, направленная в Мосгорсуд, до настоящего времени не рассмотрена и оставлена без удовлетворения, в нарушение ст. 214 ГПК.

Это один достоверно нам известный случай нарушения равенства граждан перед судом и законом.

2. Ст. 18 УПК РСФСР и ст. 9 ГПК РСФСР провозглашают гласность судебного разбирательства, устанавливая исключительные случаи закрытого рассмотрения дел (охрана государственной тайны, предотвращение разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц). Но и в этих случаях приговоры и решения судов должны оглашаться публично. В спецсудах все дела рассматриваются в закрытых судебных заседаниях, включая оглашение приговоров и решений.

Так нарушаются не только процессуальные нормы, но основополагающий конституционный принцип гласности правосудия (ст. 157 Конституции СССР).

3. Ст. 47 УПК РСФСР и ст. 44 ГПК РСФСР устанавливают, что защитниками (по уголовным делам) и представителями интересов истцов и ответчиков (по гражданским делам) могут быть адвокаты и другие перечисленные в законе лица. (В том числе *любое* лицо, допущенное судом.)

В спецсуды адвокаты и «иные лица» в качестве защитников и представителей интересов не допускаются.

Существуют при спецсудах и «спецадвокаты», не входящие в Коллегию адвокатов и, по имеющимся у нас сведениям, получающие зарплату из средств госбюджета (т.е. государственные чиновники), которые только и могут быть «защитниками» и «представителями» интересов истца или ответчика в спецсуде.

Так нарушается основополагающий конституционный принцип права на защиту (ст. 158 Конституции СССР).

4. Ст.ст. 30 и 213 ГПК РСФСР устанавливают право сторон в гражданском деле получать копии решений суда.

В спецсудах копии решений не выдаются, а стороне (истцу, ответчику) предоставляется лишь возможность ознакомиться с решением в помещении спецсуда.

Мы не располагаем сведениями о том, вручаются ли осужденным по уголовным делам копии приговоров в соответствии со ст. 320 УПК РСФСР.

* * *

Строгая секретность всех данных о деятельности спецсудов лишает нас возможности собрать более полную информацию. Но и приведенных данных достаточно для того, чтобы протестовать против существования и деятельности спецсудов, выражающих существование в нашей стране примата секретности, нарушающих права значительного числа лиц на равенство граждан перед законом.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
20 января 1979 г.[1]

109

Документ № 76

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ПЫТАЮЩИХСЯ СОЗДАТЬ НЕЗАВИСИМЫЕ АССОЦИАЦИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ. ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ[2]

Лица, пытающиеся создать независимые ассоциации с целью защиты трудовых прав, а также отдельные рабочие, отстаивающие свои права или пытающиеся реализовать их явочным порядком,— подвергаются преследованиям, нередко привлекаются к уголовной ответственности и осуждаются на длительные сроки лишения свободы, часто их помещают в психиатрические больницы, иногда — в больницы-тюрьмы: спецпсихбольницы.

Так, Владимир Клебанов, заявивший в ноябре-декабре 1977 г. об образовании независимого Свободного профсоюза, вскоре после этого был арестован и помещен в психиатрическую больницу. Уже около года он находится в спецпсихбольнице в г. Днепропетровске. Наказаниям и угрозам были подвергнуты и другие лица, заявившие о своей причастности к этой группе (Е. Николаев, Гавриил Яньков и др.).

В ноябре 1978 г.[3] группа представителей заявила западным корреспондентам об образовании Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся — СМОТ[LXXXIII], целью которого является защита трудовых прав и взаимопомощь. Были названы 10 членов Совета представителей СМОТ (кроме того, был назван незадолго до этого арестованный Владимир Сквирский). Представители — члены-основатели СМОТ В. Новодворская, Л. Волохонский, А. Иванченко, Е. Николаев, Н. Никитин[4] и др. — начали подвергаться угрозам и репрессиям, которые осуществлялись непосредственно КГБ или действующими по указанию КГБ сотрудниками МВД, медицинскими работниками, администрацией гражданских учреждений.

Приводим некоторые подробности.

---

[1] Датировано по «Хронике текущих событий» №52, в АС №3521 документ датирован 25 января, по аналогии с предыдущим и последующим документами. — *Сост.*

[2] См. об этом также документ № 94 (док. 127). — *Сост.*

[3] Точнее, 28 октября 1978. — *Сост.*

[4] Под заявлением членов Совета представителей о создании СМОТ подпись Н. Никитина отсутствует. — *Сост.*

Валерия Новодворская 24 ноября была схвачена сотрудниками КГБ, доставлена в отделение милиции и затем помещена в психиатрическую больницу (Москва, психбольница № 15). До сих пор она находится здесь, в тяжелом отделении. Ей угрожают принудительным лечением и водворением на неопределенно длительное время в спецпсихбольницу...

Врачи-психиатры допрашивали Новодворскую о СМОТе: кто организатор СМОТ, имеются ли связи с рабочими, каковы политические цели независимых профсоюзов?

Активное участие в аресте Новодворской принимала заведующая библиотекой, где работала Новодворская. Она же за несколько дней до ареста обыскала — в отсутствие Новодворской — ее портфель, якобы обнаружила там самиздатский журнал «Хронику текущих событий» № 49 и сдала в КГБ. Потом провела с Новодворской — «по поручению властей» — «беседу», в которой выражала сожаление, что сейчас не 37-й год, угрожала, что теперь с Новодворской расправятся «теми же методами», которые ей (Новодворской) уже известны: допрашивала о «Хронике».

Валерия Новодворская, 1950 г. рождения, имеет высшее гуманитарное образование (филолог), впервые подверглась репрессиям 9 лет назад. 5 декабря 1969 года она разбрасывала листовки — сочиненные ею стихи, осуждающие ввод советских войск в Чехословакию, за это была арестована и три года находилась в заключении, большую часть времени — в спецпсихбольнице в г. Казани, где подвергалась принудительному «лечению». Диагноз, поставленный ей тогда,— «шизофрения вялотекущая».

Лев Волохонский, 32 лет, окончил 4 курса географического факультета Ленинградского университета, потом работал шофером, лифтером и т.д. Волохонскому через его знакомых угрожают суровыми репрессиями: некоторые знакомые Волохонского вызывались на допросы в КГБ, где им было заявлено, что Волохонский — особо опасный государственный преступник, такой же, как недавно осужденный Александр Гинзбург, однако к последнему власти отнеслись «снисходительно», ему «простили» его «шпионскую» деятельность. Волохонского же власти намерены обвинить в «шпионаже»... При этом допрашивали о распространении Волохонским книги «Архипелаг ГУЛаг» и другой литературы, «антисоветской» и «идеологически вредной».

Лев Волохонский и Владимир Борисов, находившиеся во время и после заявления об образовании СМОТ в Москве, были задержаны здесь милицией (милиция ворвалась в квартиру), помещены в спецприемник (для бродяг, людей без документов, без жилья и т.п.) и отправлены в Ленинград, где они «прописаны». Здесь за ними тоже была установлена слежка, по-видимому, непрерывная, круглосуточная: за каждым следит — ходит, ездит, стоит у подъезда дома — бригада агентов КГБ, экипированная легковой машиной.

Молодого инженера Александра Иванченко предупредили: он не должен участвовать в деятельности СМОТ, не должен подписывать правозащитные документы; если он не выполнит этого требования, то будет арестован...; за хорошее поведение обещали дать квартиру (в настоящее время он с двумя маленькими детьми и женой-инвалидом живет в очень плохих жилищных условиях) и хорошую работу. Предупреждение сначала было сделано через отца и сестру А. Иванченко, вызванных для этого в КГБ. Затем в отделение КГБ Бауманского района г. Москвы, прямо с работы, был доставлен сам А. Иванченко. Здесь его продержали несколько часов, угрожали немедленным арестом; с ним беседовали два не назвавших себя сотрудника, потом — подполковник КГБ Лавров. Последний, в частности, разъяснил А. Иванченко, что от него не требуется «ни раскаяния, ни письменных гарантий» — «просто — отойти от СМОТ», в противном случае — «прокуратура решит, по какой статье сделать» ему (А. Иванченко) «дело». Подполковник заявил также, что СМОТом руководит ЦРУ (?!).

Евгений Николаев, 1939 г. рождения, окончил географический факультет МГУ и до 1970 г. работал по специальности. Полиглот. С 1970 г. подвергался психиатрическим репрессиям — за отказ от участия в так называемых общественных мероприятиях, в соцсоревновании, в субботниках и т.д.

Будучи одним из членов-основателей заявленного В. Клебановым Свободного профсоюза, Е. Николаев в феврале 1978 г. был помещен в психиатрическую больницу (им. Кащенко, в Москве), где находился более полугода. (Информация о пребывании Е. Николаева в психбольнице и его записи о пребывании там помещены в «Информационном бюллетене» Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, № 12, октябрь 1978 г.)

После заявления об образовании СМОТ Е. Николаеву угрожали пожизненным заключением в психбольнице. На улице к нему подошли милиционер и сотрудник КГБ, тот самый, который в феврале 1978 г. руководил его задержанием и помещением в психбольницу; милиционер сказал Николаеву: «О тебе слишком много говорят по «Голосу Америки»... Если это будет продолжаться, упечем на всю жизнь, так, что никто не найдет, где ты...».

Марк Аронович Морозов, около 50 лет, кандидат математических наук, на квартире которого была проведена пресс-конференция, где было объявлено об образовании СМОТ, через два дня после этого был арестован органами КГБ; по предварительным сведениям ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда». В настоящее время находится в следственной тюрьме КГБ в Москве (Лефортово).

Через несколько дней после ареста Морозова на его квартире был проведен обыск. Изъяты, в частности, документы СМОТ.

На этой квартире в качестве гостя М. Морозова проживала также член-основатель СМОТ 19-летняя Альбина Якорева с грудным ребенком. После обыска ей было предложено освободить квартиру под угрозой привлечения к уголовной ответственности за нарушение паспортного режима (Якорева у Морозова «не прописана»). Ей пришлось выехать из Москвы.

* * *

Показательна также судьба рабочих, проявивших заинтересованность в создании ассоциаций по защите трудовых прав: Михаила Кукобаки, Эдуарда Кулешова, Евгения Бузинникова, Юрия Валова.

О Е. Бузинникове, 1938 г. рождения, слесаре из г. Светлогорска, арестованном в мае 1978 г. и осужденном на три года лишения свободы в ИТК строгого режима по обвинению в «клевете» на советский строй, сообщается в документе Группы № 70 от декабря 1978 г., а также в Открытом письме Виктора Некипелова, опубликованном в западной прессе. Следует напомнить, что следствие и суд квалифицировали как «преступления» следующее: «размножение» предисловия П. Григоренко к книге Миколы Руденко «Экономические монологи» (Бузинников переписал это предисловие, т.е. «размножил» в одном экземпляре); намерение размножить на обычной пишущей машинке книгу «Экономические монологи» (т.е. намерение сделать несколько копий этой книги); письмо Бузинникова академику А. Сахарову, не достигшее адресата и оказавшееся в архивах КГБ (передано туда 1-м отделом АН СССР); письмо В. Некипелову, также не достигшее адресата, и т.п.

Е. Бузинников, не признавший себя виновным, в настоящее время находится в лагере строгого режима: Свердловская область, ст. Азанка, учреждение И-299/2-1-4.

Михаил Кукобака, 1936 г. рождения, арестован в октябре 1978 г. по обвинению в «клевете» на советский строй, находился в могилевской тюрьме; имеются сведения, что его отправляют на психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского (Москва).

Еще в августе у некоторых знакомых Кукобаки в г. Бобруйске были проведены обыски, изъята литература, якобы принадлежащая Кукобаке, и его письма.

Михаил Кукобака является автором ряда распространенных в Самиздате произведений: «Заметки о Сычевской психбольнице», 1976 г.; статья «Международная разрядка и права человека — неделимы»[1], 1977г.; Открытое письмо министру здравоохранения Петровскому по поводу психиатрических репрессий в СССР, 1977 г.; Открытое письмо председателю КГБ Андропову, 1978 г.; очерк «Украденная родина», 1978 г. и др. Выступая в поддержку заявленного в 1977 г. Свободного профсоюза, М. Кукобака направил в феврале 1978 г. Открытое письмо Л. Брежневу; он приводит там примеры грубого нарушения техники безопасности и других ущемлений прав рабочих, с которыми он сталкивался в своей практике, утверждает, что «государственный профсоюз покрывает злоупотребления властей», и протестует против преследований организаторов Свободного профсоюза, считая, что эти преследования проводятся с целью «запугать наиболее сознательных рабочих, выступающих в защиту своих прав». Подпись М. Кукобаки стоит под многими коллективными правозащитными документами.

Трагическая судьба М. Кукобаки освещается в целом ряде правозащитных документов; он сам рассказывает о себе в некоторых своих очерках. Впервые арестован в 1970 г., обвинен в «клевете» на советский строй, признан психически больным, 6 (шесть) лет провел в заключении, в том числе около трех лет в Сычевской спецпсихбольнице... Тогда ему инкриминировались такие поступки: выход из профсоюза, открытый отказ участвовать в выборах, субботниках и т.п.; отдельные высказывания в частных разговорах (квалифицированные как «устные измышления»); Открытое письмо английскому писателю (не отправленное).

После освобождения в 1976 г. М. Кукобака, по специальности экскаваторщик, работал грузчиком (на заводе в г. Бобруйске Могилевской области); осенью 1976 и осенью 1977 гг. подвергался насильственной госпитализации в областной психбольнице, первый раз за распространение текста Всеобщей декларации прав человека, второй раз — за отказ снять со стены над койкой в заводском общежитии Всеобщую декларацию, иконку и фотографии Андрея Сахарова и Петра Григоренко. Первое время после выхода из психбольницы в 1977 г. Кукобаке негде было жить (ночевал на вокзале), т.к. по распоряжению директора Бобруйского кожкомбината, где работал Кукобака, его выписали из общежития. Только после того как он дал расписку-обещание не «выставлять» Всеобщую декларацию прав человека, фотографии деятелей правозащитного движения и предметы религиозного содержания, Кукобаку прописали и пустили в общежитие. Здесь ему пришлось прожить менее года — до ареста в октябре 1978 г.

Эдуард Кулешов[2] арестован в г. Таганроге 6 декабря 1978 г., обвиняется в «клевете» на советский строй, находится в тюрьме под следствием. У родственников Э. Кулешова в Таганроге произведены обыски, на которых искали книги, машинописные и рукописные тексты.

Э. Кулешову около 40 лет, работал сверловщиком на заводе комбайнов в Таганроге. В 1977–78 гг. подвергался допросам в КГБ по поводу распространения магнитофонных записей книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». По «делу» допрашивалось большое количество людей. В феврале 1977 г. Э. Кулешову было сделано «предупреждение» по Указу от 25 декабря 1972 г.

Письмо Э. Кулешова, где говорится о грубом попрании прав человека в СССР, посланное — по почте — в августе 1978 г. Михаилу Кукобаке, не достигло адресата и, по-видимому, перехвачено госбезопасностью.

---

[1] Точнее, «Защита прав человека и разрядка — неделимы». — *Сост.*

[2] О суде над ним см. в документе № 98 (док. 131). — *Сост.*

Э. Кулешов, которому ранее пришлось отбыть срок заключения в исправительно-трудовых учреждениях, обстоятельно изучил советское уголовное право. Он собрал материал о нарушениях законности и юридических несообразностях процесса Е. Бузинникова и намеревался предать его гласности. Этому помешал арест самого Кулешова.

Юрий Валов, проживающий в г. Тучково Московской области, в конце октября 1978 г. насильственно помещен в психиатрическую больницу.

Ю. Валов, 1938 г. рождения, рабочий, с 1976 г. — вынужденно безработный; инвалид труда 2-й группы (не действует одна рука) с 1961 года. После по существу незаконного увольнения с Московского механического завода безрезультатно апеллировал в различные советские инстанции: суды, начиная с районного и кончая Верховным судом РСФСР, прокуратуру, печать... 7 ноября 1976 г. пытался встретиться с представителем посольства США, был задержан милицией и направлен в московскую областную психбольницу, где находился около 3-х месяцев и подвергался принудительному лечению. Это была первая психиатрическая репрессия, которой подвергся Ю. Валов.

В последнее время Ю. Валов проявлял большую заинтересованность в создании ассоциации, защищающей трудовые права, в то же время придавал большое значение защите прав человека в СССР. Его подпись стоит под рядом коллективных заявлений в защиту репрессированных членов Группы «Хельсинки».

В октябре 1978 г. Юрий Валов передал Заявление для прессы — «Слово инвалида», в котором он пишет:

...К фактам нарушения прав человека в СССР можно отнести и такие чисто социально-экономические явления:

Предельно тяжелое материальное положение низко оплачиваемых категорий рабочих и служащих (а таких десятки миллионов!), получающих заработную плату 60–70 рублей в месяц при самой интенсивной эксплуатации их труда.

…Подкрепляю эти утверждения фактами собственной биографии:

В 1961 году, 23-х лет от роду, работая на военном заводе в Горьковской области, я стал пожизненным инвалидом труда. В 1962 году я женился на девушке-инвалидке. В 1963 у нас родился сын Валерий, который с 1968 г. также стал пожизненным инвалидом детства (ему выбили глаз на детской площадке)... Все эти годы мы с женой влачили нищенское существование.

…В 1976 г. меня незаконно уволили, якобы по сокращению штатов, с Московского механического завода... махинации администрации, замявшей еще одну травму, которую я получил по ее вине в 1975 г., а затем выбросившей меня за ворота завода, надежно защитили и профсоюз, и суды, и прокуроры всех рангов, и Совет Министров СССР, и Президиум Верховного Совета СССР, и даже ЦК КПСС. По этой причине я и стал приверженцем создания в нашей стране как независимых профсоюзов, так и движения по защите прав инвалидов, поскольку существующие в СССР профсоюзные и социальные органы являются организациями декоративными и не выполняют своих функций по защите прав трудящихся.

К фактам гражданской и социально-экономической дискриминации, которой я подвергся в последние годы, отношу следующее: ...

(Информация о Юрии Валове и полный текст «Слова инвалида» приведены в «Информационном бюллетене» Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, № 13, ноябрь 1978 г.)

* * *

Государство пытается подавить — в самом начале — любые попытки создания независимых ассоциаций для защиты трудовых прав и для легальной борьбы за социальную справедливость.

Мы подчеркиваем, что в приведенных в настоящем документе случаях имеют место грубые нарушения многих положений Всеобщей декларации прав человека, в том числе ст.ст. 5, 7–12, 18–20 (п. 1) и др., и соответственно, эти случаи представляют собой примеры полного пренебрежения гуманитарной частью (корзиной) Хельсинкских соглашений.

Члены Московской Группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, Ю. Ярым-Агаев
20 января 1979 г.

110

Документ № 77

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СССР — ПОД УГРОЗОЙ РЕПРЕССИЙ

9 марта 1978 г. Московской группой «Хельсинки» был выпущен документ № 38 — о положении в СССР инвалидов труда, детства, случая и общего заболевания, имеющих тяжелые поражения двигательных функций. Вскоре после этого, в мае 1978 г., организовалась, а 25 октября 1978 г. на пресс-конференции в Москве объявила о своем существовании Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР[LXXXIV]. В нее вошли инвалиды 1 группы Ю. Киселев (Москва), В. Фефелов (г. Юрьев-Польский Владимирской области) и Ф. Хусаинов (г. Чистополь Татарской АССР).

С первых дней Инициативная группа заявила, что существует как легальная общественная организация, не ставящая перед собой никаких других целей кроме объединения инвалидов. В заявлении Группы от 20 мая 1978 г. говорилось, что ее задачами является сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР, вступление в ходатайства перед компетентными органами СССР об улучшении социального обеспечения инвалидов и только в случае отказа в удовлетворении этих ходатайств — обращение за помощью к международной общественности. Своей главной целью Группа считает создание Всесоюзного общества инвалидов.

Инициативная группа начала выпускать информационный «Бюллетень», в котором публикует свои документы и различные материалы о положении инвалидов. Один из выпусков бюллетеня был послан в адрес органов социального обеспечения с просьбой довести его содержание до сведения Президиума Верховного Совета СССР.

Группой была разработана и распространяется среди инвалидов социологическая анкета. Как показывают результаты (в настоящее время собрано около 70 анкет), все опрошенные единодушно высказываются за создание общества инвалидов, которое существовало бы вне бутафорской опеки органов соцобеспечения, за существенное улучшение социального обслуживания инвалидов в СССР, за издание своего органа печати.

Несмотря на открытую деятельность Инициативной группы, не противоречащую Всеобщей декларации прав человека (ст. 20) и Международному пакту о гражданских и политических правах (ст. 22), власти отнеслись к созданию Группы негативно. Бюллетень, направленный для пересылки высшим органам власти, был передан в КГБ. Вместо того, чтобы выслушать инвалидов, понять их проблемы и вынести по ним соответствующие решения, власти, кажется, намерены вновь стать на путь запретов и подавления общественной инициативы.

6 декабря 1978 г. на квартиру к одному из членов Инициативной группы В. Фефелову в г. Юрьеве-Польском прибыли представители власти (председатель райиспол-

кома Семенов), органов соцобеспечения (заведующий РайСО Глущенко) и КГБ (полковник Шибаев из Владимирского УКГБ и начальник райотдела УКГБ г. Кольчугино подполковник Коровушкин). Визит повторился 28 декабря 1978 г., при этом вместо предрайисполкома, видимо для большего устрашения, присутствовал председатель Владимирского областного суда.

В. Фефелову было предложено прекратить деятельность Инициативной группы, названную «незаконной» и «антисоветской», а также издание «Информационного бюллетеня». Полковник КГБ Шибаев угрожал В. Фефелову принятием тех же мер, что были предприняты против членов общественных групп «Хельсинки» Ю. Орлова, А. Гинзбурга, А. Щаранского, М. Руденко и других. При этом работа Инициативной группы ставилась в зависимость от Московской группы «Хельсинки», также названной «незаконной» и «антисоветской», и были допущены недостойные выпады в адрес членов Группы Е. Боннэр и В. Некипелова.

Одновременно с официальным предупреждением через В. Фефелова усилилось давление на Группу и другими способами. На квартиру к Ю. Киселеву в Москве приходили, также с упреком в «незаконной» деятельности, члены Комитета ветеранов войны СССР. Он стал получать по телефону анонимные угрозы расправиться с ним, а в пос. Планерском на Южном берегу Крыма, где у Ю. Киселева имеется летняя дача-мастерская, власти предприняли попытки конфисковать эту дачу под предлогом незаконной застройки.

Московская группа «Хельсинки» обеспокоена происходящими событиями. Нынешнее «предупреждение» властей Инициативной группе защиты прав инвалидов может означать, что против членов этой группы в самое ближайшее время будут проведены репрессии.

Неужели слежке, обыскам и аресту могут быть подвергнуты даже тяжелые инвалиды — лишь за то, что выступили на защиту своих естественных прав?

Инициативная группа защиты прав инвалидов не является «дочерней» организацией Московской группы «Хельсинки», не входит в ее состав и не направляется ею в своей деятельности. Однако мы сочувственно относимся к работе Инициативной группы, понимаем ее проблемы и будем рассматривать любые репрессии против нее как новое нарушение Советским правительством принятых обязательств по обеспечению своим гражданам необходимых политических, культурных, а в данном случае — и социально-экономических прав, предусмотренных международными документами по правам человека.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
25 января 1979 г.

111

Документ № 78[1]

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ

Продолжаются репрессии — аресты, суды, суровые приговоры — за правозащитную и религиозно-просветительскую деятельность, за оказание помощи узникам совести.

[1] Приложение к документу № 70 (док. 104).

8 декабря 1978 г. — накануне 30-летия Всеобщей декларации прав человека — в г. Черновцы арестован по обвинению в «клевете» на советский строй Иосиф Зисельс[1]. Находится в тюрьме под следствием.

И. Зисельс, 1946 г. рождения, окончил физический факультет университета, жил с женой и ребенком в г. Черновцы, работал инженером на телестудии. И. Зисельс оказывал безвозмездную юридическую помощь обращавшимся к нему рабочим-баптистам, преследуемым за свое вероисповедание; написал ряд заявлений в защиту их попираемых прав; помогал узникам совести, находящимся в тюрьмах, лагерях, ссылке, а также в спецпсихбольницах. Подпись Иосифа Зисельса стоит под многими появившимися в последние годы коллективными правозащитными документами.

Первый обыск И. Зисельс пережил летом 1976 г., изъяты произведения Солженицына и Набокова («Приглашение на казнь»).

В 1977 г. получил «Предупреждение», исходящее от КГБ и подтвержденное прокурором. В феврале 1978 г. был задержан в аэропорту г. Киева; лейтенант МВД произвел «досмотр» — обыск багажа; полковник МВД, потребовав записную книжку, выписал из нее телефоны... В ноябре 1978 г. на квартире И. Зисельса снова был проведен обыск якобы в связи с делом о распространении порнографии. Порнография у И. Зисельса не обнаружена; в числе изъятых материалов: литература, квалифицируемая, по-видимому, как «антисоветская» и «идеологически вредная» (например, перепечатанные на машинке произведения М. Цветаевой, О. Мандельштама), сведения о политссыльных, об узниках совести, находящихся в спецпсихбольницах, личная переписка с узниками совести и т.д. (Очерк об Иосифе Зисельсе опубликован в газете «Русская мысль», 11 января 1979 г.) Об аресте И. Зисельса сообщается также в Обращении Украинской группы «Хельсинки», датированном 7 ноября — 15 декабря 1978 г.

Александр Огородников[2] арестован в ноябре 1978 г. по обвинению в «паразитическом образе жизни», или «тунеядстве» (ст. 209 УК РСФСР), осужден на год лишения свободы в лагере общего режима.

Суд состоялся 10 января 1979 г. в г. Конаково Калининской области. Здание суда было окружено милицией и сотрудниками КГБ; в зал суда пустили только отца, мать и жену Огородникова, остальные места были заняты специально ангажированной для этого публикой; приехавшего на суд отца Глеба Якунина в зал суда не пустили. В связи с давней специфической болезнью А. Огородникова — плохая свертываемость крови (болезнь Вель-Гофа) — адвокат требовал медицинской экспертизы для установления трудоспособности Огородникова с участием гематолога. Проведенная — без гематолога — экспертиза установила ограниченную трудоспособность Огородникова: работа без подъема тяжестей.

А. Огородникову около 30 лет, он был студентом института кинематографии, затем рабочим, дворником, вахтером, затем — вынужденно безработным. Исповедовал православие, занимался религиозно-просветительской деятельностью, организовывал и проводил семинары молодежи на которых рассматривались различные религиозные проблемы.

За свою нескрываемую религиозность, а затем и за семинары подвергался преследованиям: был исключен из института, был уволен с занимаемой им должности дворника; увольняли и из других мест, не мог устроиться на работу; подвергался обыскам, допросам; допросам и обыскам подвергались и его знакомые, участники семинаров и другие; за Огородниковым уже не менее двух-трех лет велась слежка, нередко его задерживали на улице, в метро и т.д. сотрудники КГБ, иногда доставляли в милицию, нередко оскорбляли...

---

[1] О суде над ним см. документ № 83 (док. 116). — *Сост.*

[2] О нем см. документ № 141 (док. 174). — *Сост.*

В ряду этих преследований — недавний арест и осуждение за «тунеядство».

Сергей Ермолаев арестован в Москве 10 января 1979 г. по обвинению в «хулиганстве» (?). (Его забрали в метро, когда он оказывал сопротивление гражданам, пытавшимся отвести его в милицию за показавшиеся им политически нелояльными высказывания.) Находится в тюрьме под следствием.

С. Ермолаеву 19 лет, работал слесарем, является студентом-заочником Тартуского университета. Был участником проводимых А. Огородниковым религиозных семинаров; проявлял участие и оказывал посильную дружескую помощь жертвам государственных преследований; подпись Сергея Ермолаева стоит под многими появившимися в последние два года коллективными правозащитными документами.

Не менее года подвергается преследованиям. Так, в феврале 1978 г. его задержали в московском метро, доставили в милицию и подвергли «досмотру» — обыску его личные вещи, изъяли «Вестник русского христианского движения» и книгу Солженицына «Бодался теленок с дубом». В мае 1978 г., во время суда над Юрием Орловым, С. Ермолаев был задержан возле здания суда и осужден — по «Указу»[1] — на 15 суток заключения.

В ноябре 1978 г. заведено «дело» на Василя Овсиенко, село Ленино Житомирской области. Насколько известно, его намереваются обвинить в «сопротивлении власти» (?).

Василь Овсиенко, бывший политзаключенный, отбыл 4-летний срок лишения свободы в лагере строгого режима, в Мордовских политлагерях. После освобождения в 1976 г. над ним был установлен административный надзор — гласный надзор милиции, который продолжается до сих пор и налагает на него ряд ограничений, в частности, лишает права покидать пункт проживания (село Ленино).

В. Овсиенко поддерживал дружескую связь с членами Украинской группы «Хельсинки». 19 ноября, когда его навестили член этой группы О. Мешко и ее знакомая, власти — сотрудники милиции и госбезопасности — задержали Овсиенко и его гостей, мирно направлявшихся к автобусу, доставили всех в сельсовет и подвергли там обыскам и допросам. После этого на Овсиенко заведено «дело»...

1 декабря 1978 г. Верховный суд Армянской ССР вынес приговор арестованному 22 декабря 1977 г. Роберту Назаряну: 5 (пять) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (лагере) строгого режима и 2 года ссылки. Р. Назарян, 1948 г. рождения, окончил физический факультет Ереванского университета, затем окончил духовную семинарию, получил сан дьякона (прослужил недолго), работал физиком, потом инженером; несколько раз подвергался увольнениям, по-видимому, по политическим мотивам, член заявившей о своем образовании в апреле 1977 г. Армянской группы «Хельсинки»[LXXXV]. Осужден по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».

29 января 1979 г. в г. Ташкенте должен был начаться суд над арестованным в марте 1978 г. Владимиром Шелковым, 84[2] лет (!!!). Владимир Шелков принадлежит к Церкви Адвентистов, за верность своей религии отбыл около 30 лет в тюрьмах и лагерях. В течение ряда лет, до момента ареста в марте 1978 г., являлся главой неофициально существующей в СССР Церкви Верных адвентистов седьмого дня. Ему приходилось скрываться от охотившихся за ним властей. Владимир Шелков придавал большое значение религиозно-просветительской деятельности. Руководимая им Церковь, несмотря на постоянные жестокие преследования, осуществила издание большого количества

---

[1] Очевидно, имеется в виду Указ ПВС СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». — *Сост.*

[2] Точнее — 83, хотя в источниках есть расхождения по поводу года рождения Шелкова, в судебно-следственных документах — 1895, а в самиздатских текстах встречается 1905. — *Сост.*

религиозной и правозащитной литературы. Шелков является автором ряда книг, в их числе «Правовая борьба с диктатурой госатеизма».

Суд отложен на месяц.

О некоторых репрессиях, имевших место в октябре-декабре 1978 г. — насильственное помещение в психбольницу В. Новодворской и Ю. Валова, арест М. Морозова, Э. Кулешова и М. Кукобаки,— сообщается в документе Группы № 76 от 20 января 1979 г. «Преследования лиц, пытающихся создать независимые ассоциации для защиты трудовых прав. Преследования отдельных рабочих».

Группа имеет сведения далеко не обо всех случаях противоправных репрессий. Однако даже эта неполная информация свидетельствует о продолжающихся вопиющих нарушениях прав человека в Советском Союзе и о принципиальном игнорировании правительством СССР гуманитарной части Хельсинкских соглашений.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, Ю. Ярым-Агаев
30 января 1979 г.

112

Документ № 79

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРУПП «ХЕЛЬСИНКИ»

3 февраля 1977 г. арестом Александра Гинзбурга власти СССР начали новый этап преследований членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

До этого в Москве, Киеве, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване были обыски, допросы, слежки, угрозы. Ровно два года тому назад начались аресты членов групп.

3 февраля 1977 г. был арестован Александр Гинзбург (Москва).
4 февраля 1977 г. — Олекса Тихий (Украина).
5 февраля 1977 г. — Микола Руденко (Украина).
10 февраля 1977 г. — Юрий Орлов (Москва).
15 марта 1977 г. — Анатолий Щаранский (Москва).
7 апреля 1977 г. — Мераб Костава (Тбилиси).
7 апреля 1977 г. — Звиад Гамсахурдиа (Тбилиси).
13 апреля 1977 г. — Микола Матусевич (Украина).
26 апреля 1977 г. — Мирослав Маринович (Украина).
21 августа 1977 г. — Викторас Пяткус (Литва).
12 декабря 1977 г. — Левко Лукьяненко (Украина).
22 декабря 1977 г. — Шаген Арутюнян (Армения).
22 декабря 1977 г. — Роберт Назарян (Армения).
15 февраля 1978 г. — Петр Винс (Украина).
20 марта 1978 г. — Григорий Гольдштейн (Тбилиси).
1 июня 1978 г. — Владимир Слепак (Москва).

5 июля 1977 г. была отправлена в ссылку Мальва Ланда (Москва).

Кроме того, были арестованы члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, работающей в тесном контакте с Московской группой «Хельсинки»:
22 августа 1977 г. — Феликс Серебров (Москва),
14 мая 1978 г. — Александр Подрабинек (Москва).

Судьба всех этих мужественных правозащитников достаточно широко известна. Все они были осуждены по политическим или искусственно созданным уголовным делам и почти все и сегодня томятся в тюрьмах и лагерях Архипелага ГУЛаг.

Слепак и Подрабинек отбывают ссылку в далекой Сибири. Инженер Слепак работает кочегаром; фельдшеру Подрабинеку до сих пор не предоставлена работа по специальности.

Возвратилась из ссылки Мальва Ланда. Освобожден по отбытию наказания Феликс Серебров. Они вновь включились в правозащитную деятельность.

Сломленный длительным следствием и «раскаявшийся» Гамсахурдиа отбывает ссылку («льготную») в Дагестане.

По далеко не полным сведениям, большинство заключенных членов групп содействия «Хельсинки» подвергаются преследованиям и репрессиям в местах заключения.

Вот немногие примеры:

Юрий Орлов, 54 года, в Пермском лагере строгого режима, несмотря на свой возраст и подорванное здоровье, поставлен на тяжелую для него работу слесаря, с непосильной для него нормой выработки. По незначительным поводам он подвергается взысканиям (например, за то, что написал свою фамилию пальцем на пыльном стекле). Невыполнение нормы и взыскания грозят ему штрафным изолятором или внутрилагерной тюрьмой. Орлова лишают возможности продолжать свою научную работу. У него изымают записи научного характера, лишают возможности иметь чистую бумагу и т.д. Письма от друзей зачастую конфискуются. Ни писем, ни научных журналов, посланных физиками Швейцарского Центра, Орлов не получил.

Анатолию Щаранскому, находящемуся в Чистопольской тюрьме[1], не вручается большая часть адресованных ему писем. Он лишен возможности очередного свидания с матерью и братом.

От Олексы Тихого, содержащегося в Мордовском лагере особого режима, уже около года нет писем. Его состояние и положение в настоящее время неизвестны.

Александр Гинзбург, содержащийся в Мордовском лагере особого режима, несмотря на тяжелое состояние здоровья, выполняет работу шлифовальщика во вредном цехе (шлифовка искусственного хрусталя). Часть писем, адресованных Гинзбургу, «не доходит»; декабрьское письмо его к жене «пропало». (Напоминаем: ему разрешено только одно письмо в месяц.)

Григорий Гольдштейн, отбывающий наказание в Архангельской области, перенес тяжелое рожистое воспаление. В начале ему вообще отказывали в медицинской помощи, потом после 4-дневного лечения, не выздоровевшего, отправили на тяжелые наружные работы.

Левко Лукьяненко, отбывающий наказание в Мордовском лагере особого режима, тяжело больной человек. Посланные для него бандероли с необходимыми ему лекарствами возвращены обратно; многие письма, адресованные ему, в том числе и письма от жены, не вручены. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, он вынужден работать в лагере, причем его заработок не достигает 20 руб. в месяц.

Руденко, отбывающий наказание в Мордовском лагере строгого режима, тяжелый инвалид войны (имеет ранение позвоночника); несмотря на частые сильные боли, не освобожден от работы. Писателю Руденко фактически запрещено заниматься творческой работой, так как у него при обысках в лагере изымают рукописи.

Репрессированные члены групп «Хельсинки», несмотря на тяжелые условия, духовно не сломлены. Они, как и прежде, считают себя членами групп содействия и продолжают свою правозащитную деятельность, поскольку она возможна в условиях заклю-

[1] Об этой тюрьме см. документ № 108 (док. 143). — *Сост.*

чения. В частности, Юрий Орлов заявил администрации, что он считает себя представителем Московской группы «Хельсинки» в местах заключения. Александр Гинзбург просит ставить его подпись под общими документами Группы.

Массовость и суровость репрессий в отношении членов всех 5-ти групп «Хельсинки» показывает неприкрытое стремление властей СССР разгромить и полностью подавить эту форму правозащитного движения.

Однако группы существуют и продолжают работать.

В частности, Московская группа за истекшие два года, продолжая работу в прежнем направлении, обнародовала более 50-ти[1] документов и обращений по следующим темам:

а) общие вопросы защиты прав человека и гражданина;

б) репрессии и неправосудное осуждение правозащитников;

в) бесчеловечные условия содержания политзаключенных;

г) нарушения прав верующих;

д) нарушения прав национальных меньшинств;

е) нарушения прав на свободный выезд из страны и свободное возвращение в свою страну;

ж) тяжелое экономическое и социальное положение некоторых категорий граждан.

Продолжает активную деятельность и Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Отмечая трагический юбилей начала массовых арестов членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, мы призываем всех, кому дорога свобода и независимость мысли и слова, расширить правозащитную деятельность в меру своих сил и возможностей.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
1 февраля 1979 г.[2]

113

Документ № 80

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВРАЧА СЕМЕНА ГЛУЗМАНА

«Эмнести Интернейшнл» объявила 1978 г. — годом Семена Глузмана, осужденного в 1972 г. в Киеве на 7 лет лагерей строгого режима с последующими тремя годами ссылки. Официально Глузман был осужден за хранение и распространение Самиздата, но жестокость приговора подтверждает, что действительной причиной расправы с Глузманом явилось то, что он был первым врачом-психиатром, разоблачившим использование психиатрии в СССР для заключения диссидентов в психушки.

Как бы в ответ [на действия] «Эмнести Интернейшнл» в защиту Семена Глузмана, власти ужесточили условия его заключения, и в мае 1978 г. он вынужден был объя-

[1] Так в тексте. — *Сост.*

[2] В «Хронике текущих событий» №52 документ датирован 25 января 1979 г. — *Сост.*

вить смертельно опасную сухую голодовку, а 15-го июня он был помещен на 6 месяцев во внутрилагерную тюрьму — так называемое ПКТ (помещение камерного типа): это сырые холодные помещения, со сниженными и так голодными нормами питания. Через 6 месяцев в ПКТ многих заключенных приходится выносить — идти самостоятельно они не в силах.

15-го декабря Глузман вышел из ПКТ, а уже 25-го декабря его лишили очередного свидания с отцом, лишили права на получение продуктовой посылки и почтовых бандеролей.

8 января 1979 г. его до конца лагерного срока, т. е. на 4 месяца, вновь поместили в ПКТ. Здоровье Глузмана уже давно подорвано многолетним пребыванием в лагере. Повторное длительное пребывание в ПКТ неизбежно превратит Семена Глузмана в инвалида, а возможно приведет к его гибели.

Летом Семен Глузман перенес приступ тяжелого нарушения мозгового кровообращения.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяются:
Николаев Евгений, Заочная Тьян, Елистратов Виктор, Елистратова Батшева, Цырлин Евгений, Цырлина Галина, Чернобыльский Борис, Чернобыльская Елена, Хасин Геннадий, Хасина Наталья, Черкасский Владимир, Черкасская Людмила, Гудзь Игорь, Рахленко Яков, Белкина Виня, Кремень Михаил, Кремень Галина, Лернер Александр, Мильгром Ида, Щаранский Леонид, Щаранская Рая, Великанова Татьяна
1 февраля 1979 г.

114

Документ № 81[1]

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КАЗНИ СТЕПАНА ЗАТИКЯНА И ДВУХ ДРУГИХ НЕНАЗВАННЫХ ЛИЦ

Приведен в исполнение смертный приговор трем молодым людям, вынесенный в неизвестном месте в неизвестный день в обстановке полной тайны и секретности Судебной коллегией [по уголовным делам] Верховного Суда СССР. Случай беспрецедентный в судебной практике, но указана фамилия лишь одного из приговоренных к смерти, фамилии двух других даже не названы[2].

Все трое приговорены к смерти по обвинению во взрыве в московском метро с человеческими жертвами в январе 1977 года. Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне, не известив даже самых близких родственников обвиняемых. Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее воз-

[1] В АС №3544 — документ №80. — *Сост.*
[2] См. прим. LIX.

мущение, и убедительное доказательство вины обвиняемых, если только обвинение располагало такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников.

Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основания сомневаться в обоснованности обвинения, в объективности и беспристрастности суда. Ряд лиц, например, утверждает, что С. Затикян вообще не был в Москве в момент взрыва.

Является ли такой суд судом в общепринятом значении этого слова?

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяемся:
Татьяна Великанова, Евгений Николаев, Тьян Заочная, Виктор Елистратов, Леонид Щаранский, Юлия Закс, Александр Лавут, Ирина Орлова, Ирина Жолковская (Гинзбург), Александр Орлов, Римма Якир, Мария Петренко-Подъяпольская
1 февраля 1979 г.

115

Документ № 82

ЕЩЕ ОДНА ВОЛНА РЕПРЕССИЙ

Грубое нарушение свобод и прав человека на Украине, в Ленинграде, в Москве, в Ташкенте

6 марта арестован Олесь Бердник, писатель, член-основатель Украинской группы «Хельсинки». 6-го днем он вышел из дома и исчез; только 12-го его жене, наконец, сказали, что он арестован... 7-го утром на квартире О. Бердника был проведен обыск.

6 марта, примерно в 6 часов вечера, была начата серия обысков на Украине, в Ленинграде и в Москве.

На Украине КГБ провел не менее 9 обысков (по «делу № 2») на квартирах членов Украинской группы «Хельсинки» — у О. Бердника, О. Мешко (Киев), Петра и Василия Сичко и Василия Стрельцова (Ивано-Франковская область, г. Долина), у жены находящегося в заключении руководителя Группы М. Руденко Раисы Руденко (Киев), а также на квартирах у Павло Стокотельного, Владимира Малинковича (Киев), Юрия Литвина (Киевская область, село Барахты), Михаила Мельника (Киевская область, село Погребы).

Изымались документы Хельсинкской группы; литература художественная и философская, поэзия; личные записи и т. д.; Библия.

Так, на обыске у Павло Стокотельного (муж Надии Светличной, бывшей политзаключенной, подвергавшейся после освобождения жестоким преследованиям и эмигрировавшей осенью 1978 г. в США) были изъяты Библия, Евангелие, книги по истории, сборники стихов поэтов Василя Стуса, Ирины Стасив-Калинец, Ивана Сокульского (машинописные тексты), копия приговора бывшего политзаключенного Миколы Горбаля, квитанции почтовых отправлений и др.

На вопрос, на каком основании забирают приговор, ответили: «Горбаль не имел права иметь его на руках» (?!). По поводу Библии, изданной Московской патриархией, сказали: «Она в магазинах не продается, значит, нет права ее иметь» (?!).

На обыске у В. Малинковича (врач) изъяли две Библии — его и его жены; фотографии Солженицына, Гроссмана, Мандельштама, Александра Гинзбурга; книгу русского философа В. Соловьева «Духовные основы жизни»; сделанные на множительных аппаратах копии произведений Цветаевой, Мандельштама и др.

У Юрия Литвина (бывший политзаключенный) изъяты его стихи и документы правозащитного движения.

Михаил Мельник (38 лет, историк и поэт, последние 2 года работал сторожем) 16 февраля адресовал в редакции газет «Радянська Украина» и «Молодь Украины» заявление в защиту осужденного 8-го февраля Василя Овсиенко (осужденного по сфальсифицированному обвинению в «сопротивлении власти»). М. Мельник пишет: «Не может не беспокоить тот факт, что на Украине практически каждый человек, который отбыл наказание по ст. 62 ч. 1 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР), через короткий срок (1–3 года) вынужден либо эмигрировать, либо снова оказаться в тюрьме».

У М. Мельника изъяты его труды по истории и документы правозащитного движения. После обыска Михаил Мельник покончил с собой (отравился большой дозой снотворного).

Многих уже вызывали на допросы. Вопросы, в частности, касаются О. Бердника.

На допросе Раисы Руденко речь шла в основном о ее муже. Ей — в который уже раз! — настойчиво предлагали уговорить мужа «покаяться», «советовали» — «отказаться от всякой помощи, от контактов с москвичами»...

* * *

6 марта в Харькове были арестованы два баптиста — братья Чех. Была задержана и обыскана их личная легковая машина; обнаружено и изъято 1,5 тысячи экземпляров неподцензурного периодического издания «Вестник ЕХБ».

12 марта по этому «делу» проведены обыски, в частности, обыск в доме Винсов (Киев). Изъято большое количество религиозной литературы.

* * *

В Ленинграде и в Москве 6 марта было проведено 5 обысков — у ленинградца Сергея Дедюлина и его знакомых, у двоих в Москве и двоих в Ленинграде. По поручению Московской прокуратуры обыски производились КГБ по «делу № 46012/18-76». (По «делу» с таким же номером были проведены обыски в 1976-77 гг., в том числе у руководителя Московской группы «Хельсинки» Ю. Орлова; в январе 1979 г. — у членов редакции неподцензурного журнала «Поиски»).

У С. Дедюлина изъят исключительно ценный уникальный архив: библиографический словарь деятелей общественного движения в СССР в 1950-1970 гг.; библиографические материалы к истории партийных и правительственных органов СССР и других стран социализма; картотека к персоналиям репрессированных писателей, деятелей культуры, ученых; библиография «Советская печать об А. И. Солженицыне» и др. Изъяты также уникальные и являющиеся библиографической редкостью сборники стихов, литературоведческие материалы, воспоминания (изданная и неизданная литература), подобранные по темам или по авторам вырезки из периодических изданий, записи лекций и т. п.

* * *

12 марта в Ленинграде был произведен обыск у Льва Волохонского, члена Совета представителей созданного несколько месяцев назад Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. Изъяты документы СМОТ. (О преследованиях учредителей СМОТ см. также наш документ № 76.) Обыск был проведен в отсутствие Л. Волохонского; он в это время был задержан на улице и доставлен на допрос.

Вызывается на следующий допрос — по изъятым на обыске материалам.

* * *

6 марта в Ташкенте осужден на 4 года ссылки — «за нарушение правил надзора» — борец за права крымско-татарского народа Мустафа Джемилев. Суд проходил с грубейшими нарушениями юридических норм: не было адвоката, не было родных Мустафы, не было на суде и самого подсудимого. Процесс был проведен 6-го, хотя родным Мустафы, а через них и адвокату было сообщено, что суд состоится после 10-го. С момента ареста, 8 февраля, Мустафа — протестуя против вопиющего произвола — держит голодовку.

* * *

12 марта[1] в Ташкенте начался суд над обвиняемыми в «клевете» на советский строй пятью членами Всесоюзной Церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня, в числе которых глава этой церкви 84-летний Владимир Шелков (см. также документ № 78).

Приехавший на этот суд лауреат Нобелевской премии Мира академик Сахаров в зал суда допущен не был.

* * *

Считаем необходимым обратить внимание глав правительств государств, подписавших Хельсинкский акт, и мировой общественности на то, что новая волна репрессий демонстрирует — еще и еще — намерение властей СССР нарушать ими же подписанный Хельсинкский акт.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
15 марта 1979 г.

116

Документ № 83

СУД НАД ИОСИФОМ ЗИСЕЛЬСОМ

5 апреля 1979 г. в г. Черновцы закончился суд над Иосифом Зисельсом. Приговор — три года лагерей усиленного режима — максимальное наказание, предусмотренное ст. 187.1 УК УССР (соответствует ст. 190.1 УК РСФСР): распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Зисельс был арестован 8 декабря 1978 года и в течение четырех месяцев находился под следствием. На суде он заявил, что в процессе предварительного следствия было нарушено около 30 статей УПК. Не были вызваны свидетели. Не были проведены экспертизы, о которых он ходатайствовал. Зисельсу инкриминировалось хранение с целью распространения произведений Солженицына, Амальрика, писем в защиту Подрабинека, Гинзбурга, Орлова, Щаранского, Пяткуса; бюллетеней Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях; картотеки на 77 заключенных СПБ.

Суд проходил фактически при закрытых дверях. В зал суда была допущена лишь жена Иосифа Ирена. После заседания ее обыскали и изъяли все записи процесса.

[1] Точнее, возобновился, первый день слушаний был 15 января 1979 г. — *Сост.*

Большинство знакомых, пришедших к зданию суда, были на несколько часов задержаны милицией. П. А. Подрабинек, прибывший специально на суд из Москвы, был насильно отправлен обратно самолетом.

Все ходатайства Зисельса были отклонены, в том числе и отвод составу суда. Своей вины Зисельс не признал и заявил, что факт распространения им литературы не доказан. Большинство свидетелей, допрошенных в ходе предварительного следствия, на суд вызваны не были, несмотря на требования подсудимого. В ходе допроса вызванных свидетелей были опровергнуты многие пункты обвинения. Несмотря на это, они вошли в речь прокурора Коцюрбы, который потребовал максимального наказания — трех лет лагерей усиленного режима.

Адвокат Немиринская потребовала оправдания Зисельса.

5 апреля районный суд г. Черновцы под председательством судьи Ищенко приговорил Иосифа Зисельса к трем годам лишения свободы в лагере усиленного режима.

Еще до вынесения приговора в своем последнем слове Иосиф заявил, что считает суд заведомо предвзятым. Он сказал, что предварительное следствие и суд проведены необъективно и не дали ему возможности доказать свою невиновность. Далее он сказал: «Мне 32 года. Я выбрал к этому времени свой путь в жизни. Это противостояние лжи и насилию. Я недавно встал на этот путь и сделал по нему всего несколько шагов, но я счастлив тем, что мой выбор сделан и он именно таков.

Где бы я ни был, везде возле меня будут люди, нуждающиеся в слове правды».

Мы обращаем внимание на очередное грубое нарушение прав человека — осуждение Зисельса за его убеждения и благотворительную деятельность. Мы в очередной раз указываем на необходимость отмены статьи 190.1 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других республик), которая фактически используется для подавления свободы убеждений, права на сбор и распространение информации.

Практика применения этой статьи неминуемо связана с грубыми нарушениями процессуальных норм, с полной зависимостью суда и следствия от КГБ, с нарушением гласности судопроизводства, с нарушением права на защиту и т.д.

Иосиф Зисельс осужден необоснованно и должен быть немедленно освобожден.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

К заявлению Группы присоединяемся:
Ирена Зисельс, Семен Зисельс, Татьяна Великанова, Вячеслав Бахмин, Петр Винс, Владимир Малинкович, Марина Потоцкая, Ирина Гривнина, Раиса Руденко
5 апреля 1979 г.

117

Документ № 84

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ПЕТРА ВИНСА[1]

Петр Винс, начиная с конца 1977 г., подвергается непрерывным преследованиям КГБ чисто уголовного характера. В декабре 1977 г. агенты КГБ избили Петра Винса на

[1] Название дано по «Хронике текущих событий» №53. — *Сост.*

вокзале в Киеве, а затем осудили на 15 суток за хулиганство, но держали его в заключении в течение месяца.

После освобождения из этого заключения Петра Винса осудили на год лагерей по обвинению в так называемом паразитизме. В лагере его неоднократно избивали.

Петра Винса осудили, когда он оформлял документы для эмиграции в Канаду. По освобождении из лагеря он пытался встретиться с представителем консульства США в Киеве, который должен был передать ему вызов в Канаду. Агенты КГБ чисто бандитским нападением, описанном в прилагаемом заявлении Винса, не дали возможности встретиться.

Мы выражаем тревогу по поводу положения Петра Винса и призываем мировую общественность взять его под свою защиту.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
14 апреля 1979 г.

Приложение

Главам государств, подписавших Хельсинкское соглашение
Генеральному Прокурору СССР Руденко
от члена Украинской Хельсинкской группы Петра Винса

23 марта 1979 года я, вместе с мамой, шел в консульство США для оформления эмиграционных документов. Не доходя сто метров до консульства США, на углу улиц Саксаганского и Горького, нас остановили неизвестные люди и предложили мне пройти с ними. Я попросил их предъявить документы и объяснить причину моего задержания. Двое мужчин, одинаково одетых, закрутили мне руки и повели по улице. Мама начала звать прохожих на помощь. Люди, находившиеся возле нас, выражали свое возмущение поведением молодчиков и пытались помочь нам. К тротуару подъехала легковая машина «ГАЗ-24» номер «21-20 КИТ». Вышедший из машины мужчина закрутил маме руки, оторвав от меня. Меня в это время кинули в машину, один из неизвестных держал меня за горло.

Привезли меня в лес, за 25 километров от Киева, в направлении Бориспольского аэропорта. Из машины вышел один из сотрудников КГБ, лет 50-ти, атлетического телосложения, и предложил мне пройти с ним. Я потребовал, чтобы он предъявил документы или назвал себя, что он категорически отказался сделать.

«Послушайте внимательно, что я уполномочен вам сказать,— обратился он ко мне. — Вы отсидели в лагере год. Но это вам не пошло на пользу. Пора стать мужчиной. Игру, которую вы ведете, мы вам не простим. У нас к вам два требования: 1) прекратите собирать у себя киевскую диссидентскую шваль, 2) прекратите свои контакты с Суорцем. Вы поставляете ему враждебную информацию и враждебные материалы. Если вы нас не послушаете, мы будем вынуждены убрать вас. На Западе вы нужны живой, а не мертвый, мертвого вас там скоро забудут. Вы же понимаете, Петр Георгиевич, политика есть политика, тем более что вы политикой занимаетесь. Вы и ваша семья хотите эмигрировать. Поезжайте в канадское посольство в Москву и там решайте вопрос выезда. А консульство США в Киеве не имеет права заниматься вопросом эмиграции вашей семьи в Канаду. Коли на вас вышесказанное не подействует, мы побеседуем на эту тему с вашей мамой. Можете маме рассказать о нашем разговоре, чтобы она не волновалась».

И, оставив меня в лесу, они уехали. Это все происходило от 11.50 до 13.40.

Я вернулся в Киев в 13.40 и позвонил в консульство США. Секретарь консульства Дэвид Суорц предложил мне встретиться в парке Шевченко в 14.50. Я согласился. На месте встречи меня ждала машина «ГАЗ-24» номер «21-20 КИТ». Вышедшие из машины двое мужчин, которые в 12 часов оторвали меня от мамы и посадили в машину, закрутили мне руки и толкнули в стоящую машину. Отвезли меня от Киева на 60 км в поле. Вывели из машины. Худощавый мужчина с горбинкой на носу дважды кинул меня на землю, толкая в грудь руками и делая подножки, при этом он размахивал руками и ногами у моего лица и выкрикивал угрозы. Оставив меня в поле, они уехали. В город добрался в 19.40.

В этот же день вечером в 21.30 кто-то стрелял у нашего дома. В воскресенье 25 марта я пошел в лес с собакой погулять. Меня сопровождали семеро не знакомых мне мужчин на расстоянии 50 метров. За время короткой прогулки — 8–10 минут они стреляли в воздух пять раз. 26 марта наш знакомый В.Д. Малинкович услышал днем выстрелы на нашей улице и пришел к нам узнать, не случилось ли что-нибудь с нами. При выходе из нашего дома неизвестный молодой человек с расстояния полметра сфотографировал его.

27 марта 1979 г. я возвращался домой в 20.20. Возле продовольственного магазина, на расстоянии 250 метров от моего дома ко мне подбежал парень лет 30, атлетического телосложения, и попросил двухкопеечную монету. Он был сильно взволнован и постоянно оглядывался. В это время со стороны дороги подбежал еще один неизвестный мужчина, который дважды отвозил меня за город 23 марта, угрожал и толкал в грязь. Сзади меня ударили чем-то мягким по голове, я упал, потеряв сознание. Подтащив меня на проезжую часть улицы, трое мужчин начали избивать меня ногами, дубинками, металлическими предметами, дважды пробили ногу ножом.

Шедшие по улице люди бросились ко мне на помощь. Подхватив мою сумку и шапку, трое мужчин сели в машину и уехали.

Я полагаю, что шантаж и насилие со стороны КГБ являются попыткой заставить меня, члена Украинской Хельсинкской группы, отказаться от правозащитной деятельности, отказаться от деятельности, направленной на содействие выполнению Хельсинкского Соглашения в Советском Союзе.

Но КГБ никакими методами насилия не удастся сломить участников правозащитного движения в нашей стране. Я и впредь буду выполнять обязанности члена Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкского соглашения.

Петр Винс

29 марта 1979 г.

118

Документ № 85

НАРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР

Право на труд

Советская государственная пропаганда настойчиво уверяет, что так называемые социально-экономические права человека имеют главенствующее значение перед правами гражданскими и политическими.

При этом утверждается, что в СССР, в отличие от стран «свободного мира», социально-экономические права полностью обеспечены. Этот пропагандный шквал, достигая Запада, создает впечатление об СССР как об обществе всеобщего благоденствия,

в котором построен так называемый «развитой социализм» и осуществляется принцип высшей социальной справедливости: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду»[1].

Главным доказательством всеобщего благополучия в обществе выставляется отсутствие в стране безработицы. Однако все эти заверения есть не что иное, как пропагандистский камуфляж. На самом деле право на труд, на благоприятные условия труда и на справедливое за него вознаграждение — далеко от повсеместного обеспечения. Все четыре пункта ст. 23 Всеобщей декларации прав человека — не выполняются.

Заработная плата рабочих и служащих крайне низка. Официально называемая средняя заработная плата по стране, 161 рубль в месяц,— есть величина статистическая, но даже она, при нынешнем уровне инфляции и росте цен, едва ли обеспечивает то, что следует называть «достойным человека существованием». Что же говорить о минимуме заработной платы, составляющем 70, а в отдельных районах 60 рублей в месяц? О низком уровне зарплаты говорит тот факт, что в советской семье, как правило, вынуждены работать все ее взрослые члены, включая часто пенсионеров по старости. О том же свидетельствует и такое широко распространенное явление как «шабашки»[LXXXVI] и хищение с предприятий. Уходит рабочий с молочного завода — выносит масло, сливки; со спиртового — фляжку спирта; с лесообрабатывающего — доску. Ситуация, в которой рабочие вынуждены «добирать» таким образом то, чего не додает им государство, порождает серьезную моральную проблему, вызывая у рабочих чувство душевного разлада, способствуя распространению в обществе лжи и лицемерия.

Следует сказать, что видимый достаток, которым обладает какой-то процент рабочих семей, довольно часто создается именно за счет нетрудовых доходов. Уровень «чистой» заработной платы подавляющего большинства рабочих и служащих в СССР таков, что позволяет лишь еле-еле сводить концы с концами. Это является, пожалуй, главной причиной снижения в стране роста народонаселения.

В СССР существует произвол в заработной плате. Непомерно велик разрыв между минимальной зарплатой, которую получает значительная часть населения, и максимальной заработной платой у отдельных групп (высшие партийные и государственные работники, генералитет, академики и др.). Эта зарплата может быть в 10–20 и более раз выше минимума.

Неоправданна разница в заработной плате у рабочих различных отраслей и министерств. Практикуется разная оплата за равный труд в центре и на периферии. Например, расценки на ткацких фабриках в Московской области значительно выше, чем в соседних с нею Владимирской и Ивановской областях, хотя нормы выработки — ниже. Особой привилегией пользуется Москва, где зарплата отдельных категорий рабочих и служащих намного выше, чем в провинции.

Неравенство в заработной плате увеличивается за счет неудовлетворительного снабжения периферии продуктами питания. Если москвич покупает основные продукты в государственной торговле, то житель провинции вынужден приобретать их на местном рынке втридорога и далеко не в таком ассортименте. Все это ведет к развитию у населения чувства естественной зависти и антагонизма по отношению к жителям «коммунистического города» Москвы.

Наиболее низко оплачиваются рабочие непроизводственной сферы, служащие государственных учреждений, работники службы быта, торговли, медицины, просвещения, культуры. Не обеспечивают «достойного существования» пенсии, выплачиваемые по старости, инвалидности, в случае потери кормильца.

---

[1] Цитата из Конституции СССР 1936 г., в тексте Конституции 1977 г. эта фраза была незначительно изменена. — *Сост.*

В стране существует, хотя это слово никогда не произносится вслух, подлинная бедность значительной части населения. Точное число семей, которые следовало бы назвать бедными, не поддается учету, поскольку порог бедности в СССР официально не определен. Прожиточным минимумом полуофициально считается 50 рублей на человека в месяц (если исходить из того, что только в таких семьях, где доход на каждого члена ниже 50 рублей в месяц, назначается дополнительное пособие в размере 12 рублей на каждого ребенка до 8 лет), хотя фактически эта сумма не порог бедности, а порог нищеты. Далеко ниже этого порога живут отдельные многодетные семьи, пенсионеры, матери-одиночки.

В СССР распространена и, мало того, пользуется популярностью у рабочих, поскольку им кажется, что только здесь, в отличие от почасовой оплаты, они могут заработать,— система сдельной оплаты труда, которая в развитых странах давно уже дискредитирована как «потогонная» и с которой активно борются западные профсоюзы.

На советских предприятиях, может быть, за немногим исключением в виде предприятий особо важного значения, оборонных и т.н. «образцово-показательных»,— плохая организация труда, низкий уровень санитарно-гигиенических условий и техники безопасности, высокий производственный травматизм. При этом случаи производственных травм скрываются администрацией, акты о них составляются неохотно, администрация идет даже на то, что выставляет пострадавшему «рабочие часы», лишь бы не числить его травмированным по вине производства.

На многих участках (строительные, дорожные работы и др.) применяется тяжелый физический труд, на который по причине низкой оплаты и «не престижности» работы идут в основном женщины.

Женщины с носилками для бетона на строительных лесах, женщины в оранжевой униформе с лопатами и с ломами в руках на полотне железной дороги — одна из безобразнейших картин советской действительности.

На советских предприятиях грубо нарушается трудовое законодательство. Широко практикуется, особенно в дни авралов по «вытягиванию» плана, скрытая, не регистрируемая сверхурочная работа, чем нарушается закон о длительности рабочей недели. Эти переработки часто не оплачиваются, поскольку рабочие вроде бы и так заинтересованы: «Дадим план — будут премиальные».

Привычной формой бесплатного труда стали обязательные «субботники», общесоюзные и местные, а также направление людей, включая пенсионеров и школьников, на работу в колхозы, совхозы, на овощехранилища и т. п.

Совершенно не нормирован рабочий день у сельскохозяйственных рабочих в колхозах. У них нет оплаченных отпусков. Ввиду того, что колхозникам крайне трудно выйти из колхоза и куда-то переехать, эти люди превращены фактически в государственных крепостных.

Всякий конфликт рабочего с администрацией, выступление с критикой, попытка защищать свои права — чреваты серьезными последствиями. В руках администрации немало средств воздействия на рабочего — лишение премии, лишение тринадцатой зарплаты, снятие с очереди на квартиру, отказ в путевке в санаторий и, наконец, увольнение. Администрация имеет широкую возможность увольнять неугодных рабочих, так как в законодательстве отсутствует четкая конкретизация причин увольнения.

В СССР резко ограничен свободный выбор рабочим места работы. Средством закрепощения и дискриминации рабочих служит отсутствующая на Западе система обязательных трудовых книжек, которая является как бы продолжением всеобщей паспортной системы. Поскольку в трудовую книжку заносятся причины увольнения, почему-либо порочащие рабочего (например, запись об увольнении в связи с судимостью), такая книжка становится для ее владельца волчьим билетом. В то же время поступить на работу без трудовой книжки — нельзя.

Ограничивает свободный выбор работы и постыдная система прописки, т. е. отсутствие у населения возможности выбирать место жительства по своему усмотрению.

Несмотря на видимую нехватку рабочей силы, на объявления «требуется», т. е. на формальные признаки отсутствия безработицы, в СССР существует скрытая безработица — когда из-за резкого недостатка жилья, ограничений в месте жительства, отсутствия накоплений человек вынужден наниматься на работу, не отвечающую ни его желанию, ни образованию, ни квалификации. К этому же понуждает аморальная статья Уголовного кодекса о тунеядстве, т. е. обязанность под угрозой тюрьмы оставить поиски нужной работы и устраиваться на любую.

Можно считать, что наряду со скрытой в СССР есть и явная безработица. Если в западных странах безработным считается тот, кто не работает 2 недели, то в СССР всегда имеется огромное и неучитываемое количество людей, не работающих по много месяцев (да хотя бы те 4 месяца, что «дозволены» законом о тунеядстве). В то же время в СССР отсутствуют какие-либо пособия по вынужденной безработице. Увольняемый с предприятия, скажем, по сокращению штатов, рабочий получает единовременное пособие в размере двухнедельного заработка, и это — все.

Если бы к СССР применить выработанные многолетней практикой рабочего движения представления о безработице, которые существуют на Западе, то миф о стране, не знающей безработицы, был бы развеян.

Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть по сути образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшение условий труда.

Еще к Ленину восходит определение профсоюзов как «приводных ремней» от партии к массам. В настоящее время они превращены в инструмент прямого подчинения трудящегося населения. Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления трудовой дисциплины, воспитательной и идеологической работой (недаром они называются «школой коммунизма») и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего.

Одним из свидетельств сказанному стало немедленное подавление властями попытки создания группой рабочих в 1977–78 гг. нескольких независимых ассоциаций по защите своих прав.

Организаторы первого такого объединения (ноябрь 1977 г.), так называемого Свободного профсоюза трудящихся, В. А. Клебанов, В.Т. Поплавский и другие были репрессированы, многие подвергнуты заключению в психиатрические больницы.

Развернуты репрессии и против Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ; ноябрь 1978 г.), в частности, недавно арестован один из его основателей Л. Волохонский.

Между тем, право создания независимых ассоциаций трудящихся для защиты своих интересов, гарантированное как советским, так и международным правом[1] неоспоримо, и попытки создания таких ассоциаций будут, несомненно, продолжаться.

---

[1] 1. Конституция СССР, ст. 51.

2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, ст. 95.

3. Всеобщая декларация прав человека, ст. 20.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 22.

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 8.

6. Конвенция МОТ №87 от 9 июля 1948 г. (относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию).

Говоря о нарушении социально-экономических прав человека в СССР, мы подчеркиваем, что обеспечение этих прав не может быть осуществлено без предварительного обеспечения политических и гражданских прав, в первую очередь — права на свободу слова, печати, объединений, профсоюзов.

Мы приветствуем недавнее решение МОТ сделать официальный запрос правительству СССР в связи с репрессиями против членов независимых профсоюзов и ее намерение добиваться обстоятельного ответа по этому поводу. Заявление представителя СССР на недавней сессии МОТ в Париже[1], что В.А. Клебанов и другие основатели независимых профсоюзов — «безответственные и психически неуравновешенные люди», является не только намеренной дискредитацией, но и попыткой замолчать наличие серьезных нарушений социально-экономических прав в СССР.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
21 апреля 1979 г.

119

Документ № 86

УГРОЗА НОВЫХ РЕПРЕССИЙ ЗА СВОБОДНОЕ СЛОВО

Член редакции свободного дискуссионного журнала «Поиски» (см. документ № 74) Валерий Абрамкин в течение февраля-апреля 1979 г. трижды допрашивался следователем Мосгорпрокуратуры Бурцевым по вопросам, связанным с ранее произведенными обысками у членов редакции и с дальнейшей деятельностью редакции.

Валерий Абрамкин, которого допрашивали, как ему заявил следователь, «пока» как свидетеля, отказался давать свидетельские показания, мотивируя свой отказ, во-первых, тем, что ему не ясно существо дела, по которому он должен свидетельствовать, и, во-вторых, тем, что при обысках и изъятии принадлежащего членам редакции имущества были допущены многочисленные процессуальные нарушения.

В ходе последнего допроса следователь предъявил Абрамкину постановление о «возбуждении уголовного дела по ст. 190.1 УК РСФСР по факту изготовления и распространения журнала «Поиски», содержащего заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». Из постановления видно, что дело № 50611/14-79 о журнале «Поиски» выделено из дела № 46012/18-76, возбужденного еще в 1976 г. по факту изготовления и распространения «Хроники текущих событий». Обвиняемые как по одному, так и по другому делу не названы.

Наличие такого постановления свидетельствует о том, что готовятся новые судебные расправы над людьми, «виновными» лишь в сборе и распространении информации, «виновными» в открытом высказывании своих размышлений по социально-экономическим и политическим вопросам. Это расправа над свободным словом.

При допросах Абрамкина следователь Бурцев неприкрыто угрожал ему и членам его семьи. Эти угрозы сменялись посулами всяких благ в случае «раскаяния». В частности, следователь обещал Абрамкину восстановление на научной работе в научно-

[1] Имеется в виду сессия Исполкома МОТ в Женеве (28 февраля 1978). — *Сост.*

исследовательском институте, откуда Абрамкин был изгнан еще в 1976 г., работая с тех пор кочегаром или сторожем.

Закончился последний допрос прямой и конкретной угрозой: если выйдет шестой номер «Поисков», то он, Абрамкин, станет обвиняемым по делу об изготовлении и распространении журнала «Поиски», а все остальные члены редакции будут высланы из Москвы в административном порядке.

Таким образом, Абрамкин объявлен своего рода заложником. Угроза же административной высылки, не предусмотренной опубликованными законами, представляется реальной. Нам известно, что существует секретное постановление Совета Министров СССР № 700 от 15 августа 1978 г., по которому производится массовое административное выселение крымских татар из Крыма. Что же помешает властям применить этот тайный, антиконституционный «закон» к неугодным москвичам?

Начало внесудебным репрессиям в отношении членов редакции журнала «Поиски» уже положено. 3 апреля 1979 года было организовано собрание профессорско-преподавательского состава Института повышения квалификации руководящих работников (Министерства бытового обслуживания РСФСР), где преподает техническую эстетику член редакции Петр Егидес. На этом собрании принято решение об увольнении Егидеса за его участие в работе журнала и о возбуждении перед ВАКом ходатайства о лишении Егидеса степени кандидата философских наук и звания доцента. 6 апреля 1979 г. местком Института санкционировал увольнение Егидеса по п. 3 ст. 254 КЗОТ, т.е. за аморальные поступки, не совместимые с должностью преподавателя. Так официально признано, что участие в работе свободного дискуссионного журнала лишает человека права преподавать и вести научную работу.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, информируя правительства всех стран, подписавших Хельсинкский акт, и международную общественность о новых вопиющих нарушениях этого Акта, призывает всех, кому дорога свобода слова и мысли, выступить в защиту членов редакции журнала «Поиски».

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
25 апреля 1979 г.

120

Документ № 87

О ПОЛОЖЕНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ СССР

Мы представляем в качестве документа Московской группы «Хельсинки» доклад, составленный политзаключенными уральских лагерей: основателем Московской группы «Хельсинки» Юрием Орловым, членом Украинской группы «Хельсинки» Миколой Матусевичем, Зиновием Антонюком и Валерием Марченко.

Ю. Орлов был арестован в феврале 1977 г., осужден в июле 1978 (7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки). Находится в лагере с августа 1978 г. (в августе-сентябре находился в зоне № 35, затем — в зоне № 37). С самого начала Ю. Орлов объявил себя представителем Группы «Хельсинки» в лагере.

М. Матусевич, арестованный в апреле 1977 г. и осужденный в апреле 1978 (7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки), отбывает наказание в зоне № 35.

З. Антонюк отбывал семилетний срок лишения свободы в Мордовских и Уральских лагерях строгого режима, а также, в течение трех лет, по Владимирской тюрьме; в январе 1979, по окончании срока заключения, направлен в ссылку, где, по приговору, должен отбыть три года.

В. Марченко был арестован летом 1973 г., осужден, как и остальные соавторы доклада, по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» на 6 лет лишения свободы и 3 года ссылки. Большую часть срока отбыл в уральских лагерях; в 1977–78 гг. около полугода находился в Киевской тюрьме КГБ на «профилактике» (от него добивались заявления об отказе от своих взглядов — «раскаяния»). Марченко тяжело болен, и предстоящий этап в ссылку угрожает его жизни.

Составить такой доклад в условиях лагеря, переправить его за кордоны лагеря — чрезвычайно трудная задача; если обнаружат, поймают с «поличным» — не только пропадет вся работа, но и подвергнут новым репрессиям. В связи со специфическими трудностями утрачен раздел V доклада.

Этот документ, составленный на основе непосредственных наблюдений его авторов, испытавших на себе и советское «правосудие», и советскую «исправительно-трудовую» систему, содержащий не только изложение фактов, но и анализ ряда аспектов советской пенитенциарной системы,— Группа считает очень важным, очень значимым. Группа полностью разделяет с авторами доклада ответственность за его содержание.

Мы обращаемся к главам правительств стран, подписавших Хельсинкский акт, а также к общественности этих стран с просьбой о широком распространении документа Ю. Орлова, М. Матусевича, З. Антонюка, В. Марченко.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, Ю. Ярым-Агаев
25 апреля 1979 г.

Раздел I. Введение

Главное в проблеме заключенных в СССР — это большое количество граждан, лишенных свободы полностью или частично, по решению суда или административным порядком. Все они в той или иной форме привлекаются к принудительному труду. Их общее число сохраняется в секрете, но оно поддается приблизительной оценке. Заключенные исправительно-трудовых колоний особого, строгого, усиленного режима; колоний-поселений; воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних; так называемые «химики», освобожденные условно-досрочно и привлеченные к труду; ссыльные; высланные, встречаясь на пересылках, в следственных изоляторах-тюрьмах, сравнивают свои наблюдения относительно числа репрессированных. Большинство сходится на том, что общее число з/к, включая следственные тюрьмы и лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) для лиц, признанных пьяницами, не менее трех миллионов человек, а общее число включенных в принудительный труд не менее пяти миллионов, то есть порядка 2% всего населения.

Приходится констатировать, что если постоянная армия безработных является типичным злом капиталистической системы, то, наоборот, постоянная, приблизительно такого же масштаба, армия занятых принудительным трудом является типичным злом «реального социализма» тоталитарного толка. Советская пропаганда правильно указывает, что понимание гражданских прав и свобод в Советском Союзе и на Западе — существенно различны. Она грубо обманывает мировую общественность, когда утвер-

ждает, что советская концепция якобы автоматически соответствует интересам трудящегося большинства. Эти миллионы заключенных и полузаключенных, занятых принудительным трудом, миллионы прошедших через это в прошлом, миллионы членов их семей — не менее ощутимая часть трудящихся, чем безработные и члены их семей на Западе.

Существуют очевидные связи между возникновением миллионов людей, выброшенных из нормальной жизни, и экономическими, социальными и политическими особенностями общественной системы. Конечно, в любом обществе часть людей носит в себе врожденные наклонности, выходящие за сложившиеся рамки. Однако невероятно, чтобы в советском обществе процент таких людей был в десять раз выше, чем на Западе, но ведь именно таково приблизительное соотношение числа з/к в СССР и, скажем, в США — 250 тысяч по советским данным. Кроме того, значительная часть западных з/к, вероятно, представлена не врожденными преступниками. Учитывая это, можно утверждать, что подавляющее число советских з/к оказываются за колючей проволокой в результате косвенного провоцирования преступлений общими условиями существования. Разумеется, это не означает, что мы хотим оправдать насилие или воровство. Мы лишь указываем на существование коллективного сопреступника — социально-экономическую и политическую систему. Большинство з/к — выходцы из рабочих и крестьян, в лагерях они и сами являются рабочими. Большая часть уголовных преступлений — это хулиганство, воровство, разбой, грабеж, хищения различного масштаба. Значительная часть преступлений совершается в пьяном виде, велик процент пьяниц, и ЛТП составляют уже заметную долю общего числа колоний.

Сами по себе эти пороки характерны для любого современного индустриального общества. Аномальным является здесь не их наличие, а чрезвычайно высокий уровень. Можно указать на следующие источники этого явления:

1) Отсутствие такого канала отвлечения людей, особенно молодежи, от пьянства и преступности, как участие в коллективной борьбе за жизненный уровень, за свои права (имеются в виду не планируемые правительством митинги и демонстрации, а также забастовки и т.д.).

2) Отсутствие еще одного канала отвлечения — возможности инициативного предпринимательства (без эксплуатации чужого труда). Между тем, существует ряд направлений деятельности сферы услуг, снабжения населения некоторыми видами продуктов и прочее, где частная инициатива повысила бы уровень жизни народа.

3) Нежелание части граждан мириться с хронической [нуждой] по сравнению с известными им западными стандартами и по сравнению с обеспеченностью руководящего меньшинства. Еще раз отмечаем, что мы не имеем целью оправдать преступления, совершаемые на этой почве, но мы указываем на условия, провоцирующие их. Государство провозглашает своей целью высокий уровень жизни народа, однако во многих регионах оно не в состоянии реально обеспечить его.

4) Потеря веры в моральные принципы у части молодежи, происшедшая и в результате преследований религиозно-этического характера, и в результате разочарований в государственной идеологии.

5) Запрет на информацию общественности по таким вопросам, как число и динамика роста преступлений, число з/к и режим их содержания, нарушение гуманности и т.п.

6) Наличие определенной заинтересованности государства в использовании принудительного труда. Недостаточная оплата труда, плохие условия приводят к недобору рабочей силы в некоторых промышленных районах. З/к и «химики» играют здесь роль как бы вынужденных штрейкбрехеров, заменяющих рабочих.

7) Негуманная концепция «перевоспитания», согласно которой большие сроки заключения, жестокие условия содержания и общее преобладание мер устрашения,

неотвратимости наказания — наилучший путь избавления общества от преступности. В действительности же, как признают иногда в беседах официальные лица, «исправительные» уголовные колонии — это настоящая школа преступности, аморализма, где человек человеку волк, где из-за узаконенной нехватки продуктов питания и вещей процветают спекуляция и первобытно-хищные принципы взаимных отношений, ибо реальность жизни сильнее красивых лозунгов.

Мы обращаем внимание профсоюзных и других рабочих организаций, что СССР является такой развитой индустриально страной, в которой сохраняется пролетариат в самом первобытном смысле этого слова. Положение миллионов граждан, занятых принудительным трудом, можно было бы сравнить с положением крепостных уральских рабочих давно прошедшей эпохи.

Необходимо иметь в виду, что не только политические, но и немалая часть уголовных преступников осуждены несправедливо даже с формальной точки зрения или, во всяком случае, жестоко. Это результат судебного и в особенности следственного произвола.

Режим содержания заключенных всех категорий во многих аспектах содержит прямые нарушения международных обязательств Советского Союза по правам человека. К сожалению, получение достоверной информации о нарушениях прав человека в уголовных колониях, тюрьмах и местах работы «химиков»[1] [затрудено]. Такую информацию могли бы предоставить осужденные по ст. 190[2], верующие и другие лица, сообщениям которых можно было [бы] доверять. На основании жалоб многих з/к, с которыми встречались политические заключенные, можно уверенно говорить о скудном питании в тюрьмах и большинстве колоний, о низком заработке во многих местах работы «химиков», об избиениях в некоторых тюрьмах (Балашовская, например), о тяжелых условиях этапирования, о плохом медицинском контроле в некоторых колониях (например, в Мордовской ИТК-5 заключенным не давали освобождения от работы при повышенной температуре, если она ниже 38°), об угнетающем действии локальных зон, в которых колючая проволока окружает каждый барак в нескольких метрах от его стен и т.п. Информация о положении политзаключенных является существенно более детальной и, несмотря на репрессии, поступает из лагерей и тюрем систематически в течение многих лет.

Проводимая внутри страны национальная политика находит свое отражение в национальном составе политзон. Среди заключенных Мордовских и Уральских лагерей 30–40, а иногда и более, процентов составляют украинцы, около 30 % прибалты и менее 30 % русские и представители других народов СССР. Именно украинцы вынесли основную тяжесть борьбы против произвола сталинских лагерей, несут они ее и теперь.

Составители доклада комиссии конгресса США накануне Белградской встречи недоумевают по поводу большого числа наказаний з/к в СССР, но ведь советская пенитенциарная система направлена на уничтожение личности, и сохранить личность как таковую можно лишь в сопротивлении. Сопротивлении, несмотря ни на какие наказания.

Мы, осужденные члены Группы содействия, имеем теперь возможность лично наблюдать положение и можем сказать, что вся прежняя информация была правильной. Более того, жизнь политзаключенных во многих ее деталях оказалась драматичней, чем это представлялось на основании вынужденно кратких сообщений из мест заключения: больные более больны, придирки и наказания более бессмысленны и произвольны.

---

[1] См. прим. XXXI.

[2] Имеются в виду ст. ст. 190.1 и 190.3 УК РСФСР. — *Ред.*

Представляемый доклад суммирует, в основном, положение в политзоне № 35, в которой мы находимся, за последние примерно 2 года. Его различные разделы написаны разными ПЗК — за исключением Орлова и Матусевича, не членами группы,— давно изучившими соответствующие проблемы. Они отмечают улучшение положения в последние месяцы и недели, однако неясно, насколько эти изменения стабильны, не являются ли они временной тактикой.

Требования малого объема и другие трудности привели к тому, что масса фактов осталась за пределами доклада.

Ю. Орлов

Раздел II. О труде заключенных

В советской пенитенциарной системе «общественно полезный труд» провозглашен чуть ли не основным средством воспитания. А поскольку пенитенциарная система — это слепок с общества, то ей присущи пороки, характерные для общества в целом, но в более оголенной форме. Сама же по себе идея воспитания трудом, если ее принимать разумно, содержит положительное зерно. Однако в советском агрессивно-бюрократическом исполнении самая разумная идея способна превратиться в свою противоположность.

В исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) СССР принудительный труд является существенной частью наказания — это его главная особенность. Далее, в ИТУ власть выступает по отношению к заключенным в качестве бессовестного эксплуататора, стремящегося урвать побольше, а дать поменьше, используя для этого не только силу, но и обман; наконец, труд в политических ИТУ — это один из рычагов, с помощью которых КГБ и администрация стараются сломить невыносимую моральную и политическую позицию человека, и не только в заключении, но и после освобождения, ибо полное перевоспитание понимается в КГБ только в одном смысле: как сотрудничество с властями. В этих условиях было бы нелепо говорить о каком-либо воспитательном труде.

Вызывает большое сомнение и общественная полезность труда заключенных. В социально-психологическом плане общество привыкает, как к чему-то естественному, к существованию миллионов современных крепостных рабочих.

В плане экономическом существенно, что заключенные работают на самом устаревшем, часто давно списанном оборудовании, с применением устаревшей же технологии. Следовательно, миллионы людей проходят в заключении школу технологического отставания, а большой отряд инженеров и техников, управляющих трудом з/к, свыкается с устаревшими методами. Таким образом, дешевизна продукта принудительного труда едва ли покрывает убытки, связанные с консервированием архаических методов технологии.

Труд как наказание сопряжен с очевидными физическими и моральными потерями, унижает человеческое достоинство, воспитывает не граждан, а рабов. В некоторых случаях труд заключенных так изнурителен, что его можно назвать пыткой. Например, труд в ПКТ осуществляется на пониженном питании, которое можно еще более понизить при невыполнении выработки, или, к примеру, в части камер Владимирской тюрьмы работа организована по системе, которую з/к назвали «СССР» (спальня, столовая, сортир, работа — все это совмещено в камере размером в 10 кв. м. где годами живут и работают 2–3 заключенных). В камерах установлены лампы, которые включаются в 6 часов утра и работают до 10 часов вечера, т.е. в течение 16 часов. Изнуренные скудным питанием, заключенные вынуждены соглашаться на эту «услугу» работодателя, им нужно заработать тюремный ларек — 3 рубля в месяц, ведь, как

известно, продукты питания и предметы первой необходимости разрешается закупать только на деньги, заработанные в ИТУ. По словам заключенных, работающих по системе «СССР», здоровье человека редко выдерживает более полугода этот труд и непрерывный стук по 16 часов в день; обычно срываются через три месяца. Уходят из рабочей камеры путем отказа от дальнейшей работы, то есть через карцер и строгий режим. Но отказ от работы дает администрации формальный повод вычитать стоимость питания, одежды и обуви из денежных средств, имеющихся на лицевом счете у неработающего з/к. Поэтому многие из неполитических заключенных через год, когда кончаются заработанные гроши, снова вынуждены возвращаться к системе «СССР» (если администрация не предложит «по блату» работу на заводе, имеющемся при тюрьме), быстро разрушающей их здоровье. Несмотря на такие тяжелые условия труда, тюремная администрация всегда имеет «свободный рынок рабочей силы», так как заключенные (неполитические), испытывая постоянное чувство голода, готовы работать на любых условиях.

Политзаключенные более стойко переносят голод и наказания и отказываются от работы по принципиальным соображениям — например, новое движение за статус политзаключенного явочным порядком, начавшееся в 1975 г. Не все, конечно, работы являются тяжелыми и вредными, но такие работы имеются все-таки во многих уголовных и политических лагерях. Так, в многочисленных лесных зонах очень тяжелые работы на лесоповале и на так называемой «бирже», где часто приходится вручную затаскивать под распил бревна большой толщины. В политической ИТК-36 очень вредна работа по набивке ТЭНов (деталь электроутюга), на которой приходится работать с респираторами или марлей на лице (систематически перерабатывая на этой работе, чтобы иметь хоть какие-то деньги для помощи семье, за короткое время надорвал свое здоровье заключенный Загурский, которого в сентябре 1978 г. актировали в тяжелом состоянии). Необходимость помощи семье — главная причина сверхурочных работ заключенных. Расценки, однако, столь низки, что, работая по 12 часов в сутки, заключенные едва могут посылать семье 50–60 рублей в месяц. Согласно Исправительно-трудовому законодательству РСФСР и союзных республик, труд заключенных оплачивается по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве. Согласно же приказу МВД, расценки работ заключенных должны быть примерно на 5% ниже, чем у вольных рабочих. Действительная ситуация с расценками еще хуже, так как заключенные работают на более устаревшем оборудовании, чем вольные, а также ввиду произвола в расценках, допускаемого в ИТУ.

Иногда нормы и расценки устанавливаются откровенно индивидуально, то есть в зависимости от поведения политзэка. Например, стоило Симчичу принять участие в защите Марченко от произвола (осенью 1976 г. администрация обрушила на больного Марченко обойму наказаний, заставляя его, больного, выполнять нормы выработки), как норма по фрезерной обработке резцов, где работает Симчич, стала просто невыполнимой, несмотря на сверхурочную работу. С переходом на эту работу вместо Симчича более лояльного человека (Хохлова А.) были возвращены прежние нормы и расценки. Вообще говоря, нормы выработки очень высоки, выполнить норму нелегко. Норму часто и произвольно повышают без внедрения каких-либо технологических и организационно-технологических нововведений, иногда только ссылаясь на выработку заключенных, работающих сверхурочно. Следует учесть, что 50% реального заработка заключенного вычитается в пользу МВД, которое не жалеет расходов на свои постоянно растущие штаты. Из каждого процента сверх 100% нормы выработки вычитается, однако, лишь 25%, а из каждого процента сверх 200% не вычитается ничего, поэтому для МВД невыгодно, чтобы у заключенного, несмотря на сверхурочную работу, получалась выработка не только выше 200% нормы, но существенно выше 100%.

Отсюда и постоянное взвинчивание норм. И вот администрация, манипулируя нормами выработки, идет на такие обманы рабочих-заключенных, какие использовались капиталистами давно прошедших времен. Из денег, оставшихся после этих вычетов на МВД и снятия сумм по искам, вычитают стоимость питания, одежды, обуви. Причем при раскладе питания на 12 рублей в месяц со счета з/к снимают под видом разных накладных затрат примерно в два раза больше. Заключенных заставляют работать существенно больше, чем вольных рабочих: не по 41 часу, а по 48 часов в неделю (по 8 часов 6 дней в неделю), но необходимо еще учитывать дополнительные 2 часа общественных работ и отработку дней, проведенных на свидании с родственниками. Заключенные не имеют отпусков, они не получают надбавок за сверхурочные работы, их могут заставить работать и в праздничные дни. Так, 7–8 ноября 1977 г. и 1 января 1978 г. политзаключенного Плумпу заставили работать в котельной без отгула и без положенной по закону двойной оплаты. Когда же в другой раз Плумпа не вышел на работу в воскресенье, он был лишен так называемой производственной надбавки (права расходовать в ларьке на 2 или 4 рубля больше положенных 5 рублей в месяц). Производственная надбавка дается за перевыполнение нормы, но в ИТК-35, как, впрочем, и в других политзонах, она немедленно снимается; например, из-за непосещения политзанятий или когда появляется рапорт надзирателю о случае нарушения режима, где бы это нарушение ни происходило (например, Лисовой шел из столовой «не строем»). Как правило, такие рапорты появляются в результате беззастенчивых придирок к заключенным, проявляющим нежелание «перевоспитываться», то есть в той или иной мере сотрудничать с администрацией.

Часто такие рапорты, придирки сыплются даже на заключенных, просто обращающихся с жалобами и заявлениями о фактах беззакония в зоне в различные советские органы, поскольку это расценивается как нелояльность к советской власти.

Здесь можно приводить бесконечное количество примеров. Закон предусматривает в ИТУ профессионально-техническое обучение для заключенных, но ученические деньги начальство нередко старается не выплачивать, принуждая учеников сразу выполнять нормы выработки, дополнительную плату (как ученику) утаивая. Марченко, например, по всем инстанциям добивался своих ученических прав. Практикуют абсолютно неаргументируемое снятие зэков с уже оформленного приказом по колонии ученичества (заодно и с оплаты). Так было с Антонюком, которого сняли с ученичества через неделю после начала производственного обучения на новом месте (фрезеровщиком). Потом выяснилась причина этого нарушения приказа об ученичестве: КГБ решил скрутить его через систему наказания от карцера до ПКТ [нрзб.], а потому его списали с производственной зоны и предложили вместе с Пронюком работу по ремонту запретзоны. Поскольку труд — это и рычаг, с помощью которого вводится в действие вся система наказаний, начиная с лишения права покупать продукты в ларьке или лишения права на свидание с родственниками и кончая штрафным изолятором, ПКТ и тюремным заключением на срок до 3 лет, то соответственно посыпались и наказания.

Казалось бы, единственное, что нельзя отобрать у непокорного заключенного, это надбавки в питании за вредность (например, металлисты ИТК-35 получают за вредность по стакану молока в день). Но и здесь бывают «забывания» включить в список на спецмолоко под видом уточнения перечня работ по степени их вредности. Например, в 1978 г. число заключенных Владимирской тюрьмы, получающих молоко за вредность, сокращено более чем в два раза, хотя никаких изменений технологического (ни даже организационного) характера в производстве не произошло.

Закон гласит, что труд заключенных организуется с соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, установленных законодательством о труде. На практи-

ке это положение полностью игнорируется. Кого только ни принуждали приступать к работе на станке до сдачи экзаменов или даже без какого бы то ни было обучения, начиная с Антонюка в декабре 1972 г. и кончая Плумпой в марте-апреле 1978 г. И наказывают за неподчинение. Собственно, наказывают за отказ подчиненного нарушать законодательство о труде. Впечатляющим примером того, как начальство идет на полное игнорирование не только всех законов и правил по технике безопасности, но и просто элементарной человечности, является эпопея принуждения Светличного, у которого на руках отсутствуют 8 пальцев, работать на компрессорной установке. Решением ВЦСПС за последние годы создана разветвленная сеть правовой инспекции труда. Существует и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 октября 1976 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о труде и правил по охране труда». Не вдаваясь в анализ эффективности этих узакониваний на вольных предприятиях, отметим, что предприятия МВД, на которых трудятся миллионы современных пролетариев, остались вообще вне этих узакониваний.

Вообще говоря, система ИТУ, через которую пропускают весьма значительную часть населения государства, является очень важным звеном функционирования реального социализма, сохранения атмосферы бесправия, чувства незащищенности рядового члена общества перед произволом начальства.

Ю. Орлов, З. Антонюк

Раздел III. Взаимоотношения между администрацией и политзаключенными

Взаимоотношения между администрацией и заключенными преследуют цель «перевоспитания и исправления осужденных», то есть добиться от них отказа от своих убеждений, используя прежде всего Исправительно-трудовое законодательство РСФСР и закрытые инструкции МВД, по-видимому, относящиеся к наиболее жестоким из действующих ныне в мире. Той же цели служат изнурительный труд; низкокалорийная, даже не восстанавливающая сил пища; поток наказаний, сыплющийся за малейшее нарушение; строжайшая изоляция от внешнего мира.

Подъем в лагере ИТК-35 производится в 6 часов утра. И достаточно з/к остаться в постели на 1–2 минуты дольше, как дежурный помощник начальника колонии, обычно поджидающий у двери, заскакивает в секцию и, торжественно оглашая, вносит штрафников в список. Наказания за то, что не встал по подъему, особенно широко практиковались в 1973–74 гг., тогда им подвергался почти каждый «не вставший на путь исправления». Что упомянутые наказания производились выборочно, легко было заметить по тому, как капитан Поляков или старший лейтенант Чайка отворачивались от з/к, сотрудничавших с администрацией, которые замешкались на своих койках, и тут же «брались на карандаш» Пришляк, Хнох, Давиденко. Старожилы-двадцатипятилетники рассказывают, что в пятидесятые годы «будители» обычно заскакивали с деревянными колотушками и били проспавших по чему попало, так что в семидесятые годы наказание, скажем, лишением права приобретения продуктов питания в ларьке на очередной месяц ретроспективно можно расценивать как гуманное.

В 6 часов 35 минут проводится поверка. Наказывают за опоздание все ту же категорию «неисправимых».

В Мордовии лагадминистрация, снедаемая заботой о здоровье осужденных, обязала всех делать утреннюю гимнастику — унылая картина, где выделяется отнюдь не бодрая группа инвалидов, которая под мелодию «Прощание славянки» выполняет надлежащий комплекс. Неучастие в мероприятии наказывается.

На завтрак и с него, после поверки, отправляются строем. Причем, чтобы не утруждать себя, а то и по издевательским побуждениям, прапорщики заставляют большин-

ство ожидать во дворе, пока поедят инвалиды, получившие диетпитание. Ускорить эту процедуру могут только крайне неблагоприятные погодные условия. За 25 минут до 8 [часов] — начала работы — з/к выстраивают перед производственной зоной и после поименной переклички выводят на завод. Так начинается здесь каждый день 48-часовой рабочей недели (новая Конституция пока не затронула Основ ИТЗ, регламентирующих труд миллионов советских з/к).

После вечерней поверки в 18 часов 30 минут трижды в неделю проводится политчас. За неявку, например, в Мордовских лагерях наказывают, формулируя откровенно: за неучастие в политико-воспитательной работе. В 35-м лагере удалось добиться отмены подобных наказаний многочисленными протестами прокурору в 1974 году. Тогда администрация стала использовать здесь как средство давления невыдачу 2–4 рублей на ларек за перевыполнение нормы. Доказать, что «производственные» деньги не имеют к лекциям и информациям никакого отношения, не удавалось на протяжении нескольких лет. Политико-воспитательную работу, направленную на прививание з/к коммунистического мировоззрения, естественно, игнорируют лица, придерживающиеся других, немарксистских, убеждений. Подобного свободомыслия не могут допустить работники МВД, а представитель такой сугубо гуманной нейтральной профессии, как медицина, доктор Соломина с гневом бросила И. Светличному, заболевшему воспалением легких: «Мы вас лечим, а вы такое говорите!» — речь шла о плюрализме в СССР. Отбой в 22 часа по местному времени означает «мертвый час» в полном смысле этого определения. И. Залмансона неоднократно наказывали за хождение после отбоя. Д. Верхоляк едва сумел доказать, ссылаясь на диагноз в медкарточке, что он задержался в туалете по причинам чисто физиологического, а не антисоветского свойства.

Для видимости объективности к перевоспитанию з/к, не желающих отказываться от своих убеждений, подключают и лиц, работающих в ИТК по вольному найму. В роли послушных статистов они, входя в состав воспитательной комиссии, подписывают любые постановления. Так, в 1975 г. возникло ходатайство перед администрацией ИТК ВС-389/35 о помещении Пронюка в ПКТ. Одним из оснований послужило то, что он якобы не выполнил нормы выработки. Туберкулезник Пронюк, у которого нет одного легкого, отсидел 5 месяцев камерного режима. Так КГБ и МВД отплатили, наконец, «виновнику» массовой месячной голодовки и забастовок лета 1974 г.

Администрация часто использует в своих целях аморальных, раздавленных репрессивно-карательным прессом людей. Так, в 1974 г. з/к, члены совета коллектива колонии, Островский и Ефимов по «собственной» инициативе обратились к начальству с ходатайством о применении ст. 77.1 УК РСФСР к нарушителям (заключенные, «терроризирующие других, «вставших на путь исправления», либо нападающие на администрацию, либо организующие в этих целях «преступные группировки», могут быть осуждены по этой статье на 8-15 лет лишения свободы или приговорены к смертной казни). Рвение двух «отличников труда и быта» было вскоре отмечено всевозможными поощрениями.

«Ходовым» является наказание «за отсутствие на рабочем месте». В 1974–75 г. по этому поводу составляли рапорты даже не служащие МВД — начальник цеха Азаров, инженер по технике безопасности Жилин и др. Свои действия эти вольные мотивировали тем, что з/к обязаны трудиться. Когда же им пытались объяснить, что нормы завышены, а еды не хватает, в ответ шел всеоправдывающий штамп: «Вы ведь наказаны».

Сам факт заключения уже служит причиной наказания. «Поводы» в таком случае находятся путем по-садистски скрупулезного следования режимным требованиям... Так, Пидгородецкий зашел к цензору, старшему лейтенанту Колесниченко, в куртке парикмахера. Поздоровавшись, он спросил, нет ли ему письма (рабочие часы

парикмахерской совпадают со временем приема у цензора). Она потребовала, чтобы Пидгородецкий привел себя в надлежащий вид и доложил, как положено: «Осужденный такой-то явился по вашему вызову». Пидгородецкий отказался от выполнения бессмысленной процедуры. После этого Пидгородецкий был наказан за «несоблюдение формы одежды и грубость с представителем администрации», хотя все 26 лет заключения он является примером вежливости и опрятности. По рапорту капитана Кытманова, Б. Шахвердян был лишен ларька за то, что «не поднялся для приветствия».

Обычно очередность наказаний такова: устное предупреждение, выговор, лишение ларька на месяц, карцер, ПКТ и тюрьма. Часто, однако, этот порядок не выдерживается и как к наиболее эффективному средству прибегают к лишению ларька и карцеру. С 1977 г., после ввода новых Правил внутреннего распорядка ИТУ, стало возможным бессрочное помещение в карцер. Этим не преминуло воспользоваться начальство Владимирской тюрьмы, «прокрутив» 45 суток (июнь-июль 1978 г.) З. Попадюка. Однако это положение Правил, ныне дозволенное «де юре», широко использовалось «де факто» ранее. Так, на те же 45 суток был водворен в карцер С. Сапеляк (ИТК ВС-389/36).

Атмосфера безнаказанности, в которой действует администрация, превращает каждого прапорщика, не говоря уже об офицерах, в настоящих профессиональных истязателей в зависимости от степени озлобленности. «Дай мне его в отряд, он у меня шелковым станет»,— говорил старший лейтенант Кузнецов начальнику другого отряда о В. Павленкове, и такие слова не были пустым бахвальством. Отрядный Кузнецов, вечно пьяный, развлекался тем, что выискивал повод для наказания. С. Сорока в рождественский вечер поставил на своей тумбочке свечку и елочную ветку — в карцер. Неаккуратно заправленная койка — в карцер. Расстегнутый ворот — в карцер. Да мало ли за что можно карать «государственных преступников».

Широкая шкала довольно разнообразных наказаний зачастую оказывается недостаточной, и тогда в ход идет составление ложных рапортов. Классическим примером подобной фальсификации может служить акт, составленный по распоряжению начальника оперчасти Храмушина на Буковского об отсутствии на рабочем месте. В своей жалобе в прокуратуру Буковский указал, что отсутствовать, равно как и присутствовать на рабочем месте он в тот день не мог, поскольку это был выходной — воскресенье. Пронюка наказали за невыход на работу, хотя у него имелось освобождение по болезни.

[Раздел III, ст. 4.][1]

Обращения з/к в прокуратуру — орган, призванный следить за соблюдением законности в местах лишения свободы,— обычно оканчиваются отписками в том смысле, что «наказан правильно». Все же другие инстанции, куда осужденный в СССР имеет право обращаться, пересылают его жалобы либо в ту же районную прокуратуру, либо назад в Управление ИТУ. И тогда з/к в назидание наказывают за составление клеветнических заявлений. Особенно широко эта практика имела место в мордовских лагерях; одним из постоянно наказуемых во Владимирской тюрьме был Сусленский. В случае явных нарушений администрацией законности представители надзорных инстанций часто прибегают к замалчиванию, ответам не по существу типа «осужденный имярек осужден правильно» или к прямому попустительству беззакония. Так, мл. советник юстиции Пермской облпрокуратуры Орехов на жалобу С. Ковалева об изъятии его заявления Генеральному Прокурору СССР, где рассматривались действия КГБ в ИТУ ВС-389/36, ответил, что конфискация произведена правильно. Подобная реакция государственного органа, призванного следить за охраной прав личности под арестом, во

[1] Этот фрагмент раздела III был опубликован в сборниках документов МХГ («Хроника-пресс») позднее (документ №87 в вып. 6, фрагмент — в вып.7). — *Сост.*

время суда и в местах заключения, является одной из главных причин роста рецидивов преступности, циничного игнорирования общества вообще среди осужденных по бытовым статьям.

Тот факт, что из прокуратуры приходят ответы, одобряющие произвол работников МВД вызывает среди некоторых политических з/к протест в форме полного неприятия требований режима. Спровоцированного таким образом з/к администрации уже просто наказывать «на законных основаниях». Летом 1976 года после ряда мелочных, изматывающих нервы придирок и наказаний Р. Зограбяну было предложено оставить место слесаря и перейти в ученики токаря, имея квалификацию слесаря высокого разряда. Зограбян обратился к дирекции завода с просьбой оставить его на прежней должности, однако ответа не получил. Более того, его начали карать карцером за отказ от работы. В результате, не выдержав издевательств, он явочным порядком перешел на статус политзаключенного, за что наказания даются значительно более суровые. Не желая настолько обострять ситуацию, дирекция предложила Зограбяну «вернуть все назад» (производственная необходимость в его переводе внезапно прошла), однако он стоял на своем и вскоре был осужден во Владимирскую тюрьму.

Если в предыдущие годы и десятилетия главной проблемой в системе ГУЛаг было исправление, т.е. обезвреживание особо опасных государственных преступников, то теперь к ней прибавилась еще одна — выход информации. Правда о методах, к которым прибегают власти при расправе с инакомыслящими, делаясь достоянием мировой общественности, демонстрирует подлинное положение с правами человека в СССР. Надо отдать должное советскому концлагерному гению: личные обыски по нескольку раз в день, конфискации жалоб в вышестоящие инстанции, изъятие любых записей, найденных у з/к, и даже гинекологические осмотры жен и матерей, приехавших на свидание, буквально заполняют арестантские будни. К слежке за подозреваемыми в составлении информации подключены з/к, сотрудничающие с КГБ и начальником оперчасти зоны. Предупреждения о привлечении к уголовной ответственности за продолжение «антисоветской деятельности» в местах лишения свободы были сделаны И. Светличному и С. Глузману. За устную передачу жене известия о попытке покончить с собой И. Мешенера поехал во Владимирскую тюрьму В. Павленков. В карцер за то, что на глазах у прапорщиков успел съесть свои записи — «оказывал сопротивление представителю администрации», был посажен Д. Гринькив. Именно выход информации — интервью академика А. Сахарова о положении в советских концлагерях — послужил причиной для известной провокации в ноябре 1974 года. Группа лагерных сексотов пыталась вызвать на драку «антисоветчиков», чтобы свести счеты за «клевету на честного парня» — провокатора, сотрудничавшего с начальником оперчасти Храмушиным.

Как выяснилось, вдохновляли «защитников правды» майор КГБ (с недавнего времени подполковник) Афанасов и капитан Шариков[1] из Скальнинского управления ИТУ. Только благодаря выдержке политических з/к и моментальному освещению событий вне зоны удалось избежать кровопролития и, соответственно, новых сроков. Примером тому, как в подобной ситуации могут разворачиваться события, является дело М. Симчича, досиживающего свой 30-летний срок «за избиение осужденных, вставших на путь исправления» в идентичной ситуации в 1952 году.

Проводимая внутри страны дискриминационная политика в отношении национальных меньшинств отражается прежде всего в национальном составе политзон. Менее 30% здесь — русские, а также представители других национальностей СССР, около 30% — прибалтийцы; 30–40%, иногда и более, составляют украинцы. (В 1979 году в ИТУ ВС-389/35 из 210 человек 76 были украинцы.) Именно они вынесли основную

[1] Ниже назван прапорщиком. — *Сост.*

тяжесть борьбы против произвола сталинско-бериевского периода и теперь являются образцом, вдохновляющим и сплачивающим не пожелавших отречься от своих убеждений людей чести и долга. Лагадминистрация довольно чутко реагирует на нюансы национально-государственного строительства в СССР. Так, на 36 зоне карательный цикл замыкался в основном тремя «диссидентами-антисоветчиками»: Сверстюком, Лукьяненко, Сапеляком, к ним еще часто подключался Кудирка. Майор Федоров, пожалуй, самый свирепый из карателей современных советских политзон, лично осуществлял большинство наказаний. Благодаря такой исправительно-воспитательной работе Сапеляк менее чем за три года отсидел 183 суток карцера, побывал в ПКТ, а прапорщик Шариков не преминул позлорадствовать насчет того, что «хохол у нас еще помучается». Истина, что только в сопротивлении насилию и злу человек способен сохранить себя как личность, нашла свое подтверждение в истории советских концлагерей.

В условиях изнурительного труда, недоеданий, истязаний и издевательств немногие остались в живых и еще меньше остались верными непреходящим ценностям. Они, старики — 25-летники,— В. Пидгородецкий, В. Пирус, С. Мамчур (покойный), П. Строцень, В. Солодкий, А. Киселик — дают притягательный пример новоприбывшим, и здесь уже творится новый цикл из вечного человеколюбия, долга перед собой и перед Родиной.

В. Марченко

Раздел IV. О медобслуживании

Нижеследующее изложение говорит о медобслуживании ИТК ВС-389/35 со времени руководства Центральной больницей Ю. Ш. Шелией (то есть с сентября 1976 г.) с привлечением особо одиозных нарушений и в других лагерях (достаточно подробное освещение этой темы до указанной даты можно найти в материалах уже опубликованных).

Очевидно, что серьезность медобслуживания больных определяется видом и сложностью заболеваний. Трудоспособность, а также размер возможных наказаний для з/к должны определяться администрацией, исходя из заключения комиссии ВТЭК, которая раз в год свидетельствует всех з/к. Заключения же ВТЭКовских комиссий, как правило, подвержены рекомендациям сотрудников МВД и КГБ, а также зачастую предвзятым характеристикам главврача зоны. Так, в свое время были признаны инвалидами, а затем лишены II группы инвалидности (группы, дающей право работать почти всегда по желанию) И. Светличный, В. Пидгородецкий, Г. Гимпу, В. Филоненко. Противозаконность таких решений очевидна, поскольку у Светличного не отросли 8 пальцев на руках, у Пидгородецкого не исчез горб, у Гимпу не появился оперированный желудок, а у Филоненко не прекратилось прогрессирующее заболевание костного мозга (тромбоцитопения). Кстати, когда у последнего отбирали II группу, то ему вписали в медкарточку анализы крови, которые не наблюдались на протяжении многих лет лечения в диспансере.

Фальсификация результатов анализов, то есть запись их в улучшенном виде, в Центральной больнице ИТУ, а также в медчастях зон 35, 36, 37 — распространенное явление. Например, в историю болезни Марченко заносились данные, не соответствующие истине. Результаты анализов, проведенных ему до ареста в Киевском институте заболевания почек, разительно отличаются от аналогичных, проведенных в киевском изоляторе КГБ во время пребывания там на «профилактических собеседованиях».

От инвалидов III группы (определяющей работу с ограничениями) администрация требует норму выработки, строго наказывая в случае ее невыполнения. С ведома и одобрения врачей за это понесли наказание Светличный, Пронюк, Марченко. За отказ от работы подверглись моральному террору с угрозами дальнейших наказаний инвали-

ды III группы С. Мамчур (ныне покойный), Е. Пришляк, Д. Басараб. Как следует из всего приведенного, группа инвалидности не только не является фактором, обеспечивающим з/к облегченные условия содержания, но даже не спасает от режимных преследований.

Атмосфера нарушения законности и злоупотреблений, царящая в ИТК, приносит свои зловещие плоды. Показательна здесь смерть Мамчура. После нескольких вызовов к заболевшему з/к сначала явился прапорщик, затем ДПНК, замполит, и прошло значительное время, пока нашли дежурную медсестру Кузнецову (но она не знала, что предпринять, спрашивала у з/к Черкавского, «давать ли укол магнезии?»). Потом, наконец, явилась Т. А. Соломина (врач, исполняющая обязанности терапевта, но окончившая факультет сангигиены), которая, видя катастрофическое состояние Мамчура, сумела лишь распорядиться: «госпитализировать». А больной, у которого сначала была резкая головная боль, потом галлюцинации и рвоты, впал в беспамятство... У него начались судороги, исказилось лицо. Явные симптомы инсульта — у Мамчура несколько лет была инвалидность по поводу гипертонии — не были обнаружены ни медсестрой, ни лечащим врачом на протяжении почти трех часов, пока не пришел терапевт-консультант Утыро. В результате на месте не была оказана первая неотложная помощь. Вскрытие показало кровоизлияние в мозг. Уместно будет привести небольшую хронологию контактов покойного с представителями лагерной медицины. Месячное диетпитание Мамчур получал обычно не чаще 2–3 раз в год. Январь 1977 г. — находился в стационаре и на протяжении трех месяцев до смерти (10 мая 1977 г.) тщетно просил о диетпитании. На следующий день после смерти разрешение на диетпитание поступило. Лишь в начале мая ему предложили снова госпитализироваться, однако, приученный терпеть, Мамчур чуть затянул с согласием — в больнице почти тюремный режим содержания и это, как он жаловался, на него действует угнетающе.

Медработники ИТУ ВС-389 являются исполнителями самых возмутительных распоряжений администрации. Летом 1975 г. по оперативному заданию майор Ярунин лично осматривал анальные отверстия и прямую кишку Б. Шахвердяну перед свиданием. В июле 1976 г. в присутствии прапорщика Ермаковой женщиной-медиком производился гинекологический осмотр матери Марченко. Врач ИТК ВС-389/36 Петров выступает в роли раздатчика продуктов и приемщика информации у з/к, сотрудничающих с КГБ (разоблачительное заявление С. Таратухина, зима 1976 г.). Возможность «безболезненного» получения диетпитания и «регулярного отдыха в больничке» обещал К. Исмагилов при попытке вербовки М. Горбаля — плату за сотрудничество с КГБ (ноябрь 1974 г.). Таким образом, налицо обкрадывание больных з/к, нанесение ущерба здоровью ожидающих своей очереди в больницу.

Транспортировка из 36 и 37 зон в центральную больницу (35 лагерь) осуществляется в обычных автозаках (смерть Плейша была ускорена из-за этого), тогда как в законе оговорена необходимость перевозки больных в специально оборудованном транспорте.

Диетпитание в ИТУ ВС-389 остается на крайне неудовлетворительном уровне. В рационе постоянно несвежие, даже не пригодные к употреблению продукты. Так, с августа 1977 г. по сентябрь 1978 г. еда готовилась из квашеной капусты, которая была несъедобна еще зимой. Масло в диетпитании летом-осенью 1978 г. заменялось маргарином либо комбижиром. В августе-сентябре готовили сушеный картофель. За 6 лет существования зоны 389/35 больные не получали свежих фруктов. Да и стоимость так называемой диеты — около 23 рублей — вряд ли разрешает приобретение минимума калорий, необходимых больному.

Центральная больница — небольшое двухэтажное здание, чистое внутри благодаря з/к-уборщикам, куда свозятся больные из 35, 36, 37 зон. Из-за желания администрации

трации всячески ограничить контакты между зонами три группы больных постоянно находятся в постоянно закрытых помещениях, куда сестра и врач входят в сопровождении прапорщика. Отсутствие круглосуточного дежурства медиков (медсестра в Центральной больнице формально находится от 8 до 20 часов) подвергает опасности жизнь тяжело больных, равно как и отсутствие дежурного санитара причиняет им дополнительные страдания. В связи с вышеупомянутым оперативным соображением (пресечение контактов) прогулка разрешена лишь два часа в день на локализованных участках. Медперсонал ЦБ состоит из главврача Шелии (хирург), лечащего врача Черкасовой Т. Н. (терапевт), штата медсестер (3–6 человек). Операционная, лаборатория и рентгенкабинет, оснащенные отнюдь не полно и далеко не новым оборудованием, позволяют проводить на месте операции и исследования в зависимости от квалификации исполнителя, но обычно несложные. На консультации, а также в более тяжелых случаях оперирования приглашаются врачи из Чусовской больницы.

В каждой из зон имеется санчасть с одним (37) — двумя (36 зона) врачами, однако из-за нерегулярности завоза медикаментов, а также отсутствия специалистов (стоматолог на 36 зоне не появлялся почти полтора года — 1976–1977 гг.) положение с медобслуживанием остается неудовлетворительным. Около 30% з/к, находящихся в ИТК ВС-389/35, серьезно больны. В их числе, с недугами, практически неизлечимыми в местных условиях: Герович — рак мочевыводящих путей, Филоненко — воспаление костного мозга, Марченко — нефрит. Актирование же находится в прямой зависимости от убеждений осужденного, его поведения, позиции в лагере.

Трагический итог такого медобслуживания в Скальнинском ИТУ начиная с лета 1972 г. выражается в следующем списке безвременно умерших: Митюк (умер при этапировании из Мордовии на Урал, не была оказана помощь при сахарном диабете), Гантварс (гипертония), Куркис (прободение язвы), Кибартас (рак печени), Мишкенис (послеоперационное осложнение), Опанасенко (повесился в больнице), Рудокас (сердечная недостаточность), Кнавиньш (инфаркт), Плейш (заболевание желудочно-кишечного тракта), Лущ (инфаркт), Мамчур (инсульт), Межалс (инфаркт), Строганов (астма, сердечная недостаточность). Последние шесть умерли за время работы начальником Шелии. Поскольку диагнозы тщательно скрываются от больных, а тем более других з/к, в проставленные здесь причины смерти могли закрасться ошибки. По рассказам з/к, прибывших из Мордовии, там положение с медобслуживанием еще хуже.

Надо отметить, что в последнее время с медобслуживанием в ИТУ ВС-389 наблюдаются определенные изменения к лучшему. Сейчас больницы обеспечены непросроченными и эффективными медикаментами по ряду ходовых заболеваний сердечно-сосудистой системы, печени и желчных путей, органов пищеварения, туберкулеза, хотя по-прежнему отсутствуют препараты для лечения редких заболеваний и администрация отказывается принимать бандероли с ними, высылаемые из дома на имя главврача. Медкомиссия (в составе Шелии и Черкасовой) в нескольких случаях разрешала получение посылок тяжело больным. Еще год назад такого выполнения ИТЗ добиться от администрации было невозможно. Не наблюдается в последние месяцы и вывода з/к на работу с высокой температурой, принудительного труда тяжело больных, как это имело место у майора Ярунина в 1974 г. с В. Гандзюком (костный туберкулез, вес 47 кг при росте 176 см). Есть основания считать, что подобные улучшения — реакция властей на массовые протесты з/к и поддержку мировой общественности. Благодаря главным образом второму фактору, вначале неэффективные, часто заканчивавшиеся репрессиями протесты и жалобы в медотдел ГУИТУ, Министерство здравоохранения, МВД, ЦК КПСС, Красный Крест дали возможность говорить об определенных сдвигах.

В. Марченко

Раздел VI. Об этапировании[1]

Мы знали, что этапы часто бывают тяжелы, но не представляли себе, насколько этап в большинстве случаев тяжелое испытание для з/к. Он длится бессмысленно долго — в 7–10 раз дольше, чем при обычной поездке. За время этапирования з/к обычно несколько раз перегоняют в воронок из вагона, из воронка в одно, другое, третье помещение очередной пересыльной тюрьмы и обратно: «быстрее, быстрее...» (вместо точек нередко следует мат), автоматчики, собаки, «садись, встать», обыск, еще обыск и т.д. Для з/к с тяжелым багажом это превращается в кошмар. Правда, все имущество большинства уголовных з/к укладывается в жалкие узелочки. Что касается больных, то конвой, как правило, не проявляет к ним снисхождения. Они должны передвигаться так же, как и все, сопровождаемые руганью и толчками. Поразительно, что, если тяжело больного з/к нужно отправить в тюремную больницу, его перегоняют обычным этапом — лишь бы он передвигал ноги, но можно и на носилках. В большинстве наблюдаемых нами (и другими политзаключенными) случаев их не сопровождает врач или сестра. Если больница недалеко, то тяжело больного перевозят на обычном воронке. Дорога ухабистая, она вытряхивает из него всю душу. По рассказу В. Марченко, во время перевозки автозаком (воронком) заключенных от железнодорожной станции до Казанской пересыльной тюрьмы (7 апреля 1978 г.) в общую камеру воронка, рассчитанную на несколько человек, затолкали 28 человек. Их держали в железном воронке, на солнцепеке, около часа на тюремном дворике (это обычно). Задыхавшиеся люди умоляли конвой выпустить их, но безрезультатно. Он же сообщает, что в тесном даже для одного человека одиночном боксе 24 апреля 1978 г. держали троих: Циоса[40] , Зейтуняна и Марченко. Их выпустили через полчаса только после обещания пожаловаться прокурору. Но другие, оставшиеся в общей камере, не политические, ждали еще несколько часов. Кто-то мочился на пол. В автозаках и тесных, грязных, бестуалетных камерах-»отстойниках» пересыльных тюрем люди ожидают часами. Еще хуже маленькие, всегда вонючие боксы на одного–два человека. З. Антонюк в июле 1978 г. просидел целый день в изоляторе в таком боксике (при этапировании из Владимирской тюрьмы в ИТК-35). Антонюк болен костным туберкулезом и тяжелым заболеванием печени.

Камера столыпинского вагона имеет размер полного или половинного плацкартного купе без окна, с решетчатой стенкой в коридор, где шагает часовой. Окна туалета закрашены или обычно закрыты, вентиляция выключена. Вместо 10 и, соответственно, 3 человек, которые могут лежа поместиться в этих камерах, туда обычно набивают 14–18 и, соответственно, 5–6 человек, вынужденных проводить там 1–3 суток. Иногда на короткое время (несколько часов) туда набивают до 25 человек. Туалет не имеет воды, умыться невозможно, постельных принадлежностей, конечно, нет.

В большинстве случаев конвойные грубы и циничны. Они выдают воду и выводят в туалет лишь после того, как весь вагон начинает колотить ногами в решетчатые двери, иногда это бывает два, чаще 3–4 раза в сутки. При этом на каждый день этапа з/к получает около 600 граммов хлеба, селедку средних размеров, 20 граммов сахара. Когда на перегоне Москва — Киров в июне 1978 г. Ю. Орлов попросил у конвойного дать попить, ответ гласил: «Обойдешься без воды». Вместе с ним в половинной камере поместили двух стариков-туберкулезников, при ходьбе поддерживавших друг друга. Не допросившись туалета, один из них помочился в целлофановый мешочек, разлив половину по полу и нижней полке. Затем, для изоляции от политического, их перевели в другую камеру, набитую битком. Когда один из них хотел лечь на пол, конвой не разре-

---

[1] Раздел V не разыскан, отсутствует во всех известных нам публикациях. — *Сост.*

[2] Так в тексте, правильно — Циось — *Сост.*

шил. В. Лисовой, после тщетных просьб вывода в туалет, вынужден был мочиться прямо в камере в случайную банку. З. Попадюка в августе 1977 г. в Пензенской тюрьме держали в одной камере с туберкулезными и сифилитическими больными. Антонюк на перегонах Харьков — Свердловск — Пермь и в самой Свердловской пересылке наблюдал в ноябре 1972 г., как офицеры выводили из камер женщин к себе для сожительства.

М. Матусевич, как голодающий, сопровождался врачом на этапе из Киева в ИТК-35 (июнь 1978 г.). Однако врач отказалась оказать какую-либо помощь уголовному з/к соседней камеры вагона с тяжелым внутренним заболеванием и с тяжелым заболеванием кожи. Его должна была бы сопровождать сестра, но этап отправился без нее. Он был весь мокрый от гноя, и другие з/к, включая, конечно, Матусевича, рвали рубашки и портянки для перевязок. Таковы вкратце условия этапирования.

Ю. Орлов

Заявление Антонюка Генеральному прокурору СССР и зав. отделом административных органов ЦК КПСС

Я уже неоднократно обращался к вам по поводу провокаций в местах лишения свободы, но — безответно. Сейчас речь пойдет о куда более серьезном.

Ответьте мне, гражданин Генеральный Прокурор, хотя бы на сей раз, зачем меня, наказанного по всей строгости советских законов, провоцируют на действия, караемые, скажем, по ст.ст. 64 и 77.1 УК РСФСР? Что, кому-то неймется, что у меня срок заключения близится к концу? Провоцируют не только меня, а еще, как минимум, четверых. Провоцируют на действия, которые легко привязываются к шпионажу и бросают тень на всех моих товарищей в ИТК-ВС/35, да и не только в ИТК-35. Конкретнее, речь идет о следующем. Свердлов В.И. провоцирует на нелегальную передачу из зоны № 35, куда он прибыл в августе сего года, своего письма Президенту Картеру, которое должно содержать шпионскую информацию, которую он не успел передать иностранной разведке до ареста. Провоцирует в зоне на создание подпольной организации и предлагает свои услуги опытного человека, закончившего академию КГБ и имеющего 9-летний опыт сексота с иностранцами, приезжающими в СССР. Мол, только благодаря каким-то особым деталям своего дела и связям он получил 7 лет за попытку измены Родине, а не за хорошо проведенную роль наседки у других подследственных в Лефортово. Прибегая к приему частичного самораскрытия, Свердлов утверждает, что работники КГБ Афанасов и Щукин предложили ему внедриться в ядро зоны, в частности, в украинскую среду, забросить и обнародовать через зону 35 письмо, утверждающее, что к тем сионистам, которые дружески относятся к украинцам, плохо относятся в Израиле. Утверждает, что агентами ЧК являются Симокайтис, Бутченко и 18-летний Тилгалис, что несколько раз встречался с Афанасовым, Щукиным и опером Бабиджашвили, имеет связного и прочее. Прошу Вас расследовать, кто стоит за спиной провокатора, и привлечь к уголовной ответственности как провокатора, так и его пособников и вдохновителей, а не ждать, пока попадется на их крючок какая-то несчастная жертва. Отдаю себе отчет в том, что за свой гражданский подвиг буду наказан. Поэтому небезынтересно Вам взять под контроль мою дальнейшую судьбу.

Антонюк З.П.

15 ноября 1978 г.

Раздел VII. Пресечение информации

Приведенные ниже данные о нарушении элементарных прав человека в области прав переписки и информации вообще не могут отобразить всей картины со всеобъемлющей полнотой из-за крайне сложных условий написания.

Кроме того, ограничивают и возможность выхода из лагеря все той же информации. Поэтому придется остановиться лишь на некоторых фактах из жизни политзаключенных ВС-389.

В 1974 г. на пресс-конференции в Москве академик А.Д. Сахаров предоставил западным корреспондентам материалы из лагеря 389/35, переписанные рукой з/к З. Антонюка. Поскольку эти документы были корреспондентами сфотографированы и опубликованы, они стали достоянием и КГБ. Несколькими месяцами позднее в лагере ВС-389/35 З. Антонюка вызвали на так называемую наблюдательную комиссию и предложили написать в газету письмо с раскаянием, в противном случае ему пообещали, что он будет приговорен к тюремному заключению.

Поскольку З. Антонюк от подобной сделки отказался, в июле 1975 г. он был отправлен во Владимирскую тюрьму. В 1978 году С. Глузман и С. Ковалев в лагере 389/36 были приговорены к камерному заключению в ПКТ на шесть месяцев за то, что собирали и хранили информацию о положении заключенных в лагере. Чтобы помешать выходу информации за пределы лагеря, администрация самым варварским способом мешает свиданиям заключенных с родными. Так, Ю. Хведько за 11 лет заключения имел возможность лишь два раза повидаться с матерью (в 1969 и 1974 гг.). Как только кто-либо из родственников сообщал, что собирается приехать, администрация отвечала, что Хведько лишен права на очередное свидание.

В мае 1978 г. во Владимир на свидание с З. Попадюком приехала его мать. Тюремная администрация сразу за какую-то мелочь лишила Попадюка права на свидание. Лишь через несколько недель Дойников проговорился об истинной причине лишения свидания: «Мать по дороге во Владимир заходила в Москве по разным адресам антисоветчиков и собирала новости. Ее и впредь будут лишать свидания с сыном».

По мнению Г. Суперфина, постоянные конфискации писем и лишения свидания с матерью явились одной из причин инсульта и смерти его матери. Однако капитан Дойников набрался наглости обвинить в смерти матери сына.

Если заключенному предоставляются длительные свидания, то приехавших женщин и детей часто раздевают догола и обыскивают, подвергают самому унизительному осмотру. 22 сентября 1977 г. перед свиданием четыре надзирателя завели П. Плумпу в отдельную комнату, раздели догола, а лагерный врач Петров засунул пальцы в прямую кишку и долго ковырял там, разыскивая какую-то «информацию». Хотя не было и не могло быть никаких данных, что П. Плумпа в своем теле носил эту «информацию».

В 1976 г. перед свиданием, обыскивая девятилетнего сына и пятилетнюю дочь П. Плумпы, надзиратели отделили их от матери, увели в отдельную комнату, раздели догола и разорвали одежду.

В мае 1978 г. Р. Маркосяну во время двухчасового свидания с братом не разрешили поздороваться с пожатием руки. Было также запрещено разговаривать на родном, армянском языке. Присутствующий при свидании надзиратель все время предупреждал, что если будет сказано хоть одно слово по-армянски, то свидание сразу прекратят.

Как правило, во время краткосрочных свиданий разрешается разговаривать только на русском языке. Если дети или родственники заключенного нерусской национальности не знают этого языка, то они и не имеют возможности воспользоваться общим свиданием.

Национальные или религиозные моменты администрация мест заключения часто использует для конфискации или задержания корреспонденции. Письмо З. Антонюка от 1 сентября 1976 г. к жене было конфисковано администрацией Владимирской тюрьмы под тем предлогом, что в письме цитируется Геродот на украинском языке. В результате такой дикой украинофобии у З. Антонюка на целый год прервалась перепис-

ка. Письмо З. Антонюка от 2 января 1978 г. просто было уворовано под предлогом отправки его на перевод. Все запросы о судьбе письма остались без ответа.

Во время пребывания Марченко в Киевском КГБ (осень и зима 1977–78 г.) в лагерь 389/36 на его имя поступило значительное количество корреспонденции, в том числе и заказной. Однако после возвращения В. Марченко в лагерь администрация отказалась выдать ему письма и поздравления, в том числе присланные по поводу его юбилея, тридцатилетия.

Администрация лагерей на несколько недель задерживает письма заключенных нерусской национальности. Еще в 1976 г. М. Кийренд, обратился к Чусовскому прокурору: «Обращаю Ваше внимание на грубое нарушение ВС-389/35 установленного законом порядка выдачи личной корреспонденции. Так, письма мне выдаются через месяц после доставки в лагерь: письмо от 23 апреля я получил 3 июня, от 12 мая получил 10 июня. То же самое происходит с отправкой моих писем. Я протестую против произвольной и необоснованной задержки моей корреспонденции».

Поскольку жалоба М. Кийренда не дала результатов, а лагерный представитель КГБ Утыро сообщил, что письма, написанные на национальных языках, направляются в КГБ, то М. Кийренд послал заявление начальнику Скальнинского управления КГБ Дегтянникову: «По существующему закону я должен получать и отправлять письма в течение трех дней, однако администрация лагеря 35, ссылаясь на то, что мои письма и письма ко мне пишутся на эстонском языке, вручение и отправку писем автоматически затягивает более чем на месяц. Этот факт расцениваю как проявление шовинизма». Всем, кто с подобными жалобами обращается к администрации лагеря ВС-389/35 и 36, цензор или другие представители внушают мысль, что заключенные нерусской национальности должны отказаться от привычки писать письма на родном языке. Например, П. Плумпа начиная с 4 декабря 1977 г. послал в Литву 15 заказных писем, но ни разу не получил квитанции об отправлении.

Когда 5 сентября 1978 года Плумпа спросил цензора, почему заказные письма не достигают адресатов и почему не выдаются квитанции об отправке, цензор ответила, что в случае выдачи квитанции по-литовски написанные письма будут идти в одну сторону около трех месяцев, теперь же они идут лишь пять недель.

К категории враждебной или клеветнической информации, подлежащей конфискации, относятся и религиозные книги или письма на религиозные темы.

Так, в мае 1977 г. И. Огурцову (ВС-389/35) пришла пасхальная посылка, в которой кроме прочего была Библия. Работники администрации лагеря посылку вскрыли, Библию похитили, а посылку, уже без Библии, отослали назад.

П. Плумпе, ВС-389/36, пришли письма с переписанными главами из Библии. 17 января 1977 начальник оперчасти Рожков ему сообщил, что эти главы конфискованы. Как религиозные и тенденциозные.

Заключенные почти никогда не получают писем из-за рубежа, за исключением писем из Израиля, которые конфискуются чуть реже. За все время пребывания в лагерях не получили ни одного письма, присланного из-за границы, М. Кийренд, В. Марченко, З. Антонюк, И. Грабанс и многие другие. И. Огурцов изредка получает письма только из Польши. П. Плумпа за все годы получил только одно заграничное письмо (6 февраля 1976 г., из Швейцарии).

В лагерях ВС-389/35 и 36 как вид запрещенной информации рассматриваются даже жалобы политзаключенных, направляемые в государственные инстанции. Так, 1 апреля 1977 г. у В. Марченко при личном обыске была изъята жалоба, адресованная Генеральному Прокурору СССР Руденко, в которой сообщалось о ряде нарушений законности, допущенных во время следствия и судебного разбирательства дела В. Марченко.

В лагере 389/35 было конфисковано заявление В. Лисового от 31 декабря 1978 г. председателю Совета Союза Шитикову, в котором он выразил пожелание, чтобы в лагерной столовой было больше свежих овощей.

В марте 1978 года И. Грабанс направил жалобу в Президиум Верховного Совета СССР в связи с тем, что письма из Латвии к нему идут два-три месяца. Вскоре после этого переписка И. Грабанса была вообще прервана, и в течение уже пяти месяцев он не получает ни одного письма.

Эти факты, которые составляют лишь малую часть общего целого, свидетельствуют, что управление лагерей ВС-389 имеет весьма обширные возможности для нарушения прав человека и государственных законов в отношении политзаключенных. Так, ему предоставлено право пресечения любой информации о подобных нарушениях вплоть до конфискации жалоб заключенных в вышестоящие инстанции.

В лагерях строгого режима не положено иметь телевизоры и радиоприемники кроме офицерской радиоточки. Количество корреспонденции, которое заключенный имеет право отправить — писем, открыток, телеграмм, то есть в неофициальные инстанции,— ограничивается двумя в месяц. Использование телефонной связи полностью запрещено. Запрещена отправка заявлений, жалоб и другой корреспонденции такого характера в негосударственные организации.

Заключенному не разрешается в жалобе защищать других заключенных, а также не разрешаются коллективные жалобы. Представители Красного Креста, иностранные корреспонденты и другие иностранные лица никогда не разговаривали с заключенными советских политлагерей. Нужно сказать прямо: советские заключенные смеются, когда читают в советской прессе сообщения о том, каким ограничениям в своих правах подвергаются ПЗК на Западе или даже в чилийских лагерях. Эти ограничения не идут ни в какое сравнение с ограничениями прав в советских лагерях.

П. Плуйрас-Плумпа
сентябрь 1978 г.

121

Документ № 88

ЖИЗНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО ИГОРЯ ОГУРЦОВА В ОПАСНОСТИ

15 февраля 1967 г. в Ленинграде был арестован молодой ученый филолог-семитолог Игорь Огурцов. В том же году он был осужден Ленинградским городским судом по ст. 64 УК РСФСР («Измена Родине») к заключению в тюрьме на 7 лет, к заключению в лагере на 8 лет и к ссылке на 5 лет — всего к 20 годам лишения свободы. Как «заговор с целью захвата власти» судом было квалифицировано создание Игорем Огурцовым вместе с другими молодыми учеными и студентами нелегального Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), в который входило всего 20 человек.

Четырех человек (в том числе Огурцова) судили отдельно по ст. 64 УК РСФСР. Все остальные члены союза были осуждены по ст. 70 УК.

На суде, признавая организацию социал-христианского союза, Огурцов категорически отвергал измену родине. По этому поводу в письмах к родным из тюрьмы Огурцов писал:

«...Юридическая сторона дела никого не интересовала с самого начала. Неужели Вы думаете, что судьи были настолько безграмотны, что не понимали, чем отличается

заговор с целью захвата власти от создания нелегальной группы, отдаленной целью которой было развертывание социал-христианского движения?»

И далее:

«...Нелепость обвинения в измене... и нелепость обвинения двух студентов и двух литературоведов в стремлении захватить власть в стране в свои руки (это само по себе неправдоподобно, но даже и в программе нашей сформулировано совершенно противоположное) — все это было ясно с самого начала... Присяга, которую давали все, начиналась словами: «Я, сын Великой России, клянусь Отечеству и Народу не жалеть сил в борьбе за свободу и благосостояние Родины».

Как нам известно, практическая деятельность Огурцова и других членов ВСХСОН сводилась к изучению и обсуждению философской и исторической литературы (в том числе Бердяева, Вл. Соловьева и др.).

Совершенно очевидно, что столь суровому наказанию Игорь Огурцов был подвергнут не за «измену» и не за «заговор», а за свободную мысль, за свободное общение с людьми, разделяющими его философские и религиозные взгляды, за создание свободной ассоциации людей, размышляющих о судьбе своей Родины.

Все осужденные по этому делу уже освобождены по отбытии срока наказания. Игорь Огурцов уже 13-й год находится в заключении. Нечеловечески тяжелые условия заключения во Владимирской тюрьме, где он провел 7 лет, и уже пятый год в условиях Уральского лагеря, где он работает кочегаром, полностью подорвали здоровье Игоря Огурцова.

Этот мужественный человек, переносящий с христианским терпением тяжесть своего многолетнего заключения, раньше не писал родителям о своей болезни. С прошлого года в его письмах появляются строчки о тяжелом состоянии здоровья. В письме от 14 февраля 1979 г. он пишет:

«...Последний год унес столько здоровья, вернее больше, чем предыдущие одиннадцать лет. Боль круговая в брюшной области и пояснице такая, что отдается каждый шаг, даже кашель, а мне приходится работать днем и ночью. Эта боль длится непрерывно двенадцать месяцев. Трудно сказать, чем это кончится».

В письме от 28 февраля 1979 г.:

«...Чувствую себя весьма неважно, работать очень трудно — непрерывная боль в пояснице и внизу живота, ломит тазовые кости. Поскольку я не могу с уверенностью определить, в чем дело, то не могу даже принять и своих каких-либо мер. Довериться же местной санчасти невозможно, да там я и не получил абсолютно никакой помощи и никакого определения заболевания, когда год назад обратился к ней с такими симптомами».

Еще в прошлом году Игорь писал:

«...Самочувствие весьма скверное, отчасти, конечно, благодаря «курортным» двум месяцам (находился в ПКТ — помещении камерного типа), это если учитывать только ближайшее, если же взять глубже — тюремное семилетие, еще глубже — двенадцатый год... Подправить здоровье здесь, конечно, и мечтать нечего, если все действует в обратном направлении, да и лечиться негде».

К моменту ареста Игорь был здоровым 29-летним человеком, спортсменом, активно занимавшимся научной деятельностью. В невыносимых условиях тюремного и лагерного заключения он изучил языки (английский, испанский, итальянский, французский и польский, до ареста он уже владел немецким, арабским, сирийским, изучал древневосточный и др. восточные языки), много читал, активно участвовал в борьбе за статус политзаключенного, в протестах политзаключенных против несправедливостей и попрания прав заключенных.

Сейчас, после двенадцати лет заключения, родители, имевшие личное свидание с Игорем в лагере, увидели его изможденным, больным, непрерывно страдающим стариком (это в 42 года!).

Игорь сказал родителям, что он слабеет с каждой неделей, что симптомы болезни усиливаются, начали разрушаться зубы, выпали почти все волосы.

Попытка самого Огурцова и его родителей добиться через Медицинское Управление МВД СССР помещения для обследования и установления диагноза в Центральную больницу МВД в Ленинграде повлекла лишь безоговорочный отказ со ссылкой на «удовлетворительное состояние здоровья осужденного» (отношение № 11-1759 от 20 апреля 1979 г.).

Мы помним трагическую смерть Юрия Галанскова, которому также отказывали в помещении в Ленинградскую больницу МВД, предлагая оперироваться у местных тюремных врачей, которым он не доверял...

Игорь Огурцов погибает. Для его спасения нужны не только врачи и лекарства, но и, главное, нормальные условия человеческого существования.

Мы призываем всех глав правительств стран, подписавших Хельсинкский акт, и общественность (в частности врачей) этих стран использовать все доступные способы и средства для спасения жизни Игоря Огурцова.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
13 мая 1979 г.

122

Документ № 89

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПСИХИАТРИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Как стало известно, видный правозащитник генерал Петр Григоренко с его согласия был обследован крупнейшими психиатрами США (в их числе — профессор Алан Стоун, избранный недавно президентом Американской ассоциации психиатров). Три высококвалифицированных специалиста-психиатра, обследовавшие Григоренко независимо друг от друга и по разной методике, пришли к одинаковому заключению: Петр Григоренко психически здоров, никаких признаков психического заболевания у него нет.

Такое заключение не явилось неожиданностью. Никто из людей, знавших Григоренко, никогда не сомневался в его психической полноценности. Восемь лет тому назад молодой киевский психиатр Семен Глузман смело выступил со своей «Заочной психиатрической экспертизой» Петра Григоренко. В своем заключении, основанном на доступных ему документальных медицинских данных и имеющейся в его распоряжении информации о личности и деятельности Григоренко, Глузман пришел к такому же заключению, что Петр Григоренко психическим заболеванием не страдает и является вменяемым. Это заключение Глузмана явилось причиной его ареста и осуждения по ст. 70 УК РСФСР, и Глузман в течение семи лет отбывал наказание в Пермских лагерях и сейчас находится в тяжелых условиях ссылки в таежном поселке Нижняя Тавда, Тюменской области. В результате 4-месячной голодовки протеста, продолжавшейся и во время этапирования в ссылку, Глузман сейчас находится в больнице.

Еще раньше в процессе следствия по делу Григоренко квалифицированная экспертная комиссия под председательством известного психиатра профессора Детингофа[1] в Ташкенте дала заключение о том, что Григоренко психическим заболеванием

[1] Так в тексте, правильно — Ф.Ф. Детенгоф — *Сост.*

не страдает и что помещение его в психиатрический стационар окажется вредным для его здоровья.

И только повторная «экспертиза» в Институте Сербского в Москве признала Григоренко невменяемым параноиком, вследствие чего он был по приговору суда подвергнут принудительному «лечению» в специальной психиатрической больнице МВД, которая фактически является психиатрической тюрьмой.

Мы не сомневаемся в том, что и врачам-психиатрам Института им. Сербского, и судебным и административным властям также было совершенно ясно, что Григоренко здоров.

По действующему закону лица, признанные невменяемыми, не несут ответственности за свои действия, т. е. являются не виновными, а больными. Заболевший офицер подлежит увольнению в отставку с назначением пенсии и сохранением воинского звания. Однако генерал Григоренко после признания его невменяемым — психически больным — был *разжалован и лишен генеральской пенсии* (в силу чего Григоренко в промежутке между двумя периодами заключения в психиатрических тюрьмах был вынужден работать грузчиком).

Актом разжалования и лишения военной пенсии власти по существу признали, что Григоренко считают не больным, а виновным и наказывают путем помещения в психиатрическую специальную больницу МВД.

Таким образом, очевиден факт *преступного* помещения в психиатрическую больницу *заведомо здорового* человека.

«Дело» Григоренко, участника войны, боевого генерала и военного ученого,— возмутительно само по себе. Но еще большее значение это дело приобретает как бесспорное доказательство наличия в СССР развернутой системы использования психиатрии в качестве репрессий, применяемых в политических целях для расправы с сотнями инакомыслящих и верующих в Бога людей.

Эта преступная система, хотя до известной степени и подорванная усилиями таких людей, как Буковский, Глузман, Александр Подрабинек (находящийся сейчас в ссылке за созданную им книгу «Карательная медицина»), и широкими кампаниями протестов на Западе, все еще продолжает действовать.

Многие годы томятся за свои убеждения в психиатрической больнице Микола Плахотнюк, Иосиф Тереля. При этом они подвергаются интенсивному «лечению», разрушающему их здоровье. Лишь недавно освобожден из психбольницы публицист-инакомыслящий Борис Евдокимов, здоровье которого непоправимо подорвано многолетним пребыванием в психбольницах. После долгих лет заключения в психиатрических больницах вышел на свободу желавший эмигрировать из СССР Михаил Луцик, с которого *сняты* все ранее поставленные диагнозы психического заболевания. Но кто вернет ему годы и здоровье, потерянные в заключении?

Это лишь отдельные примеры, количество которых может быть значительно увеличено. Сотни узников совести (а мы их даже не всех знаем) еще продолжают страдать за свои убеждения и религиозные верования в тяжелых условиях специальных психиатрических больниц МВД. Сотни других, находящихся на психиатрическом учете, могут быть в любой день схвачены и насильственно помещены в психиатрические больницы по указанию властей.

Продолжающаяся практика психиатрических репрессий в СССР подробно освещается в информационных бюллетенях Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Борьба с злоупотреблениями психиатрией требует придания широкой гласности каждого такого случая. Кроме того, мы считаем необходимым тщательное и объективное расследование не только дела Петра Григоренко, но и всех известных случаев

необоснованного помещения людей в психиатрические больницы. Расследование это должно иметь своей целью привлечение виновных к ответственности и проводиться с широким участием общественности и зарубежных специалистов — врачей-психиатров.

Мы призываем приложить усилия к освобождению доктора Глузмана из ссылки.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях:
Вячеслав Бахмин, Феликс Серебров, Леонард Терновский
20 мая 1979 г.

123

Документ № 90

НОВАЯ УГРОЗА А. Д. САХАРОВУ

13 мая 1979 года член Группы Виктор Некипелов, а 16 мая член Инициативной группы по защите прав инвалидов Валерий Фефелов, проживающие во Владимирской области, получили анонимные письма, отправленные из Москвы, следующего содержания:

«На 3-е июня 1979 г. планируется покушение на жизнь А.Д. Сахарова».

В связи с этими письмами мы выражаем серьезную тревогу и считаем необходимым широко информировать об этом мировую общественность.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Юрий Ярым-Агаев
20 мая 1979 г.

124

Документ № 91

ОБ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР

Эмиграционная политика в СССР в настоящее время являет собой непрерывную цепь нарушений прав человека и гражданина, беззакония и произвола.

На Западе в последнее время появилась выраженная тенденция всякое увеличение числа евреев, получивших разрешение на выезд, расценивать как принципиальное улучшение эмиграционной политики СССР. Между тем при всей значительности и принципиальности вопроса о репатриации евреев этот вопрос ни в коей мере не исчерпывает всей проблемы свободы эмиграции.

Из чисто конъюнктурных соображений советские власти то приоткрывают, то закрывают клапан, выпуская то большее, то меньшее количество евреев, создавая впе-

чатление выполнения своих международных обязательств в области эмиграции. Все остальное население страны лишено и этой узкой и произвольной «свободы эмиграции».

Заключительный акт Хельсинкского соглашения в третьем разделе обязывает государства, его подписавшие, оказывать содействие объединению семей, члены которых живут в разных странах. Это отнюдь не меняет, а лишь дополняет основное право человека на эмиграцию и на возвращение в свою страну, гарантированное статьей 13 Всеобщей декларации прав человека и статьей 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, необходимость выполнения которого подтверждается статьей VII 1-го раздела Хельсинкского акта.

Однако советские власти, полностью игнорируя принципы свободы эмиграции, независимо от причин, побуждающих человека выехать из своей страны, не принимают и не рассматривают заявлений об эмиграции при отсутствии «вызова» родственников. (Нельзя не отметить, что и при наличии такого «вызова» тысячи граждан такого разрешения не получают.)

Пункт 3 статьи 12 Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что право на эмиграцию не может быть объектом никаких ограничений кроме тех, которые предусмотрены законом. Но в нашей стране нет закона (по крайней мере, опубликованного), устанавливающего основания для отказа в праве выезда из страны и в праве возвращения в нее, и закона, обуславливающего процедуру рассмотрения и разрешения эмиграционных дел. Вместо закона здесь царит произвол чиновников ОВИРа, а зачастую и высших государственных чиновников, отказывающих, как правило, в разрешении на выезд немотивированно и в устной форме.

В тех редких случаях, когда удается получить письменный отказ, произвол и беззакония властей становятся наиболее очевидны. Мы приведем здесь один пример такого письменного отказа, полученного правозащитником Виктором Некипеловым от исполкома Владимирского областного Совета депутатов трудящихся 10 апреля 1979 г.:

По поручению соответствующих инстанций сообщаю, что ваша просьба о выезде на постоянное жительство в государство Израиль и о выходе из гражданства СССР не может быть удовлетворена, так как ваш родственник, проживающий в государстве Израиль, не является членом вашей семьи, а выход из гражданства противоречит государственным интересам СССР.

Начальник УВД Владоблисполкома —
А. Ф. Петров

Не затрагивая в этом документе вопроса о серьезных недостатках нового закона о гражданстве СССР, надо отметить, что эмиграция сама по себе не должна служить основанием для лишения гражданства.

Десятки тысяч евреев, немцев, русских, украинцев, литовцев, эстонцев и людей других национальностей и разных вероисповеданий годами добиваются разрешения на выезд из страны. Отсутствие закона, регулирующего право на эмиграцию, а также установившаяся тенденция рассматривать людей, желающих выехать из страны, как полупреступников, чуть ли не изменников, приводят к тому, что тысячи людей не только не получают разрешения на выезд, но и подвергаются преследованиям и притеснениям. Их вынуждают увольняться с работы, исключают из учебных заведений, а нередко и привлекают к уголовной ответственности по сфальсифицированным делам.

Для подлинного улучшения условий эмиграции необходимо принять и широко опубликовать закон об эмиграции. Этот закон должен соответствовать принятым на себя нашим государством международным обязательствам. Закон должен содержать в себе

четко сформулированные причины, по которым может быть отказано в разрешении выезда из страны, и детально разработанную процедуру рассмотрения эмиграционных дел и обжалования отказа на эмиграцию.

С учетом сложившихся десятилетиями типичных для нашей страны нарушений прав на эмиграцию закон должен содержать в себе следующие основные пункты:

1. Общее декларирование права каждого гражданина на выезд из страны и на возвращение в свою страну, со ссылкой на соответствующие статьи Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах.

2. Указание на то, что эмиграция сама по себе не влечет утраты гражданства СССР.

3. Запрещение всех видов дискриминации и преследований за желание эмигрировать.

4. Отмену вызова от родственников в качестве обязательного условия принятия к рассмотрению эмиграционных дел.

5. Исчерпывающий перечень причин, по которым может последовать отказ в разрешении на эмиграцию, расшифровывающий конкретно, какие неисполненные обязательства и какие интересы государства ограничивают право выезда и на какой срок.

6. Установление, что споры между родителями о выезде несовершеннолетних детей должны разрешаться в судебном порядке на основе реальных отношений между детьми и каждым из родителей.

7. Исчерпывающий перечень документов, прилагаемых к просьбе о разрешении на выезд из страны.

8. Обязательное вручение лицу, возбудившему ходатайство об эмиграции, в случае отказа в его просьбе письменного уведомления с указанием причин отказа и срока действия отказа, со ссылкой на соответствующие статьи закона.

9. Установление срока, в течение которого должно быть рассмотрено заявление об эмиграции.

10. Установление судебного порядка обжалования отказа в разрешении на эмиграцию с обеспечением гласности судебного разбирательства.

Издание и широкое опубликование такого закона может способствовать улучшению условий эмиграции и даст возможность проверять международные обязательства государства в вопросах соблюдения прав человека в области свободы эмиграции и выбора страны проживания.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, В. Некипелов, Т. Осипова, Юрий Ярым-Агаев
4 июня 1979 г.[1]

125

Документ № 92

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПОИСКИ» ПРОДОЛЖАЮТСЯ

29 мая 1979 г. в метро был задержан, подвергнут личному обыску и допрошен член редакции самиздатского московского дискуссионного журнала «Поиски» Виктор Сокирко.

[1] В «Хронике текущих событий» № 53 документ датирован 5 июня 1979 г. — *Сост.*

Ордер на обыск подписан зам. прокурора г. Москвы Нестеровым. Задержание и допрос производились старшим следователем Московской городской прокуратуры Бурцевым по делу № 50611/14-79 (дело, возбужденное по ст. 190.1 УК РСФСР по факту составления и распространения неподцензурного журнала «Поиски»).

При личном обыске у Сокирко изъято 11 экземпляров (машинописных) 5-го номера журнала «Поиски» и ряд рукописных материалов.

От дачи показаний Сокирко отказался. После этого он был привезен в его квартиру, где также был произведен обыск, во время которого изъяты различные рукописные материалы, копии статей, предназначавшихся для последующих номеров «Поисков», самиздатская литература, записные книжки и пишущая машинка.

Во время обыска к Сокирко пришел Глеб Павловский, который также был подвергнут личному обыску при отсутствии ордера на его обыск. У него изъята рукопись и записная книжка.

Новое задержание и обыск, так же как и допросы Петра Егидеса и других членов редакции, имевшие место в мае с. г., свидетельствуют о том, что право на свободу слова неуклонно нарушается в нашей стране и людей преследуют за свободную мысль, за неподцензурное слово.

Мы еще раз подчеркиваем, что члены редакции журнала «Поиски» находятся под угрозой репрессий и нуждаются в защите международной общественности.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
5 июня 1979 г.

Справка:
Виктору Сокирко 40 лет. Он имеет высшее образование. Работает в качестве старшего научного сотрудника ВНИИнефтемаш. Женат и имеет четверых несовершеннолетних детей.

126

Документ № 93

СВОБОДУ ВСЕМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ЧЛЕНАМ ГРУПП «ХЕЛЬСИНКИ» В СССР

Несколько более года тому назад процессами Миколы Руденко и Олексы Тихого на Украине и основателя движения общественных Групп содействия выполнению Соглашений в Хельсинки известного физика профессора Юрия Орлова в Москве началась серия судов над членами этих общественных Групп. Все они были арестованы в преддверии конференции в Белграде по проверке выполнения Заключительного акта Соглашения в Хельсинки. Их арест был преднамеренным демонстративным нарушением Соглашения в Хельсинки с расчетом на отсутствие решительных протестов со стороны Запада. Этот расчет оправдался, и в результате делегации западных стран в Белграде заранее были поставлены в невыгодное, трудное положение.

Все суды над членами Групп «Хельсинки» были фактически закрытыми, их исход был заранее предрешен, обвиняемые были фактически лишены защиты, и суды предварялись жестоким предварительным заключением. В этом отношении все процес-

сы разнятся лишь деталями, но процесс Анатолия Щаранского отличается от остальных одним крайне важным обстоятельством, приобретающим сейчас особое значение.

Анатолий Щаранский был приговорен к 13 годам тюрьмы и лагерей по обвинению в измене родине, в связи с ЦРУ и шпионаже в пользу США.

Президент США Джимми Картер еще до суда в нескольких публичных заявлениях формально заявил, что Анатолий Щаранский не имел никаких связей с ЦРУ. Эти заявления являются беспрецедентными в практике международных отношений и заслуживают безусловного доверия, так как, не говоря уже о чувстве чести Президента Картера, выступить в условиях демократического строя США в такой ситуации с неверным утверждением равносильно политическому самоубийству. Тем не менее, советские власти отказали Президенту Картеру в доверии и предпочли его категорическим заверениям лжесвидетельства заведомого провокатора Липавского.

Все это приобретает особое значение сейчас в связи с предстоящим подписанием договора ОСВ-2 с последующей его ратификацией в сенате США. Это договор чрезвычайного значения и чрезвычайной сложности. С одной стороны, договор такого типа является насущной необходимостью, а с другой — он таит в себе потенциальные грозные опасности. В таком договоре, например, невозможно заранее учесть и оговорить все способы его нарушения, совершенно очевидно, что подписание и ратификация его требуют определенной степени доверия двух договаривающихся сторон. Более того, ратификация договора сенатом возможна лишь при доверии американского народа и сената к заверениям защитников ОСВ-2 и в первую очередь к заявлениям по этому поводу Президента Картера.

Советские средства массовой информации активно включились в развернувшуюся в США острую полемику по поводу предстоящей ратификации сенатом ОСВ-2, в частности, советские представители и советская печать всячески подчеркивают значение заверений Президента Картера в пользу ОСВ-2. Совершенно непонятно, как можно совместить оскорбительное пренебрежение к заявлению Президента Картера в таком простом вопросе, как ложное обвинение Анатолия Щаранского в сотрудничестве с ЦРУ, со ссылками на его авторитет в таком предельно сложном вопросе, как ОСВ-2.

Вопрос о доверии к советской стороне явно и подспудно будет играть существенную роль при обсуждении ОСВ-2 в сенате. Несомненно, многие сенаторы будут ссылаться на нарушение Советским Союзом принятых на себя с особой торжественностью обязательств Заключительного акта Соглашения в Хельсинки, и в первую очередь на арест и осуждение на длительные сроки членов общественных Групп содействия выполнению Соглашений в Хельсинки в СССР.

Мы считаем совершенно необходимым, чтобы подписание ОСВ-2 сопровождалось таким минимальным проявлением доброй воли, как освобождение всех членов Групп «Хельсинки» в СССР, а именно Ю. Орлова, А. Щаранского, А. Подрабинека, В. Слепака, М. Руденко, О. Тихого, М. Мариновича, М. Матусевича, Л. Лукьяненко, О. Бердника, В. Пяткуса, Б. Гаяускаса, Р. Назаряна, Ш. Арутюняна, М. Коставы, В. Рцхиладзе, З. Гамсахурдиа.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяюсь — *Андрей Сахаров*
11 июня 1979 г.

127

Документ № 94

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ НЕЗАВИСИМЫХ АССОЦИАЦИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ

Ленинградским судом осужден член-основатель Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ) Лев ВОЛОХОНСКИЙ

Попытки создания ассоциации с целью борьбы за трудовые, социально-экономические права, а также для осуществления взаимопомощи и непосредственной помощи (моральной, юридической, материальной) тем, кто особо в ней нуждается,— сурово пресекаются властями.

Ранее уже сообщалось о репрессиях в отношении ряда лиц, образовавших в конце 1977 — начале 1978 года Свободный профсоюз (руководитель этого профсоюза Владимир Клебанов был арестован и затем направлен в спецпсихбольницу — тюрьму для опасных преступников, признанных психически больными; здесь он находится до настоящего времени); сообщалось об уголовных и психиатрических преследованиях рабочих, выступивших в поддержку Свободного профсоюза. Сообщалось также о преследованиях лиц, образовавших в октябре-ноябре 1978 г. Свободного межпрофессионального объединения трудящихся — СМОТ (см. документы №№36, 76).

* * *

19 марта с.г. был арестован и 12 июня осужден член-основатель СМОТ Лев Волохонский. Суд признал его виновным в «клевете», «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — ст. 190.1 УК РСФСР. Два года лишения свободы в «исправительно-трудовой колонии» (лагере) общего режима. Л. Волохонского, как и других лиц, осужденных по этой статье, направят отбывать наказание в так называемый «бытовой» лагерь, вместе с осужденными за воровство, хулиганство, взятки и другие «бытовые» преступления.

Очевидно, в связи с тем большим вниманием, которое проявила западная общественность, в том числе многие профсоюзы, к образующимся в нашей стране ассоциациям профсоюзного характера, суд не назвал СМОТ ни «антисоветской», ни «нелегальной» организацией.

Инкриминировалось, однако, составление документов СМОТ, квалифицированных судом как «содержащие сведения, порочащие советский общественный и государственный строй», а также передача иностранным корреспондентам информации о создании СМОТ.

Наряду с участием в деятельности СМОТ Волохонскому инкриминировалось распространение литературы «антисоветского содержания», в качестве каковой на суде фигурировали «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, сборник статей А. Д. Сахарова, самиздатский бюллетень «Хроника текущих событий» и несколько издающихся за рубежом журналов на русском языке. Доказательства распространения Волохонским этой литературы в сущности отсутствуют (сам Волохонский утверждает, что эту литературу, за исключением сборника А. Д. Сахарова, он не распространял. Свидетели, давшие на предварительном следствии показания о распространении Волохонским этой литературы, на суде от тех показаний отказались и сказали, что дали их под давлением). По-видимому, обвинение в распространении литературы нужно для того, чтобы не столь явной была действительная причина преследования Волохонского — его активное участие в СМОТ.

Заявив на суде, что он является основателем и членом Совета представителей СМОТ — организации профсоюзного типа, Л. Волохонский, защищая свою позицию (он отказался от участия в суде официального адвоката), настаивал на том, что СМОТ — легальная организация, поскольку Конституция СССР гарантирует право организации любых профсоюзов; создание свободных, независимых от государства профсоюзов стало в нашей стране насущной необходимостью; СМОТ и ВЦСПС преследуют разные цели: ВЦСПС — школа коммунизма, а дело СМОТ — забота о сегодняшнем дне, непосредственная защита прав трудящихся.

* * *

Преследования за участие в мирных и не призывающих к насилию ассоциациях, осуждение одного из членов-основателей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся Льва Волохонского — это проявление полного пренебрежения к основным правам человека, в частности, к правам, оговоренным в статье 20 Всеобщей декларации прав человека.

Содержание в документах СМОТ «заведомо ложных измышлений» или «клеветы» судом по существу не доказано (и даже не доказывалось). Инкриминируемые Волохонскому акции (передача информации — несекретной, а также распространение литературы) представляют собой реализацию права на свободу убеждений (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека). Преступлением и нарушением международных обязательств является привлечение за это к уголовной ответственности.

Отсутствие основных человеческих прав и свобод неизбежно сочетается с социально-экономической несправедливостью. Трудовые, социально-экономические права и социальная справедливость могут быть реализованы лишь при наличии борющихся за них ассоциаций трудящихся, свободных и независимых от правящей партии и государства.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов
15 июня 1979 г.

128

Документ № 95

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ, ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ, СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СВОБОДЫ СЛОВА И СВОБОДЫ ПЕЧАТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ — НЕ ПРЕКРАЩАЮТСЯ. СУДЫ НАД АДВЕНТИСТАМИ

В марте с.г. был осужден арестованный год назад глава Всесоюзной церкви адвентистов (ВЦ ВСАСД) 83-летний Владимир Шелков.

Пять лет лишения свободы в «исправительно-трудовой колонии» (лагере) строгого режима. Шелков осужден за религиозную и религиозно-правозащитную деятельность. За такую же деятельность он неоднократно арестовывался и ранее, отбыл в заключении более 20 лет.

Вместе с Владимиром Шелковым в марте-апреле 1978 г. были арестованы и в марте с.г. осуждены к лишению свободы деятельные члены Церкви адвентистов Илья Лепшин (5 лет лишения свободы), Арнольд Спалинь (5 лет), Софья Фурлет (3 года).

У осужденных конфискованы принадлежавшие им жилые дома (единственное жилище их семей), а также изъятые на обысках деньги, пишущие машинки, магнитофоны, магнитофонные кассеты и ленты, литература — все это квалифицировано судом как «предметы и орудия преступления».

Одновременно с арестами и вслед за ними на протяжении длительного времени проводились многочисленные обыски у членов Церкви адвентистов — изъято большое количество литературы, изготовленной в подпольной типографии неофициального издательства Всесоюзной церкви адвентистов «Верный Свидетель», а также литература, изготовленная машинописным и рукописным способами.

Владимиру Шелкову и его подельникам инкриминируются статьи и письма, информирующие о нарушении прав верующих, о преследованиях верующих в СССР, в частности, открытые письма, адресованные Президенту США и Белградскому совещанию по проверке выполнения Хельсинкских соглашений.

«Обнаружение указанных писем на имя Президента США Картера, подписанных Шелковым В.А., явилось основанием к возбуждению 21 марта 1978 г. прокуратурой Ставропольского края уголовного дела № 30019 по признакам преступления, предусмотренного статьей 190.1 УК РСФСР»,— из Обвинительного заключения.

«...изготовленные типографским способом 34 брошюры с текстом письма на имя Президента США Джимми Картера от имени Шелкова В.А., именовавшего себя Председателем Всесоюзной церкви «Адвентистов 7-го дня, реформационного движения»... Были изъяты... письма и обращения Шелкова к Президенту США, в которых Шелков призывает Президента вмешаться во внутренние дела СССР с целью защиты «борцов за права человека», в частности, Гинзбурга и Орлова, и защиты верующих от гонений со стороны «госатеистов»...

...Настоящее уголовное дело подлежит направлению в прокуратуру г. Ташкента для утверждения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение составлено в г. Ташкенте 1–7 декабря 1978 г. ... «

Письма и другие документы декларативно определены следствием и судом как «клеветнические», «заведомо ложные...». Продолжавшееся около года предварительное следствие и затем областной суд (в г. Ташкенте) проходили с грубыми нарушениями советского законодательства.

(Так, например, лицам, в домах которых проводились обыски, не давали протоколов обысков — очевидно, опасаясь их огласки. Не были приглашены на суд и не были учтены заявления лиц, желавших свидетельствовать в защиту обвиняемых — дать показания о тех преследованиях, которым лично они подвергались и подвергаются за веру. У осужденного А. Спалиня сразу же после суда отобрали все документы и записи, необходимые для самозащиты: обвинительное заключение, приговор, сделанные Спалинем записи о суде и др. Зал суда почти полностью был заполнен сотрудниками КГБ и лицами, ангажированными властями. Отказались пустить на судебное заседание приехавшего на этот суд лауреата Нобелевской премии Мира академика А.Д. Сахарова.)

Местная и центральная советская печать публиковала дезинформацию о процессе, клевету на обвиняемых-осужденных.

В течение уже более двух месяцев не проведен кассационный суд. (Ожидается, что он состоится в Верховном суде Узбекской ССР в конце июня.)

Здоровье Владимира Шелкова ухудшается; жалобы на сердечную недостаточность, перебои сердечной деятельности.

* * *

11 июня с.г. в г. Ставрополе начался суд над адвентистами, которым инкриминируется размножение — печатание типографским способом — религиозной и религиозно-правозащитной литературы.

Перед судом предстали арестованные 10 месяцев назад печатники издательства «Верный Свидетель» Всесоюзной церкви адвентистов Рихард Спалинь, Анатолий Рыскаль, Яков Долготер.

Предъявлены обвинения по статьям: «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский... « (= ст. 190.1 УК РСФСР), «занятие запрещенным промыслом» (= ст. 162), а также Р. Спалиню — «хищение государственного имущества» (= ст. 92) — в связи с закупкой бумаги, краски, деталей к печатной машине и приобретением списанного на металлолом печатного станка.

О суде над адвентистами — печатниками издательства «Верный Свидетель» сообщает Совет Церкви адвентистов и призывает международную общественность выступить в их поддержку[1].

* * *

В последнее время, особенно в последние месяцы, все более и более усиливаются преследования адвентистов.

* * *

Преследования и суды над адвентистами — это посягательство на основные права и свободы граждан: свободу мысли, совести, религии и убеждений, свободу слова и печати. Это грубое нарушение принципа Хельсинкских соглашений: «Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия».

Целесообразно проведение международными религиозными и правозащитными организациями тщательного расследования заявленных самими верующими нарушений их права на свободу совести и других прав. Наибольшее количество таких заявлений исходит от религиозных лиц и общин, отказывающихся от государственной регистрации, связанной с подчинением веры указаниям и контролю партии и государства.

О грубых нарушениях прав верующих и о преследованиях за вероисповедание заявлено также в документах комитетов защиты верующих и в ряде документов групп «Хельсинки».

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов
16 июня 1979 г.

129

Документ № 96

ЗАПРЕТ НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ РАБОТУ ПРАВОЗАЩИТНИКАМ

Многие правозащитники являются учеными, инженерами, врачами и представителями других высококвалифицированных профессий. Не прекращаются преследования правозащитников в профессиональной деятельности. Увольнение с работы означает не только материальные лишения, но и постепенную дисквалификацию. В то

[1] В АС №3698 воспроизведена рукописная помета: «Обвиняемые признаны виновными и приговорены к лишению свободы на срок: А. Рыскаль и Я. Долготер — 4 года каждый, Р. Спалинь — 7 лет (25 июня 1975 г.) «. — *Сост.*

же время, оказавшись вынужденно безработными, они оказываются также под угрозой уголовного преследования по закону о так называемых «тунеядцах» («систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством» — ст. 209 УК РСФСР). Реальность этой угрозы подтверждает, в частности, горький опыт двух членов групп «Хельсинки»: ученого-физика Григория Гольдштейна и Петра Винса, освобожденных в начале 1979 г. после года заключения в уголовных лагерях по обвинению в «тунеядстве» — «паразитическом образе жизни».

Недавно преследованиям в сфере профессиональной деятельности подверглись: член Московской группы «Хельсинки» молодой ученый физико-химик Юрий Ярым-Агаев, члены Рабочей комиссии, расследующей злоупотребления психиатрией, молодой математик-программист Вячеслав Бахмин и врач-рентгенолог Леонард Терновский, а также один из распорядителей Фонда помощи политзаключенным инженер-программист Сергей Ходорович.

Приводим более подробные сведения об этих случаях.

Юрий Ярым-Агаев — научный сотрудник отдела полимеров Института химической физики Академии наук — был уволен в январе 1979 г. Его увольнение было осуществлено способом, который сам по себе представляет опасность для свободного развития науки. Начальник отдела и дирекция Института потребовали, чтобы он «засекретился», заполнив для этого специальные анкеты. Ярым-Агаев заявлял ранее и снова заявил, что по своим убеждениям он не может согласиться на засекречивание. Тогда его уволили. К моменту увольнения Ярым-Агаев находился в разгаре своей весьма успешной работы (внесенной в план Института) по открытой теме, и не было никаких деловых мотивов для его засекречивания.

Вячеслав Бахмин работает в должности старшего инженера в Институте «Информэлектро» с 1973 года, все это время успешно выполняет свою работу, считается хорошим специалистом. Начальник лаборатории, в которой он работает, официально предложил повысить его в должности, но директор Института, сославшись на требование заместителя министра, потребовал, чтобы Бахмин был уволен.

Очевидно, чтобы увольнение не выглядело столь явным, Бахмину сначала предложили перейти на конкурсную должность научного сотрудника, что дало бы возможность осенью этого же года уволить его как непрошедшего по конкурсу. Бахмин от перевода на эту должность отказался и 15 июня был официально предупрежден об увольнении. Решение об увольнении Бахмина принято, несмотря на существенное значение его работы для Института. Об этом заявили дирекции Института начальник лаборатории, где работает Бахмин, и начальник смежной лаборатории; последний заявил, что уход с работы Бахмина замедлит выполнение плана работ его лаборатории на полгода.

Леонард Терновский работает врачом-рентгенологом в клинике 1-го Московского мединститута с 1960 г. 4 апреля Терновский был вызван к ректору Института проф. В. И. Петрову. Петров в присутствии проректора проф. А. П. Савченко принял Терновского весьма грубо и начал разговор с вопроса: «Когда Вы прекратите свою вредную антигосударственную деятельность?» В ответ на спокойные слова Терновского, что он действует в соответствии со своими убеждениями и считает эту деятельность полезной, профессор-ректор обозвал Терновского «хамом». Терновский предупредил, что в таком тоне он разговаривать не склонен. Ректор заявил Терновскому, что ему не место в Институте. Затем ректор пытался получить от Терновского обещание изменить свое «общественное поведение», от чего Терновский категорически отказался. Дальнейших мер против Терновского пока не последовало.

Сергей Ходорович работает в должности старшего инженера-программиста в вычислительном центре управления «Мосгорплодоовощ». С работой всегда справлялся

хорошо и за все годы никаких нареканий и замечаний не имел. За последнее время Ходоровичу по явно надуманным поводам один за другим было объявлено два выговора. По существующим законам три выговора — достаточная причина для увольнения.

Мы обращаем внимание МОТ и свободных профсоюзов на грубое нарушение прав трудящихся во всех описанных случаях. Местные профсоюзные организации (государственный профсоюз) не оказали поддержки преследуемым.

Мы обращаем внимание ученых, сотрудничающих с Институтом химической физики и вообще с Академией наук СССР, на увольнение Юрия Ярым-Агаева по политическим мотивам. Мы обращаем внимание медицинских учреждений и врачей на преследование по политическим мотивам их коллеги Леонарда Терновского.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова
20 июня 1979 г.

130

Документ № 97

В ЗАЩИТУ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СЕРГЕЯ КОВАЛЕВА

Известный правозащитник Сергей Ковалев, содержащийся в Пермском лагере № 36, объявил бессрочную голодовку протеста. Требования Ковалева содержат четыре пункта:

1. Свидание с женой и детьми.
2. Вручение ему необоснованно задержанных писем от членов семьи.
3. Свидание с адвокатом.
4. Вручение ему его личных выписок из материалов судебного дела, незаконно отобранных у него при этапировании в лагерь.

Последнее общее (двухчасовое) свидание с женой и детьми Сергей Ковалев имел 4 декабря 1978 г. Полагающееся 7 апреля 1979 г. очередное личное свидание с женой и детьми было перенесено на 7 октября 1979 г. (т.е. отодвинуто на 6 месяцев — срок нахождения Ковалева в ПКТ).

4 июня 1979 г. жена с сыном и дочерью Ковалева приехали на очередное краткосрочное свидание, но им сообщили, что Ковалев лишен свиданий за то, что не поздоровался с представителем администрации лагеря.

Таким образом, уже более полугода Ковалев лишен возможности увидеть жену и детей и не сможет их увидеть по крайней мере до 7 октября с.г.

Письма, адресованные Сергею Ковалеву его сыном Ковалевым Иваном, систематически конфискуются, и уже более года ни одно письмо сына Сергею Ковалеву не вручено. Письма жены вручаются Ковалеву очень редко.

Свидания с адвокатом Е. А. Резниковой Ковалев добивается с октября 1978 г. Свидание неоднократно откладывалось по разным причинам. 1 марта 1979 г. адвокат Резникова приехала на свидание к Ковалеву, но свидание не состоялось в силу того, что представители администрации лагеря пытались подвергнуть адвоката обыску, на что адвокат Резникова категорически не согласилась.

На многочисленные запросы и требования о возврате личных выписок из судебного дела Ковалев в течение более двух лет ответов по существу не получает.

Все перечисленные нарушения прав заключенного вынудили Сергея Ковалева прибегнуть к крайней мере протеста — голодовке.

Резко ухудшившееся состояние здоровья Сергея Ковалева вызывает тревогу, т.к. в условиях голодовки могут наступить необратимые последствия, угрожающие не только здоровью, но и жизни политзаключенного Сергея Ковалева.

Мы считаем необходимым информировать о положении Сергея Ковалева глав правительств стран, подписавших Хельсинкское соглашение.

Одновременно мы призываем мировую общественность и, в особенности, ученых продолжить свои усилия в деле освобождения Ковалева, осужденного за свободную мысль, за свободное слово, за сбор и распространение информации.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
26 июня 1979 г.

Приложение

Произвол в отношении политзаключенных. Голодовка Сергея Ковалева — протест против непрекращающегося произвола

Советская пенитенциарная система направлена на уничтожение личности, и сохранить личность как таковую можно лишь в сопротивлении, несмотря ни на какие наказания. От политзаключенных — узников совести власти пытаются добиться отказа от своих убеждений, используя для этого изнурительный труд, недостаточное питание (вплоть до пытки голодом), наказания, связанные с физическими и моральными страданиями, строжайшую изоляцию от внешнего мира... — Это мнение многих вчерашних и сегодняшних политзаключенных, мнение многих участников правозащитного движения (см. в частности документы №№ 3, 17, 62, 66, 87; см. также «Хронику текущих событий» — «Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается»).

* * *

Сергей Ковалев — один из наиболее достойных и самоотверженных участников правозащитного движения в нашей стране. Член Инициативной группы защиты прав человека в СССР с момента ее основания в середине 1969 г. вплоть до своего ареста в последних числах декабря 1974 г. Издатель неподцензурного бюллетеня «Хроника текущих событий» — «Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается» (На суде Ковалеву инкриминировалось издание и распространение весной-летом 1974 г. 28–34-го выпусков «Хроники».) Сергей Ковалев посвятил много времени и сил исследованию условий содержания политзаключенных и преданию гласности имеющейся у него информации.

Сергей Ковалев через год после ареста, в декабре 1975 г., был осужден — в условиях грубейших нарушений законности — по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» к семи годам лишения свободы в «исправительно-трудовой колонии» (лагере) строгого режима и трем годам ссылки.

Направленный для отбытия срока лишения свободы в Уральский лагерь № 36 (Пермская область, Чусовской район, пос. Кучино, учреждение ВС-389/36), Сергей Ковалев то и дело подвергается дополнительным жестоким наказаниям, не раз его подвергали пытке, каковую представляет собой длительное пребывание в ШИЗО (карцере); с мая 1978 г. он в течение 6 месяцев находится в ПКТ (внутрилагерная тюрьма, строгий тюремный режим)... Как правило, назначение этих наказаний С. Ковалеву является вопиющим произволом даже по лагерным стандартам. Сергей Ковалев не раз держал голодовки протеста. Его поддерживали и выступали в его защиту многие политзаключенные этого лагеря.

В интервалах между этими наказаниями сотрудники КГБ уговаривали Сергея Ковалева «раскаяться», отказаться от своих убеждений.

Сергей Адамович Ковалев, 1930 г. рождения, талантливый эрудированный ученый, биолог, автор ряда ценных научных работ, принуждается к изнурительному и отупляющему физическому труду. Он выполнял и выполняет некоторые операции в производстве электроутюгов, нередко относящиеся к категории особо вредных работ; в течение нескольких месяцев зимой 1978–79 г. работал кочегаром, приходилось колоть смерзшийся уголь, возить и таскать большие количества угля и шлака (преимущество работы кочегара заключается в том, что здесь не требуется «норма выработки»: выполнение «нормы» часто непосильно для С. Ковалева).

В результате пребывания в заключении у С. Ковалева развились тяжелая стенокардия — частые стенокардические приступы; сильные головные боли, сопровождающиеся тошнотой и головокружением; разрушены зубы — полон рот больных зубов, частые и сильные боли (в лагере нет зубного врача). Частые и сильные кишечные боли. С. Ковалев страдал тяжелым, сопровождавшимся сильными кровотечениями геморроем и перенес в начале 1977 г. соответствующую операцию; однако условия по возвращении обратно в лагерь не благоприятствовали выздоровлению; по произволу администрации Ковалева — в качестве «меры взыскания» — лишили назначенного врачами и необходимого ему диетпитания, принудили к тяжелому непосильному труду.

Переписка Сергея Ковалева подвергалась и подвергается произвольным ограничениям — сверх тех ограничений, которые наложены Исправительно-трудовым законодательством,— вплоть до фактически полного лишения переписки.

Так, находясь в ИТК (лагере) строгого режима, Ковалев, согласно Исправительно-трудовому законодательству, «имеет право» отправлять до 2-х писем в месяц; количество получаемых писем не ограничивается; все письма должны проходить через лагерную цензуру, правила которой устанавливаются закрытыми (секретными) инструкциями МВД. Однако корреспонденция С. Ковалева то и дело подвергается конфискации, причем в ряде случаев ему не сообщают даже формальные причины конфискации; многие письма, адресованные Ковалеву, ему не вручаются по неизвестным причинам, они просто «пропадают».

Более года С. Ковалеву не вручают письма его сына, Ивана Ковалева.

Требуя прекращения произвола — незаконного блокирования его переписки — Сергей Ковалев с октября 1977 г. отказался отправлять письма. Вот уже почти два года от него нет ни одного письма...

Очевидно, с целью еще большей изоляции С. Ковалева, для ограничения возможности передачи информации о нем, о зоне (лагере) № 36 и т. д. освобождаемым по отбытии срока заключения не разрешается приезжать, даже заезжать в Москву.

Степень изоляции Сергея Ковалева усугубляется еще и тем, что его лишают даже тех редких свиданий, которые предусмотрены законодательством. В лагере строгого режима разрешается до 3-х свиданий в год (интервалы между свиданиями не менее 4-х месяцев): одно личное свидание продолжительностью от одних до 3-х суток, два «общих» — продолжительностью 2–4 часа, в присутствии контролеров, представителей администрации. (Продолжительность свиданий в указанных диапазонах устанавливается администрацией, обычно в зависимости от «поведения» заключенного, а иногда и от поведения приехавших на свидание родственников.) Одно из наказаний — лишение очередного свидания; кроме того, автоматически лишаются свидания заключенные, находящиеся в ШИЗО (карцере) и в ПКТ; в соответствии с новыми инструкциями МВД, время, проведенное заключенным в ШИЗО, карцере, ПКТ, не учитывается при расчете минимально допустимого интервала времени между свиданиями.

В 1978 г. Сергей Ковалев имел всего 2 свидания, в 1979 — ни одного.

В первых числах июня с.г. жена, сын и дочь С. Ковалева приехали в пос. Кучино на очередное свидание. Однако в свидании им было отказано: Ковалев лишен свидания...

Сергей Ковалев настаивал и продолжает настаивать на своем праве на встречу с адвокатом. Формально его этого права не лишают, но под разными предлогами и разными способами препятствуют этой встрече, которой С. Ковалев добивается с октября 1978 г.

1-го марта с.г. адвокат С. Ковалева Е. А. Резникова приехала в 36-ю зону, чтобы встретиться с Ковалевым для оказания ему юридической помощи. Это был ее третий визит к своему подзащитному со времени его пребывания в этом лагере с февраля 1976 г. Все формальности были ею выполнены заблаговременно, время свидания согласовано с администрацией лагеря. Прождав в штабе колонии (лагеря) ВС-389/36 довольно длительное время (ей объяснили, что в это время «готовили» к свиданию С. Ковалева), она в сопровождении нескольких человек из администрации была впущена в дом свиданий. Ей предложили предъявить содержимое ее сумки; она категорически отказалась, сославшись на отсутствие санкции прокурора... Она настаивала на своем законном праве пройти на свидание с заключенным подзащитным, не подвергаясь ни обыску, ни «досмотру». Администрация не разрешила свидания без предварительного обыска личных вещей адвоката. Свидание Ковалева с адвокатом не состоялось.

До сих пор нет указаний от соответствующих организаций, и адвокат Резникова лишена возможности встретиться — в условиях соблюдения ее законных прав — со своим подзащитным.

В поддержку своего требования прекратить произвол Сергей Ковалев намеревался начать голодовку. Он долгое время все еще надеялся на разумное решение этого вопроса со стороны администрации.

Получены сведения, что 15 июня Сергей Ковалев начал бессрочную голодовку...

Он требует реализации его законного права на встречу с адвокатом; права пользоваться записями-выписками из своего судебного дела; реального права на переписку, на свидание.

Голодовка Сергея Ковалева может оказаться смертельной.

* * *

Мы подчеркиваем, что Сергей Ковалев осужден именно за его выдающуюся правозащитную деятельность. Эта деятельность, а также позиция Сергея Ковалева после ареста, нежелание идти на недостойные компромиссы с властями — причина того произвола, того чрезвычайно жестокого обращения, которому он подвергается в заключении.

Мы напоминаем, что Сергей Ковалев — один из тех, кто был осужден за реализацию права на убеждения, за правозащитную деятельность уже после заключения Хельсинкских соглашений, что является грубым нарушением этих Соглашений.

Мы также обращаем особое внимание ученых, коллег Сергея Ковалева, на все творящиеся в отношении него беззакония и нарушения человеческих прав и человечности.

Жизнь Сергея Ковалева в опасности.

Член Московской группы «Хельсинки»:
Мальва Ланда

131

Документ № 98

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НАД РАБОЧИМИ В СССР

В июне 1979 года в СССР состоялись два суда над рабочими — участниками правозащитного движения, обвиненными в распространении «заведомо ложных измышле-

ний, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190.1 УК РСФСР).

4 июня в г. Ростове-на-Дону — над 43-летним рабочим-сверловщиком Таганрогского комбайнового завода Эдуардом Кулешовым и 20–21 июня в г. Бобруйске (БССР) — над 43-летним рабочим-грузчиком Михаилом Кукобакой, в недавнем прошлом уже отбывшим 6-летнее заключение за убеждения в психиатрических больницах.

В обоих случаях вынесен максимальный приговор, предусмотренный по этой статье,— 3 года исправительно-трудовых лагерей. Оба суда представляли собой лишь прикрытую видимостью законообразности расправу за убеждения и слово. «Хочу обратить ваше внимание на то, что суд надо мной противоречит Всеобщей декларации прав человека»,— сказал на суде Михаил Кукобака.

Основу обвинения М. Кукобаки составили его публицистическая статья «Международная разрядка и права человека — неделимы»[1] и очерк «Украденная родина», утверждающий право на эмиграцию. Известно, что М. Кукобака еще в апреле 1977 г. в результате непрекращающихся репрессий (увольнение с работы, помещение в психбольницу) отказался от советского гражданства и просил о выезде из СССР, однако ответом на это прошение были новые репрессии и в конце концов арест.

Э. Кулешов осужден за написание черновика (!) заявления в защиту осужденного в 1978 г. его друга Е. Бузинникова, запись с эфира книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» и «клевету в устной форме», причем обвинение, после того как трое свидетелей на суде отказались от ранее сделанных показаний, строится на показании единственного свидетеля. Обвинение, предъявленное Кулешову, настолько ничтожно, что даже государственный защитник, адвокат из г. Таганрога Шиштанов[2], потребовал, что бывает крайне редко в практике советских политических процессов, оправдания Кулешова за несостоятельностью обвинения.

Оба суда проходили с грубым нарушением процессуальных норм. И Кулешову, и Кукобаке было отказано в вызове просимых ими свидетелей. Судья Ребров в Ростове-на-Дону грубо обрывал Кулешова и нарушал его право на защиту. Судья Иванов в Бобруйске кричал на свидетелей, наводящими вопросами вытягивал из них нужные показания.

Оба подсудимых мужественно и терпеливо отводили от себя обвинения, показав всю их несостоятельность. Михаил Кукобака убедительно доказывал, что в СССР нарушаются права человека и отсутствуют демократические свободы; он выдвинул широкую программу демократизации страны. Именно это обстоятельство — твердость и умение отстоять свои убеждения, знание закона и высокая эрудиция подсудимых, их явное моральное превосходство над обвинением — вызывало нескрываемое раздражение судей и обусловило максимальный приговор.

Процессы Э. Кулешова и М. Кукобаки выходят за рамки частных, «провинциальных» расправ за инакомыслие. Их следует поставить в один ряд с подавлением деятельности независимых профсоюзов в СССР, с арестом В. Клебанова, с осуждением в 1978 г. рабочего из Белоруссии Е. Бузинникова, с недавним судом в Ленинграде по делу одного из основателей СМОТ Л. Волохонского.

Значение этих процессов состоит в том, что они символизируют рост правосознания рабочих, осознания рабочими необходимости демократизации общества, проведения в стране широких социальных преобразований.

Мы обращаем внимание правительств и общественности стран, подписавших Хельсинкский акт, а также рабочих организаций этих стран, в частности — Конгресса про-

---

[1]Точнее, «Защита прав человека и разрядка — неделимы». — *Сост.*

[2] Так в тексте, правильно — А.А. Шештанов — *Сост.*

изводственных профсоюзов США[1], на прошедшие процессы. Мы надеемся на выступления в защиту осужденных в СССР рабочих Михаила Кукобаки, Эдуарда Кулешова и других.

Мы просим не оставлять без внимания любые другие попытки подавить рабочее движение в СССР.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
8 июля 1979 г.

132

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

9 июля жене члена-основателя Московской группы «Хельсинки» Александра Гинзбурга, освобожденного из заключения в обмен на пойманных в США двух советских шпионов и одновременно высланного из СССР, было заявлено, что фактического члена семьи Гинзбургов Сергея Шибаева не выпустят из страны, не выпустят никогда.

Обязательство допустить и способствовать воссоединению всех членов их семей входит в условия соглашения между правительствами США и СССР об обмене осужденными.

Ирине Жолковской-Гинзбург, официально приглашенной для этого в московский ОВИР, было сообщено представителем Всесоюзного ОВИРа Герасимовым в присутствии и при участии заместителя начальника московского ОВИРа Зотова:

1. Сергея Шибаева, 19 лет, не выпустят из страны ни сейчас, ни позже, никогда. Жолковской-Гинзбург, приемной матери Шибаева, дали понять, что формально это решение мотивируется возражением родителей Шибаева против его эмиграции (Шибаев уже более пяти лет не живет с этими родителями). На вопрос, разве не было случаев, когда дети уезжали без согласия родителей, зам. начальника ОВИРа Зотов ответил, что он таких случаев не знает. Жолковская-Гинзбург заявила, что она согласна удовлетворить материальные претензии родителей Шибаева, если таковые будут предъявлены. Она заявляла это и ранее.

2. Жолковской-Гинзбург было сказано, что до 25 июля она должна сообщить в ОВИР о том, что она согласна выехать без Сергея Шибаева. При этом ей было разъяснено, что после 25 июля ей придется добиваться разрешения на эмиграцию уже «на общих основаниях», то есть «только через Израиль при наличии вызова от проживающих там родственников».

Беседовавшие с Жолковской-Гинзбург ответственные сотрудники отметили, что изложенное ими решение принято на высоком уровне при участии МВД и КГБ.

Жолковская-Гинзбург заявила, что она не может уехать без Сергея Шибаева, особенно теперь, когда он из-за своей честности и преданности семье Гинзбурга подвергается преследованиям и находится под угрозой жестоких репрессий. Ответственные работники сказали, что это их не касается и выходит за рамки данного разговора. (Армейское начальство угрожает рядовому стройбатальона Сергею Шибаеву многочисленными дисциплинарными взысканиями, переводом в дисциплинарный штраф-

[1] Имеется в виду американский профсоюз АФТ-КПП. — *Сост.*

ной батальон, а также обвинением в «измене родине», и с помощью этих угроз от него пытаются добиться заявления об отречении от семьи Гинзбурга и об отказе от эмиграции.)

* * *

Таким образом, кроме демонстративного нарушения условий договоренности об обмене осужденными между СССР и США руководители Советского Союза демонстрируют также пренебрежение к духу и букве Хельсинкских соглашений, принципиальный произвол в вопросах эмиграционной политики. (Никогда не получит Шибаев разрешения покинуть страну. Эмиграция на общих основаниях — только через Израиль.)

Власти явно заинтересованы в демонстрации политики с позиции силы. Жертвами этого являются конкретные люди: страдает вся семья Гинзбурга — его старая мать, маленькие дети, жена. Под угрозой быть раздавленным мощной машиной власти Сергей Шибаев.

Внимание международной общественности, выражение озабоченности нарушениями человеческих прав и свобод уже не раз останавливало или ограничивало произвол.

Мы надеемся, что в данном случае это внимание спасет Сергея Шибаева и поможет воссоединению семьи Гинзбурга[LXXXVII].

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Мальва Ланда, Елена Боннэр, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев, Виктор Некипелов
Присоединяемся:
М. Петренко-Подъяпольская, В. Ливчак, И. Валитова-Орлова, Н. Федорова, С. Павленкова, В. Павленков, А. Шустер, Ю. Гастев, В. Бахмин, В. Лашкова, С. Ходорович, В. Дзядко, В. Помазов, Е. Николаев, Е. Цитовская
9–10 июля 1979 г.

133

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Общественного Комитета США по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений[LXXXVIII]

Мы со взаимным удовлетворением отмечаем тот факт, что в двух крупнейших странах, подписавших Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданы и функционируют общественные группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в области прав человека.

Мы считаем должным отметить, что инициатива создания таких групп принадлежит физику-профессору Юрию Орлову — основателю Московской группы «Хельсинки», который осужден в 1978 г. за деятельность Группы и в настоящее время является политзаключенным Уральских лагерей в СССР.

Мы считаем целесообразным создание подобных общественных групп и во всех других странах, подписавших Заключительный акт Хельсинкского совещания.

Опыт Белградского совещания 1977 года показал, что решение на международном уровне проблемы прав человека невозможно лишь путем переговоров государственных деятелей без участия общественности стран-участниц Соглашения.

Мы считаем, что общение между нашими Группами, происходящее как в форме личных контактов, так и в форме обмена информацией, будет способствовать объединению усилий общественности разных стран, направленных на обеспечение прав человека во всем мире.

Мы считаем, что установление таких контактов представляет собой новую форму сотрудничества между людьми разных стран, основанную не на правительственных договорах, а на наличии общих целей, принципов и методов.

Будучи убежденными, что соблюдение прав человека, вытекающих из присущего человеческой личности достоинства, является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;

будучи убежденными, что никакое нарушение этих прав не может быть оправдано политическими, экономическими, идеологическими или религиозными соображениями;

будучи убежденными на основании истории человечества, в особенности истории XX века, что права человека самоценны и неотторжимы и попрание их приводит к самым страшным общественным катаклизмам, к физической и моральной деградации человека и общества;

принимая основные формулировки этих прав, данные во Всеобщей декларации прав человека ООН и Международном пакте о гражданских и политических правах;

учитывая, что государства, подписавшие Заключительный акт Хельсинкского соглашения, взяли на себя обязательства следовать принципам вышеуказанной Декларации, а также соблюдать все пункты вышеуказанного Пакта;

учитывая сложность, а иногда и невозможность преодоления всех трудностей, стоящих на этом пути,

мы считаем своей основной задачей и обязанностью выявлять и предавать гласности все случаи как общих принципиальных нарушений прав человека в наших странах, так и нарушений прав отдельного человека.

Мы считаем необходимыми ратификацию (еще не ратифицированных какой-либо из наших стран) Пакта о гражданских и политических правах, Факультативного протокола к нему, международных конвенций, запрещающих различные виды дискриминации, принудительный труд, преследование свободы ассоциаций, а также принятие и ратификацию конвенций, гарантирующих свободное передвижение внутри страны и между странами, неприкосновенность личности и семьи, свободу получать и распространять информацию, гуманное обращение с заключенными.

Мы считаем необходимым немедленное приведение внутреннего законодательства наших стран в полное соответствие с международными пактами и конвенциями о правах человека.

Мы считаем своим долгом предавать широкой гласности документированные свидетельства о всех известных нам случаях несоответствия действующих в наших странах законов и нормативных актов международным пактам и конвенциям, а также о нарушениях действующих законов и иных случаях произвола, приводящих к попранию прав человека, а также информировать общественность наших стран и международную общественность о всякого рода преследованиях в отношении правозащитников, проводящих свою деятельность в пределах рамок, определяемых международными декларациями, пактами и конвенциями о правах человека.

Мы приложим все усилия для того, чтобы обеспечить контакты между нашими Группами для консультативного обмена опытом, а также для того, чтобы доводить документы обеих групп до широких слоев общественности наших стран.

Мы считаем целесообразным ознакомление с этим документом существующих в европейских странах Хельсинкских групп и будем приветствовать контакты с ними.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Члены Общественного Комитета США:
Роберт Бернстайн, Джон Кери, Адриан Девинд, Марвин Франкель, Джек Гринберг, Арье Нейер, Орвил Шелл
31 июля 1979 г.

134

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Мы, правозащитники Польши и Советского Союза, объединенные общей борьбой за соблюдение прав человека, обращаемся к нашим чехословацким друзьям, ко всем людям доброй воли в наших странах и во всем мире, к правительствам и гражданам всех государств мира.

Мы призываем поднять голос в защиту чешских и словацких правозащитников, подписавших «Хартию-77» и беззаконно арестованных чехословацкими властями, в защиту Ярмилы Беликовой, Вацлава Бенды, Отки Беднаржовой, Иржи Немеца и Даны Немцовой, Иржи Динстбира, Петра Ула, Вацлава Гавела, Ярослава Шабаты.

Мы уверены, что заключенные и преследуемые за провозглашение правды и защиту справедливости мужественные люди одержат победу над своими преследователями.

Мы верим, что идеи, за которые сейчас преследуют участников движения «Хартия-77» и других защитников прав человека в Чехословакии, в Советском Союзе, Польше и других странах Восточной Европы, — что эти идеи победят в сердцах людей и сблизят наши народы вопреки политике наших правительств.

Мы уверены, что только под давлением общественности наши чехословацкие друзья, арестованные в мае этого года, могут выйти на свободу.

Сделаем же все возможное, чтобы сократить их пребывание в тюрьме, и будем верить, что в этом нам на помощь придут люди доброй воли всего мира.

Комитет Общественной Самозащиты (КОР)[1]*, Польша*

Правозащитники СССР:
Члены Московской группы «Хельсинки»:
Софья Каллистратова, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Мальва Ланда, Елена Боннэр, Юрий Ярым-Агаев, Наум Мейман

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях:
Леонард Терновский, Вячеслав Бахмин

Распорядитель Фонда помощи политзаключенным СССР:
Ирина Жолковская-Гинзбург

[1] См. прим. LXXVIII.

Член Инициативной группы по защите прав инвалидов СССР:
Юрий Киселев

Георгий Владимов, Андрей Сахаров, Татьяна Великанова, Иван Ковалев, Игорь Хохлушкин, Владимир Малинкович, Александр Лавут, Нина Комарова, Ирина Гривнина, Мария Петренко (Подъяпольская)
31 июля 1979 г.

135

Документ № 99

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ВЕРУЮЩИХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

20 июля 1979 г. Рязанским областным судом осуждены пресвитер Рязанской общины ЕХБ Никитков Александр Валентинович и член церковного совета, регент хора и оркестра той же общины Попов Николай Филиппович.

Признав их виновными в «изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», суд приговорил по ст. 190.1 УК РСФСР Попова к 3 годам лишения свободы в лагерях строгого режима, Никиткова к 3 годам лишения свободы условно с направлением на принудительные работы на стройках народного хозяйства.

Суд проходил в ставших уже обычными условиях рассмотрения политических дел в СССР. Отсутствие полной гласности, вынужденный отказ подсудимых от участия в процессе защитников, отклонение судом всех ходатайств подсудимых (в том числе ходатайства о вызове свидетелей защиты).

Мы не имеем в своем распоряжении текста приговора суда, однако из обвинительного заключения, которое продублировано в основном в приговоре, видно, что Никиткову и Попову не поставлено в вину ни одного конкретного факта клеветы. Их обвинение построено на общих фразах о составлении и распространении в документах (подписанных ими и другими членами общины), в проповедях и молитвах, а также в письмах и заявлениях, направленных в официальные органы власти, «заведомо ложных сведений» о том, что в СССР нет свободы совести и имеют место преследования за религиозные убеждения.

Оценочные суждения подсудимых и их единоверцев априори и бездоказательно объявлялись клеветническими. Все попытки подсудимых добиться конкретизации обвинения судом пресекались и отвергались. Ни один из вменяемых подсудимым документов в суде не оглашался, ни один факт не проверялся.

Характерно, что в преамбуле обвинительного заключения содержатся рассуждения о «расколе» среди евангельских христиан-баптистов и даже о «борьбе за власть» в среде верующих евангельско-баптистского вероисповедания. Совершенно очевидно, что в стране, где декларированы свобода религиозных убеждений и отделение церкви от государства, вопросы о разногласиях религиозных течений не должны иметь никакого отношения к уголовному праву.

Суд над Никитковым и Поповым — очередное звено в цепи преследований, которым подвергается Рязанская община ЕХБ на протяжении ряда лет.

Еще в 1961 г. был закрыт молитвенный дом в поселке Дяголово, и в течение 18-ти лет верующие не могут добиться открытия молитвенного дома и вынуждены собирать-

ся для молитв и обсуждения религиозных вопросов по домам единоверцев. Молитвенные собрания зачастую разгоняются милицией. Такие факты, например, имели место в мае 1978 г., когда работниками милиции был учинен форменный погром в доме Савиных, где для мирной религиозной беседы собралась молодежь из общины ЕХБ. Все присутствовавшие на этом собрании были насильственно отвезены в райотдел милиции, где их переписали и сфотографировали. Хозяин дома Савин и руководивший молитвенным собранием Попов были подвергнуты штрафу.

Такой же случай имел место в январе 1979 г., когда работники милиции разогнали членов общины, собравшихся в доме Кудряшевых.

Разгоняя собрания верующих общины ЕХБ, милиция мотивирует свои действия тем, что собрания «незаконные», т.к. община не зарегистрирована. Не говоря уже о том, что для того, чтобы собраться в частном доме для молитвы или беседы, по закону никакой регистрации или разрешения не требуется, примечателен тот факт, что Рязанской общине ЕХБ с 1961 года отказывают в регистрации общины, хотя община неоднократно обращалась в местные органы власти с просьбами о регистрации.

В 1966 г. состоялся первый в Рязани судебный процесс над членами общины ЕХБ. Тогда были осуждены пресвитер общины Быков А.В., дьякон Кудряшев Г.Н. и члены церковного совета Попов Н.Ф. и Голев С.Т.

Все они отбыли назначенные им сроки заключения.

В 1967 году был осужден на 6 лет строгого режима член общины Сафронов. Суд был закрытый — не пустили даже жену подсудимого.

В 1969 году были вторично осуждены члены общины Голев, Кудряшев и Быков. С ними вместе была осуждена на два года лишения свободы член общины Белых Л.И.

Кудряшев в 1972 году умер в лагере за месяц до окончания срока наказания.

Все эти члены общины были осуждены по стереотипному обвинению в нарушении законодательства о религиозных культах.

По подсчетам членов общины, за последние годы общий срок заключения, отбытый членами Рязанской общины ЕХБ. составляет 27,5 лет.

В письме от 29 августа 1979 г., подписанном 77-ю членами общины и адресованном всем верующим в СССР и всем христианам мира, утверждается, что все осужденные являются узниками совести, т.к. кроме исповедания и проповедования своей веры они никаких крамольных действий не совершали.

Местная печать в ряде статей, опубликованных в областных газетах, в ложном свете представляет верующих, обвиняя служителей ЕХБ в нелояльности к социалистическому строю, в тунеядстве и т.д. Особенным преследованиям как в печати, так и другими методами подвергается пресвитер общины А. С. Редин. Ему угрожают отобранием недавно законно построенного дома. Еще в ноябре 1978 г. 11 представителей милиции произвели незаконный обыск двора и построек Редина.

На суде над Поповым и Никитковым выяснилось, что против Редина возбуждено уголовное дело.

Обращая внимание глав правительств стран, подписавших Хельсинкское соглашение, и мировой общественности на факты преследования верующих в нашей стране, мы призываем всех людей доброй воли поднять свой голос в защиту прав людей, которые хотят исповедовать и проповедовать свою религию, пользуясь естественным правом свободы совести.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
25 августа 1979 г.

136

Документ № 99[а][1]

РЕПРЕССИИ ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ МОТИВАМ
(август 1978 г. — август 1979 г.)

Арестованы еще четыре члена Украинской группы «Хельсинки» — Олесь Бердник, Петро и Василь Сичко, Юрий Литвин

В марте с.г. в Киеве был арестован член-основатель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, писатель Олесь Бердник; до настоящего времени он находится в следственной тюрьме КГБ, в полной изоляции. 5 июля с.г. в г. Долина Ивано-Франковской области арестованы члены Группы Петро и Василь Сичко, отец и сын; обоим предъявлено обвинение в «клевете» на советский строй; П. Сичко находится в следственной тюрьме КГБ в г. Львов, В. Сичко направлен на судебно-психиатрическую экспертизу (см. приложение «Из заявления С. В. Сичко»[2]). 6 августа с.г. в Киеве арестован член этой же Группы Юрий Литвин (см. приложение «Список арестованных и осужденных с августа 1978 по август 1979»).

В ночь с 1 на 2 августа с.г. в Киеве избит неизвестными в штатском и затем подвергнут административному аресту на 15 суток новый член Украинской группы «Хельсинки» врач-рентгенолог Владимир Малинкович.

Кроме того, арестованы и осуждены:

— близкий к Украинской группе правозащитник Иосиф Зисельс (г. Черновцы, арестован в декабре 1978, осужден в апреле 1979);

— вышедший на улицу с призывом помочь узникам совести Виктор Монбланов (Киев, арестован 30 декабря 1978, осужден в апреле 1979);

— поддерживавшие контакты с членами Украинской группы «Хельсинки» или с другими правозащитниками Василь Овсиенко (Житомирская область, арест и суд — февраль 1979), Тарас Мельничук (Ивано-Франковская обл., арест — март 1979), Юрий Бадзьо (Киев, арест — апрель 1979; на обыске изъята его рукопись — философско-историческое исследование).

Покончил жизнь самоубийством после проведенного у него в марте с.г. обыска Михаил Мельник (изъята рукопись — историческое исследование, многолетний труд М. Мельника). Михаил Мельник (село недалеко от Киева) покончил с собой, чтобы избавить свою семью — жена и двое детей — от преследований в случае его возможного ареста.

Члены Украинской группы «Хельсинки» Иван Кандыба (село Пустомыты Львовской области), Виталий Калиниченко (Днепропетровская область), Нина Строкатова (г. Таруса Калужской области) находятся под административным надзором, который официально накладывает на них ряд ограничений и дискриминационных мер, в частности, лишает права покидать пункт — село или город, в котором им разрешено жить.

Члены Украинской группы «Хельсинки», а также их родственники и знакомые неоднократно подвергались обыскам, допросам, задержаниям, а в некоторых случаях и бандитским нападениям. Многочисленные обыски были проведены в марте — августе с.г. На обысках, проведенных в марте у жены находящегося в заключении руководителя Группы писателя М. Руденко, изъято все, что до этих пор удавалось сохранить из его архива: сборники его стихов, оригинал еще нигде не напечатанного художественного произведения и др.

---

[1] Публикуется как первоначальная редакция документа № 100, в сборнике документов МХГ («Хроника-пресс», вып. 6) приведен как документ № 99.— *Сост.*

[2] Упомянутые в тексте приложения не публикуются. См. примечание к документу № 100 — *Сост.*

Пять членов Украинской группы «Хельсинки» — М. Руденко, О. Тихий, Л. Лукьяненко, М. Маринович, М. Матусевич,— арестованные и осужденные в 1977–1978 гг., отбывают длительные — по 7–10 лет — сроки лишения свободы в бесчеловечных условиях исправительно-трудовых учреждений, после чего им предстоят еще годы ссылки.

(См. также документы №№ 59 (суд над Л. Лукьяненко), 79, 93 (об арестованных членах групп «Хельсинки»), 70, 78, 82, 83 (об уголовных репрессиях в отношении И. Зисельса, В. Овсиенко, О. Бердника, об обысках у Ю. Литвина, М. Мельника и др.), 84 (похищения и бандитские нападения на П. Винса), а также документы Группы, сделанные до августа 1978 г.)

* * *

В декабре 1978 г. в Ереване осужден находящийся в заключении с декабря 1977 г. член Армянской группы «Хельсинки» Роберт Назарян; в настоящее время отбывает 5-летний срок лишения свободы (затем ему предстоят два года ссылки). В июле с.г. в Ереване арестован член (руководитель?) этой Группы Эдуард Арутюнян. Ранее, в январе 1978 г., был осужден на три года лишения свободы проживавший в Ереване член-основатель Армянской группы Шаген Арутюнян. Таким образом, из четырех заявленных до 1979 года членов этой группы трое находятся в заключении; один получил разрешение и эмигрировал.

* * *

В декабре 1978 г. в Вильнюсе арестован Ромас Рагайшис; суд уже несколько раз откладывался. Ему предъявлялись обвинения в присвоении государственного имущества и в спекуляции; последнее обвинение — занятие незаконным промыслом. Действительная причина преследований: Р. Рагайшис поддерживал дружеские контакты с членами Литовской группы «Хельсинки», отказался давать показания на суде над Викторасом Пяткусом.

Арестованные и осужденные в 1977–78 гг. руководитель Литовской группы В. Пяткус и присоединившийся к Группе летом 1977 г. Балис Гаяускас отбывают десятилетние сроки лишения свободы, после чего им предстоят 5 лет ссылки (о суде над В. Пяткусом см. документ № 56). Б. Гаяускас обвинялся в помощи политзаключенным и в попытках сохранить архив литовского вооруженного национально-освободительного движения.

За попытку способствовать восстановлению исторической памяти — участие в съемке фильма «Руины обвиняют» — летом 1978 г. арестован и осужден на 12 лет лишения свободы Янис Скудра (Латвия).

* * *

В марте с.г. в Ленинграде арестован и в июне осужден на два года лишения свободы член-основатель межпрофессиональной ассоциации — СМОТ Лев Волохонский (см. документ № 94). 4 августа арестован член-основатель СМОТ Николай Никитин (Ленинград); как и Волохонскому, ему предъявлено обвинение в «клевете» на советский строй. С октября-ноября 1978 г., когда было заявлено об образовании СМОТ — Свободной межпрофессиональной организации трудящихся, подвергаются различным преследованиям многие его члены. (Насильственное помещение в психиатрическую больницу Валерии Новодворской и Юрия Валова, а также некоторые другие преследования освещены в документе № 76; по истечении нескольких месяцев Новодворская и Валов были выпущены из психбольницы. Арест и суд над выразившими симпатии свободным профсоюзам рабочими Бузинниковым, Кулешовым и Кукобакой — см. документы №№ 76, 98.)

4 августа подвергнуты административному аресту на 15 суток члены-основатели СМОТ Владимир Борисов и Альбина Якорева.

* * *

С января 1979 г. подвергаются обыскам, допросам, задержаниям и угрозам ареста члены редколлегии начавшего выходить летом 1978 г. в Москве неподцензурного литературно-публицистического журнала «Поиски». (См. документы №№ 74, 86, 92.)

11 августа с.г. на улице Москвы задержан и подвергнут административному аресту на 15 суток член редколлегии «Поисков» Юрий Гримм. Вместе с ним задержан и подвергнут административному аресту Вячеслав Репников, бывший член редколлегии издававшегося ранее журнала «Вече». В июле Ю. Гримма задержали и обыскали в метро. Негласный обыск был проведен у его родителей. В конце июля среди бела дня в центре Москвы был избит и ограблен [...] сын Юрия Гримма. (Отняли 400 рублей, только что взятые им из сберкассы. Он страдает заболеванием печени, и били его именно по печени.)

* * *

В октябре 1978 г. арестованы и в апреле с.г. осуждены участники молодежной группы, заявившей весной 1978 г. о своем намерении содействовать мирными средствами, независимо от КПСС, формированию коммунистического — в понимании этой группы — сознания и общества; с весны 1978 г. группа начала издавать журнал «Перспективы» (Ленинград). Обвиненный в «антисоветской агитации и пропаганде» Аркадий Цурков осужден на 5 лет лишения свободы; Александр Скобов направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

В апреле с.г. арестован причастный к этой группе Алексей Хавин. На суде над Цурковым и на суде над Скобовым Хавин отказался от данных им ранее, на предварительном следствии, показаний. Его пытаются обвинить в «изготовлении и сбыте наркотических веществ».

Подвергнуты административному аресту на 15 суток пытавшиеся попасть на суд Цуркова Виктор Павленков (18 лет, из г. Горького) и Л. Кучай. Во время заключения надзиратели били В. Павленкова, угрожали поместить его в камеру к педерастам; чтобы предотвратить осуществление этой угрозы, Виктор Павленков начал сухую голодовку, которую снял на 4-е сутки...

* * *

В ноябре 1978 г. арестован и в январе 1979 г. осужден организатор семинара по проблемам религиозного возрождения (православие) Александр Огородников. В январе арестованы и до сих пор находятся в заключении в ожидании суда участник этого семинара Сергей Ермолаев и его знакомый Игорь Поляков (Москва; см. также документ № 78).

1 августа с.г. арестован участник этого семинара Владимир Пореш (Ленинград). Одновременно с арестом у В. Пореша и не менее чем еще у 5 лиц в Ленинграде и в Москве проведены обыски с целью изъятия издаваемого семинаром журнала «Община».

По-видимому, по этому же «делу» 7 августа произведен обыск у близкого к СМОТ Всеволода Кувакина, юриста по профессии. Изъяты машинописная копия Всеобщей декларации прав человека, машинописная копия опубликованных в газете «Труд» положений о профсоюзах и др. (Обыск производился «с целью изъятия клеветнических, порочащих советский строй» материалов.)

В течение нескольких лет деятельности Христианского семинара его участники то и дело подвергаются обыскам, налетам, просто издевательствам. В 1979 г. на обыс-

ках изымались Библия, Евангелие, книги Бердяева, Булгакова, богословские труды, а также издаваемый семинаром журнал «Община».

* * *

Постоянным преследованиям подвергаются христиане-пятидесятники, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентисты и иеговисты. О преследованиях ЕХБ сообщается в «Бюллетене родственников узников ЕХБ в СССР», о преследованиях адвентистов — в открытых письмах и обращениях Совета Церкви адвентистов (ВЦ ВСАСД): дискриминация верующих детей и родителей, разгон молитвенных собраний, свадебных и иных обрядов, штрафы, обыски, на которых изымается вся религиозная, духовная литература, а заодно и деньги, а также документы и информация о преследованиях за веру; административные аресты (до 15 суток); уголовные преследования — осуждение на длительные сроки лишения свободы. Инкриминируются религиозная деятельность, религиозное обучение-воспитание детей и т.п. (в этом случае используются статьи Уголовного кодекса «Нарушение законов об отделении церкви от государства» и «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов»); инкриминируются заявления, обращения, письма, бюллетени и т. д., в которых сообщается о преследованиях за веру (используются статья Уголовного кодекса о «клевете» на советский строй, статья о «занятии незаконным промыслом» и др.).

С августа 1978 по июнь 1979 арестовано и осуждено не менее 25 баптистов и адвентистов. В том числе — председатель Церкви адвентистов СССР 84-летний Владимир Шелков и его «подельники» (у осужденных конфискованы также дома — жилище их семей), печатники нелегального издательства Церкви адвентистов «Верный Свидетель» (Рихард Спалинь, Анатолий Рыскаль и др.), печатники нелегального издательства ЕХБ «Христианин» (Яков Скорняков и др.) и другие. По сфальсифицированному обвинению в «покушении на жизнь работника милиции» осуждены адвентисты Виктор Бедарев и Петр Ракша; кассационный суд в ноябре 1978 г. отменил приговор Ракши, однако Ракша уже 16 месяцев находится в тюрьме КГБ (см. также документы №№ 45, 64, 95).

В связи с непрекращающимися преследованиями за веру хотят покинуть страну многие пятидесятники. В течение нескольких лет они безрезультатно добиваются разрешения на эмиграцию. Пресекается и эта активность.

Вот что пишет о положении пятидесятников г. Находка и г. Владивостока представитель пятидесятников Борис Перчаткин (обращение передано 28 июня с.г. на пресс-конференции, состоявшейся на квартире еврея-отказника Виктора Елистратова в Москве):

«...Все труднее и труднее пробиваться к правозащитникам в Москве, сообщать факты преследований и передавать обращения. Их [пятидесятников] ловят в аэропортах и на вокзалах, как преступников, и под конвоем отправляют назад...

В июне (1979 г.) Борис Перчаткин и Юрий Жеребилов, представители дальневосточных христиан-пятидесятников, прибыли в Москву на Всесоюзный съезд пятидесятников. Съезд проходил 16 июня, решался вопрос о централизации и более активной правовой борьбе. Перчаткин и Жеребилов добирались до Москвы кружными путями, и им помогали в этом десятки людей, потому что Перчаткина (ранее) не раз арестовывали. Он первый из христиан-пятидесятников получил предостережение по Указу за свою правозащитную деятельность. 10 июня жена Б. Перчаткина, Зинаида, с 8-летним сыном Олегом и с активисткой в борьбе за право на выезд Валентиной Полещук выехали поездом, чтобы доставить в Москву ждавшим их (там) Б. Перчаткину и Ю. Жеребилову заявления, письма и фото...

Зинаида Перчаткина и Валентина Полещук были сняты с поезда, не доезжая Читы, их подвергли обыску, отняли все имеющиеся при них документы (заодно пропали

и 500 рублей денег). При этом им было сказано, что Б. Перчаткин — американский шпион и он уже арестован...

Б. Перчаткина и Ю. Жеребилова задержали в Москве 19 июня. Жеребилова наутро насильно отправили по месту жительства. Б. Перчаткина, после обыска и допроса, тоже отправили по месту жительства (по дороге ему удалось сбежать...).

На допросе Перчаткину, в частности, сказали, что Виктор Елистратов (у которого остановился Б. Перчаткин) — «еврей», что не надо иметь с ним дело, не надо «пачкаться» (поддерживая дружбу с «евреем»).

* * *

Всего с августа 1978 г. по август 1979 г. осуждено на длительные сроки лишения свободы или же находится в заключении в ожидании суда — не менее 80 человек.

Три человека — Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян, обвинение которых в совершении взрыва в московском метро не доказывалось в открытом гласном суде с участием независимых выбранных самими обвиняемыми защитников (есть основания сомневаться в том, что вообще состоялся какой-либо суд),— приговорены к смертной казни, и, как сообщила центральная советская пресса 31 января 1979 г., приговор немедленно был приведен в исполнение.

Нам, безусловно, известно далеко не обо всех репрессиях, собирать информацию в этой области, как и в ряде других — чрезвычайно трудно. (В приложениях– список арестованных и осужденных.)

* * *

Осужденные к лишению свободы в 1978–1979 гг. и в предыдущие годы, в том числе 12 членов групп «Хельсинки», отбывают наказание в особо жестоких условиях исправительно-трудовых учреждений. При этом они нередко подвергаются дополнительным преследованиям — наказаниям, которые причиняют тяжелые физические и моральные страдания и пагубно действуют на здоровье, а также иным, формально не относящимся к наказаниям, лишениям и издевательствам (фактическое лишение переписки, неоказание медицинской помощи и др.). Все это делается с целью так называемого перевоспитания — наказывают именно тех, кто «не встал на путь исправления». Цель «исправления» — подавление личности.

* * *

Помимо арестов и осуждения на более или менее длительные сроки лишения свободы и на ссылку или же заключения в психиатрические больницы широко используются и другие меры профилактики, подавления и искоренения инакомыслия:

1. Лишение работы по специальности (профессии) или вообще лишение какой бы то ни было работы — возможности получить работу в государственном учреждении или на предприятии. (Об увольнении члена Московской группы «Хельсинки» Юрия Ярым-Агаева и члена Рабочей комиссии Вячеслава Бахмина см. документ № 96.) Увольнению с работы подвергаются не только более или менее явные инакомыслящие — «диссиденты», но нередко также и рабочие и другие трудящиеся, которые пытаются в рамках своего предприятия или населенного пункта, где они живут, настаивать на соблюдении элементарных норм социальной и экономической справедливости, разоблачают коррупцию руководящих работников и т.д.

Люди, искусственно ставшие безработными, находятся под угрозой уголовного преследования за «паразитический образ жизни» — «тунеядство».

2. Отключение телефонов, прерывание телефонных разговоров; недоставление корреспонденции адресату, арест корреспонденции.

3. «Задержание» — краткосрочный, официально не оформленный арест, принудительное прерывание пути следования и т.д.; часто сопровождается личным обыском. Осуществляется либо силами милиции под руководством и при участии сотрудников КГБ, либо сотрудниками КГБ в штатском. Некоторые задержания похожи на похищения, киднэпинг. Иногда задержанному заявляют, что он обвиняется (или подозревается) в краже, ограблении и т.д. (Отдельные случаи задержания описаны в приложениях.)

4. Бандитское нападение, сопровождающееся избиением, нанесением тяжелых ранений. Участие в таких акциях КГБ или лиц, ангажированных для этой цели КГБ, является в ряде случаев совершенно явным.

5. Административный арест сроком до 15 суток по сфальсифицированному обвинению в мелком хулиганстве, неповиновении милиции или дружинникам и т. п. (Отдельные случаи таких арестов приведены в приложениях.)

6. Административный надзор. Применяется к освобожденному по отбытию полного срока наказания политзаключенному, если он «не встал на путь исправления». В правила надзора обязательно входят строгие ограничения передвижения — запрещено выезжать и даже выходить за пределы того населенного пункта, где разрешено проживать поднадзорному; нельзя выходить из дома (со двора), в котором прописан поднадзорный, в течение 10–12 часов в сутки — и ряд других «правил надзора». За нарушение — уголовное преследование.

7. Обыски, допросы, профилактические беседы.

Под какими бы формальными предлогами ни проводились эти обыски (с целью изъятия «клеветнических антисоветских» материалов, в поисках «порнографии», «подделанных документов», «наркотиков» и т.д., и т.п.), изымается литература, документальные свидетельства о нарушениях прав человека (и др. нарушениях), информационный материал, а также вообще весь авторский архив в форме рукописных, машинописных и т.д. текстов, а заодно и личная переписка, фотографии и т.д. В качестве «орудий преступления» изымаются пишущие машинки, фотоаппараты, магнитофоны.

Профилактические беседы, беседы-предупреждения (предостережения), а нередко и допросы имеют целью с помощью угроз, шантажа и обещаний убедить, заставить прекратить предосудительные с точки зрения властей действия — отклонение от советских стандартов. В специальном указе о предупреждении-предостережении такие действия называются «антиобщественной деятельностью».

Применяются и другие меры воздействия.

* * *

Для понимания сущности и целенаправленности этих и аналогичных репрессий и различных форм преследований надо иметь в виду, что, невзирая на международные обязательства в области человеческих прав и свобод, таковые по-прежнему принципиально не признаются. От гражданина — подданного СССР требуется соответствие (конформность) определенным идеологическим стандартам, недопустимым и нетерпимым являются сам факт самостоятельности, интеллектуальный духовный поиск и творчество, не оглядывающиеся и не ограничивающие себя партийно-государственными установками. Безусловно недопустимо критическое отношение к советскому строю («советской власти»), даже к отдельным аспектам того, что именуется советской действительностью. Нетерпима любая не зависимая от КПСС общественная ассоциация (в том числе, конечно, и профсоюзного типа). Не положено проявлять сочувствие и оказывать помощь лицам, преследуемым государством. Пресекается и преследуется обмен информацией и идеями внутри страны и с гражданами других государств. В особенности той информацией и теми мнениями, которые так или иначе разоблачают

претензии представить советскую систему как гуманное, социально справедливое, правовое и демократическое общество.

Все это происходит в стране, которая давно уже пережила свою революцию и гражданскую войну; в стране, где завершено формирование заранее запланированного «строя», именуемого развитым реальным социализмом (первая стадия коммунизма) и представляемого как образец будущего человеческого общества. Все это происходит в сверхдержаве, правительство которой декларирует свою верность международным обязательствам.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Мальва Ланда, Виктор Некипелов
Август 1979 г.

Документ № 100

РЕПРЕССИИ ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ МОТИВАМ (АВГУСТ 1978 г. — АВГУСТ 1979 г.)

В течение четвертого года, прошедшего со времени подписания Хельсинкских соглашений, продолжались аресты и суды и другие репрессии со стороны государства, направленные на подавление свободной мысли и слова, веры и иных попыток реализации человеческих прав и свобод.

Украина

В марте с.г. в Киеве был арестован член-основатель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений писатель Олесь Бердник, обвиненный в «антисоветской агитации и пропаганде»; до настоящего времени он находится в следственной тюрьме КГБ, в полной изоляции. Известно, что в случае своего ареста он намеревался держать голодовку протеста.

5 июля с.г. в г. Долина Ивано-Франковской области арестованы члены этой группы Петро и Василь Сичко, отец и сын; им предъявлено обвинение в «клевете» на советский строй. П. Сичко находится в следственной тюрьме КГБ в г. Львове, В. Сичко направлен на судебно-психиатрическую экспертизу.

6 августа с. г. арестован член Украинской группы Юрий Литвин (село Барахты, недалеко от Киева). На обыске в марте с.г. вместе с другими рукописями, заметками и самиздатской литературой изъято неоконченное сочинение Ю. Литвина «Советское государство и рабочий класс», а также рукописные и машинописные тексты его лирических стихов.

В ночь с 1 на 2 августа с. г. в Киеве избит неизвестными в штатском и тут же задержан милицией и подвергнут административному аресту на 15 суток новый член Украинской группы врач-рентгенолог Владимир Малинкович. После этого — уволен с работы.

Кроме того, арестованы и осуждены:

— близкий к Украинской группе, активно участвовавший в разоблачении нарушений прав человека и в оказании помощи узникам совести Иосиф Зисельс (г. Черновцы);

— вышедший на центральную улицу Киева с призывом помочь узникам совести Виктор Монбланов (Киев, арестован 30 декабря 1978 г., обвиняется в злостном хулиганстве);

— поддерживающий дружеские контакты с членами Украинской группы и с другими инакомыслящими бывший политзаключенный Василь Овсиенко (Житомирская область, с. Ленино, обвиняется в сопротивлении милиции);

— поддерживающий дружеские контакты с инакомыслящими, автор сборника неопубликованных стихов Тарас Мельничук (Ивано-Франковская область, арестован в марте с.г., обвиняется в злостном хулиганстве; в связи с его арестом — ряд обысков с изъятием литературы и записей);

— филолог Юрий Бадзьо, работавший разнорабочим-грузчиком (Киев, арестован в апреле 1979 г., обвиняется в «антисоветской агитации и пропаганде»; на обысках, проведенных у него в феврале с.г. и в день ареста, изъята его неоконченная рукопись — философско-историческое исследование «Право жить», около 400 стр.).

Покончил самоубийством после проведенного у него в марте с.г. обыска Михаил Мельник (село недалеко от Киева). М. Мельник, филолог, преподаватель украинского языка, последние годы работал сторожем. На обыске, вместе с несколькими правозащитными заявлениями, была изъята рукопись — историческое исследование, многолетний труд М. Мельника. Он покончил с собой, чтобы избавить свою семью — жену и двух детей — от преследований в случае его возможного ареста.

Члены Украинской группы «Хельсинки» Виталий Калиниченко, Иван Кандыба (село Пустомыты Львовской области), Нина Строкатова (г. Таруса Калужской обл.) находятся под административным надзором, который накладывает на них ряд ограничений, в частности, лишает права покидать то село или город, в котором им разрешено жить.

Члены Группы, а также их родственники и знакомые неоднократно подвергались обыскам, допросам, задержаниям, а в нескольких случаях и бандитским нападениям.

Так, в марте с.г. в Киеве и его окрестностях были проведены обыски у Валентины Бердник (жены О. Бердника), Оксаны Мешко, Юрия Литвина, Владимира Малинковича, Павла Стокотельного и Миколы Горбаля, Валерия Лысенко.

В г. Долина Ивано-Франковской области у Василия и Петра Сичко и у Василия Стрельцова; в окрестностях г. Коломыя Ивано-Франковской области — у трех находящихся под надзором бывших политзаключенных.

На обысках, проведенных 6–7 и 19 марта с.г. у жены находящегося в заключении руководителя Украинской группы писателя М. Руденко Раисы Руденко, изъято все, что до сих пор удавалось сохранить из архива М. Руденко: оригинал нигде не опубликованного художественного произведения, сборники его стихов и др.

В мае с.г. — обыск у известного писателя, узника сталинских лагерей, Антоненко-Давидовича (Киев), изъята его рукопись о событиях на Украине в 1917–1918 гг. и др. В июле — обыски у Сичко, у В. Стрельцова, у бывшего политзаключенного 80-летнего Василя[1] Горбового (г. Долина).

Силами милиции и КГБ пресекаются контакты между «диссидентами» и их родными и друзьями. Так, весной 1979 г. задерживались почти все лица, пытавшиеся посетить или только что посетившие члена-основателя Украинской группы «Хельсинки» Оксану Мешко (Киев). В аналогичном положении в апреле-мае с.г. находился Петр Винс (Киев). 8 апреля был задержан ехавший в отпуск через Киев политссыльный Вячеслав Черновол; затем его задержали при возвращении из отпуска 11–12 мая; в обоих случаях он был лишен возможности встретиться с прибывшей из Львова женой и близкими друзьями. В течение апреля было задержано около 10 человек, навестивших В. Черновола в селе Ольховцы Черкасской области, где ему было разрешено провести отпуск (у тяжело больных родителей); задержанным заявляли, что они обвиняются или подозреваются в краже, ограблении. М. Ланда была задержана 11–12 апреля;

[1] Так в тексте, правильно — Владимира — *Сост.*

сначала ей было заявлено, что она украла документы; через несколько часов, когда она уже второй раз подвергалась личному обыску, было сказано, что «есть свидетели», которые видели, как ей передавали сумку с драгоценностями из только что ограбленного магазина. В результате очень тщательного обыска был обнаружен и изъят клочок бумаги (записи данных о враче-фтизиатре Миколе Плахотнюке из Киева, арестованном в 1972 г. и до сих пор не освобожденном из психиатрической больницы).

Приехавшему в мае с.г. в отпуск к жене (Киев) политссыльному Ивану Светличному было запрещено встречаться с друзьями. Известно еще много случаев задержания.

В августе с.г. в Умани — обыск у бывшего узника сталинских лагерей Н. В. Суровцевой, 86 лет; изъята ее рукопись, записные книжки ее гостей.

(См. документы №№ 70, 78, 82–84)

Армения

В декабре 1978 г. в Ереване осужден находящийся в заключении с декабря 1977 г. член Армянской группы «Хельсинки» физик и диакон Роберт Назарян; в настоящее время он отбывает 5-летний срок лишения свободы в лагере строгого режима в Мордовии; затем ему предстоят два года ссылки. В июле с.г. в Ереване арестован член этой группы Эдуард Арутюнян.

Осенью 1978 г. был арестован художник Айкануз Хачатрян, обвиненный в хулиганстве. Незадолго до ареста он был избит несколькими неизвестными. Перед этим А. Хачатрян не дал требуемых госбезопасностью показаний о якобы террористической направленности НОП, а также о якобы присущих ему террористических настроениях и намерениях находящегося в это время под следствием Степана Затикяна.

В марте с.г. в Ереване были избиты на улице Вазген Туманян и Рафик Карагулян, поддерживающие дружеские отношения с бывшими политзаключенными, осужденными за участие в НОП. Лица, избивавшие Туманяна, сказали, что, если он не будет себя вести «хорошо», они «вырвут ему усы». (Несколько членов НОП в настоящее время отбывают длительные сроки заключения по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».)

Прибалтийские республики

В декабре 1978 г. в Вильнюсе был арестован бывший политзаключенный Ромас Рагайшис, по обвинению в спекуляции. Р. Рагайшис отказался от дачи свидетельских показаний — несмотря на то, что неоднократно понуждался к этому КГБ — на предварительном следствии и на суде над основателем и руководителем Литовской группы «Хельсинки» Викторасом Пяткусом.

За попытку способствовать восстановлению исторической памяти — участие в проводимой иностранным (Швеция) туристом съемке фильма «Руины обвиняют» — летом 1978 г. арестован и осужден на 12 лет лишения свободы Янис Скудра (Латвия).

В августе 1978 г. в Латвии были осуждены по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» братья Тилгалис, Янис, 1959 г.р. и Марис, 1960 г.р.

6 и 9 августа с.г. в Литве были проведены обыски с целью изъятия литературы. Обыскам подверглись: Виргиния Восилюте (Вильнюс), после обыска ее трое суток держали в тюрьме КГБ; Люция Кульветите (Каунас); Вита Жвикайте (Каунас). На обысках, проведенных у В. Жвикайте 6 и 9 августа, ломали полы; изъяты экземпляры неподцензурной литовской газеты «Аушряле» («Зорька») и машинописный журнал коммунистического направления «Перспективы»[1].

[1] Точнее, обыски у Жвикайте состоялись 8 и 9 августа, были изъяты экземпляры других неподцензурных изданий: «Хроники Литовской католической церкви» и журнала «Рупинтоелис». — *Сост.*

Московская группа «Хельсинки»

В январе с.г. уволен с работы научный работник физико-химик Юрий Ярым-Агаев, незадолго до этого ставший членом Группы. В июле с.г. уволен с работы математик-программист Вячеслав Бахмин, член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. (Об этих увольнениях и других случаях трудовой дискриминации по идеологическим мотивам — см. Документы №№ 75 и 96).

На обыске, проведенном в январе 1979 г. у Раисы Лерт (Москва), изъят также архив члена Группы М. Ланда, в том числе документы Группы, информационный материал, личные письма (заодно изъяты пенсионное удостоверение и сберегательная книжка на сумму 130 руб., принадлежавшие М. Ланда). В апреле–мае с.г. М. Ланда несколько раз подвергалась задержанию: в Черкасской обл. УССР 11–12 апреля и затем 30 апреля-1 мая — в Киеве; потом, сотрудниками КГБ, в Москве, откуда она была доставлена в КГБ — милицию — прокуратуру г. Петушки Владимирской области. При задержании 30 апреля ее обвинили в краже бумажника с большой суммой денег; на проведенном при этом обыске были изъяты личные письма. Обыску с раздеванием догола подвергли в милиции г. Петушки. Под угрозой лишения свободы по обвинению в оскорблении милиции районный прокурор и начальник городского КГБ потребовали, чтобы в течение 10 дней (в период праздников) она не покидала г. Петушки (где она прописана).

26 августа — обыск у члена Группы Виктора Некипелова (г. Камешково Владимирской области). На обыске изъяты бюллетени Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, выпуски «Хроники текущих событий», копии писем В. Некипелова в Пэн-клуб и в госдепартамент США, самиздат, пишущая машинка.

Межпрофессиональное объединение трудящихся

В марте с.г. в Ленинграде, после проведенного у него обыска, арестован и в июне осужден на два года лишения свободы член-основатель Свободного межпрофессионального объединения трудящихся — СМОТ Лев Волохонский (см. документ № 94).

4 августа арестован член-основатель СМОТ Николай Никитин (Ленинград); как и Волохонскому, ему предъявлено обвинение в «клевете» на советский строй.

С октября-ноября 1978 г., когда было заявлено об образовании СМОТ, подвергались и подвергаются различным преследованиям лица, названные как члены Совета представителей СМОТ, а также некоторые лица, выразившие поддержку свободным профсоюзам. (О насильственном помещении в психиатрическую больницу члена СМОТ Валерии Новодворской и рабочего, последние годы безработного Юрия Валова — см. документ № 76; В. Новодворская и Ю. Валов были выпущены из психбольницы. Арест и суд над выразившими поддержку свободным профсоюзам рабочими Е. Бузинниковым, Э. Кулешовым и М. Кукобакой см. документы №№ 76 и 98.)

4 августа подвергнуты административному аресту на 15 суток члены-основатели СМОТ Владимир Борисов и Альбина Якорева.

7 августа с.г. проведен обыск у близкого к свободным профсоюзам Всеволода Кувакина, юриста по профессии. В числе изъятых предметов — машинописная копия Всеобщей декларации прав человека.

Неподцензурный журнал «Поиски» (Москва)

С января 1979 г. подвергаются обыскам, допросам, задержаниям и угрозам ареста члены редколлегии начавшего выходить летом 1978 г. в Москве неподцензурного литературно-публицистического журнала «Поиски» (см. документы №№ 74, 86, 92).

11 августа с.г. на улице Москвы задержан и арестован на 15 суток член редколлегии «Поисков» Юрий Гримм (вместе с ним арестован на 15 суток Вячеслав Репников,

бывший член редколлегии издававшегося ранее неподцензурного русского национального журнала «Вече»).

Ранее, в июле, Ю. Гримма задержали и обыскали в метро.

15 августа — обыск у члена редколлегии Владимира Гершуни. В апреле с.г. на допросах членам редколлегии сообщено, что возбуждено уголовное дело — журналу приписывается «клевета на советский строй»[1].

Молодежная группа социал-коммунистического направления (Ленинград)

В октябре 1978 г. арестованы и в апреле с.г. осуждены участники молодежной группы, заявившей весной 1978 г. о своем намерении содействовать мирными средствами формированию коммунистического сознания и общества; существующий в СССР строй эта группа определила как монопольный капитализм. С весны 1978 г. группа начала издавать журнал «Перспективы». Обвиненный в «антисоветской агитации и пропаганде» Аркадий Цурков осужден на 5 лет лишения свободы. Александр Скобов по решению суда направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

В апреле с.г. арестован причастный к этой группе Алексей Хавин. На суде над Цурковым и на суде над Скобовым Хавин отказался от данных им ранее на предварительном следствии показаний.

Были арестованы на 15 суток пытавшиеся попасть на суд над Цурковым Виктор Павленков (из г. Горького, 19 лет) и Лев Кучай. Во время заключения надзиратели били В. Павленкова, угрожали поместить его в камеру к педерастам; чтобы предотвратить осуществление этой угрозы, Виктор Павленков начал сухую голодовку, которую держал около 4-х суток.

* * *

Арестованы основатели молодежного Христианского семинара[LXXXIX] Александр Огородников и Владимир Пореш, участник Семинара Сергей Ермолаев, под угрозой ареста участник Семинара Татьяна Щипкова. Квартиры, где происходили и происходят собрания Семинара, подвергались налетам и обыскам; участников Семинара и их знакомых и родных подвергают обыскам, допросам, «профилактическим» беседам, увольняют с работы.

Семинар по проблемам религиозного возрождения (православие), существующий с середины 1974 г., служит, по словам его создателей и участников, удовлетворению насущной потребности в живом христианском общении и любви; удовлетворению потребности в богословском образовании и в формировании православного миросозерцания; утверждению религиозной свободы и защите христианских ценностей. На собраниях Семинара (20–30 человек) обсуждаются Библия, Евангелие, вопросы богословия, истории Церкви. С июля 1978 г. Семинар начал издавать религиозно-философский журнал «Община», в котором помещались доклады и дискуссии, ведущиеся на собраниях Семинара.

Преследования, начавшиеся со времени возникновения Семинара (в Москве), значительно усилились с конца 1978 г., по-видимому, в связи с появлением «Общины».

В ноябре 1978 г. арестован по обвинению в «паразитическом образе жизни» Александр Огородников (Калининская обл.). В январе с.г. в Москве арестован 19-летний участник Семинара Сергей Ермолаев, вместе с ним его знакомый Игорь Поляков (см. документ № 78). Обвиненные в злостном хулиганстве, они до сих пор находятся в заключении в ожидании суда.

---

[1] Текст восстановлен по машинописной копии с редакционной правкой, хранящейся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 166, оп.1, д.4, л.281). — *Сост.*

10 февраля с.г. на собрание Семинара (Москва) был совершен налет, в котором участвовали 2 милиционера и 10 человек в штатском без каких-либо опознавательных признаков (без повязок дружинников); по их словам, было подозрение, что происходит «собрание грабительской шайки». Изъята религиозная литература. Затем на Татьяну Щипкову было заведено уголовное дело по обвинению в хулиганстве за то, что она якобы оказала сопротивление — ударила одного из «дружинников».

Татьяна Николаевна Щипкова — филолог, кандидат наук, преподаватель французского языка на факультете иностранных языков Смоленского педагогического института. В мае 1978 г. на ее квартире, где в это время шло собрание Семинара, был произведен обыск. Через несколько дней ее вызвали в КГБ и «предупредили», что она занимается антиобщественной, антисоветской деятельностью и, в случае продолжения этой деятельности, будет привлечена к уголовной ответственности. В июне 1978 г. ее уволили с работы; в октябре 1978 г. — лишили степени кандидата филологических наук «за деятельность, не совместимую со званием советского ученого».

Сын Т. Н. Щипковой Александр Щипков тоже был участником Семинара. В июле 1978 г. его исключили с 4-го курса факультета иностранных языков Смоленского пединститута; в ноябре взяли в армию. Остались жена и 10-месячный ребенок. Жену А. Щипкова, которая училась с ним в одной группе, тоже исключили из института. Ей «разрешили» поступить в институт в другом городе на заочное отделение.

В июне–июле 1979 г. руководитель церковного отдела КГБ подполковник Шилкин проводил «профилактические беседы» с матерью участниц Семинара Татьяны и Елены Колесниковых (Москва). За месяц до этого 17-летняя Елена, работавшая библиотекарем, была уволена с работы. В этот же период «профилактические беседы» проводились с несколькими лицами, посещавшими собрания Семинара.

1 августа с.г. в Ленинграде арестован Владимир Пореш. Обыски проведены на квартирах Пореша и его жены, у ленинградцев Олега Охапкина (поэт), Владимира Лазуткина (доктор математических наук, преподаватель Ленинградского университета), Николая Епищева[1]; в Москве на квартире Татьяны Лебедевой, где проводились собрания Семинара, и Владимира Бурцева; 10 августа — обыск в Ленинграде у Павла Кулагина. Вслед за обысками — многочисленные допросы, которые ведутся четырьмя следователями Ленинградского КГБ.

Христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты

Непрекращающимся преследованиям подвергаются христиане-пятидесятники, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентисты. О преследованиях ЕХБ сообщается в «Бюллетене Совета родственников узников ЕХБ в СССР».

Власти ведут охоту за бюллетенем ЕХБ, за его издателями и распространителями. В июле 1978 г. был арестован и в марте с.г. осужден печатник нелегального издательства ЕХБ «Христианин»[LXXXX] Яков Скорняков (г. Джамбул). Суд признал его виновным по 4-м статьям Уголовного кодекса — «Занятие запрещенным промыслом», «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» («клевета» на строй), «Нарушение законов об отделении церкви от государства», «Посягательство на личность и права граждан под видом религиозных обрядов».

В марте с.г. в Харьковской области задержаны ехавшие на своей машине Александр и Николай Чех, изъято много экземпляров 60-го выпуска бюллетеня ЕХБ (издан в 1979 году). Братья Чех арестованы по обвинению в «клевете» на советский строй. Одновременно проведены обыски у баптистов в Харькове, Донецке, Киеве и других местах. Изъяты Библии, религиозная литература, пишущие машинки, магнитофоны.

---

[1] Так в тексте, правильно — Епишева — *Сост.*

О преследованиях за веру членов Церкви адвентистов седьмого дня (ВЦ ВСАСД) сообщается в открытых письмах и обращениях Совета Церкви. Именно написание таких писем и обращений инкриминировалось председателю Всесоюзной Церкви адвентистов Владимиру Шелкову.

В августе–сентябре 1978 г. были арестованы и в июне с.г. осуждены в г. Ставрополе печатники нелегального издательства Церкви Адвентистов «Верный Свидетель» по обвинению в «клевете» на советский строй и в «занятии запрещенным промыслом» (см. приложение 1[1] и Документ № 95, июнь 1979 г.).

В сообщениях баптистов и адвентистов приводятся многочисленные случаи дискриминации и преследований верующих: дискриминация верующих детей и родителей; угрозы лишения родительских прав; разгон молитвенных собраний, свадебных и иных обрядов; штрафы, обыски с изъятием религиозной литературы, а иногда и денег; задержания, административные аресты до 15 суток; дискриминация в отношении работы и учебы; уголовные преследования с осуждением на длительные сроки лишения свободы. При этом инкриминируются религиозная деятельность, религиозное воспитание детей и т. п. — используются «религиозные» и другие статьи Уголовного кодекса. (См. также приложения №№ 1 и 8; документы №№ 45, 64, 95, 99.)

После августа 1978 г. арестовано и осуждено за религиозную и религиозно-правозащитную деятельность не менее 35 человек, принадлежащих к Церкви адвентистов и к церквям ЕХБ.

В связи с непрекращающимися преследованиями за веру хотят покинуть страну многие христиане-пятидесятники. В течение нескольких лет они безрезультатно добиваются разрешения на эмиграцию. Пресекается и эта активность.

В обращении к христианам мира и правозащитным организациям, переданном Борисом Перчаткиным, говорится:

«...Все труднее и труднее пробиваться к правозащитникам в Москве, сообщать факты преследований и передавать сообщения. Их (пятидесятников) ловят в аэропортах и на вокзалах, как преступников, и под конвоем отправляют назад... В июне (1979 г.) Борис Перчаткин и Юрий Жеребилов, представители дальневосточных христиан-пятидесятников, прибыли в Москву на Всесоюзный съезд пятидесятников. Съезд проходил 16 июня, решался вопрос о централизации и более активной правовой борьбе. Перчаткин и Жеребилов добирались до Москвы кружными путями, и им помогали в этом десятки людей....»

(Обращение передано 28 июня с.г. на пресс-конференции с западными корреспондентами на частной квартире в Москве.)

Б. Перчаткина и Ю. Жеребилова задержали в Москве 19 июня и на следующие сутки насильно отправили из Москвы. Б. Перчаткина предварительно подвергли обыску и допросу; при допросе Перчаткину советовали не иметь дело с евреем В. Елистратовым, так как, общаясь с евреем, Перчаткин «пачкает» себя.

Примерно в это же время сняли с поезда, не доезжая до Читы, направлявшихся в Москву пятидесятниц из г. Находка Зинаиду Перчаткину, жену Б. Перчаткина, и Валентину Полещук, отняли у них списки желающих эмигрировать пятидесятников и заявления об отказе от советского гражданства. При этом Перчаткиной и Полещук было сказано, что Борис Перчаткин — американский шпион...

7 августа задержан в аэропорту г. Хабаровска и подвергнут обыску Виктор Елистратов, возвращавшийся в Москву после поездки в г. Находку к пятидесятникам. Пос-

[1] Упомянутые в документе приложения не публикуются. Составлены М. Ланда, сохранились в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 166, оп.1, д.4, лл. 295–342). — *Сост.*

ле возвращения его в Москву в его квартире провели обыск; изъято много документов еврейского эмиграционного движения.

Уголовной ответственности за отказ от службы в армии или же за нежелание принимать присягу и брать в руки оружие (не отказываясь при этом от службы) подвергаются молодые иеговисты, баптисты, адвентисты и пятидесятники. Осуждены на лишение свободы от 1 до 3 лет не менее 5-ти человек.

Эмиграция немцев

Стремятся выехать из СССР в ФРГ десятки тысяч этнических немцев, значительная часть которых проживает в Казахстане и Киргизии, где они оказались после насильственной депортации из Европейской части СССР осенью 1941 года. Часть желающих получает разрешение. (Согласно сообщениям немецкого радио, в 1978 г. из СССР в ФРГ эмигрировало около 10 тысяч человек.) Однако многим отказывают. Годами безрезультатно добиваясь реализации своего права покинуть страну, они оказываются в довольно-таки безнадежном положении. Некоторые подвергаются при этом различным преследованиям. Власти пытаются также изолировать борющихся за свою эмиграцию немцев, препятствовать общению между проживающими в различных населенных пунктах, не допустить контактов с правозащитниками и западными корреспондентами, находящимися в Москве, не допустить передачу информации. По-видимому, властям это в основном удается (в 1976–77 гг. ситуация в этом отношении в общем была более благоприятной: было больше контактов, больше поступало информации).

Вот один из эпизодов. В июле с.г. в г. Фрунзе к горкому КПСС пришли 26 человек, чтобы, обратившись непосредственно к ответственным руководящим работникам, настаивать на своем праве на эмиграцию или хотя бы выслушать причины отказа. Собравшихся забрала милиция, нескольких арестовали на 15 суток.

Примерно так же поступили в г. Душанбе. С февраля с.г. человек по 20 собирались у здания Президиума Верховного Совета Таджикской ССР. 5 марта их окружили дружинники, погрузили в машины, отвезли в милицию. Нескольких человек, продержав до вечера, отпустили, оштрафовав за «нарушение общественного порядка»; троих осудили на 10 и 15 суток[1].

Эмиграция

Право на эмиграцию для большей части граждан — подданных СССР остается нереальным. Попытки добиться реализации этого права нередко влекут за собой репрессии.

Так, заявления о желании эмигрировать инкриминируются осужденным в августе 1978 г. Н. Шаталову (Ставропольская область) и В. Коновалихину из Калининградской области.

Арест угрожает Леониду Серому (Одесса), который в течение нескольких лет безрезультатно добивается разрешения на выезд из СССР, в основном по экономическим мотивам (на свой заработок квалифицированного токаря он не может удовлетворительно содержать свою многодетную семью). В июне с.г. специально организованное собрание в судоремонтной мастерской, где работает Л. Серый, постановило: ходатайствовать о лишении Серого родительских прав и об изоляции от общества. В июле в квартире Серых был проведен обыск; Серого вызывали на допросы в КГБ, сотрудники КГБ «беседовали» с женой Серого.

---

[1] Текст восстановлен по машинописной копии с редакционной правкой, хранящейся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 166, оп.1, д.4, л.287). — *Сост.*

6 июня с.г. в Москве в кинотеатре «Ударник» избит с нанесением тяжелого челюстного ранения Михаил Горелик, много лет добивающийся разрешения на выезд в Израиль. Есть данные о том, что избиение осуществлено сотрудниками КГБ. (Группа готовит документ об этой специфической и все более часто используемой «мере воздействия».)

28 июня с.г. пять человек заявили (на созванной ими на частной квартире в Москве пресс-конференции), что они образуют Комитет под названием «Право на эмиграцию»[LXXXXI].

После этого:

– 6 июля днем в центре Москвы в сквере был жестоко избит неизвестными в штатском основатель этого Комитета Владимир Шепелев (молодой человек, рабочий). 25 июля в аэропорту г. Волгограда был задержан и подвергнут обыску член Комитета Евгений Комарницкий. В июле неизвестные лица в отсутствие хозяев, сломав замок, вошли в квартиру члена Комитета Людмилы Агаповой (Московская область). В августе она была задержана милицией.

(Об условиях эмиграции см. также документы №№ 49, 63, 71, 91; а также документы, изданные Группой в 1976–77 гг.).

Крымские татары, возвращение на родину

Варварскими способами пресекаются попытки крымских татар вернуться на родину в Крым, откуда в 1944 г. весь народ был депортирован в условиях, при которых погибло около половины народа. Возвращающихся в Крым вышвыривают из домов, насильно отправляют обратно в Узбекистан; арестовывают, обвиняя в сопротивлении милиции, в хулиганстве, в нарушении паспортного режима и т.д.

Татарам отказываются оформлять покупку дома и прописку; отрезают свет и воду, не принимают на работу.

Летом 1978 г., доведенный до отчаяния, совершил самосожжение Муса Мамут.

Делегации представителей крымско-татарского народа, пытающиеся попасть на прием к партийно-государственным руководителям в Крыму и в Москве, задерживают силами милиции, «дружинников» и госбезопасности. Арестовывают на 15 суток и на длительные сроки. Так, в январе с.г. арестован Сейдамет Меметов. Арестован по обвинению в «клевете» на советский строй Мамеди Чобанов (на обыске изъята магнитофонная запись рассказа жены Мусы Мамута о его самосожжении).

В феврале с.г. в Ташкенте снова арестован, на этот раз по обвинению в нарушении правил надзора, известный участник борьбы крымско-татарского народа за право вернуться на родину Мустафа Джемилев. В апреле арестован другой активный правозащитник, Решат Джемилев, также уже не раз подвергавшийся репрессиям.

Всего за последний год арестованы и осуждены на длительные сроки лишения свободы не менее 10 человек только потому, что они — крымские татары и добиваются тех прав, которыми могут пользоваться остальные граждане страны: права жить и работать в Крыму. Никаких насильственных действий никто из них не совершил.

(Документы №№ 1, 43, 60).

* * *

В течение четвертого года со времени подписания Хельсинкских соглашений по идеологическим мотивам осуждены на длительные сроки лишения свободы и ссылку или же находятся в заключении в ожидании суда не менее 90 человек, некоторые из них названы выше. Данные эти в связи со многими трудностями при сборе такой информации, разумеется, далеко не полные. Важно подчеркнуть, что, каковы бы ни были предъявленные обвинения, никто из обвиняемых не совершил того, что действительно является уголовным преступлением.

Три человека — Степан Затикян, Акоп Степанян, Завен Багдасарян — приговорены к смертной казни по обвинению в диверсии и терроре (взрыв в московском метро). Виновность их в преступлении нельзя считать доказанной: предварительное следствие велось явно тенденциозно, оказывалось значительное давление на свидетелей; обвиняемые были лишены возможности защиты независимыми защитниками; не было независимого открытого и гласного суда (а может быть и вообще не было какого-либо суда).

* * *

Продолжают находиться в заключении — в психиатрических больницах специального и общего типа, в тюрьмах и лагерях, а также в ссылке — лица, осужденные по идеологическим мотивам до августа 1978 г. В тюрьмах и лагерях — не менее 100 человек; в ссылке — не менее 50 человек, из них более 40 человек отправлены в ссылку (многие в текущем году) после отбытия длительного срока лишения свободы. В указанное число не включены — за несколькими исключениями — лица, осужденные по обвинению в «измене Родине», а также осужденные до 1958 г. по статье 58 старого Уголовного кодекса.

На тех, кто не поддается так называемому исправлению, обрушивается серия дополнительных наказаний, которые выражаются в еще больших ограничениях и лишениях, в причинении еще больших физических и моральных страданий, еще более способствующих разрушению здоровья «исправляемых». Наряду с формально узаконенными «мерами взыскания», такими как лишение очередного свидания, карцер и др., применяются не регламентированные законом способы давления: неоказание необходимой медицинской помощи, блокирование переписки и т.д.

Протестуя против бесчеловечных условий содержания и произвола, заключенные держат голодовки, иногда — забастовки. Так, более 4-х месяцев с начала 1979 г. держал голодовку протеста находившийся в уральских лагерях Семен Глузман; в июне–июле почти месяц голодал Сергей Ковалев; с января 1979 г. голодал в Чистопольской тюрьме М. Казачков. В апреле начали затянувшуюся надолго забастовку 9 политзаключенных уральского лагеря № 35; на них сразу же обрушились жестокие наказания. Некоторых участников сопротивления переводят в тюрьму. Так, после ряда наказаний — карцер, камерный режим в лагерной тюрьме (ПКТ) и др. — переведены в стационарную тюрьму В. Балахонов, М. Казачков, И. Огурцов, М. Равиньш. Переведен в тюрьму К. Подрабинек

Условия крайней изоляции не позволяют своевременно и в полном объеме получать информацию о репрессиях в исправительно-трудовых учреждениях — тюрьмах и лагерях.

(См. приложения №№ 2, 3, 5, а также документы №№ 61, 62, 66–68, 80, 87, 88, 97, 3, 17 — охарактеризованная там ситуация не изменилась к лучшему).

* * *

В тяжелых, порою угрожающих их жизни условиях находятся многие ссыльные. Среди ссыльных — инвалиды и лица, страдающие тяжелыми хроническими заболеваниями. Так, в ссылку в Казахстан после 6 лет лишения свободы летом 1978 г. была направлена Ирина Сеник (обвиняемая в «антисоветской агитации»), инвалид с переломом позвоночника, страдающая гипертонией и другими хроническими заболеваниями. В Сибири, в ссыльных местах, живут родные И. Сеник, и она просила направить ее туда, но... В ссылку в Якутию в январе 1979 г. после 5 лет заключения направлена Ольга Никора, член церкви ЕХБ (осуждена по религиозным статьям); члены церкви ЕХБ ходатайствовали об ее освобождении из ссылки в связи с очень плохим здоровь-

ем, но ходатайства остались неудовлетворенными. С января с.г. находится в ссылке в Иркутской области в пос. Бодайбо после 7 лет лишения свободы Зиновий Антонюк, экономист (обвиняемый в «антисоветской агитации»), у него активная форма туберкулеза.

Ссыльный, как правило, вынужден выполнять работу, не соответствующую его специальности, низкооплачиваемую, тяжелую и нередко противопоказанную ему по состоянию здоровья. Так, Вячеслав Черновол, журналист, страдающий хроническими простудными заболеваниями и воспалением плечевого сустава,— рабочий на картофельном складе; Василь Стус, филолог, поэт, у которого удалена большая часть желудка, ряд хронических заболеваний, приобретенных в период пятилетнего срока заключения,— рабочий в шахте; Михаил Осадчий, писатель, направленный в ссылку в начале 1979 г. по отбытии 7 лет в лагере особого режима,— помощник кочегара, затем рабочий на сплаве леса; Игорь Калинец, филолог, поэт (отбыл 6 лет в заключении),— кочегар; Иван Светличный, филолог, литературовед, отбывающий ссылку после 7 лет лишения свободы, страдающий гипертонией, тяжелыми нарушениями мозгового кровообращения и другими хроническими заболеваниями,— сторож; Владимир Слепак, инженер, работал кочегаром (сейчас — электромеханик) и так далее.

Василя Лисового, тяжело больного, по прибытии в ссылку спросили, какую специальность он «приобрел в зоне». — «Токарь». — «Значит, будете работать токарем». До ареста В. Лисовой — кандидат философских наук.

В. Черновол, украинец, после 6 лет заключения отбывающий ссылку в северной части Якутии в якутском поселке Чаппанда, уже не раз подвергался нападениям отдельных лиц и групп лиц из местного населения вследствие существующей в этом районе национальной вражды между якутами и не якутами, которая особенно обострилась в последнее время.

Власти нередко настраивают местное население против политссыльного, препятствуют установлению дружеских контактов между ссыльными и окружающими их людьми. В такой ситуации оказались В. Черновол, В. Стус, Ида Нудель...

* * *

Приведенные в данном документе, как и в других документах Московской группы «Хельсинки», сведения свидетельствуют о том, что человеческие права и свободы попрежнему принципиально не признаются. Попытки их реализации рассматриваются как угроза советскому государству, как подрыв советской власти, строя, режима. Реализация или попытка реализации важнейших человеческих прав и свобод — свобода совести, свобода убеждений, свобода мирных ассоциаций, свобода передвижения внутри страны и свобода покидать свою страну, свобода от принудительного труда и др. — квалифицируются как нарушение советских законов, как нарушение, которое может и должно наказываться с любой степенью жестокости и независимо от формально установленных законов.

Приведенный материал дает также некоторое представление о многообразии существующих форм преследования, нередко используемых одновременно. К мерам, с помощью которых власти пытаются предотвратить отклонения от идеологического стандарта и подавить проявления самостоятельности, относятся и аресты — от краткосрочного задержания до заключения на долгие годы в лагерь, тюрьму, психиатрическую больницу, и лишение работы, и обыски, допросы, «собеседования» — угрозы, и бандитские нападения-избиения, и дезинформация — очернение средствами устной пропаганды и печати.

Все это происходит в стране — сверхдержаве, правительство которой приняло ряд международных обязательств, в числе которых и обязательства уважать и соблюдать права человека.

Приложения[1]

1. Список лиц, по идеологическим мотивам осужденных или находящихся в заключении в ожидании суда, в период с августа 1978 г. по август 1979 г.

2. Некоторые дополнительные сведения об условиях в лагере особого режима, где отбывают срок лишения свободы члены групп «Хельсинки» Лев Лукьяненко, Балис Гаяускас, Олекса Тихий.

3. О положении Юрия Орлова, политзаключенного, основателя и руководителя первой в стране Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

4. О составе заключенных политлагерей и политкамер тюрьмы[2].

5. Некоторые данные об условиях в Бутырской тюрьме (Москва).

6. Заявление политссыльного Вячеслава Черновола.

7. Заявление редакции свободного московского журнала «Поиски».

8. Из писем и заявлений, помещенных в 64–66 выпусках «Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ в СССР».

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Мальва Ланда, Софья Каллистратова, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова
30 августа 1979 г.

137

Документ № 101

УГРОЗЫ МОСКОВСКОЙ ГРУППЕ «ХЕЛЬСИНКИ»

Аресты в начале 1977 г. — основателя движения общественных Групп содействия выполнению Хельсинкского соглашения известного физика Юрия Орлова, членов-основателей Московской группы Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского в Москве, руководителя и членов Украинской группы «Хельсинки» Миколы Руденко, Олексы Тихого, Миколы Матусевича и Мирослава Мариновича — объясняются не только намерением разгромить движение групп «Хельсинки», но и расчетом заранее ослабить позиции западных государств на Белградском совещании по проверке выполнения Заключительного акта Соглашения в Хельсинки.

Действительно, трудно представить себе более демонстративное нарушение буквы и духа Соглашения в Хельсинки, чем аресты членов групп содействия выполнению Соглашения, поэтому молчаливое примирение Запада с этим нарушением позволило СССР занять предельно агрессивную позицию в Белграде.

Сейчас множатся признаки того, что в год Олимпиады и Мадридского совещания будут повторены действия 1977 г. по отношению к Московской группе «Хельсинки».

В начале июля в воскресном приложении «Неделя» к правительственной газете «Известия»[3] появился грязный пасквиль против семьи Сахарова-Боннэр. Для придания пасквилю характера документальности в нем было приведено сугубо приватное

[1] Приложения не публикуются, см. Архив НИПЦ «Мемориал», ф.166, оп.1, д.4, л.295-342 — *Сост.*

[2] У этого приложения в экземпляре, хранящемся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 166, оп.1, д.4, л.333), утрачено окончание. Вероятно, имеется в виду Чистопольская тюрьма, куда в 1978 по решению ЦК КПСС были переведены политзаключенные Владимирской тюрьмы . — *Сост.*

[3] Издавалась Президиумом Верховного Совета СССР. — *Сост.*

письмо академика Сахарова. Деликатность тона и содержание письма опровергали вымыслы пасквиля, который апеллировал к низким инстинктам.

Письмо это было изъято у приехавшей в Киев Мальвы Ланда, задержанной и подвергнутой личному обыску без всяких оснований. КГБ бдительно следит за членом Московской группы Мальвой Ланда, и ее в последнее время несколько раз задерживали и обыскивали под совершенно вздорными предлогами. Мальва Ланда уже отбыла ссылку за свою деятельность в группе «Хельсинки» по сфальсифицированному обвинению.

В августе без всяких оснований был проведен обыск у члена Московской группы «Хельсинки» Виктора Некипелова, писателя и публициста. У него изъяты пишущая машинка, книги, документы личного архива. Судьба Виктора Некипелова внушает опасения. Он уже был один раз осужден по ст. 190.1 УК РСФСР (главным пунктом обвинения явились его неподцензурные статьи и стихи) и отбыл трехлетний срок заключения. В отличие от многих других политзаключенных, которые после отбытия наказания получают разрешение на эмиграцию, Виктор Некипелов уже 2 года получает отказ в разрешении на выезд по мотивам «нецелесообразности с точки зрения государственных интересов».

14 сентября член Московской группы профессор Наум Мейман был вызван для беседы с председателем исполкома Москворецкого райсовета. В длившемся целый час разговоре помимо председателя исполкома Саблина приняли участие еще двое лиц, один из которых представился как секретарь райкома партии, а другой как профессор философии.

Саблин сказал Мейману, что его вызвали для беседы, т.к. руководство района обеспокоено тем, что Мейман, проживая в их районе, занимается вредной для страны деятельностью. Секретарь райкома, показывая несколько листов, которые он держал, сказал, что это досье, присланное агентством печати (АПН), с перечислением, когда, какие радиостанции и по какому поводу упоминали о Меймане, и тут же начал зачитывать досье со своими комментариями по поводу, как он выразился, антисоветской клеветы Меймана. Через несколько минут Мейман прервал его, напомнив, что его вызвали по поводу его заявления о выезде в Израиль и только поэтому он пришел на беседу. Саблин ответил, что к вопросу о выезде еще вернется и досье имеет непосредственное отношение к этому вопросу.

Только несколько из перечисленных передач имели персональное отношение к Мейману, как, например, передача его статьи «Монумент у Бабьего Яра», опубликованной в «Континенте», или его письма к премьеру [Израиля] Менахему Бегину о тяжелом положении Семена Глузмана. В большинстве передач шла речь о документах или заявлениях Московской группы «Хельсинки», без указания фамилий подписавших. Мейман обратил на это внимание присутствующих, на что они, сделав вид, что это им неизвестно, спросили Меймана, входит ли он в группу «Хельсинки». После его утвердительного ответа они стали доказывать, что деятельность Группы противоречит Соглашению в Хельсинки, т.к. Соглашение запрещает вмешательство других стран во внутренние дела СССР.

Не лишено интереса, что когда по настоянию Меймана разговор пошел о его выезде в Израиль, то Саблин сказал, что не имеет значения, что Мейман уже более 24-х лет не имеет отношения к закрытой работе. Секретарь райкома заявил, что Мейману нельзя разрешить выехать, т.к. на Западе могут использовать его квалификацию против СССР, а философ заявил, что Мейману не разрешают выехать из-за его участия в группе «Хельсинки» и еврейском движении.

Реальный смысл беседы заключается в том, что Мейману при этом давали неоднократно «настоятельные», по словам его собеседников, «советы» прекратить «вред-

ную деятельность», в частности, выйти из Группы. Это, безусловно, является и предостережением, и угрозой. В первую очередь Мейману, но одновременно и всей группе «Хельсинки».

Опыт 1977 г. заставляет нас отнестись со вниманием к перечисленным выше фактам.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
17 сентября 1979 г.

138

Документ № 102

К СОБЫТИЯМ НА УКРАИНЕ
УГОЛОВНЫЙ ТЕРРОР ПРОТИВ ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Жестокие репрессии против правозащитного движения развернуты властями в последние 2–3 года на Украине.

В 1977–78 гг. арестованы за «антисоветскую агитацию и пропаганду» и осуждены к бесчеловечно длительным срокам заключения основатели Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Микола Руденко, Олекса Тихий, Мирослав Маринович, Микола Матусевич, Левко Лукьяненко. По сфабрикованным, не укладывающимся ни в какие рамки логики и рассудка уголовным обвинениям был осужден член той же Группы Василь Овсиенко (февраль 1979 года, за «сопротивление милиции», 3 года лагерей строгого режима).

6 марта 1979 г. арестован и ожидает суда один из основателей Группы писатель Олесь Бердник. 5 июля 1979 г. арестованы в г. Долина Ивано-Франковской области члены Группы Петр и Василь Сичко, отец и сын. 6 августа 1979 г. арестован вновь по сфальсифицированному обвинению в «сопротивлении милиции» член Группы Юрий Литвин.

Наряду с членами Украинской группы «Хельсинки» репрессиям подвергаются ее корреспонденты, люди, сочувствующие идеям правозащитного движения, бывшие политзаключенные, украинская интеллигенция, деятели национальной культуры.

В текущем году репрессии усилены. Украина уже знала репрессивные шквалы, бросившие в мордовские и пермские лагеря значительное число [представителей] молодой украинской интеллигенции,— 1965 и 1972 годы. Кажется, 1979–80 гг. становятся таким же шквалом тотальных репрессий. Похоже, что власти ставят своей целью полное подавление национального и правового свободомыслия на Украине.

По всей республике прокатываются погромные обыски. Усилен гласный и негласный надзор за активистами правозащитного движения и бывшими политзаключенными. Путем грубого насилия, не соблюдая даже видимости законности, власти пресекают любые контакты между диссидентами, в том числе между представителями украинского и московского правозащитного движения.

Уже 3 года находятся под непрерывным наблюдением члены Украинской Хельсинкской группы Оксана Мешко (г. Киев), Иван Кандыба (с. Пустомыты Львовской области) и Нина Строката (г. Таруса Калужской области). Почти каждого, кто навешает их,

задерживают и подвергают обыску. В апреле 1979 г. по фиктивному обвинению в «краже документов» грубо задерживалась в Киеве член Московской группы «Хельсинки» Мальва Ланда.

Особую тревогу и возмущение вызывает то обстоятельство, что власти с целью компрометации правозащитного движения все чаще применяют как средство политической репрессии уголовные методы: фабрикацию «дел» по обвинению правозащитников в сопротивлении органам власти, хулиганстве и других уголовных преступлениях, а также грубое задержание среди бела дня, циничные аресты на 15 суток, обыски по уголовным мотивам, избиение диссидентов «неизвестными» лицами. Эти расправы применяются даже к женщинам. Вот несколько примеров.

12 февраля 1979 г. в г. Христиновка Черкасской области в день приезда к ней родственницы из Львова была схвачена на улице двумя «неизвестными» бывшая политзаключенная, многолетняя узница Владимирской тюрьмы 67-летняя Галина Дидык.

Налетчики, которых Дидык перед этим видела дежурившими у здания военкомата в «Волге», напав со спины, силой вырвали у женщины сумку и умчались. Сумка после осмотра была выброшена из машины. В это же время родственницу забрали из дома Дидык в милицию якобы как свидетельницу по делу о какой-то краже, а в доме провели негласный обыск.

30 августа 1979 г. милиция ворвалась в дом к 84-летней писательнице, многолетней узнице сталинских лагерей Надежде Суровцевой (г. Умань Черкасской области) якобы для розыска вещей, украденных из сельского магазина. При обыске изъяли воспоминания Суровцевой, стихи ее квартиранта молодого поэта Дмитро Калюжного, записные книжки, в том числе у гостей Суровцевой — Софии Гулык из Львова и Евгения Габовича из Москвы. Два года назад 30 сентября 1977 г. милиция уже устраивала аналогичный обыск у Суровцевой, обвинив ее в изготовлении фальшивых денег. При этом были изъяты воспоминания, дневники, пишущая машинка, весь литературный архив писательницы.

Под угрозой уголовной репрессии находится активистка правозащитного движения Тамара Лось из г. Белая Церковь Киевской области. КГБ уже давно преследует Т. Лось за ее помощь местному населению в правовых вопросах и связь с московскими правозащитниками.

Т. Лось стало известно, что 17 августа 1979 г. против нее возбуждено уголовное дело о растрате (ст. 84.1 УК УССР). «Дело» заключается в том, что с рабочего места Т. Лось, которая работает на почте, во время ее вызова на допросы в КГБ пропало 110 рублей и корешки абонементной платы на эту сумму. Несмотря на то, что Т. Лось погасила недостачу, она привлечена к следствию и подвергается допросам.

Становятся нормой, обыденной практикой случаи физических расправ с диссидентами.

В мае-июне 1979 г. сотрудники киевского КГБ неоднократно нападали на улице на Петра Винса, увозили в лес, где избивали; один раз, избивая на улице, прокололи ему каким-то металлическим орудием ногу.

В ночь на 2 августа 1979 г. был избит у своего дома «неизвестными» член группы «Хельсинки», врач Владимир Малинкович. В ту же минуту из кустов появился милиционер, В. Малинкович был доставлен в райотдел милиции, где избившие его хулиганы превратились в «пострадавшего» и в «свидетелей», и Малинкович был осужден за «хулиганство» на 15 суток.

По аналогичному сценарию планировалась расправа с приехавшим в г. Львов после описанного выше обыска в Умани москвичом Е. Габовичем. 1 сентября 1979 г. во время прогулки Габовича с друзьями по Львову к ним подошел «неизвестный» и, попросив закурить, ударил спутника Габовича В. Гнатенко. Тут же под чей-то крик «Да не того!»

на них навалилось еще 7 человек, которые стали бить Габовича. Появилась легковая машина, Габович был схвачен и увезен в милицию. На его протесты и требование вызвать прокурора ему сказали: «Никаких объяснений. Уже есть показания свидетелей, что вы напали на гражданина Н. (следует фамилия того, кто ударил В. Гнатенко)». Только исключительная настойчивость Е. Габовича, объявившего голодовку, способствовала его освобождению через сутки, и не исключено, что сценарий львовских режиссеров от КГБ еще будет продолжен.

Этот сценарий — по обвинению намеченного диссидента в «хулиганстве» с превращением насильника в «жертву» и с выскакивающими из кустов милиционерами — со времени известного «дела с тортом»[LXXXXII] (А. Фельдман, 1974 г.) доведен на Украине до совершенства, как и сценарий «сопротивление милиции». Кроме В. Овсиенко и Ю. Литвина по этим статьям осуждены в 1979 г. В. Монбланов и Т. Мельничук.

В апреле 1979 г. при загадочных обстоятельствах исчез молодой львовский композитор-песенник Владимир Ивасюк. Спустя месяц он был найден повесившимся (или повешенным) в лесу. Получила широкое распространение версия о насильственной смерти композитора. Было известно об его отказе написать официальную ораторию в честь воссоединения Западной Украины с СССР.

Похороны Ивасюка 22 мая и митинг у его могилы в день Троицы 10 июня превратились в народную манифестацию протеста. Выступление на этом митинге, видимо, было одной из причин ареста Петра и Василия Сичко.

На совести КГБ и смерть молодого историка и публициста Михайлы Мельника, покончившего с собой тотчас после произведенного у него обыска в марте 1979 г.

Все, что происходит на Украине сегодня, нельзя расценить иначе как мафиозный разгул. Это уже не нарушение прав и законности, а разнузданное насилие, физический и психологический террор, ставящий под прямую угрозу жизнь преследуемых властями людей.

С помощью описанных методов власти пытаются деморализовать правозащитное движение, подавить его психологически. Существует также опасение, что власти хотели бы загнать это движение в «подполье», спровоцировать на ожесточение, на совершение каких-то действий, которые могли бы быть расценены как выступление против порядка управления и стали бы предлогом для развязывания террора в более широких масштабах.

В наши дни, когда весь мир решительно осуждает террор как средство достижения политических целей, применение террора государством по отношению к правозащитному движению и критикам режима выглядит как вызов общественному мнению, как оправдание и поддержка террора международного.

Мы обращаемся к главам правительств и общественности стран, подписавших Хельсинкские соглашения, с целью привлечь внимание к событиям на Украине.

Мы обращаемся к «Эмнести Интернейшнл» и к Международной лиге по правам человека с просьбой поднять вопрос в международном масштабе об объявлении всех случаев уголовных расправ в политических целях, подобных вышеописанным,— методами террора.

Эти недостойные методы должны быть признаны столь же безнравственными и так же решительно осуждены, как и применение психиатрии в политических целях.

Уголовное насилие как средство борьбы с идеей должно быть полностью исключено из практики государств — участников Хельсинкского совещания.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов,

Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
14 сентября 1979 г.[1]

Дополнение

23 октября 1979 г. на окраине г. Киева в 10 часов вечера на трамвайной остановке находился бывший политзаключенный Микола Горбаль, живущий и работающий в Киеве. Других людей поблизости не было. Неожиданно к нему подошли трое неизвестных мужчин и одна женщина. Неизвестные мужчины сбили Горбаля с ног и затащили в подъехавшую автомашину. Горбалю удалось сообщить друзьям, что он арестован.

Жене Горбаля в милиции официально сообщено, что ее мужу предъявлено обвинение в покушении на изнасилование и в настоящее время он находится в Лукьяновском следственном изоляторе в г. Киеве.

Следствие ведет следователь прокуратуры Октябрьского района г. Киева Шепелюк.

Миколе Горбалю 37[2] лет. Имеет среднее музыкальное образование. До 1970 г. работал руководителем детского хора в Доме пионеров небольшого городка на Украине.

Написал поэму «Дума». Тетрадь с рукописью этой поэмы обнаружила руководитель Дома пионеров и передала ее в КГБ. За эту «Думу» Горбаль был осужден по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» на 5 (пять) лет лишения свободы в лагере строгого режима и два года ссылки. Отбыл это наказание полностью и был освобожден весной 1977 г.

После освобождения работал разнорабочим, лифтером.

Микола Горбаль продолжал поддерживать дружеские отношения с узниками совести и их родственниками. По существу он — деятельный участник благотворительности и правозащитного движения.

Ему не раз угрожали арестом, цинично заявляя, что кому как не ему знать их неограниченные возможности.

М. Горбаль решил эмигрировать, его документы находятся в ОВИРе.

Имеет жену и полуторагодовалого ребенка.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Мальва Ланда, Софья Каллистратова, Татьяна Осипова, Виктор Некипелов, Юрий Ярым-Агаев, Елена Боннэр, Иван Ковалев
30 октября 1979 г.

139

Документ № 103

АРЕСТ ЭДУАРДА АРУТЮНЯНА

13 июля 1979 г. в Ереване арестован последний оставшийся на свободе член Армянской группы «Хельсинки» Эдуард Арутюнян. Ранее были арестованы (29 декабря 1979 г.) Шаген Арутюнян и Роберт Назарян. Шаген Арутюнян был осужден по явно сфальсифицированному делу о хулиганстве на 3 года лишения свободы; Роберт Наза-

[1] В «Хронике текущих событий» №54 датирован 7 октября 1979 г. — *Сост.*
[2] Точнее, 38. — *Сост.*

рян осужден по статье «антисоветская агитация и пропаганда» на 5 лет лишения свободы и 2 года ссылки.

Таким образом Армянская Хельсинкская группа полностью уничтожена.

Арутюнян был арестован, когда он пришел в прокуратуру, вызванный по поводу его писем в Верховные Советы Армении и СССР — в защиту рабочего Геворкяна, выброшенного с семьей из дома директором совхоза «Зовуни» (см. приложение 2[1]).

Как сообщил отцу следователь прокуратуры, Эдуард Арутюнян обвиняется в распространении «клеветнических измышлений, порочащих советский строй». В августе-сентябре 1979 г. Арутюнян находился в Институте судебной психиатрии им. Сербского в Москве. Еще в 1968–1970 гг. была предпринята попытка представить Арутюняна психически больным (см. приложение 1), а в настоящее время следственные органы и администрация Института им. Сербского отказались принять от его отца официальные документы, устанавливающие отсутствие психического заболевания. Это вызывает опасения, что Арутюняну угрожает бессрочное заключение в психиатрической больнице.

В связи с тем, что ряд адвокатов как в Ереване, так и в Москве под различными предлогами отказались принять защиту Арутюняна, его отец обращается в «Эмнести Интернейшнл» с просьбой о предоставлении его сыну зарубежного адвоката.

Арест Эдуарда Арутюняна является еще одним нарушением Заключительного акта в Хельсинки.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев, Наум Мейман
7 октября 1979 г.

140

Документ № 104

НОВЫЕ ПОПЫТКИ ПОДАВЛЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И МИЛОСЕРДИЯ

В течение этого года в Москве был произведен ряд обысков по делу № 46012/18-76, возбужденному еще в 1976 году в связи с изготовлением и распространением самиздатовской литературы и неподцензурных периодических изданий, в частности «Хроники текущих событий».

Последние обыски по «делу о Хронике», произведенные 11 октября следователями Московской прокуратуры,— у члена группы «Хельсинки» Татьяны Осиповой и известной правозащитницы Татьяны Великановой.

28 сентября 1979 г. органами КГБ был произведен обыск у руководителя Христианского комитета защиты прав верующих священника Глеба Якунина по делу № 12 о самиздатовском религиозном журнале «Община».

Несмотря на то, что в постановлениях об обысках в качестве цели было указано изъятие клеветнических материалов и документов, фактически изымались документы и вещи, никакого отношения к цели обыска не имеющие: личные архивы, личные письма 10–15-летней давности, фотографии, записные книжки, книги, деньги и вещи.

При этом протоколы обысков составлены таким образом, что из перечня нельзя установить, какие именно документы и материалы изъяты. Так, например, в протоколе обыска у Т. Великановой значится под № 57 «коричневый чемодан с различными

[1] Приложения, упомянутые в тексте документа, не публикуются, воспроизведены в АС №3807. — *Сост.*

записями и текстами», под № 63 — «папка бежевого цвета с машинописными текстами», у Осиповой — «папка красного цвета с завязками, с вложенными рукописными и печатными документами» и т.д.

Действительная направленность обысков ярко выражается в характере изымаемых документов и книг, а также материальных ценностей, в значительной части принадлежащих не лично обыскиваемым, а общественному Фонду помощи политзаключенным. Пресечь всякие попытки добиться гласности и свободы сбора и распространения информации, а также усилий по оказанию материальной помощи узникам совести и ссыльным, их семьям — вот действительная цель обысков и изъятий.

Изымались экземпляры «Хроники текущих событий», документы Хельсинкской группы, материалы религиозного характера, т.е. все, что использовалось для систематического предания гласности многочисленных фактов нарушения прав человека в СССР.

При обыске у Татьяны Осиповой в явное нарушение закона, предписывающего ограничивать изъятие только предметами, имеющими отношение к делу, по которому производится обыск, изъяты:

а) деньги — 1074 руб., из которых более половины составляют средства Фонда помощи политзаключенным;

б) продукты — 37 банок мясных консервов, шоколад, конфеты, витамины, мясные кубики, предназначенные для отправки посылок политзаключенным;

в) вещи — куртки, комплект нижнего белья и др., приготовленные для отправки ссыльным. Кроме того, изъяты: 2 пишущие машинки, 2 магнитофона, 2 фотоаппарата.

У о. Глеба Якунина наряду с документами Христианского комитета изъяты даже серебряные чайные ложечки.

Приведенные факты свидетельствуют о непрекращающемся стремлении властей полностью подавить все общественные средства информации о нарушениях прав человека в нашей стране, а также ликвидировать всякую возможность оказания моральной и материальной поддержки многочисленным узникам совести и их семьям.

Испытывая обоснованное чувство тревоги, мы считаем необходимым обратить внимание членов правительств, подписавших Хельсинкское соглашение, и мировой общественности на новые факты преследования правозащитного движения в нашей стране.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
13 октября 1979 г.

141

Документ № 106[1]

ОБ АМНИСТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ[2]

За 62 года существования советской власти в нашей стране не было амнистии политических заключенных[LXXXXIII]. Тотальное засекречивание судебной статистики лишает нас возможности установить число узников совести, томящихся сегодня в тюрьмах,

[1] Документ №105 от 29 октября 1979 (о вступлении в группу Ивана Ковалева) не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. Сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№54, С.144) — *Сост.*

[2] Название дано по «Хронике текущих событий» №54. — *Сост.*

лагерях, тюремных психиатрических больницах и ссылке. Однако мы знаем сотни имен мужественных людей, осужденных и отбывающих наказание только за смелое и независимое слово, за сбор и распространение информации о нарушениях прав человека, за религиозную деятельность, за защиту права на эмиграцию, за попытки создания легальных независимых ассоциаций, за оказание помощи политзаключенным и их семьям. Большинство политзаключенных СССР — это узники совести, люди, осужденные за действия, не связанные с насилием, осужденные в нарушение Всеобщей декларации прав человека, Пакта о гражданских и политических правах, Заключительного акта совещания в Хельсинки, подписанных и ратифицированных СССР, и Конституции СССР. Чрезвычайно распространено преследование по политическим мотивам с помощью сфальсифицированных уголовных обвинений в хулиганстве, сопротивлении власти, тунеядстве и т.п.

Условия заключения в СССР крайне тяжелы для заключенных всех категорий и характеризуются принудительным трудом, недостаточным питанием, холодом, плохим медицинским обслуживанием, произвольными репрессиями лагерной и тюремной администрации, жестокими нормами переписки и свиданий с родственниками. Режим в местах заключения из года в год все более и более ужесточается.

Сегодня, в День политзаключенного, мы призываем:

Освободить всех узников совести, находящихся в тюрьмах, лагерях, ссылке и психиатрических больницах.

Освободить всех осужденных по политическим мотивам по сфальсифицированному уголовному обвинению.

Радикально улучшить условия содержания заключенных всех категорий.

Освободить всех осужденных к двадцатипятилетнему сроку заключения в соответствии с установленным в 1958 году максимальным сроком заключения в 15 лет.

Члены Московской Группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
30 октября 1979 г.

Присоединяемся:
Андрей Сахаров, Александр Лавут, Леонард Терновский, Юрий Киселев,
Татьяна Великанова, Георгий Владимов, Вячеслав Бахмин[1]

142

Документ № 107

О СУДЕ НАД ШЕСТЬЮ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ПРАВОЗАЩИТНИКАМИ

Правозащитное движение «Хартия-77» основано на Конституции Чехословакии, Пактах о гражданских, политических, экономических и социальных правах, ратифицированных ЧССР, и Заключительном акте соглашения в Хельсинки. Несмотря на абсолютно легальный характер движения «Хартия-77», власти ЧССР преследуют участников движения со все возрастающим ожесточением всеми средствами тоталитарного государства.

[1] Список присоединившихся публикуется по АС №4143. — *Сост.*

Суд в Праге над шестью участниками движения «Хартия-77» и членами Комитета защиты несправедливо преследуемых является зловещим фарсом и пародией на правосудие. Такие суды нам хорошо известны по опыту судебных процессов советских правозащитников. Это суды с отсутствием гласности, фактическим лишением подсудимых права на защиту и заранее предрешенным приговором.

Действия властей ЧССР направлены не только на подавление правозащитного движения в Чехословакии, но и на подрыв Заключительного акта соглашений в Хельсинки в его гуманитарной части, поэтому мы обращаемся к правительствам стран — участниц Совещания в Хельсинки с призывом официально осудить нарушения правительством ЧССР принятых на себя международных обязательств и настаивать на освобождении Гавела, Ула, Бенды, Динстбира, Беднаржовой, Немцовой.

Процесс в Праге и суровые беззаконные приговоры вызвали волну протестов во всех демократических странах. Мы надеемся, что сила этих протестов против приговоров не ослабнет со временем, так как от этого зависит судьба осужденных.

Московская группа «Хельсинки» выражает свою солидарность с мужественными благородными людьми Гавелом, Улом, Бендой, Динстбиром, Беднаржовой, Немцовой.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
30 октября 1979 г.

143

Документ № 108[1]

ЧИСТОПОЛЬСКАЯ ТЮРЬМА

В октябре 1978 г. политзаключенные Владимирской тюрьмы были переведены в тюрьму г. Чистополя (Татарская АССР). Видимо, Владимир, часто посещаемый иностранными туристами, оказался «неудобным» городом.

Перед этапом у всех отобрали вещи (их вернули в Чистополе). Некоторые заключенные отказались выходить без вещей. Федоренко в знак протеста разделся догола. В таком виде его и потащили в «воронок». Пяткусу Угодин (начальник Владимирской тюрьмы) разбил кулаком лицо, потом его повалили на землю, били ногами и резиновыми дубинками.

В тюрьме 43 камеры, полы деревянные, воду включают надзиратели 4 раза в день. 5 утра — подъем, 7 — проверка, 7.20 — завтрак, 8 — прогулка, 21 — отбой.

Начальник тюрьмы подполковник Малафеев, замполит капитан Маврин, зам. по режиму капитан Николаев.

В ларьке имеются хлеб, творог, молоко, маргарин, конфеты, плавленные сырки. Тратить на ларек можно только деньги, заработанные в тюрьме, но не в лагере. (Разрешается по правилам — 3 руб. в месяц.) Это «правило» является нарушением ИТК со стороны администрации.

В тюрьме есть больничные камеры, ближайшая больница в 3-х часах езды, в Казани.

Работают заключенные без вывода, в своих камерах — плетут капроновые мешки. Норма — 8 мешков в день, многие с ней не справляются.

[1] Фрагмент, пропущенный в публикациях (АС № 4120 и сборник документов МХГ (вып. 7)), печатается по машинописной копии с рукописной правкой, хранящейся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.4, л. 355–356). — *Сост.*

В Чистопольской тюрьме гораздо жестче, чем во Владимирской, задерживаются как входящие, так и исходящие письма. Например, Менделевич в течение года не получил ни одного письма из-за границы от сестер и друзей, 6 месяцев — ни одного письма от матери. 6 лет он не имел ни одного свидания: его отец умер, мать и сестры в Израиле. Когда в сентябре 1979 г. в Чистополь приехала Наталья Розенштейн, имеющая официальную доверенность от родственников Менделевича, администрация отказала ей в свидании, заявив, что нет уверенности в том, что она будет положительно влиять на заключенного.

Щаранскому передают письма редко и только от родственников. 5 месяцев ему не передавали писем от жены из Израиля, потом одно письмо все-таки передали; не отдали поздравительных телеграмм с днем рождения.

М. Казачков, привезенный в Чистополь в ноябре, 4 декабря подал для отправки письмо матери. Оказалось, что цензура не принимает заказных писем с уведомлением, телеграмм не принимает вовсе, а заявления можно адресовать только в прокуратуру и МВД.

11 января 1979 г., добиваясь отправки своего письма заказным и с уведомлением, Казачков объявил голодовку. За это его бросили в карцер. 8 суток он держал там «сухую» голодовку, на 9 сутки было начато искусственное кормление. За время голодовки у Казачкова было три случая отравления питательной смесью. К концу июля он похудел уже на 20 кг.

В результате голодовки почтовые правила изменились: теперь можно отправлять заказные письма с уведомлениями и телеграммы.

Однако объемистые письма Казачкова (всего более 200 стр.) «застряли» на цензуре и он продолжает голодовку, добиваясь, чтобы их, пусть с купюрами цензора, отправили матери.

Голодовку Казачкова поддержал Балахонов. Известно их намерение снять голодовку после получения продуктовых посылок, которые разрешены им ввиду критического состояния здоровья. Посылки были посланы им в начале октября. Сведений о снятии голодовки пока нет.

В тяжелом состоянии находится сейчас А. Щаранский. Последнее время его мучают сильные головные боли, резь в глазах. Голова начинает болеть, если он читает более 30–40 минут, боль продолжается потом несколько дней. Щаранский был обследован окулистом; тот не нашел никаких отклонений. И сам Щаранский, и его родственники добиваются, чтобы его обследовали специалисты. Из ГУИТУ родственникам ответили на запрос, что состояние здоровья Щаранского хорошее, в обследовании он не нуждается. Последний ответ из медуправления МВД гласил, что Щаранский обследован 5-ю специалистами — отклонений от нормы не найдено. Это «обследование» заключалось в том, что Щаранскому проверили остроту зрения по таблице и измерили артериальное давление.

В одной камере с Щаранским содержится сейчас В. Пяткус. За время своего пребывания в тюрьме (чуть больше года) он похудел на 25 килограмм.

Нам известны следующие политзаключенные, находящиеся сейчас в Чистопольской тюрьме: В. Балахонов, В. Бондаренко, Р. Зограбян, М. Казачков, И. Менделевич, И. Огурцов, В. Пяткус, М. Равиньш, Ф. Труфанов, В. Федоренко, Г. Шелудько, Ю. Шухевич, А. Щаранский.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
30 октября 1979 г.

144

Документ №109

О СОДЕРЖАНИИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ «ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИКОВ», ИНВАЛИДОВ, СТАРИКОВ И ЖЕНЩИН

Требуя всеобщей политической амнистии, мы не можем не остановиться на особо тяжелом положении некоторых категорий политзаключенных: имеющих сроки 25 и более лет, престарелых, тяжело больных и инвалидов, женщин.

Более 20 лет назад приняты Основы уголовного законодательства СССР, согласно которым максимальный срок лишения свободы устанавливался в 15 лет. Однако и сейчас в лагерях и тюрьмах находится немало лиц, осужденных по старому кодексу к заключению на 25 лет. Некоторые из них получили добавочную к 25-летнему сроку лагерную судимость и, таким образом, отбывают срок, в 2 и более раза превышающий максимально допустимый по действующему законодательству.

Многие «двадцатипятилетники» — участники национально-освободительной войны на Украине и в Прибалтике. К ним, как правило, не применяют ни помилования, ни условно-досрочного освобождения как к «не вставшим на путь исправления». (Чаще всего так освобождаются осужденные за сотрудничество с оккупантами, именно они «встают на путь исправления», сотрудничая с лагерной администрацией.)

«Двадцатипятилетники» нередко одинокие люди, не имеющие семьи или утратившие ее за долгие годы заключения, вследствие чего посылки, бандероли, свидания, материальная помощь для них практически невозможны. (В последние годы они получают небольшую материальную поддержку от Фонда помощи политзаключенным, но нельзя забывать, что далеко не все такие заключенные известны Фонду и, следовательно, получают помощь.)

Кроме того, среди них особо много людей преклонного возраста и инвалидов.

80% заключенных 19 Мордовского лагеря — инвалиды (по оценке самих заключенных). Вот случай одного из заключенных этого лагеря. К. М. Скрипчук (1922 г. р.) был осужден в 1953 г. за участие в Украинской повстанческой армии (УПА) на 25 лет лишения свободы. В лагере он стал верующим — иеговист. За проповедь веры он получил дополнительно к прежнему сроку еще 5 лет за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Он тяжело болен (заболевание почек), имеет инвалидность 2 группы. В 1972 году подал прошение о помиловании, но отказался отречься от веры. В помиловании было отказано — «не встал на путь исправления».

Согласно ст. 100 ИТК РСФСР, «Осужденные, заболевшие хронической душевной или иной тяжкой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания, могут быть освобождены судом от дальнейшего отбывания наказания…

Представление об освобождении от отбывания наказания по болезни вносится в суд начальником органа, ведающего исполнением наказания. Одновременно с представлением в суд направляется заключение врачебной комиссии и личное дело осужденного».

В список заболеваний, являющихся основанием для досрочного освобождения, установленных Министерством здравоохранения СССР, входят шизофрения, эпилептическое слабоумие, иноперапельные опухоли спинного и головного мозга со склонностью к параличам и тяжким психическим расстройствам, стойкие тетреплегии, возникшие в результате травм, инфекционных опухолей и т.д. Психически больные направляются в больницы общего или специального типа, которые представляют, в сущности, тюрьму, но с психиатрической специализацией.

В лагерях и тюрьмах можно встретить даже таких людей, которые не могут обходиться без посторонней помощи: частично парализованных, страдающих тяжелейшими формами склероза, почти полностью ослепших.

Например, Сергей Ковалев рассказал родственникам на свидании, что в их лагерь переведены из 19 Мордовского лагеря 11 человек. Некоторые из них едва передвигаются с палочкой после инсульта, а один страдает настолько сильным склерозом, что без посторонней помощи даже не в состоянии найти свое место в бараке.

Год назад в лагере общего режима под Гурьевым покончил с собой С.В. Нелюбин, осужденный по обвинению в «клевете» на советский строй. Незадолго до этого ему было отказано в освобождении по состоянию здоровья, несмотря на то, что он полностью ослеп в лагере.

Добиться «активирования», т.е. освобождения по состоянию здоровья, невозможно даже тем, чья жизнь находится под угрозой.

18 апреля у Алексея Тихого началось язвенное кровотечение. В больницу он был помещен только после 18 часов кровотечения без оказания медицинской помощи, с давлением 70/40, немедленно была сделана операция. 10 мая началось тяжелое осложнение (перитонит), было произведено вскрытие и промывание брюшины. 25 мая врачи подали на актировку по поводу общего тяжелого состояния Тихого, но дальше больницы эти документы не пошли.

Заключенный 36 Пермского лагеря Казис Баранаускас долгое время страдал непроходимостью мочеточников, неоднократно лежал в санчасти. Летом этого года он был увезен в Пермскую больницу с явными признаками интоксикации: оправляться он уже не мог совсем.

В таком состоянии он трое суток не получал никакой помощи и только после протестов соседей-заключенных его взяли на операцию. 11 июля, через несколько часов после операции, Баранаускас скончался.

У заключенного 19 Мордовского лагеря Ярошевичюса, страдавшего туберкулезом, долгое время держалась температура 39–40 градусов. Когда он был наконец госпитализирован, его успели только довезти до больницы.

Подобный исход не является, к сожалению, единичным.

Еще в 1974 г. в 33 выпуске «Хроники текущих событий» приводится список лиц, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья, в частности К.Лущ (1908 г. р., конец срока 1984 г.) и Евгений Пронюк. Лущ страдает злокачественной формой гипертонии, правосторонней гемиплегией после инсульта. По крайней мере до 1977 г. он был в лагере.

Евгений Пронюк, страдающий открытой формой туберкулеза, полностью отбыл свой 7-летний срок, сейчас находится в ссылке.

Недавно переведен в уголовный лагерь (отбывать лагерную судимость за участие в Тайшетском восстании 1956 г.) В. Пидгородецкий. Общий срок у него — 30 лет. Он горбун, почти полностью потерял слух на одно ухо, имел вторую группу инвалидности — перед переводом ее сняли.

В начале 1977 г. Московская группа «Хельсинки» приводила перечень заключенных, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья (документ №17). Следует учесть, что любые перечни такого рода являются заведомо неполными ввиду крайней затрудненности в получении достоверных данных о заключенных. Кроме того, число заключенных, являющихся инвалидами фактически, значительно больше, чем имеющих официальную группу инвалидности. Установление инвалидности зависит от администрации и часто определяется не медицинскими, а оперативными соображениями (документ №66).

Очень многие заключенные уже в силу своего возраста не могут быть здоровыми. А к этим людям, как правило, относятся отбывающие наиболее длительные срока заключения. Так, например: Андрей Демчишин (1907 г. р.), Владас Лапенис (1906 г.р.), Стасис Моркунас (1913[1]), Пятрас Паулайтис (1904), Данило Шумук (1914).

В 1978 г. был арестован и в марте этого года осужден на 5 лет лишения свободы в лагере строгого режима за религиозно-правозащитную деятельность В.А. Шелков (1895 г.р.). Он отправлен в лагерь в Якутию. В лагере ему выдали одежду на несколько размеров меньше необходимого (48 вместо 54). Иметь Библию ему запрещено.

В 3 Мордовском лагере содержатся около 10 женщин, осужденных за религиозную деятельность («Истинно-православная церковь») — «антисоветская агитация». Они отбывают длительные — по 10 лет — лагерные сроки. Для некоторых это вторая и даже третья судимость. Почти все — старше 65 лет. В том же лагере находится инвалид Оксана Попович, отбывающая восьмилетний лагерный срок (конец в ноябре 1981 г.[2]), после которого еще 5 лет ссылки.

20 января 1979 г. ряд заключенных 36 Пермского лагеря: Гайдук, Григорян, Залмансон, Ковалев, Маринович, Мятик, Саркисян, Юскевич и Монастырский — провели однодневную голодовку и написали заявления в Президиум Верховного Совета в знак протеста против содержания в лагерях стариков и женщин.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений считает, что содержание в лагерях и тюрьмах стариков, инвалидов, женщин противоречит элементарным понятиям о гуманности. Необходима проверка положения в местах заключения представителями Международного Красного Креста, Комитета по правам человека при ООН и «Международной Амнистии».

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев, Иван Ковалев

К документу присоединяются члены Инициативной группы по защите прав инвалидов в СССР:
Юрий Киселев, Валерий Фефелов, Ольга Зайцева

30 октября 1979 г.

145

Документ № 111[3]

РЕЗКОЕ УСИЛЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

30 октября, в День политзаключенного, в Вильнюсе арестован Антанас Терляцкас (50 лет).

1 ноября в Москве арестованы Татьяна Великанова (47 лет) и священник Глеб Якунин (45 лет).

---

[1] Правильно — 1912. — *Сост.*

[2] Правильно — сентябрь 1982. — *Сост.*

[3] Документ №110 от 30 октября 1979 г. «Амнистия для женщин, объявленная в связи с Международным годом ребенка, не распространяется на узниц совести» не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. Сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№54, С.144). — *Сост.*

В Москве в день ареста Великановой и Якунина произведены обыски в квартирах Виктора Сокирко, Нины Литовской[1], Виктора Капитанчука, Людмилы Регельсон (Ивановой), Вадима Щеглова, Ларисы Полуэктовой, а также у родственницы Якунина Лидии Здановской.

Значение этих арестов и обысков далеко выходит за рамки преследования отдельных правозащитников и явно имеет цель полного подавления правозащитного, национального и религиозного движения в нашей стране.

Татьяна Великанова еще в 1969 г. была одним из организаторов Инициативной группы по защите прав человека, сыгравшей огромную роль в формировании правозащитного движения в СССР.

В 1974 г. совместно с Сергеем Ковалевым и Татьяной Ходорович Великанова гласно взяла на себя обязательство всемерно содействовать распространению «Хроники текущих событий», как легального неподцензурного источника правдивой информации о нарушениях прав человека в СССР.

Татьяну Великанову знают в нашей стране как мужественного, самоотверженного человека, отзывающегося на всякую несправедливость, на всякое зло. Ее единственным оружием было всегда только слово. Ее подписи стоят под сотнями документов, выражающих протесты против нарушений прав человека. Она защищала преследуемых крымских татар и немцев Поволжья, евреев-отказников, баптистов и пятидесятников, представителей других религиозных групп. Она поднимала свой голос протеста против незаконных арестов и осуждений людей по политическим мотивам. Ее имя знают тысячи узников совести и членов их семей. К ней шли, ехали и писали люди со всех концов страны, и для каждого у Татьяны Великановой находилось теплое слово участия, утешения и ободрения.

На протяжении всех лет правозащитной деятельности Великанова подвергалась угрозам и запугиванию со стороны работников КГБ. Слежка, обыски, вызовы на допросы — ничто не могло остановить эту женщину, посвятившую свою жизнь защите прав человека, защите преследуемых и обиженных.

И вот она арестована и брошена в Лефортовскую тюрьму. Это арест за сбор и широкое распространение информации, за инакомыслие, за открытое высказывание своих убеждений, за помощь людям.

О. Глеб Якунин начал свою деятельность в защиту прав верующих еще в 1965 г. открытым письмом Патриарху Московскому и всея Руси о бесправном положении Церкви в СССР, о нарушениях прав верующих. За распространение этого письма, составленного совместно с Николаем Эшлиманом, они оба были отстранены от службы в церкви.

В декабре 1976 г. о. Глеб стал одним из организаторов и активным членом Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

Его деятельность в составе комитета, а также большое количество лично им написанных статей и обращений по вопросам защиты не только Христианской Православной Церкви, но и верующих всех исповеданий сделали имя о. Глеба широко известным во всем мире.

В 1977 г. доклад о. Глеба о положении верующих в СССР зачитывался и обсуждался на II Сахаровских чтениях в Риме.

Открыто выступая с позиций защиты прав человека, о. Глеб постоянно подвергался преследованиям властей, включая угрозы и клевету в печати.

Неутомимая открытая деятельность о. Глеба в комитете способствовала преданию широкой гласности многочисленных случаев нарушения прав верующих в нашей стране. Именно это и вызвало арест о. Глеба Якунина.

---

[1] Так в тексте, правильно — Н.П. Лисовская — *Сост.*

Антанас Терляцкас — активный участник литовского культурного и правозащитного движения, глубоко верующий католик. Известен ряд его статей на исторические, национальные и правозащитные темы, опубликованных в самиздате, а также открытых выступлений в защиту преследуемых по идеологическим мотивам как в Литве, так и за ее пределами. Последнее заявление, подписанное Терляцкасом (в числе других граждан Прибалтийских республик),— о пакте Молотова–Риббентропа 1939 г., позволившем СССР оккупировать Прибалтику.

Сотрудники КГБ неоднократно заявляли на допросах ряду лиц и самому Терляцкасу, что они уверены в его участии в нескольких самиздатских журналах, например, в выходящем сейчас журнале «Перспективос»[LXXXXIV] (вышло пять номеров) общественно-культурного направления.

Власти преследуют Терляцкаса с 1945 г. Впервые он был арестован в 16 лет — по подозрению в участии в партизанском движении. Его избили, инсценировали расстрел, после чего отпустили.

В 1957 г. по обвинению в участии в так называемом «Литовском национальном фронте» (со своими «подельниками» Терляцкас даже не был знаком) он был осужден на 4 года лагерей.

В третий раз Терляцкас был арестован в 1973 г. по сфабрикованному КГБ обвинению в хищении и осужден на 1 год лишения свободы.

У Терляцкаса было проведено несколько обысков (последний — в начале октября этого года), он подвергался превентивным задержаниям, власти постоянно принимали меры к тому, чтобы изолировать его, особенно от молодежи (Терляцкас вместе со своим другом В. Пяткусом вели большую культурно-просветительскую работу по истории Литвы и ее культуры).

Антанас Терляцкас — сторонник развития национального движения исключительно мирными средствами, в тесной связи с общими задачами защиты прав человека.

Деятельность всех трех арестованных, видных инакомыслящих, проходила открыто и в рамках легальности. Их арест является вызывающим нарушением Пакта о гражданских и политических правах и Заключительного акта Хельсинкского Совещания.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяемся:
Леонард Терновский, Вячеслав Бахмин
3 ноября 1979 г.

146

Документ № 112

ДИСКРИМИНАЦИЯ ЕВРЕЕВ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТ, 1979 г.

Дискриминация евреев при поступлении в высшие учебные заведения производится при помощи продуманной до последних мелочей системы занижения евреям оценок на вступительных экзаменах. Для эффективности такой системы требуется достаточное количество коррумпированных экзаменаторов. К сожалению, кадры таких экзаменаторов существуют.

В документе №73 под таким же названием было объяснено, что доказать факт дискриминации евреев, несмотря на его общеизвестность, трудно, т.к. официальные документы по этому поводу, если они вообще существуют, тщательно засекречены. Наиболее доказательным нам представляется сравнение судьбы отдельных групп абитуриентов евреев с аналогичными группами абитуриентов других национальностей.

Такая работа проделана математиками Б.И. Каневским и В.А. Сендеровым, преподававшими в специальных физико-математических школах, на материале двух групп абитуриентов. Одна группа состоит из 47 юношей и девушек, среди родителей, дедушек и бабушек которых не было или не установлено евреев. Вторая группа из 40 юношей и девушек, среди родителей, бабушек и дедушек которых имелись евреи.

Из первой группы было принято на механико-математический факультет Московского Государственного Университета (мехмат МГУ) 40 человек, а из второй — 6. Настоящий документ является своего рода введением к работе Каневского и Сендерова, которая прилагается[1].

Нужно объяснить, что дети от смешанных браков выбирают национальность одного из родителей. Национальность отмечается в паспорте, который гражданин СССР обязан получить в 16 лет.

Анкета, заполняемая абитуриентом, содержит вопрос о национальности абитуриента, но не его родителей. Однако абитуриент должен указать в анкете имя и отчество отца, матери и места их работы. Это дает возможность выяснить национальность абитуриента до третьего колена.

Анализ материала, приведенного в приложении, в чисто расистских подходе и критериях приемной комиссии. Например, из 17 абитуриентов, мать или отец которых евреи, лишь трое получили проходные отметки, хотя среди них 10 призеров математических олимпиад высокого ранга. При этом двое принятых — дети профессоров мехмата, а третий находился в особом положении как золотой медалист.

То, что наличие дедушки или бабушки еврея влияло на отметки, следует из провала абитуриентов Вегриной и Стальгоровой. Обе девушки окончили школу с пятерками по математике, награждались премиями Московской математической олимпиады (Вегрина — три года подряд; в 10 классе она награждена также премией Филиала Всесоюзной математической олимпиады). Обе абитуриентки получили двойку на первом же экзамене (на письменной математике); апелляции и жалобы оказались безрезультатными.

Расистское рвение комиссии иногда приводило к недоразумениям. Внешность одного из абитуриентов показалась подозрительной, и он незаслуженно получил тройку на письменном экзамене по математике и двойку на устном. Оценки были изменены на четыре и три соответственно после того, как мать его принесла в приемную комиссию подробную родословную своего сына за три поколения.

Абитуриенты обеих рассмотренных групп окончили специальные физико-математические школы, и уровень их подготовки значительно выше среднего уровня принятых на мехмат МГУ. Многие из абитуриентов завоевали призовые места математических и физических олимпиад самого высокого ранга. В первой группе награждено премиями математических олимпиад 14 человек, из них четверо — неоднократно. Общее число премий, завоеванных этой группой на Московской и Всесоюзной математических олимпиадах (включая филиал последней), — 26. Соответствующие цифры во второй группе — 26, 11 и 48.

Контраст между цифрами 40 и 6 достаточно красноречив. Но в действительности дискриминация евреев и неевреев с недостаточно чистой родословной несравненно сильнее. Непринятых абитуриентов второй группы ведь по существу нужно сравни-

[1] Не публикуется, текст воспроизведен в АС № 4973. — *Сост.*

вать не с прекрасно подготовленными и заслуженно принятыми в Университет абитуриентами первой группы, а с абитуриентами среднего уровня, благополучно поступившими на мехмат МГУ. На таком среднем уровне у еврейского юноши или девушки нет никаких шансов поступить на мех-мат. Общее число принятых евреев и русских с недостаточно чистой родословной не превосходит 10 при общем приеме в 475 человек.

Председателем приемной комиссии мех-мата МГУ в 1979 году, как и в 1978 г., был декан мех-мата профессор А.И. Кострикин.

Е.Боннэр, С. Каллистратова, И. Ковалев, М. Ланда, Н. Мейман, Т. Осипова, Ю. Ярым- Агаев
5 ноября 1979 г.
Публикуется по машинописной копии из Архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.4, л.364–365).

147

Документ № 113

АРЕСТ ЧЛЕНА МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ» ВИКТОРА НЕКИПЕЛОВА

7 декабря арестован член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Виктор Некипелов. Обвиняется в «антисоветской агитации и пропаганде» — максимальное наказание по этому обвинению: семь лет лишения свободы в лагере строгого режима и пять лет ссылки.

В 1973 г. В. Некипелов уже был судим по обвинению в «клевете» на советский строй и отбыл два года в заключении: около года в тюрьме под следствием (до суда) и год в лагере общего режима под г. Владимиром. В период предварительного следствия около двух месяцев находился на судебно-психиатрической экспертизе в Институте судебной психиатрии им. Сербского. Тогда ему инкриминировались восемь написанных им стихотворений, статья «Нас хотят судить — за что?» (не распространявшаяся даже в самиздате), небольшие черновые наброски, на основании которых Некипелов — по мнению следствия и суда — намеревался написать «антисоветские клеветнические произведения». В момент ареста в июле 1973 г. у В. Некипелова была годовалая дочь и четырехлетний сын.

После освобождения (июль 1975 г.) В. Некипелов подал документы на эмиграцию (вместе с семьей), а также заявление об отказе от советского гражданства; в разрешении на выезд из СССР ему отказано (с абсурдными мотивами).

В. Некипелов (1928 г.р.) имеет среднее медицинское образование, окончил химико-фармацевтический институт в Харькове, много лет работал по специальности: гл. инженером на витаминном заводе в г. Умань на Украине, начальником аптеки в Московской области, начальником аптеки в г. Камешково Владимирской области. После освобождения около полугода был вынужденно безработным, потом — врачом-лаборантом в аналитической лаборатории при больнице в г. Камешково. В конце 60-х годов заочно окончил литературный институт им. Горького в Москве. В середине 60-х годов в советском издательстве (Ужгород) был опубликован сборник его стихов «Между Марсом и Венерой». После этого продолжал много писать — стихи, проза, переводы (в основном, с украинского), но советские издательства, отмечая высокое качество его произведений, переводов, отказывались их печатать по идеологическим соображениям. После ареста и особенно после освобождения В. Некипелова в 1975 г. многие произведения

Некипелова опубликованы в русских зарубежных издательствах. Перевод с украинского повести писателя Михаила Осадчего «Бельмо» изъят на одном из очередных обысков. В 1977 г. В. Некипелов принят в члены французского отделения Пэн-клуба.

Виктор Некипелов — автор многих произведений, в числе которых написанный до первого ареста сборник стихотворений «Анестезия» и написанные после освобождения книга о судебной психиатрии «Институт дураков», очерки «Опричнина-77», «Опричнина-78», «Опричнина-79», «Кладбище побежденных», «Сталин на ветровом стекле» и многие другие... Он публиковался в журнале «Континент» и других русских западных изданиях; некоторые его работы читались в передачах западного радио.

В конце 1977 г. Виктор Некипелов стал членом Московской группы «Хельсинки». Принимал активное участие в ее работе. Он деятельно помогал многим обращавшимся к нему людям, в частности многим рабочим, инвалидам; при его участии создана Инициативная группа защиты прав инвалидов (В. Фефелов, Ю. Киселев и др.). Много сделал для защиты арестованных в конце 1978 г. рабочих М. Кукобаки, Э. Кулешова, Е. Бузинникова (его очерки в их защиту читались по западному радио и, по-видимому, привлекли широкое внимание общественности).

Виктор Некипелов арестован 7 декабря утром, на работе (чтобы арестовать «незаметно», его вызвали в дирекцию больницы). Незадолго до ареста, в конце августа, на квартире Некипелова был проведен большой опустошительный обыск. В день ареста, когда его уже увели,— снова обыск, на который привели с работы, под стражей, его жену. На следующий день после ареста, в субботу 8 декабря,— обыски по «делу» Некипелова («дело № 40» по Владимирскому УКГБ) проведены у проживающих во Владимирской области Мальвы Ланда (г. Петушки) и Валерия Фефелова (г. Юрьев-Польский). Фефелов — инвалид труда 1-й группы — после травмы позвоночника, полученной в 18 лет, не владеет обеими ногами. Обыски проведены «с целью обнаружения и изъятия клеветнической и антисоветской литературы». У М. Ланда изъят большой архив Фонда помощи политзаключенным и Московской группы «Хельсинки», изъят опубликованный в журнале «Курьер ЮНЕСКО» текст Всеобщей декларации прав человека. На всех обысках изымались пишущие машинки.

* * *

Арест Виктора Некипелова — это продолжение все усиливающихся и расширяющихся репрессий против участников правозащитного движения в Стране Советов. В. Некипелов — шестой арестованный член Московской группы «Хельсинки».

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
10 декабря 1979 г.

148

Документ № 114

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ПОИСКИ»

Арест ВАЛЕРИЯ АБРАМКИНА

В ряде документов Группы уже сообщалось о преследованиях членов редакции и иных лиц, причастных или подозреваемых в причастности к свободному московскому

журналу «Поиски». Первые выпуски журнала появились летом-осенью 1978 г. Первые обыски с целью изъятия и пресечения его издания проведены 25 января 1979 г. в Москве и Подмосковье на квартирах Валерия Абрамкина, Виктора Сорокина, Раисы Лерт, Юрия Гримма, Виктора Сокирко. Изъят подготовленный к изданию машинописный тираж пятого выпуска «Поисков». Заодно изъято множество других машинописных и рукописных материалов — содержание редакционного портфеля «Поисков», личные архивы и т.д.

Весной–летом–осенью с.г. в Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве — обыски на квартирах, изъятия без ордера на обыск, сопровождающиеся обысками, задержания на улице, в транспорте и т. п. Обыскам подверглись около 20 человек: члены редакции (Владимир Гершуни, Юрий Гримм, Виктор Сокирко, Виктор Сорокин), авторы, публиковавшиеся или подозреваемые в том, что они публиковались в «Поисках», знакомые членов редакции журнала. Кроме редакционных материалов (статьи на исторические, философские, экономические и иные темы, литературно-художественные произведения, стихи), а также литературы, изданной в СССР, но представляющей в настоящее время библиографическую редкость (последняя взята у В. Гершуни на обыске 15 августа с.г.), изъяты также обычные пишущие машинки (около 20), писчая и копировальная бумага.

В этот же период — допросы и «беседы», проводимые прокуратурой и КГБ, сопровождающиеся угрозами, шантажом и обещанием различных благ за отказ от участия в «Поисках».

В апреле на допросах в прокуратуре Москвы было сообщено, что по «Поискам» заведено уголовное дело о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Тогда же было сказано, что если выйдет следующий, шестой выпуск журнала, то, независимо от его участия в издании, арестован будет именно Валерий Абрамкин.

Летом с.г. члену редакции П. Егидесу (через его родственников) КГБ передал ультиматум: либо он эмигрирует, либо будет плохо ему, его жене, детям.

16 ноября и 3 декабря сотрудники КГБ «беседовали» с членом редакции Глебом Павловским: угрожали, предлагали отказаться от «Поисков», обещали за это работу по специальности в Институте истории АН СССР (Г. Павловский — историк, педагог, последние годы — рабочий, разнорабочий); иначе Глебу Павловскому предстоит «поломанная жизнь», годы заключения в невыносимых условиях исправительно-трудового лагеря.

4 декабря по делу «Поисков» (дело № 50611/14-79) проведены обыски на квартирах членов редакции — Виктора Сорокина, Глеба Павловского, Валерия Абрамкина, Юрия Гримма, Петра Егидеса, а также у М. Я. Гефтера (опубликовал несколько статей в «Поисках»; историк, занимавшийся историей революционного движения в XIX веке, недавно ушел на пенсию, член КПСС) и у Ангелины Горган (знакомая семьи Абрамкиных).

После обысков краткосрочному задержанию подверглись Ю. Гримм и П. Егидес; на двое суток был задержан В. Сорокин, затем временно отпущен, но ему предъявлено обвинение в оскорблении властей (вломившихся, взломав дверь его квартиры, для производства обыска он назвал фашистами, гестаповцами), ему грозит заключение сроком до полугода.

Валерий Абрамкин сразу после обыска арестован и находится в Бутырской тюрьме. По его делу уже ведутся допросы в московской прокуратуре; Егидес, Гримм, Софья Сорокина и В. Кувакин подверглись допросам в качестве свидетелей 10 декабря. Кувакину следователь прокуратуры (Князев) сказал, что Абрамкин обвиняется по статье 190.1 — «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский

государственный и общественный строй». (Максимальное наказание по этой статье — три года лишения свободы.)

Валерий Абрамкин (1946 г.р.) с отличием окончил в Москве Институт им. Менделеева[1], талантливый молодой ученый-химик, до 1976 г. работал по специальности; осенью 1976 г. вынужден был уволиться с работы (иначе преследованиям со стороны КГБ подвергся бы его непосредственный начальник); после этого с трудом находил какую бы то ни было работу, постоянно находился под угрозой увольнения, безработицы; последнее время работал сторожем в одном из московских храмов. Преследования были связаны с организационной и творческой деятельностью В. Абрамкина в рамках, а затем и вне рамок стихийно возникшего, но потом взятого под контроль КПСС и ВЛКСМ Клуба самодеятельной песни. Обыски и допросы были связаны также с попытками В. Абрамкина издавать независимый литературно-художественный журнал «Воскресенье». С начала 1979 г. — преследования за активное участие в издании журнала «Поиски». Последние месяцы за ним велась почти непрерывная довольно явная слежка; не раз представители власти угрожали ему физической расправой.

На обыске 4 декабря у В. Абрамкина наряду с редакционными материалами изъята копия протокола предыдущего обыска, а также материалы, относящиеся к оказанию помощи политзаключенным (в том числе квитанции почтовых переводов).

В. Абрамкин имеет жену (которую уже шантажировал КГБ) и двух детей, младшему около полутора лет.

* * *

Журнал «Поиски» осуществляет диалог разных мнений и взглядов, волнующих наших современников. Аресты и другие преследования за такую деятельность — в ряду все шире практикующихся в нашей стране грубых и явных нарушений одного из основных прав человека — права на свободу убеждений, грубое нарушение гуманитарных статей Хельсинкского акта.

Сегодня нас особенно тревожит судьба двух издателей журнала — уже арестованного Валерия Абрамкина и находящегося под непосредственной угрозой жестоких репрессий Глеба Павловского.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
11 декабря 1979 г.

149

Документ № 115

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ХРИСТИАНСКОГО СЕМИНАРА И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА «ОБЩИНА»

АЛЕКСАНДР ОГОРОДНИКОВ И ВЛАДИМИР ПОРЕШ — В ТЮРЬМЕ ПОД СЛЕДСТВИЕМ ПО ОБВИНЕНИЮ В «АНТИСОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЕ»

В обстановке повсеместного усиления преследований за проявления идеологического нонконформизма и самостоятельности продолжаются и усиливаются репрессии против участников Христианского семинара и издателей журнала «Община».

[1] Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. — *Сост.*

В документах Группы за январь (№ 78) и август–сентябрь (№ 100) текущего года сообщалось об арестах основателей Семинара. Александр Огородников был арестован 21 ноября 1978 г. и осужден на год лишения свободы по обвинению в «паразитическом образе жизни»; в ноябре с.г. он не был освобожден: ему предъявлено новое обвинение — в «антисоветской агитации и пропаганде» (из лагеря на Дальнем Востоке, где он отбывал наказание, он переведен в тюрьму КГБ в Ленинграде, где с 1 августа находится другой основатель Семинара Владимир Пореш).

В Ленинграде и в Москве ведутся допросы, допрошены уже многие десятки свидетелей. Вопросы — об арестованных, о Христианском семинаре, о журнале «Община».

Возникший в середине 1974 г. Семинар представляет собой непостоянную, никак не оформленную организационно группу людей, ставящих своей целью богословское (православное) самообразование и общение в духе христианских традиций (см. также документ № 100). В журнале «Община» освещается деятельность Семинара, а также преследования этой деятельности со стороны властей. Первый выпуск машинописного издания «Община» появился в середине 1978 г.; частично подготовленные к изданию машинописные копии второго выпуска изъяты на сопровождавших арест В. Пореша обысках в первых числах августа. Редакторами обоих выпусков названы В. Пореш и А. Огородников (они значатся на титульном листе журнала).

Следователи пытаются склонить некоторых допрашиваемых к даче показаний о якобы присущей обвиняемым порочности, нравственной неполноценности.

В числе допрошенных по делу Семинара и «Общины» известный православный проповедник, священник о. Дмитрий Дудко[1] (допрос 6 декабря в следственном отделе Всесоюзного КГБ[2] в Лефортово).

У А. Огородникова (около 30 лет) — жена и трехлетний ребенок, у В. Пореша (1949 г. р.) — жена, двухлетний ребенок, в декабре ожидается новорожденный.

Окончено следствие по сфабрикованному обвинению в «злостном хулиганстве» участника Христианского семинара Татьяны Щипковой. Этой хрупкой женщине (несколько старше 40 лет, филолог, специалист по французскому языку и литературе, кандидат наук, преподаватель Смоленского педагогического института, последний год — с весны-лета 1978 г. — безработная) инкриминируется «избиение» одного из участников налета на собрание Семинара, проводившееся на частной квартире в Москве в феврале 1979 г. (см. документ № 100). Т. Щипковой грозит длительное заключение в уголовном «исправительно-трудовом» лагере.

4 декабря в Москве был задержан приехавший из Смоленска участник Семинара Виктор Попков. Ему было сделано «предупреждение» об уголовной ответственности за «паразитический образ жизни»; прямо из милиции его доставили в Лефортово на допрос по делу Пореша и Огородникова (допрос длился около 7 часов). Под угрозой привлечения к уголовной ответственности за нарушение паспортных правил он вынужден был выехать из Москвы по месту жительства; в течение двух суток, вплоть до момента отъезда, за ним велась демонстративная слежка.

* * *

Преследование участников Христианского семинара и издателей журнала «Община» — явное грубое нарушение права на свободу совести и свободу убеждений.

---

[1] О нем см. в документе № 118 (док. 153). — *Сост.*

[2] Точнее — Дудко допрашивали в одном из помещений для допросов в СИЗО КГБ при СМ СССР (Лефортово). — *Сост.*

Сегодня особую тревогу вызывает судьба самоотверженных молодых людей Владимира Пореша и Александра Огородникова.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Татьяна Осипова
12 декабря 1979 г.

150

Документ № 116

О ПОЛОЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ

В 70-е годы вновь увеличилось число политических ссыльных. Это вызвано тем, что власти видят в ссылке возможность изолировать неудобных им людей на максимально длительный срок, применяя ее в качестве основного или дополнительного наказания, не вызывая при этом столь интенсивного протеста международной общественности, как при заключении тех же людей в лагере и тюрьме. Примером тому ссылка таких известных деятелей правозащитного и еврейского эмиграционного движения, как Подрабинек, Джемилев, Слепак, Нудель, Бегун. Отсутствие интенсивного протеста по поводу незаконного осуждения этих людей, пользующихся известностью и безукоризненной репутацией во всем мире, связано с тем, что граждане цивилизованных государств недооценивают жестокости наказания ссылкой. Западный человек, живущий, как правило, в умеренном климате, не может себе представить, сколь суровы условия на Крайнем Севере, Колыме или в Якутии. Кроме того, западноевропейпы и американцы не имеют в своих странах столь сильной централизации, приводящей к резкому контрасту в обеспечении населения жильем, продуктами питания, промышленными товарами, в уровне медицинского обслуживания, в доступности культурной, политической и научной информации.

Главная особенность ссылки — произвол на всех этапах: при осуждении, во время этапирования ссыльного и наконец, во время многолетнего отбывания ссылки. Суд многократно присуждал ссылку по тем статьям Уголовного кодекса, по которым это наказание не предусмотрено, например, по ст.ст. 190.1 и 190.2 УК РСФСР (Богораз, Подрабинек, Коновалихин и др.). Во всех таких случаях суд объясняет такую замену наказания гуманными соображениями, реально же это иногда является даже его ужесточением. Бегун был осужден к 1,5 годам ссылки на Колыму вместо полугода лагерного заключения, а в случае Юрчука ссылка была использована для того, чтобы удвоить максимальный срок наказания, предусмотренный законом (4,5 г. заключения и 4,5 г. ссылки вместо 5 лет заключения). Суд определяет только срок, но не место ссылки — фактор не менее важный, чем режим лагерного заключения. Места ссылки в конечном итоге определяют областные и районные административные органы, никак не мотивируя своего решения. Это очень благоприятная ситуация для вмешательства КГБ, чем, вероятно, и определяется помещение политссыльных в наиболее суровые районы (см. Приложение 1[1]).

Практически все политссыльные доставляются в ссылку этапом, хотя закон предусматривает эту меру лишь в исключительных случаях. Этап является одним из наи-

[1] Приложения, упомянутые в тексте документа, не публикуются (приложены к машинописной копии документа в Архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 166, оп.1, д.4, л.370–382)). — *Сост.*

более варварских элементов советской пенитенциарной системы, характеризуется полным произволом как административных властей, так и этапируемых вместе с политссыльным уголовных элементов. Для больных людей этап является физическим истязанием (Слепак, Лисовой, Сеник, Марченко[1] и др.)

Отбывание ссылки чрезвычайно тяжело по трем основным причинам.

Во-первых, разрываются привычные общественные и родственные связи, человек помещается в условия жесткой изоляции. Приезд к нему на постоянное жительство жены и детей означает в соответствии с советскими административными правилами потерю жилья и возможности в дальнейшем вернуться в родной город. Это означает также в большинстве случаев необходимость для жены оставить работу по специальности, а для детей прекратить образование в городских школах. Кроме того, в ряде случаев власти в районе ссылки препятствуют проживанию там семьи, иногда в административном порядке (Бегун), иногда не предоставляя необходимого жилья. Многие ссыльные не имеют возможности увидеться со своими престарелыми родителями, которые не имеют сил совершить столь трудную поездку. Особенно тяжело это переносят люди, попавшие в ссылку после многолетнего лагерного заключения (см. Приложение 2). Поездка друзей и знакомых к политссыльному рассматривается властями как акт нелояльности. Петр Розумный был подвергнут за это прямому уголовному преследованию[2] (см. Приложение 3). Большинство политссыльных находятся в крайне отдаленных районах, добраться в которые очень трудно (в некоторые периоды невозможно) и очень дорого (300–400 р. в оба конца, что в несколько раз превышает месячную зарплату советского служащего). Противозаконными следует считать случаи ссылки людей в закрытые районы, доступ в которые любого человека происходит только с разрешения местной администрации (Сергиенко, Стус, Бегун). Изоляция усугубляется труднодоступностью научной и культурной информации, лишающей возможности многих ссыльных заниматься любимым делом, а также плохой почтовой и телефонной связью.

Во-вторых, ссыльные находятся обычно в районах с наиболее суровыми жизненными условиями. Находясь в чрезвычайно суровом климате (часто зимой температура до – 50° – 60°), они не имеют пригодного жилья. Много времени и сил уходит на поддержание в своих жилищах, которые часто трудно назвать домами, минимального, жизненно необходимого тепла. Большинство ссыльных — люди интеллектуальных профессий, жители больших городов, часто попадающие в ссылку после лагерей, будучи тяжело больными. Многие из них совершенно не приспособлены к тем бытовым условиям, в которых они оказываются. Овощи и фрукты отсутствуют практически во всех местах ссылки, но во многих местах также отсутствуют мясные, молочные и другие жизненно необходимые продукты, В большинстве мест также невозможно купить необходимую одежду и другие бытовые товары. Следует также отметить крайне низкий уровень медицинского обслуживания, что особенно испытывают на себе те, кто прибыл в ссылку из лагерей и тюрем. Безусловно, все перечисленные в этом пункте проблемы относятся к большинству населения этих районов. Однако это никак не облегчает положение ссыльного, скорее наоборот, объясняет действия местных властей, стремящихся сделать жизнь ссыльного тяжелей, чем у тех, кто добровольно проживает в этих районах. Несмотря на то, что переезд в другую местность для большинства людей затруднен их социально-экономическим положением, он не запрещен, как для ссыльного, в административном порядке.

---

[1] Имеется в виду Анатолий Марченко. — *Сост.*

[2] После того, как посетил весной 1979 своего друга Евгения Сверстюка, отбывавшего ссылку в Бурятии. — *Сост.*

В-третьих, политссыльные испытывают на себе постоянные преследования со стороны властей и органов ГБ.

Одной из самых серьезных проблем для ссыльного является трудоустройство. Многие политссыльные имеют специальности, по которым они могут работать лишь в немногих городах страны. Но даже в тех случаях, когда в данном районе имеются места, приблизительно соответствующие специальности или уровню образования ссыльных, власти препятствуют их устройству, направляя на тяжелые физические работы. Такая политика, как правило, инспирирована КГБ и противоречит не только законам, но часто и интересам местных руководителей предприятий. Нам известно лишь несколько случаев, когда политссыльные ценой больших усилий, а иногда и риска устраивались работать по специальности. Большинству этого не удавалось. Канд. филологических наук Сверстюк работает столяром, канд. философских наук Лисовой — учеником токаря, канд. филологических наук Осадчий, инженер Коц — рабочими на лесоповале, поэт Стус — рабочим в руднике, журналист Черновол и инженер Долишний — разнорабочими в совхозе, философ Пронюк, поэт Калинец — разнорабочими, инженер Маркосян — чернорабочим, инженер Шахвердян — грузчиком, канд. техн. наук Слепак — кочегаром. ИТК предусматривает устройство ссыльного по специальности, более того, в комментарии указано, что возможен перевод в другой район, если в данном нет никакого подходящего места работы, но ни один такой случай нам неизвестен. По закону ссыльному определяется административный район, внутри которого он может свободно перемещаться и пользоваться всеми гражданскими и трудовыми правами. Реально же власти часто ограничивают проживание политссыльных определенным населенным пунктом, как правило, не районным центром (Стус, Бегун, Слепак, Черновол). Проводятся мероприятия по созданию враждебного отношения к политссыльным со стороны местного населения (см. Приложение 4), Население запугивают и распространяют клевету против ссыльных. Людей вызывают в КГБ, предупреждают и угрожают, на предприятиях проводят собрания, печатают клеветнические статьи в местной прессе (Стус, Бегун, Черновол, Сверстюк, Подрабинек и др.). Дома многих политссыльных прослушиваются (Подрабинек, Черновол и др.). Многочисленны случаи, когда больных людей не освобождают от работы, хронически больных признают пригодными к тяжелому труду, фактически не подтверждают имеющуюся у людей инвалидность, признанную даже лагерными врачами (Сеник, Антонюк, Стус, Лисовой и др.) (см. Приложение 5). Наконец, власти идут на фабрикацию против политссыльного нового уголовного дела (Болонкин).

Указанные факторы делают жизнь политических ссыльных чрезвычайно тяжелой. Некоторые из них утверждают, что даже в лагере им было легче, чем в ссылке. Ссылка, в той форме, в которой она существует в Советском Союзе,— недопустимое наказание для цивилизованного государства.

Следует особо отметить, что политические ссыльные — люди, не совершившие никаких преступлений, которые в соответствие с международными законами и Хельсинкским соглашением должны быть немедленно освобождены.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
12 декабря 1979 г.[1]

Публикуется по машинописной копии из Архива НИПЦ «Мемориал» (ф.166, оп.1, д.4, л.366–369).

[1] Датирован по «Хронике текущих событий» №55. — *Сост.*

151

ТЕЛЕГРАММА[1]

Объединенные Нации
Интернациональная лига прав человека[2]
777 Юнитед Натионс Плаза, Суит 6Ф Нью-Йорк, 10017 США[3]

Благодарны приветствуем присуждение почетной награды[4] профессору Юрию Орлову надеемся настойчивые усилия многих людей всем мире приведут его освобождению Московская Хельсинки.

Боннэр, Каллистратова, Ковалев, Ланда, Мейман, Осипова, Ярым-Агаев

Присоединяюсь — *Сахаров*
13 декабря 1979 г.

152

Документ № 117

НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ»

3 января 1980 г. в Москве на улице возле дома, где живет академик А. Д. Сахаров, была задержана член Московской группы «Хельсинки» Мальва Ланда. Ее насильственно доставили в г. Петушки Владимирской области, где она проживает, и там объявили, что она является подозреваемой по ст. 190.1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»). У нее взята «подписка о невыезде» из г. Петушки на все время до окончания следствия по ее делу.

Установленный ст. 133 УПК РСФСР срок предварительного следствия (до 4-х месяцев), согласно тексту этой же статьи, может быть продлен вышестоящей прокуратурой на любое не определенное законом время.

Такая мера пресечения, избранная следственными органами еще до формального предъявления обвинения, дает властям возможность на неопределенно длительное время изолировать Мальву Ланда от московских друзей и лишить ее возможности активно участвовать в работе группы «Хельсинки».

4 января Мальва Ланда была вызвана на допрос в г. Владимир. Допрос проводился по изъятым у нее при обыске 8 декабря 1979 г. материалам (главным образом материалы и архивы Хельсинкской группы и Фонда помощи политзаключенным и их семьям, личная переписка по вопросам правозащитной деятельности и т.д.).

От дачи каких-либо показаний и от участия в следствии Мальва Ланда отказалась.

11 января Мальва Ланда была вызвана на допрос в областную прокуратуру вторично. На этот раз ей уже предъявили формальное обвинение по статье 190.1 УК РСФСР. В ходе допроса следователь Жмакин предъявил ей также постановление об экспертизе почерка и пишущей машинки.

---

[1] В АС №3895 — документ №116. — *Сост.*

[2] Имеется в виду Международная Лига прав человека (см. прим. XXXIII). — *Сост.*

[3] В документе приведен старый адрес штаб-квартиры Лиги. — *Сост.*

[4] Премия Международной лиги прав человека за 1979. — *Сост.*

В материалы обвинения входят два неоконченных варианта ее статьи о деле Затикяна, Степаняна и Багдасаряна (в окончательном варианте эта статья была напечатана в «Уолл стрит джорнал»[1]); документ № 58 (о десятилетии Пражской весны); документ № 69 (обращение в связи с тридцатилетием Всеобщей декларации прав человека); а также анонимный текст, называющийся «Обращение к итальянскому народу», о котором нам известно, что М. Ланда не имеет отношения к его написанию и не собиралась его подписывать. Следователь задавал также вопросы, касающиеся личных писем. В ходе допроса М. Ланда было предъявлено требование о неразглашении материалов следствия, а также сделано предложение раскаяться — и в таком случае дело, возбужденное против нее, якобы будет прекращено. Формулируя обвинение, следователь Жмакин сказал, что М. Ланда обвиняется в распространении *в СССР и за рубежом* заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Мальве Ноевне Ланда шестьдесят один год. По специальности она инженер-геолог. Последние годы находится на пенсии. В 1977 году против нее было возбуждено дело за «неосторожное обращение с огнем» — пожар в своей комнате. В результате пожара она лишилась всего имущества — книг и других вещей, была осуждена и направлена в ссылку (откуда была освобождена по амнистии), лишилась московской прописки и теперь вынуждена проживать во Владимирской области (город Петушки, Красноармейская улица, дом 29, почт. индекс 601100) в тяжелых бытовых условиях, продолжая выплачивать государству значительную часть своей пенсии за причиненный якобы ею ущерб государству от пожара.

Мальва Ланда — один из самых многолетних и активных участников правозащитного движения в СССР, член Московской группы «Хельсинки» с момента ее основания, один из распорядителей Фонда помощи политзаключенным и их семьям. Ее знают и с ней дружны большинство политических заключенных и члены их семей, со многими из них у нее постоянная переписка, и ее заботу об этих людях невозможно переоценить.

4 января 1980 г. член Московской группы «Хельсинки» Татьяна Осипова постановлением народного судьи Дзержинского р-на г. Москвы Белобородова подвергнута административному аресту сроком на 15 суток якобы за «мелкое хулиганство» и помещена в спецприемник при Бутырской тюрьме.

Постановлением судьи Татьяне Осиповой вменено в вину то, что 26 декабря 1979 г., присутствуя в квартире Ирины Гривниной во время обыска, проводимого сотрудниками КГБ, она якобы отказалась предъявить работникам милиции документы, мешала проведению обыска, отказалась следовать в 58 отделение милиции, нецензурно бранилась и оскорбляла милиционеров, толкнула одного из них.

Это обвинение явно сфальсифицировано, т.к. никакого «мелкого хулиганства» Татьяна Осипова не совершила. Она пришла в квартиру Гривниной, когда обыск был уже закончен и оформлялся протокол обыска. Уже в силу этого она не могла «мешать проведению обыска». Свой паспорт Осипова предъявила следователю КГБ, проводившему обыск. Пришедшие уже после этого работники милиции у нее документов не требовали, «следовать в отделение милиции» ей не предлагали. Разумеется, Осипова работников милиции не толкала и не оскорбляла, а нецензурная брань ей не свойственна и не имела места.

Работники милиции были вызваны не для «содействия проведению обыска», а для противозаконной доставки на допрос Ирины Гривниной, отказывавшейся в этот день идти на допрос, т.к. она имела больничный лист по уходу за больной маленькой дочерью.

---

[1] Текст статьи «Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян приговорены к смертной казни по сфабрикованным обвинениям» воспроизведен в АС № 3676. — *Сост.*

Фальсификация выдвинутых против Т. Осиповой обвинений сопровождалась нарушением установленных Указом от 26 июля 1966 г.[1] сроков и порядка возбуждения и оформления подобных дел. Лица, учинившие мелкое хулиганство, в соответствии с законом и установившейся практикой задерживаются на месте. В течение суток должно быть вынесено постановление о направлении дела в суд и направлено судье одновременно с доставкой в суд задержанного. Судья обязан рассмотреть дело также в суточный срок.

Татьяна Осипова ни 26 декабря, ни следующие два дня не задерживалась и в суд не доставлялась.

Как в милиции при оформлении дела, так и в суде было игнорировано требование Осиповой о допросе в качестве свидетеля Ирины Гривниной, которая была очевидцем всех событий 26 декабря 1979 г., что является явным нарушением процессуальных прав лица, привлеченного к административной ответственности. «Свидетели обвинения», т.е. милиционеры, составившие рапорт, и понятые, представившие «объяснительные записки», повторяющие содержание милицейского протокола,— также в суд вызваны не были. «Рассмотрение дела» судьей заняло всего несколько минут.

Протестуя против незаконного административного ареста, Осипова отказалась выходить на арестантские работы, что грозит ей продолжением срока ареста до 30 дней; в этом случае она намерена объявить голодовку.

Находящимся под административным арестом запрещены передачи, не выдаются постельные принадлежности, горячая пища выдается через день (а через день — только хлеб, соль и кипяток).

Арест Виктора Некипелова (документ № 113), возбуждение уголовного дела против Мальвы Ланда, административный арест Татьяны Осиповой — все это показывает, что власти не гнушаются никакими средствами, чтобы полностью подавить правозащитную деятельность Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман,
Юрий Ярым-Агаев
11 января 1980 г.[2]

Приложения[3]:
1. Жалоба в порядке надзора в районную прокуратуру от Ивана Ковалева.
2. Заявление в прокуратуру Ирины Гривниной.

153

Документ № 118

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

После ареста православного священника о. Глеба Якунина 1 декабря 1979 г. и проведения в связи с этим арестом ряда обысков у верующих репрессии против православных христиан продолжаются.

[1] Указ ПВС СССР № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство».
[2] Датирован по «Хронике текущих событий» № 56, первоначальная редакция документа была выпущена 6 января 1980 г. — *Сост.*
[3] Не публикуются, воспроизведены в АС №3845. — *Сост.*

В ночь с 24 декабря на 25 декабря 1979 г., т.е. в сочельник (канун Рождества), в Таллине был арестован Регельсон Лев Львович, физик, автор многочисленных статей по вопросам религиозной философии. В Москве по месту его прописки был произведен обыск. Лев Регельсон содержится в Лефортовской тюрьме. Родственникам и друзьям не сообщено о том, какое именно обвинение ему предъявлено. Все знающие Льва Регельсона характеризуют его как искреннего, правдивого, бескорыстного человека. Он противник всяких насильственных действий.

Даже не зная, какое именно обвинение Регельсону предъявлено, можно с уверенностью сказать, что настоящей причиной его ареста явилась его религиозная деятельность.

У Регельсона *пятеро* детей, старшей дочери 12 лет.

В январе 1980 г. в дер. Гребнево после окончания церковной службы в своем приходе арестован православный священник о. Дмитрий Дудко, который уже много лет преследуется за служение Церкви (с 1948 по 1956 гг. он находился в сталинских лагерях).

Имя о. Дмитрия широко известно православным людям как в нашей стране, так и за рубежом. Это страстный приверженец Веры Христовой и пламенный религиозный проповедник.

В Москве на его квартире произведен обыск в его отсутствие, т.к. он из своего прихода был сразу увезен в Лефортовскую тюрьму. При обыске изъята религиозная литература, тексты проповедей и статей о. Дмитрия, а также трудовые сбережения семьи — 3000 руб.

Жене и двум детям о. Дмитрия оставлено «на прожитье» всего 500 руб., т.е. семья осталась без средств к существованию.

О. Дмитрий делал людям только добро и проповедовал добро, не устрашаясь гонениями и преследованиями со стороны властей.

О. Дмитрий Дудко «виновен» только в том, что он проповедовал Слово Божье. За это он и ввергнут в тюрьму. Родным и друзьям не сообщено, какое именно обвинение ему предъявлено.

Аресты о. Глеба Якунина, Льва Регельсона и о. Дмитрия Дудко — это только наиболее известная часть тех репрессий и преследований верующих, имен многих из которых мы не знаем.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Наум Мейман

Присоединяемся:
Леонард Терновский, А. Романова, А. Лавут, Георгий Владимов
19 января 1980 г.

154

Документ № 119[1]

ОБ АФГАНИСТАНЕ[2]

В Афганистане идет война, гибнут афганцы, гибнут и наши ребята — сыновья и внуки тех, кто прошел вторую мировую, и тех, кто с нее не вернулся. Сверхмощная держа-

[1] В АС №3897 — без названия как документ №118. — *Сост.*

[2] Название дано по «Хронике текущих событий» № 56. — *Сост.*

ва с 260-миллионным населением подавляет независимость 17-миллионного Афганистана, а советские средства массовой информации утверждают, что наш народ это единодушно одобряет. Но реально люди в СССР не имеют ни правдивой информации, ни права высказать свое отношение даже к таким произвольным шагам правительства, как развязывание новой несправедливой войны.

Хельсинкский акт утвердил нерасторжимую связь между проблемой сохранения мира и соблюдения прав человека. Именно отсутствие основных прав человека дает возможность руководству СССР бесконтрольно принимать решения, от которых зависит будущее не только нашей страны, но и всего человечества. Государство, не соблюдающее основных прав личности, тем более если это одно из сильнейших государств в мире, опасно не только для своего народа и для своих соседей, но и для всех людей на Земле.

Правительства ста четырех стран на Генеральной Ассамблее ООН высказали свое отношение к вторжению советских войск в Афганистан, но представители нашей страны заявляют, что СССР будет игнорировать резолюцию Ассамблеи.

Мы обращаемся ко всем, в памяти кого жива вторая мировая война, кто воевал во Вьетнаме и кто выступал против этой войны, кто выступает за отмену смертной казни и помогает голодающей Кампучии, кто борется с применением пыток и призывает к освобождению узников совести — к верующим и атеистам, к рабочим и бизнесменам, к ученым и художникам, к спортсменам и любителям спорта, к общественным и политическим деятелям, ко всем людям доброй воли, потому что это касается всех, кому дорог мир, кто не хочет третьей мировой войны,— добивайтесь выполнения резолюции о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана, добивайтесь выполнения Всеобщей декларации прав человека во всех странах!

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Татьяна Осипова

Заявление поддерживаем:
председатель советской группы «Международной Амнистии»
Георгий Владимов,
член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии
в политических целях *Леонард Терновский,*
Мустафа Джемилев, Андрей Сахаров, Александр Лавут, Августа Романова
29 января 1980 г.[1]

Дополнение

Московская группа «Хельсинки» получила письмо трех москвичей, желающих присоединить свои подписи к нашему документу № 119 по вопросу о вторжении советских войск в Афганистан.

Приводим текст этого письма:

Если Хельсинкская группа (или другая группа людей) будет письменно протестовать против интервенции наших войск в Афганистане, мы просим разрешить нам подписать такой протест или считать это письмо эквивалентным подписи.

Трусова Татьяна Николаевна — преподаватель; Москва, Б. Коптевский пр., 14, кв. 67

[1] В «Хронике текущих событий» № 56 датирован 21 января 1980. — *Сост.*

Гринев Виктор Иванович — художник, адрес тот же
Кизелов Федор Федорович — журналист, Москва, М. Вузовский 8, кв. 44.

Московская группа «Хельсинки» считает перечисленных людей присоединившимися к нашему протесту, выраженному в документе № 119.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда
13 февраля 1980 г.

155

Документ № 120

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СВОБОДНОГО МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА «ПОИСКИ» ПРОДОЛЖАЮТСЯ

23 января в Москве была проведена очередная (см. предыдущие документы №№ 74, 86, 92, 114) серия обысков и два ареста по делу «Поисков» (№ 50611/14-79).

Арестованы члены редакции и сотрудники журнала Юрий Гримм и Виктор Сокирко. Перед этим в их домах проведены обыски. Оба арестованных были увезены из дома до прихода жен. Известно, что Гримм арестован по ст. 190.1 УК РСФСР; вероятно, по той же статье арестован и В. Сокирко.

В тот же день были проведены обыски у члена редакции Г. Павловского, у жены недавно покинувшего страну П. Егидеса Т. В. Самсоновой (через несколько дней она была уволена с работы и вышла из партии), у друга Ю. Гримма В. Репникова и у присутствовавшей в доме Гримма во время обыска Н. Низовцевой, а также у В. Дзядко.

Сотрудники прокуратуры, проводившие обыски, не скрывали их направленности: искали последние (6–8) выпуски журнала. Однако ни на одном из обысков журнал не был обнаружен. Большая часть изъятых материалов вообще не имеет никакого отношения к «Поискам». Так, например, у Самсоновой изъято всего 7 наименований, среди которых — копия ее заявления в парторганизацию, пара испорченных анкет для ОВИРа и т.п., у Низовцевой изъято одно пятикнижие. После обысков Низовцева и Репников были подвергнуты допросам. Обыск у Дзядко был проведен в его отсутствие. Хотя формально обыск шел по делу «Поисков», на вопрос присутствовавших родителей о причине обыска было отвечено, что действительной причиной обыска является сотрудничество Дзядко с Фондом помощи политзаключенным. Во время обыска в квартире раздался телефонный звонок, и сотрудник прокуратуры ответил кому-то, что изъято 24 наименования, но «все не то». Возможно, это был ответ на звонок из квартиры Егидеса, т.к. оттуда во время обыска куда-то звонили: «На Удальцова[1] ничего нет, как у вас?».

Заранее подписанный пустой бланк ордера на обыск был заполнен на имя Низовцевой непосредственно в ее присутствии.

На обыске у Павловского было изъято несколько открытых писем в защиту недавно арестованных, а также несколько его собственных черновиков письма в защиту Абрамкина. Сам Павловский был привезен на обыск из КГБ, куда накануне он был

[1] Ул.Удальцова в Москве, где жил П. Егидес. — *Сост.*

вызван на «беседу». Это была уже третья беседа в КГБ (первая — в ноябре, вторая — 2 декабря, за день до предыдущего обыска). Павловского снова склоняли к отказу от «преступной деятельности» — сотрудничества с «Поисками». В ходе последней беседы ему было сказано, что в отношении «кое-кого будут предприняты меры и будет положен конец безнаказанной деятельности диссидентов»; «нарушений законности», как в деле Подрабинека, больше допущено не будет (при этом собеседники Павловского объяснили ему, что под «нарушением законности» они имеют в виду слишком мягкое, по их мнению, наказание Подрабинека).

Положение редакции журнала «Поиски» сейчас таково: арестованы Абрамкин, Гримм, Сокирко, ожидает суда Сорокин и, судя по интенсивности его «обработки», в непосредственной опасности находится Глеб Павловский. Лерт тяжело больна, Егидес выехал на Запад.

В опубликованном 31 декабря 1979 г. письме редакции журнала «Поиски» к читателям, в частности, говорится:

«Поставленные перед насильственной и лживой дилеммой смириться с чьим-то правом ставить пределы для ищущей мысли или уйти в подполье, *мы отвергаем то и другое как равно ложное.*

Мы оставляем за собой право — определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся, сегодня и в дальнейшем,— прятаться и спорить шепотом.

...мы сосредотачиваемся на действиях в защиту В. Абрамкина и В. Сорокина в уверенности, что начатый нашим журналом *диалог во имя взаимопонимания* неискоренимым из общественной жизни».

Таким образом, налицо неприкрытая акция властей, направленная на удушение свободного неподцензурного журнала, что является грубым нарушением права на обмен информацией и на свободное слово.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Татьяна Осипова
29 января 1980 г.

156

Документ № 121

В ЗАЩИТУ АКАДЕМИКА А. Д. САХАРОВА

Советские власти пытаются выдать «переселение» в г. Горький Андрея Дмитриевича Сахарова за гуманный акт и обещают не возбуждать судебного преследования.

Разумеется, «гуманно» — могли запрятать в следственные тюрьмы на многие месяцы, как заперли правозащитников Т. Великанову, А. Терляцкаса, В. Некипелова, В. Абрамкина, Л. Регельсона, священника Глеба Якунина, о. Дмитрия Дудко и многих других. Могли потом после фактически закрытого суда на долгие годы упрятать в каменные мешки тюрем или за колючую проволоку Пермских или Мордовских лагерей, как С. Ковалева, Ю. Орлова, А. Щаранского, М. Руденко, А. Тихого, В. Пяткуса и многих, многих других.

«Ограничились» ссылкой. Заодно фактически сослали и жену Сахарова, известную правозащитницу, члена Московской группы «Хельсинки» Елену Боннэр. И не в Якутию, и не в Сибирь, а всего лишь в г. Горький. Чем не гуманность?

Закон называет ссылку мерой наказания и определяет ее как «... удаление осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности» (ст. 24 Основ уголовного законодательства СССР и ст. 25 УК РСФСР).

А. Д. Сахаров не «переехал» в г. Горький, не выслан из Москвы, а *сослан*, подвергнут уголовному наказанию — ссылке, не будучи осужденным.

Кто, когда, на каких правовых основаниях решил вопрос о ссылке? Кто и каким решением установил режим отбывания ссылки, более строгий, нежели режим, установленный главой 14-й Исправительно-трудового кодекса РСФСР?

В опубликованном законодательстве нашей страны не предусмотрена *административная* ссылка.

Ст. 160 действующей Конституции гласит:

«Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом».

Вместо законного приговора суда в официозе — газете «Известия» — появляется клеветническая статья некоего Батманова К., в которой извращается общественная деятельность А. Сахарова и он обвиняется в подрывной деятельности, в нарушении законов и чуть ли не в шпионаже (выбалтывание иностранным корреспондентам сведений, составляющих военную тайну).

Академик Евгений Федоров по московскому радио заявил, что он и его коллеги-академики приветствуют и одобряют действия правительства в отношении А. Д. Сахарова.

Защищаться — ни в суде, ни в печати, ни на общем собрании Академии наук СССР — ни права, ни возможности А. Д. Сахарову не предоставили.

Таким образом, известный всей планете лауреат Нобелевской премии Мира, крупный ученый, правозащитник-гуманист, являющийся гордостью и совестью своей страны, заклеймен как преступник и подвергнут уголовному наказанию вопреки закону, вопреки действующей Конституции, вопреки международным пактам о правах человека и гражданина.

Беззаконие и произвол, допущенные в отношении А. Д. Сахарова и вызвавшие возмущение во всем мире, страшны не только сами по себе. Это страшный прецедент для каждого свободомыслящего человека в нашей стране. Любого могут схватить на улице, на работе, дома, и к вечеру окажется, что человек *переехал* в другой город и поставлен под гласный надзор властей.

Уже после ссылки А. Д. Сахарова в Москве арестованы Ю. Гримм и В. Сокирко и произведены многочисленные обыски (см. документ № 120).

Был вызван «на беседу» в КГБ член редакции журнала «Поиски» Г. Павловский, ему недвусмысленно грозили арестом.

При очередном допросе члена группы «Хельсинки» Мальвы Ланда во Владимирском КГБ 25 января 1980 г. Жмакин сказал ей, что теперь некому ее защищать.

В течение последних дней велась непрерывная «плотная» слежка за правозащитниками математиком Александром Лавутом и председателем московского отделения «Международной Амнистии» писателем Георгием Владимовым.

28 и 29 января в отделения милиции по месту жительства вызывались правозащитники И. Гривнина, Ю. Шиханович, Л. Терновский и другие; там их предупреждали о прекращении «антигосударственной деятельности».

Все это признаки того, что власти нашей страны решили любыми средствами окончательно подавить правозащитное движение, заставить замолчать всех свободомыслящих людей, расправиться со всеми, кто еще осмеливается поднять свой голос в защиту прав человека.

Противостоять этому намерению сейчас, сегодня — долг и обязанность каждого честного человека, независимо от его политических, религиозных и национальных убеждений.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Наум Мейман, Татьяна Осипова
29 января 1980 г.

157

Документ № 122

О ПРЕПЯТСТВИЯХ ВОССОЕДИНЕНИЮ СЕМЕЙ НЕМЦЕВ — ГРАЖДАН СССР

Московская группа «Хельсинки» получила письмо 98 немцев — граждан СССР, чьи семьи в течение многих лет безуспешно добиваются воссоединения со своими ближайшими родственниками, проживающими в ФРГ.

Член группы «Хельсинки» Е. Боннэр передала копии этого письма прессе.

Московская группа «Хельсинки» считает, что права этих семей подвергнуты грубому нарушению. Отказ им в праве выехать в ФРГ находится в явном противоречии с III разделом Заключительного акта Европейского Совещания в Хельсинки.

Группа просит Комитет прав человека ООН, Комиссию по правам человека Конгресса США, всех глав правительств государств, подписавших Хельсинкский акт, и, в частности, правительство ФРГ рассмотреть это письмо 98 немецких семей и оказать им содействие в выезде в ФРГ.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
15 февраля 1980 г.

158

Документ № 123

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РАБОЧЕЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

12 февраля 1980 г. арестован один из членов-учредителей Рабочей комиссии по психиатрии математик-программист Вячеслав Бахмин. Об основании ареста и о местонахождении Бахмина его жене официально не сообщается.

В тот же день задержан и подвергнут административному аресту на 15 суток «за злостное неповиновение работникам милиции» другой член-учредитель Рабочей комиссии Феликс Серебров («неповиновение» заключалось в отказе явиться на беседу к участковому милиционеру).

Одновременно были проведены обыски на квартирах Бахмина, Сереброва, члена Комиссии Леонарда Терновского, а также у известного правозащитника математика Александра Лавута. Все четыре обыска проводились по постановлениям следователя Московской городской прокуратуры Пономарева по делу № 49603/5-80.

Обыски проводились в отсутствие обыскиваемых (присутствовали члены их семей). Ф. Серебров за час до начала обыска был задержан (и доставлен в милицию) в подъезде дома, когда он уходил на работу. Жене А. Лавута не разрешили вызвать его по телефону с работы. В. Бахмина не было дома, когда пришли с обыском, но его местопребывание, очевидно, было известно прокуратуре, т.к. после обыска Бахмин был арестован на квартире своей знакомой И. Гривниной (еще 26 декабря 1979 г. у И. Гривниной был сделан обыск и изъяты материалы Рабочей комиссии по психиатрии). Жене Л. Терновского было разрешено позвонить ему на работу, и он приехал домой к концу обыска.

При обысках изъяты материалы и архивы Рабочей комиссии, рукописные и машинописные бумаги, книги и брошюры, личная переписка, фотографии родственников и друзей, пишущие машинки, фотоаппараты, чистая бумага и копирка и т.п. У Сереброва были изъяты советские книги по психиатрии. В нарушение закона в протоколах обысков нет подробного описания изъятых документов и материалов.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях была организована при Московской группе «Хельсинки» 5 января 1977 г. В нее вошли: мед. работник А. Подрабинек, Вячеслав Бахмин, Феликс Серебров, Ирина Каплун (впоследствии из Комиссии вышла). После ареста А. Подрабинека членом Комиссии стал врач-рентгенолог Леонард Терновский. Врач-психиатр Александр Волошанович был консультантом Комиссии.

С самого начала своей работы члены Рабочей комиссии по психиатрии подвергались преследованию властей. Неоднократные обыски, вызовы в КГБ и милицию для «бесед» и «предупреждений», систематическая слежка за отдельными членами Комиссии — вот условия, в которых приходилось работать.

В августе 1977 г. был арестован и осужден по недоказанному обвинению в использовании трудовой книжки с исправленными записями Ф. Серебров. После отбытия наказания (год лишения свободы) он вновь включился в работу Комиссии.

14 мая 1978 г. был арестован А. Подрабинек (см. документ № 51), автор книги «Карательная медицина», осужденный к 5 годам ссылки за написание и распространение этой книги. Находящийся в тяжелых условиях ссылки в Якутии, А. Подрабинек не порывает связи с Рабочей комиссией.

В октябре 1979 г. В. Бахмин вызывался в КГБ СССР, где его «предупреждали» вновь. 28 и 29 января 1980 г. вызывали в милицию для новых «бесед» и «предупреждений» Л. Терновского и Ф. Сереброва.

Уволенный с работы врач-психиатр А. Волошанович, консультант Рабочей комиссии, был вынужден работать рабочим в магазине. В настоящее время эмигрировал на Запад.

Несмотря на обстановку преследований, запугивания и репрессий, за три года своего существования Рабочая комиссия по психиатрии провела большую работу по расследованию и преданию гласности многих десятков случаев необоснованного помещения инакомыслящих и верующих в психиатрические больницы, по проверке условий содержания узников совести в психиатрических тюрьмах, по оказанию помощи лицам, помещенным в психиатрические больницы, и членам их семей. Выпущено 20 номеров «Информационного бюллетеня» Рабочей комиссии.

Усиление репрессий и преследований Рабочей комиссии вызывает опасения, что власти намерены в ближайшее время усилить использование психиатрических репрессий против инакомыслящих и верующих. В этой связи выглядят зловеще выска-

занные при допросах Мальвы Ланда 11 и 12 февраля 1980 г. следователем Владимирской прокуратуры Жмакиным и следователем Владимирского КГБ Романовским (допрос по делу В. Некипелова) прямые угрозы психиатрическими репрессиями против М. Ланда и намерение подвергнуть ее психиатрической экспертизе.

Деятельность Рабочей комиссии по психиатрии и сообщаемая ею информация привлекли внимание международных медицинских и психиатрических ассоциаций и, несомненно, явились сдерживающим фактором для репрессивного использования психиатрии против инакомыслящих.

Мы надеемся, что все честные люди, искренне заинтересованные в соблюдении прав человека и прекращении психиатрических репрессий, выразят резкий протест против ареста Вячеслава Бахмина и преследований других членов Рабочей комиссии.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев
13 февраля 1980 г.

Дополнения:

1. Как стало известно, по тому же делу № 49603/5-80 15 февраля 1980 г. произведен обыск в квартире А. Подрабинека в Якутии (г. Усть-Нера).
2. Письмом от 15 февраля 1980 г. академик Сахаров сообщил: «Прошу присоединить мою подпись к документу Московской группы «Хельсинки» в защиту Славы Бахмина, протестую против угроз Мальве Ланда психиатрическими репрессиями.

Андрей Сахаров
15 февраля 1980 г.»

Приложение 1[1]: Заявление В.Бахмина
Приложение 2: Биография В.Бахмина

159

Документ № 124

ОБ АРЕСТЕ ЧЛЕНА ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ» МАЛЬВЫ ЛАНДА

7 марта 1980 г. в г. Владимире арестована член группы «Хельсинки» активная правозащитница Мальва Ланда.

Дело против М. Ланда было возбуждено Владимирской областной прокуратурой еще 3 января 1980 г., когда она была задержана в Москве и насильственно доставлена в г. Петушки (по месту жительства), где ей было предъявлено обвинение в изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР) и взята подписка о невыезде из г. Петушки (см. документ № 117).

7 марта 1980 г. следствие, которое вел следователь Владимирской прокуратуры Жмакин, было закончено, и до передачи дела в суд в порядке изменения меры пресечения Мальва Ланда была взята под стражу и помещена во Владимирскую следственную тюрьму. Для, усиления меры пресечения не было никаких законных оснований,

[1] Приложения не публикуются, воспроизведены в АС №№3941, 3962, 4055. — *Сост.*

т.к. подписку о невыезде М. Ланда не нарушала и аккуратно являлась на все вызовы следственных органов. Совершенно очевидно, что арест 62-летней женщины в данном случае явился лишь способом ее изоляции от родственников и друзей на время до рассмотрения дела в суде.

В процессе следствия как следователь Жмакин, так и следователь КГБ Федоренко, допрашивавший М. Ланда как свидетеля по делу В. Некипелова (см. документ № 113), пытались уговорить Мальву Ланда отказаться от правозащитной деятельности, обещая в этом случае прекращение дела, угрожая психиатрическими и судебными репрессиями в противном случае.

В предъявленном М. Ланда обвинении (в окончательной форме) не указывается на то, что она является членом группы «Хельсинки». Из многочисленных (более 100) документов Группы, подписанных ею совместно с другими членами Группы, ей вменяются два документа: № 56 о судах над Орловым, Гинзбургом и Щаранским (1978 г.) и № 58 «Десять лет спустя» — о десятой годовщине оккупации советскими войсками Чехословакии (1978 г.). В тексте не указывается, что это документы группы «Хельсинки», и не анализируется их содержание.

Кроме того, М. Ланда вменяются три документа Украинской группы «Хельсинки», в составлении которых она вообще не принимала участия; пять отдельных набросков и даже черновиков по делу Затикяна. В то же время окончательный полный текст статьи М. Ланда по делу Затикяна в обвинение не включен.

Целый ряд документов группы «Хельсинки» и других материалов, изъятых при обысках у М. Ланда и других лиц, приобщен к делу, но также не упомянут в постановлении о предъявлении обвинения.

Никаких доказательств того, что вменяемые документы и материалы являются клеветническими, в материалах дела нет.

М. Ланда — женщина с многолетней безупречной трудовой биографией (геолог с многолетним стажем работы по специальности) — брошена в тюрьму и ожидает суда не за уголовное преступление, а за мысль, за свободное слово, за сбор и распространение информации, за защиту прав политзаключенных, за самоотверженную и мужественную защиту прав человека, за ту деятельность, за которую в свое время были осуждены или в настоящее время ожидают суда Ю. Орлов, А. Гинзбург, А. Щаранский, В. Слепак, В. Некипелов, а также десятки других правозащитников.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев, Наум Мейман
19 марта 1980 г.

160

Документ № 127[1]

СУД НАД МАЛЬВОЙ ЛАНДА

26 марта[2] 1980 г. Владимирский областной суд рассмотрел дело по обвинению Мальвы Ланда по ст. 190.1 УК РСФСР (см. документ № 124).

[1] Документ №125 от 26 марта 1980 г. о вступлении в МХГ Л. Терновского и Ф. Сереброва (сведения о нем получены из «Хроники текущих событий», №56, С.136) и документ № 126 не разысканы, отсутствуют во всех известных нам изданиях.— *Сост.*

[2] 26 апреля, уточнено М. Ланда. — *Сост.*

Суд состоялся в г. Владимире в клубе школы МВД и закончился в течение одного дня. Обвинителем выступал прокурор Образцов. Дело слушалось без участия защиты, т.к. родственники и друзья М. Ланда были лишены возможности пригласить адвоката из Москвы, а от назначенного адвоката М. Ланда отказалась.

Как это уже стало обычным по делам правозащитников, несмотря на формально открытое судебное заседание, никто из друзей Мальвы, приехавших во Владимир, в зал суда допущен не был. Е. Г. Боннэр в этот день не разрешено было выехать из Горького. Не пустили никого из местных жителей, пытавшихся попасть на суд. Предлог все тот же: «в зале судебного заседания нет свободных мест». Дорогу к зданию и вход в него перекрывал кордон милиции и сотрудников в штатском. Дело слушалось в небольшой комнате, которую заранее заполнили 30–40 человек «в штатском». Таким образом, подлинная гласность процесса была вновь нарушена. Сын Мальвы Ланда был вызван в качестве свидетеля (хотя по делу он ничего не знает) и допрошен последним из свидетелей, в силу чего он также не мог присутствовать в зале суда во время первой части судебного разбирательства.

Мальва Ланда виновной себя не признала, утверждая, что ни в одном из инкриминированных ей документов не содержится заведомо ложных клеветнических измышлений. Все ходатайства подсудимой, направленные на установление правдивости и полного соответствия действительности сообщаемой в инкриминируемых документах информации,— судом были отклонены.

Приговором суда Мальва Ланда признана виновной по ст. 190.1 УК РСФСР и осуждена к ссылке сроком на 5 лет. По приговору Мальва Ланда останется под стражей до момента доставки ее к месту отбывания наказания.

Любой обвинительный приговор по делу Мальвы Ланда является неправильным и незаконным, т.к. никакого преступления она не совершала и ее осуждение является еще одним случаем репрессии за свободное слово, за правозащитную деятельность в рамках закона, за помощь преследуемым и гонимым.

Нельзя не протестовать и против суровости избранной судом меры наказания. Для женщины 62-х лет ссылка — в тех суровых условиях — климатических и бытовых — в которых отбывают ссылку политзаключенные (см. документ № 116) наказание порой непосильное.

Но в данном случае это наказание и незаконное. Ст. 190.1 УК РСФСР ссылки не предусматривает. Наказание по этой статье предусматривается в трех видах: лишение свободы сроком до ТРЕХ лет, исправительные работы (без содержания под стражей) сроком до ОДНОГО года или штраф до 100 рублей. Применяя ссылку под видом «гуманного» смягчения приговора, власти на самом деле стремились на ПЯТЬ лет парализовать общественную деятельность Мальвы Ланда.

Осуждение Мальвы Ланда — очередное нарушение прав человека в СССР и требование ее освобождения — долг всех честных людей, независимо от их политических убеждений.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Иван Ковалев,
Татьяна Осипова, Леонард Терновский, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
28 марта 1980 г.

161

Документ № 128

ОБЫСКИ У ЧЛЕНОВ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И АССОЦИАЦИЙ

Несколько месяцев назад власти начали активную кампанию по подавлению правозащитного движения. Проводятся многочисленные обыски, аресты, «беседы» и предупреждения. Однако, несмотря на резко усилившееся давление, неофициальные правозащитные ассоциации продолжают существовать и работать. Стремясь воспрепятствовать работе этих ассоциаций, власти проводят обыски у их членов и изымают собранную ими информацию и архивы.

Последняя серия таких обысков в семи квартирах была проведена прокуратурой в Москве 10 апреля. Эти меры были направлены против Московской группы «Хельсинки», Рабочей комиссии по психиатрии, а также против неофициального научного семинара[1] и редакции неподцензурного журнала «Евреи в СССР»[LXXXXV].

Обыски проводились по постановлению ст. следователя Пономарева. Три обыска было проведено по делу № 49609/14-80: на квартире члена Рабочей комиссии и группы «Хельсинки» Феликса Сереброва, на квартире членов московской группы «Хельсинки» Татьяны Осиповой и Ивана Ковалева. Можно предполагать, что обыск на квартире арестованного в этот день (см. об этом подробно документ № 129) члена Рабочей комиссии, группы «Хельсинки» и Комитета защиты Великановой[LXXXXVI] Леонарда Терновского проводился по этому же делу (в протоколе обыска вместо номера у него стоит прочерк).

Следует отметить, что за истекшие полгода перечисленные лица обыскиваются уже по второму разу.

Обыск у Сереброва проводил следователь Крылов. Изымались документы и материалы Рабочей Комиссии, письма (среди них — большое число писем его жены к нему в лагерь, прошедшие лагерную цензуру) и почтовые квитанции, чистая бумага и фотографии друзей, сберегательные книжки (на сумму более 300 руб.) и облигации денежного займа (на 150 руб.). Самого Сереброва подвергли «личному» обыску. После обыска Сереброва увезли на допрос к Пономареву, но допрос был отложен ввиду усталости Сереброва.

Обыск у Гривниной проводила советник юстиции Гневковская. Изъят тираж последнего, 21, выпуска «Информационного бюллетеня» Рабочей комиссии[2], несколько предыдущих выпусков Бюллетеня, ксерокопии вырезок из западных газет, в основном о психиатрии, большое число «Хроник» на английском языке, несколько информационных бюллетеней, выпускаемых Кронидом Любарским[3], несколько книг западных издательств, различные издания «Международной Амнистии», письма и почтовые квитанции, много рукописных материалов. Кроме того изъяли две книги советских издательств — справочник по нейролептикам и «Исполнение наказания в виде лишения свободы»,— машинку и несколько западных газет.

После обыска Гривнина была увезена в прокуратуру на допрос. Следователь по делу Бахмина Пономарев допросил Гривнину о ее знакомстве с Бахминым и о его деятельности в Рабочей Комиссии. Все вопросы о Бахмине в связи с расследованием дела о «клевете» Гривнина отвела как не могущие иметь отношения к такому делу.

---

[1] См. документ № 156 (док. 190). — *Сост.*

[2] Последним выпуском «Информационного бюллетеня» был 22-й (от 5 апреля 1980 г.). — *Сост.*

[3] Эмигрировавший из СССР правозащитник, бывший политзаключенный Кронид Любарский начал в 1978 г. выпуск правозащитного бюллетеня «Вести из СССР». — *Сост.*

Обыск на квартире Осиповой и Ковалева проводил Пономарев. В этом обыске, так же как и в предыдущем — 11 октября 1979 г. (см. документ № 104) участвовал предъявивший удостоверение капитана милиции Ю. С. Захаров; один из понятых также участвовал в предыдущем обыске. Сам обыск проходил необычайно «мягко»: не изымались копии личных писем, некоторых заявлений Ковалева, из большого количества фотографий изъято только три фотографии Бахмина, разрешалось делать необходимые выписки из записной книжки (даже заграничные адреса), все изымаемые бумаги предъявлялись и можно было составить собственную опись изъятого. Однако официальный протокол велся крайне неподробно, большинство записей описывало изымаемые материалы по первым и последним словам и количеству листов в пачке, например, из одного ящика стола изъято 505 машинописных листов, из других ящиков — 3610 и т.д.

Изъятые материалы относились практически ко всем областям правозащитного движения: документы Московской, Украинской, Литовской Хельсинкских групп (Московской — несколько почти полных подборок), материалы Литовского католического комитета[LXXXXVII] и Христианского комитета защиты прав верующих, Инициативной группы инвалидов и Рабочей Комиссии по психиатрии, материалов баптистов, адвентистов, пятидесятников, письма и заявления, приговоры и описания судов, материалы и бюллетени Комитета защиты Великановой, большое количество рукописного и машинописного материала информационного характера.

Кроме того, изъято небольшое количество книг западных издательств и два неподцензурных самиздатских журнала — 7-й номер журнала «Поиски» и 2-й журнала «Поединок»[LXXXXVIII].

В тот же день были проведены еще три обыска у членов редакции самиздатского журнала «Евреи в СССР» — физика Ю. Гольфанда, математика В. Браиловского и сотрудника журнала «Химия и жизнь» Г. М. Файбусовича.

Обыском у Файбусовича руководил ст. следователь Московской прокуратуры В. С. Князев. Среди изъятого — рукопись подготовленного к публикации романа, над которым Файбусович работал несколько лет, ряд книг зарубежных издательств по теологии и философии, черновые записи, личная переписка.

Можно предполагать, что обыски у Гольфанда и Браиловского были связаны в основном с предстоящим 13 апреля IV Международным симпозиумом работающего уже несколько лет неофициального Московского научного семинара по коллективным явлениям, состоящего в основном из ученых-»отказников», так как главная направленность обысков у обоих ученых состояла в изъятии их научных статей и черновиков. У Гольфанда изъяли также научную работу Орлова, которую предполагалось прочесть на семинаре (за попытку передать эту статью из лагеря на волю Орлов был наказан шестью месяцами ПКТ).

Кроме этого у Гольфанда изъяли один номер иностранного физического журнала, а также один из номеров журнала «Евреи в СССР», словарь иврита, несколько книг на английском языке, личную переписку.

Браиловский после обыска был арестован. Его отвезли в КПЗ и предъявили обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР (клевета на советский строй), допросили. Однако через несколько часов ему неожиданно объявили, что теперь он является не обвиняемым, а подозреваемым и ему изменяется мера пресечения — с ареста на подписку о невыезде.

* * *

Обыски, ставшие в последнее время систематическими, свидетельствуют о том, что власти стремятся прекратить работу неофициальных групп и ассоциаций не толь-

ко посредством арестов их членов, но и посредством регулярного изъятия как готовых документов, так и исходного материала, на основании которого эти документы составляются.

Такое открытое и все усиливающееся нарушение права на свободу получения и распространения информации ясно свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен выполнять взятые на себя международные обязательства в области прав человека.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
11 апреля 1980 г.

162

Документ № 129

АРЕСТ ЛЕОНАРДА ТЕРНОВСКОГО

10 апреля 1980 г. прокуратурой г. Москвы был произведен ряд обысков у московских правозащитников (см. документ № 128), в том числе и у Леонарда Терновского, которого после обыска увезли «на допрос» без ордера на арест. Но домой он уже не вернулся, и только на другое утро жене и друзьям Терновского с трудом удалось узнать, что он арестован и помещен в Бутырскую тюрьму.

Леонард Терновский, врач-рентгенолог, 47-ми лет, был активным и деятельным участником правозащитного движения на протяжении многих лет.

В 1978 г. после ареста Александра Подрабинека он вошел в состав Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и вел большую работу по сбору и преданию гласности случаев необоснованных психиатрических репрессий и по оказанию помощи узникам психбольниц и их семьям.

В ноябре 1979 г. Терновский вошел в состав Комитета защиты Татьяны Великановой, арестованной 1 ноября 1979 г.

В марте 1980 г., после ареста Мальвы Ланда, Леонард Терновский вступил в Московскую Группу «Хельсинки», в работе которой он и ранее принимал активное участие.

В последние годы Терновский подвергался неоднократным обыскам, вызовам на «беседы» в милицию и в КГБ, где его пытались склонить к «раскаянию» и к отказу от «антиобщественной деятельности».

Мы еще не знаем, какое именно обвинение будет предъявлено Терновскому, но есть основания считать, что он будет обвинен в изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР).

Врач по профессии, гуманист по характеру, человек большой доброты и чуткой совести, принципиальный противник всякого насилия, всегда действовал открыто и не нарушал законов.

Человек правдивый, мужественный и бескорыстный, Леонард Терновский не способен на клевету, на ложь. Он не совершил никакого преступления, и его арест является очередной попыткой подавить правозащитное движение, подавить свободную мысль и слово, прекратить сбор и предание гласности информации о нарушении основных прав человека в нашей стране.

Мы протестуем против ареста Леонарда Терновского и призываем всех поборников прав человека присоединиться к нашему протесту.

К настоящему документу прилагаются копии открытого письма жены Леонарда Терновского прокурору г. Москвы и протокола обыска от 10 апреля 1980 г.[1]

Члены Московской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
12 апреля 1980 г.

163

Документ № 130

АРЕСТ АЛЕКСАНДРА ЛАВУТА

29 апреля 1980 г. в Москве — новый арест одного из ведущих правозащитников, уже 13-й за последние полгода.

Арестован Александр Лавут, математик-программист, 50-ти лет, работавший до момента ареста по специальности в Центральной Геофизической Экспедиции, имеющий семью (жена, дочь, зять, три внучки).

До ареста в квартире Лавута был произведен обыск, после которого Лавут был увезен в помещение Москворецкой районной прокуратуры для допроса. Когда его выводили из прокуратуры он успел сказать находившейся в коридоре жене, что ему предъявлен ордер на арест по ст. 190.1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и что его отправляют в Бутырскую тюрьму.

В тот же день были произведены обыски у знакомых Лавута: Натальи Кравченко (физик, 32-х лет, имеет тяжело больную 9-месячную дочь), Владимира Тольца (историк, 36 лет, инвалид-пенсионер) и в квартире близких друзей Лавута, фамилия которых здесь не упоминается по их просьбе.

В момент обыска в квартире Лавута находился Владимир Тюльков, который также был обыскан и у него изъяли машинописный экземпляр «Хроники» № 54 и ксерокс статьи Чалидзе «Хомейнизм или национал-коммунизм».

Итак, Александр Лавут стал 13-м московским правозащитником, арестованным за последние полгода (Татьяна Великанова, о. Глеб Якунин, о. Дмитрий Дудко, Лев Регельсон, Виктор Капитанчук, Виктор Некипелов, Мальва Ланда, Валерий Абрамкин, Юрий Гримм, Виктор Сокирко, Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский).

С 1968 года Александр Лавут активно участвовал в правозащитном движении. В 1969 г. он вместе со своими близкими друзьями Татьяной Великановой, Сергеем Ковалевым и другими вошел в Инициативную группу защиты прав человека (эта группа в настоящее время полностью разгромлена, т.к. в пределах СССР не осталось на свободе ни одного из ее членов).

На протяжении более десяти лет Александр Лавут, человек скромный, мужественный, добрый и бескорыстный, все свое свободное время посвящал сбору, обработке

[1] Не публикуются, воспроизведены в АС № 4113. — *Сост.*

и преданию гласности информации о нарушении прав человека в СССР. Он участвовал в составлении и подписании большого числа правозащитных документов. Противник всяких насильственных методов — он действовал только свободным открытым словом. Честный и чуткий к правде, добрый и отзывчивый к людскому горю, он органически неспособен к лжи и клевете. Александр Лавут не только собирал, фиксировал и предавал гласности случаи нарушений прав человека. Он всегда стремился помочь людям. Его хорошо знают крымские татары, узники совести в тюрьмах и психбольницах и их семьи.

Не входя формально в состав Московской группы «Хельсинки», Александр Лавут активно участвовал в ее работе.

На протяжении ряда последних лет Лавут подвергался преследованиям за свою правозащитную деятельность.

Еще в 1969 году его вынудили уйти с работы в Московском университете. 10 декабря 1979 г. (в день мирной демонстрации на площади Пушкина) Лавут был задержан, насильственно посажен в автомашину и его более часа возили по городу, останавливаясь у стен Бутырской и Лефортовской тюрем, после чего освободили. 6 февраля 1980 г. с женой Лавута беседовали на работе сотрудники КГБ, где ей предлагали повлиять на мужа, чтобы он прекратил свою «антиобщественную деятельность». 12 февраля 1980 г. на квартире Лавута прокуратурой был произведен обыск. Еще 31 января 1980 г. в квартире Лавутов отключили телефон. Начиная с ноября 1979 г. Лавут подвергался почти непрерывно негласной слежке.

Причины преследований и последовавшего за тем ареста лучше всего выразил сам Лавут, написавший на протоколе обыска:

«...я заявляю протест против самого факта обыска по уголовному делу № 46616. Хотя содержание дела следователь не сообщил, очевидно, что оно ведется против распространения информации о нарушении прав человека в СССР, против защиты этих прав. Изъятые у меня сегодня материалы — правдивое отражение нарушений прав человека, не содержащее клеветы и «измышлений», — лучшее тому подтверждение. Я протестую также против сокрытия от меня того обстоятельства, что дело № 46616 — это дело А. Лавута».

Есть все основания утверждать, что, подобно Сергею Ковалеву и Татьяне Великановой, Александр Лавут арестован за свободное слово, за сбор и предание гласности правдивой информации.

Этот арест является очередной репрессией, предпринимаемой в целях полного подавления всякого свободомыслия, всякой свободы слова, всяких способов свободного сбора информации и предания этой информации широкой гласности.

Поэтому мы считаем арест Александра Лавута беззаконным, произведенным в нарушение норм советской Конституции, в нарушение международных пактов, ратифицированных правительством СССР, в нарушение Заключительного акта Хельсинкского совещания.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
5 мая 1980 г.

164

Документ № 131

О НАРУШЕНИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПО ДЕЛАМ УЗНИКОВ СОВЕСТИ

Ст. 158 Конституции СССР декларирует право обвиняемых на защиту. Одним из важнейших элементов права на защиту является право иметь защитника (адвоката) в предварительном следствии и в судебном процессе.

Ст. 48 УПК РСФСР (и соответствующие статьи УПК других республик) конкретизирует — не вообще защитника, а *избранного* обвиняемым или другими лицами, по поручению обвиняемого, защитника.

Не имея возможности в настоящем документе затронуть все вопросы, связанные с фактическим нарушением права на защиту по всем уголовным делам,— мы утверждаем, что права обвиняемых и подсудимых, которым инкриминируются *политические* преступления, систематически и грубо нарушаются.

В СССР нет свободной корпорации адвокатов. Частная практика адвоката категорически запрещена. Адвокатура находится в двойном подчинении: местным советам и органам Министерства юстиции.

Такое подчинение приводит к тому, что защитник, обязанный по закону «использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность...»[1],— фактически находится в непосредственной зависимости от органов местной власти или от органов Министерства юстиции.

Несмотря на то, что в законе нет никаких ограничений в приеме адвокатом уголовных дел любой категории,— в практике (или неопубликованными нормативами?) прочно установилась система так называемых «допусков», которые ограничивают выбор защитника по всем делам, следствие по которым ведет КГБ, а также по делам, расследуемым прокуратурой по ст. 191.1 (и соответствующим статьям УК других республик, т.е. по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

Порядок оформления этих «допусков» строго засекречен. Известно лишь (из практики), что списки на «допуск» составляются Президиумами Областных (краевых, городских) Коллегий адвокатов и утверждаются «соответствующими органами» (по всей вероятности — КГБ). Количество адвокатов, имеющих «допуск», очень ограничено. Так, например, в Московской городской коллегии адвокатов из более чем 900 адвокатов, только 100 имеют «допуск».

В конце 60-х — начале 70-х годов еще можно было найти адвоката в Москве для защиты по политическим делам. Сейчас это становится практически невозможным.

В провинции, где зависимость местных адвокатов от местных органов власти особенно велика, и раньше политзаключенные стремились пригласить московских адвокатов, как менее уязвимых и более смелых. Однако уже в течение нескольких лет действует неписанное правило, по которому московским адвокатам *не разрешают* выезд на иногородние дела по ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР (и по соответствующим статьям УК других республик). Это явно незаконное «правило», т.к. закон не ограничивает деятельность адвокатов территориальным положением той или иной коллегии.

Обвиняемых в грабежах, хищениях, изнасилованиях, убийствах любой московский адвокат может защищать в любом суде страны. Но как только речь идет о ст.ст. 70 и

[1] Из ст. 51 УПК РСФСР. — *Сост.*

190.1 УК РСФСР — президиум коллегии адвокатов заявляет: все московские адвокаты заняты и никого в другой город не пустим.

Особенно ярко это видно из попытки жены и друзей пригласить московского адвоката во Владимир по делу Некипелова (см. прилагаемую копию заявления Феликса Сереброва, Марии Петренко-Подъяпольской, Софьи Каллистратовой по этому вопросу, а также копию открытого письма Министру юстиции СССР[1]).

По делу Некипелова его жена и сын обращались к 30-ти адвокатам в Москве, и только один из них согласился принять дело. Однако президиум Московской городской коллегии адвокатов категорически отказал в оформлении командировки во Владимир. Президиум Владимирской коллегии адвокатов «выделил» (читай: «назначил») адвоката Сморчкова. Этот адвокат, еще не знакомясь с делом, говорил жене Некипелова, что он не сможет защищать Некипелова, если тот не признает себя виновным, т.к. позиция адвоката может совпасть с мнением прокурора. После свидания адвоката Сморчкова с Некипеловым (в присутствии следователя) Некипелов вынужден был отказаться от услуг такого «защитника».

Такое явление уже становится «обычным». Добровольно принимать дело адвокаты отказываются, а от назначенных адвокатов отказываются сами обвиняемые, которым не нужен в процессе второй, хотя и более мягкий, но все же — прокурор.

Известны случаи, когда, защищая человека не признающего себя виновным, адвокаты соглашались с позицией обвинения и просили лишь о смягчении наказания (например, дело Олексы Тихого в Донецком областном суде в 1977 году).

Так обстоит дело с «правом на защиту» в провинции. Но и в Москве почти невозможно найти по «диссидентскому делу» адвоката, который *добровольно,* без указания «свыше» согласился бы принять на себя защиту.

Вот далеко не полный список московских адвокатов, за последнее время под разными предлогами отказавшихся от принятия защиты по ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР: Штейн М. А., Ефимов Ю. А., Заславский В. А., Змойро Б. Е., Коган Э. М., Поздеев Ю. Б., Резникова Е. А., Ромм В. Б., Самсонов В. А., Прокофьев Г. В., Седова-Шмелева Л. М., Шальман Е. С.[2] и многие другие.

Некоторые адвокаты ссылаются на занятость (даже не поинтересовавшись, *когда* будет рассматриваться дело), другие отвечают, что у них нет «допуска», но есть и такие, кто заявляет: «я *таких* дел не веду и прошу ко мне с *такими* делами не обращаться!». Наконец, находятся и «смелые» люди среди адвокатов, которые доверительно говорят клиентам, что помочь они все равно ничем не смогут, а неприятностей не избежишь. Фамилий этих «смельчаков», разумеется, мы не называем, чтобы они не поплатились за свою «смелость».

На сегодняшний день в Москве содержится под стражей 11 человек, обвиняемых по ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР: Т. Великанова, о. Глеб Якунин, В. Абрамкин, В. Бахмин, о. Дмитрий Дудко, Л. Регельсон, В. Капитанчук, Ю. Гримм, В. Сокирко, Л. Терновский, А. Лавут.

Предстоят суды. Но нет адвокатов, которые охотно примут на себя защиту этих «преступников», повинных только в том, что открыто и честно говорили о своих взглядах, собирали и предавали гласности правдивую информацию о нарушении прав человека, протестовали против беззакония и произвола, помогали семьям узников совести. Нет адвокатов, которые могли бы смело и открыто, не взирая на «власти предержащие» в соответствии с законом и правилами адвокатской этики *защищать* этих людей.

---

[1] Не публикуются, см. АС № 3973. — *Сост.*

[2] В АС № 4061 в этот список включены также: Абушахмин Б.Ф., Ария С.Л., Беккерман К.П., Бунина С.М., Гавин В.П., Гофштейн М.А. — *Сост.*

Почему же происходит так, что избранные обвиняемыми адвокаты отказываются от принятия на себя защиты? У нас нет достоверных данных о том, что кто-то прямо запугивает защитников и препятствует принятию поручений. Но вокруг так называемых «диссидентских дел» создана такая атмосфера, в которой осуществление *действительной и действенной защиты* невозможно.

Это началось уже давно. Еще в процессе Синявского и Даниэля адвокаты Киссенишский М. М. и Коган Э. М. не решились в своих защитительных речах произнести слова: «прошу оправдать».

В 1968 году из Московской коллегии адвокатов был исключен один из лучших адвокатов Б. А. Золотухин за слишком смелую защиту Александра Гинзбурга. В начале 70-х годов было полностью запрещено принимать «такие» дела адвокатам Каллистратовой С. В., Каминской Д. И., Поздееву Ю. Б.[1]

Не находилось полноценных защитников для Ковалева, Щаранского и многих других. Они отказывались от назначенных адвокатов и вынуждены были защищаться сами.

Ю. Орлов и А. Гинзбург в 1978 году получили большую юридическую помощь от адвокатов Шальмана и Резниковой в процессе ознакомления с делом и в судебном следствии, но вынуждены были отказаться от защитительных речей адвокатов и произносили защитительные речи сами, т.к. понимали, что ни один *советский* адвокат не имеет возможности полноценно осуществлять их защиту.

Отсутствие полной и действительной гласности процессов по политическим делам (а гласность в таких случаях защищает не только подсудимых, но и адвокатов!), предопределенность приговоров, опасность тесного общения с подсудимыми, их родственниками и друзьями — все это приводит к тому, что адвокаты *не хотят* «связываться» с «*такими*» делами. Один из лучших адвокатов Москвы (фамилию его, разумеется, мы назвать не можем) сказал: «я лишен возможности осуществлять полноценную защиту подсудимого по ст. 70 УК РСФСР, а быть в процессе «ширмой», прикрывающей произвол и беззаконие — не могу и не хочу».

Вот причины, по которым родственники обвиняемых по ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР мечутся по юридическим консультациям и не могут найти защитника для своих близких.

Сейчас многие уже осужденные и отбывающие наказания узники совести просят найти им адвокатов для оказания юридической помощи в лагерях и тюрьмах в порядке ст. 27 Исправительно-трудового кодекса РСФСР (в частности: Юрий Федоров, отбывающий 15-тилетний срок лишения свободы в пермском лагере особого режима, и Менделевич, отбывающий 13-летний срок в Чистопольской тюрьме). Но после того, как в 1979 г. адвокаты Резникова и Шальман были подвергнуты попыткам личного обыска перед свиданиями со своими подзащитными Ю. Орловым и С. Ковалевым,— ни один адвокат *не хочет принять такого поручения,* и осужденные не могут осуществить своего права на защиту.

Многие правозащитники просили о приглашении для их защиты в суде *иностранных* адвокатов (Щаранский, Гинзбург, Орлов, Ланда и др.). Эти просьбы не противоречат закону, т.к. согласно ст. 47 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других республик) суд может допустить к участию в деле в качестве защитника любое лицо. Но ни разу такие ходатайства судами удовлетворены не были, а иностранные адвокаты, принявшие на себя защиту, не получали въездных виз в СССР для участия в делах своих подзащитных.

Таким образом, грубо нарушается декларированное Конституцией СССР право на судебную защиту в отношении лиц, обвиняемых по политическим делам. С этим нарушением примириться невозможно.

---

[1] Выше — Поздеев помещен в список адвокатов, отказывающихся от ведения подобных дел. — *Сост.*

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров
5 мая 1980 г.

165

Документ № 132

О ПОВТОРНЫХ АРЕСТАХ И ОСУЖДЕНИЯХ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ ОТБЫВАЮЩИХ ИЛИ ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ

Широко известно, что правозащитники, осуждаемые за так называемую «антисоветскую агитацию и пропаганду» и за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст.ст. 70 и 190.1 УК РСФСР и соответствующие им статьи УК других союзных республик), получают суровые наказания, как правило достигающие максимального срока лишения свободы и ссылки, предусмотренные соответствующими статьями. Обычно полный срок наказания по ст. 70 (с учетом лагерного заключения и ссылки) длится 10–12 лет.

Люди, «виновные» лишь в инакомыслии, в критике существующих пороков строя, в собирании и распространении правдивой информации о нарушениях прав человека, в использовании декларированных свобод мысли, слова и совести, за помощь политзаключенным и их семьям,— долгие годы томятся в заключении и в ссылках, изолированные от общества, от своих родных и близких, от друзей.

Однако и эти сроки кажутся недостаточными репрессивным органам. Незадолго до окончания назначенного приговором срока наказания возбуждаются новые «дела» и, не выходя на свободу, люди получают новые длительные сроки наказания. Или недавно освобожденного по отбытию срока человека — арестовывают вновь.

В последние годы случаи таких повторных арестов неоднократны, а в 1980 г. превращаются в систему.

В 1976 г. в Омске был повторно осужден отбывающий лишение свободы Мустафа Джемилев, подвергнутый аресту буквально накануне дня освобождения (см. документы №№ 1, 43).

В апреле 1978 г. был арестован и впоследствии осужден, по искусственно созданному обвинению в хищении, находившийся в ссылке в Бурятской АССР известный ученый-математик Александр Болонкин (см. наши документы №№ 3, 17, 61), который сейчас отбывает новый срок наказания в чрезвычайно тяжелых условиях, подвергаясь преследованиям в лагере строгого режима.

За 1980 г. нам известны семь случаев повторных арестов правозащитников, отбывающих наказание или недавно освободившихся после отбытия установленного срока лишения свободы и ссылки.[1]

2 марта 1980 г. заканчивался 3-летний срок пребывания в лагере общего режима осужденного в 1977 г. в г. Одессе искусствоведа Барладяну Василия. Однако на свободу он не вышел. Как удалось выяснить, он из лагеря был переведен в следственный изолятор, т.к. против него возбуждено новое дело. По еще непроверенным сведениям, Барладяну вновь предъявлено обвинение «в распространении заведомо ложных

[1] Текст абзаца восстановлен по АС № 4122. — *Сост.*

измышлений, порочащих государственный и общественный строй» за то, что он проводил с группой заключенных беседы по искусству («культурный семинар»). Известно, что были проведены обыски у заключенных, у некоторых были изъяты конспекты бесед Барладяну. Проведены 3 обыска по делу Барладяну у его знакомых в Одессе.

В июне 1980 г. заканчивается срок 2-летней ссылки Размика Маркосяна, которую он отбывал после 4-х лет заключения в лагере строгого режима за «антисоветскую агитацию и пропаганду». За один месяц до окончания срока ссылки в Целиноградской области Маркосян вновь арестован и содержится в следственной тюрьме г. Целинограда. Обстоятельства ареста нам пока не известны.

Журналист Вячеслав Черновол, осужденный во Львове в 1972 году за участие в издании самиздатского журнала «Украинский вестник» по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР), отбыл 6 лет заключения в лагере и отбывал ссылку (3 года) в Якутии. В мае 1978 Черновол вступил в Украинскую группу «Хельсинки». В августе 1980 г. должен был заканчиваться срок ссылки. 9 апреля 1980 г. Черновол арестован в г. Мирном. Возбуждено явно сфальсифицированное дело по обвинению в покушении на изнасилование. Адвокат из г. Мирный отказался принять защиту, ссылаясь на «местные» трудности. Найти адвоката, согласившегося бы поехать в Якутию для ознакомления с делом в предварительном следствии,— не удалось.

Вячеславу Черноволу грозит «новый» срок заключения до 5 лет.

Художник Ромэн Костерин, осужденный в 1978 г. в г. Советске по ст. 190.1 УК РСФСР к ссылке, при неизвестных обстоятельствах в марте 1980 г. оказался в заключении в лагере общего режима. Очевидно, он повторно осужден во время пребывания в ссылке.

Математик Марк Морозов, арестованный в ноябре 1978 г. и осужденный по ст. 70 УК РСФСР к ссылке на 5 лет, вновь арестован в Воркуте в марте 1980 г. Стало известным, что ему вновь предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

Один из лучших украинских поэтов, Василь Стус отбыл 5 лет заключения в лагере и 3 года ссылки по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР), ссылку он отбывал на Колыме, в трудных условиях, работая на шахте. В августе 1979 г. он был освобожден по концу срока и вернулся в Киев к семье. Вскоре он вступил в Украинскую группу «Хельсинки». 14 мая 1980 г. Стус вновь арестован по той же ст. 62 УК УССР. Теперь ему грозит до 10-ти лет лагеря особого режима с последующей ссылкой до 5-ти лет.

В начале 1980 г. приговорен к 5-ти годам заключения в Киеве за якобы совершенную им попытку изнасилования Микола Горбаль (арестован в 1979 г.), ранее отбывший наказание по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Арест Горбаля произведен вскоре после того, как он вступил в Украинскую Группу «Хельсинки». Микола Горбаль категорически отверг предъявленное ему обвинение, утверждая, что «дело» против него искусственно спровоцировано и сфабриковано. (см. дополнение к документу № 102).

Все упомянутые в настоящем документе правозащитники, кроме Горбаля и Стуса, которые арестованы вскоре после освобождения по отбытию наказания, арестовывались во время отбывания наказания (в большинстве случаев незадолго до срока освобождения). Возбуждение новых дел фактически является незаконным продлением назначенных судом и отбытых сроков наказания. Это тревожное явление заставляет сомневаться в освобождении любого узника совести после окончания срока наказания.

В условиях лагеря и далекой ссылки властям гораздо проще сфабриковать любое политическое или «уголовное» дело. Гораздо труднее организовать защиту этих людей. Трудно, а иногда и невозможно получить и предать гласности обстоятельства возбуждения, расследования и рассмотрения этих дел. Практически люди, привлеченные во время отбывания наказания по «новым» делам, остаются без защиты.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман,
Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
26 мая 1980 г.

Дополнение

Сейчас, когда этот документ уже написан, стало известно, что сегодня, 27 мая 1980 г., женой Черновола получена телеграмма о назначении суда над ее мужем в г. Мирном (Якутия) на 30 мая 1980 г. Такое скоропалительное назначение дела явно направлено на затруднение организации защиты. Возникает самое серьезное опасение, что Черновол фактически будет лишен права на защиту в суде.

Софья Каллистратова

Чрезвычайно важно отметить то обстоятельство, что во многих случаях повторных арестов реальной их причиной являются не какие-либо новые «преступления», а лишь отсутствие раскаяния в своей прошлой деятельности.

Дополнение

11 июня арестован Василий Лисовой, отбывавший ссылку в Бурятии, в поселке Заиграево, после 7 лет заключения в лагере строгого режима. Лисовой был арестован в 1972 г. по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР) и приговорен к семи годам лагеря и трем годам ссылки. Сейчас ему предъявлено обвинение в тунеядстве (ст. 209 УК РСФСР).

13 июня арестован находящийся в якутской ссылке Александр Подрабинек (см. документ № 136).

Прибывшей в начале мая в пятилетнюю ссылку в Казахстан Мальве Ланда уже угрожают возбуждением нового уголовного дела по ст. 88.1 УК РСФСР («Недонесение о государственных преступлениях»). Узнав зимой 1979 г. о состоявшемся суде над Затикяном, Степаняном и Багдасаряном и о вынесении им смертных приговоров, Ланда провела большое ретроспективное исследование этого дела и опубликовала статью, в которой подвергла сомнению справедливость вынесенных им приговоров.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
24 июня 1980 г.

166

Документ № 133

АРЕСТ ТАТЬЯНЫ ОСИПОВОЙ

27 мая в Москве арестована член Московской группы «Хельсинки», правозащитница Татьяна Осипова. Аресту предшествовал обыск в квартире Осиповой и ее мужа Ивана Ковалева. Постановление о производстве обыска подписано начальником Следственной группы КГБ СССР подполковником Чечеткиным.

Ордера на арест предъявлено не было. После обыска Осипову увезли в Лефортовский Следственный изолятор КГБ для допроса. Уже в 10 час. вечера дежурный в Лефортово сообщил Ковалеву о том, что Осипова арестована.

Как сообщили Ковалеву 28 мая 1980 г., Осиповой предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»).

Татьяна Семеновна Осипова родилась 15 марта 1949 года. После окончания школы работала на фабрике в Коломне. Поступила на филологический факультет Орехово-Зуевского педагогического института. В 1978 г. ушла с последнего курса института, отказавшись сдавать экзамен по научному коммунизму. В последнее время работала оператором ЭВМ в Центральной геофизической экспедиции в Москве.

Общественная деятельность Тани Осиповой началась в 1976 году с подписания ряда протестов против репрессий, применяемых в отношении инакомыслящих и правозащитников. В 1977 г. Осипова вступила в Московскую группу «Хельсинки» и вела активную работу в ее составе. Она отдавала все свое свободное время и свою энергию собиранию и проверке информации о нарушениях прав человека в нашей стране и участвовала в составлении более 100 документов группы.

Будучи убежденной, что объективная информация о состоянии прав человека не может быть внутренним делом какой-либо группы лиц или какого-либо государства, а должна быть известна всем, что не существует никаких законных преград для ее распространения, Татьяна Осипова доводила все известные ей факты до максимального круга людей, как в нашей стране, так и за ее пределами всеми доступными ей способами. Она немедленно сообщала корреспондентам радио и газет о незаконных арестах и обысках, распространяла международные документы о правах человека, ратифицированные Советским Союзом.

Десятки людей с разных концов страны приезжали к ней со своими бедами и нуждами и всегда находили внимание и поддержку.

Несмотря на постоянную занятость, Татьяна Осипова не ограничивала свою деятельность рамками Хельсинкской группы, она находила время и силы реагировать на все события, с которыми ей приходилось непосредственно сталкиваться. Сюда входили и бытовые проблемы отдельных людей, и вопросы международной политики. В написанном еще год назад совместно с А. Подрабинеком заявлении по поводу предстоявшей ратификации договора ОСВ-2 Татьяна Осипова высказывала серьезные опасения относительно экспансионистских целей Советского правительства, которые, к сожалению, подтвердились последовавшими событиями в Афганистане. Совместно с Виктором Некипеловым, Осипова является автором цикла публицистических статей «Опричнина».

Круг интересов Татьяны Осиповой широк и не ограничивается только социальными проблемами, однако она отчетливо сознает, что никакая полноценная деятельность невозможна в обществе, где отсутствуют гражданские свободы.

Общественная деятельность Татьяны Осиповой вызывала постоянные преследования со стороны властей. Ее несколько раз подвергали обыскам и задержаниям, в январе этого года она отбыла 25 суток под административным арестом, 21 сутки она держала голодовку протеста.

Теперь ей, совершенно невинному человеку, грозит жестокое наказание — многолетнее лагерное заключение.

Вся деятельность Татьяны Осиповой содействовала реальному осуществлению Хельсинкского соглашения в нашей стране, и ее арест является грубейшим нарушением этого соглашения.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
28 мая 1980 г.

167

Документ № 134

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СССР

1 апреля 1980 года Валерию Фефелову, члену Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР, было сделано официальное предупреждение на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года.

Валерий Фефелов — инвалид первой группы с семнадцати лет из-за травмы позвоночника, полученной на производстве, полностью лишен возможности самостоятельно передвигаться в связи с параличом нижних конечностей и всей нижней половины туловища. За несколько месяцев до предупреждения он был лишен водительских прав и теперь не может пользоваться имеющейся у него автомашиной.

Совместно с художником-дизайнером Юрием Киселевым он является одним из основателей Инициативной группы и в ее рамках пытается добиться создания легального общества инвалидов по типу существующего с начала века общества слепых или общества глухонемых. С этой целью опрошено путем рассылки анкет большое число людей. Группа выпускает также информационный «Бюллетень», вышло 8 номеров.

Однако такая деятельность вызвала раздражение властей, обрушивших на членов группы репрессии.

8 декабря 1979 года сотрудники КГБ Владимирской области провели обыск в квартире Фефелова, во время которого были изъяты письма инвалидов, сообщавших о своем тяжелом положении, а также анкеты, которые Группа рассылала, эти анкеты в протоколе обыска были названы «антисоветскими».

13 мая 1980 года в газете «За коммунизм», выходящей в г.Юрьеве-Польском, где живет Валерий, опубликована статья с обвинениями и угрозами в его адрес. Искажая факты биографии Фефелова, авторы статьи стремятся возбудить у читателей неприязненное отношение к Фефелову, при этом в статье используются выдержки из частной переписки Фефелова, изъятой у него при обыске, что является нарушением ст. 56 Конституции СССР и ст. 135 УК РСФСР. В адрес Фефелова поступают анонимные письма с угрозами. Его жене Ольге Зайцевой — матери двух детей 6-ти и 4-х лет, работающей медицинской сестрой в детских яслях, говорят, что некоторые родители детей, находящихся на ее попечении, опасаются за жизнь своих детей, доверенных «антисоветчице». А представитель владимирского КГБ заявил ей, что «детей отнимем, а тебя посадим».

В сложившейся ситуации члены Инициативной группы защиты прав инвалидов нуждаются в общественной международной поддержке и защите от произвола властей.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
8 июня 1980 г.

168

Документ № 135

[ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МХГ «ВРАЖДЕБНОЙ ГРУППИРОВКОЙ»]

Власти объявили Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений — враждебной группировкой.

Эта формулировка содержалась в официальном «Предостережении», сделанном члену Группы Юрию Ярым-Агаеву во время его задержания сотрудниками КГБ СССР 30 мая с.г.

Особая опасность такой формулировки связана с тем, что она последовала сразу же вслед за арестом одного из членов Группы — Татьяны Осиповой.

Аресты Орлова, Щаранского, Гинзбурга, Ланда и Слепака перед Белградским совещанием и новые аресты Некипелова, Ланда, Терновского, Осиповой перед Мадридским совещанием являются вызывающим нарушением советскими властями Хельсинкского соглашения. Объявление всей Группы враждебной группировкой откровенно выражает отношение властей к самому соглашению, в тексте которого содержится призыв к частным лицам и ассоциациям всемерно содействовать его выполнению.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
9 июня 1980 г.

169

Документ № 136

АРЕСТ АЛЕКСАНДРА ПОДРАБИНЕКА

13 июня 1980 года в поселке Усть-Нера (Якутская АССР) арестован находящийся там в ссылке Александр Подрабинек, член Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. По сообщению жены Подрабинека, ему предъявлено обвинение в изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР). Ранее в 1978 году по аналогичному обвинению Александр Подрабинек был приговорен к пяти годам ссылки.

В период пребывания в ссылке Подрабинек систематически подвергался преследованиям: ему чинились препятствия в получении работы по специальности, у него производились многократные обыски, он вызывался на допросы по делам, возбужденным властями против членов Рабочей комиссии и других правозащитников.

Жену Подрабинека Аллу Хромову, последовавшую за ним в ссылку, и их шестимесячного сына лишили московской прописки, т.е. права проживать в Москве (она родилась, выросла и постоянно проживала в Москве, где имеет квартиру совместно с матерью и сестрой). Как уже указывалось в документах Группы[112], случаи повторных арестов и привлечения к судебной ответственности правозащитников, отбывающих наказание в тюрьмах, лагерях и ссылках, в последнее время приобрели систематический характер. Арест Подрабинека новое тому подтверждение.

Мы считаем новый арест Подрабинека абсолютным беззаконием и настаиваем на немедленном освобождении Александра Подрабинека и прекращении преследований его семьи.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
17 июня 1980 г.

---

[1] См. документ № 132 (док. 165). — *Сост.*

170

Документ № 137

СУД НАД ВИКТОРОМ НЕКИПЕЛОВЫМ

11–13 июня 1980 года в Камешково Владимирской области состоялась выездная сессия Владимирского областного суда, рассматривавшая дело Виктора Некипелова. Приговором суда (председатель облсуда Колосов, народные заседатели Зорин и Волков) Некипелов признан виновным в антисоветской агитации и пропаганде по ст. 70 УК РСФСР и осужден к лишению свободы в лагере строгого режима сроком на семь лет с последующей ссылкой на пять лет (максимальный срок по этой статье). Обвинение поддерживал зам. прокурора области Сальнов. Адвоката-защитника в суде не было. Несмотря на длительные усилия жены и сына обеспечить Некипелова защитником, его право на защиту было грубо нарушено (см. документ № 131).

Некипелову вменено изготовление и распространение в целях ослабления и подрыва советской власти произведений, порочащих советский государственный и общественный строй:

1. Семь стихотворений из сборника стихов Некипелова «Анестезия» — памяти Яна Палаха[LXXXXIX], «Отпечатки пальцев» и др.

2. Ряд литературных и публицистических произведений («Сталин на ветровом стекле», «Стертые с фасада» и др.

3. Два документа Хельсинкской группы: № 97 «Политические процессы над рабочими в СССР», № 85 «Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд» и др.

4. Статьи и письма в защиту рабочих, преследуемых по политическим мотивам (Михаил Кукобака, Евгений Бузинников, Эдуард Кулешов и др.).

5. Личная переписка Некипелова по поводу отказа от гражданства, его желании эмигрировать и полученных им отказов (см. Вставку).

Из заявлений, сделанных Виктором Некипеловым на суде, следует, что фактически основным обвинением его является участие в московской группе «Хельсинки». Несмотря на то, что в приговор включены лишь два документа группы, к делу приобщены около пятидесяти документов, подписанных Некипеловым в числе других членов группы.

Суд не искал доказательств «вины» Некипелова, он лишь пытался создать внешний декорум правосудия. В частности, судом было отклонено ходатайство Некипелова об исследовании всех документов группы «Хельсинки» и о вызове более 20 дополнительных свидетелей для подтверждения фактов, изложенных в инкриминируемых Некипелову статьях, письмах и документах.

Вставка

Кроме того, Некипелову вменено хранение с целью распространения следующих материалов: «Жить не по лжи» А. Солженицына, «О третьем томе «Архипелага ГУЛаг» Р. Медведева и др.

Показания Некипелова судом игнорировались. Пресекая все попытки Некипелова добиться последовательного и объективного исследования вменяемых ему эпизодов, суд «доказывал» «вину» Некипелова противоречивыми, а иногда и просто ложными показаниями свидетелей по несуществующим и малозначительным эпизодам. Такой способ «доказывания» временами доходил до абсурда. Например, в приговоре говорится, что умысел распространения Некипеловым «клеветы» подтверждается показаниями двух продавщиц о том, что Некипелов неоднократно спрашивал бумагу для пишущих машинок (кстати, эти продавщицы показали, что им было запрещено продавать

такую бумагу Некипелову). Из приложенных к настоящему документу записей, сделанных родственниками осужденного в судебном заседании, видно, что у суда не было никаких данных для обвинения Некипелова в столь серьезном преступлении, а также для назначения столь серьезной меры наказания.

Виктор Александрович Некипелов — 52-летний врач-фармацевт. В то же время он талантливый поэт и автор блестящих статей, эссе и очерков. Некипелов избран членом французского и американского Пэн-клубов. Его перу принадлежит книга «Институт дураков» — записки об институте Сербского.

Виктор Некипелов — гуманист, противник всякого насилия, он действовал всегда открыто и легально в пределах декларированных Конституцией СССР и ратифицированных СССР документов прав человека и гражданина. Никаких преступлений Виктор Александрович не совершал. Он осужден за мысль, за свободное слово, за стремление помочь преследуемым и угнетенным. Виктор Некипелов на долгие годы изолирован от семьи и от общества. Лишен возможности продолжать свою литературную и общественную деятельность. Но опасность нависла и над семьей Некипелова. Из заявления, сделанного Некипеловым в суде, явствует, что в следственных органах КГБ имеется выделенное в отдельное производство дело на его жену Нину Комарову, химика-фармацевта. Более того, из этого же заявления известно, что в КГБ заведено «досье» на старшего сына Сергея 23-х лет и младшего Евгения 13 лет.

Мы утверждаем, что арест и осуждение Виктора Некипелова являются еще одним грубым нарушением заключительного акта Хельсинкского Совещания.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев
17 июня 1980 г.

171

Документ № 138

[К МАДРИДСКОМУ СОВЕЩАНИЮ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ]

Московская Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР была организована в мае 1976 г. в полном соответствии с положением Всеобщей декларации прав человека и Пакта о политических и гражданских правах, как свободная общественная ассоциация людей, ставящих себе целью легальную и ненасильственную правозащитную деятельность.

Вскоре такие же группы были созданы на Украине, в Литве, Грузии и Армении, затем (под различными наименованиями) в некоторых странах Восточной Европы, а позже в США и в государствах Западной Европы.

Работа Московской Хельсинкской группы заключается в выявлении нарушений положений Хельсинкского акта в гуманитарной его части — так называемой третьей корзины,— в сборе и проверке информации о нарушениях прав человека, предании этих сведений широкой гласности путем обращения к главам 35 государств, подписавших Хельсинкский акт, а также к мировой общественности.

Вся деятельность Московской Хельсинкской группы зафиксирована в выпускаемых ею документах. За 4 с лишним года опубликовано 137 документов.

С самого начала своего существования группа подвергается преследованиям со стороны властей, и многие ее члены находятся в заключении или были вынуждены эмигрировать. Хельсинкские группы в республиках также подвергаются жестоким преследованиям и некоторые из них были вынуждены прекратить работу, так как на свободе не осталось ни одного члена.

За пять лет, прошедших с момента подписания Хельсинкского акта, в нашей стране усилились репрессии не только против участников Хельсинкского движения, но и против правозащитного движения в целом: увольнения с работы, допросы, слежка, вызовы в КГБ для «бесед», «предупреждений», принудительные помещения в психбольницы, осуждения к длительным срокам заключения и ссылки. Громятся религиозные, литературные, благотворительные, научные и культурные, профессиональные и т.п. ассоциации. В том числе — «Хроника текущих событий» (журнал, существующий уже более 12 лет и играющий большую роль в формировании принципов правозащитного движения в СССР), Фонд помощи политзаключенным и их семьям, журналы «Поиски», «Евреи в СССР», «Община», женские журналы[LXXXXX]; альманахи «Память»[LXXXXXI], «Метрополь»[LXXXXXII]; свободные ассоциации: Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, Христианский комитет защиты прав верующих, Инициативная группа по защите прав инвалидов в СССР, Совет родственников узников ЕХБ, Христианский молодежный семинар, свободные профсоюзные ассоциации, художники-нонконформисты и др. Преследуются национальные движения на Украине, в Литве, Армении и других республиках, а также движение за эмиграцию евреев и этнических немцев, движение крымских татар и месхов за возвращение на свои исторические земли. Преследуется всякая независимая мысль, книга, слово.

В последние годы нарушения элементарных прав человека в СССР приобрели характер массового подавления любого инакомыслия во всех сферах человеческой деятельности.

Заключительный акт Хельсинки — первое из международных соглашений, установившее неразрывную связь между проблемами мира, безопасности и разрядки напряженности и проблемой соблюдения прав человека. Защита прав человека в свете Хельсинкского акта не может больше рассматриваться как «внутреннее дело» каждого государства, а становится объектом международного права.

Сейчас на Западе раздаются голоса за бойкот Мадридского совещания в связи с вторжением советских войск в Афганистан.

Мы считаем такой бойкот неправильным. Мадридское совещание может и должно стать форумом, который способен снова привлечь общественное внимание к проблемам прав человека, неразрывно связанным с общемировой безопасностью.

Несомненно, советское вторжение в Афганистан должно быть обсуждено и осуждено. Но и проблема защиты прав человека должна занять в Мадриде место, соответствующее ее важности.

Мы надеемся, что Мадридское совещание:

а) подтвердит неразрывную связь между разрядкой напряженности и соблюдением прав человека;

б) признает установленным, что соблюдение прав человека является не чисто внутренним делом каждого государства, а международной проблемой и подпадает под действие норм международного права;

в) осудит массовые нарушения прав человека в разных странах с перечислением характерных для каждого государства категорий нарушений;

г) создаст международный трибунал для рассмотрения конкретных случаев нарушения прав человека государствами в отношении своих граждан;

д) признает право на существование общественных групп «Хельсинки» во всех странах-участницах Совещания.

Мы считаем абсолютно недопустимым наличие узников совести в любой стране, подписавшей Акт, и призываем к амнистии всех узников совести по представлению «Эмнести интернейшнл».

Мы просим использовать в работе Совещания материалы информационного журнала «Хроника текущих событий», «Информационный бюллетень» Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, «Бюллетень» Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР и другие правозащитные материалы, поступающие из СССР.

Мы поручаем нашему представителю Людмиле Алексеевой представить Совещанию 138 документов Московской Хельсинкской группы. Так как власти во многих прошедших ранее судебных процессах некоторые факты, изложенные в наших документах, квалифицировали как клеветнические, мы просим создать международную комиссию для проверки этих документов.

Мы выражаем надежду, что успешное проведение Мадридского совещания будет новой ступенью к разрешению проблемы соблюдения прав человека во всем мире и к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Феликс Серебров
20 августа 1980 г.

172

Документ № 139

О КАССАЦИОННОМ СУДЕ НАД В. НЕКИПЕЛОВЫМ[1]

25 августа 1980 года Верховный Суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу В. А. Некипелова, осужденного 13 июня 1980 года Владимирским областным судом по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет заключения в лагерях строгого режима и 5 лет ссылки — максимальное наказание по ст. 70.

Виктор Некипелов — врач, поэт, публицист, член французского и американского отделений международного Пэн-клуба, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Верховный Суд в составе: председатель Гаврилин, члены Осипенко, Дякин, заслушав адвоката Калинину и прокурора Максимову, оставил в силе вынесенный ранее приговор Владимирского областного суда.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
27 августа 1980 г.

[1] Название дано по «Хронике текущих событий» № 60. — *Сост.*

173

Документ № 140

СУДЫ НАД ТАТЬЯНОЙ ВЕЛИКАНОВОЙ И СВЯЩЕННИКОМ ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ

На этой неделе в Москве состоялись суды над двумя известными правозащитниками — Татьяной Великановой и о. Глебом Якуниным. До этого они 10 месяцев содержались под арестом в Лефортовской тюрьме.

Священник о. Глеб Павлович Якунин (1934 г.р.) стал известен своим письмом Московскому патриарху Алексию о положении в русской православной церкви, написанным в 1965 г. в соавторстве со священником Николаем Эшлиманом. С этого времени началась активная правозащитная деятельность о. Глеба, которая привела к созданию в 1976 г. Христианского комитета защиты прав верующих.

За правозащитную деятельность о. Глеб Якунин был отстранен от священнического служения.

1 ноября 1979 г. о. Глеб был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК РСФСР).

Дело о. Глеба слушалось в Мосгорсуде с 25 августа по 28 августа 1980 г. Председательствовала судья Лубенцова. Прокурор — Скаредов. Адвокат — Попов.

Формально заседание суда было открытым, но в зал кроме жены о. Глеба никто из родных и близких допущен не был.

Обвинительное заключение содержало большое количество писем и обращений, написанных о. Глебом, и документы Христианского комитета защиты прав верующих.

В судебном разбирательстве о. Глебу в основном инкриминировались его письма-обращения к португальским христианам и Всемирному Конгрессу Церквей[1] в Найроби. Однако инкриминируемые о. Глебу документы в суде не оглашались и судом не исследовались.

В качестве свидетелей на суд были доставлены член Христианского комитета защиты прав верующих Виктор Капитанчук, Лев Регельсон — соавтор многих документов о. Глеба (оба содержатся в тюрьме КГБ Лефортово), Виктор Попков, участник Христианского молодежного семинара, осужденный в 1979 г.

Среди свидетелей были не раз представлявшие Русскую православную церковь за границей, в частности, в Найроби, профессор Московской Духовной Академии Осипов и зав. аспирантурой при Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии Пустоутов.

Оба эти свидетеля подчеркнули, что письмо о. Глеба к Конгрессу сильно подорвало престиж Русской церкви и затруднило работу советской делегации в Найроби.

О. Глеб себя виновным не признал. В своем последнем слове он сказал, что исполнял свой пастырский и человеческий долг, что у суда он ничего не просит и что благодарит Бога за посланные ему испытания.

Суд приговорил о. Глеба Якунина к 5 годам лагерей строгого режима и к 5 годам ссылки.

Татьяна Михайловна Великанова (1932 г.р.), математик, мать троих детей, бабушка 4-х внуков (двое из них родились после ее ареста) — активнейший участник правозащитного движения в течение 12 лет, член-основатель первой в СССР правозащитной ассоциации «Инициативная группа защиты прав человека» (основана в 1969 г.).

---

[1] Точнее, к делегатам V Ассамблеи Всемирного Совета Церквей. — *Сост.*

В 1973 г., под давлением КГБ, создавшего ситуацию заложничества, был приостановлен выпуск важнейшего информационного журнала «Хроника текущих событий». В мае 1974 г. Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович взяли на себя ответственность за распространение этого журнала.

В течение всех последующих лет Татьяна Михайловна постоянно подвергалась преследованиям со стороны КГБ за свою правозащитную деятельность.

1 ноября 1979 г. Татьяна Михайловна была арестована по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 УК РСФСР). Суд над Татьяной Михайловной проводился с 27 по 29 августа 1980 г. в помещении Люблинского районного суда выездной сессией Мосгорсуда. Председатель — судья Романов, прокурор — Чистяков, адвокат — Батова (назначена судом).

Никто из членов семьи о дате и месте суда извещен не был. Более того, когда суд уже шел, детям Татьяны Михайловны в канцелярии суда ответили, что здесь суда нет, а адвокат был извещен о месте суда за час до его начала. В суд были допущены только дети Татьяны Михайловны и ее сестры. Здание суда было блокировано сотрудниками милиции и лицами в штатском. Проезд автомобилей был запрещен.

За все время следствия Татьяна Михайловна не дала никаких показаний и не подписала ни одного документа. Точно так же она отказалась от участия в суде. В отношении адвоката она заявила суду: «Адвокат нужен вам, а не мне; а мне не нужен второй обвинитель».

Ей инкриминировались документы Инициативной группы, совместные заявления с Сахаровым, Ковалевым, Т. Ходорович, распространение «антисоветской литературы», участие в пресс-конференции 30 октября 1974 г.[1], возобновление, изготовление и распространение «Хроники текущих событий», редактирование материалов для «Хроники текущих событий», изготовление и передача за границу 25 выпусков ХТС (28–52) и материалов № 53, «нелегальная связь» с эмигрантами, иностранными корреспондентами и дипломатами.

Так же, как и в суде над о. Глебом Якуниным, ни один из перечисленных документов не оглашался и судом не расследовался.

Перед судом прошло 7 свидетелей и были зачитаны письменные показания еще троих.

Двое свидетелей — заключенные, привезенные из лагеря, двое — сотрудники лагерей, двое уже выступали свидетелями обвинения на процессе Ковалева в 1975 г.

Бывший начальник Великановой, вызванный свидетелем, давал суду объективные показания, но председательствующий его неоднократно прерывал.

Свидетель Зайнутдинов в данных им письменных показаниях сообщил, что в 1971 г. Великанова давала ему книги Авторханова, Амальрика и др.

Остальные обвинения на суде ничем не подтверждены. Суд приговорил Татьяну Великанову к 4 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Процессы над Татьяной Великановой и священником о. Глебом Якуниным, как и аналогичные процессы, проведенные ранее, свидетельствуют о том, что советские власти все более бесцеремонно нарушают положения Хельсинкского акта. В момент все возрастающей международной напряженности такая позиция ведет к дальнейшему разобщению Востока и Запада.

* * *

Приложение[2] к настоящему документу: записи процессов над Татьяной Великановой и о. Глебом Якуниным.

---

[1] На этой пресс-конференции был впервые отмечен День политзаключенного в СССР. — *Сост.*

[2] Не публикуется, см. АС № 4170. — *Сост.*

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
29 августа 1980 г.

174

Документ № 141

О СУДЕ НАД ОГОРОДНИКОВЫМ[1]

6 сентября Калининский областной суд приговорил Александра Огородникова к 6 годам лагерей и 5 годам последующей ссылки.

Александр Огородников в 1976 г. организовал в Москве Молодежный христианский семинар и издавал религиозный журнал «Община». В связи с этим он подвергался преследованиям со стороны КГБ. Весной 1979 г. Огородников был осужден судом гор. Конаково к 1 году лагерей общего режима по ст. 209 (тунеядство). Отбывал заключение в Красноярском крае. По истечении срока заключения Огородников не был освобожден из-под стражи, и против него было возбуждено дело по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

В суде Огородников в резкой форме заявил два ходатайства:

1) Очистить зал от специально подобранной публики и впустить туда его друзей.

Суд отклонил это ходатайство, а из зала суда вывели его мать.

2) Отвод всему составу суда.

Это ходатайство тоже отклонено. После этого Огородников поблагодарил адвоката и отказался от его участия в деле. Адвокат покинул зал заседания суда.

Огородников к началу суда держал длительную голодовку протеста (102 дня). Он страдает язвенной болезнью, и голодовка сильно подрывает его здоровье. Когда насильственно удалили из зала суда его мать, Огородников пытался вскрыть себе вены. После этого у здания суда все 3 дня дежурила карета «скорой помощи».

В качестве свидетелей на суд были доставлены Владимир Пореш и Виктор Попков — оба находятся в заключении.

Что именно инкриминировалось Огородникову — неизвестно, но один из пунктов содержал обвинение в издании журнала «Община». Этот журнал издавался еще до первого ареста Огородникова, т.е. до 1979 г.

Возбуждение дела и арест в 1980 г. в последние дни отбывания наказания за «тунеядство» — это противозаконный способ продолжения срока наказания. На третий день суда в зал были допущены родители и жена Огородникова.

Жестокий приговор Александру Огородникову убедительно свидетельствует о намерении властей полностью разгромить движение за свободу вероисповедания.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
23 сентября 1980 г.

[1] Название дано по «Хронике текущих событий» № 60. — *Сост.*

175

Документ № 142

О ПОВТОРНОМ ОСУЖДЕНИИ РАЗМИКА МАРКОСЯНА

13 августа 1980 г. Целиноградский областной суд (Казахская ССР) приговорил Маркосяна Размика по ст.ст. 170.1 и 198 УК Казахской ССР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй и побег из места ссылки) к лишению свободы сроком на 3 года.

Размик Маркосян, 1949 года рождения, впервые был осужден в 1974 г. по ст.ст. 65 и 67 УК Армянской ССР (антисоветская агитация и пропаганда и участие в антисоветской организации) за членство в Национальной Объединенной Партии Армении.

После отбытия 4 лет заключения он был направлен в ссылку в село Кенбидаик Целиноградской области.

27 апреля, за 1 месяц и 6 дней до окончания срока ссылки, Маркосян был арестован. И вместо возвращения в родную Армению к семье и друзьям — вновь заключен в лагерь строгого режима на 3 года.

Обвинение Маркосяна в намерении совершить побег с места ссылки просто абсурдно. Ему оставалось чуть больше месяца до законного возвращения домой. Как побег квалифицировано простое нарушение установленного Исправительно-Трудовым Кодексом режима для ссыльных. Без оформления письменного разрешения милиции Маркосян на автобусе на несколько часов выехал в гор. Целиноград, не имея никакого умысла совершить побег.

Распространением клеветнических измышлений суд признал *жалобы,* направленные им из лагеря в 1977 г. и из ссылки в 1978 г. на имя Президиума Верховного Совета СССР и Генерального Прокурора СССР. Клеветой суд счел содержащиеся в этих жалобах субъективные оценочные суждения по вопросам нарушения прав человека в СССР.

Кроме того, в вину Маркосяну судом поставлены его устные высказывания о нарушениях прав человека и отсутствии свободы слова в СССР, о событиях в Афганистане. Вот как записано это обвинение в приговоре:

«Вина Маркосяна доказана полностью показаниями свидетелей: Злючий показал в суде, что после одной из передач о событиях в Афганистане, Маркосян заявил, что на ближневосточную нефть зарится не США, а СССР, что СССР оккупировал Афганистан, он оккупировал бы и Иран, но этому мешает флот США у берегов Ирана. На его (Злючего) возражения Маркосян не реагировал, *стоял на своих убеждениях.* Свидетель Ризванов показал в суде, что после одной из передач «Голоса Америки» Маркосян заявил, что в СССР людей преследуют за их убеждения, что в СССР нарушены права человека, что в СССР нет свободы слова, при этом в качестве примера приводил фамилии Сахарова, Любарского, Григоренко, Назаряна, которых будто бы преследуют за их убеждения».

(Выписки из приговора от 13 августа 1980 г.)

Кончается приговор краткой, но о многом говорящей фразой:

«Вещественное доказательство — книгу А. Д. Сахарова «О стране и мире» — уничтожить».

Таким образом, сам текст приговора суда устанавливает, что Маркосян осужден за открытое высказывание в жалобах в советские инстанции и в разговорах с частными лицами своих убеждений. Других обвинений ему не предъявлено.

Члены Московской групп «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров
25 сентября 1980 г.

176

Документ № 143

СУД НАД ИОСИФОМ ДЯДЬКИНЫМ И СЕРГЕЕМ ГОРБАЧЕВЫМ

16–18 сентября 1980 г. Калининским областным судом рассмотрено дело по обвинению Дядькина и «его знакомого» (так в обвинительном заключении) Горбачева, обвиняемых по ст. 190.1 УК РСФСР (заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй).

Иосиф Дядькин приговорен к 3 годам, а Сергей Горбачев — к 2 годам лишения свободы в исправительно-трудовых колониях общего режима.

Оба подсудимых в суде виновными себя не признали. Адвокаты просили суд об оправдании Дядькина и Горбачева за отсутствием в их действиях состава преступления.

Арестованный 25 апреля 1980 г. Иосиф Дядькин (1928 г.р.), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Калининского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института геофизических исследований скважин. В 1976 г. Дядькин написал работу «Статистика», в которой анализировал демографические данные о количестве населения в СССР в отдельные периоды, и в результате этого анализа делал выводы, не совпадающие с официальной советской доктриной. Эта брошюра впоследствии была опубликована на Западе.

Из самого обвинения, предъявленного Дядькину и признанного судом доказанным, видно, что он свободно и открыто в своих статьях и устно на семинарах, на собраниях и в беседах с отдельными людьми высказывал суждения, мысли и оценки, отличные от официальных оценок, принятых в нашей стране.

Так, Дядькину поставлено в вину высказывание своей оценки Октябрьской революции и Гражданской войны, как событий, которые привели к напрасным жертвам, к развалу экономики; утверждение, что коллективизация привела к уничтожению лучшей части крестьянства и к разрушению сельского хозяйства, последствия которого сказываются и до настоящего времени.

Дядькину также поставлено в вину то, что он «помощь народам ЧССР и Афганистана» характеризует как агрессию и оккупацию. Крамольным признано судом и выступление Дядькина на общем собрании института при обсуждении проекта Конституции СССР, где он утверждал, что в проекте ограничиваются права и свободы граждан.

Ни одного случая распространения заведомо ложной информации о каких-либо фактах, не имевших в действительности места,— в обвинении не приведено. Между тем, даже в теории советского уголовного права признавалось, что высказывание оценочных, хотя бы и ошибочных суждений, не может быть квалифицировано как клевета. Так в научно-практическом комментарии к УК РСФСР написано:

«Заведомо ложными, порочащими советский государственный и общественный строй являются измышления о якобы имевших место фактах и обстоятельствах, порочащих советское общество и государство, несоответствие которых действительности известно виновному... Распространение измышлений, ложность которых не известна распространяющему их лицу, а равно высказывание ошибочных *оценок, суждений или предположений не образует преступления, предусмотренного ст. 190.1.* Изготовление или распространение произведений, *хотя и выражающих отрицательное отношение изготовившего их лица к советской действительности, но не содержащих заведомо ложных измышлений упомянутого характера не влечет ответственности по ст. 190.1».*

(Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР, Издательство «Юридическая литература», Москва, 1971 год, стр. 403).

Таким образом, самим приговором устанавливается, что Дядькин осужден не за преступные действия, а лишь за инакомыслие. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в качестве доказательства вины Дядькина суд ссылается на заключение «научной» экспертизы, которую проводили доктора исторических, экономических наук и ученый-демограф. К сожалению, нам неизвестны их фамилии. Перед этими экспертами в нарушение закона вместо вопросов по их специальности были поставлены чисто правовые вопросы о том, содержится ли в статьях Дядькина заведомая клевета. Эксперты вышли за пределы своих прав и обязанностей и ответили на эти вопросы утвердительно, хотя вопросы о клевете, т.е. о составе преступления, подлежат компетенции только суда.

Арестованный 2 июня 1980 г. Сергей Горбачев, 1952 года рождения, математик, младший научный сотрудник НПО «Центрпрограммсистем», осужден к 2 годам лишения свободы только за то, что он передал для прочтения одному человеку брошюру «Неполитические письма» Ростина (псевдоним одного из авторов журнала «Поиски»). Какие именно заведомо ложные измышления содержатся в этой брошюре и чем установлено, что Горбачев «знал о ее клеветническом содержании» в обвинении не указано.

Между тем эта статья является изложением взглядов автора по вопросам воспитания детей и подростков и не содержит никаких заведомо ложных измышлений. Никаких других «преступных действий» Горбачеву не вменено. Объединение его дела с делом Дядькина не основано на законе. Очевидно, что это объединение дел, как и суровое осуждение Горбачева, основано лишь на том, что он является «знакомым» (так сказано в обвинении) Дядькина.

Одновременно с приговором суд вынес частное определение о привлечении к уголовной ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний научных работников: инженера Леонида Лозовского и математика Владимира Голицына. Такое обвинение грозит им увольнением с работы и отбыванием исправительных работ сроком до 6-ти месяцев. Осужденные к исправительным работам, как правило, используются не по специальности, а на неквалифицированных работах. После ареста Дядькина у Лозовского, Голицына и у позднее арестованного Горбачева были произведены обыски. В начале следствия они отправили прокурору Калининской области письмо с протестом против преследования Дядькина.

Вынесено также определение об обсуждении по месту работы поведения жены Горбачева, отказавшейся в суде отвечать на некоторые вопросы о своем муже.

Осуждение Дядькина и Горбачева еще раз подтверждает нарушение советскими властями положений Хельсинкского акта и стремление властей подавить всякое инакомыслие.

* * *

Приложение[1] к настоящему документу: обвинительное заключение по делу Иосифа Дядькина и Сергея Горбачева.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
26 сентября 1980 г.

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС №4115. — *Сост.*

177

Документ № 144

СУД НАД ВЯЧЕСЛАВОМ БАХМИНЫМ

24 сентября 1980 г. Московским городским судом приговорен к 3 годам лишения свободы *Вячеслав Бахмин*, член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Обвинение было предъявлено Бахмину по ст. 190.1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»).

Формально открытый суд проходил в течение трех дней (22–24 сентября 1980 г.) по существу при закрытых дверях. Друзей и знакомых Бахмина не только не впустили в зал, но не подпускали даже к зданию, где происходил суд, а в последний день им не разрешалось даже проходить по улице, где расположен суд. Жена Бахмина, Татьяна Хромова, и его брат Виктор Бахмин, вызванные в качестве свидетелей, тем самым были лишены возможности присутствовать в зале суда в течение большей части процесса.

Вячеслав Бахмин, 1947 года рождения, был арестован впервые осенью 1969 г., когда он, 22-летний студент МФТИ, вместе с Ириной Каплун (недавно трагически погибшей в автомобильной катастрофе) и Ольгой Иофе пытался распространить листовки, направленные против реабилитации Сталина. После 10 месяцев пребывания в Лефортовской тюрьме Бахмин и Каплун были «помилованы» до суда (т.е. не будучи признаны виновными), а Ольга Иофе помещена в спецпсихбольницу (в настоящее время живет на Западе).

Окончив впоследствии Московский экономико-статистический институт, Бахмин, работавший инженером-программистом, активно участвовал в правозащитном движении и неоднократно подвергался за это преследованиям властей (обыски, допросы, вызовы в КГБ для «предупреждения» и т.п.).

В 1977 г. была образована свободная правозащитная ассоциация — Рабочая комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. В ее состав вошли: *Вячеслав Бахмин*, *Александр Подрабинек* (в 1978 г. осужден за написание книги «Карательная медицина», отбывал ссылку в Якутии, где 13 июня 1980 г. вторично арестован по ст. 190.1 УК РСФСР), *Ирина Каплун* (впоследствии вышедшая из состава комиссии), *Феликс Серебров* (в 1977 г. был осужден по сфальсифицированному обвинению в подделке документа и, отбыв год заключения, продолжает работать в Рабочей комиссии, подвергаясь систематическому преследованию властей).

Позднее в состав Комиссии вошли: *Леонард Терновский* (арестован 10 апреля 1980 г.) и *Ирина Гривнина* (арестована 16 сентября 1980 г.). *Александр Волошанович* (вынужденно эмигрировавший на Запад) долгое время был психиатром-консультантом Рабочей комиссии.

Вместе с другими членами Рабочей комиссии Бахмин старался помочь людям, незаконно подвергшимся психиатрическим репрессиям. Для этого он собирал информацию о таких злоупотреблениях — о незаконных направлениях людей в спецпсихбольницы, о нарушениях прав психически больных, об условиях содержания в спецпсихбольницах, о преследованиях медперсонала за сочувственное отношение к больным и т.п. Собранную информацию Бахмин, как и другие члены Комиссии, рассылал в виде запросов, заявлений и специальных информационных бюллетеней в официальные государственные инстанции и учреждения (в Министерство здравоохранения, в Прокуратуру, главным врачам больниц и т.д.). Эта легальная, гласная деятельность существенно ограничивала произвол властей и, вероятно, предупредила многие случаи незаконной госпитализации.

Приговором Бахмину инкриминируется «клеветническое» содержание информационных бюллетеней, выпускавшихся якобы тайно и нелегально.

В данном случае клевета содержится именно в тексте приговора и опровергается самим приговором, ибо в том же тексте указано, что на первой странице каждого бюллетеня напечатаны фамилии и адреса его составителей.

Кроме того, легальный и гласный характер деятельности Комиссии подтверждается, как сказано выше, самим фактом рассылки бюллетеней официальным учреждениям и организациям.

Всего с 1977 г. до момента ареста Бахмина было выпущено и распространено 22 номера «Информационного бюллетеня», содержащих информацию о примерно *500* случаях нарушений в области психиатрии.

Из этой обширной информации Вячеславу Бахмину приговором вменено *четырнадцать* эпизодов, сообщения о которых якобы заведомо ложны и не имели места в действительности.

Никаких доказательств *заведомой* ложности в материалах дела нет и в приговоре не приведено. Что же касается ошибок, вполне возможных (особенно в обстановке постоянных преследований и препятствий, чинимых властями сбору и проверке информации), то небольшое количество их как раз свидетельствует о тщательности и добросовестности проверки, проводимой Бахминым и другими членами комиссии. Уже то обстоятельство, что обвинение из более чем 500 сообщений оспаривает только 14, говорит о необоснованности осуждения Бахмина. Однако и цифра 14 необоснованно завышена: в суде Бахмин признал ошибочными только два сообщения, утверждая, что информация об остальных двенадцати эпизодах соответствует действительности.

Ни следствие, ни суд добросовестной проверки материалов информационных бюллетеней не провели, как не проводили ее и те официальные учреждения, которым рассылались бюллетени. Отказав Бахмину в ряде ходатайств, направленных на действительно объективную проверку фактов (в частности, ходатайство о вызове дополнительных свидетелей), суд обосновал «клеветнический» характер инкриминируемых Бахмину материалов ссылкой на показания свидетелей, явно заинтересованных в исходе дела: врачей-психиатров, ответственных за состояние дел и положение пациентов в психиатрических учреждениях. Так, сообщение в «Информационном бюллетене» о случаях преследования отдельных врачей-психиатров и медперсонала (в частности, в Сычевской СПБ и Красноярской ОПБ[1]) за сочувственное отношение к больным и отказ от выполнения бесчеловечных процедур, суд счел «заведомо ложными», опираясь на показания начальника Красноярской ОПБ Марченко («с *моей стороны* гонений в отношении обслуживающего персонала не было») и зав. отделением Сычевской СПБ Гуревича («ничего подобного с *моей стороны* не было»).

Смешно было бы даже предполагать, что такие прямо заинтересованные свидетели подтвердят сообщение о своих собственных незаконных действиях.

Однако даже показаниями таких заинтересованных свидетелей *заведомая* ложность сообщений, помещенных в информационных бюллетенях, ни по одному из вмененных Бахмину конкретных сообщений не доказана. Объективные же свидетели, которые могли бы подтвердить достоверность этой информации, ни на предварительном следствии, ни в суде не допрашивались.

На суде выяснилось также, что многие психиатры зачастую не знают не только содержания инструкции о неотложной принудительной госпитализации психически больных, которая регламентирует права больных, но *не знают даже о самом факте существования такой инструкции.* Между тем именно данная инструкция является основным

[1] Точнее — краевая психиатрическая больница. — *Сост.*

документом, которым руководствуется Рабочая Комиссия и на который она ссылается, указывая на незаконность той или иной госпитализации.

Отдельным пунктом обвинения является передача одному лицу для прочтения книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». Известно, что эта книга, читаемая во всем мире, у нас неуклонно изымается при каждом обыске.

* * *

Сотни людей знают Славу Бахмина как бескорыстного, правдивого, доброго человека, отзывчивого на чужое горе, всегда спешащего помочь человеку, оказавшемуся в беде. Слава органически не способен на ложь и клевету. Он осужден вопреки закону, при явном отсутствии в его действиях состава преступления, оторван от жены, от восьмилетнего сына, от друзей, от своей работы.

Заканчивая свое последнее слово в суде, Слава сказал:

— Когда-нибудь, может быть, нашим детям, а если не детям, то внукам, будет очень стыдно за то, что сейчас здесь происходит.

Приложение[1]: Текст последнего слова В. Бахмина, произнесенного 24 сентября 1980 г. в суде.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
2 октября 1980 г.[2]

178

Документ № 145

СУД НАД ВАЛЕРИЕМ АБРАМКИНЫМ

Валерий Абрамкин, один из редакторов свободного московского журнала «Поиски», 4 октября 1980 г. осужден на 3 года лагерей по ст. 190.1 УК РСФСР («заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй»).

Виновным Валерий себя не признал.

Процесс Абрамкина, длившийся в Московском городском суде *четыре дня,* в некотором роде является событием даже на фоне ставших уже бытовым явлением судебных процессов правозащитников в СССР.

Во-первых, Валерий Абрамкин осужден *только и исключительно* за попытку воспользоваться правом, формально предоставленным гражданам советской конституцией,— правом на свободу печати. Он отбыл 10 месяцев предварительного заключения в тюрьме, и ему еще предстоит отбыть 2 года и 2 месяца в лагере *только и исключительно* за то, что он в числе семи редакторов «Поисков» легально, нисколько не скрываясь, издавал машинописный дискуссионный журнал, в котором высказывались самые различные (часто противоположные) мнения, суждения и оценки — как теоретических проблем, так и явлений нашей действительности.

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4116. — *Сост.*
[2] В АС №4161 — 3 октября. — *Сост.*

Это уголовное наказание за *мысль* — весьма наглядное нарушение нашими властями Советской конституции, Хельсинкского акта и Декларации прав человека. Это и весьма наглядное нарушение советского законодательства, ибо в «Научно-практическом комментарии к УК РСФСР» черным по белому сказано, что «оценочные суждения не могут рассматриваться как клевета»[1]. А ничего, кроме «оценочных суждений», не смогли обнаружить в «Поисках» даже так называемые «специалисты» — призванные прокуратурой на помощь доктора и профессора академических институтов.

Во-вторых, 34-летний инженер-химик, в последние годы вынужденный работать сторожем, не имеющий юридического образования и фактически лишенный нормальной защиты, в судебном заседании наголову разбил и следствие, и суд, и «отзывы» не явившихся на суд «специалистов». В своих мотивированных ходатайствах (а их было более 40 — и почти все были немотивированно отклонены) и в своем последнем слове Абрамкин доказал не только необоснованность и лживость предъявленных ему обвинений, но и незаконность методов следствия, примененных следователем Ю. Бурцевым, которого Валерий потребовал привлечь к уголовной ответственности.

Валерий не защищался, а защищал право на мысль, на свободное слово — и ни судья, ни прокурор не могли помешать ему превратить свое последнее слово, длившееся два часа, в защитительную речь. Они могли только то, на что они способны: не дать Абрамкину закончить речь и вынести — вопреки совести, логике и закону — предрешенный приговор.

Дело Абрамкина показательно тем, что свидетельствует о моральном облике людей, пополняющих ряды правозащитников. За десять месяцев следствия не нашлось *ни одного* свидетеля, который чем-нибудь скомпрометировал бы Валерия Абрамкина. Каждый из свидетелей, выходя к судейскому столу, давал Валерию более чем блестящую характеристику. Все они говорили об уме Валерия Абрамкина, о его трудолюбии, доброте, отзывчивости, способностях — и прежде всего о его несомненной честности, делающей смехотворными обвинения в клевете.

Следствие не постеснялось вызвать на суд бывшую жену Абрамкина, рассчитывая, видимо, поживиться на семейных сложностях. Но и здесь они просчитались: ничего, кроме хорошего, не сказала бывшая жена о находившемся на скамье подсудимых Валерии.

В судебном заседании никаких фактов клеветы или заведомо ложных измышлений не было установлено. Ни один из допрошенных не дал показаний о каких-либо случаях клеветы. Единственный «свидетель обвинения» некий Касаткин, знакомство с которым Валерий Абрамкин категорически отрицает, в общей форме и немотивированно заявил, что «Поиски» — антисоветский журнал, хотя он и не указал конкретно, что именно антисоветского он нашел в этом журнале.

Единственное, на что попыталось опереться обвинение,— это письменные «заключения» уже упоминавшихся «специалистов», составленные в духе политических доносов. Однако ссылка приговора на эти «заключения» явно незаконна, ибо авторы их в судебное заседание не явились. Абрамкин трижды ходатайствовал о вызове «специалистов» — и суд трижды отклонял эти ходатайства, нарушив тем самым основополагающие принципы устности и непосредственности судебного следствия. Одновременно было нарушено и право Абрамкина на защиту, так как он был лишен возможности задавать «специалистам» вопросы.

* * *

Сын рабочего-слесаря Валерий Абрамкин родился в 1946 г. В 1970 г. окончил Московский химико-технологический институт им. Менделеева, работал в НИИ неоргани-

[1] Точную цитату см. в документе № 143 (док. 176). — *Сост.*

ческих материалов, является автором около 30 научных работ. Но он не только научный работник и хороший специалист, он — человек, для которого характерны разносторонние и глубокие умственные и общественные интересы. Он не просто принимал действительность как она есть, он *размышлял* над ней. И именно это побудило его принять участие в создании свободного московского журнала. И именно за это — за живую, ищущую мысль — осужден на три года лагерей молодой, талантливый, полный сил и энергии человек, который много добра мог принести своей стране и которым страна могла гордиться.

У Валерия Абрамкина два сына — 13 и 2,5 лет. Они-то будут гордиться им!

Московская группа «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
10 октября 1980 г.

179

Документ № 146

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СССР

Участникам Мадридского Совещания
по проверке выполнения Хельсинкских соглашений

Сегодня, в традиционный День политзаключенных, мы обращаемся к Вам с приветствием и с надеждой, что Вы не забудете среди многих важных дел повестки дня о тысячах узников совести в СССР, тщетно ожидающих широкой политической амнистии.

Такой амнистии, обычной для многих стран Запада, в Советском Союзе не было никогда. Неизменно беспощадная к любому инакомыслию, власть в СССР ни разу в широком масштабе не применила к мирным своим оппонентам конституционное право прощения. Гордясь своей силой, не проявила такой естественной слабости — которая только возвысила бы ее престиж и ничего другого бы ей не принесла, кроме уважения и благодарности.

Многие годы демократические силы в нашей стране надеялись на очеловечение режима; эти надежды, столько раз угасавшие, вновь пробудились после подписания Хельсинкского акта, когда 35 глав государств Старого и Нового Света столь торжественно обещали содействовать осуществлению прав человека, когда иные из них прямо провозгласили эти права своей государственной политикой. Не остался в стороне от сладостных этих обещаний и Советский Союз — проникся ли он торжественностью минуты, покорился ли инерции всеобщего воодушевления или попросту оплачивал достигнутые выгоды, но и он, рукою главы своего, запечатлел державную подпись под Заключительным актом с третьей его корзиной, содержащей такой объем правовых гарантий, о котором мог только мечтать гражданин «самого демократического» в мире государства.

Парадоксальным образом режим в СССР после Хельсинки только ужесточился. И первыми его жертвами стали именно те люди, которые добровольно взяли на себя труд помогать Советскому Союзу в выполнении принятых на себя обязательств — члены группы «Хельсинки». Подверглись репрессиям и все примыкавшие к ним инициативные группы и комиссии.

В последние два года аресты и судебные процессы следуют друг за другом с такой частотой, какая не помнится нам с 1953 г. и все более приближает нас к режиму всенародно осужденного сталинского произвола. Вновь вошло в обычай давать заключенному или ссыльному второй срок тотчас же по отбытии первого. Это делается по представлению администрации тюрьмы, лагеря или мест ссылки. Нам не известны случаи, чтоб суд отказался такое представление удовлетворить полностью. Содержание политзаключенных ухудшается с каждым месяцем — воздействие на них голодом, холодом, непосильной или вредной для здоровья работой, по малейшему поводу запрещением свиданий и переписки с волей — все эти меры, не исключая и физической расправы со стороны науськанных уголовников, применяются к людям, избирающим в качестве оружия лишь мирную проповедь и предложение дискуссии. Применяются, чтобы переломить их сознание и принудить отдать свои человеческие права неумолимому тоталитаризму.

Как могут, политзаключенные защищают себя и в этих жесточайших условиях. Они отстаивают свои права и права своих товарищей, объявляя голодовки протеста, они используют любую возможность дать знать о себе тем мировым организациям, в чьем статусе нашла отражение и воплощение Всеобщая Декларация Прав Человека. Естественно им обратиться к Вам, собравшимся затем, чтобы возвысить дух права в человечестве и наделенным для этого достаточным авторитетом и силой. Быть может, последним авторитетом и последней силой, далее которых уже обращаться не к кому.

Продолжая попрание неотъемлемых прав человека, не гарантируя в ближайшее время амнистии узникам совести, Советский Союз ставит под угрозу срыва само существование Хельсинкских Соглашений. И не случится ли с Хельсинкским актом так, как то случилось в истории со многими пактами и договорами, принесшими народам сперва надежду, потом — разочарование?

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Феликс Серебров

Присоединяемся:
Георгий Владимов, Андрей Сахаров, Раиса Лерт, Лидия Чуковская
30 октября 1980 г.

180

Документ № 147

СУД НАД ЮРИЕМ ГРИММОМ

8–9 октября 1980 г. состоялся суд над одним из членов редколлегии свободного московского журнала «Поиски» — Юрием Леонидовичем Гриммом, арестованным 23 января 1980 г. Мосгорсуд своим приговором от 9 октября признал Гримма виновным по ст. 190.1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и осудил Гримма к лишению свободы сроком на 3 года в лагерях строгого режима.

Суд проходил в здании Люблинского нарсуда, где только что прошли процессы Татьяны Великановой и Вячеслава Бахмина, в обстановке, уже ставшей обычной для подобных процессов: здание суда и прилегающие к нему улицы оцеплены милицией и неизвестными лицами «в штатском», в зал суда, заранее заполненный подобранной

«публикой», никто из друзей Гримма допущен не был (присутствовали только жена, сын и сестра подсудимого).

В начале судебного разбирательства Гримм отказался от назначенного ему адвоката Бейзерова, однако, в нарушение ст.ст. 48 и 50 УПК РСФСР, суд адвоката от участия в процессе не освободил, чем было нарушено право Гримма на защиту.

Все ходатайства Гримма, направленные на выяснение оправдывающих его обстоятельств, судом были отклонены. После чего Гримм отказался от участия в судебном разбирательстве, воспользовавшись лишь правом произнесения последнего слова.

«Специалисты», дававшие в предварительном следствии письменные «отзывы» или «рецензии» и «заключения» о клеветническом и антисоветском содержании журнала «Поиски», положенные следствием в основу обвинительного заключения, в судебное заседание не вызывались, и эти отзывы в судебном следствии не проверялись. Таким образом, судом был нарушен основополагающий принцип устности и непосредственности судебного разбирательства (см. документ № 145 о суде над Валерием Абрамкиным).

Как и в других делах по ст. 190.1 УК РСФСР, суд не исследовал основного вопроса о том, какие именно произведения содержат клеветнические измышления и в чем именно эта клевета заключается, ограничившись лишь исследованием факта участия Гримма в редактировании и распространении журнала «Поиски». Ни одного конкретного случая «измышления» о каких-либо фактах, не имевших места в действительности, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не приведено.

Отсюда следует вывод, что Гримм, как и другие члены редакции «Поисков», осужден за свободную мысль, за свободное слово, за использование своих Конституцией декларированных прав, т.е. за действия, не содержащие в себе состава преступления.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Гримму инкриминировано составление, изготовление, размножение и распространение журнала «Поиски», материалы которого впоследствии были использованы средствами массовой информации в капиталистических государствах, т.е. те же самые действия, за которые осуждены другие члены редакции журнала «Поиски» — Абрамкин и Сокирко. Следствие в отношении всех троих велось по одному делу. Перед самым окончанием предварительного следствия дела Абрамкина, Гримма и Сокирко, в нарушение ст. 26 УПК РСФСР, были разделены на три отдельных дела. Таким образом, Гримм и Абрамкин были лишены возможности совместно защищаться *от общего* для обоих обвинения, а Сокирко, дававший противоречивые «покаянные» показания, был искусственно изолирован от других соредакторов журнала «Поиски». (Сокирко не признал себя виновным в клеветнических измышлениях, но признал, что его действия причинили политический вред советскому государству и народу.)

Отсутствие полноценной защиты по делам узников совести ярко подтверждается тем, что ни один из адвокатов, участвовавших в этих делах, ни в предварительном следствии, ни в суде не заявил ходатайства об объединении незаконно разъединенных дел, хотя в данном случае совместное рассмотрение дела в отношении всех трех соредакторов журнала «Поиски» безусловно облегчило бы защиту всех троих и способствовало бы наиболее полному, всестороннему и объективному разбирательству дела.

* * *

Юрий Леонидович Гримм, 1938 г. рождения, по профессии — фотограф, впервые был арестован в 1965 г.[1] и осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда

[1] Точнее — в 1964. — *Сост.*

и агитация) за листовки с карикатурой на Хрущева к 6 годам лишения свободы. Впоследствии Верховным судом срок наказания был сокращен до 3-х лет лишения свободы. После отбытия наказания в Мордовских лагерях Гримму удалось устроиться на работу в Научно-исследовательский институт спортивных и зрелищных сооружений в Москве, где он проработал свыше 10 лет, заведуя фотолабораторией. В 1975 г. Гримм подал в ОВИР документы на выезд из СССР и в связи с этим уволен с работы. Свое намерение выехать из СССР Гримм мотивировал тяжелым заболеванием его тогда еще несовершеннолетнего сына Клайда Гримма, т.к. в лечебных заведениях Москвы диагноз болезни Клайда — цирроз печени — ставился под вопросом, а проводимое лечение не давало благоприятных результатов. Здоровью и жизни Клайда и до настоящего времени постоянно угрожает смертельная опасность.

Разрешения на выезд из СССР Гримм не получил, устроиться на работу по специальности он не смог и вплоть до дня последнего ареста работал чернорабочим.

На протяжении многих лет Гримм активно участвовал в правозащитном движении и с 1978 г. стал одним из соредакторов журнала «Поиски».

За распространение свободной мысли и слова, действовавший открыто и легально, Юрий Гримм осужден, оторван от семьи (жена и тяжело больной сын), которой он так необходим; оторван от друзей, обречен долгие 3 года провести за колючей проволокой.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
13 ноября 1980 г.

181

Документ № 148

НОВОЕ ОСУЖДЕНИЕ УГРОЖАЕТ ПАРУЙРУ АЙРИКЯНУ

11 февраля 1981 г. заканчивается срок лишения свободы Паруйра Айрикяна по приговору от 1974 г. и он должен быть отправлен на 3 года в ссылку. Однако его не хотят выпустить из лагеря, ему угрожает новый срок.

В октябре 1980 г. Айрикяна перевели в Следственный изолятор в Перми. Ему предъявлено обвинение... в даче взятки. Известно, что у заключенного в лагере нет ни денег, ни какого-либо имущества. Обвинение в даче взятки просто нелепо. Однако именно такое обвинение ему предъявлено по ч. 2 ст. 174 УК РСФСР. Наказание от 7 до 15 лет лишения свободы с последующей ссылкой.

Такое наказание может оказаться пожизненным, т.к. его здоровье подорвано многолетним пребыванием в тюрьмах и лагерях.

Сейчас Айрикяну 31 год. Впервые он был арестован и осужден за участие в национальном движении Армении по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) в 1969 г., когда ему было 19 лет. Он отбыл в лагерях 4 года. В марте 1973 г. он был освобожден, но в феврале 1974 г. его осудили по искусственно созданному обвинению в нарушении режима административного надзора на 2 года лишения свободы. Тут же ему предъявили новое обвинение по ст. 70 УК РСФСР, и в ноябре 1974 г. он вновь был осужден к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки.

В общей сложности Паруйр Айрикян находится в тюрьмах и лагерях уже около 11 лет. Больше половины этого срока он провел в карцерах и в лагерных внутренних тюрьмах (ПКТ). Последний раз его держали в ПКТ и в карцере в этом году 7 месяцев под-

ряд. В сентябре он был вновь переведен на обычный режим строгого лагеря. А теперь он снова в тюрьме.

Общеизвестно, что в лагерях строгого режима питание — на уровне явного недоедания. В этих условиях всякая попытка передать заключенному хоть какие-либо продукты питания рассматривается властями как тяжкое преступление.

В августе этого года к невеста Айрикяна — Елене Сиротенко — в Москве пришли с обыском. Искали письма и квитанции на посылки. Ей было объявлено, что обыск производится по делу Жилина.

Как теперь стало известно, Жилин, вольнонаемный мастер работающий в Пермском лагере № 35, получал продуктовые посылки и продукты, которые передавал через других заключенных Айрикяну. За передачу бульонных кубиков, колбасы, масла, какао и т.п. заключенному Жилин обвиняется по ст. 173 УК РСФСР (получение взятки)[1]. Наказание по этой статье от 8 до 15 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах — даже расстрел.

При допросе 9 октября 1980 г. в Чусовом невесте Айрикяна следователь заявил, что экспертизой установлено, что из 5 почтовых извещений на посылки, изъятых у Жилина, 2 заполнены ее рукой. В связи с этим следователь угрожал Лене Сиротенко привлечением к уголовной ответственности за дачу взятки. Однако до настоящего времени обвинение ей не предъявлено.

В наших документах №№ 132 и 142 мы уже писали о повторных осуждения правозащитников, у которых закончились или заканчиваются сроки наказания.

Это вызывающее тревогу явление стало уже системой.

К настоящему документу прилагается письмо Елены Сиротенко.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Феликс Серебров
13 ноября 1980 г.

Приложение

В конце 11-ти лет заключения Паруйру Айрикяну угрожает новый срок.

Осталось несколько месяцев до конца лагерного срока и перевода в ссылку, когда на него открыли (вероятно, в октябре) фальшивое «дело о взятке». (Похоже на анекдот, если бы не было так грустно,— заключенный (!) дает взятку вольному мастеру.)

Паруйру Айрикяну 31 год. Сейчас он в следственной тюрьме в Перми. Первый раз арестован в 1969 г., приговорен по ст. 70 — 4 года лагерей. В марте 1973 г. окончился срок, а в феврале 1974 арестован второй раз по фальшивому обвинению в нарушении административного надзора. По этому обвинению осудили на 2 года лагерей, и сразу же предъявили новое обвинение по ст. 70 УК РСФСР, переводят в тюрьму КГБ, и в ноябре суд и приговор — 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Больше половины лагерного срока заключения П. Айрикян провел в карцерах и ПКТ (только в первый срок — 2,5 года карцеров и ПКТ в общей сложности). Последний раз его держали в ПКТ 7 месяцев, включая 27 суток карцера подряд. Он вышел оттуда в сентябре 1980 г.

Тем, кто пережил здешние лагеря и тюрьмы, можно не объяснять, как эти «воспитательные» меры разрушают силы человека.

В 1977 г. в Мордовии, после 2-х месяцев ПКТ и 15 суток в ледяном карцере, где по стенам и полу текла вода и не просыхала штукатурка, трое заключенных — Черновол, Осипов и Айрикян попали в больницу и с тех пор температурят постоянно. Как рассказывают сокамерники, температура сопровождается холодным потом, бледностью,

[1] Ниже, в приложении — указано, что Жилин обвинялся по ст.170. — *Сост.*

расширением зрачков (говорят, у Осипова сейчас диагноз — туберкулез). У Айрикяна были периоды, когда повышенная температура в течение суток падала до 35 градусов, потом повышалась снова, при этом резкая слабость, опухание желез. Пот такой сильный, что менял несколько платков за час.

Только за счет духовной энергии он держится как здоровый, поддерживая друзей по лагерю и утешая родных, что чувствует себя неплохо.

Но новый срок может погубить его (не дай Бог, чтобы это случилось!).

Прошу всех, кто помогал Паруйру после ареста — Татьяну Сергеевну Ходорович, Леву Квачевского, Люду Алексееву, тех, кто был с ним в лагере — Мишу Хейфеца, Эдика Кузнецова, всех его друзей — знакомых и незнакомых — помочь ему сейчас и вырвать его отсюда.

Прошу Вас помнить о родителях Паруйра, у которых 11 лет мучений отняли уже много сил, и помочь уберечь их от нового страшного горя.

«Дело о взятке»

В августе 1980 г. к невесте П. Айрикяна пришли с обыском и допросом «по делу Жилина», который обвинялся по статье «Злоупотребление служебными обязанностями» (ст. 170 УК РСФСР). В постановлении на обыск сказано: у Жилина В.И. изъято 5 извещений на посылки, 2 из которых отправлены из Москвы и написаны почерком Сиротенко Е.Л. Провести обыск с целью изъятия у Сиротенко Е.Л. писем из ИТК-35, отправленных без штампа цензуры от осужденных Свердлова[1] и Айрикяна, в которых сказано об отправке посылок. Взять экспертизу почерка Сиротенко Е.Л. на русском и на иврите.

Обыск провели, но писем не оказалось. Давать показания Сиротенко отказалась. Следователь же во время допроса сказал, что Жилин — мастер цеха в рабочей зоне ИТК-35. Он получал посылки и отдавал их Свердлову. Свердлов делил с Айрикяном, а тот — с остальными. «Я допросил (показывает протоколы) Матусевича, Бутченко, Айрикяна,— все говорят, что получали продукты, кушали вместе». «Вот и Вы скажите, что было в посылках?».

Второй раз, 9 октября, вызвав на допрос в Пермь (в письме написал, что на очную ставку с Айрикяном), следователь произносил следующие монологи (я все время молчала): «Если Вы не скажете, что было в посылках и кто просил их отправлять, я переведу Вас в подозреваемые и заведу дело о взятке. Если Жилин брал себе что-то из посылок, значит, Вы дали ему взятку. Это уголовная статья, срок от 7 до 15 лет. Ну, что, будете говорить? Я Вас задержу, пока не будет санкции прокурора — арестовать Вас или отпустить. Ну, что, будете говорить?» и т.д.

Елена Сиротенко
12 ноября 1980 г.

182

Документ № 149

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ-ОТКАЗНИКОВ В КИЕВЕ

В последнее время Киевский ОВИР в массовом порядке отказывает евреям в разрешении на эмиграцию. Только десятки из них, имеющих в Израиле самых близких

[1] Свердлов — известный стукач и провокатор. [См. «Заявление Антонюка...» — приложение к документу № 87 (док. 120). — *Сост.*]

прямых родственников (родителей или детей) получают разрешение на выезд, а тысячам — отказывают.

В отношении евреев-отказников, активно добивающихся разрешения на выезд (обращения в высшие инстанции, коллективные протесты-заявления, объявление голодовок протеста и т.п.) применяются различные репрессивные меры. Людей увольняют с работы и годами лишают возможности устроиться на работу по специальности. Вызывают на «беседы» в милицию и в КГБ, и эти беседы сопровождаются неприкрытыми угрозами. Подвергают административным арестам (15 суток) по инсценированным поводам, возбуждают уголовные дела по искусственно созданным обвинениям.

Отказников лишают права свободного передвижения, устраивая настоящие облавы на вокзалах и в аэропорту на лиц «еврейской национальности», чтобы воспрепятствовать их выезду в Москву с жалобами и протестами.

Репрессии против евреев-отказников в Киеве приняли массовый характер.

Приведем лишь несколько примеров преследований.

В мае 1980 г. группа отказников, преодолев препятствия, сумела выехать в Москву. После безуспешных попыток добиться законного рассмотрения их «выездных дел», группа возвратилась в Киев 16 мая 1980 г. В тот же вечер один из участников этой группы — Пильников,— был схвачен в троллейбусе и обвинен в оскорблении стоявшего рядом с ним мужчины. 19 мая прокурор дал санкцию на арест Пильникова по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР («злостное хулиганство»). Суд был назначен на 20 июня, но отложен без назначения числа. Приглашенный женой обвиняемого адвокат Немиринская о следующем заседании суда — 25 июня — была извещена с запозданием (24 июня) и приехать в суд не смогла. Суд рассмотрел дело с грубым нарушением права обвиняемого на защиту и приговорил Пильникова к лишению свободы сроком на 5 лет (!).

Жена Пильникова 30 июня пыталась выехать в Днепропетровск к адвокату Немиринской для заключения соглашения на защиту в кассационной инстанции. Однако она была задержана в аэропорту без всякого основания. При личном обыске у нее изъяли все документы по делу мужа.

Отказник Виктор Яненко (27 лет), активно добивающийся разрешения на выезд, работал электриком в Киевском цирке. 13 июня 1980 г. он был арестован на работе, прямо в рабочем халате отвезен в Лукьяновский следственный изолятор и оттуда сразу направлен в психиатрическую больницу на экспертизу. Его жена (тогда была на 9-м месяце беременности), их родители и друзья в течение целой недели разыскивали его, пока им удалось установить его местонахождение. В психиатрической больнице Яненко пробыл до 10 августа без права на свидания и передачи, после чего отправлен в тюрьму с заключением «здоров». Яненко было предъявлено обвинение в присвоении путем мошенничества денег в сумме 47 руб. Виновным себя Яненко не признал. Друзья, присутствовавшие на суде, считают, что обвинение не доказано. Суд осудил Яненко к двум годам лишения свободы. Нам трудно судить о том, насколько в действительности доказано или не доказано обвинение, но совершенно очевидно, что по вменяемой сумме (47 руб.) дело Яненко подпадает под действие ст. 85 УК РСФСР — (мелкое хищение), которая и предусматривает уголовное наказание (до 6 мес. лишения свободы или исправительных работ, либо штраф до 100 руб. (только при наличии двух административных взысканий в течение года за такие же действия)[1].

Административные аресты становятся системой преследования евреев-отказников в Киеве. Вот 3 примера только за октябрь–ноябрь 1980 г.

---

[1] Дело Яненко слушалось дважды: первоначально он обвинялся по ст.ст.83 УК УССР (хищение путем мошенничества) и 194 ч.2. (использование поддельных документов), а вторично по ст.172 УК УССР (служебный подлог). — *Сост.*

23 октября в 10 часов утра сотрудник КГБ Мищенко С. М. с капитаном милиции и неизвестным лицом в штатском на улице задержали отказника Станислава Зубко[1] (42-х лет), заявив, что он похож на известного квартирного вора. Несмотря на то, что Зубко предъявил паспорт и не пытался бежать, его увезли «для установления личности». Задержание произошло на глазах у трех десятков отказников, которым отказались сообщить, куда везут Зубко. Тщетными были попытки жены и друзей Зубко узнать о его местонахождении в течение всего дня. Только на другой день стало известно, что Зубко увезли в Дарницкий районный нарсуд, где он получил 15 суток ареста якобы за нецензурную брань на трамвайной остановке. У Станислава Зубко это уже третий административный арест за последние полгода.

5 ноября супруги Владимир и Бронислава Левинштейн в 11 часов вечера возвращались домой. Недалеко от их дома на них неожиданно налетел неизвестный мужчина, из его рук упала и разбилась какая-то стеклянная банка. Тут же оказался милиционер и милицейская машина с двумя милиционерами. Супругов Левинштейн затолкали силой в автомашину и увезли в милицию. Брониславу Левинштейн в 2 часа ночи отпустили домой. Владимира Левинштейн (ему 42 года) утром на следующий день доставили в нарсуд, где он получил 10 суток административного ареста за «мелкое хулиганство».

11 ноября 1980 г. отказнику Иосифу Беренштейну позвонил сотрудник КГБ Мищенко С.М. и высказал неопределенные угрозы в связи с тем, что супруги Беренштейн приняли участие в массовой трехдневной голодовке киевских «отказников». 13 ноября Мищенко явился на квартиру к Беренштейну в 7 часов утра с милиционером, чтобы доставить его в милицию в связи с поступившим заявлением о хулиганстве. Жене и дочери Беренштейна не разрешили его сопровождать. В тот же день Дарницкий суд подверг Беренштейна административному аресту на 15 суток. Жену и дочь Беренштейна тот же Мищенко в зал суда не пустил. Подошедшим к зданию суда друзьям Иосифа Мищенко угрожал. Супруги Беренштейны уже несколько месяцев подвергаются преследованиям за свое намерение выехать из СССР. В мае 1980 г. Иосиф Беренштейн уже подвергался аресту на 15 суток. Против него пытались возбудить дело о «тунеядстве». Супругов Беренштейн неоднократно вызывали на «беседы» в милицию (под страхом привода они являлись). Участником этих «бесед» был сотрудник КГБ Мищенко.

Серьезную тревогу вызывает положение семьи Варвак, которая уже 3-й год активно добивается выезда в Израиль.

Леонид Варвак, 34-х лет, кандидат физико-математических наук, болен и уже больше года как имеет инвалидность II группы. Его жена Лилиана Варвак — 36 лет — математик, не работает. У них трое маленьких детей.

Многочисленные жалобы и протесты, адресуемые Лилианой Варвак в различные инстанции, остаются без ответа. Ей и ее мужу угрожают изъятием детей. Ее настойчивые обращения в советские инстанции власти квалифицировали как психическое заболевание. После того, как в мае супруги Варвак отказались от советского гражданства, без ведома и согласия Лилианы ее поставили на учет в Киевском психоневрологическом диспансере, указав в истории болезни, что она «социально опасна».

23 августа сотрудники милиции и КГБ задержали Лилиану Варвак на вокзале при посадке в поезд на Москву, произвели незаконный обыск, изъяли все личные заявления, бумаги, письма и до полуночи продержали в милиции.

В начале ноября Лилиана вместе с другими евреями-»отказниками» обратилась к главам государств — участникам Мадридской встречи. В этом обращении была объяв-

[1] О нем см. также документ № 180 (док. 214). — *Сост.*

лена 3-дневная голодовка протеста, начиная с 11 ноября. 10 ноября властями была предпринята попытка насильственно госпитализировать Лилиану Варвак в психиатрическую больницу.

Невозможно без содрогания читать описание этой акции в обращении самой Лилианы Варвак (см. приложение):

«10 ноября в 12 часов дня к моему дому подъехала машина скорой помощи. Я в это время во дворе дома присматривала за гуляющими детьми. Из машины вышли пятеро мужчин: один в форме капитана милицейской службы, двое в белых халатах под верхней одеждой и двое в штатском. Меня окружили и предложили пройти в машину. Я подозвала к себе детей и спросила у подошедших их документы, кроме того я объяснила, что мой муж лежит в больнице и я с детьми одна. Приехавшие отказались назвать себя и тем более — предъявить документы, но потребовали, чтобы я прошла в машину вместе с детьми. Я отказалась, и сказала, что отдам детей только их отцу. В ответ мне заявили, что с моим мужем оставить детей нельзя, он им и поесть не даст, и вообще неизвестно, что с ними сделает, а они отдадут моих детей в хорошие руки. Я опять потребовала документы. В ответ мне угрожающе заявили: «Если Вы так будете себя вести, мы Вас упечем в сумасшедший дом на всю жизнь». Дети жались ко мне и плакали от страха. Я обняла их, чтобы успокоить. Тогда детей стали у меня вырывать силой. Кто-то схватил меня, дети в ужасе закричали, я стала громко звать на помощь. На наши крики стали выходить из дома соседи. Они не смели протестовать, но с осуждением смотрели, как пятеро мужчин вырывали малышей у их матери и пытались затолкать меня в машину. Нападавших, видимо, смутило такое количество свидетелей, и они отпустили меня и детей, но продолжали требовать, чтобы я поехала с ними. Через некоторое время они уехали. Весь инцидент длился около часа».

Дальше Лилиана Варвак описывает вторую попытку ее насильственной госпитализации, предпринятую в тот же день (см. приложение).

В созданной властями атмосфере запугивания и произвола киевские евреи-»отказники» обращаются к главам государств — стран участниц Хельсинкского совещания с призывом о помощи.

Мы присоединяемся к их протесту против грубого нарушения права на эмиграцию, против насилия и издевательств над людьми, виновными лишь в том, что они хотят уехать из СССР в Израиль.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Иван Ковалев,
Феликс Серебров
25 ноября 1980 г.

Приложение

Лилиана Варвак
г. Киев 135, бульвар Леси Украинки, д. 15-а, кв. 9

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли в Советском Союзе и за рубежом с просьбой о защите моей семьи.

Мне 35 лет, по образованию я математик. Моему мужу Леониду Варваку 34 года, он еврей по национальности, математик, кандидат физико-математических наук. Последние годы он тяжело болен и уже полтора года инвалид II группы. У нас трое маленьких детей: сын Юра — 6 лет, дочка Анюта — 4 лет и сын Петя — 3 лет.

Уже третий год мы добиваемся разрешения покинуть Советский Союз по вызову наших родственников из Израиля. Мой муж болен диабетом в тяжелой форме и нуждается в лечении современными методами, которое в Советском Союзе невозможно получить.

За наше настойчивое желание покинуть СССР мы уже более полугода лишены права переписки с заграницей (к нам не приходят письма из-за рубежа, и наши международные письма не доходят к адресатам).

На протяжении последнего года я обратилась со 170 жалобами и заявлениями в советские, партийные и общественные организации с просьбой содействовать нашему выезду, поскольку для моего мужа право на выезд есть право на жизнь.

Сотрудники КГБ пытались помешать мне обратиться в ЦК КПСС с жалобами на действия ОВИРа. Так 23 августа 1980 г. меня схватили на вокзале, когда я садилась на Московский поезд. Меня обыскали и забрали у меня все бумаги (жалобы, заявления, личные письма, записки). Продержав до полуночи, отпустили. Вся процедура была проведена с грубейшими нарушениями советских законов.

Чтобы запугать нас, местные власти стали энергично проверять, правильно ли мы воспитываем своих детей (по Конституции СССР все советские граждане обязаны воспитывать своих детей «строителями коммунизма»). Эти проверки носили достаточно зловещий характер, т.к. известны случаи, когда власти насильно отбирают детей у родителей в наказание родителям за их религиозные или политические убеждения.

В мае 1980 г. мы с мужем отказались от советского гражданства.

Мое настойчивое желание спасти жизнь отцу моих детей было квалифицировано советской властью как сумасшествие, и без моего ведома в Киевском психоневрологическом диспансере им. Павлова на меня была заведена история болезни, в которой указано, что я социально опасна.

29 мая мне стало известно, что меня намерены принудительно госпитализировать, и я сбежала из Киева. Через две недели моя семья присоединилась ко мне, и мы вернулись в Киев только в конце сентября.

После возвращения в Киев я продолжала добиваться права на выезд. В числе других отказников я обратилась к главам государств — участников Мадридской встречи, а с 11 ноября — дня начала работы Мадридской конференции, вместе со многими советскими отказниками я объявила голодовку протеста против незаконного лишения нас права выбирать страну проживания по собственному усмотрению.

<...> [См. цитату в тексте документа]

После их отъезда я поднялась с детьми в свою квартиру, позвонила в больницу, где лежал мой муж, и сообщила ему о происшедшем. Мой муж вынужден был прервать курс лечения и пришел домой. Около трех часов дня опять приехала скорая помощь с теми людьми. Они зашли в квартиру, где кроме меня, мужа и детей находились двое отказников. Мы все стали требовать, чтобы вошедшие предъявили свои документы, а также полномочия увезти меня. Двери на площадку мы оставили открытыми и на лестничной клетке стали собираться соседи. Мы требовали сообщить нам, кто вызвал ко мне машину скорой помощи. Нам отказались ответить. Один из мужчин вышел из квартиры и сказал кому-то: «Они требуют документы». Ему ответили: «Никаких документов!» В конце концов все приехавшие ушли из квартиры, сели в машину и уехали. На следующий день возле моего дома дежурила машина спецмедслужбы УВД, но я уже жила у друзей.

Моя мать, Сергеева Лидия Марковна, служащая военного училища, оказывает всяческое содействие попыткам поместить меня в сумасшедший дом и отобрать у меня детей. Она фанатично предана советской власти и предпочитает видеть свою дочь в могиле, но не в эмиграции.

Итак, на 14 ноября 1980 г. мой муж еще жив, я еще на свободе, а наши дети еще с нами. Но дамокловым мечем висит над нами решение властей уничтожить нашу семью — меня в психушку, детей «в хорошие руки», а в отказе на выезд — смертный приговор моему мужу.

Люди! Я обращаюсь к вашему сердцу! Преступники не любят творить свои черные дела при свидетелях. Два десятка свидетелей уже самым своим присутствием не дали совершиться расправе надо мной и моими детьми, запланированной на 10 ноября.

Люди! Я умоляю вас, будьте свидетелями моей судьбы! Обратитесь к советским властям с требованием прекратить издевательства над беззащитными людьми, над маленькими детьми и разрешить нам покинуть СССР.

Они не посмеют уничтожить нас на ваших глазах!

14 ноября 1980 г. Варвак

16 ноября сотрудники милиции сказали моему мужу, что в милицию поступило заявление от моей матери, в котором говорится, что я пропала и у нее есть основания полагать, что я стала жертвой уголовного преступления. Это заявление явилось формальным предлогом к объявлению розыска меня. Фактически меня разыскивают, чтобы расправиться со мною.

Прилагаю копию заявления, направленного мною в уголовный розыск.

17 ноября 1980 г., *Варвак*

В отдел уголовного розыска Печерского РОВД г. Киева
Копия: Министру внутренних дел СССР

Варвак Лилианы Валентиновны,
Киев 135, бульвар Леси Украинки, дом 15-а, кв. 9

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 ноября 1980 г. мне стало известно, что моя мать, Сергеева Лидия Марковна, прож.: Киев, ул. Чапаева 14, кв. 9, сделала заявление, что я пропала и что у нее есть основания полагать, что я стала жертвой уголовного преступления. Моему мужу Варваку Леониду Петровичу сотрудники милиции сказали, что это заявление является поводом к объявлению розыска меня.

Настоящим заявляю, что я покинула свой дом по своей воле и выехала по личным делам в Москву, где и нахожусь в настоящий момент.

Кроме того, я заявляю, что никто не препятствует моему возвращению домой.

Таким образом, за отсутствием события преступления розыск меня подлежит прекращению.

17 ноября 1980 г., *Варвак*

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что Варвак Лилиана Валентиновна написала данное заявление по собственной воле и без принуждения, и подпись ее заверяем:

Елистратов Виктор Михайлович — Москва, Б. Черкизовская, 1–2–50 (подпись)
Кремень Михаил Шмеерович — Москва, Молостовых, 11–2–64 (подпись)
Макар-Лиманов Леонид Григорьевич — Москва, Семашко, 5, кв. 4 (подпись)
17 ноября 1980 г.

183

Документ № 150

ОСУЖДЕНИЕ ВАЗИФА МЕЙЛАНОВА

2 декабря 1980 г. Верховным Судом Дагестанской АССР (г. Махачкала) осужден по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) математик Вазиф Мейланов,

40 лет. Наказание — лишение свободы на 7 лет в лагерях строгого режима и 2 года ссылки.

Вазиф Мейланов участвовал в правозащитной деятельности путем обращений в официальные советские инстанции с заявлениями и протестами от своего имени по поводу известных ему случаев нарушения прав человека. Три года тому назад он был уволен с должности научного сотрудника и с тех пор не мог устроиться на работу по специальности.

25 января 1980 г. он один вышел на демонстрацию протеста против незаконной ссылки Сахарова с плакатом, содержащим следующий текст:

«Протестую против преследований академика Сахарова. С идеями надо бороться идеями, а не милицией. Сахаровы нужны нашему обществу, т.к. они осуществляют истинный неформальный надзор за гос. органами. <...>[1] Боритесь за свободу слова для оппонентов коммунизма».

Демонстрация Мейланова перед зданием Горисполкома продолжалась 17 минут. На восемнадцатой минуте он был арестован, и до дня суда — т.е. около 9 месяцев — содержался под стражей. Направлялся в Институт им. Сербского на психиатрическую экспертизу, где был лишен продуктовых передач. Признан психически здоровым.

Приговором Мейланову, кроме упомянутой выше демонстрации протеста против преследований академика А.Д. Сахарова, вменены следующие «преступления»:

1) Составление публицистической книги «На полях советских газет» (рукопись в одном экземпляре изъята на одном из обысков в Москве, книга нигде не опубликована, содержание ее нам неизвестно).

2) Передача знакомым для прочтения книг А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» и «Бодался теленок с дубом».

3) «Подстрекательство» заключенных к протестам против условий содержания в следственной тюрьме.

Из самого содержания приговора видно, что столь суровому наказанию Мейланов подвергнут за слово, за выраженную устно или письменно мысль.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров
12 декабря 1980 г.

184

Документ № 151

РАЗГОН МИРНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 10 ДЕКАБРЯ НА ПЛ. ПУШКИНА В МОСКВЕ

10 декабря 1948 г. государства — члены ООН, в том числе и СССР, приняли Всеобщую декларацию прав человека, согласно которой обязались законодательно закре-

[1] Одна фраза пропущена, т.к. она нам неизвестна. Сост.: приводим текст плаката по мемуарам В.Мейланова: «Протестую против преследования академика А. Сахарова. С идеями должно бороться идеями, а не милицией. Сахаровы нужны народу – они осуществляют истинный, неформальный контроль за действиями государства. Все беды этой страны – из-за отсутствия в ней свободы слова. Боритесь за свободу слова для идейных оппонентов коммунизма это и будет вашей борьбой за свободу слова!» (цит. по http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3210&page=1)

пить и гарантировать своим гражданам соблюдение основных прав человека — свободу убеждений, свободу получать и распространять информацию, свободу высказывать свои убеждения (ст. 19), право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны (ст. 13), свободу ассоциаций (ст. 20) и др.

10 декабря 1980 г. советское радио сообщило, что в течение многих лет люди доброй воли во всех странах проводят демонстрации и манифестации в знак солидарности со Всеобщей декларацией прав человека, документом, который стал важным этапом в формировании гуманитарных принципов современного общества. Однако в СССР власти силами КГБ, милиции и дружинников разгоняют 10 декабря ставшую традиционной мирную демонстрацию на площади у памятника Пушкину в Москве, демонстрацию солидарности со Всеобщей декларацией прав.

В приложении к настоящему документу мы представляем описание событий, имевших место на площади Пушкина 10 декабря 1980 г., составленное очевидцем. К этому описанию надо добавить, что по сведениям из других источников на площади Пушкина были задержаны и доставлены в милицию всего 8–9 человек. Трудно определить общее количество людей, непосредственно участвовавших в демонстрации, т.е. снявших головные уборы в 7 час. вечера, так как разные очевидцы дают различные сведения, но как минимум таких участников было не менее 20–30 человек.

«Акция» по предотвращению демонстрации, предпринятая ГБ и милицией, началась еще накануне 9-го и продолжалась весь день 10 декабря. Применялись различные методы. К некоторым потенциальным участникам демонстрации приходили домой работники милиции и лица «в штатском» и предупреждали о том, что не следует «выходить на улицу 10-го». Других задерживали 10-го днем и под разными предлогами держали до вечера в милиции. Иных задерживали 10-го на работе после окончания рабочего дня. Не менее 10–12 человек были на весь день 10-го декабря подвергнуты настоящему домашнему аресту. Нам известно не менее 20 человек, подвергнутых предупреждениям, задержаниям, слежке и домашнему аресту в дни 9 и 10 декабря. Не исключено, что эта информация не полная.

10 декабря 1980 г. власти наглядно показали, что граждане СССР лишены права на мирные демонстрации, права, которым (по сообщениям нашего же радио) беспрепятственно пользуются граждане других государств — членов ООН, права, предусмотренного Всеобщей Декларацией и формально провозглашенного советской Конституцией.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Софья Каллистратова, Елена Боннэр, Наум Мейман, Иван Ковалев,
Феликс Серебров
17 декабря 1980 г.

Приложение
СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

10 декабря 1980 г. КГБ и милиция «основательно подготовились» к разгону традиционной демонстрации правозащитников на площади Пушкина в Москве. Уже в 17 час. 45 мин. милиция оцепила площадь Пушкина, боковые проезды у здания «Известий» и «Московских новостей», сквер при памятнике от самого кинотеатра «Россия» до ул. Горького, перекрыла наземные переходы от «Известий» на площадь и от здания «Московских новостей», а также закрыла выход из метро к памятнику Пушкину.

В 18 час. и в 18 час. 25 мин. к месту оцепления строем прошли две колонны дружинников, приблизительно по 300–400 человек каждая. Подземный переход от «Из-

вестий» на противоположную сторону ул. Горького не справлялся с пропуском потока пешеходов, и их частично пустили по верху. При этом офицер милиции через мегафон предлагал прохожим обходить площадь Пушкина вокруг и перебираться на ее противоположную сторону мимо кинотеатра «Россия». Он пояснял, что подземный выход из метро закрыт в связи с производством ремонтных работ.

На углу ул. Горького у «Известий» к половине седьмого вечера скопилось довольно много людей, явно не собиравшихся «проходить», как советовал милиционер. Среди публики было много «людей в штатском», у которых из-под пальто периодически раздавались команды по радио; офицеров МВД в форме, слонявшихся, видимо, с целью пронаблюдать события, но не участвовавших в них; людей, судя по всему, пытавшихся найти (определить) будущих демонстрантов; и просто любопытных прохожих.

Офицер милиции, начиная с 18 час. 30 мин., стал достаточно настойчиво требовать, чтобы люди проходили и не задерживались.

В 19 часов группа людей, стоявшая у самого оцепления напротив памятника, обнажила головы,— традиционный жест демонстрантов 10 декабря (в этой группе было 20–40 человек, из них много молодежи).

Милиция сначала издевательски вежливо предложила расходиться и освободить площадку у «Известий», надеть головные уборы («а то простудитесь!»), затем цепь милиционеров, дружинников и «лиц в штатском» начала наступать на демонстрантов, повторяя требование освободить площадку.

Один из демонстрантов попытался возразить, он был немедленно схвачен. Ему заломили руки, зажали рот и поволокли его к одной из оперативных машин, стоявших в две шеренги вдоль проезда у «Известий». Остальную группу демонстрантов оттеснили к подземному переходу (к этому моменту закрытому для пешеходов).

После этого милиция настойчиво стала разгонять всех наблюдавших, предлагая «проходить и не задерживаться». Приблизительно к 19 час. 30 мин. площадку у «Известий» «очистили», но оцепление площади оставалось довольно долго.

Очевидец

185

ИНФОРМАЦИЯ О МИХАИЛЕ КУКОБАКЕ

В советских лагерях на особом положении находятся политзаключенные из рабочих. Режим по отношению к ним, как правило, ужесточен, произвол начальства особенно изощрен. Михаил Кукобака — белорус, рабочий, родился в Бобруйске в 1936 году. Рано вследствие войны потерял родителей. Воспитывался в детском доме. Конфронтация с режимом у него началась с того, что он не только не одобрил, но пережил как личный позор вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году. С этого момента он стал критически относиться к событиям, свидетелем и участником которых он оказывался. В 1970 году был арестован в городе Александрове Владимирской области (где был рабочим радиозавода) за демонстративное неучастие в выборах и коммунистическом субботнике. Обвинен по ст.190.1. После окончания следствия ему предложили сотрудничество с КГБ. Он отказался, и был направлен в Институт судебной психиатрии имени Сербского, где его признали невменяемым. Более 6 лет он содержался в психбольницах, в том числе — страшной Сычевской СПБ. Уже будучи на свободе, 16 апреля 1977 года он подал в Президиум Верховного Совета СССР заявле-

ние об отказе от советского подданства[1]. Позже подавал заявления с просьбой дать ему возможность уехать из СССР. Ответа ни на одно заявление он не получил. 19 октября 1978 года Кукобака был вторично арестован в городе Бобруйске, где он тогда работал рабочим на фабрике вторсырья. 21 июня 1979 года Могилевский областной суд осудил Михаила Кукобаку «за распространение сведений, порочащих советский строй», а вернее, за попытки осмыслить свою жизнь в ряде автобиографических очерков: «Украденная родина», «Свидание с детством»[2], «Открытое письмо академику Петровскому» и других, в которых содержались размышления по поводу советской действительности. Он бил приговорен к 3 годам лагерей общего режима. В учреждение УЖ-15/10 «Е» в городе Новополоцке БССР Кукобака прибыл 13 августа 1979 года. Позже стало известно, что на его деле есть пометка «склонен к побегу», сделанная без всяких на то оснований. Таким образом, ему был назначен не общий, а фактически особый режим. Вот что пишут о нем в двух письмах, которые не прошли цензуру. Его берут на измор, его заставляют вязать сети, заведомо зная, что по возрасту и состоянию здоровья он никогда не сможет выполнить норму выработки. За невыполнение этой нормы его перевели на пониженное питание, что может продолжаться неограниченное время. Его всячески притесняют в переписке. Так, оперчасть изъяла у него все адреса, копии жалоб, заявлении, собственных писем, опись личных вещей; официальные адреса и фамилии работников прокуратуры, куда он писал разные заявления, были вырваны из записной книжки. Миша добивался перевода в другую колонию. Он писал заявления в Президиум Верховного Совета, напоминая об отказе от гражданства, с повторными просьбами о выезде его из СССР. В ответ администрация колонии ужесточала его режим. Первый срок внутрилагерной тюрьмы — ПКТ — он получил формально за то, что во время сеанса кино (для заключенных обязательного и потому являющегося повинностью) отвернулся от экрана и заткнул ватой уши. Тогда он пробыл в ПКТ с 6 ноября 1979 года до 6 июня 1980 года. Он очень болел и часть времени пролежал в больнице. В последнем письме Михаил сообщил, что с 13 ноября 1980 года он снова в ПКТ, сроком на 6 месяцев. Причина: «во время обыска при мне нашли письмо, адресованное Нине (жене Виктора Некипелова). В нем я просил, если возможно, обжаловать действия цензуры (начальник оперчасти капитан белоусов) или дать им огласку. В качестве образца я прилагал текст письма к Соловьеву, который забракован перед этим цензурой, а также текст заявления местному прокурору. Мне здесь запрещено высказывать свои суждения в переписке почти по любому вопросу (политика, литература, экономика и т.д.). О порядках в колонии и речи быть не может; да и не пишу о них. Что интересно, опер отказывается делать вымарки и моих письмах, а заставляет переписывать до тех пор, пока его не устроит содержание. Сейчас мне придумали новые ограничения: запретили пользоваться своими книгами, закупленными в лагерной книжной лавке либо полученными почтой. Даже словари отобрали, хотя выписываю «Москоу Ньюс», чистые тетради также отобрали. Практически изъяли у меня все: адреса всех моих друзей (уже пятый раз), старые конверты, письма, любые записи и т.д. Написал протест на имя прокурора БССР (уверен, что бесполезно, как и раньше). Снова требую перевода в другую колонию либо в крытую тюрьму. Ведь условия здесь нечеловеческие. Камеры сырые, совершенно нет вентиляции (нет даже форточек или щели какой); на прогулку не выводят, но если и водили в том году, то все равно не проветривали камеры. Вот такая жизнь».

Михаил Кукобака нуждается в помощи. Он — сирота, семью потерял во время в орой мировой войны. Он — рабочий человек. Он -живой, умный и добрый человек. Он — неравнодушный человек.

---

[1] Имеется в виду гражданство. — *Сост.*

[2] Точное название «На свидание с детством». — *Сост.*

Хочется надеяться, что к его судьбе люди в разных странах мира тоже не останутся равнодушными и постараются помочь ему. Он не преступник и поэтому должен жить на свободе. Он хочет уехать из СССР, и это его право должно быть осуществлено.

Елена Боннэр
23 декабря 1980 г.

186

Документ № 152

СУД НАД АЛЕКСАНДРОМ ЛАВУТОМ

24–26 декабря Московский городской суд слушал дело по обвинению Александра Павловича Лавута (1929 г.р.) «в распространении заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190.1 УК РСФСР). Председатель — судья В. В. Богданов, обвинение — прокурор Т. П. Праздникова, защита — адвокат Е. А. Резникова.

Лавут обвинялся в том, что с 1968 по 1980 гг. принимал участие в обсуждении, изготовлении, подписании и распространении на территории СССР и за границей заведомо ложных измышлений... о якобы имевших место нарушениях гражданских свобод, об использовании помещения в психиатрические лечебницы в политических целях и т.п. ...» (цитируется обвинительное заключение, реконструированное по памяти). Лавуту инкриминировалось подписание ряда писем в составе Инициативной Группы защиты прав человека в СССР, других правозащитных писем, поддержка и участие в составлении нескольких документов Московской группы «Хельсинки», распространение «Архипелага ГУЛаг» и «Ленин в Цюрихе» Солженицына, статьи «Об отмене смертной казни» Сахарова, книги Т. Ходорович «История болезни Плюща». В обвинительном заключении говорилось также, что подписанные Лавутом письма, протесты и обращения публиковались в «Хронике защиты прав», а также публиковались некоторыми западными издательствами и оглашались западными радиостанциями, что сам Лавут «имел отношение» к «Хронике текущих событий».

В начале судебного заседания Лавут заявил ряд ходатайств. Первое — об обеспечении гласности процесса,— и отметил, что сам видел, выходя из «воронка», как некоторых людей впускали с черного хода, и выразил уверенность в том, что у здания суда стоят его друзья, желающие попасть на его процесс. Несколько друзей Лавута, сумевших пройти в зал, были выведены перед началом процесса. В первый же день собравшиеся у суда друзья Лавута и его сослуживцы направили в суд ходатайство с просьбой допустить их в зал. Шесть человек просили также допросить их в качестве свидетелей по поводу нарушения гласности в этом и подобных процессах, так как им стало известно, что среди инкриминируемых Лавуту документов имеется утверждение о том, что гласность на подобных процессах систематически нарушается. В других ходатайствах Лавут мотивированно просил вызвать в суд ряд свидетелей для доказательства отсутствия в инкриминируемых ему документах клеветы или заведомой лжи, с той же целью он просил приобщить к делу изъятые у него по постановлению следователя Жданова и направленные в отдел КГБ письма и жалобы крымских татар в советские инстанции, вернуть в дело ряд других изъятых у него документов и затребовать ряд официальных документов и справок. Кроме того, Лавут требовал допросить в суде эксперта Гаркавенко, проводившего научно-идеологическую экспертизу, заключение

которого, по мнению Лавута, недобросовестно, некомпетентно и содержит клеветнические высказывания о Лавуте и других людях.

Ходатайства Лавута были поддержаны его адвокатом. Суд все ходатайства отклонил. Необходимые для объективного рассмотрения дела свидетели (например, П. И. Якир, которого по делу Лавута не допрашивали, но чьи показания по его собственному делу[LXXXXXIII] вошли в дело Лавута; или Ефройкин, единственный свидетель — в его показаниях есть лжесвидетельство — по эпизоду устной «клеветы» Лавута), так и не были вызваны, а документы не приобщены к делу.

Один из свидетелей, выступавших в суде, Антиди, давал ложные показания о распространении Лавутом литературы. Другой свидетель по этому же эпизоду — Ковальский, путался в своих показаниях (как и Антиди) столь очевидно, что после того, как вконец запутавшийся свидетель кончил давать показания и покинул зал, судья Богданов с улыбкой сказал: «Вот и разрядка напряженности».

Лавут в своих показаниях давал развернутые объяснения по существу инкриминируемых ему документов, четко и аргументировано доказывая отсутствие в них клеветы. К сожалению, как нам стало известно, радио «Свобода» сообщило со ссылкой на ТАСС, будто Лавут признал себя виновным. В тексте сообщения ТАСС от 24 декабря, которым мы располагаем, такого утверждения не содержится. Там говорится лишь, что Лавут не отрицал своего участия в составлении и распространении инкриминируемых ему документов, но не указано основное: то, что Лавут полностью отрицал свою виновность[1].

Речь прокурора фактически повторяла обвинительное заключение.

Адвокат Резникова начала свою защитительную речь с обстоятельств, характеризующих личность Лавута. Она особо отметила в этой части отличные письменные характеристики Лавута со всех мест работы и прекрасные отзывы как о работнике и человеке 15-ти его сотрудников в предварительном следствии (трое из них давали такие же показания в суде). Адвокат обратила внимание суда на то, что даже в тюрьме Лавут продолжал научную работу, которую не успел закончить на воле. Адвокат потребовала исключить из обвинения несколько эпизодов: о передаче Ефройкину статьи Сахарова «Об отмене смертной казни», т.к. этой статьи в деле нет и нет протокола ее осмотра, которым доказывался бы ее клеветнический характер (это требование было удовлетворено, в приговор этот эпизод не был включен); о подписании документов «Курту Вальдхайму» и «Буковскому мстят...», поскольку это — два экземпляра одного и того же документа, один из них следует исключить (удовлетворено); о подписании «Московского обращения»[LXXXXXIV], охарактеризованного следствием как «идеологически вредного», поскольку такая оценка свидетельствует о том, что даже следствие не усматривало в нем клеветы; и, наконец, исключить из обвинения статью «Вновь усиливаются ограничения свободы» («Посев» № 7, 1973), поскольку в деле имеется протокол осмотра документов, подписанный самим же следователем Ждановым, из которого следует, что Лавут этого документа не подписывал (это требование также удовлетворено).

Адвокат показала недоказанность субъективной стороны преступления, т.е. наличия заведомой лжи в материалах, инкриминируемых Лавуту; подвергла сомнению обоснованность некоторых доказательств, выдвинутых обвинением, и потребовала оправдания своего подзащитного.

В коротком последнем слове Лавут сказал, что если бы действительно, как говорил прокурор, для укрепления социалистического государства соблюдались законность и правопорядок, этот процесс не смог бы состояться. Он отметил, что в его деле на

[1] 17 января 1981 г. радиостанция «Свобода» в сводке последних известий сделала поправку к своему декабрьскому сообщению о суде над Лавутом. — *Сост.*

всех этапах нарушались статьи УПК, тем не менее, сейчас прокурор счел возможным ссылаться на такие сомнительные доказательства, как протокол обыска, в котором вообще не отмечено, что же именно изъято. Лавут подчеркнул, что в его деле нет фактических материалов по существу обвинения, что, как и в деле Решата Джемилева, где следствие сознательно уничтожило огромное количество документов и фактических материалов, подтверждающих правдивость изложенных им фактов и являющихся вещественным доказательством, в его, Лавута, деле сделано то же самое, только культурнее.

Большая подборка писем, заявлений и жалоб в различные инстанции отправлена ст. следователем Ждановым на проверку в КГБ. Лавут также сказал: «Исходя из фактов, изложенных во вмененных мне материалах, суд может понять, что я хорошо осведомлен о делах, подобных моему». Лавут говорил о том, что он наблюдал, как в суде в качестве вещественных доказательств использовались экспертизы, переносимые из процесса в процесс (а на самом деле ненужных, лишь затемняющих суть дела материалов), вместо того, чтобы вызвать свидетелей, могущих доказать в суде тот или иной эпизод... «таких свидетелей становится все меньше и меньше, на моем процессе их вовсе нет. Но остается еще право обвиняемого представлять суду материалы, которые могут подтвердить правдивость изложенных фактов. Я пытался воспользоваться этой последней возможностью, сам старался приводить известные мне факты, на основе которых писались письма, инкриминируемые мне, но встречал все большее сопротивление со стороны суда в этих попытках» (реконструировано по памяти). Последнее слово Лавут закончил ответом на вопрос председательствующего о том, неужели он не видит ничего хорошего, неужели ему ничего не нравится в стране, где он живет (раньше Лавут не ответил на вопрос по моральным соображениям): «Мне нравится страна, мне нравятся люди. Все».

26 декабря Александру Павловичу Лавуту вынесен приговор, максимально возможный по этой статье — 3 года лагерей общего режима.

Мы близко знаем Александра Павловича, мы гордимся тем, что можем назвать себя его друзьями, что нас связывает с ним не только близкое знакомство, но и общее дело, дело защиты прав человека в нашей стране.

Александр Лавут — талантливый математик, автор нескольких научных работ в области прикладной математики. Ему органически присуща честность, добросовестность и ответственность настоящего ученого за каждое слово, каждую запятую. Эти качества непреложно распространяются для него на любую деятельность, какой бы он ни занимался.

В 1969 г. Александр Лавут вошел в состав Инициативной группы и с тех пор вместе со своими ближайшими друзьями — Татьяной Великановой и Сергеем Ковалевым активно участвовали в правозащитном движении. Его вклад в сбор и распространение правдивой информации о борьбе за права человека и о нарушениях этих прав в нашей стране невозможно переоценить.

Александр Павлович не искал ни славы, ни почестей, он «всего лишь» имел мужество отстаивать свою гражданскую позицию противопоставления злу и насилию, которую считал единственно возможной. Он защищал несправедливо преследуемых. Теперь в защите нуждается он сам. И мы надеемся, что он ее получит.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров

Присоединяюсь:
Андрей Сахаров
4 января 1981 г.

187

Документ № 153

СУД НАД ЛЕОНАРДОМ ТЕРНОВСКИМ

30 декабря 1980 г. Московский городской суд рассмотрел дело по обвинению Леонарда Борисовича Терновского, 48-летнего врача, активного правозащитника (см. документ № 129).

Следствие по делу Терновского продолжалось более 8 месяцев. За 7 часов суд рассмотрел дело и вынес заранее предопределенный приговор — 3 года лишения свободы в лагерях общего режима по ст. 190.1 УК РСФСР (изготовление и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Многомесячное заключение в тюрьме во время предварительного следствия, проведенное в полной изоляции (ни писем, ни свиданий), не сломило Леонарда. Он предстал перед судом спокойный, внутренне свободный, как всегда вооруженный только словом, как всегда убежденный в том, что борьба против несправедливости и помощь людям является гражданским долгом каждого честного, мыслящего человека. И этого правдивого, открытого, мужественного человека, доброго, отзывчивого на чужую боль, органически не способного на ложь, на уловки — суд признал клеветником... И этого врача, безупречно проработавшего более четверти века, оказывающего врачебную помощь тысячам больных — суд приговорил к максимальной мере наказания (ст. 190.1 УК РСФСР предусматривает наказание и в виде штрафа и в виде исправительных работ без содержания под стражей) — 3 года изоляции за колючей проволокой, изоляции от семьи, от друзей, от любимой работы.

Какие же «преступные» действия поставлены приговором в вину Леонарду Терновскому?

1. Его участие в работе Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Составление и распространение информационных бюллетеней этой Комиссии. В этих бюллетенях суд признал клеветническими: статью о принципах работы Комиссии в № 9 «Информационного бюллетеня» за июнь 1978 г.; материалы и письма о незаконном содержании в психбольнице Михаила Кукобаки в номерах «Информационного бюллетеня» 14, 15 и 18 за 1979 г.; письмо Терновского с протестом против направления на психиатрическую экспертизу Сергея Ермолаева в «Информационном бюллетене» № 17 за 1979 г.

2. Изготовление или подписание и распространение писем-протестов против арестов правозащитников Вячеслава Бахмина (см. документ № 144) и Татьяны Великановой (см. документ № 140).

Какие именно утверждения в этих, вмененных Терновскому материалах, являются заведомо ложными, в приговоре (как и по всем другим делам правозащитников) не указано. Это явное нарушение закона. Факты, сообщения о которых имеются в признанных судом криминальными документах, по существу в суде не проверялись, и их несоответствие действительности ничем не доказано; эти документы даже не оглашались в судебном заседании.

Достаточно посмотреть на эти документы, чтобы убедиться, что никакой клеветы в них нет. Нелишне отметить, что письма-протесты против ареста Бахмина и Великановой подписаны сотнями людей (под коллективным письмом в защиту Татьяны Великановой стоит более 400 подписей).

По делу было допрошено всего три свидетеля, из которых двое — ближайшие друзья Терновского, характеризовавшие его как человека, не способного на ложь и клевету. Третий свидетель (Сокирко) допрошен по эпизоду обвинения, исключенному судом из приговора (распространение сборников «В защиту экономических свобод»).

Сам Леонард Терновский, открыто заявивший в суде, что он с конца 60-х годов активно участвует в правозащитном движении, и не отрицавший своих подписей под правозащитными документами, категорически не признал себя виновным, утверждая, что он собирал и распространял правдивую информацию и тем самым исполнял свой гражданский долг, действуя открыто и в рамках закона.

Таким образом, в суде не было добыто решительно никаких доказательств клеветнической деятельности Терновского. Доводы адвоката, просившего об оправдании Терновского за отсутствием в его действиях состава преступления, судом игнорированы. Приговор суда не обоснован, а, следовательно, незаконен.

Заканчивая свое последнее слово в суде, Леонард Терновский сказал: «В соответствии со своими убеждениями я стремился бороться с несправедливостью, помогать людям, делать им добро. Этим объясняются все мои действия и выступления. И я пойду в неволю с чистой совестью».

Приложение[1]: Полный текст последнего слова Л. Терновского.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров

Присоединяемся:
М. Петренко-Подъяпольская, Н. Комарова-Некипелова, В. Тимачев, М. Ланда, Ю. Гастев[2]
5 января 1981 г.

188

Документ № 154

АРЕСТ ПОСЛЕДНЕГО ЧЛЕНА РАБОЧЕЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ ФЕЛИКСА СЕРЕБРОВА

8 января 1981 г. Следственным отделом Управления КГБ по г. Москве и Московской области арестован активный правозащитник Феликс Аркадьевич Серебров, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и член Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Рабочая Комиссия по психиатрии была организована как свободная и легальная правозащитная ассоциация в 1977 г. Целью этой Комиссии была помощь людям, незаконно подвергавшимся психиатрическим репрессиям, а также сбор и распространение информации о случаях использования психиатрии в политических целях. О всех ставших известными Рабочей Комиссии случаях незаконного помещения людей в психиатрические больницы, о нарушении прав психически больных, об условиях содержания в спецпсихбольницах, о преследовании медперсонала за сочувственное отношение к больным и т.п. — члены Комиссии информировали официальные государственные инстанции и учреждения. (Подробно о работе Комиссии см. документ № 144.)

[1] Не публикуется, воспроизведен в АС №4206. — *Сост.*
[2] В АС № 4206 список присоединившихся открывается А. Сахаровым. — *Сост.*

С самого начала своей работы члены Рабочей Комиссии по психиатрии подвергались жестоким преследованиям — вызовы в КГБ, слежка, допросы, обыски, административные задержания, аресты и осуждения стали будничными условиями жизни этих мужественных людей.

Жизнь Феликса Сереброва сложилась тяжело. Родился в 1930 г. В 1947 г., когда был принят Указ от 4 июня 1947 г., установивший варварски длительные сроки лишения свободы даже за самые незначительные кражи государственного имущества, Феликс в группе таких же как он несовершеннолетних подростков принял участие в мелкой краже соли с железнодорожной платформы. За эту мальчишескую проделку он был осужден к заключению в лагерях на десять лет. Только после смерти Сталина он был досрочно освобожден, отбыв в заключении около 6-ти лет. Второй раз Серебров был осужден за превышение пределов необходимой самообороны. Длительное пребывание в заключении лишило его возможности получить специальное образование, но он имеет большой трудовой стаж рабочего, хотя и нелегко ему было жить и работать, имея за спиной «уголовное» прошлое.

Жизненные трудности сформировали личность Феликса, но не сделали его озлобленным человеком, а выработали в нем убеждение в необходимости активно противостоять злу, насилию, несправедливости. Самообразованием он восполнил недостаток формального образования и стал думающим, культурным человеком. Таким и вошел Феликс Серебров в правозащитную деятельность в 70-х годах.

В 1977 г. против Сереброва было возбуждено уголовное дело до такой степени искусственно сфабрикованное, что не оставалось сомнения в том, что его преследуют именно за правозащитную деятельность. Он был осужден и после отбытия одного года заключения вновь вел активную работу в Рабочей Комиссии по психиатрии.

После ареста члена Московской группы «Хельсинки» Виктора Некипелова (декабрь 1979 г.) Серебров вместе с Леонардом Терновским вступил в группу «Хельсинки», активно участвовал в ее работе, не прекращая деятельность в Рабочей Комиссии по психиатрии.

После ареста Вячеслава Бахмина, 18 февраля 1980 г., Серебров и Терновский (их осталось в Комиссии только двое) сделали такое заявление:

«В связи с арестом Вячеслава Бахмина Рабочая Комиссия заявляет, что работа по выявлению и преданию гласности случаев злоупотребления психиатрией будет продолжена. Необходимость разоблачения репрессивного использования психиатрии зависит не от чьей-то прихоти и произвола, а проистекает из самого факта существования таких злоупотреблений. Прекращение позорного использования психиатрии является поэтому условием и предпосылкой прекращения деятельности Рабочей Комиссии.

Феликс Серебров, Леонард Терновский».

Но 10 апреля 1980 г. был арестован и Леонард Терновский. Феликс продолжал работу один. По-прежнему десятки здоровых людей, подвергнутых психиатрическим репрессиям, и сотни психически больных, права которых нарушались, со всех концов страны обращались за помощью в Рабочую комиссию по психиатрии, и Феликс откликался на каждый зов тех, чьи права были нарушены. В то же время он продолжал оставаться активным членом Московской группы «Хельсинки».

Откуда черпал силы для такой непосильно большой работы этот человек, уже перешагнувший порог пятидесятилетия, страдающий гипертонией, имеющий полный рабочий день на своей профессиональной работе, остававшийся хорошим семьянином и другом многих людей?

Эти силы он черпал в своем непоколебимом осознании чувства гражданского долга, в своем добром сердце, в сознании ответственности каждого за все зло и всю несправедливость в стране.

5 января 1981 г. Феликс подписал документ группы «Хельсинки», документ протеста против необоснованного осуждения Леонарда Терновского[1]... А 8 января, утром, когда жена уже ушла на работу, в квартире раздался звонок, и представители беззаконной законности увезли Феликса «для допроса». В действительности это был арест, и Феликс не возвратился домой, а был отвезен в Лефортовскую тюрьму.

В отсутствие самого Сереброва и его жены был проведен обыск. В протоколе обыска в качестве присутствующего при обыске члена семьи была указана его теща, восьмидесятилетняя, совершенно слепая и почти полностью глухая женщина. Забрали книги, рукописи, письма, архивы Рабочей Комиссии. Забрали единственное «оружие», которое является словом — печатным, машинописным, рукописным, свободным и открытым словом.

За мысль, за слово, за правдивую информацию, за стремление помочь людям будут судить правозащитника Феликса Сереброва, последнего члена Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Приложение[2]: справка об арестах и осуждениях членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (1978–1981 гг.).

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Иван Ковалев
25 января 1981 г.

189

Документ № 155

ПОВТОРНОЕ ОСУЖДЕНИЕ БРАТЬЕВ АЛЕКСАНДРА И КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКОВ

6 января 1981 г. в Якутии осужден по ст. 190.1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) один из основателей Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — Александр Подрабинек. Приговор — заключение в лагерях сроком на 3 года 6 месяцев и 13 дней.

9 января 1981 г. Липецким облсудом по той же статье осужден к лишению свободы в лагере строгого режима Кирилл Подрабинек.

Оба суда над братьями Подрабинеками — в разных краях страны — проходили, как и все политические процессы последних лет, в условиях нарушения действительной гласности и с нарушением прав подсудимых на защиту. На обоих процессах фактически не исследовались какие-либо конкретные доказательства виновности подсудимых. Все ходатайства подсудимых, направленные на установление действительных обстоятельств, неуклонно судом отклонялись, а доводы назначенных адвокатов, доказывающих отсутствие состава преступления и недоказанность обвинения,— игнорировались судами.

Александр Подрабинек, 1953 г. рождения, фельдшер, в 1977 г. вместе с Вячеславом Бахминым (осужден в 1980 г., находится в заключении), Ириной Каплун (впослед-

[1] О суде над Терновским см. документ № 153 (док. 187). — *Сост.*
[2] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4229. — *Сост.*

ствии из Рабочей комиссии вышла) и Феликсом Серебровым (арестован 8 января 1981 г.) образовал свободную ассоциацию правозащитников, получившую название «Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях». Эта Рабочая комиссия, в которую вошли впоследствии Леонард Терновский (осужден 30 декабря 1980 г., находится в заключении) и Ирина Гривнина (арестована 16 сентября 1980 г.) вела открыто и легально большую работу по сбору информации о злоупотреблении психиатрией в политических целях и по оказанию помощи узникам совести, заключенным в психиатрические тюрьмы, и их семьям.

На основании материалов о нарушениях прав психически больных, о помещениях людей, не нуждающихся в этом, в психиатрические больницы, и об условиях содержания в психиатрических тюрьмах (так называемых спецпсихбольницах, находящихся в ведении МВД), Александр Подрабинек написал книгу «Карательная медицина», опубликованную на Западе.

Кирилл Подрабинек, 1952 г. рождения; после демобилизации из Советской Армии написал очерк «Несчастные», описывающий в реалистических красках условия службы в армии. Этот очерк также был передан для опубликования на Западе.

Братья Подрабинеки подвергались систематическим преследованиям. Осенью 1977 г. Александр Подрабинек был вызван в КГБ, где ему предложили выехать в Израиль со всей семьей. Александр категорически отказался. Кирилл и его отец соглашались уехать, но их отказались выпустить без Александра. После этого Александру пригрозили, что если он не согласится уехать, то плохо будет его брату Кириллу.

Угроза была исполнена. 29 декабря 1977 г. Кирилл был арестован по обвинению в хранении оружия и боеприпасов. За это он и был осужден на 2 года и 6 месяцев лишения свободы. Обвинение было явно сфальсифицировано. В качестве огнестрельного оружия фигурировал... пистолет для подводной охоты; принадлежность Кириллу мелкокалиберных патронов, обнаруженных в служебном помещении, которым пользовалось кроме Кирилла еще несколько человек, ничем доказана не была.

14 мая 1978 г. был арестован и Александр Подрабинек, которого осудили по ст. 190.1 УК РСФСР (заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй) к пяти годам ссылки.

Так расправились власти с братьями Подрабинеками в 1978 г. Однако выпускать их на свободу после отбытия наказания не захотели.

13 июня 1980 г. в Усть-Нере (Якутия), где отбывал ссылку Александр, его арестовали по повторному обвинению по той же статье — 190.1 УК РСФСР.

30 июня 1980 г. кончался срок пребывания под стражей по первому приговору у Кирилла Подрабинека. Но и он не увидел свободы. 24 июня 1980 г., т.е. за 6 дней до освобождения, Кирилла перевели из тюрьмы в следственный изолятор и предъявили ему новое обвинение в систематическом распространении в устной форме (среди заключенных) «клеветнических измышлений» — все та же статья 190.1 УК РСФСР.

И вот повторные суды и новые тяжелые сроки лишения свободы.

Александру Подрабинеку поставлено в вину три эпизода:

1. Изготовление и распространение в июне 1979 г. обращения к Конгрессу США, якобы содержащего ложные измышления в адрес советского строя (на самом деле обращение нигде не распространялось, это был черновик).

2. Продолжение в 1979–1980 гг. работы над произведением «Карательная медицина».

3. Распространение в мае 1980 г. фотокопии с текстом, содержащим антисоветские клеветнические измышления об истории социалистической революции в России.

Лишенный права на полноценную защиту, получивший отказ по всем заявленным в суде ходатайствам, Александр Подрабинек отказался от участия в судебном след-

ствии, однако воспользовался правом произнести последнее слово. В последнем слове Александр привел неотразимо убедительные доводы необоснованности обвинения. Не имея возможности привести в настоящем документе полный многостраничный текст последнего слова, мы ограничимся цитатами.

Начиная свое последнее слово, Александр сказал:

«Задавшись целью лишить меня свободы, следственные и судебные органы состряпали дело быстро и неумело. Предъявленное мне обвинение нелепо и бездоказательно, а предварительное и судебное следствие изобиловало нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Только такое ведение дела позволяет судебно-следственным органам осудить невиновного человека».

Закончил Александр Подрабинек так:

«В последнем слове принято просить у суда вынести то или иное решение по делу. Скорее в силу этой традиции, чем в надежде на правосудное решение, я требую оправдательного приговора ввиду отсутствия в моих действиях состава преступления. Я, впрочем, не сомневаюсь, что мера наказания за несовершенное преступление давно уже определена мне, и не Верховным Судом Якутии, а другими, вышестоящими инстанциями. Но какой бы лагерный срок ни был сейчас мне отмерен, у меня остается уверенность, что честные люди вынесут свой приговор по этому делу — оправдательный мне и обвинительный моим нынешним судьям».

Кириллу Подрабинеку приговором поставлено в вину то, что он «начиная с мая 1978 г. и по июнь 1980 г. систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, среди осужденных в учреждениях ЯЦ-34/16 и ЮУ-323/ст-2».

В приговоре приведены высказывания Кирилла, признанные судом клеветническими:

«Подрабинек в явно искаженном тенденциозном виде говорил, что в Советском Союзе отсутствует демократия, свобода слова, печати, собраний. Конституцию СССР называл фикцией; утверждал, что члены Коммунистической партии Советского Союза являются эксплуататорами народа, что выборы в государственные органы не свободные; права евреев в СССР нарушаются, что СССР является колониальной державой, в которой евреи, казахи и другие народы занимают угнетенное и бесправное положение.

Подрабинек оскорбительно и клеветнически отзывался об основателе КПСС и Советского государства В.И. Ленине и об одном из руководителей нашего государства».

Кирилл, не признавая себя виновным, утверждал, что свидетели — отбывающие наказание уголовники, дают ложные показания. Кирилл заявил ходатайство о вызове 20-ти свидетелей заключенных, находившихся с ним в одной камере длительное время. Это ходатайство судом было отклонено.

Ссылка Кирилла Подрабинека на то, что свидетели — заключенные, находящиеся в зависимости от администрации мест заключения, дают ложные показания, нашла себе некоторое подтверждение в судебном заседании. Свидетель заключенный Филимонов в суде отказался подтвердить показания, данные им на предварительном следствии, заявив, что он давал ложные показания под влиянием администрации. Свидетель Филимонов заявил в суде, что на предварительном следствии давал показания «под страхом пресс-камеры».

На вопросы судьи Филимонов ответил, что все заключенные знают о существовании специальных камер, называемых в тюремном быту «пресс-камерами» или «пресс-хатами», в которых специально подобранные уголовники по указанию администрации избивают и уродуют неугодных администрации заключенных. Филимонов показал, что о таких избиениях он слышал от сокамерников Абдулаева и Мошкина, которых видел после избиения.

Это уже не впервые свидетели-заключенные в суде отказываются от показаний, данных на допросах в тюрьме под страхом репрессий (например, дело Мустафы Джемилева в 1976 г. в Омске, где единственный свидетель заключенный Дворянский заявил в суде, что при допросах в тюрьме его вынудили под страхом дать показания против Джемилева. Но и Джемилев был осужден, и впоследствии был осужден Дворянский к дополнительному сроку наказания).

Кирилл Подрабинек осужден. Естественно, возникает тревога за судьбу Филимонова.

Независимо от допущенных в предварительном следствии и в судах процессуальных нарушений, независимо от недоказанности обвинений братьев Подрабинеков,— из самих приговоров видно, что они осуждены только за свободное высказывание устно (Кирилл) или письменно (Александр) своих суждений и убеждений, которые не могут являться *заведомо для них ложными,* т.е. они осуждены при отсутствии в их действиях состава преступления.

Такое осуждение особенно трагично потому, что и Кирилл, и Александр еще при отбывании первого наказания получили тяжкие заболевания. Александр в условиях суровой ссылки перенес тяжелый гепатит, который перешел в хроническую форму, Кирилл заболел в тюрьме туберкулезом легких. Вследствие позднего установления диагноза и неполноценного лечения процесс (туберкулезный) развивается, и в настоящее время у Кирилла диагностирован «очаговый туберкулез правого легкого в стадии инфильтрата».

Мы призываем глав правительств государств, подписавших Хельсинкские соглашения, и советскую и мировую общественность поднять голос в защиту свободы и жизни братьев Подрабинеков.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
29 января 1981 г.

190

Документ № 156

АРЕСТ В. БРАИЛОВСКОГО И РАЗГОН НАУЧНОГО СЕМИНАРА ОТКАЗНИКОВ

13 ноября 1980 г. арестован Виктор Браиловский, ученый, кандидат наук, секретарь научного семинара евреев-отказников, в течение многих лет не получавший от властей разрешения на выезд в Израиль. Браиловскому предъявлено обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР, предусматривающей наказание до трех лет исправительно-трудовых лагерей. С момента ареста прошло почти три месяца, но нет никаких данных о ходе следствия и состоянии здоровья Браиловского.

Сразу после ареста Браиловского власти сделали невозможной дальнейшую работу семинара, который последние три года проходил на квартире Браиловского — без всякого объяснения участники семинара не допускались в квартиру милицией и лицами в штатском.

Научный семинар существовал с 1972 года, являясь для многих его участников единственной формой научного общения и международного научного сотрудничества. За восемь лет кроме регулярных воскресных семинаров было проведено четыре меж-

дународных сессии с участием ученых из многих стран, в том числе и Нобелевских лауреатов. Последняя международная сессия состоялась в апреле 1980 года, в ее подготовке активное участие принимал Виктор Браиловский. Несколько западных ученых при получении визы на въезд в СССР указали, что целью их поездки является участие в семинаре; получение ими виз было по существу официальным признанием семинара, вся деятельность которого соответствовала духу Соглашений в Хельсинки. За время, прошедшее с апрельской международной сессии, ничто не изменилось в характере работы семинара. Арест Виктора Браиловского и закрытие научного семинара являются показателями изменения отношения властей к Хельсинкскому Соглашению и нарушением Хельсинкского акта.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
6 февраля[1] 1981 г.

191

Документ № 157

ДЕЛО ОКСАНЫ ЯКОВЛЕВНЫ МЕШКО

5–6 января 1981 г. в Киеве состоялся суд над известной киевской правозащитницей, одной из основательниц Украинской группы «Хельсинки» Оксаной Мешко. Она осуждена по ч. 1 ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР). Приговор — 6 мес. лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Шесть месяцев лишения свободы Мешко уже отбыла в период предварительного следствия. Сейчас она будет отправлена в ссылку по этапу. Оксане Яковлевне 75 лет, она больная — сердечница, а в предварительном заключении она перенесла гнойный плеврит.

Единственный сын Мешко после семи лет пребывания в лагерях (по ст. 70 УК РСФСР) в настоящее время находится в ссылке в Хабаровском крае. Других трудоспособных близких родственников у нее нет. Таким образом, старую, больную женщину власти бесчеловечно обрекли на одинокое существование в тяжелых условиях далекой ссылки.

Оксана Яковлевна Мешко на протяжении ряда лет систематически подвергалась преследованиям властей за свою правозащитную деятельность (обыскам, допросам, кратковременным задержаниям, постоянной слежке). До окончательного ареста 14 октября 1980 г., Мешко летом 1980 г. была противозаконно помещена милицией в психиатрическую больницу. Свидания, записки и передачи были ей запрещены. 25 августа 1980 г. Мешко выписали из больницы, но следствие по ее делу продолжалось. 13 октября сотрудниками КГБ в ее доме был произведен обыск. 14 октября она была вызвана повесткой КГБ на допрос и домой не вернулась — снова помещена в психиатрическую больницу. В декабре стало известно, что Мешко признана экспертизой вменяемой и переведена в следственную тюрьму.

Мы не имеем полной информации о том, что именно инкриминировалось О. Я. Мешко, так как суд был практически закрытым и даже близким родственникам не сообщили о времени и месте судебного заседания.

Нам известны высокие моральные и человеческие качества О. Мешко. Это честный, правдивый, бескорыстный человек, противник любых насильственных мер, чьим

[1] Датирован по «Хронике текущих событий» № 61 и по АС № 4238. — *Сост.*

оружием было лишь свободное слово и доброе сердце и чья деятельность была направлена лишь на сбор и распространение правдивой информации о нарушении прав человека в СССР и на помощь людям.

Итак, еще одна жертва репрессий властей против попыток воспользоваться декларированными Конституцией СССР правами и свободами обречена на бесчеловечное и угрожающее жизни наказание.

* * *

Мы обращаем внимание участников Мадридского совещания и международной общественности на трагическую судьбу Оксаны Мешко и призываем поднять голос протеста против очередной судебной расправы.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
7 февраля 1981 г.

192

Документ № 158

О ЖЕНЩИНАХ — УЗНИЦАХ СОВЕСТИ

Тяжела судьба всякого, заключенного в тюрьмы и лагеря, и ссыльного. Особенно тяжела судьба политзаключенного, человека, лишенного свободы за мысль, за слово, за ненасильственную борьбу за права человека, за стремление помочь людям.

Но труднее всего женщинам — узницам совести.

Сегодня, когда в нашей стране готовится формальное празднование Международного женского дня, когда официальные средства массовой информации воспевают «счастливую жизнь» советской женщины,— мы думаем о десятках наших матерей, дочерей, жен и сестер, которые томятся в лагерях и ссылках, и о которых не проникает ни одно слово ни в наши газеты, ни в радио и телепередачи.

Мы вспоминаем Екатерину Петровну Алешину, ей сейчас уже 73 года, уже более 8-ми лет она отбывает наказание в мордовском лагере строгого режима лишь за то, что верила в Бога и хотела говорить и жить в соответствии со своей верой (Истинно-Православная Церковь[LXXXXXV]).

Мы думаем о верующих Волковой Анастасии, Волковой Клавдии, Кульдышевой Глафире, Попович Оксане[1], Семеновой Марии, Усоевой Надежде, Хвотковой[2] Александре, Соколовой Татьяне — отбывших семилетнее заключение и находящихся теперь в ссылке (ИПЦ).

Нас волнует судьба адвентисток: Марии Зинец, Галины Асташовой, Лидии Меленко, Нины Овчаренко и Валентины Запорожец; баптисток: Галины Вильчинской, Надежды Ивановой, Любови Косачевич, Надежды Брыковой, Тамары Быстровой, Ольги Никора, Веры Сидоровой, Надежды Сидоровой, Елены Тиссен, Маргариты Эпп, Галины Юдинцевой; католичек: Виткаускайте Оны, Навицкайте Гено; униатки Ковальской.

---

[1] О. Попович включена в список женщин, уже отбывших лагерный срок и находящихся в ссылке, по ошибке (ее срок оканчивался в 1982). Сведений о ее принадлежности к ИПЦ (см. прим. CV.) не обнаружено. — *Сост.*

[2] Так в тексте, правильно — Хваткова — *Сост.*

Наши сердца всегда с правозащитницами — мужественными женщинами, открыто выступавшими с правдивым свободным словом, только в этом «виновными», находящимися в лагерях и ссылках или ожидающими суда в Лефортовской тюрьме. Татьяна Великанова, Мальва Ланда, Оксана Мешко, Ольга Матусевич, Ида Нудель, Татьяна Осипова, Ирина Гривнина — эти имена широко известны.

Бессрочно заключены в психиатрические тюрьмы Евгения Ерыгина, Зита Кирснаускайте[1], Вера Липинская, Ольга Ножак, Анна Черткова, Шевченко, Любовь Штейн.

По имеющимся у нас сведениям, 62 женщины — узницы совести находятся на сегодняшний день в лагерях, ссылке и спецпсихбольницах (список прилагается[2]). Этот список — наверное, неполный. Возможно, в нем есть неточности и ошибки. Неимоверные трудности в получении информации лишают нас возможности расширить и уточнить список женщин — узниц совести. Мы с благодарностью примем и учтем всякую информацию. Но и то, что мы знаем — ужасно. 62 женщины. Молодых и старых (Оксане Мешко 75 лет, Людмила Крылова была арестована в 1979 году, когда ей было 19 лет). Одиноких и имеющих детей. Известных и никому неведомых. А скольких мы еще не можем вообще назвать?

В течение последних лет проводилось несколько гласных и негласных амнистий для женщин. Но ни одна из этих амнистий не освободила ни одной узницы совести, ни одной, осужденной за веру в Бога или за правозащитную деятельность[LXXXXXVI].

Мы убеждены в незаконности самих арестов и осуждений этих женщин. Но, не надеясь добиться гласного пересмотра всех этих дел и оправдания невинно осужденных, мы ограничиваемся требованием полной амнистии для всех женщин-политзаключенных и политссыльных и освобождения из психиатрических тюрем женщин-верующих.

Мы обращаемся к главам всех государств, подписавших Хельсинкский акт, ко всем международным женским организациям, ко всей международной общественности с просьбой — поддержать наше требование амнистии.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
1 марта 1981 г.

193

Документ № 159

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ ЕВСЮКОВЫХ

Евсюков Серафим Дмитриевич, 1928[3] г.р., бывший штурман гражданской авиации, со стажем более 25 лет, получающий пенсию и работавший инженером в аэропорту «Домодедово», в 1978 г. обратился в Президиум Верховного Совета СССР и в ЦК КПСС с заявлением об отказе от советского гражданства и с просьбой разрешить ему с семьей выезд из СССР.

На эти заявления, так же как и на многочисленные заявления, посланные в последующие годы, Евсюков ни одного ответа не получил.

В 1979 г. начались преследования семьи Евсюкова. Его вызывали в КГБ, требовали, чтобы он подписал объявленное ему «предостережение» об отказе «от антиобще-

[1] Освобождена в 1980. — *Сост.*
[2] Не публикуется, воспроизведен в АС № 4245 с редакционным дополнением и уточнениями. — *Сост.*
[3] Точнее — 1933. — *Сост.*

ственной деятельности», вменяя ему «попытку проникнуть в иностранное посольство и ведение антиобщественных бесед». Евсюков подписать «предостережение» отказался. После этого начались преследования по работе: необоснованные лишения премии, выговора и т.д. В сентябре 1979 г. его уволили под предлогом сокращения штатов. До сих пор Евсюков не может добиться ни восстановления на работе, ни предоставления ему другой работы.

Дочь Евсюкова Людмила, 1961 г. рождения, работала библиотекарем в школе, которую она в 1978 г. окончила, и училась на заочном отделении Областного Педагогического института. Весной 1980 г. руководство школы потребовало от нее осудить намерение отца покинуть СССР. Однако дочь поддержала отца и заявила, что она также хочет выехать из СССР. После этого она была исключена из комсомола, исключена из института, а затем, в сентябре 1980 г., уволена и с работы в школе.

Когда сыну Евсюкова Серафиму, 1962 г. рождения, исполнилось 18 лет, он 26 марта 1980 г. послал заявления Министру Обороны, в Президиум Верховного Совета СССР и на имя Брежнева — с просьбой освободить его от службы в армии. Он писал:

«...мы третий год ходатайствуем о выезде за границу. Служба в армии усложнит выезд».

Ответа, как обычно, не последовало. В мае 1980 г. он получил повестку о призыве в армию, на призывной пункт не явился, был арестован и 22 июля 1980 г. осужден по ст. 80 УК РСФСР (уклонение от призыва на военную службу). Несмотря на то, что на суде Серафим заявил, что он отказывается служить в армии лишь до момента получения ответов на посланные им заявления в Верховный Совет и Председателю Верховного Совета Л. И. Брежневу — суд признал его виновным и приговорил к лишению свободы на два с половиной года. В последнем слове на суде Серафим просил назначить ему наказанием — высылку из СССР. Сейчас он отбывает наказание в лагере: 665548, Иркутская обл., Чунский район, пос. Октябрьский УК-272/23-7-11.

17 января 1981 г. родители Серафима и его сестра приехали в лагерь на свидание с ним. Получив разрешение на свидание «после окончания карантина по гриппу», они решили не уезжать (стоимость дороги в Чуну и обратно для них непосильна) и ожидать окончания карантина в поселке около лагеря. В дневное время семья Евсюковых гуляла вблизи от лагеря вокруг зоны, надеясь хотя бы издали увидеть Серафима. Пребывание вблизи лагеря не нарушает закон. Несмотря на это, офицеры охраны препятствовали пребыванию Евсюковых вблизи лагеря. Им сначала угрожали («уходите, а то спустим на вас собак»), потом перешли к действиям.

16 января 1981 г. охранник по приказу офицера охраны с расстояния около 2 метров произвел выстрел прямо над головами Евсюковых. На другой день охранники около зоны повалили Евсюковых на землю и пытались волоком оттащить их. В тот же день все трое Евсюковых были задержаны милицией, доставлены в прокуратуру, а затем помещены в КПЗ милиции, где их продержали в камерах более трех суток. И прокурор, и начальник милиции угрожали Евсюковым привлечением к уголовной ответственности по ст. 190.3 УК РСФСР (групповые действия, нарушающие общественный порядок) и по ст. 206 УК РСФСР (хулиганство).

Во время пребывания Евсюковых в КПЗ на квартире, где они остановились, был произведен негласный обыск (без ордера), при котором изъяты письма и личные документы. Евсюковы писали жалобы на действия охраны лагеря, милиции и прокуратуры во всевозможные инстанции, но ответов не получили. После освобождения из КПЗ Евсюковым сообщили, что Серафим помещен в штрафной изолятор, разрешение на свидание отменяется, и свидание будет разрешено только в сентябре 1981 г. (по закону родственники имеют право на два личных свидания в год — в лагере общего режима).

Возвратившись домой, Евсюковы из письма Серафима узнали, что он содержался в штрафном изоляторе 30 суток, что он писал жалобы, письма, ответов не получил, но его вызвал «для беседы» приезжавший в лагерь начальник иркутского областного КГБ.

* * *

Судьба семьи Евсюковых — лишь один из примеров того, как преследуются в СССР люди (и целые семьи) лишь за одну попытку воспользоваться правом на выезд из своей страны, правом, четко записанным в статье 13 Всеобщей декларации прав человека и в ст. 12 Пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Советским Союзом 18 сентября 1973 г.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
23 марта 1981 г.

194

Документ № 160

АРЕСТ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

17 марта 1981 г. в Москве по постановлению Следственного Отдела Владимирского Областного УКГБ арестован известный правозащитник Анатолий Тихонович Марченко.

Анатолий Марченко родился в 1938 г. в г. Барабинске (Сибирь) в рабочей семье. После окончания 8-го класса школы работал на комсомольских стройках в Сибири. В первый раз был арестован в возрасте 19-ти лет. Второй раз был арестован в 1960 г. за попытку перехода границы по ст. 64 УК РСФСР (измена родине), несмотря на то, что никаких признаков измены родине материалами дела не было установлено, и он мог нести ответственность только по ст. 83 УК РСФСР («незаконный выезд за границу»). Именно по этой статье и был осужден его товарищ, с которым они вместе пытались перейти границу. Однако Анатолий получил наказание — 6 лет заключения в политлагерях — по ст. 64.

В 1966 г. он освободился по окончании срока наказания и с тех пор постоянно преследовался властями.

Рабочий по профессии, литератор по призванию Марченко открыто выступал в защиту гражданских и политических прав. Он автор двух документальных работ: «Мои показания» и «От Тарусы до Чуны» и ряда публицистических статей и писем (о положении в политлагерях, о событиях 1968 г. в Чехословакии, об экономическом и политическом положении советских рабочих, о разрядке, письмо академику Капице по поводу ссылки Сахарова и т.д.).

Работы Анатолия Марченко распространялись в самиздате, а затем публиковались за рубежом.

Открытое, свободное слово Анатолия Марченко, его противостояние злу, несправедливости и насилию вызвали систематические преследования мужественного и бескомпромиссного правозащитника. С 1968 г. у него произведено не менее 15-ти обысков, на которых изымались рукописи, черновики и планы задуманных работ, личная переписка, записные книжки, дневниковые записи и т.п. Обыски по его последнему месту жительства были произведены в марте 1980 г. (по делу Мальвы Ланда), в октяб-

ре 1980 г. и 17 марта 1981 г. (в день ареста). В этот день обыски были произведены и в Москве у родственников жены Марченко — Ларисы Богораз — т.е. у Александра Даниэля и Екатерины Великановой, а также в г. Струнино у бывшего политзаключенного Е. Пашнина. В этот же день и был арестован Анатолий Марченко у дома своего тестя И.А. Богораз.

Это уже шестой арест. За период жизни с 19 лет и до сегодняшнего дня, когда Анатолию исполнилось 43 года, он провел в заключении и ссылке 15 лет и только 9 лет на свободе и то из них 2 года под гласным административным надзором.

В 1974 г. Анатолий Марченко намеревался эмигрировать в США (по приглашению руководителя профсоюза учителей), но в ОВИРе получил отказ в разрешении на выезд; при этом ему было сказано: «Уезжайте к родственникам жены в Израиль». Анатолий отказался от такой фальсификации мотивов своего отъезда и был тогда в очередной раз арестован.

1 апреля 1980 г. Анатолий был вызван в районное управление КГБ в г. Александрове, где ему предложили немедленно уезжать из страны, угрожая в противном случае арестом: «У вас считанные дни остались»,— сказали ему. Марченко отказался покинуть страну по принуждению властей. И вот через год — угроза осуществлена. Анатолий арестован.

Что именно ему вменено в вину (какое предъявлено обвинение) — мы не знаем. Судя по постановлению на производство обыска, против Анатолия Марченко следственным отделом УКГБ Владимирской обл. (начальник следственного отдела Плешков) 16 марта 1981 г. возбуждено дело № 41 по обвинению «в изготовлении и хранении антисоветской и клеветнической литературы». Отсюда следует вывод, что обвинение предъявлено по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и это грозит Анатолию многолетним заключением.

Сейчас следствие ведет следователь владимирского КГБ Кривов. Анатолий содержится во Владимирском следственном изоляторе (тюрьме) КГБ.

У Анатолия Марченко есть жена и 8-летний сын. Будучи лишен права жить в Москве, в квартире жены, последние два с половиной года он жил в пос. Карабаново, где работал оператором газовых котельных. Одновременно он своими руками строил дом для своей семьи. Несмотря на то, что его здоровье подорвано многолетним пребыванием в тюрьмах, лагерях и ссылке (перенесенный менингит, потеря слуха, заболевание кишечника), он всегда и всюду работал, являясь рабочим не только по роду занятий, но и по внутреннему самосознанию.

И вот он снова арестован, оторван от семьи, от друзей. Начинается 16-й год его неволи...

Повторяем: мы не знаем, какое именно конкретное обвинение заготовлено для Анатолия Марченко, но мы знаем его и его жизнь. Мы знаем этого мужественного, честного, бескомпромиссного, много страдавшего человека. Мы убеждены, что только стремление к охране свобод и прав человека, только высокий нравственный уровень, чуткая совесть и отзывчивое на чужую беду сердце были побудительными мотивами его действий. Мы знаем, что будучи противником всякого насилия, он противостоял злу словом и только словом. Анатолий Марченко принадлежит к лучшим людям нашей эпохи. За это и только за это он преследуем властями.

Обращаясь к главам всех государств, подписавших Хельсинкский акт, к советской и международной общественности, мы призываем: сделайте все возможное для возвращения свободы Анатолию Марченко.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
30 марта 1981 г.

195

Документ № 161

ОСУЖДЕНА ТАТЬЯНА ОСИПОВА

«Я считаю защиту прав человека делом своей жизни».
(Суд над Татьяной Осиповой)

31 марта — 2 апреля 1981 г. в Москве в здании районного суда Люблинского р-на проходил суд над членом Московской группы «Хельсинки» Татьяной Осиповой. Председатель суда — судья Лубенцова, прокурор — пом. Генерального Прокурора СССР советник юстиции Поляков, защитник — адвокат Швейский.

Осипова обвинялась по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). Обвинение инкриминировало Осиповой хранение, изготовление и распространение ряда документов группы «Хельсинки» (документы №№ 49, 55, 58, 63, 69, 70, 85, 93, 100, 119); авторство совместно с В. Некипеловым публицистических очерков «Опричнина», черновика письма к Конгрессу США в связи с предстоящей ратификацией договора ОСВ-2 (в соавторстве с А. Подрабинеком); изготовление и распространение обращения в связи с 40-летием пакта Молотова–Риббентропа; письма «О тех, кто попустительствует международному разбою и сохраняет твердость в борьбе с мыслью»; изготовление «Информационного бюллетеня» Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР № 8 и «Хроники текущих событий» № 54; хранение с целью распространения книг: «Технология власти» Авторханова, «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, рукописи А. Шатравки «Если ты болен свободой или репортаж из желудка людоеда», двух номеров журнала «Посев», письма НТС «Это моя страна» и обращение НТС «Реши по совести», двух номеров журнала «Континент» и «Хроники текущих событий» №№ 33, 34, 40, 43–52.

Осипова в своем заявлении суду после зачтения обвинительного заключения сказала, что ее судят в основном за участие в группе «Хельсинки» и что ни она лично, ни группа никогда никакой антисоветской деятельностью не занимались, и поэтому виновной она себя не признает. Она сказала также, что сегодня судят фактически всю группу «Хельсинки».

Перед судом прошли 5 свидетелей: трое — мать, отчим и бабушка — говорили в основном о том, что они воспитывали Таню в советском духе, и что она «попала на скамью подсудимых под чуждым влиянием»; врач-психиатр из Днепропетровской спецбольницы Буткевич сообщила суду, что она не знает случаев помещения в психиатрические больницы здоровых людей; заместитель председателя колхоза «Россия» (село Ильинка) Желтов говорил, что права колхозников не нарушаются. Были зачитаны также показания еще пяти свидетелей, не явившихся в суд. Один из них, Виктор Чамовских, был единственным свидетелем, давшим показания о распространении Осиповой литературы, да и то — одной-единственной книги, которую он взял из шкафа сам без спросу.

Прокурор в своей речи говорил, что не существует никакой группы «Хельсинки»; просто «так называемые инакомыслящие», выполняющие социальный заказ «подрывных центров», прикрывают этим названием свою грязную деятельность; он особо отметил нравственную чистоту следователей по делу Татьяны Осиповой. Прокурор требовал у суда наказания для Татьяны Осиповой 5 лет лагеря общего режима и 3 года ссылки.

Адвокат сказал, что он не находит состава преступления в деятельности Татьяны Осиповой, но даже если стать на точку зрения обвинения, то он бы считал, что обвинительное заключение не соответствует содержанию ст. 70 и может быть квалифицировано только по ст. 190.1 УК РСФСР.

Несмотря на то, что в зале были свободные места (8 из 30), никто из друзей Осиповой в зал допущен не был. В первый день суда пытались не пустить и мужа Осиповой Ивана Ковалева. Его обыскивали утром, когда он приходил в суд, и после каждого перерыва. В первый день у него были отобраны букет цветов и магнитофон; было запрещено вести записи. Судья запрещала ему и Осиповой улыбаться друг другу, заявив, что такое поведение безнравственно.

В ходе всего процесса Осипову перебивали и не давали высказать свою мысль до конца — так было и в первый день, когда ей не дали полностью зачитать свое заявление суду, и во второй, когда ее практически лишили последнего слова. Все ее ходатайства, поддержанные адвокатом, судом были отклонены, в том числе и ходатайство о приобщении к делу ее заявления, которое ей не позволили зачитать полностью.

В своем последнем слове Осипова сказала: «Я считаю защиту прав человека делом своей жизни, потому что нарушения этих прав приносят человеческие трагедии». «Что вы просите у суда»,— перебила судья. «Я ничего не прошу»,— ответила Таня Осипова. После этого судьи сразу же поднялись и вышли из зала, лишив Осипову возможности закончить последнее слово.

Приговор — 5 лет лагеря общего режима с последующей 5-летней ссылкой.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
2 апреля 1981 г.

196

Документ № 162

АРЕСТ АНАТОЛИЯ КОРЯГИНА[1]

13 февраля 1981 г. во время поездки из Харькова в Москву в Белгороде арестован врач-психиатр, кандидат медицинских наук Анатолий Иванович Корягин (1938 г.р.). После окончания медицинского института с 1963 года Корягин работал психиатром, защитил диссертацию по вопросам лечения шизофрении, к моменту ареста работал врачом Харьковского областного психоневрологического диспансера.

С 1979 г. А.И. Корягин начал сотрудничать в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в качестве врача-консультанта. По поручению Комиссии он проводил обследования и экспертизы лиц, подвергавшихся психиатрическим репрессиям по политическим мотивам, давал заключения об их психическом состоянии. Одно из последних заключений было сделано после обследования шахтера Никитина, содержавшегося ранее в течение нескольких лет в психиатрической больнице. Корягин признал его психически здоровым. Однако Никитин, несмотря на протесты Рабочей Комиссии, был вновь помещен в психиатрическую больницу.

С начала своей деятельности в качестве врача-консультанта при Рабочей Комиссии А. Корягин подвергался систематическим преследованиям со стороны администрации по месту работы и органов КГБ. В декабре 1979 г. без объяснения причин и без санкции прокуратуры А. Корягин был задержан и подвергнут личному обыску на вокзале г. Харькова. В сентябре 1980 г. на квартире Корягина был произведен обыск

[1] О суде над ним см. документ № 178 (док. 212). — *Сост.*

работниками Харьковского УКГБ якобы по делу Зинченко, с которым Корягин не был знаком и никогда не встречался. На обыске были изъяты рукописи научных работ, личные письма, черновые записи обследования больных. После обыска последовал вызов в КГБ для допроса. Корягин отказался от дачи показаний.

5 февраля на работе у Корягина в его отсутствие состоялось собрание сотрудников диспансера для обсуждения его характеристики по запросу Прокуратуры. Коллеги Корягина осудили его участие в деятельности Рабочей Комиссии, квалифицировав ее как «враждебную государству». 13 февраля 1981 г. последовал арест, а 18 февраля — повторный обыск на квартире Корягина, во время которого следователь Мурзин неофициально (устно) сообщил, что против Корягина возбуждено уголовное дело по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР), однако в протоколе обыска это указано не было.

В настоящее время А. Корягин содержится в следственной тюрьме в Харькове. Следователь Сидельник В.А., ведущий его дело, отказывается официально сообщить жене по какой статье УК ее мужу предъявлено обвинение.

После ареста Корягина пожилая его мать 68 лет, потерявшая мужа во время Великой Отечественной войны, три малолетних (3 года, 10 лет, 13 лет) сына и жена разлучены с сыном, отцом и мужем, единственное «преступление» которого состоит в том, что он использовал свои профессиональные знания и опыт врача-психиатра в борьбе против психиатрических репрессий.

Арест Корягина окончательно пресекает гуманную, легальную общественную деятельность Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и вызывает опасение, что власти стремятся вновь широко использовать психиатрические преследования по политическим мотивам.

Приложение[1]: открытое заявление Корягина, составленное им на случай ареста.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман

Присоединяемся:
Ф. Кизелов
5 апреля 1981 г.

197

Документ № 163

НА УКРАИНЕ АРЕСТОВАН ИВАН КАНДЫБА

24 марта 1981 г. в с. Пустомыты Львовской обл. вновь арестован Иван Алексеевич Кандыба.

В 1961 г. Иван Кандыба вместе с Левко Лукьяненко и др. был осужден по обвинению в измене родине за создание независимого Украинского рабоче-крестьянского союза, основным требованием которого было проведение референдума среди украинского населения по вопросу об отделении Украины от СССР. Назначенное судом наказание — 15 лет заключения в лагерях — Кандыба отбыл полностью, был освобожден в 1976 г. и поселен в с. Пустомыты Львовской обл. под гласным административным надзором, который постоянно (19 раз!) продлевался до момента его ареста. Являясь

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4318. — *Сост.*

по образованию и профессии юристом, Кандыба был лишен работы по специальности и вынужден был работать кочегаром, слесарем по ремонту швейных машин и т.п.

Иван Кандыба и Левко Лукьяненко вступили в Украинскую группу «Хельсинки» с момента ее основания в 1976 г. В том же году Л. Лукьяненко был арестован и вновь осужден (по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР) к 10 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, а Кандыба продолжал заниматься правозащитной деятельностью и постоянно подвергался преследованиям властей: незаконным задержаниям, обыскам, вызовам на «беседы» в КГБ, клеветническим нападкам местной прессы.

Так, например, в сентябре 1977 г. он был доставлен на «беседу» к начальнику Львовского областного КГБ Полудень, который предложил ему право жить во Львове и работать по специальности в обмен на публичное покаяние, выход из группы «Хельсинки» и осуждение ее деятельности, на что Кандыба не согласился. Позже начальник районного УКГБ капитан Полищук неоднократно вызывал Кандыбу, требовал прекратить «антиобщественную деятельность», выйти из группы «Хельсинки», прекратить переписку с политзаключенными, угрожая в противном случае возбуждением уголовного дела.

В областной Львовской и районной прессе неоднократно публиковались клеветнические материалы о Кандыбе. В частности, газета «Ленинский прапор» от 3 августа 1978 г. опубликовала статью, в которой указывалось:

«...Кандыба не прекращает своей грязной деятельности. Он пишет письма в разные организации и инстанции, ... заодно старается начинить эти жалобы националистическим фаршем. В этом отношении он брал ответственные консультации у таких изменников советского народа, как Сахаров, Буковский, Орлов, Руденко, Тихий и другие».

Комментарии излишни!

Иван Кандыба неоднократно пытался получить разрешение на выезд из СССР, но ему отказывали. В частности, летом 1978 г. он получил вызов в США от своей двоюродной сестры. В ноябре его вызвали по этому поводу к заместителю прокурора Львовской области по надзору за КГБ Руденко. Прокурор и два присутствующих сотрудника КГБ дали понять, что они недовольны тем, что Кандыба получил вызов.

Гласный административный надзор и различные преследования продолжались до момента ареста.

Мы лишены возможности получить информацию о том, какое именно обвинение предъявлено Ивану Кандыбе. Но мы убеждены, что ничего противоречащего Конституции СССР и ничего противозаконного И. Кандыба совершить не мог.

И вот человек, который провел 15 лет в заключении только за свое несогласие с официальной внутренней политикой властей, снова арестован, снова в тюрьме и ожидает заранее предопределенный приговор.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
6 апреля 1981 г.

198

Документ № 164

СУД НАД ГЕНРИХОМ АЛТУНЯНОМ

С 26 по 31 марта 1981 г. в Харьковском городском суде слушалось дело Генриха Алтуняна по ст. 62 УК УССР («антисоветская агитация и пропаганда» — ст. 70 УК РСФСР).

Генрих Ованесович Алтунян (1933 г.р.), в прошлом преподаватель Харьковского Высшего авиационного инженерного училища, радиоинженер по образованию, майор ВВС, в 1968 г. был исключен из рядов КПСС, демобилизован из армии и уволен с работы (якобы по несоответствию занимаемой должности) за свободные высказывания и суждения, не совпадающие с официальными советскими доктринами.

В 1969 г. Генрих Алтунян стал одним из членов-основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР — первой правозащитной общественной ассоциации в Советском Союзе, подписав документ от 20 мая 1969 г. о принципах работы Группы.

С 1968 г. он работал инженером, а в 1969 г. был арестован и осужден по ст. 187.1 УК УССР (ст. 190.1 УК РСФСР) к трем годам заключения в лагерях. В тот же период и по той же статье были осуждены друзья Алтуняна — Недобора, Пономарев и Левин.

После отбытия наказания Алтунян работал на Харьковском комбинате кинофикации наладчиком аппаратуры, жил с семьей (тяжело больные родители, жена, двое детей), общался с друзьями.

В 1980 г. в Харькове расследовалось дело А. Зинченко по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В результате противоречивых и недостоверных показаний обвиняемого Зинченко и свидетеля по его делу Анцупова о якобы антисоветских высказываниях Алтуняна 16 декабря 1980 г. последний был арестован. По приговору суда Алтунян признан виновным в устной антисоветской агитации и пропаганде, в хранении и распространении книг и других материалов, которые суд считает антисоветскими.

Ему вменено в вину:

— что в январе 1975 г. в разговоре со своим родственником Косулиным он назвал ввод войск в Чехословакию в 1968 г. оккупацией, говорил, что в СССР нет истинного социализма;

— что в 1977 г. в разговоре с врачом-психиатром Гриценко по поводу принудительной госпитализации Боровского он говорил о случаях содержания в психиатрических больницах здоровых людей и о нарушениях в СССР прав человека;

— что в беседах с А. Зинченко обсуждал ввод советских войск в Афганистан, говорил о несоблюдении отдельных статей Конституции СССР, о незаконной высылке академика Сахарова;

— что он хранил и распространял книги, статьи, стихи и фотографии, которые суд считает криминальными. Например, «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, «Живая история» Карякова, «Культ личности в биологической науке»[1] Жореса Медведева, «Хроника текущих событий» № 49, стихи Высоцкого, Руденко, Некипелова, фотографии Сахарова, Солженицына и др. «антисоветчиков».

В суде Алтунян заявил, что он не скрывал своих убеждений, взглядов, оценочных суждений, но не считает их антисоветски направленными. Алтунян не согласился и с тем, что его действия были направлены на подрыв основ советского строя и государственного порядка. При этом он опровергал показания свидетелей обвинения, которые трактовали его высказывания именно таким образом. Он также отрицал криминальность содержания книг, статей и других материалов, вмененных ему обвинением.

Несмотря на очевидное отсутствие состава преступления в действиях Алтуняна суд приговорил его к 7 годам заключения в лагерях и 5 годам ссылки.

Из самого текста приговора совершенно ясно, что Алтунян не совершил никакого уголовного преступления, и сурово осужден только за свободную мысль, за свободное слово, за книгу.

В своем последнем слове Алтунян сказал, обращаясь к судьям и прокурору:

[1] Точное название «Биологическая наука и культ личности». — *Сост.*

«Сегодня по доносу судят меня, завтра — моих друзей, а послезавтра — вас. Это очень опасное начинание... Это фактически суд над мыслью и книгой: с книгами можно бороться только книгами, а не дубинками и решеткой».

Осуждение Генриха Алтуняна свидетельствует об усилении преследований всех инакомыслящих в СССР.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
7 апреля 1981 г.

199

Документ № 165

АРЕСТ МИХАИЛА ЗОТОВА[1]

В конце января в г. Тольятти арестован рабочий молокозавода, художник-любитель Михаил Васильевич Зотов (1923 г.р.). У Зотова нет близких родственников, и неполные сведения об обстоятельствах его ареста получены нами недавно.

М. Зотов родился в 1923 г. в семье немцев Поволжья. В 1941 г. 17-летний Михаил вместе с братом и матерью оказались в ссылке, где он в тяжелых условиях так называемой «трудовой армии» начал работать. С большим трудом ему удалось добиться призыва в действующую армию, после чего он попал на фронт, получил два ранения и стал инвалидом Великой Отечественной войны. По окончании войны он много лет работал на «Куйбышевгидрострое». В местной прессе о нем писали как об одном из лучших фрезеровщиков. Впоследствии, в связи с ухудшением состояния здоровья, он перешел работать на молокозавод в г. Тольятти, где выполнял обязанности художника-оформителя, где и работал до дня ареста.

С ранней юности Зотов увлекался живописью и к моменту ареста создал более 100 полотен. На протяжении ряда лет он добивался организации в г. Тольятти выставки своих произведений, но, несмотря на то, что его просьбы были поддержаны сотнями рабочих, ему было отказано под предлогом несоответствия тематики его картин задачам советского изобразительного искусства.

Равнодушие официальных инстанций и их неспособность должным образом обеспечивать и защищать права граждан привели его в ряды правозащитников.

Он близко познакомился с некоторыми известными советскими правозащитниками, стал подписывать протесты против незаконных репрессий и других нарушений прав человека в СССР, публиковал критические статьи в Самиздате, в результате чего начал подвергаться регулярным преследованиям властей (обыски, задержания, помещения в психиатрические лечебницы) и был арестован в конце января 1981 г.

Прокурор г. Тольятти устно сообщил дальним родственникам, что Зотову предъявлено обвинение в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, не указав при этом статью УК. В марте из г. Тольятти Зотов был переведен в Сызранский следственный изолятор (Куйбышевская обл.), откуда 25 марта увезен на судебно-психиатрическую экспертизу через следственный изолятор г. Челябинска. С момента ареста он не имел ни передач, ни каких-либо контактов с дальними родственниками и друзьями.

[1] О суде над ним см. документ № 177 (док. 211). — *Сост.*

Во второй половине марта на квартире Зотова был произведен повторный обыск, при котором изъяли пять его картин, в том числе автопортрет, на котором автор изобразил себя опутанным цепями.

Арест Зотова свидетельствует о стремлении властей подавлять не только свободное слово, но и всякое проявление свободного творчества, в том числе и в изобразительном искусстве[1].

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
13 апреля 1981 г.

200

Документ № 166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АЛЕКСАНДРА БОЛОНКИНА СТАНОВИТСЯ БЕССРОЧНЫМ

10 апреля 1981 г., за десять дней до окончания срока содержания под стражей по последнему приговору суда в лагере вблизи Улан-Удэ, арестован Александр Болонкин. Начальник следственного отдела КГБ Прозоров сообщил жене Болонкина, что против него возбуждено дело по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР и ведется следствие.

Александр Болонкин (1933 г.р.), математик-кибернетик, доктор технических наук (блестяще защищенная им диссертация не утверждена ВАКом в связи с арестом Болонкина; в 1973 г. ВАК лишил его и звания кандидата наук).

В сентябре 1972 г. Болонкин был арестован и осужден к четырем годам заключения и двум годам ссылки по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) за хранение и распространение самиздатской литературы и документов.

После освобождения из лагеря Болонкин отбывал ссылку в пос. Багдарин Бурятской АССР, где работал в мастерской комбината бытового обслуживания.

20 апреля 1978 г., за 26 дней до окончания срока ссылки, Болонкин был повторно арестован и осужден по искусственно созданному обвинению в частно-предпринимательской деятельности и хищениях к трем годам заключения и 26 дням неотбытой ссылки. Во время пребывания в лагере Александр Болонкин (и по первому, и по второму приговорам) неоднократно подвергался преследованиям со стороны администрации: помещениям в ШИЗО, ПКТ, лишением в связи с этим свиданий и т.п.

Болонкин неоднократно объявлял голодовки протеста.

20 апреля 1981 г. жена и 14-летний сын ждали освобождения Александра Болонкина. Вместо известия об освобождении они получили сообщение о его новом аресте, уже в третий раз.

Поскольку в условиях лагеря никакая активная, в том числе и «антисоветская», деятельность практически невозможна, предъявление обвинения по ст. 70 УК РСФСР просто абсурдно.

Наказание по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет с последующей ссылкой до пяти лет.

Так как Александр Болонкин уже отбывал наказание по ст. 70 УК РСФСР, то он неизбежно будет признан опасным рецидивистом, что повлечет за собой отбывание наказания в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

---

[1] Приложенное к документу № 165 открытое письмо М. Зотова от ноября 1980 не публикуется, воспроизведено в АС № 4331. — Сост.

После 9-летнего пребывания в лагерях и ссылке здоровье Болонкина окончательно подорвано (хронический гастрит, холецистит, воспаление прямой кишки), и новый длительный срок может стать для него пожизненным.

Мы обращаем внимание глав правительств, подписавших Заключительный Хельсинкский акт, ученых всех стран и мировую общественность на трагическую судьбу Александра Болонкина, чтобы сделать все возможное для его освобождения.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
30 апреля 1981 г.

201

Документ №167

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОБРАЗОВАНИЯ ГРУППЫ

12 мая 1976 г. была образована Московская группа «Хельсинки». С тех пор в составе Группы произошли большие изменения, связанные с эмиграцией одних членов, вынужденным выездом из страны других и арестами Орлова, Щаранского, Слепака, Ланды, Некипелова, Терновского, Осиповой, Сереброва, а также членов сотрудничавшей с Группой Рабочей комиссии по психиатрии — А.Подрабинека, В.Бахмина, И.Гривниной и консультанта Рабочей комиссии врача А.Корягина.

Такое же положение сложилось и в Хельсинкских группах, образовавшихся вслед за Московской в союзных республиках, большинство членов которых находится в настоящее время в заключении.

С момента основания Группа опубликовала 166 документов, посвященных, в основном, нарушениям прав верующих, преследуемых за желание эмигрировать, за стремление сохранить национальную культуру, пенсионеров, инвалидов, рабочих, заключенных, крымских татар и т.д., репрессиям и преследованиям, а также несколько документов общего характера, связанных с нарушением прав человека, с отношением Группы к Московской Олимпиаде, вводу советских войск в Афганистан, и документов о необходимости амнистии узникам совести.

Ставя своей целью содействие выполнению Хельсинкского акта, а также ранее ратифицированных советским правительством Пактов о гражданских, политических и социально-экономических правах, Группа адресовала все свои документы главам 35 государств, подписавших Хельсинкский акт. Группа неоднократно говорила о необходимости объективной проверки фактов, изложенных в ее документах (в том числе вопрос об этом ставился в документе №138, обращенном к Мадридскому совещанию). Сам факт отправки документов главам правительств Группа расценивает как аналогичную просьбу. Советское правительство никогда не проводило объективного исследования наших документов, однако на всех судебных процессах над членами Группы эти документы расценивались как «клеветнические».

Настоящим документом мы обращаемся к главам правительств 35 стран, подписавших Хельсинкский акт, и к Мадридскому совещанию с настоятельной просьбой об организации компетентной международной комиссии для тщательной и объективной проверки документов нашей Группы и судебных дел членов всех Хельсинкских групп. Мы уверены, что такое расследование доказало бы отсутствие «антисоветской агитации и пропаганды» (ст.70 УК РСФСР) и «клеветнических измышлений» (ст.190.1 УК)

в действиях осужденных и привело бы к освобождению невиновных, содействовало бы созданию климата доверия на Мадридском совещании и престижу советского государства в его международных отношениях.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
12 мая 1981 г.

202

Документ № 168

НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Мы неоднократно уже обращали внимание глав правительств, подписавших Заключительный акт Хельсинкских соглашений, и международной общественности на трагическую судьбу молодого правозащитника Кирилла Подрабинека (1952 г.р.). Он был первоначально необоснованно осужден якобы за хранение огнестрельного оружия и в июне 1980 г., в день окончания срока лишения свободы, вновь помещен в следственную тюрьму в связи с новым обвинением по ст. 190.1 УК РСФСР. Так и не выйдя на свободу, вторым приговором суда Кирилл Подрабинек был вновь приговорен к трем годам заключения (см. документы №№ 62, 155).

По официальным сведениям, полученным отцом Кирилла Подрабинека из медицинских учреждений МВД, его сын страдает активной формой туберкулеза правого легкого в стадии инфильтрата. Стационарное лечение в тюремной больнице г. Ельца было прервано в связи с предстоящим окончанием срока лишения свободы и переводом в тюрьму для освобождения, которого не последовало из-за возбуждения нового уголовного дела.

В Усмани, куда Кирилл Подрабинек был направлен для отбывания наказания по повторному осуждению, он не был помещен в стационар для продолжения лечения и работал учеником слесаря. В конце апреля 1981 г. без видимых причин Кирилл Подрабинек был этапирован в Ульяновскую область (точный адрес его пребывания отцу до сих пор неизвестен). Тяжелые условия этапа ухудшили и без того плохое состояние здоровья Кирилла.

Из письма его отца (от 29 мая 1981 г.), адресованного Московской группе «Хельсинки» и международным правозащитным организациям, нам стало известно, что на этапе и в пересыльной тюрьме г. Саратова Кирилл Подрабинек подвергался физическому насилию и унижению его человеческого достоинства, что вызвало с его стороны активное сопротивление действием (см. прилагаемое письмо П. А. Подрабинека)[1].

Мы принципиально против насильственных методов сопротивления беззаконию, но ответные действия Кирилла Подрабинека на попытки представителей администрации унизить его человеческое достоинство и на физическое насилие были неизбежны, ибо в его распоряжении не было иных средств самозащиты.

События, изложенные в письме П. А. Подрабинека, вызывают тревогу за дальнейшую судьбу Кирилла Подрабинека. Всякое ужесточение наказания, и так непосильного для него, может привести к его гибели.

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4384. — *Сост.*

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
1 июня 1981 г.

203

Документ № 169

ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЮРИЯ ФЕДОРОВА И АЛЕКСЕЯ МУРЖЕНКО В ОПАСНОСТИ

15 июня 1970 г. в Ленинградском аэропорту и в лесу около г. Приозерска была арестована группа людей, покушавшихся на угон самолета местной авиалинии АН-2. В качестве «оружия» они имели только непригодный к стрельбе старый пистолет и стартовый пистолет. Чтобы не причинять неприятностей посторонним пассажирам, они закупили все билеты на данный рейс. К моменту задержания никаких действий, направленных на захват самолета, произведено не было. Все задержанные (12 человек[1]) были преданы суду по ст. 64 УК РСФСР (измена родине) и ст.ст. 15 и 93.1 УК РСФСР (покушение на хищение в особо крупных размерах). В суде было установлено, что подсудимые не имели умысла на совершение действий, предусмотренных ст. 64 УК РСФСР, как то: причинение ущерба государственной независимости СССР, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР, переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, заговор с целью захвата власти (см. текст ст. 64 УК РСФСР).

Что же касается упомянутого в ст. 64 «бегства за границу», то при отсутствии перечисленных выше целей и учитывая, что действия подсудимых были обусловлены тем, что они исчерпали все легальные возможности добиться разрешения властей на выезд из СССР, эти действия должны квалифицироваться как попытка незаконного выезда за границу, т.е. по ст. 83 УК РСФСР (лишение свободы до 3 лет).

Тем не менее они были осуждены по ст. 64 УК РСФСР к различным срокам лишения свободы. Федорову было определено наказание сроком 15, а Мурженко — 14 лет заключения в лагерях.

Явно неправильным было применение ст. 93.1 УК РСФСР, так как у осужденных не было намерения присвоить («украсть») самолет как материальную ценность. Они хотели воспользоваться самолетом только как транспортным средством для пересечения границы (угон самолета) и заведомо знали, что в соответствии с международными соглашениями в подобных случаях самолет возвращается законному владельцу.

В настоящее время все осужденные по делу, кроме Федорова и Мурженко, освобождены и выехали за границу (по помилованию, по окончанию срока, по обмену с США[2]). И только Федоров и Мурженко вступают в 12-й год своего заключения. Между тем, как видно из приговора, эти люди виновны не больше, чем некоторые из уже освобожденных их подельников.

---

[1] Точнее, задержаны были 16 человек, но четыре женщины (жены М. Дымшица и Л. Хноха, а также дочери Дымшица) вскоре были освобождены. — *Сост.*

[2] Э. Кузнецов и М. Дымшиц вместе с несколькими другими ПЗК в апреле 1979 г. были обменены на двух советских разведчиков, арестованных в США. — *Сост.*

В 1970 г. в СССР не было специального закона об ответственности за угон самолета. В 1973 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена такая статья (ст. 213.2 УК РСФСР). Первая часть этой статьи, устанавливающая наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, полностью применима к действиям, за которые осуждены Ю. Федоров и А. Мурженко. По общему правилу, закон, устанавливающий более мягкое наказание, имеет обратную силу.

Признавая, что Федоров и Мурженко пытались совершить противоправные действия, мы считаем, что они осуждены неправильно и чрезмерно сурово, а после введения статьи 213.2 УК РСФСР их дело должно было быть пересмотрено, а действия переквалифицированы по ст.ст. 213.2 и 83 УК РСФСР (незаконный выезд за границу)[1]. Однако многочисленные жалобы адвокатов, самих осужденных и их родственников высшими судебно-прокурорскими инстанциями оставлены без удовлетворения.

При правильной квалификации действий Федорова и Мурженко они сейчас уже отбыли максимальный срок за преступление, на совершение которого они покушались. Не только юридически, но и по принципу справедливости невозможно объяснить, почему Федоров и Мурженко продолжают оставаться в заключении, когда все остальные уже освобождены.

Многолетнее заключение в тяжелых условиях лагерей особого режима полностью подорвало их здоровье. Федоров страдает хроническим нефритом, а Мурженко тяжелой формой гастрита и гипертонической болезнью. Дальнейшее пребывание в местах заключения угрожает их жизни.

Мы хотим надеяться на проявление со стороны властей справедливости и гуманности и ожидаем немедленного освобождения Федорова и Мурженко.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
6 июня 1981 г.

204

Документ № 170

СУД НАД ВИКТОРОМ БРАИЛОВСКИМ

17–18 июня 1981 г. Московский городской суд рассмотрел в помещении Люблинского районного нарсуда дело Виктора Браиловского, арестованного 13 ноября 1980 г. и содержавшегося под стражей в течение всего периода предварительного следствия.

Председательствовал в суде член Мосгорсуда «по спецделам» Богданов. Обвинение поддерживала пом. прокурора г. Москвы Праздникова. Это — опытные в проведении политических процессов люди (они участвовали и в рассмотрении дел Натальи Горбаневской еще в 1970 г., и в других делах, в том числе в недавнем процессе Александра Лавута). Процесс Браиловского «гладко» прошел по привычному уже «сценарию». От назначенного ему адвоката Браиловский отказался и вел свою защиту сам.

Как и обычно, милицейские кордоны и лица в штатском не пропускали никого к зданию суда. Формально открытый суд был фактически тайным, закрытым. Ни друзья Бра-

[1] Приговор по делу «самолетчиков» был пересмотрен Президиумом Верховного Суда РФ в 1996 г., было признано, что «действия осужденных... квалифицированы необоснованно, их надлежит квалифицировать по ст.15-83 ч.1 УК РСФСР». — *Сост.*

иловского, ни иностранные корреспонденты не только не смогли присутствовать на процессе, но были даже лишены возможности приблизиться к зданию, где проходил «гласный» процесс. В зале суда присутствовали только жена и сын Виктора Браиловского.

Виктор Браиловский обвинялся в составлении, изготовлении и распространении №№ 5–8 и 15–20 самиздатского неподцензурного журнала «Евреи в СССР» (с 1978 г., после 20-го номера, журнал прекратил свое существование), якобы содержащего заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР). Кроме того, Браиловскому вменено подписание (наряду с десятками других людей) в 1976 г. двух писем-протестов евреев-отказников.

Никаких других действий Браиловскому не вменялось. Опять — суд за свободную мысль, за неподцензурное слово, за сбор и распространение информации, с необоснованным приклеиванием ярлычка «клеветы».

Характерной особенностью этого процесса явилось полное отсутствие каких-либо свидетельских показаний, подтверждающих обвинение. (Так было и в некоторых других политических процессах, например, в деле Валерия Абрамкина.) В судебном заседании было допрошено всего четыре свидетеля, из которых один (Владимир Престин) от дачи показаний вообще отказался, ссылаясь на нарушение принципа гласности в суде. Остальные трое (Марк Новиков, Леонид Шабашов и Крейдлин) ни одним словом не подтвердили ни один пункт из предъявленного обвинения.

Сам Браиловский практически участия в судебном следствии не принимал, не давал показаний и воспользовался лишь правом произнесения защитительной речи.

В обвинительной речи прокурора не содержалось ссылки на какие-либо доказательства того, что в журнале и письмах содержатся заведомо ложные измышления.

В своей защитительной речи Виктор Браиловский, не отрицая подписания писем евреев-отказников и участия в редактировании и выпуске журнала «Евреи в СССР», приводил точные цитаты из инкриминируемых ему писем, статей и рассказов, убедительно доказывал, что в них нет клеветы, а тем более — клеветы на государство.

Браиловский в полном соответствии с текстами вмененных ему писем и публикаций доказывал, что в них содержатся критика и протесты в отношении отдельных лиц и организаций с указанием конкретных и имевших в действительности место фактов.

Так, например,— говорил Браиловский,— в журнале была опубликована статья с критикой произведений Емельянова и Бегуна (советский журналист). В этой критической статье приведены цитаты из критикуемых произведений, буквально совпадающие с высказываниями черносотенцев. Но в статье нет никаких обобщений о государстве в целом. Браиловский сказал, что он не понимает, зачем следователю в обвинительном заключении и прокурору в речи понадобилось говорить о том, что в этой статье содержится клевета на государственный и общественный строй. Можно спорить об оценке позиции двух авторов (Емельянова и Бегуна), но нет оснований эту критику расценивать как клевету на государство.

Браиловский также оспаривал экспертизу Главлита[1], которая обнаружила в опубликованном в журнале эссе Г. Фреймана «Евреи»[2] клевету на государственный и общественный строй. В эссе, отметил Браиловский, говорится о нарушениях прав евреев со стороны отдельных математиков, ВАКа, некоторых сотрудников Института им. Стеклова (в частности академика Виноградова). Браиловский сказал:

«Указаны люди и организации, к которым относится критика, и я не понимаю, почему оценка деятельности этих людей преподносится обвинением как оценка политики государства».

---

[1] Ведомство, осуществлявшее цензуру в СССР. — *Сост.*

[2] Точное название «Оказывается, я еврей». — *Сост.*

В обвинительном заключении была признана криминальной статья Байтальского «Тетради для внуков»[1], в которой утверждается, что Солженицын — великий русский писатель. (!) Даже прокурор Праздникова поняла анекдотичность такого обвинения и предложила исключить этот эпизод из обвинения, т.к.

«...неправильно расценивать это утверждение, как клеветническое, это — частное мнение о Солженицыне». (!)

«Что же касается произвола властей, о котором говорилось во вмененных мне письмах, то моя судьба и судьба моей семьи является ярким примером и доказательством того, что письма не являются ложными»,— так сказал Браиловский в своей защитительной речи.

Заранее предопределенный приговор вынесен. Браиловский осужден по ст. 190.1 УК РСФСР к ссылке на 5 лет. Уже не впервые по делам узников совести суд под видом гуманности назначает осужденным по этой статье наказание в виде длительной ссылки, хотя такой вид наказания санкцией статьи не предусмотрен.

Впервые такое нарушение закона было допущено еще в 1968 г., когда были осуждены к ссылке участники демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию (Богораз, Литвинов, Бабицкий).

Суд ссылается в приговоре на ст. 43 УК РСФСР, дающую возможность назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, а фактически назначает более тяжелое наказание, чем предусмотрено санкцией ст. 190.1 УК РСФСР, т.к. 5 лет ссылки бесспорно более тяжелое наказание, чем низший предел наказания по этой статье (исправительные работы на срок до 1 года или штраф до 100 руб.).

Виктору Браиловскому 45 лет. В 1965 г. он получил степень кандидата технических наук, работал старшим научным сотрудником в Институте электронных управляющих машин, имеет около 40 научных публикаций. В 1972 г. после подачи заявления в ОВИР о выезде в Израиль был уволен с работы «по сокращению штатов» и с тех пор лишен возможности получить работу по специальности. Уже более 8 лет он не может добиться разрешения на выезд из страны. Все эти годы Виктор Браиловский, зарабатывая средства на жизнь уроками и работой не по специальности, не прекращал своей научной работы. В частности, он был активным участником неофициального физико-математического семинара. Этот научный семинар, проводившийся, как правило, в квартире Браиловского, неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей. Однако участие в работе семинара Браиловскому не вменялось и в приговоре не упомянуто. Тем не менее при допросе свидетеля Шабашова, показавшего, что он был у Браиловского на семинаре, где говорилось о деле Бейлиса, обвинитель Праздникова сказала:

«Вот видите! Говорите: «математиков», «физиков», а говорили о том, что вас не должно было интересовать». (!)

Итак, еще один ученый будет отправлен по этапу в тяжелые условия далекой ссылки, будет на годы разлучен с семьей (жена и двое детей), полностью будет лишен всякой возможности научной работы, общения с друзьями, надежды на выезд из страны.

Из самого текста приговора видно, что этот человек «виновен» лишь в том, что осмеливался свободно мыслить и свободно выражать свои мысли, и «виновен» лишь в том, что пытался осуществить в пределах советских законов и международных актов, формально признанных СССР, право на свободное неподцензурное слово и право на эмиграцию.

Члены Московской Группы «Хельсинки»:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман

27 июня 1981 г.

---

[1] Точное название «Выдержки из тетрадей». — *Сост.*

205

Документ № 171

НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАН НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР[1]

Мы неоднократно обращали внимание глав правительств государств, подписавших Заключительный акт Хельсинкских соглашений, и международной общественности на многочисленные случаи нарушения права граждан СССР свободно выезжать из страны.

Нам стали известны новые факты преследований немцев, проживающих в Таджикской ССР, добивающихся выезда в ФРГ к своим родственникам.

16 апреля 1981 г. группа немцев — жителей Душанбе, пришла к зданию ЦК КП Узбекистана с просьбой о приеме по поводу их ходатайства о выезде на постоянное жительство в ФРГ. В приеме им было отказано, а в результате попыток добиться беседы с кем-либо из ответственных работников ЦК, их задержали и насильственно отправили в одно из отделений милиции г. Душанбе. Через несколько часов все задержанные, кроме Лозинга Роберта Ивановича и Бергера Иосифа Андреевича, были отпущены. Лозинг и Бергер были доставлены в народный суд и подвергнуты административному аресту на 10 суток за «мелкое хулиганство».

19 июня 1981 г. немец — житель Душанбе, активно добивающийся с 1979 г. разрешения на выезд в ФРГ, Марсал Артур Михайлович[2] (1936 г. рождения) был арестован по постановлению городской прокуратуры и находится под стражей до настоящего времени. В день ареста у него дома и на работе были произведены обыски, при которых изъяты воинский билет, адресованные ему письма из ФРГ, записные книжки, копии обращений граждан немецкой национальности к советскому правительству и т.п. Жене Марсала в прокуратуре сообщили, что он обвиняется в «клеветнических измышлениях в адрес советского государственного и общественного строя».

Репрессируя граждан, единственным «преступлением» которых является желание выехать из СССР, власти в очередной раз нарушают основные положения Всеобщей декларации прав человека и демонстрируют нежелание выполнять гуманитарные статьи Заключительного акта Хельсинкских соглашений.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
30 июня 1981 г.

206

Документ № 172

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ ВЛАДИМИРА КИСЛИКА

26 и 27 мая 1981 г. в Киеве состоялся суд над Владимиром Кисликом.

Владимир Самуилович Кислик (1935 г.р.), окончив школу в 1953 г., поступил в Институт цветных металлов и золота им. Калинина. После окончания института в 1958 г.

[1] В «Хронике текущих событий» № 62 — «Новые факты преследований…». — *Сост.*

[2] О суде над ним см. в документе № 182 (док. 216). — *Сост.*

работал инженером — металлургом-исследователем. В 1966 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата технических наук. С 1968 г. работал в Киевском институте ядерных исследований АН УССР, имел много научных публикаций.

В связи с возбуждением ходатайства о выезде в Израиль в 1974 г. был вынужден оставить работу по специальности.

В конце 70-х годов у Кислика был произведен первый обыск, после чего последовал арест на 15 суток.

В 1975 г., после открытого письма В. Зорину[1], в котором Кислик выразил несогласие с некоторыми положениями его телевизионного выступления, он был жестоко избит и попал в больницу на два месяца.

В 1977 г. вокруг Кислика началась клеветническая кампания в прессе. Тогда же был проведен еще один обыск. В 1980 г., накануне Олимпийских игр, Кислик был вновь подвергнут административному аресту по вымышленному обвинению в связях с иностранцами в целях спекуляции.

В течение всех лет пребывания в отказе Кислик регулярно подвергался различным видам психологического давления — угрозы по телефону и на улице, неотступной слежке в течение недель, многочисленным приводам в милицию, вызовам в КГБ. Все это — за желание выехать в Израиль на свою историческую родину, за участие в траурных церемониях, посвященных памяти евреев — жертв фашизма; за то, что в 1977–1978 гг. он вел научно-технический семинар для евреев-отказников, лишенных работы по специальности.

И, наконец, 19 марта 1981 г. по дороге домой с празднования Пурима Кислик был арестован по обвинению в злостном хулиганстве (ст. 206 ч. 2 УК УССР).

Спустя неделю, в газете «Вечерний Киев» была опубликована клеветническая статья, в которой говорилось, что Кислик избил женщину и мужчину, который за нее заступился.

На следствии Кислик отказался давать показания, заявив, что стал жертвой провокации органов внутренних дел.

В ходе судебного следствия выяснилось, что 19 марта 1981 г. в 23 час. 40 мин. В. Кислик стоял на остановке троллейбуса. Кто-то толкнул его сзади; обернувшись, он увидел женщину (впоследствии оказавшуюся свидетельницей Шебалиной, студенткой Киевского торгового института), которая стала кричать, что он ее ударил. Подбежавшие милиционеры заломили Кислику руки, посадили в подъехавшую машину и отвезли в милицию.

В последнем слове Кислик не признал себя виновным, заявив, что все происходящее с ним является провокацией тех органов власти, которые и так долго не разрешают ему выехать в Израиль.

Суд приговорил В. Кислика к 3 годам лишения свободы в лагере общего режима.

В 1978 г. Кислик перенес инфаркт миокарда, он страдает от приступов стенокардии. Жена и дети Кислика много лет живут в Израиле. Отец В. Кислика тяжело болен.

Еще один гражданин СССР осужден по сфабрикованному уголовному делу только за то, что свободно высказывал свои суждения, хотел воспользоваться гарантированными Конституцией СССР правами, а также правом на свободный выбор места жительства в соответствии с положениями Всеобщей декларации прав человека, Пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного правительством СССР.

Еще раз власти наглядно демонстрируют пренебрежительное отношение к гуманитарным статьям Заключительного акта Хельсинкского совещания, подписанного Советским Союзом в 1975 г.

---

[1] Валентин Сергеевич Зорин (р.1925) — советский журналист-международник, ученый, политический обозреватель советского телевидения. — *Сост.*

Приложение[1]: письмо Самуила Иосифовича Кислика (отца В. Кислика) на имя зав. отделом административных органов горкома КП г. Киева УССР А. Д. Крупчана.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
7 июля 1981 г.

207

Документ № 173

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЕВРЕЕВ-ОТКАЗНИКОВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Ранее (см. документ № 172) мы сообщали об осуждении В. Кислика в г. Киеве к трем годам лишения свободы в лагерях общего режима по сфабрикованному обвинению в хулиганстве.

18 марта 1981 г. был арестован, а 18 мая 1981 г. — осужден по ст. 214 ч. 1 УК УССР (ст. 209 УК РСФСР — злостное уклонение от трудовой деятельности) Ким Бениаминович Фридман, находящийся в отказе уже 9 лет, в течение которых он был фактически лишен возможности получить постоянную работу по специальности и зарабатывал на жизнь временными работами в различных государственных учреждениях. За это время он постоянно подвергался преследованиям со стороны властей — обыски с изъятием книг на иврите, административный арест и т.д.

30 мая 1981 г. в Кишиневе у здания синагоги собралась группа евреев-отказников, чтобы отнести в УВИР заявление, в котором выражались претензии к работе этого учреждения и требования соблюдения законности при решении эмиграционных вопросов. Собравшиеся были задержаны и отвезены в отделение милиции. Двое из них арестованы и находятся под стражей. Осипу Локшину и Владимиру Цукерману предъявлено обвинение в «организации групповых действий, нарушающих общественный порядок» (ст. 190.3 УК РСФСР, предусматривающая наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет). Остальные были выпущены через несколько часов.

15 мая 1981 г. Михаил Эльберт (30 лет, отказник с 1979 г.) был остановлен на улице г. Киева милиционером, который заявил, что Эльберт «похож на человека, подозреваемого в растлении малолетних». Эльберта и его мать отвезли в отделение милиции, обыскали, изъяли еврейскую литературу.

Отказник Евгений Леин[2] (Ленинград), участник семинара по изучению истории и религии еврейского народа, содержится под стражей и ему предъявлено обвинение по ст. 191.1 ч. 2 УК РСФСР.

Перечисленные факты — лишь небольшая часть беззаконий и издевательств, творимых властями в отношении лиц, желающих выехать в Израиль. В СССР отсутствуют какие-либо правовые нормы и законы, регулирующие вопросы эмиграции, поэтому граждане, желающие выехать из СССР, не могут в законном порядке обжаловать действия властей, которые, в свою очередь, не считаются ни с положениями Всеобщей декларации прав человека, ни с положениями Пактов о гражданских и политических правах, ни с подписанным правительством Советского Союза Заключительным актом Хельсинкских соглашений.

---

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4537. — *Сост.*

[2] О суде над ним см. в документе № 182 (док. 216). — *Сост.*

Мы призываем главы правительств стран, подписавших Заключительный акт Хельсинкских соглашений, международную общественность призвать советское правительство проявить гуманность по отношению к желающим выехать из СССР и дать им возможность покинуть страну.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
8 июля 1981 г.

208

Документ № 174

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ АЛЕКСЕЯ МЯСНИКОВА

7 июня 1981 г. отправлен этапом в Уральский лагерь УЩ-349/47-1 Алексей Александрович Мясников, осужденный Мосгорсудом 30 января 1981 г. к трем годам лагерей общего режима по обвинению в изготовлении и распространении в устной и печатной форме клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР), и изготовлении и распространении порнографических произведений (ст. 226 УК РСФСР).

Алексей Александрович Мясников (1944 г.р.) окончил философский факультет МГУ, кандидат философских наук, работал в области социологии труда, имеет более 90 научных публикаций в советской печати.

6 августа 1980 г. на квартире Мясникова был проведен обыск Мосгорпрокуратурой, на котором были изъяты его неопубликованные произведения, в том числе рассказ «День и вся жизнь», повести «Встречи» и «Вдали за косогором», философское эссе «Голос из тьмы» и статья «173 свидетельства национального позора или о чем умалчивает Конституция». На последовавшем после обыска допросе Мясников признал авторство указанных произведений, но отказался признать их клеветническое содержание. Следователь Боровик, проводивший допрос, пытался добиться от Мясникова показаний, компрометирующих его товарища Попова О. А. Того же пытался добиться допрашивавший жену Мясникова (Омельченко Н. Б.) следователь Воробьев. Мясников и его жена давать такого рода показания отказались.

19 августа 1980 г. А. Мясников был задержан на работе, помещен в КПЗ 22-го отделения милиции г. Москвы. В течение трех дней пребывания Мясникова в КПЗ следователь прокуратуры Дзержинского р-на г. Москвы Кудрявцев И.А. пытался вынудить Мясникова дать показания против Олега Попова, угрожая в противном случае возбудить против Мясникова уголовное дело по ст. 190.1 и 223 УК РСФСР. Мясников отказался давать показания, и 21 августа 1980 г. против него было возбуждено уголовное дело по указанным статьям, и он был переведен в Лефортовскую следственную тюрьму.

30 января 1981 г. в Московском городском суде проходил процесс Алексея Мясникова под председательством Байковой П. Г.[1], прокурор — Сергина Т. Я., адвокат — Швейский В. Я.

Номинально открытый процесс проходил, как все политические процессы, при закрытых дверях. В зал судебного заседания в первый день были допущены лишь близкие родственники. Во второй и третий день суда свидетелям, давшим показания, было разрешено присутствовать в зале.

[1] Вероятно, правильней — Н.Г. Байкова — *Сост.*

Как выяснилось в ходе судебного разбирательства, в ходе предварительного следствия были допущены многочисленные нарушения законности. Выступавшие в суде свидетели приводили примеры незаконных методов ведения допросов следователями Кудрявцевым и Воробьевым. В частности, намеренные искажения показаний свидетелей, приписки в протоколах допросов, угрозы и шантаж. Следователь Кудрявцев в отсутствие свидетеля Попова задним числом оформил протокол с понятыми о якобы имевшем место отказе от дачи показаний, а незадолго до окончания предварительного следствия предъявил обвинение жене Мясникова Н. Омельченко как соучастнице. Через несколько дней он снял это обвинение.

В период предварительного заключения Мясников под давлением следствия признал вредный характер инкриминируемой ему статьи «173 свидетельства...», отрицая ее заведомо клеветническое содержание. Однако, ознакомившись с материалами своего дела перед судом, он в суде отказался от своих показаний, касающихся оценки этой статьи.

Адвокат в защитительной речи показал, что в действиях Мясникова не усматривается состава преступления. Все допрошенные в суде свидетели утверждали, что Мясников не давал им читать инкриминируемую ему статью «173 свидетельства...», а основной свидетель обвинения — Гуревич — в суд не явился. Таким образом, факт распространения статьи в судебном следствии не доказан. В материалах дела и в показаниях свидетелей в суде нет никаких доказательств наличия в инкриминируемых произведениях клеветы, тем более заведомой, а высказанные в них мысли есть частное мнение автора.

Повесть «Встречи», признанную следствием порнографической, Мясников несколько лет назад давал на рецензию писателю Ю. Перову, который показал, что не считает ее таковой. Вопрос о том, носит ли она порнографический характер — спорный, а факт ее распространения не доказан, т.к. кроме не явившегося в суд свидетеля Гуревича никто не подтверждает, что был с нею тем или иным способом ознакомлен.

Все инкриминируемые материалы Мясников хранил у себя и не публиковал.

В последнем слове А. Мясников убедительно опроверг обвинения в клеветническом характере его произведения. Судья неоднократно прерывала его, не позволяя цитировать статью: «Опровергайте, но не цитируйте. Мы не позволим заниматься антисоветской пропагандой».

Повесть «Встречи» Мясников порнографической не признал и сообщил, что несколько лет назад милиция ее изъяла, но потом вернула. Кроме того, повесть написана 7 лет назад, не предназначалась для печати и распространения, будучи лишь первой пробой пера.

Суд признал А. Мясникова виновным и приговорил его к трем годам лагерей общего режима.

19 мая 1981 г. в Верховном Суде РСФСР состоялось кассационное разбирательство дела Мясникова. Приговор оставлен в силе.

Алексей Мясников, ученый-социолог, на три года отправлен в лагерь, оторван от семьи, лишен возможности продолжать работу по специальности лишь за высказанные им в своих произведениях мысли, в произведениях, которые даже не были нигде опубликованы. Это очередное нарушение властями своих же законов, своей Конституции.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
8 июля 1981 г.

209

Документ № 175

СУД НАД ИРИНОЙ ГРИВНИНОЙ

14–15 июля 1981 г. в помещении Люблинского нарсуда Московский городской суд рассматривал дело Ирины Гривниной (1945 г.р.) — члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР, обвиняемой по ст. 190.1 УК РСФСР. Как и все суды по политическим статьям, формально открытый процесс проходил при закрытых дверях — зал был заполнен «спецпубликой». Никто из друзей и близких, кроме мужа, в зал заседаний допущен не был. Здание суда было оцеплено милицией, дружинниками и лицами в штатском. Подходы к зданию были также перекрыты.

Ирина Гривнина начала сотрудничать в Рабочей комиссии с 1978 г., арестована 16 сентября 1980 г. (см. документ № 144). Ей вменено в вину:

«...что... в период с сентября 1978 г. по апрель 1980 г. в Москве совместно с Серебровым Ф. А., Бахминым В. И., Подрабинеком А. П. и Терновским Л. Б. систематически изготовляла и распространяла на территории СССР нелегальные «информационные бюллетени», в которые включала тенденциозно подобранные и обработанные в клеветническом духе материалы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, о якобы планомерно применяемых в Советском Союзе органами власти «психиатрических репрессиях», преднамеренном помещении в психиатрические больницы заведомо здоровых людей за их политические и религиозные убеждения и истязания этих лиц в психиатрических учреждениях, искажая и дискредитируя тем самым деятельность советских органов власти и медицинских учреждений.

Указанные документы в тот же период с участием Гривниной были размножены, распространены на территории СССР и направлены в тех же целях на Запад, в результате чего они были использованы зарубежными антисоветскими издательствами и средствами империалистической пропаганды в осуществлении акции идеологической диверсии против Советского Союза».

(Выписка из обвинительного заключения, почти дословно повторенная в приговоре суда по делу Гривниной.)

Всего Гривниной вменено шесть выпусков «Информационного бюллетеня»: №№ 11, 14, 19, 20, 21 и 22. В нарушение закона, ни обвинительное заключение, ни приговор не содержат конкретных указаний — какие именно из сообщений, помещенных в ИБ, признаются заведомо ложными. В ходе предварительного следствия «на допросах в качестве обвиняемой Гривнина заявила, что она отвечает за изготовление и распространение «информационных бюллетеней»; вместе с тем виновной себя в совершенном преступлении не признала, в содеянном не раскаялась, на допросах безмотивно отказывалась от дачи показаний и участвовать в производстве следственных действий» (т. 1, л.д. 26–100, из обвинительного заключения). Суд отклонил все ходатайства Гривниной (всего около 20) об истребовании доказательств для исследования сообщений ИБ, которые в материалах дела фигурируют как клеветнические. После этого Гривнина отказалась от участия в процессе адвоката и заявила:

«Я считаю вполне естественным существование в законодательстве статей, введенных с целью охраны структуры государства и существующего строя, таких, как ст. 70 и 190.1 УК РСФСР. Неестественным и противозаконным я считаю любой факт произвольного и расширительного толкования этих норм законодательства, что фактически приводит к преследованиям за политическое инакомыслие. Я не считаю, что нарушила закон, так как никогда не распространяла информацию, в истинности которой

не была уверена. Если существовали хоть малейшие сомнения в достоверности — информация не предавалась огласке... Отказ в удовлетворении всех моих ходатайств свидетельствует о нежелании суда установить истину по делу. Поэтому я отказываюсь от унизительных попыток доказывать что-либо в таких условиях, отказываюсь отвечать на любые вопросы суда, но сохраняю за собой право на последнее слово».

В суде было допрошено 12 свидетелей — врачей-психиатров, являющихся должностными лицами тех психиатрических больниц, работа которых критиковалась в сообщениях информационных бюллетеней. Эти явно заинтересованные в исходе дела «свидетели» отрицали факты незаконных госпитализаций, дурного обращения и плохого содержания, а также неправильного лечения больных, т.е. факты нарушений, за которые им самим, в случае их подтверждения, надлежало бы нести ответственность.

Кроме того, в качестве свидетелей были допрошены Кувакин и Серебров, которые никаких показаний, в чем-либо уличающих Гривнину, не давали. Более того, Серебров отказался от показаний, записанных в протоколе его допроса на предварительном следствии, заявив, что эти показания были получены обманом и он их не подписывал.

Исследование каких-либо иных доказательств виновности Гривниной в судебном заседании не происходило.

Несмотря на очевидное отсутствие состава преступления в действиях Гривниной, суд признал ее виновной и приговорил к 5 годам ссылки.

Приговорив Ирину Гривнину к 5 годам ссылки, суд проявил «гуманность», применив ст. 43 УК РСФСР о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом. В действительности, это не только не гуманно, но и противозаконно, т.к. санкция ст. 190.1 УК РСФСР предусматривает лишение свободы сроком до 3 лет, или исправительные работы без содержания под стражей сроком до 1 года, а также штраф в размере до 100 руб. Не возникает ни малейшего сомнения в том, что 5 лет ссылки — более суровое наказание, чем исправительные работы или штраф.

За попытку воспользоваться гарантированными Конституцией СССР правами, за сбор и легальное предание гласности информации о правонарушениях в области психиатрии Ирина Гривнина осуждена к многолетней ссылке, разлучена с семьей, с друзьями. Избранное судом «гуманное» наказание является для нее особенно тяжким еще и потому, что оно влечет длительную разлуку с тяжело больной малолетней дочерью, для которой жизнь вместе с матерью в условиях ссылки невозможна.

Приложение[1]: последнее слово Ирины Гривниной в суде.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
31 июля 1981 г.

210

Документ № 176

ОСУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ЧЛЕНА РАБОЧЕЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ ФЕЛИКСА СЕРЕБРОВА

20–21 июля 1981 г. в Московском городском суде слушалось дело Феликса Сереброва, члена Московской группы «Хельсинки» и последнего члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4435. — *Сост.*

До этого были арестованы и осуждены к различным срокам лишения свободы и к ссылке члены Рабочей комиссии: Александр Подрабинек — 3 года лишения свободы (осужден второй раз), Вячеслав Бахмин — 3 года лишения свободы, Леонард Терновский — 3 года лишения свободы, Ирина Гривнина — 5 лет ссылки, и врач-консультант Рабочей комиссии Анатолий Корягин, который получил особо жестокое наказание, максимально возможное по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР — 7 лет заключения в лагерях и 5 лет последующей ссылки.

Серебров признан судом виновным, и ему вменено составление и распространение следующих документов:

1. «Информационный бюллетень» Рабочей комиссии с № 12 по № 22 (совместно с Подрабинеком, Терновским и Гривниной).
2. «Слово островитянина Архипелага ГУЛаг», 1978 г.
3. «Факультет демократии», 1979 г. (совместно с В. Некипеловым).
4. Воззвание «К людям, живущим на Земле», 1980 г.
5. Заявление по поводу обыска у Сереброва, 1980 г.
6. Заявления в защиту Великановой, Якунина, Терновского, Лавута и Осиповой (личные и коллективные).
7. Документы Московской группы «Хельсинки» №№ 138 и 146, обращенные к Мадридской встрече, 1980 г.
8. Открытое письмо («Автобиография»), написанное перед арестом.

Действия Сереброва квалифицированы как антисоветская агитация и пропаганда по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР.

Феликс Серебров в суде частично признал себя виновным, считая, что его деятельность нанесла ущерб международному престижу СССР. При этом он категорически отрицал клеветнический характер вмененных ему документов. Серебров заявил в суде, что не намерен впредь заниматься инкриминированной ему деятельностью.

Феликс Серебров приговорен к 5[1] годам лагерей и 5 годам ссылки.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев
29 июля 1981 г.

211

Документ № 177

СУД НАД МИХАИЛОМ ЗОТОВЫМ

13–14 июля 1981 г. в Куйбышевском областном суде слушалось дело Михаила Зотова (1923 г.р., рабочего, инвалида Великой Отечественной войны, художника-любителя — см. документ № 165).

М. Зотов был арестован в конце января 1981 г. в г. Тольятти, где он жил и работал на молокозаводе. В конце марта 1981 г. Зотова перевели в г. Челябинск для проведения судебно-психиатрической экспертизы, которая признала его психически больным с диагнозом «инфекционно-травматическая шизофрения».

[1] Точнее — к 4-м. — *Сост.*

Вопреки закону, дело слушалось в закрытом судебном заседании. Сам Зотов в суд доставлен не был. По имеющимся в нашем распоряжении неполным сведениям, Зотову инкриминировались статьи, обращения, письма, рукопись романа «Диссидент» и девять его картин из числа изъятых на обыске в его квартире после ареста. Его творческая деятельность была квалифицирована следствием, а затем судом, как изготовление и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР). Обвинение основывалось, в частности, на заключении идеологической экспертизы о том, что его произведения могут быть использованы враждебными по отношению к СССР кругами во враждебных целях.

Адвокат оспаривал клеветнический характер произведений Зотова, однако, согласившись с заключением судебно-психиатрической экспертизы, просил суд направить его на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа. Позиция адвоката в данном случае противоречила закону, так как при отсутствии состава преступления (клеветнического характера произведений Зотова) принудительное лечение применено быть не может, а уголовное дело подлежит прекращению.

Суд признал действия Зотова подпадающими под диспозицию ст. 190.1 УК РСФСР и вынес определение о его направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа; «вещественные доказательства» — рукописи и девять картин — суд определил уничтожить.

Дело Михаила Зотова — очередной пример преследования за свободную мысль, слово и художественное творчество. Строить обвинение на заключении идеологической экспертизы о возможности использования того или иного произведения во враждебных СССР целях — абсурдно. Западные исследователи Советского Союза в своих работах значительно шире используют данные, публикуемые в официальной советской печати, чем так называемые «клеветнические измышления» инакомыслящих в СССР.

Кроме того, ни следствием, ни судом в деле Зотова не доказан заведомо ложный характер его писем, статей, обращений, а говорить о клеветническом характере художественных произведений бессмысленно, ибо они отражают субъективное видение мира художником и в силу этого не могут быть заведомо ложными, так как выражают лишь оценочное суждение, которое нельзя инкриминировать по ст. 190.1 УК РСФСР. Последнее относится к любым произведениям искусства, но особенно к произведениям искусства изобразительного. Уничтожение же книг, рукописей, полотен живописца, безотносительно к мнению суда об их ценности или вредности — средневековый вандализм, напоминающий «охоту на ведьм».

Не чиновникам карательных органов, не идеологическим экспертизам судить о ценности произведений искусства. Окончательный приговор вынесет время.

Мы не претендуем на профессиональную оценку ни художественного творчества М. Зотова, ни его психического состояния. Мы лишь протестуем против творимого в отношении него беззакония — против принудительного помещения в психиатрическую больницу человека, который не проявлял агрессии, не призывал к насилию, честно жил, работал, занимался живописью, не представляя решительно никакой социальной опасности для общества и самого себя.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
8 августа 1981 г.

Документ № 178

СУД НАД АНАТОЛИЕМ КОРЯГИНЫМ[1]

3–5 июня 1981 г. Харьковский областной суд рассмотрел дело Анатолия Корягина (1938 г.р.)[2], кандидата медицинских наук, врача-психиатра, по обвинению по ч. 1 ст. 62 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда — ч. 1 ст. 70 УК РСФСР) и по ч. 1 ст. 218 УК РСФСР (незаконное хранение огнестрельного оружия).

С 1978[3] г. А. Корягин участвовал в работе Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в качестве врача-консультанта, был арестован 13 февраля 1981 г. (см. документ № 162).

В обвинительном заключении указано (цитируемый текст обвинительного заключения восстановлен по памяти):

«Регулярно прослушивая передачи антисоветских радиостанций, читая антисоветскую литературу и общаясь с лицами, ранее уже осужденными за антисоветскую деятельность,— Ю. Дзюбой и А. Здоровым — А.И. Корягин сам стал на преступный путь враждебной советской власти и КПСС деятельности».

Конкретно по обвинительному заключению А. Корягину вменяется то, что он:

1. Изготовил и распространил статью «Пациенты поневоле», в которой «порочатся советская власть и КПСС» (опубликована в журнале «Посев» № 2 за 1981 г.).

2. Изготовил и распространил статью «злобного клеветнического содержания «Добро, зло и насилие»» (опубликована в журнале «Ланцет»).

3. Изготовил и распространил индивидуальную карту обследования А. А. Бутко[4], «в которой под видом беседы с пациентом изложена антисоветская клевета...».

4. Изготовил письмо Ю. Белову, «порочащее советский строй, миролюбивую политику СССР, КПСС» и т.д.

5. Изготовил «записи собственных измышлений, порочащих советскую демократию и такое выражение сознательности и энтузиазма советского народа, как коммунистические субботники. Записная книжка изъята при обыске».

6. Изготовил «записи, порочащие героическое прошлое СССР и КПСС в сталинский период». Записная книжка изъята при обыске.

7. Изготовил «записи собственных злостных клеветнических измышлений... как вести себя допрашиваемому, арестованному, подследственному. Тетрадь зеленого цвета изъята при обыске».

8. Изготовил «стихотворение «В мире уродливом», антисоветского характера, содержащее злобную клевету на советскую власть. Изъято при обыске на квартире».

9. Изготовил «письмо, адресованное его деду в США, содержащее клевету на советский строй и КПСС... Изъято при обыске».

10. Изготовил машинописный документ «Автобиография», «в котором клеветал на советскую действительность».

11. Изготовил «Заявление на случай моего ареста», «злобного клеветнического характера».

---

[1] Настоящий документ выходит с большим опозданием в связи с трудностями в получении информации о процессе.

[2] Автобиография Анатолия Корягина и заявление Корягина на случай ареста опубликованы в «Русской мысли» № 3365 от 18 июня 1981 г. и № 3364 от 11 июня 1981 г. — *Ред.*

[3] Точнее — с декабря 1979. — *Сост.*

[4] Бывший узник Черняховской СПБ. — *Сост.*

12. Изготовил «рукописный документ «Паранойяльный психопат», содержащий злобную клевету на миролюбивую политику СССР и КПСС...».

Кроме того, ему инкриминировано:

— хранение иностранных журналов, в частности, содержащих статьи генерала Григоренко о поэте Руденко, статью о Буковском, рубрику «СССР сегодня»;

— хранение книги Дмитрия Дудко «О нашем уповании», частных писем, адресованных ему из-за границы;

– устная антисоветская агитация и пропаганда и «преступная связь с антисоветчиками в СССР и за границей» — всего 20 пунктов обвинения по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Помимо этого ему вменено незаконное хранение огнестрельного оружия (см. ниже).

В суде А. Корягин отказался давать какие-либо показания и на вопрос председателя суда о том, согласен ли он иметь защитником назначенного адвоката Мисевру, заявил: «Я не желаю, чтобы кто бы то ни было играл здесь роль моего защитника».

Судья сделал замечание: «Ведите себя прилично, выбирайте выражения. Здесь суд, а не спектакль, никто никаких ролей не играет»,— и продиктовал секретарю: «Запишите, что подсудимый отказывается от защитника»,— на что А. Корягин ответил: «Я требую, чтобы все мои высказывания записывались дословно. Я выразился стилистически и грамматически правильно».

По требованию прокурора, суд, в нарушение закона, оставил назначенного защитника, лишив тем самым А. Корягина права произнести защитительную речь.

На вопрос судьи, признает ли он себя виновным и желает ли давать показания, А. Корягин ответил:

«Я не считаю себя виновным и отказываюсь говорить, так как это не суд, а расправа за участие в деятельности Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях».

По закону, суд может включать в приговор только данные, проверенные и установленные в судебном следствии. Между тем, по существу предъявленного обвинения никто в суде допрошен не был и никакие доказательства антисоветской агитации и пропаганды не исследовались.

Характер допроса свидетелей иллюстрируют следующие примеры.

Свидетель Рудометов на вопрос судьи, были ли разговоры с Корягиным о политике, ответил: «Были... например, о Сталине, сталинском периоде. Я считаю, что Сталин — это личность, и хотя он ошибался, но сделал много хорошего. Корягин же очень критически подходил к этому вопросу. Называл меня сталинистом, говорил, что я мало знаю, а знал бы больше — изменил бы свое мнение о Сталине».

Далее судья спросил, читал ли Корягин запрещенную литературу. Рудометов ответил: «Не знаю. Часто я заходил к нему, и он что-то прятал под газетой — какую-то книгу... он говорил хвалебно о Солженицыне». На вопрос судьи, читал ли произведения Солженицына свидетель, Рудометов ответил: «Я — нет. Я просто знаю, что он воевал, в 1942 г. оставил роту, сдался в плен, а после освобождения из плена был осужден... Он мне несимпатичен, его произведения не воспитывают советский патриотизм».

Свидетеля Черникова (шофера психоневрологического диспансера, в котором работал Корягин) судья попросил охарактеризовать Корягина как специалиста. Черников сказал: «Ну, не знаю. Он добросовестный. Мнение о нем у окружающих хорошее».

Свидетель Серик (председатель месткома профсоюза) показал, что Корягин в общественной жизни коллектива не участвовал, в частности, отказался от работы пропагандиста, мотивируя это тем, что он не может пропагандировать то, во что сам не верит. Серик доложил об этом ответе главному врачу диспансера. На вопрос прокурора, не было ли со стороны Корягина разговоров или высказываний антисоветской

направленности, Серик ответил: «Нет, ничего такого я не слыхал. В политинформациях, которые он проводил, говорил все правильно, как надо».

Свидетель Никитин (главный врач психоневрологического диспансера) показал, что Корягин с работой справлялся, является квалифицированным врачом, но отказался выполнять работу пропагандиста. На вопрос председательствующего, что говорил Корягин на открытых профсоюзных и партийных собраниях, Никитин ответил, что тот не говорил ничего, так как не посещал их.

Вопрос председательствующего:

— А скажите, на политинформациях он не говорил ничего такого, антисоветского, никаких ненужных высказываний?

Никитин:

— Нет, на политинформациях он говорил все правильно, все как в газете «Правда».

В своем последнем слове Анатолий Корягин, в частности, сказал:

«Я не считаю себя виновным — я ни в чем не поступился перед своей совестью и долгом врача-психиатра. Для меня не удивительно то, что происходит, потому что все пять членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский, Александр Подрабинек, Ирина Гривнина, Феликс Серебров — уже посажены, и, стало быть, теперь моя очередь».

Несмотря на явное несоответствие содержания судебного следствия предъявленному обвинению, суд признал Корягина виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Дополнительное вменение А. Корягину тем же приговором хранения огнестрельного оружия находится в прямом противоречии с диспозицией ст. 218 УК РСФСР, которая исключает уголовную ответственность за хранение гладкоствольных охотничьих ружей. Нарушение правил хранения и регистрации такого оружия влечет по закону лишь административную ответственность (конфискация ружья и наложение штрафа). Применение судом ст. 218 УК РСФСР не влияет на избранную меру наказания и, очевидно, преследует цель дискредитировать А. Корягина в глазах советских граждан.

За честное отношение к своим профессиональным обязанностям, за свою общественную деятельность, которую он считал своим профессиональным и гражданским долгом, за помощь людям, за свободное слово и мысль Анатолий Корягин получил непомерно суровый (максимально возможный по ст. 62 УК УССР) срок наказания, на 12 лет разлучен с тремя малолетними сыновьями и женой и лишен возможности работать по специальности, обречен на долгие годы жизни в тяжелых условиях лагерей и ссылки.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
9 августа 1981 г.

213

Документ № 179

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ РАУШ

В 1972 г. члены семьи Рауш (Таблер Марта Готлибовна — 1916 г.р., Рауш Гертруда Августовна — 1940 г.р., Рауш Гуго Иванович — 1938 г.р., Рауш Иоганнес Гугович — 1961 г.р., Или Гельмут Антонович — 1966 г. р.) обратились в ОВИР МВД Таджикской

ССР с ходатайством о выезде из СССР в ФРГ и получили первый немотивированный отказ. С тех пор они восемь раз подавали документы на выезд, в том числе четыре раза по приглашению мужа Марты Готлибовны Таблер — отца Гертруды Августовны Рауш, и каждый раз им отказывали.

Намерение семьи Рауш покинуть СССР послужило причиной постоянных преследований со стороны властей. В частности, 6 февраля 1981 г. сотрудники паспортного стола г. Курган-Тюбе (где живут Рауши) изъяли паспорта всех членов семьи, заявив, что их вскоре обменяют на заграничные. До сих пор никто из членов семьи Рауш не получил заграничного паспорта, а советские им не возвращают. Таким образом, все они фактически лишены советского гражданства и в любой момент могут быть привлечены к уголовной ответственности за проживание без паспорта.

Попытки членов семьи Рауш 29 июля с.г. вручить их заявление с просьбой оформить вид на жительство, как лиц без гражданства, чиновнику приемной Верховного Совета не увенчались успехом — им было сообщено, что вопросы гражданства решает МВД. Из приемной всю семью выгнала милиция, угрожая отправить всех в спецприемник.

Ранее, в апреле 1981 г., после приема в ОВИРе МВД СССР Гертруда и Иоганнес Рауш были задержаны милицией и помещены на трое суток в спецприемник.

Судьба семьи Рауш — лишь один из многих тысяч примеров того, как власти обходятся с советскими гражданами немецкой национальности, единственным «преступлением» которых является желание воспользоваться правом покинуть свою страну — правом, записанным во Всеобщей декларации прав человека и Пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном Советским Союзом.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман
12 августа 1981 г.

214

Документ № 180

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ СТАНИСЛАВА ЗУБКО

21 июля 1981 г. в народном суде Дарницкого р-на г. Киева состоялся суд над киевским евреем-отказником Зубко С. А. (1937 г.р.), арестованным 16 мая 1981 г. по обвинению в незаконном хранении огнестрельного оружия (ст. 222, ч. 1 УК УССР) и в незаконном хранении наркотических средств (ст. 229.6, ч. 1 УК УССР).

Станислав Зубко, кандидат химических наук, до 1979 г. работал старшим научным сотрудником в одном из научно-исследовательских институтов г. Киева. В 1979 г. Станислав Зубко вместе с матерью — Анной Левицкой — возбудил ходатайство о разрешении на выезд в Израиль. В выдаче разрешения им было отказано, после чего последовали регулярные преследования со стороны властей. Он был уволен с работы и полностью лишен возможности заниматься научной деятельностью по своей специальности. Был вынужден работать грузчиком в магазине, а затем переплетчиком. Зубко продолжал активно добиваться разрешения на выезд в Израиль и оказывал помощь многим отказникам. Менее чем за два года он шесть раз подвергался необоснованным административным арестам. В знак протеста против последнего административного ареста Зубко объявил голодовку на все десять суток.

16 мая 1981 г. на квартире Зубко был проведен обыск, предлогом для которого было подозрение в квартирной краже, которая якобы имела место в марте с.г. В комнате матери при обыске был обнаружен пакетик с гашишем размером 2 х 3 см, а в кухне под холодильником — пистолет марки «ТТ».

Как в предварительном следствии, так и в суде Зубко не признал себя виновным и категорически утверждал, что пистолет и гашиш ему не принадлежат и он считает, что эти предметы подброшены в его квартиру.

Доводы подсудимого о том, что обнаруженные при обыске в квартире огнестрельное оружие и наркотическое вещество ему не принадлежат и он их не хранил, в ходе судебного следствия ничем опровергнуты не были, не были проверены все возможные версии о вероятности принадлежности огнестрельного оружия и гашиша другим лицам, которые бывали в квартире подсудимого и по каким-либо мотивам могли оставить там эти предметы. Не был исследован вопрос — кому был выдан найденный пистолет, когда и при каких обстоятельствах оружие и гашиш могли попасть к Зубко. Установлено, что на предметах, изъятых при обыске, не было обнаружено следов отпечатков пальцев подсудимого.

В нарушение закона изъятые на обыске предметы не были должным образом упакованы и опечатаны, что ставит под сомнение достоверность самих вещественных доказательств — единственных, на которых основано обвинение.

Защитник в своей речи просил суд оправдать Зубко за недоказанностью обвинения.

Прокурор голословно поддерживал обвинение.

Суд признал Станислава Зубко виновным по обеим статьям и приговорил его к четырем годам лагеря общего режима.

Необоснованное осуждение Станислава Зубко — заключительное звено в цепи преследований со стороны властей за активное стремление осуществить свое право на выезд из страны.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Меиман
20 августа 1981 г.

215

Документ № 181

АРЕСТ ЧЛЕНА МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ» ИВАНА КОВАЛЕВА

25 августа 1981 г. следственным управлением КГБ СССР арестован член Московской группы «Хельсинки» Иван Ковалев (1954 г.р.).

Отец Ивана Ковалева, ученый-биолог Сергей Ковалев — известный правозащитник, был арестован в 1974 г. и осужден по ст. 70 УК РСФСР к 7 годам заключения в лагерях и 3 годам ссылки. В настоящее время он отбывает наказание в Чистопольской тюрьме и подлежит направлению в ссылку в декабре с.г.

После осуждения отца Иван Ковалев в возрасте 20-ти лет активно включился в правозащитную деятельность, а в октябре 1979 г. вступил в Московскую группу «Хельсинки» (см. документ № 105). В последние годы Иван Ковалев и его жена Татьяна Осипова (тоже член Хельсинкской группы) подвергались систематическим преследова-

ниям со стороны властей (обыски, вызовы в КГБ). Иван Ковалев, инженер по образованию, был вынужден работать подсобным рабочим, пожарником в театре и т.п.

В мае 1980 г. была арестована, а в апреле 1981 г. осуждена по ст. 70 УК РСФСР жена Ивана Ковалева Татьяна Осипова (см. документы №№ 133 и 161). В июле–августе 1981 г. Иван Ковалев дважды ездил в Мордовские лагеря, пытаясь получить положенное по закону личное свидание с женой, но под различными предлогами (ремонт помещения, карантин) свидание не было предоставлено в нарушение ИТК РСФСР.

Как нам стало известно, Ивану Ковалеву предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). В частности, ему вменяется сбор информации о нарушении прав человека в СССР, составление документов по этим вопросам и распространение документов и информации внутри страны и на Западе посредством контактов с иностранцами и телефонных разговоров.

Судебно-следственные органы, как это стало уже обычным, постараются представить Ивана Ковалева уголовником, но все, кто его знает, понимают, что этот человек не способен на преступление. Бескорыстный и искренний, он всегда говорит и пишет то, что считает правдой. Он любит людей, отзывчив на всякую чужую беду. К нему обращались сотни людей и всегда находили в нем понимание и поддержку. Его лучшими друзьями были Александр Лавут, Татьяна Великанова, Андрей Сахаров и другие правозащитники, и так же, как они, Иван Ковалев принадлежит к той лучшей части наших соотечественников, которые живут не по лжи и своим словом, мыслью и деятельностью способствуют оздоровлению общества.

Ковалев никого и никогда не призывал к насилию. Он хотел людям добра и желал его, так же, как и его отец, жена и друзья-правозащитники; он заключен в тюрьму не за преступление, а только за бесстрашную попытку отстаивать принципы свободы мысли, слова и общественную деятельность.

Иван Ковалев не нарушал советские законы, не ставил перед собой цель подрывать или ослаблять государственную власть, и, тем более, не распространял клеветническую информацию.

Сам его арест и предрешенное осуждение являются не только незаконными, но и преступными, так как необоснованный арест, возбуждение уголовного дела против заведомо невиновного по обвинению в тяжком государственном преступлении и неправосудный приговор подпадают под диспозицию ст.ст. 176, 177 УК РСФСР, предусматривающих суровую кару за подобные действия.

Мы призываем немедленно освободить Ивана Ковалева из-под стражи, прекратить дело производством, а виновных в незаконном возбуждении против него уголовного преследования привлечь к уголовной ответственности.

Приложения[1]:
1. Открытое письмо Ивана Ковалева «За что я арестован»;
2. Статья Ивана Ковалева «Шестьдесят четвертая».

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
29 августа 1981 г.

[1] Не публикуются, воспроизведены в АС №№ 4472, 4338. — *Сост.*

216

Документ № 182

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР

Ранее (см. документы №№ 171, 172, 173, 179) мы неоднократно указывали на репрессии и факты дискриминации, которым подвергаются граждане СССР, желающие покинуть страну. Нами получены новые сведения о преследованиях за намерение эмигрировать.

В конце августа 1981 г. в г. Киеве инженер-строитель Марк Очеретянский объявил голодовку с требованием предоставить ему возможность выехать в Израиль. Два года назад он получил разрешение на выезд, но по неизвестной причине виза у него была отобрана, и до сих пор он проживает без паспорта со всеми вытекающими последствиями.

3–4 августа 1981 г. в Ленинграде состоялся суд над евреем-отказником Евгением Леиным (см. документ № 173). Ему было предъявлено обвинение в оказании сопротивления работнику милиции, сопряженного с насилием, по ч. 2 ст. 191.1 УК РСФСР. Суть обвинения сводилась к тому, что 17 мая с.г. Е. Леин ударил ногой в бедро капитана милиции, явившегося на квартиру, где проходил семинар по еврейской культуре, для проверки документов. Леин виновным себя не признал и утверждал, что удара милиционеру не наносил. Обвинение построено на показаниях «потерпевшего» — капитана милиции и трех дружинников. Однако четверо других свидетелей — участники семинара — в суде категорически утверждали, что Леин не бил милиционера. Несмотря на это суд признал Леина виновным и применил наказание в виде условного осуждения к двум годам лишения свободы с обязательным привлечением к труду.

22 августа 1981 г. в г. Нальчик группа немцев (47 чел.), жителей Кабардино-Балкарской АССР, добивающихся выезда из СССР в ФРГ, пытались вручить первому секретарю КПСС Кабардино-Балкарской АССР коллективную жалобу на действия республиканских органов МВД по отношению к лицам, подавшим заявления на выезд из СССР в ФРГ. Милиция, дружинники и сотрудники КГБ пытались разогнать собравшихся. Последние выделили делегацию — четырех человек (в том числе Миллера,— см. ниже), которую после длительных препирательств принял человек, назвавший себя секретарем обкома Мельником. Коллективную жалобу он принять отказался, в ходе беседы спросил у Миллера его фамилию, а также разъяснил, что выездные дела решаются в каждом случае индивидуально.

27 августа с.г. в г. Майский Кабардино-Балкарской АССР Генрих Миллер[1] (1944 г.р.) был арестован по обвинению в тунеядстве и бродяжничестве (ст. 209.1 УК РСФСР). После подачи документов в ОВИР Миллера неоднократно увольняли с работы (см. приложение[2] к настоящему документу — письмо жены Г. Миллера — Дегнер М.А.), и с момента его последнего увольнения прошло всего 20 дней. Генрих Миллер в знак протеста против ареста объявил голодовку. Он страдает хроническим бронхитом и нуждается в постоянном медицинском наблюдении.

6–7 и 10–12 августа 1981 г. в нарсуде Октябрьского р-на г. Душанбе состоялся суд над Артуром Марсалом (1936 г.р.), немцем, с 1979 г. добивающимся выезда из СССР в ФРГ, арестованным 19 июня 1981 г. (см. документ № 171). Вплоть до своего ареста

[1] О суде над ним см. в документе № 192 (док. 225). — *Сост.*

[2] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4478. — *Сост.*

Марсал работал научным сотрудником Таджикского филиала ВНИГНИ. Ему было предъявлено обвинение в распространении в устной и письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (по ст. 203.1 УК Таджикской ССР, соответствующей ст. 190.1 УК РСФСР). Обвинение состояло из 12 пунктов и основывалось на показаниях нескольких коллег Марсала, а также на письме родителям его жены (которые возражают против выезда жены Марсала в ФРГ). Суд был открытым, однако в зал не пускали таджиков.

Марсал не признал себя виновным. В суд было вызвано около 20 свидетелей, которые давали противоречивые, уклончивые ответы на вопросы прокурора и судьи. Только основной свидетель обвинения Андреев — непосредственный начальник Марсала, утверждал, что в частных беседах с ним Марсал говорил, что в СССР нет свободы слова и собраний, что советское государство шовинистическое и стремится к мировому господству. Андреев назвал фамилии лиц, присутствовавших при его беседах с Марсалом, однако эти лица, вызванные в суд, не подтвердили показания Андреева. Марсал категорически отрицал все, что показал Андреев, утверждая, что последний неоднократно провоцировал его на такие высказывания, но он, Марсал, ничего подобного не говорил. Некоторые свидетели обвинения показали в суде, что Марсал клеветал на советский государственный и общественный строй, однако они заявляли, что они не помнят, когда и при каких обстоятельствах и что конкретно говорил Марсал.

По ходатайству Марсала в суд было вызвано дополнительно шесть свидетелей — сослуживцев Марсала, которые опровергли показания Андреева и других свидетелей обвинения.

По поводу письма родителям жены Марсал заявил, что инкриминируемые ему письменные обвинения советского государства в шовинизме и дискриминации немцев относятся к конкретным лицам (родителям жены), а не к государственной системе. В доказательство он процитировал полный текст указанного письма.

Прокурор в своей речи повторил все пункты обвинения.

Адвокат подробно разобрала все 12 пунктов обвинения и показала, что ни одно из них не доказано. Кроме того, она указала на противоречивость свидетельских показаний, на очевидную недостоверность многих из них. Адвокат заявила, что в действиях Марсала отсутствует состав преступления и потребовала оправдать подсудимого и освободить из-под стражи.

В последнем слове Марсал заявил, что не признает себя виновным.

Суд признал Марсала виновным в совершении действий, предусмотренных ст. УК Таджикской ССР эквивалентной ст. 190.1 УК РСФСР и приговорил его к 2,5 годам лишения свободы.

У Марсала двое детей — сын 8-ми лет и дочь 6-ти.

* * *

Усиливающиеся в последнее время преследования властями людей за одно лишь желание выехать из страны, осуществив свое право выбора страны проживания, записанное в Пакте о гражданских и политических правах, который ратифицирован СССР — грубое нарушение Советским Союзом своих международных обязательств.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
5 сентября 1981 г.

217

Документ № 183

СУД НАД АНАТОЛИЕМ МАРЧЕНКО

2–4 сентября 1981 г. Владимирский областной суд рассмотрел дело Анатолия Марченко (1938 г.р.), арестованного 17 марта 1981 г.

Анатолий Тихонович Марченко, известный правозащитник, рабочий по профессии, литератор-публицист, автор документальных книг «Мои показания» и «От Тарусы до Чуны», ряда публицистических статей, многочисленных открытых писем и обращений, в течение многих лет подвергался систематическим преследованиям со стороны властей — допросам, обыскам, арестам и необоснованным осуждениям. В общей сложности Марченко провел в заключении и в ссылках 15 лет (подробные биографические сведения о Марченко см. в документе № 160).

По обвинительному заключению Марченко вменено:

— книга «От Тарусы до Чуны» (опубликована за рубежом);
— статья «Третье дано»;
— несколько обращений и открытых писем;
— черновые записи в записных книжках.

Сочинение и распространение этих работ квалифицированы как антисоветская агитация и пропаганда (ч. 2 ст. 70 УК РСФСР).

Жена А. Марченко Лариса Богораз не была извещена о дате и месте проведения суда. Даже в день начала процесса — 2 сентября, когда Л. Богораз пришла к зданию Владимирского областного суда, судья Колосов отказался сообщить ей, где будет слушаться дело, и заявил:

— Вы вызваны свидетелем, приходите завтра, и вас отведут куда надо.

Только уезжая на процесс вместе с судьей, адвокат Фрадкин успел сказать, что суд будет в клубе МВД им. Фрунзе.

Как и в большинстве случаев при рассмотрении политических дел имело место фактическое нарушение принципа гласности. Суд заседал в маленькой комнате, заполненной спецпубликой, хотя рядом был большой пустой зал. Адвокату было передано заявление от родственников и друзей Марченко с просьбой допустить их в зал суда. Однако Фрадкин не только не заявил такого ходатайства, но сказал своему подзащитному, что никто из родственников и знакомых, кроме жены Л. Богораз, к зданию суда не явился. 2 сентября ее в зал заседания не допустили, а 3 сентября допросили в качестве свидетеля в последнюю очередь.

Совершенно очевидно, что вызов Л. Богораз в суд в качестве свидетеля, как это часто практикуется в подобных случаях, был лишь поводом, чтобы не допустить ее присутствия на первой половине процесса. Это видно из содержания ее допроса (см. приложение 1[1]).

Точной информацией о содержании допросов других свидетелей мы не располагаем.

Стало известно, что еще 18 марта 1981 г. (на следующий день после ареста) Марченко написал заявление об отказе от участия в следствии. На процессе он отказался давать показания, заявив, что не признает данного суда, сделал заявление об отказе от защитника — адвоката Фрадкина. В ходе процесса Марченко не отвечал на вопросы адвоката и неоднократно возобновлял это заявление. Однако в нарушение ст. 50 УПК РСФСР суд своим определением оставил назначенного защитника. Таким образом суд грубо нарушил право обвиняемого на защиту, т.к. при отказе от адвоката об-

[1] Упомянутые в документе приложения не публикуются, запись процесса см. АС № 4489. — *Сост.*

виняемый сам приобретает права защитника, в частности, право участвовать в судебных прениях. В данном случае это допущенное судом нарушение особенно существенно, потому что занятая адвокатом Фрадкиным позиция находилась в резком противоречии с позицией самого обвиняемого (см. ниже).

Нарушен был и принцип устности и непосредственности процесса. Инкриминируемые Марченко произведения суд не исследовал и даже не оглашал. Суд просто постановил «считать оглашенными следующие документы...» и не читать их в заседании ввиду «антисоветского содержания» последних. Никакого обоснования признания их антисоветскими в суде не добыто и в приговоре не дано. Было даже отказано Марченко в ходатайстве зачитать его заявление, сделанное в ходе выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР. Причем адвокат не только не поддержал его, но и активно возразил.

Прокурор Сальнов инкриминировал Марченко семь его работ:

1. «От Тарусы до Чуны».
2. «Третье дано».
3. Публичный ответ газете «Известия».
4. Открытое письмо академику Капице.
5. «Живи как все».
6. Черновик, начинающийся «Процессы, демонстрация...».
7. Черновик, начинающийся «Войдут ли советские танки в Польшу?»

Эти работы прокурор охарактеризовал как «...антисоветские произведения, написанные с целью подрыва и ослабления советской власти... извращающие ход исторического развития нашей страны... призывающие враждебные государства усилить акции против СССР... порочащие советский образ жизни...»

Отягчающими вину обстоятельствами в нарушение ст. 39 УК РСФСР прокурор признал школьную характеристику, характеристику из КАРЛАГа[1]; характеристику, написанную участковым по надзору над Марченко.

Прокурор потребовал признать Марченко особо опасным рецидивистом и назначить ему наказание — 10 лет лишения свободы с содержанием в ИТК особого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

При предоставлении слова для произнесения защитительной речи адвокату Фрадкину, Марченко вновь заявил об отказе от защитника.

Адвокат Фрадкин в своей речи признал, что Марченко является преступником, а причины преступления — «пережитки прошлого», которые в данном случае попали на благодатную почву. Далее он сказал, что назначение подзащитному минимального срока наказания по данной статье поможет Марченко осознать свою вину и исправиться, т.к. он оценит это проявление гуманности.

Марченко не отрицал ни авторства, ни того, что в его книгах и статьях содержится резкая критика советской государственной системы, но никогда не признавал себя виновным в совершении какого-либо преступления. При этом условии позиция адвоката не только безнравственна, но и незаконна (см. приложение 2), так как привела к тому, что в процессе оказалось два прокурора (один «злой» требовал максимальную меру наказания, а второй «добренький» просил минимального срока — трех лет лишения свободы) и ни одного защитника.

В своем последнем слове Анатолий Марченко сказал:

«...Да, в шестой раз мне приходится сидеть на этой скамье, но в этот раз я доволен, так как впервые меня судят не по фальшивому обвинению, судят за то, что я действительно сделал. Вон они, на столе — книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал... Меня, конечно, не удивляет ни этот суд, ни готовый мне приговор —

[1] Карагандинский лагерь. — *Сост.*

10 лет... Ни в одной цивилизованной стране мира, кроме стран с коммунистическими и фашистскими режимами, не судят людей за критику государства, за литературу, за публицистику. Только коммунистический и фашистский режимы защищают себя таким образом: вместо того, чтобы бить по идеям, бьют по головам... Казалось бы, даже смешно такому огромному государству с такой сильной машиной массовой пропаганды, государству, которому принадлежит вся пресса, радио, телевидение, бороться с идеями такими способами — лагерями, тюрьмами. Но, значит, коммунистическая идеология не находит других аргументов... Верно говорили прокурор и адвокат — я враждебно настроен по отношению к советской власти, но я не обязан ее любить... советские лидеры говорят, что любят свой народ... тратятся миллиарды на вооружение, и это преподносится народу как необходимость: «нас вынуждает к этому капиталистическое окружение и мы вынуждены защищать свои интересы в разных частях света...» Кто определит, где наши интересы существеннее, где нужнее миллиарды — на Кубе или в Рязани?.. Советский человек не знает и не может знать, во сколько миллиардов рублей и во сколько тысяч жизней обходится ему защита советских интересов в Анголе, Вьетнаме, Афганистане... На самом деле советская власть ведет гражданскую войну против своего народа путем террора... Ленин в своей записке наркому юстиции Курскому пишет, что надо усилить террор... и это после гражданской войны в период перехода к мирному строительству... Ленин знал, что встретит сопротивление народа, который потребует выполнения обещаний[1], а Сталину понадобилось сочинить теорию усиления классовой борьбы с той же целью... Всегда нужна борьба с чем-нибудь. Теперь выдумали идеологическую, а завтра выдумают гомосексуальную... Что такое 70-я статья, по которой меня судят? Эта статья нужна для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов... Мы, которых судят и сажают, по сути дела не осужденные, а военнопленные — гражданская война продолжается... Когда-то пленников съедали, потом обращали в рабов, вот и для меня приготовлены исправительно-трудовые...»

Марченко подробно остановился далее на инкриминируемых ему произведениях. Он сказал, что суд не привел ни одного факта из этих работ в доказательство чего бы то ни было. Были лишь ярлыки, а доказательств суду и не нужно — либо их нет, либо суд не в состоянии оспорить эти произведения. Но доказать Марченко хочет одно, что клеветы в них нет.

Марченко сказал, что на следствии его спросили, с какой целью он сочинил в соавторстве статью «Третье дано». Он ответил, что это видно из текста статьи, где говорится, что эта работа есть выражение одной из точек зрения на советскую внешнюю политику и положение страны в мире. В книге «От Тарусы до Чуны» тоже нет клеветы:

— Разве я не был арестован, не голодал?.. — сказал Марченко.

Вместе с письмом Капице он упомянул письмо Бондарчуку и выразил недоумение, почему на эти письма отвечает приговором суд?

— Может быть, Капица и Бондарчук неграмотны?.. Скорее всего, им нечего ответить,— сказал Марченко.

Касаясь инкриминируемых ему черновиков, записей в записных книжках, он отметил, что в обычном человеческом обществе считается неприличным даже заглядывать в чужие черновики, а здесь ими наполнены тома дела.

* * *

«...Сегодня судят меня здесь люди старшего поколения, чем мое. Защитив Европу от фашизма, они вернулись на родину, звеня орденами и медалями. И тут же погнали

[1] Следует перечисление некоторых пунктов программы РСДРП.

друг друга в лагеря. Где же было их мужество под родной палкой? Теперь признают, что это была ошибка, а тогда люди этого поколения, когда их арестовывали, только недоумевали: «За что?!..» Так свидетельствует боевой офицер, лауреат Нобелевской премии, замечательный русский писатель Александр Солженицын. Я горжусь, что не принадлежу к этому поколению. У меня вообще большое преимущество перед теми, кто находится в этом зале,— я не держу кукиш в кармане, я говорил и говорю то, что думаю...

...Если этот государственный строй считает, что единственный способ опровергнуть таких как я, это держать их за решеткой, у меня нет тогда возражений. Значит, я буду вечно, до конца дней за решеткой, буду ваш вечный арестант...»[1].

Суд признал Марченко виновным по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР и приговорил его к 10 годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет. Оплату судебных издержек суд возложил на Марченко.

* * *

Анатолий Марченко никогда и никого не призывал к насилию, к свержению советской власти. За резкую критику государственной внешней и внутренней политики СССР, выраженную в его литературно-публицистических работах, письмах и обращениях, он приговорен к заключению на длительный срок, который, с учетом его состояния здоровья, может стать пожизненным. Его семья — малолетний сын и больная жена, для которых он был единственным кормильцем и опорой, остались без средств к существованию.

Осуждение Анатолия Марченко, честного, бескорыстного и открытого человека, который всю жизнь протестовал против несправедливости и насилия, свободно выражал свое мнение, предавал гласности известные ему факты беззаконий и нарушений прав человека, не только незаконно, но и аморально, ибо изоляция таких людей снижает нравственный потенциал общества.

Приложения:
1. Краткая запись процесса, восстановленная по памяти.
2. Выдержка из редакционной статьи в журнале «Социалистическая законность», № 6, 1978 г. об обязанностях адвоката.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
6 сентября 1981 г.

218

Документ № 184

40-Я ГОДОВЩИНА МАССОВЫХ РАССТРЕЛОВ ЕВРЕЕВ В БАБЬЕМ ЯРЕ

29 сентября исполнилось 40 лет со дня одной из величайших трагедий русских евреев — массовых расстрелов еврейского населения Киева нацистами (было уничтожено около 100 тыс. человек). В течение десятилетий место расстрелов не было отме-

[1] Текст последнего слова, цитированный выше, восстановлен по памяти.

чено каким-либо мемориалом и было фактически превращено в свалку. Только в начале 70-х годов, в результате настойчивых требований общественности, удалось добиться сооружения памятника жертвам нацизма (однако в надписи на памятнике слово «евреи» отсутствует).

С момента сооружения мемориала многие евреи Киева и других городов Советского Союза собирались в Бабьем Яре в ближайшее к памятной дате воскресенье, чтобы почтить память расстрелянных и возложить у памятника цветы. Ежегодно власти противодействовали этому естественному стремлению.

В этом году, 29 сентября — в 40-ю годовщину массовых расстрелов евреев в Бабьем Яре — жителям Киева и группам евреев, приехавших из разных городов Советского Союза с намерением возложить цветы и венки, в большинстве своем не удалось даже подойти к мемориалу, так как все подходы и подъезды к нему были перекрыты милицией и «дружинниками в штатском».

Некоторых приехавших задерживали на вокзале и в аэропорту. Трое из задержанных были обвинены в «мелком хулиганстве» и осуждены к различным срокам административного ареста: москвич Алексей Лоренцсон — к 15 суткам, ленинградцы Павел Астрахан и Михаил Эльман — к 10 суткам ареста.

Москвичей Евгению Нартову и Моисея Равича (участники Великой Отечественной войны) насильно посадили в поезд и в сопровождении милиционеров доставили в Москву.

Одесситам Александру Кушниру, Яну Мешу, Валерию Певзнеру и Юлию Шварцу, сумевшим «дойти» до Бабьего Яра, позволили в сопровождении сотрудников милиции, т.е. буквально под конвоем подойти к подножию памятника жертвам нацизма и возложить цветы. Затем этих людей под присмотром сотрудников милиции и КГБ препроводили в Одессу.

Несколькими днями раньше, 24 сентября, также по обвинению в «мелком хулиганстве» были осуждены на 15 суток административного ареста жители г. Киева Светлана Ефанова, Валерий Каневский и Владимир Терещенко.

События в Киеве свидетельствуют о стремлении властей стереть в сознании людей память о Бабьем Яре. Одновременно власти использовали 40-ю годовщину массовых убийств евреев под Киевом как повод для очередных репрессий по отношению к евреям, желающим выехать из Советского Союза.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
23 октября 1981 г.

219

Документ № 185

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО В СССР

Седьмой раз отмечаем мы сегодня День политзаключенного в СССР.

Впервые группа правозащитников отметила его, собравшись 30 октября 1974 года в Москве, на квартире академика Андрея Сахарова, где были зачитаны и переданы западным корреспондентам заявления и открытые письма политзаключенных Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы.

По инициативе этих узников совести и по их примеру ежегодно в этот день политзаключенные советских лагерей держат голодовки, протестуя против наименования

их уголовниками, требуя признания статуса политзаключенных, требуя всеобщей политической амнистии, отмены принудительного труда, протестуя против бесчеловечных условий содержания в лагерях.

Сегодня, через семь лет, положение не только не улучшилось, но и резко ухудшилось. Подавляющее большинство тех правозащитников, которые, находясь на воле, выступали в поддержку требований узников совести, сейчас сами являются такими узниками. В частности, в лагерях или в ссылке находятся почти все участники первой пресс-конференции в защиту политзаключенных (30 октября 1974 г.) — Сергей Ковалев, Андрей Сахаров, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Владимир Слепак.

Напомним: заключенные, которых мы называем узниками совести, не совершили никаких преступлений. Они не применяли и не пропагандировали насилие. Их приговорили к длительным срокам заключения только за то, что они — в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и с Хельсинкским актом — отстаивали права человека на свободу убеждений и слова, на создание свободных ассоциаций, на выбор страны проживания. Таким образом, отстаивание положений международных актов, подписанных советским правительством, трактуется советской юстицией как уголовное преступление.

Но приговор суда — это только начало. Дальше следует отбывание заключения, которое администрация лагерей, тюрем и психбольниц чаще всего превращает для политзаключенных в настоящую пытку. В распоряжении мировой общественности имеется ряд документов Московской группы «Хельсинки», сообщающих о фактах бесчеловечного обращения с политзаключенными, которых доводят до тяжелейших заболеваний, иногда кончающихся смертью. В большинстве случаев преследование узников совести в лагерях вызвано стремлением сломить их волю, растоптать их человеческое достоинство и таким образом довести их до «раскаяния». Когда это не удается (а в большинстве случаев не удается), лагерное начальство от самого мелкого до самого крупного — усиливает давление на политзаключенных всеми доступными способами, от карцера до лишения переписки и свиданий.

Все это — голод, холод, изнуряющий принудительный труд, карцер, отказ в медицинской помощи, лишение свиданий и пр. — присуще советским лагерям и отмечено еще в документах политзаключенных, присланных в 1974 г. С тех пор режим содержания узников совести неуклонно ухудшается. Особенно тяжело для заключенных на длительные сроки и их родных ставшее системой лишение свиданий под любым предлогом. Анатолия Щаранского, осужденного на 15 лет, увезли в тюрьму, не дав ему свидания с больным отцом — и отец умер, так и не увидев сына. Мать Щаранского виделась с ним в 1980 году; в 1981 году ей отказали в положенном свидании, объявив, что она сможет увидеть сына лишь в конце 1982 года.

Сергей Ковалев и Юрий Орлов были лишены свиданий в течение двух лет. Татьяну Осипову увезли в лагерь, не дав ей перед отправкой полагавшегося по закону свидания с мужем.[1] Недавно осужденного Анатолия Марченко (приговор — 10 лет лагерей и 5 лет ссылки) в нарушение закона отправили в лагерь до рассмотрения дела в кассационной инстанции, не дав ему повидаться с женой и маленьким сыном.

Подобных примеров можно привести очень много.

В последнее время определилась новая и все более явная установка властей — превратить узников совести в вечных заключенных, т.е.

— не выпускать из лагерей и ссылок тех, кто туда попал, и

[1] Иваном Ковалевым. Теперь Ковалев арестован, и супруги разлучены на долгие годы, т.к. мужу и жене, находящимся в заключении, свидания не разрешены. Олекса Тихий, осужденный в 1977 г., за все время заключения не имел ни одного свидания с женой.

— вернуть в лагеря тех, кто уже отбыл срок.

Так как в Уголовном кодексе РСФСР нет статьи о пожизненном заключении, соответствующие органы сейчас искусственно создают для этой категории заключенных новые «дела», вопреки человечности, здравому смыслу и собственным законам. Так, Василию Овсиенко, чей трехлетний лагерный срок кончается в 1981 году, сейчас предъявлено новое обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР, одним из пунктов которого является последнее слово, произнесенное Овсиенко на суде три года назад; Анатолий Марченко, отбывший уже многие годы в лагерях и ссылках, <…>[1]

Сегодня, в День политзаключенного 1981 года, мы вновь требуем всеобщей политической амнистии.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова
30 октября 1981 г.

220

Документ № 187[2]

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МАГИДОВИЧА

С 22 декабря 1980 г. по 9 января 1981 г. в Тульском областном суде слушалось с перерывами дело Александра Магидовича, обвинявшегося по ст. 190.1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

Александр Бенционович Магидович, 1933 г.р., инженер, в 1976 г. получил отказ в ходатайстве о выезде в Израиль. В последнее время перед арестом (23 мая 1980 г.) работал разносчиком телеграмм. После ареста ему было предъявлено обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР, состоявшее из двух пунктов:

1. «Распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В обвинении фигурировало, в частности, «восхваление буржуазных конституций» и «буржуазного образа жизни».
2. «Изготовление текста клеветнического содержания».

Процесс начался 22 декабря в здании Тульского областного суда. Ранее друзья направили Магидовичу телеграмму о том, что ему нанят в Москве адвокат для закрытия дела, но ее не передали. О дне суда друзья узнали случайно и привезли в суд письмо от адвоката Петрова В. А. с просьбой перенести суд на другой день, так как 22 декабря Петров был занят в другом деле. Судья отказался взять от друзей письмо адвоката и сообщить Магидовичу о заключении договора с Петровым. В первый день суда Магидович заявил ряд ходатайств, в том числе о предоставлении ему возможности ознакомиться с делом до конца в соответствии с требованиями ст. 201 УПК РСФСР. Последнее было удовлетворено судом, несмотря на протесты прокурора. Суд перенесли на 23 декабря. Находившаяся в зале суда Хасина Н.Б. после оглашения решения

[1] Окончание этого документа утеряно, по-видимому, при пересылке. Восстановить его, к сожалению, не удалось. Последняя фраза и подписи под документом реконструированы по «Хронике текущих событий» (№63, С.201). — *Сост.*

[2] Документ №186 от 20 ноября 1981 «Арест и осуждение Раисы Руденко» не разыскан, отсутствует во всех известных нам изданиях. Сведения о нем получены из «Хроники текущих событий» (№63, С.239). — *Сост.*

о переносе срока слушания дела заявила, что есть адвокат, готовый защищать Магидовича — Петров, с которым заключен договор. Прокурор и судья пытались не дать Хасиной сделать это сообщение. Однако в результате суд удовлетворил ходатайство Магидовича о предоставлении ему в качестве защитника адвоката Петрова, и суд перенесли на «неопределенное время».

Суд возобновил работу 7 января 1981 г. и продолжился до 9 января. В здание суда не пустили никого из друзей Магидовича.

Свидетели обвинения Щеглов, Якубович, Голубев, Миронов заявили, что, принося к ним телеграммы, Магидович вел антисоветские разговоры. Подсудимый отрицал их показания. Кроме того, он утверждал, что свидетеля Якубовича не знал вообще. Большинство свидетелей показали, что Магидович вел с ними разговоры наедине. Лишь в одном случае Миронов и Голубев видели Магидовича одновременно, но их показания по данному эпизоду расходятся.

Свидетель Щекин, чей разговор с Магидовичем на улице был записан на магнитофон сотрудниками КГБ (магнитофонную запись воспроизвели Щекину в ходе допроса на предварительном следствии и требовали дать показания на Магидовича) заявил, что во время одной встречи, происшедшей после получения Магидовичем отказа в выезде, «...проходя мимо Центрального рынка, рассказал одно оскорбительное для деятелей партии и правительства стихотворение».

При этом Щекин добавил, что Магидович был сильно возбужден полученным отказом в выезде и приписывать в данном случае преднамеренную ложь нельзя.

Вторая часть обвинения основывается на изъятой у Магидовича на обыске тетради с зашифрованным текстом и «ключом» к шифру. Однако, по утверждению обвинительного заключения, несмотря на наличие ключа, профессиональные шифровальщики смогли расшифровать текст лишь на 70%. Магидович, ознакомившись с расшифрованным текстом, заявил, что он переведен неверно. Кроме того, если профессионалы при наличии ключа не смогли его полностью расшифровать, то о каком «распространении» может идти речь. Имеет место изложение частных взглядов, не предназначенное для распространения, что не может быть инкриминировано по ст. 190.1.

В своем последнем слове Магидович не признал себя виновным, опроверг все показания свидетелей, кроме показаний Щекина. По поводу бесед с последним Магидович заявил, что высказывал частное мнение, что не может быть инкриминировано по ст. 190.1. Он также потребовал привлечь к суду Щеглова, Якубовича, Голубева и Миронова за дачу ложных показаний.

Суд признал Магидовича виновным и приговорил к 2,5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагере общего режима.

Кассационное разбирательство состоялось в Верховном суде СССР 1 апреля 1981 г. Суд оставил приговор в силе, а жалобу без удовлетворения.

В нарушение закона Магидовичу не позволили получить продуктовые и вещевые передачи в ходе предварительного следствия.

Дело Магидовича — лишь один из многих примеров того, как власти расправляются с людьми, единственная вина которых — желание эмигрировать из СССР. Мы призываем главы правительств, подписавших Заключительный акт Хельсинкских соглашений, мировую общественность обратить внимание на трагическую судьбу Александра Магидовича и сотен других людей, подвергающихся самым разнообразным преследованиям со стороны властей за желание покинуть Советский Союз.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
18 декабря 1981 г.

221

Документ № 188

ТРАДИЦИОННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 10 ДЕКАБРЯ НА ПЛОЩАДИ ПУШКИНА

В течение многих лет люди доброй воли собираются 10 декабря у памятника Пушкину в Москве почтить память узников совести всех стран мира, в том числе и политзаключенных СССР. И из года в год власти разгоняют мирных демонстрантов, используя большие контингенты милиции, дружинников, сотрудников КГБ. 1981 год не был исключением.

Многочисленные милицейские посты, группы «штатских» наводнили площадь Пушкина и подходы к ней уже с 16 часов. Вокруг площади стояли наготове легковые машины и автобусы. Между 18 и 19 часами сотрудники в штатском, у которых были какие-то списки, выборочно проверяли документы у прохожих на площади перед зданием «Известий». Некоторых задерживали и препровождали в автобусы задолго до 19 часов. Первая машина с шестью задержанными отошла в 17 час. 30 мин. Многим, желавшим принять участие в демонстрации, не удалось даже приблизиться к памятнику. Их задержали по дороге на подходе к площади. Несколько человек, которым удалось подойти к памятнику Пушкину в 19 час. и обнажить головы в память об узниках совести, были задержаны через 15–20 сек. сотрудниками милиции и КГБ, посажены в автобус и доставлены в о/м.

По предварительным оценкам, всего было задержано на площади и в ее окрестностях в этот вечер более 100 человек. В основном милиция и лица в штатском обращались с ними вежливо, но категорически отказывались дать вразумительное разъяснение причин задержания. На настойчивые вопросы П. Подрабинека, О. Попова, Е. Гайдамачук, Б. Румшиского о причинах задержания, следовал стандартный ответ: «Проверка документов».

У более молодых участников демонстрации сотрудники КГБ и милиции тщательно расспрашивали о причинах, побудивших их пойти в этот вечер на Пушкинскую площадь. Почти у всех записали их паспортные данные, выяснили места работы или учебы, интересовались, знакомы ли друг с другом. Начиная с 20 час. 30 мин. всех через небольшие промежутки времени по одному — по двое отпустили по домам.

Среди задержанных на площади: Екатерина Гайдамачук, Ольга Зайцева, Алексей Смирнов (Костерин), Александр Готовцев (Российский), Пинхос Подрабинек, Олег Попов, Сеитхан Сорокина, Виктор Сорокин, Иван Рудаков, Ирина Нагле, Виктор Тимачев, Евгений Суворов (отбывал срок по ст. 70 УК РСФСР с 1968 по 1973 гг.)[1], Екатерина Шиханович, Борис Румшиский...

В опорном пункте на 2-й Тверской-Ямской задержанные (около 25 человек) в 19 час. 30 мин. почтили память узников совести вставанием и минутным молчанием. С 20 час. 30 мин. задержанные в течение приблизительно 1,5 часов были постепенно выпущены. Некоторым из них позднее звонили на работу и сообщали, что «ваш сотрудник задержан милицией за хулиганство».

Сотрудники «органов» остановили в этот вечер при выходе с работы С. Ходоровича и А. Романову, дав понять, что тем следует отправляться домой. Романова поехала домой, а Ходоровича задержали.

Отца О. Курганского еще до 10 декабря вызвали в особый отдел на работе и потребовали, чтобы он воспрепятствовал сыну покидать квартиру 10-го числа.

---

[1] Сведений о таком политзаключенном не обнаружено — *Сост.*

Кирилл Попов также был предупрежден администрацией 10 декабря о недопустимости его появления в этот день на пл. Пушкина. Попову угрожали увольнением при ближайшей переаттестации.

10 декабря 1981 г. власти в очередной раз наглядно продемонстрировали пренебрежение к собственным законам, к собственной Конституции. Надо отметить, что количество желающих принять участие в традиционной демонстрации в этом году значительно возросло.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
20 декабря 1981 г.

222

Документ № 189

СУД НАД БОРИСОМ ЧЕРНОБЫЛЬСКИМ

9 декабря 1981 г. в городском суде г. Красногорска Московской области слушалось дело Бориса Моисеевича Чернобыльского (1944 г.р., житель г. Москвы, с 1976 г. постоянно получал отказы в удовлетворении своих ходатайств о выезде в Израиль).

В июне 1981 г. Б. Чернобыльский участвовал в традиционной встрече евреев, проходившей в лесу близ станции Опалиха и посвященной Дню победы и памяти евреев — жертв нацизма. Собравшиеся были разогнаны милицией; ряд лиц, в том числе Б. Чернобыльский, были задержаны. Б. Чернобыльского поместили на 3 дня в КПЗ при районном отделении милиции г. Красногорска и предъявили ему обвинение по ст. 191.1 ч. 1 УК РСФСР («Оказание сопротивления работнику милиции или дружиннику без применения насилия»), которое было затем переквалифицировано следствием на ч. 2 той же статьи (то же, но с применением насилия; наказание — до 5 лет лишения свободы). Ему инкриминировалось оказание сопротивления лейтенанту милиции А. Бречко при задержании.

Не веря в беспристрастность следствия, Б. Чернобыльский в конце июня написал заявления прокурору РСФСР и Л. Брежневу с просьбой разобраться в его деле более внимательно. Суд над Б. Чернобыльским назначался дважды, но он не являлся. В начале ноября Б. Чернобыльский вернулся домой в Москву, где жил до своего ареста — 26 ноября 1981 г.

9 декабря здание городского суда в г. Красногорске, где слушалось дело Чернобыльского, было оцеплено милицией и сотрудниками в штатском. В зал никого из друзей и знакомых не допустили.

Прокурор в своей речи заявила, что судебное разбирательство не установило факта умышленного нанесения Чернобыльским удара по руке потерпевшему — лейтенанту милиции Бречко, и налицо лишь факт оказания сопротивления, не связанного с применением насилия. Поэтому следует переквалифицировать обвинение на ч. 1 ст. 191.1 УК РСФСР. Прокурор предложила осудить Б. Чернобыльского по ч. 1 указанной статьи к 1 году лишения свободы в ИТК общего режима.

Адвокат Петров начал свою речь словами:

«За всю 30-летнюю практику в адвокатуре я никогда не встречал такого неправого, заведомо сфабрикованного дела».

Он отметил, что следствие велось предвзято, показания свидетелей противоречивы. Далее Петров приступил к подробному анализу материалов предварительного

следствия. В частности, он потребовал обозреть 1-й лист обвинительного заключения и убедиться, что в статье цифра «1» переправлена на цифру «2» (ч. 1 на ч. 2). Таким образом, отметил адвокат, 10 июня обвинение по ч. 1 ст. 191.1 было «переквалифицировано» на ч. 2 этой же статьи. Комментируя подлог, совершенный следственными органами, адвокат квалифицировал действия следствия как заведомо противозаконные и недопустимые, указал на несоответствие в разных частях обвинительного заключения. В частности, в резолютивной части указано, что Б. Чернобыльский ответил Бречко: «С фашистами не разговариваю... «, в мотивировочной же части в соответствии с показаниями свидетелей указано, что Чернобыльский сказал своим друзьям приблизительно то же самое, что и услышал Бречко.

Далее адвокат отметил, что показания свидетелей защиты и обвиняемого непротиворечивы и не вызвали возражений ни у обвинения, ни у суда, ни у потерпевшего. Показания же свидетелей обвинения весьма противоречивы. Адвокат показал, что Чернобыльский не оказывал сопротивления представителям власти. Он сказал, что может идти речь лишь об оскорблении потерпевшего Бречко, но за оскорбление предусмотрена другая статья УК, а именно — ст. 192.1, по которой и должен нести ответственность обвиняемый. Затем защитник проанализировал возможные причины нанесения оскорбления представителю власти, обратив особое внимание суда на неправомерность действий милиции и дружинников в лесу под Опалихой.

В заключение адвокат сказал, что материалы настоящего судебного разбирательства полностью опровергают вывод обвинительного заключения о виновности подсудимого по ст. 191.1, как ч. 1, так и ч. 2, и демонстрируют предвзятый и необъективный характер предварительного следствия. У суда есть основания для переквалификации статьи обвинения на ст. 192.1.

В последнем слове Б. Чернобыльский не признал себя виновным.

Суд признал Б. Чернобыльского виновным по ст. 191.1 ч. 1 УК РСФСР и приговорил к 1 году лишения свободы с отбыванием наказания в лагере общего режима.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова
21 декабря 1981 г.

223

Документ № 190

О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ И ИХ СЕМЬЯМ[1]

Русский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям основан в 1974 г. Александром Солженицыным из гонораров за все издания книги «Архипелаг ГУЛаг». Фонд постоянно пополняется также за счет пожертвований частных лиц, как за рубежом, так и внутри Советского Союза. Президент Фонда с момента его основания — Наталья Светлова.

С самого момента основания власти крайне неодобрительно относятся к Фонду, и его работа на территории СССР очень затруднена.

[1] В «Хронике текущих событий» № 63 — «О преследовании...». — *Сост.*

До последнего времени репрессиям подвергались только распорядители Фонда: А. Гинзбург был осужден на 8 лет лагерей строгого режима, Т. Ходорович и К. Любарский принуждены эмигрировать, М. Ланда находится в ссылке, постоянное давление испытывала И. Жолковская.

В настоящее время власти усилили «внимание» к Фонду. Давление оказывают на многих, кто принимает участие в его работе. У многих (в частности, у Н. Лисовской и А. Романовой) отключили телефоны, постоянно проводят обыски с изъятием вещей, продуктов и денег; вызывают на допросы в КГБ, увольняют с работы, угрожают административной и судебной расправой. Угрозы начинают приводить в исполнение.

9 декабря Бауманский райсовет принял не основанное на законе решение об административной высылке из Москвы сроком на два года Рушаньи Федякиной, принимавшей участие в деятельности Фонда. Федякина имеет семилетнего сына.

8 декабря в Ленинграде арестован Валерий Репин, также участвовавший в работе Фонда. Утром 8 декабря 1981 г. к Репину пришел неизвестный и передал ему пакет с самиздатом. Вслед за этим человеком явились сотрудники КГБ и после 10-часового обыска арестовали В. Репина. По неподтвержденным сведениям ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). Сейчас Репин находится в следственной тюрьме КГБ.

У распорядителя Фонда Сергея Ходоровича в течение последнего года проведено три обыска, на которых изымались все бумаги и документы, касающиеся деятельности Фонда, что сильно расстроило учет финансовой деятельности за 1981 год.

Действия властей явно направлены на пресечение работы Фонда — единственной благотворительной организации в Советском Союзе.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
22 декабря 1981 г.[1]

224

Документ № 191

ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ АРЕСТА ЮРИЯ ОРЛОВА

10 февраля 1982 г. — пять лет со дня ареста профессора Юрия Орлова. Создав в 1976 г. Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Юрий Орлов положил начало широкому международному общественному движению содействия соблюдению гуманитарных разделов Хельсинкского акта.

С начала 1977 г. власти начали планомерную кампанию репрессий против членов Московской Хельсинкской группы, а также против членов организованных вслед за Московской группой «Хельсинки» аналогичных групп в Литве, Армении, Грузии и на Украине. В настоящее время в тюрьмах, лагерях и ссылке находятся члены Московской группы «Хельсинки», Рабочей комиссии по психиатрии, Инициативной группы защиты прав человека и Комитета защиты прав верующих: Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, А. Подрабинек, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин. Были арестованы и находятся в заключении почти все члены групп «Хельсинки» в республиках.

[1] В «Хронике текущих событий» № 63 датирован 21 декабря 1981 г. — *Сост.*

Юрию Федоровичу Орлову 57 лет, его здоровье подорвано многолетним заключением. Сейчас он в третий раз помещен во внутрилагерную тюрьму, где страдает от холода, голода, подвергается недостойному обращению, лишен свиданий и ограничен в переписке с близкими. Все эти годы ученый лишен возможности продолжать свою работу, а в настоящее время можно опасаться не только за его здоровье, но и за его жизнь.

До тех пор, пока в какой-либо стране, подписавшей Заключительный акт соглашений в Хельсинки, репрессируют людей, выступающих за соблюдение гуманитарных статей Акта, нельзя говорить о выполнении этой страной принятых на себя международных обязательств.

Необходимым условием плодотворного международного сотрудничества и взаимного доверия между странами-участницами совещания в Мадриде является немедленное освобождение членов Хельсинкских групп в СССР и всех узников совести.

Приложение[1]: О положении Юрия Орлова в лагере (письмо И. Валитовой)

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
3 февраля 1982 г.

225

Документ № 192

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАН, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР, ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Харьков

В ноябре 1981 г. в Харькове состоялся суд над А. Парицким, ученым-физиком, обвинявшимся по ст. 187.1 УК УССР (= ст. 190.1 УК РСФСР), евреем-отказником с 1976 г.

Основные пункты обвинения:

1. Размножение на пишущей машинке в двух экземплярах школьного сочинения дочери и отправка его за границу.
2. Заявления в ОВИР, ЦК КПСС, Прокуратуру, Верховный Совет СССР.
3. Неотправленное письмо брату в Израиль, найденное при обыске в письменном столе. Письмо написано в 1978 г.
4. Использование каналов международной телефонной связи для передачи клеветнической информации на Запад.
5. Посещение квартиры Парицких «сионистскими эмиссарами» — семьей Молайн.
6. Клеветнические жалобы на тяжелое материальное положение.
7. Использование заграничными радиостанциями его сообщений.
8. Подписание коллективного письма в ЦК КПСС о тяжелом положении отказников.

В суде А. Парицкий виновным себя не признал и опроверг все пункты обвинения.

В своем последнем слове А. Парицкий, в частности, сказал:

«Я принимал участие в созидательном труде на благо СССР, и мои действия были продиктованы отчаянностью положения, в котором я оказался, подав в 1976 г. заяв-

[1] Не публикуется, воспроизведено в АС № 4616. — *Сост.*

ление на выезд. Неужели я стал бы теперь разрушать клеветническими нападками то, что на протяжении стольких лет создавал, вкладывая в это душу и все свои знания и способности?.. Я прошу суд иметь в виду, что я никогда не предпринимал, не предпринимаю, и впредь не буду предпринимать никаких шагов против советских людей. Но я добивался, добиваюсь и буду добиваться выдачи мне разрешения на выезд в Израиль».

Суд приговорил А. Парицкого к трем годам лагерей общего режима.

Город Майский Кабардино-Балкарской АССР

21 октября 1981 г. состоялся суд над Генрихом Миллером, немцем, ходатайствовавшим о выезде в ФРГ (арестован 27 августа 1981 г.; см. документ № 182). Ему было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 209 УК РСФСР («Злостное уклонение от трудовой деятельности»[1]).

Жене Миллера — М. Дегнер сообщили о суде за час до начала заседания. В зал впустили всего пять человек, в том числе жену и друга Миллера. Прокурора и адвоката не было. На неоднократные требования Миллера и его жены предоставить защитника, судья Шубин ответил, что дела по ст. 209 он обычно рассматривает без адвоката и прокурора.

В начале судебного разбирательства Миллер заявил, что был избит в тюрьме, по его выражению, «подосланными лицами». После избиения Миллер хотел написать жалобу-заявление, но ему не дали бумагу и ручку. В камере во время предварительного следствия с Миллером было 18 человек, большинство из которых курили. Он страдает хроническим бронхитом, но неоднократные просьбы Миллера перевести его в одиночную камеру удовлетворены не были. Медкомиссия, однако, признала состояние его здоровья хорошим, а его — годным к трудоиспользованию на любых работах.

Миллер не работал с 1 января 1981 г. по 18 марта 1981 г.

18 февраля 1981 г. он был официально предупрежден органами милиции о необходимости трудоустроиться в месячный срок, что и было им осуществлено. Из-за необходимости посещать официальные инстанции в связи с поданным им ходатайством о выезде в ФРГ был вынужден периодически не выходить на работу, подавая каждый раз начальству заявление о предоставлении ему однодневного отпуска без сохранения содержания. Такие просьбы не удовлетворялись, и его понизили в должности, предложив работу, которую он не мог выполнять по состоянию здоровья. Миллер перестал выходить на работу и был уволен с 6 августа 1981 года. Приказ об увольнении он получил на руки только 25 августа, а 27 был арестован, не успев обжаловать этот приказ в законном порядке. Таким образом, в данном случае ст. 209 применена незаконно.

Суд признал Миллера виновным и приговорил его к одному году заключения в лагере общего режима. 17 декабря Верховный Суд Кабардино-Балкарской АССР рассмотрел кассационную жалобу Миллера и оставил приговор без изменения, хотя адвокат потребовал немедленного освобождения подзащитного за отсутствием в его действиях состава преступления.

Кишинев

22–25 сентября 1981 г. в Верховном суде Молдавской ССР слушалось дело евреев-отказников Осипа Локшина и Владимира Цукермана, обвинявшихся по ст.ст. 203.1 и 203.3 УК МССР (= ст.ст. 190.1 и 190.3 УК РСФСР; последняя — «организация группо-

[1] Точнее, «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни». — *Сост.*

вых действий, грубо нарушающих общественный порядок»). Им инкриминировали жалобы в официальные инстанции и разговоры с сослуживцами, якобы содержащие клеветнические измышления, а также организацию марша-протеста евреев-отказников к зданию МВД МССР 30 мая 1981 г. Показания обвиняемых и более чем 20-ти свидетелей, участников марша, полностью опровергли обвинение в том, что именно Локшин и Цукерман организовали указанный марш, который сотрудники милиции и КГБ разогнали, не дав ему начаться, и отрицали какие-либо факты нарушения общественного порядка. В переулке у синагоги, где собрались участники марша протеста, автомобилей в это время не было, а немногочисленным пешеходам собравшиеся не мешали.

Цукерман и Локшин виновными себя не признали, а их адвокаты потребовали освобождения подзащитных, так как в их действиях нет состава преступления.

Суд признал Локшина и Цукермана виновными по ст.ст. 203.1 и 203.3 и приговорил каждого к лишению свободы сроком на три года с отбыванием наказания в лагере общего режима.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
2 марта 1982 г.

226

Документ № 193

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЕМЬИ ПОДРАБИНЕКОВ

Повторно осужденные братья Александр и Кирилл Подрабинек (см. документы №№ 155, 168) постоянно подвергаются репрессиям в местах лишения свободы.

В нарушение ст. 19 ИТК РСФСР Кирилла Подрабинека постоянно переводят из одного лагеря в другой. В течение 1981 г. он был переведен первоначально из Елецкой тюрьмы в Ново-Ульяновск, затем в Углич, Ярославль и в конце декабря — в тюрьму г. Тобольска. Кирилл страдает туберкулезом в открытой форме. Вместо лечения он беспрерывно находится в этапе, что значительно ухудшает и без того тяжелые условия заключения, а учитывая состояние его здоровья — угрожает его жизни.

Александр Подрабинек 25 августа 1981 г. был помещен в ШИЗО; через 14 суток его выпустили на 4 дня, после чего снова поместили в ШИЗО, где в нарушение ст. 53 ИТК РСФСР его продержали безвыходно до 5 января 1982 г. — 115 суток.

Режим содержания в ШИЗО предусматривает выдачу заключенному пищи только через день. Таким образом, помимо холода, отсутствия постельных принадлежностей и даже матраца, человек в ШИЗО страдает и от голода.

В настоящее время Александр Подрабинек находится во внутрилагерной тюрьме, а представители администрации (подполковник Гаврилов) открыто заявляют, что Александр получит очередной срок внутрилагерной тюрьмы, либо будет переведен в закрытую тюрьму.

Отца братьев Подрабинек — Пинхоса Абрамовича Подрабинека — регулярно вызывают на «беседы» в КГБ. В настоящее время вынесено необоснованное решение суда о его выселении из занимаемой им комнаты в г. Электросталь.

Мы обращаем внимание общественности на жестокие преследования всей семьи Подрабинеков и выражаем тревогу за жизнь и здоровье Кирилла и Александра.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
2 марта 1982 г.

227

Документ № 194

ОСУЖДЕНИЕ ЧЛЕНА МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ» ИВАНА КОВАЛЕВА

31 марта — 2 апреля 1982 г. Московский городской суд в помещении Бабушкинского районного суда рассмотрел дело известного правозащитника Ивана Ковалева (1954 г.р.), обвинявшегося по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). Председательствовал судья Богданов, обвинял прокурор Захаров, в качестве защитника выступал адвокат Швейский.

Иван Ковалев был арестован 25 августа 1981 г. (см. документ № 181), до суда находился под стражей в Лефортовской тюрьме КГБ.

Приговором суда он признан виновным и осужден к 5 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Как обычно, формально открытый процесс проходил фактически при закрытых дверях. Здание Бабушкинского районного суда, расположенное на окраине Москвы, было оцеплено сотрудниками милиции и КГБ. В небольшой зал, заполненный специально подобранной публикой, были допущены только мать и сестра И. Ковалева. Друзей и знакомых не только не пустили на процесс, но грубо выгоняли с территории двора здания суда, из-за чего никому из них не удалось даже увидеть Ивана Ковалева.

Ивану Ковалеву было вменено в вину изготовление, хранение и распространение «Хроники текущих событий», ряда документов Московской группы «Хельсинки» (о высылке академика Сахарова, о суде над Лавутом, о вводе советских войск в Афганистан и др.), информационных сборников «В»[LXXXXXVII] о положении политзаключенных и нарушениях прав человека в СССР, правозащитных писем, обращений и публицистических статей, хранение и распространение книг Солженицына, Максимова, газеты «Русская мысль», а также устная антисоветская агитация и пропаганда.

На протяжении всего предварительного следствия и в суде И. Ковалев не признал себя виновным ни по одному эпизоду обвинения, активно и мужественно защищал не только себя, но и общее естественное право каждого человека свободно мыслить, говорить и писать, собирать и распространять правдивую информацию. В своих подробных объяснениях, данных суду 31-го марта и 1-го апреля, И. Ковалев проанализировал и опроверг предъявленные ему обвинения и аргументированно доказал, что ни он, ни его друзья-правозащитники не ставили и не ставят перед собой цель ослабления или свержения советской власти; отвергают какое-либо насилие и противоправными считают не свои действия, а действия тех должностных лиц, которые вопреки советским законам и международным обязательствам нарушают права человека в СССР.

И. Ковалев заявил суду более 20 ходатайств об истребовании документов, вызове свидетелей для доказательства его доводов, опровергавших обвинение. Однако все эти ходатайства были судом отклонены.

Никто из девяти допрошенных в ходе процесса свидетелей не подтвердил обвинения в устной антисоветской агитации и пропаганде, в распространении антисоветской литературы. Такое подтверждение содержалось только в показаниях не явившегося в суд свидетеля Ахутина, которые были зачитаны в суде.

Прокурор, игнорируя все доказательства, содержащиеся в объяснениях И. Ковалева и в показаниях свидетелей в суде, практически повторил обвинительное заключение и в своей речи подчеркнул, что данный процесс носит политический характер. Таким образом, сам представитель обвинения опроверг утверждение официальной

советской пропаганды о том, что в СССР нет политических процессов и политических преступников.

Адвокат в своей защитительной речи отметил, что в действиях подзащитного он не находит состава преступления по ст. 70 УК РСФСР, и просил оправдать И. Ковалева.

Отклонив в начале судебного заседания все многочисленные ходатайства Ивана Ковалева, суд существенно нарушил его право на защиту. В конце процесса было допущено еще одно серьезное нарушение советского уголовно-процессуального законодательства — фактически И. Ковалев был лишен возможности произнести тщательно подготовленное им последнее слово.

Ивану Ковалеву удалось сказать лишь следующее:

«Два русских поэта, два Александра писали: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно...» (А. Грибоедов, 1825 г.); и: «Как каменный лес, онемело стоим мы на том рубеже… где слово — не только не дело, но даже не слово уже...» (А. Галич, 70-е годы нашего века)».

Далее И. Ковалев продолжал:

«Прокурор назвал это дело политическим, и он прав — этот процесс политический. У меня есть просьба к суду, но я скажу о ней позже. А сейчас я хочу заявить, что полностью и единолично беру на себя ответственность за издание и распространение информационных сборников «В», упомянутых в обвинительном заключении...».

Судья перебил И. Ковалева, заявив, что это не имеет отношения к делу. И. Ковалев не согласился с этим и пояснил, что издание этих сборников очень важно для сохранения более полной и объективной информации о происходящих событиях. Попытки И. Ковалева продолжить свое последнее слово через 2-3 минуты были прерваны судьей, который вместе с заседателями встал и пошел из зала. Вдогонку уходящему судье И. Ковалев крикнул:

А просьба моя к суду была — не врать в приговоре!

Приговор практически повторил обвинительное заключение, никак не отразив того, что происходило в судебном заседании.

Во время чтения приговора И. Ковалев сел. Находившаяся в зале его сестра заплакала. Судья прервал чтение приговора и потребовал, чтобы И. Ковалев встал. Подсудимый ответил, что он не желает принимать участия в лживой процедуре. По распоряжению судьи конвой удалил И. Ковалева из зала. Уходя, И. Ковалев успел крикнуть:

— Горячий привет и любовь всем, кто за стеной!

Чтение приговора было закончено в отсутствие подсудимого.

Отец Ивана Ковалева — известный ученый-биолог, один из зачинателей правозащитного движения в СССР Сергей Ковалев, после отбытия 7 лет заключения находится в тяжелых условиях ссылки под Магаданом и тяжело болен. Жена Ивана — Татьяна Осипова, член Московской группы «Хельсинки», осужденная ровно год назад к 5 годам заключения и 5 годам ссылки по той же статье 70 УК РСФСР, томится за колючей проволокой в Мордовских лагерях строгого режима. Все члены этой семьи разлучены на длительный срок и не имеют возможности даже изредка видеть друг друга.

Так расправилось советское «правосудие» с семьей мужественных людей, которые пытались воспользоваться формально признанным советскими законами правом публично и свободно высказывать свои убеждения.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
2 апреля 1982 г.

228

Документ № 195

О ПРЕКРАЩЕНИИ РАБОТЫ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ»

31 июля 1975 г. СССР, страны Европы, США и Канада подписали Заключительный акт Совещания в Хельсинки. В мае 1976 г. была основана Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Работа Группы заключалась в подготовке и публикации документов, содержащих информацию о нарушениях прав отдельных граждан и групп населения в СССР — прав, декларированных Хельсинкским актом и другими международными соглашениями, подписанными и ратифицированными правительством СССР.

За время работы Московской группы «Хельсинки» были подготовлены и опубликованы 194 документа. Все они адресованы главам государств, подписавшим Хельсинкский акт. Вскоре после основания Московской группы были созданы аналогичные группы на Украине, в Литве, Армении и Грузии, а также в некоторых западных странах. Таким образом, Хельсинкское движение приобрело международный характер.

В Советском Союзе Хельсинкские группы жестоко преследовались с момента их появления, и в настоящее время в заключении и ссылке находятся следующие члены Московской группы «Хельсинки», Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и других общественных групп, сотрудничавших с ними: Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, И. Ковалев, А. Подрабинек, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин. Арестованы и находятся в заключении почти все члены групп «Хельсинки» в Армении, Грузии, Литве и на Украине. После ареста Ивана Ковалева 25 августа 1981 г. в Московской группе «Хельсинки» осталось три человека, и она была поставлена в условия, при которых дальнейшая работа стала невозможной.

23 декабря 1981 г. было возбуждено уголовное дело против одного из трех оставшихся членов группы — С. В. Каллистратовой. 6 сентября 1982 г. ей предъявлено обвинение по ст. 190.1 УК РСФСР, основными пунктами которого являются именно документы Московской группы «Хельсинки» с № 69 по №181.

* * *

В сложившейся обстановке группа не может выполнять взятые на себя обязанности и под давлением властей вынуждена прекратить свою работу.

Члены Московской группы «Хельсинки»:
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман
6 сентября 1982 г.

КОММЕНТАРИИ

[I] Ст. 190.1 УК РСФСР — введена в Уголовный Кодекс в сентябре 1966 г. (затем ее аналоги вошли и в законодательство других союзных республик). Предусматривала лишение свободы на срок до трех лет за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В течение более чем 20 лет широко применялась для уголовного преследования советских инакомыслящих, прежде всего авторов и распространителей сам- и тамиздата, а также против лиц, позволявших себе устную критику режима. Отменена Указом ПВС РСФСР в апреле 1989 г. Согласно Закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. все осужденные по этой статье реабилитированы независимо от фактической обоснованности обвинения.

[II] Всеобщая декларация прав человека — первый международно-правовой акт, в котором были сформулированы основные гражданские, политические и социально-экономические права человека. Утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. День ее принятия — 10 декабря — был объявлен Международным днем защиты прав человека. СССР при утверждении Декларации воздержался, текст декларации печатался в Советском Союзе малыми тиражами в специальных изданиях. С середины 1960-х гг. Декларация начала широко распространяться в самиздате, ее машинописные копии неоднократно изымались на обысках. О ее нарушениях см. документ № 69 (док. 103).

[III] Инициативная группа по защите прав человека в СССР (ИГ) — первая в СССР независимая правозащитная ассоциация. Возникла в мае 1969 г. по инициативе Петра Якира (см. прим. CIII) и Виктора Красина. Кроме них, в группу вошли еще 9 москвичей: Татьяна Великанова, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Александр Лавут, Анатолий Левитин (Краснов), Юрий Мальцев, Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович, Анатолий Якобсон, ленинградец Владимир Борисов, жители Украины Генрих Алтунян, Леонид Плющ (см. прим. VI) и крымский татарин Мустафа Джемилев. Группа обращалась в международные организации (по преимуществу в ООН) с посланиями, в которых сообщалось о нарушениях прав человека в СССР. Документы ИГ распространялись в самиздате, их печатала западная пресса, передавали зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР. Большинство членов ИГ в 1969–1979 гг. подверглись репрессиям. Фактически деятельность группы прекратилась в 1976 г.

[IV] «Международная Амнистия» (Amnesty International, Эмнести Интернейшнл, МА) — независимая неполитическая международная организация, выступающая в защиту и осознание основных прав человека. Основана в 1961 г. Конкретной целью МА является защита людей, лишенных свободы за свои убеждения в различных странах мира. Руководит ее работой Международный Секретариат в Лондоне. МА имеет филиалы (секции) в более чем 40 странах и многочисленные местные группы в 176 странах. Получила официальный статус советника ООН по правам человека, в 1977 г. МА удостоилась Нобелевской премии Мира. В 1973 г. в Москве была основана советская секция МА во главе с Валентином Турчиным, секретарем секции стал Андрей Твердохлебов. Секция выступала в защиту узников совести в Польше, Чехословакии, Югославии, Испании. В 1977 г. после эмиграции Турчина из СССР председателем секции стал писатель Георгий Владимов. В 1983 г., в результате кампании по разгрому организованных форм инакомыслия в СССР, деятельность группы фактически прервалась.

[V] «Из-под глыб» — сборник общественно-политических, исторических, философских статей о России и русской культуре; развивал традиции религиозно-философских сборников начала XX века «Вехи» и «Из глубины». Был составлен в Москве в 1973–1974 гг. Александром Солженицыным и Игорем Шафаревичем. Презентация сборника, вышедшего в Париже

в издательстве «YMCA-press», состоялась одновременно в Москве и Цюрихе в ноябре 1974 г. Сборник представлял собой манифест православного и национально-авторитарного течения в российском инакомыслии, он был переведен на несколько иностранных языков и вызвал ожесточенную полемику на родине и в эмиграции.

[VI] Леонид Иванович Плющ (р.1939) — советский правозащитник, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР (см. прим. III), жил в Киеве, подвергался психиатрическим преследованиям. В результате международной кампании в его защиту, в организации которой деятельное участие приняла Татьяна Ходорович, был освобожден и в январе 1976 г. выехал из СССР во Францию.

[VII] Лидия Вячеславовна Воронина (р.1947) — принимала участие в деятельности МХГ, см. ее отчеты «Обыск у Л.Ворониной» в документе №16 и «Отчет о поездке в общины пятидесятников станицы Старо-Титаровская Краснодарского края и гор. Находки». Эмигрировала из СССР в январе 1977 г.

[VIII] «Инициативный комитет против злоупотреблений психиатрией в политических целях» — сведений о существовании такого комитета в 1976 г. не обнаружено.

[IX] Международный пакт о гражданских и политических правах — принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. Вступил в силу 23 марта 1976 г.

[X] «Хроника текущих событий» (ХТС) — машинописный информационный правозащитный бюллетень (1968–1983, 64 выпуска). Издавался в Москве. Редакторский тираж ХТС составлял 8 экз., в дальнейшем каждый из них перепечатывался в Москве и в других городах СССР, общий тираж предположительно достигал нескольких сот экземпляров. Все 15 лет КГБ преследовал издателей «Хроники», и состав ее редакции часто менялся. Редактировали бюллетень в разное время Наталья Горбаневская, Татьяна Великанова, Сергей Ковалев, Александр Лавут, Елена Сморгунова, Борис Смушкевич, Габриэль Суперфин, Юрий Шиханович, Анатолий Якобсон и другие. Все выпуски ХТС были переизданы типографским способом за границей в 1969–1983 издательствами «Посев», Фонд им. Герцена, «Хроника-Пресс». Издание «Хроники» прекратилось вскоре после самороспуска МХГ. ХТС сыграла историческую роль в возникновении в СССР зачатков независимой печати и общественного движения. Она фактически положила начало периодике Самиздата, сыграла определяющую роль в консолидации правозащитного движения в стране и была летописью этого движения (см. документ № 48 (док. 82)).

[XI] Места лишения свободы, в которых содержались советские политзаключенные (ОД-1-ст-2, ЖХ-385, ВС-389).

[XII] Ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР и ее аналоги в уголовных кодексах союзных республик заменили собой ст.58-10 предыдущего УК РСФСР, действовавшего с 1926 г. Новая формулировка статьи была введена Законом СССР об уголовной ответственности за государственные преступления (ст.7) в 1958 г. В 1961 г. этот состав вошел в УК РСФСР (ст.70) и кодексы других союзных республик: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, — наказываются лишени-

ем свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки» (текст приводится в ред. Закона РСФСР от 25 июля 1962 г.).

С 1958 по 1966 гг. — основной уголовно-правовой инструмент для преследования за практически любые проявления инакомыслия. С 1966 г. после введения ст. 190.1 (см. прим. I), 190.2, 190.3 и их аналогов в уголовное законодательство союзных республик по ст. 70 стали караться только наиболее опасные с точки зрения власти «антисоветские» проявления.

Изменена коренным образом Указами Президиума Верховного Совета СССР (1989 г.) и Верховного Совета РСФСР (11 сентября 1990 г.). Согласно Закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. все осужденные по этой статье (до 11 сентября 1990 г.) реабилитированы независимо от фактической обоснованности обвинения. (См. также преамбулу документа № 6).

[XIII] «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования» — принята 14 декабря 1960 г. Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на ее 11 сессии. Вступила в силу 22 мая 1962 г.

[XIV] Совет родственников узников Евангельских Христиан-баптистов — правозащитная и благотворительная ассоциация, созданная в феврале 1964 г. в ответ на гонения властей на независимые баптистские общины. Совет занимался сбором информации об арестах и осуждениях баптистов, об отобраниях детей у родителей за воспитание в религиозном духе, о притеснениях в отношении детей верующих в школах, о внесудебных преследованиях (разгоны молитвенных собраний, конфискации, штрафы, увольнения с работы). Ходатайствовал в защиту преследуемых в органы власти, оказывал моральную и материальную помощь узникам и их семьям. С 1971 г. Совет издавал неподцензурный информационный бюллетень (выходил поначалу раз в два месяца, затем ежемесячно). Организатором Совета и его председателем в течение 15 лет была Лидия Винс.

[XV] «Вече» — самиздатский журнал, орган русских националистов. Издавался с января 1971 г. по март 1974 г. (вышло 10 номеров). Основатель и редактор №№ 1–9 журнала — Владимир Осипов. Журнал выходил в среднем 3 раза в год, печатался на машинке (объем номера составлял около 300 стр.), редакционный тираж — несколько десятков экземпляров. Публиковал статьи, исследования, эссе, очерки, рецензии по проблемам внутренней и внешней политики, экономики и культуры России дореволюционного и советского периода. Хотя журнал издавался открыто, его редактор постоянно подвергался преследованиям, экземпляры «Веча» изымались на обысках.

[XVI] Перечислены члены подпольных кружков «Демократическое движение Советского Союза», «Демократическое движение Эстонии», «Эстонский народный фронт», действовавших в Эстонии с 1969 г. и в конце 1974 г. раскрытых КГБ.

[XVII] Спецпсихбольницы (СПБ) — лечебницы, находившиеся до 1989 г. в системе МВД. В СПБ направлялись лица, совершившие преступления и признанные судебно-психиатрической экспертизой невменяемыми. Режим и условия содержания в них зачастую был тяжелее тюремного. С 1950-х гг. целенаправленно использовались для изоляции инакомыслящих.

[XVIII] Всесоюзный научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии имени профессора В.П.Сербского (Москва) — центральное государственное учреждение, осуществлявшее в СССР проведение судебно-психиатрических экспертиз лиц, привлеченных к уголовной ответственности. С середины 1930-х гг. Институт стал обслуживать политические заказы власти. Ряд подразделений института фактически был в ведении органов государственной безопасности. Роль Института как орудия карательной психиатрии получила международную огласку благодаря усилиям московских правозащитников.

[xix] Инструкция Министерства здравоохранения СССР № 06–14–43 от 26 августа 1971 г., регулировавшая порядок «неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность». Отменена в 1989 г.

[xx] «Официальные предупреждения КГБ» — выносились на основании Указа ПВС СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». Указ предусматривал, что органы госбезопасности могут выносить лицам, «действия которых граничат с преступлением», предупреждение. Оно оформлялось протоколом, который предупреждаемое лицо должно было подписать. До середины 1980-х постоянно применялись как мера психологического давления на инакомыслящих.

[xxi] «Конвенции № 87, 98 и 111» — приняты Международной организацией труда (СССР вступил в МОТ в 1954 г.). «Конвенция 87» о свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы вступила в силу 4 июля 1950 г. «Конвенция 98» о применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров вступила в силу 18 июля 1951 г. «Конвенция 111» о дискриминации в области труда и занятий вступила в силу 15 июня 1960 г. Все конвенции к 1976 г. были ратифицированы СССР.

[xxii] Положение об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (Ведомости ВС СССР, 1966, 27 июля, №30, ст.597). Дополнены указом ПВС СССР от 12 июня 1970 (там же, 1970, №24, ст.206).

[xxiii] В апреле 1976 г. на нескольких трамваях и зданиях Ленинграда О. Волков и Ю. Рыбаков выполнили надписи «Свободу политзаключенным!», «Свободу Андрею Твердохлебову!» (суд над ним ожидался в эти дни). В августе лозунги против подавления свободы появились на стене Петропавловской крепости и других зданиях в самом центре Ленинграда. Волков и Рыбаков были осуждены в марте 1977 г., Ю.Вознесенская в декабре 1976 г. была приговорена к ссылке.

[xxiv] «»Забастовка рыбного дня» в Рижском порту» — во время суда над Ю.Орловым в мае 1978 г. свидетель из Риги (сам не работавший в порту) опровергал сведения о том, что такая забастовка состоялась.

[xxv] «Положение колхозников в этом отношении особо уязвимо — ведь у них нет паспортов» — до 1974 г. большинство сельских жителей СССР не имели паспортов, всеобщая паспортизация, начавшаяся в этом году, вероятно, к 1976 г. еще не завершилась.

[xxvi] «Датский комитет прав человека имени Сахарова» — известен также как форум «Международные Сахаровские слушания», основан в 1974 г. с целью сбора и анализа данных о положении с правами человека в СССР и привлечения к этой проблеме международного внимания. Инициатором создания форума был датчанин О.Ф. Андресен, первые слушания состоялись в Копенгагене в октябре 1975 г.

[xxvii] Украинская Хельсинкская группа (Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, УХГ) — правозащитная ассоциация, основана в ноябре 1976 г. по образцу МХГ и при участии ее члена Петра Григоренко. До конца 1980 г. УХГ выпустила 30 деклараций и обращений. К 1981 г. все члены УХГ оказались в заключении или эмиграции. Возобновила свою деятельность в 1988 г. (см. также «Рождественские репрессии против Украинской группы…» (док. 35), «Процесс Руденко-Тихого» (док. 57), документы №№ 41 (док. 76), 59 (док. 94), 102 (док. 138), 157 (док. 191), 163 (док. 197))

[xxviii] «… появится статья о разрядке «Третье не дано», написанная двумя авторами… « — статья под заголовком «Tertium datur — третье дано» появилась в парижском журнале «Конти-

нент» (1976, № 9), соавтором Марченко была его жена Лариса Богораз, подписавшаяся псевдонимом М.Тарусевич.

[xxix] По Постановлению Государственного Комитета Обороны СССР с 18 по 20 мая 1944 г. все татарское население Крыма (обвиненное в сотрудничестве с гитлеровцами в период оккупации Крыма нацистской Германией) было насильственно переселено в Среднюю Азию (в основном на территорию Узбекской ССР). До 1956 г. крымские татары жили там на положении ссыльных (спецпоселенцев).

[xxx] Указ ПВС СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» (текст см. в приложении к документу № 24), отменял предыдущие решения государственных органов в части, содержавшей огульные обвинения в отношении «граждан татарской национальности, проживавших в Крыму», но одновременно утверждал, что татары «укоренились на территории Узбекской и других союзных республик». Отменен Постановлением Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г.

[xxxi] «Химия» — неофициальное название одной из форм наказания в советском исправительно-трудовом законодательстве. Заменяла собой лишение свободы в колонии. Осужденные должны были принудительно работать на заводах и стройках и жить под административным надзором в специальных общежитиях. Возникновение названия, скорее всего, относится ко временам Хрущева, когда было предпринято массовое строительство химических заводов.

[xxxii] Валентин Иванович Зосимов (Засимов) (р.1939) — военный летчик, после выдачи в СССР осужден к 12 годам лишения свободы за «измену родине», освобожден в 1988 г.

[xxxiii] Международная лига прав человека (International League for the Rights of Man) — неполитическая, неправительственная ассоциация, основана в Нью-Йорке в 1942 г. В 1971 г. в качестве ассоциированного члена в Лигу вошла советская независимая ассоциация — Комитет прав человека (см. прим. XXXIII).

[xxxiv] Ст.142 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» и ст.227 «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

[xxxv] 15 октября 1970 г. советские граждане, отец и сын Пранас и Альгирдас Бразинскасы захватили пассажирский самолет внутренних авиалиний, совершавший полет над Черным морем, и вынудили пилотов посадить его в Турции. Во время захвата погибла бортпроводница самолета. Советская пропаганда активно использовала этот инцидент для дискредитации желавших покинуть СССР. Несмотря на требования советских властей, Бразинскасы, попросившие политического убежища, не были выданы и отбыли наказание в Турции.

[xxxvi] Анджела Дэвис (р.1944) — деятельница американского коммунистического движения, предстала в США перед судом по обвинению в уголовном преступлении. В СССР была удостоена Международной Ленинской премии.

[xxxvii] «Ленинская осьмушка хлеба» — население городов России в годы Гражданской войны получало скудный хлебный паек, понижавшийся временами до 1/8 фунта (ок. 50 г). Одним из навязчивых сюжетов советской пропаганды были утверждения о том, что Ленин тоже скромно питался, требуя, чтобы его снабжали так же, как и рядовых граждан.

[xxxviii] Документальные сборники о политических процессах над инакомыслящими: «Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года», «Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади», «Процесс четырех : Сб. материалов по делу А.Гинзбурга, Ю.Галанскова, А.Добровольского и В.Лашковой», «Шесть дней. «Белая книга». Судебный процесс Ильи Габая и Мустафы Джемилева».

[XXXIX] В мае 1977 г. К. Симес был уволен с работы и лишен ученых степеней, Каминскую отчислили из коллегии адвокатов. Оба они подверглись допросам в КГБ и вскоре под угрозой ареста были вынуждены эмигрировать из СССР.

[XL] Литовская Хельсинкская группа (Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в Литве; ЛХГ) — первая открытая правозащитная ассоциация в Литве. Основана 25 ноября 1976 г. по примеру и в тесном контакте с МХГ. Декларация о создании ЛХГ и два первых документа были оглашены 1 декабря 1976 г. в Москве на пресс-конференции для иностранных журналистов. До конца 1981 г. ЛХГ обнародовала около 30 документов и несколько обращений (22 из которых достигли Запада), некоторые из них были выпущены совместно с МХГ. Власти стремились пресечь деятельность ЛХГ, ее члены подвергались репрессиям. В 1981 г., когда на свободе из членов группы осталась только престарелая Она Лукаускайте-Пошкене, деятельность ЛХГ фактически прекратилась. Группа была восстановлена в 1988 г. и действует до настоящего времени.

[XLI] «Датский комитет Сахаровских чтений» — см. прим. XLI.

[XLII] Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) — политическая партия русских эмигрантов. Основана в 1930 г. С 1952 г. центральные органы НТС размещались во Франкфурте-на-Майне. Союз пропагандировал свержение советской власти в СССР. В 1960–1970-е гг. НТС приложил много сил для установления контактов с инакомыслящими в СССР. Обвинение в связях с НТС зачастую использовалось КГБ для компрометации участников диссидентского движения. В 1990 г. НТС был легализован на родине.

[XLIII] Фламандский комитет солидарности (сотрудничества) с Восточной Европой — общественная организация, располагалась в г. Антверпен (Бельгия), взаимодействовала с НТС (см. прим. XLIII), члены Комитета, приезжая в СССР по туристским визам, ввозили в страну книги советских инакомыслящих, изданные за рубежом, проводили акции в защиту преследуемых по политическим мотивам.
В документе упомянут гражданин Бельгии Х.Себрехтс, посетивший СССР в марте 1970 г. Он был арестован органами КГБ, дал показания, от которых, по возвращению на родину, отказался.

[XLIV] Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях (РК) — правозащитная ассоциация, о создании которой было объявлено 5 января 1977 г. Основана при МХГ, по инициативе Александра Подрабинека. За время своего существования РК отправила в различные организации, официальные инстанции несколько сотен писем, заявлений, обращений. Многие обращавшиеся за помощью в РК имели возможность получить заключение независимого эксперта (врача-психиатра, консультанта РК) о своем психическом здоровье. Комиссия оказывала материальную помощь узникам психиатрических больниц и их родственникам. Существовала до 1981 г., когда были арестованы последние члены Комиссии (об их судьбе см. в документах №№ 123 (док. 158), 129 (док. 162), 136 (док. 169), 144 (док. 177), 154 (док. 188), 162 (док. 196), 175, 176 (док. 209, 210), 178 (док. 212)).

[XLV] Русский общественный фонд помощи политическим заключенным и их семьям (Солженицынский фонд) — благотворительная организация, основанная в апреле 1974 г. в Швейцарии Александром Солженицыным для оказания помощи лицам, преследуемым в СССР по политическим мотивам (заключенным, находящимся в ссылке, высланным, арестованным и находящимся под следствием, поднадзорным и помещенным в психиатрические больницы), и их семьям. Президент Фонда — жена писателя Наталья Солженицына (Светлова). Распорядителями Фонда в СССР были: с апреля 1974 г. — Александр Гинзбург, с февраля 1977 г. — Мальва Ланда, Кронид Любарский, Татьяна Ходорович, с ноября 1977 г. — Ирина Жолковская (Гинзбург) и Сергей Ходорович, с февраля 1980 г. — С.Ходорович. В апреле

1983 г. его сменил Андрей Кистяковский. Финансирование Фонда осуществлялось на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ» и на добровольные пожертвования, в том числе собиравшиеся внутри страны. Средства распределялись распорядителем Фонда лично или через помощников. Фонд оказывал разовую помощь выходящим из заключения, оплачивал поездки родственников на свидания к политзаключенным, судебные расходы, помогал семьям политзаключенных, в которых были дети. Распорядители Фонда и их помощники, а также те, кому помогал Фонд, постоянно подвергались в СССР судебным и внесудебным преследованиям (см. документ № 190). Под нажимом властей, а также из-за внутренних разногласий деятельность Фонда в СССР в начале 1984 г. была фактически парализована. Фонд возобновил свою работу в России в 1994 г.

[XLVI] Самиздатский бюллетень «Хроника текущих событий» (см. прим. X) и приложение к ней «Архив «Хроники»» печатались в США в издательстве «Хроника-пресс». Это издательство выпускало также бюллетень «Хроника защиты прав в СССР».

[XLVII] Комитет прав человека — независимая общественная организация, созданная в СССР в ноябре 1970 г. для изучения проблемы обеспечения и пропаганды прав человека. Комитет действовал на основании «Принципов» и «Регламента», в которых декларировалась приверженность ассоциации положениям Всеобщей декларации прав человека (см. прим. II). Членами-основателями Комитета стали московские физики Валерий Чалидзе (он был инициатором создания ассоциации), Андрей Сахаров и Андрей Твердохлебов. В 1971 г. Комитет стал первой независимой организацией в СССР, получившей международный статус — он присоединился к Международной лиге прав человека (см. прим. XLVII) и Международному Институту прав Человека (Институт Р.Кассена). Комитет подготовил доклады и записки по таким проблемам, как: право на защиту в советском суде; права лиц, признанных психически больными, принудительные психиатрические госпитализации по политическим мотивам; определение понятий «политзаключенный» и «тунеядец»; права насильственно переселенных народов; советское законодательство о религии. Комитет принял несколько обращений в советские и международные инстанции по изученным им вопросам. Материалы Комитета распространялись в СССР в самиздате, в 1972 г. за границей был выпущен сборник его документов. Советские власти относилось к самому факту существования неподконтрольной им общественной организации (деятельность которой получила широкий международный резонанс) с явным недоброжелательством. Были предприняты меры к «выдавливанию» активистов Комитета в эмиграцию. В 1973 г. заседания Комитета собирались все менее регулярно и к концу года прекратились.

[XLVIII] «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» (см. прим. XIV), «Братский листок», «Вестник спасения» — неподцензурные издания баптистов.

[XLIX] «Дело № 46012/18–76» — впоследствии в 1979 г. по данному делу в разных городах СССР было проведено еще несколько обысков у членов редакций неподцензурных периодических изданий, в частности «Хроники текущих событий» (см. документы №№ 82 (док. 115), 86 (док. 119), 104 (док. 140)).

[L] Тамиздат — обобщенное название для литературы, издававшейся на русском языке за пределами СССР и нелегально ввозившейся в страну.

[LI] «Верный свидетель» — подпольное издательство Церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня (см. прим. LII). С 1978 г. КГБ вел активный поиск типографии, были проведены сотни обысков, арестованы свыше 70 человек. О репрессиях против сотрудников издательства см. в документе № 95 (док. 128).

[LII] Церковь адвентистов седьмого дня (адвентисты) — христианское религиозное объединение, возникшее в США в 1844 г. В России существует с конца XIX в. В 1928 г. руковод-

ство объединения под давлением государства приняло решение отказаться от двух заповедей Церкви, запрещавших адвентистам служить в армии и работать в субботние дни. После этого большинство верующих ушло в подполье (добавив к названию конфессии слова «верных и свободных») и до конца 1980-х гг. подвергалось гонениям. В 1970-е гг. лидеры адвентистов установили связи с московскими правозащитниками. В своих воспоминаниях Ю.Орлов писал о том, что в подпольном издательстве адвентистов «Верный свидетель» (см. прим. LI) печатались бланки для документов МХГ. Пресвитер адвентистов В.А.Шелков поддержал документ №26 (док. 62).

[LIII] «The trial of the four» — перевод на англ. яз. документального сборника «Процесс четырех : Сб. материалов по делу А.Гинзбурга, Ю.Галанскова, А.Добровольского и В.Лашковой».

[LIV] «Политический дневник. 1964–1970 гг.» — ежемесячный машинописный бюллетень, издававшийся в Москве в 1964–1971 гг. под редакцией Р.Медведева (всего вышло 75 номеров, тираж достигал 20 экземпляров). В 1972–1975 гг. частично переиздан на Западе. Освещал разнообразные вопросы внутри- и внешнеполитической жизни СССР, включал рефераты и переводы работ ученых и политиков Запада и социалистических стран. Факты подавались в духе зарождавшегося в те годы на Западе еврокоммунизма.

[LV] Воспоминания Ю. Гастева о студенческой компании, члены которой подверглись репрессиям в середине 1940-х гг.

[LVI] Национальная объединенная партия Армении (НОП) — оппозиционная политическая партия, созданная в Ереване в 1966 г. Имела программу и устав, представляла собой конгломерат подпольных кружков. Ставила своей целью достижение политической независимости Армении. Члены НОП распространяли листовки, устраивали акции протеста, выпускали подпольную периодику. В 1968 г. НОП была раскрыта КГБ, а ее руководители арестованы. Деятельность партии возобновилась в 1973 г., ее лидером стал Паруйр Айрикян. Он изменил устав и программу НОП, дополнив ее разделом о правах человека и требованием референдума как демократического пути к независимости. После нового ареста (1974 г.) Айрикян пропагандировал идеи НОП в политических лагерях и принял в члены партии многих политических заключенных других национальностей. В 1977 г. Айрикян открыто объявил себя руководителем НОП. В годы горбачевской перестройки члены НОП стали активными участниками движения за независимость Армении.

[LVII] Общественный комитет «Свободу Петру Старчику» — ассоциация советских инакомыслящих, образована 14 октября 1976 г. после принудительной госпитализации П.Старчика (о нем см. в документе №8 (док. 15)) в психиатрическую больницу. В комитет вошли Т. Великанова, А. Гинзбург, священник С. Желудков, В. Капитанчук, Л. Регельсон, иеродиакон Варсонофий (Борис Хайбулин), Т. Ходорович, священник Г. Якунин. Члены комитета разослали письма в различные зарубежные общественные и государственные организации (в частности, во Всемирный Совет Церквей и в Конгресс США). В своих обращениях комитет взял под защиту и другие жертвы психиатрических преследований. В ноябре 1976 г. Старчик был освобожден.

[LVIII] «Комитет защиты прав человека Армении» — сведений не обнаружено. Вероятно, первоначальное название Армянской Хельсинкской группы (см. прим. LXXXV), одним из основателей которой стал Э.Арутюнян.

[LIX] «Взрывы в московском метро» — 8 января 1977 г. в Москве произошли три взрыва (один из них в метро), повлекшие за собой человеческие жертвы. Советская печать, обычно замалчивавшая подобные события, на этот раз поместила сообщение о произошедшем, никак его не комментируя. Журналист, бывший политзаключенный сталинских лагерей, Виктор Луи, с 1950-х гг. работавший московским корреспондентом английской газеты «Evening

news» и специализировавшийся на «утечках» в западную печать сенсационной информации (в т.ч. и о советских инакомыслящих), поместил указанный в документе комментарий в номере от 10 января 1977 г. Осенью 1977 г. по обвинению в причастности к взрывам были арестованы Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян. Суд над ними состоялся в Москве (16–24 января 1979 г.); дело рассматривалось в Верховном суде СССР в обстановке чрезвычайной секретности. Все обвиняемые были приговорены к расстрелу (см. также документ № 81 (док. 114) и в документе № 100 (док. 136)).

[LX] Группа «Баадер — Майнхоф» (Rote Armee Fraktion, Фракция Красной Армии) — левая террористическая организация, действовавшая в Западной Германии с конца 1960-х гг. В начале 1998 г. был обнародован меморандум о прекращении деятельности и самороспуске группы.

[LXI] Инициативная Группа по защите прав человека в Грузии — первая открытая правозащитная ассоциация в Грузии. Образована в 1974 г. в Тбилиси Звиадом Гамсахурдиа, Мерабом Костава, Валентиной Пайлодзе. Группа выпустила несколько обращений в защиту лиц, преследуемых в Грузии по политическим мотивам (в основном — совместно с Грузинской Хельсинкской группой (см. прим. LXVII)). Прекратила свою деятельность после ареста Коставы и Гамсахурдиа в 1977 г.

[LXII] «Хартия-77» — декларация чехословацких правозащитников, датированная 1 января 1977 г. В документе приветствовалась ратификация Чехословакией пактов ООН о правах человека и в то же время подчеркивалось, что они не реализуются. В подтверждение этого приводились многочисленные факты. Первоначально «Хартию» подписали 242 человека, уполномочившие представлять их в дальнейшем писателя Вацлава Гавела, профессоров Иржи Хаека и Яна Паточку. Сбор подписей под «Хартией» продолжался (в течение 1977 г. ее подписали более 1000 граждан ЧССР), она стал программным документом одноименного движения. «Хартия» была опубликована в январе 1977 г. в ФРГ. В ЧССР ее текст замалчивался властями и распространялся в самиздате. Авторы и распространители «Хартии» подвергались систематическим преследованиям со стороны властей. (См. о ней в документе № 58 (док. 93) и документ №107 (док. 142)).

[LXIII] Авраам (Абрам) Исаакович Шифрин (1923–1998) — юрист, в 1953–1963 гг. — политзаключенный, после освобождения активист Еврейского эмиграционного движения. С 1970 г. в Израиле. Основал там Институт по изучению тюрем и лагерей в СССР. Мемуарист.

[LXIV] Грицяк был освобожден в ходе массового пересмотра дел заключенных политических лагерей, проходившего в 1956 г. В 1959 г. его обвинили в том, что он нигде не работает, не прекратил антисоветской деятельности, создал в Винницкой области ячейку ОУН, чего на самом деле не было.

[LXV] «Забастовка заключенных города Норильска» — волнения заключенных особого лагеря МВД на полуострове Таймыр, проходили в мае–августе 1953 г.

[LXVI] Совет Церквей ЕХБ — руководящий орган той части советских баптистов, которые отказались подчиняться требованиям государственной власти, нарушающим принципы вероучения. Основан в 1965 г. До конца 1980-х гг. приверженцы Совета подвергались преследованиям властей.

[LXVII] Грузинская Хельсинкская группа — правозащитная ассоциация, основанная в январе 1977 г. по образцу МХГ. В ее состав вошли Звиад Гамсахурдиа, Виктор Рцхиладзе, Теймураз Джанелидзе, Беглар Бежуашвили, Исай и Григорий Гольдштейны, необъявленным членом группы был Мераб Костава. Собирала информацию о нарушениях прав человека (в особенности национальных и религиозных) в Грузии. Выпустила несколько обращений

(в основном — совместно с Инициативной группой по защите прав человека в Грузии (см. прим. LXI)). В начале апреля 1977 г. после арестов З.Гамсахурдиа, В.Рцхиладзе и др. прекратила свое существование. Восстановлена в 1986 г., вскоре преобразована в политическую организацию — Грузинский Хельсинкский Союз.

[LXVIII] Показательные политические процессы сталинской эпохи, проходившие в Москве в 1928–1931 гг. (последний из названных шире известен как «дело “Союзного бюро РСДРП”») На этих процессах подсудимых принуждали сознаваться в том, что они создавали в СССР нелегальные организации или филиалы зарубежных антисоветских центров.

[LXIX] Аркадий Абрамович Полищук — журналист, активист Еврейского эмиграционного движения, эмигрировал из СССР летом 1977 г.

[LXX] Спецпоселения — форма массовых репрессий, широко применявшаяся в СССР в начале 1930–середине 1950-х гг. Предусматривала высылку категорий граждан по социальному, религиозному или национальному признакам с мест их постоянного проживания в отдаленные районы СССР (Сибирь, Средняя Азия), где они жили без права покидать определенные им территории.

[LXXI] «На XX съезде КПСС депортация и режим спецпоселений были названы геноцидом» — сведений, подтверждающих это утверждение, найти не удалось. В докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» этот термин не встречается, выселение народов охарактеризовано как «грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства» (см. «Известия ЦК КПСС», 1989, №3).

[LXXII] «Третья встреча крымско-татарских представителей с представителями Политбюро» — состоялась 21 июля 1967 г. В этот день 20 из 415 находившихся в Москве представителей народа были приняты в зале заседаний ПВС СССР секретарем ПВС СССР М.Георгадзе, министром внутренних дел СССР Н.Щелоковым, председателем КГБ при СМ СССР, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Ю.Андроповым и генеральным прокурором СССР Р.Руденко. Вел встречу Андропов. Он обещал делегатам, что вскоре будет издан Указ о реабилитации народа, а вопрос о его возвращении в Крым требует дополнительного изучения.

[LXXIII] «Украинский вестник» («Укра?нський вісник») — неподцензурный публицистический и правозащитный журнал, издававшийся в 1970–1971 гг. (вып.1–6) и в 1973–1975 гг. (вып.7–9) с целью информировать общество о нарушении на Украине демократических свобод, политических преследованиях, о нарушениях суверенитета Украины и положении украинских политзаключенных. Анонимные редакторы журнала разыскивались КГБ и подвергались уголовным преследованиям.

[LXXIV] Христианский комитет защиты прав верующих в СССР — советская правозащитная ассоциация. Основана 27 декабря 1976 г. в Москве священником РПЦ Глебом Якуниным, иеродиаконом РПЦ Варсонофием (Хайбулиным) и мирянином Виктором Капитанчуком, в целях сбора, изучения и распространения информации о положении верующих в СССР, а также оказания консультативной помощи верующим в случае нарушения их гражданских прав. Комитет действовал в тесном сотрудничестве с МХГ и с ее помощью установил связи с религиозными объединениями баптистов, христиан веры евангельской (пятидесятников), адвентистов, католиков. Комитет помогал им передавать информацию об ущемлении религиозной свободы в СССР на Запад, обнародовал 64 документа. После арестов в 1979–1980 гг. нескольких активистов Комитета его деятельность некоторое время продолжалась, но в 1981 г. прервалась (о преследованиях членов Комитета см. документы №№ 111 (док. 145), 140 (док. 173)).

[LXXV] Мадридское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (11 ноября 1980 г. – 6 сентября 1983 г.) — конференция 35-ти государств, подписавших Хельсинкский акт. К началу совещания период разрядки в отношениях СССР и Запада сменился резкой конфронтацией, в первую очередь, в связи с интервенцией СССР в Афганистан. На этом международном форуме не только США и их союзники, но и нейтральные страны критиковали СССР за невыполнение гуманитарных обязательств по Заключительному акту, в том числе за преследования членов Хельсинкских групп.

[LXXVI] «Демонстрация 10 декабря в Москве» — традиционная демонстрация советских правозащитников, с 1977 г. проводилась 10 декабря, в Международный день защиты прав человека (учрежден в честь принятия в этот день в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека (см. прим. II)). В постсоветской России эта традиция угасла.

[LXXVII] Всемирный конгресс психиатров в Гонолулу — имеется в виду VI Конгресс Всемирной ассоциации психиатров, состоявшийся в г.Гонолулу (США) в августе-сентябре 1977 г. Там была впервые подвергнута острой критике советская практика «карательной психиатрии». Американский психиатр Драбкин прочел доклад «Лечение политических диссидентов в Советском Союзе», много внимания было уделено этой проблеме на открытой сессии Конгресса «Этика психиатра». Генеральная ассамблея Конгресса приняла резолюцию, осуждающую злоупотребления психиатрией в СССР, и приняла решение о создании Комитета по расследованию случаев злоупотребления психиатрией. Гостем Конгресса был советский диссидент Леонид Плющ (см. прим. VI).

[LXXVIII] Имеется в виду Комитет общественной самообороны (KSS) — польская правозащитная и благотворительная организация, созданная в октябре 1977 г. и ставшая преемницей Комитета обороны рабочих (KOR). Комитет оказывал материальную и правовую помощь рабочим, уволенным или арестованным за участие в забастовках и демонстрациях, и их семьям; выпускал неподцензурный журнал. Председателем Комитета был Яцек Куронь. Члены ассоциации подвергались преследованиям. В августе 1978 Комитет стал сотрудничать с чехословацким движением «Хартия-77» (см. прим. LXII). Комитет просуществовал до сентября 1981 г., когда его члены заявили о самороспуске и вхождении в движение «Солидарность».

[LXXIX] «Телеграмма академику Сахарову» — послание Комитета общественной самообороны (см. прим. LXXVIII) от 3 июня 1978 г. с выражением солидарности с Ю. Орловым, З. Гамсахурдиа, М. Коставой, М. Мариновичем, О. Тихим, Б. Гаяускасом, направленное на имя А. Сахарова. Опубликовано в польском неподцензурном журнале «Biuletyn Informacyjny» (1978, № 21).

[LXXX] Полемику вокруг «Открытого письма» Р. Медведева и меморандумов «Всероссийского межидеологического объединения» см. в «Хронике текущих событий» (№ 51, раздел «Пена», С.170–172).

[LXXXI] «Перспектива» — неподцензурный общественно-политический журнал, выпускался в 1978 г. в Ленинграде молодежной группой левого толка. Авторы подчеркивали свое идейное родство с «новыми левыми» на Западе, пропагандировали свержение существующей в СССР власти в результате народной революции. Журнал объемом в 40 страниц печатался на машинке тиражом в 12 экземпляров. В октябре 1978 г., после того, как группа была раскрыта органами КГБ, выпуск журнала прекратился.

[LXXXII] «Поиски» — неподцензурный общественно-политический и литературный журнал. Издавался в Москве в 1978–1980 гг. Инициаторами выпуска журнала стали Раиса Лерт и Петр Абовин-Егидес. Основную работу по изданию и редактированию журнала делали диссиденты молодого поколения: Валерий Абрамкин, Виктор Сокирко и Глеб Павловский.

Миссия журнала была сформулирована в редакционном заявлении: инициирование всестороннего, добросовестного и доброжелательного диалога по всем актуальным общественным проблемам между сторонниками различных идеологий, политических взглядов и конкурирующих концепций развития страны, дабы преодолеть духовный застой, в котором оказалось советское общество. (Первоначальный проект названия журнала – «Поиски взаимопонимания»). Объем номера составлял около 400 машинописных страниц. (О преследованиях участников издания см. документы №№ 86 (док. 119), 92 (док. 125), 114 (док. 148), 120 (док. 155), 145 (док. 178), 147 (док. 180)). Выпустив два последних номера (7 и 8), редакция «Поисков» заявила о прекращении издания. В 1979–1984 гг. все номера «Поисков» были переизданы за границей.

[LXXXIII] Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) — первое в СССР независимое профсоюзное объединение. Образовано 28 октября 1978 г. в Москве с целью защиты профессиональных, социальных, политических и культурных прав трудящихся, а также оказания правовой, моральной и материальной помощи своим членам. СМОТ представляло собой «федерацию автономных групп», самостоятельно определявших сферу своей деятельности. Один представитель группы делегировался в Совет Представителей (СП) — координирующий орган. Персональный состав представленных в СМОТ групп не оглашался. В 1978–1983 гг. СМОТ издавало Информационный бюллетень (вышло 35 номеров; тираж — от 50 до 1000 экз.). Члены СМОТ собирали и передавали за рубеж информацию по социально-экономическим проблемам трудящихся в СССР, обращения в связи с преследованиями своих членов. Члены СМОТ подвергались уголовным и психиатрическим репрессиям (см. документы № 76, 94). К 1985 г. после ареста почти всех членов СП профсоюз прекратил активные выступления. СМОТ было восстановлено в начале горбачевской перестройки (март 1987 г.), возобновилось издание бюллетеня.

[LXXXIV] Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР — правозащитная ассоциация, основана в мае 1978 г. Юрием Киселевым (Москва), Валерием Фефеловым (Владимирская обл.) и Файзуллой Хусаиновым (Татария). О ее создании было объявлено на пресс-конференции МХГ 25 октября 1978 г. Главной своей целью группа объявила создание Всесоюзного общества инвалидов. Задачами группы были: сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР, обращение в официальные органы с ходатайствами об улучшении системы обеспечения инвалидов и помощи им. В 1979 г. группа на правах филиала стала членом Европейского общества инвалидов. Группа выпускала информационный «Бюллетень» (вышло около 16 номеров), где публиковались доклады по социальным и медицинским аспектам проблем инвалидов. Материалы передавались в «Хронику текущих событий» и другие правозащитные издания. Члены группы подвергались внесудебным преследованиям с момента ее создания (см. документы №№ 77 (док. 110), 134 (док. 167)). В 1983 г. из-за угрозы ареста вынужден был эмигрировать редактор бюллетеня Фефелов, и деятельность группы приостановилась.

[LXXXV] Армянская Хельсинкская группа (АХГ) — первая правозащитная организация в Армении, о ее создании было объявлено 1 апреля 1977 г. Члены-основатели: экономист Эдуард Арутюнян, физик Роберт Назарян, студент Самвел Осян (позднее в группу вступили рабочие Шаген Арутюнян и Амбарцум Хлгатян). В декларации, обнародованной АХГ, помимо целей, определенных Заключительным актом Хельсинкских соглашений, задачами группы объявлялись: добиваться принятия Армении в члены ООН и воссоединение с Арменией Нагорного Карабаха и Нахичевани. Группа выпустила несколько заявлений о нарушениях прав человека в Армении, одно из них направила в адрес Белградскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе. В декабре 1977 г. два члена группы были арестованы, и ее руководитель Э.Арутюнян объявил о том, что АХГ разгромлена (о преследованиях членов группы см. в документах №№ 100 и 103).

[LXXXVI] «Шабашка» — жаргонное название артелей сезонных рабочих (в основном строителей), использование их труда было одной из форм теневой экономики в СССР.

[LXXXVII] Сергею Викторовичу Шибаеву (1960–1985), несмотря на все усилия семьи Гинзбургов, так и не разрешили выехать за границу вместе с ними.

[LXXXVIII] Общественный Комитет США по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений (Американская Хельсинкская группа, The United States Helsiki Watch Committee) — правозащитная ассоциация. Комитет был основан в Нью-Йорке в январе 1979 г. Его председателем стал президент издательства «Random House» Роберт Бернстайн. Действовал в тесном контакте с МХГ и ее зарубежным представителем. В сентябре 1982 г. вошел в Международную Хельсинкскую Федерацию. В середине 1980-х гг. был преобразован в Human Rights Watch.

[LXXXIX] «Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения» — основан в 1974 г. Александром Огородниковым и Владимиром Порешем. Семинар, объединявший около 30 человек из Москвы, Ленинграда, Смоленска, Минска, Риги, Кишинева, Казани, Чистополя, собирался раз в месяц в Москве или в одной из деревень Калининской (ныне Тверской) области. Участники семинара выпускали религиозно-философский журнал «Община» (2 выпуска, 1978 г.). Семинар и журнал ставили своей целью «способствовать по мере сил освобождению Русской православной церкви от унизительной опеки государства». В 1979–1980 гг. активисты Семинара подверглись репрессиям, и его деятельность прекратилась (см. документы №№ 115 (док. 149), 141 (док. 174))

[XXXX] Издательство «Христианин» — неподцензурное издательство, основано Советом Церквей ЕХБ (см. прим. LXVI). О начале деятельности издательства было объявлено в июне 1971 г. Печатный станок был изготовлен членами общины ЕХБ, они же стали наборщиками и печатниками. Местонахождение типографий «Христианина» и имена их сотрудников тщательно скрывались от властей. Напечатало более полумиллиона экз. Евангелия и духовных сборников на русском, украинском, молдавском, грузинском, немецком, осетинском языках, а также периодику ЕХБ. Пять типографий были выслежены и разгромлены органами КГБ, однако пресечь деятельность издательства властям не удалось.

[XXXXI] «Право на эмиграцию» — независимая общественная ассоциация. Основана в Москве в 1979 г. Ставила перед собой следующие цели: приведение советской эмиграционной политики в соответствие с общедемократическими нормами, сбор и предание гласности информации о нарушениях прав граждан на выезд из СССР, поддержка желающих реализовать это право. Выпускала информационный бюллетень, разработала и направила в ПВС СССР проект положения о порядке выезда граждан из СССР. Активисты группы подвергались преследованиям со стороны властей, после ареста в 1982 г. руководителя группы Василия Бараца ее деятельность прекратилась.

[XXXXII] «Дело с тортом» — еврей-отказник Александр Фельдман был осужден в Киеве в ноябре 1973 г. к 3 с половиной годам лишения свободы по сфабрикованному обвинению в хулиганстве (якобы он выбил торт из рук некоей незнакомой ему девушки и т.д.).

[XXXXIII] «За 62 года существования советской власти в нашей стране не было амнистии политических заключенных» — утверждение не совсем точное, в 1918–1955 гг. некоторые объявленные государством амнистии касались определенной части осужденных по политическим мотивам (см. также прим. CVI).

[XXXXIV] «Перспективы» («Perspektyvos») — литовский неподцензурный журнал. Издавался с 1978 г. по 1980 г. Редактором журнала был Витаутас Скуодис.

[XXXXV] «Евреи в СССР» — непериодический машинописный самиздатский журнал на русском языке. Выходил в Москве в 1972–1979 гг. (20 номеров). В состав редколлегии в разное

время входили Александр Воронель, Рафаил Нудельман, Илья Рубин, Михаил Агурский, Эйтан Финкельштейн, Виктор Браиловский и др. Изменения в составе редакции в большинстве своем были вызваны эмиграцией ее членов из СССР. В мае 1975 г. против редакторов и распространителей журнала было возбуждено уголовное дело (последний редактор журнала В. Браиловский был арестован и осужден в рамках этого дела в 1981 г., несмотря на то, что издание журнала прекратилось в 1979 г. (см. документ № 170 (док. 204)). Журнал стал центром, вокруг которого группировались активисты Еврейского эмиграционного движения.

[LXXXXVI] «Комитет защиты Татьяны Великановой» — правозащитная ассоциация, созданная в Москве в ноябре 1979 г., вскоре после ареста одной из авторитетнейших участниц движения за права человека в СССР. В Комитет вошли Л. Богораз, Е. Боннэр, С. Каллистратова, Л. Копелев, А. Лавут, Л. Терновский. Комитет выпустил два «Информационных бюллетеня» и заявление с протестом против приговора Великановой, вынесенного в августе 1980 г. (см. документ № 140 (док. 173))

[LXXXXVII] Католический комитет защиты прав верующих — литовская правозащитная ассоциация. Комитет был основан в 1978 г. католическими священниками Юозасом Здебскисом, Сигитасом Тамкявичюсом, Альфонсасом Сваринскасом и др. Комитет выпустил около 50-ти обращений в международные организации, в советские и церковные инстанции. После ареста Тамкявичюса и Сваринскаса (1983 г.) деятельность Комитета практически прервалась.

[LXXXXVIII] «Поединок» — неподцензурный журнал, выпускался в Москве в 1979 г. Публиковал переводы материалов из западной прессы, недоступных советскому читателю. Вышло 4 номера. После нескольких обысков у членов редколлегии издание прекратилось.

[LXXXXIX] Ян Палах (1948–1969) — чешский студент. 17 января 1969 г. совершил самосожжение в Праге в знак протеста против вторжения в ЧССР войск стран Варшавского договора. Его смерть и похороны вызывали массовые демонстрации. Стал национальным героем Чехословакии.

[LXXXXX] Имеются в виду неподцензурные феминистские издания: журнал «Мария» и альманах «Женщина и Россия». Выпускались в Ленинграде в 1979–1982 гг. (переизданы на Западе). Выпуск прекратился после ареста и эмиграции редакторов этих изданий.

[LXXXXXI] «Память» — неподцензурный исторический сборник, выпускавшийся группой московских и ленинградских ученых в СССР в 1976–1981 гг. и переиздававшийся за рубежом (5 выпусков, каждый объемом около 800 машинописных страниц). Включал в себя воспоминания, документы и исследования (в основном по истории репрессий и сопротивления тоталитаризму в СССР), которые не могли быть опубликованы в официальной советской печати по соображениям идеологической цензуры. Состав редакции не объявлялся. После ареста в 1981 г. инициатора и главного редактора издания Арсения Рогинского работа над сборником некоторое время продолжалась, но 6-й выпуск так и не был издан. Его материалы легли в основу первых выпусков исторического альманаха «Минувшее», который стал выходить в Париже с 1985 г.

[LXXXXXII] «Метро'поль» — русский литературный неподцензурный альманах. Издан в Москве в январе 1979 г. машинописным способом тиражом 8 экз. (763 стр. с иллюстрациями). Редакторами-составителями альманаха были известные писатели Василий Аксенов, Андрей Битов, Фазиль Искандер и два молодых литератора Виктор Ерофеев и Евгений Попов. Составители альманаха рассматривали его выпуск как протест против цензурных ограничений, поэтому в «Метрополь» вошли главным образом отвергнутые советской цензурой произведения, часть из которых уже распространялась в самиздате. Редакторы-составители альманаха обратились в Союз писателей с предложением напечатать его без купюр, но

получили отказ. Была сорвана и намеченная на 23 января 1979 г. презентация «Метрополя», после чего было решено опубликовать альманах на Западе. Репринтное издание альманаха вышло в 1979 г. в США, он был переведен на английский и французский языки. Сразу же после появления альманаха его составители и авторы подверглись нападкам в прессе и внесудебным преследованиям. В знак протеста из Союза писателей СССР вышли Аксенов и участники альманаха известные советские поэты Семен Липкин и Инна Лиснянская. В 1991 г. «Метрополь» переиздан в Москве.

[LXXXXXIII] Петр Ионович Якир (1923–1982) — историк, бывший политзаключенный сталинских лагерей, один из основателей Инициативной группы по защите прав человека в СССР (см. прим. III). После ареста в 1972 г. дал на следствии и суде обширные показания, в которых осудил свою деятельность, признав, в частности, «клеветнический» и «антисоветский» характер документов Инициативной группы. Показания Якира в дальнейшем использовались обвинением на политических процессах.

[LXXXXXIV] Московское обращение — заявление группы советских ученых, писателей и общественных деятелей, написано и распространено утром 13 февраля 1974 г. (после известия об аресте Александра Солженицына). Содержало требования опубликовать в СССР его книгу «Архипелаг ГУЛаг», предать гласности документы о деятельности советских карательных органов сталинской эпохи, создать международный трибунал для расследования преступлений, совершенных государством. Завершалось обращение призывом оградить Солженицына от преследований, дать ему возможность работать на родине. Под письмом первоначально подписалось 10 человек (Андрей Сахаров, Лариса Богораз, Павел Литвинов, Владимир Максимов и др.), позднее к нему присоединились еще несколько десятков советских инакомыслящих. Сбор подписей под обращением проводился и в других странах — в ФРГ к нему присоединилось 50 тыс. человек.

[LXXXXXV] Истинно-Православная (катакомбная) Церковь (ИПЦ) — течение в Русской Православной Церкви, сформировавшееся на территории СССР после 1927 г., когда руководство РПЦ пошло на компромисс с советской властью. Священники и верующие ИПЦ считали коммунистическую власть воплощением Антихриста и решительно отказывались от любых контактов с ней (не принимали советских документов, отказывались работать на государственных предприятиях, отдавать детей в советские школы). Общины ИПЦ действовали в подполье до конца 1980-х гг. Члены ИПЦ разыскивались органами КГБ и подвергались репрессиям.

[LXXXXXVI] «В течение последних лет проводилось несколько гласных и негласных амнистий для женщин. Но ни одна из этих амнистий не освободила ни одной узницы совести, ни одной, осужденной за веру в Бога или за правозащитную деятельность» — утверждение неточное: в 1975 г. освобождены по амнистии в связи с Международным годом женщин пять печатниц баптистского издательства «Христианин», в 1978 — Мальва Ланда (амнистия к 60-летней годовщине Октябрьской революции).

[LXXXXXVII] Бюллетень «В» — неподцензурное правозащитное издание. Бюллетень выпускался в Москве в 1980–1983 гг. (вышло 105 номеров). Публиковал краткие информации о фактах нарушений прав человека на всей территории СССР. Печатался всего в нескольких машинописных экземплярах, которые затем передавались для дальнейшего использования в «Хронику текущих событий» и за границу. До октября 1982 г. издавался анонимно (его составителями были: Владимир Тольц, Иван Ковалев и Алексей Смирнов), после эмиграции Тольца и ареста остальных составителей ответственность за издание взял Сергей Григорьянц. В мае 1983 г. редакция заявила о прекращении издания бюллетеня под угрозой ареста редакторов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

АБАНЬКИН В. А. — 7, 10, 32, 95, 101
АБДУЛАЕВ, заключенный тюрьмы ЮУ-323/СТ-2 (Липецкая обл.) — 189
АБДУЛЛАЕВА З. — 22
АБЕЗГАУЗ Е. З. — 45
АБИЛЕВ М. — 22
АБЛЯКИМОВ М. — 60
АБРАМКИН В. Ф. — 107, 119, 148, 155, 156, 163, 164, 178, 180, 204
АБРАМКИНА (ГАЙДАМАЧУК) Е. Ю. — 148, 221
АБРАМОВИЧ М. — 8, 81
АБРАМОВИЧ П. П. — 4, 45
АБУШАХМИН Б. Ф. — 164
АВАКОВ А. В. — 10
АВИНЕРИ Ш. — 40
АВТОРХАНОВ А. А. — 173, 195
АГАПОВА Л. Г. — 93, 106, 136
АГАРУНОВ С. — 8
АЗАРОВ, нач. цеха в ИТК — 120
АЗБЕЛЬ М. Я. — 8, 43, 45, 48, 87
АЙРИКЯН П. А. — 7, 10, 32, 42, 95, 101, 102, 181
АКМОЛЛАЕВ М. — 22
АКСЕЛЬРОД Э. М. — 48
АЛЕКСАНДРОВ А. П. — 87
АЛЕКСАНДРОВ В. — 34
АЛЕКСАНДРОВ Д. — 40
АЛЕКСЕВНИН Ф. И. — 59
АЛЕКСЕЕВА Е. К. — 106
АЛЕКСЕЕВА Л. М. — 1, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 50, 59, 69, 97, 105, 136, 171, 181
АЛЕКСИЙ I, патриарх (в миру Симанский С. В.) — 145, 173
АЛЕШИНА Е. П. — 192
АЛИЕВ И. А. — 27
АЛТУНЯН Г. О. — 198
АЛЬБРЕХТ В. Я. — 20
АЛЬПЕРТ Я. Л. — 48
АЛЬТМАН А. А. — 7
АЛЬТШУЛЛЕР Б. Л. — 89, 93
АМАЛЬРИК А. А. — 24, 40, 50, 81, 93, 116, 173
АМАЛЬРИК (МАКУДИНОВА) Г. К. — 40
АМЕТОВ С. — 60
АМЕТОВ Э. — 22
АНДРЕЕВ Ю. Д. — 52
АНДРЕЕВ Ю. Н. — 216
АНДРЕЕВА Н. Н. — 52
АНДРОНОВ И. И. — 13
АНДРОПОВ Ю. В. — 109
АНИСИМОВ В. П. — 87
АНТИДИ В. — 186
АНТОНЕНКО-ДАВИДОВИЧ Б. Д. — 55, 136
АНТОНЮК, депутат раийсполкома (Одесса) — 27
АНТОНЮК З. П. — 7, 42, 102, 120, 136, 150
АНТОНЮК М. М. — 26
АНЦУПОВ Е. М. — 198
АПТЕКАРЬ Л. И. — 106
АПТЕКАРЬ Н. С. — 106
АРАНОВИЧ Ф. — 8
АРГЕНТОВ А. А. — 10, 15, 38
АРИЯ С. Л. — 164
АРМАНД Е. Д. — 106
АРНАУТОВ Ш. — 22
АРУТЮНЯН Ш. А. — 112, 126, 136, 139
АРУТЮНЯН Э. Б. — 40, 136, 139
АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. В. — 42
АСАНОВ Д. — 22
АСМАНОВА Р. — 9
АСС И. А. — 8, 45
АССЕЛЬБАУМ (АССЕЛЬБАУМС, АСЕЛБАУМС) В. (Т.-В.) — 7, 26, 120
АСТАШЕВА (АСТАШОВА) Г. П. — 192
АСТРАХАН П. — 218
АСХАНОВ О. — 101
АТАШКУЛОВ Б. — 78
АФАНАСОВ Т. Т. — 120
АФАНАСЬЕВ В. В. — 7
АФАНАСЬЕВ, шофер (г.Майкоп?) — 27
АФАНАСЬЕВ В.Г. — 27
АХМАТОВА А. А. — 29
АХМЕТОВ Э. — 22, 60
АХТЕРОВ В. П. — 11
АХТЕРОВ П. А. — 11
АХТЕРОВ Ф. П. — 11

[1] Сост. Ю.Б. Полякова, А.А. Макаров, при уч. Е.В. Сельцера. Ссылки приведены на порядковые номера документов в сквозной нумерации.

АХТЕРОВА И. П. — 11
АХТЕРОВА Л. П. — 11
АХТЕРОВА Р. А. — 11
АХТЕРОВА Т. П. — 11
АХТЕРОВА Э. П. — 11
АХУТИН А. — 227
БААДЕР А. — 43
БАБИДЖАШВИЛИ, оперуполномоченный КГБ по ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
БАБИЦКИЙ К. И. — 204
БАБИЧ С. А. — 7, 40
БАБИЧЕНКО С. Т. — 52
БАГДАСАРЯН З. М. — 136, 152, 165
БАДЗЬО Ю. (Г). В. — 136
БАЕВА Т. А. — 48
БАЙКОВА Н. Г. — 208
БАЙТАЛЬСКИЙ М. Д. — 204
БАЛАХОНОВ В. Ф. — 7, 32, 42, 100, 136, 143
БАЛЬШЕМ А. — 8
БАРАНАУСКАС К. — 144
БАРАНОВ В. Г. — 52, 106
БАРАНОВА Г. Е. — 52
БАРАС Е. В. — 4
БАРИН Е. Н. — 14
БАРЛАДЯНУ Вас. В. — 26, 54, 57, 95, 96, 101, 102, 165
БАРЛАДЯНУ Валерия В. — 26
БАРЛАДЯНУ В. С. — 26, 56
БАРСКИЙ А. — 8
БАСАРАБ Д. П. — 26, 42, 120
БАТМАНОВ К. — 156
БАТОВА А. В. — 173
БАУМАН В. Т. — 105
БАХАРЕВА М. Я. — 9
БАХМИН Вик. И. — 177
БАХМИН Вяч. И. — 38, 48, 54, 57, 61, 62, 84, 93, 100, 106, 116, 122, 129, 132, 134, 136, 141, 145, 158, 161, 163, 164, 177, 180, 187, 188, 189, 201, 209, 210, 212, 224, 228
БАХМУРОВ П. В. — 60
БАШКИРОВ П. Е. — 10, 14
БЕБЧИК М. А. — 40
БЕГИН М. — 137
БЕГУН В. Я. — 204
БЕГУН И. З. — 45, 55, 56, 80, 81, 84, 89, 107, 150
БЕДАРЕВ В. Г. — 79, 136
БЕДНАРЖОВА О. — 134, 142
БЕЗДУШНАЯ Н. Т. — 9
БЕЙЗЕРОВ Р. М. — 180
БЕЙЛИН И. М.- Б. — 4, 48, 81
БЕЙЛИНА Д. И. — 48
БЕЙЛИС М.- М. Т. — 204
БЕКИРОВ Л. — 22
БЕКИРОВ Ш. — 60
БЕКИРОВА Г. — 22
БЕКИРОВА Ш. Л. — 22
БЕККЕРМАН К. П. — 164
БЕЛЕНКО В. И. — 23
БЕЛИКОВА Я. — 134
БЕЛКИНА В. — 113
БЕЛОБОРОДОВ А. Ф. — 152
БЕЛОВ Ю. С. — 212
БЕЛОУСОВ, сотрудник ИТК (г.Новополоцк) — 185
БЕЛЫЙ А. (БУГАЕВ Б. Н.) — 40
БЕЛЫХ Л. И. — 135
БЕНДА В. — 134, 142
БЕРГЕР И. А. — 205
БЕРДНИК (СОКОРИНСКАЯ) В. — 136
БЕРДНИК А. (О). П. — 19, 35 36, 40, 47, 57, 59, 66, 115, 126, 136, 138
БЕРДЯЕВ Н. А. — 40, 121, 136
БЕРЕНШТЕЙН И. — 182
БЕРНСТАЙН Р. — 133
БЕРНШТАМ М. С. — 1, 2, 3, 40
БЕСКРОВНЫЙ, свидетель на суде — 27
БЕСОВ А. — 104
БЕШЕВИН Н. — 60
БИБИКОВ В. Д. — 52
БИДЛАУСКАС В. — 31
БИРМАН В. — 50
БЛИНОВ, следователь КГБ (Ленинград) — 104
БЛИТШТЕЙН Л. — 8
БЛИХ И. — 4
БЛОХИНА В. П. — 87
БЛЯХМАН Л. — 72
БОБОРЫКИН (БОБАРЫКИН) Н. Г. — 52
БОГДАНОВ В. В. — 186, 204, 227
БОГДАНОВА К. А. — 27
БОГОМОЛЬНЫЙ В. — 8
БОГОРАЗ И. А. — 194
БОГОРАЗ Л. И. — 32, 40, 48, 59, 89, 150, 194, 204, 217
БОГРИН Б. — 25
БОГУСЛАВСКИЙ А. — 8, 45
БОГУШИС В. — 31
БОДЛЕР Ш. — 95
БОЙЦОВА (КОВАЛЕВА) Л. Ю. — 100
БОЛОНКИН А. А. — 3, 7, 42, 87, 95, 150, 165, 200
БОЛЫСОВ В. Я. — 3

БОНДАРЕНКО В. И. — 101, 143
БОНДАРЧУК А. В. — 58
БОНДАРЧУК С. Ф. — 217
БОНДАРЬ Н. В. — 7, 80, 102
БОНДАРЬ Ю. — 101
БОННЭР Е. Г. — 1, 2, 17, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 30, 37, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 110, 112, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228
БОГРИН Б. — 25
БОРИСОВ В. М. — 3, 4, 55
БОРИСОВ В. Е. — 32, 36, 38, 40, 62, 109, 136
БОРОВИК Н. С. — 40, 208
БОРОВИК П. И. — 105
БОРОВСКИЙ В. И. — 198
БОРОДА, сотрудник КГБ ИТК ЖХ-385 (Мордовская АССР) — 101
БОРОДИН Л. И. — 12
БОРОДОВСКИЙ Я. — 106
БОЦЯН И. П. — 58
БОШЕВАЯ Л. П. — 79
БОШЕВОЙ П. С. — 79
БРАИЛОВСКИЙ В. Л. — 4, 8, 43, 45, 87, 161, 190, 204
БРЕЖНЕВ Л. И. — 8, 9, 11, 27, 28, 36, 52, 60, 61, 104, 109, 193, 222
БРЕЖНЕВА М. — 9
БРЕСЕНДЕН Е. А. — 25
БРЕЧКО А. М. — 222
БРОДСКИЙ И. А. — 81
БРОНФМАН Р. — 11
БРОНФМАН Ш. И. — 8, 11
БРЫКОВА Н. И. — 192
БУДУЛАК-ШАРЫГИН Н. А. — 7, 42, 101
БУЗИННИКОВ Е. И. — 104, 109, 131, 136, 147, 170
БУЗЫРЕВА (ФЕДОРОВА) Н. В. — 56, 66, 87, 93, 100, 132
БУКОВСКАЯ Н. И. — 3, 4, 7, 10, 32, 34, 40
БУКОВСКИЙ В. К. — 3, 7, 10, 18, 20, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 38, 40, 42, 43, 50, 59, 120, 122, 186, 197, 212
БУЛГАКОВ М. А. — 40, 136
БУНИНА С. М. — 164
БУРЖУАДЕМОВ К. — см. СОКИРКО В. В.
БУРЦЕВ В. М. — 136
БУРЦЕВ Ю. А. — 40, 119, 125, 178
БУТКЕВИЧ (БУДКЕВИЧ?) Н. М. — 195
БУТКО А. А. — 212
БУТМАН Г. И. — 7, 8, 62
БУТОВА Е. Н. — 101
БУТЧЕНКО Ю. А. — 120, 181
БУТЫРИН, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
БУХТИЯРОВ Л. И. — 11
БЫКОВ А. В. — 135
БЫКОВА Е. И. — 24, 45
БЫСТРОВА Т. В. — 192
ВАЛЕНДО Л. А. — 105
ВАЛИТОВА И. А. — см. ОРЛОВА (ВАЛИТОВА) И. А.
ВАЛОВ Ю. З. — 109, 111, 136
ВАЛЬДМАН И. Э. — 7, 26
ВАЛЬДХАЙМ К. — 186
ВАРВАК А. Л.— 182
ВАРВАК Л. В. — 182
ВАРВАК Л. П. — 182
ВАРВАК П. Л. — 182
ВАРВАК Ю. Л. — 182
ВАРНА Я. К. — 14
ВАРНАВСКИЙ Г. Е. — 16
ВАСИЛЬЧУК А. С. — 9
ВАСИЛЬЧУК А. Ф. — 9
ВАСИЛЬЧУК Н. И. — 9
ВЕГРИНА, абитуриентка МГУ — 146
ВЕЙМАР Я. — 53
ВЕЛЕБОЕНКО (БЕЛЕБОЕНКО), сотрудник КГБ (Ивано-Франковская обл.) — 52
ВЕЛИКАНОВА Е. М. — 194
ВЕЛИКАНОВА Т. М. — 3,18, 22, 32, 33, 34, 43, 46, 48, 55, 57, 62, 66, 89, 90, 93, 100, 103, 106, 113, 114, 116, 134, 140, 141, 145, 156, 161, 162, 163, 164, 173, 180, 186, 187, 192, 210, 215, 219, 224, 228
ВЕЛИЧКО В. М. — 9
ВЕНЦЛОВА Т. — 31, 32, 59
ВЕРБИЦКАС, сотрудник КГБ (Вильнюс) — 31
ВЕРНИК И. А. — 12, 26

ВЕРХОЛЯК Д. К. — 120, 26
ВИГДОРОВ Г. А. — 8
ВИЛЕНСКАЯ Л. — 45
ВИЛЬЧИНСКАЯ Г. В. — 192
ВИЛЬЯК М. — 106
ВИЛЬЯМС Н. Н. — 40
ВИНАРОВ Я. Е. — 10
ВИНОГРАДОВ И. М. — 204
ВИНС Г. П. — 56, 62, 81, 89
ВИНС П. Г. — 48, 56, 57, 64, 66, 80, 81, 94, 96, 98, 112, 116, 117, 129, 136, 138
ВИНСЫ, семья — 115
ВИТКАУСКАЙТЕ О. — 192
ВИШНЕВСКАЯ Г. П. — 77
ВЛАДИМИРОВ А. И. — 40
ВЛАДИМОВ Г. Н. — 81, 89, 90, 100, 103, 106, 134, 141, 153, 154, 156, 179
ВЛАСОВ И. А. — 60
ВЛАСЮК М. И. — 9
ВОВЧИК З. И. — 9
ВОЕВЫЕ, семья — 41
ВОЕННЫЙ М. — 22
ВОЗНЕСЕНСКАЯ Ю. Н. — 14, 36, 95
ВОЙНОВИЧ В. Н. — 4, 20, 40, 43, 81
ВОЙХАНСКАЯ М. И. — 38, 61
ВОЙХАНСКИЙ Е. Д. — 61
ВОЙХАНСКИЙ М. Е. — 61
ВОЛИССКАЯ В. — 48
ВОЛКОВ, народный заседатель (Владимирская обл.) — 170
ВОЛКОВ О. Н. — 14, 36, 95
ВОЛКОВА А. А. — 192
ВОЛКОВА К. Г. — 192
ВОЛОХОНСКИЙ Л. Я. — 109, 115, 118, 127, 131, 136
ВОЛОШАНОВИЧ А. А. — 38, 158, 177
ВОЛОЩУК А. А. — 59
ВОЛЬВОВСКИЙ Л. А. — 45
ВОРОБЬЕВ О. И. — 48
ВОРОБЬЕВ Ю. А. — 208
ВОРОНИНА Л. В. — 4, 8, 40, 41, 58
ВОРОШИЛОВ К. Е. — 60
ВОСИЛЮТЕ В.- М. — 136
ВУДКА Ю. В. — 4, 7, 8, 40
ВУХТИЯРОВ Л. И. — 11
ВЫСОЦКИЙ В. С. — 198
ГАБАЙ И. Я. — 29
ГАБОВИЧ Е. Я. — 138
ГАВЕЛ В. — 134, 142
ГАВИН В. П. — 164
ГАВРИЛИН М. А. — 172
ГАВРИЛОВ, сотрудник МВД (Якутская АССР) — 226
ГАЙДАМАЧУК Е. Ю. — см. АБРАМКИНА Е.
ГАЙДАР Н. И. — 15
ГАЙДУК Р. В. — 7, 32, 144
ГАЛАНСКОВ Ю. Т. — 29, 121
ГАЛЕЦКИЙ Р. Н. — 62, 79
ГАЛИЧ А. А. — 227
ГАМСАХУРДИА З. К. — 40, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 112, 126
ГАМСАХУРДИА К. С. — 55
ГАНДЗЮК В. И. — 42, 120
ГАНИЕВ А. — 60
ГАНТВАРС, заключенный ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ГАРКАВЕНКО Т. П. — 186
ГАРОДИ Р. — 40
ГАРУЦКАС К. — 90
ГАСТЕВ Ю. А. — 55, 57, 81, 93, 106, 132, 187
ГАСЮНЕНЕ С. -А. — 53
ГАТЕКО Л. Г. — 9
ГАЯУСКАС Б. — 55, 62, 66, 93, 94, 96, 98, 104, 126, 136
ГЕББЕЛЬС И. — 40
ГЕВОРКЯН М. — 139
ГЕЙДЕБРЕХТ Е. Ф. — 53
ГЕЙКО (МАТУСЕВИЧ) О. Д. — 56, 57, 106, 192
ГЕЙСБЕРГ М. — 8
ГЕЛЛИХ А. — 8
ГЕЛЬ И. А. — 7, 10, 26, 32, 40, 42, 101
ГЕЛЬ М. И. — 10, 26
ГЕЛЬ О. И. — 26
ГЕЛЬФАНД Ю. — 48
ГЕНДИН Л. А. — 8, 48
ГЕНКИН С. Е. — 48
ГЕОРГАДЗЕ М. П. — 60, 76
ГЕРАСИМОВ, сотрудник ОВИР (Москва) — 132
ГЕРАСИМЧУК А. Д. — 9
ГЕРАСИМЧУК М. С. — 9
ГЕРАСИМЧУК Н. А. — 9
ГЕРМАНОВ А. А. — 30
ГЕРОВИЧ И. И. — 120
ГЕРОДОТ — 102, 120
ГЕРЦБЕРГ В. Л. — 67
ГЕРШУНИ В. Л. — 136, 148
ГЕТЕ И. -В. — 95
ГЕФТЕР М. Я. — 148
ГИМПУ Г. — 42, 120
ГИНЗБУРГ А. И. — 1, 2, 3, 7, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 46, 47,

50, 51, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 63, 66, 69, 75, 80, 84, 89, 90, 94, 96, 98, 100, 104, 109, 110, 112, 115, 116, 128, 132, 137, 159, 164, 168, 223
ГИНЗБУРГ И. С. — см. ЖОЛКОВСКАЯ (ГИНЗБУРГ) И. С.
ГИНЗБУРГ Л. И. — 40
ГИРШ П. Я. — 53
ГЛАДКО Г. В. — 7, 12
ГЛЕЗЕР И. И. — 8
ГЛУЗМАН С. Ф. — 7, 10, 26, 32, 62, 87, 100, 101, 102, 113, 120, 122, 136, 137
ГЛУХИХ, зам. нач. ИТК (г.Тобольск) — 96
ГЛУЩЕНКО С. — 110
ГНАТЕНКО В. — 138
ГНЕВКОВСКАЯ Н. В. — 161
ГОЛЕВ С. Т. — 135
ГОЛИКОВ С. В. — 40
ГОЛИЦЫН В. Г. — 176
ГОЛУБЕВ, свидетель на суде (г.Тула) — 220
ГОЛЬДБЕРГ А. П. — 14
ГОЛЬДБЕРГ С. — 8
ГОЛЬДИН И. — 45
ГОЛЬДМАН Л. — 45
ГОЛЬДШТЕЙН Г. А. — 4, 24, 45, 48, 65, 66, 69, 81, 95, 96, 112, 129
ГОЛЬДШТЕЙН И. А. — 4, 24, 45, 48, 65, 81, 90
ГОЛЬФАНД Ю. А. — 67, 161
ГОМЕР Э. Д. — 9
ГОП Р. П. — 9
ГОРБАЛЬ Н. (М.) А. — 7, 26, 42, 106, 115, 120, 136, 138, 165
ГОРБАНЕВСКАЯ Н. Е. — 24, 38, 204
ГОРБАТОВ М. — 8
ГОРБАЧЕВ С. М. — 176
ГОРБАЧЕВА З. М. — 176
ГОРБОВОЙ В. Г. — 136
ГОРГАН А. Н. — 148
ГОРЕЛИК М. — 136
ГОРЕЛКИН В. И. — 105
ГОРЕТОЙ А. П. — 41
ГОРЕТОЙ Е. Н. — 52
ГОРЕТОЙ Н. П. — 41, 52, 66
ГОРОДЕЦКИЙ Ю.Л. — 40
ГОРЧЕНКО С. А. — 40
ГОРЫНЬ Б. Н. — 12, 26
ГОРЫНЬ М. Н. — 12
ГОРЫНЬ О. И. — 26
ГОТОВЦЕВ (РОССИЙСКИЙ) А. Л. — 221
ГОФШТЕЙН М. А. — 164
ГРАБАНС И. К. — 26, 102, 120
ГРАДОБОЕВ А. А. — 90
ГРАУР В. — 12
ГРИБОЕДОВ А. С. — 227
ГРИВНИНА И. В. — 106, 116, 134, 152, 156, 158, 161, 177, 189, 192, 201, 209, 210, 212, 224, 228
ГРИГОРЕНКО, семья — 59
ГРИГОРЕНКО З. М. — 48, 57
ГРИГОРЕНКО П. Г. — 1, 6, 10, 17, 19, 23, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 76, 104, 109, 122, 175, 212
ГРИГОРЯН Н. А. — 144
ГРИММ К. Ю. — 180
ГРИММ Ю. Л. — 57, 59, 93, 106, 107, 136, 148, 155, 156, 163, 164, 180
ГРИНБЕРГ Д. — 133
ГРИНЕВ В. И. — 154
ГРИНШПУН А. — 8
ГРИНЬКИВ Д. Д. — 7, 120
ГРИЦЕНКО Л. Ф. — 198
ГРИЦЯК Е. С. — 48, 52
ГРИШИН С. Л. — 40
ГРОДЕЦКИЙ Ю. Л. — 7
ГРОССМАН В. С. — 40, 115
ГУДЗЬ И. — 113
ГУЖЕНКОВ В. М. — 85
ГУЛЫК С. — 138
ГУРВИЧ И. — 67
ГУРЕВИЧ В. — 177
ГУРЕВИЧ М. А. — 208
ГУРНЫЙ Р. А. — 26
ГУРТЕНКО Н. Г. — 27
ГУРФЕЛЬ Б. — 45
ГУСЯК (ГУСАК) Д. (О). Ю. — 12
ГУЦМАН, член общины ХВЕ (г. Ровно) — 58
ДАВИДЕНКО Г. М. — 12, 120
ДАВИДОВИЧ Е. — 4
ДАВИДОВИЧ Е. А. — 8
ДАВЫДОВ В. И. — 105
ДАВЫДОВ Г. (Е.) В. — 7, 10, 42, 101
ДАНИЛЮК И. Ф. — 57
ДАНИЭЛЬ А. Ю. — 194
ДАНИЭЛЬ Ю. М. — 164
ДАРГУЖИС Э. -П. — 79
ДАСКОЛ Ж. — 8
ДВОРЯНСКИЙ В. А. — 2, 189
ДЕВИНД А. — 133
ДЕВИС А. — 27
ДЕГНЕР М. А. — 216, 225

ДЕГТЯННИКОВ, сотрудник управления КГБ по ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ДЕДЮЛИН С. В. — 115
ДЕМИДИВ (ДЕМИДОВ) Д. И. — 7, 26, 101
ДЕМИДОВ Д. И. — см. ДЕМИДИВ Д. И.
ДЕМИТРАДЗЕ Н. — 40
ДЕМЧИШИН А. И. — 144
ДЕНИСОВ Ю. С. — 106
ДЕТЕНГОФ Ф. Ф. — 122
ДЖЕМИЛЕВ А. — 78
ДЖЕМИЛЕВ М. — 2, 10, 29, 42, 60, 78, 80, 81, 93, 115, 136, 150, 154, 165, 189
ДЖЕМИЛЕВ Р. — 59, 93, 136, 186
ДЖЕМИЛЕВА З. — 59
ДЖИЛАС М. — 50
ДЗЮБА Ю. В. — 27, 212
ДЗЯДКО В. М. — 52, 132, 155
ДИДЕНКО П. П. — 9
ДИДЫК Г. Т. — 138
ДИНСТБИР И. — 134, 142
ДМИТРИЕНКО О. Г. — 9
ДОБИНАС, педагог (г. Вильнюс) — 31
ДОБРЫНИН А. Ф. — 50
ДОВГАНИЧ З. П. — 87
ДОЙНИКОВ А.А., сотрудник Владимирской тюрьмы — 120
ДОЛГОТЕР Я. Н. — 79, 128
ДОЛИШНИЙ В. М. — 150
ДРЕЙФУС А. — 67, 75, 90
ДРОЗДОВА, сотрудница ОВИР (г. Находка) — 58
ДРОЗДОВА Л. А. — 105
ДРОТ В. — 45
ДУБРОВЕЦ В. — 106
ДУДИН Н. — 101
ДУДКО Д. С. — 149, 153, 156, 163, 164, 212
ДУМАЛО П. Г. — 9
ДЫМКО Т. Н. — 105
ДЫМШИЦ М. Ю. — 62, 203
ДЫХОВИЧ, отказник (Винница) — 45
ДЮБУФФЕ Ж. — 40
ДЯДЬКИН И. Г. — 176
ДЯК М. Д. — 42
ДЯКИН Г. Г. — 172
ЕВДОКИМОВ Б. Д. — 122
ЕВСЮКОВ С. Д. — 193
ЕВСЮКОВ С. С. — 193
ЕВСЮКОВА Л. С. — 193
ЕГИДЕС П. М. — 93, 106, 107, 119, 125, 148, 155
ЕЛИСТРАТОВ В. М. — 4, 8, 106, 113, 114, 136, 182
ЕЛИСТРАТОВА Б. Ш. — 113
ЕМЕЛЬЯНОВ В. Н. — 204
ЕМЕЛЬЯНОВА И. — 87
ЕПИШЕВ Н. — 136
ЕРМАКОВ А. С. — 27
ЕРМАКОВА, прапорщик ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ЕРМОЛАЕВ С. Л. — 106, 111, 136, 187
ЕРМОЛОВА А. П. — 14
ЕРЫГИНА Е. Н. — 192
ЕФАНОВА С. Н. — 218
ЕФИМОВ С. С. — 120
ЕФИМОВ Ю. А. — 164
ЕФРОЙКИН Г. Е. (Е. Г.?) — 186
ЖВИКАЙТЕ В. — 136
ЖДАНОВ Ю. Г. — 186
ЖЕЛТОВ, зам. пред. колхоза (Воронежская обл.) — 195
ЖЕЛУДКОВ С. А. — 43, 48
ЖЕРЕБИЛОВ Ю. — 136
ЖИВОТЯГИНА Е. (К.) С. — 9
ЖИЛИН В. И. — 120, 181
ЖМАКИН, сотрудник прокуратуры (г. Владимир) — 152, 156, 158, 159
ЖОЛКОВСКАЯ (ГИНЗБУРГ) И. С. — 3, 40, 57, 65, 93, 100, 114, 132, 134, 223
ЗАГУРСКИЙ С. С. — 120
ЗАЙНУТДИНОВ К. С. — 173
ЗАЙЦЕВА О. Ф. — 144, 167, 221
ЗАКС Ю. Б. — 48, 93, 114
ЗАЛИВИНА, майор медслужбы УВД (г.Владимир) — 101
ЗАЛМАНСОН В. И. — 8, 62
ЗАЛМАНСОН И. И. — 7, 8, 62, 120, 144
ЗАМОВСКАЯ З. С. — 101
ЗАМЯТИН Е. И. — 40
ЗАОЧНАЯ Т. К. — 40, 113, 114
ЗАПОРОЖЕЦ В. Р. — 104, 192
ЗАПОРОЖЕЦ Г. Н. — 104
ЗАПОРОЖЕЦ И. Н. — 104
ЗАПОРОЖЕЦ Л. Н. — 104
ЗАРИЦКАЯ Е. М. — 12
ЗАСЛАВСКИЙ В. А. — 164
ЗАТИКЯН С. С. — 114, 136, 152, 159, 165
ЗАХАРОВ И. П. — 83
ЗАХАРОВ С. А. — 227
ЗАХАРОВ Ю. С. — 161
ЗАХАРЧЕНКО В. И. — 7
ЗВЕРЕВ А. И. — 11
ЗВЕРЕВ М. С. — 58
ЗДАНОВСКАЯ Л. И. — 145

ЗДОРОВЫЙ А. К. — 7, 101, 102, 212
ЗЕЙБЕЛЬ А. — 105
ЗЕЙТУНЯН А. А. — 120
ЗЕНАБАДДИНОВ Р. — 22
ЗИНЕЦ М. М. — 192
ЗИНОВЬЕВ А. А. — 68, 81
ЗИНЧЕНКО (ЗАЙЧЕНКО) А. М. — 105, 196, 198
ЗИНЧЕНКО Э. Н. — 59
ЗИСЕЛЬС И. С. — 111, 116, 136
ЗИСЕЛЬС Ирена — 116
ЗИССЕЛЬС С. С. — 116
ЗЛЮЧИЙ В. Н. — 175
ЗМОЙРО Б. Е. — 164
ЗОГРАБЯН Р. А. — 7, 26, 42, 120, 143
ЗОЛОТУХИН, сотрудник ОВИР (Москва) — 11
ЗОЛОТУХИН Б. А. — 164
ЗОРИН, народный заседатель — 170
ЗОРИН В. С. — 206
ЗОСИМОВ В. И. — 23, 62
ЗОТОВ А. Г. — 132
ЗОТОВ М. В. — 199, 211
ЗУБКО С. А. — 182, 214
ЗУБКОВ, нач. РОВД (Москва) — 106
ИВАНОВ А. И. — 3, 10, 11
ИВАНОВ В. А. — 27, 40
ИВАНОВ И. Л. — 90
ИВАНОВ М. А. — 131
ИВАНОВ Н. В. — 12
ИВАНОВА, сотрудник райисполкома (Одесса) — 27
ИВАНОВА Н. — 192
ИВАНЧЕНКО А. Г. — 93, 109
ИВАСЮК В. М. — 138
ИГНАТЕНКО, судья (Черновицкая обл.) — 58
ИГНАТЬЕВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
ИГРУНОВ В. В. — 10
ИЗААК Г. П. — 53
ИЛИ Г. А. — 213
ИЛЬИНА Е. В. — 28
ИЛЬИНА Ю. В. — 28
ИЛЬИНА Э. П. — 24, 28, 40
ИОФЕ О. Ю. — 93, 177
ИОФФЕ А. — 4
ИОФФЕ Г. — 4
ИСАКОВ, народный заседатель Тобольского горсуда — 96
ИСАКОВА В. И. — 32, 48
ИСМАГИЛОВ К. Н. — 101, 120
ИЩЕНКО В. С. — 116
КАДАШЕВ Д. — 8
КАЗАКОВ С. С. — 101
КАЗАЧКОВ М. П. — 102, 136, 143
КАЛИНИНА, адвокат — 172
КАЛИНИЧЕНКО В. В. — 12, 136
КАЛИНЕЦ З. И. — 26
КАЛИНЕЦ И. М. — 7, 26, 95, 96, 136
КАЛИНЕЦ (СТАСИВ-КАЛИНЕЦ) И. О. — 26, 32, 42, 95, 96, 102, 115, 136, 150
КАЛЛИСТРАТОВА С. В. — 22, 38, 48, 56, 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228
КАЛЫНЧЕЦ З. — 3
КАЛЮЖНЫЙ Д. — 138
КАЛЯНДРА, пресвитер общины ЕХБ (г. Майкоп) — 52
КАМИНСКАЯ Д. И. — 29, 164
КАМИНСКИЙ В. — 45
КАМПОВ П. Ф. — 42, 80
КАНАЦКАЯ Е. А. — 9
КАНДЕЛЬ Ф. С. — 4, 45, 48
КАНДЫБА И. А. — 7, 12, 26, 32, 35, 36, 57, 59, 66, 80, 136, 138, 197
КАНЕВСКИЙ Б. И. — 146
КАНЕВСКИЙ В. — 218
КАПИТАНЧУК В. А. — 43, 57, 62, 66, 93, 100, 145, 163, 164, 173
КАПИЦА П. Л. — 87, 194, 217
КАПЛУН И. М. — 3, 32, 38, 40, 48, 54, 61, 103, 158, 177, 189
КАРАВАНСКИЙ С. И. — 7, 26, 27, 32, 42, 95, 102
КАРАГУЛЯН Р. — 136
КАРАЕВ А. — 60
КАРБОВСКАЯ Ф. И. — 79
КАРДАСЕВИЧ Л. В. — 3, 32, 48
КАРМАЦКИЙ, следователь КГБ (Ленинград) — 104
КАРТЕР Дж.- Э. — 40, 50, 52, 65, 90, 126, 128

КАРТЕР Х. — 107
КАСАТКИН (РОЗАНОВ) Н. — 178
КАСЬЯН Я.Г. — 11
КВАЧЕВСКИЙ Л. Б. — 50, 181
КЕНЖАМЕТОВ Я. — 22
КЕРИ Дж. — 133
КИБАРТАС М. — 120
КИВАДОВА Л. П. — 27
КИВИЛО К. (Х). А. — 26
КИЗЕЛОВ Ф. Ф. — 154, 196
КИЙРЕНД М. А. — 10, 120
КИЛЛАНЕН М. — 89
КИРИЛЛИН В. А. — 87
КИРИЯК З. К. — 58
КИРСНАУСКАЙТЕ З. С. — 192
КИСЕЛЕВ Ю. И. — 110, 134, 141, 144, 147, 167
КИСЕЛИК А. Т. — 120
КИСЛИК В. С. — 4, 8, 45, 206, 207
КИСЛИК С. И. — 206
КИССЕНИШСКИЙ М. М. — 164
КЛЕБАНОВ В. А. — 15, 71, 109, 118, 127, 131
КЛИНК А. — 53
КЛИНК В. А. — 53
КЛИНКОВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
КНАВИНЬШ В. К. — 120
КНЯЗЕВ В. С. — 148, 161
КОВАЛЕВ, милиционер (Ставропольский кр.) — 104
КОВАЛЕВ И. С. — 84, 102, 106, 130, 134, 138, 146, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 219, 227, 228
КОВАЛЕВ С. А. — 7, 10, 29, 32, 36, 42, 62, 87, 89, 90, 95, 96, 98, 100, 101, 120, 130, 136, 144, 145, 156, 163, 164, 173, 186, 193, 215, 219, 227
КОВАЛЕВА М. С. — 227
КОВАЛЬСКАЯ, верующая УГКЦ, политзаключенная — 192
КОВАЛЬСКИЙ, свидетель на суде — 186
КОВАЛЬЧУК В. — 58
КОВТУНЕНКО М. С. — 59
КОГАН И. — 40
КОГАН Л. — 67
КОГАН Н. — 4, 8
КОГАН Э. М. — 164
КОЛЕСНИКОВА (РЕПИНА) Е. Ю. — 136
КОЛЕСНИКОВА Т. Ю. — 136
КОЛЕСНИЧЕНКО Г. Г. — 120
КОЛОСОВ Н. Н. — 170, 217
КОМАРНИЦКИЙ Е. Б. — 136
КОМАРОВА (НЕКИПЕЛОВА) Н. М. — 57, 106, 134, 170, 185, 187
КОНКВЕСТ (КОНКВИСТ) Р. — 40
КОНОВАЛИХИН В. И. — 104, 105, 136, 150
КОНОВАЛОВ, судья (г. Тобольск) — 96
КОНРАД П. — 52
КОНСТАНТИНОВ В. К. — 9
КОНЧАК Э. — 58
КОПЕЛЕВ Л. З. — 81, 84, 103
КОПЫСОВ И. П. — 38
КОРВАЛАН Л. — 18, 20, 30, 33, 40, 42
КОРЕЦКИЙ А. Г. — 59
КОРЖАВИН Н. М. — 40
КОРЗУН, сотрудник милиции (Иркутская обл.) — 21
КОРНИЛОВ В. Н. — 20, 43, 48, 81, 84, 103
КОРОВУШКИН, сотрудник КГБ (г. Кольчугино, Владимирская обл.) — 110
КОРОЛЬ Г. А. — 9
КОРОТИЧ В. — 84
КОРЧАК А. А. — 1, 10, 14, 15, 16, 17, 24, 29, 30, 32, 35, 36, 37, 44, 45, 46
КОРЯГИН А. И. — 196, 201, 210, 212, 224, 228
КОРЯКОВ М. М. — 198
КОСАЧЕВИЧ Л. М. — 192
КОСТАВА М. И. — 43, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 95, 104, 112, 126
КОСТЕРИН Р. Ф. — 104, 165
КОСТЕРИНА Е. А. — 40
КОСТЕРИНА И. П. — 104
КОСТРИКИН А. И. — 146
КОСУЛИН О. С.— 198
КОСЫГИН А. Н. — 9, 65
КОТОВИЧ М. П. — 52, 105
КОТОВСКИЙ, сотрудник обл. профсоюза работников пищевой промышленности (Одесса) — 27
КОФМАНСКИЙ Д. — 8
КОЦ Н. (М). Г. — 150
КОЦЮБИНСКАЯ М. Ф. — 55
КОЦЮРБА А. А. — 116
КОШАРОВСКИЙ Ю. М. — 4, 45
КРАВЧЕНКО Н. А. — 163
КРАФТ Дж. — 56

КРЕЙДЛИН Г. Е. — 204
КРЕМЕНЬ Г. — 113
КРЕМЕНЬ М. Ш. — 8, 106, 113, 182
КРИВОБЕРЕЦ Е. Г. — 79
КРИВОВ, следователь КГБ (Владимир) — 194
КРИВОВ А. М. — 10
КРУГЛОВ А. Е. — 40
КРУПЧАН А. Д. — 206
КРЫЛОВ, сотрудник прокуратуры (Москва) — 161
КРЫЛОВА Л. Р. — 192
КРЯЖИН Н. Н. — 106
КУВАКИН В. Д. — 81, 106, 136, 148, 209
КУВАЛДИН А. Г. — 83
КУДИРКА С. — 120
КУДРЯВЦЕВ И. А. — 208
КУДРЯШЕВ Г. Н. — 135
КУДРЯШЕВЫ, семья — 135
КУЗМИЧ С. А. — 9
КУЗНЕЦОВ, сотрудник ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
КУЗНЕЦОВ, сотрудник КГБ (Ленинград) — 104
КУЗНЕЦОВ Э. С. — 7, 32, 42, 181, 203
КУЗНЕЦОВА А. И. — 120
КУКОБАКА М. И. — 38, 40, 93, 104, 109, 111, 131, 136, 147, 170, 185, 187
КУЛАГИН П. — 136
КУЛДЫШЕВА Г. Л. — 192
КУЛЕШОВ Э. Я. — 109, 111, 131, 136, 147, 170
КУЛЬВЕТИТЕ Л. — 136
КУНИЦА Н. Н. — 58
КУПЦОВ Б. М. — 27
КУРГАНСКАЯ О. Е. — 106
КУРГАНСКИЙ О. — 221
КУРКИС А. — 120
КУРНЕЛЬ А. Б. — 40
КУРСЕИТОВА К. — 60
КУРСЕИТОВА Н. — 60
КУРСКИЙ Д. И. — 217
КУРТЬ Г. А. — 9
КУРЧИК Н. Я. — 26
КУЧАЙ Л. — 136
КУШНЕР, отказник — 4
КУШНИР А. С. — 218
КЫТМАНОВ (КИТМАНОВ?), сотрудник ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
ЛАВРОВ, сотрудник КГБ (Москва) — 109
ЛАВУТ А. П. — 22, 32, 48, 57, 60, 62, 66, 84, 93, 100, 103, 106, 114, 134, 141, 153, 154, 156, 158, 163, 164, 186, 204, 210, 215, 219, 224, 227, 228
ЛАВУТ Т. А. — 93
ЛАЗАРИС В. С. — 8, 45
ЛАЗУТКИН В. Ф. — 136
ЛАНДА М. Н. — 1, 3, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 62, 66, 69, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 168, 187, 192, 194, 201, 223, 224, 228
ЛАПЕНИС В. — 101, 144
ЛАПК (ЛАПОК, ЛАПКА?) М., житель Канады — 52
ЛАРЧЕНКОВ М. С. — 14
ЛАШКОВА В. И. — 90, 132
ЛЕБЕДЕВ В. В. — 16, 83
ЛЕБЕДЕВА, партийный работник (Ленинград) — 28
ЛЕБЕДЕВА Н. В. — 9
ЛЕБЕДЕВА Т. Г. — 136
ЛЕВАШОВ, свидетель на суде (Таруса?) — 90
ЛЕВИН А. З. — 198
ЛЕВИН И. Д. — 40, 48
ЛЕВИН С. И. — 48
ЛЕВИНШТЕЙН Б. — 182
ЛЕВИНШТЕЙН В. — 182
ЛЕВИТАС Б. — 8
ЛЕВИЦКАЯ А. — 214
ЛЕВИЧ В. Г. — 8, 45, 87
ЛЕДЕНОВ И. Ф. — 104
ЛЕИН Е. Б. — 207, 216
ЛЕНИН В. И. — 27, 118, 186, 189, 217
ЛЕНЧИК Е. — 8
ЛЕОНТЬЕВ Д. А. — 84, 106
ЛЕОНТЬЕВА М. С. — 14
ЛЕПЕТУНИН, следователь КГБ (Ленинград) — 104
ЛЕПШИН И. С. — 79, 128
ЛЕРНЕР А. Я. — 4, 8, 45, 48, 67, 87, 113
ЛЕРТ (ЛЕВЕНБЕРГ) Р. Б. — 93, 98, 103, 107, 136, 148, 155, 179
ЛЕСНИЧЕНКО Н. В. — 14
ЛИБЕРМАН Е. — 45
ЛИБЕРМАН Л. — 8

ЛИВЧАК В. Ф. — 67, 103, 132
ЛИПАВСКИЙ А. (С.) Л. — 8, 16, 45, 55, 90, 126
ЛИПИНСКАЯ В. О. — 192
ЛИПСКАЯ А. Э. — 106
ЛИСОВОЙ В. С. — 7, 42, 87, 95, 120, 136, 150, 165
ЛИСОВСКАЯ Н. П. — 32, 145, 223
ЛИТВИН Ю. Т. — 101, 115, 136, 138
ЛИТВИНОВ П. М. — 29, 204
ЛИФШИЦ А. — 106
ЛОГУШ, статья о нем — 40
ЛОЗИНГ Р. И. — 205
ЛОЗОВСКИЙ Л. А. — 176
ЛОКШИН О. А. — 207, 225
ЛОРЕНЦСОН (ЛОРЕНСЦОН) А. В. — 218
ЛОСЬ Т. А. — 105, 138
ЛОУБЕР Г. — 38
ЛУБЕНСКАЯ Л. И. — 45
ЛУБЕНЦОВА В. Г. — 173, 195
ЛУИ В. (ЛЕВИН В. Е.) — 43
ЛУКАУСКАЙТЕ-ПОШКЕНЕ О. — 11
ЛУКЬЯНЕНКО Л. Г. — 7, 12, 19, 32, 35, 36, 57, 59, 66, 80, 89, 94, 96, 98, 104, 112, 120, 126, 136, 138, 197
ЛУЦЕНКО И. — 9
ЛУЦИК М. П. — 122
ЛУЩ К. К. — 120, 144
ЛЫСЕНКО В. — 136
ЛЬВОВСКИЙ М. И. — 8
ЛЮБАРСКАЯ Л. А. — 87
ЛЮБАРСКИЙ К. А. — 7, 10, 40, 48, 55, 57, 59, 65, 80, 87, 161, 175, 223
ЛЯХ П. М. — 9
МАВРИН В. Г. — 143
МАГЕР, отказник (Винница) — 45
МАГИДОВИЧ А. Б. — 105, 220
МАГНЕР А. — 8
МАЗУР З. С. — 9
МАЙ А. В. — 8, 45, 48
МАЙНХОФ У. — 43
МАКАР-ЛИМАНОВ Л. Г. — 182
МАКАРЕНКО (ХЕРШКОВИЧ) М. Я. — 7, 32
МАККЛЕЛЛАН В. — 11, 52
МАККЛЕЛЛАН И. — 11, 52
МАКСИМОВ В. Е. — 40, 227
МАКСИМОВА, прокурор (Москва) — 172
МАЛАФЕЕВ (МАЛОФЕЕВ) В. Н. — 143
МАЛАХАЗЯН (МАЛХАЗЯН, МАЛХАСЯН) А. Р. — 52
МАЛИНКОВИЧ В. Д. — 106, 115, 116, 117, 134, 136, 138
МАЛКИН А(Н). В. — 10
МАЛЬЦЕВ В. Н. — 79
МАЛЭЙКИЙ (МАЛЕЙКИЙ) В. — 52
МАЛЯРОВ М. П. — 60
МАМУТ М. — 22, 136
МАМЧУР С. Я. — 26, 120
МАНАШИРОВ А. — 8
МАНДЕЛЬШТАМ О. Э. — 29, 111, 115
МАНИН С. Д. — 9
МАРИНОВИЧ М. Ф. — 35, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 94, 112, 126, 136, 137, 138, 144
МАРКОСЯН Р. Г. — 7, 42, 120, 150, 165, 175
МАРКС К. — 40
МАРСАЛ А. М. — 205, 216
МАРЧЕНКО, психиатр — 177
МАРЧЕНКО А. Т. — 1, 7, 10, 12, 17, 21, 24, 29, 42, 59, 62, 150, 194, 217, 219
МАРЧЕНКО В. В. — 7, 32, 42, 95, 120
МАСЛОВ И. Т. — 40
МАСЛОВ С. И. — 79
МАСЛОВ Э. — 15
МАСЮЛЕНИС (МАСЮЛИОНИС) А. — 31
МАТВЕЕВ С. М. — 83
МАТВЕЕВ Я. И. — 83
МАТВЕЕВА Д. Я. — 16, 83
МАТВЕЕВА Ф. И. — 83
МАТВИЮК К. И. — 7, 80
МАТРЕВИЧ И. С. — 9
МАТУСЕВИЧ Н. (М). И. — 35, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 94, 112, 120, 126, 136, 137, 138, 181
МАТУСЕВИЧ О. Д. — см. ГЕЙКО (МАТУСЕВИЧ) О. Д.
МАТЬКО А. Г. — 10
МАЦЮЛЕВИЧ, майор милиции (Вильнюс) — 31
МАШКОВА (ЦИХМЕСТЕР) В. Е. — 48
МЕДВЕДЕВ Ж. А. — 198
МЕДВЕДЕВ Р. А. — 40, 98, 170
МЕЖАЛС Я. — 101, 120
МЕЙЛАНОВ В. С. — 183
МЕЙМАН Н. Н. — 40, 43, 45, 48, 50, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 153, 155, 156, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 182,

183, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 195, 196, 198, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 228
МЕЛЕНКО Л. Г. — 192
МЕЛЬНИК, житель Хмельницкой обл. — 9
МЕЛЬНИК, секретарь обкома КПСС (Кабардино-Балкарская АССР) — 216
МЕЛЬНИК В. — 58
МЕЛЬНИК М. С. — 115, 136, 138
МЕЛЬНИЧУК Т. Ю. — 12, 136, 138
МЕМЕТОВ С. — 60, 136
МЕНДЕЛЕВИЧ И. М. — 42, 62, 143, 164
МЕНДЖЕРИЦКАЯ Г. — 45
МЕТКЕ, семья — 52
МЕТКЕ П. П. — 52
МЕШ Я. — 218
МЕШЕНЕР И. Я. — 7, 120
МЕШКО О. Я. — 7, 19, 26, 40, 42, 47, 57, 59, 94, 111, 115, 136, 138, 191, 192
МИЗРУХИН А. — 45
МИЛЛЕР А. Р. — 105
МИЛЛЕР Г. Ф. — 216, 225
МИЛЬГРОМ И. П. — 113, 219
МИНИ Дж. — 27
МИРОНОВ, свидетель на суде (Тула) — 220
МИСЕВРА А. П. — 212
МИТЮК, заключенный ИТК ЖХ-385 (Мордовская АССР) — 120
МИХЕЕВ Д. Ф. — 93
МИХЕЛЬ Н. Ф. — 79
МИХЕЛЬ П. А. — 40
МИХЕЛЬ Ф. — 53
МИШКЕНИС (МЕШКИНИС) А. — 120
МИЩЕНКО С. М. — 182
МНЮХ Ю. В. — 40, 46, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55
МОИСЕЕВА Е. В. — 9
МОЛАЙН, супруги — 225
МОЛОК А. — 59
МОЛОТОВ В. М. — 145, 195
МОНАСТЫРСКИЙ Б. Б. — 144
МОНБЛАНОВ В. В. — 136, 138
МОРКУНАС (МАРКУНАС) С. — 144
МОРОЗ В. В. — 26
МОРОЗ В. Я. — 6, 7, 10, 26, 27, 40, 42, 95
МОРОЗ Р. В. — 26
МОРОЗОВ, сотрудник прокуратуры (Москва) — 40
МОРОЗОВ М. А. — 48, 104, 109, 111, 165
МОТРЮК Н. Н. — 7, 26
МОТЯГИНА, учитель (Краснодарский край) — 79
МОШКИН, заключенный тюрьмы ЮУ-323/СТ-2 (Липецкая обл.) — 189
МУЛЬТАХ Л. — 8
МУЛЯР А. И. — 9
МУРАВЛЕВ Н. — 9
МУРАВЛЕВА Н. — 9
МУРЖЕНКО А. Г. — 7, 42, 62, 81, 203
МУРЖЕНКО Л. П. — 81
МУРЗИН, следователь КГБ (Харьков) — 196
МУСТАФАЕВ Н. — 60
МУСТАФАЕВА З. — 60
МЯСНИКОВ А. А. — 208
МЯТИК К. Я. — 10, 102, 144
НАБОКОВ В. В. — 40, 111
НАВАСАРДЯН А. П. — 7
НАВИЦКАЙТЕ Г. — 192
НАГЛЕ И. Л. — 221
НАГРЕЦКАЙТЕ Э. К. — 79
НАЗАРУК А. — 9
НАЗАРУК Н. — 9
НАЗАРЯН Р. Х. — 111, 112, 126, 136, 139, 175
НАЙДЕНОВИЧ А. П. — 106
НАРИЦА М. А. — 10
НАРТОВА Е. — 218
НАТАНЗОН А. М. — 40
НАШПИЦ М. Х. — 4, 8, 107
НЕВЕРОВА П. Т. — 9
НЕДОБОРА В. Г. — 198
НЕЙМОТИН Е. И. — 105
НЕЙЕР А. — 133
НЕКИПЕЛОВ В. А. — 22, 32, 40, 57, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 147, 150, 152, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 168, 170, 172, 188, 195, 198, 201, 210, 224, 228
НЕКИПЕЛОВ Е. В. — 170
НЕКИПЕЛОВ С. В. — 170
НЕКИПЕЛОВА Н. М. — см. КОМАРОВА (НЕКИПЕЛОВА) Н. М.
НЕЛЮБИН С. В. — 144
НЕМЕЦ И. — 134
НЕМИРИНСКАЯ Н. Я. — 116, 182
НЕМЦОВА Д. — 134, 142

НЕСТЕРЕНКО, сотрудник КГБ (Москва) — 106
НЕСТЕРОВ В. В. — 36, 40, 125
НИЗОВЦЕВА Н. — 155
НИКИТИН А. В. — 196
НИКИТИН Г. А. — 212
НИКИТИН Н. Е. — 109, 136
НИКИТКОВ А. В. — 135
НИКЛУС М. -О. — 14
НИКОЛАЕВ, сотрудник МВД (г. Чистополь) — 143
НИКОЛАЕВ Е. Б. — 105, 106, 109, 113, 114, 132
НИКОЛАЕВ Н. В. — 40
НИКОРА О. Г. — 136, 192
НИКСОН Р.- М. — 65
НИКУЛИН Л. — 8
НОВИКОВ М. З. — 4, 8, 204
НОВИКОВА И. — 4
НОВОДВОРСКАЯ В. И. — 109, 111, 136
НОЖАК О. — 192
НОКИН, задержанный (Москва?) — 84
НУДЕЛЬ И. Я. — 4, 8, 48, 84, 86, 88, 89, 91, 96, 107, 136, 150, 192
ОБЕРТАС Е. В. — 55
ОБИДИН В. С. — 8, 10, 11, 52
ОБРАЗЦОВ П. И. — 7, 160
ОВСИЕНКО В. В. — 111, 115, 136, 138, 219
ОВСИЩЕР Л. П. — 4, 8, 43
ОВЧАРЕНКО Н. А. — 192
ОГОРОДНИКОВ А. И. — 111, 136, 149, 174
ОГУРЦОВ И. В. — 26, 32, 89, 120, 121, 136, 143
ОКУЛОВА Ю. Н. — см. ВОЗНЕСЕНСКАЯ (ОКУЛОВА) Ю. Н.
ОКУНЬ М. — 8
ОМЕЛЬЧЕНКО Н. Б. — 208
ОНИЩЕНКО А. С. — 79
ОНУФРИЕВА Н. И. — 9
ОПАНАСЕНКО П. М. — 120
ОРЕХОВ, сотрудник прокуратуры (г. Пермь) — 120
ОРЛОВ А. К. — 21, 27, 114
ОРЛОВ Ю. Ф. — 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 63, 66, 69, 75, 84, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 104, 110, 111, 112, 115, 116, 120, 126, 128, 133, 136, 137, 151, 156, 159, 161, 164, 197, 201, 219, 224, 228
ОРЛОВА (ур. ВАЛИТОВА) И. А. — 46, 47, 55, 57, 69, 84, 93, 100, 114, 132, 224
ОРУЭЛЛ (ОРВЕЛЛ) Д. — 40
ОСАДЧИЙ М. Г. — 7, 42, 95, 136, 147, 150
ОСИПЕНКО И. Ф. — 172
ОСИПОВ А. И. — 173
ОСИПОВ В. Н. — 7, 10, 32, 42, 75, 82, 95, 101, 112, 120, 131, 181
ОСИПОВА Т. С. — 48, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 122, 124, 125, 126, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 192, 195, 201, 210, 215, 219, 224, 227, 228
ОСМАНОВ Н. — 40
ОСОЛО, зам. нач. УВД (г. Одесса) — 11
ОСТРОВСКИЙ И. П. — 120
ОХАПКИН О. А. — 136
ОЧЕРЕТЯНСКИЙ М. — 216
ПАВЛЕНКОВ В. В. — 104, 136
ПАВЛЕНКОВ В. К. — 7, 120, 132
ПАВЛЕНКОВА (ГЕРАСИМОВА) С. Б. — 132
ПАВЛОВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
ПАВЛОВ В. М. — 27, 40
ПАВЛОВИЧ К. — 58
ПАВЛОВСКИЙ Г. О. — 107, 125, 148, 155, 156
ПАЗЮК Ф. Р. — 9
ПАЙЛОДЗЕ В. С. — 62, 66
ПАЛАХ Я. — 170
ПАЛЕНИС Р. — 31
ПАНТЮХИН, сотрудник прокуратуры (Москва) — 40
ПАНФИЛОВА Н. А. — 40
ПАРГАМАНИК Е. И. — 67
ПАРИЦКИЙ А. С. — 225
ПАСТЕРНАК Б. Л. — 29
ПАТРУШЕВ В. Ф. — 41
ПАУЛАЙТИС П. К. — 144
ПАШНИН Е. И. — 7, 65, 194
ПЕВЗНЕР В. — 218
ПЕГОВ А. М. — 60
ПЕДАН Л. В. — 7
ПЕНСОН Б. С. — см. ПЭНСОН (ПЕНСОН) Б. С.
ПЕРАЛЬТА, сотрудник Генерального директората безопасности Испании — 4
ПЕРОВ Ю. — 208
ПЕРЦЕВ Л. Л. — 11

ПЕРЦЕВА А. А. — 11
ПЕРЧАТКИН Б. Г. — 41, 58, 65, 136
ПЕРЧАТКИНА З. И. — 136
ПЕТЕРС Я. — 53
ПЕТРАШ, верующий ХВЕ-П (Коммунарск?) — 11
ПЕТРАШ С. В. — 136, 138
ПЕТРЕНКО А. И. — 9
ПЕТРЕНКО Г. И. — 58
ПЕТРЕНКО Н. — 9
ПЕТРЕНКО-ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ М. Г. — 40, 103, 106, 114, 132, 134, 164, 187
ПЕТРОВ А. Ф. — 124
ПЕТРОВ В. А. — 220, 222
ПЕТРОВ В. В. — 102
ПЕТРОВ В. И. — 129
ПЕТРОВ И. В. — 120
ПЕТРОВ-АГАТОВ А. А. — 12, 46, 55
ПЕТРОВСКИЙ Б. В. — 185
ПЕТУШКОВ, партийный работник (г. Советск) — 104
ПЕХАРЕВ В. М. — 101
ПИДГОРОДЕЦКИЙ В. В. — 7, 26, 42, 120, 144
ПИЛЬНИКОВ В. М. — 182
ПИМЕН, патриарх (в миру Извеков С. М.) — 40
ПИРУС В. Л. — 120
ПИСКАРЕВ Е. М. — 83
ПИСКОВИЦКАЯ, сотрудник ОВИРа (Ленинград) — 28
ПИЦУЛ К. В. — 58
ПЛАТОШИН, политзаключенный — 42
ПЛАХОТНЮК Н. Г. — 122, 136
ПЛЕЙШС П. В. — 101, 120
ПЛЕШКОВ Н. А. — 194
ПЛОТНИКОВ Н. — 25, 58
ПЛУМПА (ПЛУЙРАС-ПЛУМПА) П. В. — 120
ПЛЮЩ Л. И. — 4, 6, 10, 38, 39, 50, 59, 186
ПЛЮЩ-ЖИТНИКОВА Т.И. — 4
ПОДГОРНЫЙ Н. В. — 9, 28, 40, 52, 60
ПОДОСИННИКОВА М. П. — 79
ПОДРАБИНЕК А. П. — 38, 40, 54, 57, 59, 61, 62, 66, 84, 85, 89, 96, 104, 112, 116, 122, 126, 150, 155, 158, 162, 165, 166, 169, 177, 189, 195, 201, 209, 210, 212, 224, 226, 228
ПОДРАБИНЕК К. П. — 59, 85, 96, 98, 136, 189, 202, 226
ПОДРАБИНЕК П. А. — 106, 116, 189, 202, 221, 226
ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ М. Г. — См. ПЕТРЕНКО-ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ М. Г.
ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ Г. С. — 40
ПОДЪЯЧАЯ Д. А. — 79
ПОЗДЕЕВ Ю. Б. — 164
ПОЛЕТАЕВА Н. П. — 52
ПОЛЕЩУК (ПОЛИЩУК?) В. — 136
ПОЛИКАНОВ С. М. — 84, 90, 91, 92, 93, 94, 95
ПОЛИКАНОВА А. И. — 84, 93
ПОЛИЩУК, сотрудник КГБ (Львовская обл.) — 197
ПОЛИЩУК А. А. — 4, 28, 48, 58
ПОЛОЦКИЙ Н. — 45
ПОЛТИННИКОВ И. — 8
ПОЛУДЕНЬ Н. П. — 197
ПОЛУЭКТОВА Л. — 57, 145
ПОЛЯКОВ, сотрудник ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
ПОЛЯКОВ, сотрудник ИТК (г. Омск) — 27
ПОЛЯКОВ М. — 195
ПОЛЯКОВ И. А. — 136
ПОМАЗОВ (ПОМОЗОВ) В. В. — 132
ПОНОМАРЕВ В. В. — 198
ПОНОМАРЕВ Г. В. — 158, 161
ПОНОМАРЕНКО, сотрудник КГБ (Одесса) — 11
ПОПАДЮК З. В. — 7, 120
ПОПКОВ В. М. — 149, 173, 174
ПОПЛАВСКИЙ В. Т. — 81, 118
ПОПОВ К. Н. — 221
ПОПОВ Л. М. — 173
ПОПОВ Н. Ф. — 135
ПОПОВ О. А. — 208, 221
ПОПОВИЧ О. З. — 7, 32, 42, 120, 144
ПОРЕШ В. Ю. — 136, 149, 174
ПОТИЕВСКИЙ Я. — 8
ПОТОЦКАЯ М. — 116
ПРАЗДНИКОВА Т. Н. — 186, 204
ПРЕСС Ф. — 107
ПРЕСТИН В. — 4, 8, 45, 204
ПРИХОДЬКО Г. А. — 7, 101
ПРИШЛЯК Е. С. — 7, 120
ПРОЗОРОВ И. С. — 200
ПРОКОФЬЕВ Г. В. — 164
ПРОНЮК Е. В. — 7, 26, 42, 95, 101, 120, 144, 150
ПРОХОРОВ В. — 93
ПУСТОУТОВ А. П. — 173
ПЫЖОВЫ, семья — 25
ПЭНСОН (ПЕНСОН) Б. С. — 7, 8, 10, 95
ПЯТКУС В. — 31, 59, 62, 66, 89, 90, 94, 98, 104, 112, 116, 126, 145, 136, 143, 145, 156
РАБИНОВИЧ М. — 8
РАВИНЬШ М. — 136, 143
РАВИЧ М. — 218

РАГАЙШИС Р.- Ю. — 136
РАЙЗ В. Ш. — 4, 45
РАКША П. В. — 136
РАТУШНАЯ П. К. — 9
РАУШ Г. А. — 213
РАУШ Г. И. — 213
РАУШ И. Г. — 213
РАХЛЕНКО Я. Г. — 8, 45, 113
РАШКОВСКАЯ Б. — 8
РЕБРИК Б. В. — 7, 96
РЕБРОВ М. Т. — 131
РЕВНЮК М. К. — 9
РЕГЕЛЬСОН Л. Л. — 48, 153, 156, 163, 164, 173
РЕГЕЛЬСОН (ур. ИВАНОВА) Л. — 145
РЕДИН А. С. — 135
РЕЗНИКОВ А. И. — 104, 106
РЕЗНИКОВА Е. А. — 130, 164, 186
РЕЙМЕР Г. Д. — 53
РЕЙТБЕРГ П. — 45
РЕПИН В. Т. — 223
РЕПНИКОВ В. А. — 12, 136, 155
РЕШАТОВ Э. — 22
РИББЕНТРОП И., фон — 145, 195
РИЗВАНОВ Д. М. — 175
РИЛЬКЕ Э. -М. — 95
РИМКУС А. — 31
РОГОВ В. Л. — 101
РОДЕ Г. — 3, 7
РОДИОНОВ В. С. — 12, 48
РОЖКОВ, нач. оперчасти ИТК ВС-389/36 (Пермская обл.) — 120
РОЗАНОВ М. В. — 176
РОЗЕНШТЕЙН Г. — 4, 45
РОЗЕНШТЕЙН Н. — 143
РОЗУМНЫЙ П. П. — 150
РОЙТБУРД Л. Д. — 8, 10
РОКЕЦКИЙ В. Ю. — 7
РОМАН Г. — 4
РОМАНЕНКО В. В. — 7
РОМАНОВ А. И. — 12
РОМАНОВ А. А. — 83
РОМАНОВ В. Г. — 173
РОМАНОВ Г. В. — 28
РОМАНОВА А. Я. — 93, 106, 153, 154, 221, 223
РОМАНОВСКАЯ А. В. — 9
РОМАНОВСКИЙ, сотрудник КГБ (г.Владимир) — 158
РОМАНЮК В. Е. — 7, 26, 32, 62, 89
РОМАНЮК Т. В. — 26
РОММ А. — 8
РОММ В. Б. — 164
РОССОМАХИН Ю. — 106
РОСТИН П. – см. РОЗАНОВ М. В.
РОСТОУ В. В. — 40
РОСТРОПОВИЧ М. Л. — 77
РУБАН В. А. — 94
РУБАН П. В. — 95
РУБИН В. А. — 1, 4, 6, 8, 40
РУДАКОВ И. В. — 221
РУДЕНКО А. А. — 197
РУДЕНКО Н. (М). Д. — 19, 23, 32, 35, 36, 40, 43, 47, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 94, 95, 98, 104, 109, 110, 112, 115, 126, 136, 137, 138, 156, 197, 198, 212
РУДЕНКО (ур. КАПЛУН) Р. А. — 35, 36, 47, 59, 102, 115, 116, 136, 220
РУДЕНКО Р. А. — 44, 60, 97, 120
РУДНЕВ Н. И. — 105
РУДОКАС Ю. — 120
РУДОМЕТОВ В. П. — 212
РУМШИСКИЙ Б. Л. — 221
РУМЯНЦЕВ В. З. — 12, 48
РЦХИЛАДЗЕ В. Г. — 54, 55, 66, 126
РЫБАКОВ Ю. А. — 14, 36, 95
РЫВНЮК Евгений А. — 9
РЫВНЮК Екатерина А. — 9
РЫСКАЛЬ А. А. — 128, 136
РЯММЕЛЬД Э. Б. — 105
САБЛИН, пред. исполкома Москворецкого райсовета (Москва) — 137
САВИНЫ, семья — 135
САВЧЕНКО А. П. — 129
САВЧИН А. Ф. — 26
САДУНАЙТЕ Н. — 65, 101, 102
САЛАНСКИЙ Н. — 45
САЛОВА (ЛЮБАРСКАЯ) Г. И. — 32, 48, 57, 65
САЛЬНОВ С. Я. — 170, 217
САМЕНКО Т. И. — 9
САМОЙЛОВ В. — 106
САМСОНОВ В. А. — 164
САМСОНОВА Т. В. — 106, 155
САПЕЛЯК С. Е. — 7, 42, 120
САРАНЧУК П. С. — 7
САРКИСЯН Э. Ц. — 102, 144
САРТАКОВ П. К. — 7, 42, 101
САРФОНОВ П. И. — 135
САСНАУСКАС Ю. — 31
САУШКИН Е. М. — 56, 59
САФРОНОВ А. В. — 7
САФРОНОВ П. И. — 135
САФФРАН Н. — 81

САХАРОВ А. Д. — 4, 7, 18, 22, 23, 27, 40, 48, 50, 55, 57, 59, 60, 62, 67, 81, 84, 87, 89, 90, 100, 103, 104, 109, 115, 120, 123, 126, 127, 128, 134, 137, 141, 151, 152, 154, 156, 158, 173, 175, 179, 183, 186, 187, 194, 197, 198, 215, 219, 227
СВЕРДЛОВ В. И. — 120, 181
СВЕРСТЮК Е. А. — 7, 95, 101, 120, 150
СВЕТЛИЧНАЯ Л. П. — 26
СВЕТЛИЧНАЯ Н. А. — 12, 26, 80, 115
СВЕТЛИЧНЫЙ И. А. — 7, 26, 32, 42, 95, 100, 101, 120, 136
СВЕТЛИЧНЫЙ Я. И. — 26
СВЕТЛОВА Е. Ф. — 40
СВЕТЛОВА (СОЛЖЕНИЦЫНА) Н. Д. — 40, 223
СВОБОДИН О. — 106
СЕДОВА-ШМЕЛЕВА Е. М. — 164
СЕИТВЕЛИЕВ (СЕИТВЕЛИ?) М. — 22
СЕЙТМУРАТОВА (СЕИТМУРАТОВА) А. — 60, 81
СЕЛИВАНОВ К. — 65
СЕМЕНОВ, милиционер — 31
СЕМЕНОВ, пред. райисполкома (г. Юрьев-Польский) — 110
СЕМЕНОВА М. П. — 192
СЕМЕНОВА (ЯНКЕЛЕВИЧ) Т. И. — 40, 48
СЕМЕНЮК Р. З. — 80
СЕНДЕРОВ В. А. — 146
СЕНИК И. М. — 32, 42, 136, 150
СЕРАЯ В. Л. — 48
СЕРГЕЕВ Л. М.— 80, 105
СЕРГЕЕВА Л. М. — 182
СЕРГИЕНКО А. (О). Ф. — 7, 12, 26, 40, 42, 59, 62, 101, 150, 191
СЕРГИНА Т. Я. — 208
СЕРДЮК, сотрудник ОВИРа (Одесса) — 11
СЕРЕБРЕННИКОВ (СЕРЕБРЯННИКОВ?) И. А. — 14
СЕРЕБРЕННИКОВ (СЕРЕБРЯННИКОВ?) П. А. — 14
СЕРЕБРОВ Ф. А. — 38, 54, 59, 62, 106, 112, 122, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 209, 210, 212, 224, 228
СЕРЕБРОВА В. П. — 93
СЕРИК, врач, свидетель на суде (Харьков) — 212
СЕРЫЙ Л. М. — 27, 48, 57, 136
СИВАК И. М. — 27, 28
СИВОПЛЯГ Н. А. — 9
СИДЕЛЬНИК В. А. — 196
СИДЕНКО Ф. А. — 52
СИДОРКОВ А. И. — 90, 98
СИДОРОВА В. П. — 192
СИДОРОВА Н. П. — 192
СИДОРЧУК О. — 58
СИЛЬНИЦКИЙ А. Т. — 8, 10
СИМЕС К. М. — 29
СИМОКАЙТИС И. — 120
СИМУТИС Л. — 42
СИМЧИЧ М. В. — 120
СИНЯВСКИЙ А. Д. — 164
СИРОТЕНКО Е. Л. — 181
СИЧКО В. П. — 115, 136, 138
СИЧКО П. В. — 115, 136, 138
СКАЛЯХА, директор автопредприятия (г. Майкоп) — 27
СКАРЕДОВ Г. И. — 173
СКВИРСКИЙ В. И. — 109
СКЛЯРЕНКО В. М. — 52
СКОБОВ А. В. — 136
СКОРНЯКОВ Я. Г. — 136
СКРИПЧУК К. М. — 144
СКУДРА Я. — 136
СКУЛЬСКИЙ Д. С. — 8
СЛЕПАК А. В. — 8
СЛЕПАК В. С. — 4, 8, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 28, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 40, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 96, 98, 100, 107, 112, 126, 136, 150, 159, 168, 201, 219, 224, 228
СЛЕПАК Л. В. — 8, 86
СЛЕПАК (ур. РАШКОВСКАЯ) М. И. — 8, 86, 107
СЛИТКОВ Н. М. — 27
СЛОБОДЯН М. К. — 101
СЛУТКОВСКАЯ О. С. — 52
СМЕЛЯНСКИЙ А. — 45
СМИРНОВ В. Ф. — 40
СМИРНОВ (КОСТЕРИН) А. О. — 221
СМОГИТЕЛЬ В. В. — 26
СМОЛЕНЦЕВ, сотрудник ОВИРа (Владивосток) — 58
СМОРОДИНСКАЯ Э. Б. — 8
СМОРЧКОВ А. Г. — 164
СОКИРКО В. В. — 40, 107, 125, 145, 148, 155, 156, 163, 164, 180, 187
СОКИРЯНСКИЙ Г. — 8
СОКОЛОВ В. В. — 4
СОКОЛОВА Т. М. — 192

СОКУЛЬСКИЙ И. Г. — 115
СОЛГИРЕЕВ, прокурор (г. Тобольск) — 96
СОЛДАТОВ С. И. — 7, 10, 32, 42
СОЛЖЕНИЦЫН А. И. — 7, 27, 40, 55, 90, 109, 111, 115, 116, 127, 131, 170, 177, 183, 186, 195, 198, 204, 212, 217, 223, 227
СОЛОВЬЕВ А. — 79
СОЛОВЬЕВ В. С. — 115, 121
СОЛОВЬЕВ О. Г. — 185
СОЛОДКИЙ В. — 120
СОЛОМИНА Т. А. — 120
СОРОКА С. К. — 7, 26, 120
СОРОКИН В. М. — 106, 107, 148, 221
СОРОКИНА С. Ю. — 106, 148, 221
СОРОЧКИН, сотрудник МВД (Москва) — 11
СОТНИКОВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
СПАЛИНЬ А. А. — 128
СПАЛИНЬ Р. А. — 128, 136
СТАЛИН И. В. — 27, 41, 75, 78, 103, 147, 177, 212, 217
СТАЛЬГОРОВА, абитуриентка МГУ — 146
СТАНТ Ф. — 45
СТАРЧИК П. П. — 15, 38, 40, 57, 59, 106
СТАРЧИК С. М. — 106
СТАСИВ-КАЛИНЕЦ И. О. — см. КАЛИНЕЦ И. О.
СТЕБУН И. И. — 59
СТЕПАНЯН А. В. — 136, 152, 165
СТОКОТЕЛЬНЫЙ П. И. — 106, 115, 136
СТОУН А. — 122
СТОУН Д. — 4, 81
СТОЦКИЙ Ф. — 9
СТРАХОВА А. З. — 15
СТРЕЛЬЦОВ (СТРИЛЬЦИВ) В. С. — 115, 136
СТРОГАНОВ А. П. — 101, 120
СТРОКАТА (СТРОКАТОВА) Н. А. — 7, 12, 19, 26, 27, 32, 47, 48, 55, 57, 59, 80, 100, 103, 136, 138
СТРОКАТОВА Н. А. — см. СТРОКАТА (СТРОКАТОВА) Н. А.
СТРОЦЕНЬ П. Н. — 120
СТУС В. С. — 7, 10, 42, 95, 98, 100, 115, 136, 150, 165
СУБАЧЮС К. — 31
СУВОРОВ Е. — 221
СУЛИМОВ В. П. — 52
СУОРЦ Д. — 117
СУПЕРФИН Г. Г. — 7, 32, 42, 87, 95, 96, 102, 120
СУПРУНОВИЧ М. — 9
СУПРЯГА А. — 98
СУРОВЦЕВА (СУРОВЦЕВА-ОЛИЦКАЯ) Н. В. — 136, 138
СУСЛЕНСКИЙ Я. М. — 7, 10, 42, 120
СУХАРЕВ А. Я. — 30, 34
СУХАЧЕВА Л. К. — 87, 101
СУЧКОВ В.- К. — 53
СЧАСТЛИВАЯ Л. Ф. — 105
СЫЧ М. С. — 40
СЯКОВ П. В. — 58
ТАБЛЕР М. Г. — 213
ТАЛАНОВ, сотрудник КГБ (Азербайджанская ССР) — 27
ТАЛЫЗИН Н.В. — 40
ТАРАСОВ В. Д. — 16, 83, 97
ТАРАСЮК В. Т. — 9
ТАРАТУХИН С. М. — 101, 120
ТВЕРДОХЛЕБОВ А. Н. — 10, 14, 27, 29, 40, 62, 69, 80, 87
ТЕРЕЛЯ И. М. — 38, 40, 54, 122
ТЕРЕШКОВА В.В. — 27
ТЕРЕЩЕНКО В. М. — 218
ТЕРЛЯЦКАС А. — 59, 145, 156
ТЕРНОВСКИЙ Л. Б. — 40, 90, 93, 100, 103, 106, 122, 129, 134, 141, 145, 153, 154, 156, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 168, 177, 187, 188, 189, 201, 209, 210, 212, 224, 228
ТИЛГАЛИС М. А. — 120, 136
ТИЛГАЛИС Я. А. — 136
ТИМАЧЕВ В. М. — 3, 32, 187, 221
ТИМОХИН В. Х. — 10
ТИССЕН Е. Я. — 192
ТИТОВА, врач 3-го корпуса Владимирской тюрьмы — 101
ТИХИЙ А. (О). И. — 35, 36, 40, 47, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 66, 94, 96, 98, 112, 126, 136, 137, 138, 144, 156, 164, 197, 219
ТИХОНОВ А. И. — 29, 39, 40
ТОЙРЕР И. — 53
ТОКАЮК Г. А. — 93, 105, 106
ТОЛЬЦ В. С. — 163
ТОМЧУК Ф. Н. — 9
ТРОФИМЕЦ Г. В. — 40
ТРОФИМОВ А. В. — 69
ТРУБИЦЫН, общественный обвинитель на суде (г.Коммунарск) — 11
ТРУСОВА (ур. ЛАВИНСКАЯ) Т. Н. — 154
ТРУФАНОВ Ф. Ф. — 143
ТУМАНЯН В. — 136
ТУРИК А. М. — 7
ТУРКИНА В. В. — 40
ТУРЧИН В. Ф. — 4, 20, 27, 40, 43, 48, 50, 54, 55, 57, 69, 87
ТУФЕЛЬД И. — 45

ТУЧКУС А. — 31
ТЫМЧУК Л. Н. — 26
ТЮЛЬКОВ В. С. — 163
УВАРОВ А. — 10
УГОДИН А. П. — 101, 143
УДАМ Э. — 59
УЛЬЯНОВ И.Н., отец В.И. Ленина — 27
УДОВЫДЧЕНКО, подполковник (Омск) — 27
УЛАНОВСКИЙ Л. Э. — 8, 45, 48, 67
УЛ П. — 134, 142
УОРРЕН Р.- П. — 40
УСЕИНОВ Н. — 60
УСЕИНОВ Р. — 22
УСОЕВА Н. М. — 101, 192
УТЫРО, врач ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
ФАДЕЕВ С. А. — 11
ФАЕРМАН В. — 45
ФАЙБУСОВИЧ Г. М. — 161
ФАЙЕРМАРК В. — 8
ФАЙЗУЛЛАЕВ В. — 22
ФАЙН В. М. — 8, 45, 67
ФАЙНБЕРГ В. И. — 6, 36, 38, 39
ФЕДОРЕНКО, сотрудник КГБ (Владимирская обл.) — 159
ФЕДОРЕНКО В. П. — 7, 42, 62, 101, 143
ФЕДОРОВ В. Н. — 101, 120
ФЕДОРОВ Е. К. — 156
ФЕДОРОВ Ю. И. — 56
ФЕДОРОВ Ю. П. — 7, 12, 32, 42, 59, 62, 87, 101, 164, 203
ФЕДОРОВА И. А. — 104, 106
ФЕДОРОВА Л. И. — 15
ФЕДОРОВА Н. В. — см. БУЗЫРЕВА (ФЕДОРОВА) Н. В.
ФЕДОТОВ И. П. — 25
ФЕДОТОВ Э. (Г). А. — 15, 38, 40
ФЕДЯКИНА Р. М. — 223
ФЕЛЬДМАН А. Д. — 8, 42, 138
ФЕЛЬДМАН Р. — 45
ФЕФЕЛОВ В. А. — 22, 110, 123, 144, 147, 167
ФИЛАРЕТ (в миру Денисенко М. А.), митрополит РПЦ Киевский и Галицкий — 94
ФИЛАТОВ А. Н. — 90
ФИЛАТОВ В. А. — 15
ФИЛИМОНОВ А. — 189
ФИЛОНЕНКО В. Т. — 120
ФИНКЕЛЬШТЕЙН Э. — 40, 32, 67, 90
ФИШКИН Б. П. — 8
ФИШКИНА М. — 8
ФОРКАШ Д. — 8
ФРАДКИН Л. Д. — 217
ФРАНК В. С. — 40
ФРАНКЕЛЬ М. — 133
ФРЕЙМАН Г. А. — 204
ФРЕНКЕЛЬ Б. — 45
ФРИДМАН Б. — 4
ФРИДМАН К. Б. — 207
ФРОЛОВ С. И. — 14
ФРОЛОВА, врач ИТК-25 (Коми АССР) — 101
ФУРЛЕТ, сотрудник ИТК ОР-318/76 (Ровенская обл.) — 96
ФУРЛЕТ С. П. — 79, 128
ФУРМАН Л. А. — 14, 53
ХАВИН А. В. — 136
ХАИТ М. — 67
ХАЙБУЛИН Б. Х. (о. ВАРСОНОФИЙ) — 43, 62
ХАЙЛО В. П. — 9
ХАЙЛО М. Е. — 9
ХАЛИЛОВ А. — 22
ХАЛИЛОВ Р. — 60
ХАЛИЧ (ХАЛЛИЧ) Д. Э. — 60
ХАСИН Г. Б. — 81, 113
ХАСИНА Н. Б. — 113, 220
ХАЧАТРЯН А. К. — 136
ХВАТКОВА А. А. — 192
ХВЕДЬКО Ю. (возможно, искаженное написание имени РЕДЬКО Г. П.) — 120
ХВОСТОВ, начальник ИТК — 96
ХВОЩОВ М. А. — 90
ХЕЙНА Л. — 106
ХЕЙФЕЦ М. Р. — 7, 181
ХЕСС Г. Е. — 4
ХЛГАТЯН А. А. — 100
ХМАРА А. — 9
ХНОХ А. (Л.)Г. — 7, 42, 62, 120, 203
ХОДЖИАМЕТОВ С. — 60
ХОДОРОВИЧ С. Д. — 3, 32, 93, 106, 129, 132, 221, 223
ХОДОРОВИЧ Т. С. — 3, 4, 18, 22, 32, 33, 34, 40, 46, 55, 69, 145, 173, 181, 186, 223
ХОЛОСТЕНКО С. И. — 40
ХОТКО З. В. — 79
ХОФХЕЙМЕР Ч. — 45
ХОХЛОВ А. Ф. — 120
ХОХЛУШКИН И. Н. — 134
ХРАМУШИН, начальник оперативной части ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ХРАМЦОВ Ю. А. — 42
ХРОМОВА А. М. — 106, 169
ХРОМОВА (БАХМИНА) Т. М. — 177
ХРУЩЕВ Н. С. — 180

ХУБЕЛАШВИЛИ Л. С. — 105
ХУНАГОВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
ХУСАИНОВ Ф. — 110
ЦАПЕНКО, председатель наблюдательной комиссии при исполкоме (Крымская обл.) — 78
ЦАРЕВ Ю. В. — 10
ЦВЕТАЕВА М. И. — 29, 40, 111, 115
ЦЕРР Р. К. — 53
ЦИНОБЕР А. Б. — 45
ЦИОСЬ М. З. — 120
ЦИТЛЕНОК Б. Л. — 8, 107
ЦИТОВСКАЯ Е. — 132
ЦУКЕРМАН В. Л. — 207, 225
ЦУРКОВ А. С. — 104, 136
ЦЫБУЛЬНИК Н. В. — 15
ЦЫГАНКОВ А.П. — 104
ЦЫПИН Л. Б. — 8, 90
ЦЫРЛИН (ЦИРЛИН?) Е. И. — 113
ЦЫРЛИНА (ЦИРЛИНА?) Г. — 113
ЧАЙКА, сотрудник ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
ЧАКАЛОВА Ш. — 22
ЧАЛИДЗЕ В. Н. — 50, 163
ЧАМОВСКИХ В. П. — 195
ЧЕКАЛИН А. Н. — 7, 12
ЧЕПКАСОВ М. И. — 95, 102
ЧЕРДЫНЦЕВ (КУРГАНСКИЙ) И. А. — 12
ЧЕРКАВСКИЙ В. Я. — 120
ЧЕРКАСОВА Т. Н. — 120
ЧЕРКАССКАЯ Л. — 113
ЧЕРКАССКИЙ В. — 113
ЧЕРНИКОВ, шофер, свидетель на суде (Харьков) — 212
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ Е. — 113
ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ Б. М. — 29, 45, 48, 106, 113, 222
ЧЕРНОВ, свидетель на суде (г.Майкоп) — 27
ЧЕРНОВОЛ В. М. — 7, 10, 26, 32, 42, 96, 101, 136, 150, 165, 181
ЧЕРНОВСКИЙ, к. филос. наук (г.Черкассы) — 9
ЧЕРНОГЛАЗ Д. И. — 7
ЧЕРНЫЙ О. Е. — 40
ЧЕРТКОВА А. В. — 58, 192
ЧЕХ А. П. — 115, 136
ЧЕХ Н. П. — 115, 136
ЧЕЧЕТКИН Б. И. — 166
ЧИНАРОВ М. В. — 25
ЧИСТЯКОВ С. Н. — 173
ЧЛЕНОВ М. А. — 45
ЧОБАНОВ М. А. — 136
ЧУДИНЦЕВ, зам. нач. ГУИТУ МВД СССР — 3
ЧУКОВСКАЯ Л. К. — 40, 103
ШАБАНОВ Р. — 22
ШАБАТА Я. — 134
ШАБАТУРА А. М. — 26
ШАБАТУРА С. М. — 7, 26, 32, 42, 95
ШАБАШОВ Л. Д. — 204
ШАКИРОВ Б. А. — 7
ШАЛЬМАН Е. С. — 84, 164
ШАМРАЙ З. И. — 8
ШАПИРО, отказник (Рига) — 45
ШАРАПОВ, начальник ОВИРа (Алма-Ата) — 53
ШАРИКОВ, сотрудник ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ШАТАЛОВ Н. П. — 104, 136
ШАТАЛОВЫ, семья — 105
ШАТРАВКА А. И. — 195
ШАТУНОВСКАЯ Н. Я. — 93
ШАХВЕРДЯН Б. Л. — 7, 26, 32, 42, 62, 100, 120, 150
ШАХНОВСКИЙ В. (З.) В. — 4, 8, 45
ШВАРЦ Ю. Л. — 218
ШВЕЙСКИЙ В. Я. — 195, 208, 227
ШВЕЛИС Э. — 28
ШЕБАЛИНА, свидетель на суде (г.Киев) — 206
ШЕВЧЕНКО, политзаключенная, узница СПБ — 192
ШЕЛИЯ Ю. Ш. — 87, 120
ШЕЛКОВ В. А. — 40, 62, 79, 89, 111, 115, 128, 136, 144
ШЕЛЛ О. — 133
ШЕЛУДЬКО Г. И. — 143
ШЕНДРИК В. В. — 9
ШЕПЕЛЕВ В. И. — 136
ШЕПЕЛЕВ М. — 4
ШЕПЕЛЮК, сотрудник прокуратуры (Киев) — 138
ШЕР Я. — 40
ШЕРМАН И. — 67
ШЕХТМАН Ю. — 8
ШЕШТАНОВ А. А. — 131
ШИБАЕВ А. Д. — 110
ШИБАЕВ С. В. — 132
ШИЛКИН А. Д. — 136
ШИНКАРУК Т. Е. — 7, 26, 42
ШИНКЕВИЧ С. Л. — 102
ШИПОВА А. Т. — 28
ШИТИКОВ А. П. — 120
ШИФРИН А. И. — 52
ШИХАНОВИЧ Е. Ю. — 221
ШИХАНОВИЧ Ю. А. — 156

ШМАЕВИЧ Я. — 106
ШМИЛОВИЧ А. М. — 105
ШОВКОВЫЙ И. В. — 7, 26
ШТАРК Р. Д. — 9
ШТЕЙН Л. Я. — 192
ШТЕЙН М. А. — 164
ШТЕРН И. П. — 4
ШТЕРН М. Ш. — 8, 36, 40, 42
ШТЕФФЕН И. П. — 14
ШТИГЛИЦ Н. (ЩАРАНСКАЯ А.) — 40
ШУБИН, судья (г. Майский, Кабардино-Балкарская АССР) — 225
ШУЛЬЦ А. — 53
ШУМУК Д. Л. — 7, 26, 32, 62, 144
ШУСТЕР А. Л. — 132
ШУХЕВИЧ Ю. Р. — 7, 42, 143
ШЯПУТИС Д. — 31
ЩАРАНСКАЯ Р. — 113
ЩАРАНСКИЙ А. (Н.) Б. — 1, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 42, 44, 45, 46, 48, 51, 54, 55, 57, 59, 62, 63, 66, 67, 69, 75, 84, 89, 90, 94, 98, 100, 102, 104, 110, 112, 116, 126, 137, 143, 156, 159, 164, 201, 219, 224, 228
ЩАРАНСКИЙ Л. Б. — 113, 114
ЩЕГЛОВ, свидетель на суде (г.Тула) — 220
ЩЕГЛОВ В. — 93, 145
ЩЕКИН, свидетель на суде (г.Тула) — 220
ЩЕЛОКОВ Н. А. — 52
ЩИПКОВ А. — 136
ЩИПКОВА Т. Н. — 136, 149
ЩУКИН, сотрудник КГБ ИТК ВС-389 (Пермская обл.) — 120
ЭЙДУС В. — 67
ЭКТОН Н. — 73
ЭЛДЕН Л. — 4
ЭЛЬБЕРТ М. — 207
ЭЛЬМАН М. Е. — 218
ЭПП М. Я. — 192
ЭССАС И. (Э.) Г. — 4, 8, 45
ЭШЛИМАН Н. Н. — 145, 173
ЮДИНЦЕВА Г. И. — 192
ЮНУСОВА Р. — 22
ЮРЧУК Н. К. — 150
ЮСКЕВИЧ А. В. — 10, 144
ЮЦИС А. — 4
ЯГМАН Л. Н. — 7
ЯГУМОВ З. М. — 79
ЯГЪЯЕВ А. — 22
ЯКИР Е. М. — 4, 40, 48
ЯКИР И. П. — 3, 32, 48
ЯКИР П. И. — 40, 186
ЯКИР Р. — 48, 114
ЯКОРЕВА А. В. — 109, 136
ЯКУБИНА В. П. — 79
ЯКУБОВИЧ, свидетель на суде (г.Тула) — 220
ЯКУБОВИЧ Л. — 8
ЯКУНИН Г. П. — 43, 57, 62, 66, 93, 100, 111, 140, 145, 153, 156, 163, 164, 173, 210, 224, 228
ЯНЕНКО В. И. — 182
ЯНКЕЛЕВИЧ Е. В. — 48
ЯНЬКОВ Г. Т. — 109
ЯРОШЕВИЧЮС, заключенный ИТК ЖХ-385/19 (Мордовская АССР) — 144
ЯРУНИН, нач. медслужбы ИТК ВС-389/35 (Пермская обл.) — 120
ЯРЫМ-АГАЕВ Ю. Н. — 22, 67, 93, 84, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 152, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170
ЯСТРАУСКАС А. — 57
CARR E. H. — 40
DEUTSCHER I. — 40
KOCHAN L. — 40

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
АПН — Агентство печати «Новости»
АС — Архив Самиздата
АСД — адвентисты седьмого дня
АССР — Автономная Советская Социалистическая республика
БССР — Белорусская Советская Социалистическая республика
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАК — Высшая аттестационная комиссия
ВНИГНИ — Всесоюзный геологоразведочный нефтяной институт
ВТЭК — врачебно-трудовая экспертная комиссия
ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов
ГБ — см. КГБ
горком — городской комитет
горсовет — городской совет
ГПК — Гражданский процессуальный кодекс
ГУИТУ — Главное управление исправительно-трудовых учреждений
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ДПНК — дежурный помощник начальника колонии
ЕХБ — евангельские христиане-баптисты
ЖЭК — жилищно-эксплуатационная контора
з/к — заключенный
ЗАГС — запись актов гражданского состояния
ИБ — «Информационный бюллетень»
ИПЦ — Истинно-Православная Церковь
исполком — исполнительный комитет
ИТЗ — исправительно-трудовое законодательство
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТК РСФСР — Исправительно-трудовой кодекс РСФСР
ИТУ — исправительно-трудовое учреждение
КГБ — Комитет государственной безопасности
КП — коммунистическая партия
КПЗ — камера предварительного заключения
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий
ЛХГ — Литовская Хельсинкская группа
МА — Международная Амнистия
МВД — Министерство внутренних дел
МОТ — Международная организация труда
МС — Материалы Самиздата
МФТИ — Московский физико-технический институт
НИИ — научно-исследовательский институт
НОП — Национальная объединенная партия Армении
НПО — Научно-производственное объединение
НТС — Народно-трудовой союз
о/м — отделение милиции
обком — областной комитет
Облсовпроф — областной совет профсоюзов
общ. — общий (о режиме содержания заключенных)

ОВИР	— отдел виз и регистраций
ОКГБ	— отдел Комитета государственной безопасности
ОСВ	— [Договор об] ограничении стратегических вооружений
особ.	— особый (о режиме содержания заключенных)
ОУН	— Организация украинских националистов
ПБ	— психиатрическая больница
ПВР	— правила внутреннего распорядка
ПВС	— Президиум Верховного Совета
ПЗК	— политзаключенный
ПКТ	— помещение камерного типа
п/я	— почтовый ящик
райком	— районный комитет
райпотребсоюз	— районный союз потребительской кооперации
райСо	— районный отдел социального обеспечения
РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия
сексот	— секретный сотрудник
СП	— Собрание постановлений (Совета Министров)
СПБ	— специальная психиатрическая больница
стр.	— строгий (о режиме содержания заключенных)
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
УВИР	— управление виз и регистраций
УК	— Уголовный кодекс
УКГБ	— управление Комитета государственной безопасности
УМЗ	— управление мест заключения
УПК	— Уголовно-процессуальный кодекс
усил.	— усиленный (о режиме содержания заключенных)
УССР	— Украинская Советская Социалистическая республика
ФРГ	— Федеративная Республика Германии
ХТС	— «Хроника текущих событий»
ЦК	— Центральный комитет
ЦРУ	— Центральное разведывательное управление
ШИЗО	— штрафной изолятор
ЮАР	— Южно-Африканская республика

Документы Московской Хельсинкской группы
1976—1982

Московская Хельсинкская группа
107045, Москва, Б. Головин пер., д. 22, стр. 1. Тел. / факс (495) 207-6069.
mhg-main@online.ptt.ru
www.mhg.ru
Распространяется бесплатно
Отпечатано в типографии Россельхозакадемии. 115598, Москва, ул. Ягодная, 12.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.